

Ì àòáðèàèù
ï î Æðõâî ëî æè,
Èñòì ðèè
è Ýòí î ãðàô èè
Òàâðèè

Выпуск XVII

Materials
in Archaeology,
History
and Ethnography
of Tauria

Volume XVII

Симферополь - Керчь

2011

Simferopol - Kerch

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского
Национальной академии наук Украины
Центр археологических исследований фонда “Деметра”*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 7 от 23.11.2011 г.)

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н. (гл. редактор)
О.Б. Бубенок, д.и.н.
А.Г. Герцен, к.и.н.
В.Н. Зинько, д.и.н.
Г.Ю. Ивакин, чл.-кор. НАНУ, д.и.н.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
В.А. Сидоренко, к.и.н. (зам. гл. ред.)
И.Н. Храпунов, д.и.н.

Ńĩ ñòàà òààèè èèààèè òòààòòààí Ó-áí ùì ñĩ ààòì Èí ñèèòòà àí ñòì èí àààáí èý
í Áí Óòòàèí ù (í òì òì èí è' 2 í ò 17.03.2009 à)

Ответственный секретарь С.И. Власова

Материалы і і àðòáí èí àèè, èñòì òèè è ýóí í àðàò èè Óààðèè. Âù ĩ . XVII. –
М34 Ńá. / Í òà. òàà. À.È. Àéáààèí , Á.Í . Çèí ùèí . – Ńèì ò àðĩ ĩ ĩ èù-Èàð-ù, 2011. – 752 ñ.
ISBN 978-966-1538-37-4

В очередной том вошли статьи по археологии, истории и этнографии Таврии, подготовленные украинскими и российскими исследователями.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, а также для всех, кто интересуется историей и культурой юга Украины.

УДК 94(477.75)(082)
ББК 63.3(4Укр-6Крм)я43

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

Свидетельство о гос. регистрации – серия КВ, № 8049 23.10.2003 г.

© Èðùì ñèé áí òààèáí èà Èí ñèèòòà àí ñòì èí àààáí èý
èì . À.À.Èðùì ñèé á í Áí Óòòàèí ù, 2011.

© Óáí òò àðòáí èí àè-àñèèð èññèàáí ààí èé
ÀÓ “Ààì àòòà”, 2011

АРХЕОЛОГИЯ

Т. А. КОПЬЕВА

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА (история изучения и исследований)

Изучение катакомбной культурно-исторической общности по-прежнему остается одним из основных направлений в археологии эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Наши представления об этой общности культур основаны, прежде всего, на информации о погребальных памятниках, поселенческие материалы малочисленны и недостаточно изучены. В связи с этим, история изучения культур тесно связана с исследованием курганных древностей.

Основные курганные культуры эпохи бронзы – ямная, катакомбная и срубная были выделены В. А. Городцовым в начале XX века. Первоначально территория распространения катакомбной культуры ограничивалась неширокой полосой по течению реки Северский Донец, начиная от его среднего течения, и оканчивалась впадением в р. Дон [1, с. 255; 2, с. 215]. В настоящее время ареал распространения катакомбных памятников, благодаря многолетним археологическим исследованиям, приобрел законченные очертания, он охватывает обширную территорию степной и частично лесостепной зоны юга Восточной Европы. Более чем за столетний период накоплен большой археологический материал. В 1955 г. вышел в свет монографический труд Т. Б. Поповой, обобщивший все доступные источники по катакомбной культуре [3]. Книга стала своеобразным справочником в этой области [4, с. 275], значительное место в ней отводится историографии вопроса, автором выделены два периода в изучении культуры – догородцовский и городцовский [3, с. 6-10]. Дальнейшее развитие представлений о катакомбной культуре и дискуссия по этому вопросу [5; 6; 7, с. 317-334] завершились оформлением понимания культуры как единой культурно-исторической общности, включавшей ряд самостоятельных катакомбных культур [8]. Таким образом, акцент в изучении катакомбной общности был смещен в область региональных исследований, прежде всего это коснулось разработки вопросов периодизации и хронологии катакомбных культур. Специальные работы были посвящены исследованию отдельных областей катакомбной общности – Нижнему и Среднему Подонью,

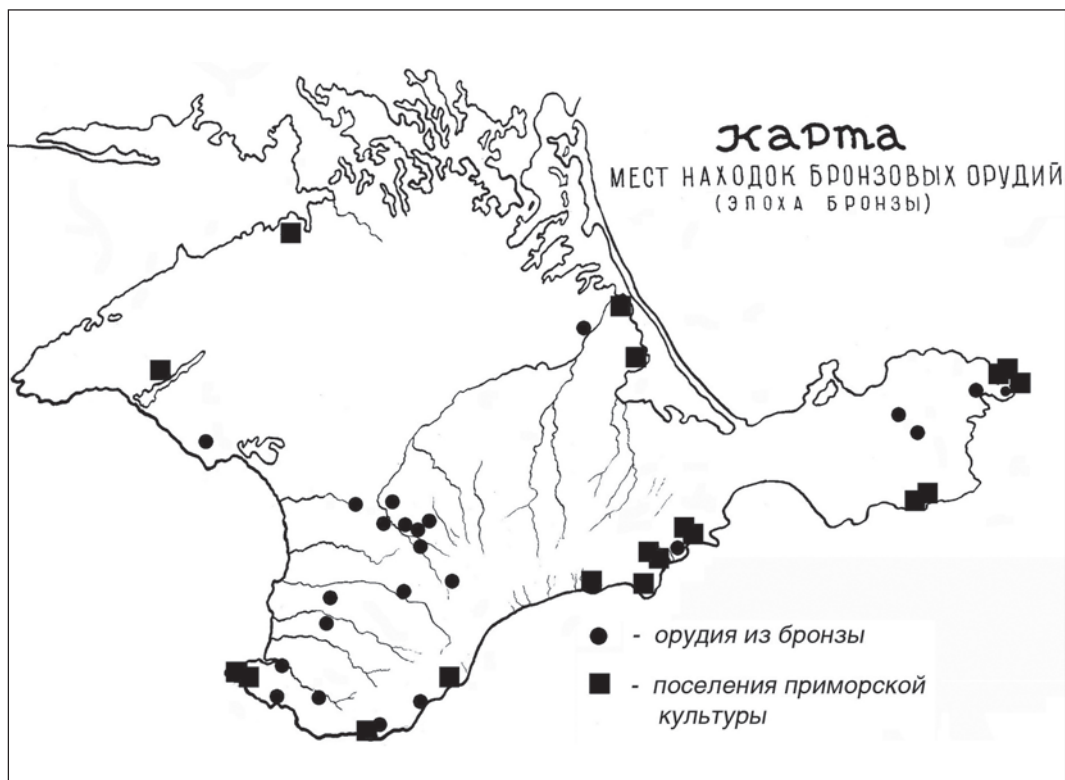

Рис. 1. Карта распространения памятников приморской культуры и бронзовых орудий эпохи бронзы (по П. Н. Шульцу, 1955 г.).

бассейну Северского Донца, Северо-Восточному Приазовью, Волго-Донскому междуречью, Северному и Северо-Западному Причерноморью, Степному Прикубанью, заметное место в этих трудах отводится и вопросам историографии [9-21; 101].

Катакомбные памятники в Крыму известны с конца XIX в., длительная история их исследования способствовала формированию обширной источниковедческой базы и достаточно широкого историографического вклада в виде концепций и реконструкций историко-культурных процессов в эпоху бронзы. В разные периоды к вопросу изучения памятников эпохи бронзы и курганных древностей на полуострове обращались А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова и Г. Н. Тощев [22-25]. Краткий историографический обзор исследований катакомбной культуры помещен в обобщающем труде Г. Н. Тощева «Эпоха бронзы в Крыму», отдельные аспекты ее изучения затронуты в статьях А.Л. Нечитайло и Г.Н. Тощева [26, с. 108-109; 27, с. 116-117]. Настоящая работа посвящена истории изучения катакомбной культуры в Крыму, которая рассматривается в контексте развития общих проблем катакомбной культурно-исторической общности.

Историографический анализ изучения катакомбной культуры на территории Крымского полуострова дает возможность выделить три основных периода, имеющих различия не только хронологического характера, но и отличающихся методологическим уровнем исследований, способом и возможностью культурно-исторической интерпретации материала.

Первый период (конец XIX в. – середина 50-х гг. XX в.)

Сведения о погребениях катакомбной культуры были получены в конце XIX века, когда на юге России повсеместно проводились раскопки курганов, вызванные возросшим интересом к античным древностям. Археологов и любителей старины привлекали в первую очередь предметы античного искусства, содержащиеся в скифских курганах. Как правило, помимо скифских гробниц, в насыпях находились однообразные погребения «с окрашенными костяками» и бедным инвентарем, на этом фоне их редко фиксировали, иногда вскользь упоминали в полевых дневниках и редких публикациях. В дореволюционный период наиболее информативными для изучения эпохи бронзы стали раскопки курганов в Таврической губернии, проводившиеся по инициативе Императорской археологической комиссии. С целью исследования курганных древностей в Крым были командированы проф. Н. И. Веселовский, а затем и проф. Ю. А. Кулаковский. Содействие и помощь при раскопках курганов им оказывали члены Таврической ученой архивной комиссии А. Маркевич, А. О. Кашпар, О. О. Лашков и, прежде всего, председатель ТУАК А. Х. Стевен [28, с. 95]. Информация о раскопках, проводимых в этот период, отражена в кратких отчетах и сообщениях различных археологических изданий [29-33 и др.].

Катакомбные погребения еще не выделялись из общей массы могил «с окрашенными костяками», поэтому современный исследователь вычленил памятники катакомбной культуры может, изучая отдельные артефакты, хранящиеся в музейных фондах, а также из отрывочных сведений в периодических изданиях. Среди наиболее интересных курганных находок, имеющих отношение к катакомбным древностям, можно выделить ритуальный сосуд – курильницу, обнаруженную Н. И. Веселовским в кургане на юго-западной окраине Симферополя [30, с. 9-10], выразительную посуду позднекатакомбного типа¹ (рис. 2) [34, с. 271-279].

Сведения об известных в этот период в Крыму артефактах эпохи бронзы собрал и обобщил российский археолог А. А. Спицын, одним из первых обративший внимание на перспективность изучения захоронений «с окрашенными костяками». В 1899 году была опубликована его работа «Курганы

---

¹ Выражаю признательность заведующей отделом фондов Центрального музея Тавриды Людмиле Николаевне Храпуновой за доброе отношение и предоставленную возможность работы с материалами эпохи бронзы.

с окрашенными костяками», где собраны все доступные археологические источники юга России и предпринята попытка их систематизации. В первую очередь А. А. Спицын определил особенности курганов и могил в каждом из девяти районов, а затем, учитывая общие признаки, разделил на четыре группы. Памятники Крымского полуострова, а также Екатеринославского, двух Донских районов объединены им в одну (вторую) территориальную группу, в рамках которой погребения дифференцированы по хронологическому признаку, выделены ранние и поздние захоронения. К последним исследователь отнес катакомбные (подбойные) погребения, в хронологическом плане они представлялись автору явлением поздним и составляли всего 4% от общего количества захоронений с окрашенными костяками [35, с. 25, 30].

Характеризуя курганный материал Таврической губернии, А. А. Спицын сообщает об исследованных здесь 36 курганах, в которых выявлено 90 погребений². Раскопки курганов проводились в основном в предгорных районах Крыма – окрестностях г. Симферополя и г. Бахчисарая, на р. Альме и р. Каче, в верховьях рек Салгир, Карасу и среднем течении последней, а также в Западном Крыму вблизи населенного пункта Ак-Мечеть (пгт. Черноморское) [35, с. 38-47]. Анализируя курганный материал, исследователь делает вывод о количественном преобладании на полуострове погребений в грунтовых ямах, немного меньше захоронений в каменных ящиках, подбойных могил обнаружено всего две. Могил катакомбной конструкции в Крыму в этот период не выявлено, хотя по описанию подбоев можно предположить их катакомбную принадлежность. Керамика катакомбного типа, а также характерный инвентарь (булавы, куранты, каменный молоток, бруски и песты) присутствуют среди находок в ямах и насыпи [35, с. 8, 28]. В представлении исследователя погребения с окрашенными костяками лишь «отрывок из огромного культурного течения, овладевшего в недрах глубокой древности всеми народами средней полосы восточного материка» [35, с. 22].

Несколькими годами позже, в начале двадцатого столетия, другой российский археолог В. А. Городцов после проведенных масштабных для своего времени раскопок курганов на территории, прилегающей к реке Северский Донец, систематизировал курганный материал и разработал классификацию, ставшую надолго основополагающей в науке, сохранившую свое значение и сегодня. К бронзовой эпохе исследователь отнес все погребения с окрашенными и скорченными костяками, им были выделены основные археологические культуры эпохи бронзы степной полосы [2, с. 215]. Выделение катакомбной культуры явилось началом ее системного изучения, абсолютная хронология культуры определена исследователем концом III тыс.

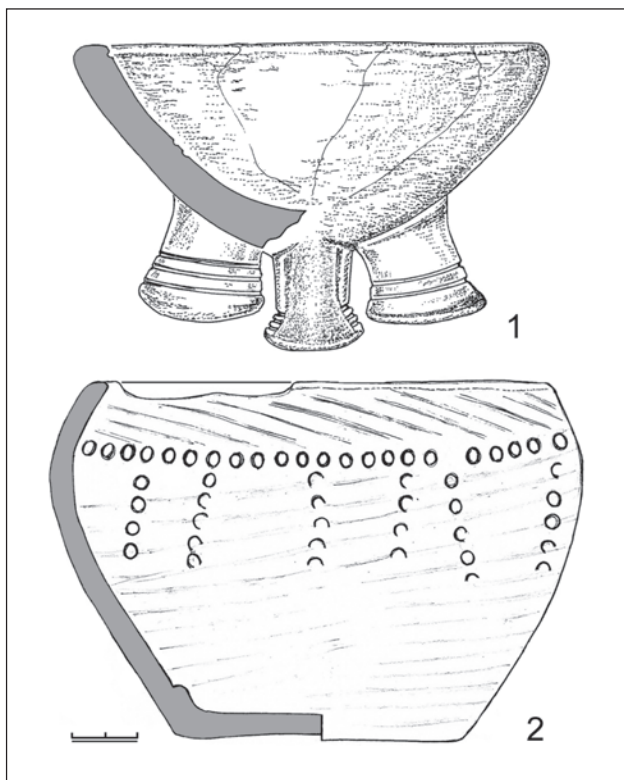
---

² Таврическая губерния включала Крымский полуостров и прилегающую материковую часть от г. Бердянска и г. Орехова до косы Кинбурн.

до н.э. – первой половиной II тыс. до н.э. [36, с. 19-38].

Позднее В. А. Городцов, анализируя погребения Одесского кургана, исследованного археологами Одесского общества истории и древностей, уточнил содержание катакомбной культуры. Сопоставив катакомбные могилы Одесского кургана с катакомбами Донетчины, В. А. Городцов приходит к заключению о существенных различиях в погребальной традиции обоих районов. По мнению ученого, очевидным фактом являлось единство основных признаков культуры обеих территорий, вместе с тем, каждая из них ярко проявляла своеобразие и независимое развитие [37, с. 133]. Памятники Донетчины приобрели статус донецкой катакомбной культуры и стали рассматриваться исследователем как эталонные, характеризующие основные признаки культуры [36].

Видимые различия в погребальном обряде – вытянутое труположение, характерное для захоронений Северо-Западного Причерноморья, и скорченное для восточных областей – Донетчины и Маныча поставили перед ученым задачу изучить культурное явление. С этой целью необходимо было привлечь материалы ближайших территорий, в число таковых должен был войти и Крымский полуостров. В контексте изучения культурных процессов Причерноморской степной зоны в эпоху бронзы, по предположению ученого, такие особенности полуострова, как географическая обособленность от материка, разнообразие природных ландшафтов, могли дать ценный материал. Понимая, что основным районом прежних раскопок курганов в Крыму являлись предгорные районы и Керченский полуостров, В. А. Городцов планировал провести широкие работы, охватывающие различные природные зоны полуострова [22, с. 22-23]. Впоследствии несколько намеченных для раскопок

Рис. 2. Курильница катакомбной культуры из кургана № 2 «на земле Черкеса», раскопки Н. И. Веселовского, 1895 г. (1). Лепной сосуд из кургана Бай-Когенлы, раскопки Ю. А. Кулаковского, 1892 г. (2).

курганов были исследованы Н. Л. Эрнстом в 1930-1936 гг. [38, с. 91]. Однако в исследованных степных курганах погребений катакомбной конструкции в тот период не было обнаружено.

На начальном этапе изучения катакомбной культуры основная задача заключалась в накоплении археологического материала. Анализ этих данных позволил значительно расширить ареал распространения катакомбных памятников – от низовья Волги до Днепра. К катакомбной культуре относили все погребения в катакомбах, а также в ямах, но с катакомбным инвентарем. Специфические особенности отдельных регионов дали возможность Б. А. Латынину, Г. В. Подгаецкому, П. С. Рыкову, М. И. Артамонову выделить в катакомбной культуре локальные варианты [39, с. 332-336; 8, с. 403]. Наиболее полное членение катакомбной культуры на варианты получило отражение в работе Т. Б. Поповой, выделившей таковых шесть: нижнеднепровский, среднеднепровский, донецкий, харьковско-воронежский, североприазовский, волго-маньчский [3, с. 67-68]. Среднеднепровский вариант рассматривался не только как территориальный, но и хронологический и был представлен исключительно поздним этапом катакомбной культуры. Эта территория впоследствии вместе с Нижним Поднепровьем определялась как основная область локализации культуры многоваликовой керамики, сменившей катакомбную [40, с. 41].

Монография Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры» становится наиболее значимым событием в изучении катакомбных памятников этого периода. Систематизированы весь имеющийся археологический материал и источники по катакомбной проблеме, определен ареал распространения, выделены ее локальные варианты, разработаны периодизация и хронология культуры. Эти исследования подготовили условия для дальнейшего комплексного рассмотрения культуры. Тем не менее, слабая аргументация отдельных положений оставляла обозначенные проблемы дискуссионными [4].

В Крыму этот период характеризуется эпизодическими раскопками курганов, на территории полуострова начинается проведение разведочных работ с целью выявления поселенческих памятников. Охранные раскопки выполнял Центральный музей Тавриды [38; 34]. Исследование курганов и разведки вели Тавро-скифская экспедиция, созданная Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Институтом истории материальной культуры, а также Северо-Крымская историко-археологическая экспедиция Крымского филиала АН СССР (с 1956 г. АН УССР).

В Северо-Западном Крыму в 1933-1934 гг. под руководством П. Н. Шульца разведки проводил отряд Тавро-скифской экспедиции, в послевоенное время обследование данной местности было продолжено. Результатом разведок явилось открытие, наряду с античными и средневековыми древностями, курганов и стоянок эпохи бронзы, подъемный материал некоторых из них дати-

рован позднекатакомбным – многоваликовым периодом [41, с. 265-277; 42, с. 114-115]. Учитывая эти сведения, была составлена археологическая карта памятников, расположенных вдоль побережья озера Донузлав [43, с. 64, рис. 2].

На территории степного Крыма разведки проведены в 1951-1955 гг., здесь выявлено свыше 1000 курганов, преимущественно возведенных в эпоху бронзы [44, с. 122]. В результате разведки долины р. Салгир от истока до пгт. Нижнегорский выявлены 75 пунктов, среди которых находились древние стоянки, поселения и могильники, составлена археологическая карта долины р. Салгир [45, с. 81-96].

Степной отряд Северо-Крымской экспедиции обследовал северную степную часть полуострова, в том числе побережье Приазовских Сивашей. На правом, возвышенном берегу устья р. Салгир открыта стоянка катакомбной культуры [46]. Ее шурфовка показала, что культурный слой почти полностью размыт, полученный материал содержал большое количество костей животных, кремневые отщепы, мелкие фрагменты керамики. Разведками выявлено еще три стоянки, относящиеся к катакомбной культуре. Две из них, у сел Белый и Черный Кош, судя по подъемному материалу, относились к позднекатакомбно-многоваликовому типу. Верхний слой стоянки Алексеевская засуха Ю. А. Колосов датирует концом ямного – началом катакомбного периода [47, с. 22-26, рис. 1, табл. I, II, 5].

Археологический материал пополнился также за счет охранных раскопок курганов предгорного Крыма. Первым погребальным комплексом катакомбной культуры на территории полуострова, зафиксированным в полевой документации на современном методическом уровне, стало захоронение, исследованное в 1951 г. на окраине г. Симферополя (район Жигулиной рощи) [44, с. 121].

Захоронения в грунтовых ямах в сопровождении инвентаря, характерного для катакомбной культуры, исследованы сотрудниками Крымского филиала АН СССР и Музея пещерных городов Крыма в полуразрушенном кургане на территории Бахчисарайского района (с/х «Коминтерн») [48, с. 65-71; 49]. В этом же году были изучены погребения катакомбной культуры в курганах у сел Вилино и Дорожное, раскопки осуществлялись Бахчисарайской историко-археологической станцией Крымского филиала АН СССР [104].

Археологические исследования в зоне строительства Симферопольского водохранилища возглавил П. Н. Шульц. В 1954 году проведены раскопки 15 курганов, из них в 13 находились погребения эпохи бронзы, могил катакомбной конструкции также не выявлено. По мнению исследователей, лепная посуда из погребений в ямах сопоставима с типичными для катакомбной культуры сосудами, отдельные экземпляры представляли местную разновидность катакомбной керамики [50, с. 53-64, рис. 13,5-8]. Год спустя в этом же районе раскопано еще три кургана. Марьинские курганы были сооружены в эпоху ранней бронзы, частично разрушенное погребение с лепным сосудом отнесено

к катакомбной культуре [51, с. 256]. Методика раскопок, как Марьинских, так и курганов Симферопольского водохранилища, заключалась в полном исследовании насыпи ручным способом, при этом курган разбивался на четыре сектора, последовательно исследовался каждый из них.

В 1957 г. А. А. Щепинским у с. Дозорное Белогорского района исследовался курган Кеми-Оба, впоследствии ставший эпонимным памятником одноименной культуры. Курган первоначально состоял из двух небольших насыпей, в результате досыпок слившихся воедино. Погребения катакомбной культуры были впущены в полы первичных насыпей, исследователь датировал их раннекатакомбным периодом [52, с. 64]. Этот курган, имевший внушительные размеры, впервые раскапывался с применением землеройных механизмов. Впоследствии, в 60-90-е годы, исследование курганов при помощи механизмов становится основным методическим приемом. Если учесть во много раз возросший объем работ в этот период, то введение в практику новой методики сыграло положительную роль в курганной археологии.

Все еще сравнительно скромные катакомбные материалы, полученные на полуострове при исследовании курганов, были существенно пополнены раскопками поселенческих памятников. Изучены стоянки эпохи бронзы на территории, предназначенной под строительство Симферопольского водохранилища, в результате которых получены данные об оседлости проживавшего в предгорьях катакомбного населения, возможно, знакомого с каменным домостроением. Исследователи полагали, что земледелие и скотоводство являлись основными видами хозяйственной деятельности у катакомбных племен предгорной лесостепной зоны [53, с. 81-96]. Достаточно широкие археологические исследования бытовых памятников проводились в Восточном Крыму, здесь были выявлены стоянки эпохи средней бронзы [54, с. 108; 3, с. 12].

К середине 1950-х годов стало возможным подвести первые итоги изучения катакомбной культуры на полуострове. Появляются работы обобщающего характера, ставившие целью систематизировать разрозненные сведения о катакомбной культуре и организовать материал в хронологическом порядке, к таковым принадлежат работы П. Н. Шульца и Т. Б. Поповой.

П. Н. Шульц, основным направлением научной деятельности которого являлась скифская археология, уделял внимание также изучению памятников эпохи бронзы. На территории полуострова, как и на материке, исследователь видел все известные степные культуры эпохи бронзы (ямную, катакомбную, срубную). Собрав сведения о малочисленных катакомбных захоронениях, поселениях и стоянках, П. Н. Шульц разработал первую классификацию катакомбных памятников. В развитии катакомбной культуры на полуострове он выделил два этапа: ранний и поздний. Определяющим признаком для первого являлся позднеямный инвентарь. Исследователь пришел к заключению о синхронности раннего этапа катакомбной культуры и позднеямной культуры.

Вывод основан на том факте, что могилы катакомбной конструкции в изученных курганах почти отсутствуют, в то время как инвентарь, характерный для этой культуры, часто присутствует в ямных захоронениях [50].

Поздний этап, по мнению исследователя, характеризуется элементами срубного влияния. Его маркирует ряд поселений на Гераклеяском полуострове, в Юго-Восточном Крыму (Чалки, Коктебель), на Керченском полуострове (г. Опук и Каменка), вблизи Приазовских Сивашей (Черный Кош). На археологической карте, подготовленной П. Н. Шульцем, эти памятники названы приморской культурой (рис. 1). Одновременно, Л. Н. Соловьев, изучая катакомбные поселения и стоянки, локализованные вдоль прибрежной полосы Черного моря, объединяет их в береговой вариант катакомбной культуры [55, с. 20]. Хронологические рамки культуры П. Н. Шульц определил, датируя ранний период первой половиной II тыс. до н. э., поздний – серединой II тыс. до н. э. [105, с. 1-19].

Катакомбным материалам Крыма дана оценка и в работах Т. Б. Поповой. Сделана попытка определить их место в системе локальных вариантов культуры. Катакомбные памятники Крыма вместе с Северо-Западным Приазовьем вошли в североприазовский вариант, однако подчеркивалось, что дальнейшее изучение территории полуострова не исключает возможность выделения в Крыму самостоятельного варианта культуры [3, с. 84-87].

Следуя схеме П. Н. Шульца, Т. Б. Попова также выделяет две хронологические группы: раннюю и позднюю. Первая представлена единичными погребениями из курганов предгорного Крыма. Эта группа характеризуется инвентарем, типичным для ямной культуры, и датируется общим для культуры ранним этапом в рамках рубежа III-II тыс. до н.э. – первой четверти II тыс. до н.э. Вторая группа памятников представлена материалами поселений и сосредоточена в основном на Керченском полуострове, подчеркивается поздний характер катакомбных памятников этой территории, датированных третьей четвертью II тыс. до н.э. [3, с. 12-13, 30].

Вполне закономерно, что интерпретация катакомбного материала, проведенная П. Н. Шульцем и Т. Б. Поповой, принципиальных расхождений не имеет и в общих чертах тождественна, соответствуя научным знаниям о катакомбной культуре, которые сформировались в 1950-е годы. Отчетливо проявилась лакуарность сведений о курганных и поселенческих памятниках в Крыму. Оба исследователя применили двухэтапную хронологическую схему, памятники каждого из этапов характеризуются территориальной спецификой. Если ранняя группа представлена подкурганскими захоронениями и сосредоточена в предгорном Крыму, то поздняя включала поселенческие материалы и локализована в восточном районе полуострова.

Итогом исследовательских работ этого периода в области изучения курганной археологии явилось выделение В. А. Городцовым катакомбной культуры

как одной из культур эпохи бронзы. Дальнейшее изучение приводит к выявлению специфики отдельных территорий и делению катакомбной культуры на локальные варианты. В составе одного из таких локальных вариантов, североприазовского, предлагалось изучать памятники Крымского полуострова. Все еще малочисленные сведения оставляли открытым вопрос о возможной специфике крымских памятников и выделении их в самостоятельный вариант. В Крыму особое внимание уделяется разведочным работам, так как территория полуострова представляла собой «белое пятно» в отношении изученности памятников эпохи бронзы. Результатом разведок явилось открытие ряда поселений и стоянок, связанных в той или иной мере с катакомбной культурой, положено начало их системному исследованию. Раскопки курганов носили эпизодический характер и были сосредоточены в районе крымских предгорий. На основе этих исследований сформирована пока еще немногочисленная база источников, ставшая фундаментом для анализа и интерпретации археологического материала. Первые работы обобщающего характера П. Н. Шульца и Т. Б. Поповой содержат классификационные схемы развития катакомбной культуры на полуострове.

Второй период (60-80-е гг. XX в.)

В 60-80-е годы прошлого столетия на юге степной полосы Восточной Европы проводились широкие мелиоративные работы, способствовавшие исследованиям курганных памятников и, как следствие, изучению катакомбной культуры. Массовый археологический материал, полученный в результате этих работ, нуждался в осмыслении и интерпретации. Членение катакомбной культуры на локальные варианты, предложенное Т. Б. Поповой, по мнению ряда исследователей, становится недостаточным и затрудняет решение наиболее важных проблем. Уже в начале 60-х годов Л. С. Клейном был поставлен вопрос о статусе катакомбной культуры и определении ее как особой археологической общности, выделен комплекс ее характерных признаков [5, с. 26]. Почти десятилетие спустя исследователь вновь возвращается к проблеме выделения археологических культур. Сопоставив по ряду признаков донецкую группу памятников и локальные варианты катакомбной культуры, Л. С. Клейн пришел к выводу о наличии круга культур с различного рода связями между ними. Это – донецкая, приазовская, никопольская, среднедонская, предкавказская культуры [6, с. 176, 178].

Дальнейший вклад в обоснование самостоятельности катакомбных культур внесла О. Г. Шапошникова [7, с. 317-334], полагавшая более правильным говорить о донецкой катакомбной культуре и группе родственных культур на периферии, таких как харьковско-воронежская, приазовско-крымская, степная приднепровская, волго-маньчская (предкавказская). Все эти культуры, по ее мнению, составляли единую катакомбную культурную область [7, с. 319].

К середине 1980-х годов общепринятое деление катакомбной культурно-исторической общности на самостоятельные культуры: харьковско-воронежскую (среднедонскую), донецкую, днепро-азовскую, ингульскую и предкавказскую получило обоснование в обобщающей работе С. Н. Братченко и О. Г. Шапошниковой [8, с. 403-420].

Наиболее крупным культурным образованием катакомбной культурно-исторической общности в современных научных представлениях считается днепро-азовская культура, включающая памятники Нижнего Поднепровья, Северного Приазовья и Крыма. На севере ее граница проходит по реке Орель, южная тянется параллельно Главной гряде Крымских гор, восточная граница доходит до низовий Дона, западная расплывчата и зависит от разграничения с памятниками ингульской культуры [8, с. 413]. Изучение памятников катакомбной культуры на этой территории происходило неравномерно, по-разному трактовался катакомбный материал, обусловивший выделение здесь локальных вариантов. Так, Б. Н. Граков и А. И. Тереножкин, исследуя курганы Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья, ставят вопрос о существовании в данном районе особого варианта катакомбной культуры (вытянутое трупоположение), отличного от «классического» донецкого [56, с. 272; 57, с. 88]. О. А. Кривцова-Гракова выделила на Нижнем Днепре никопольский вариант катакомбной культуры (вытянутое трупоположение) [58, с. 15-17]. Два локальных варианта катакомбной культуры – нижнеднепровский и североприазовский видела на этой территории Т. Б. Попова [3, с. 67]. С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова обратили внимание на слабую аргументацию в обосновании последнего, полагая, что керамический комплекс указывает на необходимость объединения его северо-восточной части с донецким, а юго-западной – с нижнеднепровским вариантом [4, с. 272].

По-иному оценил ситуацию в катакомбное время на этой территории А. М. Лесков. Основываясь на материалах, полученных в начале 1960-х гг. Керченской и Южно-Украинской экспедициями, исследователь счел неверным разграничение Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья, предложенное Т. Б. Поповой, С. С. Березанской и О. Г. Шапошниковой. По его мнению, основную роль в выделении локальных вариантов играет географический фактор, следовательно, должны отсутствовать какие-либо предпосылки в разграничении этой территории. Степи Северного Приазовья и Нижнего Поднепровья фактически являются продолжением друг друга, сама система ведения хозяйства (кочевое скотоводство) обитавших здесь катакомбных племен препятствовала возможности появления у них серьезных отличий, на основании которых можно ставить вопрос о наличии здесь локальных вариантов [59, с. 11-13]. Сформулированный тезис, наряду с общими для территории признаками обряда и однотипностью инвентаря, положен в основу выделения С. Н. Братченко и О. Г. Шапошниковой днепро-азовской культуры

[8, с. 412-415]. И все же, обширная область ее распространения предопределила изучение памятников отдельных территорий, проявлявших специфические черты, прежде всего в керамике. В частности, И. Ф. Ковалева полагала, что на памятники Орельско-Самарского междуречья оказали влияние среднедонская и волго-маньчская катакомбные и среднеднепровская культуры [60, с. 40]. Д. Я. Телегин и С. Н. Братченко, анализируя катакомбные захоронения в курганах Днепровского Надпорожья, пришли к выводу, что их керамика характерна для нижнеднепровских катакомбных памятников, но заметно влияние донецкой культуры [61, с. 5-12]. В керамическом комплексе Степного Поднепровья В. В. Отрошенко видит черты сходства со среднедонской культурой [62, с. 6-8]. Исследования памятников на территории Крыма также привели к выявлению их специфики [26].

Масштабные археологические работы на территории Крымского полуострова начались в 1960-е годы и были связаны со строительством Северо-Крымского канала и разветвленной сети оросительных систем. География раскопок охватывала степную часть полуострова, в основном его северные и восточные районы, прилегавшие к Сивашу. По мере продвижения строительства оросительных систем вглубь полуострова, исследование курганов осуществлялось в центральных и западных районах Крыма, включая Тарханкутскую возвышенность и Керченский полуостров. Незначительные охранные раскопки проводились и в предгорном Крыму.

Ведущая роль в исследовании памятников, входивших в зону орошения, с 1963 по 1994 год принадлежала Северо-Крымской экспедиции при Крымском отделе Института археологии АН УССР, затем Крымском филиале Института археологии НАНУ. Руководили экспедицией в разные годы П. Н. Шульц (1951-1961, 1964), Е. В. Веймарн (1962, 1963, 1965), А. А. Щепинский (1966-1976, 1979-1980), В. Н. Корпусова (1977-1978), В. А. Колотухин (1981-1990), С. Г. Колтухов (1991-1994). Охранные раскопки памятников археологии осуществляла созданная в 1968 г. при Крымской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры Крымская охранно-археологическая экспедиция, возглавляемая А. А. Щепинским (1968-1980), позднее, с 1995 г., одноименную экспедицию организовал С. Г. Колтухов. Исследования отдельных курганов и поселений эпохи бронзы в разные годы проводились экспедициями Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, Институтов археологии АН УССР и АН ССРСР, Запорожским государственным университетом, различными учреждениями культуры – Крымским краеведческим музеем (Центральный музей Тавриды), Бахчисарайским историко-культурным заповедником, Керченским историко-археологическим музеем, Херсонесским государственным заповедником, Феодосийским краеведческим музеем.

В 1959-1960 гг. исследование памятников эпохи бронзы на Керченском полуострове вела экспедиция Института археологии АН УССР совместно

с Керченским историко-археологическим музеем [63, с. 263-270]. В результате обследования местности, преимущественно в Ленинском районе, были выявлены 11 поселений и стоянок, относящиеся к катакомбному периоду, указывается на их локализацию вблизи сухоречий. Важным итогом исследовательских работ стало заключение о достаточно плотном заселении Керченского полуострова позднекатакомбными племенами. Однако, факт значительной концентрации позднекатакомбных поселений на относительно ограниченной территории полуострова не находит объяснения [59, с. 32-33]. Массовый курганный материал на этой территории получен в начале 60-х годов, в этот период раскопки курганов велись Керченской экспедицией. В течение трех полевых сезонов были исследованы 62 кургана, где обнаружено около двухсот погребений, главным образом, относившихся к эпохе бронзы. Этот материал полностью не публиковался, однако отдельные комплексы, обосновывающие концепцию культурного развития восточнокрымского региона, нашли отражение в ряде работ А. М. Лескова. Данная концепция заключается в достаточно сильном влиянии в эпоху ранней бронзы культур Северного Кавказа [59, с. 7-19; 64].

В этот период на окраине с. Кирово Ленинского района открыто и исследовано поселение эпохи бронзы. Раскопки на Кировском поселении проводились в 1960-1967 гг., здесь получен разнообразный хорошо стратифицированный материал, нижний слой которого датирован катакомбным временем [65, с. 7-59].

Начиная с 70-х годов, В. Д. Рыбалова, В. А. Колотухин, А. Е. Кислый, Г. Н. Тощев проводят изучение поселенческих памятников эпохи средней бронзы. Широкие площади исследованы на двух крупных поселениях Каменка и Планерское [66-70; 27; 25], в меньшем объеме работы проведены на других поселениях Восточного Крыма – Алчак, Маяк, Глейки, Слюсареву, Чалки, Отрадное [71]. Полученный в результате раскопок материал дал возможность датировать нижний горизонт этих памятников катакомбным временем. А. Е. Кислый, изучая поселения восточной части полуострова, сделал вывод о тождестве раннего слоя этих памятников степным курганным захоронениям катакомбной культуры [72, с. 21]. К аналогичному выводу пришел Г. Н. Тощев, длительный период исследовавший поселение Планерское [25, с. 95].

Разведки и стационарные исследования памятников в Северо-Западном Крыму, начиная с 1960 года, проводил Крымский отряд Скифской экспедиции ИА АН СССР. Наряду с памятниками скифского и античного периодов выявлены отдельные находки бронзового века. Интерес представляет погребение в расписном каменном ящике, где найдена каменная булава катакомбного типа [73, с. 148, рис. 53,1,2,8]. Курган эпохи бронзы был исследован на западном побережье Донузлава. В исследованных здесь катакомбах зафиксировано применение каменных плит, перекрывавших входное отверстие, ведущее в погребальную камеру, одна из них вытесана в виде

антропоморфной стелы [74, с. 5-15]. Замечено, что одной из особенностей захоронений Северо-Западного Крыма является использование камня в погребальных конструкциях [75, с. 355].

В этот период продолжено изучение курганов северной степной части Крымского полуострова, вводится в научный оборот значительный объем катакомбных материалов [76-79].

Результаты археологических исследований на полуострове отражены в обобщающих работах О. Г. Шапошниковой, А. А. Щепинского, в которых катакомбная культура характеризуется как одна из культур эпохи бронзы [7; 55; 23]. Специальное исследование катакомбных памятников степного Северного Крыма проведено А. Л. Нечитайло, проанализированы подкурганные погребения, существенно переработана периодизация катакомбной культуры, поставлен вопрос о возможном выделении крымского локального варианта катакомбной культуры. Впервые на севере полуострова обнаружены курганы, отнесенные к катакомбному времени, выполнявшие функцию родовых могильников на протяжении позднекатакомбного времени [26, с. 112].

Таким образом, в 60-80-х годах понятие катакомбной культуры оформилось в катакомбную культурно-историческую общность, включавшую ряд самостоятельных культур. Центральное место в катакомбной области отводится донецкой катакомбной культуре, днепро-азовская культура, расположенная к западу от нее, являлась наиболее обширным территориальным объединением катакомбной области. Крымские катакомбные памятники занимали южную зону днепро-азовской культуры, разделяя с ней общее культурное пространство. Вместе с тем, тезис о специфике катакомбных памятников полуострова и обоснование выделения крымского локального варианта катакомбной культуры оставались открытыми.

В Крыму второй период изучения катакомбной культуры характеризуется широкомасштабными раскопками курганов, поселенческих памятников, создается достаточно объемный фонд археологического материала.

Третий период (90-е гг. XX в. - начало XXI в.)

Начиная с 90-х годов XX в., постепенно происходит сокращение объемов полевых работ, в том числе значительно уменьшается количество исследований курганных памятников. Массовый археологический материал, полученный в предшествующий период, нуждался в упорядочении и систематизации. На первый план выступают региональные исследования, в которых вопросы периодизации и хронологии катакомбных культур занимают особое место. Актуальность приобретает датирование катакомбных комплексов естественными методами, в том числе радиоуглеродным. Этот процесс, несмотря на дискуссионность, имеет положительную динамику, формируется база данных датированных и хорошо стратифицированных курганных памятников.

Для Крыма известна одна радиоуглеродная дата, полученная в Киевской лаборатории для раннекатакомбного погребения 28 в кургане 14 у с. Болотное с захоронением социально значимого лица [25, с. 209; 20, с. 206]. Абсолютное датирование по ^{14}C данного памятника хорошо увязывается с относительной хронологией раннекатакомбного этапа.

В последние десятилетия большое значение приобретает разработка теоретических исследований, затрагивающих различные аспекты катакомбной проблематики. В области социально-этнических отношений катакомбного общества исследования проводит С. Ж. Пустовалов, обосновывая словесно-кастовую структуру у катакомбных племен. Исследователь прослеживает территориальную специфику катакомбной общности, выделяя два крупных массива и делая акцент на их этническом различии – восточнокатакомбный и западнокатакомбный (ингульский), последний включает территорию днепро-азовской и ингульской культур [80; 21]. В целом, катакомбная проблематика днепро-азовского региона разрабатывается достаточно активно и широко освещена в научной литературе.

В Крыму результаты археологических исследований курганов эпохи бронзы нашли отражение в ряде специальных научных изданий – «Древности степного Крыма», «Курганы степного Крыма», серии книг «Археологические памятники Крымского Присивашья» и «Курганные древности Крыма». Памятники катакомбной культуры получили в них обобщающую характеристику, выделены специфические особенности катакомбных памятников Крыма [81-83].

Интерес представляют наблюдения относительно локализации курганов с катакомбными захоронениями на полуострове. В середине прошлого века П. Н. Шульц обратил внимание на неравномерность распределения курганов на полуострове, высказав предположение о некоторой закономерности в их группировании. Им отмечено, что «от Перекопского перешейка на юг тянутся цепи и группы курганов, как бы отмечающие проходившие здесь древние пути», прослеживается наибольшая концентрация в трех направлениях: первое – к Керченскому полуострову вдоль Приазовских Сивашей, второе – по направлению к предгорьям через центр полуострова и третье – вдоль северо-западного побережья Крыма [44, с. 120-121]. Впоследствии раскопки курганов на этой территории позволили детализировать распространение катакомбных захоронений. Наибольшая их концентрация отмечена в районе Присивашья, примыкающего к полуострову с севера (юг Херсонской области), несколько меньше их в Крымском Присивашье, и число катакомб значительно сокращается в предгорьях и на северо-западе [23, с. 52]. Изучение курганов в центральной части полуострова дополняет суждения исследователей о распространении катакомбных памятников, иногда они пересматриваются. Так, концентрация позднекатакомбных курганных могильников отмечена южнее Присивашья, в центральной степной зоне Крыма. Исследователи также пришли

к заключению, что степные районы полуострова осваивались катакомбным населением «преимущественно на позднем этапе» [82, с. 104]. Подчеркнуто, что наиболее позднее продвижение катакомбных племен, по отношению к другим районам полуострова, наблюдается в Северо-Западном Крыму [83, с. 220].

Пополнили источниковедческую базу материалы публикационного характера, дополняя наши знания о катакомбной культуре на полуострове, затрагивая отдельные вопросы культурных связей, идеологических представлений катакомбного населения [84-89]. Тем не менее, достаточно объемный археологический материал еще остается вне поля зрения исследователей, ожидая проведения серьезной работы по введению его в научный оборот.

Основное внимание в исследовании катакомбных древностей Крыма на протяжении последних нескольких десятилетий уделяется хронологической организации полученного материала и периодизации катакомбной культуры. Эта проблема решалась рядом исследователей, однако отличие методологических приемов при анализе и нетождественность материалов, на которых строились исследования, как правило, они происходили из разных ландшафтных зон полуострова, привели в итоге к тому, что классификационные схемы получили и содержат несовпадающие результаты.

Анализируя курганный материал степного Присивашья, О. Г. Шапошникова выделяет две группы памятников – раннюю и позднюю. Для ранней группы характерен приазовский тип посуды и скорченный на спине обряд погребения. Поздняя группа представлена захоронениями, керамика которых находит аналогии в катакомбной культуре Северского Донца, положение костяка здесь имело две разновидности – скорчено на боку и вытянуто на спине [7, с. 325-326].

Одним из первых исследователей, целенаправленно изучавшим древности эпохи бронзы и внесшим вклад в изучение катакомбной культуры, стал А. А. Щепинский. Вначале археологический материал, на котором основаны выводы автора, составил около 50 погребений и 25-30 поселений. Хронологическая организация материала на этом этапе предусматривала два периода – ранний и поздний, первому соответствовали погребения скорченного обряда, второму – захоронения с вытянутым труположением [55, с. 20-22].

Позднее А. А. Щепинский продолжил работу по хронологизации катакомбной культуры совместно с Е. Н. Черепановой. Катакомбные погребения из курганов степного Северного Крыма и юга Херсонщины (всего около 100 захоронений), исследованные ими в 1962-1963 гг., стали основой для следующей периодизации катакомбной культуры. Ведущими дифференцирующими признаками при выделении хронологических групп были приняты: положение костяка, тип катакомбы, инвентарь. Особое внимание уделялось стратиграфическим данным курганов. Исследователи выделяют три группы – раннюю, среднюю и позднюю. К первой отнесены скорченные на спине

костяки, ко второй – скорченные на боку. Первым двум группам характерны ямные черты в обряде и инвентаре, однако во второй – погребальный инвентарь представлен расширенным набором артефактов. Отличительными признаками третьей группы являлись вытянутый обряд погребения, плоскодонные, сложно орнаментированные сосуды [23, с. 48-51].

Спустя десятилетие катакомбные памятники Крыма стали предметом изучения А. Л. Нечитайло, круг источников степного Северного Крыма увеличился до 169 захоронений. При построении классификационной схемы применен метод корреляции керамики и позы костяка, в результате полученные данные не совпадали с предыдущей схемой. К раннему периоду отнесены скорченные захоронения в катакомбах, сопровождавшиеся керамикой позднего типа. Таким образом, раннему периоду стали соответствовать первая и вторая группы шкалы А. А. Щепинского и Е. Н. Черепановой. Признаки конструктивных деталей катакомбы А. Л. Нечитайло считает несущественными. Вместе с тем, конструкция катакомбы являлась одним из ведущих признаков при выделении ранней группы предыдущих исследователей. Вторым периодом представлен вытянутым обрядом, его специфику А. Л. Нечитайло видит в керамическом комплексе – присутствии ингульских чаш и чугушкообразных горшков предкавказского типа. Выделен третий период – костяки имеют скорченное на боку положение с согнутыми в локтях руками, кисти перед лицом, обозначены признаки, отличающие эту малочисленную группу от погребений культуры многоваликовой керамики. Хронологические рамки культуры определены концом III тыс. до н. э. – второй четвертью II тыс. до н. э. [26, с. 109-113].

Исследуя курганы, в основном центрального и западного районов полуострова из раскопок 1988-1989 годов, Т. А. Копьева выделяет три хронологические группы погребений, в целом совпадающие с периодизацией А. Л. Нечитайло. Новый археологический материал, таким образом, подтверждал выделенный ранее А. Л. Нечитайло третий период, уточнение коснулось деталей признаков обряда и инвентаря [90, с. 32-34].

На рубеже XX-XXI вв. катакомбные памятники Крыма привлекли внимание Г. Н. Тошева. Исследователь посвятил проблемам катакомбной культуры ряд статей [27, с. 116-127; 91, с. 16-36]. Затем выводы этих работ были обобщены в монографическом исследовании «Крым в эпоху бронзы», где катакомбная культура рассматривается в системе культур эпохи бронзы. Катакомбный материал, на основе которого сделаны выводы, включал 526 захоронений. Территориально он охватывал степи северного, центрального и северо-западного районов Крыма, а также предгорную лесостепь. Вопросам периодизации и хронологии отводится заметное место. Исследователь выделяет три обрядовые группы, сопоставляет с инвентарем погребений, дифференцирует материал на три хронологических горизонта. В итоге получена схема, в целом совпадающая с периодизацией А. Л. Нечитайло. Отличия

заклучались в интерпретации содержания отдельных периодов. В частности, особое внимание Г. Н. Тощев уделяет анализу захоронений второго хронологического горизонта, делая вывод о его полном соответствии материалам позднего северопричерноморского горизонта [25, с. 132-139; 91, с. 20-24;], тогда как А. Л. Нечитайло видит особенность крымских катакомб, основываясь на материале именно этого периода.

Автор выводит абсолютную хронологию катакомбной культуры на территории полуострова, опираясь на «существующие разработки» хронологических схем для сопредельных территорий Северного Причерноморья, и датирует ее XXII-XVIII вв. до н. э. [25, с. 209]. Согласно созданной Г. Н. Тощевым концепции, Крым рассматривается как периферия катакомбной общности, что обусловило относительно поздний характер катакомбных памятников полуострова. Крым представляется территорией-«накопителем» для племен на протяжении эпохи средней бронзы, рисуется картина довольно замкнутого общества с преобладанием внутренних связей между племенными группами. Во внешних контактах налажено взаимодействие с северными территориями, культурные связи с Северным Кавказом, по мнению исследователя, в этот период были ограничены [25, с. 140]. Последний тезис поставлен под сомнение С. В. Ивановой и А. С. Островерховым [92, с. 102]. Влияние предкавказских степных культур прослеживает Т. А. Копьева, рассматривая материалы ранних катакомбных памятников, локализованных в Приазовско-Присивашской зоне [93; 94, с. 324-325]. Монография Г. Н. Тощева «Крым в эпоху бронзы» как обобщающая работа, включившая доступный автору катакомбный материал, имеет позитивный вклад в развитие представлений о катакомбной культуре на территории полуострова.

Крымские катакомбные погребальные комплексы неоднократно использовались исследователями в обосновании и решении отдельных проблем катакомбной общности [10; 95-98; 102, с. 69-70; 103]. В обобщающих работах В. А. Колотухина, Г. М. Бутова, посвященных эпохе бронзы Крыма и характеризующих катакомбную культуру, дана интерпретация развития историко-культурных процессов в эпоху средней бронзы [99; 100, с. 99-101].

***

Таким образом, обзор научной литературы, затрагивающей проблемы катакомбной культуры, показал, что история изучения памятников на территории Крымского полуострова прошла длительный путь исследований. Был накоплен внушительный по объему фактический материал, на основе которого разработаны классификационные схемы развития культуры на полуострове, рассмотрены вопросы датирования. Обозначен круг нерешенных проблем, требующих дальнейшей работы по систематизации катакомбных памятников и культурно-исторической интерпретации.

Историографический анализ изучения катакомбной культуры на территории Крыма позволил выделить три основных периода.

Первый период (конец XIX в. - 50-е гг. XX в.) – выделение катакомбной культуры как одной из культур эпохи бронзы. Период характеризуется эпизодическими раскопками курганов и началом проведения разведочных работ, в результате которых были открыты бытовые памятники катакомбной культуры. Исследование памятников на полуострове проводились Н. И. Веселовским, Ю. А. Кулаковским, Н. Л. Эрнстом, П. Н. Шульцем, Ю. Г. Колосовым, А. А. Щепинским и другими исследователями. География раскопок охватывала в основном предгорные районы и Керченский полуостров. Первый опыт систематизации археологического материала отражен в трудах А. А. Спицына, Т. Б. Поповой и П. Н. Шульца. Классификационные схемы содержали двухэтапную периодизацию развития катакомбной культуры.

Второй период (60-80-е гг. XX в.) – количественное накопление катакомбного материала (в связи с широким мелиоративным строительством и новостройками). Период характеризуется интенсивным исследованием курганов на территории степной и предгорной зоны полуострова, продолжается изучение стоянок и поселений эпохи бронзы. В научный оборот активно вводятся новые материалы курганных памятников. Вопросам периодизации катакомбной культуры посвящены работы О. Г. Шапошниковой, А. А. Щепинского, Е. Н. Черепановой, А. Л. Нечитайло.

Третий период (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) – сокращение объема полевых работ, основное внимание уделяется систематизации материала и анализу катакомбной культуры. Отдельные работы развивают представление о катакомбной культуре на полуострове, затрагивая вопросы хронологии, культурных связей, идеологических представлений катакомбного населения (В. Н. Корпусова, С. Н. Ляшко, А. Е. Кислый, В. А. Колотухин, Т. А. Копьева). Выходит в свет обобщающий труд Г. Н. Тощева «Эпоха бронзы в Крыму».

Разработанные для каждого из периодов классификационные схемы развития культуры отражали общий уровень знаний о катакомбных памятниках полуострова и состояние источниковедческой базы. Как показал анализ, вопросы относительной хронологии и периодизации крымских катакомбных памятников являются наиболее дискуссионными, поэтому заслуживают наиболее пристального внимания. Обращает внимание тот факт, что исследователи, затрагивающие в той или иной степени проблемы катакомбной культуры, рассматривали их, как правило, в общей системе культур эпохи бронзы. Работы А. Л. Нечитайло и Г. Н. Тощева посвящены как общей характеристике культуры, так и отдельным аспектам ее изучения. Исследовательская работа, детально анализирующая основные компоненты катакомбной культуры, до сих пор отсутствует. Одним из актуальных вопросов является локальная специфика катакомбных памятников, обусловленная природно-географическим

фактором. Анализ историографии показал, что неравномерность распространения катакомбных памятников на территории полуострова отмечалась всеми исследователями, однако пространственно-хронологическая оценка этого явлению не дана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. М., 1905. Т. I.
2. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Труды XIII Археологического съезда. М., 1907. Т. I.
3. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. // Труды ГИМ. М., 1955. Вып. 24.
4. Березанская С.С., Шапошникова О.Г. Рецензия на книгу: Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры // СА. 1957. № 2.
5. Клейн Л.С. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур // СА. 1962. № 2.
6. Клейн Л.С. Катакомбная культура или катакомбные культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
7. Шапошникова О.Г. Катакомбна культура на область // Археологія Української РСР / Под ред. Д.Я. Телегина. Київ, 1971. Т. 1.
8. Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР / Под. ред. И.И. Артеменко. К., 1985. Т. 1.
9. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К., 1976.
10. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.
11. Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи средней бронзы на Северском Донце. М., 1996.
12. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
13. Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков, 2001.
14. Березуцкая Т.Ю. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж, 2003.
15. Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
16. Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
17. Санжаров С.Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 2001.
18. Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск, 2010.
19. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом века. К., 1978.
20. Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья / Отв. ред. В.М. Массон. Л., 1991.
21. Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. К., 2005.
22. Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдет Северо-Крымский... Симферополь, 1966.

23. Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969.
24. Тощев Г.Н. К истории изучения курганов эпохи бронзы Крыма // СППК. Запорожье, 1999. Т. VII.
25. Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.
26. Нечитайло А.Л. О крымском варианте катакомбной культуры // Курганы степного Крыма. К., 1984.
27. Тощев Г.Н. Катакомбные памятники Крыма // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1990. Т. 1.
28. Кашпар А. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И. Веселовским в июле и августе 1891 г. // ИТУАК. 1891. №14.
29. Веселовский Н.И. // ОАК. 1890.
30. Веселовский Н.И. // ОАК. 1895.
31. Веселовский Н.И. // ОАК. 1896.
32. Кулаковский Ю.А. // ОАК. 1895.
33. Кулаковский Ю.А. // ОАК. 1896.
34. Храпунов И.Н., Храпунова Л.Н., Таратухина Е.Е. Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
35. Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // Записки Русского археологического общества. 1899. Т. XI. Вып. II.
36. Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет исторического музея за 1914 год. М., 1915.
37. Городцов В.А. // Отчет Императорского Российского исторического музея за 1915 г. М., 1916.
38. Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921-1930 гг.). Симферополь, 1931.
39. Артамонов М.И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. 1949. Т. XI.
40. Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. 1960. № 4.
41. Шульц П.Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934-36 гг. М.; Л., 1941.
42. Щепинский А.А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области // ИКОГО. 1951. Вып. 1.
43. Ланцов С.Б. П.Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV-III вв. до н.э. // У Понта Евксинского (Памяти П.Н. Шульца). Симферополь, 2004.
44. Шульц П.Н. О комплексных историко-археологических и палеографических исследованиях в Северном Крыму // ИКОГО. 1953. Вып. 2.
45. Щепинский А.А. Археологические разведки в долине реки Салгир // ИКОГО. 1954. Вып. 3.
46. Колосов Ю.Г. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 году // ИКОГО. 1957. Вып. 4.
47. Колосов Ю.Г. Разведки памятников неолита и бронзы в степном Крыму // КСИА. 1956. Вып. 6.

48. Крис Х.И., Веймарн Е.В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая // КСИИМК. 1958. Вып. 71.
49. Соколова К.Ф. Антропологические материалы кургана эпохи бронзы в Бахчисарайском районе // История и археологии Древнего Крыма. К., 1957.
50. Шульц П.Н., Столяр А.Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСИИМК. 1958. Вып. 71.
51. Щепинский А.А. Марьинские курганы эпохи бронзы // Записки Одесского археологического общества. 1960. Т. 1(34).
52. Щепинский А.А., Тощев Г.Н. Курган «Кеми-Оба» // ССПК. 2001. Т. IX.
53. Столяр А.Д., Щепинский А.А. Археологические памятники Симферопольского водохранилища // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
54. Кругликова И.Т. Памятники эпохи бронзы Киммерика // КСИИМК. 1952. Вып. XIII.
55. Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. № 2.
56. Граков Б.Н. Археологические раскопки близ Никополя // ВДИ. 1939. №1.
57. Тереножкин А.И. Курганы бронзового века на р. Молочной // КСИА. 1953.
58. Кривцова-Гракова О.А. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. Вып. 115.
59. Лесков А.М. Курганы Нижнего Поднепровья и Поволжья // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К., 1967.
60. Ковалева И.Ф. Катакомбные погребения Орельско-Самарского междуречья // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск, 1982.
61. Телегин Д.Я., Братченко С.Н. Материалы раннего энеолита, погребения ямной и катакомбной культур // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. К., 1977.
62. Отрощенко В.В. Курганные могильники Рясные могилы и Носаки (предварительная публикация). К., 1977.
63. Лесков А.М., Збенович В.Г. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 году // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Вып. II.
64. Лесков А.М. Курганы, поиски, находки. М., 1981.
65. Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. К., 1970.
66. Рыбалова В.Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 1974. № 16.
67. Кислый А.Е. Раскопки поселений Каменка и Алчак-Кая // Археологические открытия 1985 года. М., 1987.
68. Кислый А.Е. Каменская культура Восточного Крыма // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Запоріжжя, 2000.
69. Колотухин В.А. Многослойное поселение в юго-восточном Крыму // СА. 1983. № 1.
70. Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Средний период бронзового века Крыма // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск, 1994.
71. Кислый А.Е. Раскопки поселения Алчак-Кая // Археологические открытия 1986 года. М., 1988.
72. Кислый А.Е. Об относительной хронологии каменско-ливленцовских памятников // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тез. докл. всесоюзного семинара. Запорожье, 1990.
73. Дашевская О.Д. Разведки в северо-западном Крыму в 1961-1963 гг. // КСИА. 1965. Вып. 103.

74. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Західнодонузлавський курган доби бронзи // Археологія. 2003. № 3.
75. Щепинский А.А. Северо-Крымская экспедиция // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
76. Нечитайло А.Л., Бунятян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // Курганы степного Крыма. К., 1984.
77. Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. К., 1984.
78. Корпусова В.Н. Курганы у с. Целинное // Курганы степного Крыма. К., 1984.
79. Генинг В.В., Корпусова В.А. Археологические памятники Крымского Присивашья. Первая курганная группа у с. Целинное. К., 1989.
80. Пустовалов С.Ж. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья. К., 1992.
81. Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993-1995 гг.). Вып. II. Запорожье, 1998.
82. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.). Вып. I. Запорожье, 1994.
83. Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-1986 гг. Сакский район Крымской области). Вып. III. Запорожье, 2000.
84. Копьева Т.А. Курган у села Акимовка в Крыму // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1990. Вып. 1.
85. Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // СА. 1990. № 3.
86. Копьева-Колотухина Т.А. Курган у села Черноземное в Крыму // У Понта Евксинского (Памяти П.Н. Шульца). Симферополь, 2004.
87. Пуздровский А.Е., Тощев Г.Н. Курган у с. Цветочное в Белогорском районе Крыма // ССПК. Запорожье, 2001. Т. IX.
88. Гаврилов А.В., Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V-III вв. до н.э. у с. Приречное в Крыму // ССПК. Запорожье, 2002. Т. X.
89. Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курган эпохи бронзы у с. Приречное Нижнегорского района в Крыму // ССПК. Запорожье, 2004. Т. XI.
90. Копьева Т.А. Катакомбные погребения в курганах Крыма // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тез. докл. всесоюзного семинара. Запорожье, 1990.
91. Тощев Г.Н. Средний период эпохи бронзы в Крыму (по материалам погребальных памятников) // Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянищини. Запоріжжя, 1999. Вип. 5.
92. Иванова С.В., Островерхов А.С. Рецензия на книгу: Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы // Археологія. 2008. № 2.
93. Копьева-Колотухина Т.А. Катакомбное погребение с бронзовой пластиной в кургане у села Фрунзе в Крыму // Херсонесский колокол. Сб. науч. ст. / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
94. Копьева Т.А. Ранний этап катакомбной культуры в Крыму: хронологический аспект //

- Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Донецк, 2010. (Археологический альманах. № 20).
95. Евдокимов Г.Л. О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. научн. конф. Донецк, 1979.
  96. Нечитайло А.Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. К., 1991.
  97. Пустовалов С.Ж. Ямная общность и катакомбная общность: последовательность во времени или сосуществование // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2000.
  98. Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи Півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). К., 2001.
  99. Колотухин В.А. Культуры эпохи бронзы // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004.
  100. Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей. Археологический словарь Крыма. К., 2006.
  101. Kaiser E. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // Archeologie in Eurasien. Mainz am Rhein, 2003. Band 14.
  102. Häusler A. Innenverzierte Steinkammergräber der Krim // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgechichte. Berlin, 1964. Band 48.
  103. Šernych L. Spektralanalyse und Metallverarbeitung in den früh- und mittelbronzezeitlichen Kulturen der ukrainischen Steppe als Forschungsproblem // Eurasia Antiqua. 2003. Band 9.
  104. Веймарн Е.В. Материалы работ Бахчисарайской историко-археологической станции в 1952 г. // НА КФ ИА НАНУ.
  105. Шульц П.Н. Исследования памятников эпохи бронзы в Крыму за 5 лет (1950-1954 гг.) // НА КФ ИА НАНУ.

Копьева Т. А.

**Катакомбная культура на территории Крыма
(история изучения и исследований)**

Резюме

Статья посвящена истории изучения катакомбной культуры на территории Крымского полуострова, которая рассматривается в контексте общих проблем катакомбной культурно-исторической общности эпохи средней бронзы. Наши представления об этой общности культур основаны на информации о погребальных памятниках, поселения недостаточно изучены. В связи с этим, история изучения культур тесно связана с исследованием курганных древностей.

В историографии катакомбной культуры выделено три периода. Первый период (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.) – выделение катакомбной культуры как одной из культур эпохи бронзы. Период характеризуется эпизодическими раскопками курганов и началом проведения разведочных работ, в результате которых были открыты бытовые памятники катакомбной культуры. В их изучении принимали участие Н. И. Веселовский, Ю. А. Кула-

ковский, Н. Л. Эрнст, П. Н. Шульц, Ю. Г. Колосов, А. А. Щепинский и другие. Первый опыт систематизации памятников катакомбной культуры отражен в трудах А. А. Спицына, Т. Б. Поповой и П. Н. Шульца.

Второй период (60-80-е гг. XX в.) – количественное накопление материалов, связанных с катакомбной культурой (в связи с широким мелиоративным строительством и новостройками). Период характеризуется интенсивным исследованием курганов на территории степной и предгорной зоны полуострова, продолжается изучение стоянок и поселений эпохи бронзы. В научный оборот активно вводятся новые материалы курганных памятников. Вопросам периодизации катакомбной культуры посвящены работы О. Г. Шапошниковой, А. А. Щепинского, Е. Н. Черепановой, А. Л. Нечитайло.

Третий период (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) – сокращение объема полевых работ, систематизация материалов и анализ катакомбной культуры. Отдельные работы развивают представление о катакомбной культуре на полуострове, затрагивая вопросы хронологии, культурных связей, идеологических представлений катакомбного населения (В. Н. Корпусова, С. Н. Ляшко, А. Е. Кислый, В. А. Колотухин, Т. А. Копьева). Вышел в свет обобщающий труд Г. Н. Тощева «Эпоха бронзы в Крыму».

В результате длительной истории изучения катакомбных памятников на полуострове накоплен большой фактический материал, на основе которого разработаны периодизационные схемы развития культуры, рассмотрены вопросы датирования. Концепции историко-культурного развития в эпоху средней бронзы нашли отражение в работах П. Н. Шульца, А. А. Щепинского, Г. Н. Тощева. Обозначен круг нерешенных проблем, требующих дальнейшей работы по изучению катакомбной культуры.

Коп'єва Т. О.

Катакомбна культура на території Криму (історія вивчення і досліджень)

Резюме

Статтю присвячено історії вивчення катакомбної культури на території Кримського півострова, яка розглядається в контексті загальних проблем катакомбної культурно-історичної спільності епохи середньої бронзи. Наші уявлення про цю спільність культур ґрунтуються на інформації про поховальні пам'ятки, оскільки поселення недостатньо вивчені. У зв'язку з цим, історія вивчення культур тісно пов'язана з дослідженням курганных старожитностей.

В історіографії катакомбної культури виділено три періоди. Перший період (кінець XIX ст. – 50-ті рр. XX ст.) – виділення катакомбної культури як однієї з культур епохи бронзи. Період характеризується епізодичними розкопками курганів і початком проведення розвідувальних робіт, в результаті яких були відкриті побутові пам'ятки катакомбної культури. В їх вивченні брали участь М. І. Веселовський, Ю. О. Кулаковський, М. Л. Ернст, П. М. Шульц, Ю. Г. Колосов, А. О. Щепінський та інші. Перший досвід систематизації пам'яток катакомбної культури відображено в працях О. О. Спицина, Т. Б. Попової і П. М. Шульца.

Другий період (60-80-ті рр. XX ст.) – кількісне накопичення матеріалів, пов'язаних з катакомбною культурою (у зв'язку з широким меліоративним будівництвом і новобудовами). Період характеризується інтенсивним дослідженням курганів на території степової і передгірської зони півострова, продовжується вивчення стоянок і поселень епохи бронзи. До наукового обігу активно вводяться нові матеріали курганних пам'яток. Питанням періодизації катакомбної культури присвячені роботи О. Г. Шапошникової, А. О. Щепінського, Є. М. Черепанової, А. Л. Нечитайло.

Третій період (90-ті рр. XX ст. – початок XXI ст.) – скорочення об'єму польових робіт, систематизація матеріалів і аналіз катакомбної культури. Окремі роботи розвивають уявлення про катакомбну культуру на півострові, піднімаючи питання хронології, культурних зв'язків, ідеологічних представлень катакомбного населення (В. М. Корпусова, С. М. Ляшко, О. Є. Кислий, В. О. Колотухін, Т. О. Коп'єва). Вийшла в світ узагальнююча праця Г. М. Тощева «Епоха бронзи в Криму».

В результаті тривалої історії вивчення катакомбних пам'яток на півострові накопичено великий фактичний матеріал, на основі якого розроблені періодизаційні схеми розвитку культури, розглянуті питання датування. Концепції історико-культурного розвитку в епоху середньої бронзи знайшли відображення в працях П. М. Шульца, А. О. Щепінського, Г. М. Тощева. Означено коло невіршених проблем, які потребують подальшої роботи по вивченню катакомбної культури.

Копьева Т. А.

**The Catacomb Culture in the Territory of the Crimea
(The History of Studying and Research)**

Summary

The article is devoted to the history of study of the Catacomb culture on the territory of the Crimean peninsula, which is considered in the context of the general problems of the Catacomb culture-historical community of the Middle-Bronze epoch. Our conception of this community of cultures is based on the information on the burial monuments; the settlements have not been studied enough yet. That is why the history of studying the cultures is closely connected with the research antiquities from burial mounds.

There are three periods in the historiography of the Catacomb culture. The first period (the end of the 19th century – the 50s of the 20th century) is partitioning of the Catacomb culture as the one belonging to the Bronze-Age cultures. The period is characterized by episodic excavations of burials and the beginning of exploration; as the result of it settlements of the Catacomb culture were discovered. N. I. Veselovskiy, Yu. A. Kulakovskiy, N. L. Ernst, P. N. Shultz, Yu. G. Kolosov, A. A. Schepinskiy and others took part in its research work. The first experience of systematization of the Catacomb culture is reflected in the works of A. A. Spitzin, T. B. Popova, P. N. Shultz.

The second period (the 60s - 80s of the 20th century) is marked by quantitative accumulation of materials related to the Catacomb culture (due to extensive reclamation construction and new building projects). This period is characterized by the intense research of the burials on the

territory of the steppe and foothill zone of the peninsula; the research of the settlements of the Bronze Age went on. New materials of the burial monuments are introduced into scientific circulation. The research works of O. G. Shaposhnikov, A. A. Schepinskiy, E. N. Cherepanova, A. L. Nechitaylo are devoted to the issues of the periodization.

The third period (the 90s of the 20th century – the beginning of the 21st century) is characterized by reduction of the volume of field-work; principal attention is devoted to systematization and analysis of the Catacomb culture. The certain works develop the idea of the Catacomb culture on the peninsula, touching upon some chronology questions, cultural contacts, ideological concepts of the catacomb population (V. N. Korpusova, S. N. Lyashko, A. E. Kisliy, V. A. Kolotukhin, T. A. Kopyeva). A summarize treatise by G. N. Toshev «The Bronze Age in the Crimea» was published.

As the result of the long history of researching catacomb monuments on the peninsula substantial factual material has been stored; on the basis of which the periodization schemes of the culture development have been worked out; problems of dating are scrutinized. The concepts of history-cultural development in the of Middle Bronze epoch were examined in works by P. N. Shultz, A. A. Schepinskiy, G. N. Toshev. The range of still unsolved problems requiring further research of the Catacomb culture is determined.

В. А. КУТАЙСОВ

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Северо-Западный Крым на современной географической карте полуострова включает территорию от нынешнего города Евпатория на юге до побережья Каркинитского залива на севере [подр. см.: 1, с. 291-320]. Однако в археологических исследованиях к данному региону обычно присоединяют античные памятники, расположенные на прибрежном участке между озерами Сасык-Сивашское и Кизил-Яр, поскольку от последнего из названных водоемов и до самой Бакальской косы древние поселения располагаются непрерывной чередой вдоль морского побережья, образуя сплошную кайму одновременных объектов, оставленных эллинами и поздними скифами.

В истории археологического изучения обозначенного региона полуострова вполне отчетливо выделяется пять периодов, каждый из которых обладает своей ярко выраженной спецификой. Первый из них охватывает промежуток времени с 1825 по 1916 гг., второй – с самого конца 1917 по 1958 гг., третий – с 1959 по 1979 гг., четвертый – с 1980 по 2006 гг. и последний берет свое начало с 2007 г. и продолжается по настоящий день.

Первый период (1825-1916 гг.)

Исходную информацию об археологических древностях в интересующем нас регионе можно извлечь из сообщения члена конгрегации мхитаристов архимандрита Миноса Бжишкян, посетившего Евпаторию осенью 1825 г. В своих путевых записках «Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами...» он записал: «В наши дни отсюда (на Карантине – *В.К.*) выкопали каменные статуи; одна представляла мужчину, одетого по форме одежды древних греков, а на голове имеет шлем; а другая – женщину, чье одеяние суть фасон римлян» (пер. В. А. Микаеляна) [2, с. 36; 3, с. 474-475]. Однако, эта очень редкая книга, изданная на армянском языке в Венеции в 1830 г., долгое время оставалась недоступной отечественным ученым. Только в 1888 г. эти сведения были приведены в справочнике В. Пьянкова, где также сообщалось о том,

что при земляных работах в Карантине на значительной глубине попадают древние стены, монеты херсонесской чеканки VIII, IX и X веков [4, с. 44, 48]. К сожалению, на эти факты никто не обратил должного внимания и в первую очередь инженер-коллекционер Н. Ф. Романченко, даже после того, как ему местные старожилы рассказали о находках в районе Карантина древних предметов и целой мраморной лестницы [5, с. 219-220].

Уже в первом путеводителе по Крыму Шарля Монтандона, увидевшем свет в Одессе в 1834 г., Калос Лимен отождествляется с вполне конкретным объектом: «На северо-западе этого полуострова (Тарханкут – В.К.) есть красивая маленькая гавань Ак-Мечеть, по соседству с которой есть руины, очевидно обозначающие старинный Калос Лимен, о котором рассказывают многие географы» [6, с. 254].

Первое обследование археологических памятников Северо-Западного Крыма связано с именем А. И. Шамова, который изложил в письме ООИД свои визуальные наблюдения округа Ак-Мечетской бухты. Как он сообщает, здесь видны следы каменных оград от 20-ти до 60-ти саженей в длину. При земляных работах в 1837-1838 годах были найдены пифос, заполненный углем и золой, пирамидальные керамические грузила, вероятно, синопского производства с клеймом «орел на дельфине», горло гераклеийской амфоры с энглифическим клеймом магистрата Силана (ΕΠΙΣΙΛΑ [ΟΥ] / ΜΕΝΙΠΠ [ΟΥ]), относящееся к 30-м гг. IV в. до н.э. [7, прил. VI, № 65]. Наиболее интересно для нас следующее описание побережья залива: «Кстати, упомянем здесь и о том, что на восточном мысу той же Акмечетской бухты, в версте от места находок, поныне видимо угловатое укрепление, со рвом, почти совсем засыпавшимся, где валяется множество разбросанного известкового булыжного камня, из которого, вероятно, некогда сложены были стены и здания того укрепления: история, кажется, ничего не говорит о времени построения и об имени его. На оконечности засоренного вала, к морю, найдена древняя монета и множество мелких обломков от сосудов из обожженной глины, из которых некоторые, полагать можно, относятся к временам давно минувшим» [8, с. 430-433, рис. XV,б]. По мнению этого автора, здесь могли временно располагаться греческие рыболовы, приезжающие из других мест для лова кефали и скумбрии. Достаточно точно описанный А. И. Шамовым археологический объект, как мы теперь знаем, является античным городищем Калос Лимен.

ООИД 9 ноября 1839 г. обратилось к крупнейшему владельцу имения в местечке Ак-Мечеть М. С. Воронцову¹ с просьбой провести тут дальнейшие

---

¹ О владениях М. С. Воронцова – 10 119 десятин в Евпаторийском уезде см.: Алфавит дач Евпаторийского уезда Генерального межевания / Таврическая губернская чертежная // ГААРК. Ф. 377. Оп. 1, том II, 1831-1903. Д. 10; Геометрический спец. план Таврической губернии Евпаторийского уезда дачи местечко Ак-Мечеть с дер. Шейхлар, Алдерменкой,

археологические поиски. Последний поручил своему архитектору Дево проверить сведения А. И. Шмакова. «По заключению Дево, «в этих местах никогда ничего замечательного не обнаружат», за исключением одного места, расположенного между Карантином и городком, где еще не производились раскопки и ничего не строилось. Там хорошо видны следы древней постройки квадратной формы, окруженной большим, но заплывшим рвом, остатки пристани, вырубленной в скале. Внутри здания много неровностей из обломков, щебень и мусор. Дево полагал, что эти строительные остатки не могли быть возведены местными жителями, так как укрепление рвом отрезано от суши и имеет выход в море» [3, с. 477].

Более того, оборонительные стены античного городища, если и не возвышались над дневной поверхностью того времени, то, по крайней мере, легко просматривались в земле: во всяком случае, военные топографы на плане Ак-Мечетской бухты 1889 г. обозначили четкие контуры оборонительных стен древнего трапециевидного в плане укрепления [9, план между с. 200-201]. И, наконец, на секретной военной карте 1899 г. (так называемой «верстовке»), снятой с 1 мая по 1 августа военным топографом Шириным, на месте античного памятника поставлена уточняющая надпись: «древнее укрепление». Иными словами, Прекрасная Гавань, впрочем, как и многие другие античные памятники западного побережья Крыма, отличалась своей девственной неприкосновенностью, непаханой целиной для археологов.

В связи с развернувшейся дискуссией в середине XIX века по вопросу локализации Каркинитиды-Керкинитиды ученые, дабы подтвердить свои взгляды или опровергнуть предположения своих оппонентов, стали предпринимать поиски упоминаемых в письменных источниках поселений на местности. Так, историк Ф. К. Брун в самом начале 70-х годов XIX столетия отыскивал следы Керкинитиды сначала вблизи озера Донузлав, а затем в районе Евпатории. В урочище Юртлук, находящемся в трех верстах к западу от Евпатории, в углу, образуемом морским берегом и лиманом Ойрча, он обнаружил древнее поселение, о чем свидетельствовало изобилие ключевой воды, остатков каменных построек и черепицы, амфорных обломков, в том числе с клеймами, множество греческих и римских монет. Это позволило ему именно здесь расположить Каркинитиду [10, с. XXIII-XXIV]. Открытый Ф. К. Бруном памятник находился на берегу современного Биюк-Мойнакского озера, которое раньше называлось Аирчинским.

В 1872 г. известный нумизмат П. О. Бурачков впервые провел сплошное рекогносцировочное обследование всего побережья от Евпатории до реки Ка-

---

Тока и Токил и разоренными Чокур, Корльбаши, Атьшь и Сая, которые во владении состоят его сиятельства графа Михайло Семеновича Воронцова... Утвержденная Сенатом 5 мая 1835 г. // ГААРК. Ф. 377. Оп. 12. Д. 10.

ланчак, где им были в семи местах выявлены следы существования древних поселений (Каланчак, Сары-Булат или Бакал, Акмечетская бухта, Тарханкут, Беляусский трактир, Ойбур в окрестностях Евпатории). Все они, за исключением ближайшего к Евпатории Ойбур-Беляусского поселения, были, по его мнению, незначительными торговыми пристанями, поэтому и назывались у древних писателей городками (по греч. *πολιχνοί* и на лат. *oppida*) [11, с. 128]². Именно в районе Донузлавского озера, на северном или южном его берегу П. О. Бурачков размещал позднейшую Керкиниту [11, с. 122, 124], с чем согласился впоследствии и Ф. К. Брун [12, с. 7]. Более того, при описании самой западной конечности Тарханкутского полуострова нумизмат сделал весьма существенное и, как позднее выяснилось, абсолютно верное замечание: «Здесь опять встречаются небольшие курганы (у деревни Караджа – *В.К.*), так как в этом месте есть возможность для судов приставать к берегу, следовательно, и в древности могло существовать небольшое поселение» [11, с. 124].

Новый импульс археологическому обследованию Северо-Западного Крыма дало открытие в 1878 г. мраморной базы бронзовой статуи с декретом в честь полководца Митридата VI Евпатора Диофанта [IosPE, I², 352], в которой упоминаются Керкиниту, Калос Лимен и другие анонимные укрепления (стены) на хоре Херсонеса. В 1880 г., еще до публикации этого эпиграфического документа, повторные крупномасштабные исследования данного участка побережья провел все тот же П. О. Бурачков. В данном случае между Евпаторийским Карантином и Биюк-Мойнакским озером были открыты следы, по крайней мере, трех различных и разновременных селищ, площадью не менее одной квадратной версты каждое (чуть более 1 га), остатки какого-то крупного укрепления с двумя круглыми башнями, соединенными куртиной протяженностью около 150 м. Тем не менее, несмотря на полученные им результаты, он продолжал располагать Керкиниту у Беляусского трактира [13, с. 242-245].

В 1890-1891 гг. была найдена знаменитая херсонесская присяга (по словам Ю. Г. Виноградова, «жемчужина причерноморской эпиграфики»), коренным образом изменившая представления об истории всего дорийского полиса. В ней дважды упоминается Керкиниту, Калос Лимен и Стены (TEIXE) [IosPE, I², 401]. Надпись была оперативно опубликована В. В. Латышевым уже в следующем году после ее обнаружения [14, с. 9-11].

В 1893 г. петербургский инженер и коллекционер древностей Н. Ф. Романченко (1871-1923) произвел визуальное обследование пространства между Евпаторийским Карантином и Биюк-Мойнакским озером. Кроме того, были собраны все сведения об археологических находках и у рабочих скуплены сами

---

² Время сдачи в ЗООИД статьи обозначено как март 1873 г. А это значит, что обследование местности проводилось в предыдущий год, то есть сразу после выхода статьи Ф. К. Бруна.

древние находки, обнаруженные в ходе проведения плантажных работ на дачных участках. Н. Ф. Романченко подверг сомнению вывод П. О. Бурачкова о расположении на данном участке трех селищ. Тем не менее, коллекционер по географическому виду разделил эту местность на три различные части. Им были собраны информация и предметы погребального инвентаря, в основном, из древнего некрополя первых веков до н.э. [15, с. 9-15; 5, с. 321-323]. В 1895-1897 гг. Н. Ф. Романченко проводились раскопки остатков сельскохозяйственных построек на берегу упомянутого озера и некрополя на границе города Евпатория и дачного района. Результаты проведенных исследований привели его к выводу о том, что Керкинитида располагалась возле Мойнакского озера, которое в древности было морским заливом. Она возникла ранее конца VI в. до н.э. и первоначально была скифским поселением, а затем превратилось в гераклеюскую факторию, которую, быть может, впоследствии перенесли в более удобный пункт Херсонес [5, с. 230-231; 16, с. 172-182]. Однако столичный инженер не обратил внимания на сельский характер раскрытых им строительных остатков, отсутствие сплошной блочной застройки и значительную отдаленность от них некрополя, который, как правило, начинался сразу за пределами городских стен или края поселения.

В конце XIX и, особенно, в начале XX веков Евпатория переживает необычайно бурное курортно-санаторное развитие, в результате которого город превратился во Всероссийский лечебно-оздоровительный центр. В процессе строительства активно расстраивается пустовавшая ранее территория между старым городом и Мойнакским озером, а на самом Карантине размещается военный санаторий. Во время всевозможных земляных работ в так называемом дачном районе Евпатории стали открываться многочисленные археологические артефакты. Особенный интерес представляли целые предметы (амфоры, керамические терракоты, чернолаковая посуда), происходящие из разоренных погребений некрополя. Все эти находки легли в основу античных коллекций местных собирателей древностей и просто подрядчиков, производивших строительные работы. Они активно распродавались на антикварном рынке, ибо спрос на античные изделия постоянно возрастал.

Постоянная информация о таких случайных находках в районе Евпатории сообщалась в печати преподавателем латинского языка Евпаторийской мужской гимназии В. Ф. Штифтаром, который также предпринял раскопки одного кургана вблизи города [17, с. 461-464; 18, с. 125; 19, с. 202-204; 20, с. 221-222; 21, с. 304-307; 22, с. 165, 166; 23, с. 34-35]. Правда, полевые расследования местного краеведа М. И. Ростовцев назвал любительскими и «не давшими показательных результатов» [24, с. 396; 25, р. 351].

Подводя итог первому периоду в изучении Северо-Западного Крыма, вполне можно согласиться с мнением М. И. Ростовцева, который характеризовал его как любительский и дилетантский, проводившийся без определенной системы

[24, с. 130]. Общая оценка начального этапа обследования рассматриваемого региона была дана в капитальном труде английского ученого Э. Миннза, увидевшего свет в Кембридже в 1913 г. Огромное значение этой книги заключается, прежде всего, в том, что зарубежная научная общественность познакомилась с результатами почти столетнего изучения Северного Причерноморья, включая интересующее нас побережье. В книге были обобщены все доступные на то время источники: письменные, историографические, нумизматические и археологические [26, р. 17-18, 490-492, 496, 516-520].

Второй период (1917-1958 гг.)

Начало второго периода в изучении Северо-Западного Крыма было положено членом Императорской археологической комиссии, руководителем раскопок Херсонеса Л. А. Моисеевым (1882-1946). Им в течение двух полевых сезонов (25 декабря 1916 г. – 14 июня 1917 г. и 28 ноября 1917 г. – 16 января 1918 г.) были проведены комплексные археологические исследования остатков двух сельскохозяйственных усадеб, более ранней культовой постройки и некрополя. Впервые 8(26) апреля 1917 г. были открыты руины античного городища, которое Л. А. Моисеев с уверенностью отождествил с древней Керкинитидой-Керкинитидой. О том с полной уверенностью свидетельствовали остатки двух крепостных башен с примыкающими к ним куртинами западной оборонительной линии, разновременная многоярусная жилая застройка, относящаяся ко времени рубежа VI–V, IV, III и II вв. до н.э., и, наконец, более поздняя – I–II вв. н.э. Особый интерес представляет схема пространственного развития территории некрополя, по водоразделу, от самих крепостных стен города в северо-западном направлении [27, с. 241-259; 28, с. 310-311; 29, с. 13-14]. Столь успешно развернутые раскопки были внезапно прерваны начавшейся гражданской войной и, в частности, жесточайшим террором, устроенным севастопольскими матросами 14-18 января 1918 г. К сожалению, результаты описанных археологических исследований не получили отражения в полном квалифицированном отчете, что в большой степени снижает их научную значимость. Необходимую информацию о данных раскопках сейчас можно извлечь из рукописных дневников, описей находок, писем в Археологическую и Таврическую архивную комиссии, в опубликованной публичной лекции. Положение в некоторой степени исправляют высококачественные чертежи и фотографии, выполненные художником-фотографом Академии наук, участником Археологической экспедиции Русского археологического общества и АН в Трапезунде – в 1916-1917 гг. Н. К. Круге [30, с. 295-306].

Возобновить раскопки Керкинитиды Л. А. Моисеев смог только спустя почти десять лет (21 сентября – 7 ноября 1929 г.), когда им был открыт скромный участок северной крепостной куртины укрепления, а чуть раньше (15 сентября) обследован небольшой котлован к югу от оборонительной стены, где

были зафиксированы остатки жилой застройки одного из кварталов [31, 1929, л. 1-16; 29, с. 17, 43, рис. 27; 32, с. 7, рис. 1].

Для нас особый интерес представляет попытка Л. А. Моисеева провести обследование побережья между Евпаторией и современным пгт. Черноморское, предпринятая им с 18 по 29 октября 1929 г. [33]. Результат оказался весьма скромным и затронул только четыре памятника и два урочища. Прежде всего, на берегу моря в 300-500 м от Беляусского трактира было обследовано древнее городище, обозначенное возвышенностью с грудой камней, отдельными архитектурными деталями и подъемным керамическим материалом. Небольшие размеры объекта, тем не менее, по мнению исследователя, не позволяют отождествлять его с Керкинитидой, как делали его предшественники [31, л. 3]. В 4 км к северо-востоку от упомянутого памятника было открыто ранее неизвестное новое городище IV–II вв. до н.э., получившее впоследствии название «Кульчукское», по расположенной вблизи деревне Джага-Кульчук. В центре памятника был зафиксирован развал какой-то постройки из крупных рустованных плит с пиронами в виде ласточкина хвоста [33, л. 3-4; 31, л. 4].

На самом городище было заложено четыре раскопа. Наиболее интересные результаты было получены в пункте А, где были раскрыты строительные остатки юго-восточной оборонительной башни крепости, сохранившейся на высоту двух рядов рустованных блоков, установленных поверх цоколя, общей высотой 1,75 м [33, л. 13-14; 31, л. 13-14; 34, с. 38, рис. 6]. В раскопе В, в траншее от выборки камня, был обнажен угол какого-то мощного сооружения из крупных рустованных плит, которое Л. А. Моисеев интерпретировал как остатки какого-нибудь общественного здания или храма. Однако, как показали раскопки последних лет, эти руины принадлежат еще одной крепостной башне, получившей название «№ 6». Кроме того, им был частично раскопан один из курганов восточной группы с центральным захоронением, относящимся, судя по погребальному инвентарю, к третьей четверти IV в. до н.э. [35].

Л. А. Моисеев провел также разведки в окрестностях Ак-Мечети, в результате которых было найдено два скифских изваяния IV–III вв. до н.э. Из урочища Алдермена к юго-востоку от Калос Лимена происходят два обломка круглой скульптуры скифского воина, а из карабы (так местные жители называли древние городища и могильники) Чикур – плоская скифская воинская стела [31, л. 10-14; 36, с. 101, рис. 4; 37, с. 33-34, №№ 117-118, рис. 69-70].

В 1934 г. была опубликована статья М. А. Наливкиной, принимавшей участие в работах под руководством Л. А. Моисеева, в которой она дала крайне необъективную и несправедливую оценку деятельности своего предшественника. С ее слов описанные выше раскопки были проведены на недостаточном научном и частью дилетантском уровне при отсутствии необходимой научной документации. Незамеченной осталась одна любопытная

ремарка М. А. Наливкиной: «Находимая и на Евпаторийском, и на Ак-Мечетском городище более древняя ионийская керамика не исключает возможности основания здесь поселения в более раннее время, быть может, в VI в. до н.э., что подтверждает и известие Гекатея» [38, с. 164, прим. 1]. Если данное предположение оказалось верным в отношении первого из названных объектов (как это показал еще Л. А. Моисеев), то какие-либо данные на Черноморском городище до сих пор отсутствуют.

Новое, со времен П. О. Бурачкова, крупномасштабное обследование северо-западного побережья Крыма было осуществлено в 1933-1934 гг. под руководством П. Н. Шульца Евпаторийской экспедицией ГАИМК и Евпаторийским музеем [39, с. 252-254; 40, с. 265-277; 41-44]. В ходе данных работ было изучено десять городищ, одно поселение (Чоротай) и один скифский зольник (Тереклы-Конрапт). По мнению исследователя, в IV в. до н.э. на данном берегу одновременно возникают две противостоящих одна другой системы укреплений: греко-скифская и скифо-сарматская. Причем первые городища (Евпаторийское, Ак-Мечетское, Караджинское, Донузлавское-Беляус) прекратили свое существование на рубеже II и I вв. до н.э., вторые – варварские (Кара-Тобе, Айрчи, Поповка, Кульчук, Тарпанчи, Джан-Баба) продолжали жить до III-V вв. н.э. [40, с. 270]. Большинство из упомянутых памятников были открыты впервые (Караджа, Кара-Тобе, Айрчи, Поповка, Тарпанчи, Джан-Баба).

Гидрогеолог А.И. Дзенс-Литовский сообщает о том, что в 1934 г. П.Н. Шульцем на нижней оползневой террасе Джангульского урочища были обнаружены остатки скифо-сарматского городища, которое первоначально располагалось на берегу моря [45, с. 110]. Эта же информация была позднее повторена В. П. Зенковичем [46, с. 147; 47, с. 141]. Правда, в отчетах и публикациях самого археолога нет ни слова о данном открытии.

П. Н. Шульц не ограничился только осмотром и составлением мензурной съемки вновь выявленных и ранее известных объектов. Так, на территории Керкинитиды им были обследованы обрезы глубокого котлована (до 6 м), вырытого здесь в 1932 г. Все это привело его к выводу о возникновении тут греческого поселения во второй половине IV в. до н.э. Во всей толще культурных напластований им было выделено три периода: 1 – IV–III вв. до н.э., 2 – II в. до н.э. и 3 – I в. до н.э. На Ак-Мечетском городище был раскрыт участок крепостной стены, обрамляющей городские ворота.

Настоящие раскопки на высоком профессиональном уровне были проведены на городище Кара-Тобе, располагавшемся на краю водораздела у южной оконечности песчаной пересыпи Сасык-Сивашского озера, по которой проходила дорога, соединяющая Херсонес с Керкинитидой. В культурных отложениях толщиной 2,6 м было выделено четыре слоя: 1 – конец IV – III вв. до н.э.; 2 – II–I вв. до н.э.; 3 – первые века нашей эры и 4 – III в. н.э. Особый интерес представляет раскрытое в центре городища заглубленное в грунт

основание так называемой «юрты» I в. н.э. [40, с. 18-19]. В 1940 г. М. А. Навликина опубликовала найденную еще в 1912 г. на северном берегу Сакского озера известняковую плиту с изображением в высоком рельефе восседающего бородатого Геракла, выставленную ныне в экспозиции Керченского историко-культурного заповедника [48, с. 108-109].

В 1934 г. на берегу моря напротив Кара-Тобе в песчаных карьерах на глубине 2-х метров были найдены древнегреческие амфоры, указывающие на существование Сакского и Сасык-Сивашского озер уже в античную эпоху [49, с. 5].

Летом 1946 г. территория городища, изрытая траншеями, окопами, блиндажами и воронками военного времени, была осмотрена К. Э. Гриневичем [50, с. 155-161]. Весь собранный подъемный материал был разделен ученым на три хронологические группы, относящиеся к позднеклассической, эллинистической и римской эпохам. Калос Лимен, по мнению ученого, погиб в IV в. н.э. Он обратил внимание на отсутствие фрагментов средневекового времени. К сожалению, до сих пор никто не обратил никакого внимания на обломок чернолакового аттического блюда с 4-х строчным граффити. По мнению К. Э. Гриневича, очертания побережья в античный период отличались от современных. Так, один из рукавов древнего залива омывал Калос Лимен с южной стороны в том месте, где в настоящее время располагается мелководная лагуна и где могли швартоваться древние корабли. Данное наблюдение было впоследствии развито А. Н. Щегловым, который предполагал также наличие небольшого залива с северной стороны городища [51, с. 239]. Однако подтвердить или опровергнуть предложенную реконструкцию древнего ландшафта возможно только путем проведения геологического бурения поймы нынешней лагуны. С нашей точки зрения, присутствие здесь продолжения залива весьма сомнительно в силу того, что тальвег озера, судя по всему, располагается на слишком небольшой глубине от современного уровня моря. Рассматриваемый регион, как полагал К. Э. Гриневич, являлся производственным районом, определяющим экономику Херсонеса.

Детальные археологические исследования западного побережья полуострова от устья реки Альма и до Перекопского перешейка с 1 по 28 октября 1948 г. осуществил Евпаторийский отряд Тавро-скифской экспедиции Крымской научно-исследовательской базы АН СССР, ИИМК АН СССР и ГМИИ [42, с. 24-82; 52]. Итоги данных работ были изложены 19 ноября 1949 г. в виде доклада «Археологические исследования в Крыму за 30 лет» на заседании Крымского отдела географического общества СССР [53, с. 127]. Экспедицией было проведено визуальное обследование одиннадцати памятников (Кизил-Яр, Кара-Тобе, Кара-Тобе-селище, Чайка, Тереклы-Конрат, Айрчи, Поповка, Беляус, Караджа, Ветреная, Владимировка-Маслины). При этом городища Чайка, Ветреная и Владимировка были обнаружены впервые.

В 1949 г. на берегу озера Донузлав у деревни Озеровка А. А. Щепинским было обнаружено античное поселение [53, с. 115-116]. В 1949 – начале 50-х годов прошлого столетия местным краеведом М. К. Зиновьевым были открыты остатки античных поселений на берегу Перекопского залива, возле с. Борисовка и с. Кумово в Раздольненском районе Крыма. К сожалению, точное местоположение их в настоящее время определить не удается [54, с. 323-325].

В 1948 и 1950 гг. археологическое изучение Калос Лимена в рамках названной выше экспедиции провела М. А. Наливкина. На территории городища было заложено три раскопа [55, с. 271-279; 56, с. 55-60; 57, л. 172-205; 58, л. 9-20; 34, с. 13, рис. 10-11, 76]. Один (А) на берегу бухты в юго-западной части памятника, другой (Б) – у северной оборонительной линии и третий (В) – в северо-восточном углу городища. На всех названных участках ею было выделено три слоя: верхний гуммированный слой, второй глинисто-золистый слой II–III в. н.э. и третий глинистый слой III–II вв. до н.э. С последним связаны основные строительные остатки Калос Лимена. Наиболее интересные результаты были получены на раскопе Б, где были раскрыты цоколь эллинистического дома, впритык примыкающего к крепостной стене. Этот жилой дом был детально проанализирован А. Н. Щегловым, который справедливо относил его сооружение к концу IV в. до н.э. [1976, с. 232-238]. Все приведенные М. А. Наливкиной даты явно завышены и, как показали дальнейшие археологические исследования, не соответствуют действительности, что было связано со слабой разработанностью хронологии керамического материала, в первую очередь, тары.

В октябре 1948 г. научным сотрудником Молдавской базы АН СССР Г. Д. Смирновым было проведено исследование некрополя Калос Лимена, в процессе которого был снят подробный глазомерный топографический план восточной курганной группы, состоящей из 29 насыпей, с обозначением точных параметров каждой из насыпей. Тогда же им был на высоком методическом уровне полностью раскопан курган № 1, содержащий два погребения второй половины IV в. до н.э.: центральное женское и впускное детское [60, с. 187-192; 61, л. 163-170].

В 1950-1952 гг. М. А. Наливкина проводила изучение Керкинитиды и прилегающей к ней территории в так называемом курортном районе Евпатории [62, с. 114-118; 63, с. 128-133; 64, с. 62-72; 55, с. 265-270; 56, с. 55-60; 29, с. 19-20; 58; 65; 66]. На самом городище было заложено три раскопа – на первом из них был раскрыт небольшой участок крепостной стены третьей четверти IV в. до н.э., два других раскопа оказались в центре городища. Наиболее важные результаты были получены в 1952 г. на раскопе II, где были разобраны все культурные отложения на глубину 5,5 м до подстилающего их стерильного песка. Все строительные остатки были разделены на четыре периода от рубежа VI–V вв. до н.э. и до I в. до н.э. – I в. н.э. (VI–V, IV–III, II, I вв. до н.э. – I в. н.э.).

М. А. Наливкина ставила себе в заслугу открытие самого раннего строительного горизонта Керкинитиды рубежа VI–V вв. до н.э. В то же время ей прекрасно было известно о том, что заслуга в выделении позднеархаического слоя принадлежит ее предшественнику Л. А. Моисееву.

Основные результаты раскопок М. А. Наливкиной были широко использованы в одном из «Херсонесских этюдов» А. И. Тюменева в качестве доказательства его исторических построений. Как свидетельствуют археологические данные, Керкинитида возникла примерно на столетие ранее Херсонеса, в конце VI в. до н.э. как небольшая ионийская колония или фактория, а во второй половине IV в. до н.э., быть может – в последние десятилетия названного столетия, она попала в зависимость от дорийского полиса. Второй по величине населенный пункт побережья Калос Лимен был основан Херсонесом на рубеже IV–III, а возможно, в начале III в. н.э. К тому же времени относится выдвижение скифов к морскому берегу и конфронтация с Херсонесом [67, с. 37-47].

В 1950-1951 гг. М. А. Наливкина раскапывала остатки сельскохозяйственной усадьбы с круглой башней, открытой П. И. Филонычевым в 1941 г., расположенной на расстоянии 2,5 км к западу от стен Керкинитиды, на пересечении улиц Полупанова и Маяковского [68; 62, с. 114-118; 63, с. 128-133; 55, с. 266; 69, с. 24-25, рис. 15]. Внутри фортификационного сооружения был найден краснофигурный аск первой половины IV в. до н.э. с кладом из 30 бронзовых херсонесских монет, 16 из которых принадлежали к типу квадрига – воин третьей четверти IV в. до н.э., остальные 14 – к тому же или близким типам [70, с. 352-363, прим. 9]. Отсюда же происходит фрагмент гераклеийской амфоры с клеймом фабриканта Нпуупж, работавшего на протяжении конца V - середины 80-х годов IV вв. до н.э. [7, с. 429, прил. V]. А. Б. Колесников время существования описанной усадьбы относил к концу 70-х – третьей четверти IV в. до н.э. [71, с. 14].

31 июля 1955 г. П. Н. Шульц в своем дневнике записал: «По сообщению Александра Ивановича Полканова, на пляже, на расстоянии 15-20 м от моря, у излома шоссе при повороте на пересыпь, ведущую в Евпаторию в 100 м от шоссе, в 1923 г. в песке было найдено 5 узкогорлых остродонных амфор. Они переданы в Центральный музей Тавриды. Около Евпатории у большой соляной пристани на 0,5 км от въезда в Евпаторию со стороны Сак А. И. Полкановым найдено большое скопление античной посуды» [72].

В конце 1958 г. в северо-западной части пересыпи Сакского озера при прокладке траншеи на глубине 0,60-0,80 м был обнаружен клад римских золотых и серебряных монет. К сожалению, первые из названных не попали в руки нумизматов, остальные 57 оказались римскими денариями, выпущенными с 38 г. до н.э. по 75 г. н.э. Следовательно, сокрытие клада произошло вскоре после даты последней монеты Веспасиана. Данная находка свидетельствует о пребывании здесь римских отрядов, контролировавших сухопутную дорогу из Херсонеса в Керкинитиду и далее в Калос Лимен.

Итак, отличительной особенностью рассмотренного периода, прежде всего, является то, что археологические разведки и стационарные раскопки памятников на северо-западной оконечности полуострова осуществляли профессиональные археологи, владеющие современной по тому времени методикой полевых исследований и опытом практической работы. Основным результатом их деятельности, в первую очередь, стало открытие древнего городища, которое с уверенностью можно было отождествить с упоминаемой в письменных источниках Каркинитидой – ионийской колонией, выведенной в данную точку Причерноморья еще в VI в. до н.э. Кроме того, получено достаточно полное представление о топографии памятников, их размерах, стратиграфии и, наконец, достоверная задокументированная информация о хронологии и строительной периодизации обследованных объектов.

Третий период (1959-1979 гг.)

Переломным моментом в археологическом изучении Северо-Западного Крыма стал 1959 г., когда к разведкам и раскопкам памятников приступило сразу несколько экспедиций, часть которых продолжают деятельность и до настоящего времени. Так, весной названного года в песчаном карьере у санатория «Чайка» на обнаруженном еще в ноябре 1948 г. поселении была открыта кладка из крупных известняковых блоков. К раскопкам городища приступил Скифский отряд Крымской экспедиции ИА СССР под руководством А. Н. Карасева [73, с. 33-42; 74, с. 131-139; 75, с. 115-117; 76, с. 215-218], который сразу же позволил оценить большую значимость объекта в истории региона. С 1963 г. работы на памятнике стали ежегодными, с 1967 г. по сегодняшний день раскопки проводит Крымская экспедиция МГУ под руководством И. В. Яценко, а с 1987 г. – Е. А. Поповой [77, с. 4-6; 78, р. 289-321; 79, с. 313-314; 80, с. 210-215].

В том же году к разведкам рассматриваемого побережья приступила Тарханкутская экспедиция Херсонесского историко-археологического музея (ныне НЗХТ) под руководством А. Н. Щеглова. Тогда было обследовано одиннадцать памятников, среди которых пять – городища: Чайка, Кульчук, Тарпанчи с двумя селищами, Джан-Баба с селищем и грунтовым могильником, а также шесть селищ: Лазурное с грунтовым могильником, Окуневка-1, Пристань 15, Марьино, Морское и Морское-1. Причем четыре из них были открыты впервые (Окуневка-1, могильник у с. Лазурное, Марьино и Морское-1) [81, с. 70, 80; 82]. Уже на первой составленной упомянутым ученым археологической карте описываемого участка берега было обозначено 20 пунктов [83, с. 5-6, рис. 2].

В 1959-1960, 1962-1963 гг. А. Н. Щеглов осуществлял изучение городища Тарпанчи и двух примыкающих к нему с запада и востока селищ в с. Окуневка. Памятник, по его мнению, возник на рубеже IV–III вв. до н.э., в середине II в. до н.э. был захвачен скифами, обнесен рвом и крепостными стенами.

В конце II в. до н.э. он был захвачен Диофантом, а затем просуществовал как варварское сарматизированное поселение до II–III вв. н.э. [81, с. 75-78; 84, с. 67-75; 85, л. 46-78]. Кроме того, в 1962 г. Тарханкутская экспедиция провела обследование прорытой через все городище Калос Лимен траншеи, вскрывшей всю толщу культурных напластований памятника с юга на север. Тогда же было проведено сплошное изучение ближайшей сельскохозяйственной окрестности, а также усадьбы у бухты Ветреная, в 2,5 км от городища [51, с. 234-256].

В течение трех недель августа 1959 г. раскопки центральной части Прекрасной Гавани проводил отряд Советско-Польской экспедиции под руководством М.-Л. Бернхард и Н. Л. Грач. На площади 180 м² были вскрыты культурные отложения на глубину до 2,5 м, в которых было выделено два горизонта – эллинистического и римского времени. В верхнем ярусе были открыты помещения А и В, соответственно площадью 9 и 12 м², которые использовались на протяжении I в. до н.э. и до II в. н.э. Вторая из упомянутых построек по своей планировке напоминает мегароны скифского типа [86, с. 3-10; 87, с. 165-187; 88, р. 433; 89, № 419, р. 206; 90, с. 11; 91, с. 302-304].

В 1960 г. к изучению прибрежных берегов озера Донузлав приступил Крымский отряд Скифской экспедиции ИА АН СССР, позже преобразованный в Донузлавскую экспедицию ИА АН СССР, которой до настоящего времени руководит О. Д. Дашевская. В 1960-1970 гг. экспедиция проводила раскопки Южно-Донузлавского городища в с. Поповка. Херсонесское укрепление возникло у южной оконечности пересыпи упомянутого озера на рубеже IV–III вв. до н.э., в середине II в. до н.э. было захвачено скифами. Варварское поселение оказалось меньше по размерам первоначального, греческого. Оно было обнесено в I в. до н.э. валом и рвом, облицованным камнем. Вал в свою очередь был усилен каменной стеной, рухнувшей позже в котлован рва. За скифскими оборонительными сооружениями возникает открытое поселение. Скифское укрепление и пригород прекратили свое существование в конце I или начале II вв. н.э. [92, с. 51-58; 93, с. 50-56; 94, с. 65-72; 95, с. 62-69; 96, с. 131-132; 97, с. 349-352; 98, с. 274-280].

С 1962 г. и по настоящий день Донузлавская экспедиция проводит систематические исследования херсонесского городища Беяус у северо-западной конечности пересыпи одноименного озера. Поселение возникло в начале последней четверти IV в. до н.э. и представляло, в окончательно сформировавшемся виде, агломерацию из пяти сблокированных вместе усадеб, четыре из которых имели осадные башни [99, с. 20-24; 100, с. 26-41]. В первой половине II в. до н.э. городище переходит в руки скифов. В начале I в. до н.э. варварское поселение обносится рвом и валом. Окончательно оно прекращает свое существование в конце I или начале II вв. н.э. В 1967-1979 гг. был полностью раскопан позднескифский некрополь, располагавшийся к северу от памятника.

В 1961-1963 гг. О. Д. Дашевская провела разведки в интервале г. Евпатория – Донузлавское озеро. В ходе данных работ были открыты новые памятники: Беляус-северное и Беляус-восточное селища, Южно-Донузлавское селище, городище Береговое и селище Мурзачок. Последние располагались возле соленого озера Тереклы-Конрат [101, с. 148-152].

В период между 1967 и 1988 гг. Донузлавская экспедиция ИА АН СССР проводила эпизодические раскопки Западно-Донузлавского городища, расположенного у самой западной оконечности озера Донузлав, в 1,35 км к востоку от Беляуса. Поселение возникло в середине IV в. до н.э. и представляло квадрат размерами 52x55 м, включавший в себя блок из четырех равновеликих усадеб площадью примерно 750 м² каждая. Северо-западный угол укрепления фланкировала квадратная в плане башня размерами 9x9 м. В его юго-восточном углу располагались ворота, защищенные двумя небольшими башенками. С 60-х годов III в. до н.э. поселение переживает застой, в третьей четверти названного столетия наблюдается некоторый экономический подъем. В последней четверти III в. до н.э. жизнь на городище прекращается [102, с. 86-87; 103, с. 161-177; 104, р. 267-268].

В 1962 г. детальную разведку берегов Донузлавского озера в связи со строительством нового военного порта «Мирный» провел П. Н. Шульц, в результате чего была составлена самая подробная археологическая карта памятников, расположенных по сторонам названного водоема [105, с. 11, прим. 10]. На карте, хранящейся в архиве КФ ИА НАНУ, обозначено 200 объектов различных исторических эпох: поселения эпохи бронзы, античные селища и могильники, курганы, развалины татарских эпох и т.д. К сожалению, пояснительный текст к данному документу отсутствует, что значительно снижает ее информативность. Вся эта ценнейшая информация была подробно проанализирована С. Б. Ланцовым [105, рис. 2; 106, с. 140-141, рис. 3; 107, с. 47; 108, р. 682, fig. 2]. По мнению названного автора, все античные поселения на берегах Донузлавского озера принадлежат к херсонесской хоре и косвенно свидетельствуют о том, что оно в то время не было еще отшнуровано от моря песчаной пересыпью. Следовательно, этот залив мог восприниматься древними мореплавателями за устье реки Гипакирис (?), в чем, однако, приходится сомневаться.

В 1964-1965 гг. во время подводных работ на глубине 4-5 м и на расстоянии 140-180 м от пересыпи Донузлавского озера были обследованы остатки кораблекрушения, происшедшего в начале IV в. до н.э. Со дна моря были подняты: фрагменты свинцовой обшивки судна, слесарный инструментарий, коллекция из 20 целых гераклейских амфор с энглифическими клеймами [109, с. 73-78; 110, с. 151-158]. На найденной *in situ* керамической таре были оттиснуты штампы фабрикантов Евопида и Хиона, относящихся по новой классификации В. И. Каца к концу V – началу IV вв. до н.э. [7, с. 326, табл. 20, с. 429, прил. V]. В 1985 г. работы в акватории названного водоема проводил

В. Н. Таскаев. Однако результаты данных работ оказались весьма скромными [111, с. 12-13; 112, с. 23-27; 113, с. 78-79]. В начале 80-х годов с морского дна напротив Тарханкутского мыса была поднята целая мендийская амфора последней четверти V – первой четверти IV вв. до н.э., хранящаяся в настоящее время в Черноморском краеведческом музее.

В 1964 г. при строительных работах в санатории им. Т. Г. Шевченко был найден клад из 62 херсонесских монет, наиболее поздние из которых (33 экземпляра) относятся к 300-290 гг. до н.э. Вблизи него располагалась каменная стена того же времени, указывающая на нахождение здесь аграрного надела [114, с. 3-16]. Сокрытие кладов такого типа А. М. Гилевич относит ко времени около 280–270/260 г. до н.э. [70, с. 356, 358, 365-366].

Весной 1967 г. во время земляных работ в с. Межводное у обелиска советским воинам был найден рельеф лежащего Геракла [115, с. 211-212]. Охранные раскопки на месте находки изображения героя открыли фрагментированные строительные остатки херсонесской усадьбы конца IV – первой трети III вв. до н.э. Среди найденных предметов выделяются терракота головы Диониса и две небольшие известняковые гермы [116, с. 71-74], мраморная женская скульптура Кору – Персефоны и известняковое изображение юного Геракла [117, с. 62-65]. Из случайных находок у с. Межводное происходит примитивный известняковый рельеф лежащего Геракла, выставленный в экспозиции Черноморского краеведческого музея [118, р. 61, fig. 6,2].

В 1966 г. на северо-восточном берегу Каркинитского залива были зафиксированы античные поселения IV–III вв. до н.э. Портовое, Гусинка, Веселая долина, а в 1970 г. – два объекта у села Северное, которые позже получили название Маслины и Гроты. К сожалению, никаких археологических раскопок здесь тогда не было проведено [117, с. 62-64].

С 1969 г. и, с некоторыми перерывами, по 1994 г. Тарханкутская экспедиция ЛОИА проводила систематическое изучение поселения и могильника Панское I. Первоначально на невысоком мысу приморской долины, на рубеже V–IV вв. до н.э., возникло четырехбашенное квадратное в плане укрепление со стороной 42 м. Затем на рубеже третьей и четвертой четвертей IV в. до н.э. вокруг выросло целое поселение, состоящее, по крайней мере, из 14 отдельно стоящих усадеб с периметральным расположением жилых и хозяйственных помещений вокруг большого центрального двора. В конце первой трети III в. до н.э. весь поселок сгорел в пожаре и больше никогда не восстанавливался [119, с. 132-144; 105, с. 46, 80-82; 120, р. 59; 121].

В 1970, 1973 и 1979 гг. Донузлавская экспедиция ИА АН СССР проводила раскопки Кульчукского городища и расположенного к северу некрополя. Памятник занимает площадь около 1,4 га и представляет собой блок из нескольких усадеб, первая из которых была сооружена в середине IV в. до н.э., остальные в III в. до н.э. В восточной части городища были расчищены неболь-

шие круглые печи II–I вв. до н.э. и каменное помещение [95, с. 264; 122, с. 268-269; 123, с. 268; 124, с. 25-28]. В расположенном к северу от городища грунтовым могильнике в 1973 г. был раскопан земляной склеп IV–III вв. до н.э. с коллективным погребением, а в 1979 г. курган с двумя трупосождениями III–II вв. до н.э. и шестью позднескифскими могилами-кенотафами II–I вв. до н.э. В забутровке одной из могил была найдена узкая херсонесская стела конца IV в. до н.э. с именем Парфения, сына Сириска; под ней рельефное изображение меча в ножнах и скифский лук [125, с. 199-213; 126, с. 90-96; 127, с. 109-114].

В 1974 г. на шельфе на глубине до 3 м и в 70 м от берега было обнаружено античное поселение IV–III вв. до н.э., расположенное в 2,5 км южнее села Хуторок. Керамика встречается на протяжении 100-150 м вдоль берега. Однако остается не решенным вопрос: находилось на такой глубине поселение или археологические предметы были разнесены морским прибоем [105, с. 142; 106, с. 65].

В 1989-1995 гг. Кульчукское городище и могильник раскапывал сначала отряд Западно-Крымской экспедиции, затем одноименная экспедиция ИА АН СССР, с 1993 г. – ИИМК РАН. За время работ была вскрыта площадь свыше 1000 м² на глубину 2,5–4,0 м. В культурных напластованиях были выделены три этапа: греческий, скифский и раннесредневековый. В нижнем ярусе были раскрыты заглубленные в материк полуземлянки середины – третьей четверти IV в. до н.э. Второй период был представлен расположенной в западной части памятника усадьбой № 2 с квадратной башней последней трети IV – начала III вв. до н.э. размерами 9,5х9,5 м, толщиной стен 1,1 м. В южной части была открыта культовая площадка последней четверти IV в. до н.э. С третьим периодом связана усадьба № 1 с мощной башней первой четверти III – первой половины II вв. до н.э., усиленной в период около середины III в. до н.э. противотаранным поясом. Скифское поселение, возникшее в середине II в. до н.э. на месте херсонесского, в конце II – I вв. до н.э. было обнесено по всему периметру рвом и валом, облицованными бутовым камнем. В южной части памятника были зачищены основания круглых в плане печей для обжига керамики, засыпанных в I в. н.э. Варварское поселение прекратило свое существование в конце I в. н.э. На некрополе было вскрыто около трех с половиной десятков погребений. Среди них – земляные склепы, каменные склепы, подбойные могилы и плитовая детская могила [128, с. 80-84; 129, с. 50-52; 130, с. 41-42; 131, с. 34-35].

В 1972–1986 гг. экспедиция Харьковского университета под руководством В. А. Латышевой проводила раскопки херсонесского поселения конца IV – середины II вв. до н.э. Маслины на берегу Каркинитского залива. Памятник представлял собой куст из четырех усиленных мощными башнями усадеб, одна из которых полностью была уничтожена морской абразией. По сторонам основного укрепления располагалось открытое поселение. Могильник за все годы работ открыт так и не был [132, с. 56-61; 133, с. 68-93; 134, с. 100-107; 135, с. 66-73; 136, с. 127-140; 137, с. 56-61; 138, с. 79-89; 139, с. 111-114].

В 1973, 1976-1982 гг. Крымская экспедиция МГУ полностью раскопала поселение Маяк I, расположенное в 2,6 км к юго-западу от городища Чайка. Оно состояло из двух сблокированных вместе усадеб и примыкающей к ним с севера овчарни. Памятник насчитывает три строительных периода, укладываемые в промежуток времени с начала последней трети IV до первой четверти III вв. до н.э. Невдалеке от описанного памятника на Евпаторийском мысу был открыт виноградный плантаж, относящийся к 360 гг. до н.э. – первой четверти III в. до н.э. [140, с. 76-86; 71, с. 6-8, 10-13; 141, с. 87-93; 142, с. 186-195; 143, с. 199-200; 78, р. 304].

В 1975 г. охранные раскопки грунтового участка некрополя Керкинитиды при строительстве кафе «Театральное» в Евпатории провела экспедиция Евпаторийского музея [144, с. 181-192]. В 1977 г. при строительных работах на ул. Гоголя был случайно обнаружен каменный склеп с уступчатым перекрытием IV в. до н.э., затем ограбленный и использованный для повторных позднескифских погребений на протяжении второй половины II – рубежа II–I вв. до н.э. [145, с. 28-46].

Итак, основным результатом третьего периода явилось получение достоверной информации о пространственной организации отдаленной хоры Херсонесского полиса, о количестве и топографии аграрных поселений приморской периферии, о типологии, хронологии и внутренней структуре памятников. Вполне справедливо главное внимание было обращено, в первую очередь, на археологическое исследование сельскохозяйственной округи, составляющей основу экономики эллинистического Херсонеса. Общий итог третьего этапа был подведен в монографии А. Н. Щеглова, в которой были проанализированы все доступные на тот период аспекты в характеристике памятников. На археологической карте Северо-Западного Крыма было обозначено 45 объектов, против 12 на схеме П. Н. Шульца [105, с. 32, рис. 8].

Четвертый период (1980-2006 гг.)

С 1980 по 2006 гг. – наряду с продолжением изучения аграрных поселений, большое внимание стало уделяться раскопкам основных городских центров региона, таких как Керкинитиды и Калос Лимен. На протяжении рассматриваемого периода Тарханкутская экспедиция ЛОИА=ИИМК продолжала раскопки поселения и могильника Панское I, Донузлавская экспедиция ИА АН СССР=РАН – городища Беляус и прилегающей территории, Крымская экспедиция МГУ – городища Чайка и его окрестности.

В 1981-1987 гг. Тарханкутская экспедиция ЛОИА полностью раскрыла отдельно стоящую херсонесскую усадьбу у бухты Большой Кабель на побережье Каркинитского залива. Здание размерами 22,80x25,75-26,75 м, в одном из его углов располагалась мощная многоярусная башня размерами 9,45x9,6 м. Вокруг центрального двора по всему периметру размещались в

один ряд двухэтажные помещения, объединенные в отдельные скромные по площади комплексы. Усадьба возникла в пределах последней трети IV в. до н.э., в первой трети III в. до н.э. была частично разрушена, а затем восстановлена. Не позднее середины II в. до н.э. она разрушена и сожжена во время осады скифами [146, с. 273-275; 147, с. 353; 148, с. 11-14]. Кроме того, в 1983-1984 гг. в одной из расщелин Джангульского оползневой побережья был расчищен золистый культурный слой с большим количеством обломков керамических изделий с посвящениями. Главным божеством, воспроизведенным в граффити, названо ранее неизвестное в Херсонесе имя Тарга [149, с. 334; 146, с. 274].

В 1980-1987, 1989-1990, 1993, 1997, 2000 гг. раскопки Керкинитиды проводила экспедиция ИА УССР=НАНУ (первые три года – Евпаторийский отряд Южно-Крымской экспедиции, затем преобразованный в Западно-Крымскую экспедицию). В процессе данных работ была получена принципиально новая информация о площади городища, планировке древнего города, фортификационных сооружениях, о характере его внутрикрепостной жилой застройки и многое другое. Основные результаты исследований опубликованы в монографиях и десятках статей [29; 150; 151, с. 167-170; 152, с. 15-16; 153, с. 136-138]. В 1985, 1994, 1997 и 2000 гг. осуществлялись охранные раскопки некрополя Керкинитиды [154, с. 16-25; 155, с. 163-169; 69, с. 96-99].

В 1983-1984 гг. Западно-Крымская экспедиция ИА АН УССР осуществила небольшие работы на античном поселении Кизил-Яр, расположенном у северной оконечности пересыпи одноименного озера. По визуальному наблюдению площадь памятника составляет около 1 га. В культурных напластованиях памятника толщиной 1,2 м выделяется два периода: херсонесский второй половины IV–II вв. до н.э. и позднескифский второй половины II в. до н.э. – II–III вв. н.э. [156, с. 78-83].

В 1986-1987 гг. Сакский отряд Западно-Крымской экспедиции ИА АН УССР во главе с С. Б. Ланцовым провел археологическое изучение античного святилища на пересыпи Сакского озера и античного поселения Ново-Федоровка, расположенного между морем и упомянутым водоемом [157, с. 301-302]. Святилище было основано, по всей видимости, солдатами Понтийского экспедиционного корпуса около 112 г. до н.э. в ознаменование крупной военной победы, затем после смерти Митридата VI оно находилось под покровительством Херсонеса и Боспора, а с середины II в. н.э. и по 50-60-е годы III в. н.э. контролировалось римской дорожной службой [158, с. 94-100; 159, с. 116-128; 160, с. 78-95; 161]. Расположенное рядом поселение Ново-Федоровка, по мнению названного автора, возникло здесь еще на рубеже V–IV вв. до н.э., в 40-30-е гг. IV в. до н.э. оно было включено в состав херсонесской хоры, в 60-е гг. III в. до н.э. было полностью уничтожено варварами, а только спустя треть века возрождено и окончательно погибло около 170 г. до н.э. [162, с. 71-104].

С 1988 г. и по настоящий день археологические исследования Калос Лимена – городища, его ближайшей округи и курганного некрополя проводит Западно-Крымская экспедиция ИА НАНУ. Раскопками были раскрыты на большой площади различные участки памятника, выяснены характер оборонительной системы укрепления, строительная и историческая периодизация античного города, погребальный обряд проживающего здесь населения, что нашло отражение в защищенной диссертации и монографии [34; 163, с. 42-47; 164, с. 39-41; 165, с. 81-86; 166, с. 87-91].

В 1990-1992 гг. Крымской экспедицией МГУ южнее оборонительной стены позднескифского поселения была раскрыта отдельно стоящая усадьба, состоявшая из центрального двора и нескольких помещений вокруг него. Она возникла в конце первой четверти I в. до н.э. и погибла в пожаре. Второй строительный период относится ко второй половине I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. и третий датируется концом 20-х – 30-ми гг. I в. н.э. [77, с. 84-94; 167, с. 39-49].

В 2002 г. экспедицией МГУ в 120 м западной юго-западной башни херсонесского укрепления была раскрыта эллинская усадьба последней четверти IV – III вв. до н.э. В плане она представляла собой двор с колодцем и тарапаном. Поверхность двора была вымощена известняковыми плитами и плотно утрамбованной каменной крошкой. Последний был окружен помещениями, из которых было выявлено шесть [168, с. 229-231; 169, с. 258-259].

В 2005 г. Западно-Крымская экспедиция ИА НАНУ провела первые раскопки Караджинского городища, расположенного в самой западной точке Крымского полуострова, на северо-восточном берегу соленого озера Саригол (с татарского – «желтая вода»). Исследованный участок расположен в юго-восточной части памятника и примыкает к береговому клифу. Никаких археологических находок ранее третьей четверти IV в. до н.э. обнаружено не было. Все строительные остатки относятся к заключительному этапу существования городища – I в. до н.э. – I в. н.э. [170, с. 5-15].

С 1983 г. до настоящего времени систематическое археологическое исследование городища Кара-Тобе осуществляет одноименный отряд Крымской экспедиции МГУ и ИА РАН, руководимый С. Ю. Внуковым. Как было установлено в ходе раскопок, поселение возникло еще в первой половине или даже начале IV в. до н.э. Однако ранние строительные остатки были почти полностью разобраны при последующей застройке памятника. В середине II в. до н.э. городище перешло в руки крымских скифов. В последней четверти II в. до н.э. здесь было возведено мощное квадратное укрепление со стороны, равной 100 м, возможно, фланкируемое по своим углам крепостными башнями. В центре него строительный комплекс, основу которого составляла крупная башня-донжон размерами 12,2x12,9 м. К ней с юга примыкал большой мощный плитами двор, окруженный по всему периметру жилыми и хозяйственными постройками. В данном укреплении размещался понтийско-херсонесский гарнизон,

который был эвакуирован отсюда во второй четверти – конце первой трети I в. до н.э. Тогда же были полностью разобраны внешние стены укрепления. Возникшее в середине I в. до н.э. позднескифское поселение погибло в пожаре в 20-е годы I в. н.э., во время правления боспорского царя Аспурга. В середине первого столетия нашей эры оно было вновь восстановлено и окончательно покинуто в конце I – начале II вв. н.э. [171, с. 60-67; 172, с. 66-68; 173, с. 30-31; 174, с. 207-211; 175, с. 74-77; 176, с. 86-88; 177, с. 12-19; 178, с. 87-89; 179, с. 89-93; 180, с. 24-31; 181, с. 67-80; 182, с. 125-128; 183, с. 54-58; 184, с. 45-50; 185, р. 149-155; 186, р. 45-50]. На городище были сделаны уникальные находки. Первая – надпись на трофее в честь взятия варварского укрепления понтийским отрядом во главе с Аристоником [187, с. 28-29; 188, р. 493-500]. Скептическое отношение к такой интерпретации надписи высказал В. П. Яйленко [189, с. 124-125]. Вторая надпись содержит посвящение неким богам группой лиц во главе с кибернетом Теотимом [177, с. 16-17], гипсовые слепки-модели (инструментарий ювелира) для изготовления подарочных металлических рельефных сосудов [190, с. 100-109; 185, р. 28-50], статер боспорского царя Асандра [191, с. 51-58]. В 1993-2001 гг. был полностью исследован расположенный к северу от городища грунтовый некрополь, в котором было раскрыто 35 погребений. Все они относятся ко времени середина I в. до н.э. – конец первой четверти I в. н.э. (до 23 г. н.э.) [192, с. 96-121; 193].

В 2006 г. Донузлавская экспедиция ИА НАНУ приступила к систематическим раскопкам Кульчукского городища. В течение последующих четырех лет была раскрыта по всему периметру усадьба в северной части городища размерами с севера на юг 23,85-30,00 м и с запада на восток – 44,55 м. Строительный комплекс был усилен башней, ориентированной по сторонам света, размерами 9,80x10,25 м, возведенной во второй половине III в. до н.э. На рубеже III–II вв. до н.э. она была обнесена дополнительным противотаранным пирамидальным поясом толщиной в основании 2,5 м. В середине II в. до н.э. поселение перешло в руки скифов. После возвращения пункта экспедиционным корпусом Диофанта в конце II в. до н.э. башня была полностью перестроена и целиком сложена из камня (сохранившаяся в настоящий момент кладка достигает в высоту 2,7 м). Именно тут был размещен понтийско-херсонесский гарнизон. После его вывода во второй четверти I в. до н.э. здесь вновь разместилось варварское поселение, которое было обнесено рвом, облицованным бутовым камнем. Жизнь на скифском городище прервалась в конце I в. н.э. [194, с. 257-260; 195, с. 422-425; 196, с. 142-151; 197-199].

Итак, отличительной особенностью четвертого периода служит одновременное изучение как малых городов описываемого побережья Крыма (Керкинитиды и Калос Лимена), отдельно стоящих укреплений (Чайка), так и аграрных поселений: отдельно стоящих усадеб (Большой Кафель), агломерации усадеб (Беляус, Кульчук), поселка, состоящего из группы отдельно стоящих усадеб

(Панское I), открытых селищ, структура которых пока окончательно не определена. За истекшее время были полностью раскрыты такие памятники, как Чайка, Беляус, Большой Кафель, У-6 и У-7 на поселении Панское I. Определены их планировка, внутренняя структура, строительная и историческая периодизации. Все сказанное позволило совсем по-новому осветить историческое развитие западного побережья Таврики и Херсонесского полиса. На вновь составленной археологической карте к началу нашего столетия уже обозначено 76 объектов (против 45 в 1978 г.) в интервале между озером Кизил-Яр и верховьями Каркинитского залива [161, рис. 1; 105, рис. 1]. Следует подчеркнуть малую информативность гидроархеологической карты акватории шельфа западного побережья полуострова, несмотря на накопленные фактические данные [113, с. 75-78]. Это объясняется тем фактом, что подводными расследованиями занимаются всевозможные любительские клубы без соответствующей разрешительной документации, а, следовательно, отчетности.

Пятый период (с 2007 г. по нынешний день)

В настоящее время на описываемом побережье Таврики продолжают работать четыре археологических экспедиции: Западно-Крымская ИА НАНУ и Донузлавская экспедиция КФ ИА НАНУ (начальники В. А. Кутайсов и С. Б. Ланцов), Кара-Тобинская экспедиция ИА РАН (начальник С. Ю. Внуков) и Крымская экспедиция МГУ (начальники Е. А. Попова и Т. В. Егорова). Основанием для выделения пятого периода в изучении рассматриваемого региона могут быть следующие новые обстоятельства. В 2007-2008 гг. был осуществлен украинско-датский Джарылгачский исследовательский проект (DSP), основной целью которого являлось изучение сельскохозяйственной округи античного поселения Панское и окрестностей одноименного озера. В качестве методики применялась так называемая «площадная блочная разведка» (проще говоря, визуальное обследование территории со сбором подъемного материала и фиксацией всех находок с помощью GPS, с последующим нанесением их на карту плотности распределения находок), магнитометрическое обследование площадей с точным картированием выявленных объектов с применением спутниковой навигации (GPS) и, наконец, тривиальная шурфовка. В ходе работ было выявлено 8 новых поселений бронзового, раннеклассического и эллинистического времени, большое количество курганов и выделены каменные круги, внутри которых производились захоронения (?) [200, с. 107-118; 201; 202].

Весьма впечатляющими явились результаты разведок, проводимых в 2009-2010 гг. в рамках Западно-Крымского международного проекта с применением дистанционной методики, анализа космических снимков высокого разрешения в ресурсе Google Earth, а также аэрофотоснимков и крупномасштабных карт, визуального обследования, магниторазведки и зондирования грунта. На составленной подробной археологической карте западной оконечности

Тарханкутского полуострова было обозначено 93 новых объекта эпохи бронзы и раннего железного века и собраны данные о 5000 курганных насыпях (?) [203, рис. 20; 204, рис. 112]. Однако археологически составляющая часть в данной исследовательской работе ничтожно мала, что требует от нас самого осторожного отношения к полученным результатам. Столь неожиданные итоги требуют еще более глубокого анализа и подробной проверки достоверности полученных данных конкретными раскопками каждого вновь выявленного объекта в отдельности. К тому же, на составленной археологической карте отсутствуют некоторые открытые в предыдущие годы в процессе традиционных разведок объекты, например, эллинистическое поселение (усадебка?) на плато, окаймляющем живописную бухту Кипчак с востока. Крайне скептическое и вполне обоснованное отношение к результатам геофизических разведок высказал один из ведущих специалистов в области античной археологии А. А. Масленников. По его мнению, сами по себе такие обследования не могут служить «основанием для сколько-нибудь однозначных, обоснованных выводов и, следовательно, исторических реконструкций» [205, с. 200]. Трудно с таким заключением авторитетного ученого не согласиться.

Итак, археологические исследования Северо-Западного Крыма охватывают более чем 170-тилетний промежуток времени. Начало им было положено «питейным объездчиком» и корреспондентом ООИД, а позже инспектором симферопольской гимназии А. И. Шмаковым [3, с. 476]. Как показали современные раскопки, им была дана достаточно точная характеристика Черноморского городища, отождествляемого с античным Калос Лименом. Первое сплошное обследование всего интересующего нас побережья полуострова в 1872 г. провел нумизмат-любитель, автор первого каталога античных монет колоний Северного Причерноморья П. О. Бурачков [206]. В процессе обследования было открыто семь античных поселений. Начало профессиональному изучению региона было положено членом императорской археологической комиссии, заведующим раскопками в Херсонесе Л. А. Моисеевым, с именем которого связано открытие упоминаемой античными авторами и местными эпитафическими документами Каркинитиды–Керкинитиды.

Сплошное обследование северо-западного побережья в 1933-1934 и 1948 гг. провел П. Н. Шульц, обозначивший на своей археологической карте уже 13 объектов. Новый этап в археологическом изучении рассматриваемых берегов начался в 1959 г., когда сразу несколько экспедиций приступили к систематическому исследованию ключевых памятников, таких как Чайка, Южно-Донузлавское городище, Беляус, а затем Панское и др. В данном промежутке времени продолжались разведки прилегающих территорий. В результате на обновленной карте А. Н. Щеглова в 1978 г. было обозначено 45 объектов.

С 1980 г. новым дополнением к предыдущим исследованиям стали систематические раскопки малых городов региона Керкинитиды и Калос Лимена,

концентрирующие вокруг себя остальные более мелкие аграрные укрепления, поселения и селища, отдельно стоящие усадьбы. В указанное время значительно расширился ареал археологических поисков и раскопок, затронувших территорию между Сасык-Сивашским и Килиз-Ярским озером, основной целью которых являлось уточнение границ хоры Херсонесского полиса. Не удивительно поэтому, что в начале настоящего столетия на археологической карте появилось 76 памятников.

Абсолютно новые исследовательские возможности открылись в последние годы в результате использования современных методов разведок с применением всего арсенала естественнонаучных подходов, в первую очередь, анализа космических и аэрофотоснимков, геомагнитного обследования территорий, наряду с традиционным визуальным исследованием и археологическим зондированием. Полученные в ходе этих работ результаты полностью меняют наши представления о заселенности Тарханкутского полуострова в античную эпоху. Причем многие памятники, как выяснилось, располагаются далеко от морского побережья, внутри упомянутого полуострова, расположенные в пределах глубоких балок и долин. Тем не менее, вся полученная информация требует тщательной проверки и глубокого осмысления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Кутайсов В.А. Природа Северо-Западного Крыма в античную эпоху // БИ. 2010. Вып. XXIV.
2. Бжишкян М. Коезлов или Евпатория // Сурб-Хач. 1996. № 2.
3. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - первая половина XIX вв.). СПб., 2002.
4. Пьянков В.Г. Справочная книжка города Евпатории и его уезда. Евпатория, 1888.
5. Романченко Н.Ф. Таврическая губерния. Материалы по археологии Евпаторийского уезда // ЗРАО. 1896. Т. 8. Вып. 1-2.
6. Главы из «Путеводителя...» Шарля (Карла) Монтандона // Историческое наследие Крыма. Симферополь. 2009. № 24.
7. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII.
8. Шмаков А.И. Пирамидки из глины, найденные при Акмечетской бухте // ЗООИД. 1844. Т. 1.
9. Лоция Черного и Азовского морей. Николаев, 1892.
10. Брун Ф.К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1872. Вып. 2.
11. Бурачков П.О. О местоположении древнего г. Каркинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД. 1875. Т. 9.
12. Брун Ф.К. Черноморье: Сб. исследований по исторической географии южной России. Одесса, 1880.
13. Бурачков П.О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности

- и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД. 1881. Т. 12.
14. Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные на юге России в 1889-1891 гг. // Материалы по археологии России. 1892. № 9.
  15. Романченко Н.Ф. К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории // Археологические известия и заметки. М., 1894. № 1.
  16. Романченко Н.Ф. Раскопки в окрестностях Евпатории // ИАК. 1907. № 25.
  17. Штифтар В.Ф. Археологические находки в Евпатории // Гермес. 1911. Т. 9.
  18. Штифтар В.Ф. Хроника. Эпиграфическая находка // Гермес. 1912. Т. 10.
  19. Штифтар В.Ф. Две надписи на черепицах и другие предметы древности, найденные в Евпатории // ИТУАК. 1913. № 50.
  20. Штифтар В.Ф. Эпиграфическая находка // ИТУАК. 1914. № 51.
  21. Штифтар В.Ф. О коллекции древнегреческой посуды в городе Евпатории // ИТУАК. 1914. № 51.
  22. Штифтар В.Ф. Неизданные штампы на ручках греческих амфор, найденных в г. Евпатория // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1.
  23. Штифтар В.Ф. Евпатория – Керкинитида как часть херсонесского округа // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. 10-13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927.
  24. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
  25. Rostowzew M. Skythien und Bosphorus. Band I. Berlin, 1931.
  26. Minns E.H. Scythians and Greek. Cambridge, 1913.
  27. Моисеев Л.А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУАК. 1918. № 54.
  28. ИТУАК. 1919. № 56.
  29. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990.
  30. Басаргина Е.Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Том XXIII.
  31. Моисеев Л.А. Отчет о раскопках в Евпатории 1929 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1930. Д. 130.
  32. Кутайсов В.А. Раскопки Керкинитиды в 1989 г. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
  33. Моисеев Л.А. Дневник экспедиции Евпаторийского музея в Ак-Мечеть в октябре 1929 г. (с 18 по 29 октября) // НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1929. Д. 130.
  34. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.). Симферополь, 2006.
  35. Кутайсов В. А. Курганный некрополь Калос Лимена, 2011.
  36. Ольховский В.С. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
  37. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М., 1994.
  38. Наливкина М.А. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9-10.
  39. Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. № 3.
  40. Шульц П.Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. М.; Л., 1941.
  41. Шульц П.Н. Дневник полевых исследований 1933 г. // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. III. Симферополь, 2010.

42. Шульц П.Н. Отчет о работе отряда по исследованию памятников от устья р. Альмы до г. Краснопереконск, от д. Оленевка на Тарханкутском п-ве до Перекопа // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2010. Вып. III.
43. Шульц П.Н. Дневник археологических разведок в Евпаторийском и Акмечетском районах Крымской АССР в 1933 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1933. Д. 139.
44. Шульц П.Н. Евпаторийская экспедиция 1933-1934 гг. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1934. Д. 202.
45. Дзенс-Литовский А.И. Оползни Джангульского побережья Тарханкутского полуострова в Крыму // Природа. 1936. № 6.
46. Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958.
47. Зенкович В.П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М., 1960. Т. II.
48. Наливкина М.А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. 1940. № 6.
49. Казанский А.Д. Краткий исторический очерк развития курорта Саки // Саки-курорт. Материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно биологических факторов Сакского озера и района. Симферополь, 1935. Вып. I.
50. Гриневич К.Э. Городище «Прекрасная Гавань» в свете новейших данных // ВДИ. 1949. № 1.
51. Щеглов А.Н. Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. 1967. № 3.
52. Шульц П.Н. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. // НА КФ ИА НАНУ. № 2/3.
53. Щепинский А.А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области // ИКОГО. 1951. Вып. 1.
54. Зиновьев М.К. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
55. Наливкина М.А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948-1952) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
56. Наливкина М.А. Керкинитиды и Калос Лимен (некоторые итоги изучения) // Античный город. М., 1963.
57. Наливкина М.А. Отчет о раскопках Черноморского городища в 1948 г. // НА ИА РАН. Д. 270.
58. Наливкина М.А. Отчет о работе Евпаторийского отряда Тавро-скифской экспедиции в 1950 г. // НА ИА РАН. Д. 522.
59. Щеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976. (Археологические памятники Крыма).
60. Смирнов Г.Д. Раскопки скифского кургана близ городища Калос Лимен // ВДИ. 1952. № 4.
61. Смирнов Г.Д. Раскопки скифского кургана близ Черноморского городища в 1948 г. // НА ИА РАН. Р-1. Д. 270.
62. Наливкина М.А. Основные итоги работ Евпаторийского отряда // КСИИМК. 1952. № 45.
63. Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1953. № 51.
64. Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории (предварительные итоги) // КСИИМК. 1955. № 58.

65. Наливкина М.А. Отчет о раскопках в Евпатории в 1951 г. // Архив Евпаторийского краеведческого музея. Д. 12.
66. Наливкина М.А. Отчет о раскопках в Евпатории в 1952 г. // НА ИА РАН. Д. 959.
67. Тюменев А.И. Херсонесские этюды. VI. Керкинитида и Херсонес // ВДИ. 1955. № 3.
68. Филонычев П.И. Иллюстрации к отчету о разведывательных раскопках в Евпатории в 1941 г. // Архив Евпаторийского краеведческого музея. Д. 213.
69. Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
70. Гилевич А.М. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV-II вв. до н.э. // Археологические вести. СПб., 1999. № 6.
71. Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатория: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.
72. Шульц П.Н. Дневник эпизодических археологических разведок. 1955 г. // НА КФ ИА НАНУ.
73. Карасев А.Н. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории // КСИА. 1963. Вып. 95.
74. Карасев А.Н. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 103.
75. Карасев А.Н. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории // АО, 1965. М., 1966.
76. Карасев А.Н. Раскопки городища Чайка в Евпатории // АО-, 1966. М., 1967.
77. Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культуры в Северо-Западном Крыму. М., 2005.
78. Попова Е.А., Егорова Т.В. Исследование западной окраины позднескифского поселения на городище Чайка в Евпатории // АДУ, 2005-2007. Київ; Запоріжжя, 2007.
79. Kolesnikov A.B., Jacenko I.V. Le territoire agricole de Chersonesos Taurique dans la region de Kerkinitis // Bulletin de correspondance hellenique. 1999. Suppl. 14. Territoires des Cites Grecques.
80. Попова Е.А., Егорова Т.В. Новейшие открытия Крымской археологической экспедиции МГУ в Евпатории // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев, 2010.
81. Щеглов А.Н. Разведки 1959 года на Западном побережье Крыма // СХМ. Симферополь, 1961. Вып. II.
82. Щеглов А.Н. Отчет о разведках 1959 г. на территории Западного Крыма // НА НЗХТ. Д. 838.
83. Щеглов А.Н. Полевые работы Херсонесского музея в Северо-Западном Крыму в 1959-1960 гг. // Тез. докл. о раскопках Херсонеса Таврического на античной секции сессии отделения историч. наук АН СССР. Севастополь, 1961.
84. Щеглов А.Н. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. // СХМ. 1963. Вып. III.
85. Щеглов А.Н. Отчет о работах Тарханкутской экспедиции в 1962-1963 гг. // НА НЗХТ. Д. 840/1.
86. Bernhard M.L. Kalos Limen: Fouilles Polonaises en Crimée, URSS, 1959 // Bulletin du Musee National de Varsovie. 1961. Vol. II. № 1.
87. Bernhard M.L. Wykopalska archeologiczne Muzeum Narodowego w Warszawie // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. 1962. № VI.
88. Bernhard V.L., Sztetyllo Z. Kalos-Limen // The Princeton Encyclopedia of Classical sites. Ed. R. Stillwell. Princeton, 1979.
89. Sztetyllo Z. Les timbres céramiques. Dans les collections du Musée National de Varsovie. Varsovie, 1983.

90. Sztetyllo Z. Kalos Limen // 50 lat polskich wykopalisk w Egipcie I na Bliskim Wschodzie. Warszawa, 1986.
91. Sztetyllo Z. Les fouilles polonaises sur les rives Nord de la Ner Noire // 50 Years of Polish Excavations in Egypt and the Near East. Actes of the Symposium at the Warsaw University 1986. Varsowie, 1992.
92. Дашевская О.Д. Раскопки южного Донузлавского городища в 1960 году // КСОГУ. Одесса, 1961.
93. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961-1962 гг. // КСОГАМ. Одесса, 1964.
94. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963-1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109.
95. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966-1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130.
96. Голенцов А.С. Керамические клейма из раскопок Южно-Донузлавского городища // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.
97. Столба В.Ф., Голенцов А.С. Монетные находки из раскопок Южно-Донузлавского городища 1964-1965 гг. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
98. Столба В.Ф., Голенцов А.С. Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище (Северо-Западный Крым) // ΣΥΣΣΙΓΓΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000.
99. Дашевская О.Д. К истории Донузлавской экспедиции // Калос Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское – 2400 лет. I междунаучно-практич. конф. Черноморское, 2008.
100. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2004.
101. Дашевская О.Д. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961-1963 гг. // КСИА. 1965. Вып. 103.
102. Дашевская О.Д. Работы в Черноморском районе Крыма // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
103. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Западно-Донузлавское городище в Крыму // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
104. Chtcheglov A. Polis et chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin. Paris, 1992.
105. Ланцов С.Б. О границах территории Херсонесского государства на рубеже IV-III вв. до н.э. // ХСб. 2004. Вып. XIII.
106. Ланцов С.Б. П.Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н.э. // У Понта Евксинского (Памяти П.Н. Шульца). Симферополь, 2004.
107. Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма. Осень '99. IV Крымская междунаучно-практич. конф. 1999.
108. Lantsov S.V., Uzhentzev V.V. Distant Chora of Taurian Chersonesus and the City of Kalos Limen // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Oxford, 2007.
109. Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. Подводные археологические работы в районе Евпатории // КСИА. 1967. Вып. 109.
110. Блаватский В.Д., Петерс Б.С. Кораблекрушение конца IV – начала III вв. до н.э. около Донузлава // СА. 1969. № 3.

111. Таскаев В.Н. Итоги подводных археологических исследований в районе озера Донузлав и в прибрежной зоне села Штурмовое в Северо-Западном Крыму // Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников. Науч.-практич. семинар. Запорожье, 1987.
112. Таскаев В.Н., Богатуев Ю.И. Подводная археология об истории мореплавания в северо-западном Крыму // Судова археологія та підводні дослідження. Запоріжжя, 1993.
113. Назаров В.В. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины. Киев, 2003.
114. Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV - III вв. до н.э. // НЭ. 1970. Том VIII.
115. Высотская Т.Н. Новая находка рельефа с изображением Геракла // АО, 1967. М., 1968.
116. Висотська Т.Н. Давньогрецьке поселення хори Херсонеса // Археологія. 1975. № 15.
117. Щепинський А.О., Черепанова О.М. Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки // Археологія. 1974. № 13.
118. Stolba V. F. Guderne I Chersones: Parthenos og Herakles // Mennesker og guder ved Sortehavets kyster. Aarhus, 2004.
119. Щеглов А.Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена (опыт реконструкции) // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
120. Šceglov A.N. Utilisation de la photographie aerienne dans l'etude du cadastre de Chersonesos Taurique (IV-IIe s. av. N.E.) // Dialogues d'histoire ancienne. 1980. №6.
121. Hannestad L., Stolba V., Sceglov A. Panskoye I. Aarhus, 2002. Vol. I, II.
122. Дашевская О.Д. Двадцатый сезон Донузлавской экспедиции // АО, 1979. М., 1980.
123. Дашевская О.Д., Голенцов А.С., Михлин Б.Ю. Исследование памятников античной эпохи в северо-западном Крыму // АО, 1973. М., 1974.
124. Голенцов А.С. Исследование Кульчукского городища и его некрополя // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Тез. докл. Севастополь, 1988.
125. Дашевская О.Д. Первые исследования Кульчукского некрополя // СА. 1978. №3.
126. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 1982. Вып. 170.
127. Голенцов А.С., Дашевская О.Д. Надгробие воина с Херсонесской хоры // ВДИ. 1981. № 2.
128. Голенцов А.С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989-1993 гг. // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
129. Голенцов А.С. Фортификация городища Кульчук // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995.
130. Голенцов А.С. Херсонесские клейма из раскопок поселения Кульчук // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999.
131. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. О принадлежности каменных склепов Северо-Западного Крыма // Вестник Евпаторийского краеведческого музея. 2006. Вып. 4.
132. Латышева В.А. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // КСИА. 1978. № 156.
133. Латышева В.А. Развитие земледелия на территории Херсонесской хоры (по материалам поселения Маслины и Гроты) // Археологические памятники юго-восточной Европы. Курск, 1985.
134. Латышева В.А. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // Вестник Харьковского университета. 1985. № 268.

135. Латышева В.А. К истории культов населения херсонесской хоры // Вестник Харьковского университета. 1988. № 316.
136. Латышева В.А. Терракота из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины // Древности. Харьков, 1994.
137. Латышева В.А. О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины) // Древности. Харьков, 1996.
138. Латышева В.А. О благоустройстве сельских поселений на территории Херсонесской хоры (по материалам поселения Маслины) // Древности. Харьков, 1997-1998.
139. Котенко В.В. Поселение херсонесской хоры Маслины в Северо-Западном Крыму: из истории исследований // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ; Полтава, 2010.
140. Колесников А.Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // Вестник МГУ. 1984. № 4.
141. Колесников А.Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 1985. № 2.
142. Колесников А.Б. Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991.
143. Яценко И.В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории (IV-II вв. до н.э.) // Путешествие в древность. М., 1983.
144. Михлин Б.Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. // СА. 1981. № 3.
145. Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с ступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
146. Щеглов А.Н. Большой Кафель и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь, 1988.
147. Щеглов А.Н. Раскопки в Северо-Западном Крыму // АО, 1986. М., 1988.
148. Боголюбова О.Ю. Керамический комплекс поселения Большой Кафель // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Тез. докл. Севастополь, 1988.
149. Щеглов А.Н. Работы в Черноморском районе Крыма // АО, 1984. М., 1986.
150. Кутайсов В.А. Керкинитиды. Симферополь, 1992. (Археологические памятники Крыма).
151. Кутайсов В.А., Павленков В.И. Раскопки Керкинитиды // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
152. Кутайсов В.А., Павленков В.И. Раскопки античной Керкинитиды в 1997-1998 гг. // АБУ, 1998-1999. Київ, 1999.
153. Кутайсов В.А., Павленков В.И., Приднєв С.В. Исследование Керкинитиды в 2000 г. // АБУ, 1999-2000. Київ, 2001.
154. Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Некрополь античной Керкинитиды. Киев, 1989.
155. Кутайсов В.А., Приднєв С.В. Охранные раскопки некрополя Керкинитиды // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
156. Ланцов С.Б. Античне поселення біля озера Кизил-Яр // Археологія. 1989. № 3.
157. Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Работы Западно-Крымской экспедиции // АО, 1986. М., 1988.
158. Ланцов С.Б. Две votivные таблички из святилища римских военнослужащих около Сакского озера в Крыму // ХСБ. 1999. Вып. X.

159. Ланцов С.Б. Монеты из античного святилища около г. Саки // *Αἱ Ἀκάνθιαι*. ХСб. 2001. Вып. XI.
160. Ланцов С.Б. Культы и адепты в святилище II в. до н.э. – III в. н.э. около г. Саки в Крыму // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001.
161. Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003.
162. Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.
163. Кутайсов В.А. Итоги и перспективы изучения Калос Лимена // Калос Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское – 2400 лет. I междунаучно-практич. конф. Черноморское, 2008.
164. Кутайсов В.А. Итоги и перспективы изучения Калос Лимена // Историческое наследие Крыма. 2009. № 24.
165. Кутайсов В.А., Приднев С.В. Раскопки некрополя Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму. 1995 год. Симферополь, 2007.
166. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Исследование городища Калос Лимен // Археологические исследования в Крыму. 1995 год. Симферополь, 2007.
167. Егорова Т.В. Керамический комплекс второй половины IV – начала III вв. до н.э. из усадьбы № 1 в предместье городища «Чайка» // Вестник Евпаторийского краеведческого музея. 2006. Вып. 4.
168. Попова Е.А., Егорова Т.В. Работы Крымской археологической экспедиции на городище «Чайка» в Евпатории в 2002 г. // АДУ, 2001-2002. Київ, 2003.
169. Попова Е.А., Егорова Т.В. О работе на городище «Чайка» // АДУ, 2003-2004. Запоріжжя, 2005.
170. Кутайсов В.А. Караджинское городище в северо-западном Крыму // Историческое наследие Крыма. 2006. № 15.
171. Внуков С.Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
172. Внуков С.Ю. Исследование городища и могильника Кара-Тобе // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
173. Внуков С.Ю. Раскопки у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1995 год. Симферополь, 2007.
174. Внуков С.Ю. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VIII.
175. Внуков С.Ю. Работы на городище Кара-Тобе в 2002 г. // АБУ. Київ, 2003.
176. Внуков С.Ю. Работы Кара-Тобинского отряда в 2003 г. // АБУ. Київ, 2004.
177. Внуков С.Ю. О местоположении древнего Евпатория в свете результатов археологических исследований последних лет // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2004.
178. Внуков С.Ю. Работы на городище Кара-Тобе под г. Саки в 2004 г. // АДУ, 2003-2004. Запоріжжя, 2005.
179. Внуков С.Ю. Раскопки городища Кара-Тобе в 2005 г. // АДУ, 2004-2005. Запоріжжя, 2006.
180. Внуков С.Ю. Численность населения Северо-Западного Крыма на рубеже нашей эры по археологическим данным // Вестник Евпаторийского краеведческого музея. Евпатория, 2006. Вып. 4.

181. Внуков С.Ю. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II – первая половина I вв. до н.э.) // Древняя Таврика. Археологические исследования. Симферополь, 2007.
182. Внуков С.Ю. Исследования 2006 г. на западной окраине г. Саки в Северо-Западном Крыму // АДУ, 2005-2006. Київ; Запоріжжя, 2007.
183. Внуков С.Ю. Новые открытия на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму в 2007 г. // АДУ, 2006-2007. Київ, 2009.
184. Внуков С.Ю. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в северо-западном Крыму // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев, 2010.
185. Vnukov S. Ju., Kovalenko S.A., Trejster M. Ju. Moulages en Platre de Kara-Tobe (Crimée) // Revue Archéologique. 1990. Fasc. 1.
186. Vnukov S.Y. The North-Western Crimea on Historical - Archaeological Essay // North Pontic Archaeology Recent Discoveries and Studes. Colloquia Pontica. Leiden; Boston; Koln, 2001. Vol. 6.
187. Виноградов Ю.Г., Внуков С.Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989.
188. Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997.
189. Яйленко В.П. Признак Боспорского Сатира в Ольвии и тени ольвиополитов да митридатовых солдат в Западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999.
190. Внуков С.Ю., Коваленко С.А., Трейстер М.Ю. Гипсовые слепки из Кара-Тобе // ВДИ. 1990. № 2.
191. Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Уникальный статер боспорского царя Сандра с городища Кара-Тобе // Древности Боспора. 2007. Вып. 11.
192. Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
193. Внуков С.Ю. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2001 г. // НА КФ ИА НАНУ. № 101, папка 1114.
194. Ланцов С.Б., Колтухов С.Г., Уженцев В.Б., Грацианская Л.И. Работы Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ в 2006 г. // АДУ, 2005-2007. Київ; Запоріжжя, 2007.
195. Ланцов С.Б. Новый горельеф Геракла с херсонесской хоры // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.
196. Ланцов С.Б. Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н.э. – I в.н.э.) на хоре Херсонеса Таврического // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев, 2010.
197. Ланцов С.Б. Отчет об археологических исследованиях Донузлавской экспедиции в 2006 г. // НА ИА НАНУ, 2007.
198. Ланцов С.Б. Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городищах Кульчук и Беляус в 2007 г. // НА ИА НАНУ, 2008.
199. Ланцов С.Б. Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городище Кульчук в 2008 г. // НА ИА НАНУ, 2009.
200. Гульдагер П. и др. Джарылгачский исследовательский проект. Результаты сезона 2007 г. //

- Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы междунауч. научн. конф. СПб., 2007. Ч. 2.
201. Ланцов С.Б. Отчет об археологических разведках с шурфовкой на севере Тарханкутского полуострова в Черноморском р-не АРК в рамках Джарылгачского исследовательского проекта (DSP) в 2007 г. Симферополь; Орхус, 2008.
  202. Ланцов С.Б. Отчет об археологических разведках с шурфовкой на севере Тарханкутского полуострова в Черноморском р-не АРК в рамках Джарылгачского исследовательского проекта (DSP) в 2008 г. Симферополь; Орхус, 2009.
  203. Смекалова Т.А., Столба В.Ф. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: предварительное сообщение // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. I. Симферополь, 2009.
  204. Смекалова Т.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: каталог // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. II. Симферополь, 2010.
  205. Масленников А.А. Сельские поселения Восточного Крыма как исторический источник (методика исследования и информативные возможности) // Методика полевых археологических исследований. Вып. 4. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., 2011.
  206. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884.

Кутайсов В. А.

История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма

Резюме

Археологические исследования Северо-Западного Крыма охватывают более чем 170-летний промежуток времени. В истории изучения данного региона выделяется пять периодов, каждый из которых обладает своей ярко выраженной спецификой. Первый из них охватывает промежуток времени с 1825 по 1916 гг., второй – с самого конца 1916 по 1958 гг., третий – с 1959 по 1979 гг., четвертый – с 1980 по 2006 гг., а последний берет свое начало в 2007 г. и продолжается по настоящий день.

На протяжении всего XIX и начала XX вв. шел процесс первичного накопления данных о памятниках региона, предпринимались попытки локализации упоминаемых в письменных источниках древних эллинских поселений, надежно определено местоположение одного из них – Калос Лимена. Второй этап ознаменовался открытием самого известного древнегреческого полиса региона – Керкинитиды. В течение нескольких десятилетий эпизодические раскопки памятников побережья на профессиональном уровне проводились Л. А. Моисеевым, П. Н. Шульцем, М. А. Наливкиной. Качественные изменения в организации археологических исследований произошли в 1959 г., когда к раскопкам аграрных памятников приступило сразу несколько экспедиций: Тарханкутская (ЛОИА=ГАИМК), Донузлавская (ИА АН СССР=РАН), Крымская (МГУ), Харьковского университета. С 1980 г. Западно-Крымская экспедиция ИА АН УССР=ИА НАНУ проводит

систематическое изучение городских центров северо-западного побережья – Керкинитиды и Калос Лимена. С 2007 г. начался принципиально новый этап в изучении региона: сплошное обследование всей территории, в том числе и отдаленной от морского берега, с помощью самых современных технических возможностей – анализа результатов космической съемки с последующими поисками конкретных памятников на местности, их зондирование путем археологической шурфовки.

Кутайсов В. О.

Історія дослідження античних пам'яток Північно-Західного Криму

Резюме

Археологічні дослідження Північно-Західного Криму охоплюють більш ніж 170-річний проміжок часу. В історії вивчення даного регіону виділяється п'ять періодів, кожен з яких має свою яскраво виражену специфіку. Перший з них охоплює проміжок часу з 1825 по 1916 рр., другий – з самого кінця 1916 по 1958 рр., третій – з 1959 по 1979 рр., четвертий – з 1980 по 2006 рр., а останній бере свій початок у 2007 р. і продовжується по сьогодні.

Впродовж усього XIX і початку XX ст. йшов процес первинного накопичення даних про пам'ятки регіону, робилися спроби локалізації згадуваних у писемних джерелах давніх еллінських поселень, надійно визначене місце розташування одного з них – Калос Лимена. Другий етап ознаменувався відкриттям найвідомішого давньогрецького полісу регіону – Керкинітиди. Протягом декількох десятиліть епізодичні розкопки пам'яток узбережжя на професійному рівні проводилися Л. О. Моїсєєвим, П. М. Шульцем, М. А. Налівкіною. Якісні зміни в організації археологічних досліджень сталися в 1959 р., коли до розкопок аграрних пам'яток приступило відразу декілька експедицій: Тарханкутська, Донузлавська, Кримська МДУ, Харківського університету. З 1980 р. Західно-Кримська експедиція ІА НАНУ проводить систематичне вивчення міських центрів північно-західного узбережжя – Керкинітиди і Калос Лимена. З 2007 р. почався принципово новий етап у вивченні регіону: суцільне обстеження всієї території, у тому числі й віддаленої від морського берега, за допомогою найсучасніших технічних можливостей – аналізу результатів космічної зйомки з подальшими пошуками конкретних пам'яток на місцевості, їх зондування шляхом археологічної шурфовки.

Kutaisov V. A.

The History of Research of Antique Monuments in the North-Western Crimea

Summary

Archaeological researches of the North-Western Crimea cover the period of more than 170 years. In the history of studying this region there are five periods; each of them is characterized by its pronounced specifics. The first of them embraces the period of time from 1825 till 1916; the

second – from the very end of 1916 till 1958; the third one is from 1959 till 1979; the fourth – from 1980 till 2006 and the last one – from 2007 up to the present day.

During the whole 19th - the beginning of the 20th centuries there was the process of primary accumulation of data on the monuments of the region, attempts of localizing mentioned written sources of ancient Hellenic settlements were undertaken; the position of one of them Kalos Limen was reliably determined. The second stage was marked by the discovery of the most famous ancient Greek polis of the region – Karkinites. During several decades occasional excavations of the monuments on the coast were undertaken on really professional level by L. A. Moiseyev, P. N. Shultz, M. A. Nalivkina. Qualitative changes in organizing archaeological research took place in 1959, when several archaeological expeditions began to excavate agrarian monuments; they were Tarkhankut, Donuzlav, Crimean (MSU), Kharkov University. Since 1980 Western-Crimean expedition IA NASU undertook systematic city centers of the south-western coast - Karkinites and Kalos Limen. And, finally, since 2007 a principally new stage in studying the region: complete research of the whole territory and a part far from the sea shore with the help of up-to-date technical devices – analysis of the result of space surveying of high resolution with further search of particular monuments in the area, their probing by archaeological digging prospect holes.

В. Г. САМОЙЛЕНКО

О ХРОНОЛОГИИ ВОРОТ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Описанные ворота некоторое время, несомненно, действовали после своей постройки. Правда, мы не можем точно сказать, почему в воротах мы видим перебой двух кладок, одной позднеклассической и другой раннеэллинистической.

К. Э. Гриневич (1926 г.)

Юго-Восточный район оборонительной системы Херсонеса Таврического является уникальным памятником античной и средневековой фортификации в Северном Причерноморье. В комплекс оборонительных сооружений входят хорошо сохранившиеся ворота эллинистического периода (рис. 1; 2). Памятник представляет собой проход в куртине 16 длиной 8,67 м. Сохранились остатки двух пилонов (западного и восточного), выполненных в технике рустованной кладки из крупных блоков известняка сарматского яруса. Ширина проезда ворот равна 3,87 м. Максимальная высота сохранившихся частей 2,88 м. По обе стороны проезда ворот, на высоте 1,02 м от скалы, располагаются пазы предполагаемой решетки-катаракты [1, с. 105]. Перекрытие ворот не сохранилось, однако, учитывая их значительную ширину, сложилось мнение об архитравном перекрытии по деревянным балкам [2, с. 106]. Как показала реконструкция градостроительного плана Херсонеса Таврического, юго-восточные ворота вели в портовую и центральную части города [3, с. 129].

Юго-восточные ворота открыты раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г. Все исследователи сходились во мнении, что ворота построены одновременно со строительством куртины 16 оборонительных стен. К. К. Косцюшко-Валюжинич, на основании полученной во время раскопок информации, определил хронологические рамки памятника, начало строительства которого относил к IV в. до н.э. В римскую эпоху, но не позже I в., ворота были заложены с обеих сторон и превращены в два сообщающихся помещения [4, с. 38].

Через несколько лет А. Л. Бертье-Делагард провел обследование оборонительной системы Херсонеса. Его точку зрения о том, что «древнегреческие ворота Херсонеса вообще не были построены до конца и городу не служили», можно назвать исключением среди остальных мнений. Начальный этап строительства ворот им также отнесен к IV в. до н.э. [1, с. 127].

Выдающийся исследователь крепостных сооружений Херсонеса К. Э. Гриневич уделил большое внимание изучению городских ворот. Он писал: «...воро-

та представляют интересный памятник древнегреческой эпохи IV-III вв. до н.э., конструктивно тесно связанный с основными принципами греческого военного строительства. Эти ворота довольно точно датируются предметами подстенного склепа № 1012 (конец IV – начало III вв. до н.э.) и существовали до конца греческой эпохи...» [5, с. 52]. Тщательно изучив все конструктивные элементы ворот, К. Э. Гриневич предпринял попытку дополнительно датировать их и по типам кладок. В результате автор пришел к выводу, что кладка ворот неодинакова во всех частях. Им выделено два типа кладки. Кладку нижней части ворот и прилегающих к ним участков городской оборонительной стены, сложенную насухо из хорошо обработанных блоков, он назвал «классической» и датировал древнегреческой эпохой. Автор выделил шесть нижних рядов данной кладки. Над ней располагается сложенная насухо кладка «кордоны на ребро, плиты на образок», датированная автором по аналогии с памятниками Ольвии концом IV – началом III вв. до н.э. К. Э. Гриневич назвал такую кладку «раннеэллинистической» [5, с. 47; 6, с. 65]. По типологии С. Д. Крыжицкого соответствует трехслойной двухрядной орфостатной сложной кладке [2, рис. 33].

Несмотря на разницу в технике кладки напольной и тыльной сторон 16 куртины, на долгие годы укрепилось представление об одновременности ее постройки. «Получается впечатление, что обе кладки почти одновременны, но одна (логом и тычком) – менее декоративная и украшала наружную часть стен, другая же, более декоративная, должна была украшать внутреннюю часть стены, обращенную к городским домам и улицам» [5, с. 51].

Археологические и консервационно-реставрационные работы 1957-58 гг. расширили запас информации о конструктивных особенностях юго-восточных ворот и археологической ситуации около них. Е. Н. Жеребцовым было высказано предположение о существовании на этом участке ворот раннего времени. Часть стены, открытой К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1899 г., проходящей под фундаментом здания т.н. «казармы» и восточного пилона ворот, он соединил с оборонительной стеной, открытой К. Э. Гриневичем в 1927 г. [7, с. 60; 8, с. 34]. Севернее от данной стены была зачищена подрубка в скале предполагаемого второго пилона. Выяснилось также, что территорию к западу от ворот раннего времени занимал некрополь [8, с. 36]. Консервационными работами 1957 г. под руководством С. Ф. Стржелецкого исследован восточный пилон ворот в 16 куртине (рис. 3). В результате были выделены остатки трех строительных периодов в виде кенотафа, связанного с некрополем раннего времени, далее перекрывающая его стена неясного назначения и пилон ворот III в. до н.э., перекрывающий уже саму стену [9, с. 17].

В середине 60-х гг. прошлого столетия на участке западного пилона и XIV башни проводились археологические исследования под руководством И. А. Антоновой. Они имели цель уточнить хронологию строительства оборонительных сооружений Юго-Восточного района Херсонеса. Автор выделила

несколько крупных этапов строительства оборонительных сооружений на участке около ворот [10, с. 18]. В результате исследований был сделан вывод о строительстве ворот, башни XIV и оборонительной линии в третьей четверти IV в. до н.э. [11, с. 114].

В современной историографии поставлен под сомнение вопрос о наличии фортификационных сооружений, предшествовавших главной линии, открытой К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Все архитектурные остатки у юго-восточных ворот Херсонеса, относимые ранее к оборонительному строительству, атрибутируются как фрагменты погребальных сооружений некрополя раннего времени [12, с. 150]. Кроме того, считается утвердившимся мнение о единой организации основных оборонительных сооружений в рамках градостроительного плана Херсонеса Таврического во второй половине второй четверти IV в. до н.э., но не позднее середины этого столетия [13, с. 167].

Новые данные, полученные в последнее время при детальном изучении конструктивных особенностей ворот, позволяют существенно уточнить сведения о начальном этапе строительства памятника.

В фундаменте восточного пилона ворот, со стороны проезда, можно выделить три разные по технике исполнения участка (рис. 4). При рассмотрении правой части основания ворот, ближе к лицевой стороне куртины 16, фундамент опирается на скалу и выполнен из крупных хорошо обработанных блоков известняка размерами 1,5x0,5x0,4 м. Ширина этого участка 2 м. Он частично перекрывает вход в подстенный склеп [8, с. 36]. Такой тип кладки прослеживается на протяжении всей 16 куртины со стороны перибола. В рамках работы 2009 г. по исследованию уровня грунтовых вод нами было отмечено, что с внешней стороны куртины 16 бутовый фундамент залегает на 1,25 м ниже, чем бутовый фундамент той же стены с городской стороны (рис. 5). Поскольку с напольной и тыльной сторон куртины использовались разные типы кладок, а уровень залегания фундамента неравномерен, можно утверждать, что оборонительная куртина 16 не однородна по структуре. Она состоит из двух разновременных стен, причем стена с городской стороны построена позднее (рис. 6). Таким же образом, по-нашему мнению, одновременно были усилены куртины 17 и 18.

Дальнейшее изучение фундамента восточной части древнегреческих ворот, левее от описанного выше участка, позволило выделить другой участок, сложенный на скале из крупного необработанного камня, с заполнением пустот и щелей между ними мелким бутом и глиной. Хорошо виден шов между разными частями фундамента. Уровень поверхности выровняли с помощью небольших обработанных блоков, поверх которых уложили эпейтинтерию – плиту для выравнивания верхней части фундамента. Длина данного участка 1,75 м. Левый край этой части фундамента совпадает по направлению с тыльной стороной куртины 16. На ее протяжении прослеживается аналогичный тип фундамента с использованием еще нескольких эпейтинтерий, хорошо види-

мых со стороны так называемой «казармы». На этот фрагмент, в основании восточного пилона, в свое время обратил внимание Е. Н. Жеребцов (рис. 7). Он принял его за край ранней кладки, указав пунктиром направление к северо-западу от пилона [8, рис. 2]. Направление стены оказалось неверным (рис. 8).

В 2009 г. на восточном пилоне нами была расчищена ниша-убежище времен второй обороны Севастополя 1941-42 гг., заложенная в процессе консервационных работ 1957 г. Заполнение убежища состояло из современной засыпи земли и камней, скрепленных пигментированным реставрационным раствором. В результате выяснилось, что кладка этого участка фундамента имеет продолжение в юго-восточном направлении, т.е. в противоположном от указанного на плане 1979 г. Открытая нами кладка расчищена на полную ширину восточного пилона ворот. Она является частью фундаментного ряда тыльной стороны 16 куртины (рис. 9). Кладка состоит из бутового основания, уложенного на скалу, и выравнивающего блока 1,15x0,35x0,30 м. Аналогичный тип фундамента хорошо прослеживается с городской стороны куртины 16 от ворот до башни XV. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что цокольный ряд кладки ворот перекрыл фрагмент фундамента уже существовавшей к этому времени куртины 16 (рис. 10).

Крайняя левая часть фундамента представляет собой непосредственно основание восточного пилона ворот. На нем устроена лестница для подъема к верхней площадке оборонительной стены. Фундамент резко отличается по конструкции от рассмотренных выше частей. Длина этой части приближается к 5 м. Участок не связан с другими фрагментами фундаментного ряда. Цокольный ряд на стыке этой части не опирается на эпейтинтерию, а лежит на земляной прослойке 0,08 м толщины, перекрывающей ее край. Раскопки 1957 г. показали, что эта часть пилона не имела однородного основания. В основном оно представляло собой земляную насыпь из неравномерно расположенного крупного и мелкого бутового камня (рис. 11). С восточной стороны пилон включает в себя остатки предшествующей постройки, а его юго-восточная сторона вообще не имела фундамента и опиралась на земляную прослойку толщиной до 0,3 м [9, с. 35]. Остатки постройки под восточным пилоном ворот открыты К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1900 г. [14, с. 6]. Такое состояние фундамента восточного пилона ворот вызывало острую необходимость его дополнения и консервации, что и было сделано в ходе работ 1958 г. [9, с. 17]. Нижние ряды кладки восточного пилона ворот пристроены вплотную к фундаменту и нижним рядам тыльной стороны куртины 16, верхние ряды уже сложены в переплет с ней (рис. 12).

Цокольный ряд восточного пилона ворот тщательно выровнен по одному уровню. Он состоит из плоских плохо обработанных блоков, поверх которых расположены четыре ряда рустованной кладки. Нижние три ряда представляют собой обработанные в руст плиты известняка размером 1,46x0,64 м, сложенные в технике однослойной однорядной постелистой ложково-тычковой

кладки [2, с. 63]. Четвертый ряд восточного пилона ворот сложен в технике трехслойной двухрядной орфостатной сложной кладки [2, с. 63]. Высота ряда 0,62 м. С южной стороны пилона сохранились два ряда аналогичной кладки.

Таким образом, в результате последних исследований определено, что фундамент восточной части ворот Херсонеса состоит из трех разных по конструкции частей. Цокольный ряд восточной части ворот перекрывает два других фрагмента фундаментов, судя по их значительной ширине, оборонительных стен более раннего времени. Практика усиления стен путем их пристройки друг к другу в строительстве фортификационных укреплений Херсонеса не является исключением. Таким образом, например, перестраивались куртины 19 [15, с. 48] и 20 [7, с. 72-78] «цитадели» Херсонеса.

Западный пилон ворот сложен из частично обработанных в руст блоков известняка. Фундамент состоит из крупных хорошо обработанных камней разного размера, сложенных в технике «финикийской кладки» [5, с. 37] или в трехслойной однорядной орфостатной простой кладке [2, с. 63, рис. 33]. Поверх него сохранилось несколько рядов частично рустованной кладки. На расстоянии 4 м от начала ворот хорошо прослеживается подрубка в скале, совпадающая по направлению с линией стены тыльной стороны куртины 16. Первые три ряда представляют собой фундамент, сложенный из хорошо обработанных блоков разных размеров. Кладка левой части ворот с лицевой стороны 16 куртины сложена в переплет с кладкой башни XIV [7, с. 22]. Башня также была сложена в системе трехслойной двухрядной орфостатной сложной кладки. Это было отмечено И. А. Антоновой после раскопок в 1964 г. Как показали раскопки, западный пилон имел сложную трапециевидную форму, северная стена которого соединяла пилон и башню XIV с внутренней стороны. По наблюдению автора раскопок, западный пилон сложен в технике орфостатной кладки, которая начиналась от уровня шестого ряда кладки ворот [11, с. 72].

В третьем ряду кладки куртины 16, около башни XIV в переболе, сделана подрубка для вертикального выравнивания стены, которая затем прослеживается по рустам шестого ряда и блоку седьмого. Данное наблюдение позволяет сделать вывод об одновременном устройстве всех элементов кладки, в том числе восьмого и девятого рядов, сложенных в переплет с кладкой западной части пилона ворот. Аналогичный строительный прием прослежен на обоих пилонах описываемых ворот со стороны проезда [5, с. 45], на внешней стороне перестроенной части куртины 16, первоначальной «башни Зинона» [7, с. 63], в нескольких местах кладки куртины 19 и башни XVII¹ «цитадели» Херсонеса (рис. 13). Такие же строительные традиции отмечены при строительстве ворот и оборонительных стен Капакои (Турция) [16, р. 138, fig. 4]. В результате, выводы А. Л. Бертье-Делагарда о делении этого участка на I и II ярусы по типу кладок в зависимости от времени строительства представляется необходимым откорректировать [1, с. 93].

Участок 16 куртины между воротами и башней XIV с первого по девятый ряды построен одновременно, но в разной системе кладок. Фундамент и нижние ряды сложены из крупных плит в «ложковой» системе. Сохранилось только два ряда основной кладки, выступающей над уровнем дневной поверхности эллинистического времени. Она представляет собой трехслойную двухрядную орфостатную сложную кладку. При этом очевидно, что часть куртины 16, от западного пилона ворот и до башни XIV, подверглась полной перестройке. На фото № 10950 из архива НЗХТ запечатлен момент раскопок древнегреческих ворот со стороны города (рис. 14). На нем отчетливо видны основания под пяты ворот, указывающие на уровень дороги эллинистического времени. Выступ скалы в конце западного пилона и каменный водосток позволяют говорить о том, что дорога из города проходила со значительным уклоном [4, с. 38]. Поскольку нижние ряды кладки ворот нередко сложены из хорошо обработанных блоков с гранями для плотной притески и рустами, это свидетельствует о вторичном использовании строительного материала. Учитывая размеры блоков, их обработку и качество известняка, они могли быть взяты из предварительно разобранный участка напольной и тыльной сторон 16 куртины. Основной тип кладки ворот начинается с уровня 6 ряда и представляет собой трехслойную двухрядную орфостатную сложную кладку. Высота рядов 0,65 м. В аналогичной технике выполнен фрагмент 16 куртины между пролетом ворот и башней XIV.

В связи с получением новых данных становится актуальным вопрос об уточнении хронологических границ памятника. Можно уверенно говорить о том, что устройство сохранившихся фрагментов ворот произошло несколько позднее сооружения основной крепостной ограды, открытой К. К. Косцюшко-Валюжиничем на рубеже столетий. Судя по дневнику С. Ф. Стржеleckого, при исследовании заполнения восточного пилона ворот в 1957 г. был собран керамический материал. Он остался не опубликованным и в фонды заповедника не попал. Однако сам автор был с ним хорошо знаком, в дневнике раскопок и отчете о консервационных работах ворота датированы началом III в. до н.э. [17, с. 67]. К сожалению, в настоящее время это предположение проверить невозможно ввиду отсутствия находок.

Другим хронологическим индикатором для определения даты строительства юго-восточных ворот Херсонеса может быть использование аналогичных датированных строительных приемов и типов кладок в оборонительных стенах «цитаделей» Херсонеса, Калос-Лимена и Керкинитиды. Разработанные типы строительных кладок Херсонеса позволяют относить кладку ворот к эллинистическому периоду [6, с. 64]. Размеры блоков основной кладки ворот практически идентичны размерам блоков крепостных стен цитадели Калос-Лимена второй половины III в. до н.э. [18, с. 257; 19, с. 42]. Наиболее близкие аналогии мы находим в оборонительной стене второй трети III в. до н.э. Керкинитиды, панцирь которой в лицевой части сложен в орфостатной системе,

а фундамент в ложковой [20, с. 80; 21, с. 123]. Использование аналогичной смешанной строительной кладки с облегченной верхней частью «кордон на ребро, плита на образок» отмечено нами при строительстве куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса Таврического второго строительного периода, датированного в пределах 80-70-х гг. III в. до н.э. [22, с. 76]. Ворота в оборонительных стенах Капакои датированы III-II вв. до н.э. [16, с. 129].

Применение однотипных строительных приемов (вырубленные пазы для вертикального и горизонтального выравнивания) и кладки на юго-восточных воротах и оборонительных сооружениях «цитадели» практически не оставляют сомнений в том, что работы по строительству ворот произошли если не одновременно, то в близкий хронологический промежуток времени, в пределах 80-70-х гг. III в. до н.э. Косвенно об этом может свидетельствовать материал из подстенного склепа № 1012, расположенного в непосредственной близости от ворот. Последнее погребение датируется около 275 г. до н.э. [23, с. 166]. Возможно, в склепе прекратили захоронения в связи с организацией ворот и дороги в куртине 16. Как показали исследования, дорога возникла в III в. до н.э. [24, с. 108]. В ее слоевых напластованиях обнаружен массовый керамический материал, датируемый от IV-III по I вв. до н.э. [25, с. 25-26].

По-нашему мнению, устройство ворот около башни XIV являлось частью комплексных мероприятий по усовершенствованию оборонительной линии Юго-Восточного района Херсонеса, возможно, накануне каких-то серьезных военно-политических потрясений. О военных конфликтах в это время свидетельствуют разрушения ряда неукрепленных поселений в Северо-Западном Крыму и массовое сокрытие кладов на хоре Херсонеса [26, с. 46]. В Восточном Крыму в 60-е годы III в. до н.э. земледелие приходит в упадок, а на некоторых укреплениях проводятся масштабные работы по оборонительному строительству [27, с. 102].

Значительно более поздняя организация ворот в оборонительной линии конца второй четверти – середины IV в. до н.э. поднимает вопрос об их роли в общем градостроительном плане города. Поскольку завершение градостроительного плана произошло не позднее середины IV в. до н.э., юго-восточные ворота могли быть вписаны в уже существующую сетку дорог, по мнению жителей Херсонеса, в наиболее удачном для этого месте, то есть около башни XIV. Возможно, этим объясняется отмеченное ранее рядом исследователей их неверное расположение. Исходя из правил древнегреческой фортификации, вход в крепость должен устраиваться с левой стороны от башни, считая со стороны нападающих. К. Э. Гриневиц отметил, что это правило не было использовано херсонесскими мастерами при строительстве укреплений Юго-Восточного района [5, с. 42]. Однако около башни XIV уровень скалы значительно повышается над сильно затопленной прибрежной полосой бухты, что, вероятно, и повлияло на их строительство именно в 16 куртине [11, с. 110].

Исследования 2009 г. выявили значительные перестройки оборонитель-

ных сооружений на участке юго-восточных ворот Херсонеса Таврического и позволили предположить их устройство в пределах рубежа первой – второй четверти III в. до н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.
2. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
3. Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1.
4. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1899 год // НА НЗХТ. Д. 8.
5. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 1 // ХСб. 1926. Вып. 1.
6. Гриневич К.Э. Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса // Техника обработки камня и металла. М., 1930.
7. Гриневич К.Э. Рост территории древнего Херсонеса. Симферополь, 1930.
8. Жеребцов Е.Н. Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА. 1979. Вып. 159.
9. Стржелецкий С.Ф. Дневник раскопок у древних ворот Херсонеса в 1957 г. // НА НЗХТ. Д. 1314/1,2.
10. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным оборонительных стен) // АДСВ. Свердловск, 1990. Вып. 25.
11. Антонова И.А. XIV оборонительная башня // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. К., 1974.
12. Буйских А.В. К хронологии и атрибуции сооружений у юго-восточных ворот Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. IX.
13. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Suppl. 5.
14. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1900 год // НА НЗХТ. Д. 9.
15. Самойленко В.Г. Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
16. Winter F.E. Notes on Military Architecture in the Termessos Region // American Journal of Archaeology. 1966. Vol. 70. No. 2.
17. Стржелецкий С.Ф. Консервация памятников Херсонеса в 1957-1958 гг. // СХМ. Симферополь, 1960. Вып. 1.
18. Уженцев В.Б. Фортификация цитадели Калос-Лимена эллинистического периода // ХСб. 2004. Вып. XIII.
19. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006
20. Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992.
21. Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
22. Самойленко В.Г. Отчет о раскопках куртины 19 в 2008 году // НА НЗХТ. Д. 4021.
23. Стоянов Р.В. Некоторые аспекты хронологии и районирования херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов // ХСб. 2003. Вып. XII.
24. Пяташева Н.В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // СА. 1964. № 3.
25. Антонова И.А. Отчет о раскопках античной протейхизмы в Юго-Восточном районе Херсонеса // НА НЗХТ. Д. 2629.
26. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV-II вв. до н.э. Севастополь, 1997.
27. Виноградов Ю.А. «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI-I вв. до н.э.). М., 2004.

Самойленко В. Г.

О хронологии ворот в Юго-Восточном районе Херсонеса Таврического

Резюме

Юго-восточные ворота Херсонеса Таврического являются уникальным памятником оборонительного строительства эллинистического периода. Ворота открыты раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г. Разными исследователями датировались в пределах середины IV – III вв. до н.э. В ходе обследования 2009 г. выяснилось, что при устройстве фундамента ворот в него были включены фрагменты оборонительных стен раннего времени. Хронологическим индикатором в определении даты строительства юго-восточных ворот Херсонеса может служить использование аналогичных строительных приемов и типов кладок в стенах «цитадели» Херсонеса, датированных 80–70-ми гг. III в. до н.э.

Самойленко В. Г.

Про хронологію воріт в Південно-Східному районі Херсонеса Таврійського

Резюме

Південно-східні ворота Херсонеса Таврійського є унікальною пам'яткою оборонного будівництва періоду еллінізму. Ворота відкриті розкопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 р. Різними дослідниками датувалися в межах середини IV – III ст. до н.е. В ході обстеження 2009 р. з'ясувалося, що при будові фундаменту воріт в нього були включені фрагменти оборонних стін раннього часу. Хронологічним індикатором у визначенні дати будівництва південно-східних воріт Херсонеса може слугувати використання аналогічних будівельних прийомів і типів кладок в стінах «цитаделі» Херсонеса, датованих 80–70-мі рр. III ст. до н.е.

Samoylenko V. G.

On Chronology of Building Gates in the South-Eastern District in Chersonesos Taurican

Summary

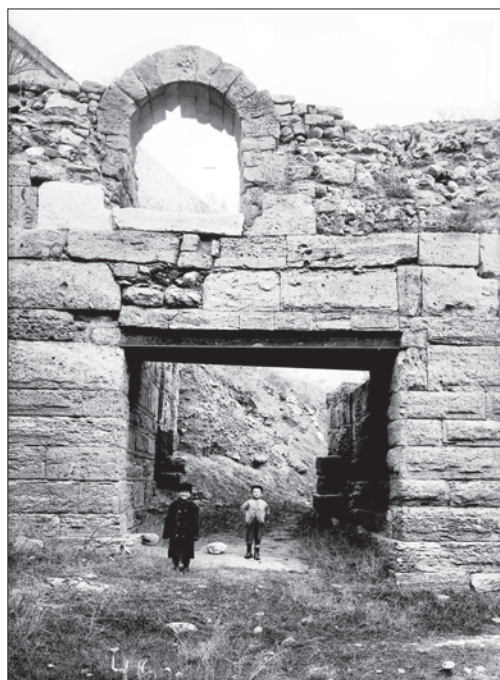
South-eastern gates are the unique monument of the defense construction of Hellenistic period in Tauric Chersonesos. The gates were uncovered by the excavations headed by K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich in 1899. Different researchers dated them back to the period of the mid-4th – 3rd centuries BC. In the course of excavations in 2009 it was revealed that the foundation of the gates included fragments of defensive walls of the earlier period. The chronological indicator to determine the construction date of Chersonesos south-eastern gates can be similar construction techniques and types of masonry used in the walls of Chersonesos citadel dated to the 80s–70s of the 3rd century BC.

Рис. 1. План-схема Херсонеса с указанием юго-восточных ворот.

I – Северный район, II – Северо-Восточный район, III – Юго-Восточный район, IV – Южный район, V – Западный район.

Рис. 2. Юго-восточные ворота Херсонеса. Фото из архива НЗХТ.

Рис. 3. Раскопки восточного пилона юго-восточных ворот в 1957 г. Фото из архива НЗХТ.

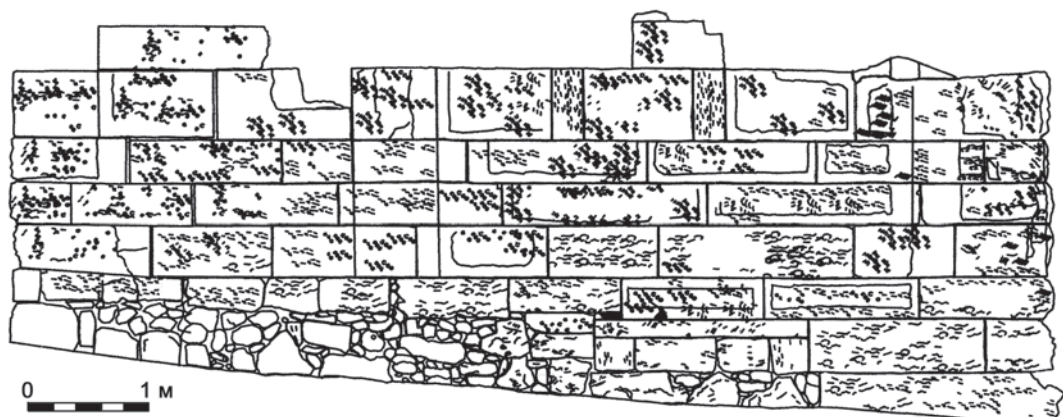

Рис. 4. Восточный пилон юго-восточных ворот со стороны проезда (современный вид).

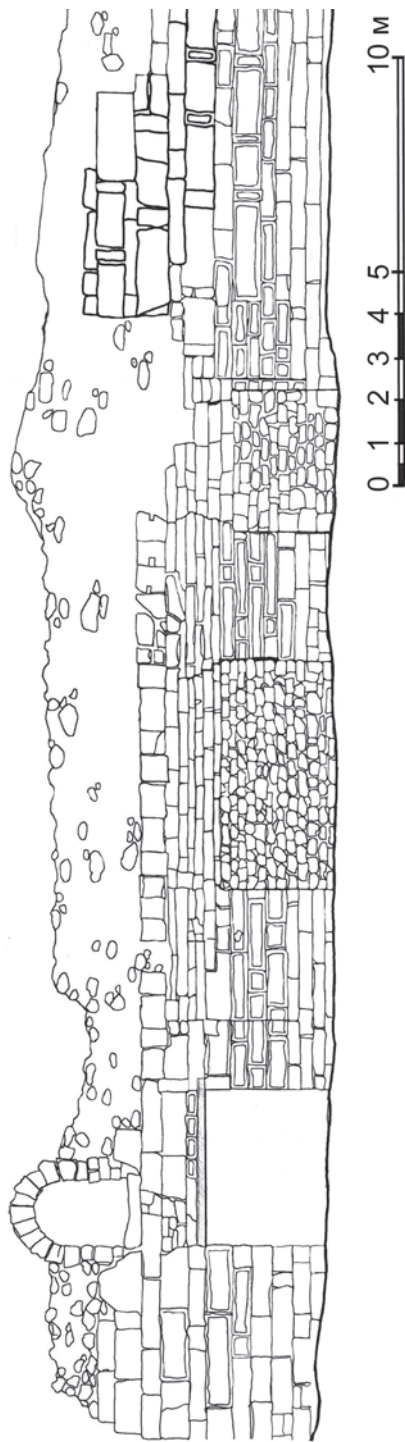

Рис. 5. Куртина 16. Внешний фас.

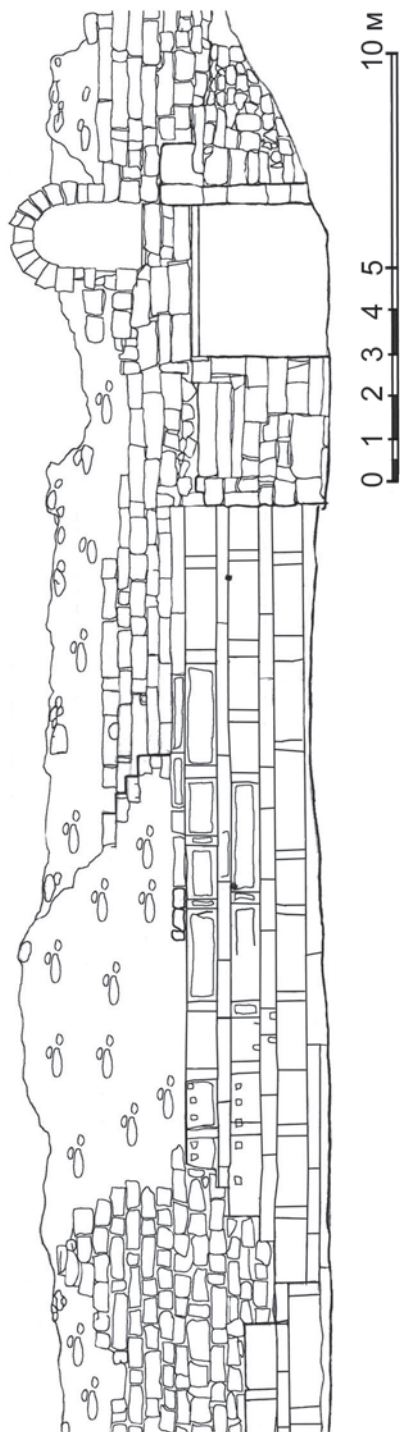

Рис. 6. Куртина 16. Внутренний фас.

Рис. 7. Фрагмент основания куртины 16 под восточным пилоном ворот.

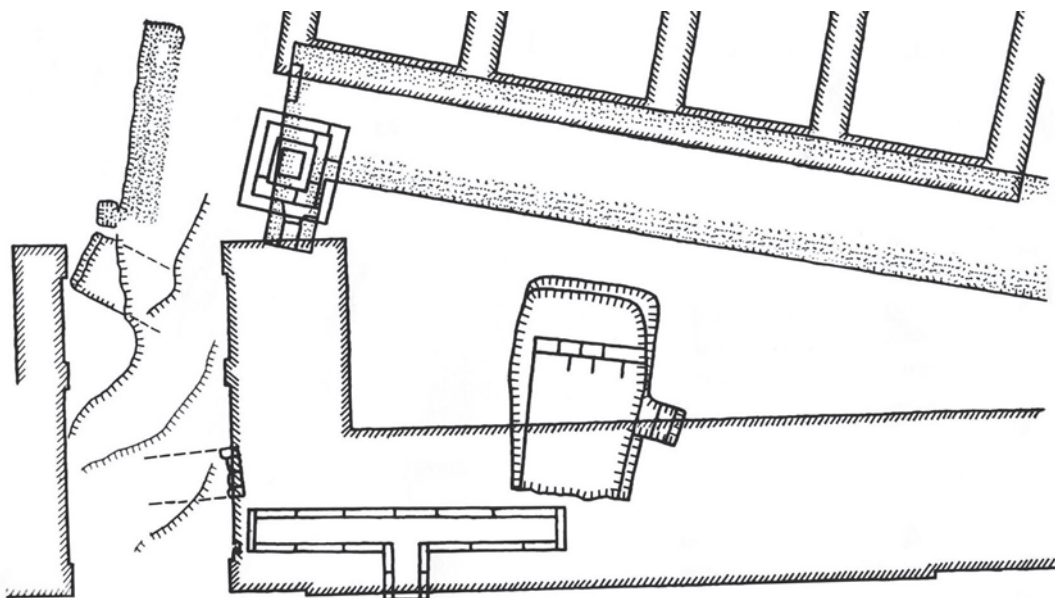

Рис. 8. План ворот (по Е. Н. Жеребцову).

Рис. 9. Соединение разных частей фундамента восточного пилона ворот.

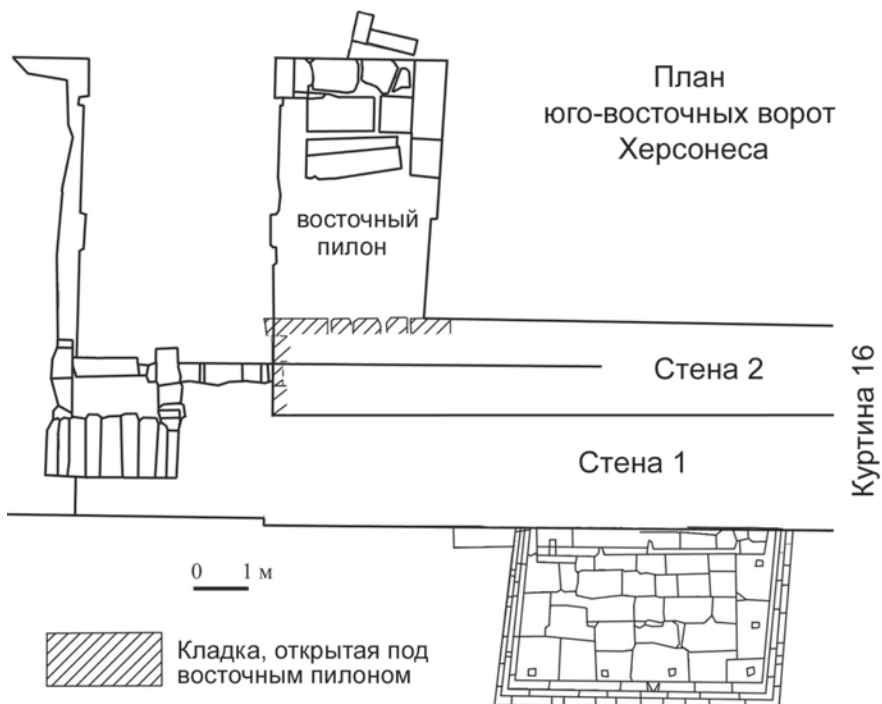

Рис. 10. План кладки в основании восточного пилона ворот (2009 г.).

Рис. 11. Левая крайняя часть фундамента восточного пилона ворот до консервации 1957-58 гг. Вид со стороны проезда. Фото из архива НЗХТ.

Рис. 12. Соединение восточного пилона ворот и куртины 16.

Рис. 13. Паз для вертикального выравнивания кладки (башня Зинона).

Рис. 14. Проезд ворот в процессе раскопок 1899 года. Фото из архива НЗХТ.

Н. А. ПАВЛИЧЕНКО

СЛАНЦЕВАЯ ПЛИТКА С ГРАФФИТО ИЗ ХЕРСОНЕСА¹

В 1997 г. в ходе раскопок квартала Х «Б» в Северном районе Херсонеса при исследовании материала из засыпи цистерны № 4 была обнаружена плитка из шиферного сланца (НЗХТ, инв. № 19/37304) [1, с. 17]. Засыпь цистерны была произведена не ранее VI в. н.э., и наряду с более поздним, она содержит и переотложенный материал [1, с. 18].

Находка представляет собой прямоугольную плитку из мелкозернистого серо-зеленого сланца (длина – 12,0 см, ширина – 8,9 см, высота – 1,7 см) (рис. 1, I). Нижняя поверхность имеет скошенные края, верхняя поверхность более гладкая и, по-видимому, была отполирована. На плоской части нижней поверхности плитки острым предметом аккуратно процарапано граффито ГΛΥΚΕΨΙΟ (*эпсилон* лунарное), которое может быть восстановлено как ΓλυκεΨίο[υ] или ΓλυκεΨίο[ς], т.е. родительный или именительный падеж имени ΓλυκεΨίος (высота букв 1,2-1,3 см), над ним, на скошенном краю плитки проведено девять перпендикулярных черточек, на верхней стороне небрежно процарапаны буквы Ε(---)/ΠΡ(---)/ΕΠ(---) (высота букв 0,3-0,6 см).

Подобные плитки, обычно включавшиеся в комплекты хирургических инструментов², находят практически во всех частях Римской империи [см.,

---

¹ Автор выражает признательность С. Г. Рыжову за разрешение опубликовать находку.

² Плиний Старший несколько раз [Plin. N.H. XXXI.100, XXXIV.105, XXXVI.63] употребляет термин *coticula* для обозначения предмета, на котором растираются ингредиенты коллириев. В 36 книге «Естественной истории» он сообщает, в частности, что в Верхнем Египте добывают фиванский камень (*thebaicus lapis*), подходящий благодаря своим полезным свойствам для ступок для растирания коллириев (*coticulis ad terenda collyria quadam utilitate naturali conveniens*). Т.к. слово *coticula* могло означать небольшой точильный камень или небольшую ступку, можно предположить, что этим термином обозначали и плитки со скошенными краями, использовавшиеся как для приготовления лекарств, так и для затачивания инструментов [см. также: 2, р. 171; 3, с. 103].

например: 4, с. 59, №№ 53, 54 – Балчик, II в. н.э. (сланцевый шифер, 11,4x6,7 см); 5, р. 118, № XIII, Pl. XI,31 – Колофон, первые вв. н.э. (египетский порфир, размеры не указаны); 6, р. 23, № 28, est. II – Конимбрига, первые вв. н.э. (серый шифер, 0,8x0,38x0,08 см); 7, р. 14, est. IX,3 – некрополь римского времени у г. Фарробо (сланец, 0,85x0,42 см); 8, р. 318, cat. № 19, 330, pl. LXXI,5, fig. 2,6 – Неа Пафос, конец II – начало III вв. н.э. (шиферный сланец, 11,1x8,3x0,95 см); 9, р. 233-234, fig. 27 – Лион, последняя треть II – начало III вв. н.э. (шиферный сланец, 11,77x7,43-7,21x0,59-0,56 см), см. также литературу в прим. 45 на с. 234; 10, р. 124, est. III,16, IV,17, X, XI – Бальса, I–III вв. н.э. (мрамор, 7,6x5,2x0,9 см; «antracite», 12,8x7,0x0,12 см); 11, с. 189, № 72 (1020) – пос. Батарейка I, первые вв. н.э. (сланец)]. Так как их верхняя часть, как правило, сильно вытерта, а скошенные края сточены, справедливо считается, что их использовали для растирания твердых веществ – лекарств или косметических средств, а также для затачивания скальпелей и других хирургических инструментов. Размеры и материал всех найденных плиток варьируются незначительно, обычно это прямоугольные плитки из камня твердых мелкозернистых пород.

Известен также пример, когда каменная плитка имела бронзовую окантовку и, вероятно, использовалась только для растирания лекарств [12, с. 131]. Для измельчения и растирания твердых веществ, приготовления мазей и порошков обычно использовались плоские дощечки без скошенных краев [см., например: 13, р. 245, fig. 3,2, р. 248, № 18 (костьяная прямоугольная дощечка 4,0x3,4x0,5 см, Дакия, II–III вв. н.э.)]. Для этого же, по-видимому, предназначались σιδῆρᾱ πινάκια – «железные дощечки» из перечня утвари и медицинских инструментов, находящихся в святилище Асклепия в Пирее [14, № 144, начало IV в. до н.э.].

Находки подобных плиток были также засвидетельствованы и в Херсонесе. Одна из херсонесских плиток входила в набор хирургических инструментов, включавший, кроме нее, два скальпеля и хирургический зонд (могила № 1533, 1904 г. – «серый мрамор», 6,0x4,5x1,3 см) [15, с. 62-63]. По входившему в состав погребального инвентаря светильнику это погребение датируется II в. н. э. Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича происходят еще несколько плиток разной степени сохранности, некоторые из них почти полностью сточены (НЗХТ, инв. №№ 31.089 (дл. 8,8 см), 31.090 (8,2x5,5 см), 31.091 (9,9x7,1 см), 31.092 (11,4x6,8 см), 31.093 (12,5x8,0 см), 31.094 (10,2x6,8 см), 31.095 (12,0x7,2 см)). Две полированные мраморные дощечки со скошенными краями были найдены в погребении 9 херсонесского некрополя [16, с. 34, 130].

Нам известно только два примера, когда на плитку со скошенными краями была нанесена какая-либо надпись или рисунок³. Во-первых, это рисунок

³ К сожалению, автору осталась недоступна статья И. Е. Емеца и П. Д. Диатроптова, которые опубликовали еще одну плитку с именем владельца в сокращенной форме, найденную на пос. Красноармейское [17, № 110, 171, табл. III,5; см. также 18, с. 18].

в виде трех четырехугольников, прочерченный на нижней части одной из каменных плиток из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (НЗХТ, инв. № 31.094). Во-вторых, граффито Ἠλιος[ι] на фрагменте плитки из поселения Батарейка-II в юго-западной части Фанталовского п-ова, расположенное точно так же, как и на херсонесской плитке 1997 г., т.е. на ее нижней поверхности [11, с. 189, № 72(1020)] (рис. 1,2). Граффито происходит из слоев, датирующихся первыми веками н.э., первый издатель этой плитки И. А. Емец относит граффито к владельческим меткам [18, с. 18]⁴.

Представляется, что и граффито Γλυκερίο[υ] / Γλυκέριο[ς] – (плитка) Гликерия / Гликерий также указывает нам имя владельца. Аргументом в пользу этого является его положение на нерабочей поверхности, и четкость и аккуратность, с которой прочерчены буквы. Имя Γλυκέριος до сих пор не встречалось ни в Херсонесе, ни вообще в Северном Причерноморье. По одному примеру этого антропонима засвидетельствовано для Македонии (Филиппы, V–VI вв. н.э.) и Фракии (Бизант-Панион, IV–VI вв. н.э.) [20, s.v. Γλυκέριος]. Другие варианты имен, произведенных от основы γλυκῦ, представлены на Боспоре и в полисах южного и юго-западного берега Черного моря, но большинство примеров происходит из Фракии и Македонии. За немногими исключениями, все они датируются первыми веками н.э.

Вертикальные черточки на скошенной поверхности можно интерпретировать как метки, использовавшиеся при подсчете. Тот факт, что они прочерчены параллельно друг другу, и их взаимное расположение – четыре и «через пробел» еще пять – заставляет отказаться от мысли об их случайном происхождении [об обозначении цифр в граффити см.: 11, с. 132, № 692; 21, с. 406].

Гораздо сложнее истолковывать буквы на верхней поверхности плитки. Они могут являться и начальными буквами личных или нарицательных имен, и числительными.

Учитывая обстоятельства находки херсонесской плитки 1997 г., мы можем датировать ее только на основании палеографических особенностей граффити. Сочетание лунарного *эпсилон* с высокорасположенной горизонтальной перекладной, *каппы* с широко расставленными наклонными гастами, *лямбды* с несколько возвышающимся над строкой апексом, *пи* с верхней перекладной, значительно выступающей над вертикальными гастами, *ро* с маленькой головкой, а также апексации находят аналогии в лапидарных надписях II–III вв. н.э.

Примеры подобного написания букв можно найти, например, в проксении синопейца Луция Корнелия Понтиниана [IOSPE I², 697; 22, № 7], датирующемся серединой II в. н.э., в посвящении Немезиде от лица Басилида, сына

---

⁴ Упомянутые И. А. Емецем граффити из Навкратиса [19, pl. XXXIV, 661-664] вряд ли могут служить аналогией, т.к. находятся на каменных брусках округлой формы с отверстием посередине, которые, несомненно, являются точильными камнями.

Каллуса [22, № 126], а также надписи, упоминающей императоров Цезаря Требониана Галла Августа и Цезаря Афиния Галла Волузиана Августа [IOSPE I², 590 = 22, № 123], датирующей 251-253 гг. н.э.⁵

Таким образом, поскольку шрифт граффити и дипинти развивался гораздо быстрее, чем шрифты лапидарных надписей, публикуемую плитку можно, с определенной долей условности, относить к I–II вв. н.э., увеличивая тем самым имеющиеся в нашем распоряжении сведения о развитии медицины в Херсонесе первых веков н.э.⁶

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «Б» квартала в Северном районе Херсонеса в 1997 г. // НА НЗХТ. Д. № 3344.
2. Milne J.S. Surgical Instruments in Greek and Roman times // Issue 26 of Aberdeen University studies. Oxford, 1907.
3. Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1.
4. Шкорпил К. и Х. Балчикъ // Известия на Варненското Археологическо Дружество. Варна, 1912. Кн. V.
5. Caton R. Notes on a group of medical and surgical instruments found near Colophon // JHS. 1914. Vol. 34.
6. França E. Objectos de toilette de Conimbriga // Conimbriga. 1970. Vol. IX.
7. Alarcão J. de A Necrópole do Monte do Farrobo (Alijustrel) // Conimbriga. 1974. Vol. XIII.
8. Michaelidis D. A Roman surgeon's tomb from Nea Paphos. Part 1 // Report of the Department of Antiquities Cyprus, 1984. Nicosia, 1984.
9. Boyer R., Mourey W. Découverte de la tombe d' un oculiste à Lyon (IIe siècle après J.-C.). Instruments et coffret avec collyres. Le matériel d' oculiste // Gallia. Fouilles et monuments archéologiques en France métropolitane. 1990. T. 47.
10. Maria Luisa Veiga Silva Pereira. Instrumentos Cirúrgicos de Balsa (quinta da Torre de Ares) // Conimbriga. 1990. Vol. XXIX.
11. Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора // БИ. 2007. Suppl. 1.
12. Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков, 1986.
13. Soci° S. Instrumente medicale din Dacia Romanã // Apulum. 1990-1993. Vol. XXVII-XXX.
14. Dittenberger W. Sylloge inscriptionum graecarum. Lipsiae, 1915-1924.
15. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20.
16. ОАК за 1890 год. СПб., 1893.
17. Емец И.Е., Диатроптов П.Д. Эпиграфические материалы с античных поселений Азиатского Боспора // Эпиграфический вестник. 2002. Вып. 8.

⁵ См. также шрифт граффито на черепице I – III вв. н.э. из херсонесской «казармы» [23, с. 171, рис. 3].

⁶ О развитии медицины в Херсонесе см. [24, с. 58-68; 25, с. 130-133; 26, с. 309].

18. Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 2005.
19. Petrie W.F. Naukratis. Part 1. London, 1886.
20. Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Shores of the Black Sea. Oxford, 2005.
21. Намоилик А.С. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Древности Боспора. 2010. Т. 14.
22. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
23. Сапрыкин С.Ю., Дьячков С.В. Граффито из «казармы» // Древности. Харьков, 1994.
24. Кадеев В.И. О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности. Харьков, 1994.
25. Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I – III вв. н.э.). Харьков, 1996.
26. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры / В.М. Зубарь, С.Д. Крыжицкий, Л.В. Марченко, Г.С. Русяева, С.Б. Сорочан, Н.И. Храпунов. Харьков, 2004.

Павличенко Н. А.

Сланцевая плитка с граффито из Херсонеса

Резюме

Статья представляет сланцевую плитку со скошенными краями, найденную в 1997 г. во время исследования цистерны № 4 квартала X «Б» Северного района Херсонеса. Подобные плитки использовались для приготовления лекарств и затачивания хирургических инструментов. На ее нижней стороне находится граффито Γλυκε'ρίο[υ], являющееся, по-видимому, меткой владельца, и числовые пометы девять вертикальных черточек, на верхней стороне небрежно процарапаны буквы E(---)/ ПР(---)/ЕП(---). По палеографическим данным плитка может датироваться I–II вв. н.э.

Павліченко Н. А.

Сланцева плитка з граффіто з Херсонеса

Резюме

Стаття представляє сланцеву плитку із скошеними краями, знайдена в 1997 р. під час дослідження цистерни № 4 кварталу X «Б» Північного району Херсонеса. Подібні плитки використовувалися для приготування ліків і заточування хірургічних інструментів. На її нижній стороні знаходиться граффіто Γλυκε'ρίο[υ], що є, вірогідно, міткою власника, і числові мітки дев'ять вертикальних рисок, на верхній стороні недбало подряпані букви E(---)/ ПР(---)/ЕП(---). За палеографічними даними плитка може датуватися III ст. н.е.

Pavlichenko N. A.

Slate Slab with Graffito from Chersonesos

Summary

The paper presents a slate slab with bevelled edges found in 1997 during the research of cistern 4 in the block X «B» in the Northern district of Tauric Chersonesos. Such slabs were used for sharpening scalpels and for mixing medicines. At the lower and upper side of the slab are graffiti: Γλυκερίο[υ] (an owners mark), 9 vertical strokes (apparently they are numerical notations) and letters of unclear nature (Ε(---)/ ΠΡ(---)/ ΕΠ(---)). The script of the graffito enables dating the slab to the 1st 2nd centuries A.D.

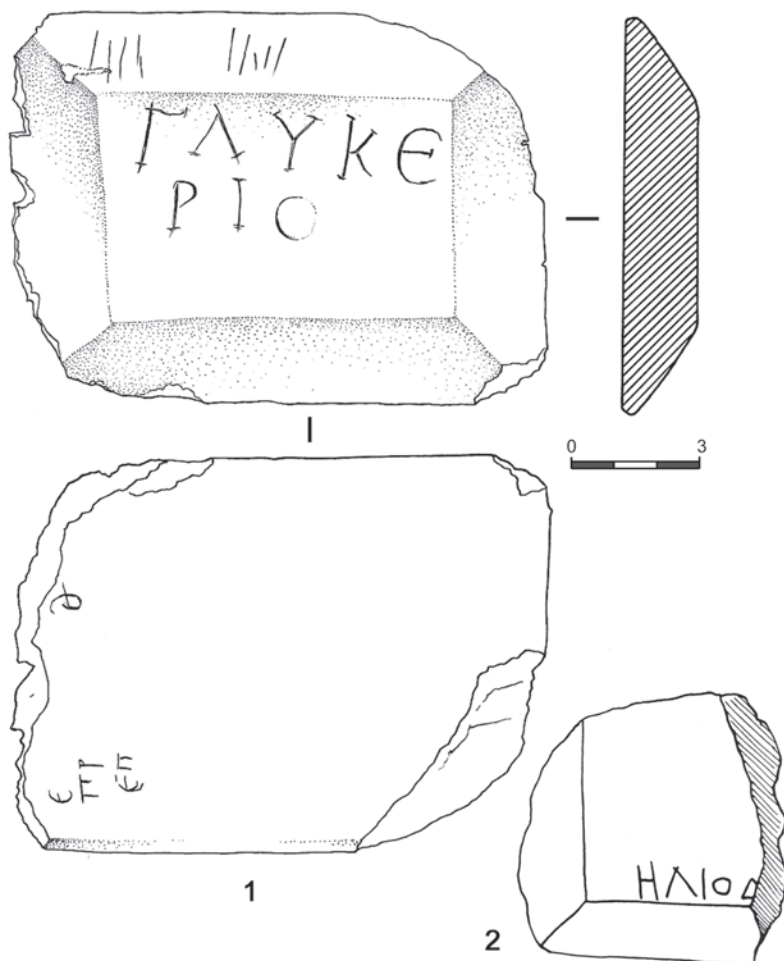

Рис. 1. Плитка из Херсонеса (1) и плитка с пос. Батарейка I [по: 11, с. 300, № 72] (2).

С. Г. РЫЖОВ

РЫБОЗАСОЛОЧНЫЙ КОМПЛЕКС РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Результатом многолетних раскопок на территории Херсонеса открыто около ста рыбозасолочных цистерн [1, с. 19-25]. В основном они сосредоточены в Северном районе, вдоль береговой полосы (рис. 1). Это указывает на то, что на прибрежной территории жили люди, связанные с морем – рыбаки и торговцы морепродуктами.

Рыбозасолочный комплекс, о котором пойдет речь в данной статье, находится в IX квартале, расположенном недалеко от Главной городской площади, что ставило его в выгодное положение по сравнению с другими кварталами. К моменту появления здесь рыбозасолочных цистерн данная территория пережила несколько периодов.

Самым ранним из них является конец V в. до н.э., когда здесь прошла граница Херсонеса. От нее на берегу моря сохранился небольшой участок оборонительной стены, проходившей по восточному склону северной балки [2, с. 20-30], в которой был открыт ранний некрополь [3, с. 163-196]. От жилой застройки раннего времени на этом участке нет никаких следов. Вероятно, она была снесена при перепланировке городской территории, проведенной во второй половине IV в. до н.э. В это время оборонительная стена разбирается и переносится дальше на запад, в сторону бухты Песочная. Некрополь перестает функционировать, а его территория включается в городскую застройку. Материалы, найденные при раскопках у некрополя и оборонительной стены, датируются IV в. до н.э. Очевидно, это было первое расширение городской территории Херсонеса.

В дальнейшем город пережил еще три расширения. Это строительство цитадели в конце II – I вв. до н.э., затем незначительное увеличение городской территории в конце VI в. н.э., на которой строится «Западная базилика». Последнее увеличение площади города относится к IX-X вв., когда были возведены вторая, третья и четвертая куртины [4, с. 60-67].

Что же касается IX квартала, то после ликвидации оборонительной

стены V в. до н.э. здесь строится несколько жилых домов, датируемых IV в. до н.э. От одного из них, расположенного в центре квартала, сохранился двор с грушевидной цистерной и 5 помещений (рис. 2,4). В одном из помещений, к западу от двора, находился полуподвал: сохранилось 3 ступени, ведущие в него [5, л. 5].

Остатки еще одного двора этого же времени расположены в северо-западном углу квартала рядом с IX поперечной улицей. От него сохранились вымостка и грушевидная цистерна глубиной 1,75 м. Ее стены оштукатурены известковым раствором. Не исключено, что она предназначалась для хранения зерна.

Точно такая цистерна найдена в южной части этого же квартала. Как и в первом случае, двор вымощен известняковыми плитами. К сожалению, третий двор с грушевидной цистерной раскопан не был, поскольку его перекрывают стены усадьбы X–XIII вв. К третьему двору, скорее всего, относится грушевидная цистерна, находящаяся под фундаментом северной стены средневекового помещения № 4 (рис. 2).

Таким образом, мы можем предположить, что в IV в. до н.э., когда здесь велось строительство жилых домов, в квартале их было как минимум три. Они в неизменном виде просуществовали до первых веков новой эры. В этот период здесь возникает рыбозасолочный комплекс, состоящий из 6 рыбозасолочных цистерн. Все они расположены вдоль IX поперечной улицы (рис. 2).

Цистерна № 1 размещалась на месте средневекового помещения № 8, при строительстве которого она была почти полностью разрушена. Рядом с ней во время раскопок была найдена кладовая с амфорами III–V вв. н.э. (рис. 5), что свидетельствует о функционировании комплекса в это время.

Цистерны №№ 2–4 располагаются к северу от цистерны № 1, а цистерна № 5 с восточной стороны от нее, фактически примыкая к ней (рис. 2,3). Цистерна № 6 (она, к сожалению, не раскопана, поскольку перекрывается средневековыми стенами X–XIII вв.) расположена к юго-востоку от цистерны № 1. Все цистерны были засыпаны в конце V – начале VI вв. н.э.

Возникновение цистерн связано с появлением в первые века н.э. в Херсонесе римского гарнизона, что привело к большому потреблению рыбы, входящей в рацион воинов.

Не исключено, что здесь возникает не только рыбозасолочный комплекс, но и появляется рыбный рынок. На его существование указывает декрет, найденный в 1941 году в Херсонесе [6, с. 244]. О наличии рыбного рынка в Херсонесе, построенного в 129–130 гг. архонтом Теагеном, говорит Ксенофонт в своей работе «О доходах» [7, с. 34].

Местонахождение рынка до настоящего времени не установлено. В. И. Кадеев и С. Б. Сорочан в своей работе, посвященной торговле Херсонеса, размещают его в Северном районе города [8, с. 91], чему не противоречат выводы

данной статьи. Именно здесь компактно расположено такое большое количество рыбозасолочных цистерн: в IX квартале – 6, в соседнем квартале XV – две и в X «Б» квартале – три. Это позволяло построить именно здесь рыбный рынок, поскольку избавляло от лишних расходов на перевозку товара для продажи на большое расстояние. Поскольку почти вся береговая линия Херсонеса раскопана, а такой концентрации рыбозасолочных цистерн в других районах найдено не было, это позволяет локализовать рыбный рынок первых веков в IX квартале Херсонеса.

Период застройки между VII–X вв. в Херсонесе не установлен. Во время раскопок, как правило, обнаруживается только земляная засыпь, содержащая материал VII–X вв. В основном это земляные «попы», на которых стоят фундаменты стен жилых домов X–XIII вв., т. е. времени последней застройки Херсонеса.

Как выглядела жилая застройка IX квартала в X–XIII вв., нам неизвестно. От нее сохранилась только одна усадьба, занимающая южную часть квартала. Усадьба состоит из большого (57 м²) двора, расположенного в северо-восточной части. С двух сторон двора (северо-западной и юго-восточной) находятся 12 помещений и часовня (рис. 2). Во двор попадали со II продольной улицы. В южном углу двора имеется печь для приготовления пищи и выпечки хлеба. Аналогичная печь найдена и в помещении, где находится цистерна № 2 (рис. 6). Она относится уже к другой средневековой усадьбе, но, к сожалению, во время раскопок XIX в. усадьба была снесена, как и остальные усадьбы, занимавшие центральную и северную части квартала. Во дворе усадьбы имелся колодец для воды.

Часовня (7,4x5 м) расположена в восточном углу усадьбы. В нее попадали со двора через дверь в северной стене. Пол часовни выложен мраморными плитами. Под ним находились 4 могилы-костницы. Вдоль южной и западной стен в часовне сделаны каменные скамьи.

Рядом с часовней, в помещении № 4, находился подвал. Исходя из материала, найденного во время раскопок, можно сказать, что усадьба погибла во второй половине XIII в. от пожара, следы которого прослежены на всей площади Северного района Херсонеса.

Раскопки выявили, что застройка IX квартала проходила в несколько этапов. От самого раннего сохранился только небольшой участок оборонительной стены конца V в. до н.э. Именно в это время здесь проходила западная граница города, за которой в небольшой балке находился некрополь, открытый в 1935 году [3, с. 163-196]. К сожалению, следов жилой застройки этого времени не найдено.

Следующий этап связан с расширением городской территории. В это время оборонительная стена V в. до н.э. разбирается и переносится на запад. Ликвидируется и некрополь, поскольку на его месте строятся жилые дома. Имен-

но в это время – конец IV в. до н.э. – город застраивается по «гипподамовой планировке», просуществовавшей до конца жизни Херсонеса.

Все последующие перестройки уже не столь масштабны, а касаются только внутриквартальной перепланировки. Это относится и к первым векам новой эры, когда здесь возникает рыбопромышленный комплекс, и к средневековому времени, закончившемуся гибелью города в третьей четверти XIII в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Романчук А.И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 1977. Вып. 14.
2. Рыжов С.Г. Оборонительная стена V в. до н.э. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
3. Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-36 гг. Симферополь, 1938.
4. Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса. // СХМ. Симферополь, 1963. Вып. III.
5. Рыжов С.Г., Андреева О.А. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2004 г. // НА НЗХТ. Д. 3662.
6. Семенов-Зусер С.А. Рыбный рынок в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 2.
7. Ксенофонт. О доходах. III // Античный способ производства в источниках. Л., 1933. № 38.
8. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989.

Рыжов С. Г.

Рыбозасолочный комплекс римского времени в Северном районе Херсонеса

Резюме

Статья посвящена исследованию IX квартала Северного района Херсонеса, рассмотрены этапы застройки данного участка в различные периоды жизни.

Основное внимание уделено рыбозасолочному комплексу, возникшему в первые века нашей эры на месте жилых домов IV–I вв. до н.э. Рыбозасолочный комплекс, возможно, связан с рыбным рынком, который упоминается в надписи, найденной в этом районе в 1941 году. В результате раскопок IX квартала было установлено время прекращения деятельности рыбозасолочного комплекса – V–VI вв. н.э.

Рижов С. Г.

**Рибозасоловальний комплекс римського часу
в Північному районі Херсонеса**

Резюме

Статтю присвячено дослідженню ІХ кварталу Північного району Херсонеса, розглянуто етапи забудови даної ділянки в різні періоди життя.

Основну увагу приділено рибозасоловальному комплексу, що виник в перші століття нашої ери на місці житлових будинків ІV–I ст. до н.е. Рибозасоловальний комплекс, можливо, пов'язаний із рибним ринком, який згадується в написі, що знайдено в цьому районі в 1941 році. В результаті розкопок ІХ кварталу було встановлено час припинення діяльності рибозасоловального комплексу – V–VI ст. н.е.

Ryzhov S. G.

**Fish-Salting Complex of the Roman Period
in the Northern District of Chersonesos**

Summary

The article is devoted to the research of block IX of the Northern district of Chersonesos; various stages of building-up of the site in different periods of its existence are examined.

Special attention is paid to a fish-salting complex which appeared in the first centuries AD in place of residential houses dating to the 4th-1st centuries BC. This complex was probably connected with a fish market which was mentioned in the inscription found in this district in 1941. The date when fish-salting complex ceased its activity, the 5th-6th centuries AD, was determined in the course of excavations of block IX.

Рис. 1. Общий вид Северного района.

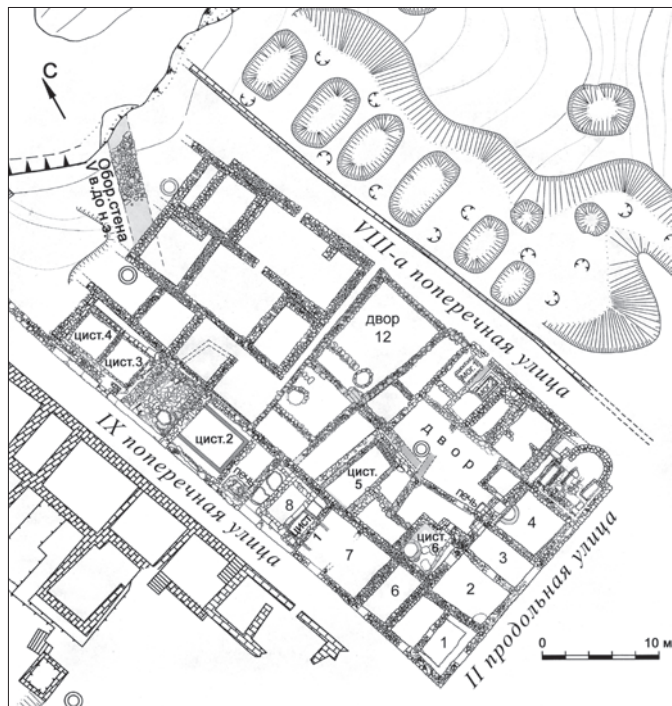

Рис. 2. План IX квартала.

Рис. 3. Цистерна № 5.

Рис. 4. Двор и полуподвальное помещение античного дома.

Рис. 5. Кладовая с амфорами.

Рис. 6. Печь во дворе средневекового дома.

С. А. МУЛЬД

СКЛЕП С ДВУМЯ ПОГРЕБАЛЬНЫМИ КАМЕРАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ

Погребальный обряд поздних скифов Центрального Крыма пристально изучается уже более полувека. Давно выделены основные типы используемых скифами погребальных сооружений: подкурганые каменные склепы, грунтовые склепы, подбойные могилы, простые грунтовые ямы, описаны их отличительные черты и высказаны гипотезы о происхождении и эволюции [см.: 1-7]. Несомненно, наиболее выразительной чертой позднескифского погребального обряда являются захоронения в грунтовых склепах с ярусным расположением покойных. Наиболее древние из них имеют входную яму, часто подпрямоугольной в плане формы, и небольшую погребальную камеру овальных очертаний, длинные оси которых параллельны. Камеру и яму соединяют узкое отверстие-лаз и высокая ступенька. Лаз перекрыт вертикально стоящей плитой, яма плотно забутована камнями. Иногда склеп имел две камеры, расположенные в противоположных бортах входной ямы или рядом в боковой и торцевой ее стенках. Такие объекты, по-видимому, следует выделять в особый тип погребальных сооружений и, по аналогии с очень близкими им по конструкции сооружениями эпохи средней бронзы, называть катакомбами [8]. Классические же позднескифские грунтовые склепы, сооружение которых происходило в основном в I в. до н.э. – I в. н.э., имеют одну большую подпрямоугольную в плане (реже овальную) камеру размером обычно 2,0-2,5х2,5-3,5 м, вырубленную в торцевой стенке входной ямы. Последняя вытянута перпендикулярно длинной оси камеры и постепенно понижается к входу в нее; противоположный ее конец иногда имеет 2-4 ступеньки, облегчающие доступ в сооружение. Камеру и яму также соединяют узкое отверстие-лаз и высокая ступенька. После погребения вход в камеру обычно закрывался большой каменной плитой, а входная яма плотно заполнялась бутовыми камнями.

Подобные сооружения на позднескифских могильниках Центрального Крыма весьма многочисленны и очень близки друг другу во всех описанных чертах.

Примеров отклонения от нормы на сегодняшний день известно немного, и каждый из них заслуживает отдельной публикации. Введению в научный оборот одного из них – склепа № 60 могильника Левадки, и посвящена данная работа¹.

Могильник Левадки расположен на окраине одноименного села Симферопольского района АР Крым. С середины 90-х гг. XX в. грабителями ведется его активное уничтожение: на площади около 1,5 га ныне потревожено не менее 250 погребальных сооружений. Охранно-археологические исследования памятника, начатые в 1997 г., с 2000 г. ежегодно проводятся экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством автора. К моменту подготовки данной статьи раскопано 150 погребальных сооружений, в том числе 22 склепа, 15 катакомб, 73 подбойные могилы, 36 могил в простых грунтовых ямах, 2 могилы, устроенные в хозяйственных ямах. Публикуемый объект уникален и аналогий среди других погребальных сооружений некрополя не находит.

Склеп № 60 обнаружен в центральной части могильника, наиболее плотно заполненной погребальными сооружениями. Склеп в плане Т-образный, длинные оси входной ямы и погребальной камеры перпендикулярны. В одной из длинных стенок входной ямы была вырублена вторая погребальная камера. В этом случае длинные оси входной ямы и камеры параллельны, а короткие – расположены на одной линии. Далее в тексте для облегчения понимания ситуации погребальные камеры будут именоваться как «центральная» и «боковая».

Входная яма склепа длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис. 1). По верхнему краю она подпрямоугольной в плане формы, по дну – подтрапцевидной. Вследствие обрушения свода центральной погребальной камеры была разрушена и юго-восточная торцевая стенка ямы. Размеры входного колодца: по верхнему краю – ширина 1,35-1,4 м, длина не превышала 3,5 м, по дну – 1,0-1,25x2,4 м, глубина от современной дневной поверхности – 2,1 м, в материке – 1,5 м. Дно лишь слегка понижается на 0,1 м и расширяется на 0,25 м в юго-восточном направлении – к входу в центральную погребальную камеру, отгороженную вертикально стоящей массивной каменной плитой размером 0,7x0,95x0,15 м. В юго-западной, длинной, стенке ямы вырублен вход в боковую погребальную камеру. Его закрывала такая же массивная плита размером 0,7x0,9x0,15 м, установленная вертикально. Северо-западная, торцевая, стенка входной ямы представляет собой спуск со ступеньками на всю ширину ямы. Сохранность ступенек плохая – угадывается контур четырех. Общая высота ступенек – 1,15 м, общая ширина – 1,1 м. Входная яма была плотно забита бутовыми камнями, среди которых найдены фрагменты амфор (рис. 3,7,9,10), краснолаковых (рис. 3,19-21) и лепных сосудов

¹ За оказанную помощь в работе над публикацией выражаю искреннюю благодарность В. П. Власову и В. В. Кропотову.

(рис. 3,8,11-18,22,23; 4,11,12), обломок бронзового перстня (рис. 6,9), части железной пряжки (рис. 6,8), ножа (рис. 6,5), шила (рис. 6,6) и бусы (рис. 6,7,10,11,13-29) (см. Приложения 1, 2). Дно и нижнюю ступеньку ямы перекрывал натечный слой плотного суглинка, толщиной 0,05-0,1 м, вероятно, образовавшийся в результате многократного использования склепа.

Центральная погребальная камера имела почти квадратную в плане форму размером 2,35x2,6 м. Свод и прилегающая к камере торцевая стенка входной ямы разрушены. По соотношению уровня пола и верхнего края закладной плиты можно предположить, что высота свода была не менее 1,2 м. Стенки камеры сохранились на высоту 1 м. Пол понижается к задней стенке на 0,13 м. С дном входной ямы его соединяет ступенька высотой 0,8 м. Камера была ограблена дважды: в древности и в недавнее время. В нетронутой современными грабителями южной части были обнаружены фрагменты краснолаковой и лепной керамики (рис. 4,1-8), обломок шила (рис. 4,10), фаянсовая бусина (рис. 4,9) и небольшое количество фрагментов человеческих костей, возможно, являющихся остатками сдвинутых в сторону первоначальных захоронений.

Боковая погребальная камера также почти квадратной в плане формы размером 2,3-2,5x2,5 м (рис. 2). Свод разрушен, однако учитывая расположение входа и закладной плиты относительно пола камеры, можно предположить, что его высота была не менее 1,7 м. Стенки камеры сохранились на высоту 0,25-0,3 м. Горизонтальный пол камеры находится ниже дна входной ямы на 1,2 м. Относительно уровня пола центральной погребальной камеры пол боковой ниже на 0,27 м. Лаз, соединяющий камеру и входную яму, длиной 0,35 м, шириной 0,8 м. Под ним вырублены две ступеньки общей шириной 0,8 м и высотой 0,3 м.

Камера осталась незамеченной грабителями. На ее полу обнаружены разновременные захоронения не менее семи человек. Кости наиболее ранних из них (среди которых фрагменты четырех черепов) были сдвинуты в восточный и южный углы камеры. Вместе с этими костями были обнаружены краснолаковая тарелка (рис. 2,1; 3,2), железный нож (рис. 2,2; 6,2), оселок (рис. 2,3; 3,3), кресало (рис. 2,4; 6,4), бусы (рис. 2,5; 7,10-15) и куски кремня (рис. 2,6).

В центре камеры зафиксирован плохо сохранившийся костяк, вероятно, мужчины (*погребение I*). Погребенный лежал головой на северо-восток, в вытянутом положении на спине, ноги скрещены в голенях. При нем найдено несколько отдельно лежащих бусин (рис. 2,7; 7,2-4,6,7).

К северо-западу от погребения I обнаружены еще два скелета, вероятно, женских. Кости истлели практически полностью. Погребения фиксировались лишь по костному тлену и органическому тлену коричневого цвета, по-видимому, оставшегося от истлевших деревянных гробов или колод. Умершие также лежали головами на северо-восток, в вытянутом положении. Их разделял ряд маленьких уплощенных камней. *Погребение II*, находившееся рядом с по-

гребением I, сопровождалось бусами, обнаруженными в области шеи (рис. 2,13; 7,16-21) и щиколоток (рис. 2,16; 7,22-39). Еще несколько бусин были разбросаны рядом (рис. 2,14; 7,1,8,9). Справа у ног найдена бронзовая фибула (рис. 2,15; 5,7). *Погребение III*, расположенное вдоль северо-западной стенки камеры, также сопровождалось бусами, лежавшими в районе шеи (рис. 2,19; 7,5) и на щиколотках (рис. 2,17; 7,47-49,51-62), и бронзовой фибулой в ногах (рис. 2,18; 5,1). За головами погребений II и III найдены краснолаковые сосуды: кувшин (рис. 2,11; 3,3), кубок (рис. 2,10; 3,6), тарелка (рис. 2,12; 3,4), а также чашка (рис. 2,8; 3,1) с железным ножом (рис. 2,9; 6,2) и костью животного.

Между погребением I и южным углом камеры *in situ* сохранились фрагменты берцовых костей и часть костей обеих стоп еще одного погребенного, остальные кости которого, по-видимому, были сдвинуты к юго-восточной стенке камеры при более поздних подзахоронениях (погребений I-III). Умерший был ориентирован, как и остальные, головой на северо-восток и лежал в вытянутом положении на спине, ноги скрещены в голенях.

В заполнении камеры в норах грызунов найдены: бронзовые пряжка (рис. 5,2), фибула (рис. 5,3), браслет (рис. 5,4) и проволочные серьги (5,8,9), железные пряжка (рис. 5,5) и фрагменты ножей (рис. 6,1,3), а также керамическое пряслице (рис. 5,6) и бусы (рис. 7,40-46,50,63-69).

Найденный в боковой камере материал трудностей при датировке не вызывает. Хронологически наиболее показательные находки – металлические застежки-фибулы (рис. 5,1,3,7). Все они относятся к вариантам 4 и 5 одночленных лучковых подвязных фибул с верхней тетивой (группа 15, серия I) по классификации А. К. Амброза [9, с. 50-51] и, в соответствии с последними хронологическими разработками, датируются последней четвертью или концом II – первой половиной III вв. н. э. [10, с. 77-80, 333]. Одна из застежек очень интересна (рис. 5,1). Фибула в древности сломалась в месте соединения пружины с корпусом. Чтобы продлить ее использование, мастер свернул в кольцо уцелевший конец, несколько деформировав при этом изделие. В кольцо он закрепил короткую ось, на которую намотал новую двустороннюю пружину с нижней тетивой, свободно вращающуюся на оси и пружинящую только когда тетива упирается в головку. В результате застежка стала напоминать двучленные лучковые фибулы III серии, широко применявшиеся во второй половине III в. н. э. [10, с. 151]. Но не следует на этом основании относить данный образец к середине III в. н. э. или, тем более, к более позднему времени. Погребение III, при котором изделие найдено, располагалось у северо-западной стенки камеры и, несомненно, было совершено ранее погребений I и II, при одном из которых находилась стандартная одночленная фибула (рис. 5,7).

Близкое фибулам хронологическое положение имеют и другие находки из боковой камеры. Так, обнаруженная здесь бронзовая пряжка с подвижным язычком, овальной передней и прямоугольной задней частями рамки, разделенными

узким перехватом (рис. 5,2), относится к типу 4 варианту А укороченных дугоконечных пряжек по классификации А. А. Труфанова и датируется второй четвертью – концом II в. н. э. [11, с. 167-169].

Более широким временным промежутком А. А. Труфанов датирует аналогичные публикуемым краснолаковые сосуды (рис. 3,1-4,6): плоскодонные кубки с петлевидной ручкой (тип 8, вариант 1) – в основном II в. н. э. [12, с. 167, 291], тарелки с вертикальным бортиком (вариантов III-D-3 и III-D-4) – второй половиной или концом II – первой половиной III вв. н. э. [13, с. 189; 12, с. 154], кувшины с грушевидным туловом (тип 7) – концом II – первой половиной III вв. н. э. [12, с. 177], чашки с вертикальным бортиком и резким перегибом стенки (тип 2, вариант 2) – в целом III в. н. э. [12, с. 159]. Сходные даты для подобной посуды предлагает и Д. В. Журавлев: для кубков или, как называет их автор, кружек (форма 1) – II – первая половина III вв. н. э. [14, с. 92], для тарелок (форма 4.2) – вторая половина II – первая половина III вв. н. э. [14, с. 47], для кувшинов (форма 39) – конец II – первая половина III вв. н. э. [14, с. 90] и лишь для чашки (форма 29) допускает более раннюю датировку – последняя четверть I – начало II вв. н. э. [14, с. 59]. Впрочем, экземпляр из коллекции Д. В. Журавлева по форме венчика несколько отличается от публикуемого сосуда.

Принимая во внимание эти определения, весь комплекс находок из боковой камеры можно отнести ко второй половине или концу II – первой половине III вв. н. э., чему не противоречат и представленные в нем бусы (см. Приложение 2).

Гораздо сложнее датировать материал из основной камеры. К сожалению, этот комплекс дошел до нас в сильно фрагментированном виде: более или менее полно сохранились лишь два лепных сосуда и верхняя часть краснолаковой чашки (рис. 4,3,6,8), остальные находки – нижняя часть еще одного краснолакового сосуда, обломки лепной посуды, фрагмент шила и фаянсовая бусина (рис. 4,1,2,4,5,7,9,10) – недостаточно выразительны.

Лепные сосуды представляют собой одноручный ковш с полусферическим туловом, отогнутыми краями и плоским невыделенным дном (рис. 4,3) и кружку с приземистым, слабо профилированным сферическим туловом, широким гиперболоидным горлом и плоским дном (рис. 4,6). Оба предмета являются типичными для позднескифской археологической культуры. Аналогии им известны в слоях I в. до н. э. – I в. н. э. Булганакского [15, с. 264-266, табл. VII,9,13] и II–III вв. н. э. Неапольского [4, с. 17, 29, табл. 15,2; 48,7] городищ, а также среди инвентаря захоронений конца II в. до н. э. – I в. н. э. Беляусского [4, табл. 48,7], I–III вв. н. э. Усть-Альминского [16, с. 164, 166, рис. 4,1] и Неапольского [3, с. 44, 80, табл. III,11; 17, с. 112, рис. 45,8] могильников. Есть подобные сосуды и среди находок из могил I в. до н. э. Левадковского могильника, в частности идентичные изделия известны в катакомбах №№ 97 (черпак) и 108 (кружка).

Столь же раннюю дату – I в. до н.э. – предполагает и краснолаковая чашка с полусферическим туловом (рис. 4,8). Такие сосуды на невысоком кольцевом поддоне были очень популярны в это время [см. например: 6, рис. 12.П,1; 15.П,5; 38.І,6; 12, рис. 10,6,7], хотя изредка продолжали использоваться и в первые века н. э. [14, с. 55 (форма 16); 3, табл. VIII,1,4].

Лепная керамика, найденная во входной яме, представлена обломками неудовлетворительной степени сохранности, что затрудняет их интерпретацию. Исключение составляют лишь несколько экземпляров. Часть стенки с сужающимися краями, которая, вероятнее всего, принадлежала к типично позднескифской категории керамики – так называемым чашам на высокой ножке (рис. 3,13) [15, с. 273]. Достаточно показателен и обломок миски с утраченным в древности уплощенным сегментовидным выступом, который возвышался над краем (рис. 3,18). Оформление краев сосудов подобными рельефными налестками также было характерно для позднескифских изделий, которые изготовлялись до рубежа эр [4, табл. 13,12; 17,12,14; 22,7]. С I в. до н. э. эта традиция распространилась и на посуде Европейского Боспора [18, табл. IV,7; XIV,7,8; XXXVII,4].

Таким образом, перечисленные аналогии указывают на возможность функционирования основной камеры склепа уже в I в. до н. э. В этой связи напрашивается вывод, что склеп № 60 изначально представлял собой стандартную для поздних скифов погребальную конструкцию – однокамерный склеп Т-образной планировки и был сооружен еще в I в. до н. э. Значительно позднее – во второй половине или в конце II в. н. э. – в боковой, юго-западной, стенке его входной ямы была вырублена дополнительная камера, использовавшаяся для захоронений вплоть до середины III в. н. э. Однако с таким заключением трудно согласиться. Ни один из известных ныне на могильнике Левадки склепов не был построен ни во II в. н. э., ни в более позднее время. Такая же ситуация наблюдается и на других позднескифских некрополях [5, с. 118; 6, с. 110-111]. Все левадковские склепы, по-видимому, были сооружены еще в I в. до н. э. или начале I в. н. э., но продолжали использоваться в более позднее время. Почти в половине из них зафиксированы и захоронения конца II – первой половины III вв. н. э. В этой ситуации логичнее предположить, что боковая камера склепа № 60 была построена одновременно с основной и какое-то время функционировала вместе с ней. В пользу данной точки зрения свидетельствует как сходство обеих камер (одинаковые форма и размеры, наличие высокой ступеньки перед входом, идентичность закладных плит и т.п.), так и общее время возведения подобных сооружений на Левадковском могильнике. Во второй половине или в конце II в. н. э., возможно, в связи с общей перегруженностью некрополя, боковая камера была очищена и повторно использована для новых захоронений. Не исключено, что в это же время погребения совершались и в основной камере склепа (если она не обрушилась к тому времени), но из-за

практически полного ее разграбления определенно ответить на данный вопрос не представляется возможным.

Еще один вариант появления боковой погребальной камеры можно представить следующим образом. Сразу по окончании сооружения центральной камеры склепа или по прошествии небольшого промежутка времени обрушился свод. Строители были вынуждены сделать еще одну погребальную камеру. В этом случае становится понятна ситуация с практически полным отсутствием материала и, в первую очередь, костного в заполнении центральной камеры. Как правило, после ограбления подобных склепов в заполнении остается большое количество костей и бус.

Погребальные сооружения в других памятниках, аналогичные публикуемому, на сегодняшний день нам неизвестны. Склеп с одной входной ямой и двумя погребальными камерами, сооруженными в ее противоположных торцевых стенках, открыт в Усть-Альминском могильнике [6, с. 111, рис. 72, I, II]. Погребальные камеры, как и в нашем случае, подквадратной формы. Датируется комплекс I-II вв. н. э. Концом II – первой половиной I вв. до н. э. датируется склеп № 390 этого же некрополя, который, судя по описанию, имел две погребальные камеры, расположенные в торцевой и боковой стенках входной ямы [16, с. 156]. Однако отсутствие в публикации общего плана склепа, а также противоречивое описание самой конструкции, где вторая камера почему-то названа «камерой другого склепа», к сожалению, не дают возможности привлечь этот комплекс в качестве аналогии.

Возможно, в будущем число примеров увеличится, однако вряд ли значительно: уникальность и своеобразие данных погребальных сооружений (построенных, по-видимому, одновременно) очевидны уже сейчас. Их возникновение, скорее всего, следует объяснять влиянием на традиционные Т-образные склепы погребальных сооружений другого типа – катакомб, широко использовавшихся во второй половине II – I вв. до н. э. и часто имеющих две погребальные камеры, расположенные, в том числе, в боковой и торцевой стенках входной ямы (например, склепы №№ 25, 143, 144 могильника Левадки). Древние строители по какой-то причине лишь в нескольких случаях воспроизвели эту схему в более монументальных сооружениях – склепах и в дальнейшем ее уже не использовали.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма // ИКОГО. Симферополь, 1951. Вып. 1.
2. Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
3. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев, 1983.
4. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д1-7.
5. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях юго-западного Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
6. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
7. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
8. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // ПИФК. Магнитогорск, 2004. Вып. XIV.
9. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
10. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
11. Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3.
12. Труфанов А.А. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005-2009. № 4.
13. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
14. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. 2010. Suppl. 9.
15. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
16. Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
17. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
18. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.

Мульд С. А.

Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки

Резюме

Наиболее выразительной чертой позднескифского погребального обряда являются захоронения в грунтовых склепах с Т-образной планировкой и ярусным расположением покойных. Подобные сооружения на позднескифских могильниках Центрального Крыма весьма многочисленны и однообразны в конструктивных деталях. Примеров отклонения от нормы на сегодняшний день известно немного, и каждый из них заслуживает отдельной публикации. Один из них – склеп №60 могильника Левадки (II в. до н.э. – III в. н.э.) с двумя погребальными камерами. Полноценное введение в научный оборот этого комплекса является целью данной работы.

Мульд С. А.

Склеп з двома поховальними камерами з могильника Левадки

Резюме

Найбільш виразною рисою пізньоскіфського поховального обряду є поховання в ґрунтових склепах з Т-подібним плануванням і ярусним розташуванням покійних. Подібні споруди на пізньоскіфських могильниках Центрального Криму вельми чисельні й одноманітні в конструктивних деталях. Прикладів відхилення від норми на сьогодні відомо небагато, і кожен з них заслуговує на окрему публікацію. Один з них – склеп № 60 могильника Левадки (II ст. до н.е. – III ст. н.е.) з двома поховальними камерами. Повноцінне введення до наукового обігу цього комплексу є метою даної роботи.

Muld S. A.

Vault with two Burial Chambers from Levadki Cemetery

Summary

The most expressive feature of the Late-Scythian burial rite is burials in ground vaults with a T-shape planning and multilevel location of the dead. Similar constructions on Late-Scythian cemeteries in the Central Crimea are rather numerous and uniform in construction details. Examples of deviations from the norm are few in number and each of them deserves an individual publication. One of them is vault N 60 in Levadki cemetery (the 2nd century BC – the 3rd century AD) with two burial chambers. Full-value introduction of this complex into scientific circulation is the aim of this work.

Погребальный инвентарь склепа № 60

№ рис. / № на плане	Описание находок	Размеры (см)
Находки из юго-западной (боковой) погребальной камеры		
<i>Краснолаковая посуда</i>		
3.2 /1	Тарелка с вертикальным бортиком, скошенной стенкой и ребром на месте их соединения, на кольцевом поддоне	Ø венчика - 11,5 Ø макс. - 11,8 Ø поддона - 4,7 высота - 3,6-4,1
3.1 /8	Чашка глубокая с туловом усеченно-конической формы, с небольшой выпуклостью стенки, бортик почти вертикальный, чуть наклонен внутрь, край скруглен, дно опускается к центру, на кольцевом поддоне	Ø венчика - 14,5 Ø макс. - 15,0 Ø дна - 5,8 высота - 8,9-9,0
3.6 /10	Кубок с петлевидной ручкой, невысоким вертикальным слегка отогнутым венчиком и грушевидным туловом на сплошном поддоне	Ø венчика - 0,6 Ø макс. - 8,5 Ø поддона - 4,1 высота - 7,2-7,4
3.3 /11	Кувшин с горизонтально отогнутым венчиком, высоким горлом, шаровидным туловом на кольцевом поддоне и с профилированной петлевидной ручкой	Ø венчика - 6,0 Ø макс. - 11,0 Ø поддона - 4,9-5,1 высота - 14,4
3.4 /12	Тарелка с вертикальным бортиком, скошенной стенкой и ребром на месте их соединения, на кольцевом поддоне	Ø венчика - 10,9 Ø макс. - 11,0 Ø поддона - 4,4 высота - 3,1-3,2
<i>Изделия из бронзы</i>		
5.7 /15	Фибула одночленная лучковая подвязная с верхней тетивой пружины	7,0x3,6
5.1 /18	Фибула двучленная (ремонтитованная) лучковая подвязная с нижней тетивой пружины и фигурной обмоткой спинки	6,5x2,0
5.3	Фибула одночленная лучковая подвязная с верхней тетивой пружины и фигурной обмоткой спинки	сохр. длина - 5,4 высота - 2,5
5.2	Пряжка «дугоконечная», с подвижным прямоугольным в сечении язычком, овальной передней и прямоугольной задней частями, разделенными узким перехватом	рамка - 3,5x3,1 длина язычка - 2,6
5.4	Браслет из круглого в сечении дрота с утолщенными незамкнутыми концами	7,6x6,9
5.8,9	Кольца височные ложновитые из прямоугольной в сечении проволоки. Один конец согнут крючком, другой в петлю (2)	Ø колец - 3,2

Изделия из железа

6.12 /2	Нож черешковый со слегка изогнутой спинкой	длина - 14,6 ширина - 2,2
6.2 /9	Нож черешковый с прямой спинкой	сохр. длина - 8,5 ширина - 1,9
6.3	Ножа черешкового с прямой спинкой фрагмент	сохр. длина - 7,4
6.1	Ножа черешкового с прямой спинкой фрагмент	сохр. длина - 3,8
5.5	Пряжка с подвижным язычком и круглой рамкой	длина язычка - 2,8 Ø рамки - 3,0

Керамическое изделие

5.6	Пряслице биконической формы	высота - 2,2; Ø - 2,3
-----	-----------------------------	-----------------------

Изделия из камня

3.5 /3	Оселок с круглым отверстием в центре	11,6x2,4x1,3
6.4 /4	Кремневый отщеп с ретушью	6,4x3,1x0,8

Находки из юго-восточной (центральной) погребальной камеры*Краснолаковая посуда*

4.8	Миски полусферической верхней части фрагмент	Ø венчика - 16,0 сохр. высота - 6,5
4.7	Сосуда на кольцевом поддоне нижней части фрагмент	Ø поддона - 6,5 сохр. высота - 6,3

Лепная посуда

4.6	Кружка одноручная чернолощенная с округлым туловом и выделенным слегка отогнутым венчиком и плоским дном	Ø венчика - 10,8 Ø дна - 5,0 высота - 7,5-8,5
4.3	Сосуд одноручный лощеный с полусферическим туловом и горизонтально отогнутым венчиком и плоским дном	Ø венчика - 14,6 Ø дна - 4,2 высота - 8,8
4.1,2 4.5 4.4	Сосудов фрагменты: а) венчиков (2) б) ручки (1) в) дна (1)	Ø дна - ?

Изделие из железа

4.10	Шила фрагмент	сохр. длина - 3,2
------	---------------	-------------------

Находки из входной ямы*Керамические изделия*

-	Амфор светлоглиняных стенок фрагменты (12)	
- 3.10	Амфор красноглиняных фрагменты: а) стенок (10) б) ручки (1)	

- 3.7,9	Амфор коричневоглиняных фрагменты: а) стенок (6) б) ручек (2)	
3.21 - 3.19	Сосудов краснолаковых фрагменты: а) венчика (1) б) стенок (2) в) дна на высоком кольцевом поддоне (1)	∅ поддона - 3,9
- 3.20	Сосудов гончарных фрагменты: а) стенок (6) б) дна (1)	∅ поддона - 11,0
3.11-18 - 3.8,22, 23	Сосудов лепных фрагменты: а) венчиков (9) б) стенок (39) в) ручек (3)	
4.12	Сосуда лепного нижней части с нижним прилепом ручки фрагменты (6)	∅ дна - 6,0-6,8 сохр. высота - 6,2
4.11	Сосуда лепного нижней части фрагмент	∅ дна - 9,3 сохр. высота - 6,0

Изделие из бронзы

6.9	Перстня бронзового с овальной плоской жуковиной фрагмент	1,2x1,4
-----	---	---------

Изделия из железа

6.5	Ножа железного рукоятки фрагмент	длина - 3,4
6.8	Пряжки железной прямоугольной рамки фрагмент	2,7x1,8
6.6	Изделия железного в виде круглого в сечении стержня фрагмент	длина - 3,2

Приложение 2

Бусы из склепа № 60

<i>№ рис. / № на плане</i>	<i>Описание</i>	<i>Кол- во</i>	<i>Тип по Алексее- вой*</i>	<i>Дата по Алексеевой**</i>
------------------------------------	-----------------	--------------------	-------------------------------------	---------------------------------

Находки из юго-западной (боковой) погребальной камеры

Одноцветное стекло

7.10 /5	шаровидные поперечносжатые, глухое черное	2	1	VI в. до н.э.- IV в. н.э. (I-II)
7.53 /17	шаровидные поперечносжатые, глухое белое	25	2	III в. до н.э.- IV в. н.э. (I-II)

* Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975, 1978, 1982. Вып. Г1-12.

** В круглых скобках указана дата наибольшего распространения бус данного типа.

7.5 /19	шаровидная поперечносжатая, прозрачное бесцветное	1	21	I-III вв.
7.52 /17	бочковидная поперечносжатая, прозрачное зеленое	1	25	I в. до н.э.- IV в. н.э.
7.23 /16	короткоцилиндрические, глухое черное	9	54	II-IV вв.
7.42	короткоцилиндрическая, полупрозрачное черное на вид	1	близка 54	-
7.13, 28, 41, 47 /5, 16, 17	цилиндрические, глухое белое	29	55	I-IV вв. (II)
7.3,8, 11,27,49, 69/1, 5,7, 14,16,17	цилиндрические, глухое красное	12 3	57	II в. до н.э.- IV в.н.э. (I-III)
7.22,26 /16	цилиндрические, прозрачное зеленое	3	63	вт.п. I-II вв.
7.33 /16	короткоцилиндрическая, прозрачное сизо-зеленое	1	65	I-IV вв.
7.19 /13	пронизь в виде плоского диска, полупрозрачное темно-лиловое	1	72	II-III вв.
7.37,48,64 /16,17	в форме параллелепипеда, глухое красное	3	104	II-III вв.
7.39,45 /16	в форме параллелепипеда, прозрачное сизо-зеленое	3	108	II-III вв.
7.25 /16	в форме параллелепипеда, прозрачное зеленое	1	близка 108	-
7.4,15,29, 40,54 /5,7,16, 17	уплощенно-призматической формы со сглаженными ребрами, глухое белое	9	116	I-IV вв.
7.2,9,14, 66/5,7, 14,16, 17	уплощенно-призматической формы со сглаженными ребрами, глухое красное	34	117	II-IV вв.
7.17,31,63 /13,16	уплощенно-призматической формы со сглаженными ребрами, прозрачное лиловое	4	118	II-III вв.
7.24,61 / 16,17	уплощенно-призматической формы со сглаженными ребрами, прозрачное сизо-зеленое	16	122	II-III вв.
7.18 /13	удлинненно-призматической формы, полупрозрачное голубое	1	125	II-III вв.

7.56 /17	в форме 14-гранника, глухое белое	1	126	I-II вв.
7.32 /16	в форме деформированного 14-гранника, глухое красное	1	127	I-III вв.
7.38,59 / 16,17	в форме деформированного 14-гранника, прозрачное сизо зеленое	4	132	I-III вв. (II)
7.12 /5	цилиндрическая, глухое неопределенного цвета	1	-	-
7.34 /16	в форме параллелепипеда, глухое черное	1	-	-
7.30 /16	уплощенно-призматической формы со сглаженными ребрами, глухое черное	1	-	-
7.35 /16	в форме уплощенного параллелепипеда, глухое зеленое	1	-	-
7.51 /17	цилиндрические, глухое неопределенного цвета	2	-	-
7.55 /17	в форме 14-гранника, неопределенного цвета	2	-	-

С внутренней металлической прокладкой

7.6,44, 60 /7,17	шаровидные пропорциональные и поперечносжатые, некоторые объединены по две в нерасчлененные столбики	16	1	III в. до н.э.-IV в. н.э. (II в. до н.э.-II в. н.э.)
7.46,58 / 17	бочковидные пропорциональные и поперечносжатые	5	2	III в. до н.э.-IV в.н.э.
7.68	цилиндрическая	1	4	III в. до н.э. - III в. н.э.
7.62 /17	цилиндрические, объединенные по две в нерасчлененные столбики	4	5	II в. до н.э.-I в. н.э.

Многоцветное стекло

7.65	вытянуто-бочковидная, глухое черное стекло с поперечной полосой из глухого белого стекла	1	146	IV-III вв. до н.э., I в. до н.э.
------	--	---	-----	----------------------------------

Сердолик

7.1 /14	бочковидная	1	3	III в. до н.э.-IV вв. н.э. (I-II)
---------	-------------	---	---	-----------------------------------

Гагат

7.50	шаровидная поперечносжатая	1	2Г	III в. до н.э.-III в. н.э. (I-II)
7.7,20, 67 /7,13	короткоцилиндрическая	5	27	III в. до н.э.-IV в. н.э. (I-II)
7.21 /13	ромбовидные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий	11	37	III в. до н.э.-III в. н.э. (I-II)

Янтарь

7.16 /13	пронизь неправильной формы	1	44	I в. до н.э.-IV в. н.э. (I-II)
----------	----------------------------	---	----	--------------------------------

Находки из юго-восточной (центральной) погребальной камеры

Египетский фаянс

4.9	биконическая	1	11	I-II вв.
-----	--------------	---	----	----------

Находки из входной ямы

Одноцветное стекло

6.22	шаровидные поперечносжатые, глухое белое	8	2	III в. до н.э. - IV в. н.э. (I-II)
6.18	шаровидная поперечносжатая, прозрачное сизо-зеленое	1	11	IV в. до н.э. - IV в. н.э. (I-III)
6.27	шаровидные поперечносжатые, прозрачное темно-синее	7	15	VI в. до н.э. - IV в. н.э. (I-IV)
6.21	шаровидная поперечносжатая деформированная, глухое грязно-голубое	1	16	IV в. до н.э. - IV в. н.э. (I-II)
6.13	шаровидная поперечносжатая, прозрачное бесцветное	1	21	I-III вв.
6.19	бочковидная поперечносжатая, прозрачное зеленое	1	25	I в. до н.э. - IV в. н.э.
6.23	бочковидная поперечносжатая, глухое голубое	1	30	III-I вв. до н.э., II-IV вв. н.э.
6.24	цилиндрическая, глухое белое	1	55	I-IV вв. (II)
6.16	биконической формы, прозрачное янтарно-желтое	1	90	VI в. до н.э. - III в. н.э.
6.28	уплощенно-призматической формы со сглаженными ребрами, прозрачное сизо-зеленое	1	122	II-III вв.
6.25	в форме 14-гранника, прозрачное синее	1	134	I-IV вв.
6.26	бисер деформированной формы, полупрозрачное синее	2	близка 166	-
6.15	подпараллелепипедной формы, глухое грязно-желтое	1	-	-
6.11	в форме параллелепипеда, глухое желтое	1	-	-

С внутренней металлической прокладкой

6.10	шаровидные пропорциональные и поперечносжатые, некоторые объединены по две в нерасчлененные столбики	5	1	III в. до н.э. - IV в. н.э. (II в. до н.э. - II в. н.э.)
6.14	бочковидная пропорциональная и поперечносжатая	1	2	III в. до н.э. - IV в. н.э.

Многоцветное стекло

6.17	шаровидная поперечносжатая, глухое черное на вид с тремя слоисто-щитковыми глазками из четырех дисков из глухого белого и прозрачного синего стекла	1	25г	I-II вв.
6.20	шаровидная, глухое черное на вид с множеством глазков подтреугольной формы из трех дисков: двух из глухого желтого стекла и глухого темного	1	-	-

Газет

6.7	короткоцилиндрическая	9	27	III в. до н.э. - IV в. н.э. (I-II)
6.29	ромбовидная пронизь с двумя параллельными каналами отверстий	1	37	III в. до н.э. - III в. н.э. (I-II)

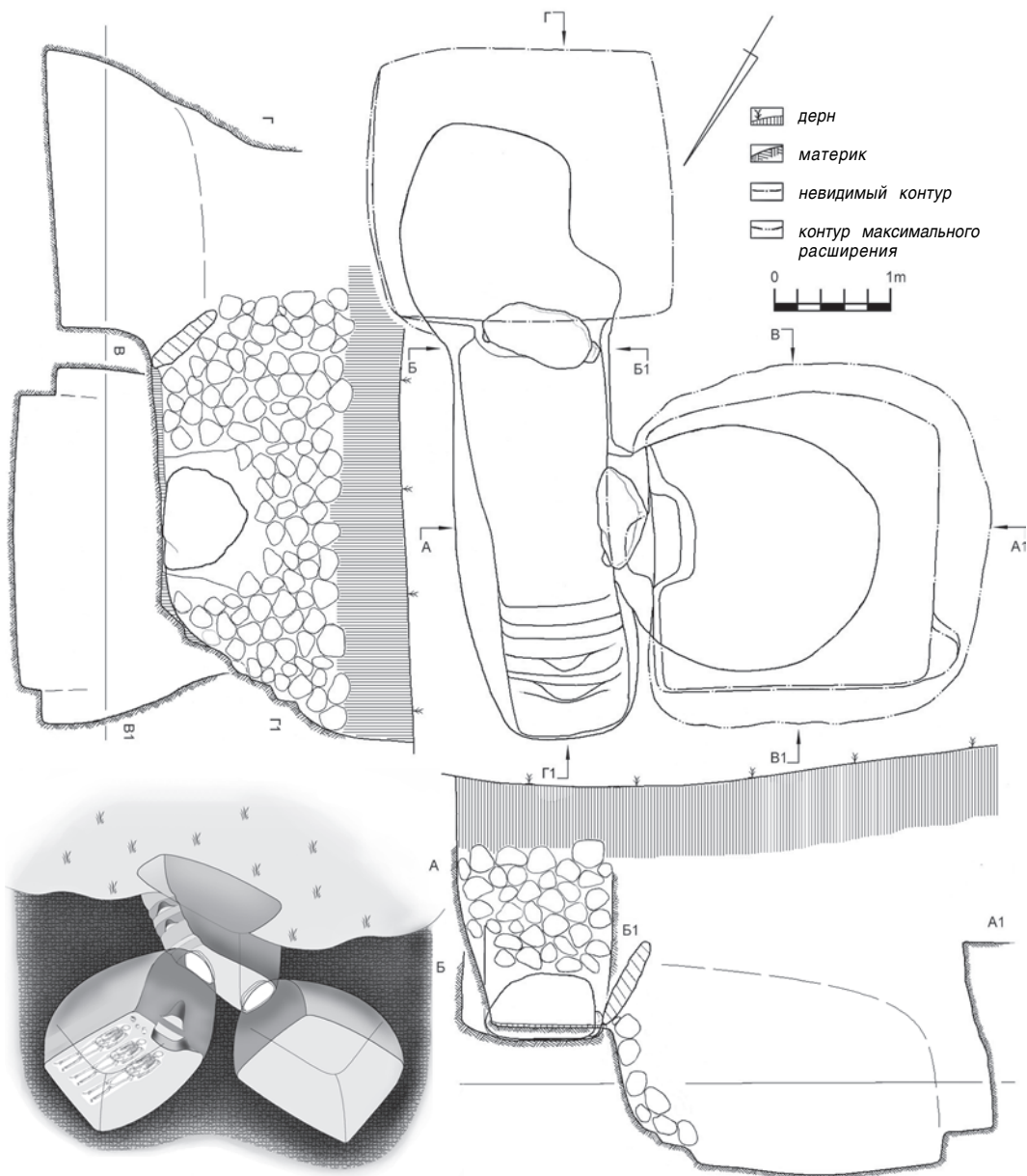
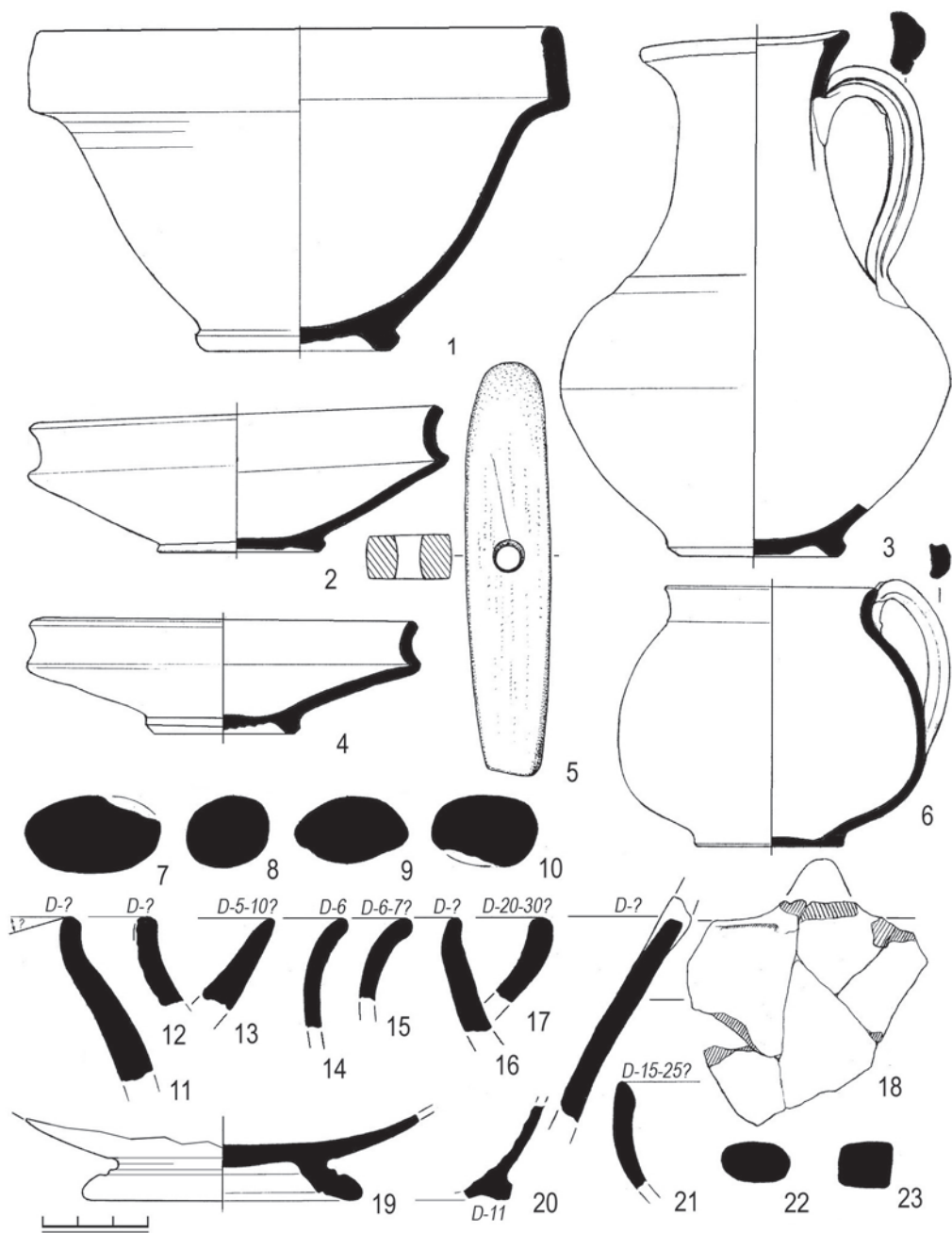

Рис. 1. Могильник Левадки. План и разрезы склепа № 60.

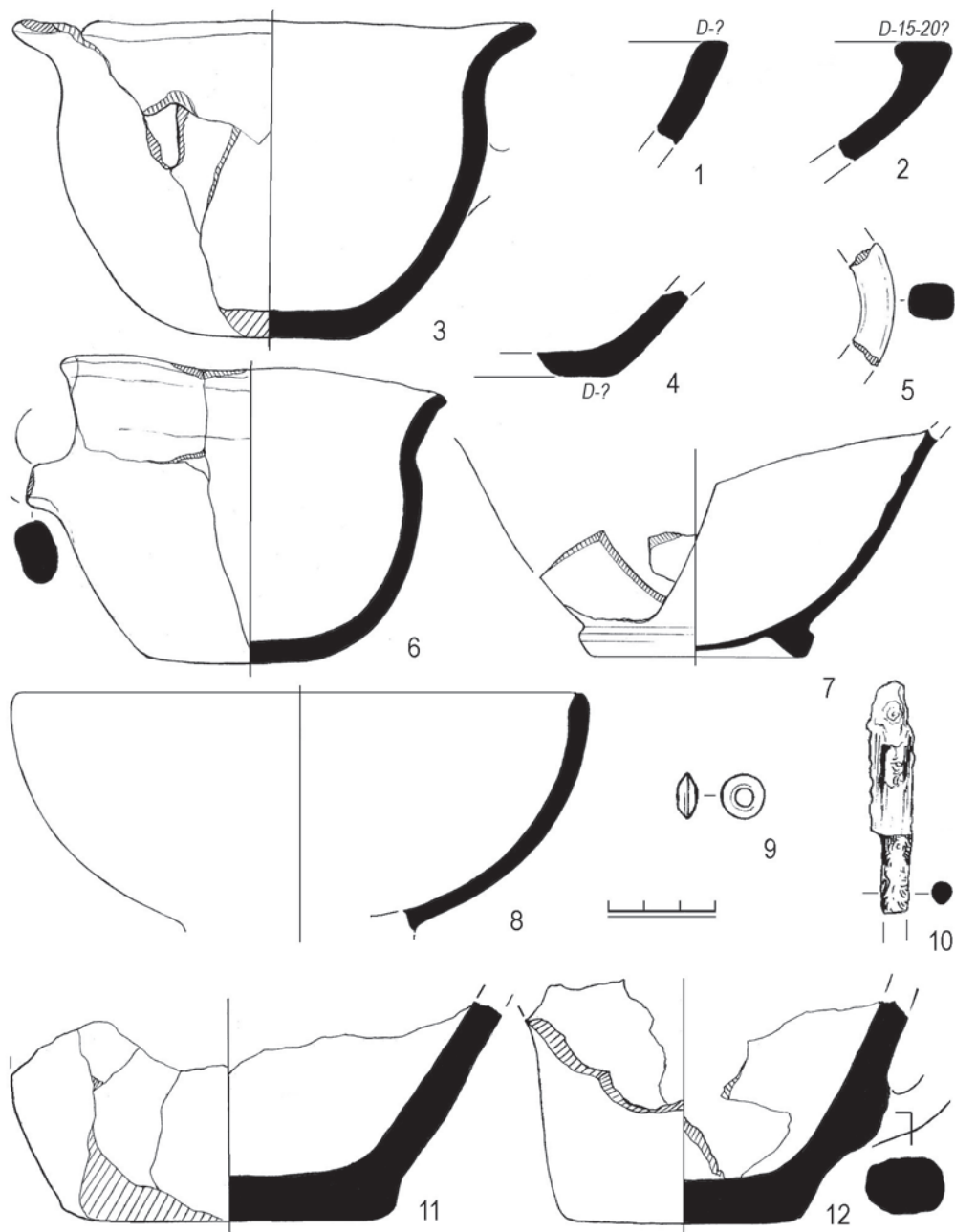

Рис. 2. План боковой погребальной камеры.

I-III – номера погребений; 1, 12 – тарелки, 2, 9 – ножи, 3 – оселок, 4, 6 – кремни, 5, 7, 13, 14, 16, 17, 19 – бусы, 8 – чашка, 10 – кубок, 11 – кувшин, 15, 18 – фибулы, 20 – зуб животного.

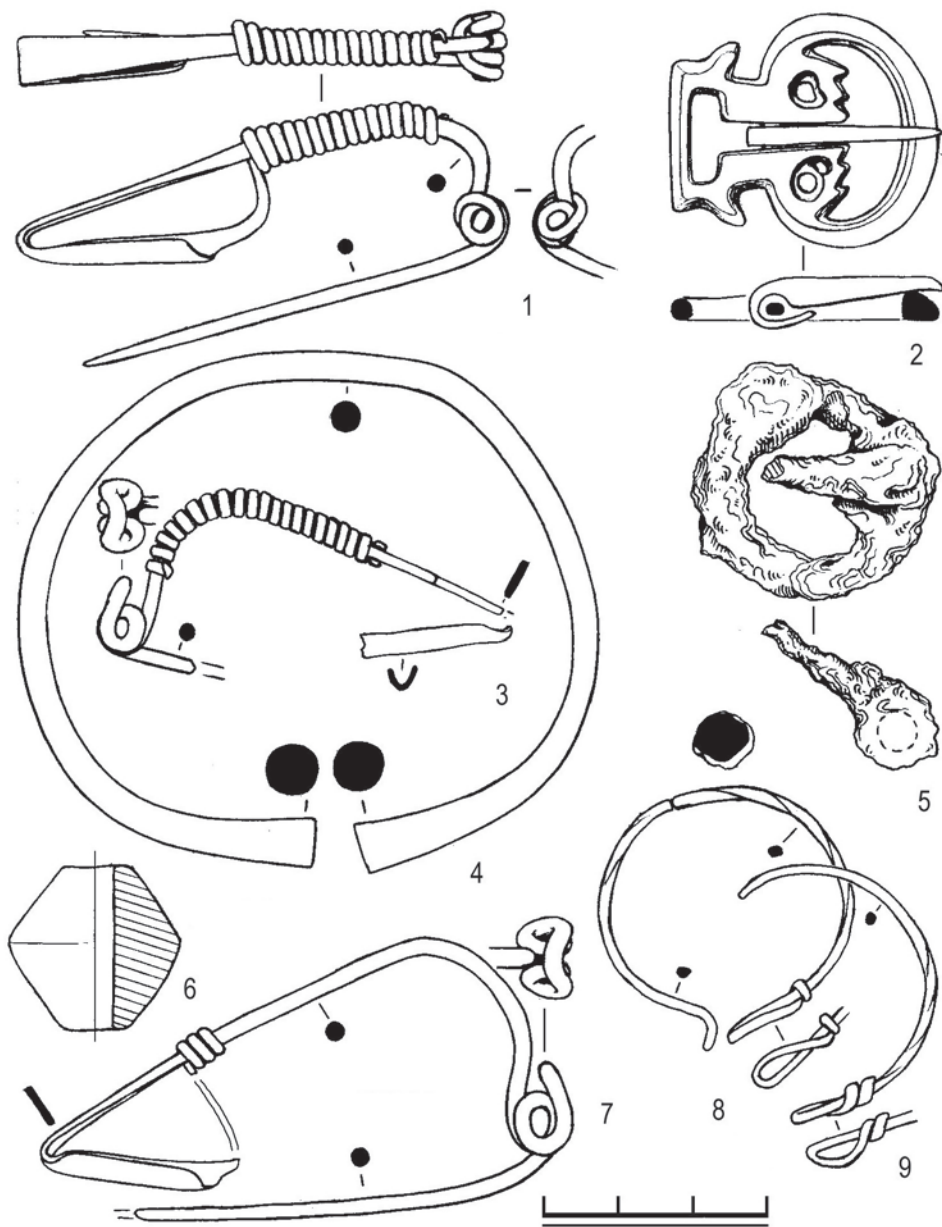

Рис. 3. Находки из склепа № 60.
1-4, 6-23 – керамика; 5 – камень.

Рис. 4. Находки из склепа № 60.
1-8, 11, 12 – керамика; 9 – фаянс; 10 – железо.

Рис. 5. Находки из склепа № 60.
1-4; 7-9 – бронза; 5 – железо; 6 – керамика.

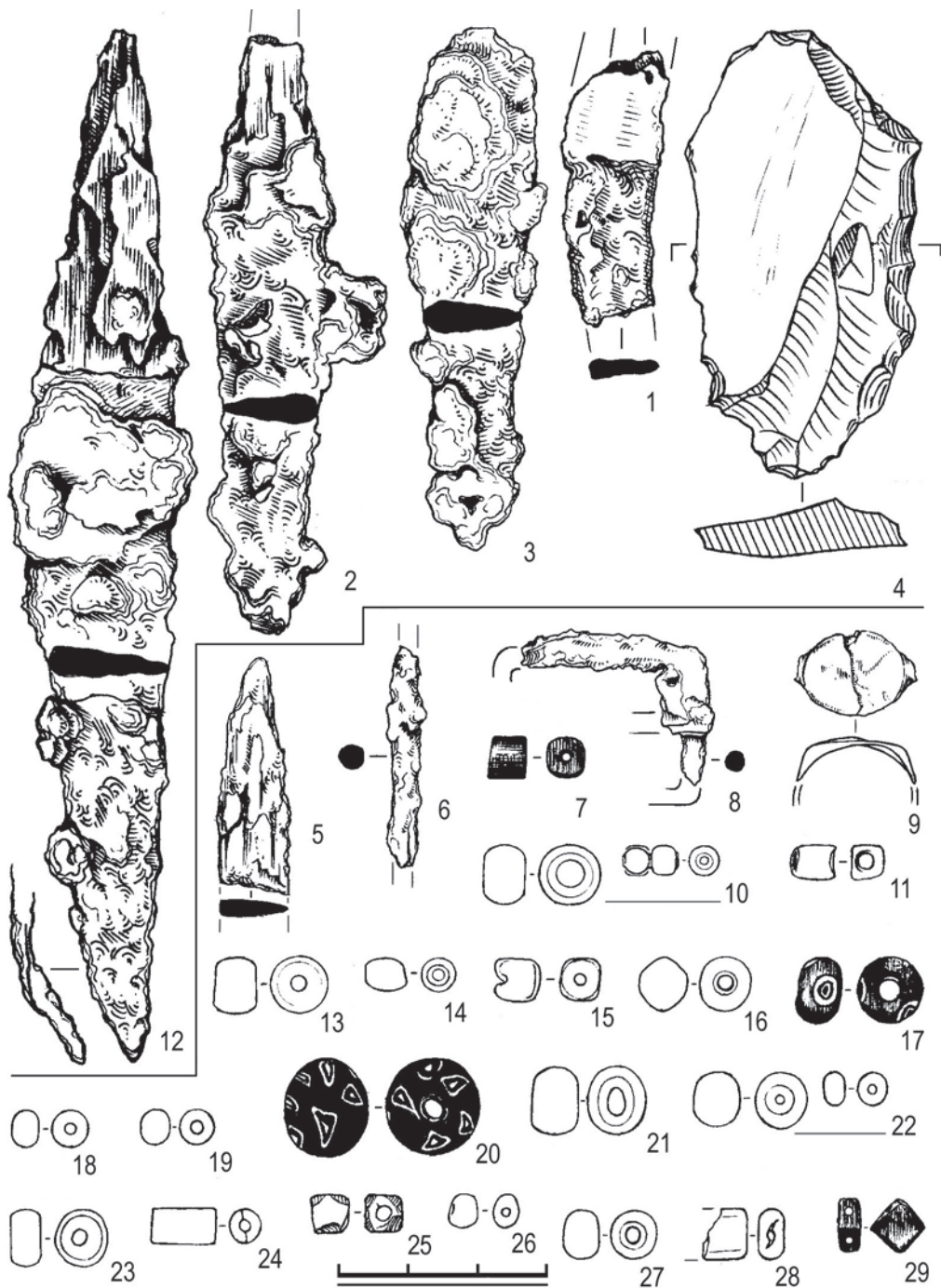

Рис. 6. Находки из склепа № 60.

1-3, 5, 6, 8, 12 – железо; 9 – бронза; 4 – кремний; 7, 29 – гагат; 10, 11, 13-28 – стекло.

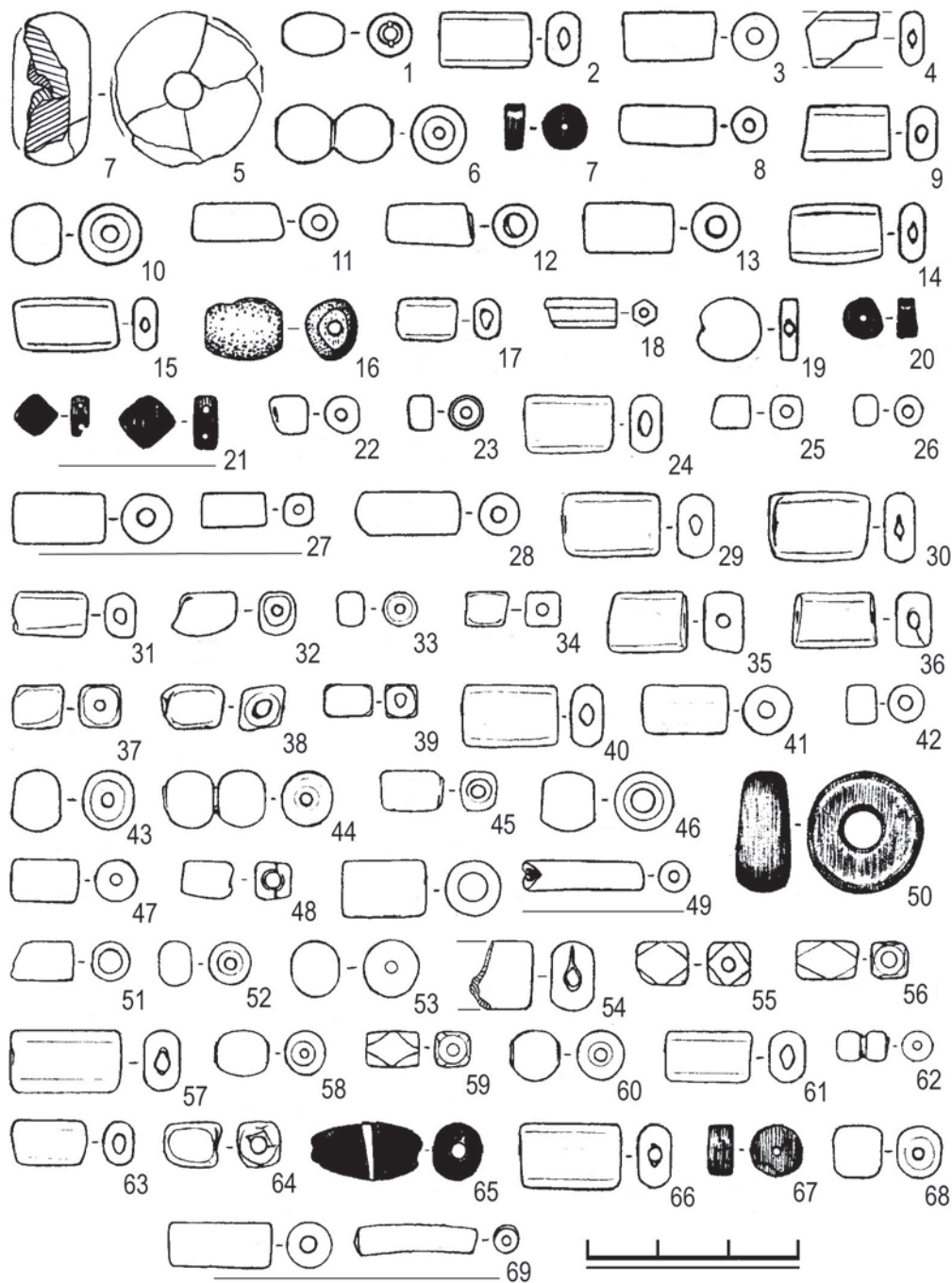

Рис. 7. Бусы из склепа № 60.

1 - сердолик; 7, 20, 21, 50, 67 - гагат; 16 - янтарь; 2-6, 8-15, 17-19, 22-49, 51-66, 68, 69 - стекло.

А. А. СТОЯНОВА

ГРИВНЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Гривны – шейные украшения в виде металлического обруча – представляют категорию вещей, достаточно редко встречающихся в крымских памятниках античной эпохи. Отсутствие обобщающих работ об этих украшениях обусловлено объективными причинами – большинство гривен, ставших предметом настоящей статьи, либо не опубликованы¹, либо введены в научный оборот сравнительно недавно [1, с. 99; 2, с. 19; 3, с. 171; 4, с. 134; 5, рис. 48,1; 6, с. 397; 7, S. 238]. Тем не менее, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать ряд наблюдений о распространении и хронологии этого вида шейных украшений.

Историография вопроса весьма незначительна. В большинстве публикационных работ отмечается лишь факт присутствия гривен в погребениях и дается их описание [3, с. 171; 8, с. 57; 9, с. 94; 10, с. 38-39]. По поводу происхождения традиции ношения этих украшений у населения Крыма античного времени в литературе практически отсутствуют какие-либо аргументированные предположения. Так, по мнению Н. В. Пятшевой, использование гривен жителями Херсонеса было связано с влиянием скифского этнического компонента [11, с. 257]. Напротив, Т. Н. Высотская склонна рассматривать гривны из позднескифского Усть-Альминского некрополя как элемент сарматского воздействия [12, с. 108]. В. М. Зубарь, обративший внимание на херсонесские украшения, пришел к выводу, что ни скифы, ни сарматы не являются носителями традиции ношения гривен, поскольку в оставленных ими памятниках таких изделий найдено меньше, чем в греческом центре. Захоронения с гривнами из Херсонесского некрополя исследователь связывает с романизированными

---

¹ Выражаю глубокую благодарность О. Д. Дашевской, И. Н. Храпунову и С. А. Мульду за возможность использовать в настоящей статье не публиковавшиеся ранее гривны из могильников Беляус, Опушки, Нейзац и Левадки, а также предоставленную информацию о содержащих их погребальных комплексах.

выходцами из Подунавья, где ношение таких украшений археологически фиксируется до позднелатенского периода включительно. Тем же позднелатенским влиянием объясняется и наличие единичных гривен в скифских погребениях Неаполя [13, с. 88].

Всего в крымских памятниках, оставленных варварским населением полуострова II в. до н.э. – IV в. н.э., обнаружено 49 гривен², которые по способу оформления окончаний можно разделить на 10 типов.

Тип 1. Многовитковая гривна из бронзовой, круглой в сечении проволоки с уплощенными расширяющимися концами, один из которых орнаментирован вдавленными точками, другой – вдавленными концентрическими кругами (рис. 1,1). Неаполь скифский, мавзолей, погр. XXVIII/25 [14, с. 160, рис. 32,1].

Подобная многовитковая гривна найдена в одном из богатых сарматских погребений Поволжья, в женском захоронении с инвентарем конца II – I вв. до н.э. [15, р. 256, abb. 13,1; 16,3]. Неапольская гривна сопровождала погребение ребенка, совершенное, по данным Н. Н. Погребовой, в I в. до н.э. [14, с. 208].

Тип 2. Гривны из бронзовой, круглой в сечении проволоки с зооморфными окончаниями. Тип представлен двумя экземплярами. Первый происходит из могилы № 13 могильника Беляус (рис. 1,2). Гривна в 1,5 оборота, сохранился один конец с очертаниями в виде змеиной головки с врезным орнаментом из поперечных насечек. Вторая гривна с разомкнутыми концами, оформленными в виде головы ушастого животного, найдена в склепе № 96 из могильника Левадки (рис. 1,3).

Беляусская гривна сопровождала захоронение подростка, при котором была также обнаружена поясная пряжка-кольцо с птичьей головой и двумя шишечками, датируемая О. Д. Дашевской второй половиной – последней четвертью II в. до н.э. [16, с. 94-95]. Гривна из могильника Левадки также была найдена на детском костяке, расположенном в самом нижнем ярусе погребений в склепе. С этим же захоронением связаны браслет с перевязанными концами и железная фибула с пластинчатым приемником. Инвентарь погребального комплекса типичен для позднескифских склепов с многократными захоронениями I в. до н.э. – I в. н.э.

Единичные экземпляры проволоочных гривен с зооморфными окончаниями известны в кочевнических скифских погребениях IV–III вв. до н.э. [17, с. 47, табл. 28,6,7]. Подобная гривна, судя по описанию, происходит из святилища Гурзуфское Седло. Автор публикации относит ее к римским изделиям I в. до н.э. – I в. н.э. [18, с. 76].

Аналогичные изображения голов животных хорошо известны на браслетах из позднескифских памятников. Браслеты с окончаниями в виде змеиных

² В их число не входит гривна из Ногайчинского кургана, выполненная в совершенно ином стиле.

головок, идентичными по форме изображению на белаяусской гривне, найдены в крымских комплексах II–I вв. до н.э. [19, с. 72, рис. 1,2-5]. К раннему периоду позднескифской культуры также относятся браслеты, концы которых оформлены в виде голов ушастых животных, абсолютно тождественных представленным на гривне из могильника Левадки [19, с. 76-77, рис. 2,1,2].

Тип 3. Гривны из бронзовой, круглой в сечении проволоки с заходящими друг за друга, слегка утонченными концами (4 экз.). Один экземпляр происходит из склепа № 5 могильника Кара-Тобе (рис. 1,7) [1, с. 99, рис. 2,22]. Две гривны найдены в Беляусском некрополе в склепе № 53 среди сдвинутых к стенке костяков (рис. 1,5,6). Сохранившийся конец одной из гривен украшен четырьмя глубокими косыми насечками. Вероятно, к этому же типу можно отнести еще одну находку из Беляуса – гривну в 1,5 оборота с утонченными окончаниями из катакомбы № 16 (рис. 1,4).

Кара-тобинская гривна происходит из комплекса I в. до н.э. – I в. н.э., хотя, по мнению авторов публикации, наиболее вероятное время совершения захоронений относится к рубежу эр [1, с. 99]. Многократные погребения в склепе № 53 из Беляусского некрополя совершались в течение II в. до н.э. Среди инвентаря, найденного в катакомбе № 16, присутствовали «среднелатенские» фибулы со скрепкой, свидетельствующие о функционировании погребального сооружения в конце II – первой половине I вв. до н.э. [20, с. 42].

Тип 4. Гривна из бронзового, квадратного в сечении прута с разомкнутыми обрубленными концами (рис. 2,1). Найдена в склепе № 96 из могильника Левадки, где сопровождала детское захоронение из нижнего яруса погребенных. Синхронна гривне типа 2, обнаруженной в этом же комплексе.

Тип 5. Гривны, один конец которых оформлен в виде крючка, второй закручивается в 3-4 оборота, образуя петельку (23 экз.).

Вариант А. Из гладкой бронзовой (8 экз.), железной (2 экз.) или серебряной (1 экз.) проволоки, круглой или подквадратной в сечении.

Всего к этому варианту можно отнести 11 экземпляров: Перевальное, могила № 22а (рис. 2,2) [6, с. 148, 397, рис. 125,5]; Опушки, могила № 3 (рис. 2,3); Нейзац, могила № 96 (рис. 2,5) [5, с. 183, рис. 48,1]; Усть-Альма, могилы №№ 36 (рис. 2,4), 92 (рис. 2,7), 523 (рис. 2,6), 614 (рис. 2,8), 640 (рис. 3,2) [6, с. 148, 397, рис. 123,3,4,6; 12, с. 108, табл. 8,4; 30,45]. По всей видимости, железная гривна этого же варианта обнаружена в могиле № 167 из Нейзаца (рис. 3,3), серебряная и бронзовая – соответственно, в склепах № 88 Усть-Альминского некрополя (рис. 3,1) [12, с. 108, 138, табл. 28,44] и № 301 могильника Нейзац (рис. 3,4).

В четырех случаях на гривны были надеты 3-4 бусины, как правило, ребристые из египетского фаянса или полихромные глазчатые. Гривна из могилы № 614 Усть-Альминского могильника была также украшена двумя ведековидными подвесками.

Исходя из дат комплексов, в которых найдены гривны типа 5а, их хронология представляется весьма широкой. Т. Н. Высотская достаточно узко определяет время функционирования склепа № 92 – конец I в. до н.э. – начало I в. н.э. [12, с. 138]. В пределах I–III вв. н.э. датируются остальные погребения с гривнами этого типа из Усть-Альминского некрополя [6, с. 148, рис. 123; 12, с. 144]. Широкую дату II–III вв. н.э. без описания комплекса указывает А. Е. Пуздровский для погребения 22а из могильника Перевальное [6, рис. 125]. В склепе № 3 из Опушек гривна сопровождала одно из самых поздних погребений в комплексе с лучковой подвязной фибулой 3-го варианта по А. К. Амброзу. Автор свода датирует такие фибулы первой половиной II в. н.э. [21, с. 49]. Датировка погребений из Усть-Альминского склепа № 88 укладывается в рамки I – начала II вв. н.э. [12, с. 138], а могилы № 167 из Нейзаца – конца II – первой половины III вв. н.э. Дата нейзацкой могилы № 96 не ясна, так как кроме гривны в ней не было другого инвентаря [5, с. 194].

Подобные описанным выше золотые гривны присутствовали среди вещей из катакомбы № 20 некрополя Пантикапея, раскопанной А. Е. Люценко в 1873 г., в склепе № 1013 в Херсонесе и в сарматском погребении у с. Чугуно-Крепинка. Все комплексы датируются в пределах I–II вв. н.э. [22, т. II, с. 62; с. 105, табл. 48, с. 113–114, табл. 49]. Ко II–III вв. н.э. относится золотая гривна из кургана у станицы Усть-Лабинская [23, табл. 41, 369].

Таким образом, датировка комплексов, в которых были найдены гривны типа 5а, свидетельствует о достаточно широком хронологическом диапазоне существования этих украшений в Крыму – с конца I в. до н.э. до середины III в. н.э. В эти рамки не укладывается только гривна из нейзацкого склепа № 301, погребения в котором совершались в течение IV в. н.э., однако уверенно отнести этот экземпляр к рассматриваемому типу не позволяет его сохранность.

Вариант Б. Гривны, выполненные из бронзовой ложновитой проволоки, с гладкими концами, с круглым или подквадратным сечением.

Этот вариант представлен 12 экземплярами. В двух случаях на гривны были надеты бусы, преимущественно ребристые из египетского фаянса. Нейзац: могилы №№ 329 (рис. 3,6) и 350 (рис. 3,5,7) (две гривны связаны с одним захоронением); Усть-Альма: могилы №№ 88 (рис. 4,1), 548 (рис. 4,3), 640/13 (рис. 4,5), 749а (рис. 4,2), 760/1 (рис. 4,6), 760/2 (рис. 4,7), 826а/1 (рис. 4,4) [6, с. 148, 397, рис. 123,5; 124,1,3–7; 12, с. 108, 138, табл. 28,45; 24, с. 271, рис. 3,1]. К этому же варианту, по всей видимости, можно отнести гривны из могилы № 16 восточного некрополя Неаполя (рис. 5,2) [6, с. 148, 397, рис. 124,5] и погребения № 424Б/12 из Усть-Альмы (рис. 5,1) [6, с. 148, 397, рис. 124,1].

Склеп № 88 из Усть-Альминского могильника Т. Н. Высотская относит к I – началу II вв. н.э. [12, с. 138], захоронение в могиле № 826 из этого же некрополя было совершено в середине II в. н.э. [24, с. 271]. Причем гривна из склепа № 88 найдена вместе с гривной типа 5а, что говорит о синхронном бытовании

украшений обоих вариантов. Погребение 12 из склепа № 424Б сопровождается лучковой подвязной фибулой 1-го варианта по А. К. Амброзу, а погребение 13 из склепа № 640 – сильно профилированной фибулой, что позволило А. А. Труфанову датировать эти комплексы второй половиной I в. н.э. и концом I – началом II вв. н.э. соответственно [25, с. 227]. Остальные захоронения с гривнами из Усть-Альмы датируются в пределах I – первой половины III вв. н.э. [6, рис. 124].

Столь же широко, I – серединой III вв. н.э., датирует А. Е. Пуздровский и могилу № 16 из Неаполя. Не противоречат этим данным находки двух одинаковых гривен в погребении I могилы № 350 из Нейзаца, с которым также связана лучковая подвязная фибула 4-го варианта, позволяющая отнести захоронение к концу II – первой половине III вв. н.э. Самый поздний экземпляр рассматриваемого типа обнаружен в подбое, вырубленном в одной из длинных стенок входной ямы склепа № 329 из Нейзаца. Найденный в подбое инвентарь свидетельствует о том, что он был сооружен, по всей видимости, во второй половине III в. н.э.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что гривны типа 5б использовались населением Крыма очень долго – с I по III вв. н.э. включительно. Единственный признак, по которому в некоторой степени отличаются нейзацкие гривны III в. н.э. от более ранних, – размер поперечного сечения проволоки. Все три экземпляра позднеримского времени выполнены из тонкой, квадратной в сечении проволоки, в то время как гривны из Усть-Альмы и Неаполя более массивные.

Аналогичные гривны в римское время были распространены на достаточно широкой территории. Одна гривна, украшенная бусами, найдена в могиле № 62 некрополя Тирамбы, которую А. К. Коровина датирует I в. до н.э. [26, с. 42-43, рис. 38]. Золотая гривна с медальоном из сердолика происходит из случайно обнаруженного в 1953 г. богатого детского захоронения в Керчи, совершенного, скорее всего, в I в. н.э. [27, с. 239, 245, рис. 1]. Тордированная гривна найдена в погребении № 63 могильника Фанагории [28, табл. 17,11]. Украшения, подобные гривнам типа 5б, встречаются в позднесарматских волжско-уральских погребениях [29, с. 217], в могильниках позднеримского и раннесредневекового времени Предкавказья и Дагестана [30, с. 242, рис. 22а,3; 31, с. 310, табл. LXXII; CXXV,1].

Тип 6. Гривны из бронзовой проволоки, круглой в сечении, концы которой загнуты в виде крючков (4 экз.).

Вариант А. Гривны, выполненные из гладкой проволоки (3 экз.). Неапольскифский: курган Дюбуа, погребение 2 (рис. 5,3) [10, с. 52, табл. 72,22]; Усть-Альма: могила № 511 (рис. 5,4) [6, с. 148, 397, рис. 123,2]. На гривну из Усть-Альминского могильника были надеты несколько бусин и подвеска в виде двулезвийного топорика, три бусины – ребристая из фаянса и две глазчатые

стеклянные – украшали гривну из неапольского кургана. Вероятно, к этому же варианту, судя по описанию в публикации, относится и железная круглопроволочная гривна из могилы № 69 восточного некрополя Неаполя скифского (рис. 5,5). На нее были нанизаны 4 бусины – стеклянные глазчатая и одноцветная цилиндрическая, фаянсовые ребристые, а также бронзовый согнутый гвоздь [32, с. 184, рис. 2,19].

Содержавшие эти гривны комплексы датируются в пределах I – середины III вв. н.э. [6, с. 148, 397, рис. 123,1,2; 10, с. 52, табл. 72,22].

Вариант Б. Гривна из ложновитой проволоки, со слегка заходящими друг за друга концами. Неаполь скифский, восточный некрополь, могила № 45 (рис. 5,6). Сопровождала детское захоронение с инвентарем I в. до н.э. – I в. н.э. [9, с. 44, 94, табл. XXXIII,22].

Гладкие и тордированные гривны с замком в виде крючков достаточно часто встречаются в могильниках римского и раннесредневекового времени в Северо-Восточном Причерноморье. Витая гривна из тонкой золотой проволоки найдена в одном из курганов Золотого кладбища в Прикубанье [23, табл. 15,145], тордированные и гладкие гривны известны в захоронениях второй половины III – IV вв. н.э. могильника Бжид [33, с. 189, табл. 76,44; 74,49], типичны они для женских погребений раннего участка конца V – начала VI вв. могильника Дюрсо, причем в более поздних комплексах они отсутствуют [34, с. 60, рис. 1,17; 2,4,30,31,62; 3,7]. Аналогичные витые гривны известны и в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа и Закавказья [31, с. 196, табл. LXXXIV,8; 33, с. 361, табл. 171,29; 35, рис. 61,12]. Гривны из гладкой и витой проволоки с окончаниями в виде двух крючков встречаются в могильниках азелинской культуры в Нижнем Прикамье и в памятниках т.н. азелинского круга Марийского Поволжья в комплексах III–IV вв. н.э. и середины I тыс. н.э. [36, с. 174-76, рис. 5,2; 37, с. 169, рис. 1,1,2]. Аналогичная гривна сопровождала богатое аламанское женское погребение в Шлейтхейм-Хебсак в Швейцарии, датирующееся концом IV или самым началом V вв. н.э. [38, с. 172-173, рис. 13].

Тип 7. Гривна бронзовая пластинчатая с концами, загнутыми в виде крючков. Украшена зигзагообразным врезным орнаментом (рис. 6,1). Обнаружена в могиле № 156 из Перевального. Комплекс датируется в пределах II–III вв. н.э. [6, с. 148, 397, рис. 125,1]. Аналогий данному экземпляру найти не удалось.

Тип 8. Гривны из бронзовой круглой или прямоугольной в сечении проволоки, один конец которых раскован в виде пластины и снабжен отверстием, второй загнут в виде крючка, заканчивающегося в одном случае биконической кнопкой (4 экз.).

Вариант А. Гривна, выполненная из гладкой проволоки (рис. 6,2). Найдена в могиле № 176 из Перевального [6, с. 148, 397, рис. 125,5].

Вариант Б. Тордированные гривны. Представлены двумя целыми экземплярами и одним фрагментом. Дружное: могила № 20, южный подбой

(рис. 6,3) [2, с. 19, рис. 95,10]; Чатыр-Даг: могилы №№ 14 (рис. 6,4) и 21 (рис. 6,5) [4, с. 14, 16-17, рис. 18,8; 25,9].

Комплекс с гривной из Перевального А. Е. Пуздровский датирует II–III вв. н.э. [6, рис. 125,5]. Ко второй половине III в. н.э. относится захоронение из Дружного [5, с. 68]. Анализ инвентаря из могилы № 14 Чатырдагского некрополя указывает на середину III в. н.э. как на наиболее реальную дату совершения захоронения. Со второй половиной этого же столетия соотносится и погребение в могиле № 21 [4, с. 157-158, 161-162].

По всей видимости, тордированная бронзовая гривна описываемого типа была найдена в могиле № 19 (44) некрополя Тиритаки в комплексе второй половины III в. н.э., хотя один ее конец отломан [39, с. 222-223, рис. 95,1]. Остальные аналогии сосредоточены за пределами полуострова, причем их географический и хронологический ареал достаточно широк. Подобная гривна, выполненная из витой золотой проволоки, найдена в богатом погребении недалеко от Танаиса у с. Недвиговка. Инвентарь комплекса позволяет датировать его второй половиной III – началом IV вв. н.э. Авторы публикации характеризуют комплекс как «некочевнический», оставленный представителями социальной элиты Танаиса позднеримского времени [40, с. 56, 63, рис. 2,2; 41, с. 68-69, табл. 83,1062; 98,1148]. Идентичная танаисской золотая тордированная гривна найдена в разрушенной могиле у станицы Воронежской в Прикубанье вместе с инвентарем IV в. н.э. Погребение входит в число богатых комплексов, оставленных сармато-аланской знатью [29, с. 210, рис. 1; 42, с. 239, рис. 3,14]. Серебряная витая гривна происходит из позднесарматского погребения из кургана в Балках [43, с. 201, табл. 82,42]. Подобные гривны с раскованным концом известны в сарматских погребениях Алфёльда в Венгрии [44, с. 283, рис. 97,10], женских захоронениях IV в. н.э. в могильниках цебельдинской культуры [45, с. 23, табл. 26,10], комплексах V – начала VI вв. из могильников Северного Кавказа [31, табл. СХХIV,2; 35, с. 46, рис. 34,10], в погребениях конца III – IV вв. культуры рязано-окских могильников. Причем в последнем случае гривны рассматриваемого типа составляли абсолютное большинство найденных там шейных украшений и были характерны как для мужских воинских, так и для женских захоронений [46, с. 142, рис. 12,7; 13,2; 15,4; 16,2, с. 188, рис. 3,9,20]. Гладкая золотая гривна, подобная найденной в могильнике у с. Перевальное, обнаружена в погребении гуннского времени у д. Муслумово Пермской губернии [47, с. 76, 191, табл. 43,1]. Тордированная гривна из золота происходит из комплекса этой же эпохи у местечка Кучугуры Херсонской области [47, с. 76, 171, табл. 15].

Тип 9. Гривна (?) из ромбовидной в сечении бронзовой проволоки, с утонченными окончаниями, круглыми в сечении. Оба конца отсутствуют, но, по всей видимости, они были перевязаны по ободу, о чем свидетельствуют остатки обмотки (рис. 6,6). К этому типу принадлежит экземпляр из подбойной

могилы 39а из некрополя Совхоз 10. Ни по своим размерам (диаметр 7,5 см), ни по месту нахождения уверенно атрибутировать этот предмет как гривну невозможно. В могиле он располагался на уровне пояса одного из погребенных вместе с кольцом и монетой Диоклетиана, на основании которой комплекс можно датировать IV в. н.э.³ [3, с. 171, табл. 5,69].

Вероятно, гривна из могильника Совхоз 10 однотипна экземплярам из Херсонеса, которые, в свою очередь, находят аналогии на территории Подунавья [13, с. 86-88, рис. 4]. Именно с выходцами из этого региона, по мнению В. М. Зубаря, и следует связывать распространение обычая ношения гривен в Херсонесе.

Тип 10. Гривна из золотого, круглого в сечении прута, с расширенными концами (рис. 6,7). Была сделана из растянутого браслета, поэтому к категории гривен мы отнесли ее условно по ее функциональному назначению. Украшение сопровождало погребение ребенка в могиле № 735 Усть-Альминского некрополя, совершенное в середине – третьей четверти I в. н.э. [7, р. 238].

Еще несколько фрагментов гривен уверенно соотнести с каким-либо типом не представляется возможным из-за их сохранности. В натечном слое могильника Нейзац был обнаружен фрагмент гривны из бронзовой, квадратной в сечении ложновитой проволоки (рис. 7,1). Из нейзацкой могилы № 172 происходит обломок железной гривны с двумя полихромными бусами (рис. 7,2). Часть железной, круглой в сечении гривны с двумя бусинами входила в состав инвентаря могилы № 91 восточного некрополя Неаполя скифского (рис. 7,3) [9, с. 73, 94, табл. XXXIII,21]. В могильнике Опушки фрагменты двух бронзовых, круглой и ромбовидной в сечении гривен найдены в могиле № 21 (рис. 7,5) и вне комплекса (рис. 7,4). В склепе № 1 из могильника Озерное III обломок гривны из бронзового, ромбовидного в сечении прута располагался в центральной части камеры в скоплении с различными вещами, лежавшими, вероятно, в деревянной шкатулке [48, с. 242, рис. 4,17]. Фрагмент гривны из бронзового, квадратного в сечении прута входил в группу вещей III–IV вв. н.э., обнаруженных в 1912 г. у д. Мангуш (рис. 7,6) [49, с. 87-88, рис. 24].

Представленный выше материал позволяет утверждать, что традиция ношения гривен у скифо-сарматского населения Крыма была распространена значительно шире, чем считалось ранее, хотя, безусловно, частота встречаемости этих украшений в погребальных комплексах существенно уступает браслетам, кольцам и бусам. Наиболее ранние гривны типов 2 и 3 сосредоточены в комплексах II–I вв. до н.э. из позднескифских могильников Беляус, Левадки и Кара-Тобе (табл. 2), причем по своей форме они близки украшениям из

³ Возможность непосредственно ознакомиться с гривной из могильника Совхоз 10 и контекстом ее находки была любезно предоставлена Л. А. Рыжовой, за что выражаю ей глубокую признательность.

кочевнических скифских погребений IV–III вв. до н.э. Наиболее распространенными в Крыму были гривны типа 5, с окончаниями, оформленными в виде крючка и петельки. Они составляют 47% всех учтенных изделий и происходят из комплексов конца I в. до н.э. – первой половины III в. н.э., преимущественно из захоронений Усть-Альминского некрополя и могильника Нейзац (табл. 1; 2). Примечательно, что большинство аналогий гривнам этого типа сконцентрировано на Боспоре, причем некоторые из них были сделаны из золота. Вероятно, выполненные из более доступного материала – бронзы или железа – «варварские» гривны являлись подражанием ювелирным изделиям боспорских мастеров или выполнялись последними на заказ.

В хронологическом аспекте представляют интерес гривны типа 8б, время бытования которых, по данным крымских комплексов, ограничивается второй половиной III в. н.э. (табл. 2), хотя за пределами Крыма они известны и в более позднее время. Вероятно, этим же периодом можно датировать и гривну типа 8а из Перевального, хотя содержащий ее комплекс автор публикации относит в целом ко II–III вв. н.э. По всей видимости, в IV в. н.э. гривны практически исчезают из традиционного костюма жителей полуострова. К этому времени относятся только два экземпляра, зафиксированные в могиле № 301 из Нейзаца и в погребении из могильника Совхоз 10, но, как было отмечено выше, уверенно атрибутировать украшение из Совхоза 10 как гривну не представляется возможным.

Из 42 привлеченных к исследованию захоронений с гривнами лишь в 18 случаях имеются данные о половой принадлежности и возрасте погребенных. 13 гривен сопровождали детские костяки, 2 экземпляра найдены в женских захоронениях, столько же – в мужских. В склепе из могильника Кара-Тобе гривна располагалась между детским и мужским погребениями. Несмотря на очевидное преобладание детских костяков, уверенно определять гривну как элемент «детской субкультуры» скифо-сарматского населения Крыма не позволяет малочисленность выборки комплексов с антропологическими характеристиками.

Что касается самой традиции ношения гривен, то она, по всей видимости, была характерна для позднескифского общества с самого начала его формирования. В пользу этого могут свидетельствовать несколько соображений. Во-первых, гривны были достаточно типичным элементом костюма скифов-кочевников VII–III вв. до н.э., причем на позднем этапе, в IV–III вв. до н.э., примитивные в исполнении украшения широко распространяются среди рядового населения степной Скифии [50, с. 41]. Эта традиция сохраняется и у позднескифского населения Крыма, что подтверждается находками гривен в погребальных комплексах, начиная со II в. до н.э. Кроме того, ранние позднескифские гривны, в отличие от украшений римского времени, не имеют аналогов в античных памятниках, при этом типологически близки гривнам, известным в скифских захоронениях IV–III вв. до н.э.

Во-вторых, из известных на сегодняшний день 49 экземпляров шейных украшений 31 гривна (63%) обнаружена в позднескифских могильниках, в том числе 15 изделий сопровождали погребенных в склепах с многократными захоронениями и 1 гривна – погребенного в мавзолее Неаполя, т.е. 32% всех гривен связаны с комплексами с типичным для поздних скифов погребальным обрядом. При этом типы погребальных сооружений из Усть-Альмы и Неапольского могильника, в которых были обнаружены гривны, опубликованные А. Е. Пузровским, к сожалению, автором монографии не указаны [6, с. 148]. Это позволяет предполагать, что количество гривен, найденных в позднескифских склепах, может быть немного больше. Следовательно, связывать наличие гривен у поздних скифов с сарматским влиянием, как считает, например, Т. Н. Высотская [12, с. 108], вряд ли возможно. В-третьих, изображение гривны известно на позднескифской стеле из Тенистого [51, с. 69, рис. 3,3], наличие этого украшения было характерным и для крымских изваяний раннескифского времени [51, с. 51].

Возможно, локальной позднескифской традицией была практика украшения гривен бусами и подвесками. 8 из 10 декорированных таким образом гривен связаны с погребенными в Усть-Альминском и Неапольском могильниках. Правда, единичные случаи украшения гривен бусами известны на Боспоре и представлены экземплярами из Тирамбы [26, рис. 38] и Фанагории [28, табл. 17,11]. Как правило, для этой цели использовались крупные ребристые пронизи из египетского фаянса или бусы с глазчатым орнаментом, реже – изделия из одноцветного стекла или других материалов. Не исключено, что фаянсовые и, тем более, глазчатые бусы несли какую-то сакральную функцию [52], однако выбор именно этих украшений мог быть обусловлен и чисто практическими соображениями – прочностью материала и наличием достаточно широких каналов отверстий, позволяющих надеть их на металлический стержень диаметром 3-5 мм.

По всей видимости, под воздействием позднескифской традиции обычай ношения шейных украшений распространяется среди пришедших на полуостров сарматов, причем не сразу. В самых ранних известных в Крыму подбойных могилах первой половины I в. н.э., содержавших своеобразный, отличный от позднескифского, погребальный инвентарь, гривны отсутствовали [53, с. 124-125]. Только четыре подбойные могилы из Усть-Альминского (№№ 36 и 826) и Неапольского (№№ 69 и 91) некрополей содержали погребения с гривнами: захоронение в могиле № 826 из Усть-Альмы авторы относят к середине II в. н.э. [24, с. 271, рис. 3,1], остальные имеют более широкую датировку в пределах I–II столетий [9, с. 73; 12, с. 108; 32, с. 184]. С конца II – начала III вв. н.э. гривны встречаются в подбойных могилах значительно чаще, причем исключительно в некрополях, оставленных сармато-аланским населением (Нейзац, Дружное, Перевальное, Совхоз 10). Безусловно, гривны использовались

сарматами и до непосредственных контактов с позднескифским населением Крыма. Они известны в разновременных сарматских комплексах Нижнего Поволжья, Дона и Северного Причерноморья [29; 54, с. 463; 55, с. 168; 43, с. 167, 174, 90, 201; 56, с. 28; 57; 58, с. 85-95]. Однако у кочевавших здесь сарматов гривна являлась социально значимым атрибутом – эти украшения, сделанные, как правило, из золота или серебра, сопровождали только богатые захоронения, в рядовых погребениях гривны отсутствовали. Напротив, сарматские комплексы с гривнами из предгорного Крыма по составу инвентаря ничем не отличаются от остальных захоронений, а в одном случае (могила № 96 из Нейзаца) в погребении, кроме гривны, других вещей не было. Это может свидетельствовать об утрате у сарматов полуострова значимости гривны как символа высокого социального статуса, что, вероятно, также происходит под воздействием позднескифской традиции.

С гораздо меньшей уверенностью можно говорить об использовании гривен появившимися в Крыму в III в. германцами. Для восточногерманского костюма гривна была совершенно не характерна, однако два захоронения с этими украшениями из Чатырдагского некрополя могут свидетельствовать о влиянии на мигрантов местных традиций, причем уже во второй половине III в. н.э. Впрочем, весь набор украшений из могильника Чатыр-Даг находит многочисленные аналогии в скифо-сарматских и сармато-аланских памятниках Крыма позднеримского времени, что дает авторам монографии основание предполагать присутствие среди людей, оставивших этот некрополь, женщин – представительниц местного населения [4, с. 187]. В этой связи заслуживает внимания факт широкого распространения гривен в раннесредневековый период у населения Северо-Восточного Причерноморья, оставившего, в частности, могильник Дюрсо. Существует мнение, что это явление связано именно с крымским кругом культурных традиций, трансляторами которых выступали, вероятнее всего, готы [59, с. 26-27]. Однако уверенно говорить о широком распространении у германцев Крыма обычая ношения гривен и влиянии на этот процесс местного сарматского населения пока не позволяют имеющиеся в нашем распоряжении материалы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в северо-западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001.
2. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
3. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // *Stratum plus*. 2003-2004. № 4.
4. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.

5. Храпунов И.Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
6. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
7. Puzdrovskij E., Zajcev J. Prunkbestattungen des 1. Jhs. n. Chr. in der Nekropole Ust-Alma, Krim // Eurasia antiqua. 2004. Band 10.
8. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983.
9. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев, 1983.
10. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991.
11. Пятыхшева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1956.
12. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
13. Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. Киев, 1987.
14. Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА. 1961. № 96.
15. Skvorcov N.B., Skripkin A.S. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet // Eurasie antiqua. 2006. Band 12.
16. Дашевская О.Д. Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма. М., 2001.
17. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М., 1978.
18. Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.
19. Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. М., 2001.
20. Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
21. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
22. Мордвинцева В., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н.э. – II в. н.э. Симферополь; Бонн, 2007.
23. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
24. Пуздровский А.Е., Медведев Г.В. Погребения I–II вв. н.э. из Усть-Альминского некрополя // ХСб. 2005. Вып. XIV.
25. Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005-2009. № 4.
26. Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) // Культура и искусство Боспора. М., 1987.
27. Чуистова Л.И. Новые находки из некрополей Керченского полуострова // МИА. 1959. № 69.
28. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
29. Анфимов Н.В. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. 1.
30. Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II.

31. Материалы по археологии Кавказа. 1900. Вып. VIII.
32. Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя скифского // РА. 1992. № 2.
33. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
34. Мастыкова А.В. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. н.э. (по материалам костюма) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2001. Вып. 7.
35. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–IV вв. н.э. М., 1997.
36. Архипов Г.А. Захоронения с конем I тысячелетия н.э. в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
37. Старостин П.Н., Кузьминых С.В. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
38. Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус–подвесок поздне римского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
39. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов // МИА. 1959. Вып. 69.
40. Безуглов С.И., Захаров А.В. Богатое погребение поздне римского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. Вып. 6.
41. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
42. Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МА-ИЭТ. 1995. Вып. IV.
43. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
44. Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1986.
45. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
46. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007.
47. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.
48. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 1.
49. Высотская Т.Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972.
50. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М., 1978.
51. Волошинов А.А. Скифская и поздне скифская скульптура в Крыму // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. III.
52. Мошеева О.Н. Глазчатые бусы // РА. 2008. № 4.
53. Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд А.С. Поздне скифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. I.
54. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
55. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
56. Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
57. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Ногайчинский курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3.

58. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
59. Мастыкова А.В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. 2008. № 3.
60. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
61. Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005-2009. № 4.

Стоянова А. А.

Гривны из памятников Крыма сарматского времени

Резюме

В статье рассматриваются гривны, найденные в скифо-сарматских памятниках Крыма II в. до н.э. – IV в. н.э. Всего учтено 49 экземпляров, представленных 10 типами. Определены хронологические и географические рамки распространения каждого типа. На основании полученных данных предпринята попытка объяснить появление традиции ношения гривен у населения Крыма сарматского времени.

Стоянова А. А.

Гривни з пам'яток Криму сарматського часу

Резюме

У статті розглядаються гривни, знайдені в скифо-сарматських пам'ятках Криму II ст. до н.е. – IV ст. н.е. Всього враховано 49 екземплярів, представлених 10 типами. Визначені хронологічні та географічні рамки поширення кожного типу. На підставі отриманих даних зроблена спроба пояснити появу традиції носіння гривен у населення Криму сарматського часу.

Stoyanova A. A.

Grivnas from Crimean Monuments of Sarmatian Period

Summary

Grivnas (neck-rings), found in Scythian-Sarmatian monuments of Crimea dating back to the 2nd century BC – the 4th century AD, are examined in this article. 49 specimens represented by 10 types are recorded. Chronological and geographic frames of spreading each type were determined. Basing on the obtained data an attempt to explain the appearance of the tradition to wear neck-rings with the population in Crimea of Sarmatian period was undertaken.

Каталог гривен из памятников Крыма сарматского времени

Беляусский могильник. 4 экз.

Могила № 13. Склеп. Детское погребение X. Последняя четверть II в. до н.э. 1 экз. Бронза. Диаметр 15,0 см. Тип 2 (рис. 1,2).

Могила № 16. Склеп. Конец II - первая половина I вв. до н.э. 1 экз. Бронза. Диаметр 13,5 см. Тип 3 (рис. 1,4).

Могила № 53. Склеп. Среди сдвинутых костей в северо-восточной части камеры. II в. до н.э. 2 экз. Бронза. Диаметр 13,5 см. Тип 3 (рис. 1,5,6).

Могильник Дружное. 1 экз.

Могила № 20. Подбойная. Южный подбой, погребение С. Вторая половина III в. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 15,5x15,0 см. Тип 8б (рис. 6,3) [2, с. 19, рис. 95,10].

Могильник Кара-Тобе. 1 экз.

Могила № 5. Склеп. Между погребениями 6 (детское) и 7 (мужское). I в. до н.э. – I в. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 10,25 см. Тип 3 (рис. 1,7) [1, с. 99, рис. 2,22].

Могильник Левадки. 2 экз.

Могила № 96. Склеп. I в. до н.э. – I в. н.э. 2 экз. Детское погребение VIII, бронза, размер 10,3-10,4 см, тип 2 (рис. 1,3). Детское погребение IX, бронза, размер 10,1-10,9 см, тип 4 (рис. 2,1).

Погребение у д. Мангуш. III–IV вв. н.э. 1 экз. Бронза. Тип не определен (рис. 7,6) [49, рис. 24].

Неаполь скифский. Восточный некрополь. 4 экз.

Могила № 16. I–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Сохранившийся диаметр 11,3 см. Тип 5б (?) (рис. 5,2) [6, рис. 124,5].

Могила № 45. Склеп. Погребение 1, детское. I в. до н.э. – I в. н.э. 1 экз. Размер 15,4x15,6 см. Тип 6б (рис. 5,6) [9, с. 44, 94, табл. XXXIII,22].

Могила № 69. Подбойная. I–II вв. н.э. Детское погребение. 1 экз. Бронза. Размер 14,2x14,7 см. Тип 6а (рис. 5,5) [32, с. 184, рис. 2,19].

Могила № 91. Подбойная. Погребение 1, мужское. I–II вв. н.э. 1 экз. Железо. Фрагмент. Тип не определен (рис. 7,3) [9, с. 73, 94, табл. XXXIII,21].

Неаполь скифский. Курган Дюбуа. Склеп. Погребение 2. II–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 13,8 см. Тип 6а (рис. 5,3) [10, с. 52, табл. 72,22].

Неаполь скифский. Мавзолей. 1 экз.

Погребение № XXVIII/25. Детское. 1 экз. Бронза. Диаметр 8,2 см. Тип 1 (рис. 1,1) [14, с. 160, рис. 32,1].

Могильник Нейзац. 8 экз.

Могила № 96. Подбойная. 1 экз. Бронза. Размер 10,7x10,9 см. Тип 5а (рис. 2,5) [5, рис. 48,1].

Могила № 167. Грунтовая. Первая половина III в. н.э. 1 экз. Железо. Размер 11,5x12,0 см. Тип 5а (рис. 3,3).

Могила № 172. Грунтовая. Первая половина III в. н.э. 1 экз. Железо. Размер 14,1x14,3 см. Фрагментирована. Тип не определен (рис. 7,2) [60, рис. 47,4].

Могила № 301. Склеп. Погребение V, детское. IV в. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 13,0x13,8 см. Фрагментирована. Тип 5а (рис. 3,4).

Могила № 329. Подбой по входной яме склепа. Погребение I, женское. Вторая половина III в. н.э. 1 экз. Бронза. Сохранившийся диаметр 14,8 см. Фрагментирована. Тип 5б (рис. 3,6) [60, рис. 46,2].

Могила № 350. Подбойная. Погребение I, детское. Первая половина III в. н.э. 2 экз. Бронза. Размер 10,0x10,4 см (рис. 3,7) и 13,8x15,0 см (рис. 3,5). Тип 5б [60, рис. 46,3,4].

Натечный слой. 1 экз. Бронза. Сохранившийся диаметр 12,0 см. Фрагментирована. Тип не определен (рис. 7,1).

Могильник Озерное III.

Склеп № 1. Вторая половина III – IV вв. н.э. 1 экз., фрагмент. Бронза. Тип не определен [48, с. 242, рис. 4,17].

Могильник Опушки. 3 экз.

Могила № 3. Склеп. Погребение IV. I в. до н.э. – II в. н.э. 1 экз. Железо. Сохранившийся диаметр 15,2 см. Фрагментирована. Тип 5а (рис. 2,3).

Могила № 21. Грунтовая. Погребение XIX, детское. I–II вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размеры 9,2x9,6 см. Фрагментирована. Тип не определен (рис. 7,5).

Подъемный материал. 1 экз. Бронза. Размеры 15,0x16,8 см. Фрагментирована. Тип не определен (рис. 7,4).

Могильник Перевальное. 3 экз.

Могила № 15б. II–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 12,8x15,2 см. Тип 7 (рис. 6,1) [6, с. 148, 397, рис. 125,1].

Могила № 17б. II–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 11,8x13,2 см. Тип 8а (рис. 6,2) [6, рис. 125,5].

Могила № 22а. II–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 7,2x13,2 см. Тип 5а (рис. 2,2) [6, с. 148, 397, рис. 125,5].

Могильник Совхоз 10. 1 экз.

Могила № 39а. Подбойная. Детское погребение. IV в. н.э. 1 экз. Бронза. Диаметр 7,5 см. Тип 9 (рис. 6,6) [3, с. 171, табл. 5,69].

Усть-Альминский могильник. 16 экз.

Могила № 3б. Подбойная. Мужское погребение. I–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 10,0x12,0 см. Тип 5а (рис. 4,2) [12, с. 108, табл. 8,4].

Могила № 88. Склеп. Детское погребение. I – начало II вв. н.э. 2 экз. Тип 5а: серебро, диаметр 8,0 см (рис. 3,1) [12, с. 108, 138, табл. 28,44]. Тип 5б: бронза, сохранившийся диаметр 16,5 см, фрагментирована (рис. 4,1) [12, с. 108, 138, табл. 28,45].

Могила № 92. Склеп. Конец I в. до н.э. – начало I в. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 11,2x14,4 см. Фрагментирована. Тип 5а (рис. 2,7) [12, с. 108, 138, табл. 30,45].

Могила № 424б. Склеп. Погребение 12. I–III вв. н.э. [6, рис. 124,1], вторая половина I в. н.э. [61, с. 227]. 1 экз. Бронза. Фрагментирована. Тип 5б (?) (рис. 5,1).

Могила № 511. I–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 11,0x15,4 см. Тип 6а (рис. 5,4) [6, рис. 123,2].

Могила № 523. I–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Сохранившийся диаметр 10,8 см. Фрагментирована. Тип 5а (рис. 2,6) [6, рис. 123,6].

Могила № 548. I–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 13,0x13,0 см. Тип 5б (рис. 4,3) [6, рис. 123,5].

Могила № 614. I–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 9,4x10,8 см. Тип 5а (рис. 2,8) [6, рис. 123,4].

Могила № 640. Склеп. I–III вв. н.э. 2 экз. Бронза. Размер 13,8x15,9 и 13,4x14,8 см. Тип 5б (рис. 3,2; 4,5) [6, рис. 123,3; 124,2].

Могила № 749а. I–III вв. н.э. 1 экз. Бронза. Сохранившийся диаметр 15,0 см. Фрагментирована. Тип 5б (рис. 4,2) [6, рис. 124,6].

Могила № 735. Склеп. Детское погребение. Середина – третья четверть I в. н.э. 1 экз. Золото. Размер 11,0x19,0 см. Тип 10 (рис. 6,7) [7, S. 238].

Могила № 760. I–III вв. н.э. 2 экз. Бронза. Размер 12,4x13,1 и 10,0x10,2 см. Тип 5б (рис. 4,6; 4,7) [6, рис. 124,3,4].

Могила № 826а. Подбойная. Погребение 1, детское. Середина II в. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 14,6x17,4 см. Тип 5б (рис. 4,4) [24, с. 271, рис. 3,1].

Могильник Чатыр-Даг. 2 экз.

Могила № 14. Грунтовая плитовая. III в. н.э. 1 экз. Бронза. Фрагмент. Тип 8б (рис. 6,4) [4, с. 14, рис. 18,8].

Могила № 21. Грунтовая. Вторая половина III в. н.э. 1 экз. Бронза. Размер 13,4x14,2 см. Тип 8б (рис. 6,5) [4, с. 16, рис. 25,9].

Табл. 1. Распределение типов гривен по памятникам Крыма

№ п/п	Тип	1	2	3	4	5		6		7	8		9	10	Тип не определен	Всего
						а	б	а	б		а	б				
1	Усть-Альма					6	8	1						1		16
2	Нейзац					3	3								2	8
3	Неаполь	1					1	2	1						1	6
4	Беляус		1	3												4
5	Опушки					1									2	3
6	Перевальное					1				1	1					3
7	Левадки		1		1											2
8	Чатыр-Даг											2				2
9	Дружное											1				1
10	Кара-Тобе			1												1
11	Мангуш														1	1
12	Озерное III														1	1
13	Совхоз 10												1			1
	Всего	1	2	4	1	11	12	3	1	1	1	3	1	1	7	49

Табл. 2. Хронология типов гривен из памятников Крыма

Типы	II в. до н.э.		I в. до н.э.		I в. н.э.		II в. н.э.		III в. н.э.		IV в. н.э.	
Тип 3	■	■	■	■								
Тип 2		■	■	■								
Тип 1			■	■								
Тип 4			■	■								
Тип 6б			■	■	■	■						
Тип 5а			■	■	■	■	■	■	■			
Тип 6а					■	■	■	■	■			
Тип 5б					■	■	■	■	■	■		
Тип 7							■	■	■	■		
Тип 8а							■	■	■	■		
Тип 8б										■		
Тип 9											■	■

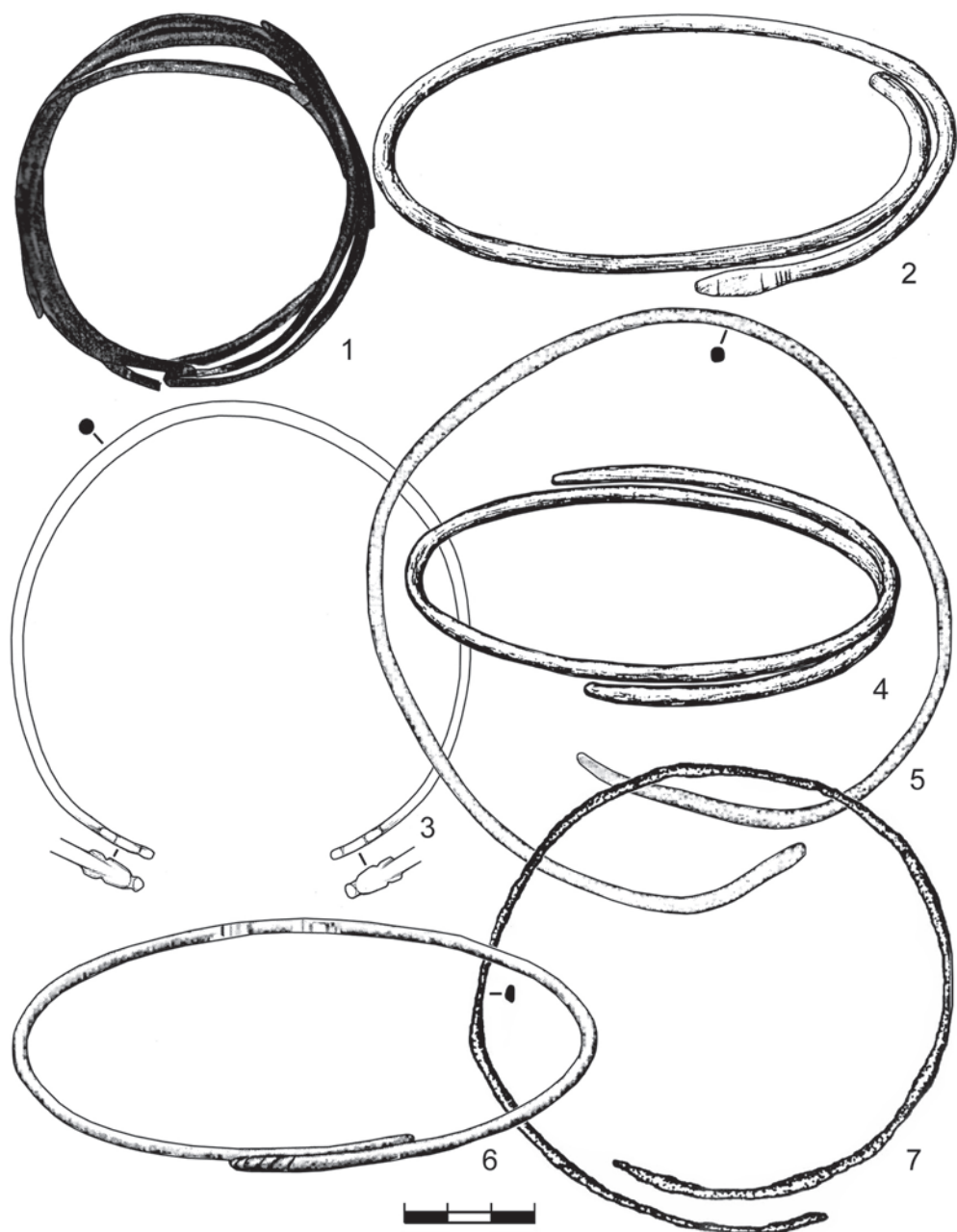
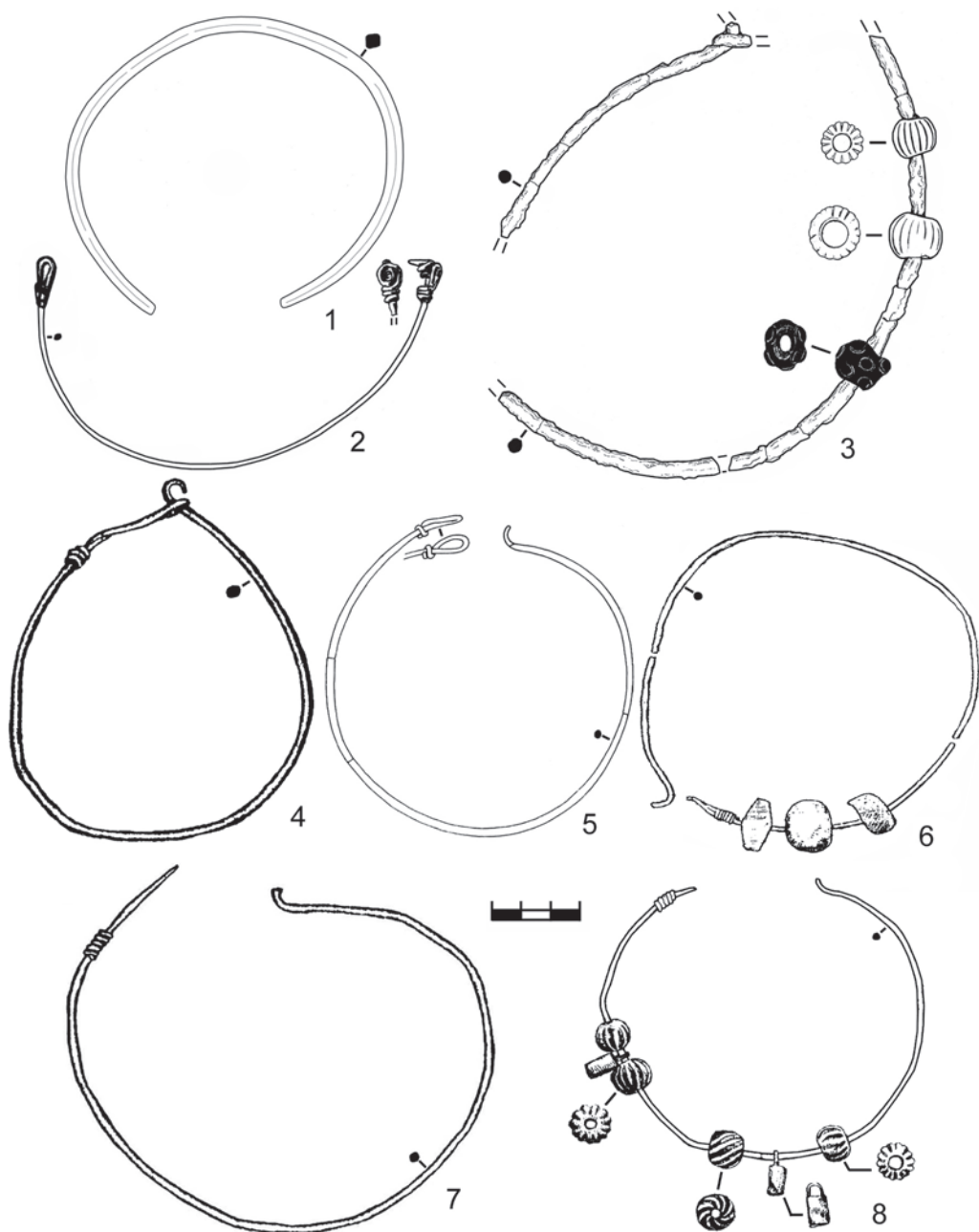

Рис. 1. Гривны типов 1-3.

1 – Неаполь скифский, мавзолей; 2 – Беяус, мог. 13; 3 – Левадки, мог. 96; 4 – Беяус, мог. 16; 5, 6 – Беяус, мог. 53; 7 – Кара-Тобе, мог. 5.

Рис. 2. Гривны типов 4 и 5а.

1 – Левадки, мог. 96; 2 – Перевальное, мог. 22; 3 – Опушки, мог. 3; 4 – Усть-Альма, мог. 36;
5 – Нейзац, мог. 96; 6 – Усть-Альма, мог. 523; 7 – Усть-Альма, мог. 92; 8 – Усть-Альма, мог. 614.

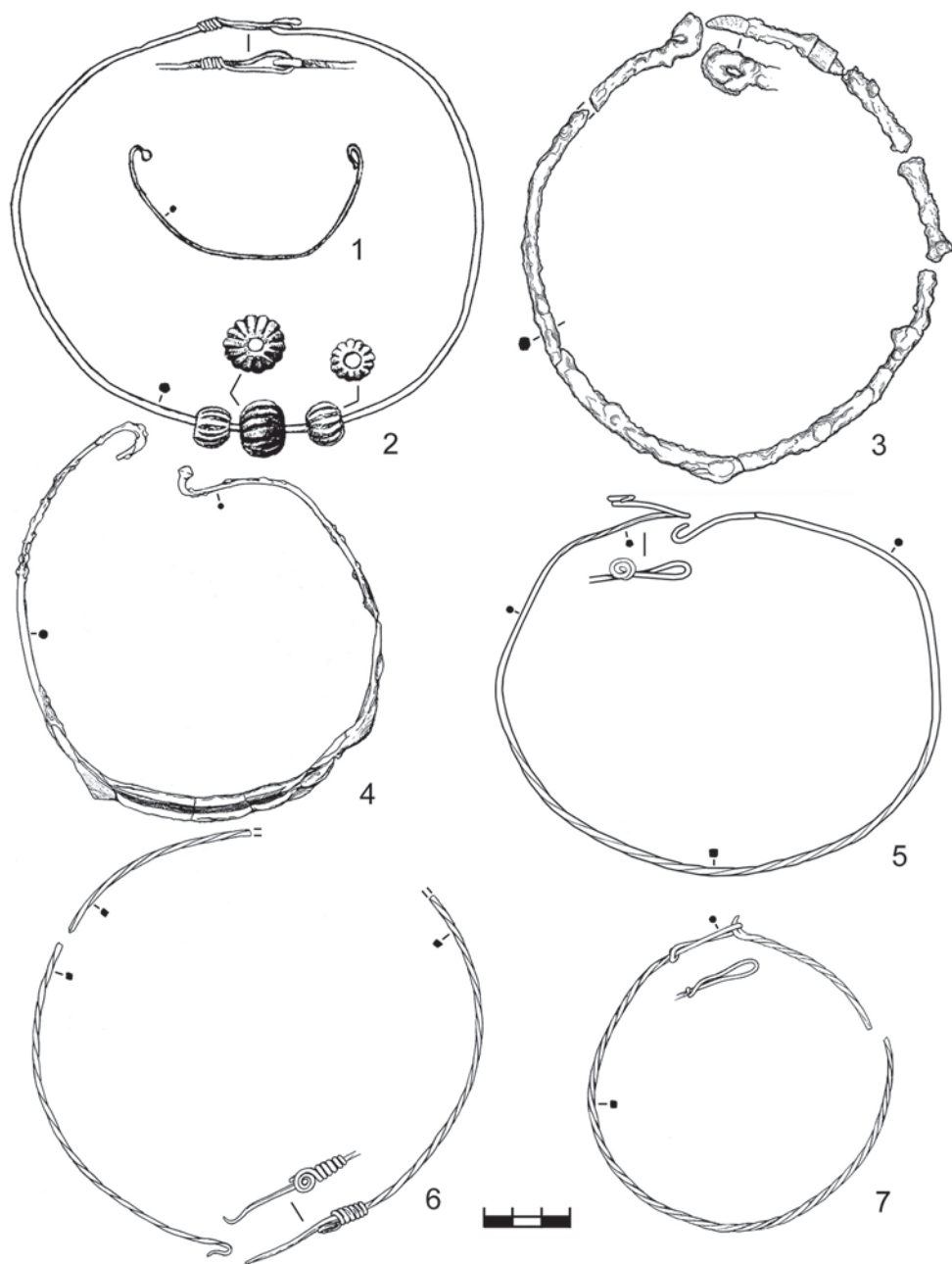
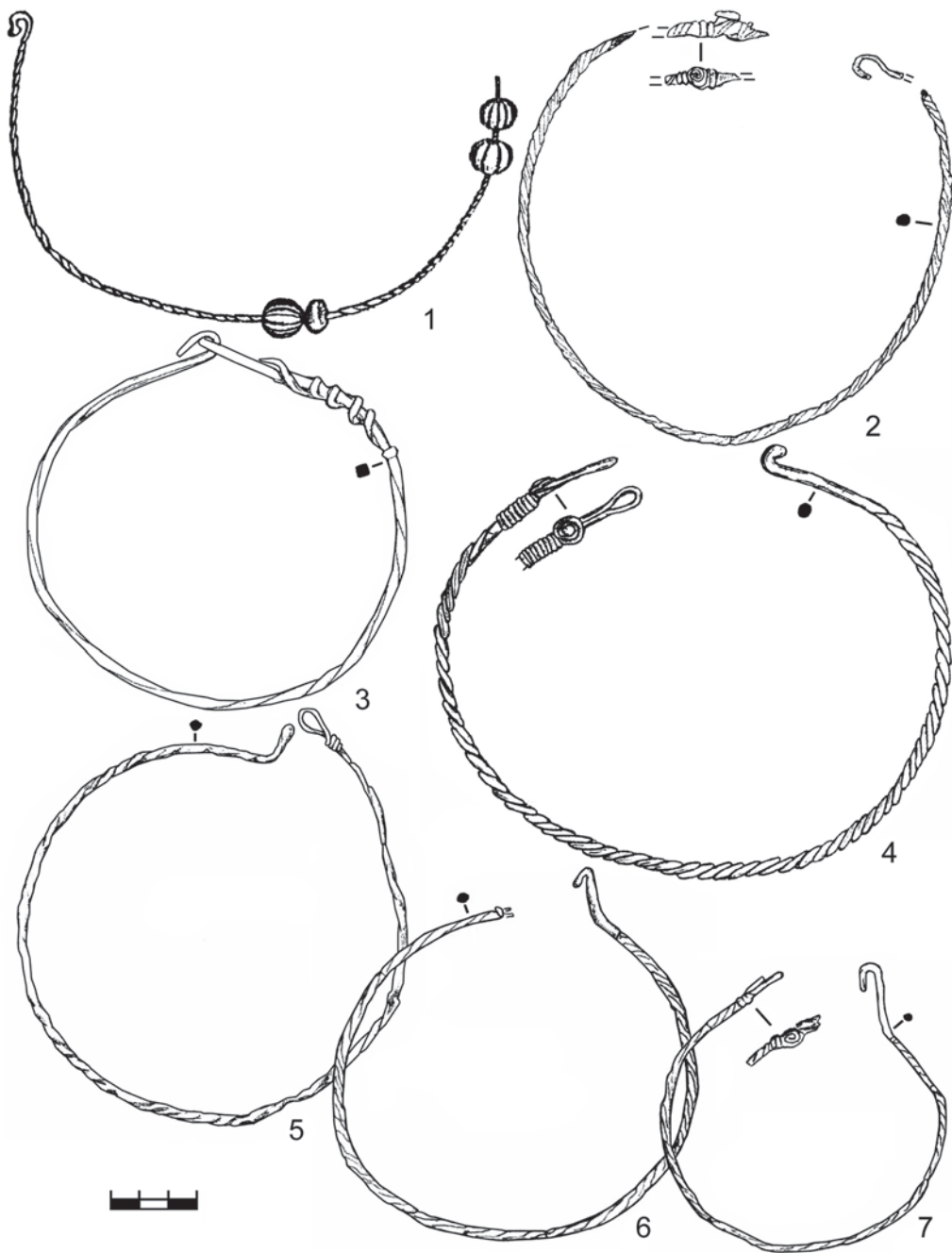

Рис. 3. Гривны типов 5а и 5б.

1 – Усть-Альма, мог. 88; 2 – Усть-Альма, мог. 640; 3 – Нейзац, мог. 167; 4 – Нейзац, мог. 301; 5, 7 – Нейзац, мог. 350; 6 – Нейзац, мог. 329.

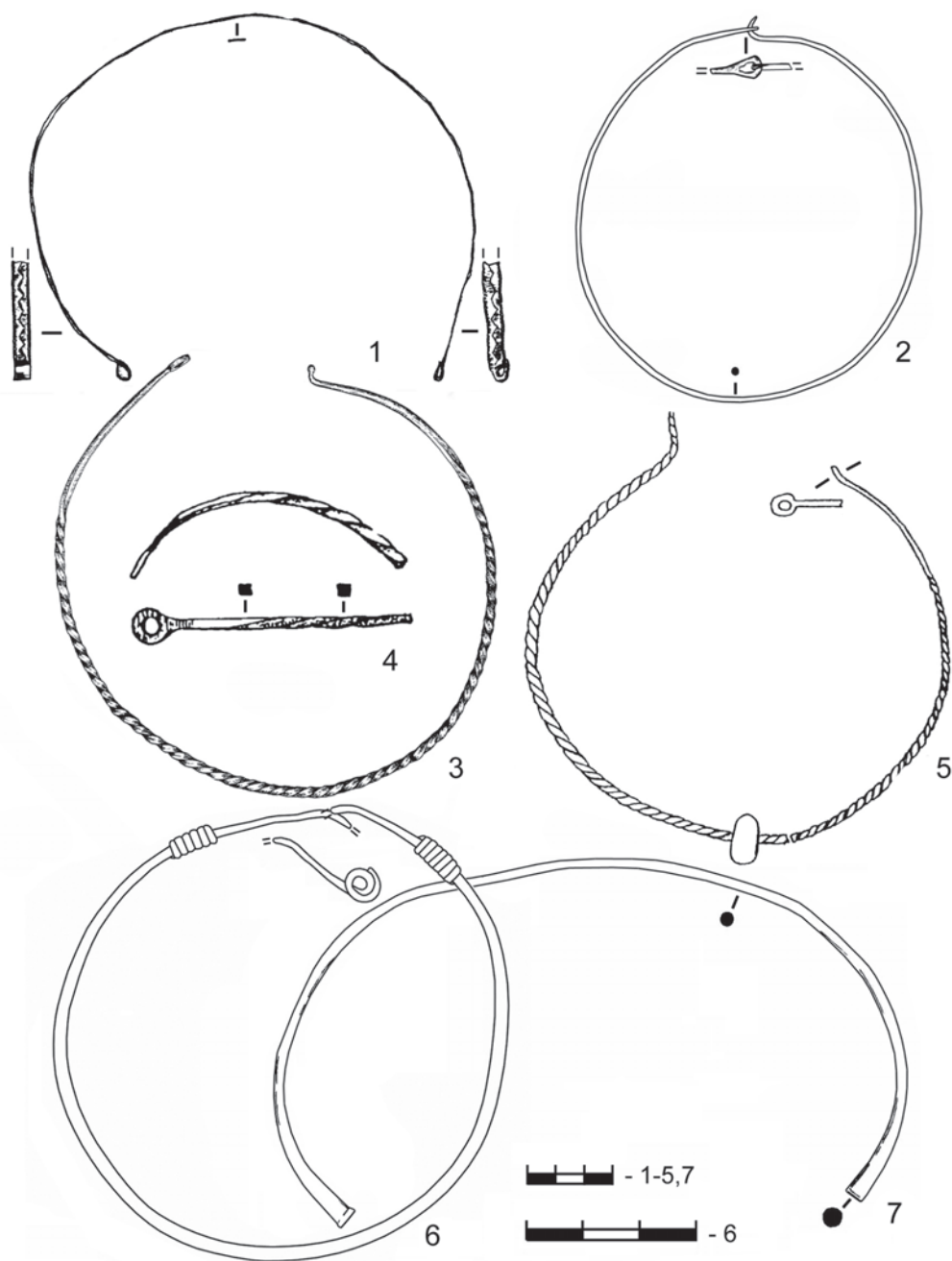
Рис. 4. Гривны типа 5б из Усть-Альминского могильника.

1 – мог. 88; 2 – мог. 749а; 3 – мог. 548; 4 – мог. 826а/1; 5 – мог. 640/13; 6 – мог. 760/1; 7 – мог. 760/2.

Рис. 5. Гривны типов 5б и 6.

1 – Усть-Альма, мог. 4246/12; 2 – Неаполь, мог. 16; 3 – Неаполь, курган Дюбуа, погр. 2; 4 – Усть-Альма, мог. 511; 5 – Неаполь, мог. 69; 6 – Неаполь, мог. 45.

Рис. 6. Гривны типов 7-10.

1 – Перевальное, мог. 156; 2 – Перевальное, мог. 176; 3 – Дружное, мог. 20; 4 – Чатыр-Даг, мог. 14; 5 – Чатыр-Даг, мог. 21; 6 – Совхоз 10, мог. 39а; 7 – Усть-Альма, мог. 735.

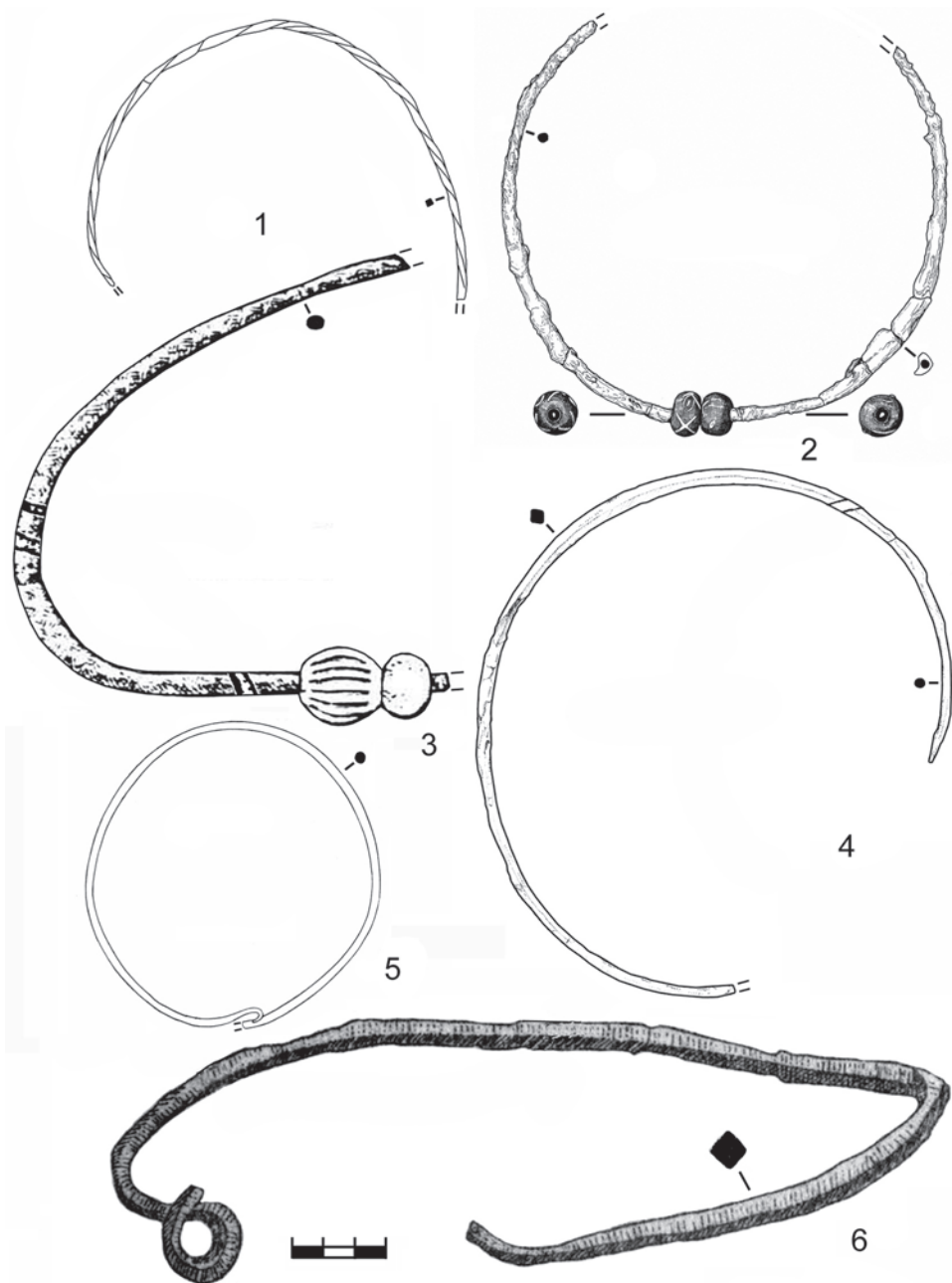

Рис. 7. Гривны неопределенных типов.

1 – Нейзац, натечный слой; 2 – Нейзац, мог. 172; 3 – Неаполь, мог. 91; 4 – Опушки, подъемный материал; 5 – Опушки, мог. 21; 6 – Мангуш.

С. Б. ШАБАНОВ

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

(по материалам раскопок 1996-2011 гг.)¹

Могильник Нейзац расположен в центре предгорного Крыма, на правом берегу р. Зуя, в 1 км к югу от с. Баланово Белогорского района Автономной Республики Крым. За время планомерного изучения памятника в 1996, 1997, 1999-2011 гг. исследовано 492 погребальных сооружений, в том числе склепы, грунтовые и подбойные могилы. На территории могильника выделено два культурно-хронологических горизонта. Первый датируется II – серединой III вв. н. э., он представлен, в основном, подбойными и грунтовыми могилами. Второй относится к IV в. н. э., когда большинство погребений совершались в склепах, первые из которых появились еще в первой половине III в. н.э. [1, с. 18].

В данной статье публикуются находки стеклянных сосудов из раскопок могильника Нейзац. Несмотря на то, что исследования могильника продолжаются, и каждый следующий сезон дает новый материал, есть необходимость проанализировать и систематизировать уже имеющийся массив находок. Общая характеристика стеклянных сосудов из могильника дана в статье И. Н. Храпунова [1, с. 25-26]. За время раскопок памятника найдено 154 стеклянных сосуда. В подсчет включены 26 целых, 47 разбитых, но позволяющих по аналогиям восстановить их форму, а также фрагменты, которые представлены венчиками, доньями и стенками от 47 сосудов. Еще 34 сосуда рассыпались в древности, и от них остались лишь обломки, не позволяющие их интерпретировать.

При анализе и систематизации стеклянных сосудов, учитывая фрагментарность значительной их части, а значит, условность реконструированных форм, мы сознательно отказались от жестких рамок какой-либо классификации. Тем более что ее создание для отдельно взятого и не полностью исследованного памятника на данном этапе нецелесообразно, поскольку не будет объективной.

---

¹ Выражаю благодарность И. Н. Храпунову за возможность работы с материалами из раскопок могильника Нейзац.

Для удобства описания и характеристики стеклянные сосуды условно объединены в категории (стаканы, кувшины, колбы, бальзамарии, чаши, тарелки), отвечающие их предполагаемым функциям. Мы не можем быть достаточно уверены в том, какую роль выполняли те или иные категории сосудов, поэтому будем руководствоваться современными представлениями. Отдельно рассматриваются фрагменты (венчики, донья и стенки) стеклянных сосудов.

При описании сосудов использована работа Ю. Л. Щаповой [2], в которой освещены основные принципы и подходы в изучении древнего стекла, разработаны терминологическая база и понятийный аппарат для исследования стеклянных изделий. Работа Ю. Л. Щаповой стала справочником-классификатором для археологов и искусствоведов, изучающих стеклянные сосуды, бусы, предметы туалета.

В могильнике Нейзац найдено 47 стеклянных стаканов, 11 кувшинов, 9 колб, 2 бальзамария, 2 тарелки, 1 чаша и 1 блюдо, форму которых удалось восстановить.

СТАКАНЫ

19 стаканов (форма 108 по К. Айсингс) имеют округлую форму тулова (у большинства экземпляров фрагментировано), венчики отогнуты наружу и оплавлены, дно вогнуто или плоское и находится на кольцевом поддоне (полом наплавленном жгуте или вытянутом из стенки сосуда):

1) стакан (рис. 1,1) (H – 8,5 см; D венчика – 5,5 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Найден в детской плитовой могиле № 371, датирующейся IV в. н. э.;

2) стакан (рис. 1,2) (D венчика – 7 см; D дна – 2,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне нет следов от прикрепления понтии. Найден в скоплении сосудов № 2(5). Датируется IV в. н. э.;

3) стакан (рис. 1,3) (H – 6,5 см; D венчика – 3,7 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного с желтым оттенком стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Происходит из склепа № 4, погребения в котором совершались в IV в. н. э.;

4) стакан (рис. 1,4) (D венчика – 6 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне следов от прикрепления понтии нет. Найден в подбойной могиле № 15, датирующейся IV в. н. э.;

5) стакан (рис. 1,5) (D венчика – 5,9 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Найден в склепе № 19, датирующемся IV в. н. э.;

6) стакан (рис. 1,6) (D венчика – 6 см; D дна – 2,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне нет следов от прикрепления понтии. Найден в подбойной могиле № 21, датирующейся IV в. н. э.;

7) стакан (рис. 1,7) (H – 11,5 см; D венчика – 6,5 см; D дна – 3,4 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикреп-

ления понтии. Найден в склепе № 22, погребения в котором совершались в III–IV вв. н. э.;

8) стакан (рис. 1,8) (H – 9 см; D венчика – 6 см; D дна – 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Происходит из склепа № 22;

9) стакан (рис. 1,9) (D венчика – 6 см; D дна – 3,2 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Найден в скоплении сосудов над могилой № 100. Датируется IV в. н. э.;

10) стакан (рис. 2,10) (H – 9,5 см; D венчика – 6,7 см; D дна – 3,4 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Найден в скоплении сосудов над могилой № 148. Датируется IV в. н. э.;

11) стакан (рис. 2,11) (D венчика – 7 см; D дна – 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне следов от прикрепления понтии нет. Найден в склепе № 163, погребения в котором совершались в IV в. н. э.;

12) стакан (рис. 2,12) (H – 7,8 см; D венчика – 6 см; D дна – 2,6 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Найден в склепе № 180 и датируется IV в. н. э.;

13) стакан (рис. 2,13) (H – 9,4 см; D венчика – 6 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне нет следов от прикрепления понтии. Происходит из склепа № 219, датирующегося IV в. н. э.;

14) стакан (рис. 2,14) (D венчика – 7 см; D дна – 2,4 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне нет следов от прикрепления понтии. Найден в подбойной могиле № 224 и датируется IV в. н. э.;

15) стакан (рис. 2,15) (D венчика – 8 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне нет следов от прикрепления понтии. Найден в склепе № 305, датирующемся IV в. н. э.;

16) стакан (рис. 2,16) (D венчика – 7 см; D дна – 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Происходит из склепа № 306, погребения в котором совершались в III – IV вв. н. э.;

17) стакан (рис. 2,17) (D венчика – 7 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне имеется след от прикрепления понтии. Найден в склепе № 306, погребения в котором совершались в III–IV вв. н. э.;

18) стакан (рис. 2,18) (H – 9,2 см; D венчика – 6,5 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. На дне нет следов от прикрепления понтии. Найден в склепе № 466 и датируется IV в. н. э.;

19) стакан (рис. 3,19) (D венчика – 7 см; D дна – 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. Тулово опоясывают несколько витков стеклянной напаянной нити из того же стекла, что и сам сосуд. Найден в ограбленной подбойной могиле № 33.

К. Айсингс относит подобные сосуды к форме 108, они появляются в III в. н. э., но наибольшее распространение получают в IV в. [3, p. 134]. III–IV вв. н. э. датируется стакан из Сирмиума (Sirmium) [4, s. 45, t. XXXII/8]. В Западном Причерноморье они известны в Томах и датируются III–IV вв. н. э. [5, с. 46, табл. VI,32]. Находки гладкостенных стаканов на кольцевом поддоне из Цебельды датируются IV–V вв. н. э. [6, с. 61, 63]. Однако некоторые экземпляры здесь встречаются и позднее, в VI в. [7, с. 77]. В некрополе Херсонеса Таврического они встречаются в комплексах IV в. н. э. [8, с. 92, рис. 59,3]. В окрестностях Херсонеса в могильнике Килен-Балка один стакан найден в склепе IV в. н. э., раскопанном в 1968 г. [9, с. 131, рис. 1,3]. Много их известно в крымских предгорьях. Наиболее ранние подобные стаканы на кольцевом поддоне происходят из некрополя Бельбек IV [10, с. 93] и датируются до середины III в. н. э. 12 таких стаканов найдено в комплексах IV в. н. э. могильника Дружное [11, рис. 71,13,16,17; 72,6; 99,9; 149,21; 150,2; 155,17; 163,5; 164,1,2; 199,12]. 13 стаканов известно в могильнике «Совхоз № 10» в комплексах конца IV – V вв. н. э. [12, табл. 8,30,69,74; 12,5; 21,39; 22,3; 23,10; 25,20; 26,22; 29,6; 31,33; 34,1]. Четыре стакана, также датирующихся IV в. н. э., найдены в могильнике Суворово [13, с. 110, рис. 63; 14, с. 59, рис. 5,10]. По два сосуда происходят из могильников Инкерман [15, с. 18, рис. 5,9] и Озерное-III [16, рис. 3,е,ж], еще один найден в некрополе Ай-Тодор (Харакс) [17, с. 185-186, рис. 2,6]. Стаканы с округлым туловом на кольцевом поддоне являлись продукцией восточно-средиземноморских стеклоделательных мастерских [18, kat. 136; 19, kat. 115].

Пять стаканов (форма 96 по К. Айсингс) имеют округлое, немного расширяющееся в нижней части тулово (у одного сосуда тулово фрагментировано). У двух экземпляров дно вогнуто, край сосуда обрезан и необработан, три стакана – с вогнутым или плоским дном и отогнутым оплавленным венчиком:

20) стакан (рис. 3,20) (D венчика – 7 см; D dna – 3 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла происходит из склепа № 280. Поставлен он был в ногах погребенной женщины вместе со стеклянным и краснолаковым кувшинами IV в. н. э.;

21) стакан (рис. 3,21) (H – 7,5 см; D венчика – 7,3 см; D dna – 2 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла найден в склепе № 220 вместе с железной двучленной «воинской» фибулой с узкой ножкой. Такие фибулы из Дружного и Нейзаца по конструкции близки фибулам группы 17 подгруппы 1 по классификации А. К. Амброза и датируются IV в. н. э. [20, с. 70-71];

22) стакан (рис. 3,22) (H – 8,7 см; D венчика – 5,8 см; D dna – 3 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла происходит из склепа № 306, датирующегося III–IV вв. н. э. [21, с. 19, 21];

23) стакан (рис. 3,23) (H – 9,7 см; D венчика – 9,5 см; D dna – 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла найден в склепе № 220 IV в. н. э. Орнаментирован наплавленной стеклянной нитью из того же стекла, что и сам сосуд;

24) стакан (рис. 3,24) (D венчика – 7,8 см; D дна – 4,8 см) найден в заполнении северного подбоя могилы № 468. Вместе с сосудом здесь обнаружены две бронзовые пряжки с фасетированной прямоугольной рамкой, имеющей утолщенную переднюю часть, с язычком, слегка выступающим, не загнутым за край рамки. Подобная пряжка происходит из подбойной могилы № 20 могильника Дружное, погребения в которой совершены во второй половине III в. н. э. [11, с. 50, рис. 95,9]. В заполнении могилы № 468 найден также фрагмент бронзовой оковки ногайки. В могильнике Нейзац они известны в комплексах III в. н. э. [1, с. 37]. Орнаментирован наплавленной стеклянной нитью из того же стекла, что и сам сосуд.

По мнению К. Айсингс, такие стаканы появляются в III в. н. э. и широко распространяются в IV–V вв. Ею отмечены самые ранние находки таких сосудов в Кёльне [3, р. 113-114]. 300-400 гг. датируются стаканы из Британии [22, р. 55, fig. 37,11]. По материалам из некрополя Херсонеса можно установить, что такие стаканы бытуют здесь в III–IV вв. н. э. [8, с. 92, рис. 59,1,2]. Н. П. Сорокина похожие сосуды из некрополя Кеп датирует II в. н. э. Она отмечает, что сосуды подобной формы получают распространение в позднеантичное время, но в то же время нельзя согласиться с утверждением, что результатом развития их формы стали некоторые типы стаканов с синими каплями [23, с. 138]. Небольшой тонкостенный стакан с расширенным туловом у дна и слегка отогнутым оплавленным краем из некрополя Горгиппии датируется II–III вв. н. э. [24, с. 58, табл. 39,3]. Близкие по форме стаканы найдены в могильнике «Совхоз № 10» в комплексах II–III вв. н. э. (могилы 66, 75, 128) [12, табл. 9,95; 11,34; 18,24]. Из подбойной могилы № 12 могильника Балта-Чокрак происходит стеклянный стакан, датирующийся первой половиной III в. н. э. [25, с. 172, 173, рис. 12,20], еще два сосуда найдены в могильнике Бельбек I (плитовые могилы 4 и 8) и датируются II–III вв. [26, рис. I,12,11].

Четыре стакана имеют округлую форму тулова с расширяющимися книзу стенками, на сплошном поддоне, венчики отогнуты наружу и оплавлены:

25) стакан (рис. 4,25) (H – 6,5 см; D венчика – 5 см; D дна – 1,8 см) из тонкого прозрачного с оливковым оттенком стекла происходит из склепа № 4, погребения в котором датируются IV в. н. э. [27, рис. 17,2];

26) стакан (рис. 4,26) (H – 8,5 см; D венчика – 6 см; D дна – 2,4 см) из тонкого прозрачного с оливковым оттенком стекла найден в подбойной могиле № 139, датирующейся первой половиной IV в. н. э. [28, с. 300, 304, рис. 5,1];

27) фрагментированный стакан (рис. 4,27) (D дна – 1,7 см) из тонкого прозрачного с оливковым оттенком стекла из склепа № 201 можно датировать IV в. н. э. по найденной вместе с ним бронзовой пряжке с утолщенной в передней части овальной рамкой и загнутым за рамку, со срезанной ступенькой в тыльной части язычком;

28) стакан (рис. 4,28) (D дна – 2,5 см) из тонкого прозрачного с оливковым оттенком стекла происходит из склепа № 306, погребения в котором совершались в III–IV вв.

За пределами Крыма найти целые формы подобных сосудов не удалось. Донца же подобных сосудов из светло-зеленого стекла найдены в засыпи второй половины IV в. н. э. мусорной ямы, заполненной отходами стеклоделательного производства мастерской в Джаламе [29, р. 18-19, 59, fig. 4-22,158]. Находки фрагментов таких стаканов (донца) в Иордании (Джераш, Jérash) датируются V–VI вв. н. э. При этом О. Дюссарт замечает, что производить их начали в первые века нашей эры, и различные варианты подобных сосудов доживают до средневековья [30, р. 98, pl. 21,41]. Донца стаканов с утолщенным выделенным дном найдены в засыпи III–IV вв. цистерны в северо-восточном районе Херсонеса [31, рис. 9], здесь они встречаются в слоях конца IV – начала VII вв. [32, с. 151-152, рис. 1,3; 7,22; 16,2-3; 21,9; 52,6a]². Всего в предгорном Крыму известно 13 подобных сосудов. Три стакана происходят из могильника «Совхоз № 10», где найдены в комплексах второй половины III – IV вв. н. э. (могилы 47 и 145) [12, табл. 7,17,20; 19,51]. Два стакана с утолщенным дном найдены в могильнике Дружное в склепах №№ 9 и 21, совершать погребения в которых начали во второй половине III в. н. э. и продолжили в IV в. [11, рис. 79,12; 99,10]. В могильнике Красная Заря стеклянный стакан с утолщенным дном был найден в могиле 36 середины – второй половины III в. н. э. [33, с. 32, рис. 2,20]. По одному стакану происходит из некрополя Курское, датирующемуся концом III – началом IV вв. н. э. [34, с. 286, рис. 12,1], и Чернореченского могильника, датирующемуся серединой – второй половиной III в. н. э. [35, с. 98, рис. 4,9].

Три стакана (форма 96 по К. Айсингс) имеют округлую форму тулова и слегка вогнутые донья. У двух стаканов края загнуты, а образовавшиеся венчики отогнуты наружу и оплавлены, у одного – края обрезаны неровно и необработаны:

29) стакан (рис. 4,29) (H – 5,5 см; D венчика – 6,7 см; D дна – 3,2 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла происходит из камеры подбоя во входной яме склепа № 329. Входная яма склепа была аккуратно выкопана во входной яме более ранней, чем склеп, подбойной могилы. Вместе со стаканом найдены предметы, датирующиеся III в. н. э.: две лучковые одночленные фибулы с нижней тетивой и широким корпусом группы 15 серии II по А. К. Амброзу [20, с. 52], бронзовый пластинчатый браслет со щитком, укрепленным на

---

² По мнению Л. А. Голофаст, центр производства таких сосудов следует искать в западноримских провинциях. Такой вывод она делает, ссылаясь на Н. З. Кунину, которая посвятила специальную работу западноримскому импорту на Боспоре. Однако в каталоге, приведенном Н. З. Куниной, нет таких сосудов на сплошном поддоне [141, с. 159, табл. III,22,23], а упоминаемые Л. А. Голофаст «кубки» имеют вогнутое дно.

шарнирах [1, рис. 44,5], пряжка с овальной, утолщенной в передней части граненой рамкой и прогнутым фасетированным язычком, бронзовая фрагментированная гривна [1, рис. 46,2];

30) стакан (рис. 4,30) (H – 6 см; D венчика – 9 см; D дна – 3,2 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла найден в склепе № 222, погребения в котором совершались в III в. н. э. [36, с. 114];

31) стакан (рис. 4,31) (H – 7 см; D венчика – 9 см; D дна – 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла с неровно обрезанным и необработанным краем, обнаруженный в скоплении сосудов X. Датируется IV в. н. э.

К. Айсингс выделяет подобные сосуды в форму 96. Она отмечает, что стаканы со сферическим туловом и отогнутым краем появляются в III в. н. э. и широко распространяются в IV в. [3, р. 113-114]. Похожий сосуд происходит из склепа 180/1902 некрополя Пантикапея. По мнению И. П. Засецкой, привозились они из рейнско-галльского региона в конце III – IV вв. н. э. [37, рис. 31,4, кат. 25]. В Паннонии эти сосуды известны во второй половине III – первой половине V вв. н. э. и, по-видимому, также импортировались сюда из галло-рейнского региона. Н. З. Кунина стакан из могилы 61 некрополя Пантикапея датирует III в. н. э. и указывает на его восточно-средиземноморское происхождение, где такие сосуды встречаются в комплексах III–IV вв. н. э. [38, кат. 334]. Один стакан происходит из склепа 1 могильника Перевальное в предгорном Крыму, датируется он серединой / третьей четвертью III в. н. э. [39, с. 196, рис. 193,7]. Концом III – IV вв. н. э. датируется фрагментированный стеклянный стакан из могилы 9 некрополя Курское [34, с. 286, рис. 10,5]. Стакан со сферическим туловом и отогнутым краем происходит из склепа 1 могильника Озерное III с вещами IV в. н. э. [16, с. 242, 250, рис. 3,в] и склепа IV в. н. э. близ с. Заречное Симферопольского района [40, с. 280, рис. 2,3]. В могильнике Дружное стакан со сферическим туловом найден в склепе № 21, погребения в котором совершались во второй половине III – IV вв. н. э. [11, с. 20-21, рис. 99,8]. Встречаются они в Херсонесе Таврическом, где бытуют в III–IV вв. н. э. [8, с. 92, рис. 59,1].

Два высоких стакана имеют округлую форму тулова, близкую к цилиндрической, со слегка выпуклыми в средней части стенками, сужающимися кверху, обрезанным и необработанным краем. Дно у сосудов вогнуто:

32) стакан (рис. 4,32) (D венчика – 5,7 см; D дна – 3,5 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла происходит из склепа № 22, погребения в котором могли совершаться в III–IV вв., поскольку найденные в склепе пряжка с овальной, утолщенной в передней части граненой рамкой и фасетированным язычком, фрагменты шкатулки и орнаментированного зеркала с боковой петлей могут датироваться III в. н. э., а язычок пряжки с загнутым концом со срезанной ступенькой в тыльной части – IV в. н. э.;

33) стакан (рис. 4,33) (H – 9,5 см; D венчика – 6,2 см; D дна – 3,5 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла найден в подбойной могиле № 125,

датирующей IV в. н. э. [41, с. 42-43, рис. 3,1]. На тулово нанесены несколько еле заметных рядов горизонтальных шлифованных полос.

В могильнике Дружное найден аналогичный стакан в подбойной могиле № 20, погребения в которой совершались во второй половине III в. н. э. [42, с. 171; 11, рис. 93,7]. За пределами Крыма похожий сосуд происходит из Сирмия (Sirmium), административного центра римской провинции Паннония [43, т. XVII. 1]. К сожалению, датировать этот сосуд точнее, чем в целом римским временем, нельзя.

Один стакан (тип Е-223 по Х. Эггерсу, группа 1 по Е. Страуме, группа II В-1 по Г. Экхольму) имеет высокое полусферическое тулово, с закругляющимися книзу стенками, обрезанным и зашлифованным краем, дно плоское; тулово орнаментировано тремя рядами шлифованных овалов:

34) стакан (рис. 5,34) (Н – 13,5 см; D венчика – 13,2 см; D дна – 3 см) из толстого полупрозрачного с зеленым оттенком стекла происходит из подбойной могилы № 139, датирующей первой половиной IV в. н. э. [28, с. 300, 303, рис. 5,2].

Близкий по форме и орнаментации стеклянный кубок найден в погребении № 100 могильника черняховской культуры Велика Бугаивка в Киевской области. Отличается он от крымского экземпляра меньшими размерами (Н – 9 см, D венчика – 10,5 см), отогнутым краем и бесцветным стеклом. Датировать его, по-видимому, следует первой половиной IV в. н. э. [44, с. 68]. Сосуд из могилы № 139 могильника Нейзац имеет сходство с кубком, обнаруженным близ Сигерстед (Sigersted) (о. Зееланд, Дания). Высказывались различные мнения относительно датировки этой находки. Х. Эггерс относил его к типу 223 и датировал ступенью C₂ (200-300 гг.) – C₃ (300-350/375 гг.), но предполагал использование подобных сосудов и позднее, в период D₁ [45, s. 180, taf. 15, karte 57]. Г. Рау относил вещи из комплекса в Сигерстед (деревянное ведро с бронзовыми обкладками, золотые перстни и кубок) к первой половине /середине IV в. н. э. [46, s. 129, 170]. Е. Страуме этот сосуд относит к выделенной ею группе 1 [47, s. 38] и датирует кубок периодом C₃-D₁, при этом ставя под сомнение их появление и использование в период C₃ [48, s. 120, taf. 101,1]. У. Лунд-Хансен датирует его периодом C_{1b} (200/210-250/260 гг.) – C₂ (250/260-310/320 гг.) по разработанной ею хронологии для Скандинавии [49, s. 100, 411]. Г. Экхольм, разбирая привозные стеклянные сосуды, найденные в Скандинавии, кубок из Сигерстед относил к выделенной им группе II В-1, а «небольшим полукруглым толстостенным сосудам с круглыми, овальными, растянутыми шлифованными ячейками и иногда с опоясывающими линиями», представленным в этой группе, нашел аналогии среди римского стекла в Каранисе (Египет) [50, p. 33].

Четыре стакана (тип Е-230 по Х. Эггерсу) имеют высокое подцилиндрическое тулово со слегка выпуклыми стенками, закругляющимися книзу, обрезанным и зашлифованным краем, дно плоское; на тулово сосудов нанесены четыре ряда шлифованных овалов и шлифованные полосы под венчиком сосуда:

35) стакан (рис. 5,35) (H – 11,4 см; D венчика – 9,2 см; D дна – 2,9 см) из толстого оливкового цвета стекла найден в склепе № 301, в котором было совершено шесть погребений IV в. н. э. Рассматриваемый сосуд сложно с достаточной уверенностью отнести к одному из них;

36) стакан (рис. 5,36) (H – 13,6 см, D венчика – 9,2 см) из толстого оливкового цвета стекла найден в склепе № 275, погребения в котором совершались на протяжении IV в. н. э. [51, р. 214];

37) стакан (рис. 5,37) (H – 15 см, D венчика – 10,2 см) из толстого оливкового цвета стекла найден в склепе № 275;

38) стакан (рис. 5,38) (H – 14 см, D венчика – 8,5 см) из толстого оливкового цвета стекла найден в склепе № 275;

39) стакана (рис. 5,39) (D дна – 2 см) из толстого оливкового цвета стекла нижней части фрагмент происходит из скопления сосудов № 15 и датируется IV в. н. э.

Стакан с цилиндрической формой тулова с уплощенным дном найден в склепе № 3 могильника Дружное. Погребения в склепе были совершены в IV в. н. э. [11, с. 16, 67]. Фрагмент стакана из толстого оливкового стекла найден в могильнике Алмалык-Дере у подножия плато Мангуп в Юго-Западном Крыму. Происходит он из заполнения канавы, включавшем грабительские выбросы и, возможно, остатки тризн. В заполнении также обнаружены фрагменты лепной и красноглиняной керамики, кости животных. Найденные фрагменты амфор датируются в широких рамках IV–VII вв. [52, р. 211, fig. 1,8] Донце еще одного толстостенного стакана было найдено при раскопках городища Пантикапея в 1948 г. Н. П. Сорокина датировала его концом III – IV вв. н. э. [53, с. 232]. Стекланные стаканы цилиндрической формы с четырьмя рядами шлифованных овалов встречаются во многих районах Восточной Европы. Особенно много их найдено на территории черняховской культуры [54, с. 30]. О. А. Гей и И. А. Бажан, при разработке единой системы хронологии «эпохи готских походов» для культур Восточной Европы и Кавказа, появление и распространение подобных сосудов в черняховской культуре относят к третьему (310/320 – 340/350 гг.) и четвертому (середина IV в. н. э. – 375 г. н. э.) периоду ее существования [55, с. 48]. По-видимому, III–IV вв. следует датировать аналогичный крымским экземплярам стакан из оливкового стекла, найденный в могильнике Журавки в Среднем Поднепровье [56, с. 11, рис. 1,4]. Э. А. Сымонович, обобщая находки стеклянной посуды из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры, выделил подобные сосуды в группу VI и отметил, что наиболее ранние экземпляры имеют более четко выполненный шлифованный орнамент. Датировать их он предложил второй половиной III – IV вв. н. э., ссылаясь на высказанное Н. П. Сорокиной мнение, которая помещала именно в эти хронологические рамки керченскую находку стеклянного стакана [57, с. 181, рис. 1,18,19]. Найденные в Днестровско-Прутском междуречье «цилиндрические

кубки с шлифованными овалами» Э. А. Рикман датировал III–IV вв. н. э. и отмечал, что они, имея различные формы и вариации, были почти единственным видом стеклянной посуды у варварского населения Приднестровья [58, с. 225, 227]. Так, аналогичный крымским стакан из погребения № 8 могильника у с. Беленькое, расположенном в междуречье Днестра и Дуная, датируется серединой / второй половиной IV в. н. э. [59, с. 145-146]. Л. Баркоци, анализируя находки стеклянной посуды из Паннонии, относил появление в Венгрии стаканов рассматриваемого нами варианта к концу IV – началу V вв. н. э. [60, s. 105, taf. XV,166]. Известны они на территории Румынии. На северо-востоке страны найдено около 20 сосудов, что позволило исследователям сделать предположение об их поступлении из производственных центров, расположенных не на территории Римской империи, а в Барбарикуме [61, p. 69, fig. 2].

Долгое время не существовало единого мнения относительно времени появления сосудов типа Eggers-230. Разрабатывая их хронологию, Х. Эггерс датировал стаканы со шлифованными овалами периодом C₁ (150-200 гг.) – C₂ (200-300 гг.), но предположил и более позднее их существование [45, s. 180, karte 58]. Оспорил эти датировки Г. Рау. Цилиндрические стаканы с двумя шлифованными линиями под краем он выделил в тип «Ковалк» («Kovalk»), а с одной линией – к типу «Николаевка» («Nikolaevka») и датировал комплексы, в которых они найдены, второй / третьей четвертью IV в. н. э. [46, fig. 52]. С мнением Г. Рау соглашается Г. Ф. Никитина, помещая в эти хронологические рамки стаканы, найденные в могильнике черняховской культуры Оселивка [62, с. 82]³. Е. Страуме удревнила дату сосудов типа Eggers-230 и отнесла их бытование в Скандинавии к периоду C₂-C₃ [48, s. 29, taf. 2,6,35,41,46,76]. Находки этих стаканов в Скандинавии сосредоточены преимущественно на южном побережье Норвегии [64, p. 37]. Г. Экхольм, разбирая найденные в Норвегии привозные стеклянные сосуды, считал, что, поскольку большое количество их найдено на территории Юго-Восточной Европы, а также в Азии, они имеют восточное происхождение [50, p. 33]. Сейчас можно говорить о появлении сосудов типа Eggers-230 во второй половине III в. н. э., а основное время их распространения относится к IV в. н. э. [65, с. 173].

Один стакан имеет подцилиндрическое тулово, плоское дно и отогнутый необработанный венчик; на тулово сосуда нанесен геометрический орнамент:

40) стакан (рис. 6,40) (H – 10,2 см; D венчика – 9,7 см) из толстого прозрачного с оливковым оттенком стекла происходит из склепа № 4, погребения в котором датируются IV в. н. э. [27, с. 385];

---

³ Г. Ф. Никитина отметила одну интересную деталь. Стеклянные кубки, имеющие более толстые стенки и массивное дно, более ранние, чем подобные сосуды, но обладающие более прозрачными и тонкими стенками. Такую же тенденцию отметил и И. Гавритухин, проанализировав находки сосудов со шлифованным орнаментом в Юго-Восточной Европе [63, p. 68].

Точных аналогий стеклянному сосуду найти не удалось. Наиболее близкий по форме и орнаментации стакан происходит из могильника черняховской культуры близ с. Фрунзовка и датируется IV в. н. э. [66, с. 30, рис. 72,16]. Г. Рау дает более узкую дату стакану из Фрунзовки – 375-400 гг. [46, s. 167].

Один стакан (форма 96а по К. Айсингс, тип 1Г по Н. П. Сорокиной) имеет округлой формы тулово, неровные стенки, обрезанный край, зашлифованный и отогнутый, дно слегка вогнуто; тулово орнаментировано каплями из синего стекла и несколькими горизонтальными шлифованными линиями:

41) стакан (рис. 6,41) (H – 8,5 см; D венчика – 9,5 см; D дна – 2,3 см) из толстого оливкового цвета стекла происходит из ямы с сосудами № 6, которая датируется IV в. [67, с. 422, рис. 1,8].

Появились такие сосуды, по-видимому, на Ближнем Востоке. Обломки их найдены при раскопках стеклоделательной мастерской в Джаламе [29, fig. 4-46]. Мастера, изготавливавшие стеклянные сосуды с каплями синего стекла, имитировали сосуды из золота, инкрустированные драгоценными камнями, популярные среди римской знати в финале античности. К. Айсингс относит такие сосуды к форме 96, а точнее, к тем вариантам, которые появляются во второй половине IV в. н. э. и широко распространяются в V в. как в восточных, так и в западных провинциях Римской империи [3, p. 131-132; 60, s. 99, 100, taf. XIV,152,155]. Н. П. Сорокина, посвятившая стеклянным сосудам с каплями синего стекла из Причерноморья специальную статью, относит близкие по форме сосуды из могильника Гиляч к типу 1Г своей классификации и датирует третьей четвертью IV – началом V вв. н. э. [68, с. 97]. Отмечены находки стеклянных стаканов с синими каплями в Западном Причерноморье, где на территории Болгарии, возможно, существовали мастерские по их производству [5, с. 49]. Обломки стаканов с округлыми стенками с синими каплями известны в слоях IV в. н. э. на городище Ольвии [69, с. 204-205, рис. 4,3]. Есть находки стаканов с синими каплями на территории черняховской культуры [66, с. 30, рис. 71,1]. Во второй половине IV в. н. э. известны они на территории Боспора [70, с. 11, 20-21, рис. 19,8; 45,1; 71, с. 13, рис. 3,9; 72, рис. 25,5,6; 73, с. 410; 74, с. 474-475]. В городских слоях Херсонеса обломки стеклянных сосудов с синими каплями фиксируются в выделенных Л. А. Голофаст комплексах 1, 2, 3, датируемых концом IV – серединой V вв. н. э. [32, с. 104-107]. В это же время подобные сосуды начинают попадать к варварскому населению Крыма. Находки фрагментированных и целых сосудов различной формы с каплями синего стекла известны в могильниках позднеримского и раннесредневекового времени – Бельбек I [26, табл. II,5], Суворово [14, с. 58, 61, рис. 2,10; 10,17], «Совхоз № 10» [12, с. 123], Ай-Тодор (Хараке) [75, рис. 14,5], Лучистое [76, с. 297, рис. 20,2; 77, с. 75, рис. 5,6], Тас-Тепе [33, с. 33, рис. 3,17], Беляус [78, рис. 2,1], Алмалык-Дере [79, fig. 9].

Два стакана (форма 106d по К. Айсингс, тип III подтип I вариант А по И. П. Засецкой) имеют коническое тулово, отогнутый наружу обрезанный и

зашлифованный край, округлое дно; на тулово сосуда нанесен орнамент из чередующихся одной большой и семи маленьких капель синего стекла и горизонтальных шлифованных полос:

42) стакан (рис. 6,42) (H – 16,4 см; D венчика – 10 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла происходит из склепа № 115, погребения в котором совершались в IV в. н. э. [80, с. 178, 179];

43) стакана (рис. 6,43) из тонкого бесцветного прозрачного стекла стенок и венчика фрагменты из склепа № 485, погребения в котором совершались в IV в. н. э.

К. Айсингс относит конические «стаканы или лампы» с округлым дном к форме 106d и датирует второй половиной IV – V вв. н. э. [3, p. 130-131]. Л. Баркоци конический стакан с синими каплями из Интерцизы (Intercisa, совр. Дунайварош, Венгрия) датирует второй половиной IV в. н. э. [60, s. 101, taf. XIV,158]. Находки в Северном Причерноморье «конических кубков» с синими каплями Н. П. Сорокина выделила в тип III разработанной ею классификации. По ее мнению, они не типичны для тех мест, где известны находки сосудов с синими каплями других типов [68, с. 90]. И. П. Засецкая, при уточнении классификации предшественницы, опираясь на то, что Н. П. Сорокина не учла некоторые признаки конических стаканов, выделила в типе III два подтипа и шесть вариантов [81, с. 210-211]. По расширенной классификации И. П. Засецкой, нейцацкие экземпляры относятся к типу III подтипу I варианту А и датируются второй половиной IV – первой половиной V вв. н. э. [37, рис. 7]. В Восточном Причерноморье подобные сосуды встречаются в Цебельде, где они известны в комплексах второй половины IV – VI вв. [7, с. 75; 82, pl. 25,3; 42,3] и Цемдолинском некрополе [83, с. 151, рис. 109,59]. В Западном Причерноморье найден конический стакан с синими каплями в Аполлонии (совр. Созополь, Болгария), датирующийся IV–V вв. н. э. [5, с. 49, табл. VII,41]. В крымских предгорьях они известны только в могильнике Суворово в комплексах конца IV – начала V вв. н. э. (могилы 51 и 54) [14, с. 58, 61, рис. 2,10; 10,17].

Один стакан (форма 106а по К. Айсингс) с высоким коническим туловом, плоским дном:

44) стакан (рис. 6,44) (D дна – 1,8 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла найден в заполнении ограбленного склепа IV в. № 424.

К. Айсингс находку похожего стеклянного сосуда из Вайнсхайма (Германия) датирует началом IV в. н. э. и относит к форме 106а [3, p. 126-127]. Второй половиной IV в. н. э. датируются находки подобных стаканов в Сагваре и Интрецизе в Паннонии [60, s. 82-83, taf. IX,101,103]. В некрополе Равна (Сербия) найден аналогичный стакан в комплексе 380-410 гг. н. э. (могила 76) [84, p. 37, fig. 20,C-I/3]. Донце одного сосуда конической формы известно в ограбленном склепе 69 IV в. н. э. могильника Дружное [11, с. 70, рис. 169,2,3].

Два стакана (тип E-195 по X. Эггерсу) имеют коническое тулово на кони-

ческой литой подставке, края сосудов обрезаны неровно и оплавлены; тулово украшено орнаментом в виде овалов и горизонтальной полоской, выполненными накладной нитью из того же стекла, что и сам сосуд:

45) стакан (рис. 6,45) фрагментированный из толстого светло-зеленого стекла найден в склепе № 485, погребения в котором совершались в IV в. н. э.

46) стакан (рис. 6,46) (H – 11,2 см; D венчика – 8,5 см; D основания ножки – 2,4 см) из толстого светло-зеленого стекла найден в скоплении сосудов XI и датируется IV в. н. э.

Точных аналогий сосудам найти не удалось, однако известны несколько экземпляров, близких по форме тулова и исполнению орнамента. Один стакан из коричневого стекла, украшенный рельефными овалами и вертикальными линиями, найден в погребении 51 могильника черняховской культуры у с. Холмское и датируется IV в. н. э. [85, с. 83, рис. 21,1]. Фрагментированный сосуд из зеленого стекла найден в одном из погребений при исследовании древнего городища на территории Свято-Григорьевского Бизюкова монастыря (Херсонская обл.) в конце XIX в. [86, с. 135, рис. 36]. В. В. Кропоткин датирует эту находку IV – первой половиной V вв. н. э. [66, с. 30, рис. 71,2]. Находки обломков стеклянных сосудов с коническим туловом и напаянными нитями из того же стекла, что и сам сосуд, в Ольвии Н. П. Сорокина датирует III в. н. э. [69, с. 201, рис. 1,1,2]. Из погребения 8 могильника черняховской культуры у с. Фурмановка происходит «тюльпановидный кубок» на небольшой ножке из светло-зеленого стекла, который датируется IV в. н. э. [59, с. 147, рис. 1,4]. Х. Эггерс похожий стакан с наплавленными нитями из Норвегии (Salthammer) датирует периодом C2 (200-300 гг.) и относит к римскому импорту (тип *Eggers-195*) [45, s. 178, taf. 14,195]. При раскопках стеклоделательной мастерской в Кельне найден близкий по форме стакан на ножке и с наплавленными овалами, который О. Доппельфельд датирует III–IV вв. н. э. [87, fig. 132].

Один стакан с биконическим туловом, сужающимся книзу, отогнутым наружу обрезанным и необработанным венчиком, вогнутым дном, находящимся на полом кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда:

47) стакан (рис. 7,47) (H – 6,9 см; D венчика – 6,5 см; D дна – 2,8 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла, который происходит из склепа № 285, погребения в котором совершались в IV в. н. э.

Аналогий в Крыму и за его пределами найти не удалось.

КУВШИНЫ

Три кувшина (форма 52с и 120а по К. Айсинге) с расширяющимся книзу туловом, оплавленным отогнутым венчиком, дно вогнуто и находится на кольцевом поддоне (полым или вытянутом из стенки сосуда). У одного экземпляра короткое горло и округлая в сечении ручка, у двух других – невысокое цилиндрическое горло, ручка лентовидная, крепится вертикально одним концом

к тулову, другим – к горлу. У двух кувшинов вокруг горла обвиты нити из того же стекла, что и сам сосуд:

48) кувшин (рис. 7,48) (Н – 17,8 см; D венчика – 4,5 см; D дна – 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла найден в склепе № 301. У него выделяется цилиндрическое горло, переходящее в короткое устье. В камере склепа кувшин был помещен в лепной горшок, который вместе с другими сосудами стоял в головах взрослого погребенного. Похожий двуручный горшок происходит из могилы 73 IV в. н. э. могильника Дружное [11, с. 32, 33, 70], детского погребения № 25 конца II – первой половины III вв. н. э. могильника Нейзац [88, с. 170, рис. 37,6], слоев III в. н. э. на поселениях Боспора [89, с. 44, 45, 72, 86]. Найденные в склепе № 301 пряжки с утолщенной в передней части овальной рамкой и загнутым за рамку, со срезанной ступенькой в тыльной части, язычком традиционно датируются IV в. н. э. [1, с. 28-29; 90, с. 33]. Щиток у пряжек не сохранился. У одной из стенок склепа найден толстостенный стакан со шлифованными овалами типа Eggers-230, который также датируется IV в.;

49) кувшин (рис. 7,49) (D венчика – 3,5 см; D дна – 3,2 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла найден в склепе № 280. Поставлен он был в ногах погребенной женщины вместе с краснолаковым кувшином, который находит аналогии из могильника Дружное, где подобные сосуды происходят из комплексов IV в. н. э. [11, рис. 69,5; 136,6; 202,5; 203,2,4];

50) кувшин (рис. 7,50) (D венчика – 6 см; D дна – 6 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла происходит из склепа № 4, погребения в котором совершались в IV в. н. э. [27, с. 382, рис. 14,4];

Такие кувшины известны в варварских могильниках Юго-Западного Крыма. Три сосуда происходят из комплексов IV в. н. э. некрополя «Совхоз № 10» (могилы 76А, 77Б, 81) [12, с. 124]. Один фрагментированный кувшин со сбитым горлом найден в склепе № 30 могильника Суворово, погребения в котором совершались в первой половине – середине IV в. н. э. [13, с. 110, 114, рис. 64], и еще один сосуд происходит из могилы 53 конца IV – начала V вв. н. э. этого же некрополя [14, с. 60, рис. 8,12]. В Инкерманском могильнике подобный кувшин найден в могиле № 6(37) с бронзовыми монетами императора Константина I (306-337 гг.) [15, с. 17-19, рис. 5,4], в склепе № 2 могильника Озерное III вместе с монетой Лициния I Старшего (308-324 гг.) [16, с. 245-247, рис. 6,11; 91, с. 74-75]. Один кувшин найден в 1992 г. в склепе IV в. н. э. около с. Заречное (Симферопольский р-н) [40, с. 280, рис. 2,2]. На Боспоре подобные кувшины появляются уже в конце I в. н. э. [38, кат. 256]. В Пантикапее они встречаются на протяжении всего римского времени и, по-видимому, доживают до V в. [37, с. 120, кат. 54, рис. 16,1]. Аналогичный кувшин происходит из склепа № 15/3 некрополя в Сиреневой бухте (Крымское Приазовье) и датируется второй половиной IV – первой половиной V вв. н. э. [70, с. 31, рис. 33,1]. Кувшины с «грушевидным корпусом на кольцевой подставке» известны в

Херсонесе Таврическом [8, с. 91]. К. Айсингс упоминает о находке подобно-го стеклянного кувшина на кольцевом поддоне из Италии и датирует его I в. н. э. (форма 52с) [3, р. 71]. Хронологически более поздние кувшины, приведенные К. Айсингс из Кельна и Трира, датируются по монетам концом III – началом IV вв. н. э. и выделяются ею в форму 120а [3, р. 149, 150]. Кувшин из римского укрепления Бригецио (Brigetio, совр. Комаром, Венгрия) в Паннонии Л. Баркоци датирует второй половиной IV в. н. э. [60, s. 193, taf. XLIX,480].

Один кувшин с расширяющимся книзу туловом (полностью восстановить его форму затрудняет фрагментарность), край загнут, тулово кувшина плавно переходит в невысокое цилиндрическое горло, заканчивающееся отогнутым валикообразным венчиком, ручка плоская в сечении, фрагментированная, крепится вертикально одним концом к тулову, другим – к горлу, дно вогнуто:

51) кувшин (рис. 7,51) (D венчика – 4 см; D дна – 6 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла, тулово опоясывает несколько витков наплавленной стеклянной нити. Сосуд найден в разграбленном склепе № 230. В заполнении входной ямы также найдены полусферическая краснолаковая миска на кольцевом поддоне с вертикальным слегка вдавленным бортиком, которая находит аналогии в могильнике «Совхоз № 10», где подобные миски датируются периодом не ранее конца III в. н. э. [12, с. 85, табл. XIV,33]; две миски на кольцевом поддоне с горизонтально отогнутыми краями, известные в комплексах IV в. н. э. Друженского [92, с. 52-53, рис. 4,11; 11, с. 59] и Инкерманского могильников [15, с. 36].

Один стеклянный кувшин, близкий нейзацкому, происходит из подбойной могилы № 5 могильника Дружное, погребение в котором датируется IV в. н. э. [11, с. 16, 67, рис. 77,14] Отличается он только более широким устьем. Аналогичный кувшин найден в могиле № 15(35) Инкерманского могильника вместе с вещами IV в. н. э. [71, с. 13, рис. 3,12; 15, с. 24, 25]. Обвитый напаянными нитями кувшин из могилы 17 некрополя Тиритаки датируется III в. н. э. [93, с. 84, рис. 123]. Подобные кувшины известны в комплексах IV в. н. э. некрополя Херсонеса Таврического [8, с. 91, 92, рис. 58,7].

Один кувшин (форма 123 по К. Айсингс) с расширяющимся книзу туловом и закругляющимися книзу стенками, коротким горлом, дно слегка вогнуто и находится на кольцевом поддоне, край сосуда загнут и образует валикообразный венчик, ручка лентовидная, крепится вертикально одним концом к плечу сосуда, другим – к горлу и венчику:

52) кувшин (рис. 7,52) (H – 12 см; D венчика – 4,6 см; D дна – 4,5 см) из тонкого прозрачного слегка зеленоватого стекла найден в склепе № 4, погребения в котором совершались в IV в. н. э. [27, с. 382, 386, рис. 16,3; 1, рис. 20,3].

Похожий стеклянный кувшин найден в могиле № 56 могильника «Совхоз № 10» вместе с монетой IV в. н. э. [12, с. 124]. Из могилы № 5 Перевального (комплекса середины – второй половины III в. н. э.) происходит невысокий

кувшин на кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда [39, с. 196, рис. 193,1]. Такие кувшины из некрополя Херсонеса Таврического датируются III в. н. э. [8, с. 91, рис. 58,5]. Кувшины с «короткой шеей и широким горлом» К. Айсингс датирует IV в. н. э. (форма 123) [3, р. 153-154]. По ее замечанию, они типичны только для позднеримского времени, но отметим, что близкие по форме сосуды известны в Италии еще в I в. н. э. [94, р. 25, fig. 25], а похожий кувшин из музея Западной Богемии, «найденный на Юге России», датируется III в. н. э. [95, р. 30, pl. 6с].

Один кувшин с расширяющимся книзу туловом, с закругляющимися книзу стенками, воронковидным устьем, дно плоское без поддона, край срезан и необработан, ручка округлая в сечении, крепится одним концом к тулову сосуда в нижней части, другим – к плечу:

53) кувшин (рис. 8,53) (H – 11,8 см; D венчика – 4 см; D дна – 4,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла происходит из склепа № 4, погребения в котором совершались на протяжении IV в. н. э. [27, с. 382, 386, рис. 16,2; 1, рис. 20,2].

Подобные кувшины, найденные в Пантикапее, датируются III в. н. э. [38, кат. 278, 279]. Известны они в некрополе и на городище Горгиппии, где датируются II–III вв. н. э. [24, с. 77-78, табл. 24,8; 62,3]. По мнению исследователей, форму этих кувшинов заимствовали у глиняных сосудов, бытовавших в Северном Причерноморье, а орнамент из шлифованных овалов переняли у западно-римских мастеров [96, с. 183-184]. Изготавливали такие кувшины, по-видимому, в Танаисе, где их фрагменты найдены в слоях первой половины III в. н. э. [97, с. 217, рис. 9,2; 98, S. 299, Abb. 9,104,105]. Здесь же найдены глиняные формы для изготовления чаш с геометрическим орнаментом [99, с. 100-101].

Один кувшин с усеченно-конической формой тулова, расширяющейся в верхней части, слегка вогнутыми стенками, дно кувшина вогнуто, округлая в сечении ручка крепится одним концом к тулову сосуда, другим – к горлу, верхняя часть горла утрачена:

54) кувшин (рис. 8,54) (D дна – 2 см) из тонкого прозрачного со слегка голубоватым оттенком стекла найден в детской могиле № 279 вместе с вещами (подвески из египетского фаянса, бронзовая подвеска в виде шишки, бронзовый колокольчик), указывающими на то, что погребение было совершено не позднее середины III в. н. э. [67, с. 423, рис. 1,12].

Один кувшин (форма 120b по К. Айсингс) с туловом, расширяющимся в средней части, дно находится на полом или вытянутом из стенки сосуда кольцевом поддоне и вогнуто в центральной части, невысокое воронковидное устье, заканчивающееся отогнутым валикообразным венчиком, ручка уплощенная в сечении, крепится вертикально одним концом к тулову, другим – к венчику:

55) кувшин (рис. 8,55) (H – 19 см; D венчика – 5,5 см; D дна – 4,8 см) из тонкого прозрачного с зеленоватым оттенком стекла происходит из склепа

№ 4, погребения в котором совершались на протяжении IV в. н. э. [27, с. 382, 386, рис. 16,5; 1, рис. 20,4]. Тулово орнаментировано наплавленными стеклянными нитями.

В Крыму кувшины, аналогичные №№ 54 и 55, неизвестны. Близкий по форме фрагментированный кувшин, но отличающийся по форме венчика и устья, найден в некрополе на территории античного Савария (соврем. Сомбатхейн, Венгрия) в комплексе конца I – первой половины II вв. н. э. [60, s. 170, taf. XXXVI,400]. К. Айсингс такие кувшины относит к форме 120b (на широком кольцевом поддоне) и датирует в целом позднеримским временем [3, p. 150-151].

Один кувшин с высоким туловом, возможно, расширяющимся в средней части (большая часть тулова утрачена), дно вогнуто и находится на полом или вытянутом из стенки сосуда кольцевом поддоне, невысокое цилиндрическое горло, овальная в сечении ручка крепится одним концом к тулову сосуда, другим – к горлу:

56) кувшин (рис. 8,56) (D венчика – 6,3 см; D dna – 6,4 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла найден в склепе № 275, погребения в котором совершались в IV в. н. э. [51, p. 213-214]. Тулово опоясывают несколько витков наплавленной стеклянной нити из того же стекла, что и сам сосуд.

Похожий стеклянный кувшин происходит из подбойной могилы № 251 могильника «Совхоз № 10», датирующейся III–IV вв. н. э. [12, табл. 30,21,27]. Два кувшина из бесцветного стекла найдены в склепе № 53 Суворовского могильника. Тулово одного из них опоясывает стеклянная нить. Предполагаемая датировка этого склепа – конец IV – начало V вв. н. э. [14, с. 60, рис. 8,10,12]. В Британии такие кувшины известны в середине II – середине III вв. н. э. [22, fig. 29,3], в Словении датируются II в. н. э. [100, p. 130, fig. 38,5,1,6]. Ко второй половине III – IV вв. н. э. относится стеклянный кувшин из некрополя античного Сингудунума (Singudunum, соврем. Белград) [4, s. 18, t. X/4]. В Италии такие кувшины бытуют и в V в. [101, p. 260, fig. 18,26]. Близкий по форме кувшин найден в некрополе в окрестностях поселка Сагвар (Ságvár, Венгрия) [60, s. 192, taf. XLIX,477] и датируется второй половиной IV в. н. э.

Один кувшин (форма 121 по К. Айсингс) с округлой формой тулова, цилиндрическим горлом, воронковидным устьем, заканчивающимся валикообразным венчиком, дно вогнуто и находится на полом кольцевом поддоне, ручка крепится одним концом к плечу сосуда, другим – к горлу и венчику:

57) кувшин (рис. 9,57) (H – 21 см; D венчика – 6,7 см; D dna – 6,5 см) из тонкого прозрачного с зеленоватым оттенком стекла, в верхней части тулова сосуд опоясывает стеклянная нить из того же стекла, что и сам сосуд. Происходит он из ямы с сосудами № 16 и датируется IV в. н. э.

Аналогичный кувшин, только несколько больших пропорций, найден в подбойной могиле № 260 некрополя «Совхоз № 10», датирующейся концом IV – V вв. н. э. [12, табл. 31,45]. Так же, как и у нейзацкого экземпляра, тулово

этого кувшина обвито стеклянной нитью. Известны стеклянный кувшин со сферическим туловом из детской могилы № 20 могильника Суворово, датирующейся первой половиной – серединой IV в. н. э. [13, с. 108, рис. 60] и кувшин IV в. н. э. из склепа № 3 могильника Дружное [11, рис. 71,15]. Кувшин этого типа можно отнести к форме 121 по классификации К. Айсингс (IV в. н. э.) [3, р. 152-153]. Этим же временем датируются стеклянные кувшины с напаянными нитями из Трира [102, kat. 1258, 1262] и могильника Монтанар (Montañar, Аликанте, Испания) [103, fig. 12,1].

Один кувшин сильно фрагментирован, у него удалось восстановить только верхнюю часть:

58) кувшин (рис. 9,58) (D венчика – 7 см) из тонкого прозрачного светло-голубого стекла с зеленоватым оттенком с высоким цилиндрическим горлом, переходящим в горизонтально отогнутый оплавленный венчик, в месте перехода горла в тулово кувшин опоясывают две горизонтальные тонкие наплавленные нити, округлая в сечении ручка одним концом крепится к плечу сосуда, другим – к верхней части горла. Найден кувшин в ограбленном склепе № 461.

КОЛБООБРАЗНЫЕ СОСУДЫ

Одна колба (форма 101 по К. Айсингс) с невысоким округлым туловом и усечено-коническим горлом, сужающимся кверху, валикообразный венчик отогнут наружу, дно вогнуто:

59) колба (рис. 9,59) (H – 12 см; D венчика – 3 см; D дна – 4 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла происходит из скопления сосудов VII. Все скопления сосудов в могильнике Нейзац датируются IV в. н. э. [1, с. 22].

Похожий, только большего размера, сосуд найден в подбойной могиле № 30 могильника «Совхоз № 10» [12, табл. 5,24]. Близкая по форме бутылка хранится в Кестнер-Музее Ганновера, происходит с Юга России и датируется I–II вв. н. э. [18, kat. 65]. К. Айсингс находки стеклянных колб с округлыми стенками из Западной Европы относит к форме 101 и датирует III–IV вв. н. э. По ее замечанию, небольшие колбочки могли выполнять те же функции, что и бальзамарии, – в них хранили благовония. Известны ей и более ранние такие сосуды. Она датирует их концом II – III вв. н. э. [3, р. 119-120]. Можно предположить, что такие сосуды могли стать результатом развития из некоторых более ранних форм бальзамариев, близких им по форме и датирующихся I–II вв. н. э. [102, kat. 622]. К поздним находкам подобных сосудов стоит отнести колбы из Нормандии, где они известны в IV–V вв. [104, р. 66, fig. 4,HN10,5D], Марселя и Кельна, датирующиеся VI – VII вв. [105, р. 210, pl. 16,199; 87, fig. 176].

Одна колба с невысоким округлым туловом и усеченно-коническим горлом, сужающимся кверху, валикообразный венчик отогнут наружу, дно вогнуто:

60) колба (рис. 9,60) (H – 10 см; D венчика – 4 см; D дна – 4,5 см) из тонко-

го прозрачного бесцветного стекла найдена в скоплении сосудов, которое было оставлено в IV в. н. э. и прорезало более раннюю грунтовую могилу № 148.

Как и предыдущий сосуд, его можно отнести к форме 101 по К. Айсингс [3, p. 119-120]. Подобные сосуды из Сирмия (Sirmium), столицы римской провинции Паннония, датируются второй половиной IV в. н. э. [4, s. 14, t. V/1]. Небольшие колбы с округлым туловом из античного Поетовио (Poetovio, совр. Птуй, Словения) датируются II–III вв. н. э. [100, p. 192, fig. 51,8,6,14]. Аналогичная колба происходит из подбойной могилы № 177 могильника «Совхоз № 10», датирующейся III–IV вв. н. э. [12, табл. 23,20].

Одна колба с невысоким округлым туловом и усечено-коническим горлом, сужающимся кверху, валикообразный венчик отогнут наружу, дно вогнуто:

61) колба (рис. 9,61) (H – 10 см; D венчика – 5 см; D дна – 5 см) из тонкого бесцветного прозрачного со слегка голубоватым оттенком стекла с коротким усеченно-коническим горлом найдена в склепе № 180. В округлой по форме камере было совершено одно погребение. Вдоль северной стены стояли лепные и краснолаковые сосуды. Стеклянная колба была поставлена в один из лепных сосудов и накрыта сверху другим лепным сосудом и краснолаковой миской, датирующимися IV в. н. э.

Наиболее близкая аналогия с таким же строением горла происходит из склепа № 52 могильника Суворово в окрестностях Бахчисарая. Предполагаемая датировка этого склепа – IV в. н. э. [14, с. 59, рис. 5,10]. Похожий сосуд известен в Херсонесе, где они бытуют на протяжении всего римского времени [8, с. 88, рис. 57,7]. Похожая стеклянная колба найдена в некрополе в окрестностях поселка Сагвар (Ságvár, Венгрия) и датируется второй половиной IV в. н. э. [60, s. 139, taf. XXIV,293].

Четыре колбы с округлым туловом и цилиндрическим горлом, дно вогнуто, края сосудов загнуты, образовавшиеся валикообразные венчики отогнуты наружу:

62) колба (рис. 10,62) (H – 18 см; D венчика – 5 см; D дна – 6,5 см) из тонкого прозрачного с желтоватым оттенком стекла. На месте перехода тулова в горло напаяна стеклянная нить из того же стекла, что и сам сосуд. Дно сосуда конически вогнуто. Тулово украшено напаянной стеклянной нитью. Происходит колба из ямы с сосудами № 2, датированной IV в. н. э.;

63) колба из склепа № 200 (рис. 10,63) (H – 16,2 см; D венчика – 5 см; D дна – 4 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла имеет в верхней части горла слабую выпуклость. Погребения в склепе начали совершаться еще в III в. н. э. и продолжались в IV в. Аналогичное строение имеет горло у сосуда из погребения 52 могильника Суворово, датирующегося IV в. н. э. [14, с. 59, рис. 5,11] и Карши-Баир II [106, рис. 81,2];

64) колба (рис. 10,64) (H ~ 14 см; D дна – 6,3 см) из тонкого бесцветного стекла происходят из склепа № 4, датирующегося IV в. н. э.;

65) колба (рис. 10,65) (D дна – 3,8 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла найдена в ограбленной грунтовой могиле № 327.

Как и колбы предыдущей формы, рассматриваемые сосуды можно отнести к форме 101 по К. Айсингс, датирующейся III–IV вв. н. э. [3, p. 119-120]. Стеклянная колба из Umm Qeis (Иордания) датируется IV в. н. э. [30, p. 151, pl. 43,12]. Колба из светло-зеленого стекла с коротким горлом найдена в античном некрополе близ г. Свилош (Sviloš, Сербия) и датируется концом III – серединой IV вв. н. э. [4, s. 14, t. V/3]. Два близких по форме, но с различным строением устья стеклянных сосуда происходят из римского укрепления Бригечио в Паннонии и датируются второй половиной IV в. н. э. [60, s. 138, taf. XXIII,288,289]. К одной из поздних находок подобных сосудов стоит отнести находку на севере Франции стеклянной колбы эпохи Меровингов, вокруг горла которой обвиты нити из эмали [107, s. 113, pl. 7]. Одна колба (без напаянных нитей) найдена в склепе № 18 могильника Дружное, погребения в котором совершались на протяжении IV в. [11, с. 57, рис. 89,2]. Из комплекса IV в. н. э. могильника Тас-Тепе на берегу р. Качи в Юго-Западном Крыму происходит стеклянная колба с высоким цилиндрическим горлом [33, с. 33]. Фрагменты колбы без верхней части горла найдены в подбойной могиле № 28 Суворовского могильника, датирующейся первой половиной – серединой IV в. н. э. [13, с. 110, рис. 63]. Из подбойной могилы № 226 некрополя «Совхоз № 10» происходит близкая по форме колба и датируется IV в. н. э. [12, табл. 28,31]. В склепе 78/1907 Боспорского некрополя найден близкий по форме сосуд, датирующийся концом V – серединой VI вв. [108, с. 96, 110, кат. 28].

Одна колба с высоким туловом, расширяющимся в средней части, вытянутым по вертикальной оси, высоким цилиндрическим горлом, заканчивающимся высоким воронковидным устьем, край оплавлен, дно вогнуто и находится на полом кольцевом поддоне:

66) колба (рис. 10,66) (H – 19 см; D венчика – 5,8 см; D дна – 4,5 см) из тонкого прозрачного с зеленым оттенком стекла. Происходит из ямы с сосудами № 6, датирующейся IV в. н. э.

Точных аналогий найти не удалось, однако близкие по форме сосуды, только без кольцевого поддона, известны в комплексах V в. могильника Карши-Баир II [109, с. 218-219, рис. 6,1; 106, рис. 78,7; 83,13,14] и последней четверти IV – первой половины V вв. некрополя Пантикапея [37, кат. 63, рис. 23,1].

Одна колба с округлым туловом (фрагментировано), коротким усеченно-коническим горлом, расширяющимся кверху и заканчивающимся венчиком в виде слива, дно слегка вогнуто:

67) колба (рис. 10,67) (D венчика – 3,5 см; D дна – 4 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла найдена в скоплении сосудов XIV и датируется IV в. н. э.

Точных аналогий сосуду найти не удалось, однако качество стекла и форма сосуда позволяют предположить местное его производство.

ЧАША

В могильнике Нейзац найдена одна чаша (форма 42 по К. Айсингс) с высоким полусферическим туловом, горизонтально отогнутым наружу оплавленным краем, дно сосуда плоское и находится на полом кольцевом поддоне:

68) чаша (рис. 11,68) (Н – 11,5 см; D венчика – 17 см; D дна – 4,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла происходит из скопления сосудов IV в. н. э. над могилой № 148.

Наиболее ранние такие чаши К. Айсингс выделяют в форму 42 и датирует концом I – началом III вв. н. э. [3, p. 58]. В Паннонии полусферические чаши на кольцевом поддоне распространяются во второй половине I – начале II вв. н. э. [60, s. 52, taf. I,6]. Известны они в Восточном Причерноморье. В Цемдолинском некрополе найдены четыре похожие чаши. Авторы публикации отмечают, что чаши подобной формы в Причерноморье встречаются редко и датируют их концом I – началом II вв. н. э. [83, с. 150, рис. 110, табл. 10]. В Цебельде найдена похожая по форме чаша со сферическим туловом в комплексах второй половины – конца V в. н. э. [7, с. 77, рис. 1,20]. Две чаши, найденные в Керчи, хранятся в Эрмитаже. Н. З. Кунина датирует их концом I – началом II вв. н. э. и отмечает их восточно-средиземноморское происхождение [39, кат. 289-290]. Раннеримским временем датируется чаша из некрополя Илурата [110, fig. 12,3]. Найдены похожие по форме сосуды с наплавленными полосками на венчике в слоях III–IV вв. н. э. городища Пантикапея. Чаша с полусферическим туловом и горизонтально отогнутым венчиком из прозрачного фиолетового стекла, датирующаяся IV в. н. э., найдена в склепе 53 могильника Суворово [14, с. 60, рис. 8,11].

БАЛЬЗАМАРИИ

Один бальзамарий с высоким усеченно-конической формы туловом, высоким цилиндрическим горлом, слегка вогнутым дном, край загнут, образовавшийся венчик отогнут и оплавлен, на месте соединения горла и тулова имеется перетяжка:

69) бальзамарий (рис. 11,69) (Н – 12 см; D венчика – 2,1 см; D дна – 3,2 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла происходит из детской могилы № 368, датирующейся началом – серединой II в. н. э. [111, с. 514].

По классификации боспорских бальзамариев, разработанной Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной, соответствует типу I группе 1 варианту В. Подобные бальзамарии распространяются на Боспоре во второй половине I и в начале II вв. н. э. [112, с. 156]. В нижнем ярусе склепа № 736 Усть-Альминского некрополя обнаружен подобный сосуд, а весь комплекс погребений датируется

по другим находкам последней четвертью I в. н. э. (не ранее 70-80 гг.) [39, с.182]. Бальзамарии этого типа, возможно, являются продукцией восточно-средиземноморских (сирийских или египетских) мастерских [112, с. 157].

Один бальзамарий с коротким усеченно-конической формы туловом, высоким цилиндрическим горлом, расширяющимся кверху, слегка вогнутым дном, край сосуда загнут, образовавшийся венчик отогнут и оплавлен:

70) бальзамарий (рис. 11,70) (Н – 13 см; D венчика – 2 см; D дна – 2 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла найден в детской могиле № 368, датирующейся началом – серединой II в. н. э. [111, с. 514].

По классификации стеклянных бальзамариев, разработанной Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной, соответствует типу I группе 2 варианту Г. На Боспоре бальзамарии этого типа появляются в середине I в. н. э., а получают распространение в последней четверти I и в начале II вв. н. э. [112, с. 161]. Не исключено, что данный тип бальзамариев является продукцией местных стеклоделательных центров Боспора или Херсонеса [10, с. 91; 38, с. 325, кат. 365]. Похожий стеклянный сосуд происходит из зольника горизонта В Неаполя Скифского, который в целом датируется второй половиной I – серединой / третьей четвертью II вв. н. э. [113, с. 86, рис. 7,44]. В Восточном некрополе Неаполя Скифского подобный бальзамарий обнаружен в могиле № 1, датируемой I–II вв. н. э. [114, с. 84, табл. XII,6]. Аналогичные стеклянные сосуды происходят из комплексов второй половины I – II вв. н. э. (могила № 520) и II – первой половины III вв. н. э. (склеп № 830) Усть-Альминского некрополя [39, рис. 191,12; 192,5]. Стеклянные бальзамарии первых веков н. э. в погребальных памятниках центральной части крымских предгорий встречаются редко. В могильнике Нейзац они обнаружены впервые. На большинстве синхронных памятников Юго-Западного Крыма стеклянные бальзамарии неизвестны. Однако много их найдено в некрополях Пантикапея и Херсонеса [112, с. 155; 8, с. 85, рис. 56], в могильниках Усть-Альма, «Совхоз № 10» [12, с. 125] и Бельбек IV, где бальзамариев, датирующихся I–III вв. н. э., обнаружено более 40 [115, с. 238]. Это подтверждает мнение о том, что в I–III вв. н. э. областью наиболее интенсивных торговых контактов Боспора и Херсонеса является их округа и лишь незначительная часть, в частности стеклянной посуды, попадала в Центральный Крым [116, с. 88-89].

ТАРЕЛКИ

Одна тарелка с высоким вертикальным вогнутым бортиком, отогнутым оплавленным краем, утолщенным плоским дном на высоком кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда:

71) тарелка (рис. 11,71) (Н – 4,4 см; D венчика – 16,5 см; D дна – 7,4 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла была найдена в склепе № 200, погребения в котором начали совершаться еще в III в. н. э. и продолжались в IV в.

Фрагмент венчика тарелки с вертикальным бортиком и оплавленным краем

найден в яме с отходами стеклоделательного производства в мастерской римского времени в Джаламе [29, p. 52, fig. 4-13,99]. Тарелка с вертикальным вогнутым бортиком из музея Трира (Германия) датируется IV в. н. э. [102, s. 24, abb. 4,49]. Второй половиной I – началом II вв. н. э. датируется стеклянная тарелка на невысоком кольцевом поддоне из Словении [100, p. 65, fig. 28,1.2.2].

Одна тарелка с высоким отогнутым бортиком, оплавленным краем, плоским дном на невысоком кольцевом поддоне:

72) тарелка (рис. 11,72) (H – 5 см; D венчика – 20 см; D дна – 9,5 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла обнаружена в склепе № 306, погребения в котором совершались в III–IV вв. н. э. [21, рис. 34,1].

Аналогичная стеклянная тарелка найдена вне комплекса в некрополе Фик (Fiq, совр. Сирия) [30, p. 74, pl. 10,9]. Фрагмент венчика тарелки с вертикальным отогнутым бортиком и оплавленным краем найден в яме с отходами стеклоделательного производства в мастерской римского времени в Джаламе [29, p. 52, fig. 4-13,101]. Фрагментированная стеклянная тарелка найдена среди стеклянного боя в подвале дома со следами стеклоделательного производства в Горгиппии [24, с. 23-24, 26, табл. 18,1]. Аналогичная тарелка найдена при исследовании XIX квартала городища Танаиса и датируется серединой III в. н. э. [98, S. 291, Abb. 5,69]. Стеклянная тарелка на невысоком кольцевом поддоне, с отогнутым вертикальным бортиком из музея Трира (Германия) датируется IV в. н. э. [102, s. 23-24, kat. 48]. В крымских предгорьях известна только одна находка похожей тарелки в склепе № 38 середины IV в. н. э. могильника Суворово [117, рис. 4,46].

БЛЮДО

В могильнике Нейзац найдено одно стеклянное блюдо с сильно отогнутым под углом усеченно-коническим туловом, дном, находящимся на высоком кольцевом поддоне:

73) блюдо (рис. 11,73) (H – 6,5 см; D венчика – 28,3 см; D дна – 9,5 см) из толстого матового с зеленым оттенком стекла найдено в склепе № 4, погребения в котором датируются IV в. н. э. [67, с. 385].

Плохое качество стекла и асимметричность блюда позволяют предположить местное производство сосуда. Блюда из тонкого и толстого стекла различных цветов известны во многих памятниках античного мира, но даже близких аналогий нейзацкому экземпляру в Крыму и за его пределами найти не удалось.

ФРАГМЕНТЫ

За время исследования могильника Нейзац найдены фрагменты от 47 сосудов: венчики, донья, стенки. Обнаруженные в погребениях венчики можно разделить на две группы: с оплавленным и необработанным краем. Первые получались в результате т.н. горячей обработки краев сосуда, были практичнее и, должно быть, более ценились, чем сосуды с необработанным краем.

Сведения о фрагментах приведены в таблице:

№	Описание	Место находки	Датировка
ВЕНЧИКИ С ОБРЕЗАННЫМ КРАЕМ			
1	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,1)	склеп № 4	IV в. н. э.
2	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,2)	склеп № 200	III-IV вв. н.э.
3	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,3)	грунтовая могила № 327	ограблена
4	Стекло тонкое сильно ирризированное (рис. 12,4)	скопление сосудов VI	IV в. н. э.
5	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,22)	склеп № 306	III-IV вв. н.э.
ВЕНЧИКИ С ОПЛАВЛЕННЫМ КРАЕМ			
6	Стекло тонкое прозрачное с голубым оттенком (рис. 12,12)	склеп № 263	ограблен
7	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,13)	склеп № 305	IV в. н. э.
8	Стекло тонкое прозрачное с голубым оттенком (рис. 12,14)	склеп № 424	ограблен
9	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,15)		
10	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,16)	натечный слой (раскопки 2011 г.)	—
11	Стекло тонкое прозрачное с голубым оттенком (рис. 12,17)	склеп № 491	ограблен
12	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,18)	подбойная могила № 478	IV в. н. э. (?)
13	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,6)	подбойная могила № 338	ограблена
14	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,7)	склеп № 111	ограблен
15	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,5)	склеп № 377	ограблен
16	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,8)		
17	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,9)	склеп № 306	III-IV вв. н.э.
18	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,10)	грунтовая могила № 367	II-III вв. н. э.
19	Стекло тонкое прозрачное с голубым оттенком; на тулово наплавлена стеклянная нить (рис. 12,11)	склеп № 222	III в. н. э.
20	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,19)	подбойная могила № 38	ограблена
21	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,23)	подбойная могила № 169	ограблена

22	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,21)	склеп № 22	ограблен
23	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,20)	подбойная могила № 182	II-III вв. н. э.

ДОНЬЯ НА НИЗКОМ КОЛЬЦЕВОМ ПОДДОНЕ

24	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 13,1)	склеп № 4	IV в. н. э.
25	Стекло тонкое ирризированное (рис. 13,2)	склеп № 476	IV в. н. э.
26	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 13,3)	склеп № 332	IV в. н. э.
27	Стекло тонкое прозрачное с зеленым оттенком (рис. 13,7)	склеп № 330	ограблен
28	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 13,4)	подбойная могила № 338	ограблена
29	Стекло тонкое ирризировано (рис. 13,5)	натечный слой (раскопки 2011 г.)	—
30	Стекло тонкое прозрачное с голубым оттенком (рис. 13,6)	подбойная могила № 388	ограблена
31	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 13,8)	склеп № 200	III-IV вв. н.э.
32	Стекло толстое прозрачное с зеленым оттенком (рис. 13,9)	подбойная могила № 102	II-III вв. н. э.
33	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 13,11)	склеп № 22	ограблен

ДОНЬЯ НА ВЫСОКОМ КОЛЬЦЕВОМ ПОДДОНЕ

34	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,10)	склеп № 306	III-IV вв. н.э.
35	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,12)	склеп № 18	II-III вв. н. э.
36	Стекло толстое прозрачное с голубым оттенком (рис. 13,14)	склеп № 476	IV в. н. э.
37	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,13)	грунтовая могила № 258	II-III вв. н. э.

УТОЛЩЕННЫЕ И ВОГНУТЫЕ ДОНЬЯ

38	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,15)	склеп № 377	ограблен
39	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,16)		
40	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,17)	склеп № 306	III-IV вв. н.э.
41	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,18)	склеп № 200	III-IV вв. н.э.
42	Стекло толстое прозрачное с голубым оттенком (рис. 13,19)	грунтовая могила № 39	II-III вв. н. э.
43	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 13,20)	склеп № 305	IV в. н. э.

СТЕНКИ

44	Стекло толстое прозрачное с голубым оттенком (рис. 12,24), на стенке фрагмент выступа - «ребра»	детская могила № 403	II-III вв. н. э.
----	---	----------------------	------------------

45	Стекло толстое прозрачное с оливковым оттенком (рис. 12,25), фрагмент шлифованного орнамента	натечный слой над склепом №104	–
46	Стекло толстое прозрачное бесцветное (рис. 12,26), фрагмент шлифованного орнамента	грунтовая могила № 198	ограблена
47	Стекло тонкое прозрачное бесцветное (рис. 12,27), с каплям стекла синего, бирюзового и желтого цветов	склеп № 321	IV в. н. э.

Венчики с оплавленным обработанным краем. Большая часть фрагментов происходит из комплексов IV в. н. э., некоторые найдены в погребениях, совершенных в III или даже во второй половине II вв. н. э. (см. табл.). 14 венчиков можно отнести к стаканам (рис. 12,6-18,23), один – к бальзамарию (рис. 12,20), два – к чаше или тарелке (рис. 12,19,21).

Венчики с обрезанным необработанным краем. Происходят из комплексов, преимущественно, IV в. н. э. Четыре венчика (рис. 12,1,2,5,22), возможно, стоит отнести к стаканам со сферическим или овоидным туловом, два венчика (рис. 12,3,4) с отогнутым краем – к стаканам с усечено-коническим туловом, наиболее характерным для IV–V вв. н. э.

Все венчики изготовлены из тонкого бесцветного или голубого цвета стекла и находят аналогии среди целых сосудов могильника Нейзац (стаканов, кувшинов, колб, бальзамариев).

Донья разделены на три группы, связанные с техникой их изготовления: на низком кольцевом поддоне, на высоком кольцевом поддоне, утолщенные и вогнутые донья.

Донья на низком кольцевом поддоне. Происходят из комплексов IV в. н. э., только два (рис. 13,8,9), возможно, могли сопровождать погребения II–III вв. н. э. Восемь фрагментов (рис. 13,1-8) относятся к стаканам на кольцевом поддоне, наиболее распространенных во второй половине III – IV вв. н. э. форм. Их поддоны вытянуты из стенки сосуда или образованы наплавлением полого стеклянного жгута. Один массивный фрагмент (рис. 13,9), судя по его размерам, от кувшина или колбы, и датируется II–III вв. н. э.

Донья на высоком кольцевом поддоне представлены четырьмя экземплярами. Два из них (рис. 13,10,12) от сосудов, напоминающих рюмки, получивших широкое распространение в Крыму в раннем средневековье. Однако эти фрагменты происходят из комплексов III–IV вв. н. э. и относятся к ранним находкам подобных сосудов в крымских предгорьях. Фрагмент аналогичной подставки из Усть-Альминского некрополя датируется первой половиной III в. н. э. [118, с. 179-180, рис. 26,16]. Еще два фрагмента на высоком кольцевом поддоне (рис. 13,13,14) стоит отнести к тарелкам или блюдам, известным в комплексах III–IV вв. н. э. могильника Нейзац.

Утолщенные и вогнутые донья представлены шестью разнообразными фрагментами (рис. 13,15-20). Их сложно с достаточной уверенностью отнести к какому-либо типам сосудов. Только одно донце (рис. 13,19) по известным аналогиям [11, рис. 112,7] можно идентифицировать как фрагмент стеклянной колбы.

Среди всей массы находок стеклянной посуды найдено большое количество фрагментов *стенок*, которые не позволяют получить представление об их целой форме. Интерес в данном случае вызывают только четыре фрагмента.

Небольшой фрагмент верхней части т.н. «чаши с ребрами» (рис. 12,24) найден в могиле № 403 II–III вв. н. э. К. Айсингс такие чаши относит к форме 3а и датирует I в. н. э. [3, р. 18-19]. Находки их известны в Восточном Средиземноморье и на Аппенинском п-ове [119, kat. 327-332], в римской Британии [22, р. 21-22] и Паннонии [4, t. XXIII,4-10], Северном Причерноморье [10, с. 97, рис. 2,3,3а,4,5; 120, рис. 33,16; 121, с. 35, рис. 110,9; 122, с. 109].

Фрагмент стеклянного стакана, орнаментированного шлифованными овалами (рис. 12,25), найден в культурном слое могильника Нейзац [52, р. 211, fig. 1,10]. Его можно отнести к сосудам типа Eggers-230. Возможно, к этой серии стаканов стоит отнести и фрагмент сосуда со шлифованным овалом из прозрачного бесцветного стекла (рис. 12,26) из заполнения ограбленной грунтовой могилы № 198⁴.

Фрагмент стеклянного сосуда (возможно, стакана) из тонкого прозрачного стекла с чередующимися наплавленными каплями из синего, бирюзового и желтого стекла (рис. 12,27) найден в склепе № 321, датирующемся IV в. н. э. В Крыму подобные сосуды неизвестны. Восстановить его форму возможно только по аналогичным стаканам, орнаментированным разноцветным стеклом, найденным в галло-рейнском регионе и на Дунае [102, kat. 269]. Не исключено, что производились они в расположенных здесь стеклоделательных мастерских, действовавших в римское время.

* * *

Стеклянные сосуды в могильнике Нейзац найдены в грунтовых и подбойных могилах, склепах, детских погребениях, ямах с сосудами. Несколько фрагментов стеклянных сосудов на территории некрополя найдено в культурном слое, перекрывающем могилы [52, fig. 1,10; 124, с. 205, рис. 38,7].

Наиболее ранние стеклянные сосуды в могильнике Нейзац происходят из детских погребений. В могиле № 368 найдено два целых бальзамария разных типов, в могиле № 182 – горло одного бальзамария. Датируются они I–II вв. н. э.

⁴ Сомнения вызывает то, что кроме указанного овала, нанесенного шлифованием, на фрагменте имеется след от врезной линии. Если это часть орнамента, а не дефект, то этот сосуд стоит отнести к стаканам с орнаментом, сочетающим в себе элементы шлифовки и резьбы. К примеру, такой целый сосуд известен в склепе 38 могильника Суворово [117, рис. 5,7].

Обычай сопровождать взрослые и детские погребения стеклянными бальзамариями широко встречается в раннеримское время у варварского населения Юго-Западного Крыма. В могильниках центральной части крымских предгорий (Восточный некрополь Неаполя Скифского, Нейзац, Опушки) эта категория стеклянных сосудов практически не встречается [111, с. 510].

Ко II–III вв. н. э. можно отнести комплекс из могилы № 403, содержащий фрагмент стенки «чаши с ребрами» из толстого голубого стекла (рис. 12,24). Изготавливать такие сосуды начали еще в эллинистический период, и наибольшее распространение они получают в I–III вв. н. э. Известны находки «чаш с ребрами» в Херсонесе [116, рис. 16,1], городах Боспорского царства [38, кат. 54-56; 125, ил. 2,6,7], варварских памятниках крымских предгорий [10, рис. 2,3]. В детскую могилу № 403, скорее всего, был положен не целый сосуд, а именно его фрагмент. В погребениях могильников Бельбек II и Бельбек IV найдены стенки стеклянных сосудов, оправленных бронзовой проволокой, и выполняли они, по-видимому, роль талисманов [10, с. 97, рис. 2,3,3а,4,5]. Такую же функцию мог выполнять и фрагмент чаши из Нейзаца.

К III в. н. э. можно уверенно отнести стаканы со сферическим туловом и оплавленным краем из могил №№ 222 и 329 (кат. №№ 29, 30). Находки таких стаканов в Северном Причерноморье датируются III–IV вв. н. э. [12, с. 121; 8, с. 92]. Другие сосуды сложно с достаточной точностью отнести к III в., поскольку найдены они в комплексах, погребения в которых продолжали совершаться и в IV в. Возможно, к этому времени стоит относить появление стаканов на кольцевом и сплошном поддоне. Не вызывает сомнений, что их количество позднее резко возрастает. Можно предположить, что источником поступления стаканов на сплошном поддоне выступал Херсонес, поскольку именно из этого города и его округи происходят наиболее ранние известные в настоящий момент находки таких стаканов [32, рис. 7,22; 12, с. 121-122]. Стаканы на кольцевом поддоне, получившие широкое распространение в крымских предгорьях в IV в. н. э., известны еще в раннеримское время в варварских некрополях, расположенных также в окрестностях Херсонеса [10, с. 91]. На Боспоре они практически не встречаются.

К наиболее поздним находкам из могильника Нейзац относятся сосуды, орнаментированные каплями синего стекла. Появляются они в Северном Причерноморье в финале античности и получают широкое распространение в раннем средневековье.

В могильнике Нейзац найдены сосуды сиро-палестинского, египетского, возможно, италийского производства. По итогам изучения стеклянной посуды удалось выявить целую группу сосудов, которые попали к населению крымских предгорий в результате их контактов с племенами носителей культур германского круга. Это, прежде всего, стаканы, орнаментированные шлифованными овалами. Такие сосуды изготавливались в глиняных или камен-

ных формах из желто-зеленоватого, оливкового стекла путем прессования. Декор их выполнялся в холодную при использовании шлифовального круга, которым наносились овалы и прямые линии [126, с. 65]. Выдвигаются различные версии места производства этих сосудов. Эти центры исследователи размещали на Рейне, откуда через Северную Европу они попадали на Балтику и в Причерноморье, по другой версии стеклянные стаканы являлись продуктом восточно-средиземноморских или даже египетских мастерских. Полусферические стаканы со шлифованными овалами, найденные при раскопках в Бахрейне, датируются II–III вв. н. э. [127, р. 97]. В некрополях Zhagunluke и Yingpan (Синьцзян-Уйгурский автономный район (Xinjiang), Китай) в комплексах, датируемых периодом ранней династии Цзинь (265–420 гг.), найдены два сосуда со шлифованными овалами, которые авторы относят к предметам западного импорта [128, р. 59, 60, photo 2,11,12]. Известно, что через эту область в Китай попадали товары из Римской империи.

Некоторые исследователи считают, что место производства этих стеклянных сосудов стоит искать в варварских регионах Северного Причерноморья и в Византийской империи [129, р. 87]. Это предположение вызывает сомнение, поскольку сейчас нет каких-либо археологических свидетельств об изготовлении толстостенных кубков в северо-причерноморских стеклоделательных мастерских, расположенных в античных центрах и их округе (Херсонесе, Боспоре, Альма-Кермене). Н. П. Сорокина появление единичных экземпляров толстостенных кубков в Ольвии связывает с развитием торгово-средневековых отношений с носителями черняховской культуры [69, с. 203–204].

Э. А. Сымонович опровергал мнения западных исследователей относительно северо-причерноморского происхождения стеклянных кубков, аргументируя это отсутствием в принципе стеклоделия в городах Северного Причерноморья. Данные, которыми он пользовался, безнадежно устарели, но интересно другое его предположение. Э. А. Сымонович считал, что эти сосуды производились в ближневосточных ремесленных центрах, а их распространение в Северной и Восточной Европе связывал с переселением на границы западно-римских провинций античных мастеров. Отсюда стеклянные кубки и попадали к носителям черняховской культуры [130, с. 28–29]. Это предположение спорно, поскольку известные мастерские на Рейне не производили подобные кубки [87, с. 64]. На наш взгляд, не вызывает сомнений другое высказывание Э. А. Сымоновича о том, что в позднеимперское время налаживание торговых связей шло по тому же пути, что и переселение варваров из Северной Европы в Причерноморье [130, с. 30].

Не исключено, что первые экземпляры стеклянных стаканов со шлифованными овалами попали в Крым еще в конце III в. н. э. [53, с. 232]. В IV в. н. э. количество их возрастает [52, р. 214]. Каким образом эти сосуды попали в сарматско-аланскую среду, сказать сложно. Найдены они в могильниках Нейзац

и Дружное в комплексах, содержащих как местные (варварские и античные) вещи, так и предметы, связанные с германцами. Это предметы вооружения, украшения, керамические сосуды [131-133]. Теперь этот ряд могут пополнить и стеклянные кубки со шлифованными овалами.

К продукции западно-римских мастерских можно отнести стакан с геометрическим шлифованным орнаментом из склепа № 4 (рис. 6,40). Чаши, украшенные таким образом, известны в крымских предгорьях (Перевальное, Суворово) в комплексах III–IV вв. и связываются исследователями со стеклоделательными центрами, расположенными на Рейне [117, с. 206]. Сосуды со шлифованным геометрическим орнаментом производили и ремесленники, работавшие в римском лагере на Альма-Кермене, и стеклоделы в Танаисе⁵. Местом производства стаканов с усечено-коническим туловом на литой ножке, орнаментированных напаянными нитями, также стоит считать области, расположенные к западу от черноморского региона. Связывать появление стеклянных сосудов из Западной и Центральной Европы в Крыму стоит с усилением контактов в позднеримское время между обитателями полуострова и варварским населением Приднепровья, в частности с носителями черняховской культуры [52, р. 214].

При анализе стеклянной посуды из могильника Нейзац нельзя исключать и возможности ее производства в античных центрах Северного Причерноморья⁶. По нашему мнению, кувшин с усечено-коническим туловом из склепа № 4 (рис. 8,53) мог быть произведен в Танаисе. Целый ряд стаканов, колб и кувшинов орнаментирован тонкими напаянными нитями. В такой технике украшено большое количество стеклянных сосудов, найденных в окрестностях Херсонеса, что позволяет исследователям предполагать их херсонесское производство [10, с. 93].

Многие стаканы, кувшины, колбы, тарелки, чаша, найденные в комплексах II–IV вв. н. э., находят большое количество аналогий в синхронных памятниках предгорного и горного Крыма (Озерное III, Суворово, «Совхоз № 10», Инкерман, Черная речка, Ай-Тодор, Дружное, Перевальное и др.). В могильнике найдены сосуды, предназначенные для хранения и приема пищи, подачи ее к столу. Стеклянная посуда могла использоваться не только в культовых целях, но и в повседневной жизни варваров.

---

⁵ Возможность того, что стакан из склепа № 4 мог быть произведен в этих центрах, мы исключаем (если не учитывать аномально долгое использование сосуда), поскольку период функционирования стеклоделательной мастерской на городище Альма-Кермен относится ко второй половине II – началу III вв. н. э. [134, с. 20], а в Танаисе ограничивается серединой III в. н. э. [96, с. 188].

⁶ Следы стеклоделательного производства зафиксированы в Херсонесе [135, с. 239; 136, с. 80; 137, с. 324; 138, с. 147], Танаисе [96, с. 187], Горгиппии [24, с. 43-45], Фанагории [139, с. 56] и Китее [140, с. 80]. На основании анализа форм стеклянной посуды из комплексов некрополя Пантикапея Н. З. Кунина и Н. П. Сорокина выдвинули предположение о существовании здесь собственного производства стекла [112, с. 145-172].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
2. Шапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.
3. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen. Djakarta, 1957.
4. Ružić M. Rimsko staklo u Srbiji. Beograd, 1994.
5. Минчев А. Антично стъкло от Западното Черноморие (I–IV в.). II. Чаши // Известия на Народния музей Варна. 1988. № 24(39).
6. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158.
7. Воронов Ю.Н. К истории экономических связей Аписилии в IV–VII вв. // КСИА. 1973. Вып. 138.
8. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев, 1982.
9. Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч.1.
10. Сорокина Н.П., Гущина И.И. Стеклянные изделия из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
11. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin, 2002.
12. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum+. 2003-2004. №4.
13. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
14. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
15. Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. 1963. Вип. XIII.
16. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4.
17. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
18. The Bomford Collection of Pre-Roman & Roman Glass on loan to the City of Bristol Museum & Art Gallery. Bristol, 1976.
19. Liepmann U. Gläs der Antike. Hannover, 1982.
20. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
21. Храпунов И.Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
22. Allen D. Roman Glass in Britain. Shire Archaeology, 1998.
23. Сорокина Н.П. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // Античный мир и археология. 1977. Вып. 3.
24. Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла из античной Горгииппии. I–III вв. М., 2007.
25. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // ХСб. 2005. Вып. XIV.

26. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1974.
27. Храпунов И.Н. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2008. Вып. XXI.
28. Храпунов И.Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // ХСб. 2004. Вып. XIII.
29. Weinberg G.D., Goldstein S.M. Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia, 1988.
30. Dussart O. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth, 1998.
31. Рыжов С.Г. Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
32. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
33. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
34. Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследования позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum+. 2001-2002. № 4.
35. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. 1963. Вип. XIII.
36. Храпунов И.Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1.
37. Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. // БИ. 2008. Вып. XX.
38. Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.
39. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Симферополь, 2007.
40. Масыкин В.В. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах №22. Донецк, 2010.
41. Храпунов И.Н. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // Готы и Рим. Киев, 2006.
42. Храпунов И.Н., Масыкин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum+ ПАВ. СПб., 1997.
43. Šaranović-Svetek V. Antičko staklo u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije. Novi Sad, 1986.
44. Петраускас О.В., Пастернак В.В. Скляні посудини могильника черняхівської культури Велика Бугаївка в Середньому Подніпров'ї // Археологія. 2003. № 4.
45. Eggers H.J. Der römische Import in freien Germanien. Hamburg, 1951.
46. Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1972. № 4.
47. Straume E. Facettslipte glass i nordiske graver fra 4. og 5. arhundrede e.Kr. Oslo, 1984.
48. Straume E. Glaeser mit Facettenschliff aus skandinavischen Graeben des 4. Und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo, 1987.
49. Lund Hansen U. Römischer Import im Norden // Nordiske Fortidsminder. Serie B. 1991. Bd. 10.
50. Ekholm G. Scandinavian Glass Vessels of Oriental Origin from the First to the Sixth Century // Journal of the Glass Studies. 1963. Vol. V.
51. Khrapunov I. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetry of Neyzats in the Crimea // Turbulent Epoch I. Lublin, 2008.

52. Shabanov S. Glass Beakers with Polished Ovals from the Late Roman Period in the Crimea // *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand; Simferopol, 2011.
53. Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945-1959 гг. // *МИА*. 1962. №103.
54. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия (II в. н. э. – V в. н. э.) в Восточной Европе // *САИ*. М., 1970. Вып. Д1-27.
55. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
56. Сымонович Э.А. Стекланные кубки из Журавки // *КСИА*. 1964. Вып. 102.
57. Сымонович Э.А. Стекланная посуда из Поднепровско-Причерноморских памятников Черняховской культуры // *СА*. 1977. № 1.
58. Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
59. Росохацкий А.А. Стекланные кубки из памятников черняховской культуры степной зоны междуречья Днестра и Дуная // *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев, 1987.
60. Barkoczi L. Pannonische Glassfunde in Ungarn // *Acta Archaeologica*. Budapest, 1988. IX.
61. Pánczál S., Dobos A. Facet cut Glass Vessels of the Late 3rd to 5th century AD. Analysis of Finds from North Danubian Romania // *Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st Millennium AD. Cultural artefacts and local identities*. Cluj-Napoca, 2007.
62. Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.
63. Gavritukhin I. Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Periods // *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand; Simferopol, 2011.
64. Holland I. Sustaining Life. Vessel import to Norway in the first millennium AD. Stavanger, 2001.
65. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // *Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени*. СПб., 1992.
66. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия (II в. н. э. – V в. н. э.) в Восточной Европе // *САИ*. М., 1970. Вып. Д1-27.
67. Шабанов С.Б. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (1996-2010 гг.) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.
68. Сорокина Н.П. О стекланных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // *СА*. 1971. № 4.
69. Сорокина Н.П. Позднеантичное стекло из Ольвии // *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976.
70. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.
71. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // *МАИЭТ*. 1990. Вып. I.

72. Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея – Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев, 2004.
73. Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // БИ. 2004. Вып. V.
74. Яценко Е.Г. Коллекция стеклянных изделий из Танаиса IV–V вв.н.э. // Древности Боспора. 2007. Вып. 11.
75. Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. № 19.
76. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
77. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VII.
78. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.
79. Maćczyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The Early Mediaeval Cemetery of Almalyk-Dere near the Foot of Mangup // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand; Simferopol, 2011.
80. Храпунов И.Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
81. Засецкая И.П. О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3.
82. Voronov Y. Tsibilium I. La nécropole apside de tsibilium Les fouilles de 1977-1986. BAR International Series, 2007.
83. Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М., 2008.
84. Petković S., Ružić M., Jovanović S., Vuksan M., Zoffmann Zs. Roman and Medieval necropolis in Ravna near Knjaževac. Belgrade, 2005.
85. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
86. Гошкевич В.И. Древние городища по берегам низового Днепра // Известия Императорской археологической комиссии. 1913. Вып. 47.
87. Doppelfeld O. Römisches und Fränkisches Glas in Köln. Köln, 1966.
88. Храпунов И.Н. Погребения детей из могильника Нейзац // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч.1.
89. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. М., 1981.
90. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
91. Храпунов Н.И. О монетах из могильника Озерное III // ПИФК. 2010. № 3.
92. Храпунов И.Н. Три подбойные могилы IV в. н. э. из некрополя Дружное // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
93. Кобылина М.М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. // МИА. 1941. № 4.
94. Canivet M.T.F. I vetri romani di Cornus conservati al Museo di Cagliari // Journal of Glass Studies. 1969. Vol. XI.
95. Čadik J. Graeco-Roman and Egyptian Glass. A Guide to the exhibition at the National Museum in Prague. Prague, 1970.
96. Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М. Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. №2.
97. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. М., 1965.

98. Jacenko E.G. GlasgefäÙe der Römerzeit und Spätantike aus Tanais // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für archäologie Eurasiens*. 2005. Band 11.
99. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
100. Lazar I. *The Roman Glass of Slovenia*. Ljubljana, 2003.
101. Sternini M. *Il vetro in Italia tra V–IX secoli // Verre de l'antiquité tardive et du haut Moyen Age*. Guiry-En-Vexin, 1995.
102. *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Trierer Grabungen und Forschungen. Band IX. Mainz am Rhein*, 1977.
103. Dolores Sanchez de Prado M. *El Vidrio Romano en la provincia de Alicante // Lucentum*. 1984. № 3.
104. Sennequier G. *Roman Glass found in Upper Normandy // Journal of Glass Studies*. 1994. Vol. 36.
105. Foy D. *La verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Méditerranéenne premier essai de typo-chronologie // Verre de l'antiquité tardive et du haut Moyen Age*. Guiry-En-Vexin, 1995.
106. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции // *Археологический альманах*. 2010. № 23.
107. Feyeux J. *La typologie de la verrerie mérovinienne du nord de la France // Verre de l'antiquité tardive et du haut Moyen Age*. Guiry-En-Vexin, 1995.
108. Засецкая И.П. Хронология стеклянных колбообразных сосудов из Боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // *БИ*. 2005. Вып. X.
109. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // *ХСб*. 2006. Вып. XV.
110. Gorontcharovskiy V.A. *Iluration: A Fortress of the 1st-3rd centuries AD on the European Kimmerian Bosporos // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. II. BAR. International Series 1675 (II)*, 2007.
111. Шабанов С.Б. Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац // *БИ*. 2010. Вып. XXIV.
112. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // *ТГЭ*. 1973. Вып. XIII.
113. Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // *Древности степного Причерноморья и Крыма*. 1995. Вып. V.
114. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев, 1983.
115. Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Новые раскопки могильника Бельбек IV // *Древняя Таврика*. Симферополь, 2007.
116. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.
117. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // *ХСб*. 2003. Вып. XII.
118. Труфанов А.А. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // *Stratum+*. 2010. № 4.
119. Goldstein S. *Pre-Roman and Early Roman Glass in The Corning Museum of Glass*. New-York, 1979.
120. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // *МАИЭТ*. 1991. Вып. II.

121. Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н. э.). Симферополь, 2003.
122. Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.
123. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Охранные работы в Бахчисарайском районе // Археологические исследования в Крыму. 1995 год. Симферополь, 2005.
124. Власов В.П., Смокотина А.В., Храпунов И.Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
125. Яценко Е.Г. Стеклянные сосуды I – середины II вв. н. э. из раскопок городища Танаиса // Novensia. 2008. №18-19.
126. Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
127. Andersen S.F. The Tylos Period Burials in Bahrain. Vol. 1. The Glass and Pottery Vessels. Aarhus University, 2007.
128. Ancient Glass research along the Silk road / Edit. Gan Fuxi, Robert H Brill, Tian Shouyun. 2009.
129. Lund Hansen U. Contacts during the 3.-5. c. AD between South Scandinavia and the Black Sea - Illustrated by Late Roman Glass and Jewellery // International conference «Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period». October, 21-25, 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine. Abstracts. Simferopol, 2010.
130. Сымонович Э.А. Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Дона // КСИА. 1957. Вып. 69.
131. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. 2003. Вып. III.
132. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // БИ. 2004. Вып. V.
133. Власов В.П. Трехручные сосуды из могильника Дружное // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
134. Висотська Т.М. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму // Археологія. 1964. Т. XVI.
135. Белов Г.Д. Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1965. № 3.
136. Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116.
137. Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
138. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округи. Т. II (60-е гг. XX в. – 2005 г.). Симферополь, 2009.
139. Долгооруков В.С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143.
140. Молев Е.А. Боспорский город Китей // БИ. Симферополь; Керчь, 2010. Suppl. 6.
141. Кунина Н.З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // ТГЭ. 1984. Вып. XXIV.

Шабанов С. Б.

**Стеклянные сосуды из могильника Нейзац
(по материалам раскопок 1996-2011 гг.)**

Резюме

За время исследования могильника Нейзац (1996, 1997, 1999-2011 гг.), расположенного в центре предгорного Крыма (с. Баланово Белогорского района АРК), обнаружено 154 стеклянных сосуда. Среди них стаканы, кувшины, колбы, бальзамарии, тарелки, чаши. Большая часть сосудов фрагментирована. Обнаружены они в грунтовых и подбойных могилах, склепах, детских погребениях, ямах с сосудами.

В могильнике Нейзац найдены сосуды сиро-палестинского, египетского, итальянского, возможно, северо-причерноморского производства. По итогам изучения стеклянной посуды удалось выявить целую группу сосудов, которые попали к населению крымских предгорий в результате их контактов с племенами носителей культур германского круга.

Многие стаканы, кувшины, колбы, тарелки, чаша, найденные в комплексах II–IV вв. н. э., имеют большое количество аналогий в синхронных памятниках предгорного и горного Крыма (Озерное III, Суворово, «Совхоз №10», Инкерман, Черная речка, Ай-Тодор, Дружное, Перевальное и др.).

Шабанов С. Б.

**Скляні посудини з могильника Нейзац
(за матеріалами розкопок 1996-2011 рр.)**

Резюме

За час дослідження могильника Нейзац (1996, 1997, 1999-2011 рр.), розташованого в центрі передгірського Криму (с. Баланово Білогірського району АРК) виявлено 154 скляні посудини. Серед них стакани, глики, колби, бальзамарії, тарілки, чаші. Велику частину посудин фрагментовано. Виявлені вони в ґрунтових і підбійних могилах, склепах, дитячих похованнях, ямах з посудинами.

У могильнику Нейзац знайдені посудини сиро-палестинського, єгипетського, італійського, можливо, північно-причорноморського виробництва. За підсумками вивчення скляного посуду удалось виявити цілу групу посудин, які попали до населення кримських передгір'їв в результаті їх контактів з племенами носіїв культур германського кола.

Багато стаканів, глики, колби, тарілки, чаша, знайдені в комплексах II–IV ст. н. е., мають велику кількість аналогій в синхронних пам'ятках передгірського та гірського Криму (Озерне III, Суворово, «Радгосп №10», Инкерман, Чорна річка, Ай-Тодор, Дружне, Перевальне та ін.).

Shabanov S. B.

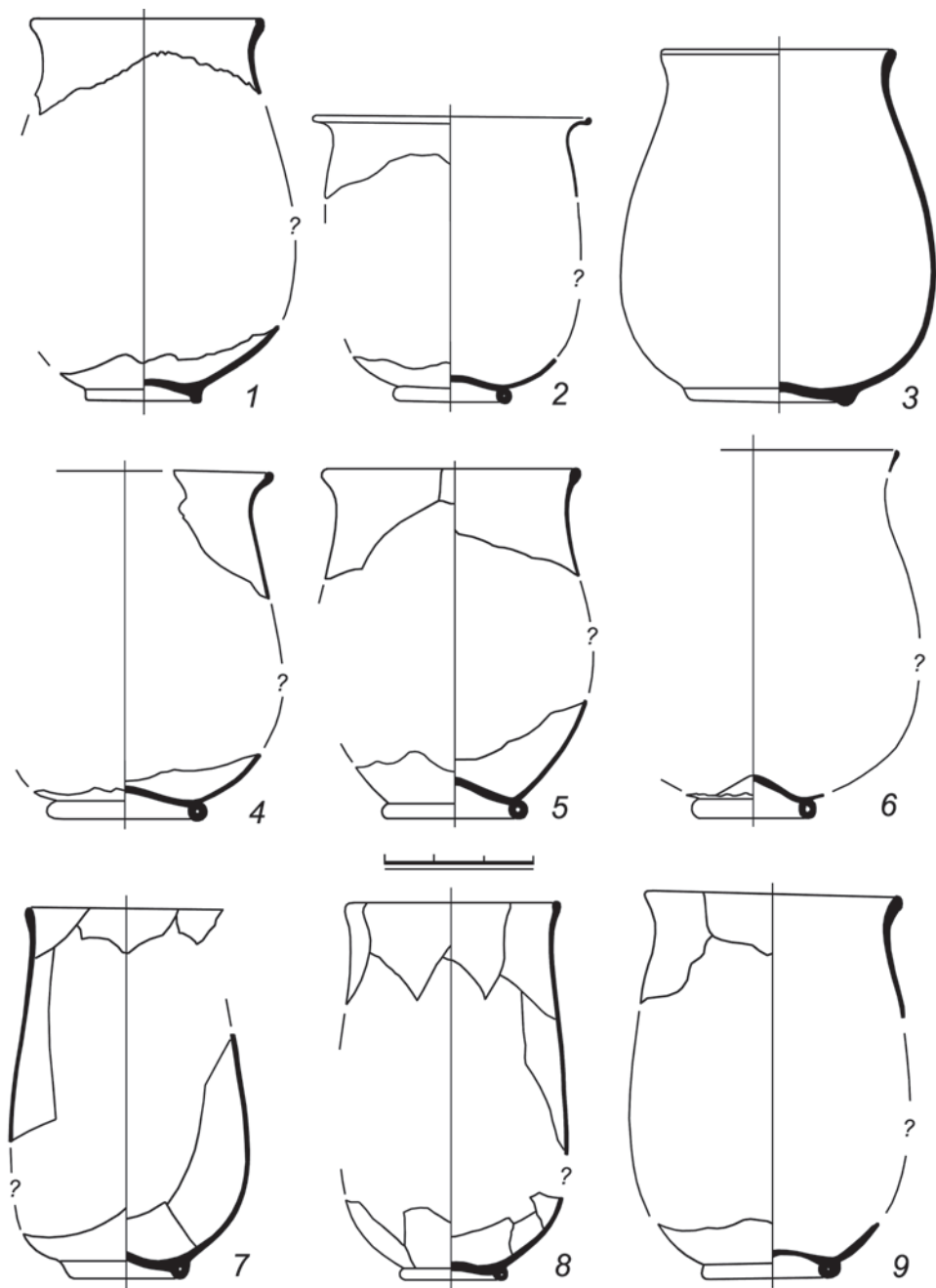
**Glass Vessels from Neizatz Cemetery
(on the Materials of Excavations in 1996-2011)**

Summary

During the research of Neizatz cemetery (in 1996, 1997, 1999-2011) situated in the center of piedmont Crimea (the village of Balanovo, Belogorsk district of Autonomous Republic of Crimea) 154 glass vessels were found. Among them there were glasses, jugs, flasks, balsamaria, plates, and bowls. They were discovered in underground and shaft-and-chamber graves, vaults, childrens burials and pits with vessels.

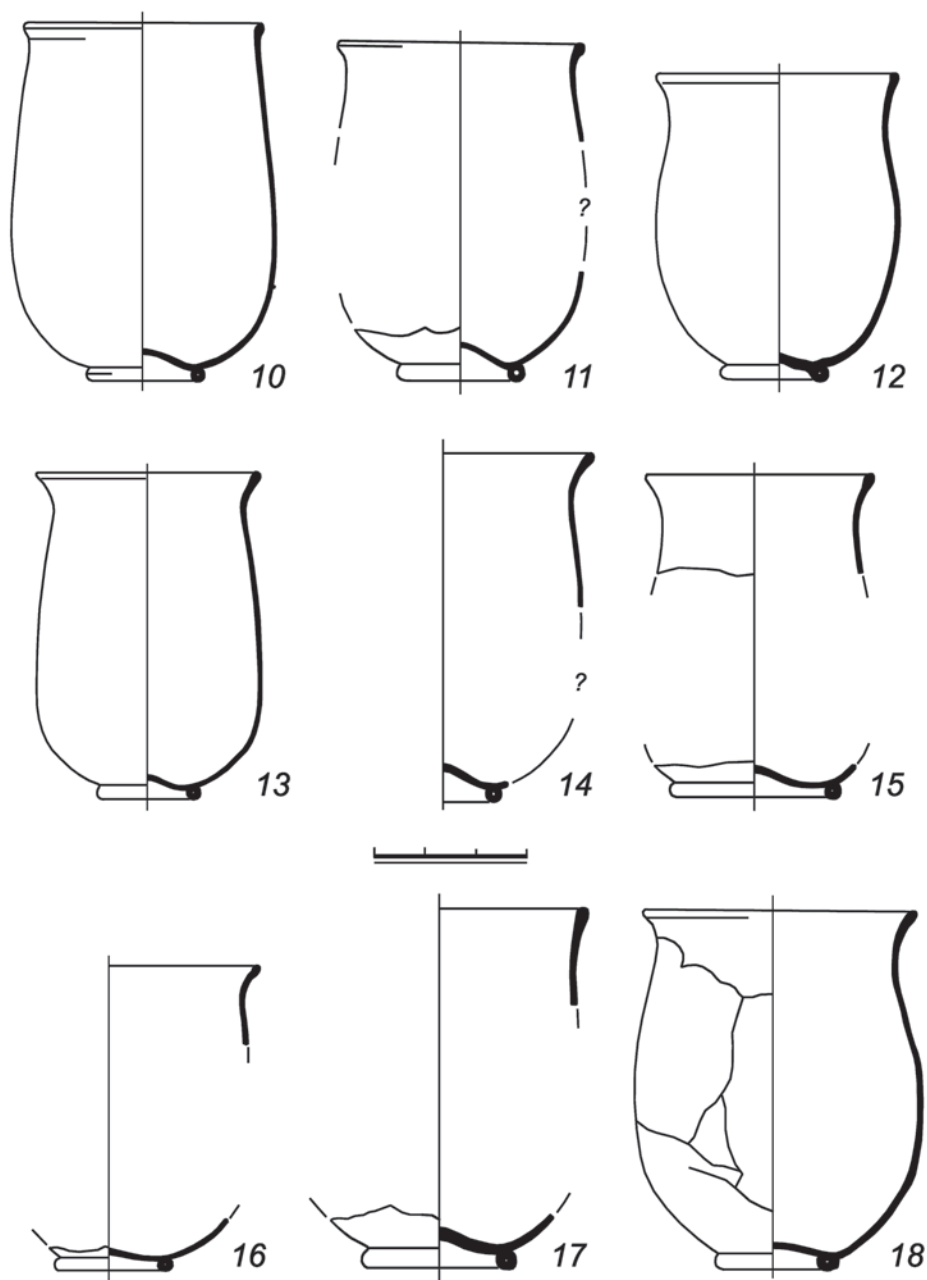
In Neizatz cemetery vessels of Syro-Palestine, Egyptian, Italian, and, probably, of the Northern Black Sea Coast manufacture were found. Basing on the results of studying glass houseware, it became possible to reveal a whole group of vessels which came to the population of Crimean foothill as a result of their contacts with tribes bearers of German culture.

Many glasses, jugs, flasks, plates, and a bowl found in complexes dating to the 2nd - 4th centuries AD have many analogies in synchronous monuments of foothill and mountainous Crimea (Ozernoye III, Suvorovo, «Sovkhoz N10», Inkerman, Chernaya Rechka, Ai-Todor, Druzhnoye, Perevalnoye and others).

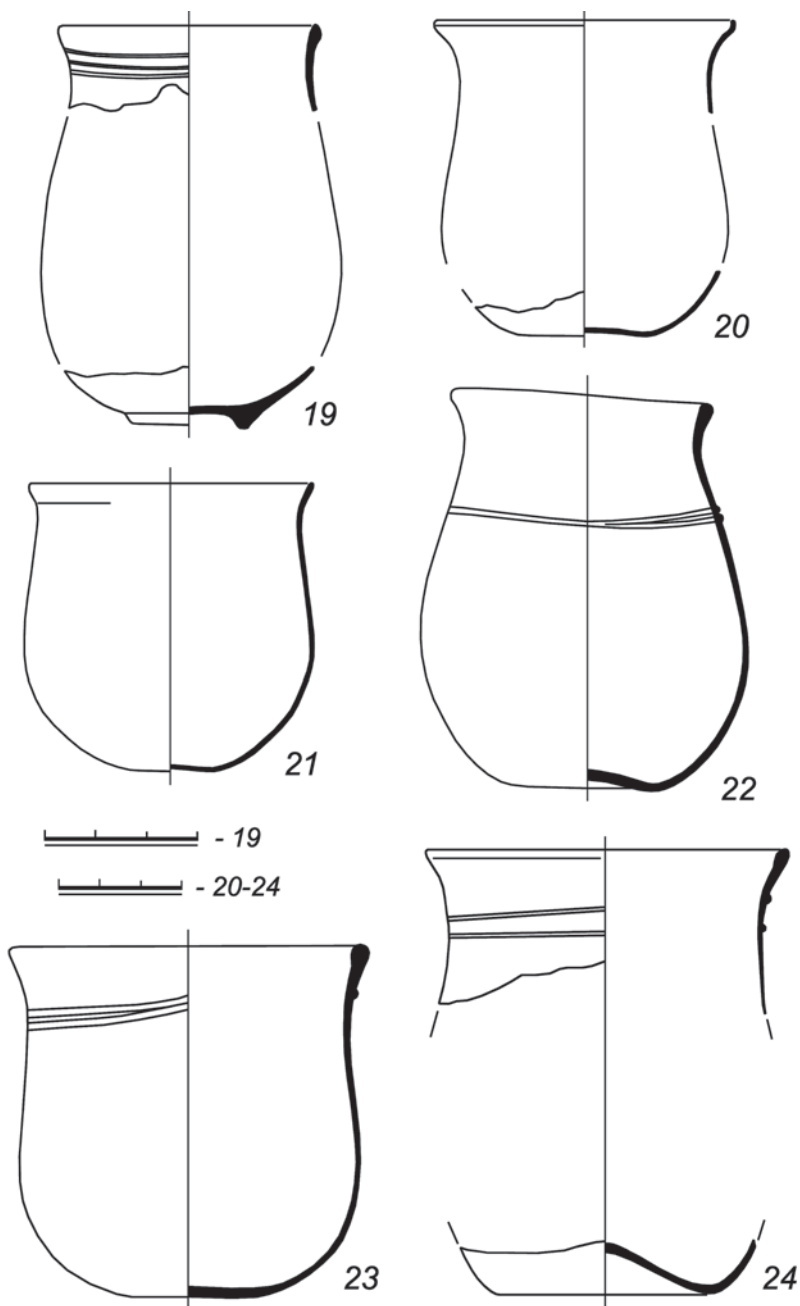
Рис. 1. Стекло́нные стака́ны.

1 – мог. 371; 2 – скопление сосудов № 2(5); 3 – мог. 4; 4 – мог. 15; 5 – мог. 19; 6 – мог. 21; 7, 8 – мог. 22; 9 – скопление сосудов над мог. 100.

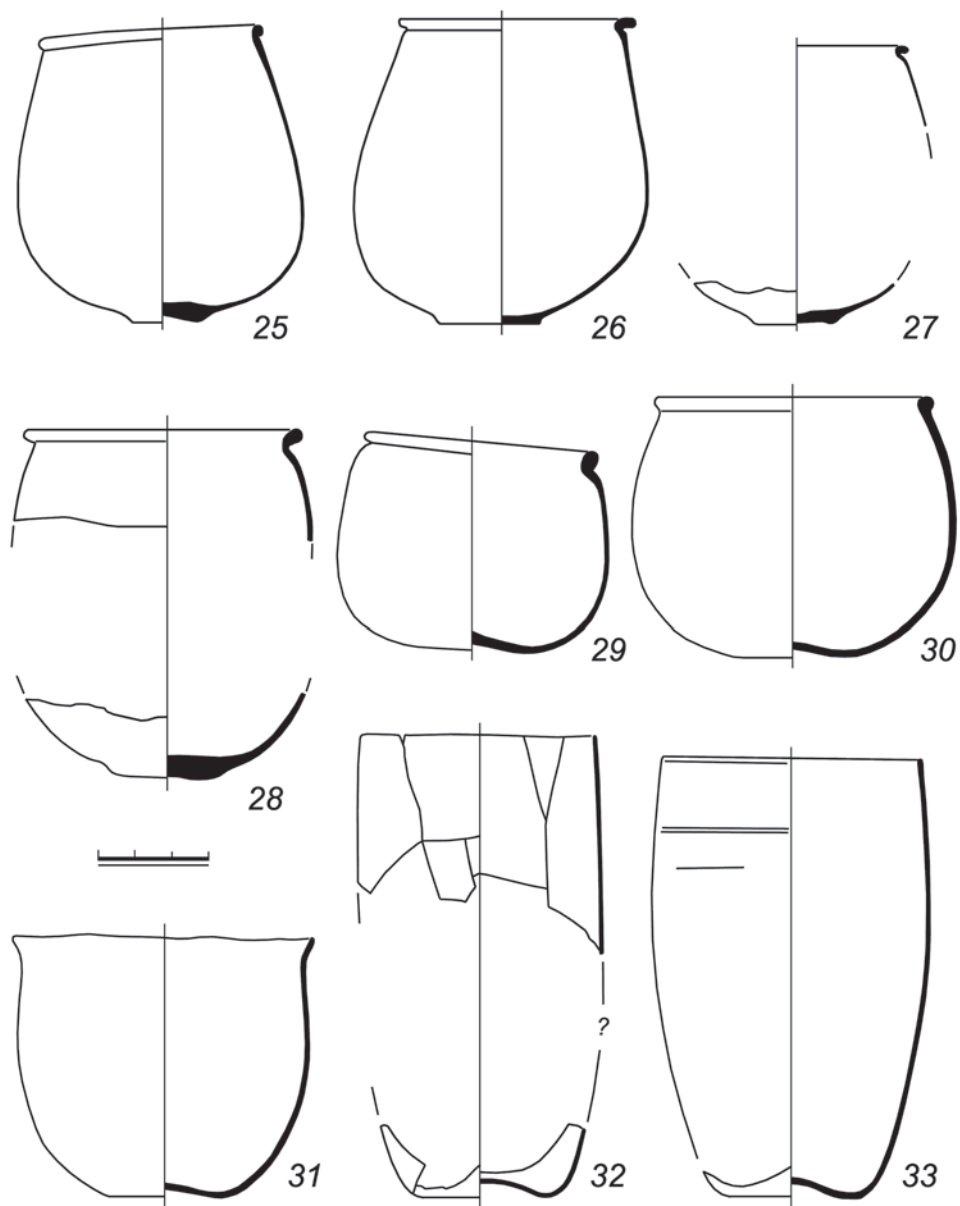
Рис. 2. Стекланные стаканы.

10 – скопление над мог. 148; 11 – мог. 163; 12 – мог. 180; 13 – мог. 219; 14 – мог. 224; 15 – мог. 305; 16, 17 – мог. 306; 18 – мог. 466.

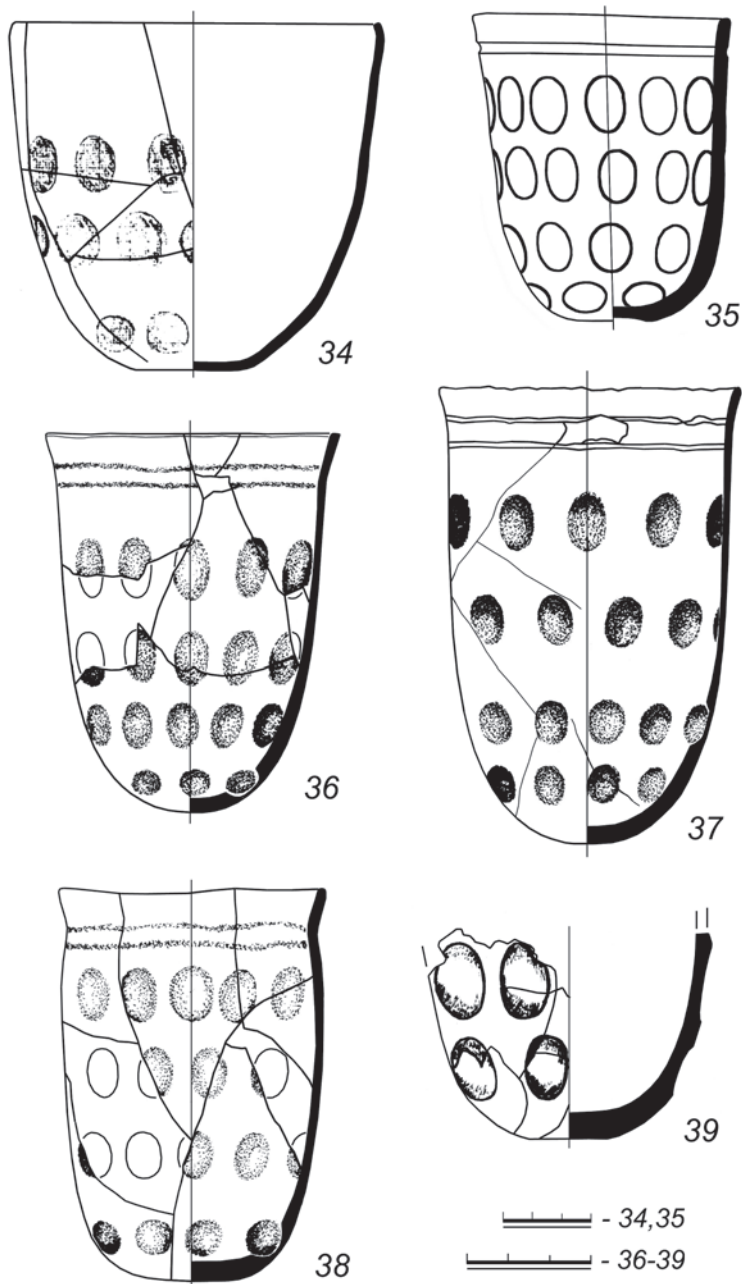
Рис. 3. Стекланные стаканы.

19 – мог. 33; 20 – мог. 280; 21, 23 – мог. 220; 22 – мог. 306; 24 – мог. 468.

Рис. 4. Стекланные стаканы.

25 – мог. 4; 26 – мог. 139; 27 – мог. 201; 28 – мог. 306; 29 – мог. 329; 30 – мог. 222; 31 – скопление сосудов X; 32 – мог. 22; 33 – мог. 125.

Рис. 5. Стекланные стаканы.

34 – мог. 139; 35 – мог. 301; 36-38 – мог. 275; 39 – скопление сосудов № 15.

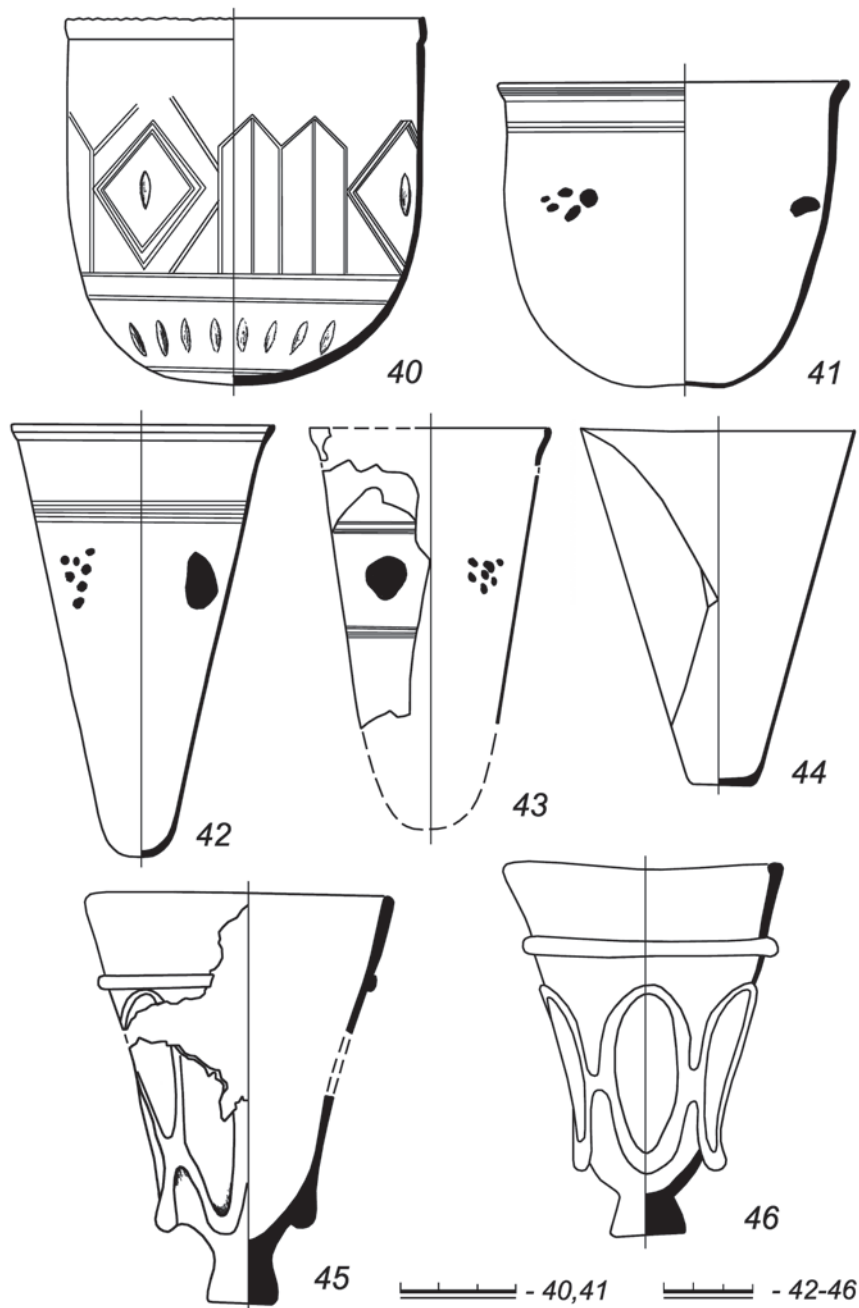
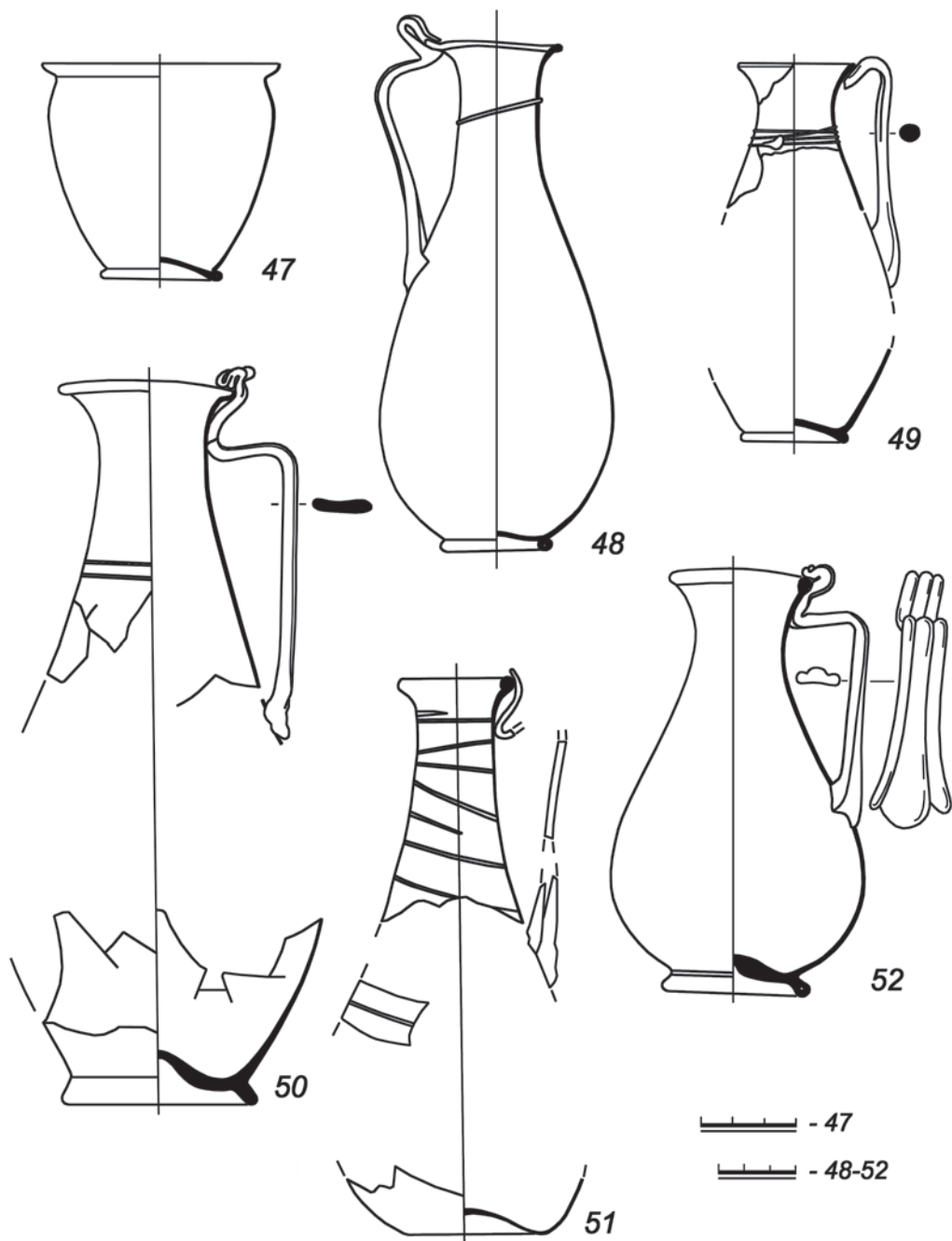

Рис. 6. Стекланные стаканы.

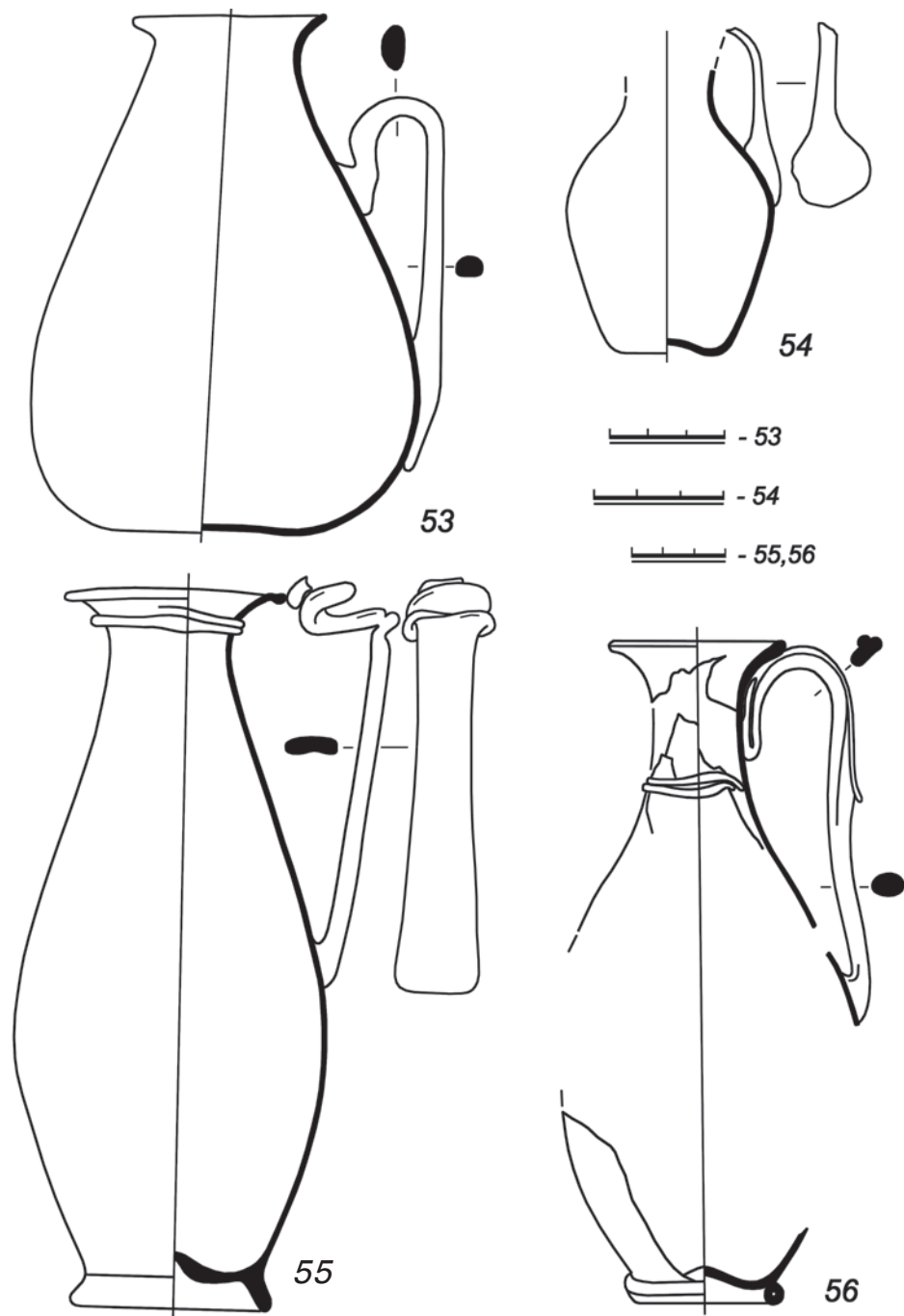
40 – мог. 4; 41 – яма с сосудами № 6; 42 – мог. 115; 43, 45 – мог. 485; 44 – мог. 424; 46 – скопление сосудов XI.

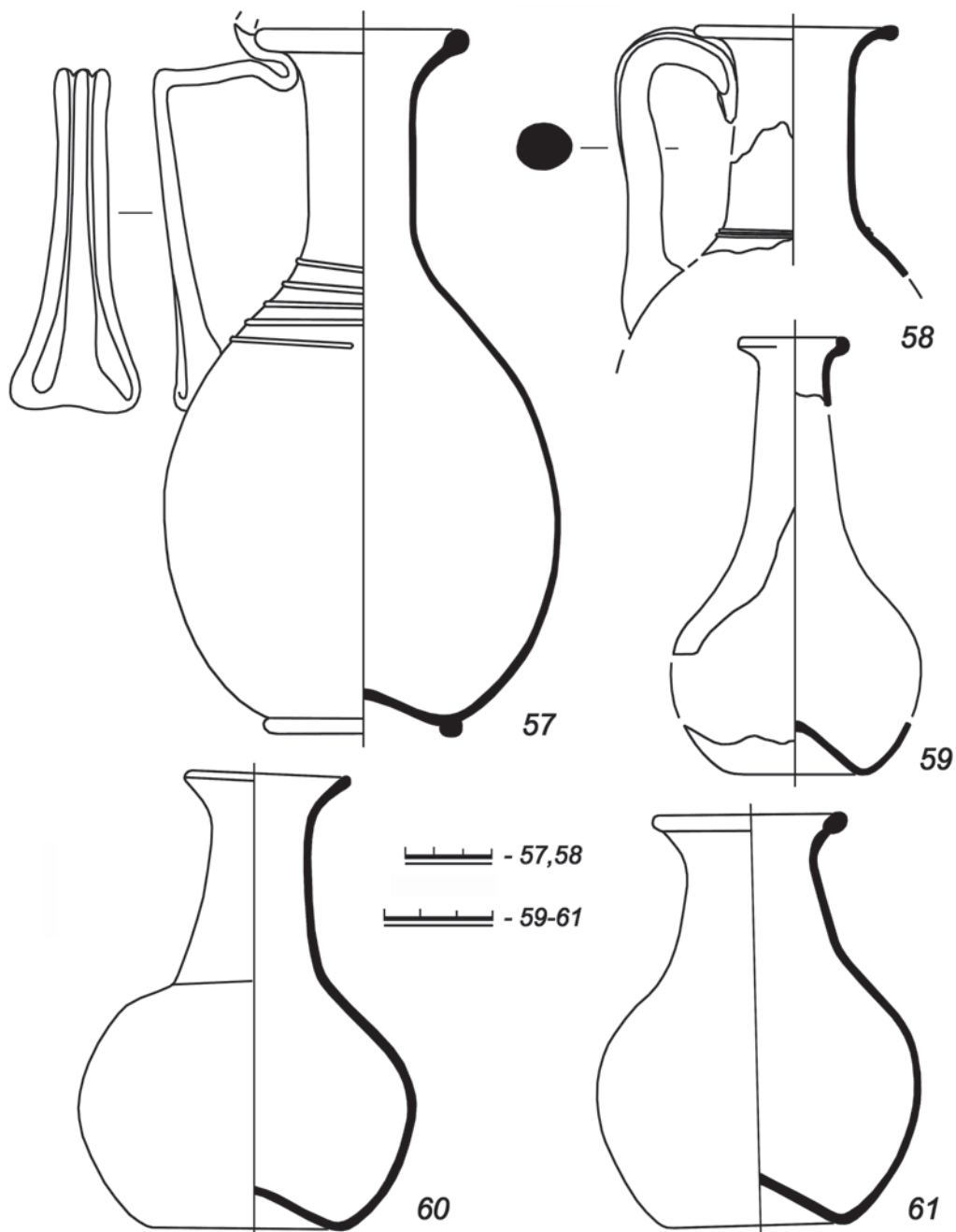

Рис. 7. Стеклоый стакан и кувшины.

47 – мого. 285; 48 – мого. 301; 49 – мого. 280; 50, 52 – мого. 4; 51 – мого. 230.

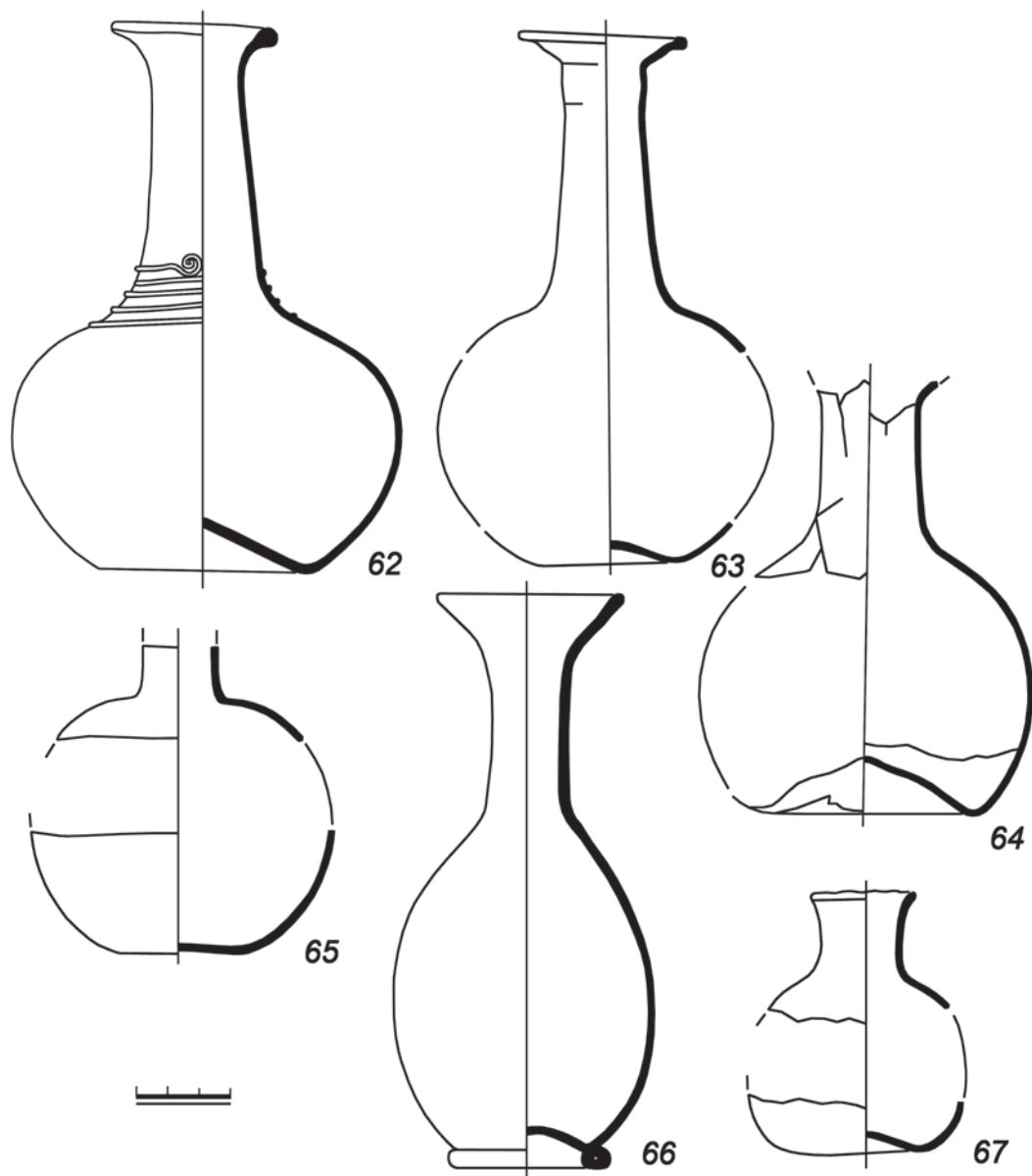

Рис. 8. Стекланные кувшины.
53, 55 – мог. 4; 54 – мог. 279; 56 – мог. 275.

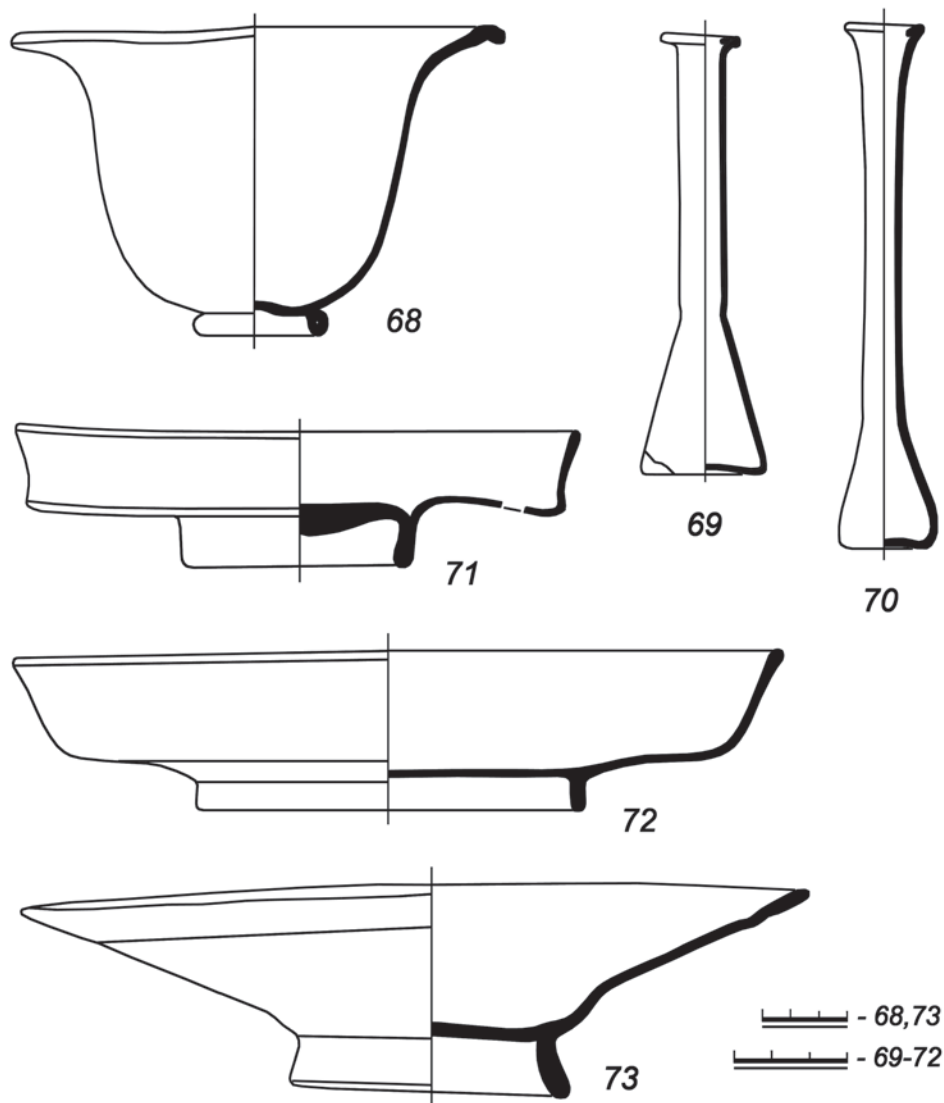
Рис. 9. Стекланные кувшины и колбы.

57—яма с сосудами № 16; 58—мог. 461; 59—скопление сосудов VII; 60—мог. 148; 61—мог. 180.

Рис. 10. Стекланные колбы.

62 – яма с сосудами № 2; 63 – мог. 200; 64 – мог. 4; 65 – мог. 327; 66 – яма с сосудами № 6; 67 – скопление сосудов XIV.

Рис. 11. Стекло́нная чаша, тарелка, блюдо и бальзамарии.

68 – мог. 148; 69, 70 – мог. 368; 71 – мог. 200; 72 – мог. 306; 73 – мог. 4.

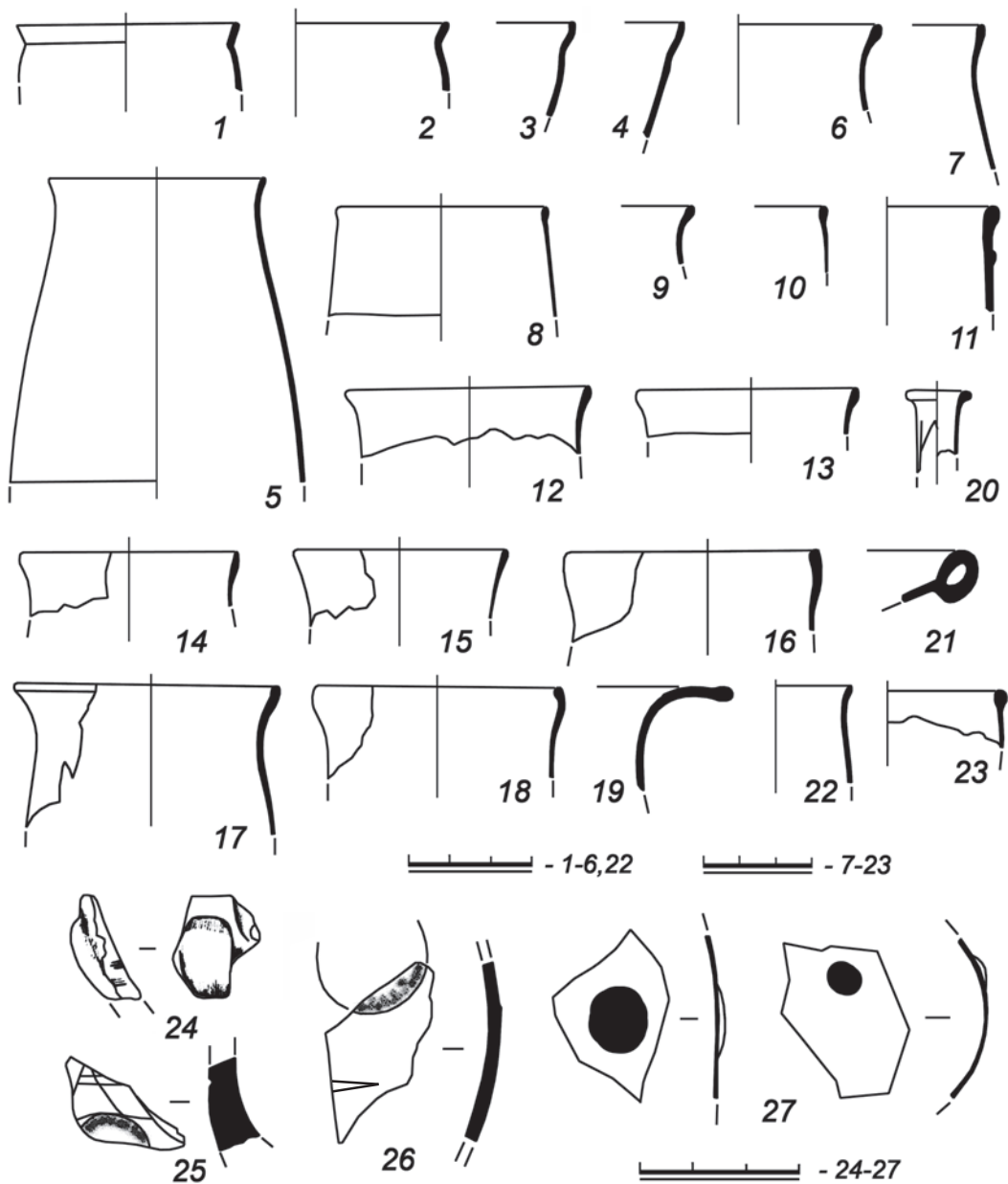
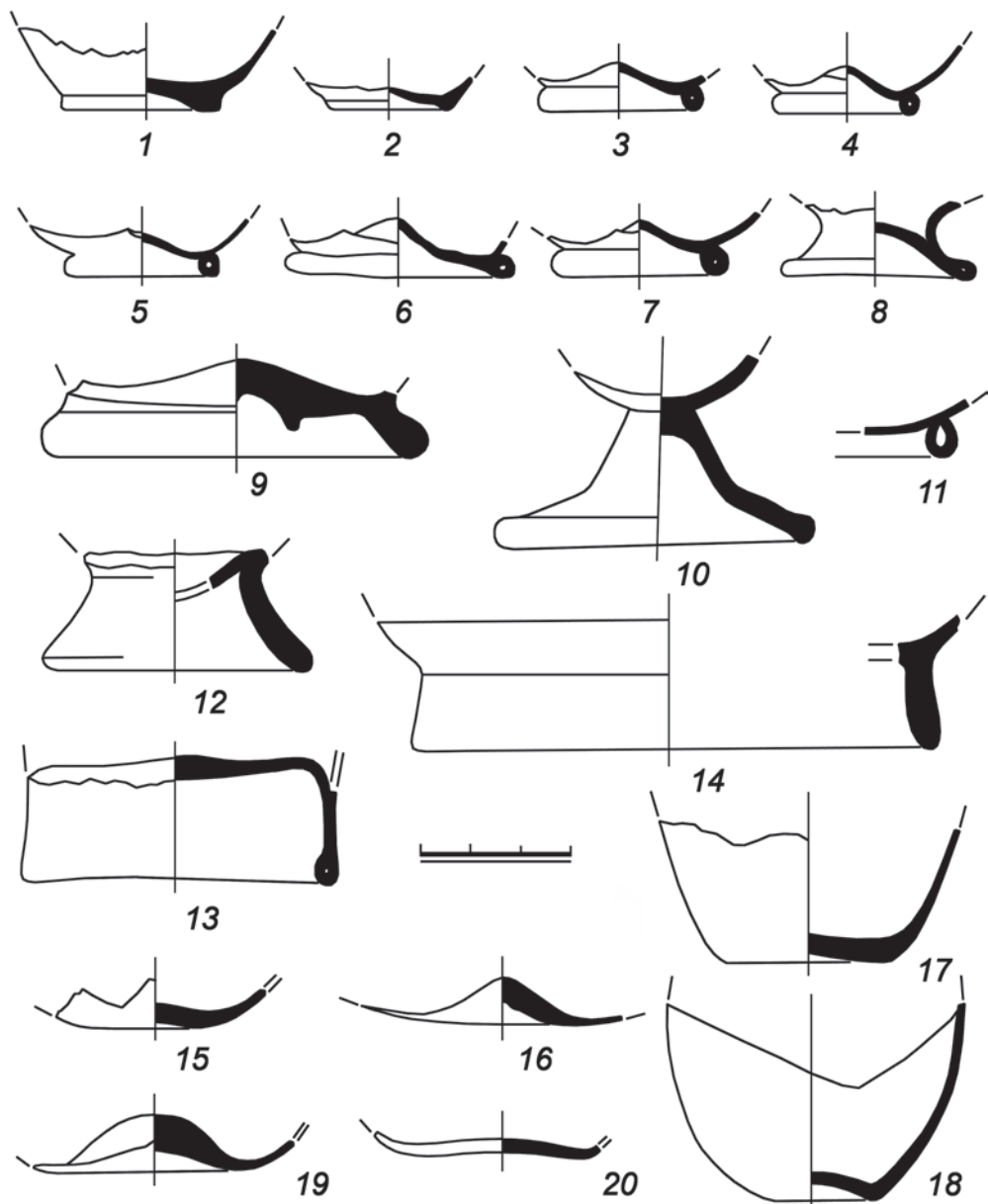

Рис. 12. Фрагменты венчиков (1-23) и стенок (24-27).

1 – мог. 4; 2 – мог. 200; 3 – мог. 327; 4 – скопление сосудов VI; 5, 8 – мог. 377; 6 – мог. 338; 7 – мог. 111; 9 – мог. 306; 10 – мог. 367; 11 – мог. 222; 12 – мог. 263; 13 – мог. 305; 14, 15 – мог. 424; 16 – натечный слой (раскопки 2011 г.); 17 – мог. 491; 18 – мог. 478; 19 – мог. 38; 20 – мог. 185; 21 – мог. 22; 22 – мог. 306; 23 – мог. 169; 24 – мог. 403; 25 – мог. 104; 26 – мог. 198; 27 – мог. 321.

Рис. 13. Фрагменты доньев.

1 – мог. 4; 2, 14 – мог. 476; 3 – мог. 332; 4 – мог. 338; 5 – натечный слой (раскопки 2011 г.); 6 – мог. 388; 7 – мог. 330; 8, 18 – мог. 200; 9 – мог. 102; 10, 17 – мог. 306; 11 – мог. 22; 12 – мог. 18; 13 – мог. 258; 15, 16 – мог. 377; 19 – мог. 39; 20 – мог. 305.

И. Н. ХРАПУНОВ

**ПОДБОЙНАЯ МОГИЛА
С ДВУМЯ ПОГРЕБЕНИЯМИ III в. н. э.
ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ**

Могильник Нейзац расположен в центре крымских предгорий, в долине реки Зуя, приблизительно в 20 км к востоку от Симферополя. В ходе исследований, ведущихся с 1996 года, на его территории изучено 492 погребальных сооружений, в том числе 78 склепов, 167 подбойных и 247 грунтовых могил [1]. В настоящей работе публикуются результаты раскопок подбойной могилы № 300, содержавшей выразительный погребальный инвентарь, характерный как для могильника Нейзац, так и для синхронных ему памятников, расположенных в предгорной зоне Крыма.

Прямоугольная в плане входная яма этой могилы ориентирована с запада на восток (рис. 1). Ее размеры 2,45x1,1 м, глубина от уровня материка 1,4 м, от современной дневной поверхности - 2,2 м. В северной стене входной ямы на высоте 0,8 м от дна вырублена ниша. Ее размеры 0,5x0,5x0,5 м. В нише находились железные удила (рис. 1,1; 6,3). В заполнении входной ямы обнаружены многочисленные, лежавшие в беспорядке кости лошади. Там же находились обломки амфор, краснолаковых и лепных сосудов. Один из них сохранил полный профиль (рис. 3,1).

Подпрямоугольный в плане подбой вырублен в южной стене входной ямы. Его размеры 2,65x1,4 м. Подбой отделялся от входной ямы закладом, состоящим из крупных (1,0x0,65, 1,1x0,7 м и т.п.), поставленных в два ряда плит.

В подбое совершили два захоронения (рис. 2). Погребенных положили рядом друг с другом, в вытянутом положении на спине, головой на восток. В головах, у восточной стены подбоя стояла амфора (рис. 2,8; 3,3), под ней обнаружена железная пряжка (рис. 2,22; 6,2), рядом находились накладки (рис. 2,16,17; 4,7,8) и наколенники (рис. 2,9-11,13,18,20; 4,1-6) ремней, а также бляшки (рис. 2,12,14,15,19,23; 5,5-9), очевидно, представлявшие собой остатки конской сбруи. Там же лежали кости животных, обломки трех ножей (рис. 2,21,24,48; 6,4-6), пряслице (рис. 2,25; 6,1) и две бусины (рис. 2,26; 9,21). Поодаль от этого скопления предметов находились железные пряжка (рис. 2,7; 6,8) и удила (рис. 2,27; 8,1).

Погребение I располагалось вдоль южной стены подбоя. У черепа находились серьги (рис. 2,28,29; 5,2; 7,10), на месте груди – многочисленные бусы (рис. 2,30; 9,3-9,11-20), две подвески-лунницы (рис. 2,31,32; 4,9,10) и на месте левой части груди – очень крупная лучковая фибула с надетым на нее кольцом (рис. 2,33; 5,1). На руки погребенной надели по браслету (рис. 2,34,42; 5,4; 7,9). У кисти левой руки расчищено скопление предметов, в том числе четыре крупные бусины (рис. 2,36,37,39,46; 9,1,2,10,27), бронзовая пронизка (рис. 2,38; 7,4), зеркало (рис. 2,45; 7,11), три колокольчика (рис. 2,41,43,44; 7,5-7). Там же находился пластинчатый перстень (рис. 2,40; 7,8), вероятно, надетый на палец. У правого бедра стояла краснолаковая миска (рис. 2,35; 3,2). В ногах расчищено множество бус (рис. 2,47; 9,22-25,28-37), очевидно, от обшивки подола.

Погребение II располагалось ближе к закладу. На месте груди обнаружена железная фибула (рис. 2,6; 8,2). На левую руку был надет браслет (рис. 2,5; 5,3). Под левой бедренной костью лежала пряжка (рис. 2,4; 7,1).

У западной стены подбоя обнаружены лежавшие рядом две пряжки (рис. 2,1,2; 7,2,3) и оселок (рис. 2,3; 6,7). В заполнении подбоя найдены две серебряные бляшки (рис. 5,10,11).

Ниже охарактеризуем наиболее выразительные категории погребального инвентаря. Наконечники ремней, накладки на ремни и бляшки, очевидно, представляли собой остатки конской сбруи.

Наконечники ремней, каждый из которых состоит из двух секировидных пластин, скрепленных заклепкой. Два наконечника целиком бронзовые (рис. 4,1,2), у двух других внешняя пластина серебряная, внутренняя – бронзовая (рис. 4,3,5). Это весьма редкий тип наконечников. Точная аналогия обнаружена только в сарматском погребении конца II – начала III вв. н. э. из Визешдпусты на территории современной Румынии, где найдено два таких наконечника [2, S. 205, Abb. 1,13,14].

Наконечники ремней, каждый из которых состоит из двух расширяющихся в верхней и в нижней части пластин, скрепленных заклепкой (рис. 4,4,6). Внешние пластины серебряные, внутренние – бронзовые. Похожий наконечник входил в состав гарнитуры ремня, найденного в могильнике западных балтов Nikitowo. Он датируется фазой В₂, то есть временем, близким к середине II в. н. э. [3, s. 108, гус. 5,11].

Бронзовые, прямоугольные накладки на ремень, с двумя заклепками каждая (рис. 4,7,8). Похожие накладки найдены в Усть-Альминском могильнике в Крыму [4, рис. 91,1,8], в катакомбе кургана 15 позднесарматского могильника Кубей в Северо-Западном Причерноморье [5, с. 21, рис. 21,3 = 6, fig. 10,2]. В Визешдпусте в Румынии в погребении конца II – начала III вв. н. э. обнаружены две такие накладки, с той разницей, что у одной из них (вторая обломана) было три, а не две заклепки [2, S. 205, Abb. 2,4,5]. В погребении IV в. н. э. Утамышского кургана № 2 в Прикаспийском Дагестане оказался наконечник

ремня, состоявший из двух пластин, каждая из которых аналогична по форме нашим накладкам [7, с. 57, рис. 10,8].

Подобные накладки украшали ремень из могильника вельбарской культуры Pruszcz Gdanski. находка датируется фазой B₂, то есть, приблизительно, серединой II в. н. э. Еще одна накладка на тот же ремень, его наконечник и пряжка не имеют аналогий в Восточной Европе [3, s. 103, гус. 3,6]. Говоря об этой накладке и только что упоминавшихся наконечниках ремней с аналогией из Nikipowo, следует отметить следующее. Ременная гарнитура западных балтов и германцев, несмотря на сходство отдельных элементов, в целом, существенно отличается от распространенной в среде степных сарматов и населения крымских предгорий. Поэтому близость некоторых простой формы наконечников ремней и накладок, отмеченная у западных балтов и германцев, с одной стороны, и у жителей крымских предгорий, с другой, скорее всего, случайна.

Бляшки (рис. 5,5-11), состоящие из серебряных заклепок и полусферических шляпок. Маленькие серебряные бляшки весьма широко использовались в позднесарматской культуре. Впрочем, их появление, судя по находке в склепе I в. до н. э. – I в. н. э. из могильника Левадки, следует отнести к более раннему времени [8, с.12, рис. 4,8]. Бляшки отличаются друг от друга формой шляпки и способом крепления к основе (заклепкой или припаянной скрепой). С их помощью украшали оружие, конскую сбрую и деревянные предметы [примеры см.: 9, с. 110]. Они встречены в нескольких комплексах III в. н. э. могильника Нейзац, всегда с деталями конской сбруи [10, с. 330, рис. 3,9,10; 9, с. 110, рис. 3,1-3]. Наиболее поздние находки таких бляшек относятся к IV в. н. э. [11, с. 16, рис. 73,16].

Удила железные (рис. 6,3; 8,1). Грызла сделаны из двух стержней, каждый из которых заканчивается с обеих сторон петлями. Одна пара петель вставлялась друг в друга, во внешние петли продеты кольца. К кольцам с помощью зажимов крепили ременную часть сбруи. Удила с кольцами были широчайшим образом распространены в позднесарматскую эпоху. Правда, зажимы на них фиксируются редко, что, возможно, связано с плохой, как правило, сохранностью артефактов. В нашем случае тоже сохранились лишь незначительные остатки зажимов [примеры позднесарматских удил с зажимами на кольцах см.: 12, с. 253, рис. 1,7,8; 13, с. 134, рис. 1,2,3].

Фибула бронзовая с надетым на нее кольцом (рис. 5,1). Она подвязная двучленная с нижней тетивой, железной осью четырехвитковой пружины, со сплошной обмоткой, образованной концом подвязки, круглой в сечении спинкой и расширенной ножкой. На иглу надето круглое в сечении кольцо. Застежку следует отнести ко II («инкерманской») серии лучковых подвязных фибул по классификации А. К. Амброза [14, с. 52]. Фибулы этой серии с проволочной спинкой и спиральной обмоткой были весьма широко распространены в предгорьях и на южном берегу Крыма в период, близкий к середине III в. н. э. [15,

с. 143; 11, с. 55]. Из новых находок точная аналогия и тоже с кольцом происходит из могилы 310 могильника Заветное [16, с. 254, рис. 17,1].

Обычай надевать на фибулу кольцо, перстень, серьгу или браслет отмечен во всех крымских могильниках II–III вв. н. э. [некоторые примеры см.: 17, с. 534]. Гораздо реже такие находки фиксируются в степных сарматских погребениях и, с некоторыми модификациями, в некрополе Кобякова городища на Нижнем Дону и в Цебельдинских могильниках Абхазии [18, с. 135].

Фибула железная (рис. 8,2) по классификации А. К. Амброза относится к группе 15, серии I, варианту 4 лучковых подвижных фибул [14, с. 50]. По современным данным застежки варианта 4 датируются в пределах второй половины II – первой половины III вв. н. э. [19, с. 107; 20, с. 102, 103; 21, с. 292]. Они многократно встречались в могильнике Нейзац [см. напр.: 22, с. 166; 23, с. 47]. Особенностью этого могильника является довольно значительное количество лучковых подвижных фибул, изготовленных из железа [24, с. 175].

Интересно отметить разницу в положении фибул в женском и мужском погребениях. Бронзовая застежка в женском погребении направлена головкой вниз, а железная в мужском погребении расположена поперек костяка. Возможно, так фиксируются отличия между женской и мужской одеждой.

Пряжки бронзовые (рис. 7,1-3). Несмотря на отсутствие у двух из них щитков и утрату части язычков, пряжки, в общем, соответствуют типу П2а по классификации В. Ю. Малашева, с датировкой в пределах III в. н. э. [25, с. 195, 207, 208, рис. 1; 2]. Их характеризуют округлые формы рамок и щитков, прогнутые, сравнительно короткие язычки, утолщенные в передней части рамки, отсутствие фасетировки. Такие пряжки в большом количестве найдены и в сарматских степных, и в крымских предгорных могильниках.

Браслет серебряный (рис. 5,4), пластинчатый, со щитком, укрепленным на шарнирах. Такой же браслет, но со стеклянной вставкой, найден в могиле № 9 некрополя Суворово в Крыму, где датируется III в. н. э. [26, с. 108, рис. 58]. Аналогичный или очень похожий серебряный браслет, возможно, обнаружен в погребении 8 могильника Бельбек II. Уверенно о форме этого браслета судить сложно из-за не слишком подробного описания и фотографии, сделанной только в одном ракурсе, к тому же его щиток разломан [27, с. 42, 51, рис. III,14]. Подобным образом сделан отличающийся в деталях браслет, найденный в погребении IV в. н. э. на территории Венгрии [28, s. 18, 19, кер. 4, tabl. II,1]. Следует еще отметить конструктивное сходство, почти тождество публикуемого браслета с гораздо более дорогими серебряными изделиями второй половины III – IV в. н. э., щитки которых украшены золотой орнаментированной фольгой и сердоликовыми вставками [11, с. 40].

Браслет бронзовый (рис. 7,9), пластинчатый, с уплощенными разомкнутыми концами. Вся внешняя поверхность браслета покрыта чеканным орнаментом. Сложный орнамент делает эту вещь уникальной. В сарматской культуре

браслеты, украшенные по всей внешней поверхности, а не только на концах, встречаются чрезвычайно редко. Аналогичной формы и тоже орнаментированный, но менее сложным орнаментом, браслет найден в сарматском погребении III в. н. э. в Олтении [29, S. 555, 556, Abb. 3,6; 4,8].

Браслет бронзовый (рис. 5,3), с незамкнутыми концами. Этот браслет принадлежит типу, чрезвычайно распространенному в очень широких территориальных и хронологических пределах. Он найден с мужским погребением. Интересно отметить, что у женщины браслеты были надеты на обе руки, а у мужчины – только на левую.

Серьги серебряные (рис. 5,2; 7,10). Один конец серьги раскован (имитируя змеиную голову?), в нем проделано отверстие. Другой конец загнут крючком и продет в отверстие. Вторая серьга была такой же формы, но она фрагментирована. Пара аналогичных серег найдена в склепе № 306 Нейзацкого могильника [30, с. 16, рис. 16,6; 17,17].

Эти серьги соответствуют типу V серег из могильника «Совхоз 10». Там, в комплексах, которые, по мнению авторов публикации, датируются III и III–IV вв. н. э., их найдено четыре пары [31, с. 151]. Аналогичная конструктивно, но несколько отличающаяся орнаментальными деталями и размерами, серьга была случайно найдена на территории Чатырдагского могильника [32, с. 139, табл. 62,10]. Похожие серьги, но с ложно витыми дужками, обнаружены в погребении II в. н. э. могильника Бельбек IV [33, с. 179, рис. 5,7,8]. Еще один аналогичный публикуемому экземпляр оказался в погребении III в. н. э. могильника Курское [34, с. 499, рис. 2,9]. Насколько можно судить по недостаточно подробному описанию и рисункам, сделанным только в одном ракурсе, подобные серьги находили в Усть-Альминском могильнике. Автор раскопок датирует их первой половиной II в. н. э. Однако единственный комплекс погребального инвентаря с такими серьгами, опубликованный в монографии Т. Н. Высотской, позволяет датировать его второй половиной II в. н. э. [35, с. 107, рис. 32,9,10, табл. 44].

Еще одна аналогичная публикуемым серьга найдена в тавельских гробницах. Определяя время последних погребений в тавельских курганах концом I – первой половиной II вв. н. э., А. А. Труфанов напрасно не обратил внимания на эту находку, которая, судя по аналогиям, относится к концу II – III вв. н. э. [36, с. 137, 138, рис. 1,17].

Изредка такие серьги встречаются за пределами Крыма. Экземпляр с дужкой из скрученной проволоки найден в черняховском могильнике Каборга, в погребении, датируемом второй половиной III в. н. э. [37, с. 88, рис. 31,16 = 38, с. 75, рис. 75,11]. Пара аналогичных серег (у одной из них щиток не сохранился) с ложновитыми дужками обнаружена в сарматском погребении III в. н. э. в *Стрscioarele* близ Бухареста [29, S. 555, Abb. 3,7,8; 4,4].

Подвески-лунницы серебряная (рис. 4,9) и бронзовая (рис. 4,10). Двурогие

бронзовые и серебряные лунницы были широко распространены в позднеримское время на территории Восточной Европы и Северного Кавказа. В Крыму они известны и в более раннее время [39, с. 45, рис. 31,9; 4, с. 152]. Лунницы отличаются друг от друга некоторыми деталями: размерами, способом крепления петли, наличием на петле рифления, ребром на внутренней или внешней поверхности и т. д. По классификации А. А. Стояновой бус и подвесок из могильника Нейзац, они относятся к типу М II.3 [40, с. 296, 298; 9, с. 110, в обеих работах приведены примеры находок лунниц в памятниках различных культур].

Типы бус, там, где это возможно, даны по классификации А. А. Стояновой, разработанной специально для могильника Нейзац [40]¹.

1. Шаровидные поперечносжатые из глухого черного на вид стекла. Два экземпляра объединены в столбик (4 экз.). Тип ОС.І,1 (рис. 9,13).

2. Цилиндрические из глухого белого стекла (59 экз. и фрагменты). Тип ОС.IV,1 (рис. 9,21,28).

3. Цилиндрические из глухого красного стекла (25 экз.). Тип ОС.IV,2 (рис. 9,6,25).

4. Цилиндрическая из глухого темно-зеленого стекла. Тип ОС.IV,6 (рис. 9,5).

5. Призматические уплощенные из глухого белого стекла (5 экз.). Тип ОС.VI,1 (рис. 9,23).

6. Призматические из глухого красного стекла (32 экз.). Тип ОС.VI,2 (рис. 9,35).

7. Призматическая из темно-лилового стекла. Тип ОС.VI,3 (рис. 9,22).

8. Призматические из глухого темно-зеленого стекла (2 экз.). Тип ОС.VI,5 (рис. 9,9).

9. Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла (18 экз.). Тип ОС.VI,5а (рис. 9,37).

10. В форме 14-гранника из глухого темного стекла. Тип ОС.VII,1 (рис. 9,33).

11. В форме 14-гранника из прозрачного зеленого стекла (27 экз.). Тип ОС.VII,5 (рис. 9,30,31).

12. В форме 14-гранника из прозрачного синего стекла (7 экз.). Тип ОС.VII,8а (рис. 9,36).

13. Веретенообразная из глухого синего стекла с продольной структурой ядра. Тип ОС.VIII,1 (рис. 9,4).

14. В форме плоского диска из прозрачного синего стекла. Тип ОС.XIII,2 (рис. 9,7).

¹ Условные обозначения для типов бус: ОС – одноцветное стекло; МС – многоцветное стекло; ВМП – стекло с внутренней металлической прокладкой; Г – гагат; С – сердолик; Я – янтарь; Х – халцедон.

15. Бочковидные поперечносжатые с ребристой поверхностью из глухого черного на вид стекла (2 экз.) (рис. 9,16).

16. Усеченно-биконическая с ребристой поверхностью из глухого черного на вид стекла (рис. 9,12). Бусы типов №№ 15 и 16 ранее в могильнике Нейзац не встречались, нет их и в своде Е. М. Алексеевой.

17. Шаровидные поперечносжатые из глухого черного на вид стекла. По всей поверхности украшены пятнышками разного размера, выполненными из глухого белого, желтого, синего и зеленого стекла (4 экз.). Примерно соответствуют типу МС.І-І,2 (рис. 9,11).

18. Бочковидная продольновытянутая из глухого черного на вид стекла, украшенная фестончатым орнаментом из глухого белого стекла. Тип МС.V-І,1 (рис. 9,3).

19. Округлая из темного на вид стекла, украшенная перистым орнаментом белого цвета (рис. 9,10). В могильнике Нейзац ранее такие бусы не находили. Соответствует типу 259а по классификации Е. М. Алексеевой [41, с. 48].

20. Бочковидные продольновытянутые из темного на вид стекла, украшенные перистым орнаментом желтого цвета (2 экз.) (рис. 9,1,2). В могильнике Нейзац бусы с перистым орнаментом желтого цвета ранее не находили. Соответствуют типу 262б по классификации Е. М. Алексеевой [41, с. 48].

21. Шаровидные из стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета. Некоторые объединены в столбики по 2-4 экземпляра (82 экз.). Тип ВМП.1 (рис. 9,18,34).

22. Бочковидные поперечносжатые из стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета. Некоторые объединены в столбики по 2-3 экземпляра (90 экз.). Тип ВМП.3 (рис. 9,32).

23. Ромбовидные с двумя параллельными каналами отверстий из гагата (30 экз.). Тип Г.І,5 (рис. 9,19).

24. Подвеска в виде однолезвийного топорика из гагата. Тип Г.ІІІ,1 (рис. 9,17).

25. Шаровидная поперечносжатая из сердолика. Тип С.1 (рис. 9,15).

26. Шаровидные поперечносжатые из янтаря (112 экз.). Тип Я.І,1 (рис. 9,20).

27. Шаровидная поперечносжатая из халцедона. Тип Х.1 (рис. 9,27).

28. В форме уплощенных 14-гранников из камня темно-красного, почти коричневого цвета (сардер?) (3 экз.) (рис. 9,14).

29. Призматические из ирризированного стекла (2 экз. и фрагменты) (рис. 9,24,26).

30. Цилиндрические из ирризированного стекла (191 экз.) (рис. 9,8,29).

Всего в могиле № 300 найдено 698 бус, не считая многочисленных фрагментов. Такое количество бус обычно для крымских комплексов позднеримского времени с погребениями женщин, где бусы использовались для расшивки одежды.

Крупные темные бусы с перистым орнаментом вместе с колокольчиками и зеркалом компактно лежали у левой руки погребенной, вероятно, помещенные в какой-то мешочек. Этот обычай неоднократно фиксировался в могильнике Нейзац и в других крымских некрополях.

Почти все типы бус из могилы № 300 находят многочисленные соответствия как в самом могильнике Нейзац, так и в других северопричерноморских памятниках. Исключение составляют два типа бус из глухого темного стекла с ребристой поверхностью, которые ранее известны, кажется, не были.

Бочковидные бусы с желтым перистым орнаментом и округлые с белым перистым орнаментом в могильнике Нейзац ранее не находили, но это объясняется археологической случайностью. В других памятниках римского времени они хорошо известны, правда, в единичных экземплярах, наборами такие бусы не использовались.

Пронизь бронзовая (рис. 7,4), бочковидной формы, украшена продольными врезными линиями. Такие пронизи были широко распространены в Крыму и в сарматской степи во II–III вв. н. э. Соответствует типу М.І,7 по классификации А. А. Стояновой [40, с. 295, 296].

Зеркало бронзовое (рис. 7,11), с боковой прямоугольной петлей и плохо сохранившимся орнаментом на оборотной стороне. Зеркало относится к типу IX по классификации А. М. Хазанова [42, с. 66, 67]. В Крыму найдено множество таких зеркал, датируемых II–III вв. н. э. [43]. Около 40 экземпляров обнаружено в могильнике Нейзац [см. напр.: 22, с. 167, 170, 180, 189; 23, с. 40, 49].

Колокольчики бронзовые полусферические (рис. 7,5-7). Колокольчики широко использовались в качестве погребального инвентаря женских и детских погребений в течение всего римского времени. Они найдены в ареале различных культур Центральной и Восточной Европы. Полусферические экземпляры, кажется, обнаружены, в основном, в комплексах III в. н. э. [44, с. 155]. Маленькие полусферические колокольчики нередки в позднескифских и сарматских погребениях Крыма [45, с. 98, табл. XLIV,5-16; 46, с. 52, табл. XVII,3,4; 11, с. 41; 23, с. 49].

Амфора (рис. 3,3) по классификации Д. Б. Шелова относится к типу D узкогорлых светлоглиняных амфор [47, с. 19]. В настоящее время амфоры этого типа датируются III в. н. э. [11, с. 39]. А. М. Обломский описал морфологические особенности поздних, относящихся ко второй половине столетия, амфор этого типа [48, с. 58]. Публикуемая амфора такими особенностями не обладает.

Тарелка краснолаковая с вертикальным бортиком (рис. 3,2). Такие тарелки представляют собой один из самых распространенных типов краснолаковой посуды, найденной в Северном Причерноморье. Соответствует варианту III-Д-3 по классификации А. А. Труфанова, с датой вторая половина II – первая половина III вв. н. э. [49, с. 189]. По классификации тарелок из могильника

Бельбек IV относятся к форме 4.2 и датируются в пределах II – первой половины III вв. н. э. [50, с. 146-148].

Кубок лепной (рис. 3,1) со сферическим туловом и усеченно-коническим горлом, основание горла украшено коническими выступами. Возможно, кубок не относится к погребальному инвентарю могилы № 300. Фрагменты, из которых удалось склеить его значительную часть, найдены во входной яме вместе с обломками других сосудов.

Этот сосуд соответствует представленному единственным экземпляром IV в. н. э. типу 5 лепных кубков из могильника Дружное. Форма сосуда по происхождению сарматская. В Крыму такие кубки распространяются в позднесарматское время и приобретают украшения в виде конических выступов [51, с. 350]. По форме и орнаментации близок горшку из могилы № 123 IV в. н. э. могильника Нейзац [22, с. 186].

Обнаруженный в могиле погребальный инвентарь со всей очевидностью указывает на ее датировку в пределах III в. н. э. По всей вероятности, погребения были совершены в первой половине столетия. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, фибулы. Застежки «инкерманской» серии и одночленные лучковые варианта 4 по классификации А. К. Амброза были распространены как раз в первой половине III в. н. э.

Погребальный инвентарь, в целом, соответствует общепринятым представлениям о позднесарматской археологической культуре. Есть только одно, но существенное отличие. Важнейшим стилистическим признаком вещей, использовавшихся в позднесарматское время, является фасетировка. Металлические детали одежды и конской сбруи, как правило, имеют срезанные или сточенные грани. Сотни таких изделий найдены в могильнике Нейзац. Ни один из предметов, обнаруженных в могиле № 300, фасетировки не имеет.

Любопытно использование разных металлов для изготовления однотипных изделий. Так, из четырех совершенно одинаковых секировидных наконечников ремней два были сделаны целиком из бронзы, а два имели внешние серебряные и внутренние бронзовые пластины. Два наконечника ремней иного типа также были изготовлены из двух металлов. Внешние пластины у них серебряные, внутренние – бронзовые. Такие случаи в могильнике Нейзац фиксировались неоднократно [9, с. 106, 108]. Их легче всего объяснить, конечно, стремлением мастера и заказчика сэкономить драгоценный металл. Другой, еще более радикальный, способ экономии заключался в обтягивании одной из бронзовых пластин наконечника ремня тонким листом серебра [11, с. 54]. Дороговизной серебра, вероятно, можно объяснить то, что одна из двух подвесок-лунниц, лежавших на месте груди погребенной, была сделана из серебра, другая – из бронзы.

Подбойные могилы представляют собой один из самых заметных отличительных признаков позднесарматской культуры. Большие, просторные под-

бои, явно предназначавшиеся изначально для погребения более чем одного умершего, явление известное, но довольно редкое. Как правило, подбои были гораздо более узкими, и погребенных, если возникала такая необходимость, клали один на другого.

Во входной яме могилы № 300 обнаружены многочисленные кости лошади, но не в анатомическом порядке и не весь скелет. Значительное количество лошадей, похороненных в погребальных сооружениях разных типов, в том числе и во входных ямах подбойных могил, – отличительный признак, локальная особенность погребальных обрядов людей, хоронивших своих соплеменников в могильнике Нейзац. В некоторых, редких случаях во входных ямах обнаруживаются не целые костяки, а отдельные, пусть и многочисленные, лошадиные кости. В данной связи интересно отметить еще одну особенность погребального обряда. И в степях, населенных сарматами, и в предгорном Крыму лошадей хоронили, как правило, без сбруи, которую в сложном виде клали в могилы с погребениями людей. Судя по наконечникам ремней и бляшкам, найденным в головах погребенных, также дело обстояло и в данном случае. Ниша с удилами, сделанная в стене входной ямы могилы № 300, уникальная, не имеющая пока аналогий особенность этого погребального сооружения.

В могиле № 300 отмечены погребальные обряды, которые фиксируются в большинстве синхронных и однокультурных погребений, представляют собой яркие признаки крымского варианта позднесарматской археологической культуры. К их числу относятся кости животных и ножи, положенные в головах погребенных. Чаще всего они лежат в краснолаковых мисках, иногда рядом с краснолаковыми кувшинами, а иногда, как в данном случае, просто на дне могилы. Обшивка платья, особенно подола, бусами чрезвычайно характерна для женских погребений III в. н. э. К IV в. н. э. эта традиция прерывается. Интересно, что в IV в. н. э. бусами иногда обшивали одежду детей, чего в более раннее время не наблюдалось. Столь же характерно для женских погребений III в. н. э. компактное положение некоторых мелких вещей (в данном случае зеркала, колокольчиков и крупных бус у левой руки), помещенных, вероятно, в какой-то мешочек или сумочку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
2. Vaday A. Beitrag zum Fund von Visesd-Pusztá // Folia Archaeologica. 1986. XXXVII.
3. Madyda-Legutko R. Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi czeźkami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegąd Archeologiczny. 1984. T. 31.
4. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.

5. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Киев, 1990. (Препринт).
6. Simonenko A.V. Catacomb graves of the north Pontic region // A Mora Ferenc Múzeum Evkönyve. 1995. I.
7. Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
8. Мульд С.А., Масякин В.В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
9. Храпунов И.Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/1.
10. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. 2003. Вып. III.
11. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
12. Кузнецов В.А. Погребения III в. из Кисловодска // СА. 1990. № 2.
13. Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1997. Вып. 14.
14. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
15. Храпунов И.Н., Масякин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. 1998. № 4.
16. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I–III вв. н. э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
17. Храпунов И.Н. Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
18. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
19. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.
20. Абрамова М.П. Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Вып. 2.
21. Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. 2001-2002. № 4.
22. Храпунов И.Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1.
23. Храпунов И.Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
24. Храпунов И.Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
25. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
26. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
27. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. (По материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

28. Vörös G. Hunkori leletek a Szeged-Szóregi homokbányából // A Mora Ferenc Múzeum Evkönyve. 1986. I.
29. Morintz S. Ein Sarmatisches Grab aus Crscioarele // Dacia. 1960. IV.
30. Храпунов И.Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
31. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003-2004. № 4.
32. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
33. Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. М., 2001.
34. Труфанов А.А. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004.
35. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
36. Труфанов А.А. Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Эвксинского (Памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004.
37. Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
38. Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
39. Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.
40. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // БИ. 2004. Вып. V.
41. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12.
42. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
43. Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
44. Бобровская О.В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
45. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983.
46. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. (Труды ГИМ. Вып. 70).
47. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
48. Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). М., 2003.
49. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
50. Журавлев Д.В. Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХСб. 2005. Вып. XIV.
51. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Храпунов И. Н.

**Подбойная могила с двумя погребениями III в. н. э.
из могильника Нейзац**

Резюме

Могильник Нейзац расположен в центре крымских предгорий, в долине реки Зуя, приблизительно в 25 км к востоку от Симферополя. В ходе археологических исследований, ведущихся с 1996 года, на его территории раскопано 352 погребальных сооружений, в том числе 59 склепов, 118 подбойных и 175 грунтовых могил. В настоящей работе публикуются результаты исследований подбойной могилы № 300, содержащей выразительный погребальный инвентарь, характерный как для могильника Нейзац, так и для синхронных ему памятников, расположенных в предгорной зоне Крыма.

В могиле обнаружены два погребения, мужское и женское. Сделанные находки позволяют датировать захоронения III в. н. э., по всей вероятности, первой половиной столетия. Погребальный инвентарь, в целом, соответствует общепринятым представлениям о позднесарматской археологической культуре. Типичными для этой культуры являются форма погребального сооружения; кости животных и ножи, обнаруженные в головах погребенных; обшивка женской одежды, особенно интенсивно подола, бусами; скопление мелких предметов у левой руки погребенной и другие особенности обряда, а также вещи, использовавшиеся в качестве погребального инвентаря.

При раскопках могилы № 300 зафиксированы особенности погребального обряда и инвентаря, редко встречающиеся у сарматов или присущие только данному погребальному сооружению. Речь идет о больших размерах подбоя; о значительном количестве костей лошади, но не полном скелете, обнаруженных во входной яме; о нише с удилами, сделанной в стене входной ямы; об отсутствии фасетировки на металлических деталях одежды и конской сбруи – стилистической особенности, характерной для большинства позднесарматских изделий.

Храпунов І. М.

**Підбійна могила з двома похованнями III ст. н. е.
з могильника Нейзац**

Резюме

Могильник Нейзац розташований в центрі кримських передгір'їв, в долині річки Зуя, приблизно в 25 км на схід від Сімферополя. В ході археологічних досліджень, що ведуться з 1996 року, на його території розкопано 352 похоронні споруди, у тому числі 59 склепів, 118 підбійних і 175 ґрунтових могил. У даній роботі публікуються результати досліджень підбійної могили № 300, що містила виразний поховальний інвентар, характерний як для могильника Нейзац, так і для синхронних йому пам'яток, розташованих в передгірській зоні Криму.

У могилі виявлено два поховання, чоловіче та жіноче. Зроблені знахідки дозволяють

датовати поховання III ст. н. е., ймовірно, першою половиною століття. Поховальний інвентар, в цілому, відповідає загальноприйнятим уявленням про пізньосарматську археологічну культуру. Типовими для цієї культури є форма поховальної споруди; кістки тварин і ножі, виявлені в головах похованих; обшивка жіночого одягу, особливо інтенсивно подолу, намистами; скупчення дрібних предметів біля лівої руки похованої і інші особливості обряду, а також речі, що використовувалися як поховальний інвентар.

При розкопках могили № 300 зафіксовані особливості поховального обряду і інвентарю, що рідко зустрічаються у сарматів або властиві лише даній поховальній споруді. Йдеться про великі розміри підбою; про значну кількість кісток коня, але не повний скелет, виявлених у вхідній ямі; про нішу з вудилами, зроблену в стіні вхідної ями; про відсутність фасетіровки на металевих деталях одягу і кінської збруї – стилістичній особливості, що характерна для більшості пізньосарматських виробів.

Khrapunov I. N.

**Shaft-and-Chamber Grave with two Burials of the 3rd century AD
from the Cemetery of Neizatz**

Summary

The cemetery of Neizatz is situated in the center of Crimean foothills, in the valley of the Zuja River, at approximately 25 kilometers to the east from Simferopol. In the course of archaeological research since 1996, on its territory 352 burial constructions were discovered; among them 59 vaults, 118 shaft-and-chamber and 175 ditch graves. In this work the results of research of shaft-and-chamber grave N 300 are published; it contains distinctive burial equipment characteristic for the cemetery of Neizatz as well as for synchronous monuments situated in the foothill zone of Crimea.

In the grave there were two burials, of a male and female. The discovered finds enable us to date burials by the 3rd century AD, most probably by the first half of the century. Burial equipment corresponds to common presentation of Late-Sarmatian archaeological culture. Typical characteristics of this culture are: the form of the burial construction; animals bones and knives found at the heads of buried; trimming of female clothes with beads, hem in particular; small objects at the left hand of the buried and other peculiarities of the funeral rite, as well as things used as funeral equipment.

During the excavation of grave N 300 some specific features of burial rite and funeral equipment were registered, which were seldom met among the Sarmatians or inherent only to the burial construction under consideration. They are: large size of the chamber; considerable quantity of horse bones, but not the whole skeleton, found in the shaft; a niche with bits in the wall of the shaft; lack of faceting on metal details of clothes and harness – stylistic feature characteristic for the majority of Late Sarmatian goods.

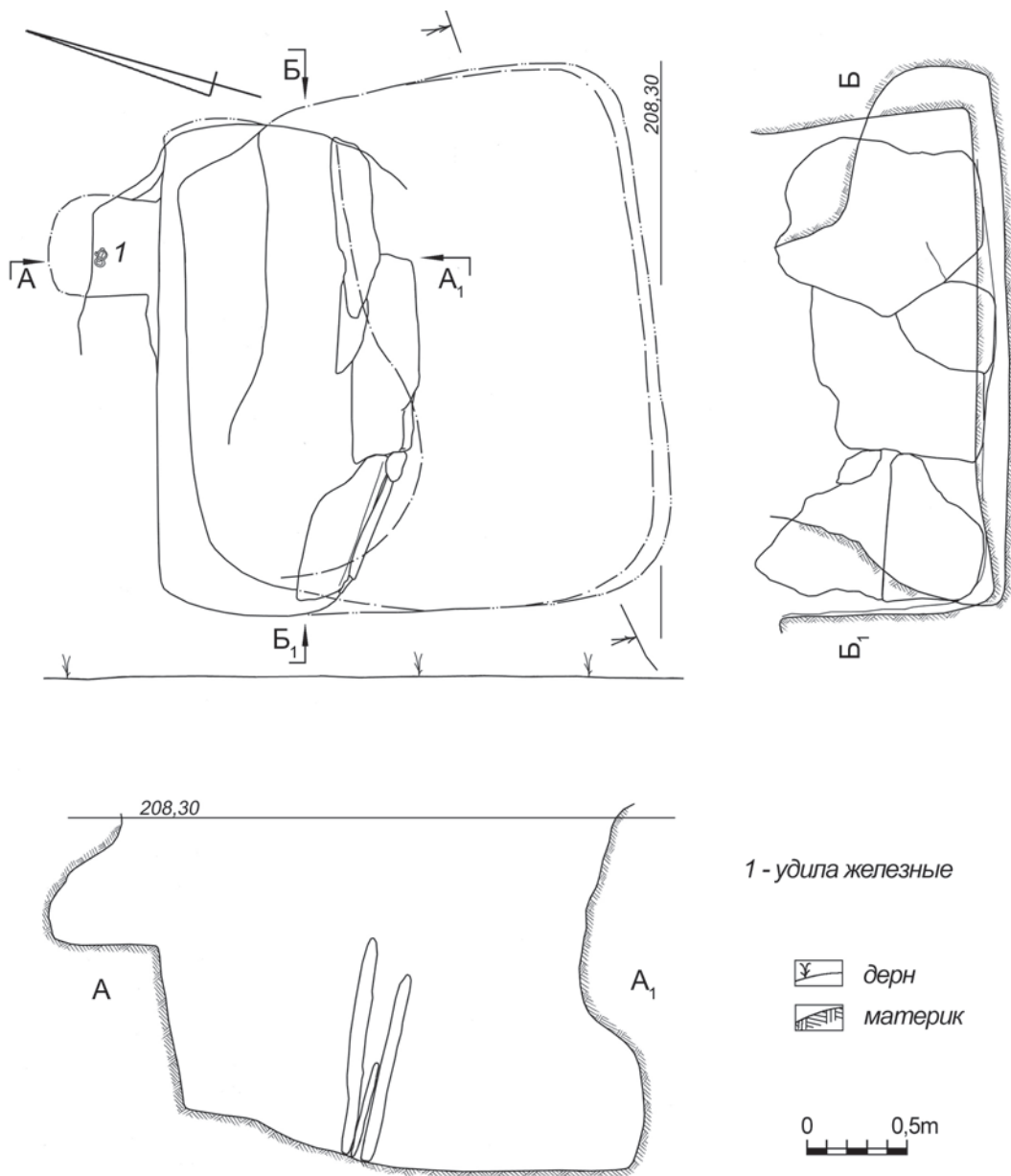
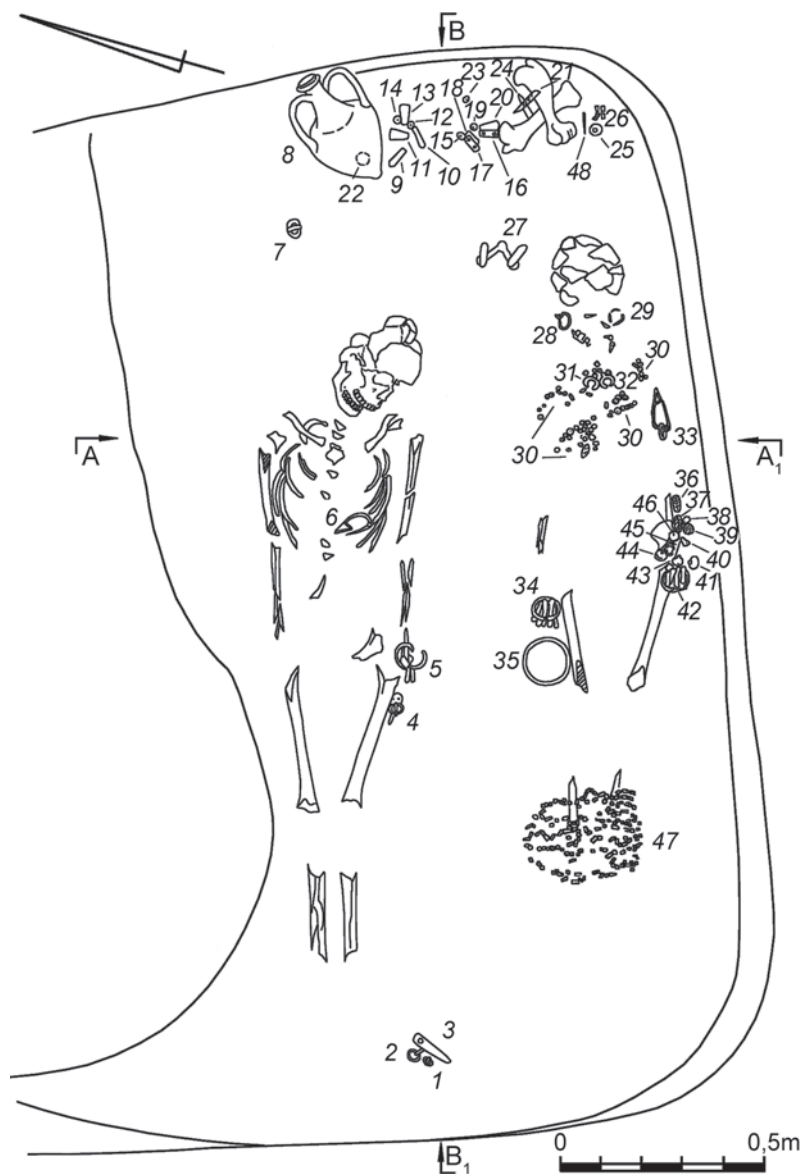
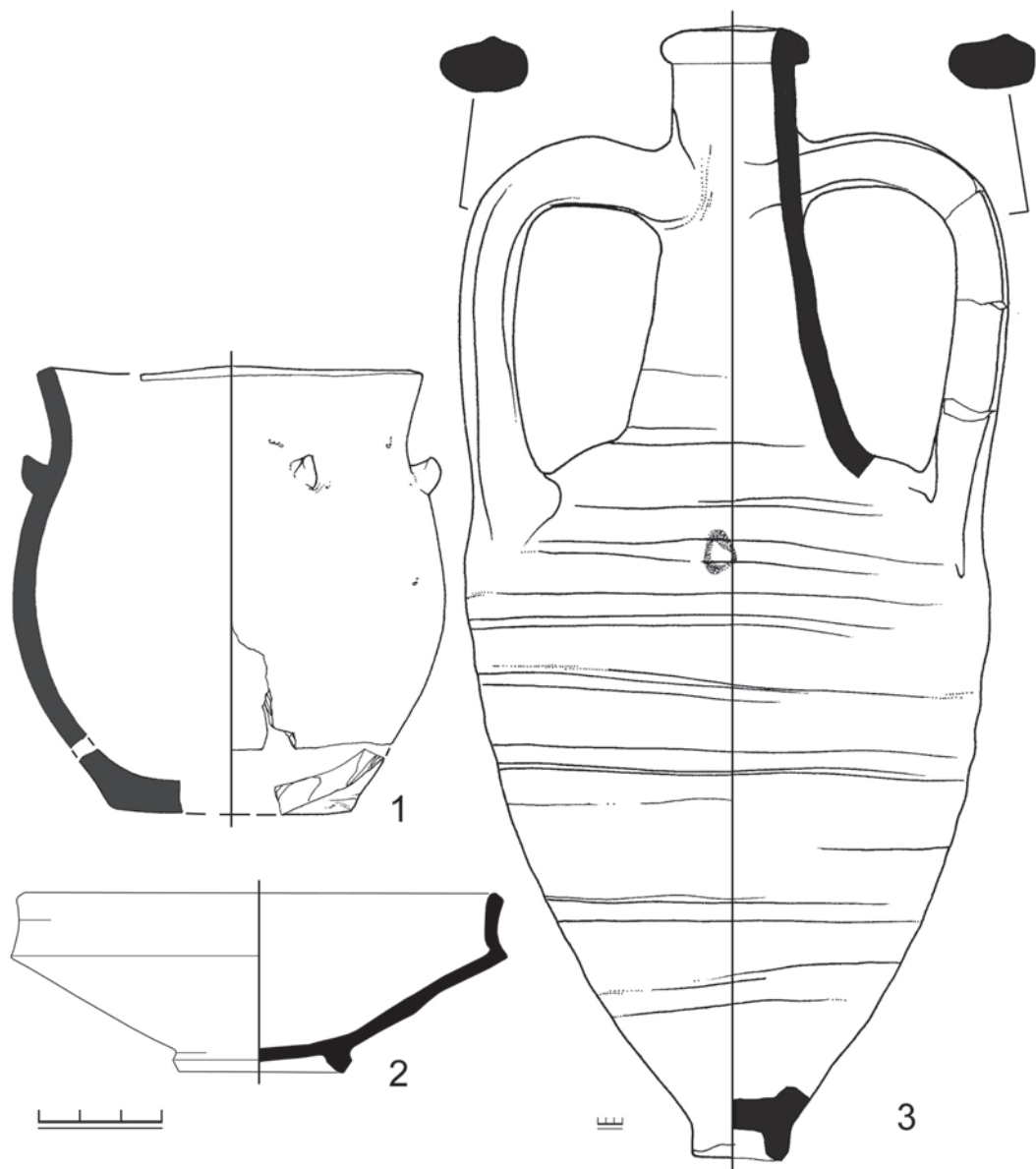

Рис. 1. План и разрезы могилы № 300.

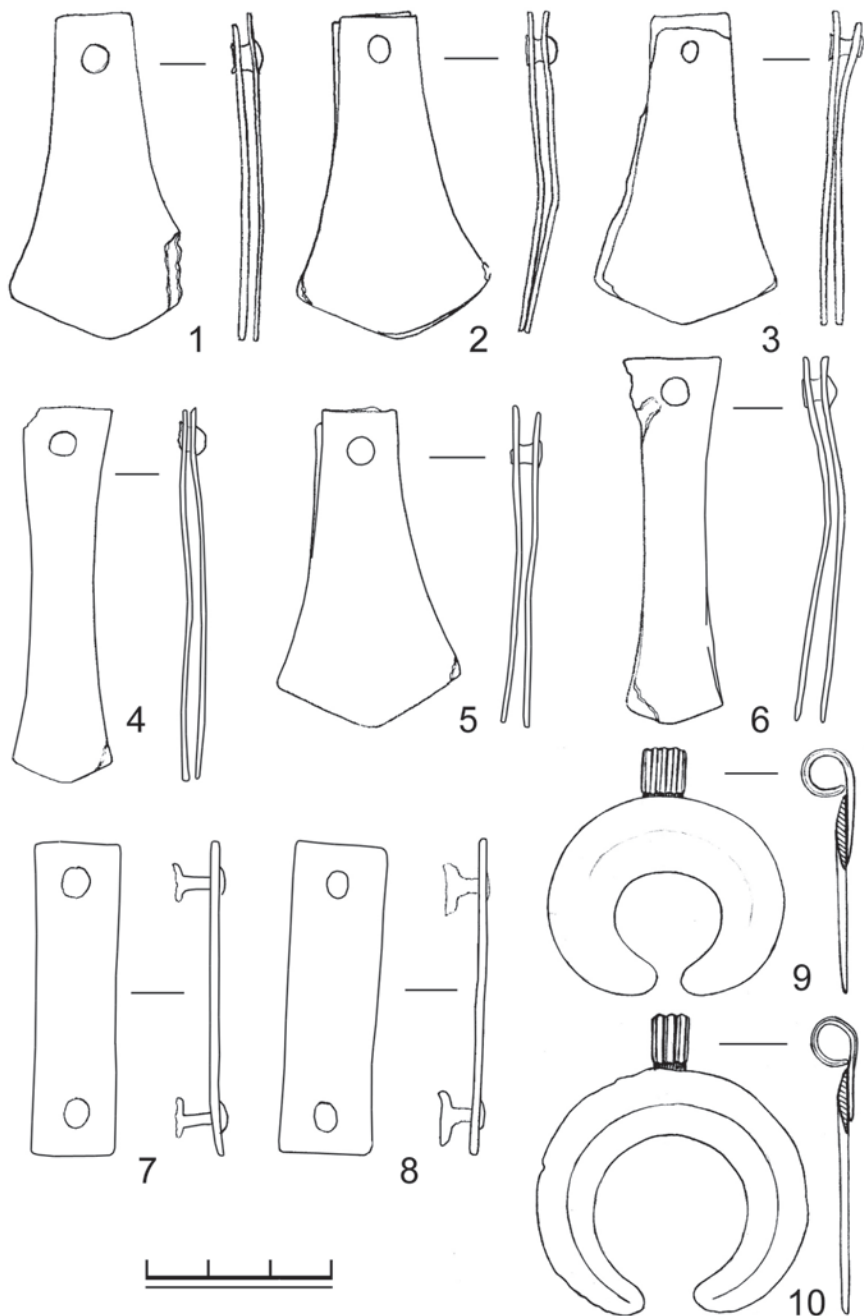
Рис. 2. План погребений в подбое.

1, 2, 4 – пряжки бронзовые; 3 – оселок; 5, 34 – браслеты бронзовые; 6, 33 – фибулы; 7, 22 – пряжки железные; 8 – амфора; 9-11, 13, 18, 20 – наконечники ремней; 12, 14, 15, 19, 23 – бляшки серебряные; 16, 17 – накладки на ремень бронзовые; 21, 24, 48 – ножи железные; 25 – пряслице керамическое; 26, 30, 36, 37, 39, 46, 47 – бусы; 27 – удила железные; 28, 29 – серьги серебряные; 31 – лунница бронзовая; 32 – лунница серебряная; 35 – тарелка краснолаковая; 38 – пронизь бронзовая; 40 – перстень серебряный; 41, 43, 44 – колокольчики бронзовые; 42 – браслет серебряный; 45 – зеркало бронзовое.

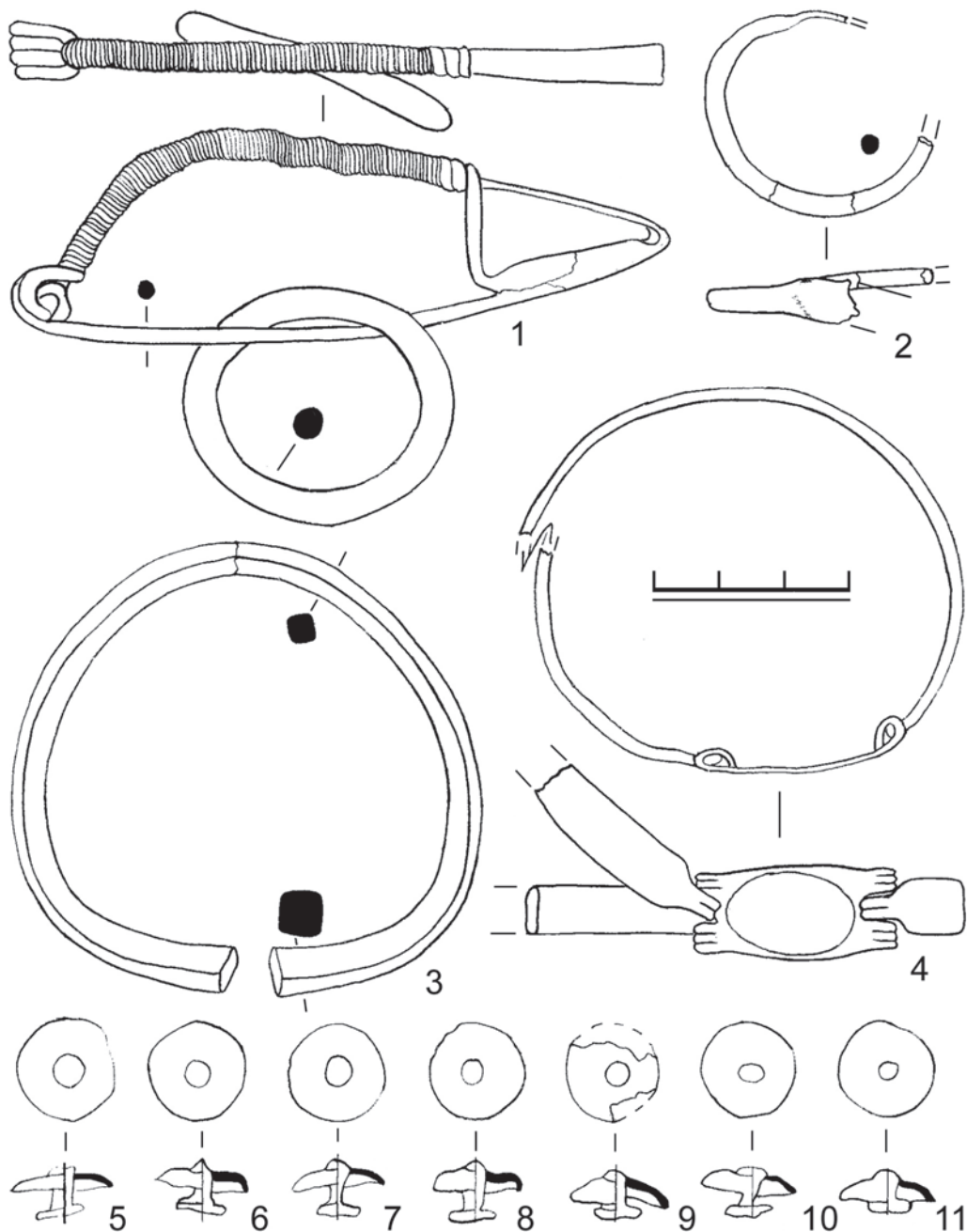
Рис. 3. Могила № 300. Погребальный инвентарь.
1 – сосуд лепной; 2 – тарелка краснолаковая; 3 – амфора.

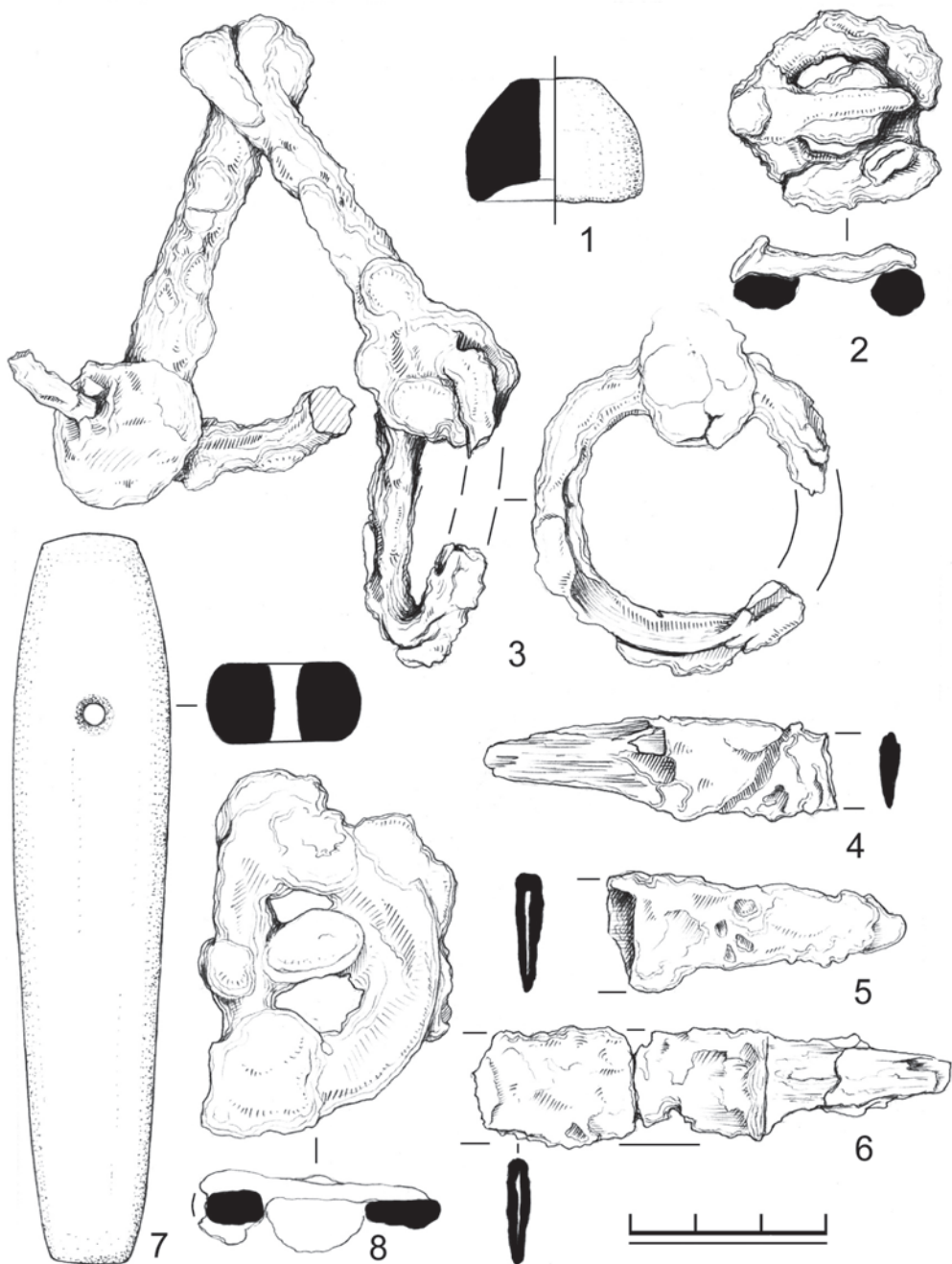

Рис. 4. Могила № 300. Погребальный инвентарь.

1-6 – наконечники ремней; 7, 8 – накладки на ремень бронзовые; 9 – лунница серебряная; 10 – лунница бронзовая.

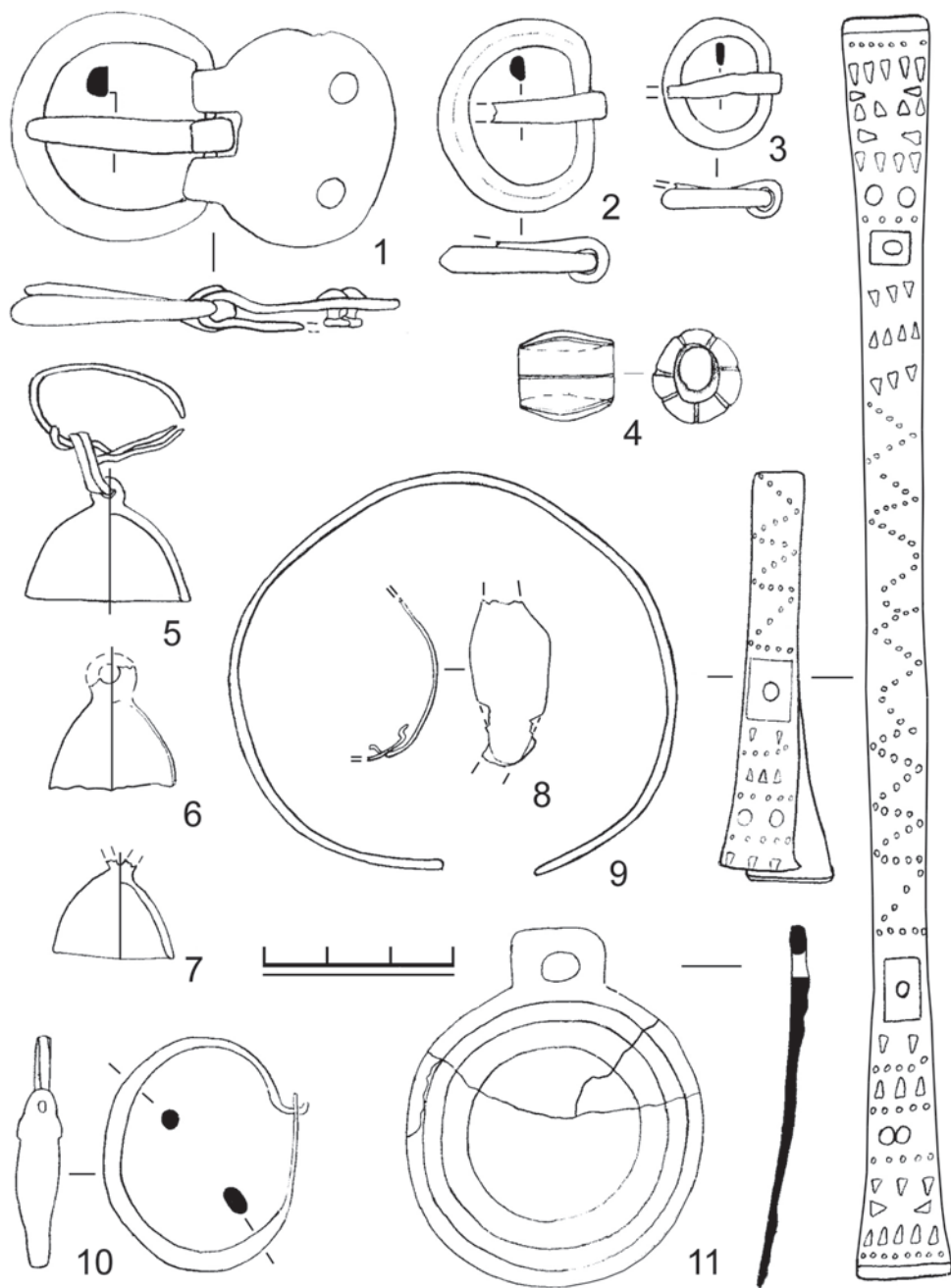

Рис. 5. Могила № 300. Погребальный инвентарь.
1 – фибула бронзовая; 2 – серьги серебряной фрагмент; 3 – браслет бронзовый; 4 – браслет серебряный; 5-11 – бляшки серебряные.

Рис. 6. Могила № 300. Погребальный инвентарь.

1 – пряслице керамическое; 2, 8 – пряжки железные; 3 – удила железные; 4-6 – ножей железных фрагменты; 7 – оселок.

Рис. 7. Могила № 300. Погребальный инвентарь.

1-3 – пряжки бронзовые; 4 – пронизь бронзовая; 5-7 – колокольчики бронзовые; 8 – перстня серебряного фрагмент; 9 – браслет бронзовый; 10 – серьга серебряная; 11 – зеркало бронзовое.

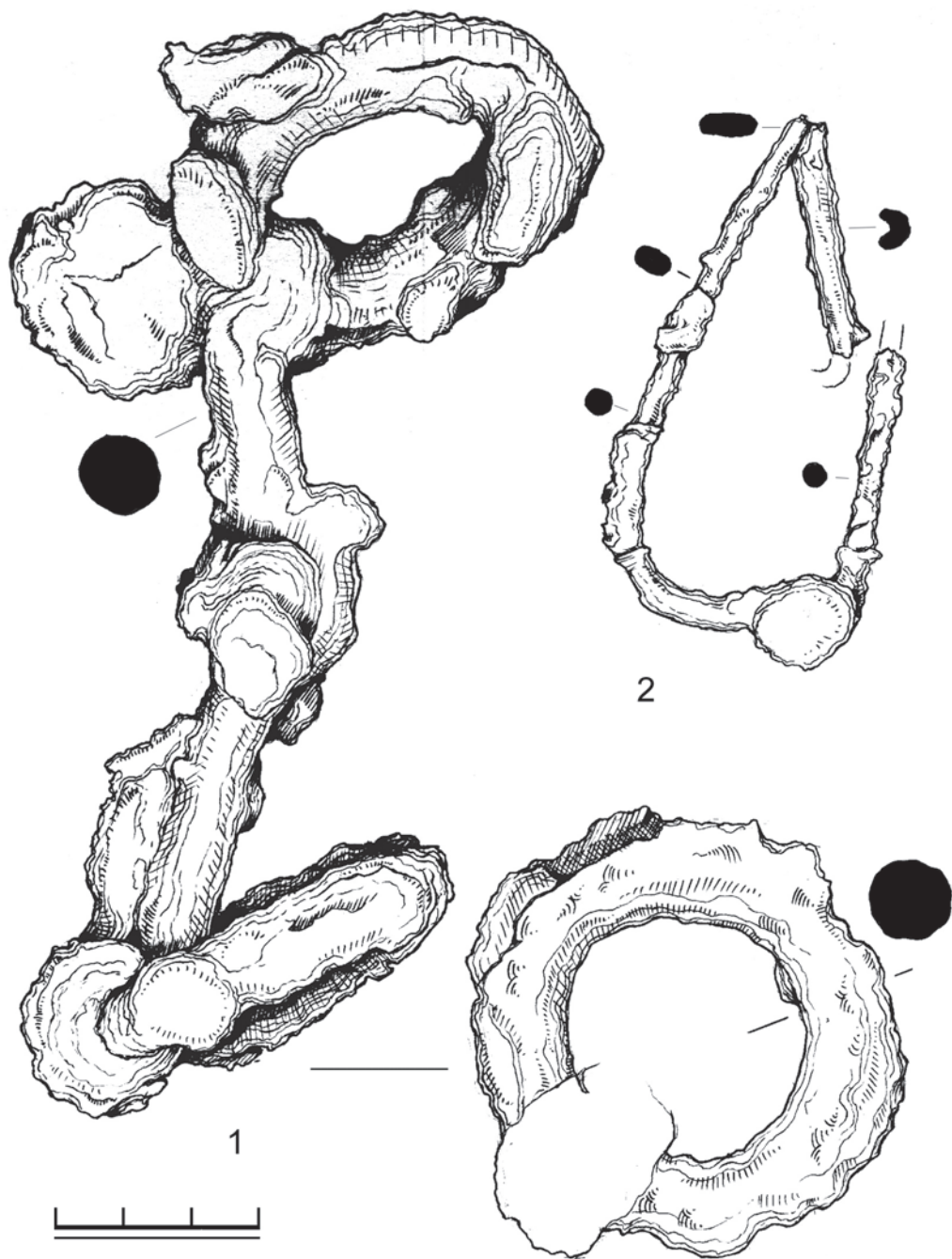

Рис. 8. Могила № 300. Погребальный инвентарь.
1 – удила железные; 2 – фибула железная.

Рис. 9. Могила № 300. Бусы (1-37).

В. П. ВЛАСОВ

МИНИАТЮРНЫЕ ЛЕПНЫЕ СОСУДЫ ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В БАРАБАНОВСКОЙ БАЛКЕ

В 2004-2010 гг. археологическая экспедиция, состоящая из студентов, аспирантов и преподавателей Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (руководитель – д.и.н., профессор И.Н. Храпунов), параллельно с изучением некрополя римского времени Нейзац проводила исследования поселения в приустьевой части Барабановской балки [1; 2]. Этот памятник расположен в 25 км к востоку от г. Симферополь и в 1 км к югу от с. Баланово Белогорского р-на АР Крым, примерно в 200 м от упомянутого могильника, на противоположном берегу русла р. Зуя (рис. 1).

Многочисленные фрагменты керамической посуды, выходы золы и крупных камней, которые фиксировались в устье балки, особенно на ее северном склоне, свидетельствовали о существовании здесь древнего поселения. Для выяснения его хронологии, культурной принадлежности и связи с расположенным рядом некрополем Нейзац здесь были начаты раскопки. К настоящему времени исследованная площадь памятника составляет 522 м². На ней выявлены культурный слой¹ мощностью до 1,75 м, наземные и частично заглубленные каменные постройки, землянка, множество хозяйственных ям и ямок столбовых конструкций, террасы, а также погребения младенцев.

Открытые объекты отражают два периода существования поселения. Находки наиболее ранних амфор позволяют предположить, что оно возникло в I-II вв. н.э., но основной массив артефактов из напластований и комплексов датируется III-IV вв. н.э. Общий облик памятника позволяет отнести его к позднескифской археологической культуре, хотя по ряду признаков он отличается от других городищ и селищ поздних скифов. Синхронность существования и расположенность в непосредственной близости друг от друга,

---

¹ Культурный слой поселения состоит из нескольких стратиграфических контекстов. Основным среди них, по занимаемой площади и толщине, является слой серого золистого суглинки, который на разных участках отличается светлым и темным оттенками.

казалось бы, не оставляют сомнения в том, что поселение в Барабановской балке и могильник Нейзац связаны между собой. Однако, сделать однозначный вывод об этом не позволяет тот факт, что люди, похороненные на некрополе, в отличие от жителей поселения, являлись носителями не позднескифской, а средне- и позднесарматской археологических культур [см.: 1, с. 20; 2, с. 38-39].

При раскопках поселения в Барабановской балке в дерне, культурных напластованиях, а также в заполнении хозяйственных ям и землянки встречены разнообразные находки, среди которых преобладает керамика. Гончарная продукция представлена редкими черепками простой и краснолаковой посуды² при большом количестве обломков амфор. Многочисленна и лепная керамика, репрезентованная посудой, а также изделиями специального назначения (крышки, чаши на ножке, пряслица, ткацкие грузила, очажные подставки и жаровни), дошедшими в разной степени сохранности. Основная масса артефактов сильно измельчена, целых или сохранивших полный профиль предметов немного. В комплексе лепной посуды выделяется 30 изделий, которые имеют необычно малые размеры (D венчика = 2,5-8,5 см; H = 2,5-5,5 см). Восемь из них опубликованы, а остальные не введены в научный оборот. Характеристике, а также интерпретации этой группы находок и посвящена данная статья.

Оценивая качество интересующих нас сосудов, отметим, что все они отличаются небрежностью выделки, довольно толстыми неравномерными стенками и заметной асимметрией, что свидетельствует об их изготовлении методом выдавливания пальцами рук из цельного куска формовочной массы. Большинство изделий лишь слабо заглажены, следов лощения на них не прослежено, орнаментация отсутствует. Преобладают экземпляры серого, черного и коричневого цветов, лишь иногда встречаются такие, поверхность которых покрыта серыми, черными, коричневыми и красными пятнами. Очевидно, высушенные сосуды подверглись низкотемпературному (до 650°C) обжигу на открытом костре или в простейшем теплотехническом устройстве в виде ямы. При таком режиме обжига в черепке сохраняется невыгоревший сажистый углерод, который и придает ему соответствующий окрас. Специальных лабораторных анализов состава глиняной массы публикуемых образцов не проводилось, а визуальный осмотр сколов стенок сосудов показал наличие в них, помимо глины, песка и шамота. Если шамот, несомненно, являлся искусственным отощителем, то песок мог быть и природной примесью в исходном глиняном сырье.

Поскольку каждое из изделий обладает индивидуальным набором морфологических признаков, а многие из них, как уже говорилось, асимметричны

---

² Отчасти данная ситуация объясняется тем, что местные гончары использовали толченные частицы краснолаковых сосудов как добавку, которую они в большом количестве вводили в глину при изготовлении некоторых жаровен [см.: 1, с. 17-18], очевидно, для повышения огнеупорности готовой продукции.

или не сохранили полной формы, типологизировать сосуды оказалось сложно. Поэтому, мы ограничились их делением на две категории (солонки и кружки), внутри которых дано описание каждого экземпляра с указанием того археологического контекста, откуда он происходит.

СОЛОНКИ

Название категории условное и базируется на сходстве с некоторыми современными сосудами, в которых подают соль к столу. В археологической литературе солонками, обычно, называют небольшие чаши, повторяющие своей формой наиболее распространенные полусферические и усеченно-конические миски. К солонкам отнесены сосуды без ручек, отличающиеся от мисок значительно меньшими размерами (D венчика < 9 см; H ≤ 5 см).

1. Фрагмент полного профиля сосуда с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и скрытым кольцевым поддоном найден в хозяйственной яме № 4 (рис. 2,1) [1, с. 15, рис. 23,9].

2. Фрагмент полного профиля сосуда с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и невыделенным плоским дном выявлен в перемещенном предматериковом суглинке (рис. 2,2) [2, с. 33, рис. 61,6].

3. Фрагмент полного профиля сосуда с вытянутым усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и слабо выделенным плоским дном находилась среди камней одной из кладок помещения 3 (рис. 2,3).

Солонки 1-3 не обладают этнодиагностирующими признаками, поскольку аналогичные по форме сосуды изготавливались представителями разных народов, которые проживали в эпоху поздней бронзы – раннем средневековье на весьма обширных территориях [см.: 3, с. 256, 258].

4. Фрагмент полного профиля сосуда с полусферическим туловом, вертикальными краями и слабо выделенным плоским дном встречен в заполнении хозяйственной ямы № 12 (рис. 2,4) [1, с. 15, рис. 23,10].

Практически идентичный целый сосуд входил в состав погребального инвентаря склепа IV в. н.э. № 64 могильника Дружное [4, с. 330, рис. 2,23], а другие однотипные находки из Крыма сконцентрированы на памятниках европейской части Боспорского царства [5, с. 23, рис. 15,3; 6, с. 42, табл. VI,7; 7, с. 23, рис. 11,5].

5. Фрагментированный сосуд с усеченно-коническим туловом, вертикальными краями и невыделенным плоским дном присутствовал в слое серого золистого суглинка (рис. 2,5).

Подобный экземпляр происходит из сарматского захоронения III-I вв. до н.э. в Южном Приуралье [8, рис. 2,IVa], а крымские параллели представлены среди находок I в. до н.э. позднескифского поселения Чайка в северо-западной части полуострова [9, с. 58, 60, рис. 5,4] и захоронения II в. н.э. некрополя Ново-Отрадное на Европейском Боспоре [10, с. 101, 137, табл. 17,8].

6. Целый сосуд с приземистым подцилиндрическим туловом, вертикальными краями и невыделенным плоским дном найден в слое серого золистого суглинка (рис. 2,6).

7. Целый сосуд с вытянутым подцилиндрическим туловом, вертикальными краями и невыделенным плоским дном лежал сразу под задернованной поверхностью (рис. 2,7) [2, с. 34, рис. 61,8].

Крымские аналогии солонкам 6 и 7 известны на памятниках эпохи поздней бронзы и кизил-кобинской культуры [11, с. 26, рис. 19,3; 12, рис. 11,16; 15,30; 33,6], а также среди материалов I в. до н.э. – первой половины II в. н.э. позднескифских городищ Булганак, Неаполь и могильника Бельбек IV [3, с. 258, табл. VI,19; 13, с. 110, рис. 43,5; 14, с. 60, рис. XIII,46; 15, с. 20]. За пределами Крыма подобные сосуды встречены среди лепной керамики V-IV – начала III вв. до н.э. Елизаветовского городища и Никония [16, с. 165, рис. 48,3, тип 6; 17, с. 59, 66, рис. 6,15]. Они также присутствовали в сарматских захоронениях III-I вв. до н.э. и I в. до н.э. – II в. н.э. Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья [8, рис. 1, 1a5; IVa1; Va,a2,a3; 3,1a5]. Такие солонки известны в комплексе III-I вв. до н.э. Чегемского могильника и в одном из курганов сарматского времени на Северном Кавказе [18, рис. 15,31; 19, с. 46, рис. 5,1], а также в верхнем слое городища Танаиса [20, с. 191, табл. II,6; VII,5]. Похоже, что присутствие на крымских памятниках римского времени цилиндрических солонок можно связывать с сарматским культурным влиянием, поскольку местные (таврские) прототипы отделены достаточно большим промежутком времени.

8. Целый сосуд с усеченно-коническим туловом, вертикальными краями-бортиками со сливом и выделенным плоским дном найден в дерне (рис. 2,8) [2, с. 34, рис. 61,7]. Аналогии ему не обнаружены.

КРУЖКИ

К данной категории относится посуда с одной вертикальной ручкой, которая предназначена для зачерпывания жидкости и питья [21, с. 271].

1. Целый сосуд с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и невыделенным округлым дном обнаружен в хозяйственной яме № 25. Округлая в сечении кольцевидная ручка крепится к краю и к нижней части тулова (рис. 3,1) [2, с. 30, рис. 60,5].

2. Частично фрагментированный сосуд с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и выделенным плоским дном происходит из заполнения хозяйственной ямы № 25. Его устье оформлено в виде слива, а утраченная в древности округлая в сечении ручка крепилась к краю и к средней части тулова (рис. 3,2) [2, с. 30, рис. 60,4].

3. Фрагмент полного профиля сосуда с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и невыделенным плоским дном находился в хозяйствен-

ной яме № 25. Ручка и часть стенок кружки утрачены в древности (рис. 3,3) [2, с. 30, рис. 60,6].

4. Целый сосуд с расширенным в верхней части овалоидным туловом, усеченно-коническим ойнохоевидным горлом и невыделенным плоским дном выявлен в слое серого золистого суглинка. Овальная в сечении ручка крепится к венчику и к тулову (рис. 3,6).

5. Целый сосуд с подцилиндрическим туловом, вертикальными краями и невыделенным плоским дном присутствовал в слое серого золистого суглинка. Овальная в сечении ручка крепится к венчику и к нижней части тулова (рис. 3,4).

6. Целый сосуд с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и невыделенным уплощенным дном найден в слое серого золистого суглинка. Округлая в сечении ручка крепится к венчику и к придонной части тулова (рис. 3,5).

7. Фрагментированный сосуд с полусферическим туловом, вертикальными краями и слабо выделенным плоским дном встречен в слое серого золистого суглинка. Его ручка утрачена в древности (рис. 4,1).

8. Склеенный, частично фрагментированный сосуд с усеченно-коническим туловом, вертикальными краями и невыделенным уплощенным дном залегал в слое серого золистого суглинка. Овальная в сечении ручка крепится к венчику и к нижней части тулова (рис. 4,2).

9. Фрагментированный сосуд с усеченно-коническим туловом, вертикальными краями со сливом и невыделенным уплощенным дном содержался в слое серого золистого суглинка. Овальная в сечении ручка крепится к венчику и к нижней части тулова (рис. 4,3).

10. Целый сосуд с расширенным в верхней части овалоидным туловом, усеченно-коническим горлом со сливом и невыделенным уплощенным дном обнаружен в слое серого золистого суглинка. Ручка утрачена в древности (рис. 4,4).

11. Целый сосуд с усеченно-коническим туловом, вертикальными краями и невыделенным уплощенным дном встречен в слое серого золистого суглинка. Овальная в сечении ручка крепится к венчику и к нижней части тулова (рис. 5,1).

12. Фрагмент полного профиля сосуда с усеченно-коническим туловом, вертикальными краями со сливом и невыделенным уплощенным дном находился в слое серого золистого суглинка. Часть дна и стенок тулова с ручкой утрачены в древности (рис. 4,5).

13. Частично фрагментированный сосуд с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями, выделенным плоским дном присутствовал в слое серого золистого суглинка. Округлая в сечении ручка крепится к венчику и к средней части тулова (рис. 5,2).

14. Фрагментированный сосуд с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и выделенным плоским дном происходит из слоя серого золистого суглинка. Ручка утрачена в древности (рис. 5,3).

15. Фрагментированный сосуд с полусферическим туловом, плавно загнутыми краями со сливом и невыделенным плоским дном найден в слое серого золистого суглинка. Ручка утрачена в древности (рис. 5,4).

16. Фрагментированный сосуд с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями со сливом и невыделенным уплощенным дном залегал в слое серого золистого суглинка. Ручка утрачена в древности (рис. 5,5).

17. Целый сосуд с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и невыделенным уплощенным дном содержался в заполнении хозяйственной ямы № 61. Ручка утрачена в древности (рис. 6,1).

18. Целый сосуд с полусферическим туловом, вертикальными краями и невыделенным плоским дном зачищен в землянке. Овальная в сечении ручка крепится к венчику и к нижней части тулова (рис. 6,2).

19. Целый сосуд с полусферическим туловом, вертикальными краями и невыделенным плоским дном также встречен в землянке. Овальная в сечении ручка крепится к венчику и к средней части тулова (рис. 6,3).

20. Фрагментированный сосуд со сферическим туловом, цилиндрическим горлом и выделенным плоским дном обнаружен при снятии одной из бровок между квадратами. Его уплощенно-овальная в сечении ручка крепится к венчику и к средней части тулова (рис. 6,4).

21. Целый сосуд с полусферическим туловом, слабо загнутыми краями со сливом и невыделенным плоским дном также найден при разборе бровок. Ручка утрачена в древности (рис. 6,5).

22. Целый сосуд с подцилиндрическим туловом, вертикальными краями и плоским невыделенным дном выявлен при зачистке одной из кладок помещения 3. Ручка утрачена в древности (рис. 6,6).

Ни одной из описанных кружек подобрать аналогии не удалось.

* * *

Рассмотренные лепные керамические сосуды позволяют сделать определенные выводы и высказать некоторые предположения. Начнем с того, что все они происходят из археологических контекстов, которые относятся к позднему, а учитывая залегание отдельных экземпляров непосредственно в дерне и сразу под ним, возможно, и к финальному этапу существования поселения. Причем надо отметить, что такого количества миниатюрных сосудов, полученного с ограниченной вскрытой площади, неизвестно ни на одном другом однокультурном или синхронном поселении не только Крыма, но и вообще всего Северного Причерноморья (во всяком случае, учитывая доступные нам публикации).

Отсутствие морфологических соответствий кружкам и солонке 8 может свидетельствовать об эндогенном развитии керамического комплекса поселения в Барабановской балке, когда эти изделия изготавливали, не следуя каким-либо привнесенным извне культурным традициям. Вместе с тем, прототипы и аналоги остальных солонок, если не считать группу «этнически нейтральных» (солонки 1-3), избирательно фиксируются среди посуды сарматов или на тех территориях, где сарматское присутствие не вызывает сомнений. Таким образом, солонки 4-7 из Барабановской балки, скорее всего, отражают наличие сарматского этнического компонента в составе жителей существовавшего здесь в римское время поселения. Памятники, где обнаружены параллели указанным солонкам, возможно, маркируют путь проникновения носителей традиции их изготовления из Азиатской Сарматии в Крым через Северный Кавказ и Боспор.

Небольшие размеры интересующих нас солонок и кружек вряд ли давали возможность пользоваться ими в быту по прямому назначению. Правда, лощеные солонки могли бы применяться в качестве собственно посуды или же туалетных сосудов, однако в нашей коллекции таких экземпляров нет. Небрежно выделанные сосудики, какими является подавляющее большинство изделий нашей выборки, в принципе могли бы выполнять функцию светильников, но следы воздействия огня или нагар, которые должны были бы быть на их внутренней поверхности, отсутствуют.

Предположение о возможном использовании солонок и миниатюрных кружек в ритуально-культурной сфере, в качестве вотивных даров или сосудов для возлияний, выглядело бы более обоснованным при условии нахождения этих изделий в соответствующем комплексе – зольнике³ или святилище. В этой связи обратим внимание на тот факт, что около 20-ти из числа описанных сосудов, найденных в слое серого золистого суглинка, компактно концентрировались в пределах одного квадрата 14, а вместе с ними присутствовал и обломок реберчатой курильницы (неопубликованные материалы из раскопок 2009 г.). Может быть, такое сочетание и является случайным, но оно, тем не менее, не позволяет полностью отрицать принадлежность всех этих предметов к разряду культовых. Кстати, устья многих изделий имеют слив, который преднамеренно сделан для удобства выливания жидкости. Однако возможность использования кружек со сливом для совершения ритуальных возлияний ставится под сомнение из-за их крайне незначительного объема.

Наконец, можно было бы предложить версию о том, что сосуды малых размеров специально изготавливали в качестве инвентаря, сопровождавшего

---

³ Не вдаваясь в подробное рассмотрение проблемы, отметим, что в литературе зольники трактуются и как культовые объекты, и как места скопления бытового мусора, в том числе и очажных сбросов [см.: 22, с. 411, сн. 2].

захоронения детей, однако ни в одном из 13-ти открытых на поселении в Барабановской балке погребений младенцев миниатюрных сосудов не встречено. Нет их и среди лепной посуды из погребальных комплексов некрополя Нейзац, в том числе и детских.

Самобытный характер солонки 8 и кружек, очевидно, не случаен, и это наталкивает на мысль об их изготовлении нарочито отличающимися как по форме, так и по размеру от существовавших в действительности сосудов. Если о солонках 1-7 еще можно сказать, что они повторяют превосходящие их по размеру миски, то остальные образцы не являются имитациями или копиями реальных изделий. Аналогичная по форме полноразмерная посуда в керамическом комплексе Барабановской балки не представлена. Следовательно, интересующие нас солонка 8 и кружки, с одной стороны, не отвечают канонам традиционной культуры взрослых людей, которые в древности проживали в устье Барабановской балки, а с другой стороны, именно эти люди являлись их производителями. Исходя из этого, полагаем, что указанные миниатюрные сосуды (или какая-то их часть) были специально изготовлены для детей и служили им игрушками⁴. Осознавая гипотетичность данного вывода, хочется надеяться, что наша работа привлечет внимание других исследователей к дальнейшей разработке темы по выявлению субкультурных элементов в традиционной культуре древнего населения Крыма, которые были свойственны детям. Способствовать прояснению ситуации в этом отношении могло бы привлечение к результатам археологических исследований данных этнографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004-2006 гг.). Симферополь, 2007.
2. Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь, 2009.
3. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
4. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III-IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. К., 1999.
5. Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970.
6. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
7. Катюшин Е.А. Курганный могильник I в. до н.э. – II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. 1996. Вып. V.

---

⁴ И сейчас еще в ряде украинских сел гончары специально для детей делают в качестве игрушек уменьшенные копии реальных бытовых сосудов (такие игрушки называются «монетки», поскольку в прошлом на ярмарках они стоили 1 копейку, т.е. за них давали одну монету) [23, с. 46, 61].

8. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
9. Яценко И.В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974-1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. К., 1983.
10. Арсеньева Т.М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970.
11. Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. К., 1970.
12. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (Этнокультурные процессы). К., 1996.
13. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. К., 1979.
14. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
15. Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
16. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 104.
17. Бруяко И.В. Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей. К., 1993.
18. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н.э.). М., 1993.
19. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А. К этнической истории северо-западного Прикаспия в I тысячелетии до н.э. – XVIII в.н.э. (предварительное обобщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
20. Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. Открытые сосуды // МИА. 1965. №127.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953.
22. Винокуров Н.И., Мацнев Д.В., Фесенко А.В. Календарные аспекты пространственного расположения зольных холмов античных городищ Артезиан и Багеро-Северное в Крымском Приазовье // БИ. 2010. Вып. XXIV.
23. Крутенко Н. Розповіді про кераміку. К., 2002.

Власов В. П.

**Миниатюрные лепные сосуды из позднескифского
поселения в Барабановской балке**

Резюме

Статья посвящена публикации 30-ти лепных сосудов из позднескифского поселения II-IV вв. н.э. в Барабановской балке, которые отличаются от прочих изделий данной группы своими миниатюрными размерами. Анализ 8-ми солонок и 22-х кружек позволил сделать предположение о том, что большая часть сосудов являлась детскими игрушками.

Власов В. П.

**Мініатюрні ліплені посудини з пізньоскіфського
поселення в Барабанівській балці**

Резюме

Статтю присвячено публікації 30-ти ліплених посудин з пізньоскіфського поселення II-IV ст. н.е. в Барабанівській балці, які відрізняються від решти виробів даної групи своїми мініатюрними розмірами. Аналіз 8-ми солонок та 22-х кувалів дозволив зробити припущення, що більша частина посудин слугувала дитячими іграшками.

Vlasov V. P.

**The Small Hand-made Vessels from the Late Scythian Settlement
in Barabanovo Ravine**

Summary

The article is devoted to the publication of 30 hand-made vessels from the Late Scythian settlement dating back to the 2nd - 4th centuries AD in Barabanovo Ravine; they differ from other products of the given group by their tiny size. The analysis of 8 salt-cellar and 22 mugs gave an opportunity to suppose that the majority of small vessels were children's toys.

Рис. 1. План расположения некрополя Нейзац (1) и поселения в Барабановской балке (2).

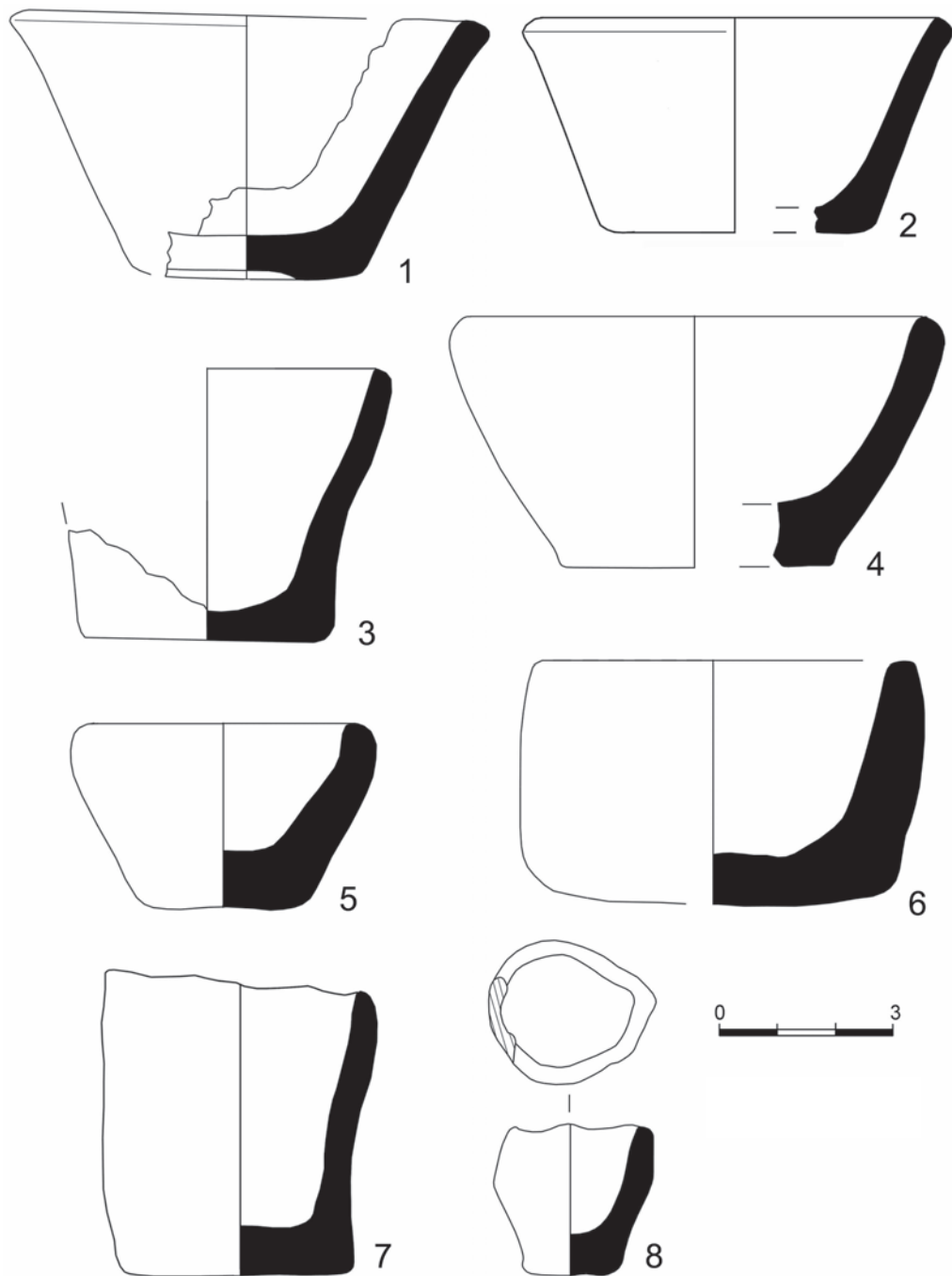

Рис. 2. Солонки.

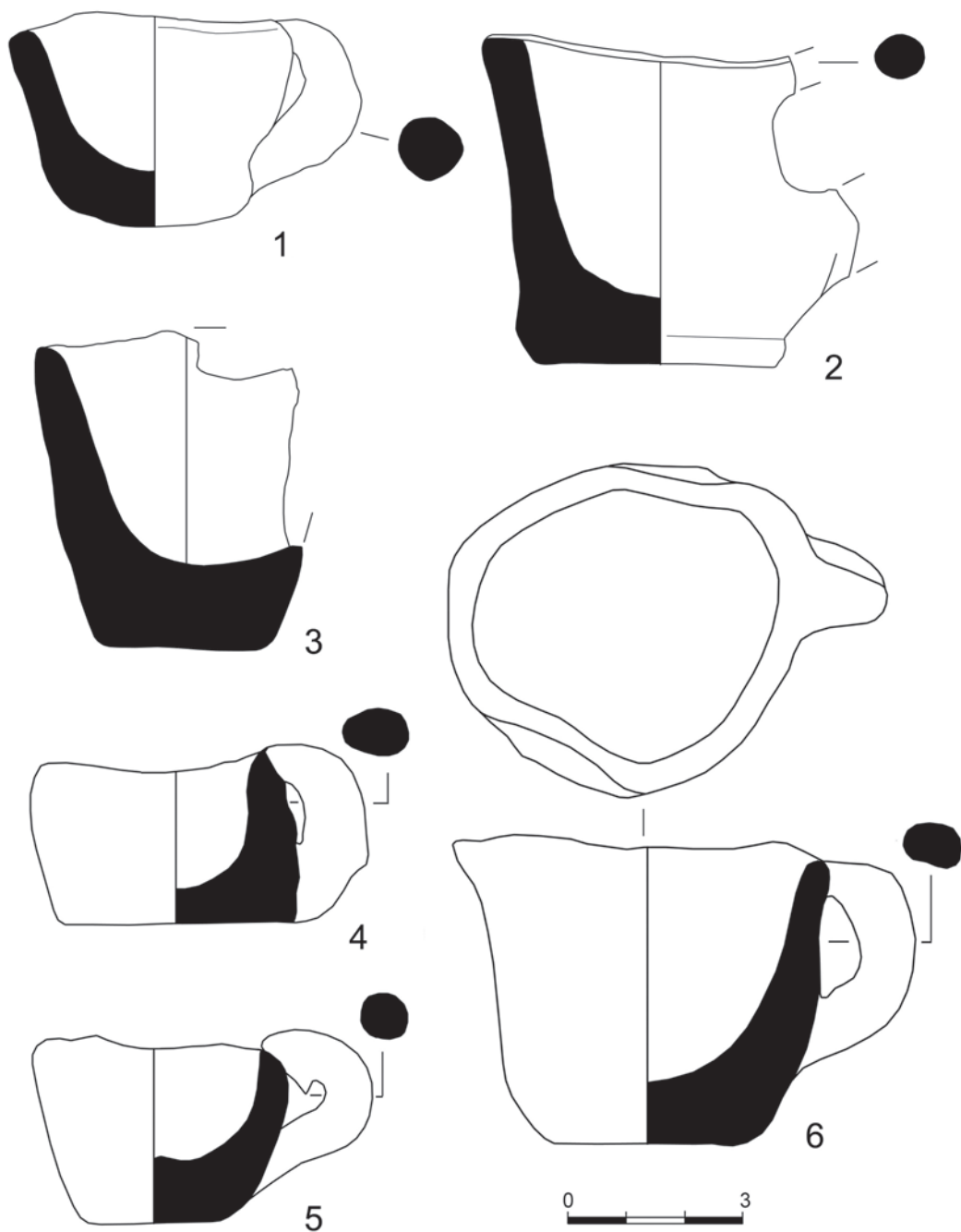

Рис. 3. Кружки.

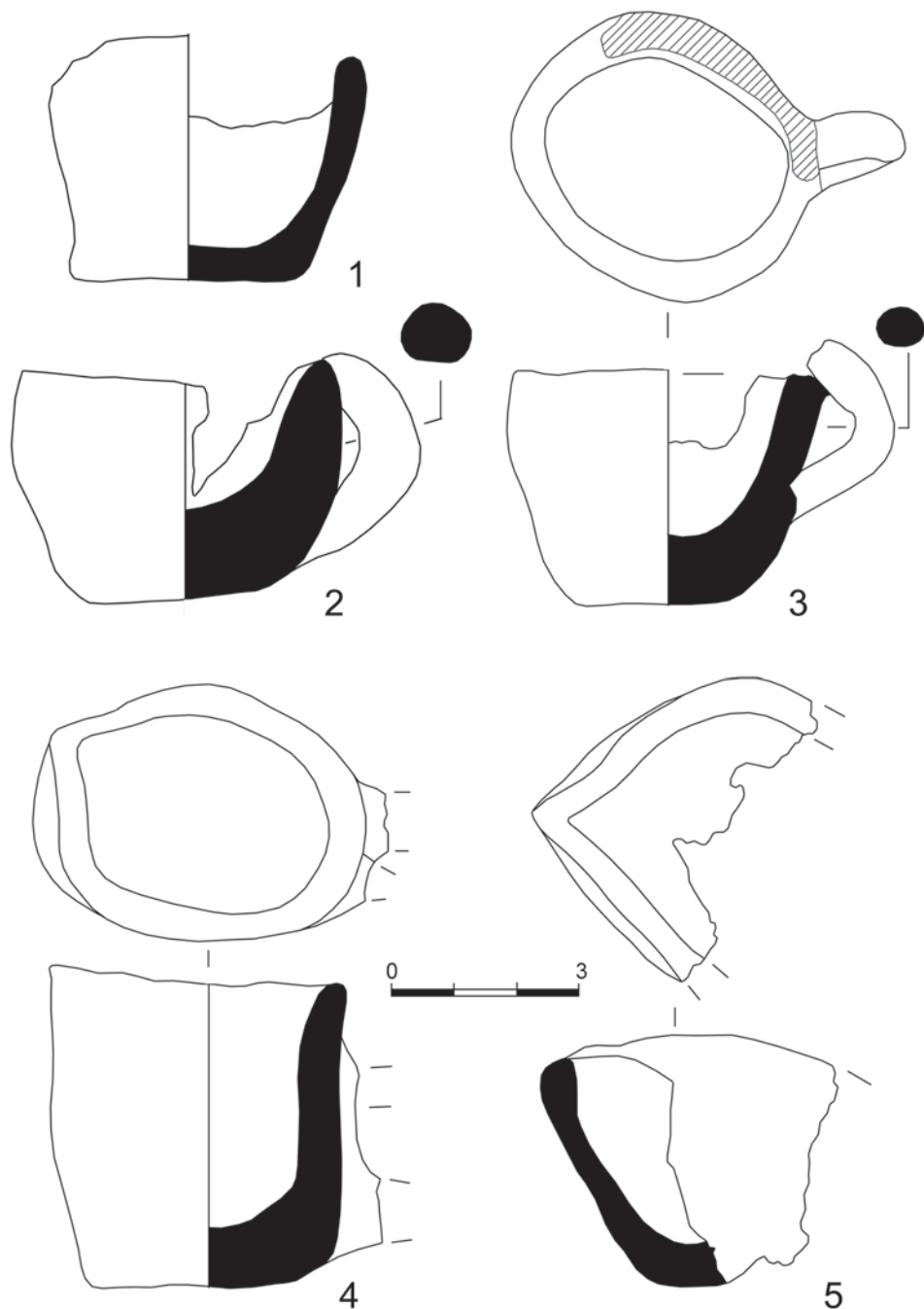

Рис. 4. Кружки.

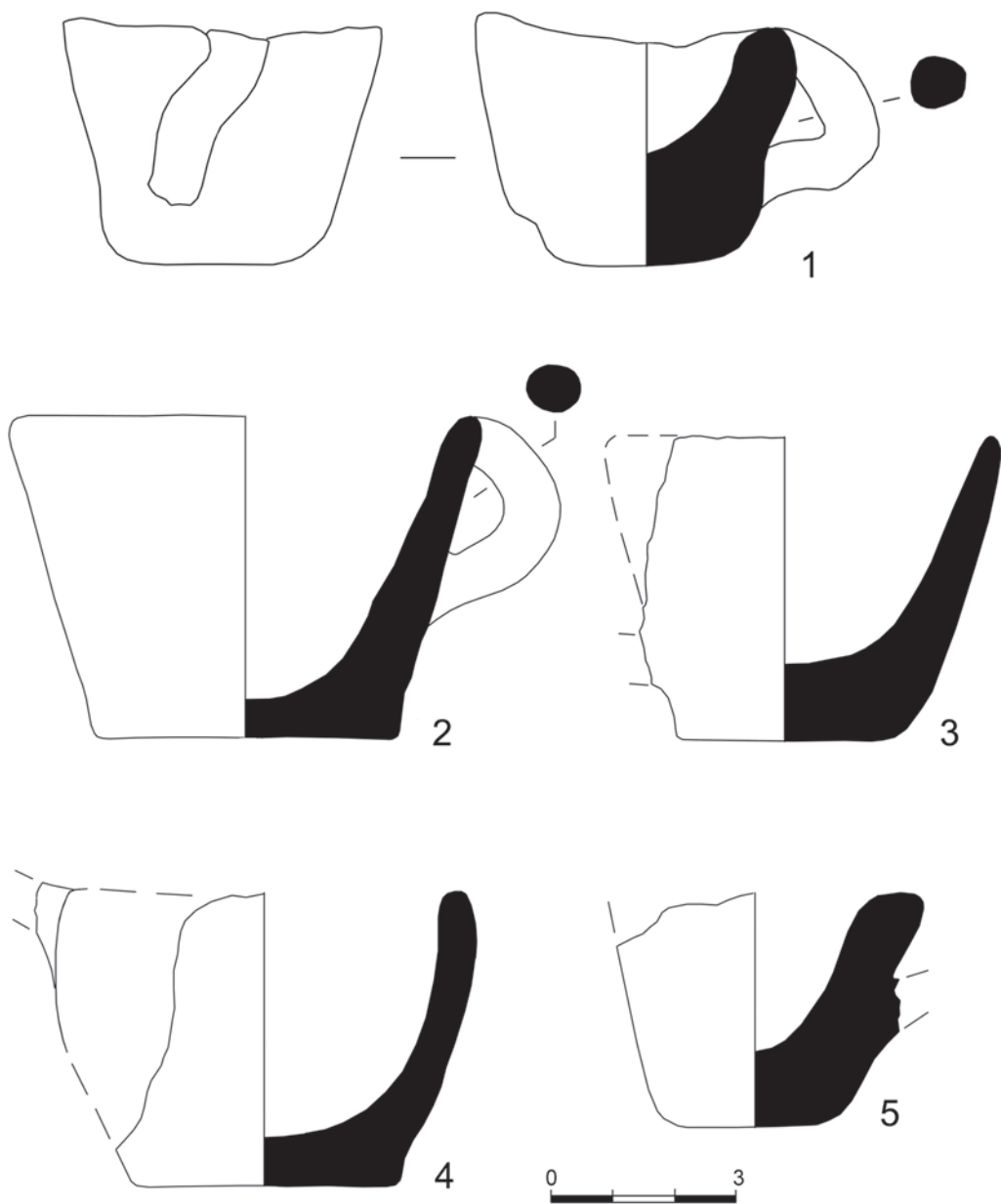

Рис. 5. Кружки.

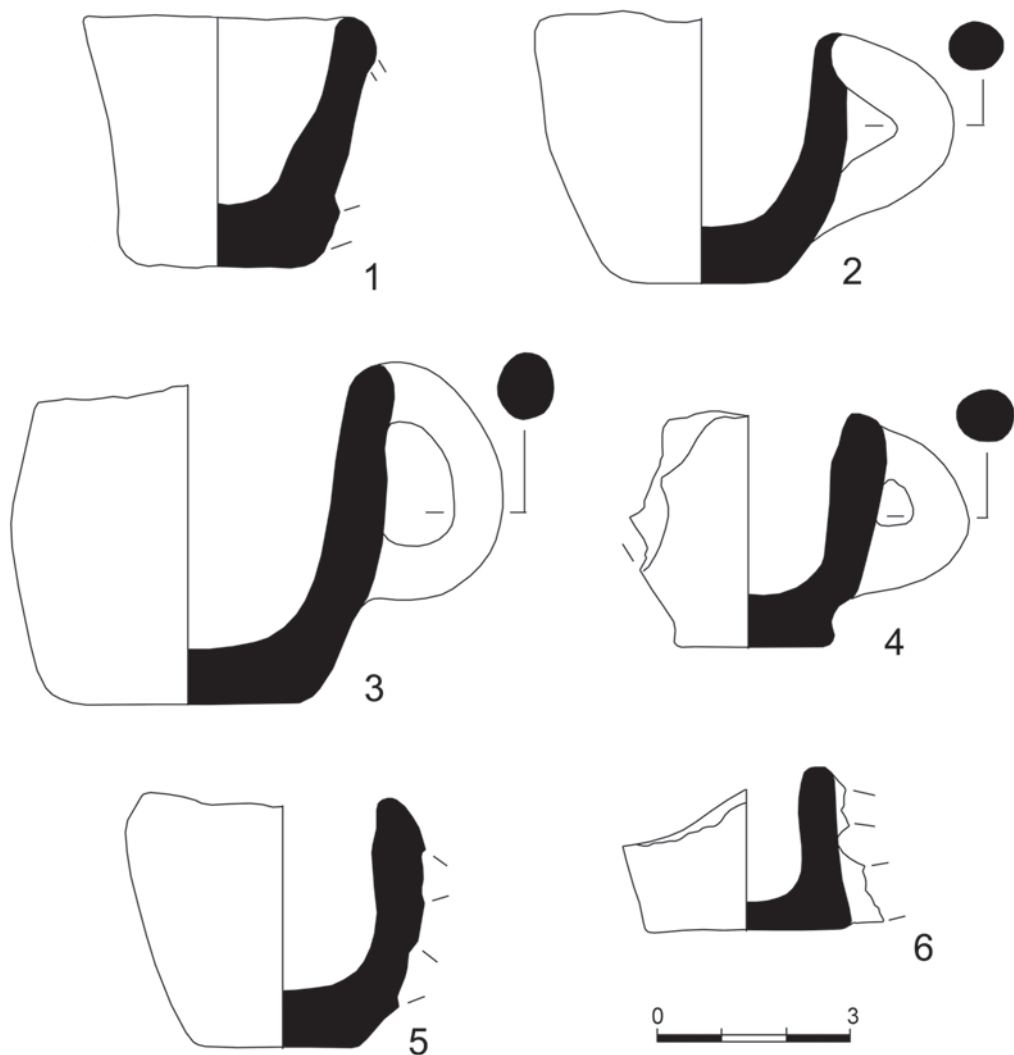

Рис. 6. Кружки.

В. Ю. РАДОЧИН

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ДРУЖНОЕ

Могильник Дружное III-IV вв. н.э. находится в 18-20 км от Симферополя в предгорном Крыму на отроге Долгоруковской яйлы в 0,5-1 км к юго-востоку от села Дружное. За время археологических раскопок на могильнике было исследовано 24 склепа, 29 подбойных могил, 13 грунтовых могил, в двух случаях погребальные сооружения не прослежены. Одно погребение в грунтовой могиле относится, вероятно, к кизил-кобинской культуре, еще одно погребение совершено в грунтовой могиле, предположительно, в более позднее время [14, с. 15]. По данным публикации материалов могильника, всего было захоронено не менее 145 человек: в склепах – 84, в подбойных могилах – 44, в грунтовых могилах – 17. Детских погребений было не менее 15 (8 – в склепах, 3 – в подбойных могилах, 4 – в грунтовых) [14, с. 15-37, 102-167].

Во время раскопок был собран и передан на хранение в Центральный музей Тавриды краниологический материал из сорока погребений, публикации которого и посвящена данная статья¹. В ходе проведенной работы исследовано 38 черепов и 2 нижние челюсти из 23 погребальных сооружений, из них 17 мужских, 15 женских, 3 детских, в трех случаях пол не определен. В 21 случае была необходима работа по реставрации. В 9 случаях сохранность материала была неудовлетворительной.

Краниометрические измерения и описания проводились по методике антропологических исследований, разработанной В. П. Алексеевым и Г. Ф. Дебецом [1]. В описательной части использована маркировка, соответствующая сопроводительной документации. Эпигенетические признаки черепов описывались по G. Hauser и G. F. De Stefano [17]. При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола», принятая FDI в 1971 г. Определение возраста и половой принадлежности проводилось

---

¹ Автор статьи выражает глубокую признательность руководителю раскопок д.и.н. И.Н. Храпунову за предоставленный для исследования материал.

по общепринятым методикам с привлечением материалов судебной медицины и стандарта обработки антропологического материала [7; 19]. При исследовании патологических состояний использовалась методика, разработанная А. П. Бужиловой [2].

Могила 1. Погребение в грунтовой могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток, кости кисти левой руки находились на тазовых костях.

Череп женский, разрушен, сохранность неудовлетворительная, кости грацильные, форма черепа пентагоноид. Развитие надбровья 1 балл. Верхний глазничный край острый. На черепе отмечены добавочные косточки (*os lambdae*). Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Передненосовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы, с хорошо выраженным рельефом ветвей. Стертость зубов соотносится с 25 годами. Черепные швы без следов облитерации. Отмечено увеличение резцового канала. Патология: отмечена адентия 18 и 28 зубов.

Склеп 3, предположительно, погребение А.

Череп мужской, разрушен, кости массивные, форма черепа пентагоноид, по черепному указателю мезокранный. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 2,5 балла. На черепе отмечены дополнительные косточки (*os lambdae*, *os suturae lambdaoidea*, *os astericum*, *os suturae mastoidea*). Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольная. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Патология: отмечен зубной камень серого цвета.

Склеп 4. Погребения разрушены грабителями, в ходе археологических раскопок получен один череп удовлетворительной сохранности.

Череп мужской, массивный, по форме пентагоноид. По черепному указателю долихокранный. Развитие надбровья 2,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты низкие. Отмечен метопический шов. Носовые кости с горбинкой. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Передненосовая ость 2 балла. Сосцевидные отростки – 4 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Хорошо выражен затылочный бугор. Облитерация черепных швов соотносится с 50 годами. На черепе отмечены добавочные косточки (*os astericum*). Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 30-40 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы, с хорошо выраженным рельефом. Лицо мезогнатное. Патология: отмечен зубной камень серого цвета.

Могила 5. Погребение в подбойной могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток.

Череп женский, разрушен, кости массивные. Верхний глазничный край острый. Передненосовая ость 3 балла. Грушевидное отверстие *infantilis*. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 23 годами. Отмечено увеличение резцового канала. Патологии: адентия 18 зуба, зубы 14, 15, 24, 25 поражены кариесом.

Могила 15. Погребение в подбойной могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад, кости кистей рук находились на тазовых костях.

Череп мужской, массивный, по форме пентагоноид, по черепному указателю долихокранный. Развитие надбровья 2,5 балла. Верхний глазничный край острый. Орбиты средневысокие. Кости носа с горбинкой. Передненосовая ость 3,5 балла. По носовому указателю лепториния. Сосцевидные отростки 3 балла. Хорошо выражены наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная, треугольная. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть верхней челюсти параллельная. Состояние зубной системы соотносится с 25-26 годами. Лицо мезогнатное. Патологии: отмечено нарушение прикуса (прогенический), зубной камень серого цвета.

Могила 17. Погребение в грунтовой могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток, кости кисти левой руки лежали на тазовых костях.

Череп женский, разрушен, массивный, сохранность неудовлетворительная. Форма черепа овоидная. Развитие надпереносья 2 балла. Верхний глазничный край острый. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть округлая, с умеренно развитым рельефом. Состояние зубной системы соотносится с 35 годами. Патология: эмалевая гипоплазия.

Склеп 22. Погребения разрушены грабителями, в ходе археологических раскопок получен один череп удовлетворительной сохранности.

Череп женский, разрушен, грацильный. Верхний глазничный край округлый. Орбиты высокие. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. По носовому указателю лепториния. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Затылок уплощен из-за непреднамеренной деформации. Затылочное отверстие неправильной формы. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20-21 годами. Нижняя челюсть грацильная. Лицо ортогнатное. Отмечены добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaidea*, *os suturae mastoidea*). На лобной кости отмечен метопический шов. Патологии: NFI на левой части лобной кости, артроз основания черепа, остеома основной пазухи (мощное костное разрастание губчатой костной ткани), эпидуральная гематома на лобной кости с внутренней стороны.

Склеп 35. Погребения разрушены грабителями, в ходе археологических раскопок получен один череп удовлетворительной сохранности.

Пол погребенного не определен. Череп разрушен, получены массивные фрагменты свода черепа, сохранность неудовлетворительная. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами.

Могила 38. Погребение в грунтовой могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп мужской, массивный, по форме асимметричный пентагоноид, по черепному указателю мезокранный. Развитие надбровья 3,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средневысокие. Сосцевидные отростки 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. По носовому указателю лепториния. Очень хорошо выражены наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Отмечены добавочные косточки на черепе (*os lambdae*). Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть массивная, квадратная, с хорошо выраженным рельефом тела и ветвей. Стертость зубной системы соотносится с 35-45 годами. Патологии: зубной камень серого цвета, отмечена *cribra orbitalia*.

Могила 41. Погребение в грунтовой могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, левая рука погребенного слегка согнута в локтевом суставе, и кости кисти перекрывают правый тазобедренный сустав.

Череп мужской, разрушен, умеренно массивный. Развитие надбровья 2,5 балла. Затылочное отверстие ромбическое. Отмечены добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaidea*). Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 35-45 годами. Сосцевидные отростки 3,5 балла. Сохранность очень плохая. Нижняя челюсть треугольная. Патологии: отмечен зубной камень серого цвета, зубы 36, 46 разрушены, артроз суставных площадок основания черепа.

Могила 42. Погребение в подбойной могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, кости правой кисти погребенного находились под правым тазобедренным суставом.

Череп мужской, массивный, по форме пентагоноид, по черепному указателю мезокранный. Развитие надбровья 0,5 балла. Орбиты высокие. Отмечено уплощение лицевого скелета на уровне орбит и носовых костей. Верхний глазничный край округлый. Орбиты низкие, прямоугольные. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. По носовому указателю лепториния. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены средне. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 21 годом. Облитерация черепных швов не отмечена. Отмечены добавочные косточки на черепе (*os bregmaticum*, *os suturae lambdaidea*). Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Лицо ортогнатное.

Могила 43. Погребение в грунтовой могиле совершено на животе, головой на северо-восток. Руки были согнуты в локтях, лучевые кости находились под грудной клеткой. Ноги согнуты в коленях, берцовые кости подняты почти вертикально, опираясь на стену могилы и возвышаясь над ее краем.

Череп мужской, разрушен, грацильный, по форме пентагоноид, по черепному указателю долихокранный. Развитие надбровья 3,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 4 балла. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены очень хорошо. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Стертость зубов соотносится с 20-25 годами. Нижняя челюсть треугольная, грацильная.

Могила 44. Погребение в подбойной могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, правая рука погребенного согнута в локтевом суставе, и ее кисть находится под тазовыми костями.

Череп разрушен, грацильный, брахикранный. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 1 балл. Отмечены добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdoidea*). Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Развитие зубной системы соотносится с 12 годами. Патологии: отмечена *cribra orbitalia*.

Могила 45. Погребения в подбойной могиле.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп мужской, массивный, по форме сфеноид, брахикранный. Череп искусственно деформирован, вид деформации – лобно-затылочная. Развитие надбровья 2,5 балла. Верхний глазничный край острый. Орбиты средневысокие. Наблюдается уплощение лицевого скелета. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Передненосовая ось 1,5 балла. По носовому указателю лепториния. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие овальное. Облитерации черепных швов не отмечено. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть массивная, треугольная. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 20-22 годами. Лицо мезогнатное. На черепе отмечен ряд монголоидных признаков. Патологии: на зубах отмечена эмалевая гипоплазия, зубной камень серого цвета.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, левая рука была согнута в локте почти под прямым углом, кисти левой кисти находилась на тазовых костях.

Череп женский, грацильный, долихокранный. Искусственно деформирован, вид деформации – лобно-затылочная. Развитие надбровья 0,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты высокие, круглые. Нижний край

грушевидного отверстия *infantilis*. Передненосовая ость 3 балла. По носовому указателю лепториния. Носовая перегородка искривлена. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Затылочное отверстие овальное. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Состояние зубной системы соотносится с 20-23 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Лицо ортогнатное. Нижняя челюсть грацильная, округлая. Патологии: зубы 36, 37 поражены кариесом, зубной камень серого цвета, эмалевая гипоплазия.

Могила 48. Погребения в грунтовой могиле.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп мужской, грацильный, по форме пентагоноид, по черепному указателю брахикранный. Развитие надбровья 2,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средневысокие. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. По носовому указателю хамэриния. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Хорошо выражен затылочный бугор. Облитерация черепных швов соотносится с 30-35 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 35-40 годами. Лицо прогнатное. Патологии: на черепе следы холодового стресса, зуб 26 поражен кариесом, в области зуба 26 – абсцесс (с внутренней и внешней стороны нижней челюсти), зубной камень серого цвета.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Руки были согнуты в локтях, кисть правой руки была положена под таз, кисть левой руки – на него. Ноги погребенного были слегка согнуты в тазобедренных и коленных суставах, длинные кости ног были видны боковыми поверхностями.

Череп женский, разрушен, грацильный, по форме пентагоноид. Верхний глазничный край округлый. Носовые кости с горбинкой. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Сохранность очень плохая. Облитерация черепных швов соотносится с 50 годами и выше. Патология: незначительно выражено НФИ на правой стороне лобной кости.

Получен отдельный череп, возможно, из заполнения могилы.

Череп мужской, массивный, по форме пентагоноид, по черепному указателю долихокранный. Развитие надпереносья 2 балла. Сосцевидные отростки 3 балла. Верхний глазничный край острый. Орбиты средневысокие. Носовые кости с горбинкой. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Передненосовая ость 3 балла. На черепе отмечены добавочные косточки (*os lambdae*). Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие ромбическое. Альвеолярная часть верхней челюсти параллельная ввиду утраты зубов. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Патология: все зубы на верхней челюсти утрачены при жизни.

Могила 53. Погребение в грунтовой могиле совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп женский, грацильный, по форме пентагоноид, по черепному указателю мезокранный. Череп искусственно деформирован по теменным и затылочной костям. Развитие надбровья 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты высокие. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. По носовому указателю лепториния. Сосцевидные отростки 2,5 балла. На сосцевидных отростках отмечен *suturae mastoidea*. Носовые кости с горбинкой. Лицо мезогнатное. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочная кость сильно отстывает. Хорошо выражен затылочный бугор. Затылочное отверстие овальное. Отмечены добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdoidea*, *os incisurare parietalis*). Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Сильно увеличен резцовый канал. Состояние зубной системы соотносится с 21-22 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Патологии: адентия 38 и 48 зубов, отмечены дегенеративные изменения на нижней челюсти в области левого суставного мыщелка.

Могила 57. Погребение в подбойной могиле было совершено, предположительно, головой на северо-восток.

Детский череп, грацильный. Верхний глазничный край острый. Форма черепа пентагоноидная. Развитие зубной системы соотносится с 3 годами.

Склеп 58, погребение 4 (D) совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток.

Череп женский, разрушен, массивный, по форме пентагоноид, по черепному указателю мезокранный. Развитие надбровья 0,7 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средневысокие. Сосцевидные отростки 3,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлая, с хорошо выраженным рельефом. Состояние зубной системы соотносится с 45-50 годами. Патологии: поротический гиперостоз на лобной, теменных и затылочной костях, холодный стресс, НФИ на правой стороне лобной кости, в области зубов 32 и 42 – абсцесс.

Склеп 66, погребение 4 (D) совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп мужской, массивный, по форме сфеноид, по черепному указателю брахикранный. Развитие надпереносья 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Передненосовая ось 3 балла. По носовому указателю лепториния. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Хорошо выражен затылочный бугор. Затылочное отверстие ромбическое. На черепе отмечены

добавочные косточки (os astericum, os suturae lambdoidea). Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Лицо ортогнатное. Состояние зубной системы соотносится с 35-45 годами. Нижняя челюсть массивная, округлая. Хорошо выражен рельеф тела и ветвей. Патологии: поротический гиперостоз лобной и теменных костей, отит, отмечен зубной камень серого цвета, в области зуба 36 абсцесс с внешней и внутренней стороны, асимметричное развитие ветвей нижней челюсти – левая ветвь выражена сильнее.

Могила 67. Погребения в подбойной могиле.

Погребение 1 (В) совершено в северном подбое в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Череп мужской, разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 2 балла. Отмечен suturae mastoidea. Облитерация черепных швов не отмечена. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Патологии: в области зуба 46 абсцесс с внешней стороны, отмечен зубной камень серого цвета.

Погребение 1 (А) совершено в южном подбое в вытянутом положении на спине, головой на запад. Правая рука согнута в плечевом локтевом суставе, левая рука вытянута, кости левой кисти находятся на тазовых костях.

Череп мужской, массивный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия infantilis. Передненосовая ость 2 балла. По носовому указателю хамэриния. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 23-24 годами. Патологии: эмалевая гипоплазия 2 линии, зуб 36 поражен кариесом, зуб 46 разрушен, адентия 38 и 48 зубов.

Погребение 2 (С) совершено в южном подбое в вытянутом положении на спине, головой на запад, левая кисть находилась на тазовых костях.

Череп женский, разрушен, сохранность неудовлетворительная, по форме пентагоноид. Получены массивные фрагменты стенок черепа и нижней челюсти. Верхний глазничный край округлый. Развитие надпереносья 3 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 35-45 годами. Патологии: зубной камень серого цвета, на лобной кости справа, в области венечного шва отмечена травма размером 15x10 мм, со следами заживления.

Могила 73. Погребения в подбойной могиле.

Погребение В совершено в северном подбое в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп женский, разрушен, массивный, по черепному указателю мезокраний. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средневысокие. Сосцевид-

ные отростки 3 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 23-25 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Патологии: адентия 18 и 28 зубов, зуб 37 поражен кариесом, отит, зубной камень серого цвета, отмечена *cribra orbitalia*, отмечены ямочки грануляций на внутренней поверхности стенок черепа в области венечного шва.

Погребение С совершено в северном подбое в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп мужской, грацильный, по форме пентагоноид. По черепному указателю мезокранный. Развитие надпереносья 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 4 балла. Хорошо выражены наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Облитерация черепных швов не отмечена. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть треугольной формы, грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Патологии: зубы 16, 26, 27 поражены кариесом, в области зуба 24 абсцесс с внутренней стороны, отит, адентия 38 и 48 зубов, зубной камень серого цвета, эмалевая гипоплазия линии.

Погребение D совершено в южном подбое в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп женский, разрушен, массивный. Развитие надбровья 1,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 3 балла. Передненосовая ость 2 балла. По носовому указателю мезориния. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть грацильная. Патологии: отеофит на внутренней поверхности левой глазницы, абсцесс в области зуба 24.

Погребение E совершено в южном подбое в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп мужской, разрушен, грацильный. Развитие надпереносья 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия *sulcus praenasalis* (предносовой желоб). Верхний глазничный край округлый. Орбиты высокие. Носовые кости с горбинкой. Состояние зубной системы соотносится с 45-50 годами. Патологии: отмечено нарушение прикуса (прогенический), начальная стадия НФИ, зубы 14-18, 24-28 утрачены при жизни, нижняя челюсть округлая, зубной камень серого цвета, в области зуба 13 абсцесс.

Склеп 84. *Погребение 1 (G)* совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп мужской, умеренно массивный, по форме пентагоноид, черепному указателю мезокранный. Развитие надбровья 1,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средневысокие. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Носовые кости с горбинкой. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*.

Передненосовая ость 3 балла. По носовому указателю мезоринный. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие ромбическое. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Лицо мезогнатое. Состояние зубной системы соотносится с 20-25 годами. На черепе отмечены добавочные косточки (*os suturae coronalis*, *os suturae lambdaidea*, *os astericum*). Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Патологии: отмечен незначительный поротический гиперостоз по своду черепа, зубной камень серого цвета, зуб 47 поражен кариесом, эмалевая гипоплазия 2 линии.

Погребение 2 (С) совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Получен детский разрушенный череп неудовлетворительной сохранности. Возраст погребенного соотносится с шестью месяцами.

Погребение 3 (В) совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп женский, разрушен, грацильный. Развитие надпереносья 0 баллов. Верхний глазничный край острый. Орбиты высокие. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Отмечено уплощение костей лицевого скелета на уровне переносицы. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. Передненосовая ость 2 балла. По носовому указателю лепториния. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25-30 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Сильно увеличен резцовый канал. Лицо мезогнатное. Патологии: зубы 47, 48 утрачены при жизни, зубной камень серого цвета.

Склеп 87. *Погребение 2 (В)* совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, правая кисть погребенного находится под тазовыми костями.

Череп женский, разрушен, массивный, по форме сфеноид. Развитие надпереносья 2,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты высокие. Сосцевидные отростки 3 балла. Носовые кости с горбинкой. Нижний край грушевидного отверстия *infantilis*. По носовому указателю лепториния. Передненосовая ость 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 21-23 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Лицо мезогнатное. Патология: холодный стресс.

Также были получены пять черепов и две нижние челюсти с утраченными сопроводительными документами. Им была дана условная нумерация.

Череп условно 1. Разрушен, грацильный, искусственно деформирован. Деформация отмечена по теменным и затылочной костям. Развитие надбровья 0,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочный бу-

гор выражен средне. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Состояние зубной системы соотносится с 20-25 годами. Патологии: отмечена травма на сагиттальном шве (в области точки bregma), 34x21 мм, травма сквозная, со следами вторичных трещин с внутренней стороны (травма смертельная), зубной камень серого цвета, отмечены ямочки грануляций.

Череп условно 2. Предположительно мужской, разрушен, массивный, по форме пентагоноид. Развитие надбровья 0,2 балла. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия infantilis. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Отмечены добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлая. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Патология: все зубы на верхней челюсти утрачены при жизни, зубы 31-35 утрачены при жизни (возможна травма), отмечены ямочки грануляций на внутренней поверхности стенок черепа, до сквозного разрушения.

Череп условно 3. Разрушен, грацильный, по черепному указателю на верхней границе мезокрании. Сосцевидные отростки 2 балла. Затылочное отверстие овальное. Надбровье 1,5 балла. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 20-25 годами. Облитерация черепных швов не отмечена.

Череп условно 4. Предположительно женский, массивный, по форме пентагоноид, по черепному указателю долихокраний. Развитие надпереносья 1,5 балла. Сосцевидные отростки 3 балла. Верхний глазничный край острый. Нижний край грушевидного отверстия infantilis. Передненосовая ось 3 балла. Отмечен suturae mastoidea. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Хорошо выражен затылочный бугор. Затылочное отверстие ромбическое. Отмечена полная облитерация черепных швов. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Рельеф тела нижней челюсти выражен хорошо. Хорошо выражен подбородочный край. Патологии: все зубы на верхней челюсти и зубы 36, 37, 38, 46, 47, 48 утрачены при жизни, в области зуба 43 абсцесс.

Череп условно 5. Предположительно женский, разрушен, грацильный, сохранность неудовлетворительная. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20-21 годами. Патологии: зубы 15-17 утрачены при жизни, на зубах 16, 26, 28 отмечен кариес.

Также получены две нижние челюсти, не соотносящиеся с вышеописанными черепами.

Нижняя челюсть условно 1. Предположительно мужская, массивная, квадратной формы. Очень хорошо выражены подбородочный край и рельеф

тела и ветвей. Состояние зубной системы соотносится с 23-24 годами. Патологии: зубной камень серого цвета, эмалевая гипоплазия – 1 линия.

Нижняя челюсть условно 2. Предположительно женская, грацильная, треугольной формы. Подбородочный край и рельеф ветвей выражены средне. Состояние зубной системы соотносится с 21-22 годами. Патологии: зубы 37, 45, 46 поражены кариесом, зуб 38 утрачен при жизни.

Индивидуальные измерения черепов представлены в таблице 1.

Мужская серия состоит из 17 массивных и умеренно массивных черепов с хорошо выраженным рельефом и профилировками. Пентагоноидные формы отмечены на 10 черепах, 2 черепа сфеноидной формы. По черепному указателю мужская серия достаточно разнообразна: долихокранные – 4 (1 из склепа, 2 из грунтовых могил, 1 из подбойной могилы); мезокранные – 5 (2 из склепа, 1 из грунтовой могилы, 2 из подбойных могил), брахикранные – 3 (1 из склепа, 1 из подбойной могилы, 1 из грунтовой могилы). В основном, лица в серии мезогнатные. Средние величины развития надпереносья в мужской серии составили 2,5 балла. Верхний глазничный край в 4 случаях отмечен как острый и в 7 случаях – как округлый. Орбиты в мужской серии высокие и средневысокие. Серия, в основном, лепторинная. Почти на всех черепах нижний край грушевидного отверстия инфантильный. На 5 черепах, преимущественно долихокранных, отмечались горбинки на носовых костях. Наружный рельеф затылочной кости на 7 мужских черепах был выражен хорошо, средне – на 2 и слабо – на 3 черепах. Практически на всех черепах с хорошо выраженным рельефом затылочной кости отмечен и затылочный бугор (6 случаев). Затылочные отверстия в серии, в основном, ромбические. Средний балл развития сосцевидных отростков составил 3 балла. Недеформированные черепа мужчин были широколицыми. Верхние челюсти в мужской серии, в основном, параболические и только в двух случаях – параллельные. Один случай параллельной верхней челюсти отмечен из-за утраты всех зубов на верхней челюсти и некоторых дегенеративных изменений. Нижние челюсти, в основном, массивные, из форм преобладали треугольные (8), округлые на мужских черепах отмечены в 5 случаях. Ряд монголоидных признаков отмечен на черепе из могилы 45, погребение 1. Один череп из мужской серии (подбойная могила 45, погребение 1) носит следы преднамеренной искусственной лобно-затылочной деформации.

Средний возраст в мужской серии составил 30,8 лет. По типам погребальных сооружений средний возраст составил: в склепах – 33 года, в подбойных могилах – 23,6, в грунтовых могилах – 35,2.

Женская серия насчитывает 15 черепов, в основном, грацильных, с хорошо выраженными профилировками и рельефом. Пентагоноидные формы черепов отмечены в 6 случаях, по одному случаю зафиксированы сфеноидная и овоидная формы. По черепному указателю в женской серии отмечен один долихокранный череп, происходящий из подбойной могилы. Получены три ме-

зокранных женских черепа: по одному из грунтовой могилы и склепа, и один депаспортизированный. Указатель мезокрании у всех трех черепов находится на нижней границе. Средний балл развития надпереносья в женской серии составил 2 балла. Острый верхний глазничный край отмечен в 5 случаях, округлый – на 6 черепах. Орбиты в женской серии, в основном, высокие. По носовому указателю серия лепторинная. Практически на всех черепах нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Носовые кости с горбинкой отмечались в 3 случаях. Средний балл развития сосцевидных отростков составил 2,4 балла. Наружный рельеф затылочной кости был хорошо выражен на 3 черепах, слабо выражен – в 5 случаях, средне выражен – на одном черепе. Затылочный бугор отмечался на женских черепах в двух случаях. Затылочные отверстия на женских черепах, в основном, овальной формы. Все верхние челюсти на женских черепах параллельные. Среди форм нижних челюстей преобладали треугольные (7), округлые отмечены в 3 случаях. Серия мезогнатная. Три черепа в женской серии были искусственно деформированы, два из них носят черты преднамеренной искусственной деформации.

Средний возраст в женской серии составил 30,4 года. По типам погребальных сооружений средний возраст составил: в склепах – 28 лет, в подбойных могилах – 29,5, в грунтовых могилах – 32,7.

Большинство погребенных было ориентировано головой на северо-восток. Все погребенные, кроме могилы 43, были похоронены в вытянутом положении на спине с различным положением рук. Из представленной серии только одно погребение – в могиле 41 было совершено с использованием материала (савана), в который заворачивали умершего.

Необычным было захоронение мужчины в могиле 43, совершенное на животе, головой на северо-восток. Руки погребенного были согнуты и находились под грудной клеткой, ноги согнуты в коленях и опирались о стенку могилы. Случаи подобного погребения достаточно редки и требуют дополнительного изучения при максимально тщательном сборе антропологического материала. Заметим, что аналогичный случай погребения мужчины на животе зафиксирован в могиле 302 могильника Нейзац [20, с. 24]. При этом краниоскопические и краниометрические характеристики погребенных из Нейзаца и Дружного очень схожи.

Средняя продолжительность жизни в мужской и женской сериях практически одинаковая: мужская серия – 30,8 года, женская – 30,4. Некоторые отличия в возрасте погребенных отмечаются при дифференциации по погребальным сооружениям: в склепах: мужчины – 33 года, женщины – 28; в подбойных могилах: мужчины – 23,6 года, женщины – 29,5; в грунтовых могилах: мужчины – 35,2 года, женщины – 32,7.

Обращает на себя внимание количественное соотношение взрослых и детских погребений: не только по представленному материалу, но и по публикации

материалов из могильника Дружное. Достоверно зафиксированные детские погребения составляют 10,5% от общего числа захоронений. Кстати сказать, данный факт отмечается и на других памятниках синхронного времени. Некоторые авторы считают, что, прежде всего, имеет место неудовлетворительная сохранность детских костей в определенных геологических условиях, либо неглубокие погребальные сооружения для детских захоронений. Существует мнение, что погребение детей по определенным культурным традициям могло происходить за пределами могильника на специально отведенном участке [8, с. 73-74; 11, с. 237]. Учитывая, что данный могильник полностью раскопан, вопрос остается открытым.

На обработанном материале достоверно зафиксировано 5 случаев искусственной деформации черепа. В склепе 22 искусственная затылочная деформация отмечена на женском черепе, и была непреднамеренная – по типу «бешик» или «колыбельной деформации» [9, с. 3]. Фиксирование данного обычая может отражать определенные бытовые особенности, в частности, использование специфической детской колыбели, ограничивающей подвижность ребенка длительное время, в результате чего кости черепа деформируются. В ряде случаев под колыбелью типа «бешик» имеется в виду приспособление для фиксированного положения тела и головы ребенка на длительное время, что обусловлено либо кочевым образом жизни, либо необходимостью оставлять ребенка на длительное время без присмотра. Иногда данная деформация имеет место не только на затылочной или теменной костях, но и сочетано.

Два случая преднамеренной искусственной деформации отмечены на мужском и женском черепах из подбойной могилы 45 и относятся к лобно-затылочной [9, с. 81]. На женском черепе из грунтовой могилы 53 отмечена искусственная деформация черепа по теменным и затылочной костям. Такая же деформация отмечена на черепе условно-1 с неустановленной половой принадлежностью. Все типы преднамеренной искусственной деформации можно отнести к «мягким» формам. Индивидуальные измерения деформированных черепов представлены в таблице 2.

Практически безынвентарное погребение из грунтовой могилы 53 подтверждает мысль о том, что искусственная деформация черепа, скорее всего, является маркером этнической самоидентификации, нежели показателем имущественной или социальной дифференциации.

В исследованиях последних лет все чаще обращается внимание на фиксацию эпигенетических признаков на деформированных черепах, таких как добавочные косточки на черепе, метопический шов и др. [10, с. 179-180]. На нашем материале такие признаки отмечены на женских черепах из могил 22 и 53.

Маркеры пищевого эпизодического стресса (эмалевая гипоплазия, *cribra orbitalia*) отмечены в 10 случаях. *Cribra orbitalia* отмечена в равной степени у

обоих полов, в то время как эмалевая гипоплазия вдвое чаще встречается на мужских черепах. Один случай *cribra orbitalia* отмечен на детском черепе.

Из других маркеров эпизодического стресса отмечены поротический гиперостоз и холодный стресс. Последний отмечен только в женской серии. Этиология поротического гиперостоза до конца не определена, наиболее вероятными причинами возникновения данного заболевания могут быть хронические инфекции и анемические состояния [3, с. 63, 210-211].

Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопический шов, монголоидные черты, зубные вариации и др.) отмечены в 31 случае. Наиболее часто отмечались добавочные косточки на черепе и зубные вариации. Отмечены случаи сочетанности генетических стигм. Генетически детерминированные признаки отмечены в таблице 3.

Патологические изменения в исследованной серии чаще фиксировались на зубочелюстном аппарате (64,6% от всех заболеваний). Наиболее часто отмечались проявления кариеса и зубного камня, нередко сочетано. Практически всегда случаи выявления абсцесса являлись следствием кариесной патологии, что свидетельствует о запущенности заболевания. Высок процент прижизненной утраты зубов. Отсутствие следов травматизма в области зубочелюстного аппарата, кроме одного случая, может говорить в пользу преднамеренного удаления зубов. Патологические изменения отмечены в таблице 3.

На исследованной выборке достоверно удалось зафиксировать три случая травматизма. На женском черепе из погребения 2 подбойной могилы 67 отмечена травма на лобной кости в области венечного шва, размером 15x10 мм. Травма со следами заживления. По характеру поражения можно сказать, что травма была нанесена тупым предметом округлой формы. На месте травмы зафиксировано вдавливание костей черепа глубиной до 2 мм.

На черепе условно-1 отмечена травма на сагиттальном шве, в области точки «bregma», размером 34x21 мм. Травма сквозная, округлой формы, с острыми краями по периметру и следами вторичных трещин с внутренней стороны. Несомненно, поражение было смертельным.

На нижней челюсти мужского черепа условно-2 отмечена травма нижней челюсти в области подбородочного выступа. Вследствие данной травмы были утрачены зубы 32-35. По характеру заживления можно сказать, что случай травматизма наступил за 2-2,5 месяца до смерти.

На исследованном материале в четырех случаях в склепах 22 (женское погребение) и 58 (женское погребение) и подбойных могилах 48 (женское погребение 2) и 73 (мужское погребение 3) отмечен синдром Морганьи-Стюарта-Мореля или HFI (*hyperostosis frontalis interna*). Данная патология связывается с гормональной дисфункцией человека, в частности, с повышением уровня мужских гормонов и появлением вторичных мужских признаков у женщин и некоторой женоподобностью во внешнем облике мужчин, вследствие

недостатка мужских гормонов. НФИ проявляется на краниологическом материале, в частности, в виде узловатых костных разрастаний на внутренней пластинке лобной кости [3, с. 186-188; 4, с. 36-38; 5, с. 188-194; 10, с. 182-188]. Следует учитывать, что мы имеем дело только с лобным гиперостозом, а не со всем спектром заболевания. В одном случае из могилы 22 синдром отмечен на деформированном черепе. Частота встречаемости данного синдрома на обработанном материале составила 11,4%.

Могильник Дружное, по мнению И. Н. Храпунова, оставило сармато-аланское население [14, с. 73-80], в пользу данного вывода говорит и достаточно неоднородный краниологический материал. При этом черепа со схожими характеристиками были получены из погребальных сооружений различной конструкции, что, в свою очередь, говорит не только о компактном проживании племен на одной территории, но и об их смешении.

Могильник Дружное объединяют в одну группу с некрополями Нейзац, Озерное III, Суворово, Инкерман, Чернореченский и другими [15, с. 136-141; 16, с. 160-164]. Представленные в таблицах 4-9 данные из могильников Чернореченский, Инкерманский [13, с. 135-137] и Нейзац [12, с. 165-169] дают возможность сопоставить материалы из Дружного с сериями из некрополей одной группы.

К сожалению, немногочисленность серии, особенно при дифференциации по погребальным сооружениям, оставляет ряд вопросов нерешенными. Однако новые археологические исследования, тщательно собираемый, обрабатываемый и вводимый в научный оборот краниологический и остеологический материал позволят более полно взглянуть на ранее опубликованные материалы и на данную работу в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
2. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М., 1995.
3. Бужилова А. П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005.
4. Бужилова А.П., Козловская М.В. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология. М., 2000.
5. Бужилова А.П., Соколова М.А. Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.
6. Жиров Е.В. Об искусственной деформации черепа // КСИИМК. 1940. Вып. VIII.

7. Пашковская В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
8. Пежемский Д.В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. № 4.
9. Перерва Е.В. Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая балка 1 и 2) // Материалы по археологии Северного Кавказа. 2004. № 4.
10. Перерва Е.В. К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственно деформацией черепа // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.
11. Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
12. Радочин В.Ю. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
13. Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини // АП. Київ, 1963. Т. XIII.
14. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). Lublin, 2002.
15. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI.
16. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2005.
17. Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart, 1989.
18. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1987.
19. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. 1994. № 44.
20. Храпунов И.Н. Отчет об археологических исследованиях могильника Нейзац в 2006 г. // НА ИА НАНУ.

Таблица 1. Индивидуальные измерения на черепе из могильника Дружное

Измерения на черепе	№ погребений											
	1	3	4	5	15	17	22	38	41	42	43	44
1 продольный диаметр	-	183	192	-	192	188	166	187	-	174	193	166
8 поперечный диаметр	-	146	130	-	137	-	-	141	-	133	135	148
9 наименьшая ширина лба	93	-	101	-	89	92	96	91	-	92	94	94
10 наибольшая ширина лба	110	122	117	-	111	113	-	124	-	114	116	126
11 ширина основания черепа	-	-	113	-	113	-	125	-	-	112	-	-
5 длина основания черепа	-	-	-	-	-	-	92	-	-	97	-	-
16 ширина затылочного отверстия	-	-	-	-	-	-	30	-	29	24	-	-
7 длина затылочного отверстия	-	-	-	-	-	-	35	-	-	31	-	-
12 ширина затылка	-	116	104	-	101	-	105	105	-	98	110	-
17 высотный диаметр	-	-	-	-	-	-	129	-	-	136	-	-
20 ушная высота, расстояние ро-вр	-	135	136	-	128	-	126	143	-	126	-	106
29 лобная хорда	109	107	111	112	113	111	104	119	-	111	122	87
30 теменная хорда	112	110	122	-	115	-	107	116	-	115	111	-
31 затылочная хорда	-	-	94	-	97	-	91	98	-	93	95	121
26 лобная дуга	117	130	125	128	130	127	120	140	-	125	135	110
27 теменная дуга	119	125	135	-	130	-	126	129	-	136	125	-
28 затылочная дуга	-	-	117	-	120	-	110	122	-	111	113	-
45 скуловой диаметр	-	-	-	-	114	-	-	-	-	119	-	-
40 длина основания лица	-	-	-	-	-	-	85	-	-	94	-	-
48 верхняя высота лица	-	-	71	-	75	-	72	71	-	67	-	-
47 полная высота лица	-	-	115	-	130	-	-	-	-	117	-	-
46 средняя ширина лица	-	-	98	-	88	-	88	97	-	95	-	-
60 длина альв. дуги	41	-	54	50	59	59	49	-	-	53	-	38
61 ширина альв. дуги	55	-	63	60	62	-	66	61	-	63	-	-
63 ширина неба	-	-	37	36	35	-	38	38	-	36	-	-

55 высота носа	-	-	50	-	52	59	53	52	-	49	-	41
54 ширина носа	23	-	24	23	23	-	21	23	-	23	-	-
51 ширина орбиты	-	-	41	-	37	-	37	37	-	46	-	-
52 высота орбиты	-	-	30	-	30	-	34	31	-	35	-	-
50 максиллофронтальная ширина	-	-	22	-	20	-	23	23	-	28	-	23
62 длина неба	49	-	52	41	52	-	43	-	-	50	-	30
68 длина нижней челюсти от углов	71	81	83	-	77	-	-	78	82	77	98	-
70(а) высота ветви нижней челюсти	64	61	67	-	70	-	-	46	58	56	60	-
69(с) медиальная высота	27	33	36	-	41	-	-	29	32	32	36	-
66 угловая ширина	110	98	103	-	101	-	-	102	99	94	113	-
65 мышцелковая ширина	116	-	117	-	106	-	-	-	-	105	121	-
71 ширина ветви	31	36	40	-	34	-	30	36	35	31	38	-
69-1 высота тела P2-M1	27	35	34	-	38	-	-	30	29	31	31	-
69-2 высота тела M1-M2	26	33	32	-	36	-	-	28	27	28	32	-
79 угол ветви нижн. чел.	127	119	117	-	125	-	-	129	124	131	116	-
8:1 черепной указатель	-	79,7	67,7	-	71,3	-	-	75,4	-	76,4	69,9	89,1
9:8 лобно-поперечный указатель	-	-	77,6	-	64,9	-	-	64,5	-	69,1	69,6	-
17:1 высотно-продольный указатель	-	-	-	-	-	-	77,7	-	-	78,1	-	-
17:8 высотно-поперечный указатель	-	-	-	-	-	-	-	-	-	102,2	-	-
40:5 указатель выпуклости лица	-	-	-	-	-	-	92,3	-	-	96,9	-	-
48:45 лицевой указатель	-	-	-	-	65,7	-	-	-	-	56,3	-	-
52:51 орбитный указатель	-	-	73,1	-	81,0	-	91,8	83,7	-	76,0	-	-
54:55 носовой указатель	-	-	48	-	44,2	-	39,6	44,2	-	46,9	-	-

Таблица 1 (продолжение)

Измерения на черепе	№ погребений											
	45- 1	45- 2	48- 1	48- 2	48 отд.	53	57	58- 4	66	67- 2	67- 1В	73- В
1 продольный диаметр	179	172	182	-	197	181	154	180	169	-	-	-
8 поперечный диаметр	146	127	146	-	137	136	119	135	141	-	-	-
9 наименьшая ширина лба	99	91	99	100	94	99	77	-	96	-	-	88
10 наибольшая ширина лба	124	114	125	117	113	124	101	-	120	-	-	110
11 ширина основания черепа	133	111	126	-	117	115	83	115	128	-	-	-
5 длина основания черепа	100	98	106	-	-	97	-	-	100	-	-	-
16 ширина затылоч- ного отверстия	30	27	-	-	-	28	-	-	31	-	-	-
7 длина затылоч- ного отверстия	36	34	-	-	-	35	-	-	36	-	-	-
12 ширина затылка	119	100	121	-	115	108	87	-	103	-	-	-
17 высотный диаметр	139	138	137	-	-	129	-	-	141	-	-	-
20 ушная высота, расстояние ро-вр	128	128	130	-	126	124	107	132	132	-	-	-
29 лобная хорда	110	115	114	111	117	107	94	108	111	-	-	111
30 теменная хорда	106	116	114	-	103	120	99	108	110	-	126	-
31 затылочная хорда	98	96	-	-	105	91	82	-	93	-	-	-
26 лобная дуга	123	132	130	125	130	125	113	125	131	-	-	125
27 теменная дуга	123	130	126	-	111	132	113	132	124	-	140	-
28 затылочная дуга	115	105	-	-	127	110	95	-	107	-	-	-
45 скуловой диаметр	141	116	-	-	121	126	82	-	134	-	-	-
40 длина основания лица	98	91	105	-	-	91	-	-	96	-	-	-
48 верхняя высота лица	71	69	74	-	72	68	43	-	75	-	-	-
47 полная высота лица	126	114	-	-	-	113	-	-	123	-	-	-
46 средняя ширина лица	100	87	102	-	82	86	62	-	-	-	-	-
60 длина альв. дуги	54	48	54	-	56	52	32	-	56	51	-	47
61 ширина альв. дуги	63	59	62	-	-	-	46	-	66	62	-	-
63 ширина неба	35	34	36	-	-	-	23	-	41	36	-	-

55 высота носа	48	52	52	-	54	52	31	-	57	51	-	-
54 ширина носа	21	24	27	-	-	22	13	-	24	28	-	-
51 ширина орбиты	43	37	42	-	42	37	30	38	-	-	-	-
52 высота орбиты	33	33	33	-	33	33	28	29	-	-	-	-
50 максиллофронтальная ширина	25	20	26	22	21	21	17	-	24	-	-	-
62 длина неба	48	43	48	-	-	-	26	-	47	45	-	-
68 длина нижней челюсти от углов	80	68	-	-	-	83	-	-	84	82	-	82
70(а) высота ветви нижней челюсти	68	60	-	-	-	48	-	-	66	59	-	56
69(с) медиальная высота	37	29	-	-	-	29	-	39	40	28	30	26
66 угловая ширина	95	92	-	-	-	92	-	-	110	101	-	-
65 мышцелковая ширина	120	-	-	-	-	-	-	-	118	-	-	-
71 ширина ветви	36	29	-	-	-	30	-	-	33	37	-	30
69-1 высота тела P2-M1	34	30	-	-	-	26	-	-	37	29	33	30
69-2 высота тела M1-M2	33	26	-	-	-	23	-	-	33	27	29	25
79 угол ветви нижн. чел.	117	127	-	-	-	123	-	-	118	113	-	123
8:1 черепной указатель	81,5	73,8	80,2	-	69,5	75,1	77,2	75	83,4	-	-	-
9:8 лобно-поперечный указатель	-	-	71,3	70,8	-	-	68,7	68,1	-	66,4	63,5	67,8
17:1 высотно-продольный указатель	77,6	80,2	75,2	-	-	71,2	-	-	83,4	-	-	-
17:8 высотно-поперечный указатель	95,2	108,6	93,8	-	-	94,8	-	-	100	-	-	-
40:5 указатель выпуклости лица	98,0	92,8	99,0	-	-	93,8	-	-	96,0	-	-	-
48:45 лицевой указатель	50,3	59,4	-	-	59,5	53,9	-	-	55,9	-	-	-
52:51 орбитный указатель	76,7	89,1	78,5	-	78,5	89,1	93,3	76,3	-	-	-	-
54:55 носовой указатель	43,7	46,1	51,9	-	-	42,3	41,9	-	42,1	54,9	-	-

Таблица 1 (продолжение)

Измерения на черепе	№ погребений										
	73-Е	73-С	84-1	84-3	87-2	Усл-1	Усл-2	Усл-3	Усл-4	1 н.ч.	2 н.ч.
1 продольный диаметр	-	180	175	-	169	195	178	-	190	-	-
8 поперечный диаметр	-	136	134	-	-	141	138	-	143	-	-
9 наименьшая ширина лба	96	97	95	95	-	97	94	91	95	-	-
10 наибольшая ширина лба	-	112	114	118	-	120	114	112	125	-	-
11 ширина основания черепа	-	-	121	-	-	-	-	-	120	-	-
5 длина основания черепа	-	-	103	-	-	-	-	-	104	-	-
16 ширина затылочного отверстия	-	-	31	-	-	-	-	29	24	-	-
7 длина затылочного отверстия	-	-	34	-	-	-	-	38	31	-	-
12 ширина затылка	-	-	107	103	-	-	103	110	114	-	-
17 высотный диаметр	-	-	140	-	-	-	-	-	140	-	-
20 ушная высота, расстояние ро-br	-	131	126	-	134	-	-	-	133	-	-
29 лобная хорда	-	113	109	-	107	112	103	102	120	-	-
30 теменная хорда	-	120	114	-	114	117	116	112	130	-	-
31 затылочная хорда	-	-	99	-	-	93	97	95	97	-	-
26 лобная дуга	-	125	123	-	123	130	117	116	142	-	-
27 теменная дуга	-	135	127	-	134	130	127	120	145	-	-
28 затылочная дуга	-	-	105	-	-	110	120	105	122	-	-
45 скуловой диаметр	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
40 длина основания лица	-	-	101	-	-	-	-	-	-	-	-
48 верхняя высота лица	69	-	75	73	65	-	62	-	-	-	-
47 полная высота лица	-	-	124	116	110	-	-	-	-	-	-
46 средняя ширина лица	-	-	95	-	-	-	-	-	-	-	-
60 длина альв. дуги	-	51	52	45	51	-	43	-	-	-	-
61 ширина альв. дуги	-	64	61	-	-	-	56	-	-	-	-
63 ширина неба	-	30	40	30	-	-	34	-	-	-	-
55 высота носа	51	-	55	54	48	-	48	-	-	-	-
54 ширина носа	26	-	25	24	22	-	25	-	-	-	-

51 ширина орбиты	41	-	39	35	36	-	43	-	-	-	-
52 высота орбиты	34	-	32	32	33	-	33	-	-	-	-
50 максиллофронтальная ширина	26	-	21	27	23	-	26	-	23	-	-
62 длина неба	-	-	48	42	43	-	42	-	-	-	-
68 длина нижней челюсти от углов	-	75	74	70	61	70	83	71	-	-	71
70(а) высота ветви нижней челюсти	-	55	64	54	54	56	58	-	-	-	60
69(с) медиальная высота	32	32	35	34	29	-	30	28	31	37	28
66 угловая ширина	-	-	-	-	-	-	-	-	110	-	94
65 мышцелковая ширина	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	110
71 ширина ветви	-	29	33	31	29	26	30	29	-	37	27
69-1 высота тела P2-M1	-	31	34	31	26	-	28	27	-	35	31
69-2 высота тела M1-M2	-	26	31	28	24	-	26	25	-	33	28
79 угол ветви нижн. чел.	-	125	127	128	122	118	119	131	-	121	126
8:1 черепной указатель	-	75,5	76,5	-	-	72,3	77,5	-	75,2	-	-
9:8 лобно-поперечный указатель	71,6	67,8	-	68,6	72,7	64,7	-	68,0	-	-	-
17:1 высотно-продольный указатель	-	-	80	-	-	-	-	-	73,6	-	-
17:8 высотно-поперечный указатель	-	-	104,4	-	-	-	-	-	97,9	-	-
40:5 указатель выступления лица	-	-	98,0	-	-	-	-	-	-	-	-
48:45 лицевой указатель	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
52:51 орбитный указатель	82,9	-	82,0	91,4	91,6	-	76,7	-	-	-	-
54:55 носовой указатель	50,9	-	45,4	44,4	45,8	-	52,0	-	-	-	-

Таблица 2. Индивидуальные измерения деформированных черепов

Измерения на черепе	№ погребений, пол погребенных, тип погребального сооружения				
	22 жен. склеп	45-1 муж. подбой- ная могила	45-2 жен. подбой- ная могила	53 жен. грунто- вая могила	Усл-1 пол не опред.
1 продольный диаметр	166	179	172	181	195
8 поперечный диаметр	-	146	127	136	141
9 наименьшая ширина лба	96	99	91	99	97
10 наибольшая ширина лба	-	124	114	124	120
11 ширина основания черепа	125	133	111	115	-
5 длина основания черепа	92	100	98	97	-
16 ширина затылочного отверстия	30	30	27	28	-
7 длина затылочного отверстия	35	36	34	35	-
12 ширина затылка	105	119	100	108	-
17 высотный диаметр	129	139	138	129	-
20 ушная высота, расстояние ро-вр	126	128	128	124	-
29 лобная хорда	104	110	115	107	112
30 теменная хорда	107	106	116	120	117
31 затылочная хорда	91	98	96	91	93
26 лобная дуга	120	123	132	125	130
27 теменная дуга	126	123	130	132	130
28 затылочная дуга	110	115	105	110	110
45 скуловой диаметр	-	141	116	126	-
40 длина основания лица	85	98	91	91	-
48 верхняя высота лица	72	71	69	68	-
47 полная высота лица	-	126	114	113	-
46 средняя ширина лица	88	100	87	86	-
60 длина альв. дуги	49	54	48	52	-
61 ширина альв. дуги	66	63	59	-	-
63 ширина неба	38	35	34	-	-
55 высота носа	53	48	52	52	-
54 ширина носа	21	21	24	22	-
51 ширина орбиты	37	43	37	37	-
52 высота орбиты	34	33	33	33	-

50 максиллофронтальная ширина	23	25	20	21	-
62 длина неба	43	48	43	-	-
68 длина нижней челюсти от углов	-	80	68	83	70
70(а) высота ветви нижн. чел.	-	68	60	48	56
69(с) медиальная высота	-	37	29	29	-
66 угловая ширина	-	95	92	92	-
65 мышцелковая ширина	-	120	-	-	-
71 ширина ветви	30	36	29	30	26
69-1 высота тела P2-M1	-	34	30	26	-
69-2 высота тела M1-M2	-	33	26	23	-
79 угол ветви нижн. чел.	-	117	127	123	118
8:1 черепной указатель	-	81,5	73,8	75,1	72,3
17:1 высотно-продольный указатель	77,7	77,6	80,2	71,2	-
17:8 высотно-поперечный указатель	-	95,2	108,6	94,8	-
9:8 лобно-поперечный указатель	-	67,8	71,6	72,7	68,7
40:5 показатель выпуклости лица	92,3	98,0	92,8	93,8	-
48:45 лицевой указатель	-	50,3	59,4	53,9	-
52:51 орбитный указатель	91,8	76,7	89,1	89,1	-
54:55 носовой указатель	39,6	43,7	46,1	42,3	-

Таблица 3. Патологические изменения, деформация черепа, генетически детерминированные признаки

ПАТОЛОГИИ:	<i>Мужские</i>	<i>Женские</i>	<i>Детские</i>	<i>Неопред.</i>
Зубной камень	9	5	-	2
Кариес	3	5	-	1
Нарушение прикуса	2	-	-	-
Эмалевая гипоплазия	4	2	-	1
Прижизненная утрата зубов	4	3	-	1
Дегенеративные изменения челюсти	-	1	-	-
Абсцесс	4	4	-	-
Разрушение зуба	2	-	-	-
Отит	2	1	-	-
Остеофитоз	-	1	-	-
Поротический гиперостоз	2	1	-	-
Костное новообразование	-	1	-	-
НFI	1	3	-	-

Травма	1	1	-	1
Искривление носовой перегородки	-	1	-	-
Ямочки грануляций	1	1	-	1
Артроз основания черепа	1	1	-	-
Холодовый стресс	-	3	-	-
Cribræ orbitalia	1	1	1	-
Эпидуральная гематома	-	1	-	-
Асимметрия развития н/ч	1	-	-	-
ДЕФОРМАЦИИ ЧЕРЕПА	1	3	-	1
ГЕНЕТИЧЕСКИ ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ:				
Suturæ mastoidea	2	3	-	-
Монголоидные признаки	1	-	-	-
Метопизм	-	1	-	-
Добавочные косточки на черепе	9	4	1	-
Увеличение резцового канала	-	4	-	-
Адензия	2	4	-	-

Таблица 4. Средние значения серий из Дружного и Нейзаца

<i>Измерения на черепе</i>	Дружное		Нейзац	
	<i>мужские</i>	<i>женские</i>	<i>мужские</i>	<i>женские</i>
1 продольный диаметр	183,5(12)	178,6(5)	179,6(51)	176,4(42)
8 поперечный диаметр	137,8(12)	139(2)	141,3(57)	136,2(50)
9 наименьшая ширина лба	94,8(12)	94,1(7)	97,2(61)	94(52)
10 наибольшая ширина лба	116,8(12)	115,5(6)	119,9(64)	117,8(51)
11 ширина основания черепа	118,5(7)	120(3)	124,9(33)	117,4(26)
5 длина основания черепа	101,5(4)	98,0(2)	101,8(24)	98,5(22)
16 ширина затылочного отверстия	28,7(4)	27,0(2)	30,2(29)	28,7(27)
7 длина затылочного отверстия	33,6(3)	33,0(2)	34,9(25)	34,6(25)
12 ширина затылка	107,5(11)	107,3(3)	109,7(36)	103,7(33)
17 высотный диаметр	138,5(4)	134,5(2)	137,1(24)	177,7(22)
20 ушная высота, расстояние ро-вр	131,3(10)	131,2(4)	130,2(41)	127,5(34)
29 лобная хорда	112,5(12)	110,3(9)	111,6(60)	109,4(53)
30 теменная хорда	114,7(13)	114,2(5)	111,1(54)	105,7(50)
31 затылочная хорда	96,7(9)	94,0(2)	99,8(37)	95,3(32)
26 лобная дуга	128,4(12)	125,7(9)	127,6(61)	126,3(53)
27 теменная дуга	128,4(13)	131,2(5)	124,5(54)	124(50)
28 затылочная дуга	115,7(9)	116(2)	117,9(34)	113,1(31)

45 скуловой диаметр	122,0(4)	-	129,8(19)	126,6(16)
40 длина основания лица	99,0(4)	85,0(1)	95(17)	93,6(15)
48 верхняя высота лица	71,1(10)	70,0(3)	70,7(30)	67(23)
47 Полная высота лица	121,8(5)	113,0(2)	119,9(62)	113,2(17)
46 средняя ширина лица	93,8(7)	88,0(1)	94,9(27)	92,2(22)
60 длина альв. дуги	53,1(9)	49,1(8)	53,5(51)	51,2(37)
61 ширина альв дуги	62(9)	60,7(4)	63,3(42)	59,8(26)
63 ширина неба	36,3(9)	35,0(4)	33,3(39)	38,5(25)
55 высота носа	52(10)	53,0(5)	52,7(35)	48,8(23)
54 ширина носа	24,4(9)	23,5(6)	24,6(42)	23,7(27)
51 ширина орбиты	40,8(9)	36,5(4)	40,3(34)	36,7(22)
52 высота орбиты	32,3(9)	32,0(4)	32,6(79)	32,9(24)
50 максиллофронтальная ширина	23,7(10)	23,6(5)	24(91)	22,3(55)
62 длина неба	48,4(7)	43,8(6)	46,9(92)	43,9(29)
68 длина нижней челюсти от углов	81(11)	73,2(5)	82,6(44)	80,2(38)
70(а) высота ветви нижн. чел.	60(11)	57,4(5)	60,9(47)	54,4(42)
69(с) медиальная высота	33,6(13)	30,5(7)	32,6(53)	30,9(43)
66 угловая ширина	102,5(8)	107,0(3)	98,4(30)	94,6(27)
65 мышелковая ширина	113,4(5)	116,0(1)	121,6(25)	116,3(24)
71 ширина ветви	34(11)	23,8(6)	32,3(52)	29,4(50)
8:1 черепной указатель	75,2(12)	75,1(2)	78,8(50)	77,2(42)
17:1 высотно-продольный указатель	79,1(4)	75,6,0(2)	76,6(24)	75,4(22)
17:8 высотно-поперечный указатель	100,1(4)	97,9(1)	99,6(24)	99,1(22)
40:5 показатель выступания лица	97,4(4)	92,3(1)	91,2(16)	93,7(15)
48:45 лицевой указатель	39,3(4)	-	55,5(16)	54(14)
52:51 орбитный указатель	79,1(9)	87,7(4)	81,7(32)	90,4(22)
54:55 носовой указатель	47,2(9)	46,1(4)	47,1(32)	48,2(21)

Таблица 5. Средние размеры мужских и женских черепов из Инкерманского могильника (раскопки 1948 г.) (по К. Ф. Соколовой)

<i>Измерения на черепе</i>	Вся серия		Отдельно	
	<i>мужские</i>	<i>женские</i>	<i>мужские</i>	<i>женские</i>
1 продольный диаметр	183,7(6)	179,0(2)	172,5(2)	189,3(4)
8 поперечный диаметр	155,3(6)	142,5(2)	146,5(2)	143,3(4)
17 высота базион - брегма	136,3(4)	132,0(1)	135,0(2)	137,5(2)
20 высота порион - брегма	111,9(3)	111,5(2)	110,5(2)	115,5(1)
5 длина основания черепа	100,5(4)	98,0(1)	99,0(2)	102,0(2)
9 наименьшая ширина лба	92,3(3)	102,0(1)	93,0(1)	92,0(2)
10 наибольшая ширина лба	121,2(5)	119,0(1)	120,5(1)	121,5(4)

11 ушная ширина	125,5(4)	125,0(2)	124,5(2)	126,5(2)
12 ширина затылка	109,7(6)	105,0(2)	111,5(2)	108,3(4)
45 скуловой диаметр	130,7(3)	129,0(1)	129,5(2)	133,1(1)
40 длина основания лица	102,5(4)	94,0(1)	99,0(2)	106,0(2)
48 верхняя высота лица	71,5(6)	70,0(1)	71,5(2)	71,5(4)
43 верхняя ширина лица	103,7(3)	102,0(1)	103,0(2)	105,0(1)
46 средняя ширина лица	93,5(4)	95,0(1)	97,5(2)	89,5(2)
60 длина альвеолярной дуги	58,0(4)	53,0(1)	56,5(2)	59,5(2)
61 ширина альвеолярной дуги	63,5(4)	62,0(1)	63,0(2)	64,0(2)
62 длина неба	48,0(5)	44,0(1)	48,0(2)	48,0(3)
63 ширина неба	42,6(5)	39,0(1)	44,0(2)	41,7(3)
65 высота носа	51,5(6)	51,0(1)	52,0(2)	51,3(4)
54 ширина носа	24,4(6)	24,0(1)	24,5(2)	24,5(4)
51 ширина орбиты от mf	42,4(5)	42,0(1)	44,0(2)	41,3(3)
51а ширина орбиты от d	38,6(5)	37,0(1)	39,5(2)	38,0(3)
52 высота орбиты	33,0(5)	33,0(1)	35,0(2)	31,7(3)
8:1 черепной указатель	78,97(6)	79,6(2)	84,9((2)	76,0(4)
17:1 высотно-продольный	76,6(4)	75,0(1)	78,3(2)	75,0(2)
17:8 высотно-поперечный	93,8(4)	89,2(1)	92,2(2)	95,5(2)
40:5 показатель выступания лица	100,5(4)	96,9(1)	100,0(2)	101,0(2)
9:8 лобно-поперечный указатель	64,5(3)	68,9(1)	64,1(1)	64,7(2)
48:45 лицевой указатель	55,1(3)	54,2(1)	55,2(2)	54,8(1)
48:17 вертикальный черепно-лицевой указатель	53,0(3)	53,3(1)	53,0(2)	54,0(1)
63:62 небный указатель	88,5(5)	88,6(1)	91,7(2)	86,3(3)
54:55 носовой указатель	47,2(6)	47,1(1)	47,1(2)	47,3(4)
52:51а орбитный указатель	84,3(5)	89,2(1)	88,5(2)	81,5(3)

Таблица 6. Средние размеры мужских и женских черепов из Чернореченского могильника (раскопки 1950 г.) (по К. Ф. Соколовой)

Измерения на черепе	вместе		подбои	склепы	подбои	склепы
	муж.	жен.	мужские		женские	
1 продольный диаметр	189,9(7)	174,2(5)	192,0(5)	184,5(2)	177,7(3)	169,0(2)
8 поперечный диаметр	148,6(7)	139,6(5)	148,4(5)	149,0(3)	139,0(3)	140,5(2)
17 высота базион - брегма	141,0(3)	124,0(2)	141,0(3)	-	124,0(1)	124,0(1)

20 высота порион - брегма	122,3(4)	108,0(3)	122,4(3)	122,0(1)	110,5(2)	103,0(1)
5 длина основания черепа	107,7(3)	91,0(2)	107,7(3)	-	91,0(1)	91,0(1)
9 наименьшая ширина лба	99,2(6)	93,4(5)	99,6(5)	97,0(1)	03,7(3)	93,0(2)
10 наибольшая ширина лба	121,0(6)	114,2(5)	120,4(5)	124,0(1)	114,0(3)	114,5(2)
11 ушная ширина	131,5(4)	119,0(3)	134,7(1)	122,0(1)	117,0(2)	123,0(1)
12 ширина затылка	108,6(7)	107,0(4)	108,2(5)	109,5(2)	103,7(3)	117,0(1)
45 скуловой диаметр	141,0(3)	118,5(2)	141,0(3)	-	116,0(1)	121,0(1)
40 длина основания лица	105,7(3)	85,5(2)	105,7(3)	-	84,0(1)	87,0(1)
48 верхняя высота лица	72,8(5)	68,8(4)	72,8(5)	-	69,5(2)	68,0(2)
43 верхняя ширина лица	108,6(5)	98,8(4)	108,6(5)	-	99,0(2)	98,5(2)
46 средняя ширина лица	99,8(4)	89,7(3)	99,8(4)	-	86,0(1)	91,5(2)
60 длина альвеолярной дуги	60,5(2)	52,3(4)	60,6(2)	-	50,0(2)	54,5(2)
61 ширина альвеолярной дуги	67,0(2)	59,5(4)	67,0(2)	-	57,5(2)	61,5(2)
62 длина неба	51,0(3)	45,3(4)	51,0(3)	-	43,5(2)	47,0(2)
63 ширина неба	42,3(3)	38,7(4)	42,3(3)	-	38,5(2)	39,0(2)
65 высота носа	52,2(5)	50,5(4)	52,2(5)	-	51,5(2)	49,5(2)
54 ширина носа	26,6(5)	23,8(4)	26,6(5)	-	25,0(2)	22,5(2)
51 ширина орбиты от mf	43,5(4)	40,0(4)	43,5(4)	-	40,0(2)	40,0(2)
51a ширина орбиты от d	40,0(4)	37,8(4)	40,0(4)	-	38,0(2)	37,5(2)
52 высота орбиты	33,2(5)	34,3(4)	33,2(5)	-	35,0(2)	33,5(2)
8:1 черепной указатель	78,3(7)	80,7(5)	77,4(5)	80,7(2)	78,1(3)	84,5(2)
17:1 высотно-продольный	71,1(3)	72,1(2)	71,1(3)	-	73,8(1)	70,4(1)
17:8 высотно-поперечный	93,2(3)	90,3(2)	93,2(3)	-	96,8(1)	83,7(1)
40:5 показатель выступания лица	98,2(3)	94,0(2)	98,2(3)	-	92,3(1)	95,6(1)
9:8 лобно-поперечный указатель	66,5(6)	67,1(5)	67,1(5)	67,5(3)	67,5(3)	66,4(2)
48:45 лицевой указатель	51,1(3)	53,7(2)	51,1(3)	-	55,2(1)	52,1(1)
48:17 вертикальный черепно-лицевой указатель	51,3(3)	51,2(2)	51,3(3)	-	51,6(1)	50,8(1)
63:62 небный указатель	83,0(3)	90,7(4)	83,0(3)	-	88,6(2)	92,7(2)
54:55 носовой указатель	51,0(5)	47,0(4)	51,0(5)	-	48,5(2)	45,5(2)
52:51a орбитный указатель	82,3(4)	87,0(4)	82,3(4)	-	84,7(2)	89,3(2)

Таблица 7. Общие средние размеры мужских и женских черепов из Чернореченского и Инкерманского могильников (по К. Ф. Соколовой)

Измерения на черепе	вместе		подбои	склепы	подбои	склепы
	мужс.	женс.	мужские		женские	
1 продольный диаметр	187,0(13)	175,6(7)	190,8(8)	178,8(4)	178,5(4)	162,0(2)
8 поперечный диаметр	146,6(13)	140,4(7)	146,1(9)	138,5(9)	147,8(4)	140,5(2)
17 высота базион - брегма	138,3(7)	126,7(3)	139,6(5)	124,0(1)	135,0(2)	124,0(1)
20 высота порион - брегма	117,8(7)	109,4(5)	121,4(4)	109,3(3)	114,0(3)	103,0(1)
5 длина основания черепа	103,7(7)	93,3(3)	105,4(5)	91,5(1)	99,0(2)	91,0(1)
9 наименьшая ширина лба	97,4(9)	94,8(6)	97,4(3)	93,7(3)	95,0(2)	93,0(2)
10 наибольшая ширина лба	121,1(11)	115,0(6)	120,9(9)	114,0(3)	122,0(2)	114,5(2)
11 ушная ширина	128,5(8)	121,4(5)	131,4(5)	120,0(3)	123,7(3)	123,0(1)
12 ширина затылка	109,1(13)	106,3(6)	107,8(8)	103,8(4)	111,0(4)	117,0(1)
45 скуловой диаметр	135,8(6)	122,0(3)	139,0(4)	118,0(1)	129,5(2)	121,0(1)
40 длина основания лица	103,9(7)	88,3(3)	105,8(5)	84,0(1)	99,0(2)	87,0(1)
48 верхняя высота лица	72,1(11)	69,0(5)	72,2(9)	69,5(2)	71,5(2)	68,0(2)
43 верхняя ширина лица	106,8(8)	99,4(5)	108,0(6)	99,0(6)	103,0(2)	98,5(2)
46 средняя ширина лица	96,6(8)	91,0(4)	96,3(6)	86,5(1)	97,5(2)	91,5(2)
60 длина альвеолярной дуги	57,3(7)	52,4(5)	60,0(4)	50,0(2)	56,5(2)	54,5(2)
61 ширина альвеолярной дуги	64,7(6)	60,0(5)	65,5(4)	57,5(2)	63,0(2)	61,5(2)
62 длина неба	49,1(8)	45,5(5)	49,5(6)	43,5(2)	48,0(2)	39,0(2)
63 ширина неба	42,5(8)	38,8(5)	42,0(6)	38,5(2)	44,0(2)	39,0(2)
65 высота носа	51,9(11)	50,6(5)	51,8(9)	51,5(2)	52,0(2)	49,5(2)
54 ширина носа	25,4(11)	23,8(5)	25,6(9)	25,5(2)	24,0(2)	22,5(2)
51 ширина орбиты от mf	42,9(9)	40,0(5)	42,6(7)	40,0(2)	44,0(2)	40,7(2)
51a ширина орбиты от d	39,3(9)	37,6(5)	39,1(7)	38,0(2)	39,5(2)	37,5(2)
52 высота орбиты	33,1(10)	34,0(5)	32,6(8)	35,0(2)	35,0(2)	34,0(2)
8:1 черепной указатель	78,6(13)	80,4(7)	76,8(9)	77,4(4)	82,8(4)	84,4(2)
17:1 высотно-продольный	74,3(7)	73,1(3)	72,2(5)	73,8(1)	78,3(2)	70,4(1)
17:8 высотно-поперечный	93,5(7)	89,9(3)	94,1(5)	96,8(1)	92,2(2)	83,7(1)
40:5 показатель выступания лица	97,4(8)	94,9(3)	99,3(5)	92,3(1)	100,0(2)	95,6(1)
9:8 лобно-поперечный указатель	65,8(9)	67,4(6)	66,4(7)	67,5(3)	63,8(2)	66,5(2)
48:45 лицевой указатель	53,1(6)	53,8(3)	52,0(4)	55,2(1)	55,2(2)	52,1(1)
48:17 вертикальный черепно-лицевой указатель	52,3(6)	51,9(3)	52,0(4)	51,6(1)	52,9(2)	50,8(1)
63:62 небный указатель	86,4(8)	90,2(5)	84,7(6)	88,6(2)	91,7(2)	92,7(2)
54:55 носовой указатель	48,9(11)	47,0(5)	49,3(9)	48,5(2)	47,1(2)	45,5(2)
52:51a орбитный указатель	83,4(9)	87,4(5)	81,9(7)	84,7(2)	88,6(2)	89,3(2)

**Таблица 8. Средние значения по погребальным сооружениям
и половой принадлежности из могильника Дружное**

<i>Измерения на черепе</i>	<i>Мужские</i>			<i>Женские</i>		
	Грунто- вые мог.	Подбой- ные мог.	Склепы	Грунто- вые мог.	Подбой- ные мог.	Склепы
1 продольный диаметр	189,7(4)	182(3)	179,7(4)	188(1)	-	171,6(3)
8 поперечный диаметр	139,7(4)	135,3(3)	137,7(4)	-	-	135(1)
9 наименьшая ширина лба	94,5(4)	93,5(4)	97,3(3)	95(3)	88(1)	95,5(2)
10 наибольшая ширина лба	119,5(4)	112,3(3)	118,2(4)	113,3(3)	110(1)	118(1)
11 ширина основания черепа	121,5(4)	112,5(2)	120,6(3)	-	-	120(1)
5 длина основания черепа	106(1)	97(1)	101,5(2)	-	-	92(1)
16 ширина затылочного отверстия	29(1)	24(1)	31(2)	-	-	30(1)
7 дл. затылочного отверстия	-	31(1)	35(2)	-	-	35(1)
12 ширина затылка	112,7(4)	99,5(2)	107,5(4)	-	-	104(2)
17 высотный диаметр	137(1)	136(1)	140,5(2)	-	-	129(1)
20 ушная высота	133(3)	128(3)	132,2(4)	-	-	130,6(3)
29 лобная хорда	118(4)	112,3(3)	109,5(4)	110,3(3)	111,5(2)	108,6(3)
30 теменная хорда	111(4)	119(4)	114(4)	112(1)	-	109,6(3)
31 затылочная хорда	99,3(3)	95(2)	95,3(3)	-	-	91(1)
26 лобная дуга	133,7(4)	126,6(3)	127,2(4)	123(3)	126,5(2)	122,6(3)
27 теменная дуга	122,7(4)	135,2(4)	127,7(4)	119(1)	-	130,6(3)
28 затылочная дуга	120,6(3)	115,5(2)	109,6(3)	-	-	110(1)
45 скуловой диаметр	121(1)	116,5(2)	134(1)	-	-	-
40 длина основания лица	105(1)	94(1)	98,5(2)	-	-	85(1)
48 верхняя высота лица	72,3(3)	70,3(3)	72,3(3)	-	-	70(3)
47 полная высота лица	-	123,5(2)	120,6(3)	-	-	75,3(3)
46 средняя ширина лица	93,6(3)	91,5(2)	96,5(2)	-	-	88(1)
60 длина альв. дуги	55(2)	54,3(3)	54(3)	50(2)	49,3(3)	48,3(3)
61 ширина альв. дуги	61,5(2)	63(3)	63,3(3)	55(1)	61(2)	66(1)
63 ширина неба	37(2)	33,6(3)	39,3(3)	-	36(2)	34(2)
55 высота носа	52,6(3)	50,6(3)	54(3)	59(1)	51(1)	51,6(3)
54 ширина носа	25(2)	24(3)	24,3(3)	23(1)	25,5(2)	22,3(3)
51 ширина орбиты	40,3(3)	41,3(3)	40,92	-	-	36,5(4)
52 высота орбиты	32,3(3)	33(3)	31(2)	-	-	32(4)
50 максиллофронтальная ширина	23,3(3)	24,6(3)	22,3(3)	22(1)	-	24,3(3)
62 длина неба	48(1)	51(2)	49(3)	49(1)	43(2)	42,6(3)
68 длина нижней челюсти от углов	86(3)	76,3(3)	80,5(4)	71(1)	82(2)	65,5(2)

70(а) высота ветви нижн. чел.	54,6(3)	60,3(3)	64,5(4)	64(1)	57,5(2)	54(2)
69(с) медиальная высота	32,3(3)	33,4(5)	36(4)	27(1)	27(2)	34(3)
66 угловая ширина	104,6(3)	97,5(2)	103,6(3)	110(1)	101(2)	-
65 мышцелковая ширина	121(1)	105,5(2)	117,5(2)	116(1)	-	-
71 ширина ветви	36,3(3)	31,3(3)	35,5(4)	31(1)	33,5(2)	30(3)
69-1 высота тела P2-M1	30(3)	33,2(4)	35(4)	27(1)	29,5(2)	28,5(2)
69-2 высота тела M1-M2	29(3)	29,7(4)	32,2(4)	26(1)	26(2)	26(2)
8:1 черепной указатель	73,7(4)	74,4(3)	76,8(4)	-	-	75(1)
17:1	75,2(1)	78,1(1)	81,7	-	-	77,7(1)
17:8	93,8(1)	102,2(1)	102,2(2)	-	-	-
9:8	67,5(4)	68,4(3)	72,1(3)	-	-	-
40:5	99,0(1)	96,9(1)	97,0(2)	-	-	92,3(1)
48:45	59,5(1)	61(2)	55,9(1)	-	-	-
52:51	80,2(3)	79,9(3)	77,5(2)	-	-	87,7(4)
54:55	48,0(2)	47,3(3)	454,1(3)	-	54,9(1)	43,2(3)

Таблица 9. Средние значения по погребальным сооружениям и половой принадлежности из могильника Нейзац

<i>Измерения на черепе</i>	<i>Мужские</i>			<i>Женские</i>		
	Грунто- вые мог.	Подбой- ные мог.	Склепы	Грунто- вые мог.	Подбой- ные мог.	Склепы
1 продольный диаметр	182,3(10)	179,5(25)	177,6(14)	175,7(7)	176,7(20)	180,4(9)
8 поперечный диаметр	141,6(10)	139,3(29)	142,8(16)	138,8(8)	137,2(25)	135,5(11)
9 наименьшая ширина лба	96,3(12)	97,2(30)	98,5(16)	96,2(10)	93,7(27)	94,3(10)
10 наибольшая ширина лба	119,3(13)	120,3(31)	123,8(17)	118,3(8)	115,6(27)	118,1(10)
11 ширина основания черепа	122,1(6)	120,3(18)	126,5(7)	121,3(6)	119(13)	119(4)
5 длина основания черепа	106,3(3)	101,6(13)	103,3(6)	100,8(6)	95,7(11)	102,7(4)
16 ширина затылочного отверстия	29,3(6)	30,1(14)	32,1(6)	29,8(8)	29,2(13)	22,8(5)
7 дл. затылочного отверстия	35(5)	36(13)	35,6(6)	33,6(8)	34,3(12)	34,5(4)
12 ширина затылка	107,4(7)	106,5(19)	110,7(8)	107(6)	104,4(17)	103,5(6)
17 высотный диаметр	140,7(4)	139,1(14)	142,6(5)	138,8(6)	130(11)	138,2(4)
20 ушная высота	127,8(8)	130,6(23)	133,5(7)	131,1(6)	124,4(18)	132,8(6)
29 лобная хорда	113,1(13)	109,7(29)	112,8(15)	108,8(10)	107,3(26)	113,2(11)
30 теменная хорда	111,1(13)	111,3(25)	112,2(14)	105,7(9)	104,7(23)	111,3(12)
31 затылочная хорда	105,2(8)	99,3(18)	96,8(9)	96,2(8)	94,9(14)	96,2(7)
26 лобная дуга	128(14)	129,7(29)	129,7(15)	124,9(10)	122,9(26)	130(11)

27 теменная дуга	125,8(12)	125,6(25)	126,2(15)	122,8(9)	125,5(23)	125,6(12)
28 затылочная дуга	123,8(7)	119,3(17)	114(8)	114,6(8)	113,9(13)	116(7)
45 скуловой диаметр	128(4)	127,3(9)	133,7(4)	132,5(2)	125,2(10)	122,2(4)
40 длина основания лица	92,5(2)	91,1(9)	99,6(5)	96(3)	92(9)	93(3)
48 верхняя высота лица	69,2(5)	69,5(14)	70,4(9)	69,3(3)	65,1(14)	70,6(5)
47 полная высота лица	116,7(4)	114,7(10)	118,3(47)	115,5(2)	111,9(11)	112,2(4)
46 средняя ширина лица	94,8(5)	94,6(14)	93,8(6)	96,3(3)	93,3(13)	96,2(4)
60 длина альв. дуги	53(11)	53,3(25)	54,8(13)	51(6)	51,4(20)	52,5(8)
61 ширина альв. дуги	62,8(7)	61,4(21)	63,5(12)	62,2(5)	60,7(13)	60,5(6)
63 ширина неба	37,2(7)	38,5(20)	37,5(10)	39,4(5)	38,7(14)	40,2(4)
55 высота носа	51,5(7)	51,6(16)	51,8(10)	48,6(3)	48,8(14)	51,8(5)
54 ширина носа	23,6(8)	26,2(21)	24,9(11)	23,2(4)	24(15)	24,6(6)
51 ширина орбиты	39,4(7)	39,9(16)	38,5(9)	37,6(3)	38,5(13)	38,8(5)
52 высота орбиты	32,3(52)	33,7(17)	32,5(9)	32,6(3)	32,4(15)	35,8(5)
50 максиллофронтальная ширина	24,1(50)	23,9(25)	26(13)	24,5(7)	24,3(22)	22,5(8)
62 длина неба	46,5(62)	44(18)	47,8(10)	43,4(5)	44,3(16)	44,1(7)
68 длина нижней челюсти от углов	78,5(11)	85,5(22)	89,1(9)	78(8)	82,5(17)	84,5(8)
70(а) высота ветви нижн. чел.	61,4(11)	58,2(25)	59(9)	56,6(6)	55,3(23)	54,5(8)
69(с) медиальная высота	31,7(12)	36,2(26)	32,1(13)	31,2(8)	32,5(20)	31,7(9)
66 угловая ширина	102,5(7)	100,1(15)	89,3(6)	96,6(5)	93,9(13)	93(4)
65 мышечковая ширина	118,7(7)	116,4(12)	134(4)	118,2(4)	117,6(13)	109(4)
71 ширина ветви	32,9(13)	31,5(26)	32,8(11)	31,0(10)	29,2(25)	30,6(10)
69-1 высота тела P2-M1	29,4(14)	29,5(24)	30,9(12)	29(8)	30,4(22)	29,2(8)
69-2 высота тела M1-M2	27,8(14)	27(24)	31,5(11)	26,7(8)	26,4(22)	26,8(9)
79 угол ветви нижн. челюсти	121,5(13)	120,9(25)	121,7(10)	123,5(10)	124,3(23)	125,6(8)
8:1 черепной указатель	78,4(9)	77,6(25)	80,6(14)	78,8(7)	77,8(20)	75,3(9)
17:1	76,0(4)	76,9(14)	79,9(5)	79,3(6)	73,5(11)	75,8(4)
17:8	98,0(4)	101,5(14)	102,0(5)	100,2(6)	94,9(11)	103,2(4)
40:5	88,4(2)	89,4(9)	95,8(5)	95,5(3)	95,7(9)	90,0(3)
48:45	53,9(4)	55,6(7)	52,5(4)	53,9(2)	52,9(9)	55,3(3)
52:51	82,5(6)	83,4(16)	84,6(9)	86,7(3)	84,3(13)	93,9(5)
54:55	47,5(6)	50,5(14)	47,5(10)	48,0(3)	50,3(13)	46,5(5)

Радочин В. Ю.

Краниологический материал из могильника Дружное

Резюме

В работе представлены исследования краниологического материала, полученного в ходе археологических раскопок 1990-1994 гг. на могильнике Дружное. Погребения на могильнике датируются III–IV вв. н.э. В ходе проведенной работы исследовано 38 черепов и 2 нижних челюсти из 23 погребальных сооружений, из них 17 мужских, 15 женских, 3 детских, в трех пол не определен. Анализ краниологического материала позволяет сделать вывод о смешанном населении, оставившем могильник Дружное. Средняя продолжительность жизни в мужской и женской сериях составила 30,8 и 30,4 года соответственно.

На обработанном материале достоверно зафиксировано 5 случаев искусственной деформации черепа. В одном случае искусственная затылочная деформация отмечена на женском черепе и была непреднамеренная по типу «бешик». Два случая преднамеренной искусственной деформации отмечены на мужском и женском черепах и относятся к лобно-затылочной. На еще одном женском черепе отмечена искусственная деформация по теменным и затылочной костям. Такая же деформация отмечена на черепе с неустановленной половой принадлежностью. Все типы преднамеренной искусственной деформации можно отнести к «мягким» формам.

Маркеры пищевого эпизодического стресса (эмалевая гипоплазия, *cribra orbitalia*) отмечены в 10 случаях. Из других маркеров эпизодического стресса отмечены поротический гиперостоз и холодный стресс. Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопический шов, монголоидные черты, зубные вариации и др.) отмечены в 27 случаях и распределились практически поровну по обоим полам. Патологические изменения в исследованной серии чаще фиксировались на зубочелюстном аппарате (64,6% от всех заболеваний). На исследованной выборке достоверно удалось зафиксировать три случая травматизма. В четырех случаях отмечен синдром Морганьи-Стюарта-Мореля. Частота встречаемости данного синдрома на обработанном материале составила 11,4%, что, несомненно, является высоким процентом.

Радочин В. Ю.

Краніологічний матеріал з могильника Дружне

Резюме

У роботі представлені дослідження краніологічного матеріалу, отриманого в ході археологічних розкопок 1990-1994 рр. на могильнику Дружне. Поховання на могильнику датуються III–IV ст. н.е. В ході проведеної роботи досліджено 38 черепів і 2 нижніх щелепи з 23 похоронних споруд, з них 17 чоловічих, 15 жіночих, 3 дитячих, в трьох стать не визначена. Аналіз краніологічного матеріалу дозволяє зробити висновок про змішане населення, що залишило могильник Дружне. Середня тривалість життя в чоловічій і жіночій серіях склала 30,8 і 30,4 років відповідно.

На обробленому матеріалі достовірно зафіксовано 5 випадків штучної деформації черепа. У одному випадку штучна потилична деформація відмічена на жіночому черепі і була ненавмисна за типом «бешик». Два випадки навмисної штучної деформації відмічено на чоловічому і жіночому черепах і відносяться до лобово-потилічної. На ще одному жіночому черепі відмічена штучна деформація по тім'яних і потиличній кісткам. Така ж деформація відмічена на черепі з невстановленою статевою приналежністю. Всі типи навмисної штучної деформації можна віднести до «м'яких» форм.

Маркери харчового епізодичного стресу (емалева гіпоплазія, *cribra orbitalia*) відмічені в 10 випадках. З інших маркерів епізодичного стресу відмічені поротичний гіперостоз і холодний стрес. Генетично детерміновані ознаки (додаткові кісточки на черепі, метопічний шов, монголоїдні риси, зубні варіації та ін.) відмічені в 27 випадках і розподілилися практично порівну між обома статями. Патологічні зміни в дослідженій серії частіше фіксувалися на зубощелепному апараті (64,6% від усіх захворювань). На дослідженій вибірці достовірно удалося зафіксувати три випадки травматизму. У чотирьох випадках відмічено синдром Моргані-Стюарта-Мореля. Частота зустрічальності даного синдрому на обробленому матеріалі склала 11,4%, що, поза сумнівом, є високим відсотком.

Radochin V. Yu.

Craniological Material from Druzhnoye Cemetery

Summary

The research of craniological material obtained in the course of archaeological excavations of 1990-1994 on Druzhnoye cemetery is presented in this work. The burials on the cemetery are dated by the 3rd 4th centuries AD. In the course of the work 38 craniums and 2 lower jaws from 23 burial constructions were found; 17 belonged to males, 15 to females, 3 to children, in 3 cases sex was not determined. The analysis of craniological material enables to come to the conclusion about mixed population who had left Druzhnoye cemetery. Average lifetime in male and female series was 30.8 and 30.4 years, correspondingly.

On the processed material 5 cases of artificial deformation of cranium were fixed reliably. In one case artificial cervical deformation was fixed on a females cranium and was unintended one of «beshik» type. Two cases of deliberate artificial deformation were fixed on males and females craniums; they are referred to frontooccipital one. Artificial deformation on parietal and occipital bones is fixed on one more females cranium. The same deformation is fixed on the cranium with unfixed sex belonging. All types of deliberate deformation can be referred to the so-called «soft» forms.

Markers of nutritional episodic stress (enamel hypoplasia, *cribra orbitalia*) were fixed in 10 cases. Among other markers of episodic stress there were porotic hyperostosis and cold stress. Genetically deterministic characteristics (additional small bones on craniums, metopic commissure, Mongoloid features, dental variations, and others) were fixed in 27 cases and were practically equal in number of both sexes. Pathological changes in the series under research were most usually fixed on dental maxilla apparatus (64.6% of all diseases). On the investigated samples three cases of traumatism were fixed trustworthy. In four cases MSM syndrome was discovered. Frequency of occurrence of this syndrome on the processed material is 11.4%; it is, without doubt, high percentage.

О. С. ИВАНОВА

УЗКОГОРЛЫЕ СВЕТЛОГЛИНЯНЫЕ АМФОРЫ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА

Мангуп-Кале представляет собой многослойный археологический памятник III-XVIII вв., расположенный на вершине одноименного плато¹ (рис. 1). В результате его исследования можно выделить основные этапы истории поселения: позднеримско-ранневизантийский (III – конец VIII вв.), хазарский (конец VIII – середина IX вв.), фемный (середина IX – середина XI вв.), феодоритский (XIV – третья четверть XV вв.) и турецкий (1475 г. – конец XVIII в.) [40, с. 85-88; 41, с. 746; 42, с. 29-30; 43, с. 69-70; 44, с. 94-112; 46, с. 371; 47, с. 233].

Позднеримско-ранневизантийский период истории городища представлен на нескольких раскопанных участках Мангупского плато, материал из которых частично опубликован [46, с. 371-494; 45, с. 314-345]. Ранние слои богаты археологическим материалом, основную массу которого составляют керамические изделия (строительная керамика, тарные сосуды, кухонная лепная и гончарная, а также столовая посуда, крышки, пряслица, грузила). Преобладают среди них тарные сосуды, в частности амфоры. Одними из самых ранних амфор, встреченных при раскопках Мангупа и его окружи², являются узкогорлые светлоглиняные амфоры типов D, F, E по Д. Б. Шелову [135, с. 16-21]³, публикации которых и посвящена данная статья.

Цель работы заключается в изучении узкогорлых светлоглиняных амфор для выяснения их информативности при определении даты слоев и комплексов Мангупа. Основными задачами являются отбор археологических контекстов, где

---

¹ Выражаю благодарность руководителю раскопок на Мангупском плато и в его округе А. Г. Герцену за возможность публикации материала.

² В статье использован материал не только из слоев и объектов собственно городища, но и из расположенного в непосредственной близости от плато некрополя в балке Алмалык-дере.

³ Здесь и далее намеренно нарушена последовательность латинских букв при перечислении типов узкогорлых светлоглиняных амфор, т.к. они расположены в хронологическом порядке производства сосудов.

обнаружены эти амфоры, их описание, поиск аналогий и уточнение времени бытования. Отметим, что большинство комплексов, в которых присутствовали узкогорлые светлоглиняные амфоры, не опубликованы, а те, что уже изданы, иногда требуют уточнения даты. В связи с этим вводная часть работы посвящена описанию, а также датировке археологических контекстов, которая основана на корреляции хронологически значимых находок: тарной керамики, столовой, в том числе краснолаковой, а также стеклянной посуды, монет. Поэтому при описании контекстов приведены три статистические таблицы распределения керамики по видам, по типам тарных сосудов и по формам столовой посуды⁴.

Узкогорлые светлоглиняные амфоры найдены при раскопках объектов позднеримско – ранневизантийского периода на участках жилой застройки в районе храма Св. Константина, с внешней и тыльной стороны Второй линии обороны в верховьях Лагерной балки, участка оборонительных сооружений на мысе Чуфут-Чеарган-Бурун, раскопа в расселине Демир-Капу (укрепление А-ХІХ Главной линии обороны), могильника в балке Алмалык-дере.

Участок жилой застройки в районе храма Св. Константина

№ 1. Квадрат Г. 4-й слой (2001)⁵ [89, с. 18-19]

Описание: Коричневый рыхлый грунт, насыщенный размерным бутовым камнем, щебнем, угольками. Размер 3,5х3,0 м, мощность до 1,0 м. Слой сформировался на начальном этапе жизни на участке.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	6	0,7
Тарная	667	80,8
Кухонная	109	13,2
Столовая	44	5,3
Всего	826	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры класса 1 по ХК-95 ⁶	74	11,09	4	2	–	68

⁴ Хронология основных датирующих видов керамики (амфор и краснолаковой посуды) представлена в приложениях 1 и 2. На их основании с привлечением других категорий датирующего материала сделана корреляция находок и выведена дата археологического контекста.

⁵ Здесь и далее указаны порядковый номер археологического контекста, его название и год исследования.

⁶ Здесь и далее ХК-95 – херсонесская классификация 1995 года [103].

Амфоры типа V по ХК-71 ⁷	229	34,33	4	29	3	193
Амфоры класса 2 по ХК-95	10	1,50	5	3	2	–
Амфоры типа 100 по Зеест ⁸	2	0,30	1	1	–	–
Амфоры типа 100/класс 2 ⁹	110	16,49	3	3	4	100
Амфоры типа LRA1 по Райли ¹⁰	99	14,84	1	12	1	85
Амфоры типа 95 по Зеест	60	9,0	1	2	1	56
Амфоры типа LRA2 по Райли	2	0,30	–	–	–	2
Амфоры типа 72 по Зеест	9	1,35	2	1	–	6
Амфоры типа 80 по Зеест	2	0,30	2	–	–	–
Амфоры типа E по Шелову ¹¹	8	1,20	2	3	–	3
Амфоры класса 24 по ХК-95	3	0,45	1	1	–	1
Неопределенные типы амфор	59	8,85	2	–	–	57
Всего	667	100	28	57	11	571

В контексте обнаружены два валикообразных подтреугольных венчика (рис. 11, 1 – d=?, 2 – d=6,6 см), три овальные в сечении ручки (рис. 12, 5-7) и три стенки амфор типа E по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		35	79,5
Краснолаковая ¹²	форма PRS-1	1	2,3
	форма PRS-7	1	2,3
	форма 13	2	4,5
	неопределенные формы	5	11,4
Всего		44	100

Другие датированные находки: Монеты – позднеримская (вторая половина IV в.), Элия Флацилла (379-386 гг.), 383 г., византийская монета Юстиниана I (527-565)¹³ [89, прил. 1, № 113, 114].

⁷ Здесь и далее ХК-71 – херсонесская классификация 1971 года [12, с. 81-107].

⁸ Здесь и далее по Зеест – классификация И. Б. Зеест 1960 года [56].

⁹ Фрагменты амфор этих типов совместно описаны в 2001 г. Принадлежность к типу 100 по Зеест или классу 2 по ХК-95 определена только для фрагментов, хранящихся в музее.

¹⁰ Здесь и далее по Райли – классификация Д. Райли 1979 года [170, р. 91-466].

¹¹ Здесь и далее по Шелову – классификация узкогорлых светлоглиняных амфор, предложенная Д. Б. Шеловым в 1978 году [135, с. 16-21].

¹² При классификации краснолаковой керамики использованы работы Т. И. Арсеньевой и К. Домжальского для определения форм Pontic Red Slip Ware (форма PRS) [145, р. 415-491], Дж. Хейса для определения форм Late Roman C (форма LRC) [157, р. 323-370], а также типология, разработанная нами на материалах могильника в балке Алмалык-дере (форма – для открытых сосудов; тип – для кувшинов) [58, с. 26-88].

¹³ Определение В. А. Сидоренко.

Дата: Формирование слоя активно происходило на протяжении конца IV – VII вв. Незначительная примесь материала IX–XI вв. (амфор «причерноморского типа» класса 24 по ХК-95 и одного фрагмента кувшина с линейно-арочной росписью ангобом) объясняется оживленной хозяйственной и строительной деятельностью на этом участке в более позднее время.

№ 2. Квадрат Г. Суглинок (2001) [89, с. 18-19]

Описание: Ярко-коричневый плотный суглинок. Размер 4,0х3,0 м, мощность до 1,5 м. Слой сформировался на начальном этапе жизни поселения.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	3	2,01
Тарная	119	79,87
Кухонная	20	13,42
Столовая (краснолаковая)	7	4,7
Всего	149	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры класса 1 по ХК-95	18	14,17	–	–	–	18
Амфоры типа V по ХК-71	32	25,20	1	1	–	30
Амфоры типа 100 по Зеест	1	0,79	–	1	–	–
Амфоры типа 100/класс 2	33	25,98	–	3	–	30
Амфоры типа LRA1 по Райли	25	19,69	–	5	–	20
Амфоры типа 95 по Зеест	7	5,51	–	–	–	7
Амфоры типа 96/97 по Зеест	1	0,79	–	1	–	–
Амфоры типа 72 по Зеест	2	1,57	–	–	–	2
Амфоры типа F/E по Шелову	1	0,79	–	1	–	–
Неопределенные типы амфор	7	5,51	–	–	–	7
Всего	127	100	1	12	–	114

В контексте обнаружена овальная в сечении ручка амфоры типа F/E по Шелову (рис. 5,6).

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Краснолаковая	форма PRS-1	6	85,7
	закрытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	1	14,3
Всего		7	100

Дата: вторая половина IV – VI вв.

№ 3. Квадрат Н. Хозяйственная яма № 27.

Заполнение (2004/2005) [92, с. 39; 93, с. 25]

Описание: Округлая в плане яма диаметром 0,8 м, с нечетким контуром, с почти отвесными бортами. Выкопана с уровня 4-го (ранневизантийского) слоя¹⁴ на глубину 0,2 м. Заполнена серым рыхлым грунтом с камнем. Засыпь является единовременной.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	506	87,5
Кухонная (лепная)	67	11,6
Столовая	5	0,9
Всего	578	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Целая форма</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры класса 1 по ХК-95	84	16,6	–	–	2	–	82
Амфоры типа V по ХК-71	42	8,3	–	1	2	1	38
Амфоры тип 100 по Зеест	141	27,9	–	2	1	–	138
Амфоры класс 2 по ХК-95	145	28,7	–	4	6	4	131
Амфоры класс 2 по ХК-95 (имитация)	1	0,2	1	–	–	–	–
Амфоры типа LRA1 по Райли	2	0,4	–	–	–	–	2
Амфоры типа 95 по Зеест	42	8,3	–	–	–	–	42
Амфоры типа Keau LIX ¹⁵	1	0,2	1	–	–	–	–
Амфоры типа 72 по Зеест	1	0,2	–	–	–	1	–
Амфоры типа D по Шелову	37	7,3	–	–	1	1	35
Неопределенные типы амфор	8	1,6	–	–	–	–	8
Пифосы	2	0,4	–	–	–	–	2
Всего	506	100	2	7	12	7	476

В контексте обнаружены овальная в сечении с ребром ручка (рис. 2,6), ножка с вдавлением снизу (рис. 3,1 – d=3,4 см) и тридцать пять стенок амфор типа D по Шелову.

¹⁴ На участке жилой и хозяйственной застройки стратиграфическая колонка представлена четырьмя слоями (подробнее о ней см.: 47, с. 238-242). Четвертым слоем является коричневый плотный грунт с мелким бутовым камнем и щебнем мощностью 0,40-1,0 м. С ним связан так называемый 4-й горизонт застройки участка в районе храма Св. Константина, который образуют сооружения ранневизантийского периода (середина VI – VII вв.).

¹⁵ Тип Keau LIX [160, p. 302].

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		1	20
Краснолаковая	форма 12	1	20
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	3	60
Всего		5	100

Дата: Заполнение содержит материал III–VI вв., засыпь была сделана в первой половине VI в.

№ 4. Квадрат М. Хозяйственная яма № 48. Заполнение (2005) [93, с. 29]

Описание: Округлая в плане яма диаметром около 1,2 м, с почти вертикальными стенками (цилиндрический профиль) и плоским дном. Сохранившаяся на глубину до 0,64 м нижняя часть ямы выкопана в материковом суглинке. Заполнена коричневым плотным грунтом с бутовым камнем. Засыпь является единовременной.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	9	6,7
Тарная	115	85,2
Кухонная (гончарная)	9	6,7
Столовая	2	1,4
Всего	135	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры класса 1 по ХК-95	2	1,7	–	–	–	2
Амфоры типа V по ХК-71	37	32,2	1	–	1	35
Амфоры типа 100 по Зеест	34	29,6	1	–	–	33
Амфоры класса 2 по ХК-95	21	18,3	–	1	–	20
Амфоры типа LRA1 по Райли	7	6,1	–	–	–	7
Амфоры типа 95 по Зеест	6	5,2	–	–	–	6
Амфоры типа D/F по Шелову	6	5,2	–	2	–	4
Неопределенные типы амфор	2	1,7	–	–	–	2
Всего	115	100	2	3	1	109

В контексте обнаружены две овальные в сечении ручки (рис. 5,2) и четыре стенки амфоры типа D/F по Шелову.

Дата: Заполнение содержит материал IV–VI вв., засыпь была сделана в первой половине VI в.

№ 5. Квадрат И-3. Хозяйственная яма № 64. Заполнение (2005) [93, с. 34]

Описание: Округлая в плане яма диаметром около 1,35-1,4 м, с почти вертикальными бортами (цилиндрический профиль) и плоским дном. Сохранившаяся на глубину до 0,67 м нижняя часть вырублена в деструктурированной скале. Заполнена коричневым плотным грунтом. Засыпь является единовременной.

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	105	75,5
Кухонная (лепная)	25	18,0
Столовая	9	6,5
Всего	139	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры класса 1 по ХК-95	3	2,9	–	–	–	3
Амфоры типа V по ХК-71	34	32,4	3	3	–	28
Амфоры типа 100 по Зеест	5	4,8	–	–	–	5
Амфоры класса 2 по ХК-95	37	35,2	1	–	–	36
Амфоры типа LRA1 по Райли	8	7,6	–	–	–	8
Амфоры типа 95 по Зеест	6	5,7	–	–	–	6
Амфоры типа D/F по Шелову	8	7,6	–	2	–	6
Неопределенные типы амфор	4	3,8	–	–	–	4
Всего	105	100	4	5	–	96

В контексте обнаружены округлая и овальная в сечении ручки (рис. 5,3,4) и шесть стенок амфор типа D/F по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		6	66,7
Краснолаковая	форма PRS-3	1	11,1
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	1	11,1
	закрытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	1	11,1
Всего		9	100

Дата: Заполнение содержит материал IV–VII вв., засыпь была сделана в VI-VII вв.

№ 6. Квадрат Н. Хозяйственная яма № 68. Заполнение (2005) [93, с. 35]

Описание: Округлая в плане яма диаметром около 1,7 м, с вертикальными бортами (цилиндрический профиль) и плоским дном. Нижняя часть выкопана в материковом суглинке. Заполнение – коричневый плотный грунт с линзами ярко-коричневого материкового суглинка, камнем и углями – фиксируется на глубину до 1,2 м, с уровня 4-го (ранневизантийского) слоя. Засыпь является единовременной.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	3	2,7
Тарная	78	69,0
Кухонная (лепная)	31	27,4
Столовая	1	0,9
Всего	113	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Пифосы	2	2,6	–	–	–	2
Амфоры типа V по ХК-71	27	34,6	1	–	–	26
Амфоры типа V по ХК-71 (с большой примесью песка)	1	1,3	–	–	–	1
Амфоры типа 100 по Зеест	1	1,3	–	–	–	1
Амфоры класса 2 по ХК-95	23	29,5	–	–	–	23
Амфоры типа LRA1 по Райли	5	6,4	–	–	–	5
Амфоры типа LRA2 по Райли	5	6,4	–	–	–	5
Амфоры типа LRA4 по Райли	2	2,6	–	–	–	2
Амфоры типа 95 по Зеест	7	8,9	–	–	1	6
Амфоры типа D/F по Шелову	3	3,8	–	1	–	2
Неопределенные типы амфор	2	2,6	–	–	–	2
Всего	78	100	1	1	1	75

В контексте обнаружены овальная в сечении ручка (рис. 5,5) и две стенки амфор типа D/F по Шелову.

Дата: Заполнение содержит материал IV–VII вв., засыпь сделана в VI–VII вв.

Участок жилой застройки с внешней стороны Второй линии обороны в верховьях Лагерной балки

№ 7. Раскоп XV. 4-й слой (селевой нанос) (2007) [94, с. 36]

Описание: Темно-коричневый плотный грунт мощностью до 0,1 м, насыщенный мелкими окатанными скальными обломками. Слой сформировался естественным образом и является натечным.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	6	0,5
Тарная	967	84,9
Кухонная	99	8,7
Столовая	67	5,9
Всего	1139	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Пифосы	4	0,4	–	–	–	4
Амфоры типа V по ХК-71	390	40,3	6	7	5	372
Амфоры типа V по ХК-71 (с большой примесью песка)	66	6,8	–	–	–	66
Амфоры типа 72 по Зеест	7	0,7	–	1	–	6
Амфоры типа 77 по Зеест	3	0,3	–	–	–	3
Амфоры типа 100 по Зеест	40	4,1	2	1	–	37
Амфоры класса 1 по ХК-95	155	16,0	2	7	–	146
Амфоры класса 2 по ХК-95	143	14,8	2	–	1	140
Амфоры типа LRA1 по Райли	30	3,2	–	–	–	30
Амфоры типа LRA2 по Райли	13	1,3	1	–	–	12
Амфоры типа LRA4 по Райли	18	1,9	–	–	–	18
Амфоры типа 95 по Зеест	61	6,4	–	2	–	59
Амфоры типа D/F по Шелову	14	1,4	1	–	–	13
Амфоры типа E по Шелову	6	0,6	–	1	–	5
Амфоры класса 24 по ХК-95	1	0,1	1	–	–	–
Неопределенные типы амфор	16	1,7	–	–	–	–
Всего	967	100	15	19	6	927

В контексте обнаружены валикообразный подтреугольный венчик (рис. 5,1 – d-?) и тринадцать стенок амфор типа D/F, округлая в сечении с ребром ручки (рис. 12,8) и пять стенок амфор типа E по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		52	77,6
Краснолаковая	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	6	8,9
	форма PRS-?	3	4,5
	форма LRC-1	2	3,0
	неопределенные формы	4	6,0
Всего		67	100

Дата: Корреляция хронологии представленного материала, с учетом натечного характера образования слоя, показывает, что комплекс сформировался к концу VI – VII вв. В таком случае, единственный фрагмент венчика «причерноморской» амфоры (класс 24 по ХК-95) относим к числу случайной «примеси сверху».

Участок в верховьях Лагерной Балки с тыльной стороны оборонительной стены

№ 8. Раскоп А-XIV. Квадрат 2.

Хозяйственная яма у северо-западной бровки. Заполнение (1997) [74, с. 18]

Описание: Яма выкопана с поверхности суглинка и имеет форму неправильно овала с наибольшей длиной около 2,0 м. Максимальная глубина от поверхности суглинка – 1,15 м. Заполнение представляет собой коричневатый плотный грунт с мелким и средним бутовым камнем и носит единовременный характер.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	98	77,8
Кухонная (лепная)	20	15,9
Столовая	8	6,3
Всего	126	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	17	17,3	1	1	–	15
Амфоры типа 100 по Зеест	32	32,7	–	1	–	31
Амфоры типа LRA 1 по Райли	5	5,1	–	–	–	5
Амфоры типа 95 по Зеест	13	13,3	–	–	1	12
Амфоры типа D/F по Шелову	2	2,0	–	2	–	–
Амфоры типа E по Шелову	15	15,3	1	–	–	14
Неопределенные типы амфор	14	14,3	1	–	–	13
Всего	98	100	3	4	1	90

В контексте обнаружены две овальные в сечении ручки, одна из которых имеет небольшой валик (рис. 5,7,8), амфор типа D/F, валикообразный венчик (рис. 11,3 – d=6,9 см) и четырнадцать стенок амфор типа E по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		3	37,5
Краснолаковая	неопределенные формы	2	25,0
	форма PRS-4	3	37,5
Всего		8	100

Дата: Наиболее вероятная дата комплекса – начало/первая половина V в.

№ 9. Раскоп А-IX. 4-й слой под развалом стен помещения № 2 (1995) [72, с. 43-44]

Описание: Темно-коричневый плотный грунт, лежащий на поверхности скалы, площадью 0,12x0,45 м. Слой сформировался естественным образом на первом этапе заселения участка с тыльной стороны оборонительной стены.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	117	47,8
Кухонная (лепная)	114	46,5
Столовая	14	5,7
Всего	245	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	2	1,7	1	1	–	70
Амфоры типа 100 по Зеест	37	31,6	–	1	–	36
Амфоры типа LRA1 по Райли	5	4,3	–	–	–	5
Амфоры типа 95 по Зеест	22	18,8	–	1	–	21
Амфоры типа F по Шелову	16	13,7	–	1	–	15
Амфоры класса 1 по ХК-95	1	0,8	–	–	–	1
Амфоры класса 2 по ХК-95	4	3,4	–	–	–	4
Амфоры неопределенных типов с формовочной массой, как у сосудов боспорского производства	14	12,0	–	–	–	14
Неопределенные типы амфор	16	13,7	–	–	–	16
Всего	117	100	1	4	–	112

В контексте обнаружены округлая в сечении с ребром ручка (рис. 7,1) и пятнадцать стенок амфор типа F по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		5	35,7
	формы неопределенные	2	14,3
Краснолаковая	форма PRS-1	2	14,3
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	5	35,7
Всего		14	100

Дата: Из таблиц распределения материала видно, что слой, предшествовавший строительству здания № 2, можно датировать IV–V вв.

№ 10. Раскоп А-IX. 4-й слой (1994) [71, с. 24-25]

Описание: Темно-коричневый плотный грунт, лежащий на площади 5,5х3,25 м, мощностью 0,4-0,55 м. Горизонт может быть интерпретирован как «слой жизни» позднеримско–ранневизантийского поселения на начальном этапе его существования.

Керамический материал:Структура керамического комплекса¹⁶

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	22	34,4
Кухонная (лепная)	32	50,0
Столовая (краснолаковая)	10	15,6
Всего	64	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	5	22,7	1	2	1	1
Амфоры типа 73 по Зеест	2	9,1	2	–	–	–
Амфоры типа 100 по Зеест	1	4,6	1	–	–	–
Амфоры типа 95 по Зеест	5	22,7	2	1	–	2
Амфоры типа F по Шелову	5	22,7	2	1	1	1
Амфоры типа E по Шелову	2	9,1	–	1	1	–
Амфоры типа V по ХК-71	1	4,6	–	–	1	–
Неопределенные типы амфор	1	4,6	–	–	–	1
Всего	22	100	8	5	4	5

В контексте обнаружены два валикообразных подтреугольных венчика (рис. 5,9 – d=5,6 см, 10 – d=4 см), овальная в сечении ручка (рис. 7,2), дно на кольцевом поддоне и стенка амфоры типа F, округлая ручка (рис. 12,9) и округлое дно с выступом (рис. 12,15) амфоры типа E по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Краснолаковая	форма PRS-1	3	30
	форма PRS-3	3	30
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	4	40
Всего		10	100

Дата: Наличие дна амфоры типа V свидетельствует о том, что горизонт, по всей видимости, следует датировать IV – началом VI вв.

¹⁶ В статистическую таблицу включены фрагменты сосудов, которые взяты в коллекцию (в основном, профильные части), т.к. полевые описи были утеряны.

№ 11. Раскоп А-VIII. Прирезка. Суглинок (1994) [71, с. 20]

Описание: Коричневый плотный грунт, лежащий на площади 1,0х1,3 м, мощностью 0,6 м. Горизонт сформировался в скальных лакунах естественным образом на начальном этапе существования поселения.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	73	59,8
Кухонная (лепная)	41	33,6
Столовая (краснолаковая)	8	6,6
Всего	122	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72/73 по Зеест	5	6,8	–	1	–	4
Амфоры типа F по Шелову	7	9,6	1	–	1	5
Амфоры типа V по ХК-71	3	4,1	–	–	–	3
Неопределенные типы амфор	58	78,1	–	–	–	58
Всего	73	100	–	1	2	70

В контексте обнаружены подтреугольный венчик (рис. 6,1 – d=6 см) и дно на кольцевом поддоне (рис. 8,1 – d=4,3 см) амфоры типа F по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Краснолаковая	неопределенные формы	7	87,5
	закрытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	1	12,5
Всего		8	100

Дата: Наличие фрагментов амфоры типа V свидетельствует о том, что горизонт, по всей видимости, следует датировать III – началом VI вв.¹⁷

№ 12. Раскоп А-VIII. Вход в печь. Суглинок (1994) [71, с. 22]

Описание: Коричневый плотный грунт. Горизонт сформировался в скальных лакунах естественным образом на начальном этапе существования поселения.¹⁸

¹⁷ Отметим, что III в. взят в качестве начальной даты формирования слоя в связи с присутствием фрагментов амфор типа D по Шелову в суглинке у входа в печь (следующий описываемый контекст). По всей видимости, эти слои синхронны.

¹⁸ К сожалению, более подробного описания горизонта в отчете об археологических раскопках не обнаружено. Отметим лишь, что, скорее всего, горизонт аналогичен, а соответственно и синхронен суглинку в прирезке А-VIII.

Керамический материал:Структура керамического комплекса¹⁹

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	11	61,1
Кухонная (лепная)	6	33,3
Столовая (краснолаковая, «понтійского производства»)	1	5,6
Всего	18	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	2	18,2	2	–	–	–
Амфоры типа 72/73 по Зеест	1	9,1	–	–	–	1
Амфоры типа 80 по Зеест	1	9,1	–	1	–	–
Амфоры типа 95 по Зеест	1	9,1	–	–	–	1
Амфоры типа 100 по Зеест	1	9,1	1	–	–	–
Амфоры типа D по Шелову	2	18,2	–	1	1	–
Амфоры типа V по ХК-71	1	9,1	–	–	–	1
Неопределенные типы амфор	2	18,2	–	–	–	2
Всего	11	100	3	2	1	5

В контексте обнаружены подпрямоугольная в сечении ручка (рис. 2,7) и узкое дно с выемкой (рис. 3,2 – d=2,8 см) амфоры типа D по Шелову.

Дата: Наличие фрагментов амфоры типа V свидетельствует о том, что горизонт, по всей видимости, следует датировать III – началом VI вв.

Раскоп в расселине Демир-Капу (укрепление А-XIX)**№ 13. 3 слой (2002)** [90, с. 27; 45, с. 318-320]

Описание: Светло-коричневый рыхлый грунт, насыщенный мелким щебнем, бутовым камнем мелких и средних размеров, мощностью 0,5-0,7 м. Контекст является единовременным горизонтом заполнения грота, расположенного в расселине Демир-Капу.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	266	47,8
Тарная	248	44,6

¹⁹ В данном археологическом контексте статистика приведена исключительно по взятому в коллекцию материалу, т.к. полевые описи были утеряны.

Кухонная	20	3,6
Столовая (краснолаковая)	22	4,0
Всего	556	100

Тарная керамика

Категория	Кол-во фр-тов	%	Венчики	Ручки	Донья	Стенки
Амфоры типа 72-73 по Зеест	7	2,8	1	5	–	1
Амфоры типа 72 по Зеест	27	10,9	13	2	–	12
Амфоры типа 73 по Зеест	9	3,6	1	–	–	8
Амфоры типа 100 по Зеест	3	1,2	2	1	–	–
Амфоры типа LRA1 по Райли	32	12,9	–	2	–	30
Амфоры класса 1 по ХК-95	1	0,4	–	–	–	1
Амфоры класса 2 по ХК-95	2	0,8	–	2	–	–
Амфоры типа 95 по Зеест	24	9,7	–	–	–	24
Амфоры типа F по Шелову	55	22,2	2	17	–	36
Амфоры типа E по Шелову	7	2,9	1	2	–	4
Амфоры типа V по ХК-71	53	21,4	–	1	–	52
Неопределенные типы амфор	28	11,2	–	11	–	17
Всего	248	100	20	43	–	185

В контексте обнаружены два подтреугольных венчика (рис. 5,12 – d=6,7 см), семнадцать овальных в сечении ручек (рис. 7,3,4) и тридцать шесть стенок амфор типа F, массивный подпрямоугольный венчик (рис. 11,4 – d=?), две овальные в сечении ручки (рис. 12,10,11) и четыре стенки амфор типа E по Шелову.

Столовая керамика

	Форма/тип	Кол-во фр-тов	%
Краснолаковая	форма PRS-2	2	9,1
	форма 12	2	9,1
	форма 13	2	9,1
	закрытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	3	13,6
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	1	4,6
	неопределенные формы	12	54,5
Всего		22	100

Дата: Засыпь содержит материал IV–VI вв. и была, по всей видимости, сделана в VI в. [45, с. 328].

№ 14. 4 слой (2002) [90, с. 27-28; 45, с. 320-322]

Описание: Темно-коричневый плотный грунт с большим количеством щебня, мелкого камня, пятнами разложившегося известкового раствора и уголька-ми. Его мощность в пределах 0,3-0,4 м. Контекст является единовременным горизонтом заполнения грота.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	54	18,1
Тарная	213	71,5
Кухонная	21	7,0
Столовая	10	3,4
Всего	298	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72-73 по Зеест	6	2,8	–	2	–	4
Амфоры типа 79 по Зеест	4	1,9	1	–	–	3
Амфоры типа 100 по Зеест	18	8,5	3	–	–	15
Амфоры типа LRA1 по Райли	27	12,7	–	8	–	19
Амфоры типа LRA2 по Райли	7	3,3	–	–	–	7
Амфоры класса 1 по ХК-95	14	6,6	–	2	–	12
Амфоры класса 2 по ХК-95	19	8,9	4	1	–	14
Амфоры типа 95 по Зеест	15	7,0	1	3	–	11
Амфоры типа F по Шелову	21	9,9	–	2	–	19
Амфоры типа V по ХК-71	15	7,0	1	4	–	10
Амфоры класса 24 по ХК-71	1	0,4	–	–	–	1
Неопределенные типы амфор	63	29,6	3	6	4	50
Пифосы	3	1,4	–	–	–	3
Всего	213	100	13	28	4	168

В контексте обнаружены две овальные в сечении с небольшими валиками ручки (рис. 7,5,6) и девятнадцать стенок амфор типа F по Шелову.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		4	40,0
	форма PRS-1	2	20,0
Краснолаковая	форма PRS-3	1	10,0
	неопределенные формы	3	30,0
Всего		10	100

Другие датированные находки: Фрагмент стеклянного сосуда с оплавленным краем IV–VII вв. [45, с. 322].

Дата: Засыпь содержит материал IV–VI вв. и, по всей видимости, была сделана в VI в. [45, с. 328]. Фрагмент амфоры класса 24 по ХК-95, вероятно, является примесью из более позднего горизонта.

№ 15. 6 слой (2002) [90, с. 28; 44, с. 323]

Описание: Темно-серый рыхлый грунт, насыщенный мелким щебнем, угольками и пятнами строительного известкового раствора, мощностью 0,25-0,35 м. Контекст является единовременным горизонтом заполнения грота.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	75	17,8
Тарная	308	72,9
Кухонная	32	7,6
Столовая (краснолаковая)	7	1,7
Всего	422	100

Тарная керамика²⁰

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	10	3,2	1	1	–	8
Амфоры типа 100 по Зеест	108	35,1	3	4	1	100
Амфоры типа LRA 1 по Райли	18	5,8	–	–	–	17
Амфоры класса 2 по ХК-95	18	5,8	–	–	1	17
Амфоры типа 95 по Зеест	48	15,7	–	–	–	48
Амфоры типа F по Шелову	4	1,3	1	3	–	–
Амфоры типа E по Шелову	13	4,2	–	1	–	12
Амфоры типа V по ХК-71	21	6,8	1	1	–	19
Неопределенные типы амфор	67	21,8	2	4	–	61
Пифосы	1	0,3	–	–	–	1
Всего	308	100	8	15	2	283

В контексте обнаружены подтреугольный венчик с прилепом овальной в сечении ручки (рис. 6,4 – d=3,5 см), три овальные в сечении с ребром ручки (рис. 7,7) амфор типа F, округлая в сечении с ребром ручка (рис. 12,12) и двенадцать стенок амфор типа E по Шелову.

²⁰ После выхода статьи А. Г. Герцена и А. Ю. Манаева [45, с. 314-345] были сделаны некоторые уточнения в определении тарной керамики, поэтому статистические данные не всегда совпадают с выкладками, предложенными в приложении 3 указанной публикации.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		1	14,2
Краснолаковая	форма PRS-1	2	28,6
	форма 4, вариант 1	2	28,6
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	2	28,6
Всего		7	100

Другие датированные находки: Бронзовая монета Юстиниана I (527-565 гг.)²¹.
Дата: Засыпь содержит материал IV–VI вв. и, по всей видимости, была сделана в VI в. [45, с. 328].

№ 16. 7 слой (2002-2003) [90, с. 28-29; 91, с. 42-43; 45, с. 323-324]

Описание: Светло-серый плотный грунт, насыщенный бутовым камнем, с включением угольков, пятен разложившегося известкового раствора. Максимальная мощность слоя 0,65 м. Контекст является единовременным горизонтом заполнения грота.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	2278	71,4
Тарная	787	24,7
Кухонная (лепная)	106	3,3
Столовая	19	0,6
Всего	3190	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72-73 по Зеест	32	4,1	–	1	1	30
Амфоры типа 73 по Зеест	45	5,7	2	5	1	37
Амфоры типа 75 по Зеест	2	0,3	1	–	–	1
Амфоры типа 76 по Зеест	6	0,8	–	1	–	5
Амфоры типа 100 по Зеест	199	25,3	6	5	1	187
Амфоры типа LRA1 по Райли	55	7,0	1	7	–	47
Амфоры класса 1 по ХК-95	20	2,6	–	–	–	20
Амфоры класса 2 по ХК-95	89	11,3	6	4	2	77
Амфоры типа 95 по Зеест	112	14,3	2	3	2	105
Амфоры типа D по Шелову	2	0,3	–	–	2	–
Амфоры типа F по Шелову	90	11,4	6	6	4	74

²¹ Определение В. А. Сидоренко.

Амфоры типа Е по Шелову	25	3,2	2	5	–	18
Амфоры типа V по ХК-71	53	6,7	–	2	–	51
Неопределенные типы амфор	50	6,5	5	4	–	41
Пифосы	7	0,9	–	–	–	7
Всего	787	100	31	43	13	700

В контексте обнаружены два широких дна на кольцевом поддоне амфор типа D (рис. 3,3 – d=4,5 см, 4 – d=6 см), шесть валикообразных подтреугольных венчиков (рис. 5,11 – d=4 см, 13 – d=6,8 см, 14 – d=7 см), шесть округлых с ребром и овальных в сечении ручек (рис. 7,8,9,16), четыре дна на кольцевом поддоне (рис. 8,2 – d=?) и семьдесят четыре стенки амфор типа F, два подпрямоугольных венчика, пять округлых в сечении ручек (рис. 12,13) и восемнадцать стенок амфор типа Е.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		5	26,3
Краснолаковая	форма PRS-1	7	36,8
	форма PRS-3	3	15,8
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	4	21,1
Всего		19	100

Дата: Засыпь содержит материал IV–VI вв. и была, по всей видимости, сделана в VI в. [45, с. 328].

№ 17. 8 слой (2002-2003) [90, с. 29-30; 91, с. 43-44; 45, с. 325-326]

Описание: Темно-серый плотный слой, насыщенный бутовым камнем среднего и мелкого размера, с включением угольков, пятнами известкового раствора, линзами скальной крошки. Мощность слоя до 0,8 м. Контекст является единовременной засыпью грота.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	667	32,4
Тарная	1209	58,6
Кухонная	140	6,8
Столовая	45	2,2
Всего	2061	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	95	7,9	8	8	2	77
Амфоры типа 73 по Зеест	8	0,6	1	1	–	6

Амфоры типа 100 по Зеест	256	21,2	6	7	4	239
Амфоры типа LRA1	14	1,2	–	2	–	12
Амфоры типа LRA2	2	0,2	–	–	–	2
Амфоры класса 2 по ХК-95	93	7,6	1	3	–	89
Амфоры типа 95 по Зеест	95	7,8	–	5	1	89
Амфоры типа 96-97 по Зеест	1	0,1	1	–	–	–
Амфоры типа D по Шелову	26	2,2	3	9	4	10
Амфоры типа F по Шелову	228	18,9	3	8	5	212
Амфоры типа E по Шелову	65	5,4	2	6	–	57
Амфоры типа V по ХК-71	57	4,7	–	2	–	55
Неопределенные типы амфор	265	21,9	12	22	3	228
Пифосы	4	0,3	–	–	–	4
Всего	1209	100	37	73	19	1080

В контексте обнаружены три валикообразных подтреугольных венчика (рис. 2,1 – d=6 см, 2 – d=5,1 см, 4 – d=4,6 см), девять овальных в сечении ручек (рис. 2,8-11), четыре узких дна с вдавлением снизу, десять стенок амфор типа D, три подтреугольных венчика (рис. 6,2 – d=5 см, 3 – d=3,8 см, 5 – d=4,6 см), восемь овальных в сечении ручек с ребром (рис. 7,10-14), пять доньев на кольцевом поддоне (рис. 8,3 – d=5 см, 4 – d=5,4 см, 5 – d=5,3 см, 6 – d=5,2 см) и двести двенадцать стенок амфор типа F, два подпрямоугольных венчика (рис. 11,5 – d=9 см, 6 – d=6,2 см), 6 округлых в сечении ручек (рис. 12,14) и пятьдесят семь стенок амфор типа E.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная		5	11,1
	форма PRS-1	8	17,8
Краснолаковая	форма PRS-3	1	2,2
	форма PRS-4	1	2,2
	форма 4, вариант 1	6	13,3
	форма 12	2	4,4
	закрытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	7	15,6
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	3	6,7
	неопределенные формы	12	26,7
	Всего		45

Дата: Засыпь содержит материал IV–VI вв. и была, по всей видимости, сделана в VI в. [45, с. 328].

№ 18. 9 слой (заполнение ямы) (2002) [90, с. 30; 45, с. 324-325]

Описание: Овальная в плане яма с наибольшей длиной 2,7 м, выкопана с поверхности светло-серого плотного 7-го слоя на глубину 1,0 м. Заполнение

представляет собой черный рыхлый грунт с включениями мелкого и среднего бутового камня. Засыпь носит единовременный характер.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	373	38,1
Тарная	561	57,3
Кухонная	22	2,2
Столовая	23	2,4
Всего	979	100

Тарная керамика

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	33	5,9	2	3	1	27
Амфоры типа 73 по Зеест	9	1,6	3	–	–	6
Амфоры типа 100 по Зеест	286	51,5	11	10	–	265
Амфоры типа LRA1 по Райли	41	7,3	–	1	1	39
Амфоры типа LRA2 по Райли	7	1,2	–	1	–	6
Амфоры типа LRA4 по Райли	1	0,2	–	–	–	1
Амфоры класса 1 по ХК-95	14	2,5	3	1	–	10
Амфоры класса 2 по ХК-95	11	1,9	3	1	1	6
Амфоры типа 95 по Зеест	71	12,7	–	3	1	67
Амфоры типа F по Шелову	3	0,5	2	1	–	–
Амфоры типа E по Шелову	17	3,0	6	3	–	8
Амфоры типа V по ХК-71	47	8,4	–	1	1	45
Неопределенные типы амфор	16	2,9	–	3	–	13
Пифосы	5	0,9	1	–	–	4
Всего	561	100	31	28	5	497

В контексте обнаружены два валикообразных венчика (рис. 6,6 – $d=4,5$ см), овальная в сечении ручка (рис. 7,15) амфор типа F, шесть подпрямоугольных (рис. 12,1 – $d=7$ см, 2 – $d=6,6$ см) и подтреугольных венчиков (рис. 12,4 – $d=6$ см), восемь стенок амфор типа E.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная	археологически целая форма	1	4,3
Краснолаковая	формы неопределенные	2	8,7
	форма PRS-1	6	26,2
	форма PRS-2	1	4,3
	форма 4, вариант 1	1	4,3
	форма 12	1	4,3

Всего	форма 13	2	8,7
	закрытые сосуды «понтійского производства» II-IV вв.	9	39,2
		23	100

Другие датированные находки: Фрагмент стеклянного конического кубка с обрезанным краем [45, с. 325], датирующийся IV–VI вв. [48, с. 131].

Дата: Засыпь содержит материал IV–VI вв. и была, по всей видимости, сделана в VI в. [45, с. 328].

№ 19. 10 слой (заполнение ямы в суглинке) (2002-2003)

[90, с. 30; 91, с. 44; 45, с. 326-327]

Описание: Овальная в плане яма размером 1,4x1,8 м, с сужающимися книзу стенками и плоским дном выкопана с поверхности материкового суглинка на глубину 0,9 м. Заполнение представляет собой темно-серый плотный грунт, насыщенный угольками и бутовым камнем разного размера. Засыпь носит единовременный характер.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	22	25,0
Тарная	50	56,8
Кухонная	12	13,6
Столовая	4	4,6
Всего	88	100

Тарная керамика²²

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	7	14,0	–	3	–	4
Амфоры типа 100 по Зеест	22	44,0	–	1	2	19
Амфоры типа LRA1 по Райли	6	12,0	–	1	–	5
Амфоры типа D по Шелову	1	2,0	–	–	1	–
Амфоры типа F по Шелову	3	6,0	1	–	–	2
Амфоры типа E по Шелову	4	8,0	1	–	–	3
Неопределенные типы амфор	7	14,0	–	–	–	7
Всего	50	100	2	5	3	40

В контексте обнаружены узкое дно с вдавлением снизу (рис. 3,9 – d=3,3 см) амфоры типа D, подтреугольный венчик и две стенки амфоры типа F, подпрямоугольный венчик (рис. 12,3 – d=6,9 см) и три стенки амфоры типа E.

²² В данном контексте сделаны некоторые уточнения в комплексе тарной керамики, по сравнению с приложением 3 статьи А. Г. Герцена и А. Ю. Манаева [45, с. 332].

Столовая керамика

	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Простая гончарная	3	75,0
Краснолаковая (форма не определена)	1	25,0
Всего	4	100

Другие датирующие находки: Фрагмент стенки стеклянного стакана, украшенного каплями синего стекла [45, с. 327], датированный Л. В. Голофаст IV – началом VI вв. [48, с. 124-126].

Дата: Засыпь содержит материал второй половины III – V вв. [45, с. 328]. Отметим, что яма была заполнена приблизительно в одно время с забивкой грота в скале (следующий контекст), а наличие амфор типа E по Шелову и типа LRA1 по Райли позволяет отнести ее засыпь к V, возможно, к первой половине V в.

№ 20. 11 слой (каменный завал в гроте) (2003) [91, с. 44-45; 45, с. 327-328]

Описание: Комплекс представляет собой искусственную забивку мелким бутовым камнем естественной скальной лакуны северной части грота. Длина лакуны около 3,0 м, ширина 1,15 м. Контекст сформировался на первоначальном этапе освоения участка.

Керамический материал:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Строительная	11	4,6
Тарная	195	81,6
Кухонная (лепная)	20	8,4
Столовая (краснолаковая)	13	5,4
Всего	239	100

Тарная керамика²³

<i>Категория</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>	<i>Венчики</i>	<i>Ручки</i>	<i>Донья</i>	<i>Стенки</i>
Амфоры типа 72 по Зеест	66	33,8	3	7	–	56
Амфоры типа 77 по Зеест	5	2,6	–	1	–	4
Амфоры типа 79 по Зеест	11	5,6	–	1	–	10
Амфоры типа 90 по Зеест	2	1,0	1	1	–	–
Амфоры типа 96/97 по Зеест	1	0,5	–	–	1	–
Амфоры типа 100 по Зеест	29	14,9	–	–	1	28
Амфоры типа 95 по Зеест	2	1,0	1	–	–	1
Амфоры типа D по Шелову	61	31,3	2	4	1	54

²³ В данном контексте сделаны уточнения в комплексе тарной керамики, по сравнению с приложением 3 статьи А. Г. Герцена и А. Ю. Манаева [45, с. 332].

Амфоры типа F по Шелову	7	3,7	1	1	–	5
Амфоры типа E по Шелову	1	0,5	–	–	–	1
Неопределенные типы амфор	8	4,1	–	1	–	7
Пифосы	2	1,0	2	–	–	–
Всего	195	100	10	16	3	166

В контексте обнаружены два подтреугольных венчика (рис. 2,3 – d=5,5 см, 5 – d=5,1 см), четыре овальные в сечении ручки (рис. 2,12-14), дно с вдавлением снизу (рис. 3,10 – d=3,3 см) и пятьдесят четыре стенки амфор типа D, подтреугольный в сечении венчик (рис. 6,7 – d=5 см), овальная в сечении ручка и пять стенок амфоры типа F, стенка амфоры типа E.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Краснолаковая	неопределенные формы	8	61,5
	открытые сосуды «понтийского производства» II-IV вв.	5	38,5
Всего		13	100

Дата: Забивка содержит материал второй половины III – V вв. [45, с. 328]. Отметим, что фрагмент стенки амфоры типа E может оказаться «примесью сверху», таким образом, дату комплекса следует сузить до второй половины III – IV вв.

Могильник в балке Алмалык-дере

№ 21. Склеп № 2 (1996/1998) [73, с. 70-72; 75, с. 39]

Описание: Склеп был ограблен²⁴.

Керамический материал представлен, в основном, целыми формами:

Структура керамического комплекса

<i>Вид керамики</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Тарная	2	28,6
Кухонная (лепная)	1	14,3
Столовая (краснолаковая)	4	57,1
Всего	7	100

Тарная керамика представлена амфорой типа F (рис. 9,1 – d венчика=3,6 см, d дна=4,6 см, h=50,8 см) и верхней частью амфоры неопределенного типа.

Столовая керамика

	<i>Форма/тип</i>	<i>Кол-во фр-тов</i>	<i>%</i>
Краснолаковая	форма PRS-2	1	25,0
	форма 12	1	25,0
	форма 13	1	25,0

²⁴ В отношении захоронений из могильника в балке Алмалык-дере нет смысла описывать форму могил, так как для данной работы имеет значение лишь материал из их заполнения.

	кувшин типа 6	1	25,0
Всего		4	100

Дата: Корреляция находок позволяет отнести склеп к IV в.

№ 22. Подбойная могила № 7 (1999) [76, с. 32-33]

Описание: Могила ограблена.

Керамический материал представлен амфорой типа F (рис. 9,2 – d венчика=5,6 см, d dna=5,2 см, h=59,8 см) и краснолаковой миской формы 4 варианта 1.

Дата: Корреляция находок позволяет отнести склеп к IV в.

№ 23. Кв. G. Грабительский выброс между дромосами склепов №№ 190 и 191 (2007) [93, с. 47]

Описание: В данном контексте все находки являются случайными, хотя очевидно, что они попали сюда при ограблении указанных склепов.

Керамический материал представлен фрагментами амфоры типа F по Шелову (дно – рис. 9,3 – d=4,8 см), типа V по ХК-71, класса 1 и 36 по ХК-95.

Дата: Датировать этот контекст не представляется возможным.

№ 24. Склеп №197 (2008) [95, с. 55-56]

Описание: Склеп ограблен в древности.

Керамический материал представлен верхней частью и дном амфоры типа F по Шелову (рис. 10,1 – d=4 см, 2 – d=4,8 см), фрагментами лепных лощеных горшков и краснолаковым блюдом формы PRS-3 по Арсеньевой, Домжальскому.

Дата: комплекс датируется в пределах конца IV – первой половины V вв.

№ 25. Случайная находка (1996) [73, с. 68-70]

Фрагмент верхней части амфоры типа F обнаружен в качестве подъемного материала (рис. 9,4 – d=6 см).

Участок Главной линии обороны на мысе Чуфут-Чеарган-Бурун. Укрепление А.XIV

№ 26. Раскоп IV-A. 1-й слой (1981) [39, с. 114]

Описание: Амфора типа D²⁵ была найдена при раскопках траншеи куртины А (Главной линии обороны), куда она попала с территории позднеантичного некрополя (рис. 4,1 – d венчика=5,6 см, d dna=2,4 см, h=39,8 см) [39, с. 114].

²⁵ В публикации А. Г. Герцена [39, с. 114], по всей видимости, допущена опечатка, так как вместо амфоры типа D указана амфора типа С.

* * *

В археологических контекстах Мангупа узкогорлые светлоглиняные амфоры типов D, F, E составляют небольшой процент (11,95%)²⁶. Однако, как уже было сказано, их ценность заключается в том, что данные изделия являются одними из наиболее ранних тарных сосудов на городище и некрополе. Черепок амфор, как правило, светлый (от зеленоватого и желтоватого до оранжевого – Munsell: 5YR, 7,2-7,3, 7,5YR 7/4, 7/6, 8/4 [163]), рыхлой структуры с большим количеством визуально различимых примесей пироксена, кварцевого песка, коричневых частиц [31, с. 24, 26].

Отметим, что существует ряд специальных работ, посвященных узкогорлым светлоглиняным амфорам [133, с. 126-127; 135, с. 16-21; 176, р. 395-400; 70, с. 128-134], однако по сей день остаются некоторые дискуссионные вопросы, которые нуждаются в ответах.

Впервые светлоглиняные узкогорлые амфоры зафиксированы в классификации И. Б. Зеест [56, с. 117-118, 121-122, табл. XXXVII,91-93; XXXVIII,94; XL,104; XLI,105], И. С. Каменецкий предложил называть типы сосудов латинскими буквами (A, B, C1, C2) [60, с. 30], Д. В. Деопик и А. М. Карапетьянц, а позже Д. В. Деопик и О. Ю. Круг продолжили нумерацию (A, B, C, D, F, E) [50, с. 100-103; 51, с. 100-115]. Специальную работу узкогорлым светлоглиняным амфорам посвятил Д. Б. Шелов, который заметил генетическое родство амфор типа D и E [133, с. 126-127; 135, с. 16-21]. В связи с этим в научной литературе принято классифицировать узкогорлые светлоглиняные амфоры по Д. Б. Шелову.

Отметим, что часть исследователей, не выделяя варианты узкогорлых светлоглиняных амфор, относят их к одному типу [148, р. 65, *tip* XIX; 166, р. 218, *tip* Oraî VI], другие считают все узкогорлые светлоглиняные амфоры несколькими вариантами одного типа сосудов [60, с. 29-36; 51, с. 100-115], Д. Б. Шелов описал сосуды как отдельные типы [135, с. 18; 176, р. 397-398].

С. Ю. Внуков полагает, что выделяемые разновидности – это хронологические варианты одного долго живущего и сильно изменяющего типа. Границы этих вариантов размыты и довольно условны. Однако поздние разновидности различаются более определенно [32, с. 118]²⁷.

Широкую дискуссию в литературе вызвал вопрос о центре производства узкогорлых светлоглиняных амфор. Е. М. Штаерман считала, что это был

---

²⁶ В отобранных для публикации контекстах обнаружено 768 фрагментов и 2 археологически целые формы узкогорлых светлоглиняных амфор из 6458 фрагментов и археологически целых форм тарных сосудов.

²⁷ Отметим также еще одно ценное наблюдение С. Ю. Внукова: все классификации узкогорлых светлоглиняных амфор основываются на комплексах из Нижнего Дона и Танаиса [31, с. 118], что заставляет односторонне рассматривать их датировку.

о. Кос [136, с. 40-43; 164, р. 326]. В. Ф. Гайдукевич предположил, что производились они в одном из центров Южного Понта [34, с. 96]. Часть исследователей полагают, что типы узкогорлых светлоглиняных амфор могли изготавливаться в нескольких центрах [56, с. 117], а один из вариантов происходит из Ольвии [26, с. 75]. Однако это сомнительно, так как стандартные размеры и форма каждого типа амфор, единые технологические приемы их изготовления, одинаковая формовочная масса указывают на то, что они происходят из одного центра с развитым керамическим производством [60, с. 35; 61, с. 147; 24, с. 29-30]. В качестве таких центров в разное время выступали Танаис [63, с. 29-30; 16, с. 70-71], Синопа [59, с. 132, 139, 143; 135, с. 20; 176, р. 400; 148, р. 65; 24, с. 30; 143, р. 256; 84, с. 62], Самос [156, note 51], Истро-Понтийский регион [175, р. 270], Добруджа [154, р. 223]. Данные петрографического анализа [31, с. 24] и открытие керамической мастерской [144, р. 187] подтвердили предположение исследователей о производстве узкогорлых светлоглиняных амфор в Геракле Понтийской [178, р. 415; 62, с. 33; 115, с. 241; 83, с. 52].

Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D

Амфоры так называемого «танаисского типа»²⁸ относятся к типам 91-93 по И. Б. Зеест [56, с. 117, табл. XXXVII,91-93], 13(2) по А. В. Буракову [26, с. 75], D по Д. В. Деопику и А. М. Карапетянцу [50, с. 103], по Д. В. Деопику и О. Ю. Круг [51, с. 101-102, 108, 111], по Д. Б. Шелову [135, с. 18-19], 4 по В. В. Крапивиной [66, с. 94], 29 по П. Дычкеу [154, р. 221], 13 по Е. Ю. Клевиной [62, с. 33], 1.7 по В. В. Сознику [115, с. 240], XXXI по С. Ф. Стржелецкому, Т. Н. Высотской, Л. А. Рыжовой, Г. И. Жестковой [118, с. 76]. Л. Бьяляц и А. Опайц, не выделяя варианты узкогорлых светлоглиняных амфор, относят их к одному типу [148, р. 65, tip XIX; 166, р. 218, tip Oraït VI].

Классические амфоры «танаисского типа» представляют собой небольшие сосуды с валикообразным венчиком, узким горлом, расширяющимся книзу, коротким округлым туловом, заканчивающимся маленькой ножкой с глубокой вдавлиной снизу. Поверхность тулова и нижняя часть горла бывают слегка ребристыми. Ручки плоские, овальные в сечении, часто профилированы одним продольным выпуклым гребнем посередине, сверху прикреплены к горлу чуть ниже венчика, а внизу посажены на основание плечиков. Амфоры этого типа выполнены довольно грубо, однако, очевидно, изготовлены по единому стандарту, что выражено в устойчивости их габаритов: общая высота 40-42 см, высота тулова 25-27 см, максимальный диаметр тулова около 20 см, внутренний диаметр горла у венчика около 3 см, объем примерно 3-4 лит-

---

²⁸ Сосуды получили такое название из-за большого количества находок в слоях Танаиса. Иногда ошибочно считают, что наименование указывает на Танаис как на центр производства сосудов [24, с. 29].

ра. На горлах сосудов иногда встречаются клейма, рельефные или энглифические, содержащие отдельные буквы, монограммы или сокращения имен (например, ГОРД, МАГН, ΘΕΑ, ΕΥΤΥ). Известно более 60 разновидностей этих клейм [56, с. 117, табл. XXXVII, 91, 93; 67, с. 65, табл. 12; 50, рис. 2; 51, с. 108-109, рис. 6, D; 135, с. 18-19; 66, с. 94; 24, с. 29; 154, р. 221; 62, с. 33; 36, с. 393; 25, с. 29].

Имеются основания предполагать, что встречается другой вариант описываемых сосудов, несколько отличающийся от классического «танаисского». Сосуды второго варианта более вытянутые, с массивными, округлыми с внешней стороны и уплощенными с внутренней ручками, прикрепленными прямо под венчиком, и плоской «сплошной» ножкой без вдавления [51, с. 108-109, рис. 6, D1; 97, с. 84-86; 99, с. 58]²⁹.

Ряд исследователей выделяют еще один вариант сосудов «танаисского типа», для которого характерны довольно крупные размеры и возвращение к широкому кольцевому поддону [135, с. 19, рис. 8; 15, с. 154-155, рис. 34, 1, 4]. Некоторые авторы называют их «столовыми амфорами С» [52, с. 158, табл. 5, 2, прим.]. Возможно, следует согласиться с С. Ю. Внуковым, что эти сосуды необходимо выделить в особый тип узкогорлых светлоглиняных амфор (С IV J по С. Ю. Внукову, или тип J) [31, с. 118].

Наиболее дискуссионным является вопрос о датировке амфор типа D по Д. Б. Шелову³⁰. Диапазон их бытования относят ко II-III вв. [56, с. 135-136; 60, с. 33; 154, р. 225], к концу II – первой половине III вв. [1, с. 8, 46], к первой половине III в. [134, с. 118; 137, с. 42-43; 135, с. 18-19; 176, р. 397-398; 49, с. 133; 144, р. 189; 143, р. 255-256]. Последняя дата длительное время поддерживалась большинством исследователей в связи с тем, что сосуды типа D определялись, в основном, по находкам в Танаисе, который был разгромлен в середине III в. [135, с. 18-19]. Отметим, что Д. В. Деопик и О. Ю. Круг, исходя из теоретических предположений, считали, что изделия производились и после середины III в. [51, с. 242]. Однако впервые эта гипотеза была подтверждена В. В. Крапивиной, которая обнаружила фрагменты сосудов в комплексах Ольвии конца III в. [66, с. 94]. Дата III в. как время производства амфор типа D является на сегодняшний день господствующей в научной литературе [108, с. 17; 70, с. 128; 127, с. 39; 99, с. 58; 83, с. 52; 84, с. 62].

Для определения хронологических границ амфор типа D рассмотрим их ареал. Сосуды обнаружены в комплексах Херсонеса I-II вв. (Башня I, нижний слой)³¹ [62, с. 18], первой половины III в. (Башня I, каменный завал – с монетой

²⁹ Этот вариант описываемых амфор встречается реже и считается поздним [99, с. 58; 83, с. 52; 84, с. 62]. О его хронологических особенностях речь пойдет ниже.

³⁰ В дальнейшем используется термин «амфоры типа D» без указания автора.

³¹ В данном контексте обнаружен один фрагмент амфоры, который, вероятно, является «примесью сверху».

Юлии Домны 212-217 гг.) [62, с. 18; 115, с. 250], V-VI вв. (цистерна в ХСVII квартале) – с амфорами типа В, С, F по Д. Б. Шелову³² [125, с. 192, рис. 5,42,45].

Амфоры встречаются в закрытых комплексах III в. могильников Юго-Западного Крыма: Суворово (могила 43) [99, с. 33, 46, рис. 8,8], Танковое (могила 6) [27, с. 84-85, рис. 4,1], «Совхоз 10» (грунтовая могила 20) – вместе с монетой Гордиана III (238-242 гг.) [118, с. 76, табл. IV,9], Чернореченский (могила 9/35) [20, с. 97-100].

В центральной части крымских предгорий сосуды обнаружены в комплексах поселения в Барабановской балке, датирующегося III-IV вв. [131, с. 13, рис. 25,5-8; 26; 27; 28,1-7], могильников Нейзац (могила 33 – III в.) [130, с. 23, рис. 9,2] и Дружное (могила 20 – с монетой Галлиена 253-268 гг., могила 21 – вторая половина III-IV вв.) [127, с. 68, рис. 93,5, 99,4]. Отметим, что в могилах Дружного встречаются амфоры с плоским дном, либо дном с едва заметным вдавлением. Амфоры отличаются от классических «танаисских» форм, по всей видимости, появились после середины и бытовали в течение второй половины III в.

Сосуды присутствуют в слоях второй половины/конца II – первой половины III вв. поселений Куру-Баш (Виноградное) близ Феодосии [33, с. 167-168, рис. 2,2,3] и Таракташ [36, с. 393, рис. 3,4].

На территории Европейского Боспора амфоры типа D встречаются в комплексах Пантикапея – яма № 2 конца II – начала III вв. [54, с. 289, 293, рис. 6,1-4], яма № 5 конца II – первой половины III вв. [54, с. 290, 293], слое первого разрушения помещения № 7 городища Белинское, сформировавшегося к середине III в. [57, с. 122].

На территории Азиатского Боспора сосуды характерны для открытых и закрытых комплексов Горгиппии II – первой половины III вв. (пол помещения винодельни Г-IV, функционировавшей при доме, который сгорел в пожаре 238/239 гг.³³, слой разрушения гончарной печи, засыпь цистерны винодельни при доме 33 и др.) [8, с. 9, 11, 20, рис. 12,1-3; 9, с. 25-26, рис. 14,1,2; 7, с. 173, рис. 105,8; 106,2; 111,3,4,5,6; 120,1; 124,1-5; 131,14; 145,28,29; 152,1; 156,5,6; 157,6; 167,2,3,4; 169,15,21,22; 172,1] и Илурата (дом 6, помещение 22) [35, с. 125-126, рис. 20,2].

Как уже упоминалось, амфоры встречаются в слоях Ольвии в течение всего III в. [26, с. 75; 66, с. 94, рис. 29,5-7] и Никония первых веков н.э. [25, с. 29, рис. 10,3-5]. Ошибочно полагают, что сосуды встречаются в Тире в

³² Заполнение содержало материал позднеантичного времени, и образовано оно из смешанных слоев прилегающих территорий. В этой связи комплекс не является показательным для датировки описываемых сосудов.

³³ Точная дата установлена автором раскопок на основании находок монет Ининфимея. После него исследователи отмечают перерыв в Боспорской чеканке в несколько лет [8, с. 20].

слое II – середины III вв. [113, с. 260, рис. 3,1] и в комплексе IV в., опубликованном Н. М. Кравченко и В. Н. Корпусовой [65, с. 23-31]³⁴.

Амфоры хорошо представлены в слоях Танаиса, в том числе в засыпи подвалов, полах помещений, которые датируются первой половиной III в. В слоях разрушения середины III в. обнаружено более 600 амфор типа D, часть из которых с монограммами [63, с. 72-74, рис. 28,а; 96, с. 139, 143, 153; 133, с. 67; 64, с. 47-50; 14, с. 131, 133, 141-143, 149, 150, 158, 165; 135, с. 18-19; 176, р. 397-398; 24, с. 28, 30; 144, р. 189, fig. 15,16; 18, с. 61-62, 64-65, 67-68, рис. 20,2; 18,1; 19,1,2; 19, с. 46-48, рис. 24,7-9; 25].

Сосуды типа D широко распространены на территории черняховской культуры. Дискуссию вызвали амфоры из погребений № 16 и 86 могильника Оселивка на Правобережье Днепра. Сосуды были обнаружены совместно с фибулами VII группы Альмгрена³⁵ и стеклянным сосудом первой четверти IV в. [97, с. 86, рис. 48,2-5]. Б. В. Магомедов считает, что эти изделия необоснованно причисляют к типу D, так как они имеют другое оформление деталей, в частности сплошную ножку без вдавления [83, с. 52; 84, с. 62]. А. В. Сазанов видит в оселивских сосудах возможность продлить датировку амфор типа D [108, с. 17]. Отметим, что изделия из указанных захоронений действительно отличаются от классических амфор «танаисского типа» и, по всей видимости, представляют собой поздний вариант амфор типа D [98, с. 28; 99, с. 58], появившийся во второй половине III в. [83, с. 52]. Совместные находки сосудов типа D второго варианта и фибул с высоким приемником VII группы также обнаружены в черняховских поселениях Днепровского Левобережья: Родной край (жилище № 2, пол – вместе с амфорами типа F и железным ключом римского типа II-III вв.), Боромля 2 (постройка раннего горизонта – вместе с многочастным гребнем типа 1/1а второй половины III в.) [99, с. 36, рис. 32,12; 124, с. 44, рис. 83,1-4], Черепин (жилище № 4 – с таким же гребнем, как в Боромле) [22, табл. XXXVIII, 11,16; XLIV, 10,11], Песчаное (жилище № 5) [99, рис. 48,1-6], Беседовка (киевский слой) [86, рис. 5,9; 123, с. 172-173; 84, с. 62, рис. 61,1].

Амфоры типа D хорошо известны в слоях II-III вв. на территории Нижнего Дуная (Орловка, Новосельское, Урсоая, Барбоши, Мэтэсару, Пэнгэрати, Пятра Нямт, Валя Капакляя, Николово, Новае, Новьюдунум, Одессос, Сексаджинта Приста, Телица, Тропеум Траяни) [147, р. 179, pls. 151,3,7; 152,3,8; 53, с. 150-157, рис. 1,5; 49, с. 89-91, 197, рис. 27,А1; 148, р. 65; 153, s. 191, fig. 197; 173, р. 41, fig. 16,1-3,5-17,19], Добруджи [166, р. 75, 76, 218, fig.21,1,4; 167, р. 31-32]³⁶.

³⁴ В первом и во втором случае авторы приняли за тип D по Д. Б. Шелову другие варианты узкогорлых светлоглиняных амфор.

³⁵ Бытование фибул О. А. Гей и И. А. Бажан относят к третьей фазе черняховской культуры (230/240 – 310/320 гг.) [38, с. 40].

³⁶ К сожалению, на указанных территориях авторы относят узкогорлые светлоглиняные

Амфоры встречаются в Прикубанье, на памятниках Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Западного Казахстана [146, fig. 18; 85, с. 211; 69, с. 180; 80, с. 57].

Таким образом, амфоры типа D производятся в течение III в. Отметим отсутствие твердо датированных комплексов второй половины/конца II в., где бы эти сосуды присутствовали. Классические танаисские амфоры появились в начале III в., с середины III в., вероятно, начинают производиться изделия второго варианта – со сплошной ножкой без вдавления. Здесь мы сталкиваемся с поиском новых форм, предшествующих появлению амфор типа F. Однако сосуды варианта 1, по всей видимости, продолжали выпускаться. Совместные находки амфор типа D с изделиями типа F и стеклянными сосудами первой половины IV в. в закрытых комплексах на черняховских поселениях Днепровского Левобережья не могут служить доказательствами производства амфор типа D в IV в. Эти частные случаи могут свидетельствовать о небольшом количестве амфор, которые поступали в отдаленные регионы, где они долго использовались [70, с. 128; 129, с. 377].

На Мангупе классические амфоры типа D обнаружены в археологических контекстах №№ 3 (рис. 2,6; 3,1), 12 (рис. 2,7; 3,2), 17 (рис. 2,1,2,4,8-11), 19 (рис. 3,9), 20 (рис. 2,3,5,12-14; 3,10), сосуды с широким кольцевым поддоном в комплексе № 16 (рис. 3,3,4) (см. Приложение 3). Контексты, в основном, сформировались в первой половине VI / VI в., и амфоры типа D являются примесью более раннего материала. Отметим целую амфору позднего типа D со сплошной ножкой без вдавления из комплекса № 26 (XV в.), попавшую в него с территории позднеантичного некрополя (рис. 4,1).

Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F

Амфоры с венчиком в виде заостренного валика, округлыми или овальными в сечении ручками, иногда с внешней стороны профилированными одним или двумя асимметричными валиками, вытянутым корпусом и ножкой на кольцевом поддоне [1, с. 49-50]. Часто на амфорах встречаются дипинти, выполненные красной краской, которые, по всей видимости, обозначают содержимое сосудов [62, с. 33].

Относятся к типу 105 а, б по И. Б. Зеест [56, с. 122], типу E или типу 1 по К. Скорпану [174, р. 156-157, pl. 1,3, tip E; 175, р. 269, 270], типу F по Д. Б. Шелову [135, с. 19-20; 176, р. 398-399, fig. 1F], признаку 7 по А. В. Сазанову [105, с. 45, рис. 1,7], типу 6 по В. В. Крапивиной [66, с. 94-95, рис. 29,9-11], типу XXXII по С.Ф. Стржелецкому, Т.Н. Высотской, Л.А. Рыжовой, Г.И. Жестковой [118, с. 76].

амфоры к одному типу, который широко датируют в пределах I-IV вв. [148, р. 65; 166, р. 75, 76, 218; 167, р. 31-32]. Поэтому эти комплексы ценны лишь для определения ареала сосудов, но не для их хронологии.

М. Б. Щукин, по находкам амфор в могильнике Инкерманский, ввел в литературу термин «амфоры инкерманского типа» [137, с. 41]. Однако для этих сосудов так же, как и для вышеописанных, чаще используется термин амфоры типа F по Шелову [135, с. 16-21].

Специальную работу, посвященную поздним типам узкогорлых светлоглиняных амфор, написал А. В. Сазанов. Исследователь основывает типологию амфор типа F на классификации отдельных частей амфор: венчиков, ручек и ножек, которые имеют некоторые морфологические отличия. В результате соединения частей амфор автор разделяет сосуды на два типа, в рамках которых существуют подтипы и варианты, и датирует их в пределах второй половины III – первой половины V вв. [108, с. 19]. Отметим теоретический подход автора к классификации. Она основана на находках отдельных венчиков, ручек и ножек в слоях различного времени, суммарно датирующихся второй половиной III – первой половиной V вв. Искусственное объединение А. В. Сазановым этих частей в целую форму опирается на их предварительную датировку, в то время как не ясно, существуют ли реально такие целые формы.

В связи с этим, не имеет смысла так детально рассматривать и на этом основании датировать отдельно варианты амфор типа F, так как не понятно, какие из морфологических признаков отражают хронологические изменения, а какие характеризуют лишь синхронные варианты единого типа. Кроме того, не всегда такие части описываемых амфор, как венчик и ручка, можно отличить от соответствующих элементов других типов узкогорлых светлоглиняных амфор – типа D [60, с. 35; 51, с. 111; 31, с. 118; 32, с. 116]. Сам А. В. Сазанов отмечает преемственность амфор типа F от D [108, с. 19], и с этим согласно большинство исследователей [66, с. 95; 135, с. 19-20; 176, р. 398-399; 108, с. 16-19; 70, с. 128; 143, р. 256]. На Мангупе фрагменты амфор типа D/F обнаружены в археологических контекстах №№ 4 (рис. 5,2), 5 (рис. 5,3,4), 6 (рис. 5,5), 8 (рис. 5,7,8), имеющих довольно широкую датировку (см. Приложение 3)³⁷. Фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор здесь являются примесью более раннего материала.

Следует обратить внимание на статью В. В. Кропотова, который разработал классификацию амфор типа F на основании комплексов Северного Причерноморья, Подонья, Прикубанья, Поволжья [70, с. 128-134]. Он выделяет три варианта таких амфор, описание которых мы приводим дословно.

---

³⁷ Отметим, что сложности с сопоставлением фрагментов отдельных частей сосудов разных типов возникают при идентификации ручек и, реже, венчиков, что отчетливо видно из наших таблиц. Зачастую эти фрагменты у узкогорлых светлоглиняных амфор похожи (особенно ручки). Поэтому там, где принадлежность ручки определена, мы ориентировались на тот факт, имеется ли в контексте четко определяемые фрагменты (венчик и особенно дно), и сравнивали структуру черепка сосудов.

Вариант 1. Амфоры с максимальным расширением корпуса выше средней высоты, тулово переходит в прямую ножку или ножку, расширенную под прямым углом. Ручки в профиле, как правило, приплюснуты. Автор относит этот вариант к первой половине – середине IV в.

Вариант 2. Амфоры со стройным корпусом, максимально расширенным в середине или немного выше середины, тулово плавно переходит в ножку, которая расширяется книзу. Ручки в профиле, как правило, округлые. Время бытования – вторая половина IV в. [70, с. 129]

Вариант 3. Для амфор характерна прямая широкая полая ножка, отделенная от корпуса врезной линией. По форме тулова амфоры напоминают изделия варианта 1, но у последних плечи более покатые. В. В. Кропотов датирует амфоры варианта 3 концом IV – первой половиной V вв. [70, с. 129-131]. Автор отмечает немногочисленность находок амфор третьего варианта, ссылаясь на их присутствие в слоях Тиры и комплексе «цистерны в алтаре». Отметим, что дата указанных комплексов вызывает сомнения, о чем будет сказано ниже.

Морфологические различия первых двух вариантов очевидны. Амфоры варианта 3 больше похожи на переходные формы, сочетающие черты вариантов 1 и 2.

Датировка вариантов амфор типа F разработана В. В. Кропотовым, в основном, на материалах Инкерманского могильника [28, с. 15-88]. Публикуя результаты раскопок этого памятника, Е. В. Веймарн нарисовал не все найденные им амфоры. Описывая амфору из той или иной могилы, он зачастую ссылается на рисунок сосуда, найденного в другом комплексе. Невозможно проверить, насколько точно при этом он учитывал морфологические различия между их вариантами.

Попытки отнести опубликованные амфоры типа F к одному из вариантов В. В. Кропотова не всегда успешны из-за фрагментарности материала или из-за того, что исследователи публикуют не все рисунки найденных в комплексах сосудов. В связи с этим нельзя с уверенностью сказать, что в контексте присутствует лишь один вариант амфор.

Хронологические рамки бытования описываемых амфор вызвали дискуссию среди исследователей. Их датируют по-разному: III-IV вв. [37, с. 80-81], второй половиной III – IV вв. [137, с. 42; 49, с. 91, табл. 4,А6; 1, с. 49-50], концом III – IV вв. [135, с. 19; 176, р. 400; 143, р. 256, fig. 1f], IV в. [56, с. 122; 169, s. 106. таб. VII,1,1a; 3, с. 14; 5, рис. 5,4; 6, с. 259, табл. XII,3; XXVII,51; 11, с. 33, рис. 2,22; 118, с. 76], первой половиной (скорее всего, вторая четверть) IV – последней четвертью IV вв. [139, с. 465; 140, с. 217], второй половиной IV в. [65, с. 31], IV – началом V вв. [66, с. 94-95], IV-V вв. [174, р. 156-157, pl. 1,3, tip E; 175, р. 269, 270]. В работах А. В. Сазанова хронология амфор постоянно изменяется, причем не всегда с должной аргументацией. Так, в публикации 1989 года автор относит сосуды к IV – середине V вв., отмечая их присутствие в

комплексах от IV – до второй четверти VI вв. [105, с. 45]. В работе, посвященной поздним типам узкогорлых светлоглиняных амфор, и в ряде более поздних статей А. В. Сазанов пересматривает свои выводы и относит время бытования амфор ко второй половине III – последней четверти V вв. [108, с. 16-18; 109, с. 238; 111, с. 30-32]. В. В. Кропотов в специальной работе по амфорам «инкерманского типа» датирует их рубежом III/IV – началом V вв. [70, с. 128].

Для того чтобы определить хронологию амфор типа F, рассмотрим как они представлены в комплексах. Амфоры «инкерманского типа» были обнаружены в комплексах Херсонеса второй – третьей четверти IV в.: в комплексе 1963 г. (с монетами Констанция II (324-361 гг.)) [22, с. 83-84] и склепе № 242 (с монетами Юлиана (361-363 гг.)) [117, с. 294]; последней четверти IV – первой половины V вв.: в слое в районе стены 30 в VII квартале, раскопки 1987-89 гг. и слое 5 помещения XXXVI в Портовом квартале, раскопки 1988 г. [109, с. 227-230, рис. 3,36]; последней трети V – рубежа V/VI вв.: в засыпи «цистерны в алтаре» [104, с. 136, рис. 8; 109, с. 244-247, 250] и в заполнении цистерны в XCVII квартале [125, с. 192, рис. 5,6,7,15,16,23,32,52]³⁸.

Помимо Херсонеса, комплексы которого не являются показательными для определения хронологии амфор типа F, на территории Юго-Западного Крыма эти сосуды обнаружены в могильниках IV в.: «Совхоз 10» (склеп 2) [116, с. 76]; Инкерманский (подбойные могилы 17(1), 20(23), склепы 2(10), 3(25)³⁹, склеп 1940 г.⁴⁰) [28, рис. 15,12; 20,1,3; 15,13; 115, рис. 7]; Озерное III (склеп 1 – с монетами Константина I (306-337 гг.), подбойная могила и склеп 2⁴¹, склеп 240) [79, с. 243, рис. 1,7; 5,6; 6,3; 70, с. 130]; Суворово (склепы 38 и 47) [140, с. 212, 218, рис. 1,А, 4,56-58; 5,59; 100, с. 47, рис. 9,7]; Тас-Тепе (склеп 1932 г.⁴² и № 6) [78, с. 147, рис. 4; 100, с. 44, рис. 6,2]; Чернореченский (могила 35, склеп 3(40)) [11, рис. 2,12; 2, рис. 3,28].

На территории Южного берега Крыма амфоры типа F найдены в могиле № 1 Чатырдагского некрополя с инвентарем первой половины IV в. и монетами от Диоклетиана (284-305 гг.) до Лициния (307-323 гг.) [88, с. 148-149, рис. 5,1].

В Центральном Крыму амфоры «инкерманского типа» встречаются в комплексах, датирующихся IV в.: некрополях Дружное (склеп 1984 г., могилы 3⁴³, 84, 85⁴⁴) [4, рис. 20; 161, р. 64; 152, р. 181; 127, с. 39, 71, рис. 70,11,12; 194,2;

³⁸ Отметим, что засыпи двух цистерн содержали материал позднеантичного времени, так как для них был собран грунт из слоев с прилегающих территорий. Поэтому упомянутые комплексы не могут служить для датировки амфор типа F.

³⁹ Амфоры варианта 1 по В. В. Кропотову [70].

⁴⁰ Амфоры варианта 2 по В. В. Кропотову [70].

⁴¹ Амфоры варианта 1 по В. В. Кропотову [70].

⁴² Амфоры варианта 1 по В. В. Кропотову [70].

⁴³ Амфоры варианта 1 и 2 по В. В. Кропотову [70].

⁴⁴ Амфоры варианта 2 по В. В. Кропотову [70].

204,2], Нейзац (склеп 4, подбойная могила 125, склеп 275)⁴⁵ [129, с. 377, 385, рис. 10,1-3; 12,1; 15,2; 128, с. 42, рис. 3,2; 162, р. 203, fig. 8,12] и у с. Перевальное (склепы 2 и 231) [108, с. 17; 4, рис. 20], а также в слоях и хозяйственных ямах поселения в Барабановской балке, датирующегося III-IV вв. [131, с. 13, рис. 28,8; 29,1-8].

Показательными в отношении находок амфор типа F являются комплексы Боспора. Сосуды обнаружены в слоях Фанагории и Пантикапея IV в. [137, с. 42] и второй половины IV – первой половины V вв. (Верхне-Эспланадный, слои VIII и IX, 1953 г.) [109, с. 227, 230, рис. 1,8], слое пожара дома IV у хутора Батарейка второй четверти IV в.⁴⁶ [116, с. 186-189, рис. 6,6; 109, с. 225, рис. 1-2; 139, с. 457], слое Китея конца V – третьей четверти VI вв. (с амфорами типа E по Шелову) [87, с. 63], закрытых слоях Белинского городища, датирующихся IV в. (засыпь ямы и слой гибели помещения 7) [139, с. 456-458; 57, с. 123, рис. 3,8] и первой четвертью V в. (золистый слой мусора) [57, с. 125, рис. 5,1; 6,14].

Описываемые сосуды встречаются в слоях IV-V вв. Ольвии [66, с. 94-95] и Тиры [65, с. 23; 109, с. 224-225, рис. 1,8], а также в комплексах Танаиса IV в. [135, с. 19; 176, р. 400].

Амфоры типа F широко распространены на территории черняховской культуры: в Нижнем Поднепровье – могильники Гавриловка и Каменка (погребения 39, 40, 89) [119, с. 289, рис. 8,2,3; 37, с. 78] – с фибулами варианта 2 по Амброзу IV в. [10, с. 64]; в комплексах второй половины III – IV вв. Днестровско-Прутского междуречья [49, табл. 4,А6]; на Правобережье Днепра – могильник у с. Оселивка (погребение 69 конца III – IV вв.) [97, с. 86, рис. 48,6,7]; на Левобережье Днепра – поселение Родной край (жилище 2 – обнаружены обломки ножек амфор типа F и D, а в соседней постройке, синхронной жилищу 2, найдена фибула с высоким приемником VII группы Альмгре на второй трети III – начала IV вв. и железный ключ римского типа II-III вв.) [98, с. 29; 99, с. 58; 124, с. 44, рис. 83,5]; в Николаевской области – городище Козырка 1 (в слоях второй половины/конца III – третьей четверти IV вв.) [138, с. 106-107, рис. 5,1-4], поселение Викторовка II (обломки амфор типа F обнаружены в открытых слоях, которые авторы раскопок датируют III в.)

⁴⁵ Амфоры варианта 1 по В. В. Кропотову [70].

⁴⁶ Отметим, что дата слоя пожара дома IV у хутора Батарейка является спорной. Автор раскопок Н. И. Сокольский связал горизонт разрушения с гуннским вторжением [116, с. 189]. На этом основании А. В. Сазанов, первоначально раскритиковав теорию гуннского погрома на Боспоре [112], в последующих работах, вернувшись к ней, продлил время бытования амфор типа F. На основании находки под слоем пожара монеты Рискупорида VI 324 г. В. Ю. Юрочкин относит пожар ко второй четверти IV в. и предлагает считать его следствием напряженной обстановки, сложившейся в период херсонесско-боспорских конфликтов, о чем свидетельствует ряд монетных кладов, зарытых около 328 г. [139, с. 457]. Выводы В. Ю. Юрочкина представляются весьма аргументированными.

[120, с. 180-181, рис. 6,18; 8,13], могильник Викторовка (погребения 1 и 5 – с двумя бронзовыми фибулами с узкой и жаловидной ножкой IV в.) [37, с. 80-81, рис. 4,6; 83, с. 52, рис. 1,7-11; 84, с. 62, рис. 61,4-9]; в Одесской области – на поселениях Коблево (в слоях III-IV вв.) [121, с. 93, рис. 14,6,15] и Утконосовка (с монетами Константина I) [81, с. 85, рис. 3; 5].

Амфоры «инкерманского типа» широко распространены на территории Румынии, они найдены в погребении 8 IV в. черняховского могильника Извоар [137, с. 42], в слоях III-IV вв. Телицы-Амза, Славы Руса-Косари, Каугаджи, Михай Браву, Топрайкхой⁴⁷ [165, р. 221, pl. 27,3; 166, р. 218, pl. 21,1,2; 167, р. 31-32, pl. 19,1,2], в комплексе второй половины IV в. Берое [166, р. 218, pl. 21,2; 167, р. 31-32, pl. 19,2], в комплексах римско-византийского периода (IV-VII вв.) Халмириса [177, р. 157, pl. LI,412]; обнаружены в слоях IV в. в Томах и Тиргшоре (Истро-Понтийский регион – Добруджа) [175, р. 269, 270]; встречаются в комплексах конца III – IV вв. Понтеса (Костол), Трансидиэрны (Текия) (Южная Сербия) [148, р. 66, fig. XXII].

Из описания ареала амфор «инкерманского типа» следует, что они встречаются довольно широко в контекстах, датирующихся суммарно III-VI вв. Однако далеко не все эти комплексы закрытые. Отметим, что единственным закрытым комплексом, позволяющим отнести амфоры типа F к третьей четверти III в., является захоронение у станицы Воронежской [13, с. 209, рис. 7], однако, как убедительно показал А. В. Сазанов, автор публикации комплекса датировал сосуд по неверно подобраннным аналогиям [108, с. 17]. Сам А. В. Сазанов предлагает использовать в качестве доказательств бытования амфор во второй половине III в. разрушенные погребения Чубовки (западное побережье Бугского лимана) и склеп 2 могильника у с. Перевальное [108, с. 17]. Однако комплексы Чубовки не являются закрытыми, а набор инвентаря в склепе 2 у с. Перевального указывает на IV в. [140, с. 212; 139, с. 457]. Отметим наблюдение И. Н. Храпунова, что узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D и F в закрытых комплексах на основной территории распространения совместно не встречаются, что говорит о смене в их производстве [127, с. 39; 129, с. 377]. Исключением являются лишь совместные находки амфор типа D и F в закрытых комплексах поселений Левобережья Днепра [98, с. 29; 99, с. 58; 124, с. 44, рис. 83,5]. Однако в данном случае речь, скорее, идет о необходимости продлить дату использования амфор типа D⁴⁸, нежели о том, чтобы удревнить дату возникновения сосудов типа F. Таким образом, в основном

⁴⁷ В данном случае речь идет об амфорах типа Oраїт VI, которые, как было сказано выше, объединяют в себе все типы узкогорлых светлоглиняных амфор.

⁴⁸ Оговорим, что тут имеется в виду именно использование амфор типа D, а не их производство. По всей видимости, в отдаленном регионе они продолжали использоваться и в начале IV в., хотя их производство на тот момент уже прекратилось.

светлоглиняные узкогорлые амфоры типа F встречаются в закрытых комплексах, начиная с IV в., который и следует считать временем их появления и распространения [140, с. 212; 139, с. 457].

Что касается верхней границы бытования сосудов, то авторы, которые выносят ее в V в., опираются, на наш взгляд, на не совсем репрезентативные комплексы. Так, А. В. Сазанов основывает дату на присутствии фрагментов сосудов в херсонесском комплексе «цистерна в алтаре», датированном автором последней четвертью V в., и яме № 6 постройки 2 участка XXV в Тиритакке, где обнаружен фрагмент ручки амфоры, принадлежность которой к типу F не обоснована [109, с. 238; 111, с. 30-32]. Отметим также, что правильность датировки А. В. Сазановым комплекса «цистерны в алтаре» уже давно вызывает сомнения⁴⁹ [139, с. 456].

Середина V в. как время прекращения производства амфор типа F поддерживается В. В. Кропотовым. Основанием для этого послужили находки амфор в слое разрушения «послеготского дома» в Тире и из все той же «цистерны в алтаре», засыпь которой автор, на основании находки краснолакового блюда формы ARSW-62B, предлагает отнести ко второй половине IV – первой четверти V вв. [70, с. 131]. Отметим, что блюдо «формы ARSW-62B», на самом деле, является формой PRS-1 по К. Домжальскому и относится к середине IV – середине V вв. [145, р. 426]. Однако его присутствие так же, как и находки других материалов V в. в засыпи «цистерны в алтаре», как уже отмечалось, не является аргументом в пользу предположения об их одновременном использовании. Комплекс Тиры Н. Н. Кравченко и В. Н. Корпусова относят ко второй половине IV в. [65, с. 26, 31], однако в связи с присутствием в слое разрушения амфор типа «Делакеу» и сосудов типа «Харакс 33» А. И. Айбабин датирует его первой половиной V в. [3, рис. 2]. Отметим, что находки амфор типа F в комплексе Тиры являются единственным аргументом для перенесения верхней границы их бытования в V в. Однако немногочисленность данных амфор не позволяет доводить верхнюю границу до середины V в. Скорее всего, эти амфоры прекратили выпускать к началу V в.

Комплексы Румынии не могут служить показательными для определения как нижней, так и верхней границы бытования амфор «инкерманского типа»,

---

⁴⁹ Первоначально заполнение «цистерны в алтаре» относили к III-IV вв., концу IV – середине V вв. [104, с.130; 102, с. 12-13], однако позже А. В. Сазанов пересмотрел датировки и сдвинул их до последней четверти V в. [109, с. 244-247, 250]. Если считать засыпь цистерны единовременной, то следует учесть, что она была сделана с использованием грунта из слоев, собранных с прилегающих территорий, поэтому туда мог попасть разновременный материал с IV до третьей четверти V вв. Следовательно, продлевать дату использования узкогорлых светлоглиняных амфор на основании присутствия в комплексе материалов V в. не вполне корректно.

так как авторы публикаций либо объединяют все типы узкогорлых светлоглиняных амфор в один, но при этом не публикуют весь сопутствующий материал [148, р. 65, tip XIX; 165, р. 221; 166, р. 218, tip Opaῖt VI; 167, р. 31-32, pl. 19,1,2], либо ошибочно относят амфоры типа F к типу C [177, р. 157, pl. LI,412], что заставляет рассматривать эти комплексы лишь для определения территории распространения сосудов, но не для их хронологии.

Амфоры типа F обнаружены в мангупских археологических контекстах №№ 9 (рис. 7,1), 10 (рис. 5,9,10; 7,2), 11 (рис. 6,1; 8,1 – вариант 1 по Кропотову), 13 (рис. 5,12; 7,3,4), 14 (рис. 7,5,6), 15 (рис. 6,4; 7,7), 16 (рис. 5,11,13,14; 8,2 – вариант 1 по Кропотову), 17 (рис. 6,2,3,5; 7,10-14; 8,3-6 – вариант 1 по Кропотову), 18 (рис. 6,6; 7,15), 19, 20 (рис. 6,7), 21 (рис. 9,1 – вариант 2 по Кропотову), 22 (рис. 9,2 – вариант 1 по Кропотову), 23 (рис. 9,3 – вариант 1 по Кропотову), 24 (рис. 10,1,2 – вариант 2 по Кропотову), 25 (рис. 10,4) (см. Приложение 3). Материал из большинства комплексов, где обнаружены описываемые амфоры, датируется широко: в пределах III-VI вв. (№№ 10, 11, 13-18), а их формирование относится к началу VI, либо к VI вв. В них сосуды являются так называемой «примесью снизу». Для некоторых контекстов (№№ 19, 20, 21, 22, 24) амфоры являются датирующим материалом.

Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа E

Речь пойдет о позднем варианте узкогорлых светлоглиняных амфор, который относится к типам 104 по И. Б. Зеест [56, с. 121, 122, табл. XII,104], E по Д. В. Деопику и О. Ю. Круг [51, с. 101-102, 108-109, 111], по Д. Б. Шелову [135, с. 19, рис. 9], признаку 4 по А. В. Сазанову [105, с. 43-44, табл. 2,4; 3,4, рис. 1,4]. Л. Бьялаяц и А. Опайц, не выделяя варианты узкогорлых светлоглиняных амфор, относят их к одному типу [148, р.65, tip XIX; 166, р. 218, tip Opaῖt VI].

Это сосуды высотой до 0,6 м, с массивным подтреугольным или четырехугольным в сечении венчиком с гребнем сверху, овальным, сужающимся книзу туловом, округлыми в сечении профилированными ручками и округлым дном с выступом либо без него. Округлое дно амфор заставило А. В. Сазанова видеть в изделиях исходное звено большого класса светлоглиняных амфор с рифлением типа «набегающей волны» и не ставить их в один эволюционный ряд с узкогорлыми амфорами типов A-F [108, с. 20]. Однако специальные морфологические и петрографические исследования доказывают их преемственность от типов A-F [51, с. 115; 135, с. 19; 31, с. 117]. Отметим, что сосуды типа E по Шелову являются наименее исследованным вариантом среди узкогорлых светлоглиняных амфор. Вероятно, это связано с их малочисленностью в комплексах Северного Причерноморья.

Исследователи датировали эти сосуды по-разному: концом III – IV вв. [56, с. 121, 122], второй половиной IV – началом V вв. [51, с. 102], концом IV – началом V вв. [135, с. 19; 176, р. 398; 143, р. 256], концом IV – первой половиной V вв.

[1, с. 50]. А. В. Сазанов выделил два хронологических варианта амфор типа Е. Первый вариант имеет ручку, профилированную двумя сдвинутыми к краю валиками, и округлое дно с выступом. Датируются эти сосуды концом IV – серединой V вв. Второй вариант характеризуется желобчатыми ручками и округлым дном без выступа и относится к началу V – второй четверти VI вв. [105, с. 43-44, рис. 1,4; 108, с. 20]. На наш взгляд, столь дробная классификация и датировка амфор типа Е не совсем обоснованы, так как автор опирается на комплексы, имеющие широкую хронологию.

Сосуды типа Е обнаружены в Херсонесе в заполнении «цистерны в алтаре», которая содержала материалы позднеантичного времени и была засыпана в последней четверти V в. [109, рис. 8,34-38; 111, с. 34, рис. 3,34-38] и нижнем слое помещения 16 в квартале XVIII с монетами IV-VI вв. [23, с. 213-214, рис. 63].

Сосуды известны в культурном слое IV в., перекрывавшем погребения могильника Нейзац [29, с. 185, рис. 17], а также в слое конца IV – V вв. производственного объекта, расположенного в непосредственной близости от него [132, с. 12].

На территории Европейского Боспора амфоры обнаружены в слоях Пантикапея и Фанагории IV в. [56, с. 121,122, табл. XII,104], на городище Белинское в верхнем горизонте золистого слоя мусора, который сформировался в первой четверти V в., в комплексах Тиритаки – полу помещения IV с кладом монет 267-332 гг.⁵⁰ и слое на участке XXIV V – второй четверти VI вв. [112, с. 90, рис. 4,2].

Сосуды также характерны для комплексов Танаиса IV-V вв. (дом Б, 2-й пол; помещение МВ, пол) [18, с. 70-73, рис. 46,1,3; 17, с. 46, рис. 2,1] и IV – начала V вв. (хозяйственное помещение в раскопе XIV) [14, с. 42, рис. 1,2].

На территории черняховской культуры изделия известны в слоях Каменки-Анчекрак, Александровки, Лугового, Басовки, Викторовки-2, Ранжевого, Коблева [105, рис. 1,4; 112, рис. 9,6; 68, рис. 31,6, №33; 120, рис. 8,14; 82, рис. 35,4; 83, с. 62]. Амфора типа Е вместе с овальными пряжками, набором конской упряжи из пяти серебряных лунниц и трех колец была обнаружена в слое конца IV – первой половины V вв. городища Роище киевской культуры [122, табл. 22,12; 99, с. 68, рис. 76,22; 124, с. 44, рис. 83,6]. В Добрудже сосуды зафиксированы в комплексе начала V в. Том и слоях V-VI вв. Муригьола [165, р. 149, pl. 149,121-122; 166, р. 218; 167, р. 32, pl. 19,4,5].

Отметим, что на сегодняшний день очень мало закрытых комплексов, содержащих амфоры типа Е, которые могут четко определить границы бытования сосудов. Нельзя сказать, что амфоры типа Е начали выпускаться после

---

⁵⁰ Наличие клада указывает на то, что помещение построено около середины, может быть, во второй четверти IV в.

того, как прекратили производство сосудов типа F. Появившись к концу IV в., амфоры типа E наиболее активно используются в конце IV – начале V вв. и прекращают выпускаться в середине V в.

В мангупских контекстах (№№ 1, 10, 13, 15-18) амфоры типа E, в основном, являются примесью более раннего материала, часть комплексов (№№ 8, 19) сосуды помогли датировать (см. Приложение 3). В комплекс № 20 (второй половины III – IV вв.) фрагмент стенки амфоры является, по всей видимости, «примесью сверху».

Таким образом, в слоях и комплексах Мангупа обнаружены узкогорлые светлоглиняные амфоры типов D, F, E⁵¹.

Амфоры типа D, датируемые III в., встречаются в контекстах более позднего времени (V-VI вв.) и являются «примесью снизу». На Мангупе не зафиксированы комплексы III в., однако обломки амфор типа D в переотложенном состоянии встречаются повсеместно, один целый экземпляр обнаружен возле оборонительной стены на мысе Чуфут-Чеарган-Бурун. Эти находки свидетельствуют о начале жизни поселения в III в.

Сосуды типа F, датирующиеся IV в., в основном, также обнаружены в качестве «примеси снизу» в контекстах на участках жилой застройки возле церкви Св. Константина, с внешней стороны оборонительной стены в верховьях Лагерной балки. В комплексах раскопов в расселине Демир-Капу (укрепление А-ХІХ Главной линии обороны), с тыльной стороны оборонительной стены Второй линии обороны в верховьях Лагерной балки и особенно могильника в балке Алмалык-дере амфоры типа F являются датирующим материалом. Находки сосудов типа F свидетельствуют о том, что строительная и хозяйственная деятельность на упомянутых участках городища началась в IV в. В том же столетии были совершены первые погребения в Алмалыкском могильнике.

Обломков амфор типа E в комплексах Мангупского городища не так много, как фрагментов сосудов типа F. Эту особенность объяснить сложно, учитывая, что слой V в., когда производятся сосуды типа E, лучше представлены на территории поселения, нежели слой IV в. Отметим, что в целом в комплексах Северного Причерноморья амфоры типа E встречаются реже, чем изделия типов D и F. Возможно, это объясняется кратковременностью бытования сосудов (конец IV – первая половина V вв.) и тем, что с V в. продукты в амфорах поставляются, в основном, из городов Малой Азии. Гераклея Понтийская (производственный центр узкогорлых светлоглиняных амфор) постепенно утрачивает свой статус основного экспортера. Об этом свидетельствует возросшее количество амфор из других центров в комплексах городища и в целом на территории Северного Причерноморья.

---

⁵¹ Амфоры типа D составляют 2,0% всей тарной керамики, типа F – 6,9%, типа E – 2,5%, типа D/F – 0,5%, F/E – 0,02%

Находки узкогорлых светлоглиняных амфор указывают на то, что дальние торговые контакты местного населения налаживаются с самого начала жизни на плато. Вино или другие продукты, перевозимые в сосудах, вероятно, поступали на Мангуп не напрямую из Гераклеи Понтийской, а через посредников. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типов D, F, E в большом количестве встречаются на всей территории Северного Причерноморья, поэтому нельзя с уверенностью сказать, какие населенные пункты выступали в качестве перевалочных. Товары, возможно, поступали через Херсонес, города Боспора либо варварские поселения горного и предгорного Крыма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М. 1993. Вып. 3.
2. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1.
3. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
4. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994. Вып. III.
5. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III – IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
6. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
7. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1977.
8. Алексеева Е.М. Виноделие Горгиппии // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6.
9. Алексеева Е.М. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Боспора. М., 2003. Т. 6.
10. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
11. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
12. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
13. Анфимов Н.Б. Позднесарматское поселение из Прикубанья // Археология и история Боспора. 1952.
14. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964-1972) // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974.
15. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
16. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II-III вв. н.э. // Вестник Танаиса. Ростов-на-Дону, 1994. Вып. 1.
17. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV-V вв. н.э. (по материалам раскопок 1989-1992 гг.) // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6.
18. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.
19. Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. Новые закрытые комплексы Танаиса II – III вв. н.э. // Древности Боспора. М., 2009. Вып. 13.
20. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. Київ, 1963. Т. XIII.
21. Баран В.Д. Черняхівська культура: за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981.

22. Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116.
23. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. 1953. Вып. 53.
24. Бёттгер Б., Шелов Д.Б. Дипинти на амфорах из Танаиса // Pontus Septentrionalis I. Танаис I. М., 1998.
25. Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М. Никоний римской эпохи // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 2008. Вып. 10.
26. Бураков А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий н.э. Киев, 1976.
27. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. науч. трудов. Симферополь, 1994.
28. Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Інкерману // АП. Київ, 1963. Т. XIII.
29. Власов В.П., Смокотина А.В., Храпунов И.Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
30. Внуков С.Ю. Светлоглиняные широкогорлые амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 1988. № 3.
31. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003.
32. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006.
33. Гаврилов А.В. Укрепленные памятники античной эпохи в ближних окрестностях Феодосии // БИ. 2002. Вып. II.
34. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 52.
35. Гайдукевич В.Ф. Илурат: итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. 1958. № 85.
36. Гарбуз И.А. Керамический комплекс поселения римского времени Таракташ в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III.
37. Гей О.А. О времени появления черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. 1986. № 1.
38. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
39. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1991. Вып. I.
40. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
41. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
42. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
43. Герцен А.Г. У истоков иудейской общины Мангупа // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
44. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
45. Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (Укрепление А-ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
46. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (к вопросу периодизации Мангупской цитадели) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.

47. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI – XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
48. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
49. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
50. Деопик Д.Б., Карапетьянц А.М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям сравнительного анализа // Статистико-комбинаторские методы в археологии. М., 1970.
51. Деопик Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3.
52. Деопик Д.В. Керамический комплекс и культурный слой // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.
53. Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
54. Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Новые комплексы римского времени из Пантикапея // БИ. 2005. Вып. VIII.
55. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистого Бахчисарайского района АРК // ХСб. 2005. Вып. XIV.
56. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
57. Зубарев В.Г. Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у с. Белинское // Древности Боспора. 2002. Вып. 5.
58. Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
59. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э. Харьков, 1970.
60. Каменецкий И.С. Светлоглиняные амфоры из Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94.
61. Каменецкий И.С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. 1969. Вып. 154.
62. Кленина Е.Ю. Керамические сосуды II-III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). *Roznasc*, 2004.
63. Книпович Т.Н. Танаис. М.; Л., 1949.
64. Коровина А.К., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956-1957) // МИА. Древности Нижнего Дона. 1965. № 127.
65. Кравченко Н.М., Корпусова В.М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. № 18.
66. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.
67. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М., 1967.
68. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
69. Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М., 1988.
70. Кропотов В.В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1998. № 4.

71. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Негуляев Е.А., Черныш С.А. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1994 году // НА КФ ИА НАНУ. Д. 366.
72. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Карлов С.В., Черныш С.А. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1995 году // НА КФ ИА НАНУ. Д. 306.
73. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1996 году // НА КФ ИА НАНУ. Д. 490.
74. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1997 году // НА КФ ИА НАНУ. Д. 491.
75. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1998 году // НА КФ ИА НАНУ. Д. 599.
76. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1999 году // НА КФ ИА НАНУ. Д. 560.
77. Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII век). // Разкопки и проучвания. София, 1985. Кн. XIII.
78. Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
79. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 4.
80. Лордкипанидзе О.Д. Западное Закавказье. Колхида // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
81. Магомедов Б.В. Напівземлянки черняхівських поселень Причорномор'я // Археологія. Київ, 1983. Вип. 44.
82. Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
83. Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006.
84. Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса // Monumenta Studia Gothica. Lublin, 2008. Т. I.
85. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов на Дону, 2000. Вып. 1.
86. Махно Є.В. Розкопки на поселеннях першої половини першого тисячоліття н.е. в верхній течії Сули // АП. Київ, 1955. Вип. V.
87. Молев Е.А., Сазанов А.В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы археологии и истории Боспора. Воронеж; Белгород, 1990.
88. Мыц В.Л. Могильник III-V вв. н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
89. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2001 году // НА ИА НАНУ. Д. 2001/112.
90. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2002 году // НА ИА НАНУ. Д. 2002/151.
91. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2003 году // НА ИА НАНУ. Д. 2003/161.
92. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2004 году // НА ИА НАНУ. Д. 2004/57.
93. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2005 году // НА ИА НАНУ. Д. 2005/54.

94. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2007 году // НА ИА НАНУ. Д. 2007/54.
95. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2008 году // НА ИА НАНУ. Д. 2008/187.
96. Наливкина М.А. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960-1961) // МИА. Древности Нижнего Дона. 1965. № 127.
97. Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.
98. Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепро-Днепровского Левобережья // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999.
99. Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). // Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей. М., 2003. Вып. 5.
100. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
101. Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев, 1991.
102. Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть I. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991.
103. Романчук А.И. Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
104. Рыжов С.Г. Керамический комплекс III-IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
105. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
106. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
107. Сазанов А.В. Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV – VII ст. н.е.) // Археологія. 1992. № 1.
108. Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
109. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
110. Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
111. Сазанов А.В. О хронологии амфор IV-V вв. из Северного Причерноморья // Археологія. 2002. № 4.
112. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1.
113. Самойлова Т.Л. Основные типы амфор I-IV вв. н.э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
114. Смокотина А.В. О хронологии амфор типа C SNP I (Делакеу) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

115. Созник В.В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического (керамические комплексы) // БИ. 2005. Вып. VIII.
116. Сокольский Н.И. Крепость у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1.
117. Стржелецкий С.Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. Вып. 9.
118. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum+. Культурная антропология. Археология 2003-2004. «Между певкинами и феннами». СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. № 4.
119. Сымонович Э.А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА. 1955. Т. XXIV.
120. Сымонович Э.А., Яровой А.З. Поселение Викторовка-II в устье Сосицко-Березанского лимана (по материалам раскопок М. Ф. Болтенко) // СА. 1968. № 2.
121. Сымонович Э.А. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники Черняховской культуры. М., 1979.
122. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984.
123. Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры // САИ. 1992.
124. Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. // Monumenta Studia Gothica. Lublin, 2004. Т. III.
125. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV.
126. Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. 1984. Т. 45.
127. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры) // Monumenta Studia Gothica. Lublin, 2002. Т. II.
128. Храпунов И.Н. Погребение воина IV в. н.э. из могильника Нейзац // Готы и Рим. Сб. науч. статей. Киев, 2006.
129. Храпунов И.Н. Склеп IV в. из могильника Нейзац // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. Вып. XXI.
130. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
131. Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь, 2009
132. Храпунов И.Н., Смекалова Т.Н., Власов В.П. Археологические разведки в предгорном Крыму между долинами рек Биюк-Карасу и Бельбек // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2010. Вып. IV.
133. Шелов Д.Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955-1957) // МИА. 1965. № 127.
134. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в I-III вв. н.э. М., 1972.
135. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156.
136. Штаерман Е.М. Керамические клейма из Тиры // КСИА. 1951. Т. XXXVI.
137. Щукин М.Б. Вопросы хронологии Черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968. № 2.
138. Щульце Е., Магомедов Б.В., Буйських С.Б. Сіроглиняний посуд римського часу з посе-

- лень Ольвийської хори // *Ostrogothica*. Археология Центральной и Восточной Европы позднеимперского времени и эпохи Великого переселения народов: Сб. науч. трудов к 10-летию Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета. Харьков, 2009.
139. Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // *Древности Боспора*. М., 2001. № 4.
140. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // *ХСб*. 2003. Вып. XII.
141. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
142. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // *ХСб*. 1999. Вып. X.
143. Abadie-Reynal C. Les Amphores Romaines en Mer Noire (Ier – IVe s.) // *Production et Commerce des Amphores Anciennes en Mer Noire*. Cedex, 1999.
144. Arsen'eva T., Kassab Tezgör D., Naumenko S. Un Depotoir D'Atelier D'Amphores a pate Claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanais a l'epoque romaine // *Anatolia Antiqua*. Paris, 1997. Vol. V.
145. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia antique*. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Berlin, 2002. Bd. 8.
146. Arzhantseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Y. Zilgi: an early Alan proto-city of the first millennium A.D. on the boundary between steppe and hill country // *Les sites archeologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age*. Colloquia Pontica. Leiden; Boston; Köln, 2000. Vol. 5.
147. Barnea A., Barnea I., Cataniciu I.B., Margineanu-Carstoiu M., Papuc G. Tropeum Traiani I // *Biblioteca de archeologie*. București, 1979. T. 35. Vol. 1, 2.
148. Bjelajac L. Amfore gornjo mezijskog Podunavlja. Beograd, 1996.
149. Bonifay M., Pieri D. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu // *Journal of Roman Archaeology*. 1995. Vol. 8.
150. Bonifay M., Villedieu F. Importations d'amphores orientales en Gaule (V-VII siècles) // *Bulletin de Correspondance Hellenique*. Paris, 1989. Suppl. XVIII.
151. Böttger B. Die Gefässkeramik aus dem Kastel Jatrus // *Jatrus-Krivina*. Berlin, 1982. Bd. 2.
152. Chrapunov I.N. Necropoli di Druznoe, distretto di Simferopoli // *Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano, 1995.
153. Dyczek P. Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju. Warszawa, 1999.
154. Dyczek P. Roman Amphorae of the 1st-3rd centuries AD found on the Lower Danube. Typology. Warszawa, 2001.
155. Empereur J.-Y., Picon M. Les régions de production d'amphores impériales en Méditerranée orientale // *Anfore romane e storia economica: un decennio di ricerca*. Roma, 1989.
156. Grace V. L'origine dans Samos // *Hesperia*. 1971. № 40.
157. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
158. Hayes J.W. The villa Dionysos excavations, Knossos: The pottery // *BSA*. 1983. Vol. 78.
159. Hayes J.W. The Pottery // *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Princeton, 1992. Vol. 2.
160. Keay S.J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence // *BAR*. Oxford, 1984. International Series 196. Part i, ii.
161. Khrapounov J., Mould S. La necropole de Droujnoe // *Archeologie de la Mer Noire*. La Crimée a l'époque des Grandes Invasions. IVe-VIIIe siècles. Caen, 1997.

162. Khrapunov I.N. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // *Turbuleni Epoch. New materials from the Late Roman Period and Migration Period I. Monumenta Studia Gothica*. Lublin, 2008. T. V.
163. Munsell Soil Color Charts. New-York, 2000.
164. Opaïț A. Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-byzantine din Dobrugea // *Peuce*. 1980. Vol. 8.
165. Opaïț A. Ceramica // *Peuce*. 1991. Vol. 10.
166. Opaïț A. Aspecte ale Vieții Economice din Provincia Scythia (secolele IV-VI p.Ch.). Producția ceramicii locale și de import // *Biblioteca Tracologica XVI*. București, 1996.
167. Opaïț A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th-6th centuries AD). Aspects of economic life in the Province of Scythia // *BAR*. 2004. Internationals Series 1274.
168. Peacock D.P.S., Williams D.F. Amphorae and Roman economy. London; New-York, 1986.
169. Rădulescu A. Amfore romane si romane-bisantine din Scythia Minor // *Pontica*. Constanța, 1976. Vol. IX.
170. Riley J.A. The Coarse Pottery from // *Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice)*. Tripoli, 1979. Vol. II.
171. Robinson H.S. Pottery of the Roman period // *The Athenian Agora*. 1959. Vol. V.
172. Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture à le cas de la mer Noire // *La ceramique medievale en Mediterranee actes du VIe Congres de L'AIECM 2 Aix-en-Provence 13-18 novembre 1995*. 1997.
173. Sârbu V., Bărcă V. Daci și Romani în sudul Buceagului (sec. I-III d.Chr.) // *Daci si Romani la Începutul secolului al II-lea d. Hr. la Nordul Dunarii*. Timișoara, 2000.
174. Scorpan C. Origini și linii evlutive in ceramica romano-byzantina (sec. IV-VII) din Spațiul Mediteranian și Pontic // *Pontica*. 1976. Vol. IX.
175. Scorpan C. Contribution a la Connaissance de certains types céramiques Romano-Byzantins (IVe-VIIe siecles) dans l'espace Istro-Pontique // *Dacia*. Bucarest, 1977. T. 21.
176. Šelov D.B. Les Amphores d'Argile Claire des Premiers Siecles de Notre Ere en Mer Noire // *Bulletin de Correspondance Hellenique. Supl. XIII. Recherches sur les amphores Grecques*. Athenes, 1986.
177. Topoleanu F. Ceramica romană și romano-bizantină de la Halmyris (sec. I-VII d.Ch.). Tulcea, 2000.
178. Vnukov S.Yu. Pan-Roman Amphora Types Produced in the Black Sea Region // *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26-29, 2002*. Oxford, 2004.

Иванова О. С.

Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа

Резюме

Статья посвящена публикации узкогорлых светлоглиняных амфор типов D, F, E по Д. Б. Шелову из раскопок Мангупского городища и его округи. Цель работы заключается в изучении узкогорлых светлоглиняных амфор для выяснения их информативности при определении даты слоев и комплексов Мангупа. Основными задачами являются отбор архео-

логических контекстов, где обнаружены эти амфоры, их описание, поиск аналогий и уточнение времени бытования.

Амфоры «танаисского типа», или типа D по Шелову, датируемые III в., на Мангупе встречаются в контекстах более позднего времени (V-VI вв.) и являются так называемой «примесью снизу». Хотя на городище не зафиксированы комплексы III в., находки амфор типа D свидетельствуют о начале жизни на поселении в этом столетии.

Амфоры «инкерманского типа», или типа F по Шелову, датирующиеся IV в., на участках жилой застройки возле церкви Св. Константина и с внешней стороны оборонительной стены в верховьях Лагерной балки также обнаружены в качестве «примеси снизу». В комплексах раскопов в расселине Демир-Капу (укрепление А-ХІХ Главной линии обороны), с тыльной стороны оборонительной стены Второй линии обороны в верховьях Лагерной балки и особенно могильника в балке Алмалык-дере амфоры типа F являются датирующим материалом. Находки амфор типа F свидетельствуют о том, что строительная и хозяйственная деятельность на упомянутых участках городища началась в IV в., в том же столетии были совершены первые погребения в Алмалыкском могильнике.

Обломков амфор типа E по Шелову в комплексах Мангупского городища не так много, как фрагментов сосудов типа F. Эту особенность объяснить сложно, учитывая, что слои V в., когда производятся сосуды типа E, лучше представлены на территории поселения, чем слои IV в.

Находки узкогорлых светлоглиняных амфор указывают на то, что дальние торговые контакты местного населения налаживаются с самого начала жизни на плато. Вино или другие продукты, перевозимые в сосудах, вероятно, поступали на Мангуп не напрямую из Гераклии Понтийской (производственный центр узкогорлых светлоглиняных амфор), а через посредников. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типов D, F, E в большом количестве встречаются на всей территории Северного Причерноморья, поэтому нельзя с уверенностью сказать, какие населенные пункты выступали в качестве перевалочных. Товары, возможно, поступали через Херсонес, города Боспора или варварские поселения горного и предгорного Крыма.

Иванова О. С.

Вузькогорлі світлоглиняні амфори з розкопок Мангупа

Резюме

Статтю присвячено публікації вузькогорлих світлоглиняних амфор типів D, F, E за Д. Б. Шеловим з розкопок Мангупського городища та його околиці. Мета роботи полягає у вивченні вузькогорлих світлоглиняних амфор для з'ясування їхньої інформативності при визначенні дати шарів і комплексів Мангупа. Основними завданнями є відбір археологічних контекстів, де виявлено ці амфори, їх опис, пошук аналогій та уточнення часу існування.

Амфори «танаїського типу», або типу D за Шеловим, що датуються III ст., на Мангупі зустрічаються в контекстах пізнішого часу (V-VI ст.) і є так званою «домішкою знизу». Хоча на городищі не зафіксовані комплекси III ст., знахідки амфор типу D свідчать про початок життя на поселенні саме в цьому столітті.

Амфори «інкерманського типу», або типу F за Шеловим, що датуються IV ст., на ділянках житлової забудови біля церкви Св. Костянтина та із зовнішнього боку оборонної стіни у верхів'ях Лагерної балки також виявлені як «домішка низу». В комплексах розкопів у розпадині Демір-Капу (укріплення А-ХІХ Головної лінії оборони), з тильного боку оборонної стіни Другої лінії оборони у верхів'ях Лагерної балки і особливо могильника в балці Алмалик-дере амфори типу F є датуючим матеріалом. Знахідки амфор типу F свідчать про те, що будівельна і господарська діяльність на згаданих ділянках городища почалася в IV ст., в тому ж столітті були здійснені перші поховання в Алмаликському могильнику.

Уламків амфор типу E за Шеловим в комплексах Мангупського городища не так багато, як фрагментів судин типу F. Цю особливість пояснити складно, враховуючи, що шари V ст., коли виробляються судини типу E, краще представлені на території поселення, ніж шари IV ст.

Знахідки вузькогорлих світлоглиняних амфор вказують на те, що далекі торгівельні контакти місцевого населення налагоджуються з самого початку життя на плато. Вино або інші продукти, що перевозились в посудинах, ймовірно, надходили до Мангупа не безпосередньо з Гераклії Понтійської (виробничий центр вузькогорлих світлоглиняних амфор), а через посередників. Вузькогорлі світлоглиняні амфори типів D, F, E у великій кількості зустрічаються на всій території Північного Причорномор'я, тому не можливо з упевненістю сказати, які населені пункти виступали як перевалочні. Товари, можливо, поступали через Херсонес, міста Боспору або варварські поселення гірського і передгірського Криму.

Ivanova O. S.

Light-clay Amphorae with a Narrow Neck from Mangup Complexes

Summary

The article is devoted to the publication of narrow-neck light-clay amphorae of types D, F, E according to D. B. Shelov from excavations of Mangup site and its neighbourhood. The purpose of the work is to study narrow-neck light-clay amphorae to reveal their information value in dating layers and complexes of Mangup. The main tasks are selection of archaeological contexts where these amphorae were discovered, their description, search for analogies and clarification of the time of their existence.

Amphorae of «Tanaiss type», or type D according to Shelov, dated by the 3rd century, on Mangup are met in contexts of later period (the 5th – 6th centuries) and are the so-called «impurities from below». Though there are no complexes of the 3rd century on the site, finds of type D amphorae testify to the fact that life in this settlement started in this century.

Amphorae of «Inkerman type», type F according to Shelov, dated by the 4th century, on the parts of residential built-up near St. Constantine church and from outside side of defence wall in the upper reaches of Lagernaya ravine were also found as «impurities from below». In excavation complexes in Demir-Kapu cleft (fortification A-XIX of the Main line of defence) from the rear side of the defence wall of the Second line of defence in the upper reaches of Lagernaya ravine and Almalyk-Dere cemetery in particular amphorae of type F are the dating material. Finds of amphorae of type F testify to the fact that building and household activities on the above mentioned parts of

the site began in the 4th century; the first burials were accomplished in Almalyk cemetery in the same century.

In the complexes of Mangup site, fragments of amphorae of type E according to Shelov are not as numerous as of vessels of type F. It is difficult to explain this peculiarity, taking into consideration that layers dating to the 5th century, when vessels of type E are manufactured, are presented better on the territory of the settlement than layers dating to the 4th century.

Finds of narrow-neck light-clay amphorae testify to the fact that remote trade contacts of the local population are improving from the very beginning of the life on the plateau. Wine and other products transported in vessels were probably brought to Mangup not directly from Herakleia Pontika (manufacturing center of narrow-neck light-clay amphorae) but through intermediaries. Narrow-neck light-clay amphorae of types D, F, and E are found in large quantities on the whole territory of the Northern Black Sea Coast; that is why it is impossible to say which places were transshipments. Goods were brought via Chersonesos, cities of Bosphorus or barbarian settlements of mountainous and foothill Crimea.

Приложение 1

Амфоры из раскопок Мангупа⁵²

Тип/класс	Дата
Тип 72 по Зеест	Наиболее активно амфоры использовались в III – середине IV вв. [151, s. 44, 95-96, taf. 21,5,7-9; 15, с. 26-30, 74-75, 140-141, рис. 17,19; 18, с. 67, рис. 32,1; 62, с. 19-21, 84-85, рис. 3,4,11-18; 115, с. 239, 250, рис. 2,2-3; 55, с. 175, рис. 16,1]
Тип 73 по Зеест	II-III вв. [56, с. 112, табл. XXX,73; 66, с. 97, рис. 29,40-44; 158, p. 153, 155, 166, fig. 25,A78,A79; 143, p. 260, fig. 11; 62, с. 21-24, рис. 5]
Тип 75 по Зеест	Тип 75 по Зеест II-III вв. [56, с. 113; 66, с. 99]; конец II – первая половина III вв. [1, с. 47, рис. 54; 62, с. 24-25]
Тип 76 по Зеест	II-III вв. [56, с. 113, табл. XXXII,76; 1, с. 47-48, рис. 55,6.19-20; 66, с. 99, рис. 31,8-11]
Тип 77 по Зеест	II-III вв. [56, с. 113-114, табл. XXXII,77; 66, с. 100, рис. 31,7; 62, с. 25-26, рис. 7,58, 8,84]
Тип 79 по Зеест	Конец II – первая половина III вв. [1, с. 48]; III в. [56, с. 114, табл. XXXII,79]; начало III – IV вв. [66, с. 95, рис. 29,18-20]; вторая половина II – IV вв. [167, p. 13, pl. 8,7-8]. Производились во второй половине III-IV вв. , но продолжали использоваться до начала V вв. [171, p. 69; 170, p. 40; 77, с. 100, табл. 7; 168, p. 193; 143, p. 262-263, fig. 16; 62, с. 26-27, рис. 7,55-57]
Тип 80 по Зеест	Датируется исследователями в пределах II-III вв. [56, с. 114-115; 1, с. 48; 66, с. 99; 62, с. 29; 109, с. 227, 229, рис. 3,42; 170, p. 188; 158, p. 155], до конца IV – начала V вв. [159, p. 63; 167, p. 26]

⁵² В приложении описываются амфоры из отобранных в публикацию археологических контекстов Мангупа и его округи.

<p>Тип 95 по Зеест</p>	<p>Наиболее ранний комплекс с фрагментом дна амфоры датируется серединой III в. [15, с. 32-33, 163, рис. 46,2]. Наиболее широкое распространение сосуды получили в IV-VI вв. [1, с. 50; 56, с. 119; 103, с. 44; 105, с. 45, 47, рис. 2,8; 126, с. 194; 149, р. 111-112, fig. 8,56-59; 150, р. 27, fig. 5,4-5; 148, р. 47-48; 160, р. 287, 289; 77, с. 14; 168, р. 189; 171, р. 79, 119, pl.17,L50; 34,41,M373; 170, р. 229-230; 174, р. 159; 175, р. 272]. Верхней границей использования амфор, по всей вероятности, является начало VII в. [166, р. 208, pl. 9,1-6; 167, р. 208, pl. 9,1-6], первая половина или середина VII в. [103, с. 44; 177, р. 136-137, 279, 281, pl. XLII,344,345], 650-670 гг. [159, р. 63, 104, fig. 22,9, 48,178-180]</p>
<p>Тип 96-97 по Зеест</p>	<p>Конец III-IV вв. [56, с. 119; 66, с. 100]; вторая половина III/IV – VI вв. [1, с. 51]; вторая половина/конец IV – третья четверть/конец VI вв. [105, с. 47, рис. 2,9; 112, с. 98; 172, р. 92, fig. 2,20; 109, с. 251, 225; 111, с. 38, рис. 6,3-5]</p>
<p>Тип 100 по Зеест</p>	<p>Начало IV – конец V / начало VI вв. [114, с. 358]</p>
<p>Тип LRA-1 по Райли</p>	<p>Существуют различные варианты датировки амфор: последняя треть IV / первая половина V вв. – 650-670 гг. [103, с. 29], конец IV – VI вв. [141, с. 13], вторая половина IV – начало VII вв. [148, р. 73], IV – начало VII вв. [77, с. 18], IV – конец VII вв. [155, р. 236], конец IV – начало VII вв. [170, р. 212], IV-VII вв. [175, р. 278], начало V – середина VII вв. [168, р. 187], первая половина V – середина/конец VII вв. [160, р. 278], начало V – VII вв. [159, р. 64, 69], начало V – начало VI вв. [166, р. 207, pl. 7], VI-VII вв. [12, с. 86-87], V-VI вв. [126, с. 198], середина V / вторая четверть VI – первая половина VII вв. [105, с. 44], последняя треть IV – третья четверть VI вв. [107, с. 57], первая половина V – третья четверть VII в. [172, р. 87-88]. По всей видимости, появившись в конце IV / начале V вв., амфоры активно используются в VI – середине VII вв. и продолжают встречаться в комплексах второй половины VII в.</p>
<p>Тип LRA-2 по Райли</p>	<p>Сосуды датируют по-разному: IV – конец VI / начало VII вв. [168, р. 183-184], конец IV – VII вв. [160, р. 354, 357], начало IV – середина VII вв. [166, р. 208, pl. 8], IV – первая половина VII вв. [77, с. 9-11, табл. 1-3,A1-26], V-VII вв. [170, р. 217, 219], V-VII вв. [141, с. 14, 16], V – первая половина VII вв. / 650-670 гг. [103, с. 38], V – вторая четверть VI в., первая половина V – третья четверть VII вв. [105, с. 43; 172, р. 88], начало IV – середина VII вв.[177, р. 132-134, pl. XXXIX,325-326, XL,324,327-332], начало V – начало VII вв. [151, р. 33, 38-42, taf. 17,220-221; 18], IV-VII вв. [12, с. 88; 175, р. 274]. По всей видимости, появившись в конце IV / начале V вв., амфоры активно используются в V – середине VII вв. и продолжают встречаться в комплексах второй половины VII в.</p>

<p>Тип LRA-4 по Райли</p>	<p>IV-VII или VIII вв. [12, с. 84], IV-VI вв. [170, р. 220-222; 168, р. 199], IV-VII вв. [103, с. 21], IV – начало VII вв. [106, с. 66-67, рис. 10,4-9], середина III – третья четверть VII вв. (650-670 гг.) [172, р. 88], конец IV – VI вв. [160, р. 281], V-VI вв. [126, с. 195-196], первая половина V – конец VI вв. [166, р. 208-209], V – начало VII вв. [77, с. 12], V-VII вв. [175, р. 280]. Для этих амфор следует принять широкую хронологию IV-VII вв.</p>
<p>Тип V по ХК-71</p>	<p>V-VII вв. [12, с. 85], вторая четверть VI – VII вв. [103, с. 25-26], вторая четверть VI – первая половина VII вв. [105, с. 45], вторая четверть VI – конец VI / начало VII вв. [172, р. 94], VI-VII вв. [148, р. 80]. Таким образом, хронологические рамки бытования амфор VI / вторая четверть VI – VII вв.</p>
<p>Тип Кеу LIX</p>	<p>Тип Кеу LIX IV-V или VI (?) вв. [160, р. 302].</p>
<p>Класс 1 по ХК-95</p>	<p>III-VII вв. [12, с. 82-83]; IV-VII вв. [56, с. 121, табл. XL,103]; IV – начало VII вв. [77, с. 16]; V-VI вв. [126, с. 197; 141, с. 12]; V-VII вв. / 650-670 гг. [103, с. 16]; V/VI-VII вв. [175, р. 281]; конец IV – первая половина VII вв., первая половина V – третья четверть VII вв. [105, с. 51; 172, р. 90]. Наиболее убедительной выглядит дата конец IV / первая половина V – конец VII вв.</p>
<p>Класс 2 по ХК-95</p>	<p>III-IV вв. [155, р. 232, fig. 9; 10], IV-VI вв. [169, с. 108], V – начало VI вв. [141, с. 9, рис. 1,1], VI-VII вв. [77, с. 17], конец IV – середина V вв. [166, р. 210; 167, р. 23], V в. [166, р. 218; 167, р. 30], VI – первая половина VII вв. [103, с. 19; 105, с. 43], первая половина V – третья четверть VII вв. [172, р. 90], середина IV – 395/402 гг. [177, р. 141, 279, pl. XLIV,358,359]. Наиболее поздние комплексы с амфорами в Херсонесе относят ко второй половине и концу VII в. [48, с. 118-121], а также на основании находок монет Константа II (641-668) – к 650-670 гг. [103, с. 13-14; 48, с. 117-118]. По всей видимости, амфоры производились с конца IV – до середины VII вв., однако продолжают встречаться в комплексах второй половины VII в.</p>
<p>Класс 24 по ХК-95</p>	<p>В Херсонесе самыми ранними закрытыми комплексами, где обнаружены амфоры с мелким зональным рифлением, являются засыпи колодца в Портовом квартале 1 и водохранилища первой половины IX в. [101, с. 139, рис. 4,1-4,6; 103, с. 47-48, 53-55]. О X-XI вв. в качестве верхней границы бытования свидетельствует присутствие сосудов, наряду с высокогорлыми кувшинами, в херсонесских комплексах находок из цистерны под «базиликой 1987 г.» последней трети X – начала XI вв., слоя пожара домов и хозяйственных сооружений на месте усадьбы античного надела № 32 на правом берегу Камышовой бухты на Гераклеяском полуострове, датированном по херсоно-византийским монетам с монограммой «ро» концом XI в., а также слоях Саркела IX-X вв. [142, с. 354-355; 110, с. 240-242, рис. 11-12; 141, с. 32]. Таким образом, время появления сосудов можно отнести к началу IX в., период их активного бытования ко второй половине IX – X вв., а кое-где они продолжают использоваться и в XI в.</p>

Краснолаковая керамика из раскопок Мангупа⁵³

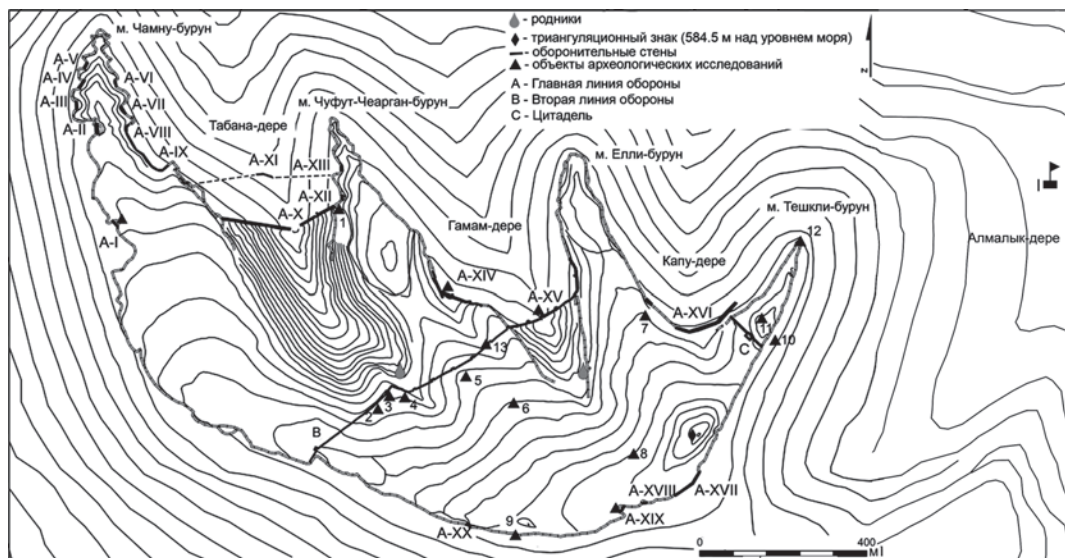
<i>Форма/тип</i>	<i>Дата</i>
Форма PRS-1	Блюда встречаются в комплексах середины IV – первой четверти VII вв. [58, с. 34], однако производились, по всей видимости, в середине IV – середине V вв. , возможно, несколько позже [145, р. 426]
Форма PRS-2	Блюда встречаются в комплексах IV–V вв. [58, с. 35], хотя хронологические границы их бытования, предложенные Т. М. Арсеньевой и К. Домжальским (середина – конец IV в.), на данный момент являются наиболее обоснованными [145, р. 426]
Форма PRS-3	Период наиболее активного использования изделий определяется концом IV – первой половиной V вв. [145, р. 426-427], хотя они продолжают встречаться в комплексах до первой четверти VII в [58, с. 38-39]
Форма PRS-4	Изделия встречаются в комплексах IV – первой четверти VII вв. [58, с. 43], но наиболее активно используются в конце IV – середине V вв. [145, р. 427]
Форма PRS-7	Появившись, по всей видимости, во второй четверти / середине V в. , блюда активно используются во второй половине V – начале VI вв. [145, р. 427]
Форма 4, вариант 1	IV в. [58, с. 43]
Форма 12	Изделия существовали в пределах IV в. [58, с. 48]
Форма 13	Сосуды выявлены в некрополях IV – первой половины V вв. [58, с. 49]
Кувшин типа 6	По пропорциям, структуре черепка и лаку кувшин похож на миски форм 13 и 14, вероятно, это говорит об их хронологической близости [58, с. 53]
Форма LRC-1	Конец IV – третья четверть V вв. [157, р. 327]

⁵³ В приложении описывается краснолаковая керамика из отобранных в публикацию археологических контекстов Мангупа и его округи.

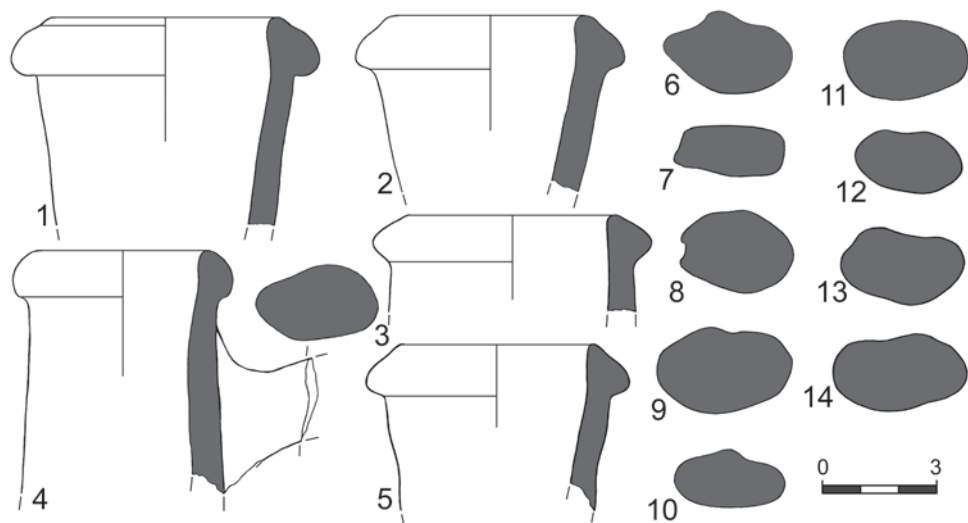
Узкогорлые светлоглиняные амфоры в комплексах Мангупа

Ком- плекс	Дата комплекса	Тип амфор				
		D	D/F	F	F/E	E
№ 1	Конец IV – VII вв.					+
№ 2	Вторая половина IV – VII вв.				+	
№ 3	Содержит материал III–VI вв., сформировался в первой половине VI в.	+				
№ 4	Содержит материал IV–VI вв., сформировался в первой половине VI в.		+			
№ 5	Содержит материал IV–VII вв., сформировался в VI–VII вв.		+			
№ 6	Содержит материал IV–VII вв., сформировался в VI–VII вв.		+			
№ 7	Конец VI – VII вв., содержит материал III–VII вв.		+			
№ 8	Начало / первая половина V в.		+			+
№ 9	IV–V вв.			+		
№ 10	IV – начало VI вв.			+		+
№ 11	III – начало VI вв.			+		
№ 12	II – начало VI вв.	+				
№ 13	Содержит материал IV–VI вв., сформировался в VI в.			+		+
№ 14	Содержит материал IV–VI вв., сформировался в VI в.			+		
№ 15	Содержит материал IV–VI вв., сформировался в VI в.			+		+
№ 16	Содержит материал IV–VI вв., сформировался в VI в.	+		+		+
№ 17	Содержит материал IV–VI вв., сформировался в VI в.	+		+		+
№ 18	Содержит материал IV–VI вв., сформировался в VI в.			+		+
№ 19	Содержит материал второй половины III – V вв., сформировался в V в., возможно, в первой половине	+		+		+
№ 20	Вторая половина III – IV вв.	+		+		+
№ 21	IV в.			+		
№ 22	Вторая половина IV в.			+		
№ 23	Не имеет узкой датировки			+		
№ 24	Конец IV – первая половина V вв.			+		
№ 25	Не имеет узкой датировки			+		
№ 26	Не имеет узкой датировки	+				

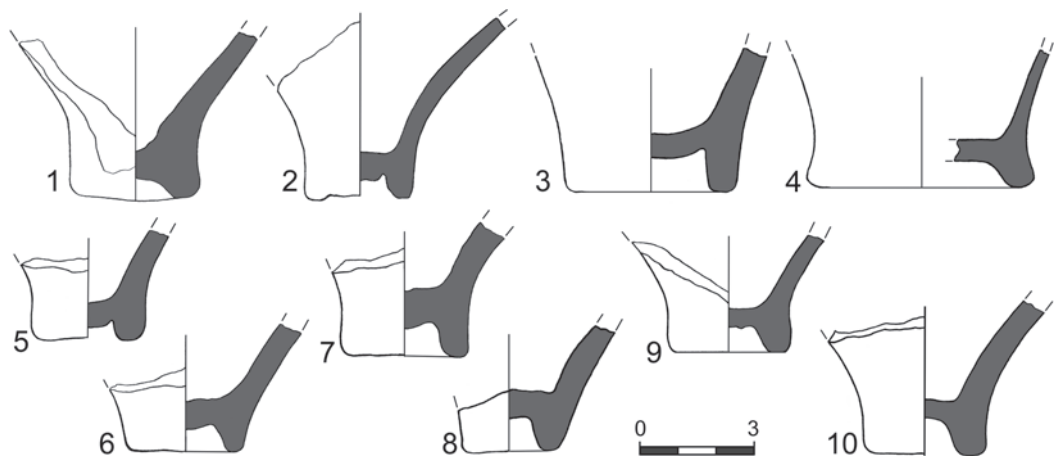

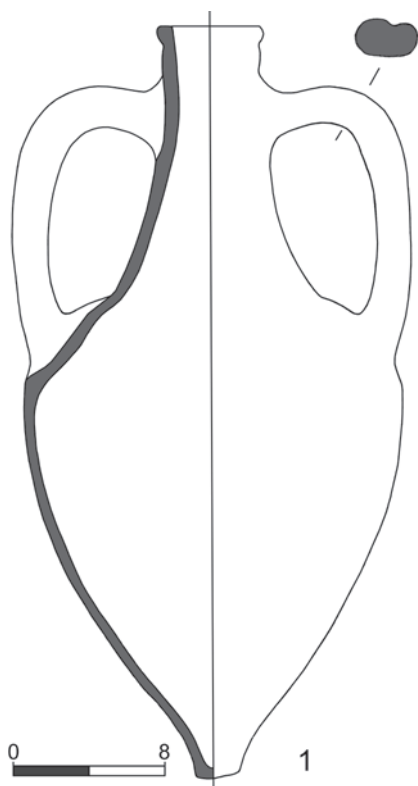
Рис. 1. План Мангупского городища с обозначением основных объектов исследований. 1 – северный монастырь, 2 – стратиграфический раскоп в верховьях Табана-дере, 3 – миква, 4 – синагога, 5 – базилика, 6 – дворец, 7 – церковь св. Георгия, 8 – церковь св. Константина, 9 – южный монастырь, 10 – стратиграфический раскоп на склоне м. Тешкли-бурун, 11 – октагональная церковь, 12 – северо-восточный монастырь, 13 – Лагерная балка.

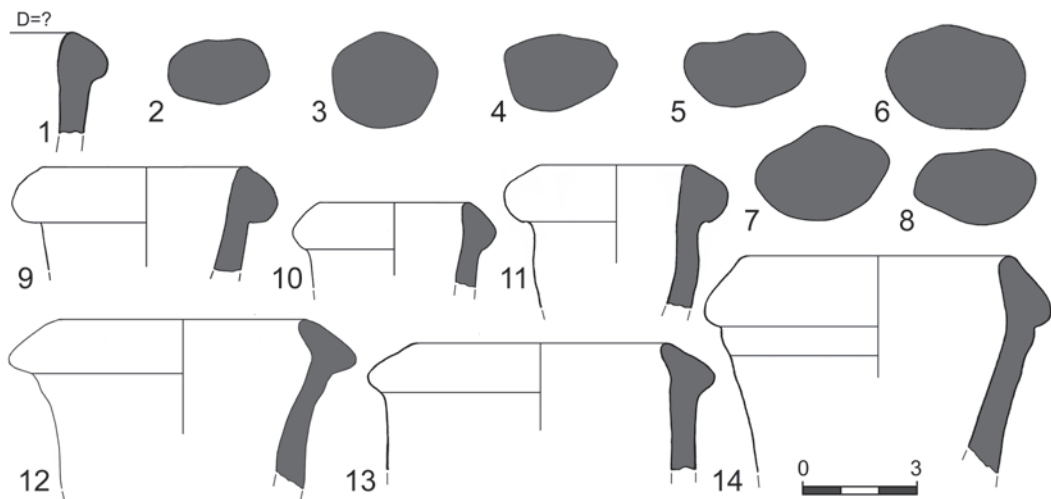
Рис. 2. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D из раскопок Мангупа. 1, 2, 4, 7, 11 – № 17; 3, 5, 12-14 – № 20; 6 – № 3; 7 – № 12.

Рис. 3. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D из раскопок Мангупа.
1 – № 3; 2 – № 12; 3, 4 – № 16; 5-8 – № 17; 9 – № 19; 10 – № 20.

Рис. 4. Узкогорлая светлоглиняная амфора типа D из раскопок Мангупа.
1 – № 26.

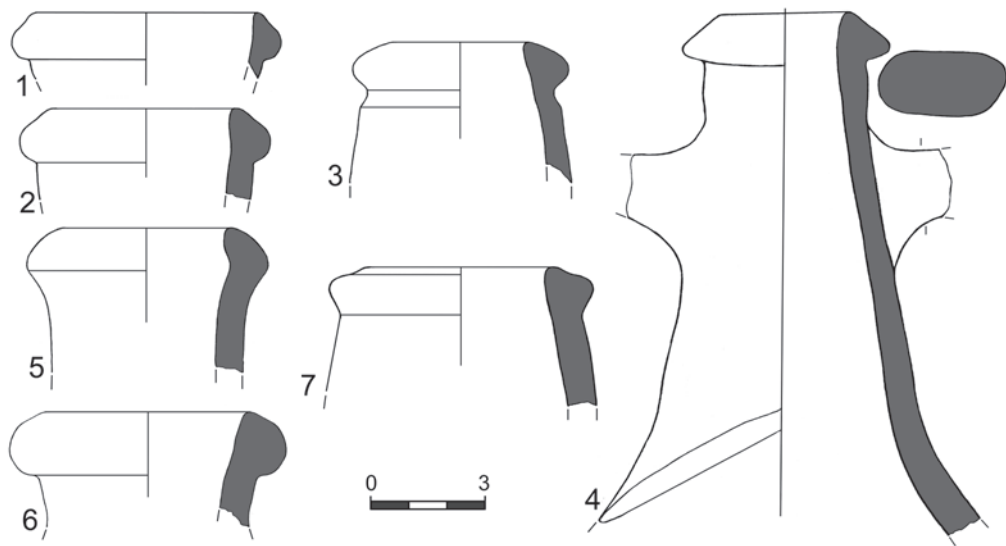

Рис. 5. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа.

Тип D/F: 1 – № 7; 2 – № 4; 3, 4 – № 5; 5 – № 6; 7, 8 – № 8.

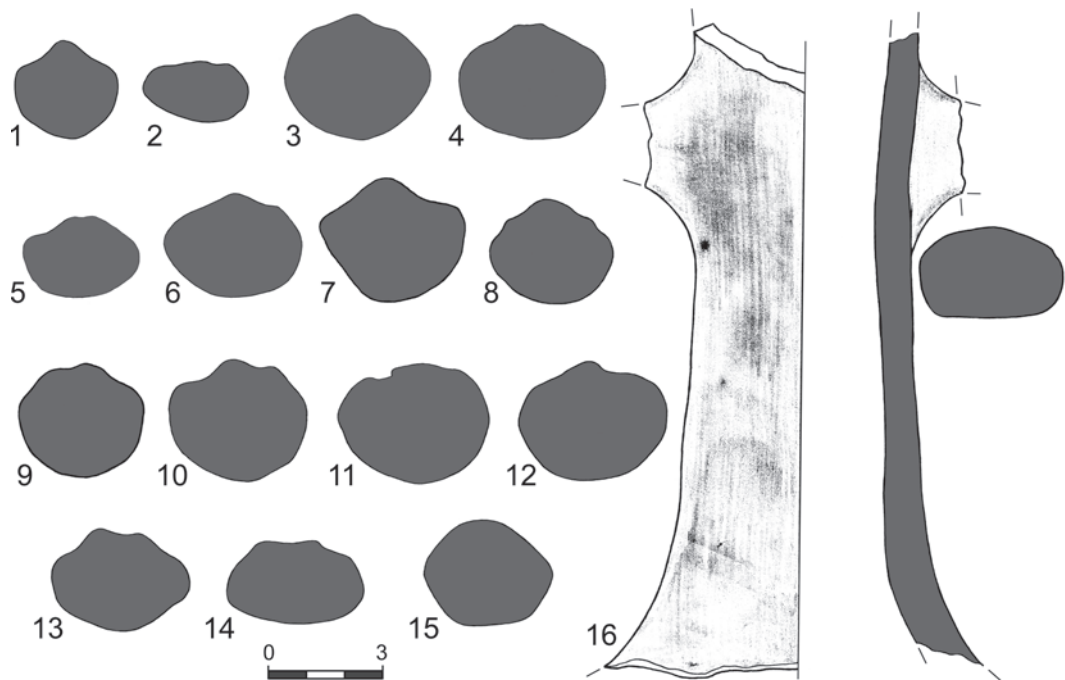
Тип F/E: 6 – № 2.

Тип F: 9, 10 – № 10; 11, 13, 14 – № 16; 12 – № 13.

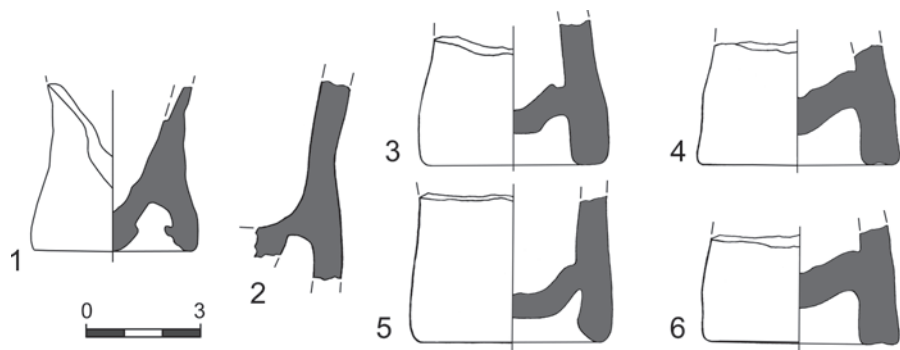

Рис. 6. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F из раскопок Мангупа.

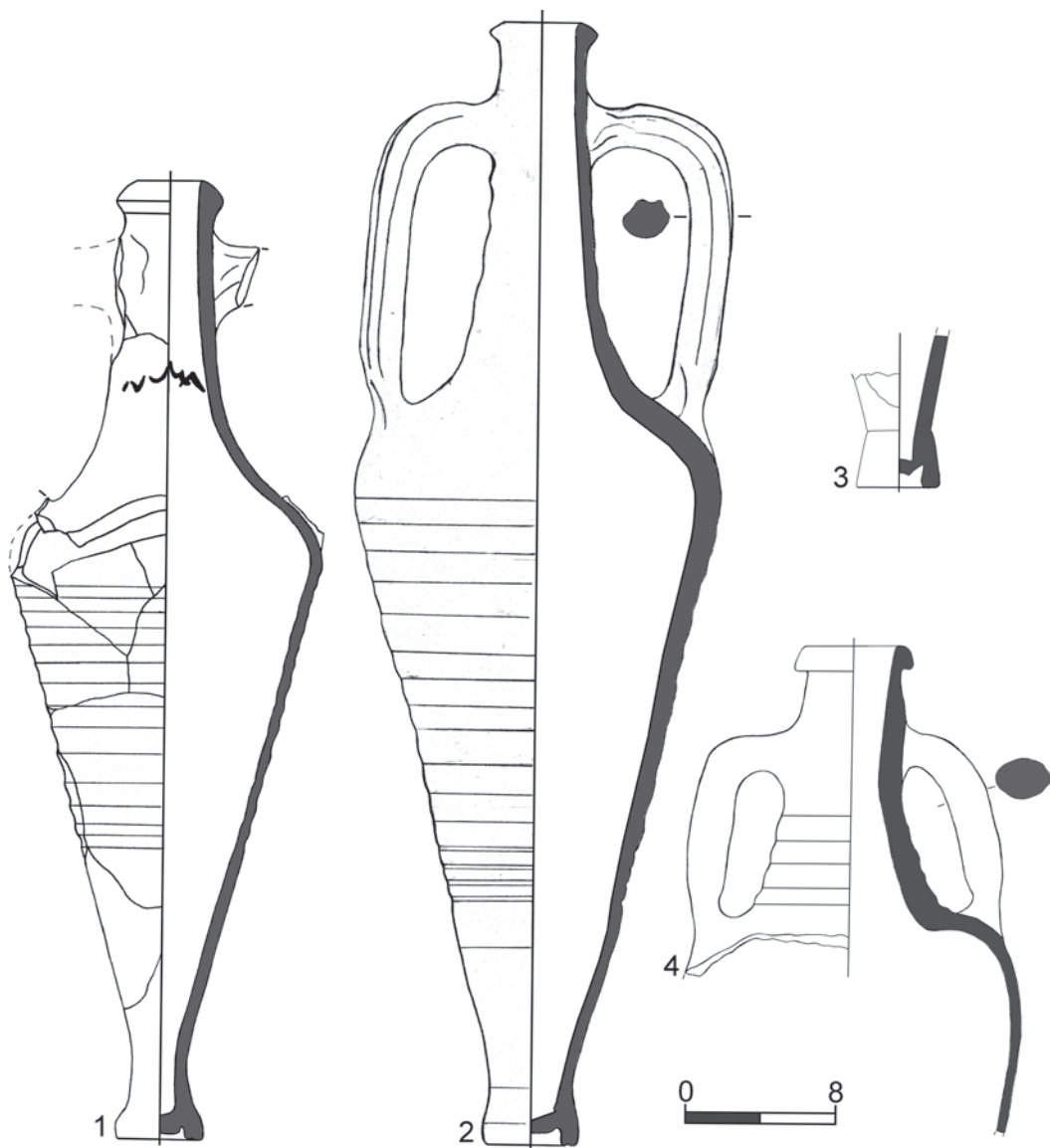
1 – № 11; 2, 3, 5 – № 17; 4 – № 15; 6 – № 18; 7 – № 20.

Рис. 7. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F из раскопок Мангупа.
1 – № 9; 2 – № 10; 3, 4 – № 13; 5, 6 – № 14; 7 – № 15; 8, 9, 16 – № 16; 10-14 – № 17; 15 – № 18.

Рис. 8. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F из раскопок Мангупа.
1 – № 11; 2 – № 16; 3-6 – № 17.

Рис. 9. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F из раскопок Мангупа.
1 – № 21; 2 – № 22; 3 – № 23; 4 – № 25.

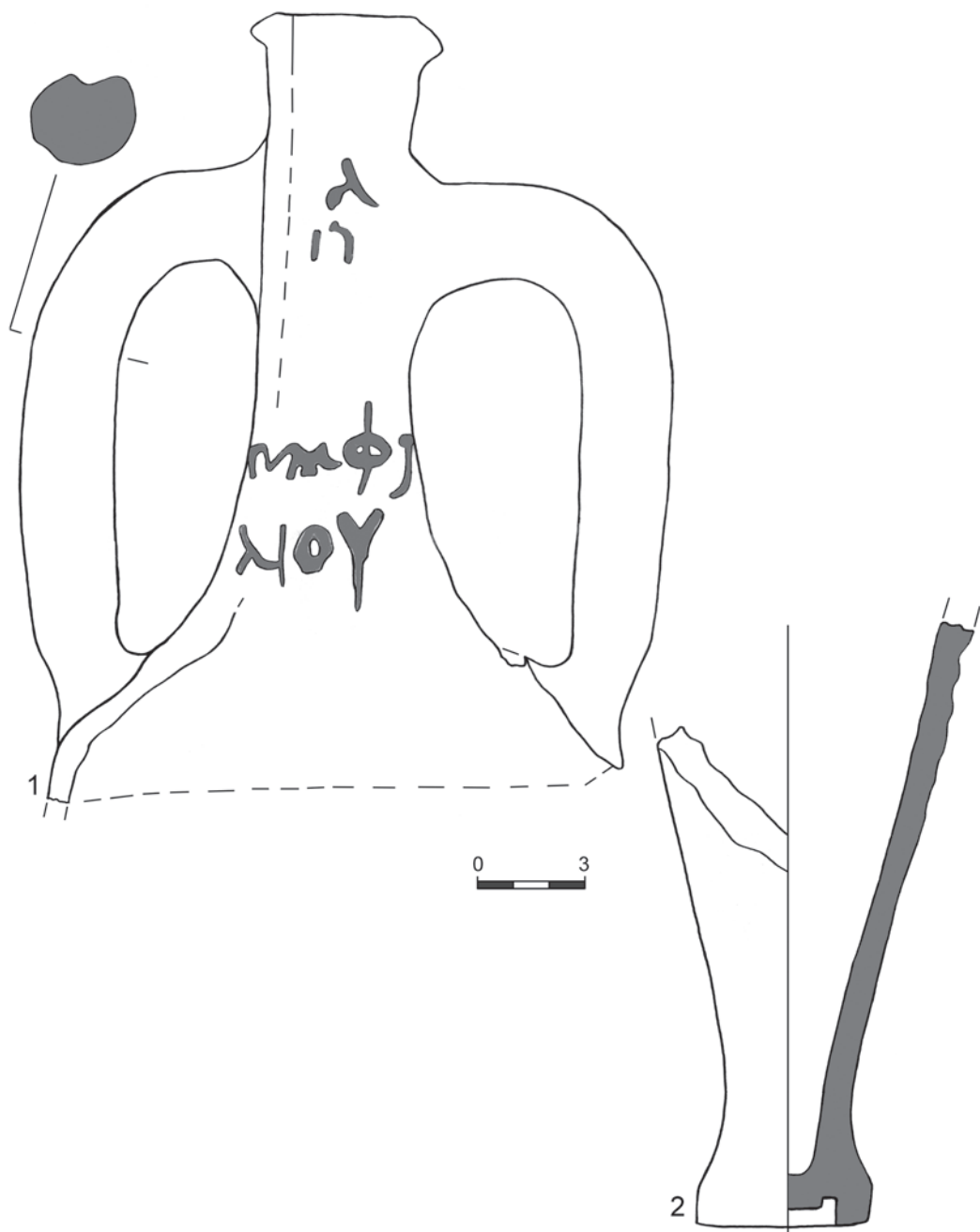
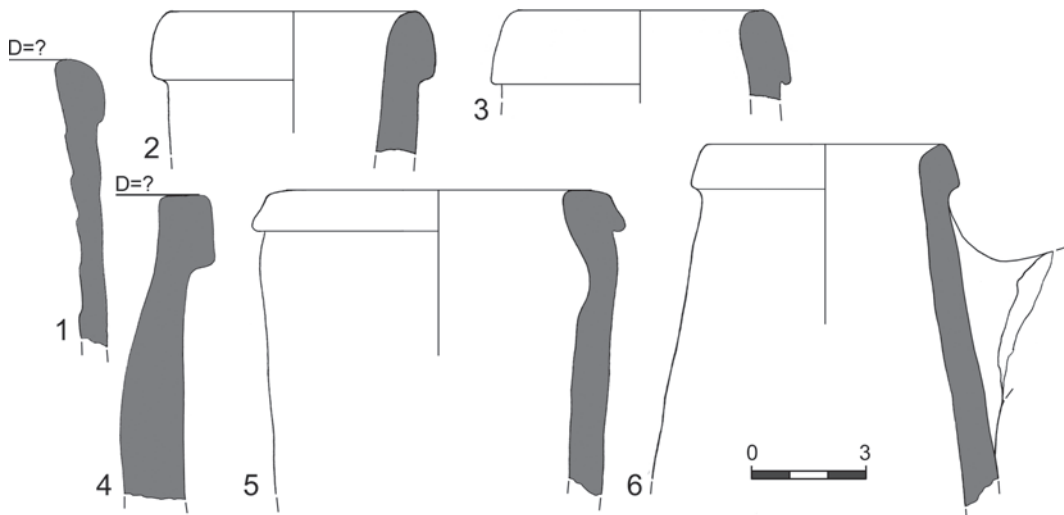
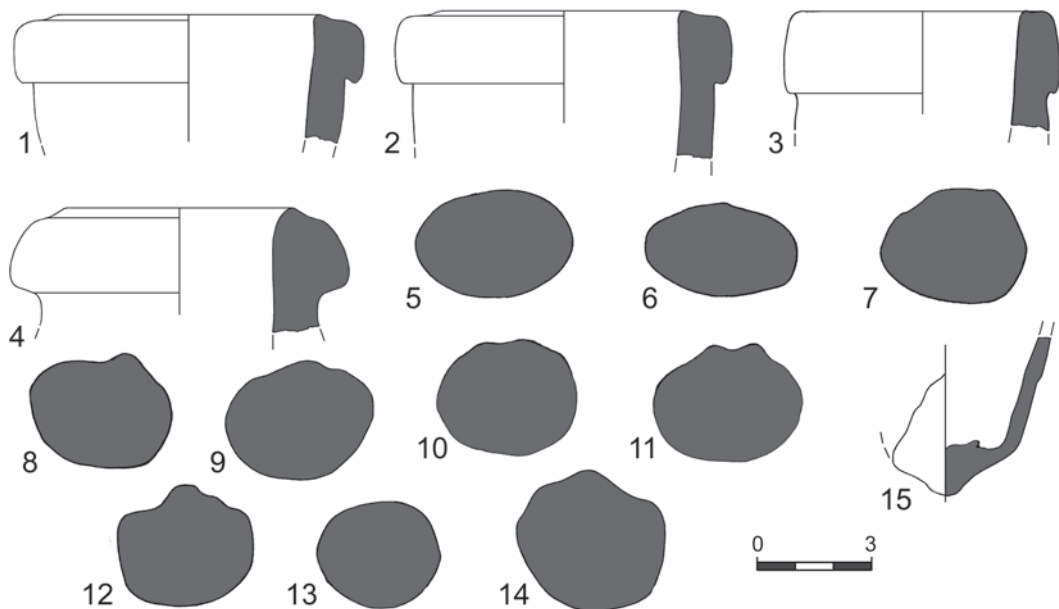

Рис. 10. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F из раскопок Мангупа.
1, 2 – № 24.

Рис. 11. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Е из раскопок Мангупа.
 1, 2 – № 1; 3 – № 8; 4 – № 13; 5, 6 – № 17.

Рис. 12. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Е из раскопок Мангупа.
 1, 2, 4 – № 18; 3 – № 19; 5-7 – № 1; 8 – № 7; 9, 15 – № 10; 10, 11 – № 13; 12 – № 15; 13 – № 16;
 14 – № 17.

А. В. СМОКОТИНА

КЕРАМИКА ГРУППЫ «АФРИКАНСКАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ» ИЗ РАСКОПОК В КЕРЧИ¹

Поступление в Крым импортной керамики ранневизантийского времени, главным образом амфор и краснолаковой посуды, свидетельствует о регулярных торгово-экономических связях полуострова с другими причерноморскими, а также средиземноморскими центрами. Поставки этой продукции осуществлялись преимущественно морским путем, поэтому наиболее полные представления об интенсивности внешней торговли и основных ее направлениях могут быть получены в результате археологических раскопок, в первую очередь, портовых центров Крыма, таких как Херсонес и Боспор (современный г. Керчь). Оба памятника имеют более чем столетнюю историю исследований, но изучение керамического материала происходило неравномерно. Ранневизантийской керамике из Херсонеса посвящены обобщающие классификационные работы [4; 17; 18], публикации комплексов [10; 11; 19] и различных групп посуды [9]. Керамика этого же времени из раскопок Керчи никогда не становилась объектом систематических и обобщающих исследований. Изданы только отдельные находки [6, с. 124-125, рис. 51; 13; 14, с. 233-234, 237, №№ 553, 554, 570; 24] и единичные керамические комплексы [1, с. 135-137, рис. 54-56; 23].

Создание целостных представлений о соотношении местной и импортной посуды, о наборе групп керамики из разных производственных центров, ее хронологии, морфологии и эволюции, об изменениях в направлениях торгово-экономических связей в ранневизантийский период в Крыму невозможно без анализа и введения в научный оборот нового археологического материала. Задачей данной работы является публикация импортной посуды группы

---

¹ Археологические исследования в Босфорском переулке г. Керчи в 2007-2009 гг. проводились экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А. И. Айбабина, которому я глубоко признательна за возможность опубликовать найденный в результате раскопок керамический материал.

«Африканская краснолаковая» (African Red Slip Ware (ARS))², найденной в результате археологических исследований 2007-2009 гг. в Босфорском переулке г. Керчи (рис. 1). Впервые рассматриваются все находки краснолаковой керамики ARS из раскопок крымского памятника, и предпринимается попытка проследить хронологию их поступления на Боспор в IV-VI вв.

Керамика группы ARS производилась в мастерских, расположенных на территории современного Туниса (рис. 2; 3), с конца I до конца VII вв. [33, р. 13-299; 42, S. 494; 43, р. 38-39]. Фундаментальная типология и хронология этой посуды разработана Дж. Хейсом [33, р. 13-299; 35, р. 484-523]. С некоторыми изменениями и дополнениями она широко используется и в настоящее время [28; 42].

Археологические раскопки 2007-2009 гг. в Босфорском переулке г. Керчи выявили культурные слои с остатками строительной и хозяйственной деятельности III-VI вв., включая комплекс рыбозасолочных цистерн и строительные комплексы I-IV (СК), а также некрополь VII - начала VIII вв. [2; 3; 25]. В результате исследований было найдено всего 32 не склеивающихся обломка от 25 (или 22) сосудов группы ARS. Это фрагментированные миски и блюда формы 50B (1)³, 59A (2), 59A/B (3), 59B (4, 5), 61A (6), 64 (7), 67 (8), 67? (9), 91A (10), 99B/C (11) и 104A (12) по Дж. Хейсу [33, р. 13-299]. На двух уже опубликованных ранее фрагментах сосудов [24, с. 150-151, рис. 11,58,59] частично сохранился штампованный орнамент Стиля А (ii) 350-420 гг. по Дж. Хейсу [33, р. 219]. Один из них, с комбинацией типов 1/3 (или 2/4) и 27, найденный в 2007 г. [24, с. 150-151, рис. 11,58], склеился с археологически целым блюдом формы 59B (5) из раскопок 2009 г. (рис. 4,5). Второй обломок принадлежит сосуду со штампом с комбинацией типов 2/4⁴, 26 и 74 (18, рис. 5,18) [24, с. 150, рис. 11,57].

Длительное время отечественными исследователями керамика группы ARS практически не выделялась из общей массы краснолаковой посуды. Публикация материала и его типологизация производились без учета технологических аспектов, основываясь на формальных, часто очень приблизительных морфологических аналогиях [17; 20]. В результате по сходству форм некоторых профильных частей к ARS ошибочно относили продукцию других производственных центров, существенно отличающуюся структурой и цветом глиняного теста и лакового покрытия. Это создавало неверную картину соотношения разных групп импортной керамики причерноморского и средиземноморского производства [12, с. 23]. В то же время немногочисленность находок посуды ARS на крымских памятниках, при большом разнообразии уже открытых и еще не локализованных мастерских на территории современного

² Название группы предложено Дж. Хейсом [33, р. 13].

³ Здесь и далее жирным шрифтом выделены номера каталога.

⁴ Уточненные определения типов орнамента будут рассмотрены ниже.

Туниса⁵, серьезно осложняет работу с этой группой материала. Визуальный осмотр найденных в Керчи фрагментов сосудов ARS позволил сделать ряд наблюдений о структуре их глиняного теста и лакового покрытия, а также предположить некоторые возможные производственные центры. Но полученные выводы носят предварительный характер, предположения основаны на малочисленной выборке материала. Безусловно, для более точного определения мастерских необходимы лабораторные анализы, возможность проведения которых нам пока недоступна.

Найденные в результате археологических исследований в Босфорском переулке г. Керчи сосуды ARS были изготовлены из красного (2,5 YR 5/8; 10 R 5/8)⁶ или светло-красного (2,5 YR 6/8-7/8; 10 R 6/8-7/8) глиняного теста. Визуально определяется примесь известняка, песка, часто включения железистых частиц и мелких блестящих частиц, по всей видимости, слюды.

Фрагмент блюда формы 50B (1, рис. 4,1; 7,1) представляет вторую фазу производства ARS IV-V вв. (fine version) [33, p. 288, 290-291], которая соответствует группе «Late Roman A» по Ф. Вааге [52, p. 44] и характерна для продукции мастерских центрального Туниса (рис. 3, группа С) [28, tab. II]. Предположительно, к этой группе относятся также два фрагмента миски формы 91A (10, рис. 5,10; 7,10) и три фрагмента стенок сосудов неопределенных форм толщиной 0,4-0,5 см (22-24), одна из которых (22) визуально ничем не отличается от венчика формы 50B (1) и может принадлежать этому же блюду. В то же время следует отметить, что мне пока не известны точные аналогии форме 91A из мастерских центрального Туниса (рис. 3, группа С) [46]. И хотя их производство в этом регионе предполагалось некоторыми исследователями [34, p. 280-282; 49, p. 151], достоверно установлено изготовление мисок 91A только в различных мастерских северного Туниса (рис. 3, группы D) [28, p. 177, 179; 44, p. 143, 145, 147, 149]. Тесто рассматриваемых сосудов плотное красноглиняное (2,5 YR 5/8; 10 R 5/8). Блестящий красный лак в тон черепка или немного темнее покрывает только внутреннюю сторону и венчик сосудов с внешней стороны. Границы лакового покрытия часто размыты и едва различимы. Толщина стенок в среднем 0,4-0,5 см (1, 22-24), иногда варьируется от 0,35 до 0,7 см (10), а поверхность хорошо заглажена. Всего к этой группе по структуре глиняного теста и лакового покрытия предположительно отнесены 6 фрагментов от 4 или 5 сосудов.

Основная часть найденной в Керчи керамики ARS (2-6, 8, 9, 11, 12, 14-21) принадлежит II-III фазам IV-VII вв. по Дж. Хейсу (normal version) [33, p. 288, 291], которые соответствуют средней и поздней фазам группы «Late Roman B ware» по Ф. Вааге [52, p. 44]. Центры производства этой посуды

⁵ См. исследования М. Маккензена [42], М. Бонифе и др. [27; 28], Д. Пикока и др. [46].

⁶ Цвет глиняного теста и краснолакового покрытия описан по таблице А. Мансела [45].

локализованы на территории северного Туниса (рис. 3, группы D1 и D2) [28, tab. II]. Структура глиняного теста рассматриваемых изделий более грубая, песчанистая, стенки отличаются большей толщиной (0,6-0,9 см). В рамках этой группы выделяются три подгруппы сосудов, которые, вероятно, принадлежат разным мастерским.

В самую многочисленную подгруппу из центров северного Туниса входят фрагменты сосудов форм 59A/B (3, рис. 4,3; 6,3), 59B (4, рис. 4,4; 6,4), 59B со штампом Стиля А (ii) (5, рис. 4,5; 6,5), 61A (6, рис. 4,6; 6,6), 67 (8, рис. 5,8; 6,8), а также стенка (20) и плоские донья (14-17, рис. 5,14-17; 6,14-17) сосудов неопределенных форм. Глиняное тесто рыхлое светло-красного (2,5 YR 6/8; 10 R 6/8) или красного (2,5 YR 5/8) цвета. Глянцевый или с приглушенным блеском красный лак в тон черепка или немного темнее покрывает внутреннюю сторону фрагментов сосудов с пятнами и потеками на внешней стороне (14-17), всю сохранившуюся поверхность обломков (3, 4, 6, 8, 20) или внутреннюю сторону полностью и внешнюю сторону до середины тулова (5). Большинство сосудов покрыты густым слоем красного лака и имеют гладкую поверхность (3, 4, 14, 16, 20), иногда с крупными выбоинами (6). У некоторых фрагментов из-за многочисленных мелких рытин поверхность более шероховатая, что особенно заметно на тулове и венчике (5, 8, 15, 17). Не исключено, что венчик блюда формы 61A (6) и плоское дно (14) принадлежат одному сосуду. Рассмотренные фрагменты (всего 13 обломков от 9 или 10 сосудов), несмотря на некоторые отличия лакового покрытия, имеют визуальную идентичную структуру глиняного теста и, скорее всего, являются продукцией одного производственного центра. Набор представленных в этой подгруппе сосудов, сходство в описаниях глиняного теста и лакового покрытия, ближайшие аналогии формам и штампованному орнаменту позволяют предположить их изготовление в мастерских региона Эль-Махрине (El Mahrine) (рис. 3, группа D1) [42]. Возможно, к этой подгруппе следует отнести еще один фрагмент стенки сосуда неопределенной формы (19).

Во вторую подгруппу из центров северного Туниса условно объединены фрагменты мисок и блюд формы 59A (2, рис. 4,2; 7,2), 67? (9, рис. 5,9; 7,9), 99B/C (11, рис. 5,11; 7,11), обломки стенки сосуда неопределенной формы (21) и со штампом Стиля А (ii) (18, рис. 5,18; 7,18). Блюдо 59A (2) и обломок дна со штампом А(ii) (18) были изготовлены в одном производственном центре и, возможно, принадлежат одному сосуду. Они имеют более плотное, чем в предыдущей подгруппе глиняное тесто светло-красного цвета (10 R 7/8) (рис. 7,2,18). Блестящий красный лак (10 R 5/8) с крупными выбоинами на поверхности покрывает внутреннюю и верхнюю часть внешней стороны сосуда. Близкая структура глиняного теста и краснолакового покрытия с крупными выбоинами наблюдается у миски формы 99B/C (11, рис. 7,11), которая визуально отличается только немного более темным оттенком светло-красного

черепка (10 R 6/8). Миски формы 99 являются наиболее популярными среди продукции мастерских Удны (Oudhna) (рис. 3, группа D2) [28, р. 181], хотя известно, что они изготавливались и в других центрах, например, в Эль-Махрине [44, р. 143]. Керамическое производство в мастерских Удны зафиксировано с последней четверти / конца V в. до второй половины / конца VII в. [27, р. 148; 44, р. 150]. Однако анализы образцов керамики из комплексов Капитолия Удны свидетельствуют об изготовлении краснолаковой посуды, в том числе блюд формы ARS 59 и раннего варианта ARS 67, в Удне уже со второй половины IV в. [28, р.55]. Производство блюд 59А известно также в мастерских северного и центрального Туниса [42, S. 317, Taf. 52,7,8; 46, р. 76, fig. 11,3], но абсолютной аналогии найденному в Керчи сосуду с четырьмя широкими желобками на верхней поверхности венчика мне пока найти не удалось. Обломки сосудов формы 67? (9, рис. 7,9) и неопределенной формы (21) отличаются только немного более песчанистой структурой светло-красного (10 R 7/6) глиняного теста.

Фрагмент венчика миски формы 64 (7, рис. 4,7; 7,7) отличается рыхлым песчанистым светло-красным тестом (2,5 YR 6/8) и глянцевым красным лаком в тон черепку, который покрывает внутреннюю и верхнюю часть внешней поверхности. Место производства таких сосудов пока точно не известно. Предполагалось их изготовление в Удне, где всего один фрагмент венчика формы 64 был найден в заполнении печи № 4 середины VI в. [27, р. 157, tabl. 1]. Возможно, такие сосуды также относятся к раннему этапу производства Удны с середины - второй половины IV в. [28, р.55].

К продукции еще одного центра в северном Тунисе, так называемой «мастерской X» (рис. 3, группа D2), относится фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняной (2,5 YR 5/8) миски формы 104А (12, рис. 5,12; 7,12). Структура глиняного теста соответствует сосудам, определенным как производство «мастерской X» (рис. 3, группа D2) [28, р. 183, pl. II,13; 43, р. 33-37], хотя миски этой формы производились и в Эль-Махрине [42, S. 346-350, 410-413].

Определить предположительное происхождение еще трех фрагментов от двух сосудов ARS (13 и 25) (рис. 5,13; 7,13) пока не удалось. Форма этих изделий осталась неопределенной, а структура глиняного теста и лака отличается и друг от друга, и от остальных найденных в Керчи сосудов.

Форма 50В (рис. 4,1; 7,1)

Блюда с простым округлым краем формы 50В датируются в пределах 350-400/420 гг. [33, р. 73, fig. 12,56,60; 41, р. 490-491, fig. 5]. Они известны в комплексах Афинской агоры конца IV – начала V вв. [38, р. 221, fig. 32,995-998]. Исследования в Босфорском переулке г. Керчи выявили только один фрагмент венчика этой формы (1) с толщиной стенок около 5 мм и хорошо заглаженной поверхностью (рис. 4,1). Структура глиняного теста и лакового покрытия соответствует второй фазе ARS (fine version) по Дж. Хейсу [33,

р. 288, 290-291]. Известно производство блюд 50B ARS в центральном Тунисе (рис. 3, группа С, Sidi Marzouk Tounsi) [46, р. 70, fig. 7,19; 44, с. 132]. Поздний вариант таких сосудов со скошенным внешним краем первой половины V в. изготовлялся в мастерских северного Туниса (рис. 3, группа D locales) [28, р. 57, 197].

В Северном Причерноморье находки блюд стандартной формы 50B известны также в Ольвии [16, с. 79, рис. 2,2].

Следует отметить, что структура глиняного теста и лакового покрытия одного из фрагментов стенок сосуда неопределенной формы (22) визуально идентична венчику формы 50B, и рассматриваемые фрагменты могут принадлежать одному блюду.

1. Венчик. Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц. Глянцевый красный лак (2,5 YR 5/8) покрывает внутреннюю и только верхнюю часть внешней стороны.

Размеры⁷: D=? (25,0-32,0); t=0,5; 3,8x4,0.

Время и место находки: 2007 г. Раскоп (Р.) 1. Слой 2-го горизонта (штык 1-2) (07.01.267.л.94)⁸ (табл. 1,1).

Форма 59 (рис. 4,2-5; 6,3-5; 7,2)

Среди плоскодонных блюд с горизонтально отогнутым широким венчиком ARS Дж. Хейс выделил форму 59А с вертикальными врезными полосами на внешней стороне тулова, которые создают небольшую ребристость на его внутренней поверхности (около 320-380/400 гг.), и форму 59В с простыми стенками (около 320-420 гг.) [33, р. 96]⁹. Дж. Лунд предложил датировать форму 59А с 330/340 до 400/470 гг., а форму 59В с 320/340 до 440/470 гг. [41, р. 495-497, fig. 5]. По наблюдениям М. Маккензена, хронологическое значение у таких сосудов имеет изменение ширины венчика. К наиболее ранним относятся блюда с шириной 2,0-2,2 см, по-видимому, без штампованной орнаментации. Со штампами Стиля А (i)¹⁰ встречаются сосуды с шириной венчика 2,1-2,7 см и не встречаются с шириной 3,0-3,5 см. Последние же, вероятно, связаны с переходом к штампованному орнаменту Стиля А (ii) [42, S. 317], около 350-420 гг. по Дж. Хейсу [33, р. 219]. В Керчи обнаружены фрагменты блюд со следующей шириной венчика: 2,2 (3), 2,6 (5), 3,0 (2) и 3,3 (4) см (рис. 4,2-5). При этом предложенной М. Маккензеном схеме противоречит находка обломка

⁷ Все размеры в каталоге приведены в сантиметрах. D – диаметр венчика, d – диаметр дна, H – высота, t – толщина стенок сосуда.

⁸ Уникальный номер сосуда, где 07 обозначает 2007 г. раскопок, 01 – номер контекста, 267 – номер фрагмента в полевой описи.

⁹ Некоторые экземпляры могут датироваться началом IV в. (300-320/330 гг.) [33, р. 99, fig. 15,19; 38, р. 223-224, fig. 33,1054; 32, р. 76-77].

¹⁰ Штампованный орнамент Стиля А (i) был датирован Дж. Хейсом временем около 320-350 гг. [33, р. 219]. По мнению М. Маккензена, он появился в 340 г. или не раньше чем в течение 30-х гг. IV в. [42, S. 400].

археологически целого сосуда 59В, предположительно изготовленного в Эль-Махрине, с шириной венчика 2,6 см и штампом Стиля А (ii) (5, рис. 4,5), который соответствует Декору I.2/1 (400/420 гг.) [42, S. 192, 194, 433, Abb. 46]. Более того, такие блюда с венчиком, верхняя поверхность которого оформлена двумя лестничными уступами, М. Бонифе выделил в поздний вариант (59С) и датировал первой половиной V в. [28, p. 167, fig. 92].

В Крыму известны находки блюд формы 59А в Инкерманском могильнике [7, с. 24, рис. 13, 1-1а]. Фрагменты сосудов формы 59В найдены в Ольвии [16, с. 79, рис. 2, 3] и Танаисе [26, p. 435, fig. 19,649].

Форма 59А (рис. 4,2; 7,2). Археологически целый профиль блюда формы 59А с шириной венчика 3,0 см (2), с большой степенью вероятности, может принадлежать одному сосуду с фрагментом дна со штампом Стиля А (ii) и комбинацией типов 2/4, 26 и 74 (18, рис. 5,18; 7,18). У этих обломков визуальны идентичны структура и цвет глиняного теста и лака, а также поверхность с крупными выбоинами на внутренней и с более мелкими выемками на внешней стороне. По данным параметрам они отличаются от других найденных в Керчи блюд формы 59А/В и 59В, которые предположительно относятся к продукции мастерских Эль-Махрине [42, S. 317]. Наиболее вероятно производство найденных в Керчи фрагментов 59А со штампом Стиля А (ii) в Удне [28, p.55], о чем свидетельствует близость структуры их глиняного теста и покрытия с фрагментом миски 99 В/С (рис.5,11; 7,11). Кроме Удны (рис.3, группа D2), Эль-Махрине и других мастерских этого района (рис. 3, группа D1), зафиксировано производство ARS 59А в так называемой «мастерской X» (рис. 3, группа D2) [44, p. 143, 145, 147, 149], а также в центральном Тунисе (рис. 3, Henchir es-Srira) [46, p. 76].

Отметим, что профилировка верхней поверхности венчика четырьмя желобками (рис. 4,2) не находит аналогий среди описанных Дж. Хейсом сосудов формы 59А с двумя или тремя желобками или уступами [33, p. 96, fig. 15,1], а также среди соответствующих им блюд El Mahrine 2.1 [42, S. 317, Taf. 52,7,8].

2. Археологически целый профиль сосуда реконструирован из трех фрагментов. Тесто светло-красное (10 R 7/8) с примесью известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слоды?) и железистых частиц. Внутренняя сторона и верхняя часть внешней стороны покрыты блестящим красным лаком (10 R 5/8-4/8) с выбоинами.

Размеры: D=34,0; d=22,0; H=3,2; t=0,5-0,7.

Время и место находки (табл. 1,8-10):

1) 2008 г., Р. 2. Яма 24, заполнение под выбросом печины и керамики (08.131.118).

2) 2008 г., Р. 2. СК-4. Помещение 1, штык 2 (08.94.121).

3) 2008 г., Р. 2. СК-4. Улица, штык 3 (08.114.84).

Форма 59А-В (рис. 4,3; 6,3). Отсутствие тулова не позволяет определить вариант формы, к которому относится рассматриваемый фрагмент сосуда.

Оформление венчика узким желобком у внешнего и уступом у внутреннего края встречается у некоторых блюд формы 59 из Афинской агоры [33, р. 99, fig. 17,19] и из раскопок дворца Диоклетиана в Сплите [32, р. 77, pl. 8,118-119; 9,121,125]. При этом некоторые фрагменты, с сужающимся к краю венчиком, представляют собой наиболее раннюю версию этой формы, а один из них найден в комплексе Афинской агоры начала IV в. (300-330 гг.) [33, р. 99, fig. 15,19; 38, р. 223-224, fig. 33,1054; 32, р. 77, pl. 9,125]. Форма керченского блюда с шириной венчика 2,2 см (3) близка сосуду из комплекса Афинской агоры третьей четверти IV в. с немного скошенным нижним краем [33, р. 100, fig. 15,17; 38, р. 224, fig. 33,1055] и соответствует части формы El Mahrine 2.2 [42, S. 317, Taf. 52,11].

3. Венчик. Тесто светло-красное (2,5 YR 6/8) с примесью известняка, песка, редких железистых частиц. Глянцевый красный лак (2,5 YR 5/8) покрывает всю сохранившуюся поверхность фрагмента.

Размеры: $D=28,0$; $4,1 \times 2,6$; $t=0,6$.

Время и место находки: 2007 г. Р. 1. Участок 1. ЮЗ угол. Слой 3-го горизонта, штык 4 (07.38.47) (табл. 1,2).

Форма 59В (рис. 4,4,5; 6,4,5). Блюда с двумя лестничными уступами на верхней поверхности венчика шириной 2,6 (5) и 3,3 (4) см соответствуют части формы 59В по Дж. Хейсу [33, р. 97, fig. 15,9] и части формы El Mahrine 2.2 по М. Маккензену [42, S. 317, Taf. 52,9,10]. По всей видимости, такое оформление венчика является характерным для более поздних серий формы ARS 59 [32, р. 77, pl. 9,127,128]. М. Бонифе выделил их в отдельный вариант (59С) и в авторский тип 36, который датировал первой половиной V в. [28, р. 167, fig. 92].

На археологически целом блюде с шириной венчика 2,6 см частично сохранился штампованный орнамент Стиля А (ii) около 350-420 гг. по Дж. Хейсу (5, рис. 4,5) [33, р. 218-219]. По всей видимости, от центра сосуда радиально расходились изображения пальмовых листьев. На сохранившемся фрагменте они плохо отпечатались и первоначально были отнесены мною к типу 1 или 3 по Дж. Хейсу с простым центральным ребром [24, с. 150-151, рис. 11,58; 33, р. 229, fig. 38,1,3]. Не исключая возможности такого определения, добавлю, что этот штамп также может принадлежать и типам 2 или 4 по Дж. Хейсу с двойным центральным ребром [33, р. 229, 231, fig. 38,2,4]. Внутри пояса концентрических линий между пальмовыми листьями расположен штамп, условно отнесенный к типу 27 [33, р. 235-236, fig. 40,27]. Он представляет собой четыре вписанные друг в друга окружности с внешним диаметром 1,7 см вокруг небольшого (0,6 см в диаметре) пустого круга в центре, чем отличается от типа 27 с точкой в центре. Наиболее близкий штамп, с таким же диаметром врезных окружностей и с незначительно меньшим пустым кругом в центре (0,5 см) относится к типу 8.5 по М. Маккензену [42, S. 528, Taf. 5,10]. Вместе с пальмовыми листьями типа 4 по Дж. Хейсу [33, р. 229, 231, fig.38,4h-k] или 4.2 по М. Маккензену [42, S. 525, Taf. 3,1-22] в мастерской

Эль-Махрине он встречается на сосуде формы 67 по Дж. Хейсу [42, Таф. 28,1; 33, р. 112-116, fig. 19,1,4-6,9,17,28]. Расположение и набор элементов орнамента аналогичен встреченному в Керчи и соответствует Декору I.2/1 по М. Маккензену [42, S. 192, 194, Abb. 46], который относится к производственному периоду I b/c Эль-Махрине 400/420 гг. [42, S. 300, 433, Tab. 9].

4. Два фрагмента венчика от одного сосуда. Тесто светло-красное (2,5 YR 6/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц. Вся сохранившаяся поверхность покрыта глянцевым красным лаком (2,5 YR 5/8).

Размеры: $D \geq 40,0$; $8,1 \times 6,1$; $t=0,9$; $5,9 \times 2,9$.

Время и место находки (табл. 1,2,3). Один фрагмент венчика был найден в 2007 г. в слое 3-го горизонта (штык 4) на 2 участке раскопа I (07.40.380.л.69). Второй фрагмент венчика с частью тулова восстановлен из двух обломков, найденных в 2009 г. в раскопе 3: в слое 3-го горизонта (штык 6) (09.263.92) и в заполнении цистерны II-4 (09.312.140).

5. Два фрагмента от одного сосуда реконструируют целый профиль блюда с остатками штампованной композиции в Стиле А (ii) с комбинацией типов 1/3 или 2/4 и типа 27. Черепок светло-красный (2,5 YR 6/8) с включениями известняка, песка, железистых частиц, редких мелких блестящих частиц (слоды?). Красный лак (10 R 5/8) с приглушенным блеском и многочисленными мелкими рытвинами на поверхности покрывает внутреннюю сторону и внешнюю сторону до середины тулова.

Размеры: $D=28$; $H=2,6$; $t=0,8$; $8,5 \times 7,4$; $4,7 \times 13,3$.

Время и место находки (табл. 1,3,4). В 2007 г. на раскопе I в заполнении могилы 37 некрополя был найден фрагмент дна со штампом Стиля А (ii) (07.м37.9). В 2009 г. археологические исследования цистерны II-4 выявили еще два фрагмента от этого же сосуда (09.312.139, л.29 и 09.312.139, л.30), один из которых склеился с найденным ранее штампом.

Публикация фрагмента сосуда со штампом: 24, с. 150-151, рис. 11,58.

Форма 61А (рис. 4,6; 6,6)

Плоскодонные блюда с подтреугольным венчиком были выделены Дж. Хейсом в форму 61А и датированы 325-400/420 гг. [33, р. 100, fig. 16,1,13,21; 17,4,7,18]¹¹.

Наиболее ранние экземпляры формы 61А отличались сильно вогнутым внутренним краем [33, р. 106, fig. 16,1; 17,18], скошенным под углом до $60-75^\circ$, и, вероятно, являлись продукцией мастерских центрального и южного Туниса [42, S. 319; 46, р. 76, fig. 11,5]. В Эль-Махрине (рис. 3, группа D1)

¹¹ В дальнейшем верхняя дата была скорректирована Дж. Хейсом до времени около 380 г. или немного позже [35, р. 516]. Дж. Лунд предполагал производство таких сосудов с 290/340 до 410/430 гг. [41, р. 498-499, fig. 6]. Более подробная информация о проблемах датировки формы 61 содержится в работах М. Маккензена [42, S. 401-403] и М. Бонифе [28, р. 167].

зафиксировано производство блюд 61А с венчиком, внешняя поверхность которого эволюционирует от скошенной под углом около 45° до практически вертикальной и вытягивается от 1,0-1,2 до 2,5 см (формы El Mahrine 4.1-4) [42, S. 318-322, Taf. 53,3-9; 54,1-2]. Блюда такой формы изготавливались в различных мастерских северного Туниса [28, p. 171; 42, S. 321, Abb. 123,7,8; 44, p. 145, 147, fig. 2,3; 20,3; 19,8,9; 41, p. 465]. Единственный найденный в Керчи фрагмент венчика сосуда 61А (6), скорее всего, относится к производству Эль-Махрине [42, S. 320, Taf. 53,4-7]. В пользу этого предположения говорят его морфологическая близость блюдам, найденным в этом центре [42, Taf. 53,4,5], и идентичная структура глиняного теста и лакового покрытия с сосудами форм 59А/В (3), 59В (4, 5) и 67А (8) из Керчи.

Подтреугольный венчик фрагмента керченского блюда скошен под углом около 45° , образуя внешнюю плоскость шириной 1,4 см. Его внутренний край слегка вогнут, что создает не выделенную четко западину на внутренней стороне (рис. 4,6). Блюда с таким наклоном являются стандартным вариантом формы 61А по Дж. Хейсу [33, p. 106], а аналогичная профилировка венчика встречается у сосудов №№ 4, 7 и 21 [33, fig. 16,21; 17,4,7]. М. Маккензен по длине внешней скошенной поверхности венчика разделил эти блюда еще на два варианта: форму El Mahrine 4.1 с длиной 1,0-1,2 см [42, S. 319-320, Taf. 53,3], которая соответствует №№ 4 и 21 Дж. Хейса [33, fig. 16,21; 17,4], и форму El Mahrine 4.2 с длиной 1,4-1,6 см при угле наклона $20-45^{\circ}$ [42, S. 320, Taf. 53,4-7], которая соответствует № 7 [33, fig. 17,7]. Отметим только, что сосуды первого варианта имеют более тонкие стенки, но фрагмент формы 4.1 из Эль-Махрине, в отличие от опубликованных Дж. Хейсом, не имеет западины на внутренней стороне [42, Taf. 53,3; 33, fig. 16,21; 17,4]. Наш экземпляр не орнаментирован врезными линиями и по всем признакам аналогичен только части формы El Mahrine 4.2 [42, S. 318-322, Taf. 53,4], производство которой, по мнению М. Маккензена, началось в середине или даже в 40-е гг. IV в. и продолжалось приблизительно до начала V в. [42, S. 402-403]. В комплексах Афинской агоры сосуды формы 61А встречаются во второй половине IV в. [38, p. 224, fig. 33,1060-1063, pl. 53,1059,1061; 54,1063]. В Эль-Махрине бракованное блюдо формы 61А найдено спекшимся вместе с сосудами формы 59В и 67, что дополнительно свидетельствует об одновременном производстве этих форм [42, S. 321, Abb. 42,4; 43,4].

В Северном Причерноморье известны находки фрагментов блюд формы 61А со скошенными под углом около 45° венчиками в Херсонесе [21, с. 230, рис. 4,16], Ольвии [16, с. 79, рис. 2,4,5], Зеноновом Херсонесе [20, с. 407, рис. 1,4]. Некоторые фрагменты краснолаковых сосудов из Фанагории [5, с. 153, 155, рис. 2,6,7] и Херсонеса [10, рис. 5, 10] отличаются от стандартного варианта формы ARS 61А более вогнутым венчиком и могут относиться к раннему этапу ее производства [33, p. 106, fig. 16,1; 17,18] в мастерских центрального Туниса (рис. 3, Henchir es-Srira) [46, p. 76, fig. 11,5].

Нельзя исключать, что венчик рассматриваемого блюда вместе с фрагментом плоского дна (14) могут принадлежать одному сосуду.

6. Венчик. Черепок светло-красный (10 R 6/8) с включениями известняка, песка, железистых частиц и редких мелких блестящих частиц (слюды?). Светло-красный (2,5 YR 6/8) лак, блестящий на внутренней стороне, покрывает всю сохранившуюся с крупными выбоинами поверхность блюда.

Размеры: $D=29$; $t=0,75$; $8,7 \times 3,2$.

Время и место находки: 2009 г. Р. 3. Цистерна II-11 (09.276.83) (табл. 1,16).

Форма 64¹² (рис. 4,7; 7,7)

Плоскодонные блюда с простым венчиком формы 64 датированы Дж. Хейсом первой половиной V в. [33, p. 109-111, fig. 18, 1-5]. Дж. Лунд предполагал их производство с 380/400 до 450/500 гг. [41, p. 503-504, fig. 8]. Всего один фрагмент венчика такого сосуда был найден в заполнении печи № 4 середины VI в. в Удне [27, p. 157, tabl. 1]. Блюда формы 64 могли производиться в ранний период функционирования мастерских Удны с середины – второй половины IV в. [28, p.55], но глиняное тесто найденного в Керчи фрагмента (рис.7,7) несколько отличается от других сосудов этого центра, в частности от миски формы 99 В/С (рис.7,11).

В Северном Причерноморье находки формы 64 известны в Танаисе [26, p. 435, 485, no. 650-651, fig. 19,650-651].

7. Венчик. Тесто песчанистое светло-красное (2,5 YR 6/8) с включениями известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слюды?) и железистых частиц. Вся внутренняя поверхность и верхняя часть внешней стороны покрыты глянцевым светло-красным лаком (2,5 YR 6/8).

Размеры: $D=?$ (31,0-36,0); $t=0,75$; $3,7 \times 2,6$.

Время и место находки: 2007 г. Р. 1. Участок 1. Слой 3-го горизонта (штык 3) (07.11.250) (табл. 1,2).

Форма 67 (рис. 5,8,9; 6,8; 7,9)

Миски с отогнутым двухчастным венчиком формы 67, датированные Дж. Хейсом 360-470 гг. [33, p. 112-116, fig. 19], производились с середины IV до середины V вв. или даже немного позднее [42, S. 404-405; 28, p. 173]. Такие сосуды отличаются большим разнообразием формы венчиков, типология и хронология которых дискуссионны и в настоящее время находятся на стадии разработки [42, S. 325-327, 403-405, Taf. 56,6-9; 57,1-6; 28, p. 171, 173, fig. 92].

В результате исследований 2007-2009 гг. в Босфорском переулке г. Керчи были найдены фрагменты всего двух мисок с двухчастным венчиком (8, 9). У одной из них (8) венчик той же толщины, что и стенки (0,8-0,9 см), а у внешне-

¹² Благодарю К. Домжальского за помощь в определении найденного в Керчи фрагмента венчика формы 64, а также за некоторые другие ценные замечания, которые помогли мне в работе над статьей.

го края имеются один четкий и два более мелких едва различимых желобка (рис. 5,8). Сосуды с такой формой венчика соответствуют части формы E1 Mahrine 9.4 по М. Маккензену [42, S. 325-327, 403-405, Taf. 57,5], варианту 9 (330-450/490 гг.) по Дж. Лунду [41, p. 506, fig. 9] и форме 67A (типу 41A) второй половины IV в. по М. Бонифе [28, p. 171, 173, fig. 92]. Тесто у фрагментов из Керчи песчанистое (рис. 6,8), поверхность шероховатая, в мелких рывтинах с плохой сохранностью красного лака. Скорее всего, эта миска была изготовлена в Эль-Махрине – одном из основных производственных центров формы 67 (рис. 3, группа D1) [42, S. 325-327]. В пользу этого предположения говорит также визуальная идентичность структуры глиняного теста, краснолакового покрытия и обработки поверхности этого сосуда с фрагментами блюда формы 59B со штампом Стиля А (ii) / Декора I.2/1 (5).

Фрагмент второй миски к форме 67 отнесен предположительно, его край не сохранился, и определить вариант не представляется возможным (9, рис. 5,9). Этот сосуд отличается более тонкими стенками (до 0,5 см) и плотным тестом. Блестящий красный лак покрывает внутреннюю поверхность равномерным слоем, без выбоин. Вероятно, эта миска была изготовлена в другом производственном центре (Удна?). Кроме Эль-Махрине, есть данные о производстве сосудов формы 67 и в других мастерских этого района (рис. 3, группа D1, Borj el-Jerbi, Henchir el-Biar) [44, p. 145, 147; 42, S. 26], а также в Удне [27, p. 146] и в так называемой «мастерской X» (рис. 3, группа D2) [44, p. 149].

В Северном Причерноморье находки фрагментов мисок формы 67 известны в Ольвии, хотя вариант венчика со слегка утолщенным подтреугольным краем отличается от формы, найденной в Керчи [16, с. 79, рис. 2,6,7].

8. *Два фрагмента венчика от одного сосуда. Тесто светло-красное (2,5 YR 6/8) с примесью известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слоды?) и железистых частиц. Красный лак с приглушенным блеском (2,5 YR 5/8) покрывает всю сохранившуюся в мелких рывтинах поверхность миски.*

Размеры: D=25,0; t=0,8-0,9; 4,2x1,8; 4,4x4,5.

Время и место находки (табл. 1,2,3):

1) 2007 г. Р. 1. Участок 2. Слой 3-го горизонта (штык 5) (07.43.290.л.121).

2) 2009 г. Р. 3. Цистерна II-4 (09.311.60).

9. *Венчик (сколот). Тесто светло-красное (10 R 7/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц. Поверхность покрыта блестящим красным лаком (10 R 5/8) на внутренней стороне и матовым на венчике с внешней стороны.*

Размеры: t=0,4-0,5; 4,3x2,9.

Время и место находки: 2007 г. Р. 1 Участок 2. Слой 3-го горизонта (штык 4) (07.40.380.л.70) (табл. 1,2).

Форма 91А (рис. 5,10; 7,10)

Миски со свисающей закраиной на внешней стороне широкого венчика, с выступающим внутренним краем и двумя врезными линиями на тулове

формы 91А по Дж. Хейсу [33, p.140-144, fig.26,1-2] соответствуют форме El Mahrine 52.1 [42, S. 361, Taf. 75,1] и типу 49 по М. Бонифе [28, p. 179, fig. 95]. Первоначально Дж. Хейс относил эту форму к середине концу V в. [33, p. 144], в дальнейшем предложив датировать ее появление 370-385 гг. [34, p. 281-282]. Начало изготовления мисок 91А с 400/420 гг. обосновал М. Маккензен [42, S. 431]. М. Бонифе относил сосуды формы 91А к первой половине V в. [28, p. 179], а Дж. Лунд к периоду с 390/400 до 450/480 гг. [41, p. 517-518, fig. 12].

Найденные в Керчи фрагменты миски формы 91А отличаются очень плотным глиняным тестом (10, рис. 7,10), структура которого наиболее близка обломку венчика формы 50В из мастерской центрального Туниса (1, рис. 7,1) [46, p. 70]. В то же время необходимо отметить, что хотя в этом регионе и производили миски с закраиной на венчике [46, p. 62, 70, fig. 2,22; 7,12], их форма отличается от найденного в Керчи сосуда 91А. Производство таких мисок в центральном Тунисе предполагалось некоторыми исследователями [34, p. 280-282; 49, p. 151], но в настоящее время они хорошо известны только в качестве продукции мастерских северного Туниса, в первую очередь, Эль-Махрине (рис. 3, группа D) [28, p. 177, 179; 42, S. 360-361, 430-432; 44, p. 143, 145, 147, 149; 48].

10. Два фрагмента от одного сосуда (венчик и стенка). Тесто красное (10 R 5/8), плотное, с примесью известняка, песка, железистых частиц. Красный лак (10 R 5/8) с приглушенным блеском покрывает только внутреннюю сторону, а на внешней поверхности венчика имеет более темный оттенок (10 R 4/6).

Размеры: D=27,8; t= от 0,35 под венчиком до 0,7 в нижней части сохранившегося фрагмента: 12,1x8,4; 5,3x3,2.

Время и место находки: 2007 г. Р. 1. Слой 2-го горизонта (штук 1-2) (07.01.270.л.97-98) (табл. 1,1).

Форма 99 В/С (рис. 5,11; 7,11)

Миски с клювовидным венчиком Дж. Хейс рассматривал в рамках формы 99, варианты которой (А-С) выделяются по морфологии и соотношению диаметров венчика и дна целых сосудов [33, p. 152-155, fig. 28]. Такие параметры затруднительно использовать для определения фрагментированных профильных частей, что ранее уже отмечалось исследователями [42, S. 344]. М. Маккензен дополнительно выделил два варианта таких мисок: El Mahrine 29.1 с высотой венчика около 1,7-1,9 см, который соответствует форме 99 А/В [42, S. 344, 416, Taf. 67,3-5], и El Mahrine 29.2 с высотой венчика около 1,2-1,5 см, который принадлежит сосудам 99 В/С [42, S. 344, 416, Taf. 67,6-9].

Датировка мисок формы 99 дискуссионная. Их производство, вероятно, началось с последних десятилетий V в. [27, p. 148; 28, p. 181; 42, S. 417] и, по разным мнениям, продолжалось до времени около 580 г. [42, S. 417], 620 г. [33, p. 155] или еще неопределенного периода в VII в. [27, p. 148; 28, p. 181].

Фрагмент найденного в Керчи клювовидного венчика с высотой края 1,4 см (рис. 5,11) принадлежит форме 99 В/С / El Mahrine 29.2, которую М. Маккензен относил к второй третьей четверти VI в. (до 580 г.) [42, S. 344, 416-417, Taf. 67,6-9]. Этим же временем Дж. Хейс датировал производство мисок формы 99В (около 530-580 гг.) [33, p. 155], отмечая изготовление сосудов 99С до начала VII в. (около 560/580-620 гг.) [33, p. 155]. Миски формы 99В М. Бонифе относил ко второй четверти VI – началу VII вв. [28, p. 181], Дж. Лунд – к 450/470-550/610 гг. [41, p. 527, fig. 13], форму 99С М. Бонифе датировал концом VI – VII вв. [28, p. 181], Дж. Лунд периодом около 450/470-620 гг. [41, p. 528, fig. 14].

Основным местом производства всех вариантов мисок формы 99 являются мастерские Удны (рис. 3, группа D2) [27, p. 146-148, fig. 8; 28, p. 55, p. 181; 33, p. 298], хотя сосуды такой формы встречаются и среди продукции других центров, например, в Эль-Махрине (рис. 3, группа D1) [44, p. 143].

В Керчи фрагмент венчика 99В/С вместе с обломком миски формы 10А группы LRC / PhRS был обнаружен в комплексе, который, по предварительным данным, датируется второй половиной VI в. (табл. 1,13).

В Северном Причерноморье миски формы 99 хорошо известны в комплексах Херсонеса до конца VII в. [17, с. 41-42, рис. 20,205-207; 20, с. 409, рис. 2,11,13,14; 9, с. 81, рис. 2; 10, с. 103, рис. 19,5; 38,9; 46,1; 66,13; 77,18; 78,6], встречаются в Ильичевке [22, с. 227, рис. 10,8,9; 20, с. 409, рис. 2,12], Фанагории [5, с. 161, рис. 6,8] и на Мангупе [8, с. 419, рис. 37,5].

II. Венчик. Тесто светло-красное (10 R 6/8) с включениями известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слюды?). Блестящий красный лак (10 R 5/8) покрывает внутреннюю поверхность и с внешней стороны только венчик.

Размеры: D=19,0; t=0,5; 5,2x3,1.

Время и место находки: 2007 г. Р. 1. Заполнение СК-II (штук 3) (07.33.50) (табл. 1,13).

Форма 104А (рис. 5,12; 7,12)

Миски на кольцевом поддоне с валикообразным венчиком формы 104А Дж. Хейс датировал временем около 530-580 гг. [33, p. 160, 166, fig. 29,2; 30,3,13]. В дальнейшем М. Маккензен скорректировал эту дату и на основании анализа материала из Эль-Махрине отнес начало производства таких сосудов к периоду около 450/460 гг. или немного позднее [42, S. 412]. М. Бонифе рассматривал эволюцию формы 104А с конца V до середины VII вв. [28, p. 181, 183, fig. 97], а Дж. Лунд предполагал ее производство в период с 430/460 до 530/550 гг. [41, p. 533-534, fig. 16].

В Керчи найден только один фрагмент дна на кольцевом поддоне сосуда формы 104А, высотой 1,3 см с внутренней стороны и с двумя врезными концентрическими линиями на верхней поверхности (12, рис. 5,12; 7,12). Один из центров производства таких мисок находился в Эль-Махрине (рис. 3, группа D1) [42, S. 346-350, 410-413, Taf. 68,7-11; 69,1-10; 70,1,2; 73,2], где, по моим

предположениям, с большой степенью вероятности могли изготавливаться обнаруженные в Керчи обломки сосудов форм 59А/В (3), 59В (4, 5), 61А (6) и 67 (8). Однако у фрагмента миски 104А тесто немного более грубое, на тон ближе к желтоватому оттенку, блестящий красный лак покрывает только внутреннюю сторону сохранившегося фрагмента, а вся внешняя сторона шероховатая, с мелкими концентрическими линиями, напоминающими следы от гончарного круга. Структура глиняного теста очень близка сосуду формы 104А из «мастерской Х», представленному М. Бонифе на макрофотографии [28, рл. II,13]. Этот производственный центр (“large D2 pottery”) был выявлен М. Маккензеном на основании анализов глиняного теста и штампованного орнамента [43, р. 33-37; 44, р. 149-150, fig. 20,12-21; 21], и его местоположение пока еще точно не локализовано (рис. 3, группа D2).

12. Дно на кольцевом поддоне. Тесто красное (2,5 YR 5/8) с примесью известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слоды?) и железистых частиц. Красный лак (2,5 YR 4/8) покрывает только внутреннюю поверхность. Размеры: $d=?$ (20,0-25,0); $t=0,8$; 9,0x4,5.

Время и место находки: 2008 г., Р. 3. Слой 3-го горизонта (штык 3) (08.103.88) (табл. 1,2).

Сосуды неопределенной формы (рис. 5,13-18)

В 2009 г. в заполнении цистерны II-11 первой половины V в. (табл. 1,16) был найден фрагмент горизонтально отогнутого венчика с двумя концентрическими желобками на верхней поверхности и сколотым краем (рис. 5,13; 7,13). Определить типологическую принадлежность этого обломка затруднительно. Увеличение толщины венчика к краю напоминает оформление края у формы 70 первой половины V в. [33, р. 119, fig. 20,1,7,8], хотя маленький диаметр мисок этой формы (14-21 см) и их слабая распространенность за пределами Туниса [33, р. 119] делают такое определение сомнительным.

Структура песчанистого рыхлого глиняного теста и блестящее лаковое покрытие у рассматриваемого фрагмента ближе всего, хотя и не идентичны, обломку блюда формы 64 (7).

13. Венчик (край сколот). Тесто светло-красное (2,5 YR 7/8) с примесью известняка, песка, редких железистых частиц. Покрывает светло-красным лаком (2,5 YR 6/8) глянцевым на внутренней и матовым на внешней стороне.

Размеры: $D \geq 35,0$; $t=0,5$; 5,0x3,1.

Время и место находки: 2007 г., Р. 1. Участок 1. Слой 3-го горизонта (штык 5) (07.42.162.л.28) (табл. 1,2).

Плоские донья (рис. 5,14-17; 6,14-17) без четкой границы перехода от тулова к дну, с ребром на верхней поверхности и, часто, с одним или несколькими концентрическими желобками на верхней и с небольшой западиной-уступом на нижней стороне. Такая форма дна характерна для форм 59, 61, 62 и 64 группы ARS с общей датировкой в пределах второй половины IV – первой

половины V вв. [33, р. 96, 100, 107, 109, 111, fig. 15,1,9,16,17; 16,30; 17,4,7,11,18,26,33; 18,2,4,15]. К этому же времени относятся, вероятно, и обнаруженные в Керчи фрагменты. Очевидно, что они принадлежат как раз тем формам, которые преобладают среди остальных определенных сосудов.

14. Дно плоское (рис. 5,14; 6,14), восстановлено из 2-х фрагментов. Черепок светло-красный (10 R 6/8) с включениями известняка, песка, железистых частиц и редких мелких блестящих частиц (слюды?). Глянцевый красный лак (10 R 6/8) покрывает внутреннюю сторону, с потеками лака на внешней поверхности.

Размеры: $d=?; 4,1 \times 3,1$.

Возможно, от одного сосуда с фрагментом 61А (6).

Время и место находки: 2009 г. Р. 3. Цистерна II-11 (09.276.84) (табл. 1,16).

15. Дно плоское (рис. 5,15; 6,15). Тесто красное (2,5 YR 6/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц, редких мелких блестящих частиц (слюды?). Красный лак (10 R 5/8) с приглушенным блеском покрывает внутреннюю в рывинах поверхность, с потеком на внешней стороне.

Размеры: $d=?; 3,3 \times 3,6$.

Время и место находки: 2007 г., Р. 1. Участок 2. Слой 3-го горизонта (штук 5) (07.43.290.л.122) (табл. 1,2).

16. Дно плоское (рис. 5,16; 6,16). Тесто светло-красное (10 R 6/8) с включениями известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слюды?) и железистых частиц. Глянцевый красный лак (2,5 YR 5/8) покрывает внутреннюю поверхность, с потеком на внешней стороне.

Размеры: $d=?; 4,0 \times 3,5$.

Время и место находки: 2008 г. СК-IV. Двор. Коричневый суглинок под вымосткой (08.109.159.л.2) (табл. 1,12).

17. Дно плоское (рис. 5,17; 6,17). Тесто светло-красное (2,5 YR 6/8) с включениями известняка, песка, железистых частиц. Красный лак (2,5 YR 5/8) с приглушенным блеском сохранился только на внутренней стороне.

Размеры: $d=?; 4,3 \times 4,5$.

Время и место находки: 2009 г. Р. 3. Цистерна II-10 (09.258.105) (табл. 1,15).

Фрагмент дна сосуда со штампом Стиля А (ii) (рис. 5,18; 7,18). Неполная сохранность штампа затрудняет точное соотнесение элементов орнамента с конкретными типами. Визуальный осмотр сосуда дал возможность уточнить сделанные ранее определения. Выяснилось, что фрагментированное изображение пальмовой ветви, первоначально отнесенной к типам 1/3 [24, с. 150, рис. 11,57], имеет едва различимое двойное центральное ребро и принадлежит типам 2 или 4 по Дж. Хейсу [33, р. 229, 231, fig. 38,2,4]. Орнамент занимает центральную часть сосуда, ограничен двумя двойными врезными концентрическими линиями и относится к Стилю А (ii) 350-420 гг. по Дж. Хейсу [33, р. 219]. От центра сосуда расходятся изображения пальмовых ветвей (типы 2/4) [33, р. 229, 231, fig. 38,2,4]. Между ними расположены тройные вписанные окружности

(диаметром 1,0 см) с точкой в центре (тип 26), которые с внешней стороны заключены в полукруг веткой с центральным ребром (тип 74) [33, р. 235, 243, fig. 40,26; 42,74]. Похожая композиция с двумя вписанными окружностями (тип 24) вместо трех (тип 26) встречается в Эль-Махрине [42, Abb. 60,8], хотя, скорее всего, керченский фрагмент является продукцией другого производственного центра. С большой степенью вероятности он может принадлежать археологически целому сосуду формы 59А (2, рис. 4,2; 7,2) и, предположительно, относится к раннему периоду производства мастерских Удны [28, р.55]. Структура глиняного теста и лакового покрытия рассматриваемого фрагмента (18, рис. 7,18) заметно отличается от характерной для сосудов формы 59А/В (3), 59В (4, 5), 61А (6) и 67 (8), которые предположительно могли быть изготовлены в Эль-Махрине (рис. 6).

18. Стенка с фрагментом штампа Стиля А (ii) с комбинацией типов 2/4, 26, 74. Тесто светло-красное (10 R 7/8) с примесью известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слоды?). Внутренняя поверхность покрыта блестящим красным лаком (10 R 5/8).

Размеры: 4,5x4,3; t=0,6-0,7.

Время и место находки: 2008 г., СК-IV. Помещение I¹³. Нижнее заполнение (штук 4) (08.122.41) (табл. 1,11).

Публикация: 24, с. 150, рис. 11,57.

Неорнаментированные стенки представлены восемью обломками от семи сосудов. Две стенки принадлежат одному сосуду (25).

19. Стенка. Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) с примесью известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слоды?) и железистых частиц. Матовый красный лак (2,5 YR 6/8) покрывает внутреннюю поверхность, с потеками на внешней стороне.

Размеры: 4,0x2,9.

Время и место находки: 2009 г. Р. 3. Цистерна II-10 (09.258.106) (табл. 1,15).

20. Стенка. Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) с примесью известняка, песка, редких мелких блестящих частиц (слоды?) и железистых частиц. Красный лак (2,5 YR 5/8) глянцевый на внутренней поверхности и матовый на внешней стороне.

Размеры: 4,0x2,9.

Время и место находки: 2007 г., Р. 1, участок 1, слой 1, штук 5 (07.42.162.л.29) (табл. 1,2).

---

¹³ При публикации штампов на краснолаковой керамике из раскопок 2007-2008 гг. была указана находка этого фрагмента в нижнем заполнении помещения 2 СК-IV [24, с. 152, табл. 2,8]. После завершения исследований на участке нумерация помещений изменилась. Бывшее помещение 1 теперь рассматривается как часть улицы, а помещение 2 получило номер 1.

21. Стенка. Тесто светло-красноглиняное (10 R 7/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц. Блестящий красный лак (2,5 YR 5/8) покрывает только внутреннюю поверхность.

Размеры: 2,9x2,7.

Время и место находки: 2007 г. Р. 1 Участок 1. Развал керамики около стены 7 (уровень штыка 4) (07.165.51) (табл. 1,5).

22. Стенка. Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц. Красный лак (2,5 YR 5/8) глянцевый на внутренней стороне, с матовым потеком на внешней стороне. Структура глиняного теста и покрытия аналогична фрагменту блюда формы 50B (1).

Размеры: 2,6x2,5; t=0,4.

Время и место находки: 2007 г. СК-III. Двор, второй строительный период (07.181.148) (табл. 1,6).

23. Стенка. Тесто светло-красноглиняное (10 R 6/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц. Красный лак (2,5 YR 5/8) глянцевый на внутренней и матовый на внешней стороне.

Размеры: 2,6x2,2; t=0,5.

Время и место находки: 2007 г. Верхнее заполнение СК-III (зачистка помещения с якорями) (07.209.9) (табл. 1,7).

24. Стенка. Тесто светло-красноглиняное (10 R 6/8) с примесью известняка, песка, железистых частиц. Красный лак (2,5 YR 5/8) глянцевый на внутренней и матовый на внешней стороне.

Размеры: 4,2x3,9; t=0,4.

Время и место находки: 2008 г. Р. 2 СК-4. Двор. Коричневый суглинок под вымосткой (08.109.159.л.1) (табл. 1,12).

25. Две стенки от одного сосуда. Тесто светло-красное (2,5 YR 7/8), с примесью известняка, песка и железистых частиц. Покрываются густым красным лаком (2,5 YR 4/8) на внутренней и частично на внешней стороне.

Размеры: 2,9x2,4; 2,2x2,1.

Время и место находки: 2008 г. Р. 2. «Участок с ямами». Плотный песчаный грунт. Верхний горизонт (=1 штык) (08.137.253.л.170-171) (табл. 1,14).

***

В 2007-2009 гг. в Босфорском переулке г. Керчи были исследованы культурные слои с остатками строительной и хозяйственной деятельности III – VI вв., а также некрополь VII – начала VIII вв. [2; 3; 25]. Краснолаковая керамика ARS встречается только в некоторых из них (табл. 1). Предложенные ниже датировки комплексов носят предварительный характер. В дальнейшем, после обработки всех групп найденного материала и всестороннего анализа стратиграфической ситуации на участке исследований, они могут быть уточнены.

В рамках слоя VI в., материал которого был предварительно охарактеризован в работе, посвященной штампам на ранневизантийской краснолаковой посуде [24, с. 151, табл. 2,3], в настоящее время выделены слои 2-го и 3-го горизонта (табл. 1,1,2). В **слое 2-го горизонта** (табл. 1,1) были впущены могилы некрополя, он содержит также небольшое число находок XIX-XX вв. Керамический материал разновременный, с эллинистического времени до второй половины VI в. Среди краснолаковой керамики наиболее многочисленны находки формы 1 и 7 группы PRS¹⁴, формы 3F группы LRC / PhRS, встречаются единичные фрагменты мисок 10A LRC / PhRS. Сосуды ARS 50B (1) и 91A (10) были найдены в этом слое на участке раскопа 1 вместе с обломками нескольких уже опубликованных штампов группы LRC / PhRS [24, табл. 2,3, №№ 15,16,22,53].

Наибольшее количество краснолаковых сосудов ARS встречается в контекстах **слоя 3-го горизонта** (табл. 1,2). Здесь найдены формы 59 A/B (3), 64 (7), 67? (9), 104A (12), донья и стенки сосудов неопределенных форм (13, 15, 20). Фрагменты блюда ARS 59B (4) и миски ARS 67 (8), обнаруженные в этом слое, происходят от одних сосудов с обломками, найденными в верхнем заполнении рьбозасолочной цистерны II-4 (табл. 1,3). Присутствие амфор типа 99 по Зеест и типа V по АДСВ-71, при большом количестве находок фрагментов краснолаковых мисок формы 3F и 3G LRC / PhRS, позволяет предварительно датировать слой 3-го горизонта в пределах второй четверти – середины VI в.

Один фрагмент стенки краснолакового сосуда ARS (21) был найден в 2007 г. в **скоплении (развале) керамики около стены 7** (табл. 1,5). В этом комплексе также обнаружены обломки блюд формы 1A, 1B и 7 PRS, что позволяет предположить его формирование во второй половине V в. В то же время, пока не ясен характер попадания в развал керамики единичных находок стенок амфор типа 99 по Зеест и типа V по АДСВ-71, производство которых началось около второй четверти VI в.

В заполнении **СК-II** (штывки 1-5) (табл. 1,13) венчик миски ARS 99B/C (11) найден вместе с формой 10A LRC / PhRS, что позволяет датировать слой второй половиной VI в.

Вместе с фрагментами мисок формы 3F LRC / PhRS стенки сосудов ARS

---

¹⁴ Здесь и далее приводятся определения краснолаковой керамики группы LRC / PhRS («Поздний Римский C / Фокейская краснолаковая» или Late Roman C / Phocian Red Slip Ware) по работе Дж. Хейса [33, р. 323-370], группы PRS («Понтийская краснолаковая» или Pontic Red Slip Ware) по классификации К. Домжальского [26, р. 422-428]. Амфоры типа V по АДСВ-71 выделены по херсонесской классификации 1971 г. [4, с. 85, рис. 6], типа 99 по типологии И. Б. Зеест [15, с. 120, табл. XXXIX,99]. Для синопских амфор IV-V вв. приняты названия, предложенные Д. Кассаб-Тезгёр (C Snr I) [39, р. 128-129, 132, pl. 18,1-5] и И. Б. Зеест (тип 100) [15, с. 120, табл. XXXIX,100]. Амфоры LRA 1 определены по карфагенской классификации Дж. Райли [50, р. 120, fig. 14]. При описании сосудов этого типа используется также дробная типология и хронология, разработанная Д. Пьери [47, р. 69-85, pl. 1-22].

встречены в комплексах **СК-III**, сформировавшихся не ранее второй четверти VI в.: во дворе (**22**) (табл. 1,6) и в верхнем заполнении при зачистке помещения с якорями (**23**) (табл. 1,7). Последняя стенка сосуда была обнаружена в одном контексте с обломком штампа в виде креста двойной линией контура мотивов 65/69/70 группы LRC / PhRS [24, с. 149, рис. 10,49].

Фрагменты от одного блюда формы 59A ARS (**2**) были найдены сразу в трех контекстах **СК-IV**, исследованных в 2008 г.: в заполнении ямы 24 в помещении 1 (табл. 1,8), в заполнении помещения 1 (табл. 1,9) и на улице (табл. 1,10). Все они предварительно датируются временем не ранее второй четверти VI в. Еще раз отмечу, что после завершения исследований на участке нумерация помещений и интерпретация строительных остатков комплекса претерпела некоторые изменения. Бывшее помещение 1 теперь рассматривается как часть улицы, а помещение 2 получило номер 1 [24, табл. 2,7,8]. В нижнем заполнении помещения 1 (табл. 1,11) вместе с материалами V в. найден фрагмент сосуда со штампом Стиля А (ii) (**18**) [24, с. 150, 152, №57, табл. 2,8]. Обломки плоского дна (**16**) и стенки (**24**) сосудов ARS, вместе со штампами раннего варианта группы II (LRC / PhRS) по Дж. Хейсу [24, с. 152, №№ 1, 10, табл. 2,6], обнаружены в засыпи первой половины – середины V в. под вымосткой во дворе СК-IV (табл. 1,12).

Две стенки от одного сосуда ARS (**25**) встречены на **участке с ямами** (раскоп 2) в верхнем горизонте слоя песчаного грунта, в котором преобладает сильно фрагментированная керамика III-IV вв. (табл. 1,14). Наиболее поздний материал в слое представлен единичными фрагментами краснолаковых блюд формы 1A и 2 PRS второй половины IV в. [31, р. 77; 26, р. 426], а также обломками амфор LRA 1A, производство которых начинается с конца IV в. [47, р. 70-74, pl. 1-12, fig. 25].

На участке раскопа 3 в 2007 г. был выявлен **рыбозасоленный комплекс** с 16 исследованными цистернами разных размеров. Они использовались до V-VI вв., при этом, если часть цистерн была засыпана еще в первой половине V в., то некоторые продолжали функционировать, по меньшей мере, до второй четверти – середины VI в. Обломки краснолаковых сосудов группы ARS были найдены только в некоторых из них.

В **цистерну II-4** (табл. 1,3) попали фрагменты блюд формы 59B (**4**), 59B со штампом Стиля А (ii) (**5**) и миски формы 67 (**8**). Эти сосуды были разбиты на фрагменты, часть которых найдена при исследовании слоя 3-го горизонта на этом и соседнем участке (табл. 1,2) и в заполнении могилы 37 (табл. 1,4). В заполнении цистерны II-4 встречаются амфоры типа LRA 1A конца IV – V вв. [47, р. 70-74, pl. 1-12, fig. 25] и типа Е по Шелову, преобладают амфоры типа C Snr I по Д. Кассаб-Тезгёр (тип 100 по Зеест) (около 20%). Среди краснолаковой керамики доминируют сосуды группы PRS, включая обломки сосудов формы 1 (варианты 1A, 1A/B и 1B), 3, 4 и один венчик формы 7 середины V –

начала VI вв. [26, р. 427]. В заполнении присутствуют также несколько фрагментов мисок группы LRC / PhRS, в том числе формы 2B и раннего варианта формы 3, аналогичного найденному в комплексе Константинополя второй четверти V в. [36, р. 94, Дер. 13.1, fig. 32,1]. Таким образом, цистерна П-4, по всей видимости, была засыпана около середины V в.

Вероятно, в это же время или немного раньше перестала функционировать **цистерна П-11** (табл. 1,16), где фрагмент блюда ARS 61A (6) и обломок плоского дна (14), возможно, от одного сосуда, были найдены вместе с формой 1 A/B группы PRS.

Фрагменты плоского дна (17) и стенки (19) сосуда ARS происходят из заполнения **цистерны П-10** второй четверти – середины VI в. (табл. 1,15), в засыпи которой преобладают амфоры типов 99 по Зеест и типа V по АДСВ-71. Среди краснолаковой керамики доминируют сосуды группы LRC / PhRS, в основном, формы 3F и 3G.

Краснолаковая керамика группы ARS на участке исследований в Босфорском переулке г. Керчи появляется в комплексах с конца IV в., и только один фрагмент от расколовшейся на несколько частей миски ARS 59B (5) во время функционирования некрополя вместе с перемещенным грунтом попал в заполнение могилы VII в. (табл. 1,4). Основная часть краснолаковых сосудов группы ARS (1, 2, 3, 7, 9, 10, 13, 15, 17, 22, 23) найдена в качестве примеси материала более раннего времени в комплексах VI в. (табл. 1). Обломки сосудов ARS 59B и 67 (4, 8) происходят из разных комплексов, причем фрагменты из слоя 3-го горизонта второй четверти – середины VI в. найдены в качестве примеси материала более раннего времени, а в засыпи цистерны П-4 они могут считаться одними из датирующих для этого комплекса. Такая же ситуация с обстоятельствами находки археологически целого блюда 59B со штампом Стиля А (ii) (5). Часть фрагментов была найдена в заполнении цистерны П-4, а обломок штампа вместе с перемещенным грунтом оказался в могиле 37. Вероятно, после того как цистерна была засыпана около середины V в., ее верхнее заполнение было нарушено в результате последующей жизнедеятельности на этом участке во второй половине V – VI вв., а также при сооружении могил некрополя в VII – начале VIII вв.

Датирующее значение для комплексов первой половины и около середины V в. (табл. 1,12,16) имеют четыре фрагмента сосудов ARS, в том числе венчик блюда 61A (6, 14, 16, 24), для слоя второй четверти – середины VI в. (табл. 1,2) – обломок миски 104A (12), а для комплекса второй половины VI в. (табл. 1,13) – венчик миски 99B/C (11).

Фрагмент сосуда с остатками штампа Стиля А (ii) с комбинацией типов 2/4, 26, 74 (18) был найден в слое, который предварительно датируется достаточно широко в пределах V в. (табл. 1,11), а еще несколько фрагментов стенок

(19, 20, 21, 25), обнаруженных в комплексах с V до первой половины VI вв. (табл. 1,2,5,14,15), удалось датировать только широко в рамках IV – VII вв.

Как мы можем наблюдать в таблице 1, абсолютное большинство найденных сосудов ARS поступило на Боспор в период со второй половины - конца IV до середины V вв. Если не учитывать неорнаментированные обломки стенок (19-25), узкая датировка которых достаточно проблематична, то к этому периоду относится 14 фрагментов сосудов из 16 (1-10, 13-18). И только два фрагмента мисок ARS 99B/C (11) и 104A (12) были импортированы в VI в.

Противоположная ситуация наблюдается на примере амфорного материала. В комплексах Босфорского переулка г. Керчи североафриканские амфоры из различных производственных центров также встречаются в незначительном количестве. Большинство из них (около $\frac{3}{4}$ определенных профильных частей) было произведено в период со второй половины V до конца VI – начала VII вв. При этом наиболее многочисленными являются обломки амфор типа Keay 8B [40, p. 126-129, fig. 47,3,4; 48,1-3] второй половины V – первой трети / первой половины VI вв. [28, p. 132, fig. 71,5-8, tab. IV], в том числе найденные в керченских комплексах второй половины V в.

Неравномерное поступление краснолаковой посуды и амфор североафриканского производства на Боспор во второй половине – конце IV–VI вв., выявленное на основании анализа керамического материала из раскопок в Босфорском переулке г. Керчи, характерно для всего Восточного Средиземноморья и Причерноморья. Это обусловлено, в первую очередь, разным функциональным назначением рассматриваемых изделий. Амфоры служили для транспортировки различных продуктов на большие расстояния. В Причерноморье из Северной Африки в амфорах доставлялось преимущественно оливковое масло, возможно, вино [28, tab. IV; 29, p. 575]. Их небольшое количество в Восточном Средиземноморье может объясняться слабым спросом на продукцию этого региона [29, p. 575].

Основные тенденции распространения североафриканской краснолаковой посуды в Восточном Средиземноморье прослежены в работах Ж.-П. Содини [51] и М. Бонифе [29]. Керамика группы ARS, главным образом из мастерских северного Туниса (рис. 3, группа D1), достигает наибольшего распространения в этом регионе во второй половине IV – начале V вв. [51, p. 188; 29, p. 571]. Она доставлялась, по всей видимости, морским путем вдоль южного побережья Пелопоннеса [29, p. 571]. В конце первой половины V в. объемы поставок ARS сильно сокращаются, и во второй половине V в. они практически прекращаются. В этот период в Восточном Средиземноморье начинает доминировать фокейская керамика группы LRC / PhRS. С VI в. импорт ARS, преимущественно из центров северного Туниса (рис. 3, группа D2), в этот регион возобновляется, при сохранении доминирующих позиций краснолаковой керамики фокейского производства [51, p. 188; 29, p. 568-570].

Краснолаковая керамика *ARS* сама являлась товаром и вместе с другими североафриканскими товарами распространялась, по всей видимости, в качестве дополнительного продукта. Существует предположение, высказанное несколькими авторами и развитое М. Бонифе, что посуда *ARS* могла перевозиться на кораблях с грузами зерна. В таком случае резкое увеличение ее импорта в Восточное Средиземноморье во второй половине IV в. могло быть связано с ростом потребностей региона в зерне, вследствие основания Константинополя. С установлением господства вандалов в Африке (439 г.) прекратились обязательные и массовые поставки зерна на восток империи, что, возможно, привело также к резкому сокращению импорта *ARS* в этот регион. Однако торговые связи с Северной Африкой не прерывались полностью, и некоторые продукты в амфорной таре продолжали экспортироваться [29, р. 576-577].

Керамические комплексы Причерноморья имеют ряд региональных особенностей. На северное побережье Эгейского моря и до Константинополя керамика *ARS* прибывает уже в меньшем количестве, а в бассейне Черного моря она встречается редко [51, р. 188]. Достоверная общая картина распространения ранневизантийской краснолаковой керамики из различных производственных центров в Причерноморье в динамике впервые была обозначена в работах К. Домжальского [30; 26, р. 424, 429, 434]. По его наблюдениям, посуда группы *PRS* доминирует во второй половине IV – середине V вв. [26, р. 422-428], а с середины – конца V в. преобладает керамика группы *LRC / PhRS* [26, р. 429]. При этом сосуды *ARS* поставлялись в причерноморский регион в стабильно небольшом количестве и, вероятно, не напрямую. Например, в Танаисе они составили только 1% всей краснолаковой керамики конца IV – первой половины V вв. [26, р. 434]. На исследованном участке в Босфорском переулке г. Керчи этот показатель оказался таким же незначительным. Только около 0,5% всей краснолаковой посуды¹⁵ принадлежит группе *ARS*. Тем не менее, соотношение форм краснолаковой керамики *ARS* на Боспоре соответствует общим колебаниям поставок североафриканской продукции в Восточное Средиземноморье во второй половине / конце IV – первой половине VI вв.

Во второй четверти VI в. импорт *ARS* в Причерноморье увеличивается. Эта тенденция может быть прослежена на материале Константинополя, где керамика этой группы с середины VI в. составляет, по меньшей мере, 25% всей краснолаковой посуды [36, р. 7]. Находки поздних форм *ARS* в комплексах Херсонеса второй четверти VI – VII вв. немногочисленны, но встречаются регулярно [10, табл. 3-5]. В то же время наши раскопки в Керчи не выявили сосудов *ARS*, производство которых могло бы датироваться второй половиной VI – VII вв. (табл. 1). Плохая сохранность миски с клювовидным венчиком

---

¹⁵ Учитывались все найденные за годы исследований фрагменты краснолаковых сосудов *ARS*, включая как профильные части, так и обломки стенок.

99В/С (11), найденной в комплексе второй половины VI в., не позволяет точно определить вариант этой формы, а также датировать сам фрагмент и время его доставки на Боспор точнее, чем периодом с 530 до 580/620 гг. (табл. 1,13). Немногочисленные фрагменты мисок формы 10А LRC / PhRS, производство которых началось в середине VI в. [37, р. 15], остаются пока наиболее поздними известными мне краснолаковыми сосудами, найденными на участке исследований.

Керамика группы ARS, очевидно, доставлялась на Боспор при посредничестве Константинополя. Анализ североафриканских амфор и краснолаковой керамики второй половины IV – первой половины VI вв. из раскопок в Босфорском переулке г. Керчи позволяет говорить о соответствии динамики колебаний импорта североафриканских товаров на Боспор особенностям их распространения в Восточном Средиземноморье. Причерноморская торговля отличается лишь сравнительно небольшими объемами поступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А. Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria. Керчь, 2008.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 гг. // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
4. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
5. Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV-VI вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2.
6. Беляев С.А. К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н.э. из Херсонеса и Керчи // КСИА. 1972. Вып. 130.
7. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. Київ, 1963. Т. XIII.
8. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
9. Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
10. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
11. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в северном районе Херсонеса // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2000. Вып. IX.
12. Домжалский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. 1998. Вып. 102.
13. Журавлев Д.В. Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных горо-

- дов Северного Причерноморья. Международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. Тез. докл. СПб., 1999.
14. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв. Каталог коллекции. СПб., 2006.
  15. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
  16. Крапивина В.В., Домжалский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008.
  17. Романчук А.И., Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Свердловск, 1991. Ч. 1.
  18. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
  19. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
  20. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
  21. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // ПИФК. Москва – Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
  22. Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // Древности Боспора. М., 2000. Вып. 3.
  23. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
  24. Смокотина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
  25. Смокотина А.В. Керамика группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Керчи в 2007-2008 гг. // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
  26. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8.
  27. Barraud D., Bonifay M., Dridi F., Pichonneau J.-F. L'industrie céramique de l'Antiquité tardive // Oudhna (Uthina): La redécouverte d'une ville antique de Tunisie. Bordeaux – Paris – Tunis, 1998.
  28. Bonifay M. Études sur la céramique romaine tardive d'Afrique. BAR S1301. Oxford, 2004.
  29. Bonifay M. Observations sur la diffusion des céramiques africaines en Méditerranée orientale durant l'antiquité tardive // Travaux et mémoires. Mélanges J.-P. Sodini. Paris, 2005. 15.
  30. Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporean kingdom // Rei Cretarum Romane Favtorum Acta. 2000. 36.
  31. Domzalski K. La céramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium II. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site. BAR. IS 1721-II. Oxford, 2007.
  32. Dvorzak Schrunk I. The Red Slip Wares // Diocletian's Palace. American-Yugoslav Joint Excavations. Minneapolis, 1989. Vol. 5.
  33. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
  34. Hayes J.W. North African flanged bowls: a problem in fifth-century chronology // Roman Pottery Studies in Britain and Beyond. BAR. S30. Oxford, 1977.
  35. Hayes J.W. A Supplement to "Late Roman Pottery". London, 1980.

36. Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2.
37. Hayes J.W. Introduction. The study of Roman pottery in the Mediterranean: 23 years after Late Roman Pottery // *Ceramica in Italia: VI-VII secolo*. 1998.
38. Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports // *The Athenian Agora*. Princeton, 2008. Vol. XXXII.
39. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // *Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope*. Ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2010.
40. Keay S.J. Late roman amphorae in the Western Mediterranean. BAR. IS 196 (i). London, 1984.
41. Lund J. Hellenistic, Roman and Late Roman Fine Wares from the Segermes Valley – Forms and Chronology // *Africa Proconsularis. Regional Studies in the Segermes Valley of Northern Tunisia. Volume II. Pottery, Numismatics and the Antiquarian Data. Part III. Studies in Pottery and Numismatics*. Copenhagen, 1995.
42. Mackensen M. Die spätantiken Sigillata- und Lampentöpfereien von El Mahrine (Nordtunesien): Studien zur nordafrikanischen Feinkeramik des 4. bis 7. Jahrhunderts. München, 1993.
43. Mackensen M. Centres of African red slip ware production in Tunisia from the late 5th to the 7th century // *Ceramica in Italia: VI-VII secolo*. 1998.
44. Mackensen M., Schneider G. Production centres of African red slip ware (3rd-7th c.) in northern and central Tunisia: archaeological provenance and reference groups based on chemical analysis // *Journal of Roman Archaeology*. 2002. Vol. 15.
45. Munsell A.N. Soil Color Charts. New York, 2000.
46. Peacock D.P.S., Bejaoui F., Ben Lazreg N. Roman pottery production in central Tunisia // *Journal of Roman Archaeology*. 1990. Vol. 3.
47. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V^e–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
48. Quaresma J.C. Le type Hayes 91A et B: problématique de sa production au sein de la sigillée africaine D // *Société Française d'Etude de la Céramique Antique en Gaule*. 2008.
49. Reynolds P. Trade in the Western Mediterranean, AD 400-700: The ceramic evidence. BAR IS 604. Oxford, 1995.
50. Riley J.A. The pottery from the cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // *Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan*. 1981. Vol. VI.
51. Sodini J.-P. Productions et échanges dans le monde protobyzantin (IVe-VIIe s.): le cas de la céramique // *Byzanz als Raum. Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes*. Wien, 2000.
52. Waage F.O. Hellenistic and Roman Tableware of North Syria // *Antioch-on-the-Orontes*. IV. Part one. Ceramics and Islamic coin. Princeton, 1948.

Смокотина А. В.

Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи

Резюме

Статья посвящена публикации керамики группы African Red Slip Ware (ARS) из раскопок 2007-2009 гг. в Босфорском переулке г. Керчи. Такая посуда производилась на территории современного Туниса. Во второй половине IV – VI вв. в небольшом количестве (32 фрагмента, около 0,5% всей краснолаковой керамики) она доставлялась на Боспор. В результате исследований найдены фрагменты сосудов формы 50B, 59A, 59A/B, 59B, 59B со штампом Стиля А (ii), 61A, 64, 67, 91A, 99B/C и 104A и неопределенной формы со штампом Стиля А (ii). Абсолютное большинство сосудов поступило в город в период с второй половины IV до середины V в., и только два фрагмента относятся к VI в. Анализ североафриканских амфор и краснолаковой керамики второй половины IV – первой половины VI вв. из раскопок в г. Керчи позволяет говорить о полном соответствии динамики колебаний импорта североафриканских товаров на Боспор особенностям их распространения в Восточном Средиземноморье. Причерноморская торговля отличается лишь сравнительно небольшими объемами таких поступлений.

Смокотина Г. В.

Кераміка групи «Африканська червонолакова» з розкопок в Керчі

Резюме

Статтю присвячено публікації кераміки групи African Red Slip Ware (ARS) з розкопок 2007-2009 рр. в Босфорському провулку м. Керчі. Такий посуд вироблявся на території сучасного Тунісу. У другій половині IV – VI ст. у невеликій кількості (32 фрагменти, близько 0,5% всієї червонолакової кераміки) він доставлявся на Боспор. В результаті досліджень знайдені фрагменти судин форми 50B, 59A, 59A/B, 59B, 59B зі штампом Стилю А, 61A, 64, 67, 91A, 99B/C і 104A та невизначеної форми зі штампом Стилю А (ii). Абсолютна більшість посудин потрапила до міста в період з другої половини IV до середини V ст., і тільки два фрагменти відносяться до VI ст. Аналіз північноафриканських амфор і червонолакової кераміки другої половини IV – першої половини VI ст. з розкопок у м. Керчі дозволяє говорити про повну відповідність динаміки коливань імпорту північноафриканських товарів до Боспору особливостям їхнього поширення в Східному Середземномор'ї. Причорноморська торгівля відрізняється лише порівняно невеликими обсягами таких надходжень.

Smokotina A. V.

African Red Slip Wares from Excavation in Kerch**Summary**

The article is devoted to the publication of African Red Slip Wares (ARS) from the excavations in Bosphorus lane in the city of Kerch in 2007-2009. As a result of research fragments of vessels of form 50B, 59A, 59A/B, 59B, 59B with the stamp of Style A (ii) with combination of types 1/3 (or 2/4) and 27, form 61A, 64, 67, 91A, 99B/C and 104A and undetermined form with the Style A (ii) stamp with the combination of types 2/4, 26 and 74 were found. Visual examination of vessels ARS found in Kerch enabled to observe the structure of its clay fabric and varnish; some assumptions are made concerning probable manufacturing centers.

During excavations cultural layers with remnants of building and household activities dating to the 3rd - 6th centuries as well as necropolis of the 7th – the beginning of the 8th centuries were investigated. Red slip ware of group ARS appears in complexes since the end of the 4th century and only one fragment of bowl ARS 59B with remains of the stamp during the period of cemeteries functioning appeared with removed soil in the filling of the grave dated to the 7th century (table 1). Absolute majority of ARS vessels came to Bosphorus in the period from the second half of the 4th century till the mid-5th century and only two fragments of ARS bowls 99B/C and 104A are dated back to the 6th century. Quite opposite situation is observed on the example of amphorae material. The majority of North-African amphorae (approximately $\frac{3}{4}$ of definite profile parts) were manufactured in the period from the second half of the 5th century till the end of the 6th – the beginning of the 7th centuries. Herewith the most numerous are fragments of amphorae of type Keay 8B of the second half of the 5th – the first third/first half of the 6th centuries.

Ceramics of ARS group, obviously, was delivered to Bosphorus not directly but through Constantinople. On the investigated part only 0.5% of all red slip wares belongs to group ARS. Nevertheless, correlation of forms ARS on Bosphorus corresponds to general fluctuations of deliveries of North-African production to the Eastern Mediterranean in the second half of the 4th – the first half of the 6th centuries. In the second quarter of the 6th century the import of ARS in the Black Sea Region is increasing. It can be traced back most vividly on Constantinople material where the ceramics of this group takes at least 25% of all red slip wares since the mid-6th century. Finds of later ARS forms in Chersonesos complexes of the second quarter of the 6th – 7th centuries are not numerous but are met regularly. At the same time our excavations in Kerch did not revealed ARS vessels that could be dated by the period of the second half of the 6th – 7th centuries (table 1). Few fragments of bowls of forms 10A LRC/PhRS, the manufacture of which began in the mid-6th century, are the latest red slip vessels found on the site of research.

Таблица 1. Предварительная датировка контекстов с находками краснолаковой керамики группы ARS

№	Место находки	Предварительная дата контекста	№ по кат.	Форма/ Стиль по Дж. Хейсу	Дата сосуда
1	2007-2008 гг., слой 2-го горизонта	вторая половина VI в. (+XIX-XX вв.)	1	50B	350-400/420
			10	91A	400/420-450
2	2007-2009 гг., слой 3-го горизонта	вторая четверть-середина VI в.	3	59A/B	330-375/420
			7	64	400-450
			9	67 (?)	350/360-470
			12	104A	450/460 (конец V в.?) – 580 (сер. VII в.?)
			13	–	300-450 (?)
			15	–	300/350-450
			20	–	IV-VII вв.
			4; 8	4 - 59B 8 - 67	400-420/450 350/360-400/470
3	2009 г., цистерна II-4	около середины V в.	5	59B / Стиль А (ii) с комбинацией типов 1/3 или 2/4 и типа 27	400-420
4	2007 г., некрополь, могила 37	VII – начало VIII вв.			
5	2007 г., развал керамики около стены 7	вторая половина V в. (+первая половина VI в.?)	21	–	IV-VII вв.
6	2007 г., СК-III. Двор, второй строительный период	не ранее второй четверти VI в.	22	–	IV-V вв.
7	2007 г., верхнее заполнение СК-III (зачистка помещения с якорями)	не ранее второй четверти VI в.	23	–	IV-V вв.
8	2008 г. Яма 24	не ранее второй четверти VI в.	2	59A	350-400/450
9	2008 г., СК- IV. Помещение 1, штык 2				
10	2008 г., СК- IV. Улица, штык 3				
11	2008 г., СК- IV, помещение 1, нижнее заполнение	V в.	18	Стиль А (ii) с комбинацией типов 2/4, 26, 74	350-420

12	2008 г., СК-IV. Двор, коричневый суглинок под вымошкой	около середины V в.	16	–	300/350-450
			24	–	IV-V вв.
13	2007 г., заполнение СК-II	вторая половина VI в.	11	99B/C	530-580/620
14	2008 г., «участок с ямами». Верхний горизонт	вторая половина / конец IV – начало V вв.	25	–	–
15	2009 г., цистерна II-10	вторая четверть- середина VI в.	17	–	300/350-450
			19	–	IV-VII вв.
16	2009 г., цистерна II-11	первая половина V в.	6	61A	340/350-400/420
			14	–	300/350-450

Рис. 1. План-схема расположения раскопа в Босфорском переулке г. Керчи (Боспор). 1 – участок исследований 2007-2009 гг.

Рис. 2. План-схема вероятного пути поступления керамики группы ARS на Боспор.

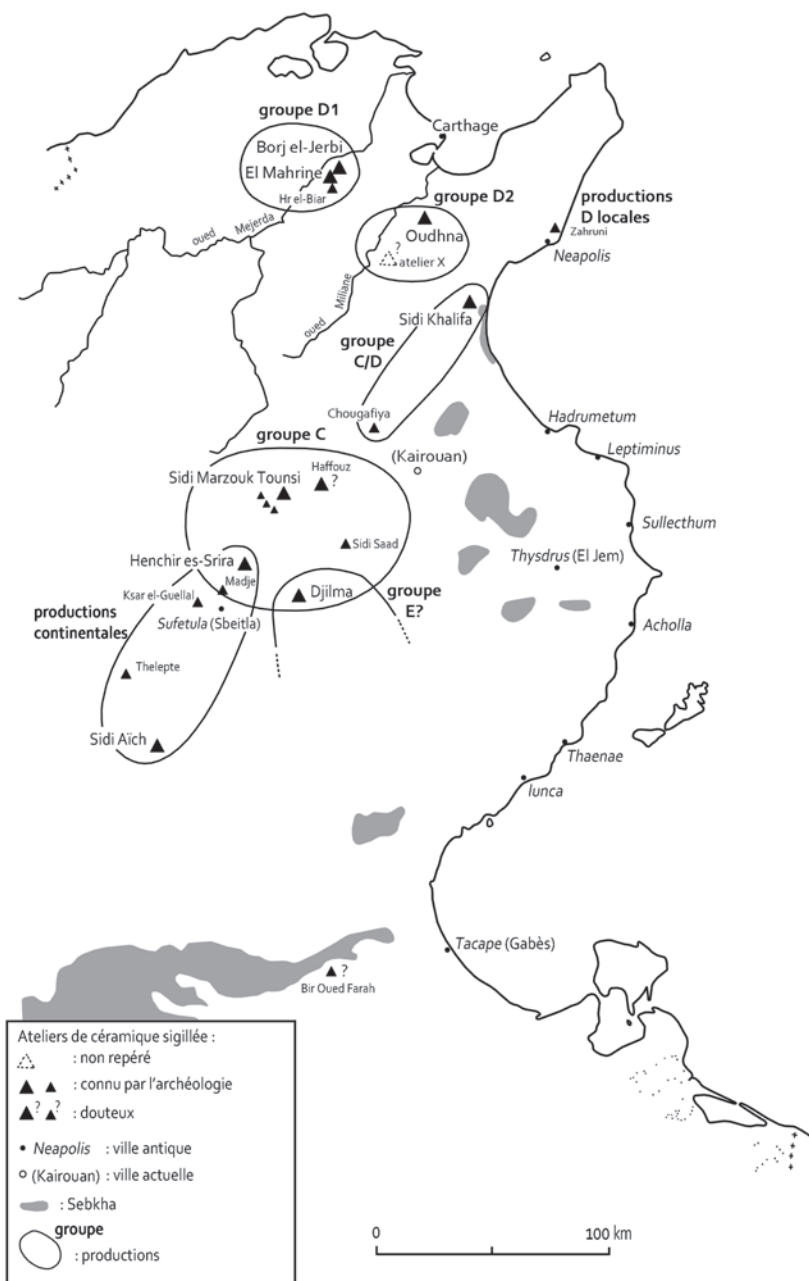
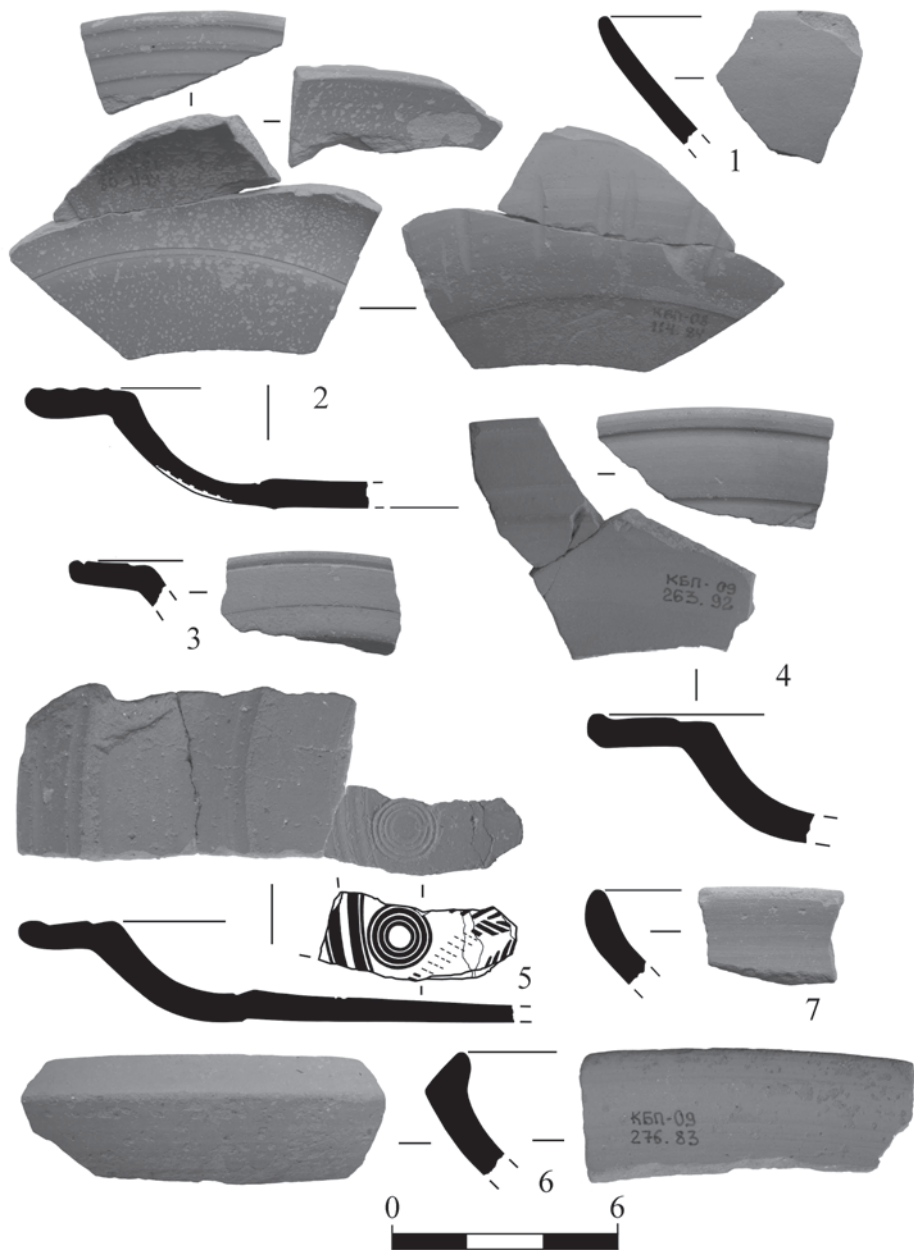
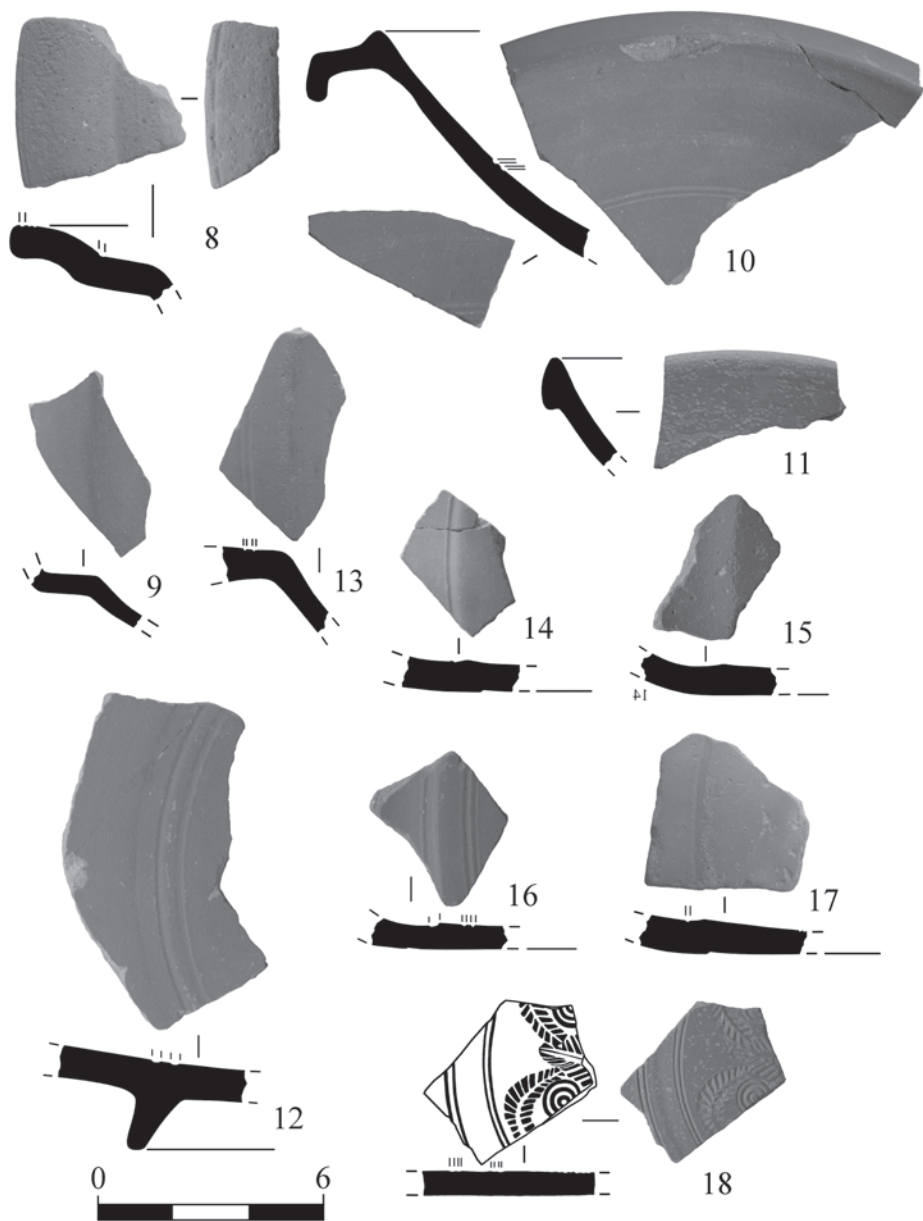

Рис. 3. Карта основных мастерских краснолаковой керамики, известных в Тунисе (по М. Бонифе [28, fig. 22]).

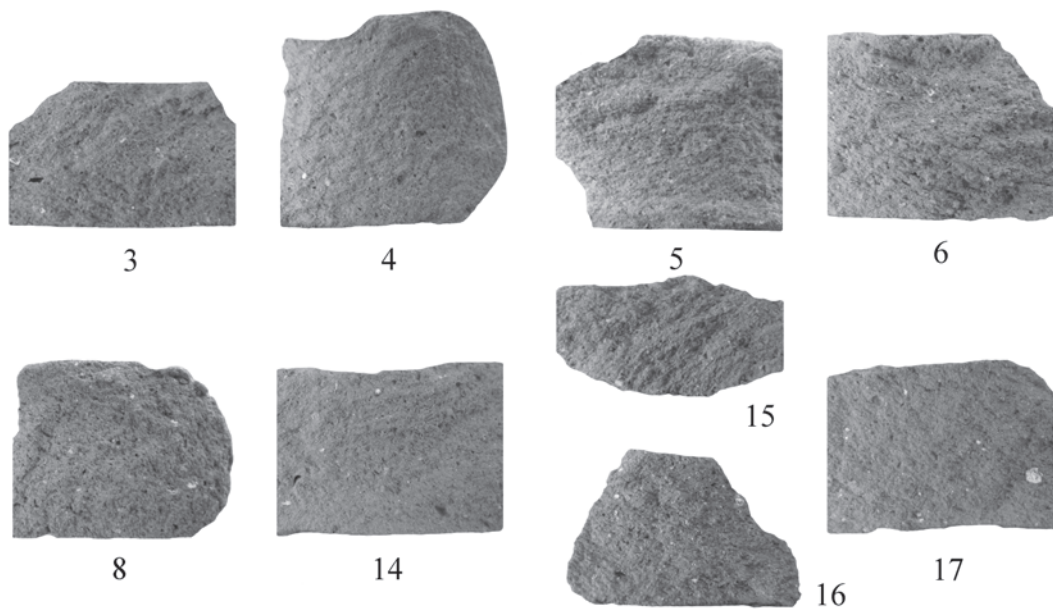

Рис. 4. Формы краснолаковой керамики группы ARS из Керчи.
1 – 50В, 2 – 59А, 3 – 59А/В, 4 – 59В, 5 – 59В со штампом А(ii), 6 – 61А, 7 – 64.

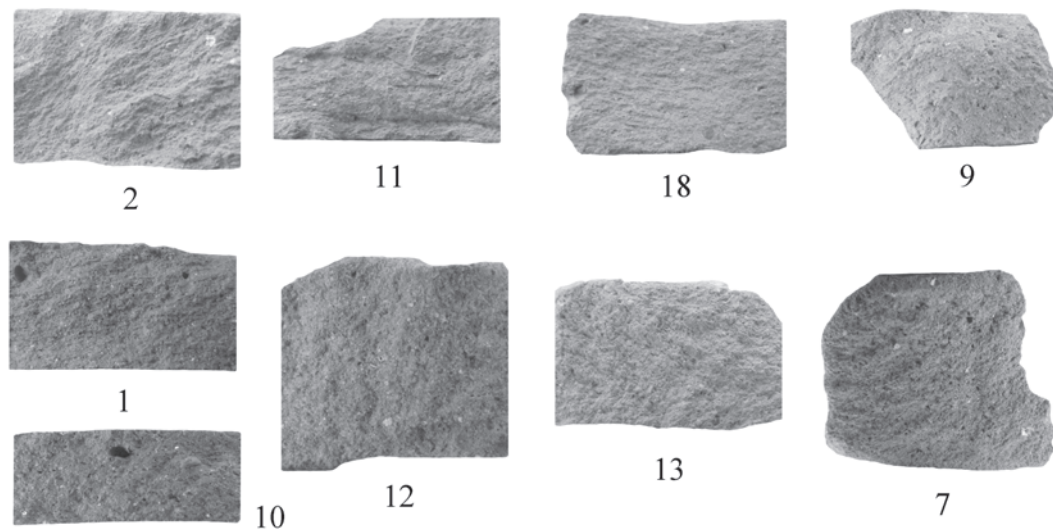

Рис. 5. Формы краснолаковой керамики группы ARS из Керчи.
 8 – 67, 9 – 67(?), 10 – 91A, 11 – 99B/C, 12 – 104A, 13 – 57/58/70(?), 14–17 – неопределенные,
 18 – неопределенная со штампом Стиля А(ii).

Рис. 6. Краснолаковая керамика группы ARS из Керчи. Макрофотографии глиняного теста №№ кат. 3-6, 8, 14-17 (1:3).

Рис. 7. Краснолаковая керамика группы ARS из Керчи. Макрофотографии глиняного теста №№ кат. 1, 2, 7, 9-13, 18 (1:3).

Л. А. ГОЛОФАСТ, С. Г. РЫЖОВ

СЕВЕРНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ (кварталы VIII и IX)

Херсонес принадлежит к числу немногих византийских памятников, предоставляющих возможность проводить полномасштабные археологические исследования по всей площади городища. В ходе многолетних систематических раскопок, которые ведутся здесь с 1888 года, накоплен значительный объем материала, позволяющий получить разностороннее представление о жизни провинциального византийского города. Однако разные периоды его истории представлены не равноценным по качеству и объему материалом, что связано, прежде всего, с тем, что при каждом новом строительстве остатки зданий и культурные отложения предшествующего времени сносились. В результате от ранних периодов жизни города в большинстве случаев сохранились лишь остатки культурных слоев, разрозненные плохо сохранившиеся стены и, в лучшем случае, нивелировочные насыпи и заполнения цистерн и колодцев. В полной мере это относится к ранневизантийскому периоду, представленному редкими линзами культурного слоя, материалом из насыпи цистерн и колодцев и храмами, значительная часть которых функционировала, хотя и в перестроенном виде, до конца жизни города. Но даже этот материал изучен крайне неравномерно. Если храмы всегда привлекали внимание исследователей, и им посвящено множество работ, то массовый материал изучен крайне фрагментарно. Как правило, речь идет об отдельных группах находок или комплексах, а выбор объекта публикации в большинстве случаев носит случайный характер и определяется интересами исследователя. Однако чтобы получить объемную картину жизни ранневизантийского Херсонеса, насколько, естественно, это позволяют имеющаяся на сегодняшний день степень изученности городища и характер сохранившегося материала, необходимо собрать и проанализировать весь объем полученной в ходе раскопок информации. Целесообразнее это делать по районам, которые складывались исторически и, хотя не имеют четко установленных границ, представляют собой определенную целостность.

В предлагаемой работе рассматривается ранневизантийский материал из раскопок двух кварталов – VIII и IX – Северного района Херсонеса, расположенного к западу от комплекса кафедрального собора (рис. 1).

КВАРТАЛ IX

Квартал IX ограничен с северной стороны обрывистым, частично обрушившимся берегом, с восточной и западной – соответственно, VI и VIII поперечными улицами и с южной – II продольной улицей (рис. 2). Его раскопки были начаты в 1893 году К. К. Косцюшко-Валюжиничем, открывшим «базилику, две часовни и большое здание с уцелевшим подвальным этажом» [1, с. 53], и продолжены в 1981-1983 гг. В ходе последних работ были доследованы базилика, баня и раскопана незатронутая К. К. Косцюшко-Валюжиничем часть квартала.

Как и на других участках Северного района, все строительные остатки ранних периодов здесь были разобраны еще в древности, и усадьбы, расположенные вдоль VI поперечной и II продольной улиц, относятся к XII-XIII вв. Однако, на отдельных участках квартала под ними видны фундаменты эллинистических домов, сложенные из мелкого бутового камня на глине, на который укладывался ложковый ряд из рустованных блоков.

Базилика. После раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича базилика была подробно описана Д. В. Айналовым [2, с. 27-28]. Однако доследование 1981 года в значительной степени дополнило и уточнило имеющуюся информацию.

Базилика трехнефная, с пятигранной апсидой и ровными плечиками. Стены храма, описанные еще Д. В. Айналовым, сложены «из притесанных и положенных довольно правильными рядами камней, по преимуществу кубовой формы на цемянке». Кроме того, Д. В. Айналов отмечает наличие в кладке пяти вторично использованных архитектурных деталей: простых плит, части известнякового пилястра и плиты с закругленными углами и двумя полочками, взятых, по всей видимости, из цоколя античных сооружений. Порог сделан из большой известняковой плиты. Наличие четырех рядов кирпичей, особенно хорошо сохранившихся в стене южного нефа, свидетельствует о том, что базилика была сложена в технике *opus mixtum* [2, с. 27]. Отмеченные исследователем 4 ряда кирпичей в кладке стены южного нефа сохранились к моменту доследования базилики в 1981 году. Они располагаются на высоте 1,75 м от скалы, размеры плинфы – 30x30x3 см, толщина раствора между рядами – 7 см.

К сожалению, судить о времени строительства базилики по археологическим данным невозможно, т.к. все слои и строительные остатки, предшествующие ее появлению, были снесены, и стоит она на остатках дома IV-III вв. до н.э., в одном из помещений которого располагалась мастерская короласта. Слой этого времени сохранился хорошо и содержал большое количество фрагментов чернолаковой посуды, терракот, 8 грузил, черепицу и фрагменты тарной керамики.

Ко второму строительному периоду относится перестройка южного нефа базилики. В это время появляется полукруглая апсида, «грубо прилаженная к южному плечу базилики, в котором сделан проем для образования прохода в названную апсиду» [2, с. 27]. Как показали исследования 1981 года, одновременно с пристройкой апсиды поперек нефа была сооружена стена, а часть стилобата южной колоннады была заложена. Таким образом, часть нефа становится обособленной часовней, где размещаются могилы. Время этой перестройки, к сожалению, установить не удалось.

Следующая перестройка связана с сооружением часовни, примыкающей к южной стене базилики и отделенной от ближайшего здания небольшим проулком, в котором «открыты две грушевидной формы, вырубленные в скале, цементированные цистерны». В ходе раскопок 1893 года в часовне были открыты сводчатые усыпальницы и установлено, что пол ее был присыпан чистым мелким песком [1, с. 53-54]. Часовня, выдвинутая немного дальше апсиды базилики, имеет прямоугольную снаружи и полукруглую внутри апсиду. Первоначально описываемая пристройка считалась галереей, южная стена которой простиралась на всю длину храма. Однако раскопки 1981 года показали, что она доходит только до $\frac{1}{3}$ длины базилики, а затем поворачивает на юг под прямым углом, пересекая продольную улицу. Возможно, стена служила оградой двора, расположенного с южной стороны базилики. Это тем более вероятно, что базилика не имеет экзонартекса, и ее главный фасад выходит на узкую – 3,2 м – VIII поперечную улицу, которая связывала храм с центральной площадью. Другого подобного размещения храмовой площади в Херсонесе пока не выявлено, хотя не исключено, что аналогично размещался двор или площадь при «базилике в базилике».

О более поздней дате строительства часовни писал еще Д. В. Айналов, который обратил внимание на то, что «стены ее прилажены к стене нефа без связей в углах» [2, с. 27]. Об этом же свидетельствуют и значительно меньшие размеры камней, из которых она сложена, и известковый, а не цемянковый, как в базилике, раствор, использованный в кладке. Кроме того, в ходе исследования 1981 года выяснилось, что фундамент часовни впущен в засыпь, содержащую материал IX-X вв.

Самая поздняя строительная деятельность на участке базилики, вероятней всего, относится уже ко времени после ее разрушения, когда к южному углу ее нартекса пристраивается стена, расположенная под небольшим углом к остальным стенам базилики, а в ее центральном нефе появляется небольшая часовня. От первой сохранились 4 ряда кладки, от второй – один ряд бутовых камней апсиды, перекрывающей центральную апсиду базилики и апсиду часовни, занимавшей часть южного нефа. Строительство перечисленных объектов, скорее всего, относится к тому же времени, когда были построены окружавшие базилику кварталы XII-XIII вв. В пользу такого

предположения говорит и похожий характер кладки на грязевом растворе, а также материал из засыпи, в которую была впущена стена, пристроенная к южному углу нартекса базилики. Засыпь включала фрагменты кувшинов с плоскими ручками, поливных белоглиняных блюд с полихромной росписью, а также с росписью красной краской в виде крестов и звездочек. В этом же слое найдено 57 обломков стеклянных браслетов и монеты, в том числе две – Василия II и Константина (976-988), одна – Константина Багрянородного (913-959) и десять – Никифора Фоки (963-969).

Храмовый комплекс практически полностью был раскопан в 1893 году, и о выявленном материале сохранились только весьма скудные сведения. В отчете упоминаются 6 эпиграфических памятников, многочисленные мраморные детали архитектурного убранства базилики, а также находка в алтарной части базилики каменного ящика с задвижной доской сбоку и плиткой сверху, который, по-видимому, «вмещал в себе мощехранительницу». В базилике и ближайшей к ней часовне были выявлены 14 поздних усыпальниц, в которых обнаружены 13 стеклянных браслетов, 2 детских бронзовых браслета, 3 гладких бронзовых перстня, 3 бронзовых пряжки, 8 бронзовых пуговиц-бубенчиков и большой бронзовый наперсток [1, с. 53-54].

Рядом с базиликой в том же 1893 году была открыта **баня**, которую К. К. Косцюшко-Валюжинич описал как «большое здание с уцелевшим подвальным этажом», интересное «своей террасой со следами мраморной облицовки и подвальным этажом с круглой печью» [1, с. 54]. Доследование, предпринятое в 1982 году, показало, что здание в форме вытянутого прямоугольника размерами 16,0х6,75 м состояло из 4-х анфиладно расположенных помещений размерами соответственно 2,25х5,0, 3,65х5,0, 4,0х5,0 и 2,5х5,0 м (рис. 2). Его довольно толстые стены сложены из крупных бутовых камней на известковом растворе с добавлением толченой керамики. Между помещениями 2 и 3, 3 и 4 сохранились столбы от внутренних стен, в которых были устроены три канала для прохождения теплого воздуха. Подошва пола всех помещений бани расположена на разном уровне, понижаясь уступами примерно по 10 см после каждого помещения в сторону входа в баню, расположенного с восточной стороны здания.

Полы во всех помещениях нижнего этажа выложены известковыми плитами неправильной формы. Каким был пол самой бани, сказать трудно, т.к. в отчете за 1893 год о нем ничего не говорится, а во время раскопок 1982 года никаких находок, связанных с его устройством, кроме столбов, выявлено не было. В южной стене бани, в помещениях 2, 3 и 4 открыты дверные проемы, которые вели в пристроенные к стене ванны, снаружи имевшие вид прямоугольных объемов размером 2,25х3,0 м. В хорошо сохранившейся ванной при помещении 4 возле двери вместо порога устроена лежанка шириной 0,35 м. Пол ее первоначально был вымощен белыми мраморными плитами, которые

позже во время одного из ремонтов были перекрыты плинфой. В ванную 2 из бани на уровне пола ведут два прямоугольных канала. В крайнем западном помещении еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем была обнаружена круглая кирпичная печь, от которой к моменту раскопок 1982 года ничего не сохранилось, поэтому судить о ее конструкции и времени строительства трудно. Возможно, для хранения запаса воды использовалась цистерна, расположенная рядом с ванной 2 и, скорее всего, построенная одновременно с баней. В плане цистерна, вырубленная в скале на глубину более 10,0 м, имеет форму прямоугольника размерами 3,7х2,3 м. Верх на высоту 1,2 м облицован тесаными известняковыми камнями.

Время строительства бани можно определить только предположительно, т.к. в ходе нивелировки поверхности перед ее строительством практически все предшествующие ей слои, вплоть до эллинистического, были сняты на большой площади. Так, под фундаментом западной стены бани был найден чернолаковый канфар и фрагмент терракоты, а шурф, заложенный в помещении 2, показал, что баня стоит на глинистом слое, содержащем керамику IV-III вв. до н.э. Возможно, она была построена одновременно с расположенной рядом Северной базиликой. Косвенным, хотя и очень зыбким, подтверждением тому служит идентичность раствора (известь с добавлением толченой керамики), использованного в обоих сооружениях. С. Б. Сорочан в качестве аргумента приводит также использование для вымостки ваннных в бане и в кладке базилики одинаковой плинфы (30х30х3 см) [3, с. 947]. Однако это, скорее, свидетельствует в пользу более ранней даты строительства бани, т.к. вымостка ваннных плинфой, как уже отмечалось, является результатом ремонта.

Что касается времени прекращения функционирования бани, то мы склонны считать, что после пожара конца X – начала XI вв. она была восстановлена и продолжала функционировать, хотя и в несколько урезанном виде, вплоть до пожара XIII в. [4, с. 307-308].

К западу от бани в 3,2 м от ее южного угла раскопками 1982 года были открыты остатки круглой печи диаметром 2,25 м. Печь была впущена в слои римского и эллинистического времени, и не исключено, что она была предназначена для пережигания извести, необходимой при строительстве Северной базилики или бани.

Каких-либо других строительных остатков, которые можно было бы отнести к ранневизантийскому времени, в IX квартале нет. В то же время хорошо представлена керамика первых веков н.э., выявленная, главным образом, в нижних слоях помещений 9-10 и 16. Дело в том, что соседние помещения 9-10, выходящие на II продольную улицу, стоят над остатками большого подвала: помещение 9 стоит на нем полностью, а помещение 10 – частично. Подвал, скорее всего, был построен еще в эллинистический период, но использовался и в римское время: его засыпь, толщина которой достигала 1,0-1,3 м ниже уровня пола средневекового подвала, включала фрагменты амфор, краснолаковой

посуды и стеклянных сосудов (всего в засыпи выявлено 1789 фрагментов тарной и 1891 фрагментов краснолаковой посуды), датирующихся, главным образом, I-III вв. н.э., с примесью более раннего материала (около 50 фрагментов чернолаковой посуды и 3 фрагмента эллинистических амфор с клеймами). Однако время его засыпи определяют выявленные в ней немногочисленные фрагменты более поздней керамики и стеклянных изделий. К ним относятся:

– фрагмент дна миски группы «Фокейской краснолаковой» со штампом в центре в виде животного, скорее всего, зайца (рис. 3,4), большие размеры которого в сочетании с открытым ртом животного и детализацией тулова дуговидными линиями, характерными для поздних вариантов клейм, позволяют датировать фрагмент временем не ранее начала VI в. [5, р. 356, 359];

– фрагмент кубка из оливкового цвета стекла с отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх обрезанным и зашлифованным краем (рис. 3,5), который можно датировать V в. [6, с. 124-125];

– пять подставок рюмок с двойными стенками из зеленоватого стекла (рис. 3,6), получивших широкое распространение с конца V – начала VI вв. [6, с. 155].

Весьма похожий по составу материал был обнаружен в вырубленной в скале яме размерами 2,8x4,0x1,2 м, полностью занимающей площадь под поздним помещением 16. Не исключено, что она также служила подвалом в доме римского времени. Извлеченный из нее материал также относится, в основном, к I-IV вв. (всего выявлено 2987 обломков керамики, в том числе амфор – 2116, краснолаковой посуды – 780, кухонной посуды – 71), а самый поздний можно датировать IV-V вв. К нему относятся следующие фрагменты:

– два фрагмента горл амфор типа Орайт Е-1 [7, р. 29-30] (Böttger I-6 [8, S. 44-45, Taf. 21,14-15]; Зеест-100 [9, табл. XXXIX,100]). Многочисленные печи по их производству открыты в Demirci недалеко от Синопа [10; 11, р. 117-120; 7, р. 29]. Время бытования обычно относят к IV-V вв. Первый фрагмент принадлежал амфоре с широким желобчатым слегка суживающимся кверху горлом, подпрямоугольным в сечении венчиком с широкими желобками на внешней и верхней поверхности и плавным переходом от горла к тулову (рис. 3,1). Глина розово-желтая с примесью известняка, бурых и черных частиц (описание дано по полевой описи находок). Диаметр венчика – 10,8 см. Судя по большому диаметру венчика и морфологическим признакам, амфора, скорее всего, относится к типу Опайт-Е-1а (Subtype 1. Large Sinopean “Carrot” Amphorae), которую Опайт датирует IV – началом V вв. [7, р. 29-30; 12, р. 373-375, fig. 1,3-4]. Второй фрагмент по морфологическим признакам, скорее всего, также принадлежит к тому же типу Е-1а (рис 3,2), но к позднему его варианту. В пользу последнего предположения говорят небольшой диаметр венчика (8,4 см) и большое количество пироксена в глине: по наблюдениям А. Опайта, количество пироксена с течением времени увеличивается, а объем амфор соответственно уменьшается. Глина фрагмента

оранжевая с большим количеством пироксена и единичными мелкими камешками (описание дано по полевой описи находок).

– фрагмент горла узкогорлой светлоглиняной амфоры типа Е, которые бытовали до V в. включительно [13, с. 19];

– фрагмент миски группы «Понтийской краснолаковой» формы I по К. Домжальскому (форма IVA по Опайту) (рис. 3,3), которые А. Опайт датирует первой половиной V в. [7, р. 75], Т. Арсеньева и К. Домжальский – серединой IV – серединой V вв. (возможно, и позже) [14, р. 426];

– фрагмент светильника с покатыми украшенными рубчиками плечиками, слегка заглубленным и слегка вогнутым щитком с рельефной надписью, отделенным от плечиков двумя валиками и ручкой-защипом с проткнутым отверстием (инв. № 194/37068; рис. 3,7). По периметру слегка вогнутого донца расположены «пупырышки», а в центре – рельефная звезда. Поверхность светильника как будто залощена. Глина серая (5YR 5/1), плотная, очень хорошо отмученная, с единичными светлыми мелкими включениями. Похожий светильник, но с изображением креста на щитке, найден на Фазосе, где датируется первой половиной VI в. [15, р. 73, fig. 30, L39].

Как видим, материал из подвалов не дает четкой даты их засыпи, но предположительно можно сказать, что это произошло в V или самом начале VI вв.

Таким образом, к ранневизантийскому времени в квартале IX относится комплекс Северной базилики, южный неф которой, возможно, был перестроен также в рамках ранневизантийского периода. Главный фасад храма выходил на VIII поперечную улицу, которая связывала его с центральной площадью. Базилику, скорее всего, окружала площадь: следы нивелировки, в ходе которой на большой площади были снесены слои, непосредственно предшествующие ее строительству, удалось проследить вплоть до участка шестистолпного храма с восточной стороны и до помещения 7 с южной. На площади, к югу от базилики, либо одновременно с ней, либо в близкое время была построена баня. Печь, предназначенная, скорее всего, для пережигания извести и обнаруженная к западу от бани, вероятно, была использована в ходе строительства базилики или бани. Как выглядела остальная часть квартала в ранневизантийский период, установить невозможно, т.к. все слои и строительные остатки этого времени были снесены. Подвалы, открытые под помещениями 9-10 и 16 и, скорее всего, появившиеся еще в эллинистическое время, продолжали использоваться в первые вв. н.э. и были засыпаны, как свидетельствует материал, в V или начале VI вв.

КВАРТАЛ VIII

Квартал, раскопки которого проводились в 1984-1985 гг., с севера ограничивает II продольная улица, с востока и запада – соответственно VI и VII поперечные улицы, с юга – главная площадь (рис. 4). К сожалению, южная часть квартала недоступна для изучения, т.к. находится под монастырскими

постройками XIX в. Кроме того, в ходе строительства монастырской стены были снесены средневековые помещения, расположенные вне ограды монастыря.

От застройки квартала, предшествующей усадьбам XII-XIII вв., сохранилось очень мало: практически все ранние строительные остатки были полностью разобраны, а полученный материал использован при строительстве новых кварталов. Исключение составляют лишь три черепицеобжигательные печи, открытые под полами помещений 1 и 9а и использовавшиеся при восстановлении города после пожара конца X – начала XI вв., а также отдельные стены IV-III вв. до н.э., разбросанные по всей территории квартала (рис. 5). Так, на остатках эллинистической стены, от которой сохранились бутовый фундамент на глиняном растворе и один ряд рустованных блоков, стоит восточная стена помещений XII-XIII вв., расположенных вдоль VI поперечной улицы. В южном конце этой стены (в квадрате I) открыт дверной проем шириной 1,0 м (сохранился порог), по сторонам которого видны остатки водосточков из тесаных каменных блоков с вырубленным в них узким желобом. Водостоки проходили под цоколем дома, т.е. между бутовым фундаментом и первым рядом рустованных блоков. Около одного из водосточков сохранилась часть эллинистической вымостки из плоских камней на глинистой прослойке. Такая же вымостка из тесаных известняковых плит была открыта под помещением 2. Остатки эллинистической стены сохранились также вдоль II продольной улицы, однако на этом участке ее направление несколько не совпадает с направлением северной стены домов XII-XIII вв.: с юга в начале улицы она выступает наружу, а через 7 м уходит под средневековые стены. Описанные строительные остатки сопровождал относительно хорошо сохранившийся слой IV-III вв. до н.э., содержащий обломки амфор и чернолаковых сосудов. Кроме того, под помещениями 6 и 7а сохранился эллинистический подвал, рядом с которым выявлены вырубы в скале, также заполненные эллинистическим материалом. Возможно, здесь располагалась кладовая с пифосами или навес.

В верхнем штыке (как было отмечено, поздние слои на рассматриваемом участке были снесены) квадратов I и II выявлен слой, возможно, образовавшийся в ходе нивелировки поверхности участка перед строительством ранневизантийского времени. Наряду с многочисленными фрагментами керамики первых вв. н.э. в нем выявлен материал, который дает предположительную дату формирования слоя:

Амфоры:

– почти целая (дно утрачено) амфора с высоким горлом, двухчастным венчиком и широко расставленными, массивными, овальными в сечении ручками с валиком на внешней поверхности (рис. 6,2). Глина светло-красная (10R 6/6), плотная, с многочисленными мелкими белыми, редкими сероватыми и коричневатыми включениями. Амфора, скорее всего, относится к типу 1 по классификации Якобсона [16, с. 9, рис. 1,1] (класс 2 по херсонесской классификации

1995 года [17, с. 19-20]), который является продолжением линии развития амфор типа «Carrot» IV-V вв. и датируется соответственно VI – первой половиной VII вв. [17, с. 19].

– горло узкогорлой светлоглиняной амфоры типа F с дипинти, нанесенной красной краской (рис. 7,1). В целом такие амфоры датируются концом III – V вв. [13];

– фрагмент горла амфоры типа Carthage LRA3 [18] (Зеест-95 [9, табл. XXXVIII,95]) с подтреугольным в сечении венчиком (рис. 7,2). Амфоры данного типа производились с I по VI вв. н.э. в различных городах западного берега Малой Азии (Эфес, Сарды, Милет, Пергам, Кушадасы). Их содержимое точно не определено, но, возможно, это были какие-то мази или благовония, хотя не исключают вино и *garum*;

– фрагмент горла амфоры типа LRA2 [19, р. 217-218] (Hayes-type 9 [20, р. 66]) из красной, плотной глины (рис. 7,6). Дж. Хейс отмечает широкое распространение амфор этого типа в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти V в. [20, р. 66]. Их производство, которое, по-видимому, закончилось к середине VII в., зафиксировано на Хиосе, Книде и в Арголиде [7, р. 11]. Перевозили в них вино или масло, хотя в последнее время исследователи более склоняются в сторону масла как основного содержимого амфор данного типа [21, р. 255; 22, р. 148-149];

– фрагмент горла амфоры типа LRA1 (рис. 7,4), которые бытовали с конца IV до середины VII вв. [19, р. 212, 214; 23, р. 239], хотя в Восточном Средиземноморье и Сирии этот тип исчезает, по-видимому, только в VIII в. [24, р. 197]. Из-за сильной деформированности рассматриваемого фрагмента (сохранилась часть горла в районе крепления ручки) трудно определить форму венчика и горла, однако, судя по диаметру венчика (до 10 см), амфора относилась к типу Пьери LRA1 V в. [25, р. 72];

– два фрагмента конических доньев амфор типа Orait E-I из белой глины с примесью пироксена (рис. 7,5) не поддаются точной датировке и могут быть отнесены к V-VI вв.;

– фрагмент горла амфоры типа Опайт B-Id (тип 5 по херсонесской классификации [26, с. 85, рис. 6]) (рис. 7,3). На поверхности – белый жидкий ангоб. Глина ярко-оранжевая. А. Опайт считает рассматриваемые амфоры поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа (тип B-I), который бытовал с III по VII вв. Сменяющие друг друга варианты могли какое-то время сосуществовать, но затем новый окончательно вытеснял «старый» [7, р. 27], поэтому точно определить время появления того или иного варианта чрезвычайно трудно. А. Опайт отмечает, что в Западном Причерноморье поздний вариант (тип Orait E-I) был особенно распространен во второй половине VI в. [7, р. 29], хотя появляется значительно раньше.

Краснолаковая посуда:

– фрагменты посуды группы «Понтийской краснолаковой» формы 1 по К. Домжалскому (форма IV по Опайту);

– фрагменты мисок с небольшим отогнутым наружу венчиком с желобками на верхней поверхности и широким плоским дном на низком кольцевом хорошо выраженном поддоне, которые А. Опайт относит к варианту В формы IV и датирует первой половиной V в. [7, р. 75], а Т. Арсеньева и К. Домжалский выделяют в особую форму 7, которая, по их мнению, появляется в середине V в. или чуть раньше и бытует до начала VI в. [14, р. 427];

– фрагменты довольно плоских блюд с широким горизонтально отогнутым бортиком формы II по Опайту (форма 3 по Домжалскому), датирующихся концом IV – первой половиной V вв. [7, р. 75; 14, р. 427];

– фрагменты посуды группы «Фокейской краснолаковой» формы 3, которые, насколько можно судить по весьма схематичным рисункам в полевой описи, можно отнести к ранним типам B-D 460 г. – конца V в. [5, р. 337];

– фрагмент дна миски группы «Фокейской краснолаковой» из красной плотной глины с включением частиц слюды и карбонатов. Лак красный с блеском. В центре – четко оттиснутое клеймо в виде монограмматического креста с двумя орнаментальными подвесками и открытым завитком Rho справа (мотив 67 по Дж. Хейсу) (рис. 7,7) конца V – середины VI вв. [5, р. 363, fig. 78,67i-l]). Подобные клейма относятся к числу наиболее распространенных. В качестве примера можно привести находки в Бенгази [27, р. 385, fig. 692,8], Джаламе, где они датируются предположительно серединой V в. [28, pl. 7-1,189], Бет-Шане, где аналогичное клеймо найдено в засыпи цистерны, перекрытой слоем с монетами Маврикия (589-90) и Фоки (602-610) [29, р. 7, pl. XXXIV,47], Гортине, откуда происходит несколько клейм данного типа, в том числе из слоя конца VII в. [30, р. 333, fig. 11,c,f,g,h], Суцидаве в слое VI в. [31, fig. 6,16], в Коринфе подобное клеймо найдено в мусорной засыпи V – первой половины VI вв. [32, р. 24, fig. 8,C-70-305], Фанагории – в слое разгрома 528 или 534 года [33, с. 170, рис. 8,3,4], в Тиритаке, где такое клеймо оттиснуто на тарелке формы 3С [34, с. 42, рис. 40], Ильичевке, где множество таких клейм найдено в слое 6 570-580 гг. [35] и т.д. Перечисленные находки свидетельствуют о том, что клеймо в виде монограмматического креста (мотив 67) бытовало на протяжении довольно длительного отрезка времени, однако, качество лака рассматриваемого фрагмента и качество оттиска говорят в пользу его ранней даты, т.е., скорее всего, его можно отнести к концу V – началу VI вв.

Таким образом, слой содержит группу керамики, которую в целом можно датировать V – первой половиной VI вв., и по самым поздним находкам его образование можно предположительно отнести ко второй четверти VI в.

Аналогичный материал был выявлен в слое, лежавшем над слоем с эллинистической керамикой, в квадрате IV. В том числе здесь была найдена амфора

типа 1 по А. Л. Якобсону с высоким горлом, почти горизонтально отогнутым венчиком и широко расставленными массивными ручками с валиком на внешней поверхности (рис. 6,1). Глина сосуда светлая с зеленоватым оттенком, плотная, очень хорошо отмученная, с единичными мелкими частицами пироксена и коричневатыми включениями. Следует отметить, что амфора была обнаружена внутри пифоса, от которого сохранилась только нижняя часть. Логично предположить, что она, скорее, осталась от хозяйства, уничтоженного в ходе перестройки квартала, и была засыпана в ходе нивелировки участка. Точная аналогия нашему экземпляру найдена в Зеноновом Херсонесе в слое второй четверти VI в. [36, с. 188, рис. 6,6], что говорит в пользу предложенной даты формирования нивелировочной засыпи – вторая четверть VI в.

Помимо нивелировочного слоя в квартале было открыто несколько ранневизантийских комплексов, которые, возможно, также являются последствиями строительной деятельности.

Колодец в помещении 3. Колодец глубиной 7 м и диаметром 0,9 м в верхней части был открыт в северном углу помещения. До глубины 1,3 м он был вырыт в культурном слое и выложен бутовым камнем, нижняя его часть вырублена в скале. Заполнение колодца состояло из земли, керамики, штукатурки, монет и прочего. Всего из него извлечено 1110 фрагментов керамики, большей частью стенок. Судя по находкам в первых трех метрах засыпи фрагментов браслетов из синего стекла, поливных сосудов и монет IX-X вв.: Михаила II (842-867) – 1 шт., Василия I (867-886) – 5 шт., Романа I (920-944) – 2 шт., а также шести монет с монограммой «ро» (Романа IV (1068-1071)?), верхняя часть цистерны была засыпана в ходе нивелировки поверхности квартала при восстановлении города после пожара конца X – начала XI вв.

Характер засыпи изменился на четвертом метре. Именно на этом уровне были найдены:

– целая амфора типа Pieri-LRA 1B1 VI – середины VII вв. [25, р. 76]. Глина плотная, светло-красная (2.5YR 6/6) с желтоватым оттенком, многочисленными сероватыми и коричневатыми включениями и мелкими частицами слюды (инв. № 99/37080; рис. 8,1);

– целая круглодонная амфора со светлым ангобом на поверхности (инв. № 53/37080; рис. 8,2). Тип Orait B-Id (тип 5 по херсонесской классификации 1972 года). Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, с мелкими сероватыми и коричневатыми включениями, а также единичными мелкими частицами слюды;

– фрагмент дна миски группы «Фокейской краснолаковой», покрытой жидким тусклым лаком цвета глины и выполненной из светло-красной (2.5YR 6/6), плотной, хорошо отмученной глины с единичными мелкими светлыми включениями и точечными мелкими пустотами. В центре дна четко оттиснуто довольно большое клеймо в виде канфара с оформленной

в виде цветка лотоса верхней частью, двумя схематично изображенными ручками в виде волют, каннелированным туловом и расплющенной ножкой (инв. № 71/37080; рис. 11,5). Мотив 59 II-III хронологических групп по Дж. Хейсу, который датирует его преимущественно V в. [5, p. 363-363, fig. 78,59].

Наиболее насыщенными были пятый и шестой метры засыпи, где были найдены:

Амфоры:

– горло (венчик сбит) амфоры типа 1 по классификации Якобсона (класс 2 по херсонесской классификации 1995 года) с дипинти красной краской на верхней части тулова (инв. № 64/37080; рис. 9,1). Глина сосуда бледно-желтая (5Y 8/3), с немногочисленными включениями пироксена и коричневатых частиц;

– суживающееся кверху горло, заканчивающееся воронкой, амфоры типа LR2 (инв. № 65/37080; рис. 9,2). Овальные в сечении ручки крепятся верхним прилепом к горлу под воронкой, нижним – на верхней части тулова. На верхней части тулова – глубокое частое горизонтальное рифление. На внешней поверхности – светло-коричневато-сероватый ангоб. Глина неравномерно обожженная: у внешней поверхности – розовая (7.5YR 7/4), у внутренней – светло-красная (7.5YR 6/6), плотная, хорошо отмученная, с редкими белыми включениями, мельчайшими сероватыми частицами, шамотом и единичными частицами слюды. Тип Пьери LRA2B [25, p. 88]. Скорее всего, рассматриваемая амфора может быть отнесена ко времени до середины VI в. или до последней трети столетия, когда амфоры с коническим горлом, заканчивающимся воронкой, сменяют амфоры с более или менее цилиндрическим горлом со слабо выраженным воронковидным завершением или простым валикообразным венчиком [25, p. 88].

Горло амфоры было закрыто крышкой (рис. 9,3), сделанной, судя по поверхности, из глины, аналогичной глине амфоры, которую эта крышка закрывала, и, несомненно, специально для нее (рис. 10). Крышка располагалась в самом узком месте горла, ручкой вверх и, надо полагать, при транспортировке заливалась воском или смолой.

Кухонная посуда:

– фрагмент венчика горшка (инв. № 80/37080; рис. 11,1). Глина светло-красная (10R 6/6) в сердцевине и бежевая у поверхности, плотная, со светлыми включениями и мелкими продолговатыми пустотами. Горшки с похожей формой венчика были выявлены в заполнении цистерны в квартале X-Б Северного района Херсонеса, засыпанной не ранее последних десятилетий VI в. [37, с. 83, рис. 18,1,2,9], и в слое разрушения третьей четверти VII в., открытом в Портовом квартале I в районе куртины XVII [38, с. 8-9, рис. 4,в,г].

Краснолаковая керамика:

– фрагмент дна блюда формы 3 по Домжальскому группы «Понтийской краснолаковой», украшенного волнистым орнаментом, выполненным мелким

зубчатым штампом (рис. 11,6). Внутренняя поверхность покрыта светло-красным (10R 6/6) лаком с металлическим блеском. Внешняя поверхность хорошо заглажена, со следами ротации. Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными включениями. Конец IV – первая половина V вв.

– фрагмент венчика миски формы 3F группы «Фокейской краснолаковой» (инв. № 39/37080; рис. 11,4). Лак жидкий, тусклый, цвета глины. Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми включениями. VI в.

Светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне:

– фрагмент блюда с округлыми стенками и широким горизонтально отогнутым бортиком (инв. № 78/37080; рис. 11,2). Глина светло-красная (2.5YR 6/6), у поверхности – бежевая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми включениями. На внутренней поверхности – беспорядочное лощение, внешняя поверхность хорошо заглажена;

– фрагмент широкого горизонтально отогнутого бортика (инв. № 78/37080; рис. 11,3). Глина бежевая, плотная, хорошо отмученная, с мельчайшими точечными пустотами и единичными частицами слюды. На внутренней поверхности – беспорядочное лощение, внешняя поверхность хорошо заглажена.

Происхождение этих блюд неясно. Похожие сосуды с горизонтальным бортиком, часто декорированным желобками, известны по раскопкам на Хиосе (Emporio). Они также сделаны из темно-желтой и розовато-темно-желтой глины с большим содержанием слюды, однако, в отличие от херсонесских сосудов с лощением на внутренней поверхности, имеют коричневатое лакообразное покрытие на венчике. М. Балланс и другие датируют появление этой формы концом V – началом VI вв. [39, p. 99, fig. 31,166-169]. В Херсонесе фрагменты таких блюд происходят из комплексов второй половины VI – VII вв. [38, с. 10, рис. 5,в; 37, с. 81, рис. 13; 6, с. 111, 112, 115-116, 117-119, рис. 38,8; 39,2,3; 42,3-5; 56,14-16; 66,15-16; 68,5-9; 72,5-6; 77,17-21; 40, с. 164, рис. 8,6].

Светильники:

– фрагмент светильника с покатыми, украшенными полусферическими выступами плечиками и круглым заглубленным щитком с круглым отверстием для наливания масла (инв. № 89/37080; рис. 12,1). Ручка – в виде округлого в плане защипа с желобками на верхней поверхности. Глина светло-красная (2.5 YR 6/6), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений;

– два фрагмента светильника с покатыми, украшенными полусферическими выступами плечиками и круглым заглубленным щитком с круглым отверстием для наливания масла (инв. № 90/37080; рис. 12,2). Ручка – в виде округлого в плане защипа с желобками на верхней поверхности и врезным мотивом в виде ласточкина хвоста под ней. Дно выделено врезной окружностью, от которой к обеим сторонам носика отходят парные врезные линии

с поперечными насечками между ними. Глина бежевая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими черными и коричневатыми включениями.

Светильники подобной формы и с аналогичным оформлением плечиков датируют 500-600 гг. [41, р. 387, pl. 109]. Однако Дж. Хейс, который выделил такие светильники в тип 1, отмечает, что особенно популярны они были в начале VI в., а позже встречаются гораздо реже [20, р. 82, pl. 18,1-7].

– фрагмент краснолакового светильника с горизонтальными плечиками, украшенными стилизованным побегом, и круглым заглубленным щитком (инв. № 91/37080; рис. 12,3). Лак красновато-коричневый, с блеском. Глина пережжена до светло-красновато-коричневого цвета (2.5 YR 6/4), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений. Светильники с изображением растительного побега широко датируют IV-V вв. [15, р. 73, fig. 30,L42].

– светильник с покатыми плечиками, слегка заглубленным и слегка вогнутым щитком и петлевидной уплощенной ручкой со слабо выраженным желобком на внешней поверхности. На щитке – рельефное изображение балдахина на колоннах, в центре – круглое отверстие. Тип 8 по Дж. Хейсу, который датирует его второй половиной VI в. [20, р. 82, pl. 20,34-44]. Более широкую дату – конец V – начало VII вв. – дают С. Abadie-Reynal, J.-P. Sodini [15, р. 76, fig. 32,L51].

Изделия из стекла:

– фрагмент оконного стекла с неровным уплощенным краем (рис. 12,4). Стекло с зеленоватым оттенком и многочисленными круглыми светлыми мелкими и единичными эллиптическими пузырьками. Золотисто-радужный слой продуктов выветривания. Толщина края – 0,25-0,4 см; толщина – 1,1 см.

– фрагмент оконного стекла с ровным выпуклым краем (рис. 12,5). Стекло с зеленоватым оттенком и многочисленными круглыми светлыми мелкими пузырьками. Золотисто-радужный слой продуктов выветривания. Толщина края – 2,0 см; толщина – 1,9 см.

– фрагмент оконного стекла с ровным выпуклым краем (рис. 12,6). Стекло с зеленоватым оттенком и круглыми светлыми мелкими пузырьками. Золотисто-радужный слой продуктов выветривания. Толщина края – 2,5 см, толщина – 1,4-1,8 см.

– кроме того, в описываемой части засыпи было найдено еще 16 фрагментов оконного стекла без края.

Все выявленные фрагменты оконных стекол сделаны т.н. «халявным» способом (*Cylinder Blown or Muff Glass*), получившим распространение приблизительно с 300 года и заключающимся в выдувании цилиндра, у которого отбивали донца, а затем расправляли на плоской поверхности.

– подставка рюмки с двойными стенками (рис. 12,7). Ножка коническая, чуть смещенный в сторону налест от понтии диаметром 0,8 см. Стекло зеленоватое, с мелкими светлыми пузырьками. Золотистый слой продуктов выветривания с радужной побелостью под ним. Диаметр подножки – 3,9 см.

Рюмки с подставками с двойными стенками получили широкое распространение с конца V – начала VI вв. [6, с. 155].

– дно выпуклое, сферическое в сечении, но с легким вдавлением в центре (рис. 12,8). Стакан в форме усеченного конуса с отбитым краем и, возможно, с каплями синего стекла, датирующегося V в. [6, с. 127-128]. Следа от понтити нет. Стекло оливкового цвета, с мельчайшими редкими пузырьками. Легкая радужная побежалость на внутренней стороне, местами белесая пленка выветривания на внешней. Диаметр дна – 4,3 см.

– ножка лампы с узкой полый ножкой (рис. 12,9). Дно выпуклое, со сколом от понтити. Стекло зеленовато-серое, с многочисленными светлыми эллиптическими вертикальными пузырьками. Золотисто-радужный слой продуктов выветривания. Диаметр – 2,7 см. Лампа данного типа появляются в конце V в. [6, с. 138-139].

Судя по материалу, верхняя часть колодца была засыпана после пожара в городе конца X – начала XI вв. Что же касается нижней части засыпи, то в целом ее можно датировать V-VI вв. Однако присутствие в ней фрагментов светлоглиняных блюд на высоком кольцевом поддоне, характерных для херсонесских комплексов второй половины VI – VII вв., говорит в пользу того, что колодец был засыпан не ранее середины VI в. С другой стороны, время появления подобных блюд пока точно не зафиксировано, поэтому не исключено, что нижняя часть засыпи колодца может относиться и к несколько более раннему времени.

Наличие в колодце двух уровней засыпи можно объяснить только тем, что на протяжении довольно длительного времени (VII-X вв.) он был по каким-то причинам закрыт, т.к. присутствие полузасыпанного колодца в гуще жилых усадеб вряд ли возможно.

Засыпь подвала под помещениями 6 и 7а (рис. 4). Подвал принадлежал эллинистическому дому и был засыпан глинистой землей с большим количеством фрагментов чернолаковой посуды, амфор и кувшинов еще в первые вв. н.э. Однако позже из-за проседания грунта засыпи его, как минимум, два раза подсыпали. Первый штык засыпи, залегавший непосредственно под полом помещений 6 и 7а, представляет собой нивелировочную засыпь, сделанную перед строительством XII в., когда квартал вновь отстраивался после пожара конца X – начала XI вв. В ее состав входили фрагменты керамики X-XI вв.: кувшинов с плоскими ручками, белоглиняных поливных сосудов, покрытых желтой поливой, в том числе с полихромной росписью и марганцевыми пятнами (63 фрагмента), красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой, а также большое количество стеклянных браслетов, монеты IX-XI вв. (Василия I (867-886), Романа II (959-963) и Романа IV (1068-1071)) и т.д. Ниже залегал слой толщиной около 1,0 м, образовавшийся либо в результате нивелировки площади перед строительством ранневизантийского времени, либо

в ходе ремонтных работ, при которых было ликвидировано углубление, образовавшееся в результате проседания грунта в засыпи подвала. Эта часть его заполнения содержала следующий материал:

Амфоры:

– 11 фрагментов венчиков амфор типа Пьери LRA2A (рис. 13,3) и крышка, аналогичная изображенной на рис. 9,3;

– 12 фрагментов горл и 4 фрагмента ручек амфор типа Pieri-LRA 1B1 VI – середины VII вв. [25, р. 76] (рис. 13,1);

– 9 фрагментов верхних частей тулова с нечетко выраженным горлом, завершающимся слегка отогнутым, округлым венчиком амфор типа Gaza Wine Amphora (Cartage LR4 [18]), типичных для контекстов IV-VII вв. Их производили в районе Негев/Газа и использовали для транспортировки знаменитого вина Газы [19, р. 115; 24, р. 197; 20, р. 166-167, fig. 47]. Наш экземпляр (рис. 13,4) относится к типу Пьери LRA 4B2-3 второй половины VI – VIII вв. [25, р. 106-107]. Более узким временем – конец VI – середина VIII вв. – датирует подобные амфоры G. Majcherek (тип 4) [42, р. 169].

– 2 фрагмента амфор сиро-палестинского типа (bag-shaped amphorae): вертикальный заостренный венчик и ручка с двумя валиками на верхней поверхности (рис. 13,6). Характерный палестинский тип, производившийся в нескольких центрах региона с IV по VIII вв. включительно [24, р. 198; 23, р. 239]. Рассматриваемый фрагмент, скорее всего, происходит из южно-палестинских мастерских и относится к типу 1b по Дж. Райли, характеризующемуся низким простым венчиком. Переход к этому типу, по мнению Дж. Райли, происходит в течении V в. [43, р. 26];

– фрагменты светлоглиняных амфор типа «carrot» с высоким цилиндрическим горлом и заостренным коническим донцем. Горло (рис 13,5), скорее всего, относится к Opat-Subtype 3; Small Sinoean “Carrot” amphorae, которые получают распространение со второй четверти V в. [12, р. 378-379, fig. 1,6];

– амфора с расширяющимся кверху горлом, валикообразным венчиком, суживающимся книзу желобчатым туловом и массивными овальными в сечении ручками с валиком на внешней поверхности (инв. № 56/37102; рис. 14,1). Глина бежевая, плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими частицами слюды, немногочисленными пироксеном и красновато-коричневыми включениями. Возможно, вариант амфор типа LR1, хотя наличие пироксена говорит о возможности ее южнопонтийского происхождения;

– фрагмент суживающегося книзу желобчатого корпуса с довольно узким горлом. Возможно, амфора типа Якобсон-1 (инв. № ВФ 327/37102; рис. 14,2). Глина светлая с зеленоватым оттенком, плотная, хорошо отмученная, с немногочисленными частицами пироксена и мельчайшими коричневыми включениями;

– в описи отмечены также многочисленные находки круглодонных красноглиняных амфор типа Опайт B-Id (тип 5 по херсонесской классификации

1972 года). Среди них – 7 горл и 8 ручек (рис. 13,2). Глина оранжевая, с крупными бурыми и белыми включениями.

Краснолаковая керамика:

– в описи отмечена находка в засыпи 20 фрагментов мисок формы 10А группы «Фокейской краснолаковой» (рис. 15,1) конца VI – начала / середины VII вв. [5, р. 345];

– фрагмент дна миски группы «Фокейской краснолаковой» со штампом третьей хронологической группы в виде монограмматического креста с альфой и омегой под боковыми ветвями креста в центре (инв. № 23/37102; рис. 15,2). Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, с мельчайшими светлыми включениями. Лак тусклый, без блеска. На нижней поверхности дна – следы ротации. Мотив 66 по Хейсу [5, р. 363, fig. 78,66h]. Аналогичные клейма найдены в Бет-Шане в засыпи цистерны, перекрытой слоем с монетами Маврикия (589-590) и Фоки (602-610) [29, р. 7, pl. XXXIV,47], на Фазосе в слое второй половины VII в. [15, р. 27, fig. 9,CF132-135], в Фанагории в слое разгрома 528 или 534 года [33, с. 170, рис. 8,9], Ильичевке в слое 570-580 гг. [35, рис. 1,17], Тиритаке в слоях второй четверти VI в. [34, с. 126, рис. 160] и конца V – третьей четверти VI вв. [44, с. 55, рис. 5,196];

– три фрагмента мисок формы 99С группы «Африканской краснолаковой» (рис. 15,3), которую Дж. Хейс датирует 560/580-620 гг. [5, р. 155]. Однако отсутствие ее в Карфагене в комплексах начала VII в. свидетельствует о завершении ее производства около 580 г. [45, s. 417];

– миска формы Хейс-107 группы «Африканской краснолаковой» [5, р. 171] (инв. № 57/37102; рис. 15,5). Лак красный (10R 5/6), плотный, с незначительным блеском, наложен толстым слоем и покрывает только внутреннюю поверхность сосуда и внешнюю сторону венчика. Глина светло-красная (10R 6/8), плотная, с единичными светлыми включениями. Дж. Хейс датирует группу 600-650 гг. [5, р. 171]. Однако дату пересмотрел М. Маккензен, который на основании отсутствия формы в карфагенских комплексах середины / третьей четверти VI в., с одной стороны, и наличия ее в комплексах с *terminus post quos* 580-602 гг., с другой, отнес начало ее производства к последней четверти VI в. Прекращение производства он склонен датировать началом VII в., хотя не исключает возможности ее производства до середины столетия [45, s. 425].

Светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне:

– несколько фрагментов принадлежало блюдам, характерным для херсонесских комплексов второй половины VI – VII вв. (рис. 15,4).

Светильники:

– фрагмент светильника с покатыми плечиками, слегка заглубленным и слегка вогнутым щитком и петлевидной уплощенной ручкой со слабо выраженным желобком на внешней поверхности. На щитке – рельефное изображение балдахина на колоннах, в центре – круглое отверстие диаметром 1,0 см

(инв. № 49/37102; рис. 15,6). Лак светлый красновато-коричневый (2.5YR 6/4), местами с некоторым блеском. Глина красновато-желтая (5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, примесей не видно. Тип 8 по Дж. Хейсу, который датирует его второй половиной VI в. [30, p. 82, pl. 20,34-44].

Изделия из стекла:

Выявленные в слое изделия из стекла, за исключением нескольких фрагментов сосудов первых вв. н.э., составляют стандартный набор, характерный для херсонесских комплексов VI-VII вв. Все сосуды, выявленные в комплексе, выполнены из стекла с зеленоватым оттенком и многочисленными круглыми светлыми мелкими пузырьками.

– фрагмент сосуда с выпуклым обработанным краем, слегка загнутым вовнутрь венчиком и сферическим туловом. Диаметр венчика – 5,0 см;

– фрагмент сосуда с выпуклым обработанным краем, валикообразным вертикальным венчиком и цилиндрическим туловом, декорированным двумя врезными линиями: под венчиком и ближе к середине тулова. Диаметр венчика – 5,1 см.

– фрагмент лампы с выпуклым обработанным краем, утолщенным слегка отогнутым наружу венчиком и округлым слегка суживающимся книзу туловом с вертикальной округлой петлевидной ручкой, сделанной из одинарного круглого в сечении гладкого прута диаметром 0,4 см (рис. 15,7). Верхним прилепом ручка прикреплена к венчику сосуда, нижним – к тулову. Поверхность стекла, более гладкая и блестящая внутри, покрыта легко отслаивающимся слоем продуктов иризации. Диаметр венчика – 8,3 см, тулова – 7,0 см. Лампа с тремя вертикальными ручками для подвешивания появляются в конце IV – первой половине V вв. [46, p. 202; 47, p. 85; 48, p. 138] и были широко распространены в Средиземноморье и Причерноморье в VI-VII вв. [6, с. 139-141];

– высокое цилиндрическое горло, плавно переходящее в тулово и заканчивающееся раструбом с загнутым вовнутрь краем (рис. 15,8). Диаметр венчика – 4,0 см, горла – 1,4 см. Поверхность покрыта радужно-серебристым слоем выветривания. Флаконы с высоким цилиндрическим недекорированным горлом датируются концом IV / началом V – VII вв. [6, с. 143].

– фрагмент сосуда с вогнутым коническим в сечении донцем диаметром 4,5 см и округлым туловом с расходящимися кверху стенками (рис. 15,9). На нижней поверхности – кольцевидный скол от понтии диаметром около 1,0 см. Поверхность стекла покрыта толстым легко отслаивающимся слоем выветривания белого цвета;

– вогнутое сферическое в сечении донце диаметром около 3,5 см. Кроме того, в описи отмечены находки еще 5 вогнутых доньев;

– вогнутое сферическое в сечении дно большого сосуда с округлым туловом с расходящимися кверху стенками (рис. 15,12). Диаметр дна – 8,0 см. Следа от понтии нет. Радужный слой продуктов иризации на поверхности;

– вогнутое коническое в сечении донце на полом кольцевом зонном поддоне диаметром 3,3 см (рис. 15,13). Следа от понтии нет. Поверхность стекла покрыта радужно-серебристым слоем продуктов выветривания;

– вогнутое сферическое в сечении донце на полом коническом кольцевом поддоне диаметром 2,3 см (рис. 15,15). На нижней поверхности дна – овальный налп от понтии размерами 1,1x0,9 см. Стекло синее с редкими мелкими сферическими светлыми пузырьками, очень хорошего качества. Поверхность стекла покрыта радужно-серебристым слоем продуктов выветривания;

– фрагмент сосуда со сферическим туловом, плоским дном на кольцевом сплошном зонном поддоне, сформованном отдельно от тулова сосуда и припаянном к его дну (рис. 15,11). На нижней поверхности дна – кольцевидный скол от понтии диаметром около 0,7 см. Диаметр поддона – 2,5 см. Стекло голубоватого оттенка (античное) с редкими крупными сферическими светлыми пузырьками. Поверхность стекла, более гладкая внутри, покрыта легко отслаивающимся радужно-серебристым слоем продуктов выветривания;

– выпуклое сферическое в сечении донце на сплошном коническом в сечении кольцевом поддоне, сформованном вместе с туловом сосуда (рис. 15,14). Диаметр поддона – 5,8 см. Стекло голубоватое (античное), почти без пузырьков. Поверхность стекла покрыта толстым легко отслаивающимся серебристым слоем продуктов выветривания;

– вогнутое коническое в сечении донце на сплошном зонном кольцевом поддоне, сформованном вместе с туловом сосуда (рис. 15,10). Диаметр поддона – 5,0 см. На нижней поверхности дна – налп неопределенной формы от понтии. Поверхность сосуда, более гладкая внутри, покрыта радужным слоем продуктов иризации;

– в полевой описи отмечены находки 20 подставок рюмок с двойными стенками (рис. 15,16-17);

– три узких полых ножек лампад; на нижней поверхности ножек – след от понтии в виде круглого скола диаметром 0,7-1,0 см (рис. 15,18-20). Лампады с узкой полый ножкой бытовали с конца V до VII вв. [6, с. 142].

Самые поздние монеты в комплексе принадлежат чекану Юстиниана I (527-565) (13 экз.), однако, судя по наличию в описываемой части засыпи подвала фрагментов мисок формы 10А группы «Фокейской краснолаковой» и формы 107 группы «Африканской краснолаковой», слой образовался не раньше конца VI – начала VII вв.

Таким образом, история застройки рассматриваемого участка (участок помещений 6 и 7а) выглядит следующим образом. Сначала, приблизительно в конце IV в. до н.э., когда застраивается эта часть города, здесь возникает подвал. В начале первых вв. н.э. он засыпается, и на его месте возникают какие-то постройки, от которых ничего не сохранилось. Затем, не ранее конца

VI – начала VII вв., здесь либо возводятся новые дома, либо производятся какие-то ремонтные работы, в ходе которых ликвидируется углубление, образовавшееся в результате проседания грунта, которым был засыпан эллинистический подвал. Однако, почти тысячелетнее функционирование домов, выстроенных не в лучшей технике, маловероятно, поэтому мы склонны считать слой ранневизантийского времени нивелировочной засыпью, сделанной перед строительством ранневизантийских домов, которые просуществовали до пожара конца X – начала XI вв. Наконец, на этом месте возводятся два средневековых помещения 6 и 7а, принадлежавшие одному из домов, доживших до пожара XIII в.

Засыпь **цистерны в помещении 9а** (двор поздней усадьбы). Размеры цистерны – 3,0x2,5 м, глубина – 5,1 м. Отличается необычной формой – ее западная стена полукруглая. До глубины 4,3 м вырублена в скале, выше сделана из бутового камня на цемянковом растворе. Стены и пол оштукатурены тремя слоями цемянкового раствора.

Засыпь состояла из земли и небольшого количества бутовых камней. До глубины 3,1 м керамика практически отсутствовала (встречались лишь отдельные фрагменты желобчатых ранневизантийских амфор и венчики краснолаковых тарелок), после 3 м сплошным слоем толщиной более 1 м лежали обломки амфор (357 шт.), краснолаковых тарелок (41 шт.) и стеклянных сосудов (63 фрагмента). На дне лежал толстый – 15-20 см – слой сгнившей рыбы (хамсы).

Амфоры:

– амфора с рифлением типа набегающей волны (инв. № 112/37102; рис. 16,4). Глина светло-красная (10R 6/6), у поверхности – бежевая, с многочисленными мелкими сероватыми включениями, коричневатыми частицами шамота (?), единичными мелкими частицами слюды. Тип Пьери-LRA 1B1. VI – середина VII вв.;

Следующие три амфоры относятся к типу Пьери-LRA 1B2 и датируются VI – началом VII вв. [25, р. 76]:

– амфора с рифлением типа LRA1 (инв. № ВФ 328; рис. 16,1). Глина очень бледно-коричневая (10YR 8/3), с единичными мелкими частицами слюды, многочисленными мелкими черными и коричневатыми включениями;

– амфора с рифлением типа LRA1 (инв. № 115/37102; рис. 16,2). Глина розовая (5YR 7/4), плотная, с многочисленными мелкими коричневатыми и сероватыми включениями, а также редкими светлыми включениями и мелкими частицами слюды;

– амфора с рифлением типа набегающей волны (инв. № ВФ 511/37102; рис. 16,3). Глина очень бледно-коричневая (10YR 7/4), с многочисленными мелкими коричневатыми включениями и единичными частицами слюды;

– тулово амфоры типа LRA1 (инв. № ВФ 510/37102; рис. 17,5). Глина розовая (5YR 7/4), мелкозернистая, с многочисленными мелкими коричневатыми

и сероватыми включениями, а также единичными светлыми включениями и мелкими частицами слюды;

– амфора типа LRA14 [19, р. 232] (инв. № 113/37102; рис. 17,1). Глина бежевая, плотная, хорошо отмученная, с редкими мельчайшими светлыми, коричневыми и сероватыми включениями, а также единичными мелкими частицами слюды;

– желобчатое тулово амфоры типа 1 по Якобсону (инв. № 37102/ВФ 512; рис. 17,3). Глина розовая (5YR 7/4), плотная, хорошо отмученная, с немногочисленными частицами пироксена и единичными мелкими частицами слюды. Аналогична амфоре на рис. 14,2 из предыдущего комплекса;

– амфора типа Опайт В-Id (тип 5 по херсонесской классификации 1972 года (инв. № 114/37102; рис. 17,2). На поверхности – слабо заметный светлый ангоб. Глина светло-красная (10R 6/8), плотная, с многочисленными мелкими светлыми и сероватыми включениями, а также единичными мелкими частицами слюды;

– амфора типа Опайт В-Id (инв. № 117/37102; рис. 17,4). Глина оранжевая, плотная, хорошо отмученная, с немногочисленными мелкими белыми и мелкими и крупными темными включениями;

Следующие три экземпляра относятся к типу Пьери LRA 2С последней трети VI – первой половины VII вв. [25, р. 88]. Амфоры данного типа составляли значительную часть (около 80 экз.) груза корабля, потерпевшего крушение у Yassi Ada около 626 года [49, р. 157-160, fig. 8-4-6].

– фрагмент амфоры с суживающимся кверху горлом, отогнутым наружу валикообразным венчиком и поясом глубокого частого горизонтального рифления на верхней части тулова (инв. № 119/37102; рис. 18,1). Глина красновато-желтая (5YR 6/6), плотная, хорошо отмученная, с немногочисленными мелкими красновато-коричневыми и мелкими светлыми включениями, а также редкими мельчайшими частицами слюды;

– фрагмент амфоры с суживающимся кверху горлом и отогнутым наружу валикообразным венчиком (инв. № 118/37102; рис. 18,2). Глина красновато-желтая (5YR 7/6) в сердцевине и бежевая у поверхностей, плотная, хорошо отмученная, с мелкими красновато-коричневыми и сероватыми включениями, а также мельчайшими частицами слюды;

– фрагмент амфоры со слегка суживающимся кверху горлом, отогнутым наружу валикообразным венчиком и двумя поясами глубокого частого горизонтального рифления на верхней части тулова (инв. № ВФ 322/37102; рис. 18,3). Глина оранжевая, плотная, хорошо отмученная, с немногочисленными мелкими светлыми и сероватыми включениями, а также мельчайшими частицами слюды и мелкими пустотами.

Краснолаковая керамика:

– фрагмент блюда формы 3 по Домжальскому группы «Понтийской краснолаковой». Глина красновато-желтая (5YR7/8), плотная, хорошо отмученная,

с единичными мелкими светлыми и коричневатými включениями. Лак жидкий, тусклый. Конец IV – первая половина V вв.;

– фрагмент миски группы «Фокейской краснолаковой» формы 3F (рис. 19,1). Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, с единичными мельчайшими сероватыми и желтоватыми включениями, а также мелкими частицами слюды. Лак жидкий, тусклый. VI в.

– фрагменты мисок формы 10 группы «Фокейской краснолаковой», в том числе 8 фрагментов – типа А (рис. 19,2-9), 5 – типа В (рис. 19,10-14), датирующихся концом VI – началом VII вв., и 3 фрагмента – типа С (рис. 19,15-17) начала – середины VII в. [5, р. 346]. Глина всех фрагментов плотная, хорошо отмученная, светло-красная (2.5YR 6/8, 6; 10R 6/6), с разным количеством мелких белых включений. Лак жидкий, тусклый. На поверхности, особенно на внешней – следы ротации. На внешней поверхности венчика четырех фрагментов лак поменял цвет на серовато-коричневый. Кроме того, в заполнении выявлены два фрагмента доньев мисок группы «Фокейской краснолаковой».

– фрагмент миски группы «Африканской краснолаковой» формы 99С (рис. 19,18) 560-580 гг. Глина красная (10R 5/8), с редкими мельчайшими темными и красноватыми включениями и единичными мелкими частицами слюды. Лак тусклый, цвета глины;

– фрагмент блюда группы «Африканской краснолаковой» формы 105 (рис. 19,19) 580/600–660 гг. [5, р. 169]. Глина красная (10R 5/8), грубая, с единичными мельчайшими сероватыми включениями и единичными частицами слюды. Лак плотный, густой, с блеском, красный, наложен только на внутреннюю поверхность сосуда и на внешнюю сторону венчика;

– фрагмент миски группы «Африканской краснолаковой» формы 109 (рис. 19,20) 580/660 гг. – середины VII в. [5, р. 172]. Глина светло-красная (2.5YR 6/8), грубая, с единичными мельчайшими частицами слюды. Лак плотный, густой, с блеском, красный (2.5YR 5/8), наложен только на внутреннюю поверхность сосуда и на внешнюю сторону венчика.

Светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне (всего в засыпи найдено 15 фрагментов таких блюд). За исключением одной миски с округлым туловом и вертикально поставленным невыделенным венчиком с желобком на верхней поверхности (инв. № 52/37102; рис. 19,27), все – с широким горизонтально отогнутым бортиком (рис. 19,21-24,26). Глина бледно-желтая с легким розоватым оттенком, красновато-желтая (5, 7.5 YR 7/6) или светло-красная (10R 6/8), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений, иногда с единичными частицами слюды и немногочисленными продолговатыми пустотами. Внешняя поверхность хорошо заглажена; на внутренней – беспорядочное лощение.

Простая гончарная керамика:

– фрагмент кувшина с воронковидно расширяющимся горлом и треугольным в сечении венчиком с желобком на внутренней поверхности (инв. № 120/37102;

рис. 19,28). Ручки овальные в сечении с продольным ребром на внешней поверхности. Верхняя часть тулова украшена горизонтальными линиями, выполненными белым ангобом. Внутренняя поверхность – со слабой желобчатостью. Глина светло-красная (10R 6/8), плотная, хорошо отмученная, с редкими светлыми включениями. Подобные кувшины известны из раскопок могильников Крыма. Один из них был найден на Чуфут-Кале в склепе 34 вместе с поясным набором второй половины VII в., другой – в Суук-Су в могиле 78 с орлиноголовой пряжкой также второй половины VII в., что дало основание А. И. Айбабину сделать вывод об их распространении в Крыму во второй половине VII в. [50, с. 15, рис. 4,8]. Аналогичные кувшины известны также на Тамани, Северном Кавказе [50, с. 15].

Светильники:

– фрагмент светильника с почти вертикальными плечиками, глубоким неорнаментированным щитком (инв. № 123/37102; рис. 19,25). На поверхности – небрежно наложенный (с подтеками) красный лак с некоторым блеском. На рожке – копоть. Глина светло-красная (2.5YR 6/6), хорошо отмученная, плотная, без видимых включений. Тип 9 по Дж. Хейсу. Конец VI – начало VII вв. [20, р. 82-83].

– фрагмент светильника с тремя рядами крупных полусферических выступов на плечиках. Тип 1 по Дж. Хейсу. Были особенно популярны в начале VI в., позже встречаются гораздо реже [20, р. 82, pl. 18,1-7].

Изделия из стекла:

Всего в цистерне найдено 63 фрагмента стеклянных изделий. Все сделаны из стекла с зеленоватым оттенком и многочисленными круглыми светлыми мелкими пузырьками.

– 6 фрагментов сосудов с выпуклым обработанным краем и вертикальным или слегка отогнутым наружу утолщенным венчиком (рис. 20,1-3). Тулово, судя по сохранившейся верхней части стенок, колоколовидное. Диаметр венчиков – 4,7; 6,0; 6,9; 7,8; 8,0 и 10,0 см. Поверхность покрыта слоем продуктов выветривания;

– фрагмент сосуда с выпуклым обработанным краем, утолщенным довольно массивным (толщина – 0,6 см) венчиком и колоколовидным туловом (рис. 20,4). Диаметр венчика – 8,0 см. Поверхность покрыта белесым слоем продуктов выветривания;

– цилиндрическое горло флакона с выпуклым краем, валикообразным наклонным наружу венчиком с желобком на внутренней поверхности (рис. 20,6). Диаметр венчика – 3,4 см, горла – 2,5 см. Поверхность покрыта серебристым слоем продуктов выветривания;

– фрагмент горла раструбом с выпуклым обработанным краем (рис. 20,5). Диаметр венчика – 5,5 см. Поверхность стекла, более гладкая внутри, покрыта легко отслаивающейся серебристой пленкой продуктов выветривания;

– вогнутое коническое в сечении донце на зонном полом кольцевом поддоне диаметром 4,0 см (рис. 20,7). Следа от понтии нет. Стекло оливкового цвета, хорошего качества, с единичными мелкими светлыми сферическими пузырьками. Радужный слой продуктов иризации;

– выпуклое коническое в сечении донце лампы со сферическим туловом и каплевидной ножкой, припаянной к дну (рис. 20,11). На нижней стороне налпа – круглый скол от понтии диаметром 0,8 см, что свидетельствует об обработанности края сосуда. Тулово лампы сделано из стекла с зеленоватым оттенком и круглыми светлыми мелкими пузырьками, налп – из яркосинего. Поверхность стекла, более гладкая и блестящая внутри, покрыта радужно-серебристым слоем продуктов выветривания. Наибольший диаметр сохранившейся части тулова – 3,3 см.

В Херсонесе подобного рода лампы выявлены в комплексах: второй / третьей четверти VI в., середины / третьей четверти VI в., второй половины VI в. и конца VI – начала VII вв. и третьей четверти VII в. [6, с. 137].

– 19 подставок рюмок с двойными стенками. Из них 3 с цилиндрической ножкой, 2 – с эллиптической (рис. 20,8-10). Диаметр подножек варьирует от 3,8 до 5,4 см;

– две узких полых ножки ламп с круглым сколом от понтии на нижней поверхности донца (рис. 20,12-13). Диаметр ножек – около 2,0 см на высоте 3,5 см;

– фрагмент оконного стекла с выпуклым слегка загнутым краем (рис. 20,14). Стекло зеленоватое, с многочисленными мелкими круглыми и эллиптическими ориентированными в одном направлении пузырьками. Легко отслаивающийся серебристо-радужный слой продуктов выветривания. Толщина бортика – 0,2 см; толщина – 0,2-0,3 см;

– фрагмент оконного стекла с выпуклым слегка загнутым краем (рис. 20,15). Стекло зеленоватое, с мелкими круглыми и эллиптическими ориентированными в одном направлении пузырьками. Легко отслаивающийся серебристо-радужный слой продуктов выветривания. Толщина бортика – 0,2 см; толщина – 0,15-0,2 см;

– фрагмент оконного стекла с выпуклым краем (рис. 20,16). Стекло зеленоватое, с многочисленными мелкими круглыми пузырьками. Легко отслаивающийся серебристо-радужный слой продуктов выветривания. Толщина бортика – 0,28 см; толщина – 0,2-0,3 см.

Металлические изделия представлены малой пряжкой византийского круга с фигурным прорезным щитком (рис. 20,17), аналогичной пряжке из склепа 331 Скалистинского могильника, датированной концом VII в. [50, с. 41, рис. 40,17]¹.

¹ С мнением А. И. Айбабина не согласен И. О. Гавритухин, который считает, что рассматриваемая обойма имеет полное соответствие среди пряжек выделенной им серии

Таким образом, можно сделать вывод, что цистерна была вырублена во дворе римского или ранневизантийского дома и использовалась, возможно, до конца VII в. В это время она засыпается, либо в связи с тем, что часть двора застраивается, либо в связи со строительством новой усадьбы, которая просуществовала до пожара конца X – начала XI вв.

Анализ материала, выявленного при раскопках кварталов VIII и IX, позволяет сделать следующие выводы:

– в ранневизантийское время сохраняется эллинистическая сетка кварталов. Об этом говорит тот факт, что кварталы XII–XIII вв., в основном, повторяют очертания кварталов IV в. до н.э.;

– реконструировать облик ранневизантийских кварталов невозможно, т.к. при каждом новом строительстве остатки зданий и культурные отложения предшествующего времени сносились либо до эллинистического слоя, либо до скалы, и ряд усадеб XII–XIII вв. стоит на остатках стен эллинистического времени;

– в квартале IX от ранневизантийского периода сохранились остатки Северной базилики и бани, построенной либо одновременно с базиликой, либо в близкое время. Засыпь подвалов под помещениями 9-10 и 16 в конце V – начале VI вв., возможно, была произведена в ходе кардинальной перестройки квартала, связанной с возведением Северной базилики;

– в восточной части квартала VIII (квадраты I, II, IV) прослежены остатки слоя, который, возможно, появился в результате нивелировки территории перед строительством ранневизантийского времени. По самому позднему материалу, выявленному в этом слое, строительство можно датировать второй четвертью VI в. Кроме того, в квартале открыто три комплекса, образование которых также, скорее всего, связано с какой-то строительной деятельностью в ранневизантийский период: засыпь нижней части колодца в помещении 3 предположительно второй половины VI в., слой подсыпки эллинистического подвала под помещениями 6 и 7а конца VI – начала VII вв. и засыпь цистерны в помещении 9а VII в.

Таким образом, каких-либо четких признаков единовременной кардинальной перестройки VIII и IX кварталов в ранневизантийское время не выявлено. Возможно, приблизительно в одно время перестраиваются квартал IX и восточная часть квартала VIII. Остальные комплексы (засыпь колодца в помещении 3, цистерны в помещении 9а и подсыпка подвала под помещениями 6 и 7а), скорее всего, образовались в ходе внутриусадебной хозяйственной дея-

---

Неа Анхиалос – Артек, которые были широко распространены в балканских и малоазийских провинциях Византии и в Южном Крыму, включая Херсонес. По стилистическим соответствиям и по комплексам они датируются в рамках середины VI – первых десятилетий VII вв. Таким образом, по его мнению, рассматриваемая обойма принадлежит изделиям византийского круга середины VI – первых десятилетий VII вв. (устная консультация).

тельности жителей квартала. Не исключено, что дальнейшая работа по уточнению хронологии различных групп археологического материала ранневизантийского времени внесет коррективы в изложенные выводы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет г. заведывающего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 г. СПб., 1895.
2. Айналлов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
3. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
4. Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в VIII в. // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
5. Hayes J. Late Roman Pottery. L., 1972.
6. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
7. Opaït A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD). BAR International Series, 2004.
8. Böttger B. Die Gefässkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Bd. II. Ergebnisse der Ausgrabungen 1966-1973. Berlin, 1982.
9. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
10. Garlan Y., Kassab Tezgör D. Prospection d'ateliers d'amphores et de ceramiques de Sinope // Anatolia antique. Paris, 1996. IV.
11. Kassab Tezgör D. Types amphoriques fabriqués à Demirci près de Sinipe // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noir. Aix-en-Provence, 1999.
12. Opaït A. Sinopean, Heraklean and Chersonesan “Carrot” Amphorae // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 2010. 16.
13. Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
14. Arsen'eva T., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8.
15. Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. La ceramique paleochretienne de Thasos (Alikı, Delkos, fouilles anciennes). Paris, 1992.
16. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
17. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995.
18. Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. Vol. VI. Ann Arbor, 1981.
19. Riley J.A. Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua - V, vol. II. Tripoli, 1979.
20. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
21. Swan V. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // Proceedings of the British Academy. 2007. 141.
22. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military annona on the Danubian Border? // Kingsley S., Decker M. (eds.). Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a conference at Sommerville College, Oxford 29th May, 1999. Oxford, 2001.
23. Watson P. Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century AD:

- the Ceramic Evidence // *La Syrie de Byzance a l' Islam (VIIe-VIIIe siècle)*. Actes du colloque international. Damas, 1992.
24. Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // *La Syrie de Byzance a l' Islam (VIIe – VIIIe siecles)*. Actes du colloque international. Damas, 1992.
  25. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l' époque Byzantine (Ve-VIIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
  26. Антонова И.А. Даниленко В.Н. Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
  27. Kenrick P.M. Excavations at Sidi Khrebih Benghazi (Berenice). Vol. III. Part I: The Fine Pottery. Tripoli, 1985.
  28. Weinberg G.D., Goldstein S.M. Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia, 1988.
  29. Fitzgerald J. Beth-shan Excavations. 1921-23. The Arab and Byzantine Levels. Philadelphia, 1931.
  30. di Vita A. Satura Gortynia Lanx: da una Colomba Cipriota arcaica ad una stadera Bizantina // *Annuario della scuola archeologica di Atene e delle missioni italiane in Oriente*. Roma, 1993. Vol. LXVI-LXVII.
  31. Scorpan C. Sacidava si unele probleme stratigrafice si cronologice ale limes - ului si Dobrogei Romane (secolul V e.n. in arheologia Dobrogeana) // *Pontica*. Constanta, 1972. V.
  32. Wiseman J. The Gymnasium Area at Corinth, 1969-1970 // *Hesperia*. 1972. Vol. XLI: Number 1.
  33. Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV-VI вв. н.э. из Фанагории // *Боспорский сборник*. М., 1993. Вып. 2.
  34. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритакы в 1935-1940 гг. // *МИА*. 1952. № 25.
  35. Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // *КСИА*. 1978. Вып. 156.
  36. Сазанов А.В. Амфоры «саротты» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // *Боспорский сборник*. М., 1995. Вып. 6.
  37. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X-Б в Северном районе Херсонеса // *ПИФК*. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX.
  38. Романчук А.И. Слои VI-VII вв. в Портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11.
  39. Ballance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S. Excavations in Chios (1952-1955): Byzantine Emporio // *BSA*. London, 1989. Supp. 20.
  40. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // *СА*. 1982. № 1.
  41. Bailly D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. L., 1988.
  42. Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // *II Neiborow Pottery Workshop*. Warsaw, 1995.
  43. Riley J.A. The Pottery from the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrome // *BASOR*. 1975. 218.
  44. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // *СА*. 1989. № 4.
  45. Mackensen M. Die spätantiken Sigillata- und Lampentöpfereien von El Mahrine (Nordtunesien). Studien zur nordafrikanischen Feinkeramik des 4. Bis 7. Jahrhunderts //

- Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte Herausgegeben von J. Werner. Band 50. Erste Teilband. München, 1993.
46. Tatton-Brown V.A. The Glass // Excavations at Carthage: the British Mission. Vol. I, 1. The Avenue du President Habib Bourguiba, Salamambo: The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site (eds. H.R. Hurst, S.P. Roscamps): 194-212. Sheffield, 1984.
  47. Dussart O. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth, 1998.
  48. Patrich J. The Glass Vessels. In: Tsafir, Y. et al. Excavations at Rehovot-in-the-Negev. Vol. I. Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology. 25: 134-141. Jerusalem, 1988.
  49. Bass G.F., van Doorninck F.H. Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. Vol. I. Texas, 1982.
  50. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.

Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.

**Северный район Херсонеса
в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX)**

Резюме

В предлагаемой работе рассматривается ранневизантийский материал из раскопок кварталов VIII и IX Северного района Херсонеса, расположенного к западу от комплекса кафедрального собора. Реконструировать облик ранневизантийских кварталов невозможно, т.к. при каждом новом строительстве остатки зданий и культурные отложения предшествующего времени сносились либо до эллинистического слоя, либо до скалы, и ряд усадеб XII-XIII вв. стоит на остатках стен эллинистического времени. В ранневизантийское время сохраняется эллинистическая сетка кварталов. Об этом говорит тот факт, что кварталы XII-XIII вв., в основном, повторяют очертания кварталов IV в. до н.э.

В квартале IX от ранневизантийского периода сохранились остатки Северной базилики и бани, построенной либо одновременно с базиликой, либо в близкое время. Засыпь подвалов под помещениями 9-10 и 16 в конце V – начале VI вв., возможно, была произведена в ходе кардинальной перестройки квартала, связанной с возведением Северной базилики.

В восточной части квартала VIII (квадраты I, II, IV) прослежены остатки слоя, который, возможно, появился в результате нивелировки территории перед строительством ранневизантийского времени. По самому позднему материалу, выявленному в этом слое, строительство можно датировать второй четвертью VI в. Кроме того, в квартале открыто три комплекса, образование которых также, скорее всего, связано с какой-то строительной деятельностью в ранневизантийский период: засыпь нижней части колодца в помещении 3 предположительно второй половины VI в., слой подсыпки эллинистического подвала под помещениями 6 и 7а конца VI – начала VII вв. и засыпь цистерны в помещении 9а VII в.

Таким образом, каких-либо четких признаков единовременной кардинальной перестройки VIII и IX кварталов в ранневизантийское время не выявлено. Возможно, приблизительно в одно время перестраиваются квартал IX и восточная часть квартала VIII. Остальные комплексы, скорее всего, образовались в ходе внутриусадебной хозяйственной деятельности жителей квартала.

Голофаст Л. О., Рижов С. Г.

**Північний район Херсонеса
в ранньовізантійський час (квартали VIII та IX)**

Резюме

У запропонованій роботі розглядається ранньовізантійський матеріал з розкопок кварталів VIII та IX Північного району Херсонеса, розташованого на захід від комплексу кафедрального собору. Реконструювати вигляд ранньовізантійських кварталів неможливо, оскільки при кожному новому будівництві залишки будівель і культурні відкладення попереднього часу зносилися або до елліністичного шару, або до скелі, і ряд садиб XII-XIII ст. стоїть на залишках стін елліністичного часу. У ранньовізантійський час зберігається елліністична сітка кварталів. Про це говорить той факт, що квартали XII-XIII ст., в основному, повторюють контури кварталів IV ст. до н.е.

У кварталі IX від ранньовізантійського періоду збереглися залишки Північної базилики і лазні, побудованої або одночасно з базилікою, або в близький час. Засип підвалів під приміщеннями 9-10 і 16 наприкінці V – на початку VI ст., можливо, було зроблено в ході кардинальної перебудови кварталу, пов'язаної зі зведенням Північної базилики.

У східній частині кварталу VIII (квадрати I, II, IV) простежено залишки шару, який, можливо, з'явився в результаті нівелювання території перед будівництвом ранньовізантійського часу. За найпізнішим матеріалом, виявленим в цьому шарі, будівництво можна датувати другою чвертю VI ст. Крім того, в кварталі відкрито три комплекси, утворення яких також, швидше за все, пов'язано з якоюсь будівельною діяльністю в ранньовізантійський період: засип нижньої частини колодязя в приміщенні 3 імовірно другої половини VI ст., шар підсипання елліністичного підвалу під приміщеннями 6 та 7а кінця VI – початку VII ст. і засип цистерни в приміщенні 9а VII ст.

Таким чином, яких-небудь чітких ознак одноразової кардинальної перебудови VIII та IX кварталів в ранньовізантійський час не виявлено. Можливо, приблизно в один час перебудовуються квартал IX і східна частина кварталу VIII. Останні комплекси, швидше за все, утворилися в ході внутрішньосадибної господарської діяльності жителів кварталу.

Golofast L. A., Ryzhov S. G.

**Northern District of Chersonesos in the Early Byzantine Period
(Quarters VIII and IX)**

Summary

The paper regards Early Byzantine material revealed in the course of excavations of the quarters VIII and IX. Regrettably to reconstruct the appearance of the Early Byzantine quarters is impossible for the lack of building remains that were dismantled before the later construction. But the basic city lines established in the Hellenistic period were surely kept during the whole history of Chersonesos including the Early Byzantine time.

In the quarter IX Early Byzantine are the remains of the so called Northern basilica and

bathroom that were built simultaneously or within short period of time. The cellars under the late rooms 9-10 and 16 are supposedly to have been filled up in the course of the cardinal reconstruction of the quarter connected with the erection of the Northern basilica at the late 5th – early 6th centuries.

In the eastern part of the quarter VIII (squares I, II, IV) preserved are some patches of the layer dated to the second quarter of the 6th century and formed as a result of leveling of the territory before some Early Byzantine construction. The other 3 deposits uncovered in the quarter can be also supposedly connected with some building activity within the Early Byzantine period: the filling of the lower part of the well in the room 3 presumably of the second half of the 6th century, the additional layer of the filling of the Hellenistic cellar under the rooms 6 and 7a dated back to the late 6th – early 7th centuries and filling of the cistern in the room 9a of the 7th century.

So any distinct signs of simultaneous cardinal reconstruction of the quarters VIII and IX in the Early Byzantine period have not been revealed. We can only assume that approximately within close period of time the quarters IX and the eastern part of the quarter VIII were reconstructed. The rest of the Early Byzantine deposits were formed in the course of some internal household activity of the residents of the quarter.

Рис. 1. План Херсонеса с указанием расположения кварталов VIII и IX.

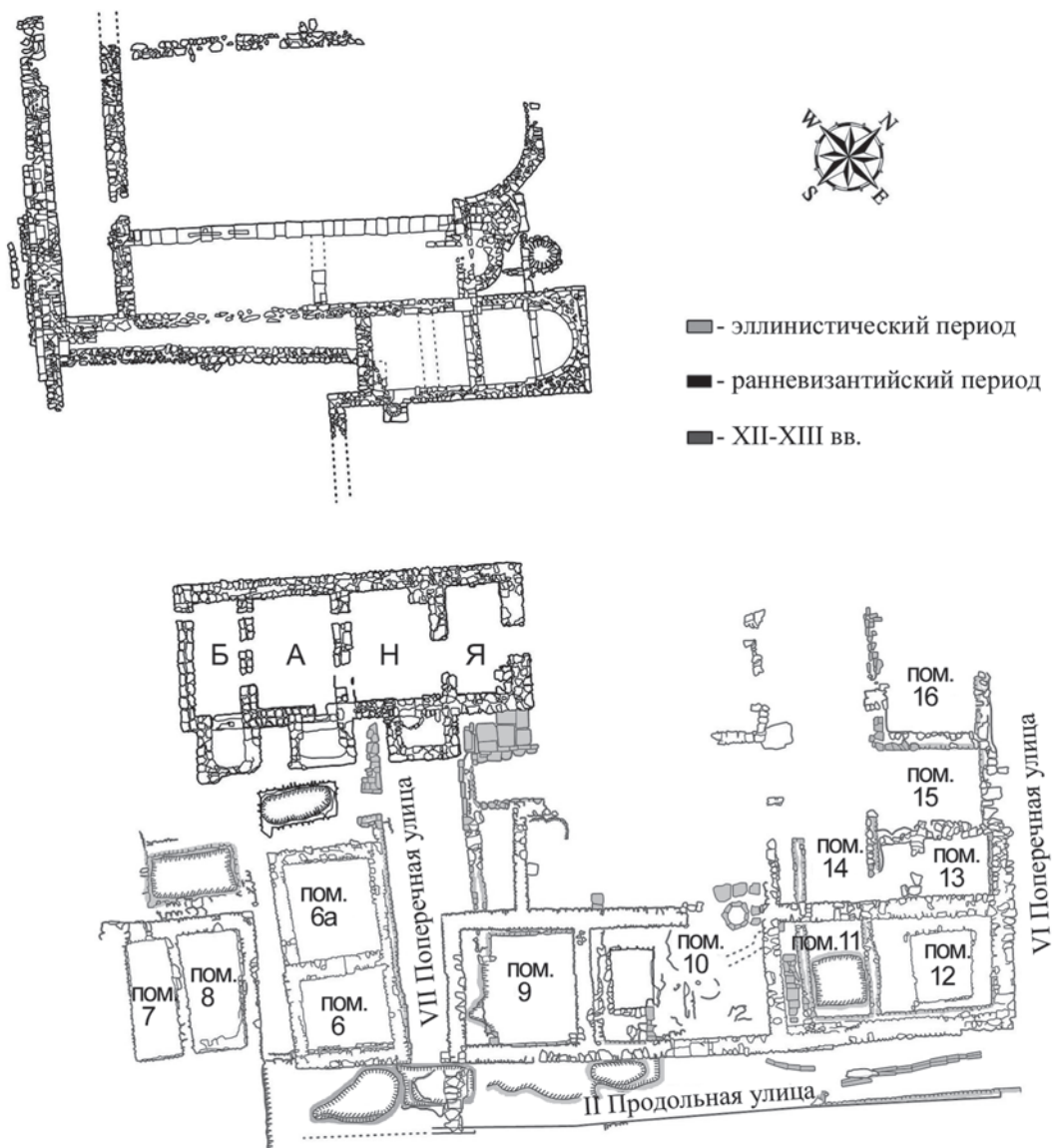

Рис. 2. План квартала IX.

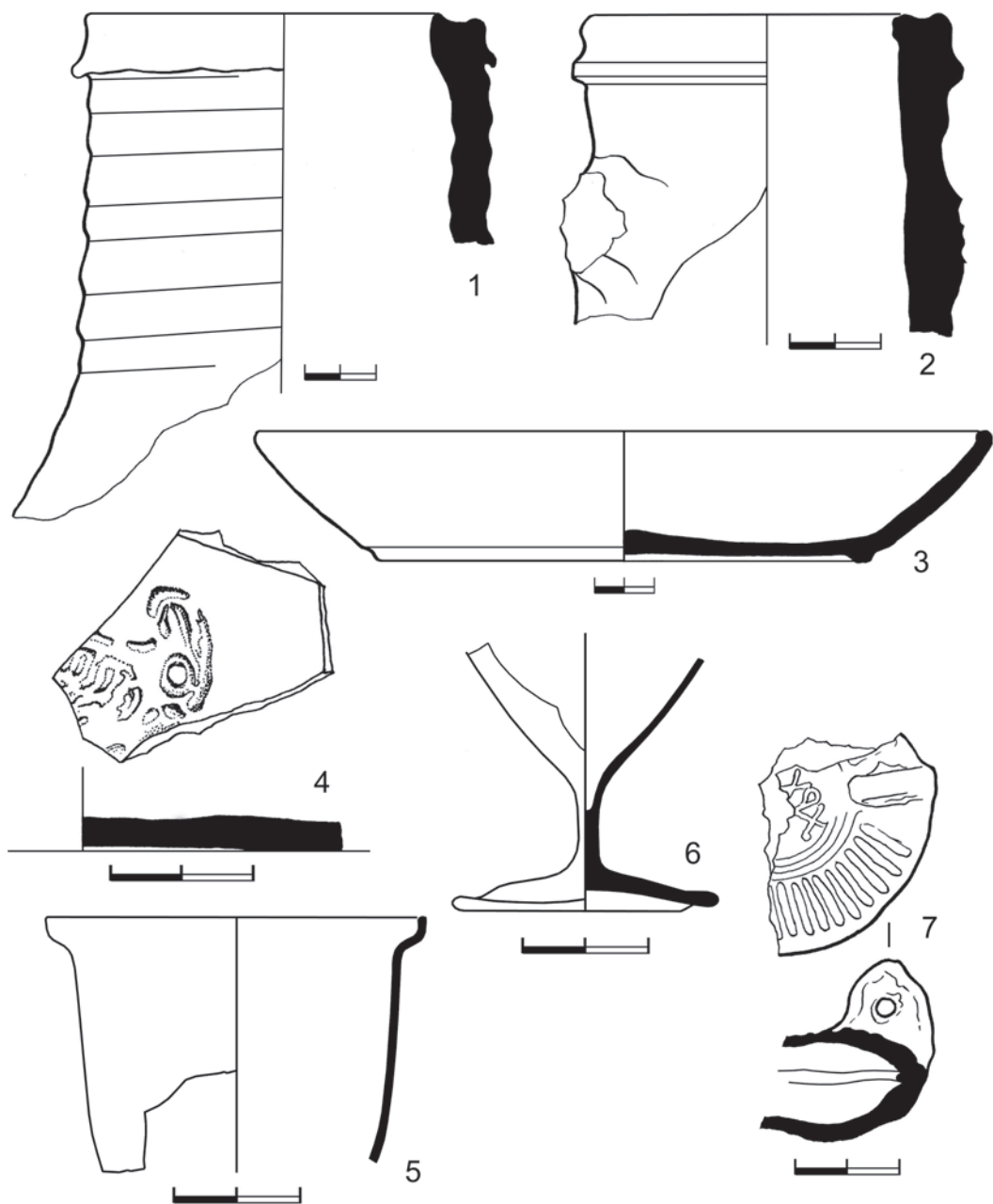

Рис. 3. Находки из квартала IX.

1, 2, 3, 7 – из засыпи ямы под помещением 16; 4-6 – из засыпи подвала под помещениями 9 и 10 (1-3, 5, 6 – выполнены по полевой описи находок; 4, 7 – рисунки О. И. Малиновской).

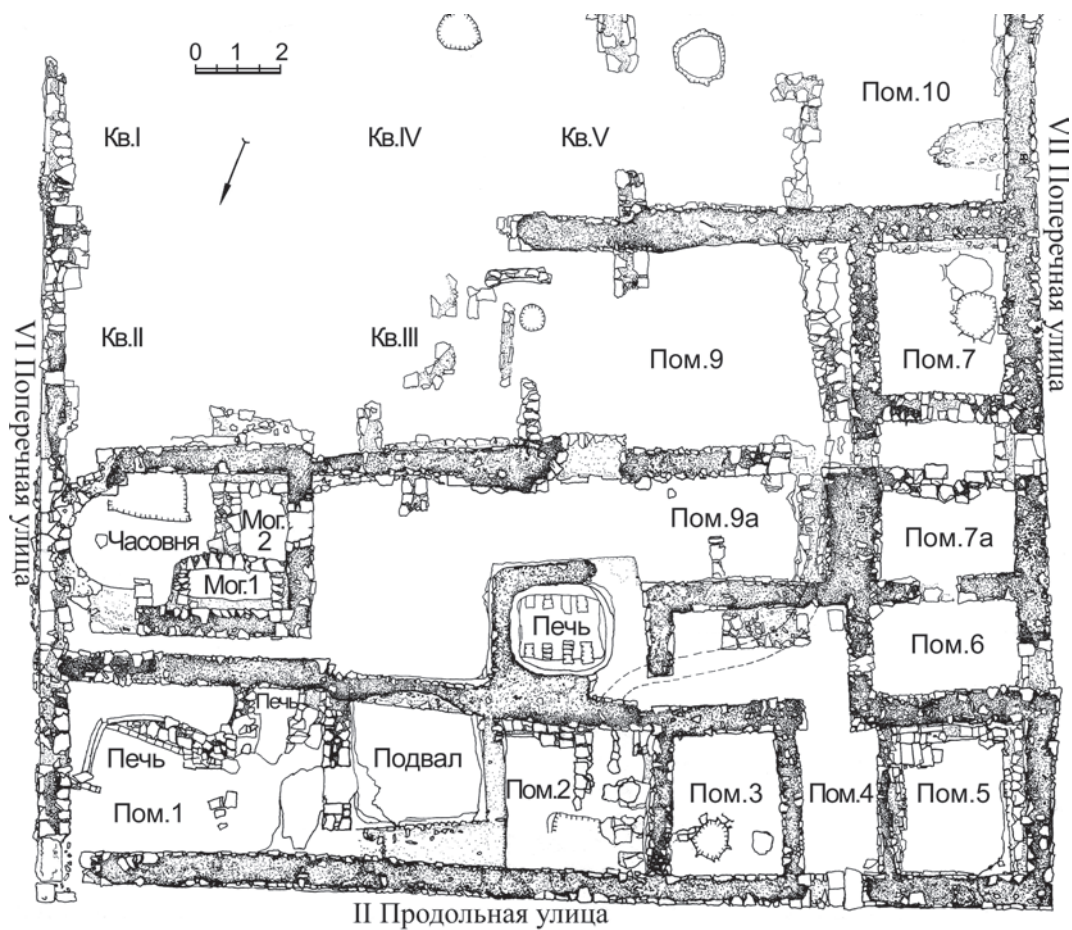

Рис. 4. План квартала VIII.

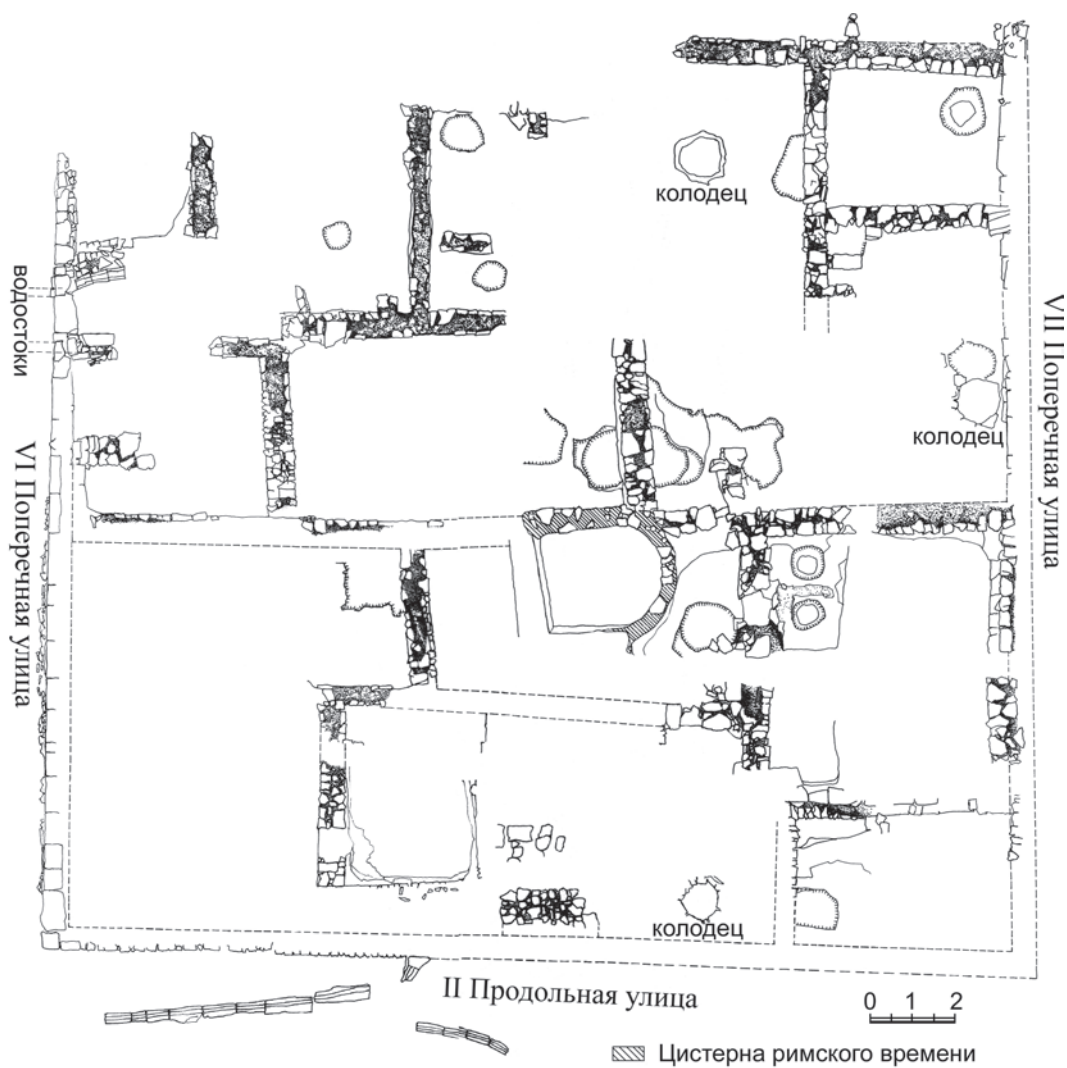

Рис. 5. План строительных остатков IV-II вв. до н.э. в квартале VIII.

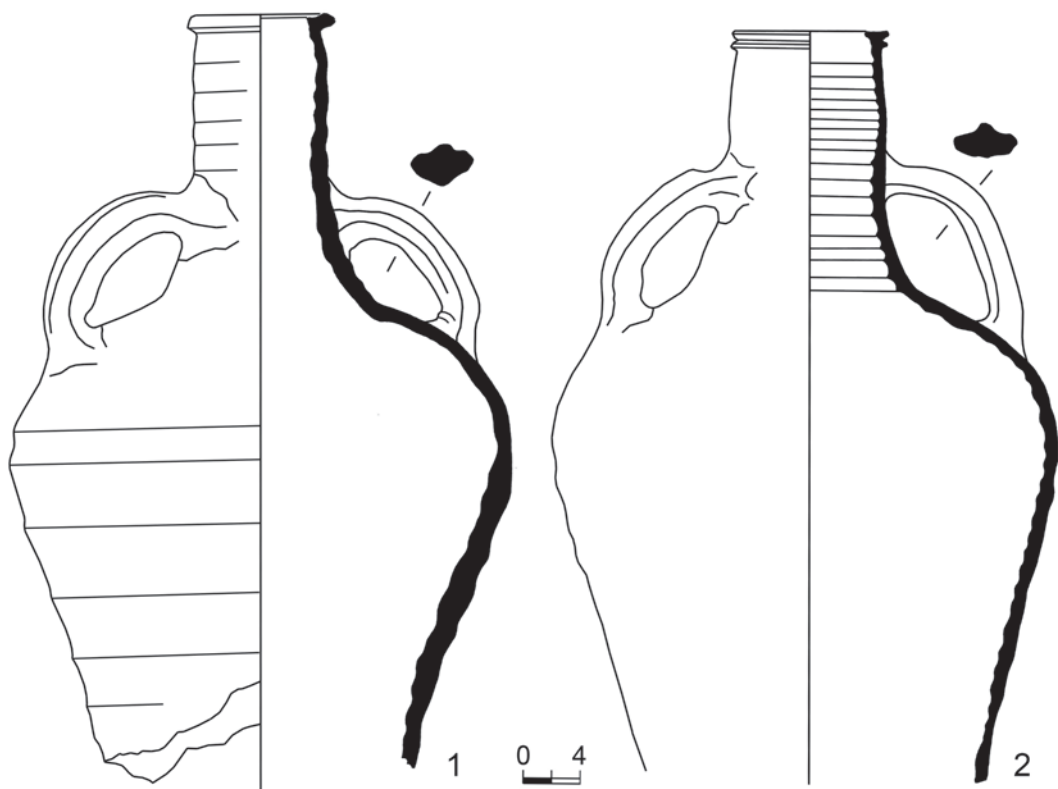

Рис. 6. Амфоры из нивелировочного слоя в квартале VIII (рисунки О. И. Малиновской).

Рис. 7. Керамика из нивелировочного слоя в квартале VIII (таблица составлена по Полевой описи находок).

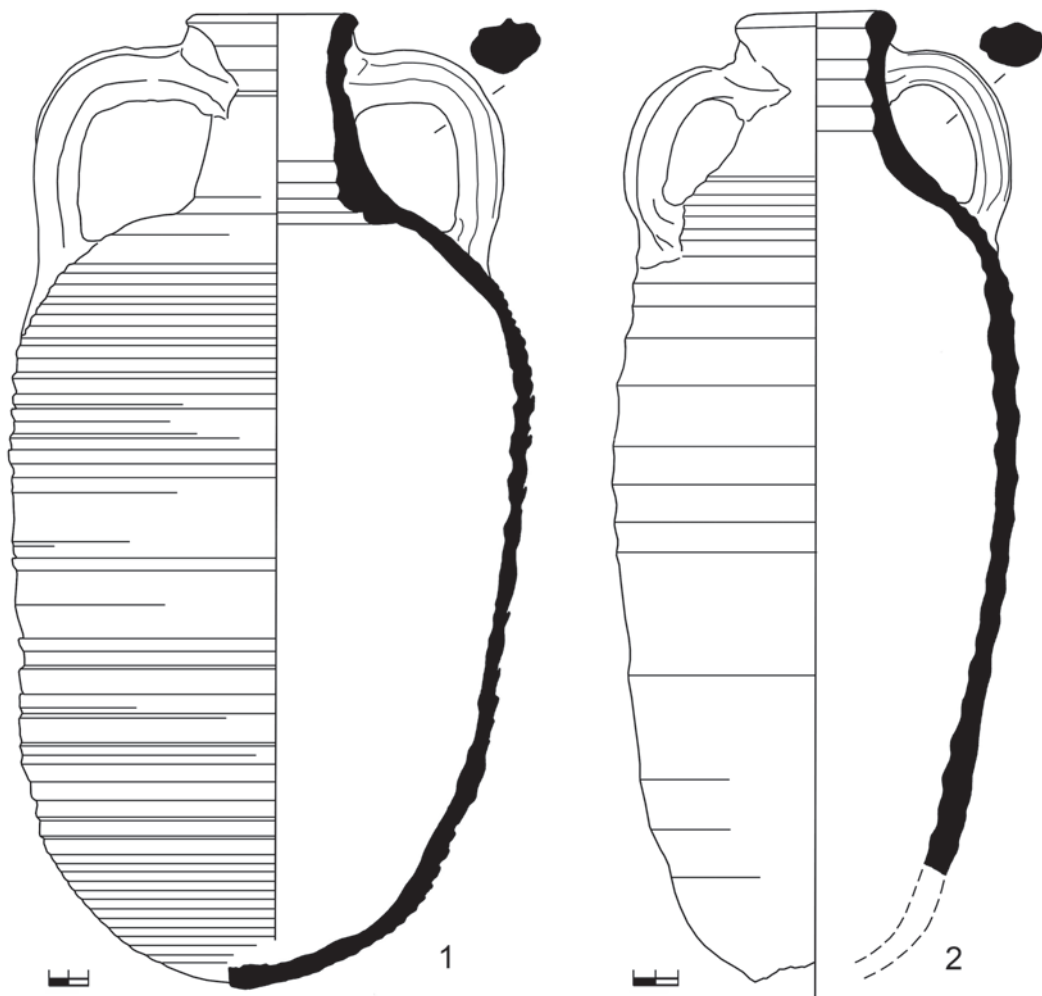

Рис. 8. Амфоры из засыпи колодца в помещении 3 квартала VIII (рисунки О. И. Малиновской).

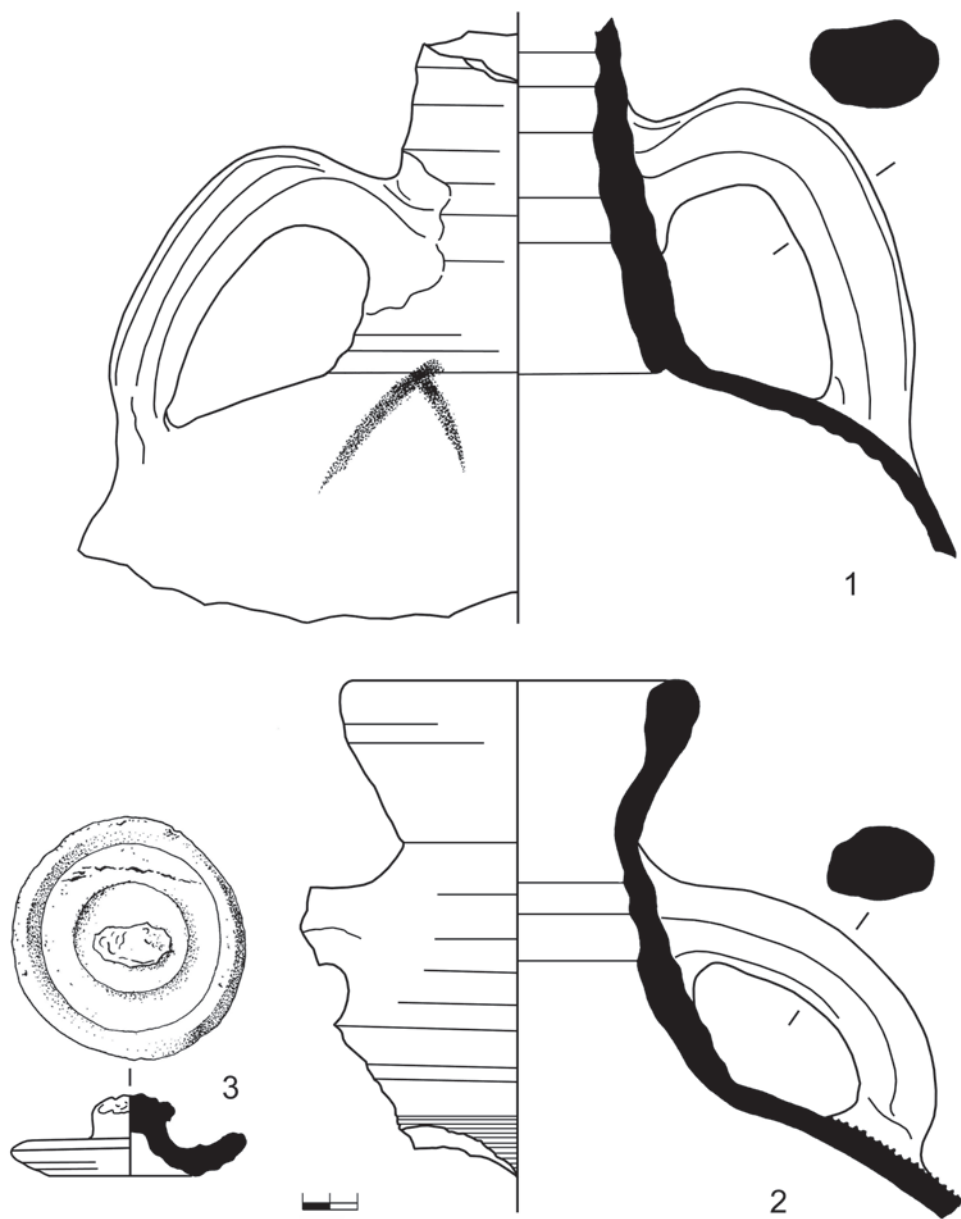
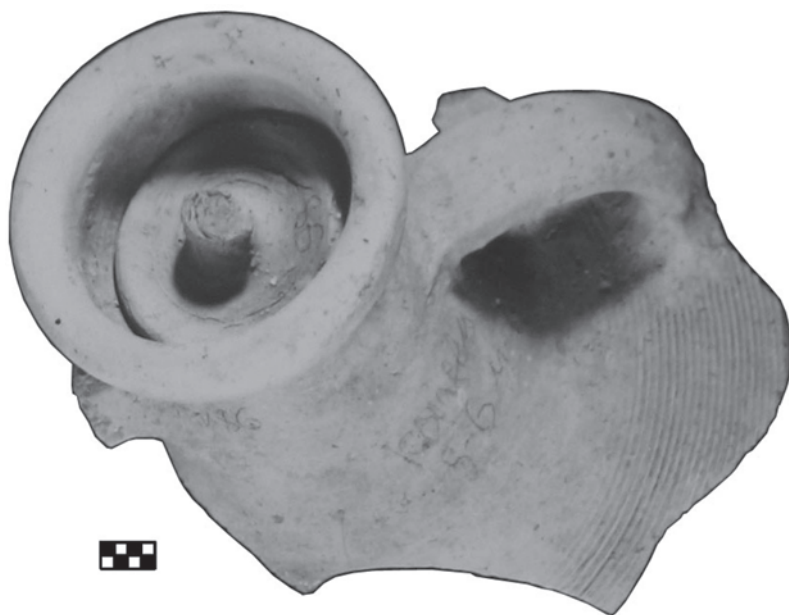
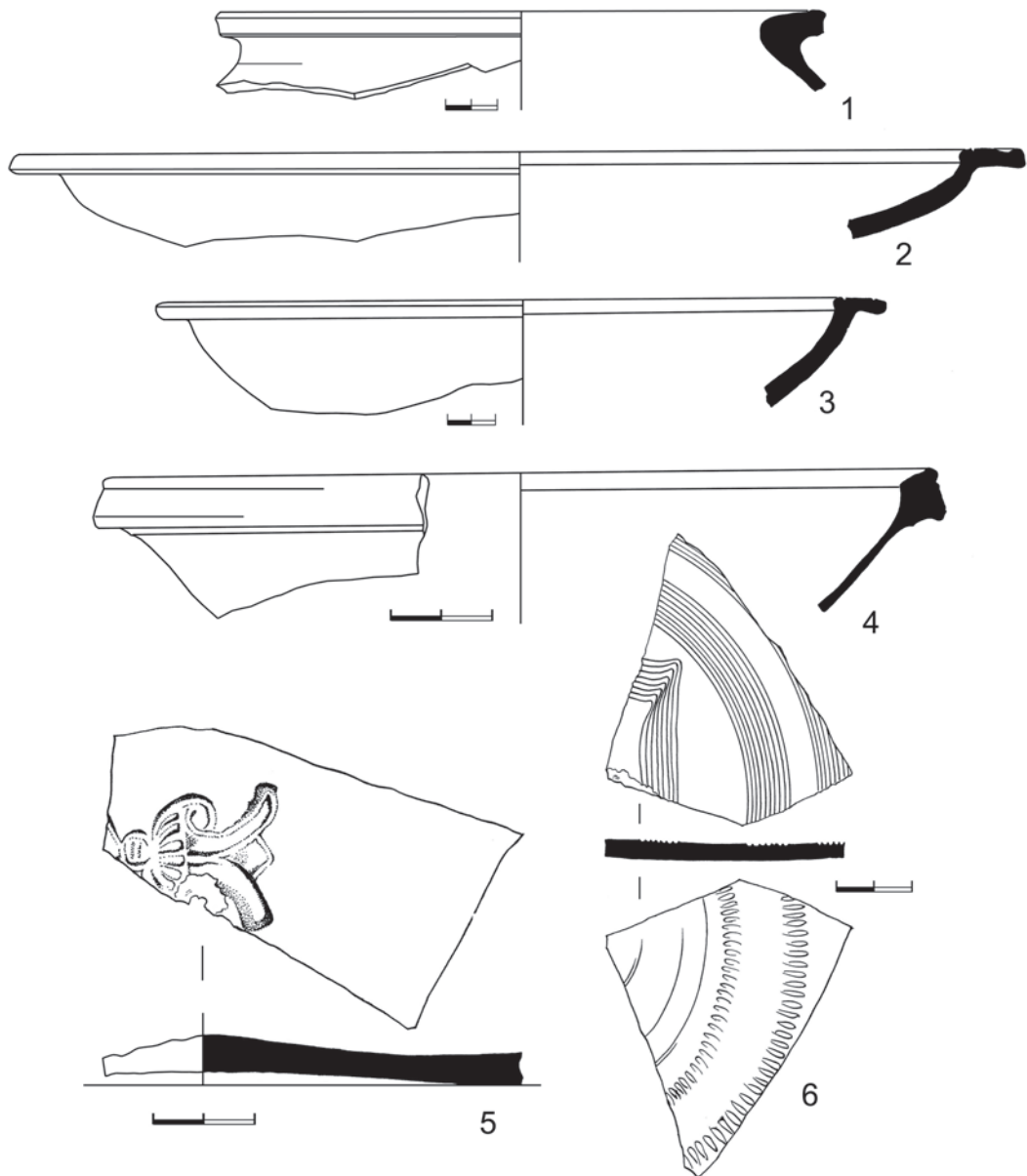

Рис. 9. Амфоры из засыпи колодца в помещении 3 квартала VIII (рисунки О. И. Малиновской).

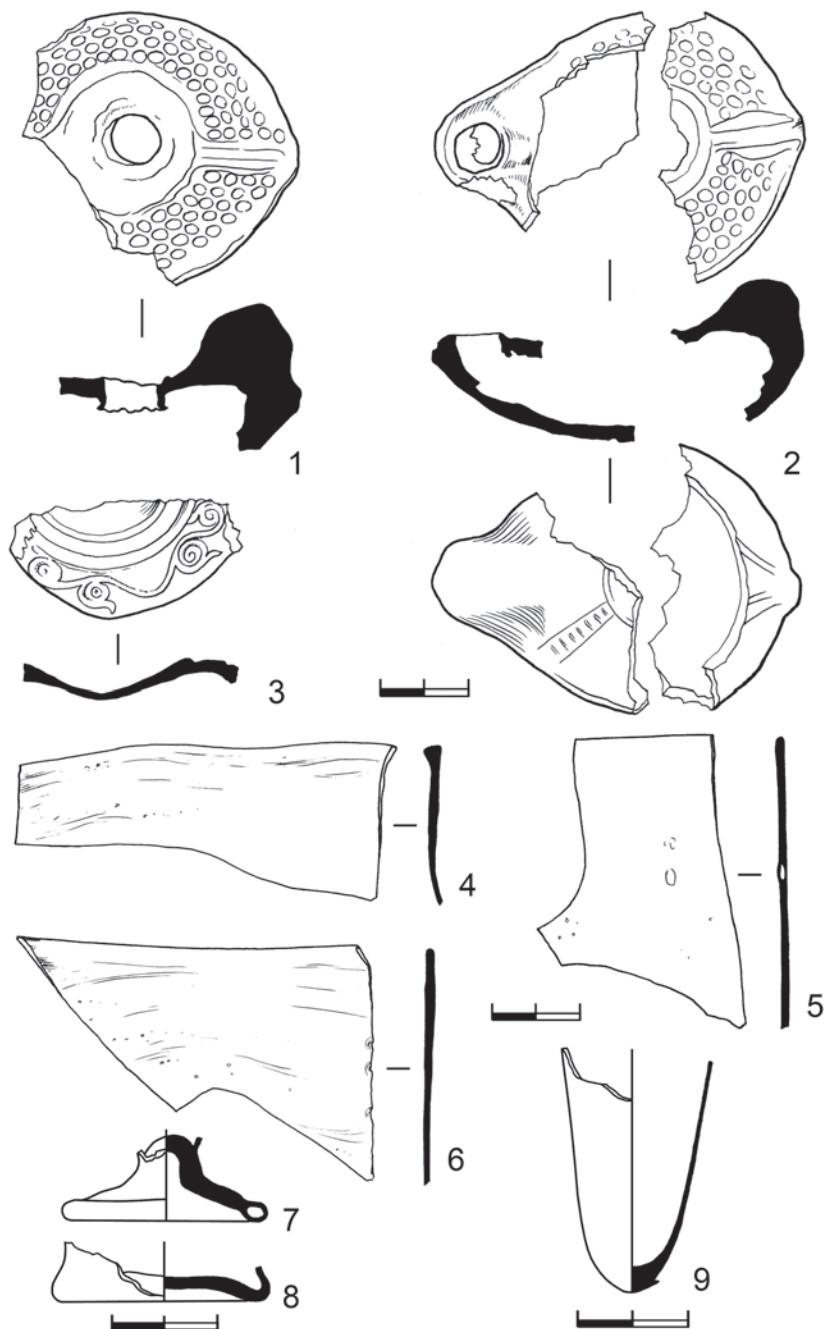

Рис. 10. Амфора типа LR2 из засыпи колодца в помещении 3 квартала VIII.

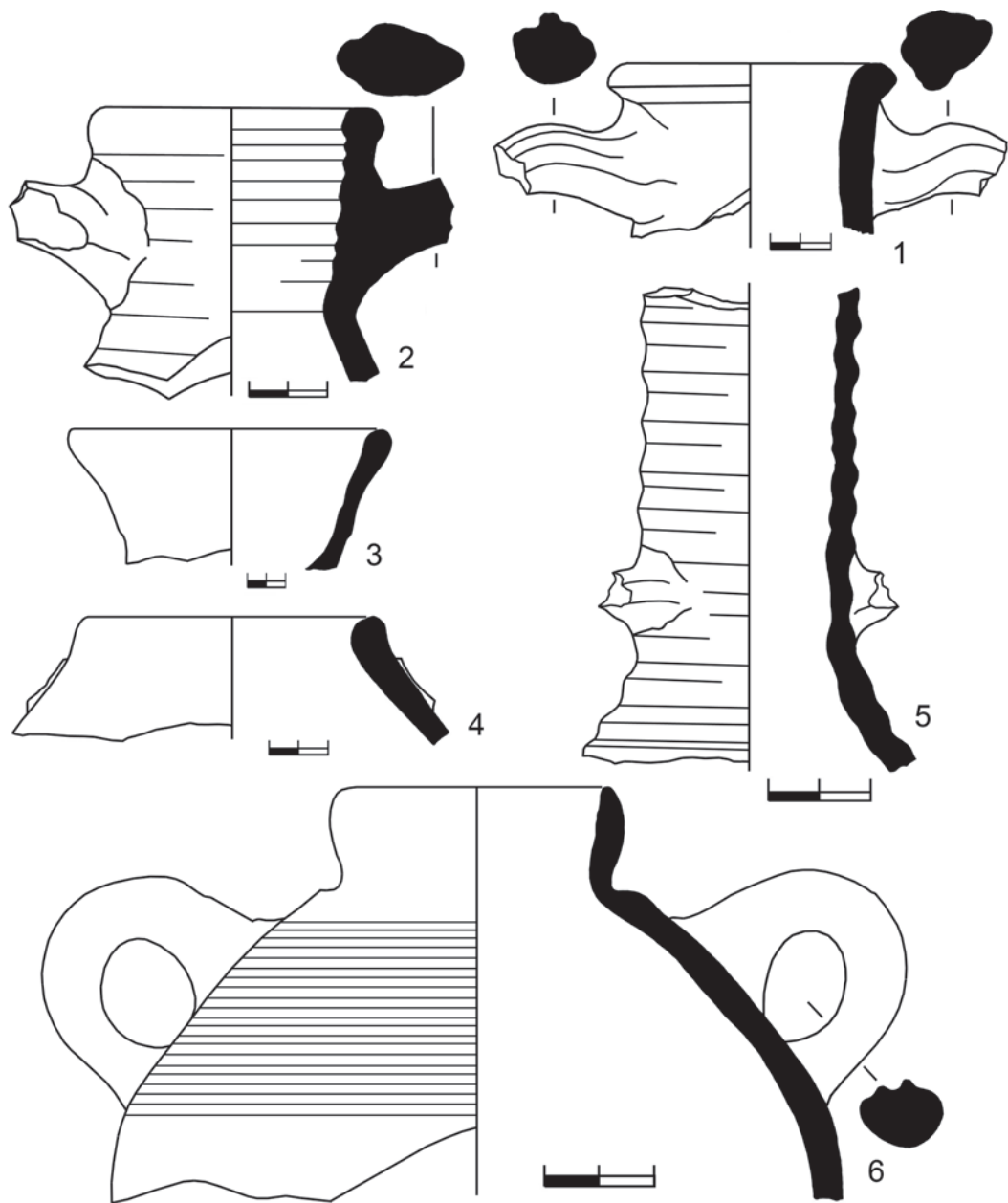

Рис. 11. Керамика из засыпи колодца в помещении 3 квартала VIII.

1 – фрагмент горшка; 2, 3 – фрагменты светлоглиняных блюд на высоком кольцевом поддоне; 4-6 – фрагменты краснолаковой посуды (рисунки О. И. Малиновской).

Рис. 12. Находки из засыпи колодца в помещении 3 квартала VIII.
 1-3 – светильники; 4-9 – фрагменты стеклянных изделий (1-3 – рисунки О. И. Малиновской;
 4-9 – рисунки И. Б. Гусаковой).

Рис. 13. Амфоры из засыпи подвала под помещениями 6 и 7а квартала VIII (таблица составлена по полевой описи находок).

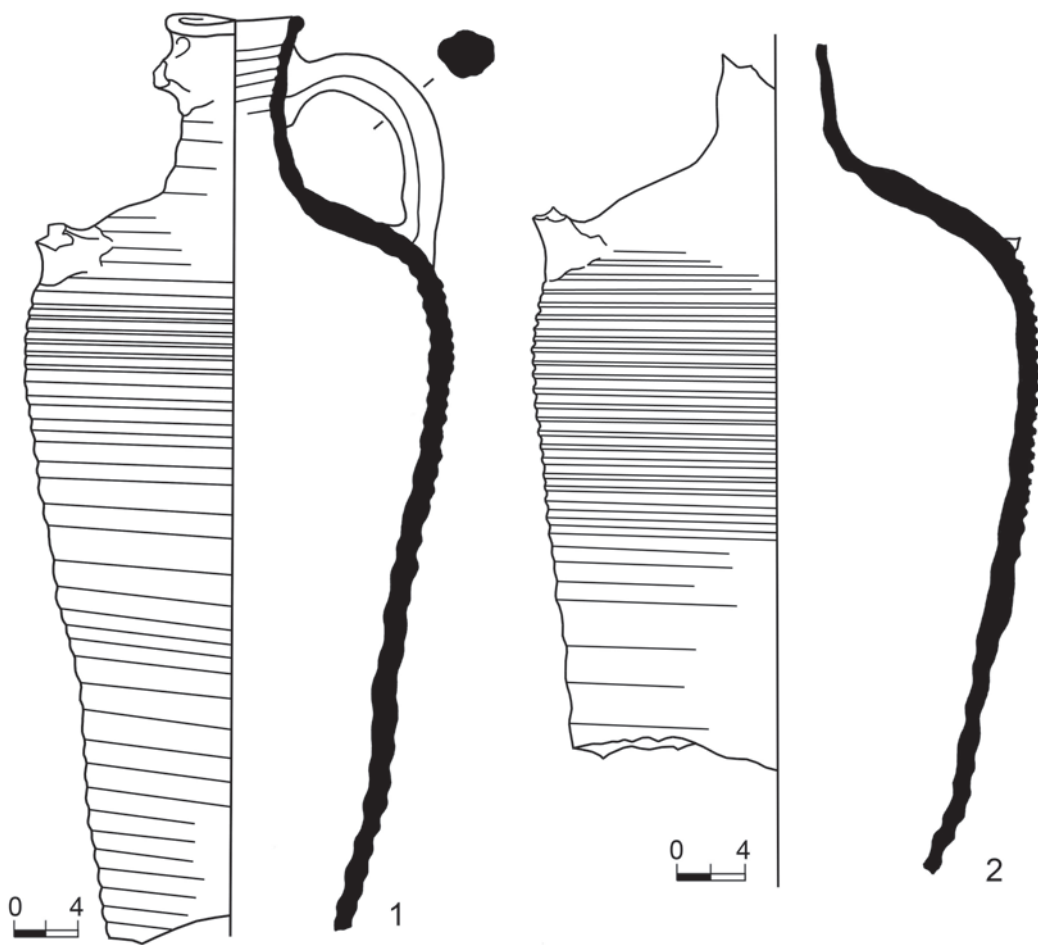
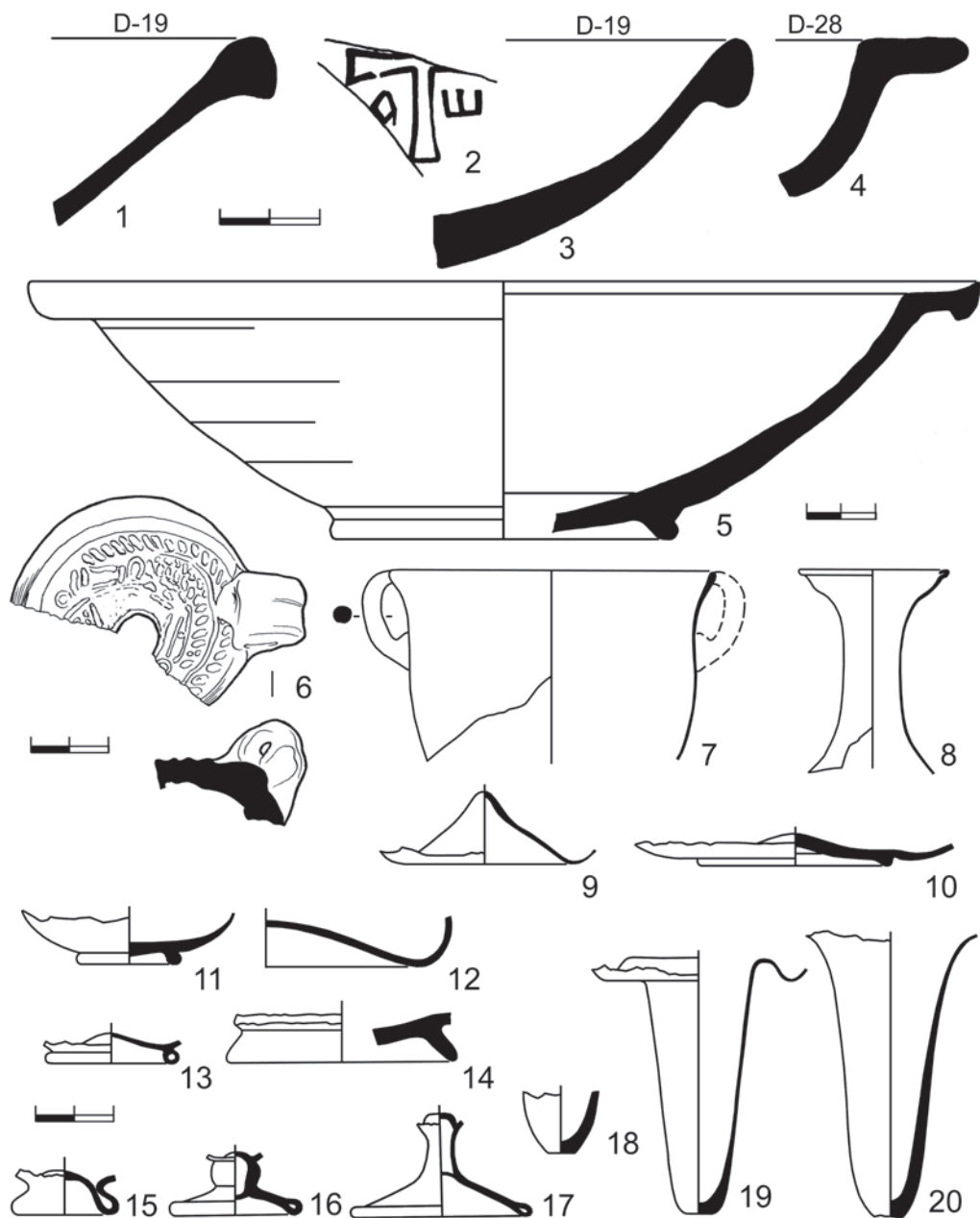

Рис. 14. Амфоры из засыпи подвала под помещениями 6 и 7а квартала VIII (рисунки О. И. Малиновской).

Рис. 15. Находки из засыпи подвала под помещениями 6 и 7а квартала VIII. 1-3, 5 – фрагменты краснолаковой посуды; 4 – фрагмент светлоглиняного блюда на высоком кольцевом поддоне; 6 – светильник; 7-20 – фрагменты стеклянных изделий (1-4 – выполнены по полевой описи находок; 5, 6 – рисунки О. И. Малиновской; 7-20 – рисунки И. Б. Гусаковой).

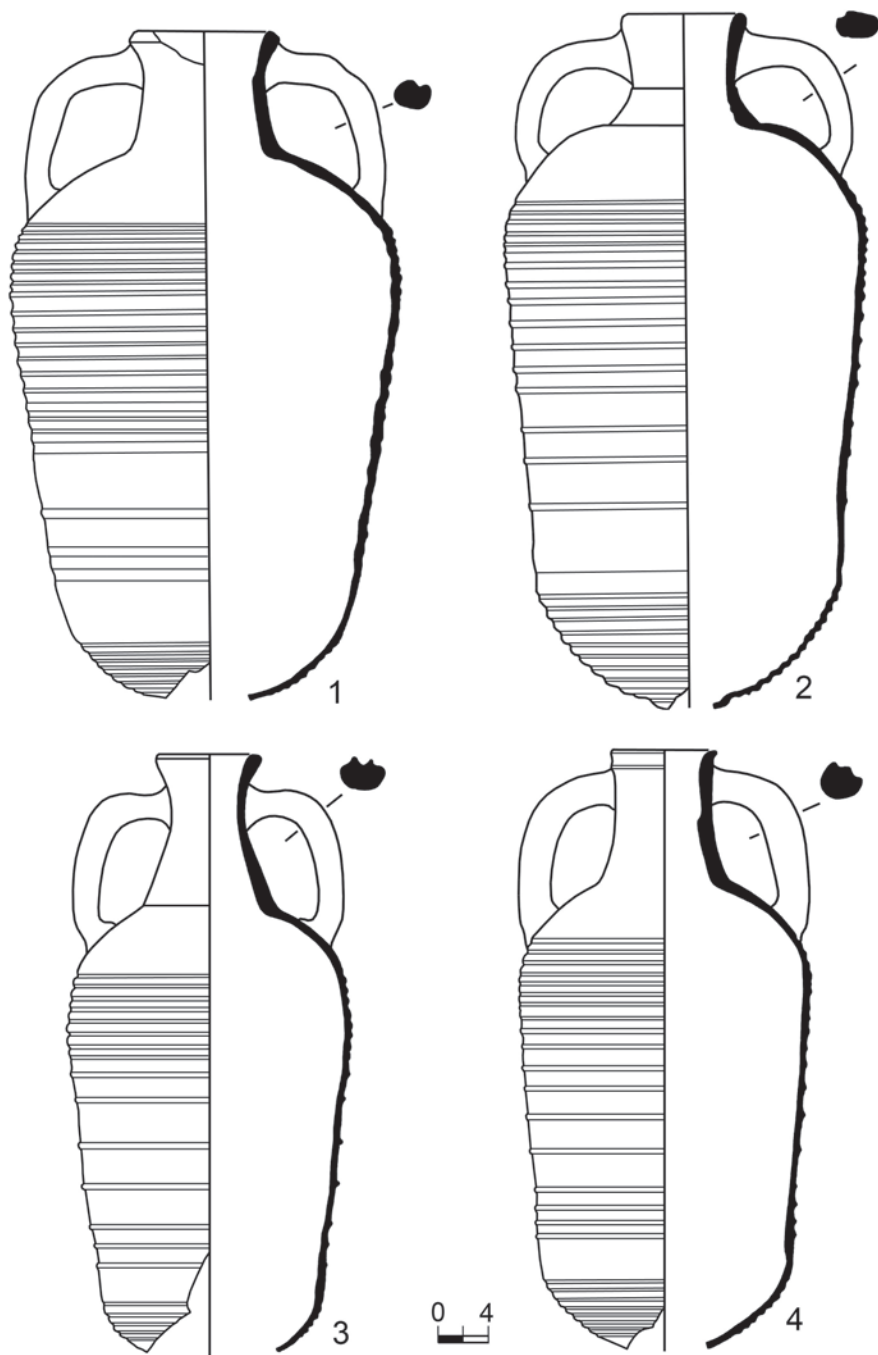

Рис. 16. Амфоры из засыпи цистерны в помещении 9а квартала VIII (рисунки И. Б. Гусаковой).

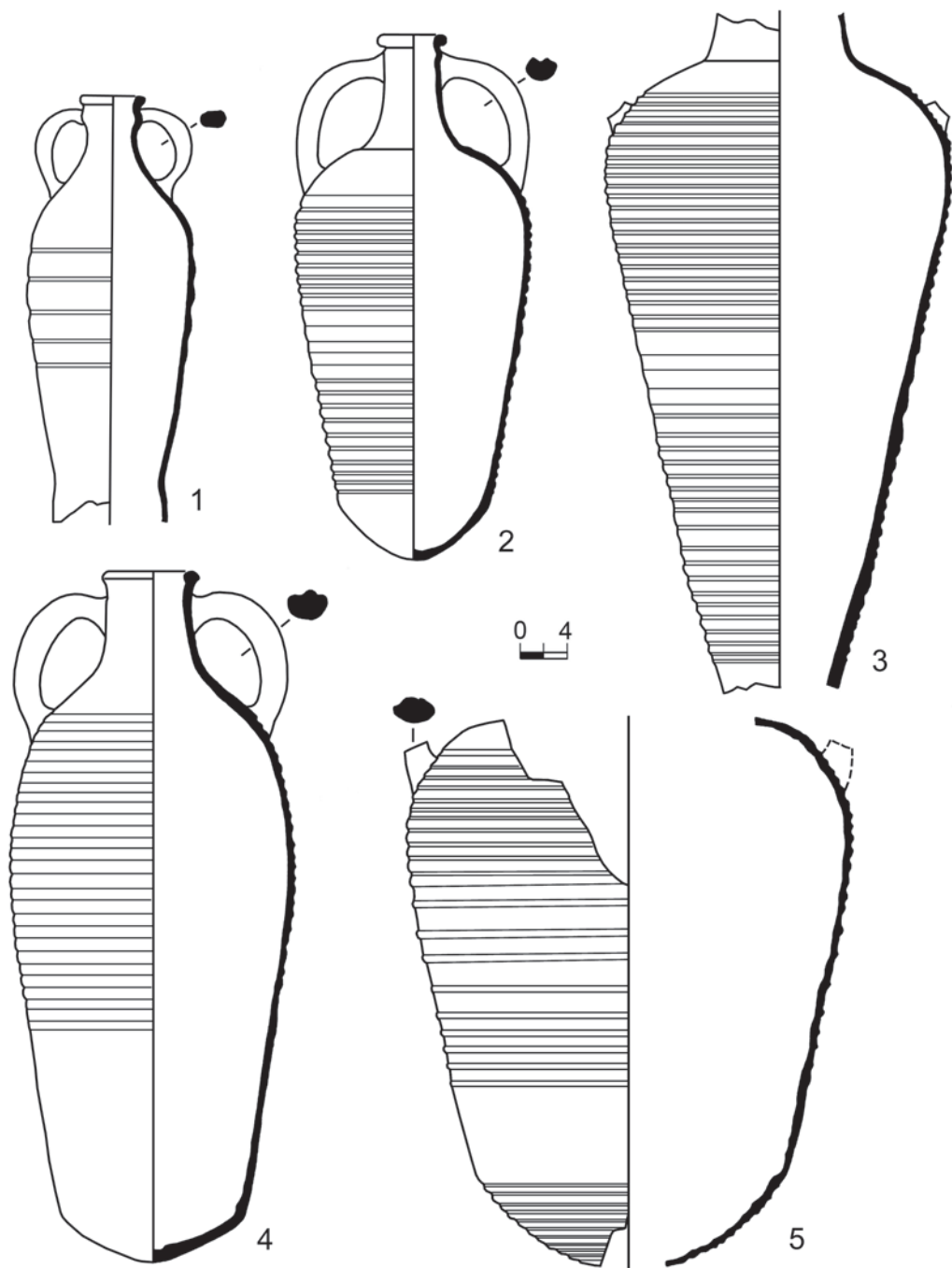
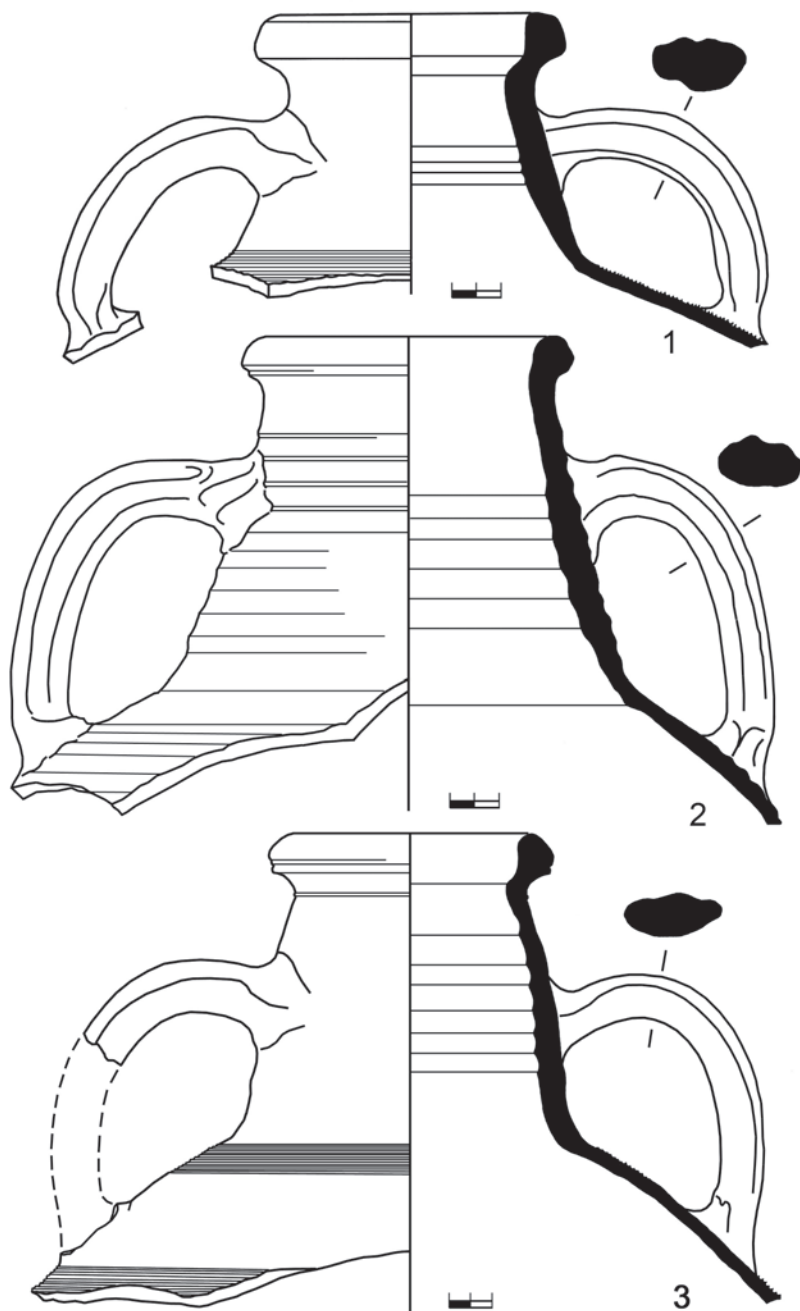
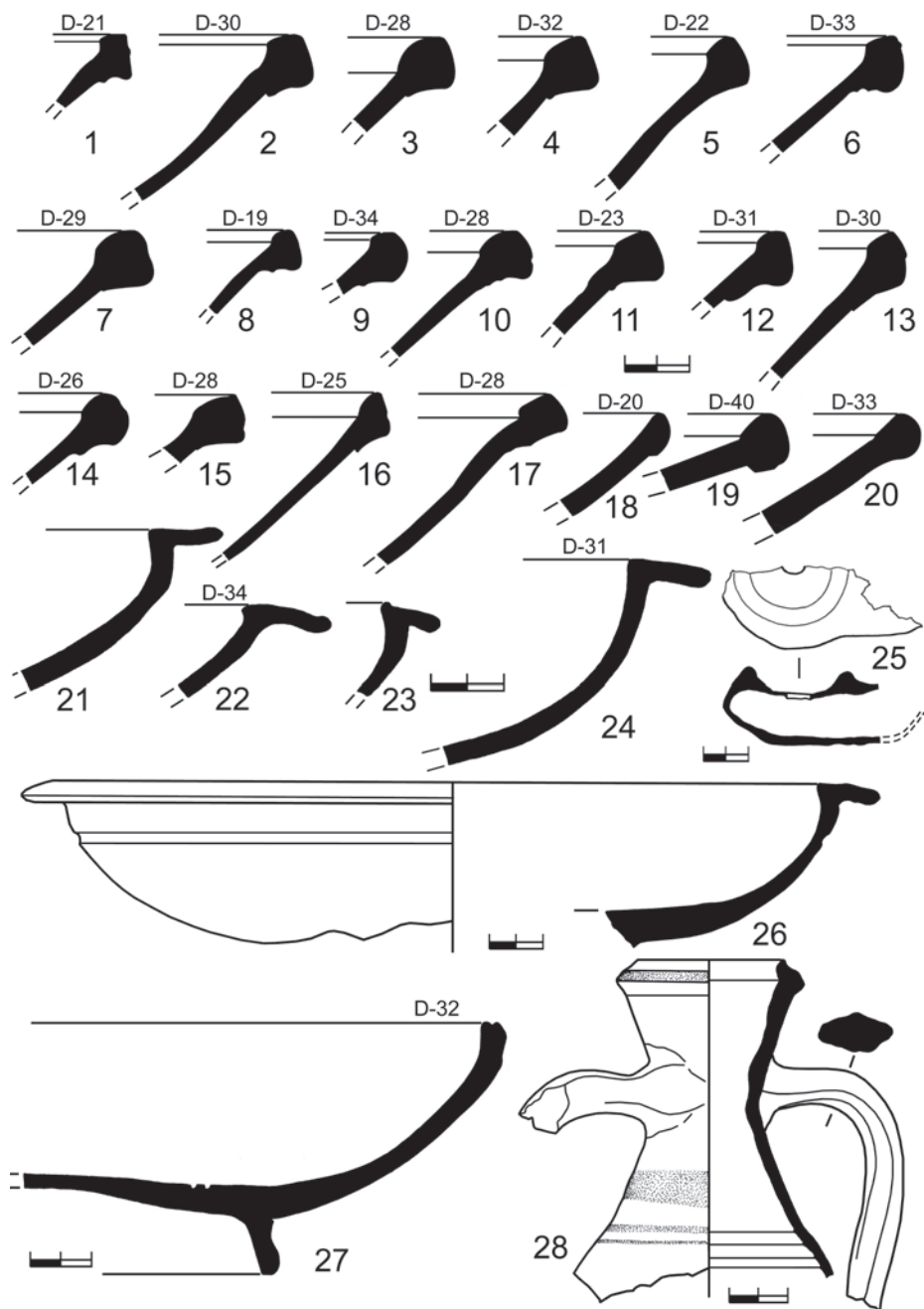

Рис. 17. Амфоры из засыпи цистерны в помещении 9а квартала VIII (рисунки И. Б. Гусаковой).

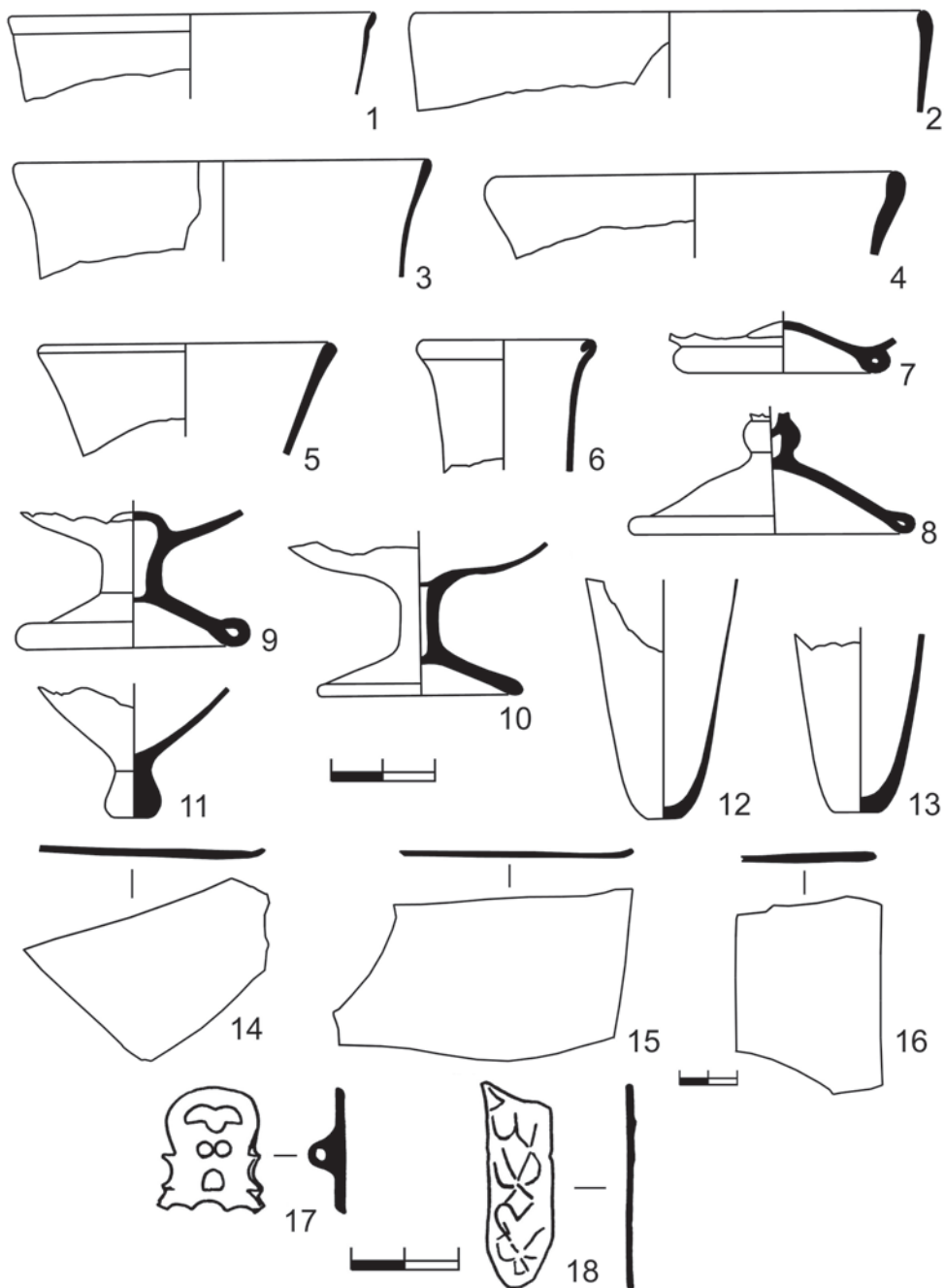

Рис. 18. Амфоры из засыпи цистерны в помещении 9а квартала VIII (рисунки О. И. Малиновской).

Рис. 19. Находки из засыпи цистерны в помещении 9а квартала VIII. 1-20 – фрагменты краснолаковой посуды; 21-24, 26, 27 – фрагменты светлоглиняных блюдец на высоком кольцевом поддоне; 25 – светильник; 28 – красноглиняный кувшин с росписью ангобом (рисунки О. И. Малиновской).

Рис. 20. Находки из засыпи цистерны в помещении 9а квартала VIII.
 1-16 – фрагменты стеклянных изделий; 17-18 – изделия из металла (рисунки И. Б. Гусаковой).

О. А. АНДРЕЕВА

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦИСТЕРН ХЕРСОНЕСА (раскопки 1992 и 1997 гг.)

Широкое использование изделий из кости и рога в древнем Херсонесе несопоставимо с их малочисленностью во время раскопок. По сравнению с другими группами археологического материала, костяные предметы исчисляются единицами. Однако постоянство этих находок позволило создать довольно значительную коллекцию, которая продолжает пополняться новыми экземплярами.

В 1992 и 1997 годах в Северном районе Херсонеса (квартал X и X «Б») были раскопаны две рыбозасолочные цистерны [1, л. 3-6; 2, л. 6-18]. Наряду с массовым керамическим материалом, монетами, изделиями из стекла и металла, в цистернах было найдено 8 костяных предметов, о которых и пойдет речь в настоящей статье. Основная цель – представить новые находки хорошо известных форм и типов и ввести в научный оборот новый для херсонесской коллекции предмет.

При исследовании костяных изделий существует ряд трудностей. Консервативность материала диктует консервативность формы, а это, в свою очередь, размывает хронологические границы. Назначение многих утилитарных предметов при их разнообразии часто непонятно или спорно. Слои с археологическим материалом в большинстве случаев смешанного характера. И, наконец, сохранность предмета не всегда удовлетворительна. Таким образом, вопросы назначения, места и времени производства отдельных костяных поделок остаются пока открытыми, что позволяет, при отсутствии аналогий, давать им ту или иную трактовку.

Для костяных изделий, проигрывающих в процентном отношении и не обладающих «датирующим» иммунитетом, место находки играет особую роль. В закрытом комплексе или надежно датированном слое они приобретают хронологическую определенность и научную ценность.

Цистерны, о которых идет речь, были засыпаны, по мнению их исследователя С. Г. Рыжова, в конце VI – начале VII вв. [1, л. 6; 2, л. 18], что находит подтверждение в извлеченном из них археологическом материале.

Костяные изделия – 3 из цистерны в X квартале и 5 из цистерны в X «Б» квартале – представляют собой индивидуальные образцы. Исходя из функционального назначения, находки разделены на группы. В качестве сырья использована простая кость-цевка, рог и слоновая кость. Предметы, изготовленные из цевки и рога, являются продукцией местных мастеров. Это подтверждают многочисленные находки в Херсонесе готовых изделий, астрагалов, стержней рогов, трубчатых костей со следами обработки, полуфабрикатов. Предметы из слоновой кости, скорее всего, привозные.

Технология обработки кости и рога в разные исторические периоды оставалась неизменной, как не менялись и орудия труда [3-7; 9]. В арсенале мастера обязательно присутствовали топор, пила, ножи с различными лезвиями, рашпили, стамески. Наличие следов от этих инструментов на некоторых изделиях и исходном материале подтверждает это и дает информацию к размышлению. В большинстве случаев видны следы губчатой ткани, которая удалялась сверлением или выскабливанием. Сквозные отверстия и углубления на многих предметах тоже требовали применения сверла или шила. Для изготовления и украшения определенных поделок использовался токарный станок и циркуль. Абразивами, очевидно, служили небольшие бруски-оселки, которые встречаются в культурных слоях Херсонеса. Тщательно отполированная глянцевая поверхность достигалась, скорее всего, с помощью ткани или кожи. Последними аккордами при работе с костью были окрашивание, инкрустация металлом готовых изделий (в основном, это касается пуговиц, игральные принадлежности).

Количество производимых мастером операций определялось степенью сложности изготавливаемой формы. Одновременно в ходу были предметы, природная форма которых сохранялась полностью, иногда с минимальной подправкой (например, астрагалы, ложила).

Практически все восемь предметов из цистерн доведены до готовой формы, при этом каждое было подвергнуто тем видам операций, которые требовались для воплощения замысла.

Сосуд

Квартал X. Цистерна 1 в помещении 4 усадьбы 1. Сосуд в форме **кубка**, выточенный на токарном станке из цельного куска кости (рис. 1, 1). Высота равна диаметру венчика – 5,2 см. Венчик снаружи моделирован выкружкой, валиком и бороздкой, с внутренней стороны оформлен выступ. Яйцевидное тулово и основание в виде слегка выступающей плоской подставки разграничены слабо намеченной врезкой. На первый взгляд, боковая поверхность подставки воспринималась как плохо обработанный или недооформленный полувалик. Однако при более тщательном визуальном осмотре выявлены существенные детали, позволившие предположить, что работа не завершена мастером. Многочисленные насечки, больше похожие на зарубки, воспринимались

поначалу сколами, возникшими в результате пользования предметом и его долгого пребывания в неблагоприятных условиях. Помимо этого, небольшой участок боковой поверхности подставки стесан, а место заглажено, так что завершённый боковой профиль сосуда выглядит иначе. В центре дна, внутри остался след от сверла – конусовидное в профиле углубление диаметром ок. 4 мм. Неровности и сколы на внутреннем крае венчика также могут быть истолкованы по-разному: либо как свидетельство незавершённости или неудачи мастера, либо как признак активного использования, влияния времени и условий. Первая версия позволяет однозначно говорить о местном происхождении кубка. Это, в свою очередь, даёт информацию об инструментари, мастерстве резчиков по кости в раннесредневековом Херсонесе.

Прямых аналогий кубку найти не удалось. Наиболее близки ему по форме, размерам, стилю исполнения костяные пиксиды (*bone puxides / bone puxis*), найденные при раскопках Сарачан [10, р. 232, fig. С,72-77]. Принципиальное отличие заключается в том, что донца пиксид были вставные.

На внутренней кольцевой выемке венчика просматриваются два неглубоких паза, расположенных друг против друга. Подобное конструктивное решение, а также косвенные аналогии предполагают использование крышки соответствующего размера. В связи с этим кажется вполне вероятным назначение кубка: как и пиксиды, он мог служить «коробкой» для сбрасывания игральные кости (*for tossing dice*) и их хранения [10, р. 232; 11, р. 62, fig. 37].

Датировать кубок можно только в комплексе с основным датирующим материалом цистерны. Это в какой-то мере согласуется с возможной датировкой двух из вышеназванных пиксид: *Late Roman to middle 7-th century* [10, р. 232].

Орудие труда

Квартал X «Б». Цистерна 4 во дворе усадьбы 2. Обработанная пястная кость представляет собой **трубку** (длина – 12,5 см, d – 3,5-3,8 см) с зеркально заполированной гладкой наружной поверхностью (рис. 1,5). Внутренняя поверхность заглажена, местами залощена так же, как и поперечные срезы. В отчете о раскопках за 1997 г. поделка названа «горлом бурдюка?» [2, л. 17], с чем нельзя согласиться. Скорее всего, это орудие труда типа ложила или «гладильника». Только трение кости о мягкие поверхности наподобие шерсти, меха, кожи может придать такую зеркальную гладкость поверхности. Следовательно, данное ложило использовали в домашнем текстильном или кожевенном производстве. Простота и доступность, с точки зрения материала, примитивных орудий труда делали возможным их повсеместное применение как в античности, так и в средневековье [5, с. 78-80; 6, с. 43, 122, 162, табл. III,12-17; 9, с. 82-84, рис. 39,2].

Принадлежности для игр

Квартал X. Цистерна 1 в помещении 4 усадьбы 1. В цистерне найдены 2 предмета этой распространенной группы вещей. Они характеризуют две разные игры и, соответственно, выглядят по-разному – фишка и пешка.

Фишка представляет собой линзовидный диск со слегка выпуклой внешней стороной (рис. 1,3). Ее размеры: d – 1,8x2 см, толщина – 0,4 см. В качестве сырья для ее изготовления использована роговая пластинка, вырезанная ножом. Края заглажены, обе поверхности отполированы. На тыльной стороне просматривается губчатая структура материала – следствие частого использования. На внешней стороне прорезанные ножом четыре пересекающиеся линии образуют восьмимилучевую звезду. Количество пересекающихся графических линий на каждой фишке свое, но фигурируют только три возможных числа: 2, 3 и 4. За счет дополнительного элемента – точки и ее местоположения – достигается разнообразие орнаментальных фигур. Единственное объяснение изображенных знаков напрашивается само собой – они обозначают достоинство фишки в игре. Подобные фишки и связанные с ними игры были известны в Херсонесе и далеко за его пределами и в античности, и в средневековье [13, с. 217-222, pl. 99, 1694-1699; 6, с. 84-86, 182, табл. XVIII, 2; 8, с. 92, рис. 5, 123-124; 14, с. 47-49, рис. 1, 2].

Пешка изготовлена предположительно из слоновой кости (рис. 1,2). Цилиндр с округлой вершиной выточен на токарном станке. Диаметр и высота почти одинаковы – соответственно 2,3 и 2,2 см. Поверхность идеально выровнена и зеркально отполирована. В центре, как и у других подобных образцов, высверлен канал на всю высоту фигурки, а затем полость закрыта другой заготовкой, не совпадающей по размеру. Только после соединения 2-х частей на верхнем и нижнем основании шахматной фигуры циркульным резцом были вырезаны концентрические окружности с точкой в центре. Последний этап в изготовлении пешки – окраска розовой краской, остатки которой заметны в линиях окружностей на обоих основаниях.

Пешки аналогичной формы, как и фишки, имеют широкий ареал и хронологию аналогий [10, р. 260, fig. N, 504-513; 13, р. 129, pl. 64, 875; р. 219, pl. 99, 1688; 15, с. 137-138, рис. 4, 7; 16, р. 77, 256-257, fig. 29, 296]. За исключением Коринфа, нижняя дата остальных находок приходится на VII в. [10, р. 260, fig. N, 504, 507-510; 15, с. 137, рис. 4; 16, р. 77, 256-257, fig. 29, 296]. Коринфские находки датированы римским периодом, при этом № 875 включен в раздел мебельной фурнитуры [13, р. 129, № 875, р. 219, № 1688]. В Херсонесе подобные пешки встречались в смешанных слоях и в слоях с материалом IX-XII вв. [12, л. 6-8]. В 2006 году при раскопках на участке базилики Крузе в Северо-восточном районе аналогичная фигура была найдена в четко датированном слое ранневизантийской засыпи [22, л. 5, 9, л. 101, рис. 106, л. 144, рис. 150, 1, л. 165, № 74]. Вырезали их в, основном, из обычной кости и рога. Поделки из слоновой кости были дорогими, а потому редкими.

Квартал X «Б». Цистерна 4 во дворе усадьбы 2. Последней поделкой, связанной, вероятно, с детской игрой в шарики, является маленький **шарик** диаметром 1,4 см (рис. 1,4). Он также выточен на токарном станке из слоновой

кости и тщательно отполирован. Шарик из слоновой кости почти такого же размера был найден в Коринфе в кувшине с монетами Феодосия I (379-395 гг.) [13, p. 222, № 1759, pl. 100].

Предметы-фиксаторы

В цистерне 4 во дворе усадьбы 2 найдены три изделия, которые, так или иначе, использовались в качестве фиксатора. Основу формы всех трех составляет стержень, доработанный и различающийся деталями в соответствии с назначением (предполагаемым использованием) предмета.

Высоким качеством исполнения, соразмерностью деталей отличается маленькая **булавка** с выточенной круглой головкой и украшающим валиком на одном конце и заостренным вторым концом (рис. 1,6). Сделана она из слоновой кости. Длина булавки – 3,8 см, диаметр головки – 0,5 см. Стержень короткий, утолщен в средней части. Поверхность булавки зеркально отполирована. Дополнительным декоративным элементом служат врезные окружности на валике и посередине стержня. Идеальность окружностей достигнута при помощи одновременного действия резца и токарного станка. Сохранившиеся остатки розовой краски говорят о том, что врезные линии были подкрашены. Такие булавки сохраняют свою форму на протяжении длительного времени [13, p. 177, pl. 79, 1263-1265; 10, p. 255-256, № 434-437; 8, с. 90, рис. 4,86-88, с. 101, кат. 86-88]. Материал, качество исполнения, использование розовой краски – все это сближает описываемый образец с игровой пешкой из этой же цистерны и наводит на мысль о едином авторстве.

Шпилька и застежка изготовлены из грифельной кости. Оба предмета объединяют стиль и техника исполнения, выразившаяся всего в двух операциях. Первоначально они были выструганы ножом, а затем посредством подрезания и подтески получили заданную форму. Вслед за этим их отшлифовали абразивом. Неровность и залоченность поверхности, грубоватость работы и в том, и в другом случае налицо. Вполне вероятно, что изделия, получив готовую форму, не были завершены, так как не прошли операцию полировки. С другой стороны, нельзя исключать тот факт, что они вполне устраивали заказчика своим незавершенным видом. **Шпилька для волос** представляет собой стержень с овальной головкой, вырезанный из единого куска (рис. 1,7). Длина – 9,3 см, d стержня – 0,4 см, d головки – 0,5 см, h головки – 0,8 см. Между головкой и стержнем врезкой обозначена граница, и в этом же месте стержень заузен. Другой конец шпильки, как и положено, заострен. Шпильки близкой формы датируются III-IV вв. н.э. [13, p. 283, pl. 118, 2304; 16, p. 54, 238-239, fig. 20, 182; 17, p. 239, 286, pl. III, 129, p. 297; 18, с. 144, 152, табл. II, 13-15; 20, p. 148, тип 6, p. 260; 21, p. 92, 263, taf. 47, 2611]. В типологии М. Внгу они включены во 2-ю группу с шаровидной головкой, тип I-II [11, p. 31-32, 154-157, pl. XVI-XIX, 157-188]. В 1975 г. во время раскопок западного некрополя Херсонеса, в склепе № 2 II-III вв. н.э. была найдена аналогичная шпилька (инв. № 14/36898) [19, л. 9, 12, 41].

Застежка использовалась, вероятно, для крепления узды, хотя не исключены и иные возможности ее применения (рис. 1,8). Оба конца стержня оформлены в виде «луковиц» (onion-shaped). В центре стержня сделан перехват. Длина застежки – 8,8 см, d стержня – 0,35 см, d головки – 0,6 см. Точной аналогии данному изделию найти не удалось. Можно провести параллель со шпильками, у которых на одном конце подобная головка-«луковка». Шпильки с биконической головкой («луковкой») составляют отдельный тип и считаются характерными для IV в. [11, type IX, p. 32, 165, pl. XXVII, 287-288; 20, type 13, p. 145, 150; 21, p. 96, 265, taf. 49, 2682, 2690, 2704, p. 266, taf. 50, 2709].

Костяные находки из цистерн, раскопанных в X и X «Б» кварталах Северного района Херсонеса в 1992 и 1997 годах, представляют интерес для исследования и подводят к следующим выводам:

1. Наличие конкретных костяных предметов в комплексах рыбозасолочных цистерн, засыпанных в конце VI – начале VII вв., позволяет зафиксировать их в границах позднеимперского–ранневизантийского времени. Существование в хронологическом контексте важно как для редких, так и широко распространенных массовых изделий.

2. Все предметы имеют готовую форму, позволяющую соотнести их с тем или иным функциональным назначением.

3. Каждый предмет индивидуален в своем назначении, что говорит о возможности широкого и разнообразного использования в быту такого материала, как кость, характеризует уровень и состояние этого вида ремесленного производства в позднеимперский–ранневизантийский период.

4. Практически готовая форма изделий дает представление о технике изготовления, количестве и последовательности ее операций в связи с каждым конкретным случаем. Наряду с простыми предметами, не требовавшими больших затрат времени, средств, полного технологического цикла для их изготовления, в цистерне оказались вещи, для которых необходимы были мастерство и сложные инструменты.

5. Представляется, что большинство костяных находок местного производства. Предметы из слоновой кости (?), скорее всего, попали в Херсонес со своими владельцами, или в качестве подарка.

6. Несмотря на высокий уровень техники и обработки, разнообразие продукции, косторезное ремесло не играло такой роли, как керамическое производство или металлообработка. Тем не менее, оно соприкасалось с различными сторонами производственной деятельности горожан и обслуживало различные бытовые потребности.

7. Цистерны благодаря изделиям из кости оказываются «хранителями» редких, подчас единственных образцов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках кварталов X и X «А» в Северном районе Херсонеса в 1992 г. // НА НЗХТ. Д. № 3114.
2. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках квартала X «Б» в 1997 г. // НА НЗХТ. Д. № 3344.
3. Изюмова С.А. Техника обработки кости в дяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. 1949. Вып. XXX.
4. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I-IV веках н.э. Харьков, 1970.
5. Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2.
6. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
7. Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне: по материалам раскопок Портового квартала 2 // АДСВ. 1997. Вып. 28.
8. Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Свердловск, 1981.
9. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло. СПб., 2001.
10. Gill M.V. The small finds // Excavations at Saraçhane in Istanbul. 1986. Vol. I. The Excavations, Structures, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones and Molluscs.
11. Выу М.Т. The bone objects of the Roman collection. Budapest, 1994.
12. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «Б» квартала в Северном районе Херсонеса в 1994 г. // НА НЗХТ. Д. № 3220.
13. Davidson G. The Minor Objects // Corinth. Princeton, New Jersey, 1952. Vol. XII.
14. Пуцко М.Н. Резные кости из старых херсонесских находок // Byzantinoslavica. Prague, 1974. XXXV.
15. Станчева М. За някои технологични традиции обработката на кост през средните векове // Acta musei Varnaensis III-2. Българските земи през средновековието (VII-XVIII в.). Международна конференция в чест на 70-годишнината на проф. Александър Кузев. Варна, 12-14 септември 2002 г.
16. Aylon Etan. The assemblage of bone and ivory artifacts from Caesarea Maritima, Israel 1st-13th centuries CE. BAR International Series 1457. 2005.
17. Elefterescu Dan. Obiecte din os de la Durostorum. I // Pontica. 2008. XLI.
18. Владкова П. Костени тоалетни принадлежности от Нове // Известия на Исторически музей. Велико Търново, 1996. XI.
19. Зубарь В.М., Рыжов С.Г. Отчет о раскопках Херсонесского некрополя в 1975 г. // НА НЗХТ. Д. № 1778.
20. Ad Fines. Das spätrömische Kastell Pfy. Befunde und Funde // Archäologie im Thurgau 8.1. Thurgau, 2008.
21. Ad Fines. Das spätrömische Kastell Pfy. Katalog und Tafeln // Archäologie im Thurgau 8.2. Thurgau, 2003.
22. Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. № 3860.

Андреева О. А.

**Костяные изделия из цистерн Херсонеса
(раскопки 1992 и 1997 гг.)**

Резюме

Статья представляет изделия из кости как часть ранневизантийских комплексов, исследованных в X и X «Б» кварталах Северного района Херсонеса в 1992 и 1997 годах. В качестве сырья кость всегда была привлекательна для ремесленников Херсонеса своими свойствами, относительной доступностью, возможностью разнообразного применения. Это подтверждают восемь костяных изделий, обнаруженных в двух рыбозасолочных цистернах, засыпанных в VI – начале VII вв. Форма предметов разной степени сложности, она определяет их назначение и количество операций, потраченных на изготовление каждого. В своей работе ремесленники применяли хорошо известную технологию и необходимые орудия труда. Находки разделены на четыре группы в соответствии с их функциональным назначением. Шесть из восьми, в том числе и кубок, являются продукцией херсонесских мастеров. Материал, мастерство исполнения и декор отличают шахматную пешку и булавку от других предметов. Цистерны в X и X «Б» кварталах как закрытые комплексы и аналогии придали хронологическую определенность конкретным костяным находкам, подтвердили существование подобных форм и типов в IV-VI вв. и дополнили херсонесскую коллекцию новыми экземплярами.

Андреева О. А.

**Кістяні вироби з цистерн Херсонеса
(розкопки 1992 і 1997 рр.)**

Резюме

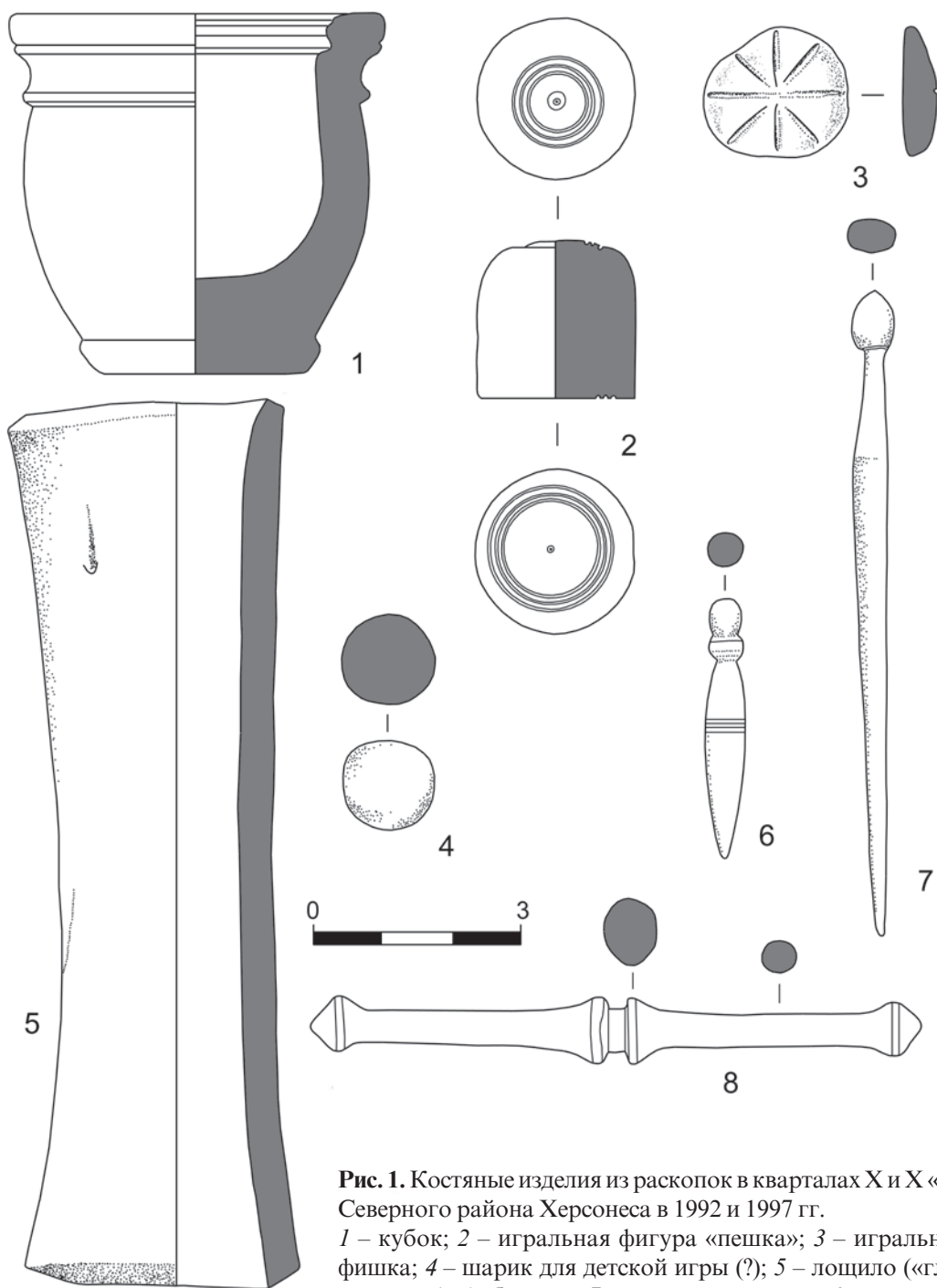
Стаття представляє вироби з кістки як частини ранньовізантійських комплексів, що досліджувалися в X та X «Б» кварталах Північного району Херсонеса в 1992 і 1997 роках. Як сировина кість завжди була приваблива для ремісників Херсонеса своїми властивостями, відносною доступністю, можливістю різноманітного вживання. Це підтверджують вісім кістяних виробів, виявлених в двох рыбозасолювальних цистернах, засипаних у VI – на початку VII ст. Форма предметів різного ступеню складності, вона визначає їх призначення і кількість операцій, витрачених на виготовлення кожного. У своїй роботі ремісники застосовували добре відому технологію і необхідні знаряддя праці. Знахідки розділені на чотири групи відповідно до їх функціонального призначення. Шість з восьми, у тому числі і кубок, є продукцією херсонеських майстрів. Матеріал, майстерність виконання і декор відрізняють шахового пішака і шпильку від інших предметів. Цистерни в X та X «Б» кварталах як закриті комплекси і аналогії додали хронологічну визначеність конкретним кістяним знахідкам, підтвердили існування подібних форм і типів у IV-VI ст. і доповнили херсонеську колекцію новими екземплярами.

Andreyeva O. A.

**Bone Objects from Chersonesian Fish-salting Cisterns
(Excavations of 1992 and 1997)**

Summary

The article presents bone objects as a part of early Byzantine deposits uncovered in 1992, 1997; they were investigated in X and X «Б» quarters of the Northern District in Chersonesos. As a raw material bone had always been attractive to craftsmen of Chersonesos due to their properties, relative accessibility, and the possibility of various applications. This is supported by findings of eight bone artifacts in two fish-salting cisterns buried in the 6th – early 7th centuries AD. The form of objects of varying difficulty, it defines their purpose and the number of operations spent on each bone ware. In their work craftsmen used the well-known technology and the necessary tools. The finds were subdivided into four groups according to their functional purpose. Six out of eight objects, including a cup, are products of Chersonese masters. Material, craftsmanship and décor distinguish a chess pawn and a pin from other objects. The cisterns in the quarter X and X «Б» as the closed complexes and analogies gave chronological specificity to the concrete bone finds, confirmed existence of similar forms and types in the 4th - 6th centuries AD and complemented Chersonesos collection with new specimens.

Рис. 1. Костяные изделия из раскопок в кварталах X и X «Б» Северного района Херсонеса в 1992 и 1997 гг.
 1 – кубок; 2 – игральная фигура «пешка»; 3 – игральная фишка; 4 – шарик для детской игры (?); 5 – ложило («гладильник»); 6 – булавка; 7 – шпилька для волос; 8 – застежка.

А. И. АЙБАБИН, Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧАСОВНЯ НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

В последний период жизнедеятельности на плато Эски-Кермен почти всю территорию южной половины плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны Главной улицы. В 2003-2008 гг. экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины вела исследование жилого квартала, расположенного на Главной улице напротив пещерного каземата V (рис. 1). В 2007 г. в восточной части квартала зачищены остатки часовни (рис 1, I; 2). Квартальную часовню возвели в IX в. после сноса некоторых построек усадьбы III, от которой сохранились вырубленные в скале пифосообразное зернохранилище (яма 1) и хранилище для двух пифосов (яма 4), ямы, тарапан и давилня, использовавшаяся впоследствии для захоронений (могила 4) [1, с. 215-216, рис. 3-7]. Перед часовней распланировали площадь размерами 5,0x10,0 м.

Прямоугольный в плане одноапсидный храм ориентирован по оси запад-восток с небольшим отклонением к югу (рис. 3). Поскольку от южной стены сохранилось лишь скальное основание, а апсида разрушилась в результате обрушения свода вырубленной под ней костницы, то размеры часовни установлены приблизительно: длина по центральной оси – 6 м, ширина – 4,4 м. Длина северной стены по внешнему периметру – 4,5 м, а длина сохранившейся части кладки западной стены – 3,6 м (рис. 4). На поверхности скалы на длину 2,1 м прослежена постель (ширина 0,3 м) под камни одного из панцирей кладки южной стены. Двухпанцирные стены сооружены вперевязь, на материковой скале, на грязевом растворе с внутренней забутовкой из мелкого камня, обломков черепицы и грунта. Облицовочные кладки сложены с соблюдением порядовки преимущественно из обработанных, подогнанных блоков средних и крупных размеров. В кладке северной стены использованы обломки каменного креста, лицевая сторона которого украшена резными крестами, линиями и кругами (рис. 3, I; 4, I; 5; 6, I, 2). В западной стене сделан вход в часовню шириной 0,9 м (рис. 4, II). Откосы и порог входа выложены обработанными

прямоугольными известняковыми плитами. В одной из плит порога высечено округлое углубление (диаметр 0,15 м) для деревянного запора двери. На восточном краю северной стены зачищено утолщение (ширина 1,1 м), что, очевидно, указывает на перекрытие часовни сводом. Поскольку утолщение сооружено на плотной засыпи могилы 4, то в его основание поверх засыпи положили большую плиту.

Пол часовни подрублен на 0,2 м ниже природного уровня скалы и тщательно выровнен. В скальном полу вырублены могилы 1 и 2. Для захоронений использовали и яму 1 (могила 5), сохранившуюся от усадьбы предыдущего строительного периода.

Могила 1. Овальная в плане могила, вырубленная с небольшим подбоем под основанием южной стены, ориентирована по оси СЗ-ЮВ (рис. 7; 8). Длина – 2,04 м; ширина – 0,56 м. Глубина 0,3 м от уровня скального пола помещения. Глубина могилы от естественного уровня скалы 0,5 м. Из верхней части засыпи могилы извлекли фрагменты белоглиняного горшка с желтой глазурью, тонкостенного горшка, покрытого светло-коричневой глазурью и белоглиняной миски, покрытой желтой глазурью типа GWW II¹ [2, p. 18-29, fig. 6-10], пифосов, высокогорлого кувшина с плоскими ручками, керамид, железные кованый гвоздь с круглой плоской шляпкой (длина 6,1 см; рис. 9,3) и фрагмент иглы (длина 2,2 см; рис. 9,2).

В могиле выявлено 4 слоя с 13-ю захоронениями, разделенными 10-15-ти-сантиметровыми прослойками темной земли. В слое 1 зачищены остатки 5-ти детских погребений (№№ 1-5) (рис. 7,II; 8,2). Все костяки переверорощены. Среди костей лежали обломки керамических сосудов, фрагмент верхней части красноглиняной чаши, покрытой зеленой глазурью по светлomu ангобу на внешней стороне и по краю (рис. 9,1), черепицы и кованый железный гвоздь с плоской прямоугольной шляпкой (длина 4,5 см; рис. 9,4). В слое 2 выявлены остатки 5-ти детских погребений (№№ 6-10) (рис. 7,III). In situ прослежено только захоронение 9, совершенное вытянуто на спине, головой на северо-запад. Ноги погребенного были прикрыты обломком черепицы. В слое 3 зачищены остатки безынвентарных погребений взрослого № 11 и ребенка № 12 (рис. 7,IV). Взрослого похоронили вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутой вдоль туловища правой рукой и с согнутой в локте левой рукой. На дне могилы, в слое 4 найдено безынвентарное погребение взрослого № 13, похороненного вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутой вдоль туловища правой рукой и с согнутой в локте левой рукой (рис. 7,V; 8,3).

Могила 2. Яма неправильной в плане формы по оси СЗ-ЮВ (длина – 1,8 м,

¹ Анализ керамики выполнен в процессе подготовки ежегодных отчетов о раскопках в 2003-2008 гг. научным сотрудником Института археологии РАН Л. А. Голофаст и научным сотрудником Крымского отделения Института востоковедения НАНУ А. В. Смокотинной.

ширина – 0,52 м, глубина – 0,25 м от уровня пола) (рис. 10; 11). Поверх засыпи могилы, на уровне пола часовни лежали два прямоугольных известняковых блока от внутренней облицовки северной стены (рис. 10, I; 11, I). В могиле выявлены остатки безынвентарных погребений трех взрослых, захороненных один над другим, вытянуто на спине, головой на северо-запад, с согнутыми в локтях руками (рис. 10, III-V; 11, 2, 3). Погребения отделялись 10-тисантиметровыми прослойками темной земли.

Могила 5 (в яме 1). Для захоронений использована пифосообразная хозяйственная яма 1 (диаметр – 1,04 м, глубина от уровня пола часовни – 1,45 м), вырубленная у входа в часовню в предшествующий период (рис. 12; 13). Для фиксации перекрытия у горловины ямы высечены четыре прямоугольных паза.

Верхний слой (толщиной 0,48 м) заполнения ямы состоял из светло-серого грунта с включением прослоек необожженной глины и углей от сгоревших балок, насыщенного мелкими фрагментами керамид (рис. 12, а). В нем выявлены: фрагменты белоглиняных поливных сосудов типа GWW IV [2, p. 30-33, fig. 11, 8-26] (рис. 14, 1, 2), амфор с бугристой внутренней поверхностью класса 52 по херсонесской классификации 1995 г. (ХК-95) [3, с. 83-88], с высоко поднятыми ручками класса 45 по ХК-95 [3, с. 73-77], бронзовая цепь с петлей на завершении от ламподофора, состоящая из проволочных восьмерковидных звеньев (длина 22,8 см; рис. 9, 12), костяное полусферическое пряслице с отверстием в центре, с резным декором (диаметр 2,0 см; высота 1,0 см; рис. 9, 6), железные черешковый наконечник стрелы (длина 6,6 см; рис. 9, 7) и гвозди (длина 5,0 см; рис. 9, 5). Костяные пряслица (рис. 9, 6) или, как называют их некоторые исследователи, – пуговицы, были широко распространены в Византии в X-XIV вв. [4, p. 297, pl. 123; 124, 2567-2572; 5, p. 262, cat. 527-533, 536, 537; 6, p. 366-368, cat. 435-438, 442]. Они известны на памятниках домонгольской Руси и кочевников южнорусских степей [7, с. 102-102, рис. 52, 1-6]. Находки аналогичных изделий многочисленны в Херсоне, в слоях XI-XIV вв. [8, с. 86, 91-92, рис. 1, 3; 4, 66-68, 70-72; 9, с. 217, 256, рис. 22, 4]. Железный плоский ромбовидный наконечник стрелы (рис. 9, 7) однотипен встреченным в могилах кочевников XI-XII вв. [10, табл. XVIII, 23; XX, 37; 11, табл. 29, 5, 7; 12, с. 75, табл. 49, 10].

В светло-сером слое на глубине 0,3 м зачищен скелет ребенка, захороненного вытянуто на спине, головой на запад, с согнутой в локте правой рукой (рис. 12, I). Ниже прослежен серый слой (толщина – 0,55 м), насыщенный золой, мелким камнем и большим количеством мелких костей скелета человека – ребер, позвонков, пальцев рук и ног (рис. 12, II, b; 13, I). В слое обнаружены: две бронзовые серьги из круглой в сечении проволоки с заходящими друг за друга концами (размеры 2,1x2,2 и 2,1x2,7 см; рис. 9, 8, 9), фрагмент бронзовой сферической пуговицы с проволочной петелькой (диаметр 1,4 см; рис. 9, 13), железные гвоздь с овальной шляпкой (длина 7,1 см; рис. 9, 10) и фрагмент кресала (длина 6,2 см; рис. 9, 11). На дне выявлен темный зольный горелый слой мощностью

0,5 м (рис. 12,с; 13,2), в котором найдены: обломок резервуара для воды из известняка (размеры 14,4x21,0x32,0 см; рис. 9,14), фрагменты керамид, белоглиняных сосудов, покрытых желтой и зеленой глазурью типа GWW IV [2, р. 30-33, fig. 11,8-26], амфор с бугристой внутренней поверхностью класса 52 по ХК-95 и с высоко поднятыми ручками класса 45 по ХК-95, а также двадцать фрагментов стеклянной лампы с высоким, слегка отогнутым венчиком диаметром 10,5 см и со сферическим туловом (рис. 14,3). Один из фрагментов стенки декорирован вертикальной накладной полосой из стекла того же цвета, что и весь сосуд. Стекло зеленоватое, с множеством мелких светлых круглых и горизонтальных эллиптических пузырьков. Фрагменты подобных лампад найдены в Коринфе, в слое, отнесенном к XI – первой половине XII вв. [4, р. 112, рл. 57,728] и в Северном районе Херсона, в квартале X в усадьбе 2 (помещение 15) в слое пожара второй половины XIII в. [9, с. 189, 219-220, 224, 257, рис. 23,9,14]. Аналогичная византийская лампада обнаружена в 2007 г. на поселении Бока-таш II (пригород Солхата) (рис. 14,4), в яме для технологического обслуживания топки гончарной печи 25 второй половины XIII в. [13, с. 301-303, 313, рис. 3].

Костница. Под апсидой часовни была вырублена костница, большая часть свода которой вместе с апсидой обрушилась в камеру. Сохранилась округлая в плане камера, ориентированная входом на ЮВ с частью свода (рис. 15; 16). Ее закладная плита не сохранилась. Вероятно, в гробницу пытались забраться в новое время. К началу раскопок верхняя часть камеры не была засыпана. Диаметр камеры по дну – 2,1 м, высота от уровня пола до сохранившейся поверхности свода – 2,3 м. Верхняя часть камеры была завалена камнями (мощность завала 0,8 м), среди которых найдены высеченный из известняка каменный крест (рис. 6,3; 18,1), отшлифованные каменные блоки, в том числе и от кладки апсиды (рис. 17; 18,2,3), фрагменты черепицы и амфор с горлом «воротничкового» типа класса 43 по ХК-95, использовавшиеся во второй половине X – начале XII вв. [3, с. 68-70], а также амфор с дуговидными ручками.

На дне камеры зачищен слой костей, содержавший остатки около 120 скелетов, лежавших не в анатомическом порядке (рис. 15,II; 16,2). Среди костей, помимо большого количества мелких камней и известнякового отеса, обнаружены: серебряная серьга из круглой в сечении проволоки (диаметр 2,4 см; рис. 20,10); бронзовые серьга из круглой в сечении проволоки с заходящими друг за друга концами (диаметр 2,0 см; рис. 20,7); кольцо (диаметр 2,2 см; рис. 20,11); фрагмент литого перстня с фигурной жуковиной (длина 2,3 см; рис. 19,1); четырнадцать сферических пуговиц, отлитых с граненой петелькой для пришивания (высота 1,3-1,4 см; рис. 20,1); семь полых сферических пуговиц, состоящих из двух поперечных половинок с проволоочной петелькой для пришивания (диаметр 0,9x1,1 см; рис. 20,2-6); три литых бубенчика со сплюснутым туловом, украшенным рифлеными поперечными полосами, с прорезью и с небольшим шариком-битой внутри (высота 2,0, 2,1 и 3,2 см; рис. 20,8-13);

фрагмент бубенчика с проволочной петлей (длина 1,5 см; рис. 20,14); деталь книжной застежки (длина 3,5 см; рис. 20,12); железные пластинчатое кресало с отверстием по центру (длина 8,7 см; рис. 19,11); фрагмент лезвия ножа (длина 9,1 см; рис. 19,12); два кольца от удил (диаметр 3,5 и 4,0 см; рис. 19,2,6); крючок (длина 2,5 см; рис. 19,5); браслет из темно-синего стекла (диаметр 8,2 см; рис. 19,7); перламутровая круглая пронизь с крестом на лицевой стороне (диаметр 1,8 см; рис. 19,8); два каменных оселка (длина 5,0 и 7,7 см; рис. 19,10,13), два круглых пряслица, сделанных из стенок керамических сосудов (диаметр 2,8 и 3,2 см; рис. 19,3,4) и фрагмент черепицы с прочерченными крестом и монограммой «Иисус Христос – Ника» (размер 7,0x8,0 см; рис. 19,9), а также фрагменты амфор с высоко поднятыми ручками класса 45 по ХК-95, с дуговидными ручками класса 47 по ХК-95 [3, с. 78] и с бугристой внутренней поверхностью класса 52 по ХК-95, кухонных горшков, черепиц и пифосов.

Синие стеклянные браслеты (рис. 19,7) использовали в Крыму с рубежа IX–X вв. [14, с. 46-47, рис. 7,6-7]. Бронзовые литые бубенчики (рис. 20,8,9,13) аналогичны найденным в Лучистом в склепе 6 с вещами XI–XII вв. [15, с. 69, рис. 34,23,24], в Белой Веже в слое второй половины XI – начала XII вв. [16, с. 234, рис. 82,21] и в Новгороде в слоях X–XV вв. [17, рис. 62,10,12]. Бубенчики, состоящие из двух половинок (рис. 20,14), известны в погребениях XII – первой половины XIII вв. из Судака [18, с. 97, рис. 68,4]. Бронзовые пуговицы носили на полуострове с VIII в. [14, с. 47, рис. 6,6-8,16-17; 7,16]. Такие пуговицы в могильнике на склоне Эски-Кермена обнаружены с упомянутыми выше браслетами из синего стекла, а в древнерусских курганах – с монетами X–XI вв. [19, табл. 8,15]. Серьги и височные кольца из гладкой бронзовой проволоки с сомкнутыми концами аналогичны найденным в древнерусских захоронениях с монетами X–XI вв. [19, табл. 2,12; 3,23,24; 12,10,23; 13,5-7]. Детали книжных застежек (рис. 20,12) известны в Коринфе, в слоях, относимых к X–XII вв. [4, р. 127-128, pl. 63,852-857], в Болгарии на памятниках XII–XIV вв. [20, табл. IV,10; 21, обр. 10,к], в Херсоне в усадьбе XIII вв. [22, с. 178, рис. 12]. Железные двухлезвийные прямоугольные кресала с прямоугольной прорезью типа А1 (по Г. А. Федорову-Давыдову) были распространены у кочевников в X–XIV вв. [23, с. 66, 84, рис. 12,8А1; 11, табл. 27,11; 32,3; 36,4,5; 39,11,12; 42,2; 46,1; 24, с. 321, рис. 3,2].

Находка в костнице обломка черепицы с изображением креста (рис. 19,9) связана с характерным для позднесредневекового периода обычаем класть умершему под голову фрагмент керамического сосуда с процарапанным крестом. Аналогичный обряд зафиксирован в могильнике у с. Лучистое, на участке с погребениями конца XII – середины XVIII вв. [25, с. 288; 26, с. 176].

Однотипные костницы раскрыты на подъемной дороге на плато Эски-Кермен [27, с. 35] и на плато Мангуп [28, с. 421-424, рис. 3]. По предположению Н. И. Репникова, в таких костницах были перезахоронены останки

первоначально погребенных в могилах. Он полагал, что подобный обряд распространился из Сирии и Малой Азии [29, с. 180]. Скорее всего, появление на городище с конца IX в. нового обряда перезахоронения в костницах связано с укоренением христианского мировоззрения. Со второй половины IX в. на некрополе на склоне Эски-Кермена прекратили хоронить в типичных для раннего средневековья подбойных могилах и склепах. С рубежа IX–X вв. здесь вырубали гробницы и склепы, аналогичные по форме камере церковной усыпальницы [14, с. 48, рис. 5,1-4; 6,3-5,9,10-12,19; 7,6,7].

Большая часть площади скального пола часовни перекрыта дерном, под которым только в северной части постройки выявлен небольшой завал камней толщиной до 0,3 м. В дерновом слое обнаружены многочисленные осколки снарядов времен Второй мировой войны, фрагменты светлоглиняной чаши с зеленой глазурью на внутренней стороне, амфор с дуговидными ручками класса 47 по ХК-95, с высоко поднятыми ручками класса 48 по ХК-95 [3, с. 80-81], амфор с бугристой внутренней поверхностью класса 52 по ХК-95, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, керамид и калиптеров, петлевидная ручка от сосуда из зеленого прозрачного стекла (длина 1,8 см; рис. 21,6), фрагмент стенки сосуда из прозрачного желтоватого стекла (размер 1,8x2,0 см; рис. 21,1) и железный гвоздь (длина 5,3 см; рис. 21,2). В развале камней найдены фрагменты чашки, покрытой зеленой поливой, сосуда, покрытого желтой поливой, амфор класса 45 по ХК-95, гончарного горшка, пифоса, керамид, круглая крышка для узкогорлого сосуда, сделанная из центрального поля черепицы (размер 6,5x7,5 см; рис. 21,7), железные гвозди (длина 2,6; 5,8-7,7 см; рис. 21,3-5,8,9), фрагменты кольца (диаметр 1,8 см; рис. 21,10), проволочного крючка (длина 4,2 см; рис. 21,12), пластины (длина 3,5 см; рис. 21,13), а также обломки архитектурных деталей из известняка (рис. 21,11,14; 24,1,2).

В развале камней около северной стены найдены херсоно-византийская бронзовая монета с монограммой «ро» и лицевая створка бронзового литого энколпиона с прямыми, немного расширяющимися концами, с выступающими «слезками» на углах, с изображением Распятия, выполненным тонкими углубленными линиями (рис. 22). Христос изображен с прямым торсом, прямыми руками, в колобии. Перекладина Крестного дерева, возглавие и подножие выполнены тонкими углубленными линиями. Под руками Христа углубленными линиями прорезана надпись: на левом конце створки – IC XC, на правом конце – ННКА. В возглавии – инициал Х. По технике исполнения и иконографии изображений энколпион относится к группе так называемых сирийских² [30, с. 13-14] или сиро-палестинских крестов [31, с. 93-95]. Кресты с изображением Распятия на лицевой стороне выделены в отдельный

² За консультацию об атрибуции энколпиона приносим глубокую благодарность А. А. Песковой.

тип [31, с. 94-95; 32, с. 52-54]. Как правило, на их обратной стороне изображена Богоматерь – оранта. Такие кресты найдены в Херсоне, в Портовом квартале 2, в слое XIII в. [33, с. 164, кат. 172] и в помещениях XIII–XIV вв. [34, р. 154, 156, fig. 4; 31, с. 93], в Сербии [35, с. 43-44, кат. 36, 38], в Болгарии на памятниках X–XI вв. [32, с. 52-54, табл. I]. По форме наиболее близок публикуемому энколпион из Преслава [36, с. 32-33, обр. 2]. Полагают, что энколпионы, производившиеся при монастырях и мартириях в Сирии и Палестине, развозили паломники во все концы христианского мира [31, с. 94].

Плоскодонные амфоры с дуговидными ручками класса 47 по ХК-95 в Херсоне характерны для комплексов XIII в. [3, с. 78]. Круглодонные желобчатые амфоры с грушевидным туловом и высоко поднятыми над горлом дуговидными массивными ручками класса 45 по ХК-95 [3, с. 73-77] в Крыму, в других регионах Причерноморья, в Средиземноморье и в древнерусских городах встречены, в основном, в слоях XIII–XIV вв. [37, с. 111-112, рис. 69,1,4; 38, с. 87, рис. 13; 9, с. 193-194; 39, с. 381, 382]. Печи для их производства раскопаны на территории Византии в Ганосе [40, р. 167-178]. Как правило, так же датируют и плоскодонные ангобированные амфоры класса 52 по ХК-95. Они многочисленны в Херсоне, где их, возможно, и изготавливали. Однотипные амфоры были распространены в Юго-Западном Крыму [41, с. 62, рис. 6,2; 37, с. 111-112, рис. 69,1,4; 3, с. 83-88; 9, с. 194; 39, с. 382]. Аналогичная амфора входила в состав комплекса начала XIV в. из поселения Агиос Стефанос (Пелопоннес) [42, р. 199, fig. 6].

Архитектурный облик часовни можно восстановить по небольшой модели храма, найденной на Эски-Кермене в 1931 г. (рис. 23). Часовня представляла собой прямоугольное здание под двускатной кровлей, с выступающей полукруглой апсидой. Многочисленные обломки керамид и калиптеров от кровли обнаружены в развале камней. Стены, очевидно, были оштукатурены. Дверной и оконные проемы, вероятно, были обрамлены декорированными камнями. На обломках одного из известняковых блоков высечен орнамент из пересекающихся прямых линий (рис. 24,2). Скорее всего, фрагментом окна часовни является обломок известнякового наличника с профильным валиком (рис. 24,3), обнаруженный в засыпи подвала на площади напротив входа в храм. По валику наличника вырезана однострочная греческая надпись-граффити³: «+ Κ(ύρι)ε βο(θη) [μ]ονάχ(ο)ς ... Господи, помоги монах ...» (рис. 24,3).

В одной из усадеб квартала обнаружен круглый красноглиняный штамп (диаметр 10,4 см) для литургического хлеба с изображением креста с расширяющимися концами, заполненными двумя рядами крестиков в квадратах (рис. 25). В перекрестии большого креста помещен медальон с крестом, а между ветвями – четыре небольших медальона с крестиками. Аналогичные штампы

³ Благодарим В. А. Сидоренко за прочтение надписи и определение найденных на городище монет.

найжены в 1859 г. в Керчи, на Карантинной дороге у арестантских казарм и в 1905 г. в Херсоне у Карантинной бухты [43, с. 148, рис. 34; 44, с. 206, рис. 3-5; 45, с. 242-243, кат. 592-593]. Следует отметить, что в отличие от названных публикуемых штампов найден в хорошо датированном слое пожара второй половины XIII в.

Небольшие часовни характерны для позднесредневекового Херсона: они имелись в каждом квартале города и являлись общинными приходскими церквями, строившимися самой городской общиной [46, с. 243-246]. Очевидно, в тот же период и на территории городища Эски-Кермен в каждом квартале функционировала часовня. Некоторые из них раскопаны экспедициями Н. И. Репникова и Е. А. Паршиной [47, с. 73-74, рис. 1; 48, с. 38-39].

Часовня, также как и усадьбы на плато, погибла в результате пожара. В подвале одного из помещений нашли скелеты женщины, мужчины и ребенка. На костях женщины лежала золотая монета никейского императора Феодора II Ласкариса (1254-1258 гг.) [49, с. 279-278]. В 2008 году при зачистке Второй поперечной улицы найден скелет человека со стрелой в позвоночнике, лежавшего лицом в слое пожара. Из слоя пожарища извлекли фрагменты черепиц, лепных и поливных сосудов, плоскодонных двуручных амфор и трехручных кувшинов второй половины XIII–XIV вв. Вероятно, город разрушили татары в конце XIII в. во время набега Ногая. находка на городище высеченной из местного известняка модели крестовокупольного храма XIII–XIV вв. [50, с. 30-33] свидетельствует о сохранении какой-то жизнедеятельности на плато и в XIV в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
2. Hayes J.W. The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
3. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995.
4. Davidson G.R. The minor objects // Corinth. Princeton, 1952. XII.
5. Gill M.V. The small Finds // Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 1. Princeton, 1986.
6. Everyday Live in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2002.
7. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло. СПб., 2001.
8. Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.
9. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
10. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII-XIV вв. // САИ. 1966. Вып. E1-36.
11. Плетнева С.А. Древности черных клобуков // САИ. 1973. Вып. E1-19.
12. Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века: Археология в 20-ти т. М., 2003.

13. Крамаровский М.Г. Редкая сельджукская (?) лампа XII – начала XIII вв. из пригорода Солхата // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
14. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
15. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982-1984 гг.). Симферополь; Керчь, 2008.
16. Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи // МАИЭТ. 2006. Suppl. 1.
17. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.
18. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007.
19. Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988.
20. Дончева-Петкова Л., Попконстантинов К. За грамотността в средновековното селище при с. Одръци, Толбухинского Плаващи воденици в Крайдунавска Добруджа // Добруджа. 1988. № 5.
21. Долмова М., Илчева В. Археологически проучвания на обект Цапевец – средновековна улица // Годишник на музеите от Северна България. Варна, 1986. Кн. XII.
22. Рыжов С.Г. Средневековая усадьба XIII в. в северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности 1997-1998. Харьков, 1999.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
24. Лобода И.И. Погребение кочевника // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
25. Айбабин А.И. Раскопки могильника средневековой Фуны // АО 1977 года. М., 1978.
26. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
27. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 117.
28. Веймарн Е.В. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34.
29. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII.
30. Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв. СПб., 2003.
31. Залеская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV-XVI вв. Л., 1988.
32. Дончева-Петкова Л. За някой типове кръстове – энколпиони от Добруджа // Добруджа. 1991. № 8.
33. Византийский Херсон: [каталог выставки] / Отв. ред. И.С. Чичуров. М., 1991.
34. Zaleskaja V.N. Nouvelles découvertes de bronzes byzantins à Chersonèse // АРХЕИОН ПОНТОУ. 1984. Т. 39.
35. Марјановић-Вујовић Г. Крстови от VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд, 1988.
36. Горянова Сн. Нов крест – энколпион от Велики Преслав // Археологически Вести. София, 1998. № 1.
37. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
38. Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.

39. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
40. Günsenin N. Ganos: resultats des campagnes de 1992 et 1993 // *Anatolia antiqua*. Paris, 1994. Vol. III.
41. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // *Феодальная Таврика*. Киев, 1974.
42. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and Their Importance for the Chronology of Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean // *ВСН*. 1989. Suppl. XVIII.
43. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25.
44. Залеская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // *ВВ*. 1988. Т. 49.
45. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб., 2006.
46. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // *МИА*. 1950. № 17.
47. Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // *АДСВ*. Свердловск, 1982.
48. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев, 1988.
49. Репников Н.И. Городище Эски-Кермен // *Археологические исследования в РСФСР*. 1934-1936 гг. М.; Л., 1941.
50. Якобсон А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермена в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // *Зограф*. Београд, 1976. № 7.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.

Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен

Резюме

В 2003-2008 гг. экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины вела исследование жилого квартала, расположенного на главной улице Эски-Кермена, напротив пещерного каземата V. В 2007 г. в восточной части квартала зачищены остатки часовни. Для возведения часовни квартал перепланировали. Прямоугольный в плане одноапсидный храм ориентирован по оси запад–восток с небольшим отклонением к югу. В скальном полу вырублены две могилы, а под апсидой часовни – костница.

Часовня, также как и усадьбы на плато, погибла в результате пожара. В подвале одного из помещений нашли скелеты женщины, мужчины и ребенка. На костях женщины лежала золотая монета никейского императора Феодора II Ласкариса (1254-1258 гг.). В 2008 году при зачистке 2-й поперечной улицы найден скелет человека со стрелой в позвоночнике, лежавшего лицом в слое пожара. Из слоя пожарища извлекли фрагменты черепиц, лепных и поливных сосудов, плоскодонных двуручных амфор и трехручных кувшинов второй половины XIII–XIV вв. Вероятно, город разрушили татары в конце XIII в. во время набега Ногая. находка на городище высеченной из местного известняка модели крестовокупольного храма XIII–XIV вв. свидетельствует о сохранении какой-то жизнедеятельности на плато и в XIV в.

Айбабин О. І., Хайредінова Е. А.

Пізньюсередньовічна каплиця на плато Ескі-Кермен

Резюме

У 2003-2008 рр. експедиція Кримського відділення Інституту сходознавства НАН України вела дослідження житлового кварталу, розташованого на головній вулиці Ескі-Кермена, напроти печерного каземату V. В 2007 р. у східній частині кварталу зачищені залишки каплиці. Для зведення каплиці квартал перепланували. Прямокутний в плані одноапсидний храм орієнтовано за віссю захід–схід з невеликим відхиленням на південь. У скальній підлозі вирубано дві могили, а під апсидою каплиці – кістниця.

Каплиця також, як і садиби на плато, загинула в результаті пожежі. У підвалі одного з приміщень знайшли скелети жінки, чоловіка й дитини. На кістках жінки лежала золота монета нікейського імператора Феодора II Ласкаріса (1254-1258 рр.). У 2008 році при зачистці 2-ї поперечної вулиці знайдено скелет людини із стрілою в хребті, що лежала обличчям в шарі пожежі. З шару пожарища дістали фрагменти черепиці, ліпних і поливних судин, плоскодонних дворучних амфор і триручних глеків другої половини XIII–XIV ст. Ймовірно, місто зруйновано татарами наприкінці XIII ст. під час набігу Ногая. Знахідка на городищі висіченої з місцевого вапняку моделі хрестовокупольного храму XIII–XIV ст. свідчить про збереження якоїсь життєдіяльності на плато і в XIV ст.

Aibabin A. I., Khairedinova E. A.

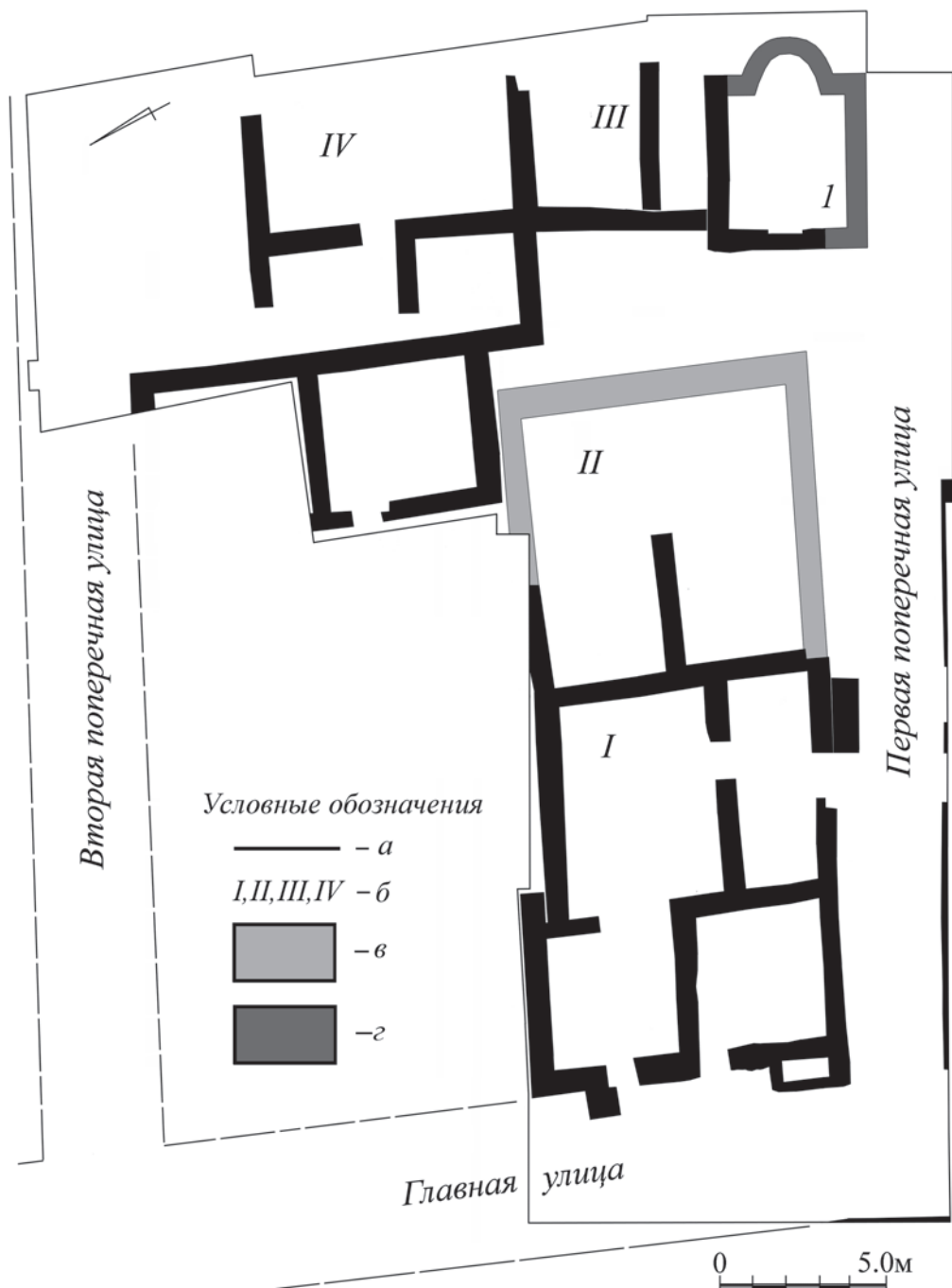
Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau

Summary

In 2003-2008 the expedition of the Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies of NASU undertook scientific research of a residential area situated on the main street opposite cave casemate V. In 2007 in the eastern part remnants of a district chapel were cleared out. The area was redesigned in order to erect the chapel. Rectangular in plan one apse church was oriented according to the axis west-east with a slight deviation to the south. Two graves were cut out in the rock floor, and under the apse of the chapel – ossuary.

The chapel and homestead on the plateau perished as a result of a fire. In the basement of one of the premises skeletons of a woman, male and a child were found. On the female bones there was a gold coin of Nicaean Emperor Theodore II Lascaris (1254-1258). In 2008 during clearing of a transversal street, the skeleton of a man with an arrow in the backbone, lying face down in fire layer was found. Out of the fire layer fragments of tiles, hand-made and glazed vessels, flat bottomed amphorae with two handles and jugs with three handles dating back to the second half of the 13th–14th centuries. Probably, the Tatars destroyed the city at the end of the 13th century during a plundering raid headed by Nogay. On the site a model of Cruciform church of the 13th–14th century cut out of local limestone; it testifies to the fact that there was some activity on the plateau in the 14th century.

Рис. 1. Городище на плато Эски-Кермен. План квартала 1.

1 – часовня; а – границы раскопанного в 2003-2008 гг. участка; б – усадьбы; в – границы усадьбы II; г – разрушенные стены часовни.

Рис. 2. Фото остатков часовни.

А – западная стена с дверным проемом, вид с северо-запада; Б – общий вид с юго-запада.

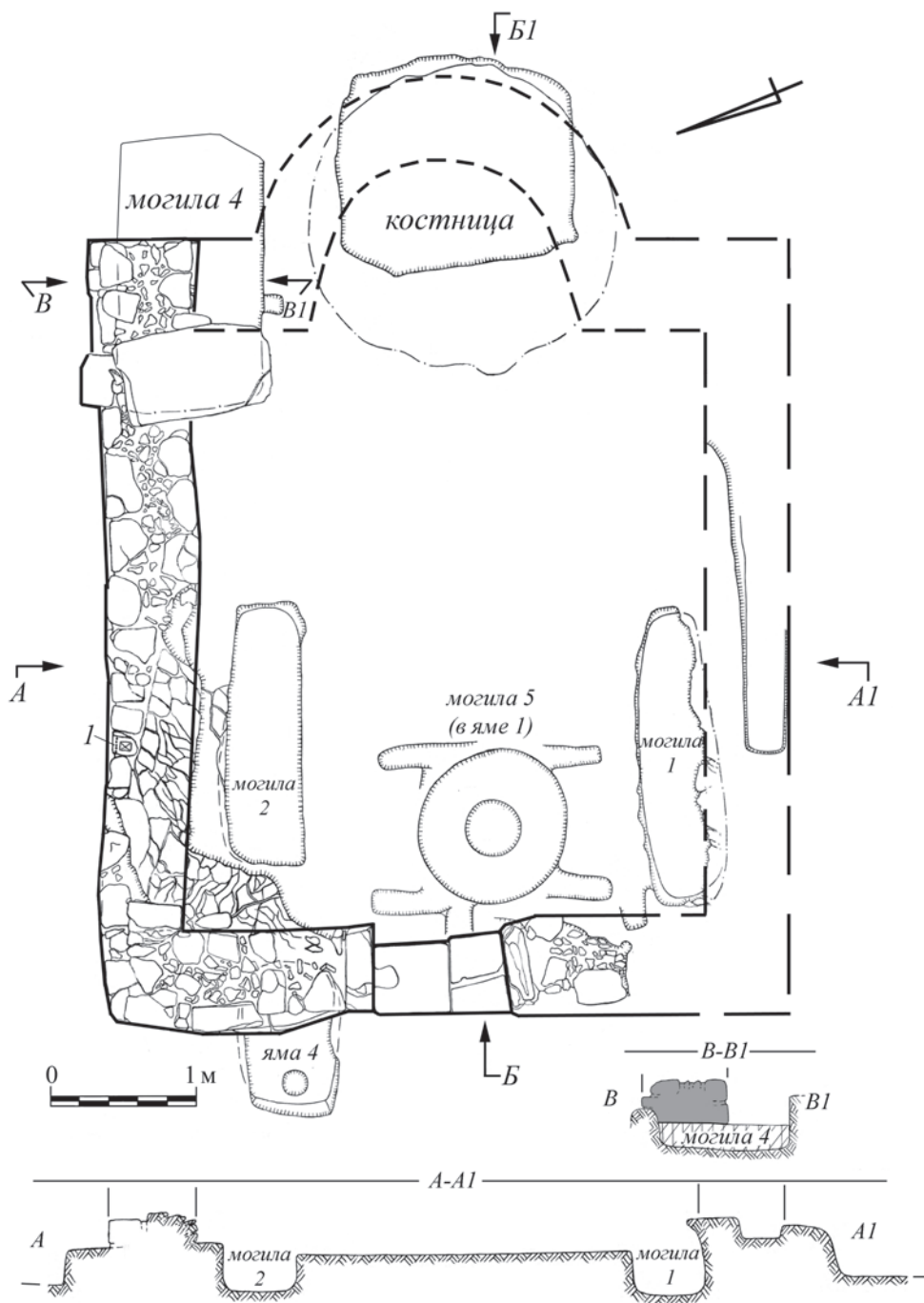
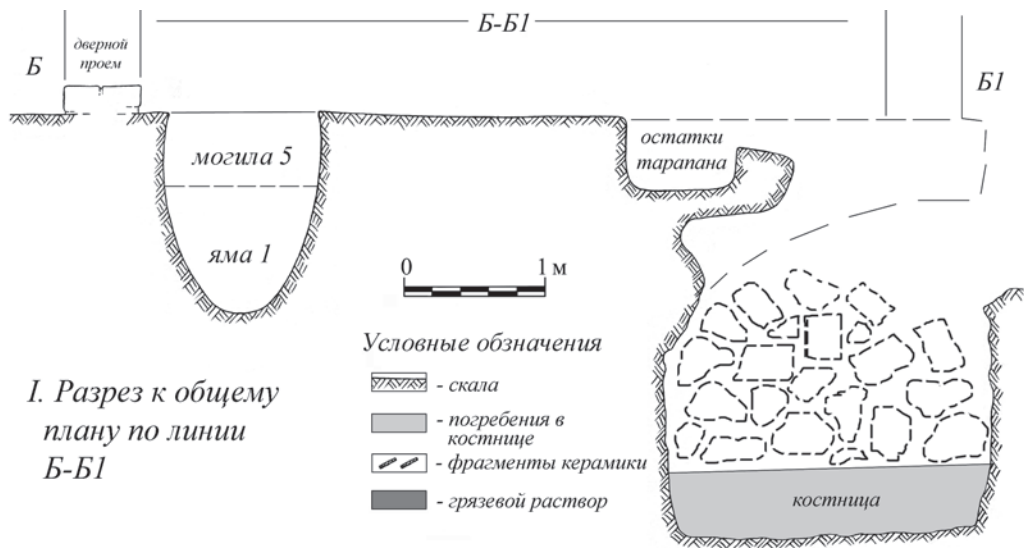

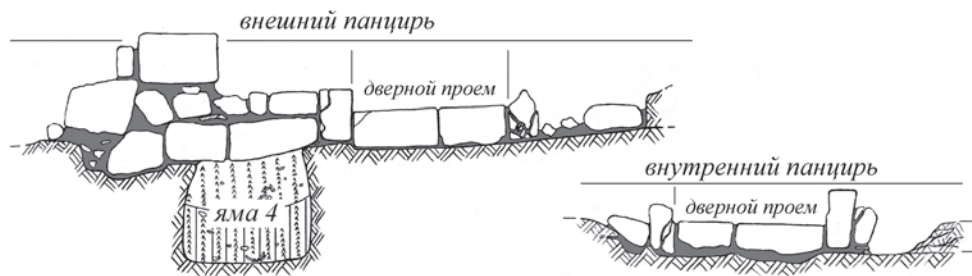
Рис. 3. Общий план часовни и разрезы к плану по линиям А-А1 и В-В1.

1 – обломок каменного креста, использованный в кладке северной стены.

I. Разрез к общему плану по линии Б-Б1

II. Фасировки западной стены

III. Фасировки северной стены

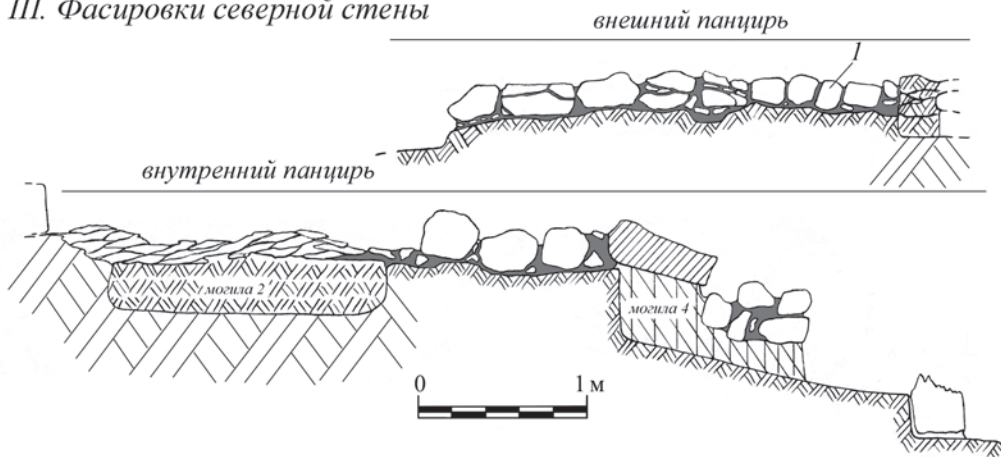

Рис. 4. Часовня. Разрез по линии Б-Б1 к общему плану (I), фасировки западной (II) и северной (III) стен.

I – обломок каменного креста, использованный в кладке северной стены.

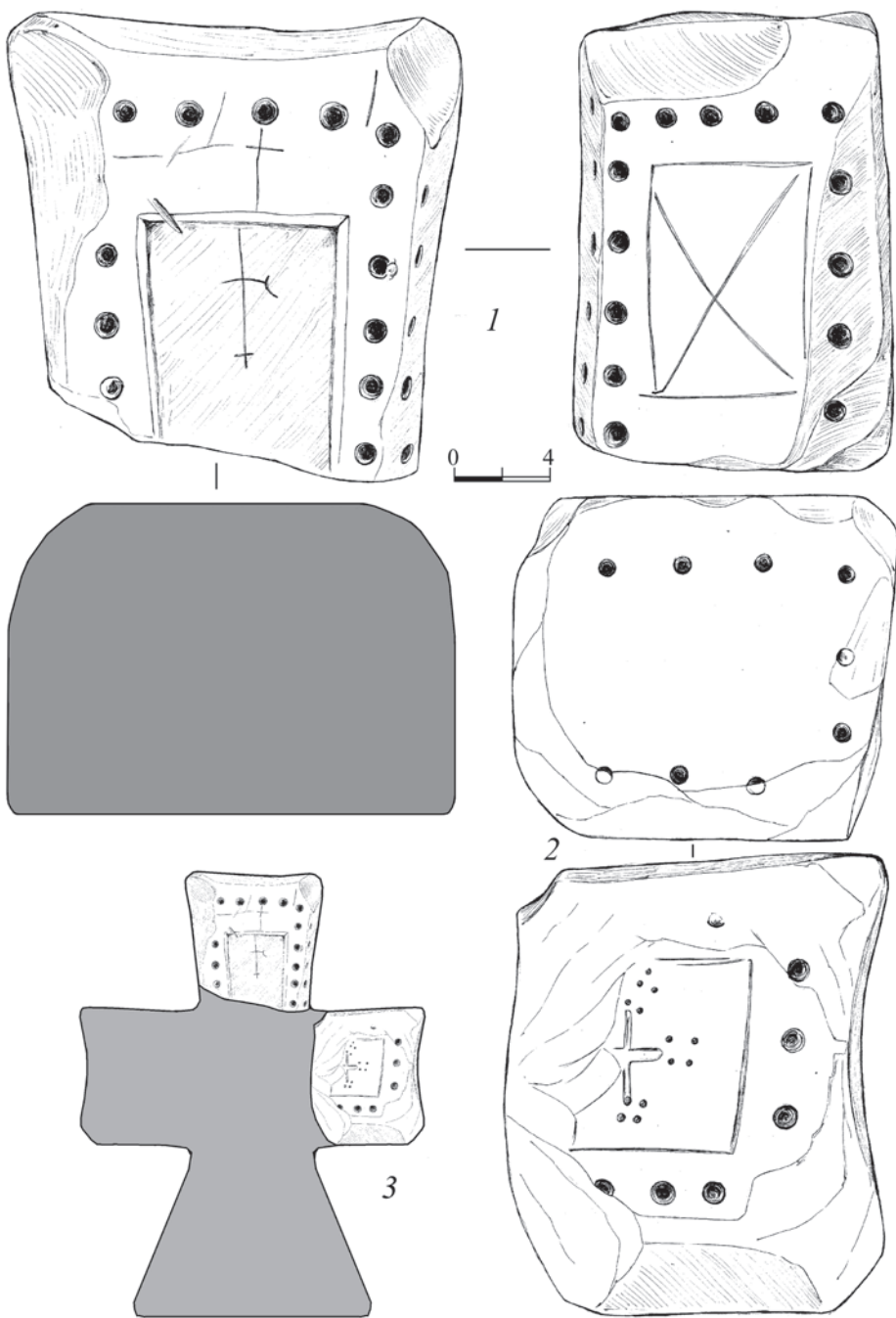
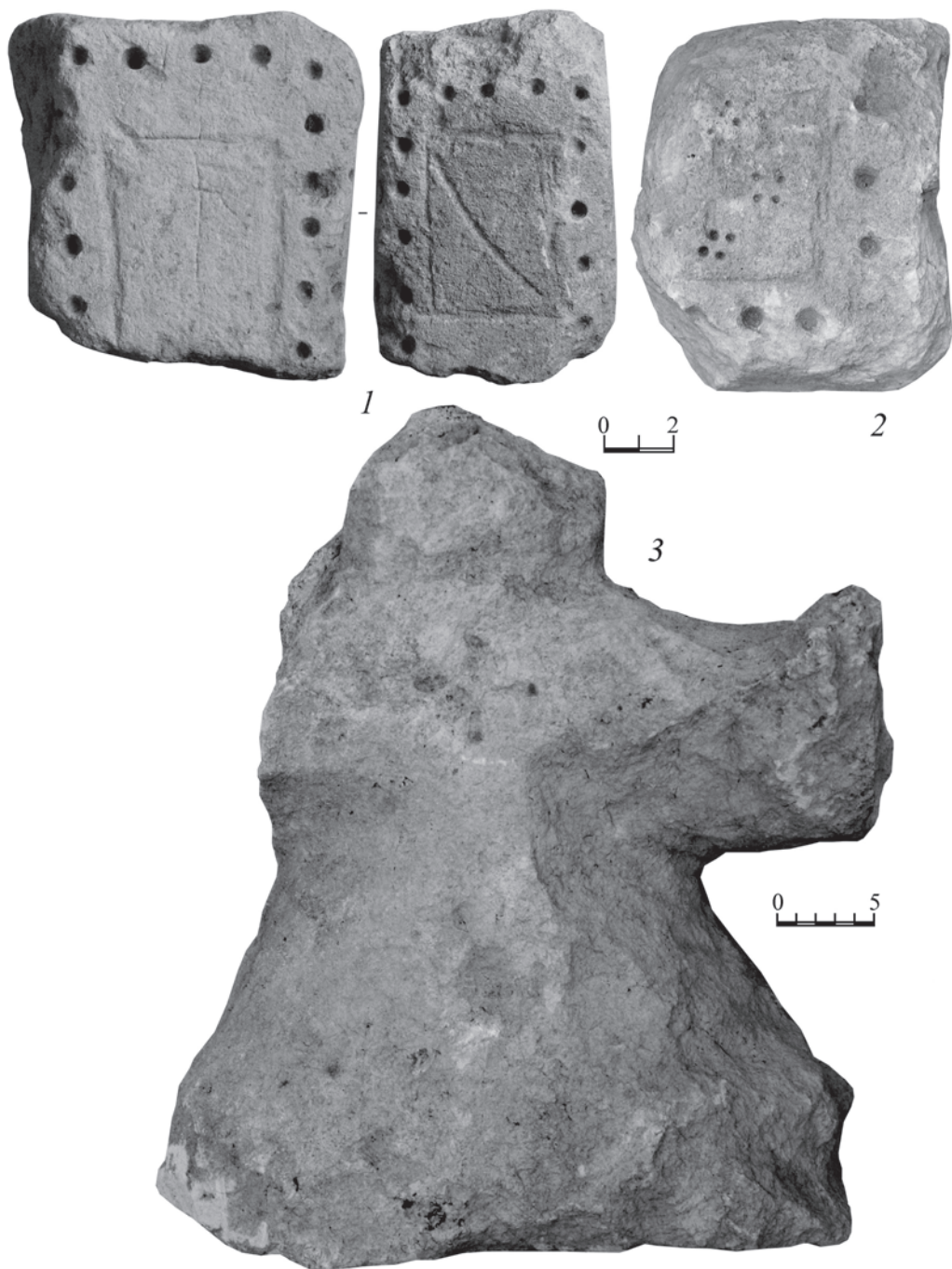
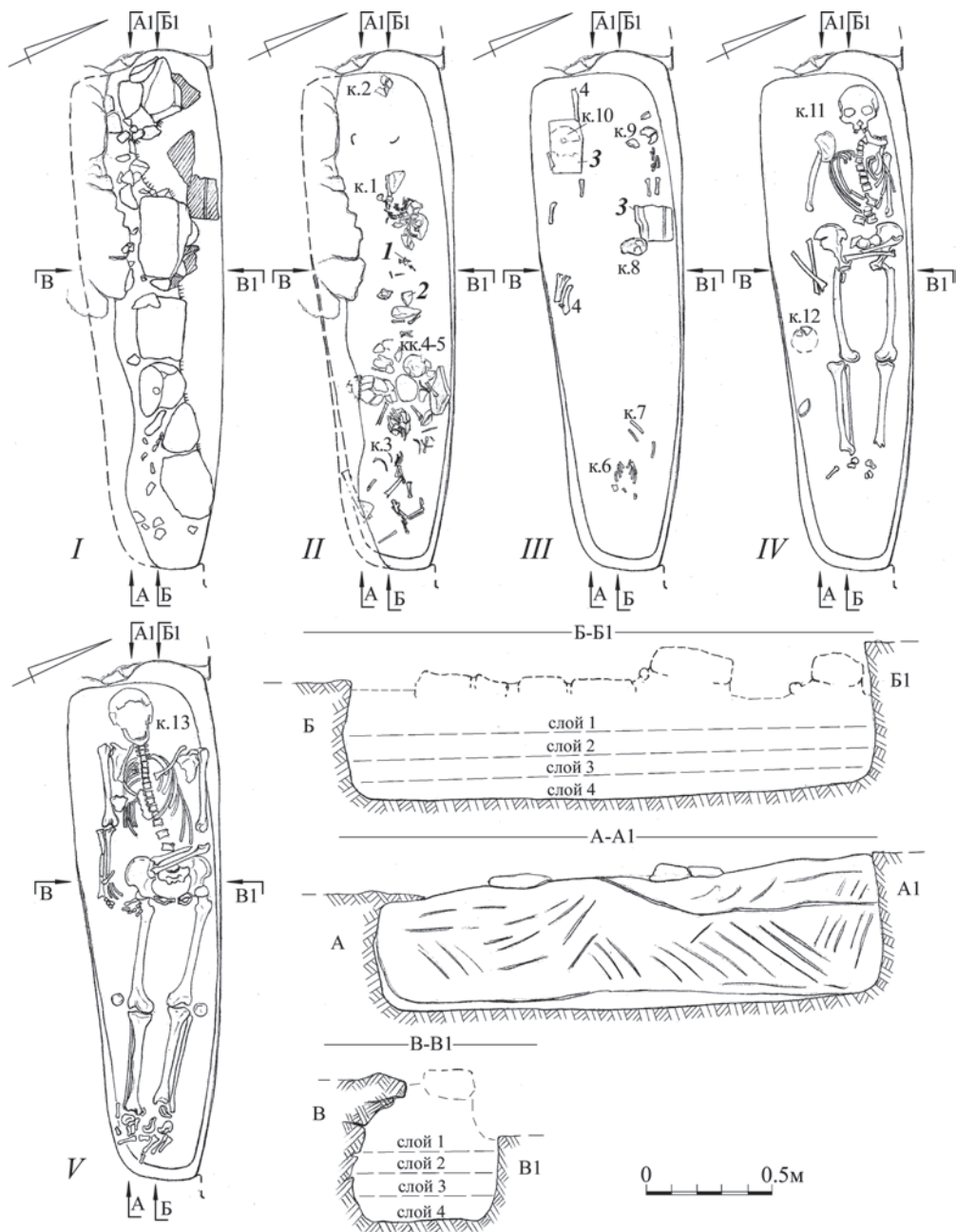

Рис. 5. Обломки каменного креста (1, 2) из кладки северной стены и его реконструкция (3).

Рис. 6. Обломки каменного креста из кладки северной стены (1, 2) и каменный крест из заполнения костницы (3).

Рис. 7. Могила 1. Планы и разрезы к планам.

I – план каменного завала над могилой; II – план погребений слоя 1; III – план погребений слоя 2; IV – план погребений слоя 3; V – план погребения слоя 4; 1 – железный гвоздь; 2 – фрагмент керамики; 3 – обломки черепицы.

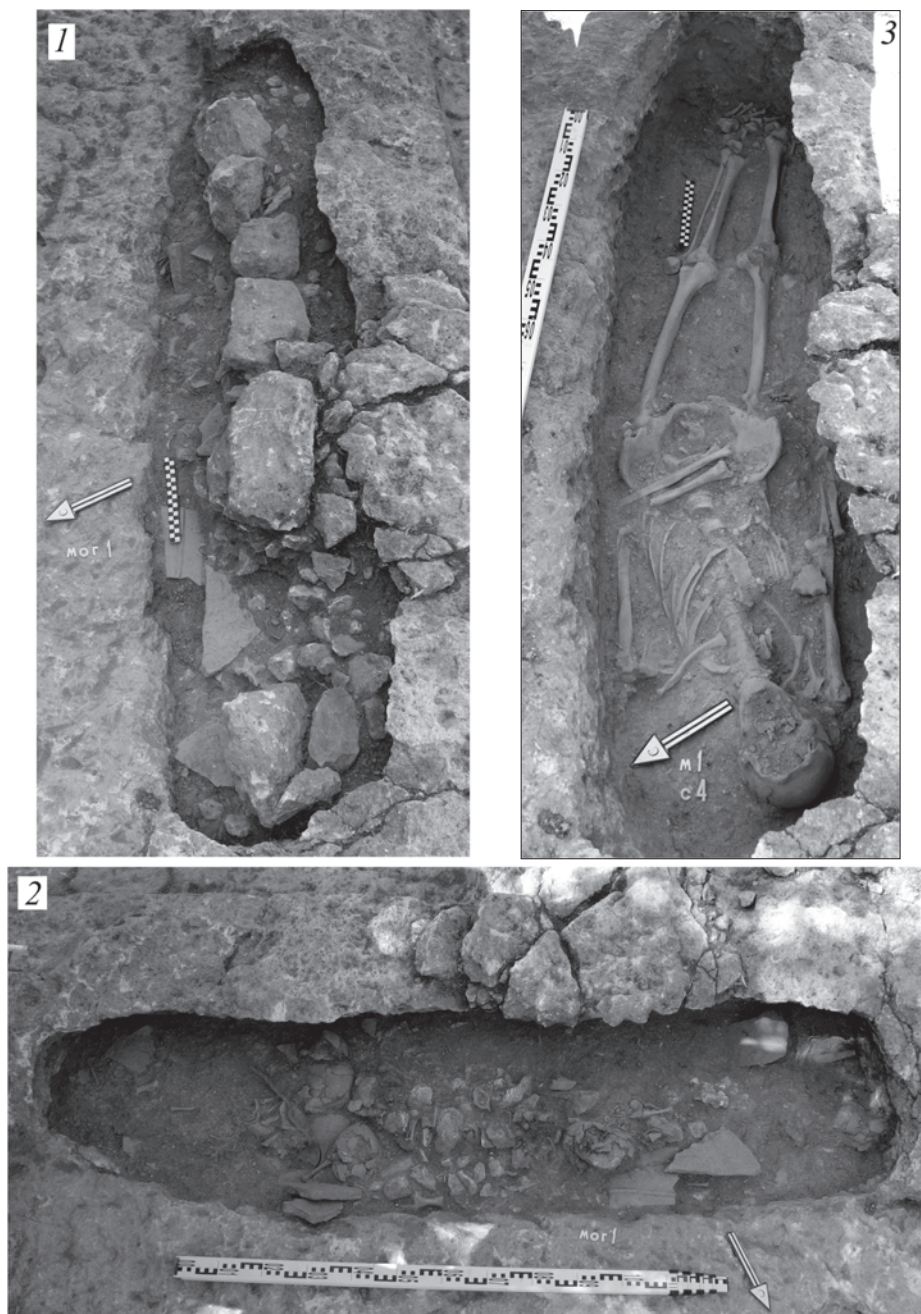

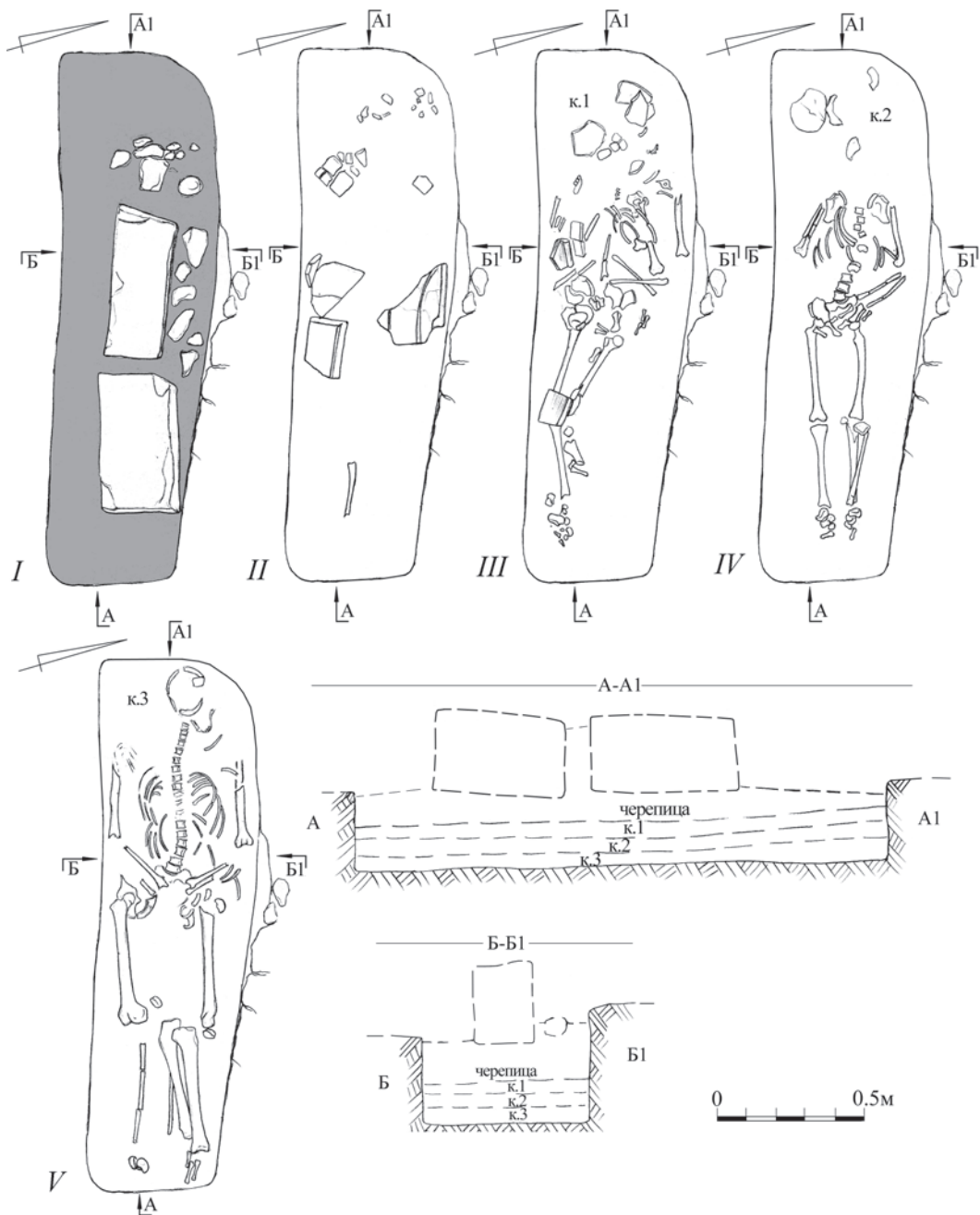
Рис. 8. Могила 1.

1 – каменный завал над могилой, вид с северо-запада; 2 – погребения слоя 1, вид с северо-востока; 3 – слой 4, погребение 13, вид с северо-запада.

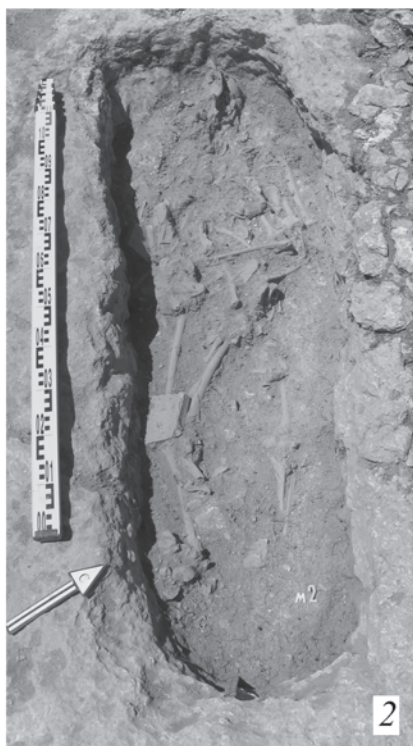
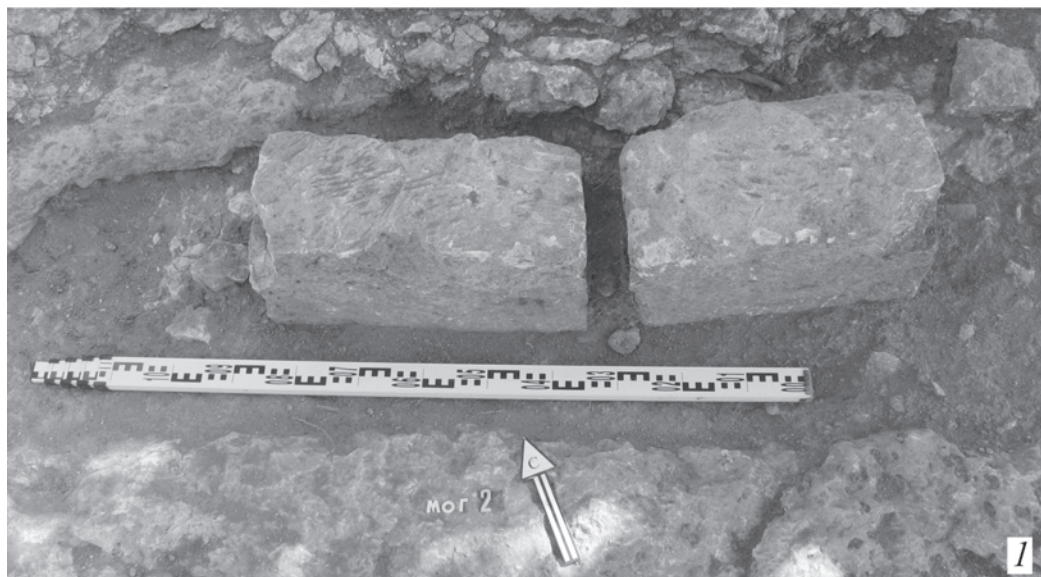

Рис. 9. Находки из могилы 1 (1-4) и из ямы 1 (5-14).

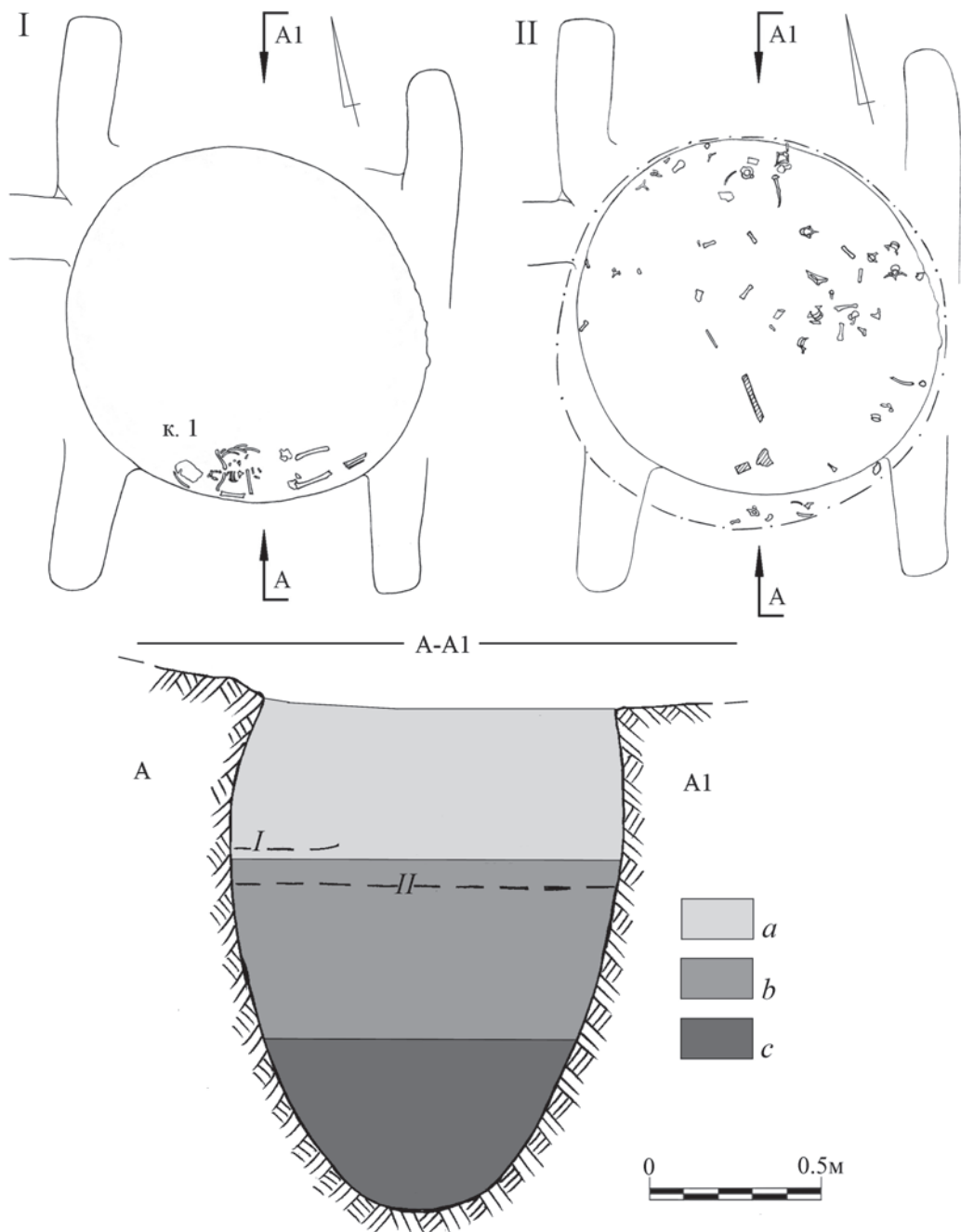

Рис. 10. Могила 2. Планы и разрезы к планам.
 I – каменные блоки над засыпью могилы; II – план черепичного перекрытия; III – план погребения 1; IV – план погребения 2; V – план погребения 3.

Рис. 11. Могила 2.

1 – каменные блоки над засыпью могилы, вид с юго-запада; 2 – погребение 1, вид с юго-востока; 3 – погребения 2 и 3, вид с юго-востока.

Рис. 12. Могила 5 в яме 1. Планы и стратиграфический разрез к плану.

I – план погребения 1; II – план остатков человеческих костей; а – светло-серый слой; б – серый слой; с – темный зольный горелый слой.

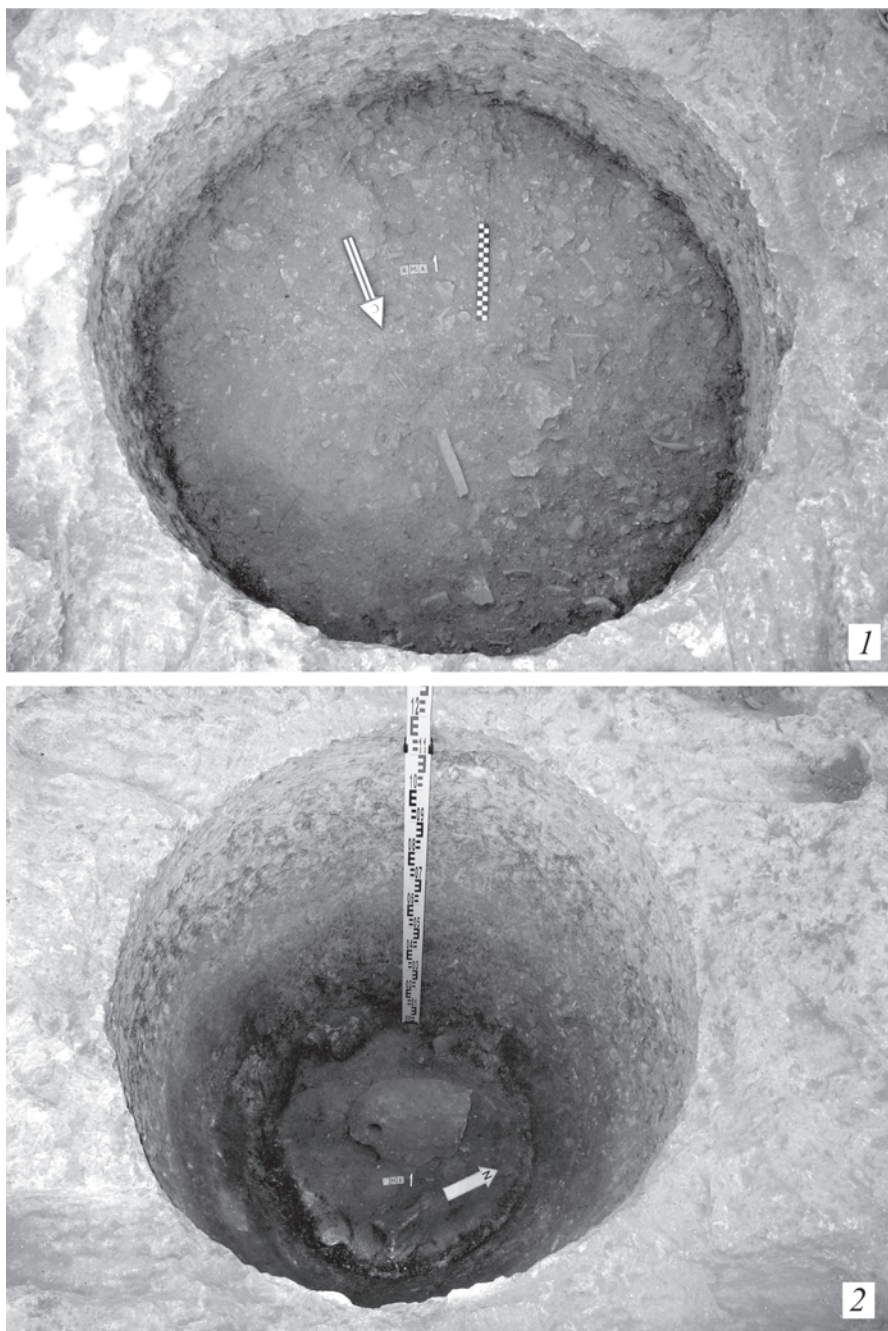

Рис. 13. Могила 5 в яме 1.

1 – слой с человеческими костями, вид с северо-востока; 2 – обломок резервуара для воды из известняка на дне ямы, вид с юго-востока.

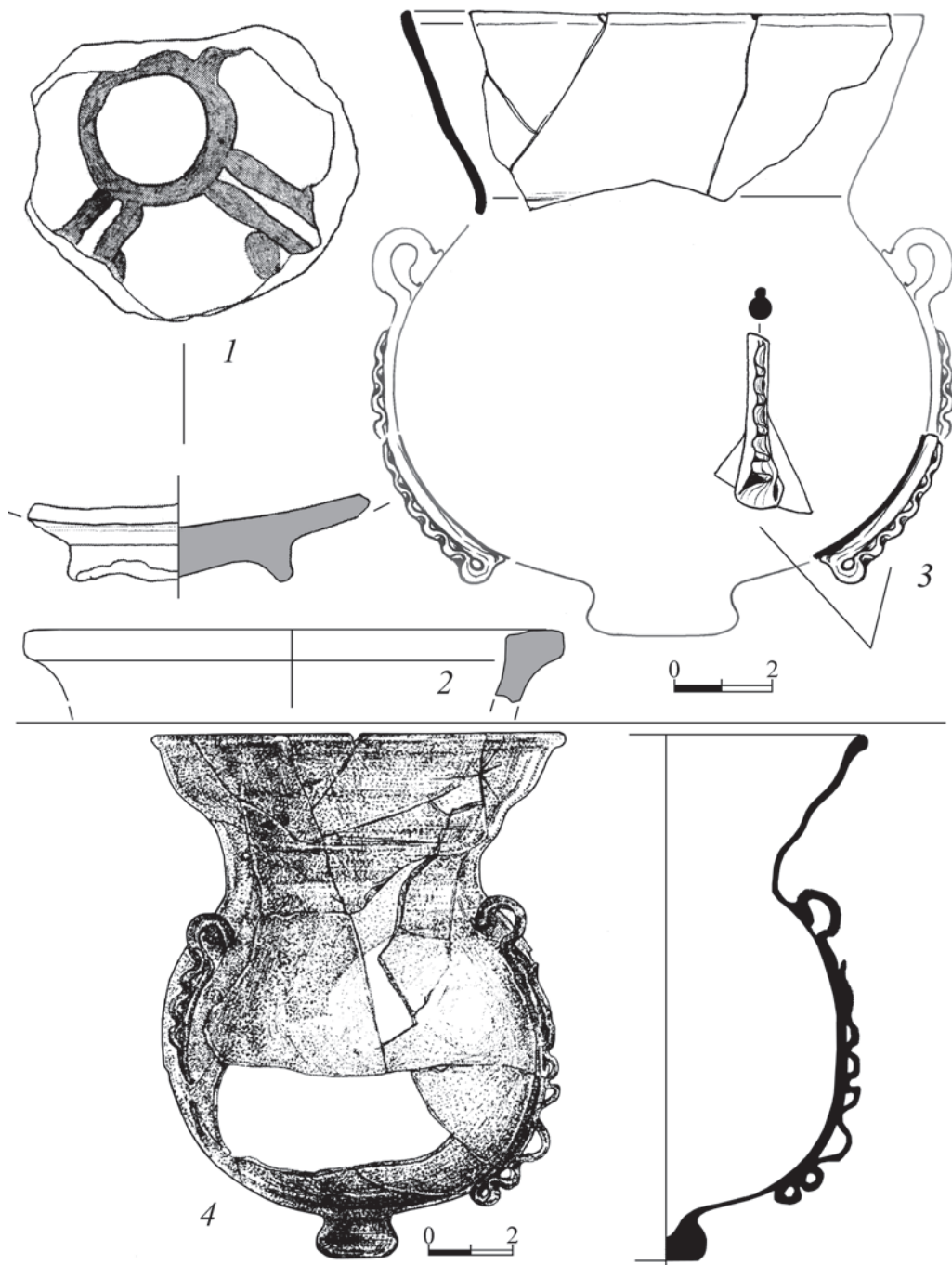

Рис. 14. Находки из ямы 1 (1-3).

4 – стеклянная лампада из поселения Бокаташ II (пригород Солхата) [по: 13, с. 313, рис. 3].

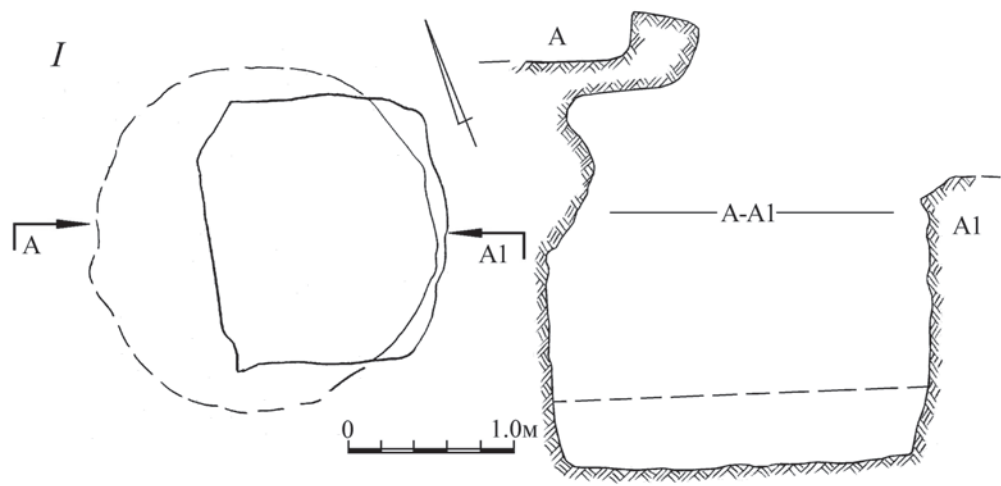
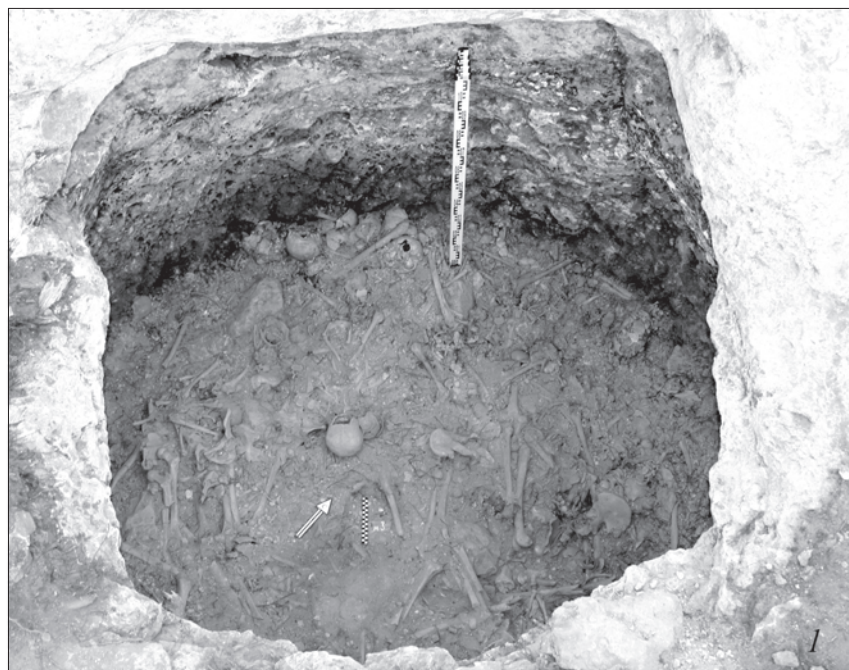

Рис. 15. Костница.

I – план и разрез к плану; II – план погребений верхнего слоя.

Рис. 16. Костница.

1 – погребения верхнего слоя, вид с юго-востока; 2 – костница после зачистки, вид с юго-востока.

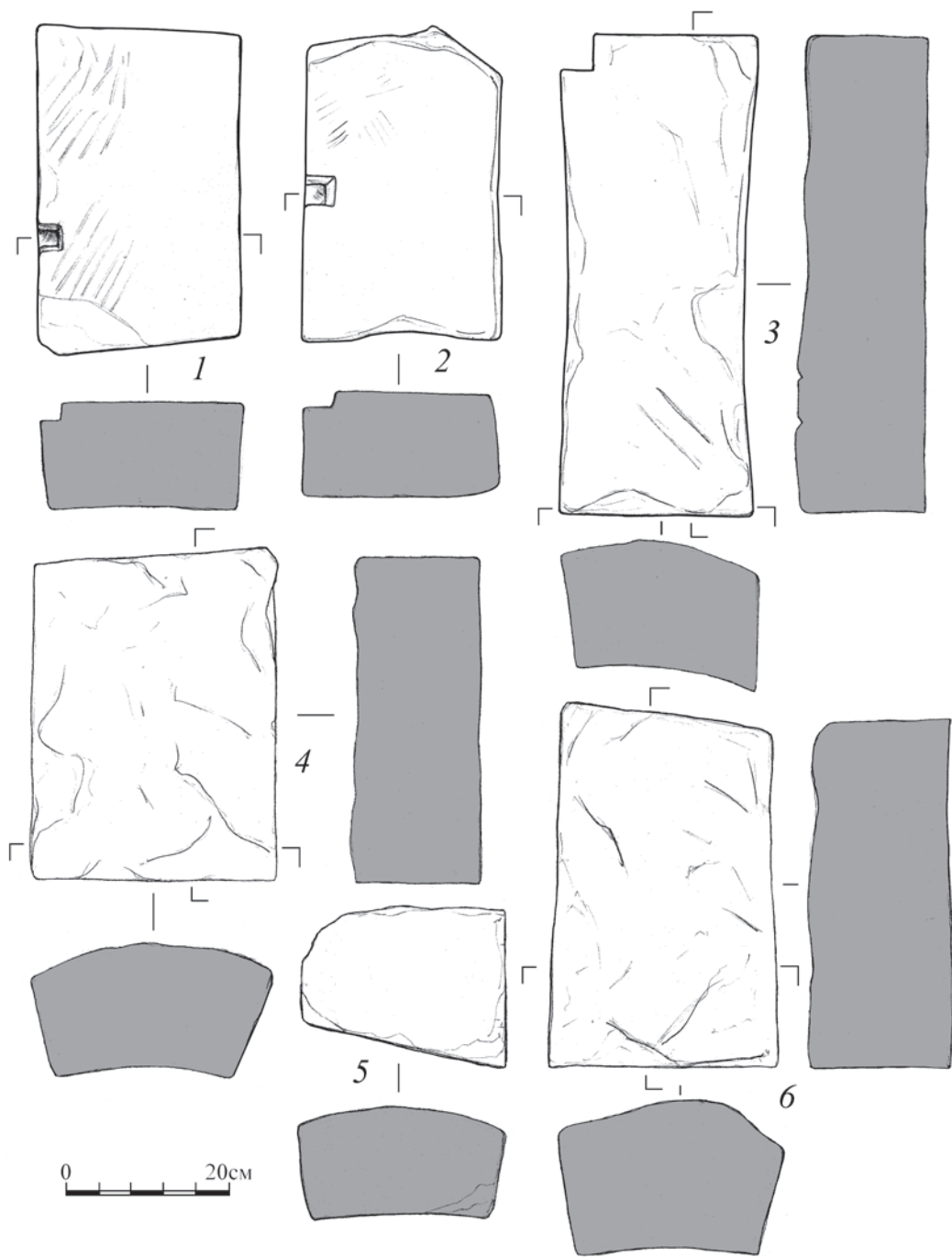

Рис. 17. Каменные блоки от апсиды часовни, найденные в заполнении костницы.

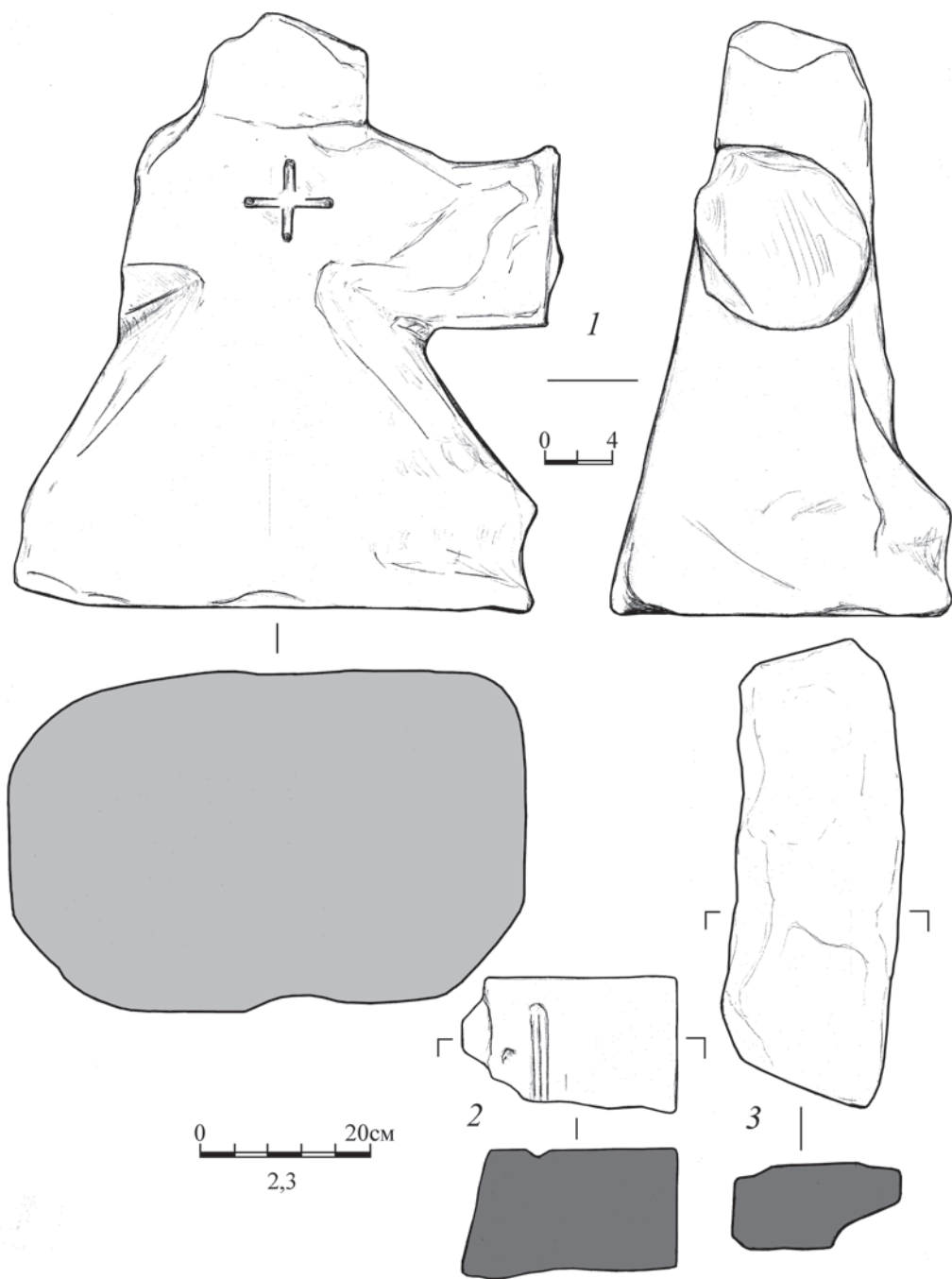

Рис. 18. Каменный крест и каменные блоки, найденные в заполнении часовни.

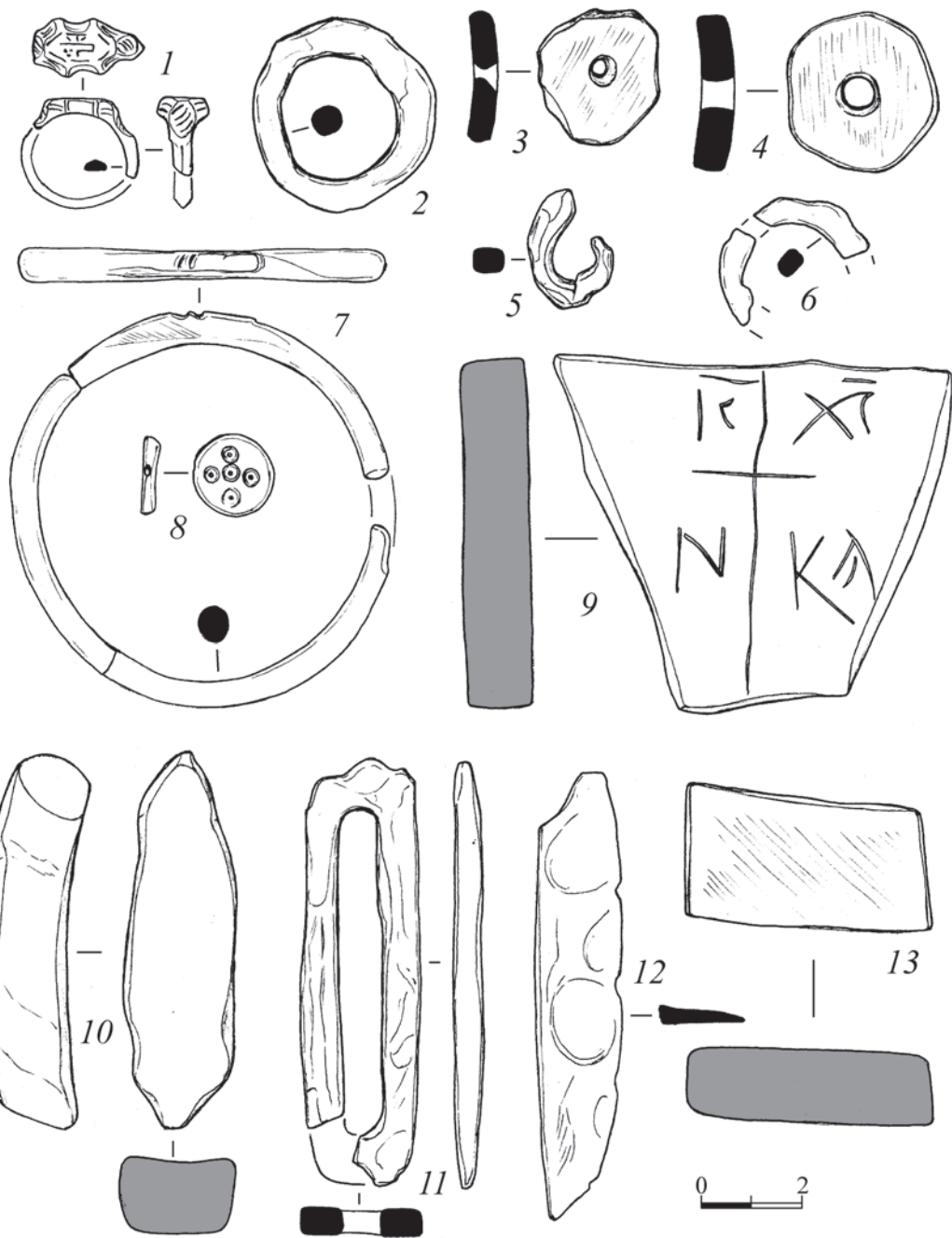

Рис. 19. Находки из костницы.

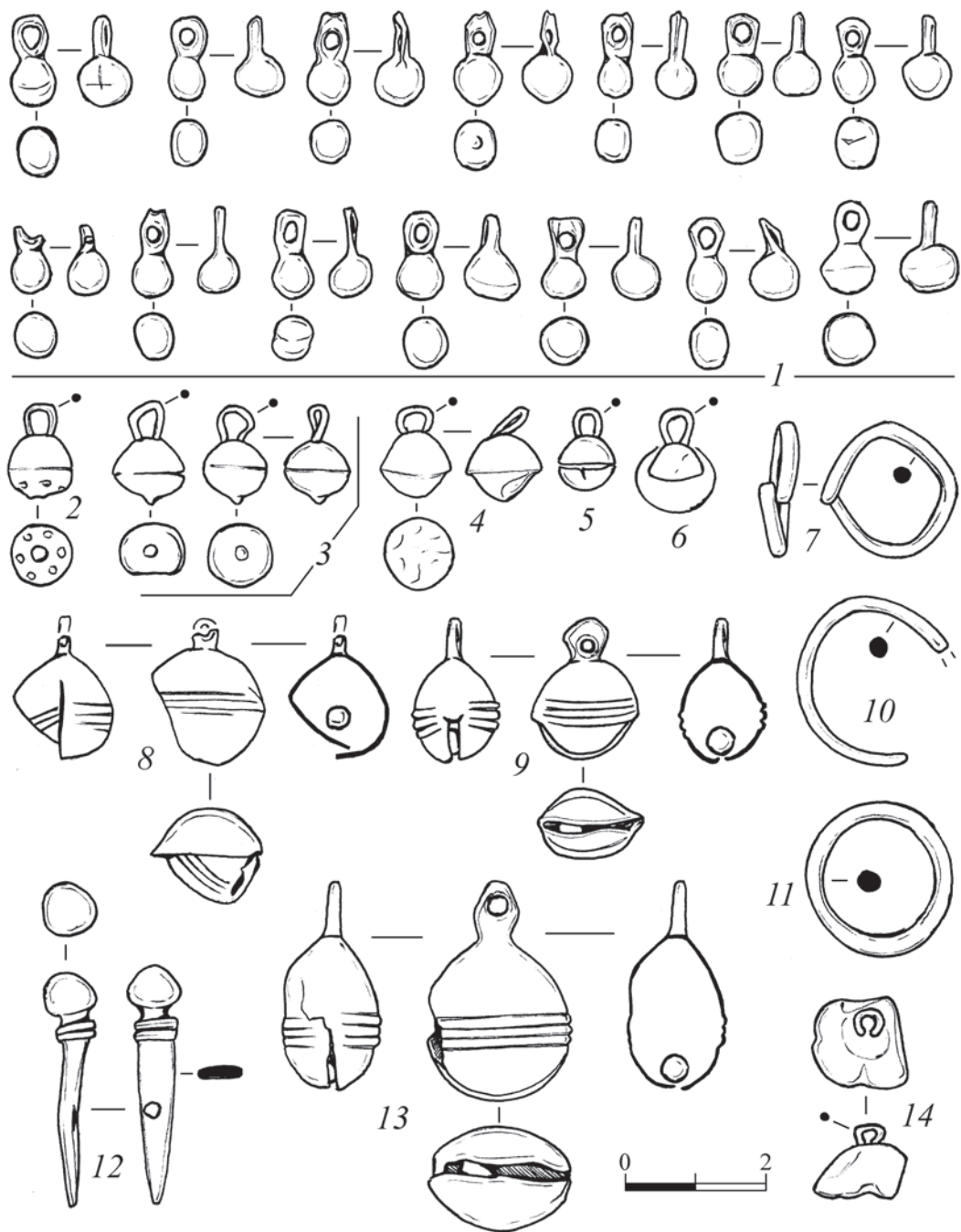

Рис. 20. Находки из костницы.

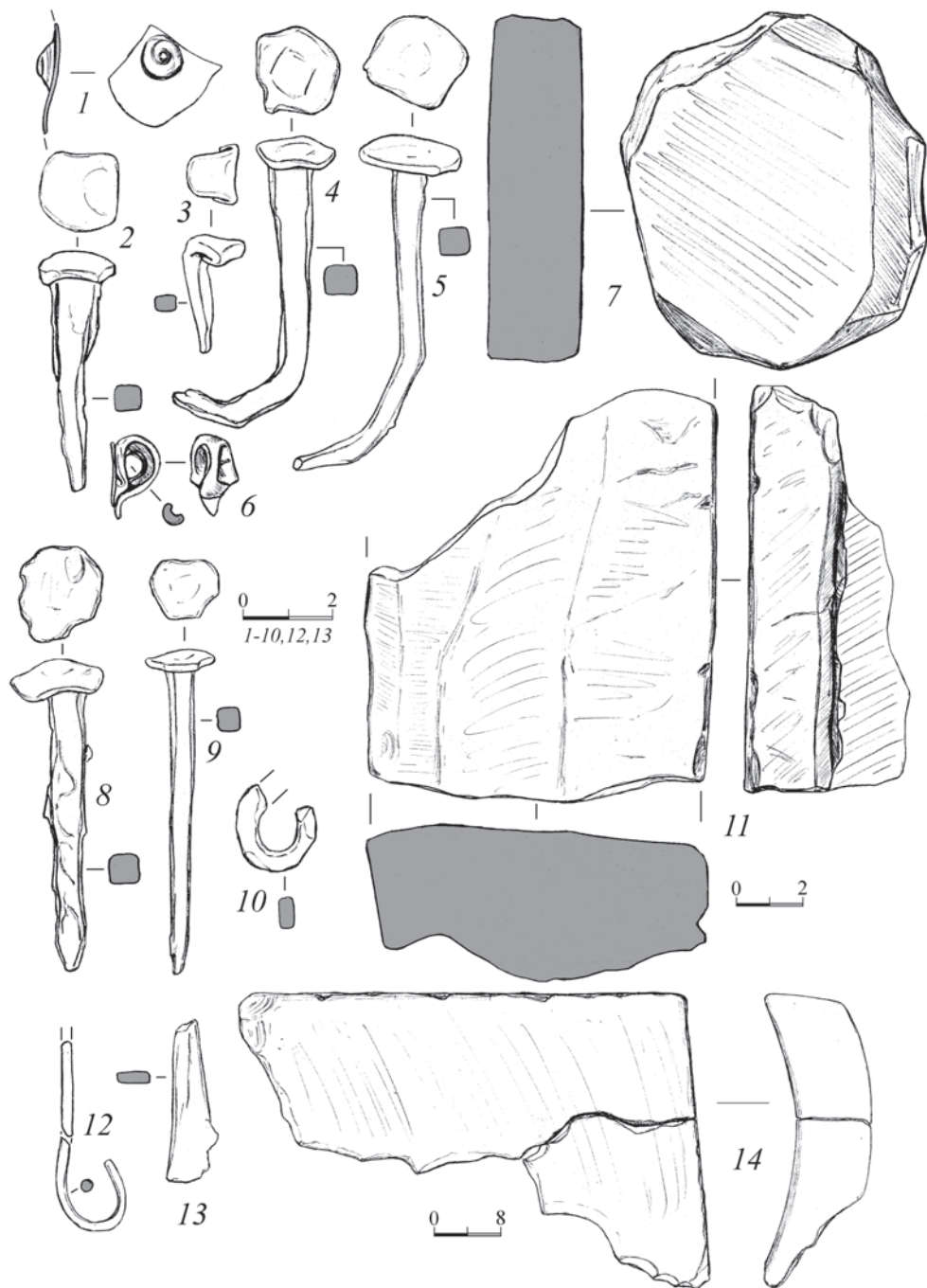

Рис. 21. Находки из засыпи часовни.

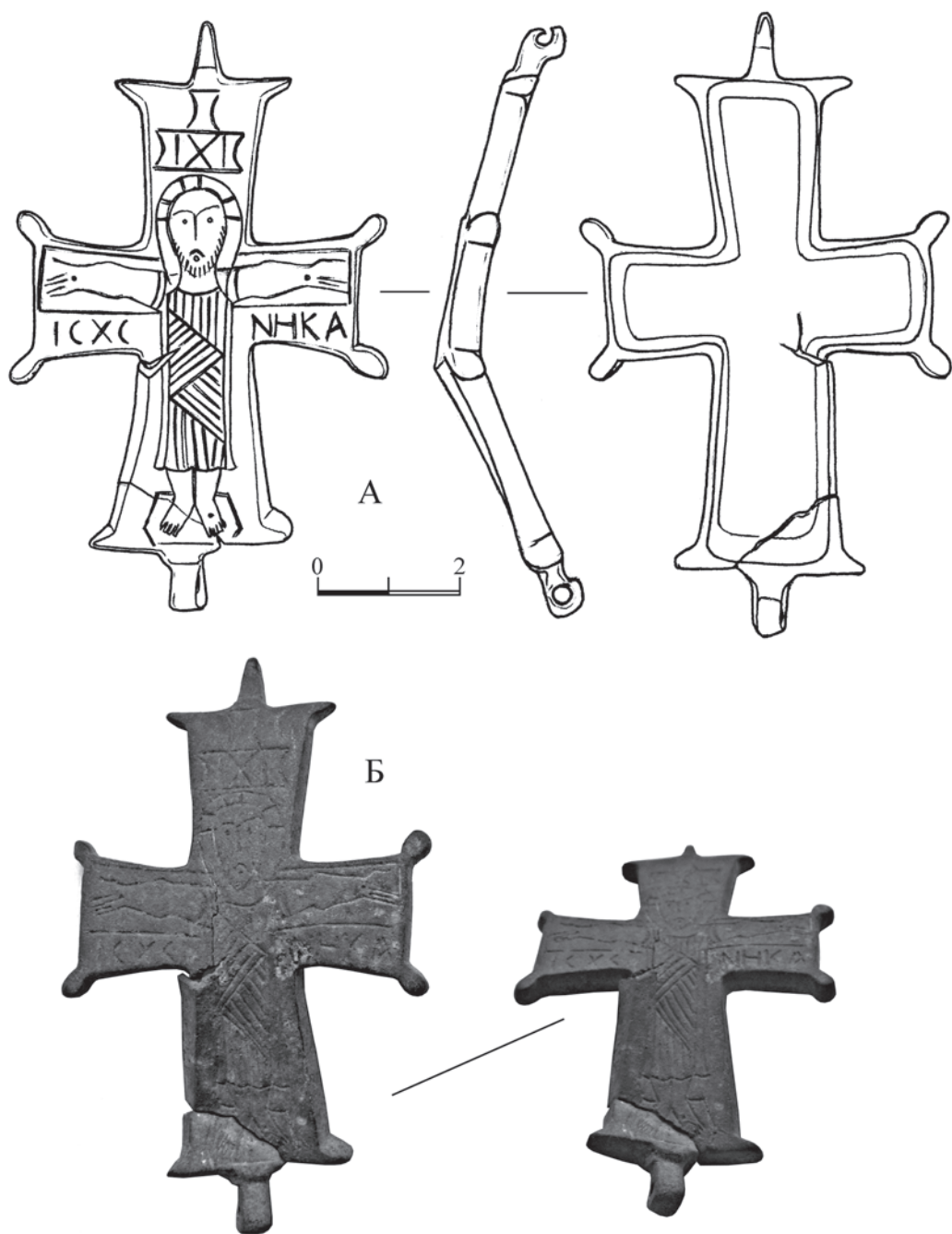

Рис. 22. Лицевая створка бронзового энколпиона.

Рис. 23. Каменная модель храма, найденная на Эски-Кермене в 1931 г. (фотоархив ИИМК).
Виды со стороны фасада и сбоку.

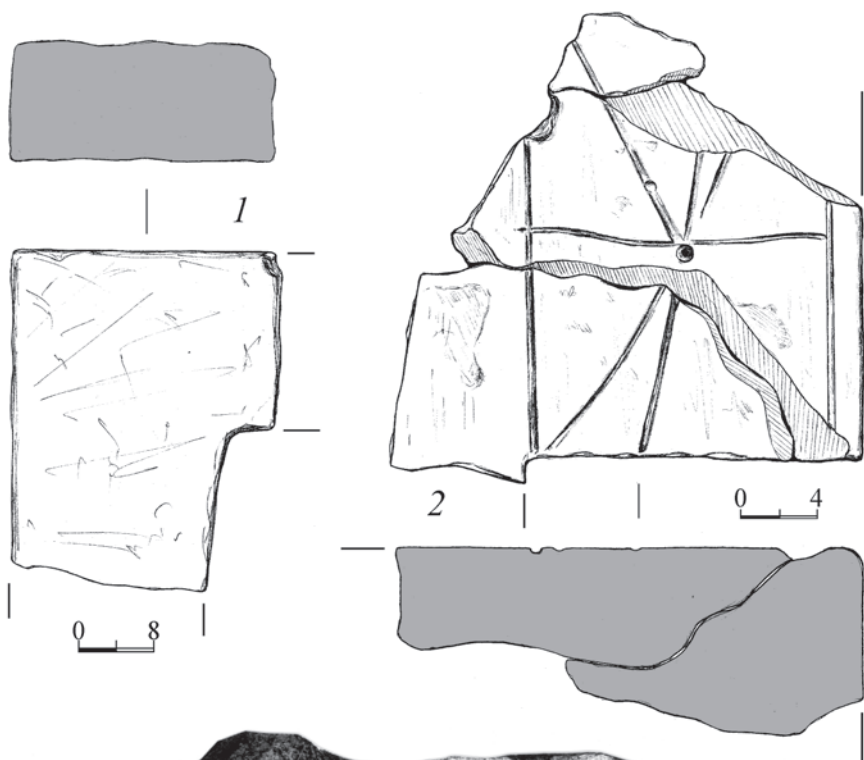

Рис. 24. Каменные архитектурные детали из часовни.

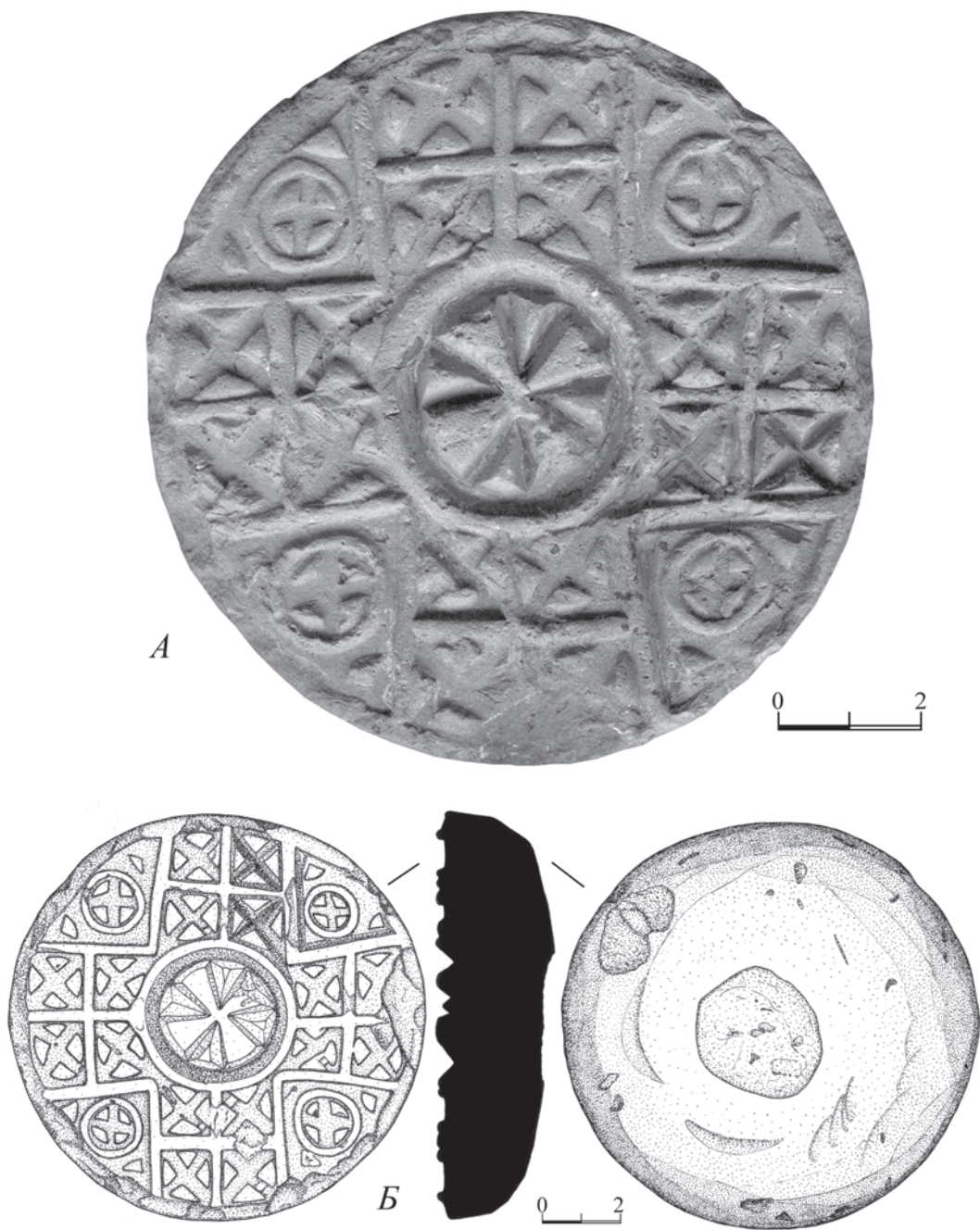

Рис. 25. Красноглиняный штамп для литургического хлеба, найденный в 2003 г. в усадьбе 1.

НУМИЗМАТИКА

В. А. СИДОРЕНКО

КЕРЧЕНСКИЙ КЛАД 2009 г. ДЕГРАДИРОВАННЫХ БОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ

При раскопках, проводившихся экспедицией под руководством А. И. Айбабина в 2009 г. в Керчи в Босфорском переулке на участке, отведенном под строительство нового здания музея, было найдено три монетных клада. Первый состоял из 7 бронзовых монет, лежавших стопкой в кладке стены: трех потертых в обращении сестерциев Котия II (123-132 гг.) [6, №№ 482, 500] и Ремиталка (131/2-153/4 гг.) [6, № 522] и четырех тройных сестерциев Савромата II (174-210/11 гг.) [6, №№ 618, 618a]. Два других клада, обнаруженных под вымосткой в одном из помещений, принадлежали позднему этапу монетной чеканки Боспора и включали в свой состав в основном деградированные медные и бронзовые статеры Фофорса (286-308/9 гг.), Радамсадия (309/10-318/9 гг.) и Рискупорида IV (319-341/2 гг.). Вторая находка кладового характера, состоявшая из шести статеров, являлась, возможно, частью клада, найденного на этом же участке при раскопках в предыдущем году и представлявшего собой несколько десятков подобных монет, рассыпанных по перекрывавшему вымостку слою. Настоящая публикация посвящена третьему кладу 2009 г. из Босфорского переулка, включавшему в себя 951 монету, сокрытую в небольшую красноглиняную амфору. Отбитое дно амфоры было заложено фрагментом стенки другого сосуда, а сама амфора, в которой монеты крепко спаялись окислом, стояла вкопанной вертикально возле стены постройки (рис. 1).

Состав клада следующий. Рискупорид III (2): 562 г. б.э. (262/6 г.) – 1; 561-568 гг. б.э. – 1; Тейран (1): 573 г. б.э. (276/7 г.) – 1; Фофорс (287): 583 г. б.э. (286/7 г.) – 6; 584 г. б.э. (287/8 г.) – 8; 585 г. б.э. (288/9 г.) – 11; 586 г. б.э. (289/90 г.) – 16; 587 г. б.э. (290/1 г.) – 9; 588 г. б.э. (291/2 г.) – 6; 590 г. б.э. (293/4 г.) – 6; 591 г. б.э. (294/5 г.) – 13; 592 г. б.э. (295/6 г.) – 10; 593 г. б.э. (296/7 г.) – 18; 594 г. б.э. (297/8 г.) – 42; 595 г. б.э. (298/9 г.) – 33; 596 г. б.э. (299/300 г.) – 32; 597 г. б.э. (300/1 г.) – 22; 598 г. б.э. (301/2 г.) – 2; 599 г. б.э. (302/3 г.) – 25; 600 г. б.э. (303/4 г.) – 7; 601 г. б.э. (304/5 г.) – 5; 602 г. б.э. (305/6 г.) – 4; 603 г. б.э. (306/7 г.) – 1; 604 г. б.э. (307/8 г.) – 3; 605 г. б.э. (308/9 г.) – 3; 583-605 гг. б.э. – 5; Радамсаций (58):

606 г. б.э. (309/10 г.) – 1; 607 г. б.э. (310/1 г.) – 3; 608 г. б.э. (311/2 г.) – 6; 609 г. б.э. (312/3 г.) – 4; 611 г. б.э. (314/5 г.) – 3; 612 г. б.э. – нет; 613 г. б.э. (316/7 г.) – 9; 614 г. б.э. (317/8 г.) – 20; 615 г. б.э. (318/9 г.) – 12; Рискупорид IV (600); 615 г. б.э. (318/9 г.) – 1; 616 г. б.э. (319/20 г.) – 29; 617 г. б.э. (320/1 г.) – 32; 618 г. б.э. (321/2 г.) – 30; 619 г. б.э. (322/3 г.) – 50; 620 г. б.э. (323/4 г.) – 84; 621 г. б.э. (324/5 г.) – 142; 622 г. б.э. (325/6 г.) – 62; 623 г. б.э. (326/7 г.) – 71; 624 г. б.э. (327/8 г.) – 29; 625 г. б.э. (328/9 г.) – 14; 627 г. б.э. (330/1 г.) – 3; 633 г. б.э. (336/7 г.) – 4; 638 г. б.э. (341/2 г.) – 4; неопределенные Рискупорида IV – 37; неопределенная 276/7-341/2 гг. – 1; подражания статерам Рискупорида IV – 3; литые копии статеров Рискупорида IV – 8. Всего: 951.

Публикация клада деградированных боспорских статеров наталкивается на ряд трудностей, к числу которых относится, в частности, беспорядочное употребление в литературе различных хронологий в определении правлений последних царей с именем Рискупор (*Ῥησκούπορις*) или, как более традиционно называть это имя по специфике окончания родительного падежа на *-ιδος*, Рискупорид. В нумизматике Боспора отмечались прецеденты десятилетних промежутков в датировке штемпелей оборотных сторон при общем лицевом штемпеле монет: в чеканке Рискупоридов с датами 530 и 541 гг. б.э. [26, с. 128-130], что служило основанием некоторым исследователям предполагать тождественность одноименных правителей [10, с. 64-71], и в монетах с датами 561 и 572-573 гг. б.э. [10, с. 67, 70]. Совпадение в последовательности годовых цифр единиц не оставляет сомнений, что мы имеем дело с ошибочной передачей цифр десятков в датах 530 и 561, соответствовавших 540 и 571 годам чеканки. Принцип приоритета исследования штемпелей применил В. А. Анохин к монетам с датами 561 и 572-573 гг. б.э. [6, №№ 716-717; 9, №№ 2081-2082], но поступил им по отношению к также битым общим штемпелем монетам с датами 530 и 541 гг. б.э. [6, №№ 671, 692, 692а; 9, №№ 2004, 2032-2033], отдав предпочтение убеждению, что, начиная с правления Ининфимея (233/4-241/2 гг.), на Боспоре электроовые статеры не чеканились. Если же признать, что и на других, объединяемых между собой общим штемпелем лицевых сторон, но электроовых статерах Рискупорида 530 и 531 гг. б.э. [9, №№ 2006-2007], а также биллоновом 532 г. б.э. [9, № 2008] даты превратно передают цифры десятков – Λ (30) вместо Μ (40), то обнаружится, что не известного по надписям правления царя Рискупорида в 530-532 гг. б.э. (233/4-235/6 гг.) на Боспоре не было, а так называемыми III и IV был единственный – Тиберий Юлий Рискупорид III, наиболее ранние статеры которого

Рис. 1. Керченский клад 2009 г. на месте находки в раскопе по Босфорскому переулку. Фото Э. А. Хайрединовой.

датированы 539 г. б.э. (242/3 г.) [6, № 690; 7, с. 164, рис. 54, 1; 9, № 2030], а надписи – 546 и 547 гг. б.э. [КБН, 58, 59]. Согласно этому, последний из известных в монетной чеканке Боспора Рискупорид оказывается «четвертым». В соответствии с такой нумерацией находится именование последних Рискупоридов, принятое В. А. Анохиным [9, с. 286-294], хотя и выделившим не существовавшее, на наш взгляд, «первое правление» Рискупорида III [9, с. 282, 284]. Пользуясь подобной нумерацией, обоснованной материалами нумизматики и эпиграфики, мы оставляем без комментария в цитируемых фрагментах нумерацию источника (Рискупорид V, Рискупорид VI). Предположение Т.Н. Кругликовой о правлении между 242-262 гг. нескольких одноименных царей [30, с. 140-141], не получившее поддержки историков и нумизматов [29, с. 177-186], и следовавшая ему хронология во внимание также не принимаются.

Значительную путаницу в датировку и периодизацию выпусков Фофорса, Радамсадия и Рискупорида IV внесли работы Н. А. Фроловой, представлявшие отдельные статьи [42; 43; 44; 45; 46; 47] и сводное издание по нумизматике античного Боспора [49]. Ее попытка совместить типологический (по дифферентам) и штемпельный методы исследований привела к имитации последнего путем игнорирования принципа последовательности в классификации штемпелей и произвольного распределения монет по годам, в результате чего появились вымышленные годы чеканок, причем те же монеты нередко уже фигурировали в списке каталога под другими годами при идентичности штемпелей их обеих сторон или общего одной из них. Так, под 639 г. б.э. [49, табл. ХСII, 24-26] значится монета с ошибочно читаемой датой, уверенно атрибутированная [12, с. 112-113; 6, с. 132] и находящая место в ряду битых общим штемпелем лицевых сторон и разными штемпелями оборотных – выпусков Рискупорида IV 619 г. б.э. (рис. 2, 1-6). Другая монета получила по причине сомнительного прочтения ошибочную датировку 629 г. б.э. [49, табл. СХII, 4] вместо 623 г. б.э., хотя аналогичный оттиск штемпеля оборотных сторон (с другой лицевой) с верно прочтенной датой также оказался отражен в публикации Н. А. Фроловой [49, табл. CV, 28] (рис. 2, 6). Обе монеты, битые разными штемпелями лицевых сторон и общим для них – оборотных, представлены в Керченском кладе 2009 г. (рис. 2, 7, 9), причем их штемпель оборотных сторон является единственным известным для статеров Рискупорида IV с необычным размещением цифр даты по сторонам бюста и под ним (рис. 2, 10).

Немало монет с идентичными оттисками штемпелей обеих сторон получают у Н. А. Фроловой одновременно две даты. Для выпусков времени Фофорса наиболее типична путаница между годами 583 и 586 боспорской эры, внесенная в монетные виды «Кепы 19» [49, табл. LXVIII, 18 (как 583 г. б.э.); LXIX, 28], «Патрэй 13-14 [2, № 5; 36, № 765; 37, № 573; 53, №№ 7-9]» [49, табл. LXVIII, 19 (как 583 г.); LXIX, 31]. Не менее печальна судьба группы монет Фофорса с цифрами единиц даты, исполненных в виде знаков **b**, **d** или **χ**,

Рис. 2. Монеты Рискупорида IV 619 г. б.э. с оттисками общего для них штемпеля лицевых сторон: 1 – [36, № 188; 49, табл. ХСII, 25-27; 2 – 6, № 768; 49, табл. СХII, 24-26 (как 639 г. б.э.); 3 – неопубликованный клад 2010; тот же штемпель об. ст. – [49, табл. ХСII, 28 (ошибочно обобщен с табл. ХСII, 29)]; 4 – [21, №№ 346-347; 49, табл. ХСII, 29]; 5 – не издана, неопубликованный клад 2010; 6 – не издана, неопубликованный клад 2011. Монетные выпуски Рискупорида IV 623 г. б.э. с оттисками общего для них штемпеля оборотных сторон: 7 – [49, табл. CV, 28]; 8 – клад Керчь 2009, №№ 821-822; 9 – неопубликованный клад 2010; 10 – [49, табл. СХII, 4 (как 629 г. б.э.); 11 – клад Керчь 2009, № 823. Идентичные оттисками обеих штемпелей монеты Рискупорида IV 621 г. б.э.: 12 – [49, табл. CI, 2]; 13 – [49, табл. CVIII, 22 (как 624 г. б.э.); 14 – клад Керчь 2009, № 650. То же, 621 г. б.э.: 15 – [49, табл. CVIII, 21 (как 624 г. б.э.); 16-17 – клад Керчь 2009, №№ 691-692.

отнесенных Н. А. Фроловой к 591 г. б.э. К. В. Голенко, еще до публикации кладов из Патрея и Кеп, относил их к 594 г. б.э. [15, №№ 16, 24, 30, с. 259], показав и впоследствии ошибочность их датировки некоторыми предшественниками 591, 592 или 599 гг. б.э. [17, с. 228, прим. 15]. Той же датировки подобных монет придерживается В. А. Анохин [6, № 745в; 9, № 2122]. Наиболее существенной ошибкой Н. А. Фроловой является причисление к 611 г. б.э. монет Рискупорида IV (VI) [49, табл. LXXXVI, 21-22], в том числе монет с дифферентом «орел на шаре» [49, табл. LXXXVI, 20] и не соответствующей году выпуска датой, как это убедительно аргументировано К. В. Голенко. Идентичные по обоим штемпелям монеты получают разные даты [49, табл. LXXXVII, 21; LXXXVIII, 17; LXXXIX, 15], 612 и 617 гг. б.э. [49, табл. LXXXVII, 1; LXXXIX, 16], 621 и 624 гг. б.э. [49, табл. XCIX, 17; C, 3; CI, 1-2; CVIII, 22], 624 и 625 гг. б.э. [49, табл. CVIII, 19-20; CXI, 16] – со штемпелем лицевых сторон монет 621 г. б.э. [17, № 285; 49, табл. CI, 5-6]. Если из выделяемого Н. А. Фроловой для 624 г. б.э. типа «трезубец-орел» также исключить ошибочно причисленную к этому году монету (рис. 2, 15) [49, табл. CVIII, 21], которая в действительности имеет дату 621 г. и представлена двумя экземплярами в Керченском кладе 2009 г. (рис. 2, 16, 17), обнаружится, что дифферент оборотной стороны «орел» в 624 г. б.э. не использовался, что, впрочем, ранее уже отмечалось К. В. Голенко.

Монеты Рискупорида IV «Патрэй 182» с нечеткой цифрой десятков даты, связанные общим штемпелем лицевых сторон с видом «Кепы 299-300», где отчетливо читается 618 г. б.э., получают у Н.А.Фроловой датировку 628 годом [49, табл. CXII, 3], в котором монеты не чеканились, как это также отмечалось К. В. Голенко. Вторая из монет, отнесенных Н. А. Фроловой по причине неудовлетворительной сохранности к 628 г. б.э. [49, табл. CXII, 2], принадлежит чеканке 622 г. б.э., а штемпель ее лицевой стороны имеет не замеченный Н.А.Фроловой дифферент «точку». Подобная ей оттисками обоих штемпелей монета происходит из Керченского клада 2009 г. (№ 738).

Вымышленные даты чеканки у Н. А. Фроловой (626, 628, 629, 631, 639 гг. б.э.) появились по причине некорректного чтения [49, табл. CXII, 2-5]. Произвол по отношению к монете Радамсадия с ошибочно читаемой на ней датой 619 г. б.э., связанной общим штемпелем лицевой стороны с монетами времени его правления, мотивируется ссылкой на якобы существующий прецедент в херсонесской чеканке, когда штемпель лицевой стороны датированных монет использовался в течение шестнадцати лет [49, с. 116]. Битые общим штемпелем лицевой стороны херсонесские тетрассарии несут на себе даты 94 (ЧД), 95 (ЧЕ), 96 (Чґ, ЧП) гг. херс. э., принятые исследователями за 104, 105, 106 и 111 гг. [4, №№ 53-57, табл. III, 13-14; IV, 1-3; 5, №№ 229, 231, 232, 235; 9, №№ 858, 860-861, 865], возможно, по причине отдаленности их дат от безусловно читаемой – 120 (РК) на монетах, битых тем же штемпелем лицевой стороны

Рис. 3. 1 – статер Рискупорида IV 633 г. б.э. со смещенным оттиском штампея оборотной стороны; 2-4 - идентичные оттисками штампея оборотных сторон статеры Рискупорида IV 621 г. б.э. из Керченского клада 2009 г.; 5-6 – идентичные оттисками штампея лицевых сторон монеты Рискупорида IV 621 г. б.э. из клада Керчь 2009 [49, табл. CI, 2; CVIII, 22 (как 624 г. б.э.)]; 7-12 – статеры Рискупорида IV 620 г. б.э. из Керченского клада 2009 г., связанные общим штампеем лицевых сторон; 13-14 – прототипы литых копий монет [20, табл. XIX, 126, XX, 122-13a]; 15 – статер 619 г. б.э. из клада Керчь 2009 с дифферендом «копье» на лицевой стороне; 16-18 – статеры 638 г. б.э. из Керченского клада 2009 г., связанные общими штампеями сторон.

[11, табл. XIX, 37; 4, №№ 61-64, табл. IV, 7-9; 5, № 236; 9, № 867] или также известными, битыми другими штемпелями. Таким образом, расхождение в прописных датах объединяемых общим штемпелем лицевых сторон херсонесских монет составляет не шестнадцать лет, как считали А.В. Орешников [38, с. 17] и В.А. Анохин, а четверть века, и воспринимать всех их как соответствующие действительным годам чеканки, вероятно, нельзя. Возможно, здесь правомерно наблюдение В.А. Анохина над интенсификацией херсонесских выпусков, связываемой им с запретом чеканки со стороны Рима после 120 г. херс. э. [5, с. 67]. Можно допустить, что в обход запрета Херсонес продолжал чеканку монет, обозначая их прежними годами санкционированных Римом выпусков, но этому противоречат необъяснимо значительный разрыв в датах и, что наиболее существенно, крупный диаметр и полновесность этих тетрассариев, характерные для начальной стадии чеканки, по отношению к которым вес заключающих ее выпусков уменьшается примерно вдвое. Более логично предположить, что в серии битых общим штемпелем лицевой стороны тетрассариев 94-96 гг. херс. э. один из штемпелей оборотных сторон был отмечен 120-м годом не херсонесской, а иной эры, начало которой приходилось на середину I в. до н.э. (легенда «священного мира»). Это не значит, что в Херсонесе имела место попытка перейти на летосчисление по «новой» эре, но бытование ее, повлекшее «описку» иногороднего для Херсонеса резчика штемпеля, кажется возможным. Использование того же штемпеля лицевой стороны в недатированной эмиссии [5, № 230; 9, № 859] позволяет относить последнюю к тому же 96 г. херс. э. Даже если не принимать подобного объяснения, беспрецедентный четвертьвековой разброс датировок объединяемых общим штемпелем лицевых сторон херсонесских тетрассариев не может доказывать существование длительных перерывов в использовании штемпелей в чеканке Боспора, а также не дает оснований игнорировать метод сравнения штемпелей в нумизматике, упорно отвергаемый Н. А. Фроловой [6, с. 132], которой, по отчаянному замечанию В. А. Анохина, «удивительно *везет* на усваивание ошибочных взглядов» [8, с. 141].

Что касается предложенного Н. А. Фроловой распределения боспорской чеканки по штемпелям, то здесь, скорее, имитация методики, начиная с произвольного порядка использования букв алфавита для нумерации штемпелей, где самостоятельная индексация внутри условно выделенных по признаку дифферентов типов приводит к профанации самого метода, и заканчивая произвольным обобщением разных штемпелей под общим индексом [Лиц. ст.: 49, табл. LXXXVII, 24, 25-26, LXXXVIII, 1-2; LXXXVIII, 3-4, 5-6, 7, 12; LXXXIX, 1-7, 9-15; LXXXIX, 8, 19-21; XC, 17, 20a; XCIX, 12, 13, 16, 17; XCIX, 23-30, 31; C, 4, 5; CIII, 1-2, 3-4. Об. ст.: 49, табл. LXXXIX, 23-24, 25-26; XC, 11, 12, 13, 15], или отнесением общих для монет оттисков штемпелей лицевых сторон к разным в нумерации внутри типа [49, табл. LXXXVII, 15, 16; LXXXVII, 2, 21-23;

XCV, 11, 13-14; XCIX, 19, 20-21; XCIX, 15-18; C, 10-11; C, 5, 14]. Оставляем в стороне некорректные определения дат, двойные ссылки на иллюстрации и другие неточности, которые могли бы быть отнесены к опечаткам. Кажется странным заявление исследователя, что «определять время выпуска боспорских статеров на основании одного лишь сходства штемпелей л. с. является недопустимой ошибкой» [49, с. 115]. Подобная сентенция направлена против главной доказательной базы нумизматики, по выражению А.Н. Зографа – «объективного научного метода» [24, с. 22, 107-108], исключительное значение которого (наряду с метрологическим и «историко-филологическим») ни у кого не вызывало сомнения. Почему не нашлось никого в редколлегиях изданий, кто мог обратить внимание на отсутствие сквозной буквенной нумерации штемпелей, в которых, по наблюдению того же А.Н. Зографа, «последовательный порядок не может быть нарушен» [24, с. 107]. И что подразумевала под «анализом» Н.А. Фролова, утверждая: «Поштемпельный анализ статеров Фофорса всех лет чеканки показал, что штемпели л. с. для каждого года чеканки новые» [49, с. 84]? В опровержение подобного заключения приведем список 15 «переходных» штемпелей статеров Фофорса для 13 «смежных» годов его правления:

583/584 гг. б.э.: 583 г. б.э. [Керчь 2009, № 9]; 584 г. б.э. [21, №№ 9-12; 17, № 9; 6, № 733; 49, табл. LXVIII, 21-26];

584/585 гг. б.э.: 584 г. б.э. [Керчь 2009, № 7; об. ст.: 49, табл. LXIX, 4]; 585 г. б.э. [36, № 764; 53, № 5-6; 17, №№ 10-11];

585/586 гг. б.э.: 585 г. б.э. [21, № 15; 17, № 12; 49, табл. LXIX, 10-13]; 586 г. б.э. [21, № 16; 49, табл. LXIX, 18-20, LXX, 4-5, 7];

587/588 гг. б.э.: 587 г. б.э. [21, № 21; 49, табл. LXX, 20]; 588 г. б.э. [21, № 27; 49, табл. LXXI, 3];

588, 590 гг. б.э.: 588 г. б.э. [62, № 545; 28, № 7; 60, pl. VIII, 26; 36, № 768; 37, № 574; 52, №№ 3-4; 17, №№ 20-22; 21, № 29-30, 33-34; 6, № 737; 49, табл. LXX, 21-28, табл. LXXI, 1-2, 4]; 590 г. б.э. [17, №№ 23-24; 21, № 35; 6, № 738; 49, табл. LXXI, 5-8, 10-11, 14];

590/591 гг. б.э.: 590 г. б.э. [21, № 36-37; 49, табл. LXXI, 12-13; 63, n. 1027]; 591 г. б.э. [62, № 293; 36, № 769; 53, № 5; 21, № 38-47; 17, №№ 25-27; 6, № 739; 49, табл. LXXI, 15-27];

591/592 гг. б.э.: 591 г. б.э. [17, № 28; 6, № 739а; 49, табл. LXXI, 28]; 592 г. б.э. [53, № 14-15; 52, №№ 8-10; 17, №№ 29-30; 21, № 48-51; 6, № 740; 49, табл. LXXII, 24-27, LXXIII, 1-7, 9];

592/593 гг. б.э.: 592 г. б.э.: [21, № 52-53]; 593 г. б.э. [36, № 722; 21, № 54- 56; 17, №№ 36-40; 49, табл. LXXIV, 5а];

593/594 гг. б.э.: 1) 593 г. б.э. [14, рис. 1, 11; 17, № 53]; 594 г. б.э. [28, № 10; 15, № 4-5; 54, №№ 11, 21, 24; 14, рис. 1, 12; 17, №№ 54-57; 21, № 58-61; 49, табл. LXXII, 15-16, 19-21]; 2) 593 г. б.э. [17, №№ 46-47; 21, №№ 139-140; 6, № 741,

741а; 49, табл. LXXIV, 1-2, 4-5, 15]; 594 г. б.э. [14, рис. 1, 14; 15, № 39; 54, № 15; 17, № 49; 21, № 141; 6, № 742а; 49, табл. LXXV, 7-8];

594/595 г. б.э.: 1) 594 г. б.э. [15, № 28; 17, № 67; 21, № 73; 49, табл. LXXII, 13]; 595 г. б.э. [21, №№ 77-80; 6, № 743; 49, табл. LXXVI, 2-3, 5]; 2) 594 г. б.э. [17, №№ 50-51; 21, №№ 142-145; 6, № 742б; 49, табл. LXXIV, 16-23, 25-29; LXXV, 1-6]; 595 г. б.э. [21, №№ 146-148; 49, табл. LXXV, 20-21];

595/596 г. б.э.: 595 г. б.э. [17, №№ 73-75; 21, №№ 81, 84-87; 6, № 743а; 49, табл. LXXVI, 9, 11, 14-17, 19]; 596 г. б.э. [17, № 76].

599/600 г. б.э.: 599 г. б.э. [24, № 20; 54, № 22; 17, №№ 106-107; 21, № 199-200]; 600 г. б.э. [22, № 495; 17, № 110; 21, № 201-202; 6, № 748; 49, табл. LXXIX, 22-26, 28];

601/602 г. б.э.: 601 г. б.э. [17, № 114; 21, № 204; 6, № 749; 49, табл. LXXX, 5-6]; 602 г. б.э. [56, № 81; 17, №№ 115-117; 21, № 205-207; 6, № 750; 49, табл. LXXX, 7-15].

В целом, разработки монетных выпусков правлений Фофорса – Рискупорида IV, предложенные Н. А. Фроловой, представляют беспрецедентный пример небрежности в отношении к исследованию, влекущий за собой абсурдные выводы и последствия в виде неверных представлений о чеканке и времени правлений Фофорса, Радамсадия и Рискупорида IV.

К сожалению, вирусом «открытий Н. А. Фроловой» оказались заражены и многие работы по нумизматике позднеантичного Боспора последних лет, в большинстве – публикации или переиздания опубликованных ранее кладов [50; 1; 2; 3]. Возможно, благодаря увеличению числа соавторов по мере многократного переиздания кладов наблюдаются определенные сдвиги, например, в пятой по счету публикации Керченского клада 1995 г. последним годом эмиссии Боспора справедливо назван 338 г. б.э., а ошибочная дата 339 г. забыта [2, с. 548]. Однако в той же публикации упоминаются как существующие, но отсутствующие в кладе, монеты годов 628, 629, 630 [2, с. 548]. В очередном переиздании тиритакского клада 1946 г. обнаруживаются эти самые монеты 628 и 629 гг. б.э. [2, с. 528, №№ 194-195], в действительности – 622 и 623 гг. б.э., что устанавливается из описания и ссылок на определение Н. А. Фроловой и находок подобных монет в Керченском кладе 2009 г. – № 738 [49, табл. CXII, 2; лиц. ст.: 36, № 816; 37, № 591/4; 53, № 140; 54, № 92; 61, no. 97; 21, №№ 590-593; 17, №№ 321-322; 49, табл. CII, 13-14, 17-19, 28] и № 823 (рис. 2, 11) [17, № 361; 21, №№ 663-665; 49, табл. CXII, 4]. В том же переиздании клада оказываются монета Радамсадия с неверно читаемой датой [2, с. 524, № 47] и два определяемых 612 г. б.э. экземпляра монет Рискупорида IV [2, с. 524, №№ 48-49; 49, табл. LXXXVI, 27, 28], первый из которых штемпелем лицевой стороны связан с оборотным штемпелем 621 г. б.э. [49, табл. C, 15-19], а идентичный штемпелями второму – имеет у Н. А. Фроловой датировку 618 г. б.э. [49, табл. XC, 30; XCI, 1].

Как наиболее позднюю из деградированных статеров Х. Х. Гиль и А. В. Орешников выделяли монету 639 г. б.э. [38, табл. 1, 13; 17, с. 234, прим. 27]. По мнению К. В. Голенко, ее и изданную А. М. Подшиваловым монету с датой 638 [56, S. 24, № 76, Taf. II, 43] имел в виду А. Н. Зограф, отмечая ошибочность чтения дат упоминаемых в литературе монет 631, 638, 639 гг. б.э. и называя годами чеканки боспорских статеров 628-629 гг. б.э. [24, с. 212; 25, с. 163]. Сам же К. В. Голенко относил эти монеты к выпускам 618 и 619 гг. б.э. [12, с. 112-113; 17, с. 234-235; 18, с. 107]. Подобное заключение приемлемо только к датировке ранее упоминавшихся монет с читавшимися на них датами как 629 или 639 гг. б.э., объединяемых, как выявил К. В. Голенко, общим штемпелем лицевой стороны с монетой 619 г. б.э. В подтверждение принадлежности монет с датой ΘĖ× выпуску 619 г. б.э. в настоящее время может быть представлено шесть штемпелей оборотных сторон при общем для них штемпеле лицевых (рис. 2, 1-6). К. В. Голенко были известны три экземпляра монет 619 г. б.э. из этого выпуска, две из них были биты общим штемпелем оборотной стороны с отчетливо читаемой годовой цифрой десятков. Вероятно, он имел дело с разрозненными гипсовыми отливками сторон, поскольку изображение лицевой стороны монеты 619 г. б.э. оказалось ошибочно объединено им с оборотной – монеты с датой 638, а оборотной – соединено в иллюстрации с лицевой той же монеты 638 г. б.э. [12, рис. 16, 2-3]. На этой искусственной цепочке сопряжения штемпелей строилось доказательство принадлежности 618 г. б.э. монет с датой 638. Ошибка К. В. Голенко была отмечена Н. А. Фроловой [42, с. 54, табл. III], но она, наряду с правомерным опровержением выводов К. В. Голенко по корректировке дат этих монет, априорно отвергла и другие его наблюдения над особенностями заключительной монетной чеканки Боспора, в частности, признавая общность штемпеля лицевой стороны монет с датой ΘĖ× с монетой 619 г. б.э., все же сохранила за монетами прежнюю датировку, вероятно, допуская использование штемпеля лицевой стороны монет 619 г. б.э. через двадцать лет [42, с. 54]. В. А. Анохин, возражая Н. А. Фроловой, привел ряд аргументов в пользу даты 619 г. б.э. монет с прописанной в форме Ė цифрой единиц. Признав ошибочным сопряжение штемпеля лицевой стороны монет 638 г. б.э. с оборотной 619 г. б.э., он априорно исключил и 638 г. б.э. из чеканки Боспора, апеллируя к тому, что «все сказанное относительно монет с датой ΘĖ× полностью относится и к монетам НЛХ» [6, с. 132-133], причислив затем монеты с этой датой к 618 г. б.э. [9, № 2164]. Непризнание соответствия даты монет 638 г. б.э. времени их выпуска, как кажется, может быть пересмотрено В. А. Анохиным при наличии определенной аргументации.

К. В. Голенко приводил ряд убедительных доводов в пользу соответствия обозначенному на них году чеканки не попавших в поле зрения предшествующих исследователей статеров с датой 633 г. б.э., ссылаясь также на опубликованную В. В. Латышевым строительную надпись [33, с. 79; КБН, 1112] как

подтверждение распространения времени правления Рискупорида на предшествующий выпуск этих монет год [16, с. 336, 338; 17, с. 235]. Он же обратил внимание на необычную специфику штемпелей монет 633 г. б.э., а именно: использование в чеканке этого года трех штемпелей лицевых сторон и только одного – для оборотных, причем, штемпели лицевых сторон не известны в оттисках на монетах в сочетании с каким-либо иным – оборотной стороны. Логичным объяснением этому явлению, по мнению К. В. Голенко, являлось то, что в чеканке 633 г. б.э. штемпель привычного типа оборотных сторон был нижним, а лицевых – верхним, соответственно тому им отмечается нехарактерно слабый износ штемпеля оборотной стороны [16, с. 336]. Можно отметить, что уникальность штемпеля с датой 633 не может полностью исключить возможности искаженной передачи одной из годовых цифр, но особенность чеканки этого года, заключающаяся в отсутствии дифферентов, не позволяет относить их ко времени монет с дифферентами, как нет и видимых причин усомниться в соответствии его даты времени выпуска. Достаточно весомым аргументом, не использованным К. В. Голенко, представляется заключительная монетная чеканка Рискупорида IV в 638 г. б.э. после четырехлетнего перерыва в выпуске монет.

В Керченском кладе 2009 г. находится 4 экземпляра монет с датой 633, в которых представлены все три известных штемпеля лицевых сторон (№№ 896-899). Примечательно, что монета № 899 имеет на оборотной стороне следы сдвига штемпеля, а заходящий на монетный кружок оттиск его края обнаруживает, что диаметр поля оборотного штемпеля меньше диаметра лицевого (рис. 3, 1). В этой связи предположение К. В. Голенко об использовании типа лицевой стороны для верхнего штемпеля монет 633 г. б.э., а оборотной – для нижнего представляется преждевременным. Очевидно, требуется искать иное, возможно, и более простое объяснение такому явлению. Параллель ему обнаруживается в той же чеканке Боспора периода ее интенсивности, когда в производстве монетного двора одновременно участвовали три штемпеля лицевой стороны. Наблюдения над подобной организацией производства принадлежат К. В. Голенко, отмечавшему увеличение числа одновременно используемых штемпелей в 621-623 гг. б.э. [21, с. 80]. В Керченском кладе 2009 г. находятся монеты с общим для них штемпелем оборотной стороны и разными (в числе трех) лицевыми (рис. 3, 2-4). Примечательно различие дифферентов на одновременно использовавшихся в производстве штемпелях лицевых сторон. Но при одновременной эксплуатации трех штемпелей лицевых сторон монет число сопряженных с ними штемпелей оборотных сторон доходило до 18, а для выпуска 633 г. б.э. известны оттиски только одного оборотного штемпеля. Можно предположить, что для следовавшей после пятилетнего перерыва чеканки 633 г. б.э. были изготовлены три штемпеля лицевых сторон в расчете на интенсивное производство монет, но в силу каких-то обстоятельств планировавшийся объем монетного производства был сокращен и ограничен использованием в сочетании с ними только одного оборотного.

Все эти наблюдения, как представляется, имеют значение и для вопроса о соответствии годовых цифр времени выпуска монет с датой 638 г. б.э., введенных в научный оборот А. М. Подшиваловым. На вопрос о правлении Рискупорида IV в 638 г. б.э. может пролить свет упоминавшаяся в связи со статером 633 г. б.э. надпись о строительстве городской стены, найденная в 1914 г. в станице Вышестеблиевской [32, с. 38-39; 33, с. 79-82, № 8; КБН, 1112]. Кроме даты в своем начале (632 г. б.э.), она несет в заключении вторую дату – 638, в которой Шкорпил видел год установки надписи, относя первую – к окончанию постройки. В правильности такой трактовки сомневался В. В. Латышев, обращавший внимание на необъяснимость шестилетнего промежутка времени между постройкой и записью о ней, но признававший, что «более правдоподобного» объяснения последним цифрам, как принадлежащим дате надписи, найти не удастся [33, с. 82]. В *Supplementum epigraphicum Graecum* надпись опубликована в чтении В. В. Латышева [SEG, II, № 480]. Издатели «Корпуса боспорских надписей» истолковали по-своему замечания В. В. Латышева, приписав ему сомнения в трактовке окончания надписи как цифр даты [КБН, с. 647]. В соответствии с этим они предложили новое чтение этого окончания как недописанное резчиком $\text{Χα}(\rho)(\epsilon)$, не придавая значения как неуместности в строительной надписи посмертного пожелания, оканчивавшего обычно надгробные эпитафии, так и уже имеющемуся благопожеланию в ее начале, подобному благопожеланиям других строительных надписей Боспора.

Прежде чем продолжить рассмотрение этой надписи, обратимся к другой, в настоящее время, как и первой, к сожалению, утраченной. Примером того, что в боспорских строительных надписях именами правителей отражался строительный период от начала до его окончания, служит упоминание в ней имен двух царей – Радамсадия и Рискупорида [IOSPE II, № 312; КБН, 66], которые, судя по их датированной монетной чеканке, не были соправителями. Упоминаемое в ней возведение неизвестной постройки было начато при Радамсадии, царствовавшем в 606-615 гг. б.э., а окончено при Рискупориде IV после 615 г. б.э., в конце которого началось его правление [12, с. 107]. Нельзя сказать, что надпись оставалась вне внимания исследователей. После В. В. Латышева, отказавшегося от несоответствующего стилю и смыслу чтения Бёка, к ней обращался В. П. Яйленко [55, с. 54-56]. Несоответствие предлагавшегося им варианта чтения логике затянувшегося на 33 года строительства было отмечено В. А. Анохиным, предложившим свой вариант чтения [7, с. 174], сильно отдаленный от букв на камне и не приемлемый по ряду причин. Но, как кажется, надпись представляет пример помещения в ее истоке даты начала строительства. Буквы АЮОЕÏ второй строки по копии 1832 г., оставленные без перевода В. В. Латышевым, считаем возможным читать как дату (боспорской эры) с *praep. από* – «со времени, (начиная) с». Надпись с частичным использованием восстановлений В. В. Латышева будет читаться так:

Ἄγαθῆ [τύχη].

Ἄπὸ χιγ' ἔτο[υς ἐπὶ βασιλεῖ]

Ῥαδαμψ[αδία καὶ ἐπὶ βασιλεῖ Ῥη]-
σκουπόρι[δι ἐκ θεμελείων ἀνεσ]-
5 τάθη ὁ [ναὸς? διὰ ἐπιμελείας ...]

εἰθ....

В добрый час.

(Начиная) с 613 года при царе

Радамсадии, при царе Ри-
скупориде от основания воздвиг-
нут сам храм(?) попечением ...

Ст. 2: Наиболее вероятным восстановлением перенесенного на копию 1832 г. знака Λ являются близко располагавшиеся XI, в которых одну из наклонных гаск Дюбуа не принял во внимание; обратный порядок расположения цифр – явление известное как в эпиграфике (строительная надпись КБН, 1112), так и в боспорской нумизматике близкого времени (Фофорс – 582, 588 гг. б.э., Радамсаций – 608-609 гг. б.э., Рискупорид IV – 618 г. б.э.); читавшийся В.В. Латышевым по копии в конце сохранившейся части строки предлог ἐπὶ [κ.т.λ.] представляется как неточно перенесенное на копию начало слова ἔτο[υς...] с приближенным к квадрату написанием омикрона, хотя возможности проверить по оригиналу камня точность копии нет, поскольку уже В.В. Латышев считал камень утраченным.

Стт. 3-4: Dat. имен (по аналогии с КБН, 1112) уравнивает длину строк по числу знаков (25), отчего менее вероятен gen.: [...ἐπὶ βασιλέως]|Ῥαδαμψ[αδίου καὶ ἐπὶ βασιλέως Ῥη]|σκουπόριδος κ.т.λ.; ἐκ θεμελίων vel ἐκ θεμελείων встречается во всех боспорских строительных надписях, где речь идет о постройке [КБН, 62, 64, 68, 897, 940, 942, 970, 1045, 1052, 1122, 1134, 1241, 1246, 1248, 1250] и даже реконструкции [КБН, 731, 1251], оно же диктует удлинение (в сравнении с восстановлением В. В. Латышева) ст. 3, где трудно допустить что-либо, кроме повторения предлога и царского титула с многофункциональным и неизбежным союзом καί при втором имени, чем акцентируется то обстоятельство, что цари не были соправителями.

Стт. 4-5: [... ἀνεστ]τάθη ὁ [ναὸς?...] – восстановление В.В.Латышева, но следовавшее затем у него οὗτος (*этом*) представляется излишним при наличии выступающего в значении местоимения члена ὁ, а поскольку названия какой-либо начинающийся на омикрон постройки подобрать не удастся, именно таковым принимается омикрон и как следствие – восстановление соответствующего ему по роду существительных ναός (*храм*).

Как видно, надпись сообщала о начале строительства в 613 г. б.э. (316/7 г.). Дата его завершения находилась (как на полно сохранившихся строительных надписях) в утраченном окончании и неизвестна, хотя очевидно, что оно продолжалось не менее двух лет, отделяющих начало правления Рискупорида IV от первой даты.

Теперь нам будет легче разобраться со строительной надписью КБН 1112. Приводим ее чтение по В. В. Латышеву, внесшему поправки в первое издание [32, с. 38-39] после ознакомления с камнем [33, с. 80]:

Ἀ[γα]θῆ τύχη. Ἐ[τους] βλχ', μηνὸς Λώου.
 Ἐπὶ βασιλεῖ Ῥησκο[υ]πόριδι ἀνεκτίστη τὸ τεῖχος
 ἐκ θεμελείων διὰ ἐπιμελείας Εὐτύχ(ου)ς
 ἀρχιτέκτονος. Ἐγράφη δὲ χειρὶ Πάππου Ποπλίου.
 Νείκη πόλει[ι]. χλη'.

Перевод В. В. Латышева: «С добрым счастьем. Лета 632, месяца Лоя. При царе Рискупориде воздвигнута стена от оснований попечением Евтиха зодчего. Написано же рукою Паппа Попплиева. Победа городу! 638 (?)».

Дату в начале надписи по аналогии с КБН 66 следует рассматривать как время начала строительства, а заключающую ее – окончания. Можно возразить примечанию, сделанному К. В. Голенко при аргументации даты монет 633 г. б.э.: «На подписи стоит второй, вырезанный позже, год – 638 (341), очевидно, дата установки плиты, что, однако не дает основания предполагать правление Рискупорида VI (IV – В.С.) до этого года» [16, с. 338, прим. 13]. Надпись свидетельствует, что царствование Рискупорида IV продолжалось с 632 по 638 гг. б.э. (335/6-341/2 гг.) без прерывания, чем не опровергается возможность чеканки его монет в 638 г. б.э., поскольку до этого года включительно и осуществлялось его царствование. Можно полагать, что 638 г. б.э. был последним в его правлении. Окончание строительства такого монументального сооружения, как оборонительная стена, включавшая вспомогательные укрепления, едва ли имело конкретную дату, которая и не предполагалась (по наблюдению В. В. Латышева) в надписи изначально, но годовое число было приписано в конце ее, возможно, для логического завершения действия в означенное правление царя Рискупорида. Последующее возведение дополнительных ственных башен не случайно рассматривалось как самостоятельное строительство и отмечалось обычно своими строительными надписями. Очевидно, к той же стене была пристроена башня, о возведении которой при царе Тиберии Юлии Диптуне сообщает также найденная в Керчи, а ныне хранящаяся в Эрмитаже надпись [КБН, 67].

В кладе из Кеп монет с датой 638 и дифферентом «пальмовая ветвь» на оборотной стороне находилось 7 экземпляров [21, №№ 318-324], представлявших продукцию двух, не объединенных общим, пар штемпелей. В Керченском кладе 2009 г. представлены 4 экземпляра монет с дифферентом «пальмовая ветвь» и датой 638 (№№ 900-903), но, помимо идентичных по оттискам штемпелей монетам клада из Кеп (рис. 3, 16, 18), в нем оказался экземпляр, объединяющий монеты в связную серию общими штемпелями: лицевых сторон – с «Кепы 324», оборотных – с «Кепы 318-323» (рис. 3, 17). Таким образом, монеты с датой НЛХ (638) с дифферентом «пальмовая ветвь» на оборотной стороне представляют связанную общими штемпелями серию выпусков, в производстве которых было задействовано всего 2 штемпеля лицевых сторон и столько же – оборотных. Малое число штемпелей оборотных сторон,

не превышавшее количества лицевых штемпелей, несомненно, обнаруживает сходство с организацией чеканки в 633 г. б.э.

Кладов, близких по составу и времени сокрытия Керченскому 2009 г., было найдено немало. Но для значительной части их, оставшихся малоизвестными и упоминавшихся в рукописи Е. Е. Люценко [34], мы располагаем самыми общими сведениями. Это Керченские клады 1852, 1869, 1870, 1904 гг. и клад, найденный у станицы Фанталовская в 1878 г. [17, с. 238-240; 27, с. 90-93; 21, с. 82-83]. В числе таких кладов и Керченский 1879 г., разновременный биметаллический, включавший в себя хронологически обособленную группу из 30 статеров Рискупорида IV [2, с. 563-564]. Часть кладов сохранила неполный состав и только немногие, среди которых Керченский клад 2009 г. выделяется количеством монет, отличаются полнотой доступного для исследования состава.

1. Дер. Малый Таракташ 1908 г. Состоял примерно из 2000 экз. В дар ТУАК от А. Х. Стевена поступили выкупленные им 582 монеты, в т.ч. римские 211-337 гг. [40, с. 99-101; 53, с. 284-295]. Из 516 боспорских монет было определено 314, но определение их по годам выпуска страдает неточностями. Позже было определено 528 монет [2, с. 518-521, табл. 212]; боспорские: Савромат IV – 7, Рискупорид III (IV-V) – 1, Тейран – 9, Фофорс – 134, Радамсаций – 37, Рискупорид IV – 340; римские: Максимиан Геркулий – 1, Максимин Даза – 7, Максенций – 1, Лициний – 26, Константин I – 33, неопределенная – 1 экз. В целом же, поскольку полный состав клада неизвестен, а определяемая часть сравнительно мала, можно оперировать ограниченными данными о нем.

2. Феодосийский клад 1927 г. 135 экз. 583-625 гг. б.э. (286-328 гг.) [41, с. 285; 54, с. 134-139]. К. В. Голенко считал, что, несмотря на расхождения в указании места находки («близ горы Курубаш» – у Р. Р. Фасмера, «у Ламбирова хутора» – у Д. Б. Шелова) и приводимого количества монет Радамсация, речь идет об одном и том же кладе [17, с. 239, прим. 36]. Н. А. Фролова «обнаружила» в кладе монеты Рискупорида IV 612 и 613 гг. б.э. [49, табл. LXXXVII, 1, 2], в действительности – обе 616 г. б.э. [49, табл. LXXXIX, 16 = LXXXVII, 1; LXXXVII, 21 = LXXXVIII, 17 = LXXXIX, 15]. Ошибочны также некоторые определения для монет 620 и 621 гг. б.э. [2, с. 471-478].

3. Тиритакский клад 1946 г. 227 экз. [52, с. 73-86; 2, с. 521-528]. В списке монет клада, составленном Л. П. Харко, значатся 4 экземпляра статеров 626 г. б.э. и по два экземпляра 628 и 629 гг. б.э., не известных в чеканке Боспора. Плохо сохранившиеся экземпляры монет Тиритакского клада, часть которых Л. П. Харко датировал 625-629 гг. б.э. [52, №№ 180-197], К. В. Голенко по признакам их типологического сходства с монетными сериями с дифферентом «орел» причислял к чеканке 621-623 гг. б.э. [17, с. 235]. Можно уточнить, что по дифференту «орел» монеты могут датироваться 619-623 гг. б.э. Н. А. Фроловой были пересмотрены датировки поздних монет клада (№№ 48, 195), и дата его первоначально ошибочно отсрочена на 342 г. [42, с. 52-53], но затем

уточнена (341 г.) в совместной публикации с М. Г. Абрамзоном, хотя в последней [2, с. 521-528, табл. 197] остались неверные определения по годам выпуска (№№ 47-49, 194-195). Состав опубликованной части клада по царям: Тейран – 1, Фофорс – 32, Радамсадий – 14, Рискупорид IV – 180 экз.

4. 2-й Патрэйский клад 1951 г. 397 экз. 275-336 гг. [14, с. 198; 36, с. 223-289; 1, с. 385-405; 2, с. 484-498, табл. 185-196].

5. Керченский клад 1961 г. 70 экз. 286-328 гг. [19, с. 268-272; 3, с. 109-115, табл. 80; 2, с. 478-484, табл. 184]. Состав клада по царям: Фофорс – 20, Радамсадий – 3, Рискупорид IV – 45, литые копии статеров – 2.

6. Клад из Кеп 1962 г. 745 экз. 276-341/2 гг., в том числе 2 медных двойных денария Ининфимея и Рискупорида III, 7 экз. статеров 638 г. б.э., подражание и литые копия статеров Фофорса и Рискупорида IV [21, с. 72-126, табл. I-XV; 1, с. 347-379, табл. LXVIII-LXXXIV; 2, с. 498-518, табл. 197-211].

7. Клад 1972 г. из Шум-речки Анапского р-на (Гай-Кадзор 1972). 263 экз. 286-341 гг. [39, с. 172-174; 42, с. 52-53; 1, с. 407-421, табл. СII; 2, с. 530-537, табл. 215].

8. Ильичевский клад 1975 г. 130 статеров 589-633 гг. б.э. и 5 солидов Юстиниана I (до 538 г.) [51, с. 173-179; 43, с. 18-21; 2, с. 468-470, табл. 226]. Рискупорид III – 1, Фофорс – 22 (21), Радамсадий – 10, Рискупорид IV – 97 (98), византийские солиды Юстиниана I – 5 экз. [1, с. 432-442, табл. CV-CVII].

9. 2-й Ильичевский клад 1977 г. 36 монет, найденных при раскопках городища: Фофорс – 11, Радамсадий – 3, Рискупорид IV – 22 экз. [1, с. 380-384; 2, с. 468-470]. Опубликован со ссылками на типы с недостоверными определениями Н. А. Фроловой, в первую очередь, монет 620 г. б.э., часть которых, очевидно, относится к 621 г. б.э. Отсутствие иллюстраций для большинства монет и условное качество представленных [1, табл. LXXXV] не позволяют уточнить состав клада.

10. 2-й Гай-Кадзорский клад 1977 г. [35, с. 87; 48, с. 199, № 15; 1, с. 422-431, табл. СIII; 2, с. 538-544, табл. 216-217]. 115 экз.: Фофорс – 42, Радамсадий – 5, Рискупорид IV – 63, неопределенные – 2, варварские подражания римским денариям – 3 экз.

11. Керченский клад 1995 г. [31, с. 17-18; 50, с. 59-85; 59, р. 193-238; 3, с. 116-131, табл. 81-88; 2, с. 544-560, табл. 218-225]. Упомянутый издателями асс Котия I мог не принадлежать кладу в составе более 450 деградированных статеров. Из 313 известных экземпляров клада по царям монеты распределяются: Тейран – 2 [2, с. 544, прим. 518], Фофорс – 87, Радамсадий – 11, Рискупорид IV – 213. Монеты отличает полученная ими в условиях длительного участия в обращении потертость, затруднившая их определения: перепутаны лицевая с оборотной стороны №№ 111-112 [21, №№ 306-307; 49, табл. ХС, 18-19], часть монет 621 г. б.э. отнесена к 620 (№ 119 [21, № 526]) и др. Неполнота состава (учтено 2/3) снижает его значение для использования в сопоставлении с другими кладами.

Таблица I. Распределение монет по годам чеканки в кладах боспорских деградированных статеров.

Год чеканки	Керчь 2009	Кепы 1962	Пат-рэй 1951	Керчь 1995	Гай-Кадз. 1977	Шум-речка 1972	Тири-Така 1946	Керчь 1961	Ильи-чевка 1977
Рискупор III	(2)	(1)							
562 (265/6)	1								
561-568	1								
Савромат IV			(1)						
Тейран	(1)		(2)	(2)			(1)		
572 (275/6)				2*					
573 (276/7)	1		1				1		
575 (278/9)			1						
Фофорс	(287)	(208)	(118)	(87)	(81)	(62)	(32)	(20)	(11)
583-605г.б.э.	5			6			1		3
583 (286/7)	6	6	4	1	2	2	1	1	
584 (287/8)	8	5	2	4	2		1	2	
585 (288/9)	11	3	3	7			2	2	
586 (289/0)	16	5	4	3	2	2	3		
587 (290/1)	9	7	3		1	2	1		
588 (291/2)	6	7	3	1	1	1			
590 (293/4)	6	3	2	1	5			2	
591 (294/5)	13	10	4	16?	10?	6			
592 (295/6)	10	16	7	6	8	6	2	3	1
593 (296/7)	18	14	14	3	6	10	1		3
594 (297/8)	42	25	19	7?	9?	12	3	4	
595 (298/9)	33	28	14	5	11	7	1	1	1
596(299/300)	32	25	14	12	11?	5	2	2	1
597 (300/1)	22	14	4	2	2	2	7		
598 (301/2)	2	2	1		1	1	1		
599 (302/3)	25	19	8	10	10	5	6	3	2
600 (303/4)	7	3	2	2	1	1			
601 (304/5)	5	4	3	1					
602 (305/6)	4	3	3						
603 (306/7)	1		3						
604 (307/8)	3	4	1						
605 (308/9)	3	5							
Радамсаций	(58)	(35)	(28)	(11)	(18)	(13)	(14)	(3)	(3)
606 (309/10)	1								
607 (310/1)	3		1						
608 (311/2)	6	5	2	1					
609 (312/3)	4	2	2	1	1	1			1
611 (314/5)	3	3	1	1	2	1			
612 (315/6)		6	4	2	2		2		
613 (316/7)	9	4	6	3	2	1		1	
614 (317/8)	20	8	6	1	5	4	3		2
615 (318/9)	12	7	6	2	6	6	9	2	

*Информация о двух статерах Тейрана, очевидно, с опечаткой в дате чеканки 582 г. б.э. [3, с. 117, сн. 1; 2, с. 545, сн. 1].

Таблица I (продолжение). Распределение монет по годам чеканки в кладах боспорских деградированных статов.

Год чеканки	Керчь 2009	Кепы 1962	Пат-рэй 1951	Керчь 1995	Гай-Кадз. 1977	Шум-речка 1972	Тири-Така 1946	Керчь 1961	Ильи-чевка 1977
РискупорIV	(602)	(452)	(248)	(213)	(128)	(136)	(151)	(45)	(22)
615-625гг.б.э.	37	2		15			6		4
615 (318/9)	1	1							
616 (319/20)	29	26	11	5	7	6	5	2	1
617 (320/1)	32	20	13	3	8	4	3	4	1
618 (321/2)	30	39	14	14	6	11	3		
619 (322/3)	50	38	17	9	16	17	14	3	2
620 (323/4)	83	81	45	58?	17?	25?	36?	7	7?
621 (324/5)	142	114	60	42?	15?	20?	12?	7	?
622 (325/6)	62	69	29	31	13	16	27?	11	3
623 (326/7)	71	59	31	23	29	27	30?	2	1
624 (327/8)	29	37	21	19?	10	7	3	8	3
625 (328/9)	14	8	2		1	1	5		
627 (330/1)	3	6	2	1	2	2	5		
633 (336/7)	4	1	3	1	1	1	1		
638 (341/2)	4	7		2	1		1		
Подражание	3	1			Варв.2		1		
Литые копии	8	1(+9)						2	
Неопред.	(1)								
Всего:	951	745	394	313	236	212	198	70	36

Сравнительная таблица составов кладов (Табл. I) обнаруживает относительно постоянное соотношение в них монет по годам их чеканки, что уже отмечалось исследователями. Особенностью, роднящей состава клада из Кеп и Керченского 2009 г., помимо наличия в них монет с датой 638, является присутствие в обоих литых копий боспорских статов [21, №№ 33, 34, 120, 173, 289, 355, 356, 461, 462, 742]. Отсутствие таковых в кладах, датируемых временем около 327 г. б.э. [54, с. 134-139; 19, с. 268], а также преобладание в числе копируемых оригиналов монетных типов Рискупорида IV последних лет массовой чеканки предполагают, что время обращения литых копий статов Рискупорида IV приходится в основном на заключительные годы его монетного производства и время, следовавшее за его прекращением, тогда как менее распространенные литые копии статов Фофорса являются современными его правлению подделками [20, с. 43; 21, с. 81].

В таблице (Табл. II) представлено количественное распределение штемпелей лицевых сторон статов Фофорса по годам чеканки. Можно отметить последовательность размещения дифферентов на лицевых штемпелях и различия в интенсивности их эксплуатации, например, дифферент «точка» встречается только на одном из штемпелей 592 г. б.э., а на 595 г. б.э. приходится равное количество штемпелей для каждого из трех использовавшихся дифферентов. В Керченском кладе 2009 г. найдены статов со штемпелем «переходных» 583/584 г. б.э., с оборотным штемпелем 583 г. б.э., известным только по статистическому учету К.В.Голенко (Рис. 4, 1), и статов Фофорса 586 г. с новыми для

известных ранее штемпелями лицевой (№ 34, Рис. 4, 7) и оборотной (№ 30, Рис. 4, 8) сторон. Для статов чеканки Радамсадия из того же клада примечательны неопубликованный штемпель оборотной стороны 614 г. б.э. (№ 327, Рис. 4, 9) и неотмеченное в публикации Р.А. и Е.Р. Исанчуриных сочетание штемпелей [27, (XVI-78)] в статере 615 г. б.э. (№ 343).

Табл. II. Распределение количества штемпелей лицевых сторон статов Фофорса по годам чеканки (в скобках – абсолютное число с учетом штемпелей смежных годов).

Годы босп. эры	кол-во штемп. лиц. ст.	д и ф ф е р е н т ы								
		без диф-ферента	«презубец»	•	×	+	g	⊙	⊙	⊙
582 г. б.э.	1	1 ¹								
583 г. б.э.	8(9)	8(9)								
583-584 гг. б.э.	1 ²	1								
584 г. б.э.	2(4)	2(4)								
584-585 гг. б.э.	1	1								
585 г. б.э.	2(4)	2(4)								
585-586 гг. б.э.	1	1								
586 г. б.э.	5(6)	5(6)								
587 г. б.э.	2(3)	2(3)								
587-588 гг. б.э.	1	1								
588, 590 гг. б.э.	1(3)	1(3)								
590-591 гг. б.э.	1	1								
591-592 гг. б.э.	1		1							
592 г. б.э.	2(4)		1(3)	1						
592-593 гг. б.э.	1		1							
593 г. б.э.	7(10)	1(2)	5(6)		1	(1)				
593-594 гг. б.э.	2	1				1				
594 г. б.э.	9(12)	2(3)			6(7)	1(2)				
594-595 гг. б.э.	2				1		1			
595 г. б.э.	10(13)				3(4)		3(4)	3(4)	1	
595-596 гг. б.э.	1						1 ²			
596 г. б.э.	6(7)	1				1(2)	4			
597 г. б.э.	5	1					3	1		
598 г. б.э.	5	2					3			
599 г. б.э.	6(7)	4					2(3)			
599-600 гг. б.э.	1						1			
600 г. б.э.	1(2)						(1)	1		
601 г. б.э.	3(4)	2					1(2)			
601-602 гг. б.э.	1						1			
603 г. б.э.	1									1
604 г. б.э.	3	3								
605 г. б.э.	1									1
подражания	2	1 ³					1 ⁴			

¹[22, табл. VI, 430; 6, № 730; 49, табл. LXVIII, 1].

²К.В.Голенко приводит для этого переходного года использование «двух пар штемпелей» [14, с. 201], но ссылается на иллюстрации с монетами 593-594 гг. б.э. [14, рис. 1, 11-14].

³[49, табл. LXIX, 27].

⁴[6, № 739б; 49, табл. LXXII, 23].

Рис. 4. Штемпели лицевых сторон переходных годов чеканки Фифорса – 583/584 гг. б.э.: 1 – 583 г. б.э., Керчь 2009 г., ; 2 – 584 г. б.э. [2, №№ 9-12]; 584/585 гг.б.э.: 3 – 584 г. б.э., Керчь 2009 г. [49, табл. LXIX, 4]; 4 – 585 г. б.э. [53, №№ 5-6, 17, № 10]; 585/586 гг. б.э.: 5 – 585 г. б.э., Керчь 2009 г. [21, № 15; 17, № 12; 49, табл. LXIX, 10, 11]; 6 – 586 г. б.э., Керченский клад 2009 г. [21, № 16]; 7 – то же, тот же штампель лицевой стороны и неопубликованный вариант штампеля оборотной; 8 – статер Фифорса 586 г. б.э. из Керченского клада с новым штампелем лицевой стороны и оборотной [49, табл. LXX, 6]; 9 – статер Радамсадия 614 г. б.э. из Керченского клада с новым штампелем оборотной стороны. Статеры Рискупорида IV 616 г. б.э., битые перекрестно замещавшимися парами штампелей лицевых и оборотных сторон: общие штампели лиц. ст. – 10=12 и 11=13 (дополнен дифферентом $\bullet$ в нижней части прически бюста).

В статерах Рискупорида IV из Керченского клада 2009 г. обнаруживают-ся как неопубликованные, так и известные ранее, но по причине неудовлетворительной сохранности неотмеченные вариантами дифферентов виды. В таблице (Табл. III) представлено количественное распределение штемпелей лицевых сторон статеров Рискупорида IV по годам чеканки, а табл. IV иллюстрирует ее изображениями оттисков этих штемпелей. Особенностью этой чеканки является внесение исправлений в рисунки штемпелей лицевых сторон или дополнение их дифферентами. Подобные группы «правленных» (по терминологии К.В.Голенко) или дополнявшихся дифферентом штемпелей находятся в табл. IV под номерами 5-6, 7-10, 11-13, 37-38, 47-48, 55-56, 58-59, 65-66, 99-100, 104-105. Если в правке штемпелей лицевых сторон можно усматривать только пролонгацию срока их эксплуатации, то в дополнении штемпе-ля дифферентом при отсутствии каких-либо правок с целью реставрации должны были заключаться определенные технологические маркировки штемпелей для контроля над процессом их эксплуатации. В этой связи предположение В.А. Анохина о предназначении дифферентов на боспорских статерах маркировать продукцию монетного двора в зависимости от источников финансирования не противоречит подобному наблюдению благодаря своей некорректности. Функции качественного контроля продукции путем ее маркировки оправданы при чеканке монет из лигируемых драгоценных металлов, а не бронзовых и медных, как статеры времени Фофорса – Рискупорида IV. Вопрос «финансирования» требует более точной формулировки, сводящейся к источнику драгоценных металлов, который устраняется в чеканке деградированных статеров. Количественный же контроль продукции монетного двора не мог обойтись без простого счета, в котором дифференты на монетах не имели значения.

Очевидно, одно из назначений дифферентов на статерах определялось возможностью контроля индивидуальной производительности работающего с определенным штемпелем чеканщика в случаях, когда число одновременно задействованных в работе мастеров было более одного. На рисунке (Рис. 4, 10-13) представлены статеры Рискупорида IV, битые перекрестно замещающимися парами штемпелей лицевых (исходного и дополненного дифферентом) и оборотных сторон. Соотношение их штемпелей свидетельствует об одновременном использовании в 616 г. б.э. двух штемпелей оборотных сторон в период до и после снабжения лицевого – дополнительным дифферентом $\circ$ (в нижней части прически бюста).

Находка в составе клада из Ильичевки 1975 г. солидов Юстиниана I безусловно обнаруживает участие составлявших основу этого клада деградированных боспорских статеров в монетном обращении Боспора по крайней мере до середины VI в. Наряду со статерами в обращении участвуют и подражания им [21, № 743; 13, с. 57], представленные в Керченском клада 2009 г. (№№ 904-905) и известные также по находке в Тиритакском 1946 г. [52, № 106]. Для этой группы подражательных выпусков [23, с. 157-158, рис. 1] характерно

Таблица III. Распределение количества штемпелей лицевых сторон статов Дискупорида IV по годам чеканки (в скобках – абсолютное число с учетом штемпелей смежных годов). Иллюстрации оттисков штемпелей – таблица IV.

Годы босп. эры	количество штемпелей лиц. ст.	д и ф ф е р е н т ы			
		«трезубец»	«венок»	«точка»	без дифферента
615-616 г. б.э.	1				1
616 г. б.э.	13(15)	12(13)			1(2)
616-617 г. б.э.	1	1			
617 г. б.э.	3(5)	3(5)			
617-618 г. б.э.	1	1			
618 г. б.э.	11(13)	11(12)	(1)		
618-619 г. б.э.	1		1		
619 г. б.э.	11(12)	6(6) ¹	5(6) ²		
620 г. б.э.	15(16)	8(8)	7(8)		
620-621 г. б.э.	1		1		
621 г. б.э.	23(25)	15(15)	8(10)		
621-622 г. б.э.	1		1		
622 г. б.э.	13(17)	4(4)	6(10)	3	
622-623 г. б.э.	3 ³		3		
623 г. б.э.	8(15)	3	2(9)	1	2
623-624 г. б.э.	4 ⁴		4		
624 г. б.э.	9(15)	(1)	6(11)		3
624-625 г. б.э.	2	1	1		
625 г. б.э.	1(4)	(1)	(2)		1
625, 627 г. б.э.	1		1		
633 г. б.э.	3(3)				3
638 г. б.э.	2(2)		2		
подражания	7	1	3 ⁵	1	2

¹ Один из дифферентов - «трезубец» и «звезда».

² Один из дифферентов - «венок» и «копье».

³ По К. В. Аюленко – 4: 1 – Патрей 334, 359, Кепы 617-623; 2 – Кепы 624-629; 3 – Патрей 333, 356; 4 – Патрей 335-342 [21, с. 80, сн. 31]. Но, как представляется, штемпели 2-3 лицевых сторон Кепы 624-629 и Патрей 333, 356 идентичны (рис. 5,97).

⁴ По К. В. Аюленко – 3: 1 – Патрей 362-368, 371, Кепы 676-684; 2 – Кепы 685-698; 3 – Патрей 369-370 [21, с. 80, сн. 32].

⁵ Один из дифферентов – семь точек, расположенных кольцом.

использование нескольких штемпелей оборотных сторон, в отличие от подражаний, известных в чеканке с применением только одной пары штемпелей [49, табл. ХСVI, 12-13, ХСVII, 12, ХСVIII, 23-25]. Возможно, к подражаниям могут быть отнесены две монеты из Керченского клада 2009 г. (№№ 906-907), оставленные за недостаточностью аналогий неопределенными.

Датировка Керченского клада может лежать в широком диапазоне дат и определяться временем, следовавшим за прекращением чеканки на Боспоре в конце правления Рискупорида IV (341/2 г.) до VI в., когда медные боспорские статары продолжали участвовать в монетном обращении Боспора наряду с их подражаниями и литыми копиями.

Табл. IV. Оттиски штемпелей лицевых сторон статов Рискупорида IV.

Табл. IV (продолжение). Оттиски штемпелей лицевых сторон статов Рискупорида IV.

Табл. IV (продолжение). Отгиски штемпелей лицевых сторон статов Рискупорида IV.

Табл. IV (продолжение). Оттиски штемпелей лицевых сторон статеров Рискупорида IV.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на Юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002.
2. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1 (1834-2005 гг.) / БИ. *Bosporos studies, Supplementum 2*. Симферополь – Керчь, 2007-2008.
3. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. 1. Киев, 2006.
4. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. // НЭ. 1963. Т. IV. С. 3-88.
5. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
6. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
7. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
8. Анохин В.А. Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010.
9. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 2011.
10. Ашрафиан А.А. О некоторых нумизматических датах Боспора в III в. н.э. // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 64-71.
11. Гиль Х.Х. Новые приобретения моего собрания // ЗИРАО (новая серия), 1892. Т. V, вып. 3-4. С. 343-360.
12. Голенко К.В. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI // КСИИМК. 1956. Вып. 66. С. 107-118.
13. Голенко К.В. О необычных монетах Рискупорида VI // КСИА АН УССР. 1956. Вып. 6.
14. Голенко К.В. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе (предварительное сообщение) // СА. 1957. № 2. С. 197-204.
15. Голенко К.В. К датировке одной группы монет Фофорса // СА. 1958. № 2.
16. Голенко К.В. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора // ЗОАО. 1960. I (34). С. 334-339.
17. Голенко К.В. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // НЭ. 1960. Т. I. С. 223-289.
18. Голенко К.В. К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора // ВВ. 1964. Т. XXV. С. 176-183.
19. Голенко К.В. Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. // ВВ. 1967. Т. XXVII.
20. Голенко К.В. Литые позднебоспорские монеты // Нумизматический сборник ГИМ. М., 1971. Часть IV. Вып. II. С. 40-46.
21. Голенко К.В., Соколовский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII. С. 72-126.
22. Голенко К.В., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1961 гг. // НС. Киев, 1963. I. С. 3-65.
23. Зограф А.Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932-1934 гг. // МИА, 1941, № 4.
24. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
25. Зограф А.Н. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Вып. I.
26. Исанчурун Е.Р. Загадка Боспора // Советский коллекционер. 1975. № 13. С. 125-130.
27. Исанчурун Р.А., Исанчурун Е.Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада // НЭ. 1989. Т. XV. С. 53-96.
28. Кене Б.В. Описание музеума покойного кн. В.В. Кочубея. Т. II. СПб., 1857.
29. Каришковський П.Й. З історії монетної справи на Боспорі в III ст. н.е. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1959. Вып. 2. С. 177-186.
30. Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947-1951 гг. // МИА. 1958. № 85.

31. Куликов А.В., Фролова Н.А. Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1995 г. // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 21-25.04.1997 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1997.
32. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1915. Вып. 58.
33. Латышев В.В. Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. 1922. Вып. II.
34. Люценко Е.Е. Описание кладов с древними монетами, найденных на Керченском и Таманском полуостровах. Рукопись – Архив ЛОИА, ф. 28, д. 22.
35. Нестеренко Н.Д. Клады Горгииппии // КСИА. 1981. Вып. 168.
36. Орешников А. Каталог собрания древностей гр. А.С.Уварова. Вып. VII. М., 1887.
37. Орешников А. Описание древнегреческих монет Московского университета. М., 1891.
38. Орешников А.В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // НСб., 1913, II, с. 1-48.
39. Салов А.И. Клад III-IV вв. н.э. с Шум-речки (Анапский район) // СА. 1975. № 3. С. 172-186.
40. Стевен А. Таракташский клад // ИТУАК. 1909. Вып. 43. С. 99-101.
41. Фасмер Р.Р. Список монетных находок. II // Сообщения ГАИМК. 1929. II.
42. Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI // СА. 1975. № 4. С. 45-56.
43. Фролова Н.А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. // Труды ГИМ. НСб. ГИМ. 1983. Ч. 8.
44. Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285-308 гг. н.э.) // СА. 1984. № 2.
45. Фролова Н.А. Монетное дело Радамсада (309-322 гг. н.э.) // ТГИМ. НС ГИМ. 1988. Ч. 9.
46. Фролова Н.А. Каталог монет Фофорса (285-308 гг. н.э.) // ТГИМ. НС ГИМ. 1992. Ч. XI.
47. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
48. Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4.
49. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Т. II. М., 1997.
50. Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н. Клад боспорских медных монет (I – середина IV вв. н.э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. 2001. № 3. С. 59-85.
51. Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 173-179.
52. Харко Л.П. Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2. С. 73-86.
53. Харко Л.П. Монеты из Таракташского клада 1908 г. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 284-295.
54. Шелов Д.Б. Феодосийский клад боспорских «статеров» // ВДИ. 1950. № 2. С. 134-139.
55. Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 4-200.
56. Podschivalow A.M. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia, Chersonesus und Bosporus Cimmerium. Moskau, 1882.
57. Pochitonov E. Několik poznámek k posloupnosti posledních bosporských kralů // NS. VII. Praha. 1962.
58. Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 242-341/2 // BAR International Series. 1983. 166.
59. Frolova N.A. A choard of Bosporan copper coins (1st – mit 4th Centuries AD) found in Kerch (1995) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia / IJCSHA, 2001. Vol. 7, no. 3-4.
60. Minns E.H. Scythian and Greeks. Cambridge, 1913.
61. Silloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Bosporus-Bithinia. Copenhagen, 1944.

62. Mionnet T.E. Description de medailles antiques grecques et romaines. Supplements. T. IV. Paris, 1829.
63. SNG, IX. The William Stencomb Collection of Coins of the Black Sea Region. Oxford, 2000.

Сидоренко В.А.

Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статов

Резюме

Статья посвящена публикации монетного клада, найденного в 2009 г. при археологических раскопках в г. Керчи (в Босфорском переулке) и состоявшего из боспорских деградированных статов (940), литых копий (8) и подражаний статам Рискупорида IV (3). Клад может датироваться периодом времени, следовавшим после прекращения чеканки на Боспоре в конце правления Рискупорида IV (319-341/2 гг.), когда медные боспорские статы продолжали участвовать в монетном обращении Боспора наряду с их подражаниями и литыми копиями вплоть до VI в.

Сидоренко В.А.

Керчінський скарб 2009 р. деградированих боспорських статов

Резюме

Стаття присвячена до публікації монетного скарбу, що був знайдено у 2009 р. при археологічних розкопках в м. Керч (у Босфорському провулку) та складався з боспорських деградированих статов (940), литевих копій (8) та імітацій статов Рискупора IV (3). Скарб може датуватися періодом часу, який йшов за припиненням карбування на Боспорі у кінці правління Рискупора IV (319-341/2 рр.), коли мідні боспорські стати продовжували участь в монетному обігу Боспору разом з імітаціями та литевими копіями щільно до VI в.

Sidorenko V.A.

Hoard of Copper Staters of the Bosphorus Kingdom Found in 2009

Summary

The article is devoted to the publication of a coins hoard found in 2009 during archaeological excavations in Bosphorus Lane in the city of Kerch. It contained Bosphorus copper staters (940), cast copies (8) and imitations of Reskouporos IV starters (3). The hoard can be dated by the period which followed coinage termination in Bosphorus at the end of the reign of Reskouporos IV (319-341/2), when copper staters had been in coin circulation of Bosphorus alongside with their imitations and cast copies till the 6th century.

Приложение 1. Список монет Керченского клада 2009 г.

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА 2009 г. из Керчи

№ n/n	Определение	Лиц.ст.: бюст царя вправо, легенда, дифференц	Об.ст.: бюст императора вправо, дата, (дифференц)	Вес в гр.	Литература
1	Рискулорид III, статер 562 г. б.э. (265/6 г.)	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟ C]	Перед бюстом К, под бюстом ВЕФ (562)	5,66	
2	То же, статер (264/5- 278/9 г.)	Перед бюстом «грзубел» [ΒΑΣΙΛΕΩC[.....]	Стерга	6,07	
3	Тейран, статер 573 г.б.э. (276/7 г.)	ΒΑΣΙΛΕΩCΤΕΙΡΑΝΟΥ	Под бюстом ГОФ (573)	6,86	
4	Фофоре, статер 583 г.б.э. (286/7 г.)	ΒΑΣΙΛΕΩCΘΘΘωPCOY	Под бюстом ГПФ (583)	5,25	6, 731
5	То же	ΒΑΣΙΛΕΩCΘΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГПФ(583)	6,86	61, 90; 26, 2; 49, т. LXXVIII, 2-4
6	То же	ΒΑΣΙΛΕΩCΘΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГПФ(583)	6,54	49, т. LXXVIII, 9
7	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГПФ(583)	7,03	49, т. LXXVIII, 5-6
8	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГПФ(583)	7,29	36, 7
9	То же	ΒΑΣΙΛΕΩCΘΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГПФ(583)	7,65	Нет в публикации
10	Фофоре, статер 584 г.б.э. (287/8 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔΠΦ (584)	7,26	Нет в публикации
11	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,79	
12	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔΠΦ (584)	7,79	26, 9-12
13	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,26	То же
14	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔΠΦ (584)	7,66	36, 9; 6, 733; 49, т. LXXVIII, 24-26
15	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,86	То же
16	То же	ΒΑΣΙΛΕΩCΘΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔΠΦ (584)	7,86	49, т. LXIX, 2
17	То же	ΒΑΣΙΛΕΩCΘΘΘωPCOY (бета ретроградна)	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔΠΦ (584)	7,69	49, т. LXIX, 4
18	Фофоре, статер 585 г.б.э. (288/9 г.)	ΒΑΣΙΛΕΩCΘΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄΠΦ (585)	7,41	26, 13; 49, т. LXXIX, 5
19	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄΠΦ (585)	7,68	49, т. LXXIX, 6-7

20	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,19	То же
21	То же	ВАСIACωCΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (585)	7,84	49, т. LXIX, 8-9
22	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (585)	7,33	
23	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (585)	7,27	26, 14; 6, 734; 49, т. LXIX, 15-17
24	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,72	То же
25	То же	ВАСIACωCΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (585)	7,96	
26	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (585)	7,28	
27	То же	ВАСIACωCΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (585)	8,05	49, т. LXIX, 12, 13
28	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (585)	6,89	26, 15; 36, 12; 49, т. LXIX, 10, 11
29	Фофорс, статар 586 г.б.э. (289/90 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	7,57	26, 16
30	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	7,23	Нет в публикации
31	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	7,35	49, т. LXIX, 19-20
32	То же	ВАСIACωCΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	7,05	Нет в публикации
33	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	6,69	49, т. LXX, 6
34	То же	ВАСIACωCΘΘωPCOY	То же, тот же штемпель	7,03	Нет в публикации
35	То же	ВАСIACωCΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	6,93	49, т. LXVIII, 18; LXIX, 28
36	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,27	То же
37	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,45	То же
38	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,76	19, т. XIX, 4а литая?
39	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	7,37	25, 5; 34, 573; 35, 765; 53, 7-9; 36, 13-14; 49, т. LXVIII, 19; LXIX, 31
40	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	6,83	49, т. LXX, 3
41	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	7,29	
42	То же	ВАСIACωCΘΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом CΠΦ (586)	6,98	49, т. LXX, 2
43	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,51	То же

44	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом [ШПФ] (586)	6,84	Лиц. ст.: 36, 16; 49, т. LXX,2
45	Фофорс, старер 587 г.б.з. (290/1 г.)	ВАСІАЄωСΘΘωРСОУ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗПФ (587)	8,19	26, 28; 6, 736; 49, т. LXX,8
46	То же	ВАСІАЄωСΘΘωРСОУ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗПФ (587)	7,71	25, 6; 53, 10; 54, 2; 36, 17
47	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗПФ (587)	7,41	36, 18; 49, т. LXX,12-13
48	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗПФ (587)	6,97	36, 19; 26, 26; 47, т. LXX,10-11
49	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗПФ (587)	7,27	26, 22-24; 49, т. LXX,15-16,18-19
50	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,61	То же
51	То же	ВАСІАЄωСΘΘωРСОУ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗПФ (587)	7,03	Л. ст.: 26, 21; 49, т. LXX,20
52	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗПФ (587)	6,35	То же
53	То же	То же, тот же штемпель?	Стерта	7,49	Неопределенная
54	Фофорс, старер 588 г.б.з. (291/2 г.)	ВАСІАЄωСΘΘωРСОУ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ФПН (588)	6,97	25, 7; 34, 574; 54, 3-4; 36, 20-22; 26, 29-30; 6, 737; 49, т. LXX, 21-23
55	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,94	То же
56	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,49	То же
57	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,23	То же
58	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом НПФ (588)	7,19	49, т. LXX, 24-26
59	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,78	То же
60	Фофорс, старер 590 г.б.з. (293/4 г.)	ВАСІАЄωСΘΘωРСОУ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ФФ (590)	6,51	49, т. LXXI, 10-11; 6, 738
61	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ФФ (590)	7,01	33, 768; 36, 23-24; 26, 35; 49, т. LXXI,5-8,14
62	То же	ВАСІАЄωСΘΘωРСОУ	То же, тот же штемпель	7,00	26, 36
63	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ФФ (590)	7,49	26, 37
64	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ФФ (590)	7,26	49, т. LXXI,12-13; 63, 1027
65	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,49	То же
66	Фофорс, старер 591 г.б.з. (294/5 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АФФ (591)	7,37	49, т. LXXI,15-16
67	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АФФ (591)	6,70	36, 26; 49, т. LXXI,19-20
68	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АФФ (591)	7,40	26, 46

69	То же	То же, тот же штемпель	под бюстом АЧФ (591) Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АЧФ (591)	7,53	49, т. LXXI, 21-22
70	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,62	То же
71	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АЧФ (591)	7,16	36, 27; 26, 43-45; 49, т. LXXI, 24
72	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АЧФ (591)	7,00	26, 47
73	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АЧФ (591)	7,34	36, 25; 6, 739; 49, т. LXXI, 17-18, 27
74	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,07	То же
75	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АЧФ (591)	7,25	49, т. LXXI, 23
76	То же	ВАСΙΑЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АЧФ (591)	6,43	36, 28; 6, 739а; 49, т. LXXI, 28
77	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,84	То же
78	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом АЧФ (591)	7,04	Нет в публикации
79	Фофорс, статер 592 г.б.э. (295/6 г.)	ВАСΙΑЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ВЧФ (592)	7,43	36, 30; 26, 49-50; 49, т. LXXIII, 4, 7, 9
80	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,29	То же
81	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ВЧФ (592)	7,51	26, 51; 49, т. LXXIII, 1-3
82	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ВЧФ (592)	7,21	49, т. LXXIII, 5-6
83	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,73	То же
84	То же	ВАСΙΑЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ВЧФ (592)	6,54	6, 740; 49, т. LXXIII, 24
85	То же	ВАСΙΑЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом ●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ВЧФ (592)	7,01	25, 9; 33, 770; 54, 7; 36, 31; 26, 127; 49, т. LXXIII, 15-16
86	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,92	То же
87	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ВЧФ (592)	6,40	49, т. LXXIII, 15
88	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ВЧФ (592)	7,72	36, 32; 26, 121; 6, 740а; 49, т. LXXIII, 16
89	Фофорс, статер 593 г.б.э. (296/7 г.)	ВАСΙΑЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,97	26, 55
90	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	6,98	33, 722; 36, 36-38
91	То же	ВАСΙΑЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,37	26, 56; 49, т. LXXIV, 5а

92	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,91	36, 41
93	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	6,89	26, 57; 49, т. LXXIII, 24, 26
94	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,39	То же
95	То же	ВАСIАЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом +	То же, тот же штемпель	7,43	36, 52; 6, 7416
96	То же	ВАСIАЄωСΘΘωРСΟΥ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,40	Нет в публикации
97	То же	ВАСIАЄωСΘΘωРСΟΥ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,17	49, т. LXXIV, 4
98	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	6,79	49, т. LXXIV, 15
99	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,36	26, 139; 6, 741; 49, т. LXXIV, 2
100	То же	ВАСIАЄωСΘΘωРСΟΥ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,05	25, 11; 54, 301; 20, 178; 54, 12-13; 36, 42-44; 26, 131
101	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	6,85	26, 132
102	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	6,94	49, т. LXXIV, 6, 9
103	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,42	То же
104	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	6,91	49, т. LXXIV, 8
105	То же	То же, тот же штемпель	Стерта	6,64	
106	То же	ВАСIАЄωСΘΘωРСΟΥ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ГЧФ (593)	7,19	26, 135-136; 49, т. LXXIV, 14
107	Фофорс, статер 594 г.б.э. (297/8 г.)	ВАСIАЄωСΘΘωРСΟΥ Перед бюстом +	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом Δ9Ф (594)	7,72	15, 5; 36, 55; 26, 60-61
108	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом Δ9Ф (594)	7,90	Нет в публикации
109	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом Δ9Ф (594)	7,71	Нет в публикации
110	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом Δ9Ф (594)	7,76	49, т. LXXII, 16
111	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	6,74	То же?
112	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом Б9Ф (594)	7,30	49, т. LXXII, 20
113	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом В9Ф (594)	7,92	49, т. LXXII, 21
114	То же	ВАСIАЄωСΘΘωРСΟΥ	То же, тот же штемпель	7,57	49, т. LXXII, 22

115	То же	Перед бюстом ✕	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,59	То же
116	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом б4Ф (594)	7,14	15, 10; 26, 62-63; 49, т. LXXII, 18
117	То же	ВАСIACOOOωPCOY Перед бюстом +	ВАСIACOOOωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом б4Ф (594)	7,72	49, т. LXXII, 17
118	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,15	То же
119	То же	ВАСIACOOOωPCOY Перед бюстом ✕	ВАСIACOOOωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом б4Ф (594)	6,08	36, 68; 49, т. LXXII, 4, 11
120	То же	ВАСIACOOOωPCOY Перед бюстом ✕	ВАСIACOOOωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом б4Ф (594)	6,98	15, 28; 36, 67; 26, 73; 49, т. LXXII, 13
121	То же	ВАСIACOOOωPCOY Перед бюстом ✕	ВАСIACOOOωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594)	7,30	36, 60
122	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом Х4Ф (594)	7,58	15, 16; 36, 61-62; 26, 68
123	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594)	7,28	Нет в публикации
124	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594)	7,65	То же
125	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,74	То же
126	То же	ВАСIACOOOωPCOY Перед бюстом ✕	ВАСIACOOOωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594)	7,52	6, 742в; 49, т. LXXI, 29; LXXII, 1
127	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,20	То же
128	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом с4Ф (594)	6,94	49, т. LXXII, 12
129	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594)	7,56	49, т. LXXII, 6
130	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,16	То же
131	То же	ВАСIACOOOωPCOY	ВАСIACOOOωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594), слева ●●	7,26	15, 39; 54, 15; 36, 49; 26, 141; 49, т. LXXV, 7
132	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594), слева ●●	6,66	Нет в публикации
133	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594), слева ●●	7,97	15, 39; 54, 15; 36, 49; 26, 141; 49, т. LXXV, 7
134	То же	ВАСIACOOOωPCOY Справа от бюста ●●	ВАСIACOOOωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594), слева ●●	7,91	26, 143; 49, т. LXXXV, 3
135	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594), слева ●●	7,59	26, 144; 49, т. LXXXV, 1
136	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,99	То же
137	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом д4Ф (594), слева ●●	7,26	49, т. LXXXIV, 18

138	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,90	То же
139	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔЧФ (594), слева ●●	7,25	49, т. LXXIV, 20-21
140	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔЧФ (594), слева ●●	7,47	36, 51; 6, 7426; 49, т. LXXIV, 16-17, 19; LXXV, 2
141	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,45	То же
142	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,52	То же
143	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,20	То же
144	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	7,09	То же?
145	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	6,46	
146	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔЧФ (594), слева ●●	7,31	26, 142; 49, т. LXXIV, 25
147	То же	ВАС АЄωС0000ωPCOY	ВАС АЄωС0000ωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, справа от бюста ●●	7,00	Нет в публикации
148	То же	ВАС АЄωС0000ωPCOY	ВАС АЄωС0000ωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔЧФ (594)	6,85	Нет в публикации
149	Фюфорс, старер 595 г.б.э. (298/9 г.)	ВАС АЄωС0000ωPCOY	ВАС АЄωС0000ωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, справа от бюста ●●	7,81	Нет в публикации
150	То же	ВАС АЄωС0000ωPCOY	ВАС АЄωС0000ωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595)	6,89	6, 743; 49, т. LXXVI, 2-3
151	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595)	6,84	26, 80
152	То же	ВАС АЄωС0000PCOY	ВАС АЄωС0000PCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, справа от бюста ●●	7,29	49, т. LXXV, 28
153	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595), слева ●●	7,53	Нет в публикации
154	То же	ВАС АЄωС0000ωPCOY	ВАС АЄωС0000ωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, справа от бюста ●●	7,82	25, 12; 54, 302; 36, 77
155	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,37	То же
156	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595), слева ●●	7,16	Нет в публикации
157	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595), слева ●●	6,76	49, т. LXXV, 27
158	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595), слева ●●	7,30	Нет в публикации
159	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595), слева ●●	7,29	36, 78; 6, 7436; 49, т. LXXV, 26
160	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595), слева ●●	7,25	36, 79
161	То же	ВАС АЄωС0000ωPCOY	ВАС АЄωС0000ωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄЧФ (595)	7,11	Нет в публикации

162	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Перед бюстом ✕	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	7,41	То же
163	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Перед бюстом ✕	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	7,09	26, 88
164	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Перед бюстом ✕	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	6,56	49, т. LXXVI, 6
165	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Перед бюстом 8I	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	7,59	49, т. LXXVI, 13, 18
166	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Перед бюстом 8I	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	7,66	49, т. LXXVI, 20
167	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,04	То же
168	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	7,08	49, т. LXXVI, 11
169	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	7,98	36, 73-74; 26, 81; 6, 743а; 49, т. LXXVI, 9, 15
170	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,12	То же
171	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,49	То же
172	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	6,90	То же
173	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595)	5,75	49, т. LXXVI, 17, 19
174	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595), слева ●●	7,34	49, т. LXXV, 11, 11а-13
175	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595), слева ●●	7,23	36, 80-82
176	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595), слева ●●	7,13	49, т. LXXV, 18-19
177	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,71	То же
178	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595), слева ●●	7,27	49, т. LXXV, 23
179	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595), слева ●●	6,64	26, 157-158; 49, т. LXXV, 24
180	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595), слева ●●	7,39	36, 83; 26, 159-160
181	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (595), слева ●●	7,41	Нет в публикации
182	Фюфурс, статер 596 г. б.э. (299/300 г.)	ВАСIΛЄωС00000PС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (596), слева ●●	7,46	49, т. LXXVI, 28; LXXVII, 8
183	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (596), слева ●●	6,51	49, т. LXXVII, 3-4
184	То же	ВАСIΛЄωС00000PС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄϕФ (596)	6,82	6, 744б; 49, т. LXXVII, 5

185	То же	ВАСIΛЄωСΘOΘωPCOY Справа от бюста	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	6,99	36, 91
186	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	7,19	?
187	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	7,05	?
188	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	6,84	26, 170
189	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	7,04	26, 176
190	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	7,04	26, 169
191	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,22	То же
192	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,81	То же
193	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,30	То же
194	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,87	То же
195	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	6,79	Нет в публикации
196	То же	То же, тот же штемпель?	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596)	5,89	?
197	То же	ВАСIΛЄωСΘOΘωPCOY Справа от бюста	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	6,44	26, 178-179
198	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,31	То же
199	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,34	То же
200	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	7,74	Нет в публикации
201	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,55	То же
202	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596), слева	7,49	26, 177
203	То же	ВАСIΛЄωСΘOΘωPCOY Справа от бюста	То же, тот же штемпель	7,42	Нет в публикации
204	То же	ВАСIΛЄωСΘOΘωPCOY	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596)	7,69	54, 17; 36, 93; 26, 90-92; 6, 744; 49, т. LXXVII, 13
205	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596)	7,30	26, 89
206	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,14	То же
207	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,56	То же
208	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596)	7,69	26, 93; 49, т. LXXVII, 11-12
209	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄФ (596)	7,14	Нет в публикации

210	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,74	То же
211	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (596)	7,12	То же
212	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΘΘΘΩΡΣΟΥ Перед бюстом 81	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (596)	7,72	6, 744а; 49, т. LXXXVII, 16-18
213	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (596)	7,50	Нет в публикации
214	Фофорс, статер 597 г.б.з. (300/1 г.)	ΒΑΣΙΛΕΩΣΘΘΘΩΡΣΟΥ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597)	7,26	26, 95; 49, т. LXXXVII, 27
215	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,86	То же
216	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●	7,27	?
217	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	6,59	?
218	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,24	26, 97-98; 49, т. LXXXVIII, 2
219	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,24	6, 745; 49, т. LXXXVII, 24
220	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,07	6, 745б; 49, т. LXXXVIII, 3
221	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597)	7,28	49, т. LXXXVIII, 1
222	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,75	То же
223	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	6,89	То же?
224	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,39	?
225	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,14	То же
226	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΘΘΘΩΡΣΟΥ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом [ЗЧФ] (597)	5,65	Лич. ст.: 26, 185-187; 53, 21; 36, 100
227	То же	Справа от бюста ●● То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,33	53, 21; 36, 100; 26, 186
228	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΘΘΘΩΡΣΟΥ	То же, тот же штемпель	7,81	25, 17; 53, 22; 54, 18; 36, 97-98; 49, т. LXXXVII, 21
229	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,57	То же
230	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,97	То же
231	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●	7,06	49, т. LXXXVIII, 14
232	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,13	49, т. LXXXVIII, 5
233	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЗЧФ (597), слева ●●●	7,14	49, т. LXXXVIII, 9

234	То же	ВАСІАЄωС0000ωРС0У Справа от бюста ●●	под бюстом ΖϞΦ (597), слева ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΖϞΦ (597), слева ●●	7,57	26, 183
235	То же	То же, тот же штемпель		Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΖϞΦ (597)	6,77	49, т. LXXVIII, 6
236	Фофорс, стартер 598 г.б.э. (301/2 г.)	ВАСІАЄωС0000ωРС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΗϞΦ (598)	7,08	6, 746; 49, т. LXXVIII, 19	
237	То же	ВАСІАЄωС0000ωРС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	6,99	Литц. ст.: 49, т. LXXVIII, 23. Нет в публикации	
238	Фофорс, стартер 599 г.б.э. (302/3 г.)	ВАСІАЄωС0000ωРС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,07	26, 189	
239	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,04	54, 23; 36, 102-103; 26, 190-191	
240	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,12	Нет в публикации	
241	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,09	То же	
242	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	6,61	То же	
243	То же	То же, тот же штемпель	под бюстом 0ϞΦ (599), слева ●●	6,74	То же	
244	То же	ВАСІАЄωС0000ωРС0У	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,97	Нет в публикации	
245	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,44	То же	
246	То же	ВАСІАЄωС0000ωРС0У	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,39	36, 104	
247	То же	ВАСІАЄωС0000ωРС0У	Перед бюстом тамгообраз- ный знак, под бюстом 0ϞΦ (599)	8,17	53, 33; 36, 105; 26, 107-108	
248	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,70	То же	
249	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом 0ϞΦ (599)	7,72	26, 104-106	
250	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,65	То же	
251	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,88	То же	
252	То же	ВАСІАЄωС0000ωРС0У Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,18	26, 192	
253	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом 0ϞΦ (599), слева ●●	6,72		
254	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	6,75	26, 195	
255	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, слева ●●	7,57	26, 196; 49, т. LXXXIX, 2	

256	То же	ВАСІΛЄωСΘΘωРСОУ Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΘϞФ (599), слева ●●	7,08	49, т. LXXVIII, 27
257	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΘϞФ (599), слева ●●	7,03	49, т. LXXVIII, 25-26; LXXIX, 8
258	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΘϞФ (599), слева ●●	6,89	Нет в публикации
259	То же	ВАСІΛЄωСΘΘωРСОУ Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΘϞФ (599), слева ●●	7,00	21, 20; 54, 22; 36, 106
260	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΘϞФ (599), слева ●●	6,85	Нет в публикации
261	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΘϞФ (599), слева ●●	7,47	26, 200
262	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΘϞФ (599), слева ●●	7,56	36, 107; 26, 199
263	Фофорс, статор 600 г.б.э. (303/4 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом X (600), слева ●●	6,71	6, 748; 20, 495; 26, 201-202; 36, 110; 49, т. LXXIX, 22-26, 28
264	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом X (600), слева ●●	7,39	49, т. LXXIX, 27
265	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,88	То же
266	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,87	То же
267	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом X (600), слева ●●	7,25	Нет в публикации
268	То же	ВАСІΛЄωСΘΘωРСОУ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом X (600), слева ●●	6,54	36, 111; 26, 203; 49, т. LXXX, 1
269	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом X (600), слева ●●	7,04	Нет в публикации
270	Фофорс, статор 601 г.б.э. (304/5 г.)	ВАСІΛЄωСΘΘωРСОУ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом AX (601), слева ●●	7,42	26, 109-111
271	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,50	То же
272	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,09	То же
273	То же	ВАСІΛЄωСΘΘωРСОУ Справа от бюста ●●	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом AX (601), слева ●●	7,66	36, 114; 26, 204; 6, 749; 49, т. LXXX, 5-6
274	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,43	То же
275	Фофорс, статор 602 г.б.э. (305/6 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом BX (602), слева ●●	7,83	36, 116-117; 6, 750; 49, т. LXXX, 7-13
276	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,90	То же
277	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом BX (602), слева ●●	7,23	54, 81; 36, 115
278	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом BX (602), слева ●●	6,86	26, 205-206
279	Фофорс, статор	ВАСІΛЄωСΘΘωРС	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом BX (602), слева ●●	7,39	Нет в публикации

	603 г.б.э. (306/7 г.)		под бюстом ГХ (603), слева ☉☉		Ср.: 36, 119-120
280	Фофорс, статур 604 г.б.э. (307/8 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔΧ (604), слева ☉☉	7,39	25, 21(?) ; 36, 121; 26, 115; 49, т. LXXX, 20
281	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ΔΧ (604), слева ☉☉	7,21	26, 112-114; 49, т. LXXX, 21-23
282	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,97	То же
283	Фофорс, статур 605 г.б.э. (308/9 г.)	ΒΑΣΙΛΕΥΣΘΩΡΩΡΣΟΥ	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄΧ (605), слева ☉☉	7,23	26, 116; 6, 753; 49, т. LXXX, 25-26
284	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом тамгообразный знак, под бюстом ЄΧ (605), слева ☉☉	7,26	26, 119-120; 49, т. LXXX, 24
285	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,37	То же
286	Фофорс			7,12	Неопределенная
287	То же	То же		6,99	То же
288	То же	То же		6,37	То же
289	То же	То же		7,58	То же
290	То же	То же		6,67	То же
291	Радамсалий, статур 606 г. б.э. (309/10 г.)	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΑΔΑΜΣΑΔΙΣ	Перед бюстом «палица», внизу ЄΧ (606)	7,58	6, 755; 49, т. LXXXI, 4-5; 27, I-1
292	Радамсалий, статур 607 г. б.э. (310/1 г.)	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΑΔΑΜΣΑΔΙ	Перед бюстом «палица», внизу ΖΧ (607)	6,58	33, 780; 54, 26-27; 36, 122; 49, т. LXXXI, 7-8, 10-11; 27, II-6
293	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,26	То же
294	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΑΔΑΜΣΑΔΙ	То же, тот же штемпель	7,46	49, т. LXXXI, 9; 27, III-6
295	Радамсалий, статур 608 г. б.э. (311/2 г.)	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΑΔΑΜΣΑΔΙ	Перед бюстом «палица», внизу ΧΗ (608)	7,54	26, 211; 49, т. LXXXI, 17, 19, 25; 27, IV-7
296	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΧΗ (608)	7,97	49, т. LXXXI, 15-16; 27, IV-8
297	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΧΗ (608)	7,66	26, 208-210; 6, 757; 49, т. LXXXI, 18, 23-24; 27, IV-9
298	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΧΗ (608)	8,11	27, IV-10
299	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΑΔΑΜΣΑΔ	Перед бюстом «палица», внизу ΧΗ (608)	7,20	36, 124; 49, т. LXXXI, 21; 27, VI-11
300	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΑΔΑ...	Перед бюстом «палица», внизу ΗΧ (608)	7,48	Лич. ст.: 36, 123; 26, 212; 49, т. LXXXI, 20, 26; 27, V
301	Радамсалий, статур 609 г. б.э. (312/3 г.)	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΑΔΑΜΣΑΔΙ	Перед бюстом «палица», внизу ΘΧ (609)	7,31	49, т. LXXXI, 27; LXXXII, 1; 27, VI-16
302	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	4,96	То же
303	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,65	То же
304	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΘΧ (609)	6,95	33, 781; 36, 125-126; 26, 213; 6, 758; 49, т. LXXXII, 2-3, 7; 27, VI-17

305	Радамсидий, статор 611 г. б.э. (314/5 г.)	ВАСІΛЄϞСΡΑΔΔΑΜΣΑΔΙ	Перед бюстом «палица», внизу AIX (611)	7,26	26, 215-217; 6, 759; 49, т. LXXXII; 9; 27, VII-18
306	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (611)	7,58	25, 2; 33, 782; 36, 127; 49, т. LXXXII, 14-15; 27, VII-19
307	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (611)	7,13	49, т. LXXXII, 10-11; 27, VII-20
308	Радамсидий, статор 613 г. б.э. (316/7 г.)	ВАСІΛЄΥΣΡΑΔΔΑΜΣΑΔ	Перед бюстом «палица», внизу ΓIX (613)	7,68	27, IX-31
309	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΓIX (613)	7,39	26, 224; 49, т. LXXXIII, 10; 27, IX-32;
310	То же	ВАСІΛЄΥΣΡΑΔΔΑΜΣΑΔ	Перед бюстом «палица», внизу ΓIX (613)	7,52	26, 226; 49, т. LXXXIII, 13; 27, X- 36
311	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,17	То же
312	То же	ВАСІΛЄΥΣΡΑΔΔΑΜΣΑΔ	Перед бюстом «палица», внизу ΓIX (613)	7,83	49, т. LXXXVI, 9; 27, XI-37
313	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΓIX (613)	6,79	49, т. LXXXVI, 2-3; 27, XI-39
314	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΓIX (613)	5,99	49, т. LXXXVI, 4; 27, XI-40
315	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΓIX (613)	6,81	Нет в публикации
316	То же	То же, тот же штемпель	Не определена	5,88	
317	Радамсидий, статор 614 г. б.э. (317/8 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	6,81	Нет в публикации
318	То же	ВАСІΛЄϞСΡΑΔΔΑΜΣΑΔЄ	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	7,08	12, 14, 8; 26, 231; 49, т. LXXXIV, 7; 27, XII-45
319	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	7,48	49, т. LXXXIII, 20-21; 27, XII-46
320	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,95	То же
321	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	7,16	49, т. LXXXIII, 18-19; 27, XII-49
322	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	7,06	49, т. LXXXIV, 3; 27, XII-56
323	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	6,56	12, 14, 7; 36, 139; 26, 228-230; 49, т. LXXXIII, 15-17; 27, XII-57
324	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	7,37	49, т. LXXXVI, 11-17; 27, XII-58
325	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,48	То же
326	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,79	То же
327	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу AIX (614)	7,19	Нет в публикации

328	То же	ВАСІАЄУСРАΔΔΑΜΣΑΔΙΣ	Перед бюстом «палица», внизу А-IX (614)	6,92	12, 14,3; 36, 140-141; 26, 233-234; 6, 762; 49, т. LXXXIV, 13-20; 27, XVI-61
329	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,52	То же
330	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,81	То же
331	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,16	То же
332	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,77	То же
333	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,40	То же
334	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,93	То же
335	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ΔIX (614)	7,11	367, 142-143; 49, т. LXXXIV, 23; 27, XVI-62
336	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,18	То же
337	Радамсидий, стартер 615 г. б.э. (318/9 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,56	26, 236; 27, XVI-65
338	То же	ВАСІАЄωСРАΔΔΑΜΣΑΔΙΣ	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,67	36, 148-149; 49, т. LXXXV, 9; 27, XVI-69
339	То же	ВАСІАЄωСРАΔΔΑΜΣ	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,96	27, XVI-70
340	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,99	26, 240; 49, т. LXXXIV, 27-29; 27, XVI-76
341	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,71	То же
342	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,72	49, т. LXXXV, 6-7; LXXXVI, 10; 27, XVI-77
343	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,66	26, 239; 6, 763; 49, т. LXXXIV, 30; LXXXV, 8, 20; 27, (XVI-78)
344	То же	ВАСІАЄУСРАΔΔΑΜΥ	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,09	49, т. LXXXV, 25; 27, XVI-80
345	То же	ВАСІАЄУСРАΔΔΑΜΥ	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,71	49, т. LXXXV, 19, 26; 27, XVIII-78
346	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	7,29	49, т. LXXXV, 14-16; 27, XVIII-79
347	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,00	То же
348	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,67	49, т. LXXXV, 17; 27, XVIII-82
349	Рискупорид IV, стартер 615 г. б.э. (318/9 г.)	ВАСІАЄУСРНСΚΟΥΠΟΡΙ	Перед бюстом «палица», внизу ЄIX (615)	6,64	12, 14,15; 36, 4; 20, 430; 26, 243; 6, 764; 9, 2154; 49, т. LXXXVII, 3-5
350	Рискупорид IV, стартер 616 г. б.э. (319/20г.)	ВАСІАЄωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «гресубей»	Перед бюстом ★, внизу ЄIX (616)	6,98	26, 253
351	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,48	То же

352	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,04	То же
353	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец»	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	7,17	49, т. LXXXVIII, 18
354	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,23	То же
355	То же	То же, тот же штемпель	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	7,19	26, 260
356	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,36	То же
357	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец»	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	7,26	36, 159; 49, т. LXXXVIII, 3-4
358	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец»	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	6,31	49, т. LXXXVIII, 14
359	То же	То же, тот же штемпель	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	7,50	26, 265
360	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец»	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	6,82	12, 15,8; 36, 154-155; 26, 258; 49, т. LXXXVII, 24
361	То же	То же, тот же штемпель	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	7,06	Нет в публикации
362	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец»	Перед босстом * , внизу ϚIX (616)	6,99	49, т. LXXXVII, 19
363	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,42	То же
364	То же	То же, тот же штемпель	Перед босстом * , внизу ϚIX (616)	7,09	12, 15,1; 26, 248
365	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,50	То же
366	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,26	То же
367	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец»	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	6,65	26, 247
368	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,32	То же
369	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец», за шпечом («венюк»)	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	7,38	Об. ст.: 49, т. LXXXVIII, 19
370	То же	То же, тот же штемпель?	То же, тот же штемпель?	6,44	То же?
371	То же	То же, тот же штемпель	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	7,72	Нет в публикации
372	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,52	То же
373	То же	То же, тот же штемпель?	Повреждена окисью	6,56	26, 245-246?
374	То же	ВАСIACωCPCPCOYΠOPIC Перед босстом «презубец»	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	6,84	49, т. LXXXIX, 14 (как 617 г. б.э.)
375	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,26	То же
376	То же	То же, тот же штемпель	Перед босстом «двузубец», внизу ϚIX (616)	6,99	12, 15,13; 36, 160; 26, 267-268; 49, т. LXXXVII, 21; LXXXVIII, 17; LXXXIX, 15
377	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,98	То же

378	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (616)	6,51	26, 269; 49, т. LXXXVІІ, 2
379	Рискупорид IV, статер 617 г. б.э. (320/1 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,86	12, 15, 15; 36, 162-165; 26, 270-271
380	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,40	То же
381	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,26	36, 166; 49, т. LXXXIX, 7
382	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,69	21, 23; 26, 276; 49, т. LXXXIX, 11, 13
383	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,97	26, 274
384	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,21	Нет в публикации
385	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,57	Нет в публикации
386	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,04	Нет в публикации
387	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	7,73	49, т. XC, 1
388	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «презубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	7,15	26, 277-278; 49, т. LXXXIX, 23-24
389	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	7,07	6, 766; 9, 2159; 49, т. LXXXIX, 25-26; XC, 3
390	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	7,14	26, 279-280; 49, т. LXXXIX, 31
391	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,16	То же
392	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,76	То же
393	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,39	То же
394	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,10	49, т. LXXXIX, 29
395	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,68	То же
396	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,52	Нет в публикации
397	То же	То же, тот же штемпель	Потерта	6,48	?
398	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «презубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,59	36, 168; 49, т. LXXXVІІІ, 27
399	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,95	То же
400	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	7,46	26, 283-284; 49, т. LXXXVІІІ, 28, 29; XC, 4
401	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу	7,32	26, 281-282; 49, т. LXXXVІІІ, 26

402	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	ZIX (617) Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,78	36, 173; 49, т. LXXXIX,8
403	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,75	То же
404	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,60	То же
405	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,08	То же
406	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	7,08	26, 288
407	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,75	26, 286-287; 49, т. LXXXIX,21
408	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,90	49, т. LXXXIX,17
409	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,09	То же
410	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу ZIX (617)	6,66	Нет в публикации
411	Рискупорид IV, статер 618 г. б.э. (321/2 г.)		Тот же штемпель, что 399- 410	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,30	26, 291
412	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,86	То же
413	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,02	49, т. XC, 9
414	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟΡΙА Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,28	26, 303; 49, т. XC,28
415	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟРИА ОС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,51	36, 181; 49, т. XCI,14
416	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	4,12	То же
417	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,07	26, 301
418	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	5,86	36, 183
419	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,09	49, т. XCI, 6
420	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	5,44	26, 297
421	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,60	26, 292; 49, т. XCI,9
422	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,63	Нет в публикации
423	То же		ВАСΙΑΕωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «двузубец», внизу HIX (618)	6,35	36, 179; 49, т. XCI,2
424	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу	5,37	12, 15,19; 36, 180; 26, 296; 49, т.

425	То же	ВАСІАЄОСРІСКОУПОРІС Перед бюстом «двузубец»	НІХ (618) Перед бюстом «двузубец», внизу НІХ (618)	6,32	ХСІ,3 26, 310?
426	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу НІХ (618)	6,53	36, 184; 49, т. ХС, 26-27
427	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «двузубец», внизу НІХ (618)	5,04	Нет в публикации
428	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,69	26, 311; 49, т. ХСІ, 15-16; 9, 2160
429	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,51	То же
430	То же	ВАСІАЄОСРІСКОУПОРІС Перед бюстом «двузубец»	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,28	49, т. ХСІ, 20
431	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,65	49, т. ХСІ, 18
432	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста НІ-X (618)	5,84	49, т. ХСІ, 21
433	То же	ВАСІАЄОСРІСКОУПОРІС Перед бюстом ☉	По сторонам бюста X-I (618)	6,35	12, 15, 20; 36, 185; 26, 315; 49, т. ХСІІ, 7
434	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста X-I (618)	6,09	26, 316
435	То же	ВАСІАЄОСРІСКОУПОРІС Перед бюстом ☉	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,04	49, т. ХСІІ, 1
436	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,63	То же
437	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,72	Нет в публикации?
438	То же	То же, тот же штемпель?	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,63	То же
439	То же	То же, тот же штемпель?	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,08	То же
440	То же	То же, тот же штемпель?	По сторонам бюста НІ-X (618)	6,04	То же
441	Рискупорид IV, стагер 619 г. б.з. (322/3 г.)	ВАСІАЄОСРІСКОУПОРІС Перед бюстом ☉	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	5,49	36, 191; 26, 330-331; 49, т. ХСІV, 1, 19-21
442	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	5,93	26, 329
443	То же	ВАСІАЄОСРІСКОУПОРІС Перед бюстом ☉	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	7,14	26, 333
444	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	6,38	6, 7686
445	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,28	То же
446	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	7,14	Нет в публикации
447	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	7,15	То же
448	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	6,88	36, 200; 26, 334
449	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	6,73	Нет в публикации
450	То же	ВАСІАЄОСРІСКОУПОРІА Ос Перед бюстом ☉	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	6,70	26, 336
451	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘІ-X (619)	6,70	49, т. ХСІІІ, 22, 24, 26-27
452	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,11	То же

453	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,89	То же
454	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	7,22	49, т. ХСШ, 29; ХСШ, 31
455	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,67	36, 193; 49, т. ХСIV, 23, 28
456	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ ОС Перед бюстом «трезубец»	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,44	26, 345; 49, т. ХСШ, 33
457	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ ОС Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,74	?
458	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста ΘI-X (619)	5,30	36, 197; 26, 353; 49, т. ХСШ, 1-3, 9-10
459	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,95	49, т. ХСШ, 17; 26, 352
460	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	7,01	36, 198-199
461	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	7,21	26, 354; 49, т. ХСШ, 6, 8
462	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,44	36, 196; 26, 350-351; 49, т. ХСШ, 7, 13, 14, 16
463	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,74	26, 339-340; 49, т. ХСIV, 8а
464	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,27	То же
465	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,54	49, т. ХСIV, 8, 9
466	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	7,18	49, т. ХСIV, 12
467	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,91	Нет в публикации
468	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста ΘI-X (619)	7,21	36, 194; 49, т. ХСIV, 16, 17
469	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,03	То же
470	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,26	То же
471	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,73	49, т. ХСIV, 11
472	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,88	То же
473	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	7,00	26, 341
474	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,08	26, 342
475	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,98	Нет в публикации
476	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,81	Нет в публикации
477	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ Перед бюстом ⚡, «копьё»	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,69	12, 15, 24; 36, 195; 26, 344
478	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста ΘI-X (619)	6,62	Нет в публикации
479	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ ОС Перед бюстом «трезубец» и «звезда»	Перед бюстом «двузубец», внизу ΘIХ (619)	6,14	49, т. ХСII, 28
480	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,82	То же
481	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΑ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ΘIХ (619)	7,49	49, т. ХСII, 16
482	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,87	То же

483	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,15	То же
484	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ΘΙΧ (619)	7,37	49, т. ХСII, 18-19
485	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ΘΙΧ (619)	7,04	49, т. ХСII, 20
486	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «грезубец»	Перед бюстом «орел на шаре» и «точка», внизу ΘΙΧ (619)	7,08	26, 366
487	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,95	То же
488	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «грезубец»	То же, тот же штемпель	7,28	Нет в публикации
489	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,34	То же
490	То же	...ΛΕ... Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста ΘΙ-Χ (619)	5,88	Нет в публикации?
491	Рискупорид IV, статер 620 г. б.з. (323/4 г.)	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,98	36, 223; 26, 372; 49, т. ХСV, 16-18
492	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,96	49, т. ХСV, 13-14
493	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	7,45	26, 370-371; 49, т. ХСV, 12
494	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	То же, тот же штемпель	7,35	26, 376; 49, т. ХСV, 12; ХСVІ, 20
495	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,57	То же
496	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	7,14	Нет в публикации
497	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,54	49, т. ХСVІ, 27-28
498	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,17	То же
499	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,33	26, 385-386; 49, т. ХСVІІ, 1-2
500	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	7,02	49, т. ХСVІІ, 8
501	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,99	36, 213-214; 26, 383-384; 49, т. ХСVІ, 30
502	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,79	36, 215; 26, 381-382; 49, т. ХСVІ, 4-5
503	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,20	То же
504	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,37	То же
505	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,24	То же
506	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,81	36, 217; 49, т. ХСVІІ, 6
507	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,87	36, 218; 26, 380
508	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,95	36, 219; 26, 388; 49, т. ХСVІ, 25-26
509	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,57	То же
510	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,78	То же
511	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,16	То же
512	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	6,70	36, 220; 26, 389; 49, т. ХСVІ, 9
513	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста Κ-Χ (620)	7,04	36, 205-206; 26, 390; 49, т. ХСV, 4

514	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,05	То же
515	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,33	То же
516	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,32	То же
517	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,34	То же
518	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста К-Х (620)	7,43	36, 211-212; 26, 395; 49, т. ХСIV, 28-29
519	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста К-Х (620)	6,26	49, т. ХСIV, 30; ХСV, 1
520	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста К-Х (620)	7,35	49, т. ХСIV, 27
521	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста К-Х (620)	7,23	26, 392; 49, т. ХСV, 5, 7
522	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам бюста К-Х (620)	7,37	49, т. ХСVI, 12-13
523	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам бюста К-Х (620)	7,28	26, 399; 49, т. ХСV, 24-25
524	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста К-Х (620)	6,81	26, 397-398; 49, т. ХСV, 26-28
525	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста К-Х (620)	7,33	26, 396; 49, т. ХСV, 29
526	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,90	То же
527	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,26	То же
528	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста К-Х (620)	6,84	26, 402; 49, т. ХСVI, 3, 5
529	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам бюста К-Х (620)	6,21	49, т. ХСV, 6, 9-10
530	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,25	То же
531	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,50	?
532	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΝΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом «строзубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	8,71	49, т. ХСVII, 24
533	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	8,24	36, 236; 26, 445-446; 49, т. ХСVII, 20-21; СI, 17
534	То же	То же, тот же штемпель?	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	6,74	?
535	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΝΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом «строзубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,11	26, 433; 36, 249
536	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	8,22	36, 244-246; 26, 424-427; 49, т. ХСVIII, 2
537	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,69	То же
538	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	8,07	То же
539	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,83	То же
540	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,54	То же
541	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,62	49, т. ХСVII, 26

542	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,52	49, т. ХСVII, 26
543	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,76	49, т. ХСVII, 28
544	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,33	36, 247-248; 26, 428-429
545	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	7,52	То же
546	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	8,02	26, 423; 49, т. ХСVII, 27
547	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,32	Нет в публикации
548	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	8,03	То же
549	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	8,28	Нет в публикации
550	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,72	То же
551	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	6,29	49, т. ХСVII, 31; ХСVIII, 1
552	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	8,46	Нет в публикации
553	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,35	26, 434-435; 36, 238-239
554	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	8,03	26, 436-437
555	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	6,87	26, 411-412
556	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,75	То же
557	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,46	26, 413
558	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,26	То же
559	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,40	26, 415-417
560	То же	ΒΑΣΙΛΕΩΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,14	49, т. ХСVIII, 11
561	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,40	То же
562	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,98	То же
563	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,95	6, 769а; 9, 2169; 49, т. ХСVIII, 4-5
564	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,11	Нет в публикации
565	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,72	49, т. ХСVIII, 8

566	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,73	То же
567	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,24	Нет в публикации
568	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	6,89	49, т. ХСVIII, 10
569	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,39	То же
570	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,19	36, 230-232
571	То же	ВАСΙΑЄωСРНСКОУΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,05	49, т. ХСVIII, 16-17
572	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,94	То же
573	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	6,65	Нет в публикации
574	То же	ВАСΙΑЄωСРНСКОУΠΟΡΙС Перед бюстом «стрезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу КХ (620)	7,94	36, 243
575	Рискупорид, IV, статор 621 г. б.э. (324/5 г.)	ВАСΙΑЄωСРНСКОУΠΟΡΙС Перед бюстом ⚡	По сторонам от бюста АК-Х (621)	6,46	Нет в публикации
576	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,32	То же
577	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,55	49, т. С, 7
578	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,82	То же
579	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,11	Нет в публикации
580	То же	ВАСΙΑЄωСРНСКОУΠΟΡΙС Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,77	49, т. ХСIX, 1
581	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,15	То же
582	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,32	36, 258
583	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,16	То же
584	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,38	Нет в публикации
585	То же	ВАСΙΑЄωСРНСКОУΠΟΡΙС Перед бюстом ⚡	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,11	26, 454-455
586	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,03	То же
587	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,41	26, 458-459
588	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,67	49, т. ХСIX, 10
589	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,18	То же
590	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,09	49, т. ХСIX, 12
591	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,07	То же
592	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,08	То же
593	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,06	То же
594	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,99	36, 259
595	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,28	То же
596	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,92	То же

597	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,74	26, 469; 49, т. ХСІХ, 11
598	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,53	То же
599	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,42	То же
600	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,44	49, т. С, 29
601	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,32	То же
602	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,42	То же
603	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	8,33	Нет в публикации
604	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,09	То же
605	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,52	Нет в публикации
606	То же	ВАСІАЄУРСІКОУПОР Перед бюстом ☼	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,77	12, 17; 36, 251; 26, 485; 49, т. ХСІХ, 24, 27
607	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,44	То же
608	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,40	36, 271; 49, т. ХСІХ, 25, 28
609	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,20	То же
610	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,09	То же
611	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,53	49, т. ХСІХ, 26
612	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,50	36, 255-256
613	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,93	36, 252; 49, т. ХСІХ, 29-30
614	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,85	То же
615	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,44	36, 253-254, 272; 26, 470-473; 49, т. ХСІХ, 32
616	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,16	49, т. С, 1; (СІХ, 14)
617	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,40	36, 270; 26, 474
618	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,61	49, т. СХ, 22
619	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,36	То же
620	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,22	То же
621	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,87	26, 476
622	То же	ВАСІАЄУРСІКОУПОР Перед бюстом ☼	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,98	36, 257; 49, т. С, 2, 9
623	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,64	То же
624	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,77	Нет в публикации
625	То же	ВАСІАЄУРСІКОУПОР Перед бюстом ☼	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,99	26, 486; 49, т. ХСІХ, 23; С, 23
626	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,75	49, т. С, 12
627	То же	ВАСІАЄУРСІКОУПОР Перед бюстом ☼	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,67	36, 277
628	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,67	То же
629	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,52	26, 488
630	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,08	То же
631	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,87	То же
632	То же	ВАСІАЄУРСІКОУПОР	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,78	26, 492

633	То же	Перед бюстом ☉ То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,33	То же
634	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,08	36, 263
635	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,14	36, 264; 26, 490-491
636	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,65	26, 610
637	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,98	То же
638	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,42	36, 266-268
639	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,60	То же
640	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,13	?
641	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,75	?
642	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,78	49, т. ХСΙХ, 31
643	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста АК-Х (621)	6,38	49, т. ХСVІ, 8,9
644	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,61	То же
645	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,44	То же
646	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам бюста АК-Х (621)	6,69	49, т. ХСΙХ, 17; С, 3
647	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста [A]К-Х (62[1])	6,95	Лиц.ст.: 36, 274-275; 49, т. ХСΙХ, 17; С, 3-4, 13; общая с мон. 622 г. б.э.
648	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам бюста АК-Х (621)	7,41	Нет в публикации
649	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	6,71	36, 304; 26, 512-513; 49, т. СІ, 1-2; CVIII, 22 (как 624 г. б.э.)
650	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,19	То же
651	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,62	То же
652	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	6,24	26, 518-519; 49, т. С, 33
653	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,36	То же
654	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	7,77	36, 305; 26, 514; 49, т. СІ, 3-4
655	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	7,30	26, 516
656	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ ОС Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	7,37	49, т. СІ, 16
657	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	6,44	Нет в публикации
658	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	6,79	36, 295; 26, 527; 49, т. CVIII, 19-20; СХІ, 16
659	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ ОС Перед бюстом «срезубел»	То же, тот же штемпель	7,13	26, 528-530

660	То же	за плечом бюста «венок»	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,98	
661	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,90	?
662	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,93	Нет в публикации
663	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,60	26, 534-536; 49, т. CI, 5
664	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,42	26, 534-536; 49, т. CI, 5
665	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,78	То же
666	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,76	Нет в публикации
667	То же	ВАСIΛЄϞСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,86	49, т. CI, 7
668	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,71	То же
669	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,17	То же
670	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,82	То же
671	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	7,05	36, 303; 26, 498; 49, т. CI, 18
672	То же	ВАСIΛЄϞСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	7,13	26, 500
673	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,66	То же
674	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,14	Нет в публикации
675	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,92	26, 496-497
676	То же	ВАСIΛЄϞСРНСΚΟΥΠΟΛΙ ОС Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	7,18	36, 282
677	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,27	То же
678	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,46	26, 505
679	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	7,02	Нет в публикации
680	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	7,26	То же
681	То же	ВАСIΛЄϞСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,80	36, 283; 26, 511; 49, т. ХСVIII, 19; CI, 11, 13-14
682	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,93	Нет в публикации
683	То же	ВАСIΛЄϞСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «срезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венка», внизу АКХ (621)	6,98	То же

684	То же	ВАСІАЄωСРНКСКОУПОРІС Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,31	То же
685	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,04	То же
686	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,31	То же
687	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,31	То же
688	То же	То же, тот же штемпель?	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	6,91	То же
689	То же	ВАСІАЄωСРНКСКОУПОРІА ОС Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	6,86	То же
690	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	6,98	То же
691	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	7,21	49, т. CVIII, 21
692	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,92	То же
693	То же	ВАСІАЄωСРНКСКОУПОРІС Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	7,45	26, 560
694	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,35	То же
695	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,08	Нет в публикации
696	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,83	То же
697	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,48	То же
698	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,33	То же
699	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,50	То же
700	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,05	То же
701	То же	ВАСІАЄωСРНКСКОУПОРІС Перед бюстом «трезубец»	То же, тот же штемпель	6,93	То же
702	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,57	То же
703	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,27	То же
704	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	6,80	
705	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	6,86	36, 311; 26, 562-563
706	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,17	26, 564-565
707	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу АКХ (621)	7,56	63, 1036
708	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за	7,17	26, 567

709	То же	То же, тот же штемпель	плечом «венок», внизу АКХ (621) Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	7,05	33, 815; 53, 136-139; 36, 310
710	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	6,50	То же?
711	То же	ВАСІΛЄωСРНСΚΟΥΠΟΡΙΔ ОС. Перед бюстом «прэзубел»	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	6,82	Нет в публикации
712	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,70	То же
713	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	6,48	То же
714	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	6,79	То же
715	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу АКХ (621)	6,90	То же
716	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу АКХ (621)	6,51	То же
717	Рискупорид IV, статар 622 г. б.з. (325/6 г.)	ВΑΣΙΛЄΥСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом ☉. Тот же штемпель, что 649-651	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	6,13	36, 332; 49, т. CV, 5
718	То же	ВΑΣΙΛЄΥСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом ☉	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	6,12	
719	То же	ВΑΣΙΛЄωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «прэзубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ВКХ (622)	7,14	36, 314; 26, 571
720	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ВКХ (622)	6,85	Нет в публикации
721	То же	ВΑΣΙΛЄωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом «прэзубел»	Перед бюстом * , за плечом бюста «венок», внизу ВКХ (622)	6,85	26, 580; 49, т. СII, 5-7
722	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,59	То же
723	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,28	То же
724	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,88	То же
725	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ВКХ (622)	6,30	36, 317; 26, 575-577
726	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,60	То же
727	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,92	То же
728	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	6,24	49, т. СII, 3
729	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,80	То же
730	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,75	То же
731	То же	ВΑΣΙΛЄωСРНСΚΟΥΠΟΡΙС Перед бюстом ☉	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	6,49	26, 611
732	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,70	То же
733	То же	ВΑΣΙΛЄΥСРНСΚΟΥΠΟ Перед бюстом ●	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	7,39	49, т. СII, 17-19

734	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,23	То же
735	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,70	То же
736	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	6,99	SNG 97; 26, 590-592
737	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	7,06	26, 593
738	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	6,71	?
739	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	6,23	?
740	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	7,00	?
741	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	Перед бюстом *, внизу ВКХ (622)	7,44	26, 581-582
742	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, внизу ВКХ (622)	7,10	26, 583
743	То же	То же, тот же штемпель?	Перед бюстом *, внизу ВКХ (622)	6,32	
744	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	6,91	Нет в публикации
745	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	6,82	
746	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	6,79	36, 328; 49, т. СШ, 27
747	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	7,53	
748	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	7,26	26, 595-597; 49, т. СШ, 2
749	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, внизу ВКХ (622)	6,90	36, 329
750	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	6,82	26, 585
751	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом *	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	6,52	Нет в публикации
752	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	6,63	26, 600; 49, т. СШ, 20
753	То же	ВΑΣΙΛ...ΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом «грезубел»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ВКХ (622)	7,34	Нет в публикации
754	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,61	То же
755	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ВКХ (622)	7,06	То же
756	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,76	То же
757	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ВКХ (622)	6,32	То же
758	То же	ВΑΣΙΛΕΥΣΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам от бюста ВК-Х (622)	7,12	26, 602-603

759	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,33	То же
760	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВКХ (622)	6,75	49, т. CIV, 22
761	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,65	То же
762	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,90	То же
763	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВКХ (622)	6,65	36, 331; 26, 608
764	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПЮРІС Перед бюстом ⚙	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	7,15	53, 141-144; 54, 93; 36, 335-336; 26, 615
765	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,82	То же
766	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	7,49	36, 337-338; 26, 612-614
767	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,17	То же
768	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ВКХ (622)	7,12	49, т. СШ, 3-4
769	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПЮРІС Перед бюстом ⚙	Перед бюстом *, внизу ВКХ (622)	6,81	49, т. CIV, 4-6
770	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ВКХ (622)	6,84	Нет в публикации
771	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВКХ (622)	6,45	То же
772	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВКХ (622)	6,88	26, 624-628; 49, т. CIV, 18
773	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,56	То же
774	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПЮРІС Перед бюстом ⚙	По сторонам от бюста ВКХ (622)	7,11	26, 621; 49, т. CIV, 16-17
775	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,20	То же
776	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,46	То же
777	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ВКХ (622)	6,50	26, 617-620
778	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПЮРІС Перед бюстом ⚙	По сторонам от бюста ВКХ (622)	7,20	?
779	Рискупорид IV, статер 623 г. б.э. (326/7 г.)	ВАСІАЄУРІСКОУПЮРІС Перед бюстом ⚙	По сторонам от бюста ГКХ (623)	7,25	25, 12; 34, 597/8; 53, 152-153; 54, 112; 36, 359; 26, 622-623
780	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПЮРІА ОС Перед бюстом ⚙	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ГКХ (623)	6,58	Нет в публикации
781	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ГКХ (623)	6,98	36, 357
782	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ГКХ (623)	6,92	Нет в публикации
783	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,98	То же
784	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПЮРІС Перед бюстом ⚙ Тот же штемпель, что 764-768	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ГКХ (623)	6,31	49, т. CVI, 15
785	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре»,	6,91	34, 596; 36, 339; 49, т. CVI, 14

786	То же		То же, тот же штемпель	внизу ГКХ (623) Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ВКХ (622)	7,08	49, т. CVI,22
787	То же	ВАСІАЄУСРІСКОУПІОС Перед бюстом ♂	То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ГКХ (623)	6,38	26, 632; 49, т. CVI,27
788	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,30	То же
789	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ГКХ (623)	6,65	49, т. CVI,18
790	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,31	То же
791	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ГКХ (623)	6,60	49, т. CVI,9,17
792	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,87	То же
793	То же	ВАСІАЄУСРІСКОУПІОС	То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ГКХ (623)	6,89	26, 639-640; 49, т. CVIII,16 =18;
794	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ГКХ (623)	6,78	36, 345; 26, 641-642; 49, т. CVIII,17
795	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом *, за плечом бюста «венок», внизу ГКХ (623)	7,40	26, 636-638
796	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ГКХ (623)	6,82	49, т. CVIII,11-14
797	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «Нике на шаре», внизу ГКХ (623)	6,64	49, т. CVIII,15
798	То же	ВАСІАЄУСРІСКОУПІОС Штемпель дополнен дифференцом: перед бюстом •	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ГКХ (623)	6,79	36, 344; 26, 644; 49, т. CVIII,6-8
799	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,58	То же
800	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,54	То же
801	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ГКХ (623)	7,05	26, 643; 49, т. CVIII,10
802	То же		То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,22	То же
803	То же	ВАСІАЄУСРІСКОУПІОС Перед бюстом «спрузубел»	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ГКХ (623)	6,26	26, 646-647; 49, т. CV,12-13
804	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ГКХ (623)	7,08	53, 154-172; 54, 104-107; 36, 346-347; 26, 651
805	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ГКХ (623)	6,67	26, 650
806	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», внизу ГКХ (623)	6,68	49, т. CV,16
807	То же		То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венок», внизу ГКХ (623). Тот же штемпель, что 786	7,61	Нет в публикации

808	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу ГКХ (623)	7,29	26, 648-649
809	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу ГКХ (623)	6,68	26, 652-653
810	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ★, за плечом бюста «венюк», внизу ГКХ (623)	6,35	26, 654; 49, т. CV, 20-21
811	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ★, за плечом бюста «венюк», внизу ГКХ (623)	6,90	20, 488; 26, 656
812	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,29	То же
813	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ★, за плечом бюста «венюк», внизу ГКХ (623)	6,72	То же
814	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ★, за плечом бюста «венюк», внизу ГКХ (623)	6,55	Нет в публикации
815	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПОРІС Перед бюстом «трусубец»	Перед бюстом «орел на шаре», за плечом «венюк», внизу ГКХ (623)	6,88	Нет в публикации
816	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПОРІС	Перед бюстом ★, на плече бюста «венюк», внизу ГКХ (623)	6,56	49, т. CVI, 6
817	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,04	То же
818	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ★, за плечом бюста «венюк», внизу ГКХ (623)	7,02	36, 354-355; 49, т. CVI, 1-3, 8а
819	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ★, внизу ГКХ (623)	6,94	26, 674
820	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПОРІС Перед бюстом «трусубец»	Перед бюстом ★, внизу ГКХ (623)	7,00	49, т. CV, 22
821	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам и под бюстом Г-К-Х (623)	6,73	49, т. CV, 28
822	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,10	
823	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПОРІС Перед бюстом ⚙	То же, тот же штемпель	6,95	49, т. CXII, 4
824	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста Г-К-Х (623)	6,76	36, 361; 26, 663-665
825	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста Г-К-Х (623)	6,89	Нет в публикации
826	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,96	То же
827	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,89	То же
828	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста Г-К-Х (623)	6,80	То же
829	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПОРІС Перед бюстом ⚙	По сторонам от бюста Г-К-Х (623)	6,13	То же
830	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПОРІС Перед бюстом ⚙	По сторонам от бюста Г-К-Х (623)	6,39	36, 369; 26, 676-677
831	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста Г-К-Х (623), на плече «венюк»	6,42	26, 679-683; 49, т. CVII, 11, 13
832	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,24	То же
833	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,22	То же
834	То же	ВАСІАЄУРІСКОУПОРІС Перед бюстом ⚙	То же, тот же штемпель	7,05	36, 368; 26, 685-686; 49, т. CVII, 7-10

835	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ГК-Х (623)	6,84	36, 367; 49, т. CVII, 5-6, 12
836	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,25	То же
837	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,54	То же
838	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,64	То же
839	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,20	То же
840	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ГК-Х (623)	7,29	36, 362
841	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,17	36, 364
842	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,76	То же
843	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ГК-Х (623)	6,42	36, 366; 26, 687
844	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,00	То же
845	То же	То же, тот же штемпель	Под бюстом слева ГКХ (623)	7,56	Нет в публикации
846	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,52	То же
847	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,06	То же
848	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,95	То же
849	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,94	То же
850	Риспулорид IV, статер 624 г. б.э. (327/8 г.)	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам от бюста ΔΚΧ (624)	6,45	Нет в публикации
851	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	7,37	49, т. СХ, 18-19
852	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	6,89	36, 371; 26, 694-698; 49, т. СХ, 20-21
853	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	6,61	36, 372; 26, 701-703
854	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	Перед бюстом ⚡, внизу ΔΚΧ (624)	6,60	49, т. СΙΧ, 13
855	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ⚡, внизу ΔΚΧ (624)	6,79	49, т. СΙΧ, 13а
856	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ⚡, внизу ΔΚΧ (624)	7,02	Нет в публикации
857	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	7,29	36, 377
858	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	Перед бюстом ⚡, внизу ΔΚΧ (624)	7,64	26, 712-714; 49, т. СΙΧ, 2-3
859	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ	Перед бюстом «лука», внизу ΔΚΧ (624)	7,29	36, 380; 49, т. СΙΧ, 20
860	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,40	То же
861	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «лука», внизу ΔΚΧ (624)	6,87	36, 382; 6, 772; 49, т. СΙΧ, 24-26
862	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	6,70	49, т. СХ, 2
863	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	6,31	6, 773а; 49, т. СХ, 15
864	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,05	То же
865	То же	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥ ΠΟΡΙΣ Перед бюстом ⚡	Перед бюстом «палица», внизу ΔΚΧ (624)	6,86	49, т. СΙΧ, 15
866	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,05	То же

867	То же	ВАСІАЄСРІСКОУПОРІС	Перед бюстом «палица», внизу ΔΚΧ (624)	5,63	36, 379
868	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,40	То же
869	То же	ВАСІАЄСРІСКОУПОРІС Перед бюстом ☉	Перед бюстом «палица», внизу ΔΚΧ (624)	6,93	36, 391; 26, 725; 49, т. СІХ, 10
870	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	7,25	26, 723-724
871	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	6,76	49, т. СХ, 10-11
872	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	6,82	36, 387; 26, 720; 49, т.СХ, 12-13, 27
873	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	7,09	20, 477; 36, 388-389; 26, 721-722; 49, т. СХ, 6-9
874	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,76	То же
875	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,24	То же
876	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,73	То же
877	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,97	То же
878	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ΔΚ-Χ (624)	5,74	То же?
879	Рискупорид IV, статер 625 г. б.э. (328/9 г.)	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «палица», внизу ЄΚΧ (625)	6,62	16, 11; 36, 391; 26, 726-729
880	То же	То же, тот же штемпель	По сторонам от бюста ЄΚ-Χ (625)	7,35	49, т. СХІ, 8-11
881	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,98	То же
882	То же	ВАСІАЄСРІСКОУПОРІС Перед бюстом «трезубец»	Перед бюстом ☼, внизу ЄΚΧ (625)	6,33	16, 3; 26, 718
883	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ☼, внизу ЄΚΧ (625)	7,17	49, т. СХІ, 3-4
884	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ☼, внизу ЄΚΧ (625)	7,14	49, т. СХІ, 5
885	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	5,76	То же
886	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ☼, внизу ЄΚΧ (625)	6,77	Нет в публикации
887	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,61	То же
888	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ☼, внизу ЄΚΧ (625)	6,07	
889	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	6,21	
890	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель?	5,94	
891	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом ☼, внизу ЄΚΧ (625)	6,90	
892	То же	ВАСІАЄСРІСКОУПОРІС Перед бюстом ☉	Перед бюстом ☼, внизу ЄΚΧ (625)	6,42	49, т. СХІ, 15
893	Рискупорид IV, статер 627 г. б.э. (330/1 г.)	ВАСІАЄСРІСКОУПОРІС Перед бюстом ☉	Под бюстом ΖΚΧ (627)	6,64	16, 17; 36, 394; 26, 733-734; 49, т. СХІ, 17-20
894	То же	То же, тот же штемпель	Под бюстом ΖΚΧ (627)	6,68	26, 738; 49, т. СХІ, 26
895	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,10	То же
896	Рискупорид IV, статер 633 г. б.э. (336/7 г.)	ВАСІАЄСРІСКОУПОРІС	По сторонам от бюста Γ-ΑΧ (633)	7,39	16, 23-24; 20, 673; 36, 397; 26, 739; 6, 777; 49, т. СХІІ, 6-7

897	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ	То же, тот же штемпель	7,28	36, 396; 49, т. СХІІ,8
898	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ	По сторонам от бюста Г-ΛΧ (633)	6,76	49, т. СХІІ,9-11
899	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	7,20	То же
900	Рискупорид IV, статер 638 г. б.э. (341/2 г.)	ВАСІΛΕΥΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	Перед бюстом «ветвь», внизу ΛΛΧ (625)	7,33	54, 43; 12, р27 16,1; 26, 318-323; 49, т. СХІІ,12-20
901	То же	ВАСІΛΕΥΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	То же, тот же штемпель	7,23	Нет в публикации
902	То же	То же, тот же штемпель	Перед бюстом «ветвь», внизу ΛΛΧ (625)	7,14	26, 324; 49, т. СХІІ,21-23
903	То же	То же, тот же штемпель	То же, тот же штемпель	6,84	То же
904	Подражание статурам Рискупорида IV	ВАСІΛΕΥΣΡΗΝΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Перед бюстом ☉	По сторонам от бюста ΗΓ-Χ (618)	8,12	49, т. ХСІ,23
905	То же	...ΛΕΥΣΙΠΣΚΟΥ... Перед бюстом ☉ из точек	По сторонам от бюста ΑΚ-Χ (621)	6,22	49, т. С, 15-19
906	Рискупорид IV			6,17	Неопределенная
907	То же			6,52	То же
908	То же			4,85	То же
909	То же			6,27	То же
910	То же			4,82	То же
911	То же			7,14	То же
912	То же			6,12	То же
913	То же			6,20	То же
914	То же			6,62	То же
915	То же			7,30	То же
916	То же			6,91	То же
917	То же			5,67	То же
918	То же			7,01	То же
919	То же			6,07	То же
920	То же			7,48	То же
921	То же			7,20	То же
922	То же			6,64	То же
923	То же			6,56	То же
924	То же			5,88	То же
925	То же			5,88	То же
926	То же			6,44	То же
927	То же			6,25	То же
928	То же			6,73	То же
929	То же			6,25	То же
930	То же			6,10	То же
931	То же			6,37	То же

932	То же				6,80	То же
933	То же				6,94	То же
934	То же				6,61	То же
935	То же				6,53	То же
936	То же				6,86	То же
937	То же				6,49	То же
938	То же				6,66	То же
939	То же, 621 г. б.э.		Перед бюстом «презубец»		6,24	То же
940	То же				5,42	То же
941	То же				6,79	То же
942	То же, 622 г. б.э.				6,65	То же
943	статер 276-341/2 г.				6,21	То же
944	Литая копия статера Рискулорида IV 318/9-341/2 гг.				7,99	
945	То же, литая копия				7,20	
946	То же, литая копия				8,12	
947	То же, литая копия				6,57	
948	То же, литая копия				5,74	
949	То же, литая копия				8,89	
950	То же, литая копия				5,81	
951	То же, литая копия				9,81	

Рис. 5/1. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/2. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/3. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/4. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/5. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/6. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/7. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/8. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/9. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/10. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/11. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/12. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/13. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/14. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

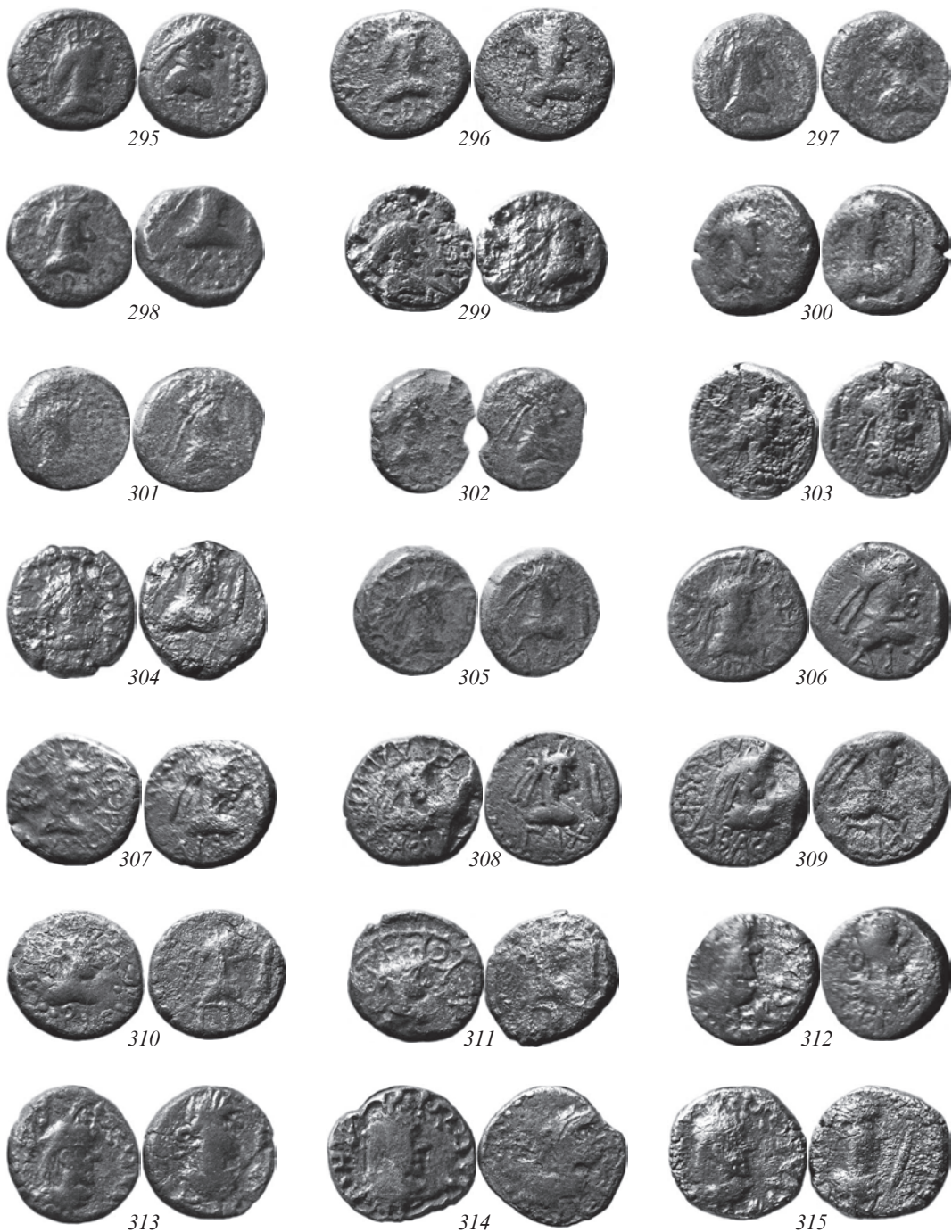

Рис. 5/15. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/16. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/17. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/18. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/19. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/20. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/21. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/22. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/23. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/24. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/25. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/26. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/27. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/28. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/29. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/30. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/31. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/32. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/33. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/34. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/35. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/36. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/37. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/38. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/39. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/40. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/41. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/42. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/43. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

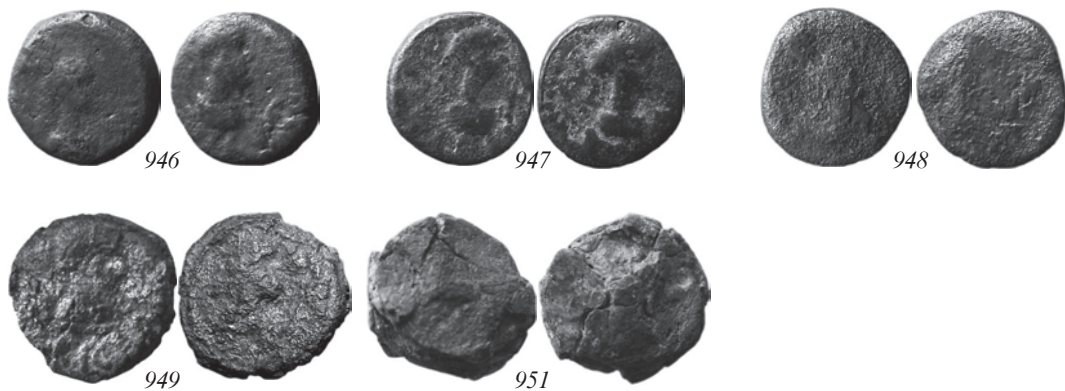

Рис. 5/44. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/45. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

Рис. 5/46. Монеты клада из раскопок в Босфорском переулке, Керчь 2009 г.

ИСТОРИЯ

М. А. НИКИФОРОВ

ТАВРИЧЕСКИЕ КЛИМАТЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Начиная с середины XIX в. исследователи неоднократно обращались к вопросу таврических Климатов. Такая популярность темы вызвана частым использованием греческого термина *τά κλίματα* в византийских нарративных и документальных источниках по отношению к территории Крымского полуострова. При этом термин употреблялся средневековыми авторами не только как имя нарицательное, но и как имя собственное. Принято считать, что в обоих этих значениях подразумевались одни и те же местности. Поэтому для того, чтобы обозначить границы области Климатов, важно установить по отношению к каким территориям употреблялся этот термин в византийских источниках. Несмотря на сравнительно обширную источниковую базу, единого мнения по этому вопросу в историографии до настоящего времени не сложилось. Тем не менее, был накоплен обширный материал и выдвинуты различные гипотезы относительно границ области Климатов. Отсутствие специального исследования, посвященного изучению этого вопроса, бесспорная важность этой проблемы для крымской медиевистики и ее дискуссионность заставляют еще раз обратиться к теме Таврических Климатов.

Необходимо отметить, что значительное влияние на дискуссию о границах области Климатов оказала так называемая «Записка греческого (готского) топарха», в которой упоминался начальник области или города под названием *Κλίματα*. Для исследователей XIX и первой половины XX в. этот источник являлся одним из основных. Важным этот памятник остается и для некоторых современных авторов [1, с. 307]. Однако после работ И. И. Шевченко и, особенно, И. П. Медведева у большинства исследователей больше нет сомнений в том, что этот документ был сфальсифицирован [2, р. 418, 433; 3, с. 160-172]. Исключение этого, считавшегося важным, памятника из списка источников вынуждает пересмотреть некоторые уже выдвинутые концепции и по-другому отнестись к другим сведениям византийских авторов о таврических Климатах.

Цель данного исследования – определение границ области Климатов в нарративных и документальных источниках. Для этого необходимо рассмотреть все случаи употребления термина κλίματα по отношению к территории Крымского полуострова. Установить значение термина в каждом отдельном случае и какие местности при этом подразумевались. Сравнить сведения источников, в которых использовался термин κλίματα, с параллельной информацией авторов, этот термин не употреблявших.

Исследователи по-разному определяли границы территорий, по отношению к которым применялся термин κλίματα. Многие отождествляли их с так называемой Готией. При этом и сами пределы Готии определялись ими по-разному. Ф. Брун считал, что термином κλίματα называлась часть Горного Крыма, и писал, что в X или XI вв. население области составляли готы, обитавшие в окрестностях Херсона [4, с. 211-212, 215]. А. Куник также полагал, что Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» термином κλίματα называл земли Готии. Границы региона, по мнению исследователя, начинались приблизительно у Балаклавы и распространялись на весь Южный берег Крыма с лежащими за ним горами и, вероятно, некоторую часть восточного побережья [5, с. 71, 81]. В. Г. Васильевский ограничивал территорию Готии, которая, по его мнению, входила в Климаты, Херсоном, Балаклавой, Сугдеей и горами, окаймляющими южные берега полуострова [6, с. 372]. При этом исследователь обходил вопрос, являлась ли Готия частью Климатов или полностью совпадала с этой областью [7, с. 199-200]. Ф. Вестберг отождествлял Климаты с Готией и размещал эту область на территории от Балаклавы до Гурзуфа [8, с. 117-118, 256].

По мнению К. Цукермана, Климатами назывались административные районы Готии, обладающие определенной автономией, хоть иногда и называвшиеся городами, но официально муниципального статуса не имевшие. Каждый такой округ Готии управлялся архонтом, поэтому Климаты Готии назывались еще и архонтиями. При этом исследователь исходил из идентичности греческого термина κλίμα и латинского regio [9, р. 218-219]. А. И. Айбабин предположил, что Климаты – результат эволюции византийской системы управления областью Дори. Захваченную хазарами «страну готов» византийцы стали именовать Готией, а ее административные районы с резиденциями архонтов в Доросе, Эски-Кермене, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен и Бакле – Климатами [10, с. 216; 11, с. 53-54; 12, р. 421-422]. Ю. М. Могаричёв пришел к мнению, что и Готия, и Климаты – разные варианты названия одной и той же местности. Первый вариант восходит к официальной административной терминологии, второй – к терминологии церковной [13, с. 16]. Гипотеза тождества Готии и Климатов нашла поддержку у других авторов и остается популярной до сих пор [14, р. 116-117; 15, с. 577; 16, с. 232; 17, с. 150-151].

Действительно, различного рода источники свидетельствуют, что в Горном

Крыму существовал регион под названием «Готия». Это название неоднократно встречается в церковно-административных документах как до, так и после середины IX в. [18, р. 274, 294, 345, 352, 377, 385, 400, 413]. В нарративных источниках упоминают о Готии как о политической области, глава которой в разных памятниках именовался «господином», «топархом» или «игемоном» [19, с. 28-29; 20, col. 252; 21, col. 72]. В конце X в. Готия стала турмой – официальной административной единицей фемы Херсон [16, с. 230; 22, с. 566-567]. Таким образом, в византийских источниках какие-то территории Крымского полуострова в одно и то же время назывались и Готией, и Климатами. При этом Готия – официальное название не только церковной, как предположил Ю. М. Могаричёв, но и административно-политической области. Представляется сомнительным, чтобы на одни и те же местности одновременно распространялось два названия. Следовательно, области Климатов и Готия могут быть не тождественны.

Необходимо также отметить, что термин κλίματα применялся по отношению к Готии лишь дважды. В первом случае о Готии и ее Климатах пишет в письме Феодор Студит, во втором Климаты Готии упоминает автор Жития Евгения Трапезундского [23, s. 88; 24, р. 310-313]. В обоих случаях контекст источника не исключает существования неготских Климатов. Например, в Житии патриарха Никифора вместо правителя Готии и ее Климатов упомянут игемон народа в Таврических Климатах [21, col. 72]. А автор жития Евгения Трапезундского называет Климатами не только территорию Готии, но и область Херсона [24, р. 310-313].

Часть исследователей предложила не ограничивать область Климатов пределами исключительно Готии. Некоторые сомнения на этот счет существовали еще у В. Г. Васильевского [7, с. 200]. Ф. И. Успенский, основываясь на «Записке греческого (готского) топарха», высказал мысль, что Климатами назывались «закрымские» владения Византийской империи, конкретно – область, в которой располагался Саркел [25, с. 290]. Также вне Готии помещал Климаты П. Бурачков [26, с. 249]. С территорией горных склонов Южного берега Крыма, т. е. Готией и соседними с ней городами, отождествлял Климаты С. П. Шестаков [27, с. 66]. По мнению А. Л. Якобсона, Климатами назывался весь подвластный Херсону Горный Крым, вплоть до Судака. Готия, при этом, являлась лишь одним из Климатов [28, с. 11]. Схожего мнения придерживается С. Б. Сорочан, который включает в Климаты и Херсон [29, с. 573-574]. В. Е. Науменко предположил, что Климатами называли горные и приморские области Крыма, которые в той или иной степени находились под влиянием Византийской империи. Всего таких Климатов было пять: Херсон, Боспор, Сугдея, Фуллы и Готия [30, с. 698; 31, с. 263]. Не соглашался ограничивать Климаты территорией Готии и Ф. Байер [32, с. 71]. С Крымскими горами отождествлял Климаты О. Н. Трубочёв [33, с. 84, 267].

Как видно из приведенной историографии, разброс мнений о границах региона Климатов достаточно велик. Большинство исследователей едины во мнении, что применительно к территории Крыма как имя нарицательное термин κλίματα означает «область, округ, регион». Такое единодушие, тем не менее, не мешает появлению множества противоречивых суждений о том, какую конкретно область, округ или регион полуострова следует называть Климатами.

Перед тем как перейти к анализу сведений источников о таврических Климатах не лишним будет остановиться на значении термина в целом. Греческое τὰ κλίματα – множественное число от τό κλίμα – район, область, административный округ. На латинский κλίμα переводилась как regio [34, p. 667; 35, p. 960; 36, p. 758; 37, p. 1133]. При анализе употребления термина κλίματα в письменных источниках обращает на себя внимание общая черта, свойственная практически всем землям, по отношению к которым он применялся. Какие бы обширные области ни назывались κλίματα, зачастую они являлись лишь частью больших географических понятий. Словосочетаниями Εὐρώπης κλίμα и Ἐσ κλίματος обозначались, например, соответственно одна из трех частей Света и восточная часть Римской империи [38, с. 73; 39, p. 46; 40, с. 229; 41, p. 1117]. Κλίμα Понт являлась исторической областью все той же Римской империи [42, p. 436; 43, p. 304]. Макраванская и Таранская κλίμα были частями территории так называемой Персидской Армении, а κλίμα Арестов и Марептиков или κλίμα Хнефы – частью Персидского государства [44, p. 393-394; 45, с. 127; 46, p. 202]. Термином κλίμα обозначалась одна из трех частей земель, принадлежавших царю Агенору, – Киликия [38, с. 160; 39, p. 78]. Наконец, κλίμα назывались районы (части), на которые делились города Константинополь и Карфаген [34, p. 667; 47, p. 271; 48, с. 115; 49, p. 328].

По отношению к территории Крыма термин κλίματα зачастую используется в некотором специфическом значении. Особый смысл, который вкладывали византийские авторы в этот термин, видимо, и послужил причиной того, что Климатами стали называть конкретные территории полуострова. Термин κλίματα применительно к территории Крымского полуострова встречается как в официальных документах, так и в нарративных памятниках. При этом среди византийских авторов конца VIII – середины X вв. были те, кто придерживался «традиции» обозначать территории Крыма и соседних земель термином κλίματα, и те, кто эту «традицию» не соблюдал. Сопоставление сведений авторов этих двух «традиций» может оказать помощь как в объяснении самого термина, так и в установлении территорий, в отношении которых он употреблялся. Отдельные попытки такого сравнения в историографии уже производились, однако систематического характера они не носили [9, p. 218-219; 10, с. 210-211].

Самым удобным для такого сравнения источником представляется «Хронография» Феофана Исповедника. В ней содержится рассказ о сосланном

в Херсон византийском императоре Юстиниане II (685-695 и 705-711 гг.). Этот же сюжет повторяет в своем «Бревиарии» патриарх Никифор. События, произошедшие в Крыму и приведшие Юстиниана II к власти, довольно известны, поэтому перейдем непосредственно к интересующему нас фрагменту. Феофан сообщает, что, вернув себе константинопольский престол, Юстиниан II направляет войска в Херсон. Причиной войны стала злоба императора на «херсонитов, босфориан и остальных климатов» (καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων), участвовавших в заговоре против него. Отосланным войскам приказывают уничтожить «всех жителей тех крепостей» [43, р. 377; 50, с. 63-64]. Никифор, в свою очередь, сообщает, что императорские войска были направлены «истребить весь народ в Херсоне, Боспоре и других архонтствах» [50, с. 164; 51, р. 106-107]. И далее – «архонты же тех областей (οἱ δὲ τῶν χωρῶν τούτων ἄρχοντες), поведав о такой молве, как могли укрепились» [50, с. 164-165; 51, р. 106-109].

Итак, пересказывая информацию какого-то общего источника, принадлежащего, возможно, непосредственному участнику тех событий, Никифор и Феофан употребляют два разных термина: ἀρχοντίαι и κλίματα [52, с. 613]. К сожалению, выяснить, какой термин использовал автор первоисточника, не представляется возможным, но важно, что κλίματα Феофана тождественны ἀρχοντίαι Никифора [9, р. 218]. Последний термин у Никифора означает некие области (χωραί), к которым относятся Херсон и Боспор. Главы этих территорий названы в источнике ἄρχοντες, поэтому и области – ἀρχοντίαι.

Обычно ἀρχοντίαι патриарха Никифора, а, соответственно, и κλίματα Феофана, связывают с территориями Крыма, принадлежащими или некогда принадлежавшими Византийской империи [11, с. 28-30; 30, с. 698; 31, с. 263]. К сожалению, источник не предоставляет возможности подтвердить это предположение. В тексте «Бревиария» ἀρχοντίαι встречается лишь однажды. Термином ἄρχων, в свою очередь, называются не только византийские чиновники и военачальники, но и правитель хазар, и чиновники, исполняющие его приказы, и правитель болгар – Тервель [51, р. 100-110]. Кроме того, во время описанных Феофаном и Никифором событий начала VIII в. владения Византии на полуострове ограничивались лишь территорией Херсона [11, с. 30]. Таким образом, термин ἄρχων использовался патриархом Никифором в общем значении – «вождь», «правитель», «начальник», а не в значении официальной византийской должности. Поэтому обозначение тех или иных районов Крыма термином ἀρχοντίαι (κλίματα) не может быть связано с функционированием византийской административной системы в Крыму.

Термин κλίματα используется Феофаном и в других эпизодах хроники. Автор «Хронографии» называет местом ссылки римского папы Мартина и брата императора Льва IV Никифора «Херсон и климаты (Χερσῶν καὶ τοῖς κλίμασιν)» [43 р. 332; 50, с. 60]. В другом фрагменте источника местом ссылки папы Мартина названы «климаты Херсона (τὰ τῆς Χερσῶνος κλίματα)» [43, р.

351; 50, с. 60]. Умер же святой Мартин, по Феофану, в «климатах востока (ἐν τοῖς κλίμασι τῆς ἀνατολῆς)» или, согласно другому списку источника, «в климатах востока или в Херсоне там умерший (τοῖς κλίμασι τῆς ἀνατολῆς ἦτοι ἐν Χερσῶνι ἐκέϊσε τελευτήσας)» [43, р. 347; 50, с. 60].

В этом случае информацию Феофана нельзя сопоставить со сведениями патриарха Никифора, однако можно сравнить с другими источниками. Согласно возможно еще прижизненному Житию папы Мартина, святой был сослан и умер в Херсоне [53, с. 174; 54, col. 860-861]. Похоронили Мартина в храме на расстоянии одного стадия от стен этого города (extra muros Chersonitarum civitatis (urbis)) [54, col. 861; 55, col. 686]. Сам святой Мартин в начале одного из своих писем сообщает о прибытии в Херсон (et Chersonem), а затем неоднократно обозначает место своего нахождения выражением «в этой земле (in hac terra)» [56, col. 201-202]. В другом своем письме из Херсона папа Мартин сообщает, что все живущие «в этой области (in hac regione)» являются язычниками, и их «...нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь» [56, col. 203; 53, с. 178]. Под «живущими здесь», вероятно, подразумевается население города Херсон, а под «этой областью» – окружающие земли. Далее Мартин жалуется, что ни разу не смог купить никаких продуктов, происходящих «из этой страны (de regione ista)» [56, col. 203; 53, с. 178]. Таким образом, для папы Мартина существуют город Херсон и область, страна (regio), в которой он расположен. Вместо термина regio Феофан Исповедник использует греческое κλίματα. Следовательно, выражениями «Херсон и климаты», «климаты Херсона» и «восточные климаты» также обозначается регион, в котором находится город Херсон.

Информация об окружающих город землях содержится в Scholion sive Hupomnesticum, повествующем о Феодоре и Евпрепии, сосланных в то же время, что и папа Мартин, в Херсон. Автор этого источника сообщает, что, пребывая в ссылке, Феодор и Евпрепий часто были отправляемы в качестве послов «в крепости племен, живущих по соседству (in castris gentium ibidem adjacentium)» [52, col. 684]. Именно территории соседствующих с Херсоном различных племен Феофан мог называть Климатами. Следует сказать, что термин κλίματα часто используется для обозначения территорий проживания общин, племен и народов и в других византийских источниках [46, р. 257; 39, р. 60-61, 393-394; 38, с. 119-120; 45, с. 159].

Таким образом, Феофан термином κλίματα, а Никифор – ἀρχονταί могли называть места проживания различного населения Крыма, в том числе принадлежащие общинам «херсонитов» и «босфориан». Территории Херсона и Боспора были знакомы византийцам лучше, чем все остальные, поэтому выделялись среди других земель полуострова. Правитель племени или общины, которой принадлежала та или иная территория, именовался греческими авторами ἄρχων, отсюда ἀρχονταί патриарха Никифора.

Упоминание термина κλίματα относительно территории Крыма встречается в ряде памятников, повествующих о прелюбодеянии византийского императора Константина VI (780-797 гг.) и последовавшей на это реакции в светской и церковной среде. Вкратце, причины конфликта императора и священнослужителей следующие. Константин VI насильно заставил постричься в монахини свою супругу Марию, чтобы жениться на ее кувикуларии (фрейлине) Феодоте. Осудивший Константина VI патриарх Тарасий отказался заключить новый брак. Императору пришлось обратиться к пресвитеру и эконому Константинопольской церкви св. Софии Иосифу, который и совершил венчание.

Эту историю в одном из своих писем вспоминает Феодор Студит. Согласно его сведениям, примеру Константина VI последовали правители в Лонгобардии, Готии и ее Климатах (Γουτφία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς) [23, с. 88]. Здесь термин κλίματα употребляется по отношению к территории Готии. Информация о политическом устройстве Готии близкого Феодору Студиту времени содержится в Житии Иоанна Готского. Этот памятник известен в нескольких рукописях, самая ранняя из которых датируется X в. [57, р. 76]. В этом Житии сообщается о восстании около 790 г. господина Готии и его архонтов (τῷ κυρῷ Γουτφίας καὶ τοῖς ἄρχουσιν αὐοῦ) против хазар [57, р. 81]. Господин Готии, в этом случае, по справедливому предположению К. Цукермана, может быть тем самым правителем или его предшественником, упоминаемым в письме Феодора Студита [9, р. 219]. А архонты – начальниками в Климатах Готии [9, р. 219; 10, с. 211; 11, с. 53-54].

К. Цукерман, опираясь на наблюдение А. И. Айбабина, высказал мнение, что архонты Готии Жития Иоанна Готского – это те же самые правители областей, о которых сообщает патриарх Никифор [9, р. 219; 10, с. 211]. Отсюда исследователь делает вывод, что Климаты – административные дистрикты Готии, обладающие каждый своим правителем (ἄρχων) и крепостью (κάστρον) [9, р. 219]. Вероятнее всего, архонты Жития Иоанна Готского – действительно правители областей Готии [9, р. 219; 10, с. 211; 11, с. 53-54]. В свою очередь отметим, что термином κλίματα в письме Феодора Студита могли быть названы территории племен (общин), проживающих в Горном Крыму, обладающие собственным правителем (ἄρχων) и политически подчиненные господину Готии. Однако использование в рассматриваемых источниках общих терминов не является доказательством того, что ими обозначались одни и те же территории. Например, в сочинениях Феофана и Никифора к числу κλίματα-ἄρχοντια относятся и Херсон, и Боспор, а термином ἄρχων назывались как военачальники и чиновники разных государств, так и их правители.

Основания не ограничивать одной лишь Готией территории, к которым применялся термин κλίματα, предоставляет Житие еще одного константинопольского патриарха – Никифора (806-815), активно боровшегося с «распутным поведением» как среди клириков, так и среди мещан. Автор его Жития

сообщает об игемоне народа (γένους ηγεμοίαν) в Таврических Климатах (ἐν τῷ Ταυρικῶν κλίματων), принуждавшего жену к разводу, чтобы ввести в свой дом любовницу [21, col. 72; 58, p. 67]. Нетрудно заметить, что контекст сообщаемых в Житии патриарха Никифора сведений согласуется с информацией из письма Феодора Студита о прелюбодеянии правителя Готии. Это дает возможность предположить, что в обоих источниках речь идет об одном и том же человеке – правителе Готии. Однако термин κλίματα, в этом случае, используется по отношению ко всей Таврике, т. е. региону, территориально превышающему Готию.

О прелюбодеянии Константина VI повествует и автор «Жития Феодора Студита». Известны две редакции этого памятника (Житие А и Житие В), опубликованные Минем [20; 59, с. 222]. Еще один вариант Жития издал В. В. Латышев [60, с. 255-304]. В ранней редакции источника (Житие В) сообщается, что недостойному примеру Константина VI последовали в отдаленных странах: «король (ῥήξ) Лонгобардии, Готии и Боспора топарх (τοπάρχης)». Прелюбодеяние последних двух вызвало осуждение у живущих в Климатах областей Херсона и Боспора епископов и пресвитеров (οἱ γὰρ ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας ἐπίσκοποι καὶ πρεσβύτεροι) [20, col. 252-253]. В более поздней редакции этого памятника (Житие А) и изданном В. В. Латышевым варианте сообщается об осуждении со стороны епископов и пресвитеров Херсона, Боспора и окружающих мест (κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον καὶ πέριξ τόπους ἐπίσκοποι τε καὶ πρεσβύτεροι) [20, col. 140; 60, с. 269]. Из сопоставления приведенных источников следует, что термин κλίματα употреблялся по отношению к областям Херсона, Боспора и окружающим местностям, т. е. всему христианскому Крыму, осудившему поведение правителей Готии и Боспора.

О епископах и пресвитерах каких местностей может говориться в Житии Феодора Студита? В одном официальном церковно-административном документе, составленном в близком к событиям Жития времени, кроме епархий Херсона и Боспора, упомянута еще и Сугдейская епархия. Кроме этого, отдельно выделена Готская митрополия со столицей в городе Дорос. Применительно к последней области в источнике помещена приписка, уточняющая местоположение некоторых епархий. Согласно этому документу, получившему в историографии название Нотиции Де Бора, в конце IX в. в Крыму находились епископы Херсона, Боспора, Сугдеи, Готии и Хотциров [18, s. 231-232, 245].

Если функционирование на рубеже IX-X вв. Готской митрополии и епископа Хотциров другими источниками не подтверждается, то сведения о существовании епископов Готии и Сугдеи есть. Под протоколами II Никейского собора (787 г.) поставлены подписи Стефана, «недостойного епископа города Сугдейского» и наместника епископа Готии монаха Кирилла [10, с. 209; 61, с. CLXIII]. Епископы Готии Иоанн и Сугдеи Стефан, жившие в VIII в., также

известны благодаря агиографическим памятникам [62, р. 94-107; 6, с. 351-427; 61, с. 72-98]. Следовательно, живущие в Климатах священнослужители, осудившие прелюбодеяния правителей Готии и Боспора, могли принадлежать к епархиям Херсона, Боспора, Готии и Сугдеи.

Любопытно отметить, что, согласно сведениям Жития Стефана Сурожского, Сугдея во второй половине VIII в. находилась под политическим господством Хазарского каганата, но управлялась при этом представителями местной знати [63, с. 441]. Автор церковно-славянского варианта Жития называет этого правителя «князь», а армянского – «ишхан» (□□□□) [61, с. 95; 62, р. 102-105, 96-97]. Оба термина, вероятно, являются аналогом греческого ἄρχων [о □□□□ см.: 64, с. 461]. Таким образом, округ Сугдеи (город и соседние деревни) вполне может соответствовать понятию κλίματα-ἀρχοντίαι.

Возвратимся к сведениям источников о последствиях прелюбодеяния Константина VI. Авторы всех трех представленных памятников, рассказывая, в целом, об одних и тех же событиях, употребляют термин κλίματα по отношению к разным территориям. Климатами назывались, в одном случае, территории области Готии, в другом – Таврики, в третьем – местности всего христианского Крыма.

Важную информацию в свете изучаемой проблемы предоставляет византийский император Константин Багрянородный. В первой же главе трактата «Об управлении империей» он сообщает о народе пачинакитов (печенегов), соседствующем с регионом Херсона (τῷ μέρει τῆς Χερσῶνος). По словам императора, вражда с ними может привести к разорению и самого Херсона, «и так называемых Климатов» (τε τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλίματα) [65, с. 36-37]. И далее, в главе «О крепости Херсон и крепости Боспор» император пишет, что аланы могут нападать на хазар при переходах к «Саркелу и Климатам и Херсону» (τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα). Поэтому хазары опасаются выступить на «Херсон и Климаты» (τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς κλίμασι), благодаря чему «и Херсон и Климаты» (τε Χερσῶνι καὶ τὰ κλίματα) могут жить в мире [65, с. 52-53]. Таким образом, для Константина Багрянородного, также как и ранее для Феофана Исповедника, регион (μέρος) Херсона состоит из собственно города и окружающих его Климатов.

Такая же ситуация наблюдается при описании Константином Багрянородным земель, расположенных от северной Греции до кавказского побережья Черного моря. Важно, что источником при написании этой главы трактата, скорее всего, служило какое-то географическое сочинение или карта. Руководствуясь этим источником, император сообщает, что «от Херсона до Боспора расположены крепости Климатов» (ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου εἰσὶν τὰ κάστρα τῶν κλιμάτων) [65, с. 174-175]. И далее – «древние» прорыли канал и отгородили всю «землю Херсона и Климатов и землю Боспора» (τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν κλιμάτων καὶ τῆς Βοσπόρου γῆν) [65, с. 170-171, 174-

175]. Согласно приведенным сведениям, территория Крымского полуострова состоит из двух земель. При этом Херсон и Климаты опять упоминаются как одна область.

Немного сложнее установить значение термина κλίματα в главе трактата, рассказывающей о печенегах. Константин Багрянородный сообщает о территориях четырех родов этих кочевников, расположенных по направлению к «краям (странам) более восточным и северным (τὰ ἀνατολικώτερα καὶ βορειότερα μέρη) напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов (τὰ λοιπὰ κλίματα)» [65, с. 156-157]. «Прочими Климатами» могли называться другие «края (страны)», по направлению к которым располагались печенежские роды. Термины τὰ κλίματα и τὰ μέρη в других византийских источниках иногда выступали как синонимы [34, р. 667; 66, с. 226, 232; 67, р. 139, 146; 43, р. 304]. С другой стороны, под выражением «прочие Климаты», вероятно, подразумевались территории, расположенные в том же регионе, что и Херсон. В. Е. Науменко предположил, что в число «прочих Климатов» мог входить и Боспор [30, с. 697]. Действительно, в этой же главе Константин Багрянородный пишет, что Пачинакия (страна печенегов) очень близка к Херсону, а к Боспору еще ближе [65, с. 156-157]. Однако в другом своем труде – «О фемах» – император сообщает, что в древности Херсон не был фемой и столицей, но кто владел Боспором, тот распоряжался «и самим Херсоном и прочими Климатами» (καὶ Χερσῶνος αὐτῆς, καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων) [68, col. 137; 69, с. 30]. Мы видим, что Херсон и Климаты снова выступают как отдельный регион, подчиненный в древности правителю Боспора.

Приведенные фрагменты трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» позволяют сделать следующие выводы. Территорию Крымского полуострова император делит на два региона: землю Херсона и Климатов и землю Боспора. Вместо «крепостей племен, живущих по соседству» Херсона Scholion sive Нуромнестicum Константин Багрянородный сообщает о «крепостях Климатов». Таким образом, Климаты – общее наименование местностей, окружающих территорию Херсона и составляющих с ним один регион. Частые опасения императора по поводу безопасности Климатов указывают на их вхождение в сферу интересов Византийской империи.

В последний раз относительно территорий Таврики термин κλίματα употребляется автором Жития Евгения Трапезундского. Контекст, в котором встречается этот термин, следующий. В 1223 г. корабль, перевозивший собранные с Херсона и тамошних Климатов Готии (τῶν ἐκεῖσε κλιμάτων Γοτφίας) ежегодные подати императору Трапезундской империи и сопровождающих должностных лиц, был выброшен на берег. Этим воспользовались жители Синопа, захватившие и груз, и чиновников. Не удовлетворившись такой добычей, правитель Синопа направляет эскадру военных кораблей в Херсон и разоряет его земли (χώρας). Этот инцидент вызывает реакцию со стороны Трапезундской

империи. Ее войска и флот окружают Синоп и заставляют вернуть как потерявший крушение корабль с грузом и людьми, так и награбленное в Климатах Херсона ($\tau\tilde{\omega}\nu$ κλίματα $\omega\tilde{\nu}$ Χερσῶνος) [24, p. 310-313].

В источнике Херсон и Готия выступают как две местности, из которых Трапезундской империи поступают ежегодные подати. Нетрудно заметить, что в данном случае последующему нападению и разграблению подверглась только территория Херсона, обозначаемая в источнике термином $\chi\omega\rho\alpha\varsigma$ и его синонимом κλίματα. Таким образом, термин κλίματα употребляется автором Жития Евгения Трапезундского по отношению как к Херсону, так и к Готии в значении «территория», «область».

Обратимся теперь к сведениям немногочисленных официальных источников. Стратиг Климатов упомянут в византийской табели о рангах 842-843 гг. [70, s. 49]. Этот документ, известный также как «Тактикон Успенского», является официальным списком титулов и должностей Византийской империи [37, p. 2007]. Стратиг Климатов носил титул патрикий и замыкал перечень правителей фем империи [70, p. 48-49].

Еще один вид официальных источников – моливдовулы. Сначала И. В. Соколова, а затем Е. В. Степанова опубликовали печати, в легенде которых, по их мнению, присутствует термин κλίματα [71, с. 93; 72, с. 149-150; 73, p. 54; 74, с. 305]. Все печати плохой сохранности и датируются IX в. [73, p. 54; 75, p. 182]. Помещенный в легенде топоним дошел до сфрагистов фрагментарно, что послужило причиной разночтений. И. В. Соколова предположила, что первая печать принадлежит стратигу « $\tau\tilde{\omega}\nu$ Κλίματα $\omega\tilde{\nu}$ τῆς Χερσῶνος» [72, с. 149-150]. Издатели первого тома каталога Дамбартон Окс расшифровывают эту надпись несколько по-иному – « $\tau\tilde{\omega}\nu$ Κλίματα $\omega\tilde{\nu}$ Χερσῶνος» [75, p. 182]. С этим вариантом, уже в отношении обоих моливдовулов, согласилась и Е. В. Степанова [73, p. 54]. Иное прочтение легенды печати, опубликованной И. В. Соколовой, предложил К. Цукерман – « $\tau\tilde{\omega}\nu$ Κλίματα $\omega\tilde{\nu}$ καὶ Χερσῶνος» [9, p. 221]. И. А. Баранов вообще усомнился в присутствии в надписи термина κλίματα [76, с. 142].

Надпись κλίματα зафиксирована еще на одной печати, принадлежащей неизвестному чиновнику « $\tau\omega\nu$ Πέντε Κλίματα $\omega\tilde{\nu}$ » [75, p. 182]. На этом памятнике впервые указано количество Климатов. Ни в одном другом письменном источнике не только ни разу не указывается какое-либо количество таврических Климатов, но и ни одна область не названа κλίμα. Для территорий полуострова термин κλίματα использовался как общее понятие, а не в значении официальной административной единицы, что, скорее, характерно для других регионов Византийской империи [77, p. 90; 78, p. 62, 65-66, 68-69; 79, p. 640; 80, с. 87]. Также остается неизвестным как место, из которого происходит печать, так и должность ее владельца. Тем не менее, принято считать, что моливдовул относится к крымским владениям Византии. На это указывает присутствие в легенде термина κλίματα, встречающегося в названии фемы только в

Крыму, и дата печати – первая половина IX в., совпадающая со временем учреждения византийского административного округа на полуострове.

Все рассмотренные официальные документы сообщают разные названия византийской фемы, учрежденной при императоре Феофиле. К сожалению, источники не позволяют определить ее границы, что стало причиной оживленной дискуссии. Некоторые исследователи полагают, что первоначально город Херсон не входил в византийскую фему. Власть стратига распространялась исключительно на Климаты, что и нашло отражение в названии фемы [72, с. 114-115]. Аргументом в пользу такого предположения могут служить сведения нарративных источников, авторы которых обычно отделяют Херсон от Климатов. Однако такая гипотеза противоречит информации других письменных памятников. Константин Багрянородный и Продолжатель Феофана недвусмысленно указывают, что стратиг отправлялся непосредственно в Херсон. Более того, местные протевон и архонты должны были подчиняться власти стратига [65, с. 173; 81, с. 56].

В. Е. Науменко, в свою очередь, предположил, что в фему Климатов Тактика Успенского входили (реально или номинально) горные и приморские области Крыма, в том числе Херсон и Боспор [30, с. 698; 31, с. 263]. Исследователь основывается на практике употребления термина κλίματα в нарративной литературе (Феофан, Константин Багрянородный) и совпадении числа Климатов на печати неизвестного чиновника «*του Πέντε Κλίματα*» с количеством церковно-административных округов в Крыму к началу X в. [31, с. 263]. Приведенные нами выше сведения византийских источников указывают, что термином κλίματα называли места проживания различных племен (общин) полуострова. Название «*Πέντε Κλίματα*» могло отражать количество округов, на которые реально распространялась власть византийского стратига, а не название географической области. В двух случаях (Феофан Исповедник и Житие Феодора Студита) контекст источника действительно позволяет включить в число Климатов территорию города Боспор. Однако в большинстве случаев термин применялся по отношению к окружающим город Херсон местностям. У Феофана Исповедника и Константина Багрянородного Климаты помещались в том же регионе, что и сам город. Этот же край подразумевает и автор Жития патриарха Никифора под названием «Таврические Климаты» [21, col. 72; 58, p. 67]. Согласно сведениям Константина Багрянородного, лучше церковных авторов знакомого с географией Крыма, территория Боспора отделялась от земли Херсона и Климатов. Следовательно, «*Κλίματα*», «*Κλίματα τῆς Χερσῶνος*» (Κλίματα Χερσῶνος или Κλίματα καί Χερσῶνα) в официальных источниках, вероятнее всего, назывался регион, в котором располагался город Херсон и была учреждена византийская фема.

Прямых сведений о границах этого региона в источниках нет, поэтому возможно лишь привлечение косвенных данных. Одним из вариантов определения

пределов региона Климатов может быть установление этимологии этого названия. Начиная со второй половины XIX в., исследователи не раз предпринимали попытки объяснить причины частого использования термина κλίματα применительно к территории Крымского полуострова [4, с. 239; 5, с. 74; 7, с. 195; 32, с. 70-71]. Наиболее обоснованным представляется предположение, высказанное А. Куником, что выражение κλίμα ὄρων означает «склон горы». Отсюда слово κλίμα было перенесено на край или область, расположенную под горами, а потом и на любую область или округ [5, с. 74]. Эта идея нашла поддержку у В. Г. Васильевского, по мнению которого такое название могло закрепиться за территорией между Херсоном и Боспором, в частности за южным берегом Крыма [7, с. 195, 200]. О. Н. Трубочёв предположил, что местное (таврическое, индоарийское) название Крымских гор звучало как sala. Этот термин означал «склон» и являлся аналогом появившегося позже греческого κλίμα. Исходя из этого, исследователь сделал вывод, что название κλίματα распространилось на область расселения тавров, т.е. Крымские горы [33, с. 84, 267].

Действительно, греческий термин κλίμα происходит от κλίω – «склон», «уклон», «покатость» [82, S. 873-874]. Значение «склон» является исходной базой для образования более сложного значения «гора», которое как нельзя лучше характеризует не только местности южного побережья, но всего Горного Крыма [33, с. 85]. Стоит отметить, что в схожем значении «склон» термин κλίματα употребляется и в других византийских источниках [7, с. 196; 39, p. 78; 43, p. 304; 44, p. 393-394; 46, p. 135; 47, p. 212; 67, p. 139; 77, p. 89; 78, p. 69].

Таким образом, термином κλίματα в нарративных источниках могли обозначаться территории, принадлежащие различным племенам (общинам), населяющим Крым. Среди таких местностей византийские авторы называли именами собственными земли городских общин Херсона и Боспора. Остальные территории, расположенные в Горном Крыму, получили собирательное наименование Климаты. Нарративные и официальные источники середины IX в. свидетельствуют, что византийцы сохранили традицию локализовать Херсон в Горном Крыму. При этом топоним Климаты («Таврические Климаты», «восточные Климаты», «Херсонские Климаты», «Херсон и Климаты» и т.д.) заменил название Таврика, применявшееся ранее для обозначения этого же региона.

СПИСОК ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харитонов С.В. О средневековом письменном памятнике «Записка готского топарха» в связи с результатами археологических исследований Эски-Кермена и его округа // Археологические вести. 2003. № 10.
2. Ševcenko I. The Date and Auther of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // Byzantium and the slavs in letters and culture. Cambridge; Napoli, 1991.
3. Медведев И.П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003.

4. Брун Ф. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России // Черноморье. Одесса, 1880. Ч. II.
5. Куник А. О записке готского топарха // ЗАН. 1874. Т.24. Кн.1.
6. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т.II. Вып.2.
7. Васильевский В.Г. Записка греческого топарха // Труды. СПб., 1909. Т.II. Вып.1.
8. Вестберг Ф. Записка готского топарха // ВВ. 1910. Т. XV. Вып. 1-3.
9. Zuckerman С. Two notes on the early history of the thema of Cherson // ВМГС. 1997. Vol. 21.
10. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
11. Айбабин А.И. На северной границе Византии: страна Дори-Готия в VI-X вв. // Орієнтальні студії в Україні. Київ, 2010.
12. Aibabin A. On Byzantium's Northern Border: The Rural Population of the Mountainous Crimea in the 6th to 9th centuries // Les Villages dans l'Empire Byzantin (IV-XV s.). Lethielleux, 2005.
13. Могаричёв М.Ю., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
14. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.
15. Храпунов Н.И. О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2.
16. Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСб. 1998. Вып. IX.
17. Божилев И. Анонимът на Хазе. България и Византия на долни Дунав в края на X век. София, 1979.
18. Darrouzès J. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
19. Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // ЗООИД. 1883. Т.13.
20. Theodori Studitae. Opera omnia // PG. 1903. Т. 99.
21. Vita Sancti Nicephori ex Actis Sanctorum Bollandianis // PG. 1865. Т. 100.
22. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1.
23. Theodori Studitae. Epistulae. Berlin, 1991. Vol. 31/1-2.
24. The Hagiographic dossier of Saint Eugenios of Trebisond in Codex Athous Dionisias 154/ Introduction, translation, commentary and indexes by J.O. Rosenqvist. Uppsala, 1996.
25. Успенский Ф.И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX-X вв. // Киевская Старина. 1989. Т. XXV.
26. Бурачков П. О Записке готского топарха // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 192.
27. Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. // Памятники Христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3.
28. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. №17.
29. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая пол. VI – первая пол. X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч.1.
30. Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
31. Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. 2007. Вып. XVI.

32. Байер Х.-Ф. История крымских готов. Екатеринбург, 2001.
33. Трубочёв О.Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 1999.
34. Du Gange G. *Glossarium ad scriptores mediae et intimae graecitatis*. Graz, 1958. Vol. 1-2.
35. *A Greek-English Lexicon / Comp. H.D. Liddell, R. Scott*. Oxford, 1996.
36. Lampe G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, 1968.
37. *The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan*. New York; Oxford, 1991. Vol. 1-3.
38. Пасхальная хроника / Пер. и ком. Л.А. Самуткина. СПб., 2004.
39. *Chronicon Paschale / Ed. B.G. Niehuhr*. Bonn, 1832. Vol. 1.
40. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851.
41. *Sozomenus. Historia ecclesiastica // PG*. 1864. Т. 67.
42. *The Chronicle of Theophanes Confessor / Transl. by C. Mango, R. Scott*. Oxford, 1997.
43. *Theophanis. Chronographia / Ed. C. de Boor*. Hildesheim, 1963. Vol. 1.
44. *Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt / Rec. Imm. Bekkeri, B.G. Niebuhrii C.F. Bonnae*, 1839.
45. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
46. *Theophylacti Simocattae. Historiae / Ed. C. De Boor*. Stuttgart, 1972.
47. *Corpus Iuris Civilis. Berolini*, 1895. Vol. III.
48. Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.
49. *Socrates. Historia ecclesiastica // PG*. 1864. Т. 67.
50. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
51. *Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, translation and commentary by C. Mango*. Washington, 1990. Vol. XIII.
52. Афиногенов Д.Е. Источник рассказа о крымских событиях 705 и 711 гг. в «Хронографии» Феофана Исповедника // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2.
53. Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991.
54. *Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversaries in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae // Mansi J. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Florentia, 1764.
55. *Scholion sive Hypomnesticum // PL*. 1853. Vol. 129.
56. *Sanctus Martinus I, Romanus Pontifex. Epistolae // PL*. 1851. Vol. 87.
57. *Auzépy M-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
58. *Byzantine Defenders of Image: eight saints lives in English translation / Ed. by A.-M. Talbot*. Washington, 1998.
59. Латышев В.В. Житие преподобного Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467 // ВВ. 1914. Вып. 21.
60. *Latyshev V. Vita S. Theodori Studitae in codice Mosquensi musei Rumianzoviani n° 520 // ВВ*. 1914. Вып. 21.
61. Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования // Труды. 1915. Т. 3.
62. *Vozoyan A. La Vie Arménienne de Saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
63. Никифоров М.А. К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVI.

64. Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции, и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. М., 1838. Ч. 1.
65. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1991.
66. Никита Хониат. Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли / Пер. с греч. П.И. Жаворонкова // Византийские очерки. М., 1991.
67. Nicetae Choniatae. Orationes et Epistulae / Rec. J.-L. van Dieten. Berlin, 1973. Vol. III.
68. De Thematibus Orientis et Occidentis // PG. 1864. Т. 113.
69. Константин Багрянородный. Об областях Римской империи // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 3 (июль-сентябрь).
70. Oikonomides N. Les listes de présénance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
71. Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // Сборник рядова Византолошкогo института. 1978. Вып. XVIII.
72. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
73. Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6.
74. Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судакe в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2.
75. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991. Vol. 1.
76. Баранов И.В. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 2003. Вып. III.
77. Notitiae Graecae Episcopatum // Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae Episcopatum / Ex rec. G. Parthey. Berolini, 1866.
78. Le Synekdèmos d'Hiérokès et l'opuscule géographique de Georges de Chypre / Ed. E. Honigmann. Brussels, 1939.
79. Vetera Romanorum Itineraria sive Antonini Augusti Itinerarium, Itinerarium Hierosolymitanum et Hieroclis Grammatici Synecdemus. Amstelaedami, 1735.
80. Хиерокъл // Гръцки Изфори за Българската история. 1958. Т. 2.
81. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. Н.Я. Любарского. СПб., 1992.
82. Frisk H. Griechischen etymologischen Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Band I.

Никифоров М. А.

Таврические Климаты византийских источников

Резюме

Статья посвящена проблеме интерпретации термина κλίματα, употребляемого византийскими авторами по отношению к территориям Крымского полуострова, и определению границ области Климатов. Анализ и сопоставление нарративных источников позволяют

выдвинуть предположение, что термином κλίματα в них могли обозначаться территории, принадлежащие различным племенам (общинам), населяющим Крым. Среди таких местностей византийские авторы называли именами собственными земли городских общин Херсона и Боспора. Остальные территории, расположенные в Горном Крыму, получили собирательное наименование Климаты. Нарративные и официальные источники середины IX в. свидетельствуют, что византийцы сохранили традицию локализовать Херсон в Горном Крыму. При этом топоним Климаты («таврические Климаты», «восточные климаты», «Херсонские климаты», «Херсон и климаты») заменил название Таврика, применявшееся ранее для обозначения этого же региона.

Никифоров М. А.

Таврійські Клімати візантійських джерел

Резюме

Статтю присвячено проблемі інтерпретації терміну κλίματα, що вживається візантійськими авторами по відношенню до територій Кримського півострова, і визначення кордонів області Кліматів. Аналіз і зіставлення наративних джерел дозволяють висунути припущення, що терміном κλίματα в них могли позначатися території, що належали різним племенам (громадам), які мешкали в Криму. Серед таких місцевостей візантійські автори називали іменами власними землі міських громад Херсона та Боспора. Решта територій, розташованих в Гірському Криму, отримали збірне найменування Клімати. Наративні й офіційні джерела середини IX ст. свідчать, що візантійці зберегли традицію локалізувати Херсон у Гірському Криму. При цьому топонім Клімати («таврійські Клімати», «східні климати», «Херсонські климати», «Херсон і климати») замінив назву Таврика, що застосовувалася раніше для позначення цього ж регіону.

Nikiforov M. A.

Tauric Klimatas in Byzantine Sources

Summary

The article is devoted to the problem of interpretation of the term κλίματα used by Byzantine authors concerning the territories of the Crimean peninsula and determining the frontiers of the territory of Klimata. The analysis and correlation of narrative sources enable us to put forward a hypothesis that the term κλίματα might have determined the territories which belonged to different tribes (communities) who settled in the Crimea. Byzantine authors called areas of city communities of Cherson and Bosphorus with proper names. Other territories situated in the mountainous Crimea got the generalized name *Klimatas*. Narrative and official sources dating to the mid-9th century testify to the fact that the Byzantines reserved the tradition to locate Cherson in the mountainous Crimea. The toponym *Klimatas* (“Tauric Klimatas”, “Eastern Klimatas”, “Cherson Klimatas”, “Cherson and Klimatas”, etc.) substituted the name *Taurica* which was used earlier to identify the same region.

Е. А. ХВАЛЬКОВ

**СВИДЕТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА В 1430-е гг.
В ИТАЛЬЯНСКИХ НОТАРИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ**

Нотариальные акты, составленные в венецианских и генуэзских факториях Северного Причерноморья, давно и не без основания привлекают внимание исследователей, являясь одним из ключевых источников по экономической, политической и социальной истории данного региона. Эти материалы делают возможным изучение различных аспектов истории итальянских поселений в Причерноморье; вместе с тем, они позволяют закрыть многие белые пятна в истории Византии, Руси, Золотой Орды, Балкан и Западной Европы. Целью настоящей статьи является публикация документа, составленного в венецианской фактории в Тане (современный г. Азов) в 1431 г.

Фактория в Тане занимала значительное место в системе международной торговли Венецианской республики, будучи одним из двух (наряду с Трапезундом) венецианских опорных пунктов в Причерноморье. Нижнее Подонье, где была расположена Тана, было важным регионом для торговли Европы, Романии и Леванта с Индией и Дальним Востоком, куда можно было отправляться через него по суше. Венецианцы и генуэзцы быстро обратили внимание на городок Азов (татарское название – Азак) и, по крайней мере, с XIII в. начали плавать в Азовском море [1, с. 98]. Выгоды географического положения Таны заключались в том, что, с одной стороны, она глубоко вдавалась в территорию Юго-Восточной Европы, и, с другой стороны, водные пути по Средиземному, Черному и Азовскому морям через Тану ближе всего подходили к Поволжью. Через степи Золотой Орды дороги шли к городам на Нижней Волге и к берущим отсюда начало торговым магистралям в регионы Средней Азии и Дальнего Востока [2, с. 435-484; 3, с. 103].

Прежде всего, следует сказать несколько слов о характере использованного нами источника. Имбревиатура завещания, составленного венецианским нотарием Николо де Варсисом (Nicolaus de Varsis) в Тане в 1430–1440 гг., хранится в Государственном архиве Венеции (Archivio di Stato di Venezia)

в фонде *Notarili Testamenti*, busta 750, folio 28v¹. В целом на данный момент выявлено 1194 венецианских акта, составленных в Тане тридцатью четырьмя известными по имени нотариями Республики св. Марка. Поздние акты, в отличие от более ранних, сохранились, как правило, не в виде инструментов, а в виде имбревиатур².

Сохранность текста удовлетворительна, но весьма далека от идеальной, присутствуют повреждения от влаги, затрудняющие чтение. Строки идут горизонтально, поля средние, расстояние между строками – примерно полторы ширины строки. Документ написан беглым нотариальным курсивом XIV–XV вв. Впрочем, при этом надо отметить, что у Николо де Варсиса имеются черты позднеготического итальянского письма. Почерк Варсиса – аккуратный, регуляризированный. Корабельные писцы (скрибы) часто служили помощниками нотариам и иногда сами имели нотариальное образование, но Варсис, видимо, чаще всего не пользовался их услугами, или же (если допустить, что все его акты написаны не его рукой) прибегал к услугам одного писца. Имбревиатура изобилует контракциями³. Нотарий стандартно сокращает слоги с «n» и «g», падежные окончания и пр. Иногда имеет место тенденция к обособлению первой буквы слова. Выносные части букв «l», «b», «v» довольно длинные. Степень отредактированности записей Варсиса в целом невысока, налицо небрежности, исправления, зачеркивания, вставки между строк и вынесение целых фраз на поля. Документ начинается со стандартной инвокации (*In nomine Dei Eterni*). Дата и место выписаны в начале акта. Нотариальная скрепа⁴ Варсиса представляет собой вертикально вытянутый ромб, увенчанный крестом и разделенный на четыре части, в левой и правой из которых, соответственно, латинские буквы «n» и «d».

---

¹ Автор выражает искреннюю благодарность чл.-корр. РАН проф. С. П. Карпову, выявившему документы в Венецианском архиве, за все предоставленные в распоряжение автора фотокопии архивных материалов и Б. А. Макееву за проверку транскрипций документов.

² *Instrumentum* – основной текст нотариального документа с подписями свидетелей и нотариальной скрепой, имевший полную юридическую силу и, как правило, остававшийся на руках у клиентов нотариуса. *Imbreviatura* – текст документа (часто в большей или меньшей степени сокращенный, особенно в части формул), записывавшийся нотариусом в специальную книгу или тетрадь и – в случае с заморскими факториями – увозимый им в метрополию по окончании срока службы. Именно этим объясняется большая сохранность имбревиатур. Следует отметить, что во многих документах Варсиса (как и некоторых других нотариусов той эпохи) нотариальная скрепа выведена и на имбревиатурах, а имена свидетелей и их подписи присутствуют почти на всех, что приближает их в смысле юридической силы к оригиналам документов.

³ Контракции – более или менее стандартные сокращения слов или частей слова (падежных окончаний и пр.), обозначаемые специальными знаками.

⁴ Индивидуальный знак нотариуса.

Подписи свидетелей внесены их рукой, а имена продублированы рукой нотариуса в конце документа⁵.

Акт написан канцелярским языком на латыни с использованием некоторых итальянизмов. Сильное влияние итальянских диалектов на латынь становится общей чертой, характерной для языка всех итальянских нотариусов уже с середины XIV в. [4, с. 22]. Язык профессиональной деятельности Варсиса подвергся не самому сильному влиянию диалекта, однако его латынь далеко не безупречна, в связи с чем можно говорить о языковой интерференции – влиянии родного языка на канцелярский. Поскольку венецианские нотариусы XV в. составляли документы как на латыни, так и на диалекте, то грани между родным языком и языком, использовавшимся в профессиональной деятельности, могли стираться [5, с. 41].

Орфография актов Варсиса не упорядочена. Под влиянием венецианского диалекта изменяются, хотя нерегулярно, корни некоторых лексем. Появление буквосочетания «ch» вместо «c» связано с утратой в итальянских диалектах фонетического соответствия букве h; «ch» читается как [k] перед закрытыми гласными. В различных документах Варсиса время от времени встречается как утрата двойных согласных (симплификация геминат), так и их введение, не предусмотренное правилами латинской орфографии (геминация), а также эпентеза (появление лишних букв) и замена «s» на «x» в интервокальной позиции (charehea в публикуемом акте; в качестве примеров из других документов можно привести: *Vaxilius* вместо *Vasilius*, *Trivixanus* вместо *Trivisanus*). Разное написание одних и тех же имен у Варсиса (впрочем, как и у большинства других нотариусов) – скорее норма, чем исключение: так, в начале документа завещатель фигурирует с идентификатором «*de Cerso*», ниже в тексте завещания (конкретнее, в *intitulatio*) – «*de Chersso*».

Ниже приводится транскрипция латинского текста документа с его переводом на русский.

Archivio di Stato di Venezia, Notarili Testamenti, 750, f. 28v.

23 января 1430 г. (=1431 г.)

Завещание Антонио из Херсона, уроженца прихода св. Севера в Венеции.

Testamentum Antonii de Cerso de confinio sancti Severi. In nomine Dei Eterni, amen. Anno ab incarnatione Domini nostri Ihesu Christi MCCCCXXX mensis Ianuarii die XXIII indictione nona in Tana. Cum vox prophetica intonuerit dicens

⁵ Как правило, венецианские имбревиатуры отличаются от инструментов отсутствием оригинальных подписей свидетелей и нотариуса, а практика ставить подпись под каждой имбревиатурой более характерна для нотариусов Тосканы. В то же время во многих документах Варсиса есть и оригинальные подписи свидетелей и нотариуса, и нотариальная скрепа. Эти имбревиатуры по форме и содержанию близки к инструментам.

«dispone domui tue quia morieris tu et non vives», quapropter ego Antonius de Chersso de confinio sancti Severi de Venetiis ad presens in Tana mente et intellectu sanus quamquam corporea infirmitate pregravatus, volui hoc meum esse ultimum testamentum quod scribi iussi manu presbyteri Nicolai de Varsis Venetiarum notarii et Tane capelani. In quo quidem constituo et meum esse vollo fidei commissarium solum ser Marcum de Modrusia compatrem meum et executorem mee ultime voluntatis. Interogatus a notario de postremis respondi non habere uxorem. Residuarium omnia bonorum meorum videlicet rerum que remanserunt in signorie Venetiis in domo Federici Scaletarii in contrata sancti Severi pro ducatos quatuor [...] 32. Et primo una toga de morelo suffulta de rubeo, et clamis una de morelo, dupla de morela et gonela 1 de viride suffulta, panno albo et capuzium unum blancum et chalige solate de charexea albe ac diploidem unam de panno rubeo et diploidem unam de charexea album et facistergium unum cum cartibus de siricho et ducenam unam scutelarum de Valentia et alique litere aliquorum meorum debitorum que suprascripte res sunt in manibus dicti Federizi ut apparet quadam zedula manu venerabilis viri domini presbyteri Felicis sancti Iohannis Novi et omnium aliorum bonorum michi quorumcumque spectantium omni modo, via, iure et forma dimitto predictum Marcum de Modrusia compatrem et commissarium meum cum hac condicione quod de denariis quos habere debeo a dictis meis debitoribus dimittere debeat terciam partem illorum pro anima mea et quod dicto compatri et commissario meo anima mea sibi sir recommendata. Preterea etc. Ego Iacobus Tome almiratus testis subscripsi. Ego Lucas Nigro testis subscripsi. Ego presbyter Nicolaus de Varsis, Venetiarum notarius et egregii viri nobilis domini Hermolai Pisano Tane vizeconsulis capelanus complevi et roboravi. Testes: ser Iacobus Thome armiratus in Tana, ser Luchas Nigro balistarius.

Завещание Антонио де Керсо, из прихода св. Севера. Во имя Бога Вечно-го, аминь. В год от Воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1430, в месяце январе, в день 23, в Тане. Поскольку пророк говорит громогласно «сделай завещание для дома твоего, ибо умрешь ты и не выздоровеешь»⁶, я, Антонио де Керсо, из прихода святого Севера в Венеции, в настоящее время находясь в Тане, в здравом уме и рассудке, однако будучи обременен телесным недугом, пожелал, чтобы это было моим последним завещанием, и распорядился, чтобы оно было написано рукою Николо де Варсиса, венецианского нотариа и капеллана Таны. В нем же⁷ я определяю и желаю, чтобы моим единственным фидеикомиссаром и исполнителем моей последней воли был мой соотечественник сер Марко из Модрусии⁸. На вопрос нотариа о потомках я ответил, что

⁶ 2Цар. 20:1. Перевод дан по Синодальному изданию.

⁷ Т.е. в завещании.

⁸ Очевидно, имеется в виду Модруш (Modruš), ныне Хорватия, Карловацкая жупания, недалеко от Йосипдола. Ныне Модруш – небольшая деревня, однако в XV веке поселение,

не женат. Все остальное мое имущество⁹, а именно те вещи, которые находят-ся в венецианской синьории¹⁰ в доме Федерико Скалетари в приходе святого Севера за четыре дуката [...] 32 ...во-первых, одну черную тогу с красной подкладкой, одну черную хламиду, одну черную одежду с подкладкой, одну зеленую гоннеллу с подкладкой, белое сукно и один белый головной убор, и сапоги с подметками из белого керси¹¹, и одну одежду с подкладкой из красно-го сукна, и одну одежду с подкладкой из белого керси, и одну штуку шелка с орнаментом, и две сотни щитов из Валенсии, и некоторые из моих долговых расписок, каковые вышеуказанные вещи находятся в руках вышеназванного Федерико, как явствует из записи, некогда сделанной рукою достопочтенного господина пресвитера Феличе из прихода Сан-Джованни-Нуово, и [остаток¹²] всех прочих имуществ, которые перешли бы ко мне в будущем каким бы то ни было способом, путем, правом и образом я оставляю вышеуказанному Марко из Модрусии, моему соотечественнику и комиссару, с тем условием, чтобы из денег, которые мне причитаются от моих вышеназванных должни-ков, он должен будет оставить третью часть их за упокой моей души, и что пусть будет попечение об упокоении моей души поручено моему вышеуказан-ному соотечественнику и комиссару. Далее ... и пр.¹³ Я, свидетель Джакомо Томе, капитан, подписал. Я, свидетель Лука Нигро, подписал. Я, пресвитер Николо де Варсис, венецианский нотариус и капеллан достойного и благородно-го мужа господина Эрмолао Пизани, вицеконсула Таны, выполнил и скрепил. Свидетели: сер Джакомо Томе, адмирал¹⁴ в Тане, сер Лука Нигро, баллистарий.

При восстановлении хронологии следует помнить, что год в Венеции на-чинался с 1 марта; соответственно «23 января 1430 года» в нотариальном акте обозначает, что документ был составлен 23 января 1431 года по нашему

очевидно, находилось в зените, о чем может свидетельствовать перенос туда Крбавской епископской кафедры в 1460-е гг. (диоцез был известен под именем Senj-Modruš).

⁹ Досл.: остаток всех моих имуществ.

¹⁰ В данном контексте это означает просто «в Венеции».

¹¹ Charexea, англ. kersey – «керси», разновидность грубого сукна, как правило, белого цвета, производившегося в Англии. Термин происходит от названия английской деревни (Kersey) в графстве Саффолк. Предполагается, что изначально такого рода сукно произво-дилось в этом регионе. К XV веку основным производителем керси был район Уэст-Райдинг (West Riding) в графстве Йоркшир, в том числе Кальдердэйл (Metropolitan Borough of Calderdale). Керси широко экспортировалось в Центральную Европу и прочие регионы [8, с. 53-54, 77, 78].

¹² См. выше, имеется в виду «все остальное мое имущество».

¹³ Стандартное сокращение формулы «pretegea», дающей фидеикомиссару права в отно-шении имущества завещателя.

¹⁴ В данном случае имеется в виду командир нескольких кораблей.

исчислению. Структура завещания стандартна: *prologus, intitulatio, completio, corroboratio*. Вторая часть, *intitulatio*, представляет для нас в данный момент наибольший интерес. Составитель завещания называет себя «Antonius de Chersso»¹⁵ *de confinio sancti Severi*. Такая форма самоидентификации предполагает, что этот человек был 1) венецианцем, 2) уроженцем прихода св. Севера в Венеции, 3) постоянным (или временным, но в таком случае имеется в виду, что это было достаточно долгое время) обитателем местности, известной нотарию и его окружению под указанным именем (ср. в том же документе: *ser Marcum de Modrusia*¹⁶). Итак, нотариус идентифицировал своего клиента Антонио с помощью названия географической местности его происхождения и / или длительного пребывания. Поскольку данный топоним встречается в документе в двух вариантах написания – «Cerso» и «Chersso» – мы по умолчанию предполагаем, что по-русски слово должно читаться именно как «Керсо» или «Керссо», но не «Черсо», поскольку вероятность того, что нотариус сделал ошибку, пропустив букву *h*, разумеется, больше, чем вероятность того, что он вставил лишнюю букву, с которой слово звучало бы иначе. В связи с этим напрашивается догадка, что словами «*de Cerso*» / «*de Chersso*» Николо де Варсис обозначил таврический Херсон¹⁷.

¹⁵ См. выше насчет различного написания имени собственного в рамках одного и того же акта.

¹⁶ См. выше о топониме «*Modrusia*».

¹⁷ Отсутствие окончания аблатива *-ne* (реконструируем: *de Chersso[ne]*) в данном случае не должно смущать, поскольку в других актах нотариуса встречается подобное явление опущения падежного окончания безо всякого знака контракции. Так, Варсис употребляет родовое имя, происходящее от латинского *cerdo, -ōnis* (чернорабочий, подёнщик) в разных формах (*Zerdo* и *Zerdone*). Один раз он правильно ставит его как будто в аблативе в обороте *ablativus absolutus* «*manumitēntis presentibus magistro Antonio de Lunardo Zerdone*» (Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, 231, 3r–3v). В другом случае, в номинативе, он также будто употребляет грамматически правильную форму «*ego Antonius de Leonardo Zerdo*» (Archivio di Stato di Venezia, Notarili Testamenti, 750, 6). Однако на оборотной стороне того же документа Варсис вместо ожидаемого генитива «*Zerdonis*» вместе с правильным генитивом имени собственного пишет «*testamentum ser Antonii de Lunardo Zerdone*» (Ibid., 6v), что уже исключает возможность понимания этого слова как собственно обозначения профессии. Видимо, основным вариантом родового имени, происходящего от названия профессии, было все же «*Zerdone*». Тот факт, что в данном случае мы имеем дело с родовым именем, а не с идентификатором профессии, подтверждается беспорядочностью употребления форм; в случае, если бы слово «*zerdo*» указывало на профессию данной личности, нотариус бы стандартно склонял бы его по 3-му склонению, как он делает с названиями профессий в других местах, в то время как имена собственные Варсис свободно употребляет в разных формах (напр. *Catarina* и *Chatarina*, etc.) не только в разных актах, но даже в рамках одного документа. Суммируя, можно сказать, что нотарию свойственны употребление имен собственных в разных формах и опущения падежного окончания без контракции, а значит возможным (хотя, разумеется, и не единственным возможным) прочтением «*de Chersso*» будет «*de Chersso[ne]*».

Поселение на территории античного Херсонеса Таврического и средневекового Херсона¹⁸ многократно появляется на средневековых портоланах XIV–XVI вв. в разных вариантах написания: Сrexona [Анонимный морской атлас – т.н. «Таммар Луксоро» (нач. XIV в.), приводится в: 6; 7], также Zurzona, Zerzona, Cressona, Girisonda, Gerezona, *Cherson*, Jaburt flu [9, с. 266, 280, 286, 292]. То, что обозначено на картах – не обязательно фактически существует. Картографы консервативны. Но сведения нотариальных документов наводят на мысль, что, возможно, поселение в Херсоне продолжало существовать в 1431 г. и имело определенное торговое значение, достаточное, чтобы привлекать туда на более или менее длительное время венецианцев. Вместе с тем следует отметить, что вопрос о продолжении существования средневекового Херсона в XV в. является комплексной научной проблемой, требующей отдельного рассмотрения с привлечением как археологических, так и письменных источников (из последней категории наибольшую ценность, вероятно, представляют неопубликованные данные массарий Каффы). Конечные выводы относительного идентификации поселения, обозначенного нотарием как «Керсо», также еще лишь предстоит сделать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брун Ф.К. Древняя топография некоторых мест Новороссийского края и Бессарабии. б/г.
2. Pubblici L. Venezia e il mar d'Azov: alcune considerazioni sulla Tana nel XIV secolo // Archivio Storico Italiano, 163(3). Venezia, 2005.
3. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // ВВ. 1973. Т. 35.
4. Талызина А.А. Венецианский нотариус в Тане Кристофоро Риццо (1411–1413) // Причерноморье в средние века. СПб., 2000. Вып. 4.
5. Прокофьева Н.Д. Акты венецианского нотариуса в Тане Донато а Мано (1413–1419) // Причерноморье в средние века. СПб., 2000. Вып. 4.
6. Nordenskjöld A.E. Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing Directions. Stockholm, 1897.
7. Kretschmer K. Die italienischen portolane des Mittelalters. Berlin, 1909.
8. Coleman D.C. The Economy of England 1450-1750. Oxford, 1977.
9. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Кн. XIII–XVII вв. М., 2007.

¹⁸ «Херсонесом» в античности назывался также ряд населенных пунктов вне Черноморского бассейна, однако идентифицировать «Керсо» нашего источника с каким бы то ни было из них вряд ли представляется возможным. К этим поселениям относились: Херсонес Фракийский (*Chersonesus Thracica*), критский Херсонес (греческая деревня Херсонисс на Крите продолжала существовать в средние века, однако вряд ли имела серьезное коммерческое значение), сицилийский Херсонес, Кимврский Херсонес (*Chersonesus Cimbrica*, п-ов Ютландия); кроме того, под именем *Chersonesus Aurea* был известен Малайский полуостров.

Хвальков Е. А.

**Свидетельство существования средневекового Херсона в 1430-е гг.
в итальянских нотариальных документах**

Резюме

В статье описывается завещание, составленное венецианским нотариусом в Танае – фактории, расположенной на берегу Азовского моря (внешний вид рукописи, почерк, язык и формуляр). Вслед за этим автор обращается к актуальной проблеме продолжительности существования Херсона, поскольку рассматриваемый источник содержит дополнительные сведения, касающиеся этого вопроса. Способ самоидентификации клиента нотариуса (*Antonius de Cerso de confinio sancti Severi*) свидетельствует о том, что он был венецианским гражданином и постоянным жителем Херсона в 1431 году. Данные характеризуемого источника привели автора к выводу, что поселение в Херсоне существовало в начале 1430-х гг. и сохраняло определенное торговое значение для итальянцев.

Хвальков Є. А.

**Свідोцтво існування середньовічного Херсона в 1430-ті рр.
у італійських нотаріальних документах**

Резюме

У статті описується заповіт, складений венеціанським нотарієм у Тані – факторії, розташованій на березі Азовського моря (зовнішній вигляд рукопису, почерк, мова і формуляр). Услід за цим автор звертається до актуальної проблеми тривалості існування Херсона, оскільки дане джерело містить додаткові відомості, що стосуються цього питання. Спосіб самоідентифікації клієнта нотарія (*Antonius de Cerso de confinio sancti Severi*) свідчить про те, що він був венеціанським громадянином і постійним мешканцем Херсона в 1431 році. Дані джерела, що характеризується, привели автора до виводу, що поселення в Херсоні існувало на початку 1430-х рр. і зберігало певне торгівельне значення для італійців.

Khvalkov Eu. A.

**Evidence for the Existence of Mediaeval Cherson during the 1430s
in the Italian Notarial Documents**

Summary

The present article describes a notarial testament drawn by the Venetian notary in Tana, a trading station on the coast of the Azov Sea (basic features like the external appearance of the manuscript, the handwriting, the language and the *formulae*) and further the author addresses to an ardently debated problem of the long survival of the settlement in Cherson, to which the source in question provides some additional evidence. The client's way of self-identification (*Antonius de Cerso de confinio sancti Severi*) leaves no doubts that he was a Venetian citizen and the inhabitant of Cherson as late as in the 1431. This led me to the conclusion that by the early 1430s Cherson could still have had some commercial importance for the Italians.

Н. И. ХРАПУНОВ

ХЕРСОНЕС В ОПИСАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.¹

Присоединение Крыма к России в 1783 г. привлекло на полуостров многих европейцев, некоторые из них впоследствии издали воспоминания о поездке. Конечно, запискам путешественников (травелогам) свойственен субъективный взгляд на вещи; нередко они больше говорят об авторе, чем о наблюдаемых им явлениях и людях. Отличает их и великое многообразие стилей и жанров. Эти сочинения представляют любопытный источник по истории изучения Херсонеса и формирования образа Крыма (важной частью которого были античные памятники) в сознании читающей публики Запада.

О существовании развалин Херсонеса, конечно, в Европе знали и раньше – так, в XVII в. о них писали Г. де Боплан, Э. Портелли д'Асколи и М. Броневский [1, с. 206-207; 2, с. 122-123; 3, с. 341-343]. Ш. де Пейссоннель, который несколько лет был французским консулом при дворе крымского хана, в 1765 г. публикует сочинение об истории и географии Причерноморья, где отождествляет древний Херсонес со средневековым Гёзлеве – нынешней Евпаторией [4, р. 86-90]. Потом древний город попал в сочинения кабинетных ученых – И.-Э. Тунманна и В.-А. Формалеони, причем первый принимает за остатки Херсонеса древние развалины, рассеянные на всем протяжении берега от м. Маячный до Инкермана [5, с. 29-31; 6, карта-вклейка; 7, р. 9-11]. Но по-настоящему популярными описания памятников Крыма стали после присоединения полуострова к России, открывшего его для европейцев, когда сюда потянулись десятки путешественников, причем для некоторых из них античные древности были едва ли не самым интересным в Тавриде.

Помимо людей, оказавшихся в Крыму по долгу службы, были и прибывшие с образовательными или научными целями. Тогда путешествие

---

¹ Эта статья получилась бы гораздо хуже, если бы не помощь и советы А. Енсен (Нидерланды), И.А. Завадской (г. Симферополь), Д.А. Костромичёва (г. Севастополь), М.Е. Левады (г. Киев) и Л.Н. Храпуновой (г. Симферополь). Всем им я очень признателен.

понималось не просто как развлекательная поездка – к нему готовились, заранее изучали историю и географию, флору и фауну мест, где планировали побывать, в пути собирали коллекции и делали рисунки, а по возвращении на родину тщательно готовили и издавали отчет о путешествии. В результате за следующие полвека было опубликовано несколько десятков путевых записок, разных по объему и информативности, сочиненных очень разными авторами в очень разных жанрах. Среди них есть и не отредактированные дневники, и энциклопедические сочинения, ставившие своей целью дать всестороннее описание полуострова, его истории, археологии, этнографии и экономики. Не у всех путешественников получилось побывать в Херсонесе – к таким относятся, например, Дж. Паркинсон, М. Хоулдернесс, С. Греллет [8–11]. Но и без того в нашем распоряжении есть с десятков весьма интересных свидетельств о том, какими оказались для древнего Херсонеса первые десятилетия в составе новой, Российской империи.

Некоторые записки путешественников о Херсонесе анализировали и раньше [12, с. 107-111; 13, с. 1-9; 14, с. 172-176; 15, с. 46-57, 500-508]. Еще лучше дело обстоит с изучением травелогов в контексте исследования других археологических памятников – «пещерных городов» Крыма [16, с. 7-19; 17, с. 212-224]. Недавно появились работы, претендующие на комплексный анализ путевых записок как особой группы источников по истории Крыма [18; 19], и популярная книга о крымских травелогах, оставленных женщинами [20]. Тем не менее, невыясненными остаются многие вопросы как общетеоретического, так и частного характера.

В рамках данной статьи будут рассмотрены те путевые записки, авторы которых не просто побывали в Херсонесе, но постарались еще и описать состояние городища в момент своего визита. Территориальные ограничения – Херсонес и его некрополь, не затрагивая памятники Гераклеяского полуострова, которые также были очень интересны европейцам, а таким людям, как П.-С. Паллас или Э.-Д. Кларк – даже больше, чем сам древний город. Из сказанного выше следует, что иногда провести грань между травелогом, подвергнутым последующей переработке, и кабинетным сочинением довольно сложно. Было решено не использовать ученые сочинения, написанные по мотивам поездки в Крым и на собранных в ней материалах, но в которых не говорится непосредственно о путешествии – такие, например, как работа Г.-К.-Э. Кёлера о херсонесских монетах [21]².

На примере указанных сюжетов можно не только взглянуть на начальный этап изучения древнего города и прояснить судьбу его памятников после начала строительства Севастополя, но и показать разнообразие жанров путевых записок, увидеть глубокие различия в интересах путешественников и их оцен-

---

² Его путевые записки остались не изданными [15, с. 505-506].

ках, выявить взаимосвязи между некоторыми их сочинениями, проследить формирование определенных черт в образе Крыма в глазах читающей европейской публики и т. п. Избранные хронологические рамки – от присоединения Крыма к России до начала археологических раскопок в Херсонесе. Единственным исключением будет сочинение Дж.-Э. Александера: хотя он и оказался в Херсонесе через два года после начала раскопок под руководством Крузе, его работа представляет для нас интерес, ведь автор во многом противопоставляет свое сочинение книге Э.-Д. Кларка (пусть и не на херсонесском материале), так что интересно будет сопоставить результаты трудов этих двух британцев³.

Французский путешественник барон **Шарль-Александр-Бальтазар-Франсуа де Поль де Бар дю Оллан** (Charles Alexandre Balthazar François de Paule de Baert du Hollant, 1750 или 1751–1825 гг.) объездил Италию, Испанию, Британию, Ирландию, Польшу, Скандинавию и Россию. Будучи богатым человеком, он путешествовал для собственного удовольствия. В частности, в Россию его привел интерес к недавно приобретенным южным владениям Екатерины II. Считается, что де Бар пользовался поддержкой российских властей от Потёмкина до Павла Петровича, полагавших полезным изучение южных провинций и их рекламу в Европе. Когда во Франции начались революционные события, де Бар посчитал необходимым вернуться на родину, но вскоре из страха за свою жизнь вынужден был бежать в Северную Америку. После свержения якобинцев в 1794 г. он вернулся во Францию и стал заниматься подготовкой своих путевых заметок к печати. Среди них – описание путешествия в Россию [24, р. 48-49, s. v. Vaert; 25]. Интересно, что одно из изданий его записок было анонимным [26].

В Херсонесе де Бар оказался весной 1784 г. По его мнению, *«это был, вероятно, большой город, судя по пространству, занимаемому его развалинами, и по существующей еще части его крепостных стен. Там есть целые городские ворота и довольно хорошо сохранившаяся большая башня – они построены из больших квадратных камней, в стиле древних памятников Италии»* [26, р. 26, n. 1]. Де Бар – видимо, первый из европейцев, видевших Херсонес после русского завоевания и оставивших соответствующие мемуары. Из его слов можно заключить, что за три столетия, прошедших с тех пор, как последние жители покинули Херсонес, город обратился в груды развалин. Близкий по времени рисунок 1778 г. позволяет представить вид руин древнего города, открывшийся глазам де Бара [15, рис. 122 (вклейка)]. Здесь над памятником высится одна-единственная башня, расположенная, судя по всему, в его юго-восточной части. Имеются и «городовые ворота» – очевидно, средневековая калитка, помещенная к западу от башни. Возможно, это та калитка, что находится в стене над воротами античного времени⁴.

³ К сожалению, недоступными оказались записки М. Космели и Л.-Т. д'Асфельда [22; 23], но в них могло и не говориться о Херсонесе.

⁴ Упомянутые в статье памятники Херсонеса показаны на рис. 1.

Дальше де Бар обращается к сюжету трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». *«Быть может, это была резиденция Фоанта, который приносил в жертву Диане чужестранцев, приставивших к этим берегам?»* – задается он вопросом применительно к Херсонесу [26, р. 26, п. 1]. Хотя поиски храма Артемиды-Дианы в Таврике длятся не одно столетие, обычно их ведут на южном берегу. Мало кто, подобно де Бару, пытался «поселить» царя тавров Фоанта в эллинском городе.

Вскоре в Крым приезжает другой француз, у которого, в отличие от де Бара, денег на самостоятельные путешествия не было. **Шарль-Жильбер Ромм** (Charles Gilbert Romme, 1750–1795 гг.) побывал на полуострове весной 1786 г. в качестве наставника юного графа П. А. Строганова. Вероятно, в Россию Ромма привел не только контракт, заключенный со старшим Строгановым относительно воспитания его сына, но также секретные поручения, связанные с членством в масонской ложе и сбором разведывательной информации для французского правительства.

Строганов и Ромм совершили ряд путешествий по России с образовательными и воспитательными целями. В пути француз вел дневник. В 1788 г. Ромм вернулся во Францию, где принял участие в революции и, в конце концов, был приговорен к смерти и покончил с собой, не желая идти на гильотину [27]. Его записи о поездке остались в России, а потому не несут редакторской правки, отражая непосредственные впечатления автора [28]. В Херсонес Ромма и его спутников – Строганова и будущего архитектора А. Н. Воронихина – сопровождал командир севастопольской эскадры М. И. Войнович. Было это в начале 20-х чисел мая 1786 г.

Сразу же после присоединения Крыма к России Херсонес стал быстро разрушаться из-за интенсивных «раскопок» в поисках ценностей и материалов для строительства Севастополя. *«Развалины этого знаменитого поселения были столько раз перерыты г-ном Маккензе в поисках античных монет и каменных плит, из которых строят новый город, что путешественник находит там лишь груды камня. Пощажены были только одни ворота, которые, по преданию, были сооружены с тем, чтобы устроить спускную решетку. По обеим сторонам этих ворот находились 2 башни, разрушенные теперь до основания. В них-то и нашли больше всего медных и серебряных монет разных народов»* [29, с. 66; 30, с. 114].

Основатель Севастополя – адмирал Ф. Ф. Мекензи – начал свои «раскопки» сразу после учреждения нового города в 1783 г. из-за нехватки строительных материалов [31, с. 77-78]. Очевидно, попутно отыскивали и монеты. Так что именно Мекензи должен быть назван первым известным херсонесским «археологом». К моменту появления в Крыму Ромма и его спутников он уже умер.

Сложнее определить, какие именно ворота Херсонеса видели Ромм и его спутники. Пазы для спускной решетки имеются в античных воротах,

расположенных между 15-й и 16-й куртинами. Тем более, на планах Херсонеса, составленных по указанию К. И. Габлица в 1786 г., отмечены ворота приблизительно в том же месте [32 (вклейка) – ср. с. 161; 15, рис. 126 (вклейка)]. За башни француз мог принять массивные пилоны, укреплявшие ворота. Правда, побывавший в Херсонесе вскоре после Ромма П. И. Сумароков сообщает, что видел двое городских ворот [33, с. 117; 34, с. 205] – надо полагать, так называемые «западные» в 8-й куртине и «южные» – в 14-й. В альбоме иллюстраций к его мемуарам есть вид Херсонеса (№ 20), на котором можно обнаружить нечто, напоминающее ворота или средневековую калитку в городской стене (рис. 2). Но про пазы для спускной решетки в конструкциях, описанных Сумароковым, ничего не известно. Если Ромм говорил об одном из этих сооружений, то упомянутые им башни – VI и VII по нынешней нумерации в первом случае или XII и XIII во втором.

Ромма настолько заинтересовала непривычная кладка городских стен, что он решил дать ее описание: *«Стены древнего Херсонеса были шириной больше сажени. Камень внутренней кладки пористый, очень мягкий известняк, поставленный на ребро, поперек кладки. С обеих сторон стены были обшиты плитами белыми, плотными и настолько мягкими, что их можно обтесывать ножом; плиты эти теперь ежедневно разбирают для постройки Севастополя»* [29, с. 68; 30, с. 118].

Француз попытался определить место крещения князя Владимира, связав его с участком херсонесского некрополя, где сейчас раскопан так называемый загородный крестообразный храм. *«За пределами городской черты лежит небольшой холм, а вокруг него по склону, обращенному к морю, было обнаружено огромное количество высеченных в скале гротов; среди них находится водоем, вход в который очень затруднителен»* [29, с. 66; 30, с. 114]. «Холм» – это или современная Девичья горка, на склоне которой расположена часть херсонесского некрополя, или же так выглядели остатки разрушенной и заплывшей землей церкви. «Гротами» Ромм называет склепы загородного некрополя, а «водоем» – это водосборная галерея, связанная с храмом [35, с. 309-310, 316-317]. В нее путешественники спускались. *«Исходя из общего вида местности, нельзя не признать здесь места, где, как указывает история, происходило крещение Владимира»*, – заключает Ромм [29, с. 66; 30, с. 114]. Отмечу, что Ромм создал совершенно самостоятельную интерпретацию, как бы сейчас сказали, письменных и археологических источников. Обычно место крещения русского князя искали непосредственно на городище. Так, например, Габлиц, основываясь на «простонародных преданиях греков», поместил его в западной части Херсонеса, причем, согласно описанию, никаких особенных остатков там не было [32, с. 161-162 и пункт Е на вклейке; 15, рис. 126. Е (вклейка)].

Очень подробно описывает Ромм склепы загородного некрополя. Подобно другим путешественникам, о чем речь ниже, он не понимал назначения этих

сооружений, которые определил как «гроты». *«Большинство этих гротов было завалено, и только на днях их откопали; я не сомневаюсь, что их найдется большое количество. Уже и сейчас их насчитывают свыше 100, но еще не во все удалось проникнуть»*. Таким образом, раскопки в поисках ценностей велись не только на городище. Вероятно, разграбленные склепы не содержали костей, а их внешний вид не походил на привычные могилы – отсюда и непонимание того, что же это такое. Один из склепов вообще приняли за баню. Сравнив херсонесские склепы с искусственными пещерами Инкермана, которые как раз таки были жилыми сооружениями, Ромм пришел к парадоксальному выводу: *«Нельзя воздержаться от предположения, что гроты эти – дело рук многочисленного народа мореплавателей, который, живя в стране, лишенной леса, принужден был либо строить из камня, либо же рыть себе жилища в скалах»* [29, с. 66-67; 30, с. 115-117]⁵.

Себастьян-Франсиско де Миранда Равело-и-Родригес де Эспиноса, или просто Франсиско де Миранда (Sebastián Francisco de Miranda Ravelo y Rodríguez de Espinoza, 1750–1816 г.), авантюрист и борец за независимость Венесуэлы от испанской короны, прибыл в Россию за дипломатической поддержкой и денежными субсидиями. В конце 1786 г. он оказался в Крыму, а 1 января 1787 г. (по старому стилю) посетил Херсонес и оставил записи об этом в своем дневнике. Развалины древнего города не были еще совершенно разобраны на материалы для строительства Севастополя: *«...Нам удалось отчетливо различить городские стены, главную крепостную башню и большое строение наподобие замка. Хорошо видны также улицы, и при желании вполне возможно снять план. Сводчатая дверь и облицованная башня разрушены недавно, видимо, кому-то понадобился камень...»* [37, с. 59]. Виденный де Мирандой «замок» – это, возможно, укрепление в юго-восточной части древнего города, так называемая «цитадель». Частью его является крупнейшая из башен Херсонеса, имеющая номер XVII (она же «башня Зенона»)⁶.

---

⁵ Возможно, благодаря Ромму мы знаем об одном из первых описаний Таврики, которое, к сожалению, не дошло до наших дней. Среди прочих материалов об истории, топографии и природе Крыма, которые Ромм изучал в Симферополе, он упоминает «сочинение г-на Бальдани о Тавриде» [29, с. 71; 30, с. 122]. В этой связи вспоминается ссылка С. Богуш-Сестренцевича на сообщение некоего подполковника Бальдани, сделанное, надо полагать, в личной беседе, что тот был послан Потёмкиным в 1783 г. на место древнего Херсонеса «для проверки сообщения Нестора» об осаде города князем Владимиром [36, р. 304, п. 1]. Не исключено, что в результате этой экспедиции Бальдани написал какой-то отчет, быть может – в виде истории Тавриды, оставшийся в рукописи, которую и смотрел Ромм.

⁶ Правда, в конце XIX в., перед началом раскопок, над башней возвышался холм земли [38, с. 46, рис. 43], и догадаться, что это за сооружение, было не так просто. С другой стороны, на картах начала XIX в. башни «цитадели» обозначены точно [15, рис. 127-128 (вклейка)]. Возможно, в то время верхняя часть «башни Зенона» возвышалась над землей,

При де Миранде в Херсонесе был уже устроен карантин. Будучи солдатом, де Миранда не мог не оценить положение города, по его мнению, хорошо приспособленного для нужд античного флота, и кладку городских стен, которая *«напоминает... генуэзскую»*. Видел он и какие-то «пещеры», то есть, по всей вероятности, склепы на загородном некрополе, греческую и латинскую надписи. Путешественник безуспешно пытался отыскать питавший город водопровод [37, с. 59]. Возможно, де Миранда услышал от кого-то из русских историю про крещение князя Владимира, который, как известно, смог овладеть Херсонесом, лишь разрушив водопровод и, тем самым, лишив горожан воды, и решил найти следы этого акведука. Менее вероятно, что де Миранда читал книгу М. Броневского, видевшего в 1578 г. остатки труб, продолжавших подавать воду в давно заброшенный город [3, с. 341].

Херсонес был незначительным эпизодом в бурной жизни де Миранды. По возвращении из России он участвовал во французской революции, жил в Англии и США, организовал несколько десантов на территорию Венесуэлы, в 1811 г. объявил ее независимой, став генералиссимусом и диктатором, но потерпел поражение от испанской армии и умер в испанской тюрьме [39; 40, с. 4-5].

Голландец **Питер ван Вунсел** (Pieter van Woensel, 1747–1808 гг.) много лет провел в путешествиях, попеременно находясь то на голландской, то на русской службе. Ему удалось повидать множество стран – от Турции до Суринама. По профессии ван Вунсел был врачом, при случае занимался шпионажем, и с огромным удовольствием – литературой. Одним из этапов его карьеры была служба лекарем на российском Черноморском флоте в 1787–1789 гг. [41]. В опубликованных впоследствии мемуарах ван Вунсел детально описал Крым и, между прочим, упомянул о Херсонесе.

Рядом находился карантин, в котором голландец провел свои первые десять дней на крымской земле. *«За этим карантином, – сообщает ван Вунсел, – вы попадаете в колоссальные руины, оставшиеся (как говорят) от древнего Херсонеса! В мое время можно было составить впечатление о целых воротах со стороны моря; но это долго не продлится, ведь многие командиры – большие враги истории, вроде адмирала Макензи, который, приложив много бессмысленных усилий, разрушил кладку в виде маяка или дозорной башни в одной из бухт близ Севастополя»* [42, р. 262-263].

В этом рассказе важно указание на приморские ворота. Непонятно, были ли это ворота в стене, ограждавшей древний город со стороны моря (кстати говоря, такое сооружение до сих пор не было открыто археологами), или же конструкция в напольной стене, находившаяся недалеко от берега. Если вспомнить сведения, собранные Габлицем, Роммом и Сумароковым, о чем речь шла

но позднее местные жители или моряки разобрали выступавшие кладки на строительный материал, так что к началу раскопок ничего уже видно не было.

выше, более вероятным будет второе предположение: ван Вунсел видел античные ворота между куртинами 15 и 16 по нынешней нумерации.

Голландец подтверждает информацию Ромма о разрушении древних строений по указанию адмирала Мекензи. Правда, в данном случае речь явно идет не о памятниках Херсонеса, а о сельской усадьбе, находившейся где-то на хоре и разобранный на строительный материал. Так что усилия адмирала не были такими уж «бесмысленными», как пишет ван Вунсел, хотя и печальными для археологии.

Естествоиспытатель **Пётр-Симон Паллас** (Peter Simon Pallas, 1741–1811 гг.) был приглашен в Россию из Германии Екатериной в 1767 г. Здесь он занимался самыми разными проектами, естественнонаучными экспедициями, исследованиями и публикациями, а в 1793–1794 гг. совершил длительную поездку по югу России. С 1796 по 1810 г. проживал в Крыму, где подготовил, в частности, описание своего путешествия, вышедшее в 1801 г. Это гораздо больше, чем просто путевые записки, – энциклопедическое описание полуострова, его географии, истории, археологии, этнографии, экономики и пр. Несомненно, при подготовке своего труда автор широко использовал материалы, собранные во время жизни в крымском имении и в дополнительных поездках по Крыму [43; 44].

Если обратиться к поездке Палласа в Херсонес, то нужно сказать, что автора куда больше интересовали памятники Гераклеийского полуострова, потому что городищу уделено сравнительно немного места. Паллас опубликовал рисунки двух надписей – 488 г. и XV в. [45, с. 7-15, № 7; с. 19-20, № 9], сообщил еще о нескольких памятниках эпиграфики и каменной пластики, описал наиболее популярные типы находок на городище: серебряные и бронзовые монеты римских императоров, бронзовые «с оттиском якоря» – то есть, как мы теперь знаем, местной чеканки XI–XIII вв. [46], обломки поливной и стеклянной посуды. Он призывает начать раскопки Херсонеса: *«Нет сомнения, что было бы найдено еще много замечательных вещей, если бы произвели старательные раскопки внутри города, в особенности в большой мусорной куче, представляющей род холма, если принять особенно усердные меры, чтобы ничто не было похищено из раскопок и если бы найденное не попало в невежественные руки»* [43, с. 47-48].

Вопрос о том, что это за «мусорная куча», решить не так уж просто. На территории Херсонеса было несколько таких завалов, скрывавших руины древних построек. Они представлены, например, на рисунке 1778 г. [15, рис. 122 (вклейка)]. На нескольких планах конца XVIII в. показан вытянутый холм в западной части городища, достигавший примерно 150 метров в длину [15, с. 481, рис. 120; с. 483, рис. 121; рис. 126 (вклейка); 32 (вклейка)]. На чертежах начала XIX в. это узкое, длинное возвышение наподобие вала [15, рис. 127-128 (вклейка)]. Возможно, его видно на рисунках начала 1830-х гг. у Ф. Дюбуа де Монпере

[47, рис. LIX,1, с. 203]. Причем на планах XIX – начала XX вв. положение этого объекта обозначено совершенно по-разному [48, с. 47-48, рис. 5-8]. Что это такое, понять уже нельзя. Тем более, на этом месте или совсем рядом сейчас находятся остатки артиллерийской батареи конца XIX в. – вполне возможно, при ее строительстве и разрушили «мусорную кучу».

Были и другие холмы – меньшего размера. Один из них находился в южном районе городища, на месте античного театра, достигая более 6 м в высоту [49, с. 44, табл. II]. Другая куча или «курган» была в центральной части города, на его агоре (где ныне Владимирский собор). Этот завал раскапывали Крузе в 1827 г. [47, с. 204] и Д. В. Карейша в 1846 г. [50, с. 309-310] в поисках предполагаемого места крещения Владимира. Под холмом земли обнаружился, в частности, крестообразный храм № 27, остатки которого сегодня можно увидеть в нижней части Владимирского собора [51, с. 49-57; 52, с. 198]. Возможно, именно эту «кучу» и имел в виду Паллас.

Путешественник осмотрел также остатки загородного крестообразного храма, но не понял его назначения: *«Восьмиугольное здание, ныне совершенно разрушенное, но остатки которого еще приметны менее чем в версте расстояния <от города>, с очевидностью доказывает, что вода поступала в город водопроводами. В одном углу этого здания можно спуститься через отверстие на глубину около пяти аршин, где оказывается очень узкий проход к востоку длиною в 15 сажений, в конце которого – род колодца /глубиною в несколько футов/; из него чистая прозрачная вода, переливаясь через край в проход, там и исчезает. Позади этого колодца приметны еще два прохода, из коих один совершенно засыпан, тогда как другой продолжается дальше. Все это удостоверяет, что это – остатки разрушенного водопровода»* [43, с. 48]. Таким образом, Паллас ошибочно воспринял связанную с храмом водосборную галерею (о ней речь шла выше) как часть ведущего в Херсонес водопровода, а храм – как надземное гидротехническое сооружение при этом водопроводе.

Опубликованное через десяток лет сочинение Палласа, а равно и обаяние личности исследователя, не жалевшего сил для помощи другим путешественникам по Тавриде, оказали огромное влияние на других приезжих иностранцев. Можно сказать, Паллас заложил традицию посещения определенных памятников и определенного взгляда на некоторые явления. Так, например, Э.-Д. Кларк и Ж. Рёйи описывают древности Херсонеса и его окрестностей согласно Палласу, а Дж.-М. Джоунз широко цитирует его сочинение.

Но избежать упреков в пристрастности Палласу не удалось. Виной тому – следующая мысль: *«При занятии Крыма еще были видны большей частью его стены, построенные из прекрасного штучного камня; красивые городские ворота и значительная часть двух больших башен, из коих одна – у самой бухты, виденная мною в 1794 году – еще в нарядном виде; но построение города Ахтиара закончило разорение этого древнего города. Прекрасный штучный*

камень выбрали даже из фундаментов для постройки домов, не озаботившись или не полюбозытствовав сделать план города или нарисовать хотя бы его набросок» [43, с. 47]. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, Паллас заложил традицию обвинять русских в уничтожении и разграблении остатков Херсонеса, что, на самом деле, не так: город достался им в уже разрушенном состоянии, а русские, наоборот, предпринимали меры к разысканию древностей и картографированию памятников. Причиной этой негативной оценки, по словам исследователя, было разочарование европейцев, ожидавших увидеть нетронутый античный памятник, но обнаруживших лишь жалкие остатки бывшего величия [13, с. 1-9 слл.]. К сожалению, почтенный ученый был не вполне прав: большинство путешественников конца XVIII – начала XIX вв., включая и русских, не только говорят о разрушении Херсонеса, но и приводят конкретные факты расхищения древностей [15, с. 502-503; 53, с. 17-20]. Вспомним и рассказы Ромма и ван Вунсела о «раскопках» на городище и в его окрестностях по поручению адмирала Мекензи. Наконец, существует много свидетельств того, как уничтожали древние постройки не только в Херсонесе, но и во всем Крыму [54, с. 274-279; 55, с. 30 слл.].

К книге Палласа приложен альбом иллюстраций. На одной из гравюр изображены две надписи и различные монеты, среди которых – вышеупомянутая херсонесская надпись 488 г. и средневековая монета городской чеканки. Несколько других монет, отнесенных к чеканке Херсонеса (не города, а нынешнего Гераклеийского полуострова), атрибутированы ошибочно – это выпуски Боспорского царства [56, Т. 2, Pl. 5; ср.: 57]. Еще одна, упоминавшаяся выше средневековая надпись XV в., представлена в книге на виньетке № 3 [43, с. 220].

Нередко цитируется книга **Марии Гатри**⁷ (Maria Guthrie, ?–1800 гг.) о путешествии в Крым в 1795–1796 гг. [60; 15, с. 502; 61, р. 60, 66, 112; 62, с. 63; 20, с. 20-32, 87-88; 63; 19, с. 104-106]. Француженка по происхождению (в девичестве Мари Ромо-Сюрвесн – Marie Romaud-Survesnes, в первом браке Дюнан – Dunant), она переехала в Петербург и работала воспитательницей в Смольном институте благородных девиц. Овдовев, в 1781 г. снова вышла замуж, на этот раз за врача-шотландца Маттью Гатри [64, р. 147]. На юг России она отправилась якобы для поправки здоровья, однако вскоре скончалась. Это побудило ее мужа издать письма покойной супруги, сопроводив их необходимой редакторской правкой и приложениями [60, р. v].

Недавно было высказано предположение, что вышедшее под именем Марии Гатри сочинение является литературной мистификацией, эпистолярным романом, сочиненным ее мужем [65, с. 595]. С этим трудно не согласиться. Бросается в глаза, что в тексте почти совершенно отсутствуют бытовые

---

⁷ В историографии ее фамилию нередко передают как «Гутри», что неверно [см.: 58, с. 92-93; 59, с. 209].

детали, которые являются необходимой частью путевых записок (трудности в пути; гостиницы; проводники; сложности перевода и пр.). Нет здесь и рассказов о собственных болезнях, нет традиционных вопросов о положении дел дома. Язык приглажен и отредактирован, тем самым мало напоминая письма, сочиненные в краткие моменты отдыха в дороге. Хотя в книге иногда встречаются ссылки на якобы виденное собственными глазами, но эти фрагменты слишком литературны и вполне могли быть сочинены вне Крыма. Перед нами – эпистолярный роман, написанный в петербургском кабинете Маттью Гатри, очевидно, по материалам опубликованных источников, описаний Крыма и путевых записок, возможно, с использованием некоторых, тщательно переработанных писем супруги⁸. Жанр этот, открытый «Персидскими письмами» Монтескье, был весьма популярен в ту эпоху. Отсюда – продуманная структура книги, разделенной ровно на 100 писем плюс семь приложений, приблизительно одинаковые размеры и построение этих писем. Правда, обычно вымышленное путешествие использовалось для того, чтобы взглянуть на собственное общество и культуру [67, с. 156-164], тогда как Гатри использует этот прием для описания неизвестного европейцам мира.

Сказанное легко продемонстрировать на примере посвященных Херсонесу писем XVIII–XX, представляющих собой краткое изложение истории города по данным античных и средневековых писателей, которых автор знает для своего времени очень хорошо. Но читатель не найдет здесь ничего конкретного, связанного с личными наблюдениями – даже слова о «поглощении» Севастополем древнего Херсона приводятся со ссылкой на собеседников автора [60, р. 95-104]. Тут же говорится о найденных на городище монетах – изображения и описание двух монет херсонесской чеканки приводятся в тексте [60, р. 289, 348, 393, pl. VI,1-2].

По-видимому, не случайно у некоторых современников рассказы Гатри вызывали недоверие. Пирс-Бальтазар фон Кампенгаузен (Pierce Balthasar von Campenhausen, 1746–1808 гг.), в свое время состоявший секретарем для иностранной переписки при Г. А. Потёмкине, заметил: «*Описание Крыма, которое сделала 2-жа Гатри, написано в развлекательном стиле, но оно ни в коем случае не верно; воспользуюсь же правом сделать несколько комментариев ко многим ее наблюдениям. Не собираюсь намекать на то, что она умышленно исказила факты; но все то, что романтично, имеет особое очарование в женских глазах; тогда как я, будучи старым кавалерийским офицером, надо полагать, буду менее восприимчив к иллюзорным явлениям...*» [68, р. 42]. Фон Кампенгаузен

⁸ Так, И. В. Тункина обратила внимание на то, что все надписи, упомянутые Маттью Гатри в приложении, взяты из статьи Ф.-А.-М. фон Биберштейна, который в Крыму как раз бывал и камни эти видел собственными глазами [15, с. 50, 52; 66, с. 596]. Показательно, что никаких других надписей в книге Гатри не упоминается.

точно подметил особенность текста Гатри: изящный стиль и общая развлекаемость придают ему «иллюзорность», которая почти никак не связана с реалиями крымской жизни.

Намерения автора («редактора») можно отчасти понять из разрозненных данных, помещенных на титульном листе книги, во Введении, а также мелькающих в тексте. Поступивший на русскую службу шотландец **Маттью Гатри** (Matthew Guthrie, 1743–1807 гг.) стал врачом Первого и Второго кадетских корпусов, но связей с родиной не утратил – состоял в нескольких британских научных обществах, издал ряд работ по медицине, а также о русской этнографии и климате [69, col. 452, s. v. Guthrie, Matthew]. К моменту публикации книги он прожил в России около 30 лет [64, p. 147-152]. Гатри увлекался коллекционированием древностей, которые отчасти описаны в книге. Во Введении к ней Маттью говорит о том, что данная книга должна дополнить сочиненную им когда-то работу о нравах, обычаях, песнях, мифологии и прочих этнографических особенностях русских и показать, что русские унаследовали многие нравы и обычаи греков [60, p. v-vi]. Представление о преемственности русских от греков – одна из идеологем екатерининского времени, служившая обоснованием «греческого проекта» и антиосманской политики [70, с. 33-64]. Долго живший в России Гатри вполне мог попасть под влияние имперской идеологии. Кроме того, он хотел познакомить читателя с неизвестными странами, ранее скрытыми «от образованных путешественников варварской политикой невежественных турок» [60, p. vi]. Вероятно, смерть супруги побудила шотландского врача увековечить ее память таким экстравагантным образом, издав под ее именем собственное сочинение, себя же скромно объявив «редактором» и «автором приложений». Неизвестно, была ли в действительности в Крыму настоящая Мария Гатри и писала ли она какие-то письма мужу, но если такие письма были, в анализируемом тексте от них осталось очень мало.

Британский ученый **Эдвард-Даньел Кларк** (Edward Daniel Clarke, 1769–1822 гг.) получил образование в Кембридже. Безденежье заставило его стать частным учителем и спутником богатых англичан в путешествиях на континент. В 1799–1802 гг. он отправился во вторую свою поездку в качестве воспитателя молодого Дж.-М. Криппса. Путешественники посетили Скандинавию, Россию, Грецию, Ближний Восток. С 1810 г. началась публикация «Путешествий» Кларка (всего вышло шесть томов, последний – уже после его смерти), выдержавших множество изданий на разных языках (общие гонорары автора составили внушительную сумму более чем в шесть с половиной тысяч фунтов), признанных травелогом *par excellence* и остающихся важнейшим источником сведений о Российской империи для западных историков вплоть до нынешнего дня. Впоследствии Кларк успешно работал в Кембридже, параллельно исполняя обязанности англиканского священника [71; 72, p. 52-55; 73, p. 267-274].

Минеролог по роду занятий, Кларк интересовался самыми разными вещами, включая древнюю историю и языки, этнографию и археологию, ботанику и зоологию. Потому его «Путешествия» представляют собой интереснейшую подборку разнообразных сведений. Учтем и то обстоятельство, что Кларк готовил их к печати, изучая литературу, связанную с теми местами, где побывал, и консультируясь со специалистами по самым разнообразным вопросам. Однако Кларк нередко склонен к самым фантастическим реконструкциям. Вот лишь один пример. Известно, что многих путешественников изумляли кольца, высеченные или укрепленные в крымских скалах. Сейчас мы думаем, что к ним привязывали животных, но в XVIII в. бытовала более романтическая версия: некогда море стояло гораздо выше, и к кольцам этим пришвартовывались корабли. Раскритиковав эту идею, Кларк выдвинул следующее предположение: между кольцами, находившимися на противоположных склонах Бахчисарайской долины, натягивали канат для канатоходцев, развлекавших крымского хана в дни праздников [74, р. 187].

Другая проблема источника связана с русофобией Кларка. Для него «русский» был синонимом варвара, обладавшего всеми мыслимыми пороками – пьянством, страстью к бессмысленным разрушениям, невежеством, тупостью, жестокостью и т. п. Он часто называет их «скифами», подразумевая разрушительное варварское начало, противопоставленное животворной европейской цивилизованности. Прекрасно знавший древние языки Кларк, конечно, имеет в виду скифские рассказы Геродота – и тем самым переворачивает их с ног на голову, ведь для древнего автора скифы были воплощением благородного варварства, противопоставленного испорченной цивилизованности. В результате Кларк склонен приписывать русским то, что они не совершали. Например, у современных западных историков часто можно встретить – со ссылкой на Кларка – историю о русских солдатах, любивших забавы ради стрелять по мусульманским священникам, поднимавшимся в час молитвы на минареты, и однажды даже убивших муллу [74, р. 173]. Это сообщение оказалось ложью [75, р. 60].

Нужно сказать, что вскоре после публикации «Путешествий» Кларка появилась пространная рецензия, указавшая на массу неточностей и фактических передергиваний в его труде и объяснившая многие из негативных суждений Кларка о России результатом его невежества и нелюбопытства. Вышла она в американском альманахе. Автор не назвал себя, известно лишь, что он русский, проживал в Северной Америке, но писал по-французски [76, р. 70-120].

Некоторые причины захватившего Кларка чувства открыл другой британский путешественник – Дж.-Э. Александер. Кларк демонстративно нарушал принятые в России предписания насчет одежды, в результате возникли неприятности, которыми англичанин остался очень недоволен. Поскольку Кларк был всего лишь воспитателем при молодом джентльмене, принимавшие

путешественников русские куда больше внимания оказывали тому, а не «великому доктору Кларку». *«Знаменитому путешественнику захотелось отомстить за подобный прием, и его добродетели уступили место злым чувствам. Трудно представить, сколь вредоносными оказываются суждения подобных людей. Давая волю раздражительности, они не только ставят под удар своих соотечественников, следующих по их стопам, но и разжигают вражду между народами, забывая, что мирные отношения отвечают интересам всех стран»* [77, р. 63; 78, р. 244-245; 79, с. 55, 246-247].

Укажу и еще одну возможную причину Кларковой нелюбви к России. Англичанин попытался вывезти некоторые древности, но не получил на это разрешения от властей, что вызвало у него несколько приступов негодования [71, р. 293-294, 298-299; 74, р. 119, 149, 207-208]. Разумеется, Кларком двигало не одно лишь желание сохранить памятники от новых скифов. Мы знаем, что по возвращению в Англию он продал собранные в путешествии коллекции. В частности, древние рукописи принесли ему внушительную сумму в тысячу фунтов (для сравнения: до поездки его годовой доход составлял менее ста фунтов), а подаренная Кембриджу античная статуя Цереры – степень доктора права [72, р. 53-54]. Надо думать, эту операцию он задумал еще в поездке и был весьма разочарован тем, что русские власти разрушили его бизнес-план. Впрочем, среди переданных им после возвращения в Англию в Кембриджский университет древних мраморов были античные и средневековые надписи из Северного Причерноморья – хоть и не из Херсонеса [80]. Возможно, их переслали Кларку позже.

В результате британцу можно вполне доверять там, где он описывает древние памятники, тогда как их интерпретации могут быть весьма вольными; его же рассказы о современной ситуации имеет смысл перепроверять. По сравнению с «Путешествием» Кларка более объективными кажутся его письма на родину, изданные биографом британца – У. Оттером [71, р. 265-309], очевидно потому, что текст путевых записок подвергался дальнейшей правке, только усилившей его эмоциональную окраску. Правда, про посещение Херсонеса в письмах как раз сказано не очень много.

Первый раз в его окрестностях Кларк побывал в августе 1800 г. Рассказ о городище начинается, разумеется, с того, что русские, овладев Крымом, принялись безжалостно уничтожать остатки Херсонеса. Собранный на городище камень и мрамор вывезли в Севастополь, где продавали по объему как строительный материал. В другом месте он называет и цену – рубль за тонну. *«Если Архипелаг когда-нибудь попадет во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, – заключает Кларк. – Афины будут разрушены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой ученостью»* [74, р. 207-208].

В Херсонесе Кларк потряс украшенный надписью и рельефами надгробный памятник Ульпии и Феагена (II в. н. э.) [IOSPE I², p. 413-415, № 453], которого он почему-то счел «философом». Британца провели к какой-то могиле, вход в которую некогда украшало это надгробие. *«Это был семейный склеп, высеченный в скале с наружной стороны стен древнего города Херсонеса. Внутри были ниши для тел умерших. Вскрыв ее, солдаты обнаружили несколько костей в непо потревоженном состоянии, которые они теперь разбросали среди развалин. Здесь было много других усыпальниц того же рода, в той части скалы, где была найдена “Гробница Феагена”, все вырубленные таким же образом, каждую закрывал большой камень. Так что, видимо, херсонесским обычаем было хоронить, а не сжигать умерших»* [74, p. 207-209]. Пожалуй, Кларк стал первым исследователем погребального обряда Херсонеса. Кроме того, в отличие от предшественников, принимавших склепы за пещеры, он понял, что к юго-востоку от городища был херсонесский некрополь, где *«под стенами города находятся античные усыпальницы херсонеситов, в большом количестве, расположенные в совершенно правильном порядке»* [74, p. 211]. Возможно, здесь сказалась большая образованность британского путешественника.

Кларк попытался привязать к местности рассказ Страбона о Евпатории, тем самым поучаствовав в долгой – и до сих пор не разрешившейся – дискуссии о локализации этого памятника [81, с. 93-95, s. v. Евпаторий]. По словам античного географа, данная крепость находилась на мысу против Херсонеса, причем ее гарнизон во время скифской осады насыпал дамбу через море до самого города, чтобы иметь возможность с ним связываться (Strabo Geogr. 7. 4. 7). Рассуждения Кларка по этому поводу довольно запутаны. Он наблюдал какие-то *«развалины и усыпальницы города, совершенно отличные от херсонесских»* вроде бы на восточном берегу нынешней Карантинной бухты. Причем остатки пресловутой дамбы *«еще видны»* (то есть она должна была пересекать Карантинную бухту), а вход в эту бухту оказывается искусственным сооружением [74, p. 210-211, 214]. Если опустить слова о дамбе и входе в бухту, проверить Кларковы рассуждения уже не удастся – кажется, все археологические памятники на восточном берегу Карантинной бухты уничтожены при создании современной военной инфраструктуры. Правда, какие-то постройки видны на «Плане древнего города Херсонеса» 1775 г. [15, рис. 121 (вклейка)], но что это за сооружения, не ясно.

Путешественник обратил внимание на то, что примерно в версте к югу от мыса, где находился Херсонес, на возвышенности *«есть курган настолько примечательных размеров, что он не может не привлечь внимания»* [74, p. 211-212]. Никаких курганов в описанном районе не известно. Единственное объяснение, которое только можно придумать, заключается в том, что Кларк видел не курган над остатками древнего погребения, а холм земли, возвышавшийся над юго-восточной башней XVII («башня Зенона»). Как уже

говорилось, к моменту начала раскопок в конце XIX в. он едва ли не полностью скрывал остатки древнего укрепления [38, с. 46, рис. 43]. Правда, есть указания и на то, что во времена Кларка на поверхности могли виднеться вполне определяемые следы башни (см. прим. 6 выше).

Далее Кларк описывает двухпанцирную кладку херсонесских стен: *«Старые стены как города Херсонеса, так и его построек чрезвычайно толстые, фактически во всех случаях являются двойными, то есть с каждой стороны имеют по панцирю, сооруженному из огромной массы камня, а промежуток между ними заполнен цементом, содержащим фрагменты посуды и другой грубый материал. Кажется, керамики здесь было очень много, не только так как она использовалась в строительных материалах, но и потому, что земля была покрыта фрагментами разбитых сосудов»* [74, р. 212].

Он также сообщает о найденной в 1794 г. плохо сохранившейся надписи, из которой только и можно было разобрать, что ей чествуется *«некий гражданин или магистрат за устройство виноградников»*. Камень хранился в Севастополе у адмирала Вильсона [74, р. 214]. Это, конечно же, надпись III в. до н.э. в честь Агасикла [IOSPE I², р. 380-383, № 418].

Во время второй поездки на Гераклеийский полуостров в сентябре 1800 г. (в этот раз Кларка сопровождал Паллас), близ Георгиевского монастыря какие-то крестьяне принесли путешественникам монеты, имевшие *«русское В на лицевой стороне и распятие на оборотной»*. Кларк немедленно приписал их князю Владимиру и связал их с его крещением [74, р. 290]. Однако, как мы теперь знаем, это монеты именно херсонесские, времени византийского императора Василия I (867–886 гг.), имя которого и скрыто в легенде [82, с. 116].

Путешествия по южной России трех французов тесно связаны с именем знаменитого А.-Э. де Ришельё, градоначальника Одессы, впоследствии – генерал-губернатора Новороссийского края.

Жан Рёйи (Jean Reuilly, 1780–1810 гг.) – фигура во многом загадочная. Представитель знатного пикардийского рода, он в 22 года отправился с особым поручением в Петербург, а в 1803 г. выехал оттуда на юг вместе де Ришельё после назначения того в Одессу. Вернувшись во Францию, Рёйи занимал ряд важных государственных должностей, стал членом Почетного легиона, корреспондентом Института Франции (по классу античной литературы), получил баронство. Он опубликовал книгу о Крыме [83], а также перевод «Описания Тибета» по немецкой рукописи, полученной в Крыму от Палласа [84]. Блестящую карьеру прервала безвременная смерть Рёйи в возрасте 30 лет [85, р. 2542, s. v. Reuilly; 86, р. 550, s. v. Reuilly].

Рёйи подозревали в том, что его поездка в Крым преследовала шпионско-дипломатические цели – сбор сведений о стране и выяснение, будут ли лояльны татары российской короне в случае войны с Францией. Вот, например, что писала англичанка Мэри Хоулдернесс (Mary Holderness), которая

в 1816–1820 гг. жила в селении Карагоз (ныне – с. Первомайское Кировского района АР Крым): *«Полагают, что Рейи был прислан сюда Бонапартом, чтобы разузнать о чувствах татар и познакомиться с политическим состоянием Крыма. Его краткое описание древней истории этой страны – выжимка из упомянутого выше писателя <С. Богуш-Сестренцевича>. Продолжив изложение ее истории, он нашел талантливого помощника и друга в лице профессора Палласа. Тем не менее, есть темы, в которых видна опротивленность суждений француза, в другие же изменения внесены временем, прошедшим с тех пор, как он писал»* [9, р. 106].

Вероятно, эти подозрения базировались на содержании сочинения Рёйи. Француз посвятил свое «Путешествие по Крыму» Наполеону. В начале книги сказано, что эти записки были сперва представлены французскому императору и публикуются с его разрешения; что деяния Наполеона вызывают восхищение даже у варваров-татар и т. п. В середине тома описана беседа автора со знатными татарами о Бонапарте и его политике, и об их отношении к российским властям. В книге собраны довольно подробные сведения о находившихся на полуострове армии и флоте [83, р. 163-171, 194-195, 199-211]. Конечно, все это могло возбудить подозрения в шпионаже. Впрочем, книга завершается рассуждением о том, что интересы Франции в вопросах черноморской торговли *«находятся в согласии с интересами России»*; Рёйи предлагает ряд мер, способствующих развитию сотрудничества в этой области [83, р. 255-258].

В Крыму Рёйи находился в конце весны и летом 1803 г. Здесь он познакомился с П.-С. Палласом, который не только консультировал француза, но также прочел и дополнил его записки и даже составил список крымских достопримечательностей, вошедших в его книгу, среди которых упоминается и Херсонес. Разумеется, влияние Палласа в тексте книги весьма ощутимо. Помимо этого, Рёйи признавал, что включил туда фрагменты сочинений предшественников, по его мнению, не утратившие актуальности [83, р. i-iii, 233-240].

В отличие от прочих травелогов, записки Рёйи построены не по дневниковому, а по аналитическому принципу. В первой части книги описывается физическая география Крымского полуострова, во второй – его «политическое состояние». В приложения вынесены описание монет, собранных автором в Крыму, путеводитель по достопримечательностям полуострова, очерк черноморской торговли и список основных торговых портов. Среди прочих вклеек, в книге имеется план Севастополя с обозначением древнего Херсонеса, а также таблица с изображением античных и средневековых монет, среди которых несколько херсонесских.

Вторая часть книги представляет собой серию очерков, описывающих историю полуострова с античных времен, рассказ о населяющих его народах, о принципах управления при ханах и при новой власти, об экономике полуострова, доходах, которые получает здесь государство, о возможных путях развития

Крыма, о Севастополе и российском флоте. Здесь же помещен очерк истории Херсонеса [83, р. 114-123]. Вероятно, Хоулдернесс права – источником ему послужило французское издание «Истории Тавриды» Богуш-Сестренцевича [36; 87]. Что же касается положения городища в 1803 г., Рёйи пишет: *«Сооружение Севастополя окончательно завершило разрушение этого древнего города, почти все стены которого еще можно было увидеть во время завоевания Крыма русскими. Среди мусора найдены надписи, несколько мраморных скульптур, монеты и медали из разного металла. Нужно отметить, что эти предметы найдены солдатами или матросами, так как ни у кого не возникло естественной мысли о производстве раскопок; тщательно организованные, они вознаградили бы того, кто взялся бы за это предприятие»* [83, р. 122-123]. Возможно, мысль о необходимости начать раскопки городища автору внушил Паллас, но не исключено, что он и сам пришел к такому выводу.

Собранные в Крыму, в том числе и в Херсонесе, монеты Рёйи передал во французскую императорскую библиотеку. К книге прилагается таблица с их изображениями и описания, сделанные г-ном Милленом [83, р. 223-232; pl. II]. Монета № 1 – херсонесская, начала III в. до н. э., № 2 – начала III в. н. э. [ср.: 82, с. 139, № 79; с. 155, № 286]. Во втором случае Миллен довольно точно определил дату выпуска. Остальные монеты принадлежат другим центрам или эпохам.

Другой француз, **Габриэль де Кастельно д'Орос** (Gabriel de Castelnaud'Auros, 1757–1826 гг.), также приехал на юг вместе с герцогом де Ришельё в 1803 г. Здесь он, по поручению герцога, начал собирать материалы по истории и современному состоянию Новороссии для написания всеобъемлющего о ней сочинения. Этот труд был завершен в 1812 г., а издан только после возвращения во Францию самого де Кастельно и его покровителя де Ришельё – в 1820 г. [88].

В первом томе книги рассматривается древняя и средневековая история Таврики, в том числе и Херсонеса. Для нашей же темы интересен помещенный в третьем, заключительном томе рассказ о поездке автора в Крым, когда он побывал в частности и в древнем городе. Известия о городище сложно назвать информативными – в основном это сетования на печальную судьбу Херсонеса, ставшего кучей мусора и маловразумительных развалин: *«Человеку, написавшему историю такого сильного государства, каким была республика Херсона, очень тяжело, когда ничего не можешь различить среди руин, оставшихся от ее столицы. Это чувство становится еще более горьким, когда не удастся найти ничего, могущего послужить опорой для истории, ничего касающегося искусства, ничего, что может удовлетворить любопытство, вызванное желанием ее исследовать»*. Впрочем, несмотря на запустение городища, оно по-прежнему скрывало разнообразные находки: *«Некоторые военные уверили меня в том, что видели стоявшие арки акведука, фасад храма, чьи мраморные колонны были увенчаны коринфскими капителями, вырезанными с большим вкусом; вдобавок, они нашли значительное количество монет»* [89, р. 201-203].

Стоит упомянуть также о шести «**Письмах путешественника по южным провинциям России**», которые были изданы – без упоминания имени автора – во французском альманахе в 1808 и 1809 гг. [90, р. 348-363, 363-377, 478-503; 91, р. 81-111, 348-360, 477-501]. Высказывались разные предположения об авторстве данного документа. А. Третьяк обратил внимание на совпадения между текстом «Писем» и травелогом де Кастельно [92, с. 12-14]. Таким образом, это мог быть черновой вариант записок последнего, который впоследствии был переработан и включен в третий том его «Очерков истории Новороссии».

Письмо, в котором говорится, среди прочего, о посещении Херсонеса, датировано 4 июля 1808 г. Путешественник побывал на развалинах древнего города несколько раньше, следуя из Севастополя в Балаклаву. Описание краткое и мало что прибавляет к известиям других травелогов: «*Минуем развалины древнего и знаменитого Херсона, колонии гераклейцев, которая простиралась, вероятно, до места, где теперь находится Балаклава. На земле видно очень немного развалин, но вымостка улиц еще прослеживается: Севастополь построен из материалов этого древнего города, которые пощадил время*» [90, р. 484-485]. Судя по всему, автор воспринял развалины Херсона и усадеб хоры как единый памятник, остатки целого города. Поэтому даже не вполне понятно, что он имеет в виду под «улицами» – городские магистрали или же дороги на хоре.

Еще один француз, **Жак-Франсуа Гамба** (Jacques François Gamba, 1763–1833 гг.) происходил из семьи промышленников. После реставрации Бурбонов он, по поручению вернувшегося во Францию и занявшего пост первого министра короля де Ришельё, совершил два путешествия в Южную Россию и на Кавказ (1817–1818 и 1820–1824 гг.), собирая информацию о возможностях торговли с этими регионами [93, с. 196, s. v. Гамба]. Вероятно, именно потому, что интересы Гамба лежали в настоящем, его рассказ о визите в Херсонес никак нельзя назвать информативным. «*Во время своего пребывания в Севастополе мы посетили развалины древнего Херсона – кучу лежащих в беспорядке камней, посреди которых мы не увидели ни малейшего следа памятников, несомненно, украшавших этот город греческого происхождения*». Далее в нескольких строках рассказывается о древней и средневековой истории города – вероятно, источником сведений послужил уже упоминавшийся Богуш-Сестренцевич – и это все [94, р. 31-32].

В июле 1821 г. в Херсонесе побывали сотрудники Российского Библейского общества – Джон Патерсон и **Эбenezер Хендерсон** (Ebenezer Henderson, 1784–1858 гг.). Последний вскоре издал свои мемуары о путешествиях по России [95; 96⁹]. Сын шотландского крестьянина-протестанта, он в молодости примкнул

⁹ Хотя фамилию британца точнее будет передавать как «Хендерсон» [см.: 58, с. 78; 59, с. 227], авторы русского издания его записок предпочли устаревший способ – через «Г», вероятно, отдавая дань традиции.

к миссионерскому движению и провел около 20 лет за границей – в Дании, Швеции, Исландии, Германии и России. Не имея регулярного образования, Хендерсон самостоятельно выучил полтора десятка языков, включая древние и русский. От большинства записок иностранцев его сочинение отличает нехарактерный для прочих путешественников взгляд на действительность через призму миссионерской деятельности [97–99].

Хендерсон начинает свой рассказ с подборки сведений о древней и средневековой истории Херсонеса, который *«представляет любителю древностей самую занимательную часть Крыма»* [95, р. 342-345; 96, с. 222-225]. Правда, автор путает Херсонес – город с Херсонесом – Крымским полуостровом. В результате он, например, со ссылкой на Помпония Мелу пишет, что в городской цитадели некогда находился пещерный храм Артемиды Таврической. Это вторая, после де Бара, попытка отыскать ее святилище именно на городище. По мнению Хендерсона, несмотря на разрушение города сначала средневековыми завоевателями, а потом современными строителями Севастополя, в нем оставалось немало интересных памятников. Однако план Херсонеса в целом уяснить не было возможности: *«Кое-где отчетливо заметны улицы, но в целом вся местность покрыта мусором и столь обезображена попытками выкопать большие камни, образующие фундаменты домов, что ничего похожего на план строений различить нельзя»* [95, р. 346; 96, с. 225].

Путешественники прибыли в Херсонес на лодке, и первое, что увидели они – это *«лестничные ступени, ведущие от моря к городу; теперь они спускаются фута на три ниже уровня воды и, очевидно, сооружены были для торговых дел»* [95, р. 346; 96, с. 225]. Вероятно, Хендерсон описывает остатки несохранившихся до наших дней портовых сооружений в Карантинной бухте. О том, что таковые реально существовали, свидетельствует и Сумароков, побывавший в Херсонесе лет за 20 до Хендерсона и видевший там *«несколько вниз к морю сходов»* [33, с. 117; 34, с. 205].

Подобно некоторым другим путешественникам, Хендерсон обнаружил в центре городища холм, скрывавший развалины не то языческого храма Артемиды, не то христианской церкви св. Василия. Этот вывод автор сделал, вероятно, из письменных источников, упоминавших оба сооружения. Его поразила окружавшая город крепостная ограда *«чудовищной мощи и толщины, образованная двумя стенами, сложенными из больших камней, пространство между которыми было заполнено обломками кирпичей и глиняной посуды, и целое скреплено цементом. Лучше сохранилась западная сторона...»*. Перед нами описание двухпанцирной кладки херсонесских стен, очень похожее на Кларково [95, р. 346-347; 96, с. 225].

Британец **Роберт Лайалл** (Rober Lyall, 1789–1831 гг.) прибыл в Россию в 1815 г., а через год получил степень доктора медицины в Императорской Медико-хирургической академии. Увлечшись этой страной, он издал несколько

работ, посвященных истории, государственному устройству и национальному характеру русских [100; 101]. Вероятно, во многом благодаря этому он стал членом многих британских и российских ученых обществ, перечисленных на титуле его новой книги, ставшей результатом путешествия по России [102]. Он был приглашен в качестве переводчика, помощника, компаньона и врача итальянцев – маркиза Пуччи и графа Салазара, а также англичанина Эдуарда Пенрина. Примечательно, что Лайалл знал русский язык и всячески декларировал свое желание быть объективным наблюдателем [102, р. v-xii; см. также: 103, с. 163-169; 104, с. 118-121].

В предисловии путешественник жаловался на то, что его первые труды встретили неодобрение русских и лично императора Александра. Но виной тому могла быть не столько рассказанная автором горькая правда об империи, сколько известная фантастичность и наивность авторских описаний, иногда имеющих мало отношения к реальности. Например, рассказав о соборе в Симферополе, автор заключает: *«В целом, это, несомненно, самое красивое культовое сооружение, которое я видел в Российской империи»* [102, р. 242]. Удивительно слышать такое от человека, осматривавшего церкви Петербурга, Москвы и Киева.

В Херсонесе Лайалл побывал в мае 1822 г. Его записки почти ничего не сообщают об истории и памятниках древнего города – вероятно, автор полагал, что для этого лучше обратиться к упомянутым им трудам Палласа, Кларка и де Кастельно. Зато он долго сокрушается о трагических последствиях российского завоевания Крыма для древнего города, *«чье прежнее величие, общественные здания, храмы, акведуки, стены и башни в прежние годы вызывали восхищение, и чьи величественные руины наполняли изумлением и почтением даже невежественных и суеверных крымских татар. Среди них не нашлось кощунственной руки, осмелившейся подняться на эти остатки античности. У русских же таких чувств не было...»* [102, р. 297].

Херсонес так быстро разбирали на камень для строительства Севастополя, что к моменту приезда Лайалла с древним городом было уже практически покончено. *«Хотя император приказал сохранить все древности, виденное нами в действительности не стоило сохранения... Память о Херсоне сейчас существует лишь в книгах. Его место занял Севастополь...»* [102, р. 298]. Видимо, автор сильно бы удивился, если бы смог предвидеть блестящие результаты будущих раскопок Херсонеса. Вопреки его скептицизму, на городище оставалось еще много «стоящего сохранения».

Интересно, что значение Херсонеса автор видел, прежде всего, в его былой роли в крещении Руси. *«Херсон давно прославлен в России вследствие того, что крещение Владимира случилось в его стенах. Потому я был тем более удивлен, что ни российское правительство, ни сами русские не чувствуют религиозного благоговения перед развалинами города, где их великий князь*

принял ту веру, которую впоследствии распространил на свои владения, и которую они исповедуют до сих пор» [102, р. 298].

Единственный описанный Лайаллом памятник – развалины некоего гигантского сооружения. «Необъятные толстые стены, в одном месте пронизанные низкой аркой, возвышались на высоту в шесть-восемь футов над уровнем земли, соединенные тем же мергельным цементом, что и виденный нами в инкерманском замке...» [102, р. 297]. Возможно, речь идет о так называемой цитадели в юго-восточной части городища, а «арка» – одна из средневековых калиток в ее стенах.

Польский врач и естествоиспытатель **Кароль-Мацей** (Карл Григорьевич) **Качковский** (Karol Maciej Kaczkowski, 1797–1867 гг.) посетил Крым в 1825 г., будучи еще молодым человеком. Его поездка была предпринята из любопытства. Через несколько лет из печати вышли четыре тома воспоминаний о Крыме. Впоследствии Качковский стал профессором Варшавского университета, но особенно прославился на Родине как участник национально-освободительного восстания 1830 г., когда он возглавлял медицинскую службу польской армии. После поражения восставших Качковский вынужден был покинуть Польшу и много лет жил и работал в разных городах нынешней Украины [105].

В его дневнике рассказ о посещении Херсонеса помещен под 13 сентября 1825 г. Этот дневник – довольно подробное сочинение, освещающее самые разные природные, исторические и современные особенности крымской жизни. Трудно избавиться от ощущения, что сделанные в дороге записи были лишь основой, к которой Качковский уже после возвращения из поездки прибавил подробные сведения, взятые из книг разных авторов, бывавших в Крыму до него или же описавших полуостров издалека.

Так, хотя его рассказ о Херсонесе достаточно подробный, основное его содержание составляют сведения об истории города, взятые, судя по всему, у Богуш-Сестренцевича [106, s. 144-156]. Информация о городище весьма скудная – путешественник видел здесь, главным образом, каменные кладки, которые «занимают обширные участки земли в разных направлениях. – Это лишь следы былого величия Херсона!» [106, s. 143]. По мнению Качковского, им угрожает полное исчезновение, поскольку «большие камни забирают в Севастополь для строительства» [106, s. 155]. Впрочем, и сам поляк поучаствовал в разрушении культурных слоев.

«Проводник показал нам место монетного двора», – сообщает Качковский. Надо полагать, это был какой-то участок, где находили монеты, и потому решили, что здесь был монетный двор – суждение, вряд ли имеющее хоть какое-то отношение к реальности. Соблазн оказался слишком велик: путешественник решил провести собственные «раскопки» в поисках если не сокровищ, то хотя бы самой заваливающей монеты. Увы, усилия оказались тщетными – хотя бы потому, что Качковский не захватил с собой нужных инструментов

[106, s. 155-156]. Эта история говорит о том, что любительские поиски древностей на городище процветали. Сейчас мы даже приблизительно не можем определить степень нанесенного ими ущерба.

Английский морской офицер **Джордж-Маттью Джоунз** (George Matthew Jones, ок. 1785–1831 гг.) опубликовал свои воспоминания о поездке по Скандинавскому полуострову, России и Турции в 1827 г. Был он морским офицером и путешествовал по Европе в начале 1820-х гг. для изучения морского дела в разных странах [107, p. 237]. Его отчеты пространны, причем автор подробно цитирует своих предшественников, например, Кларка или Палласа. Античностью он интересовался мало, предпочитая современность.

В Херсонесе и окрестностях Джоунз оказался в апреле 1823 г. Его описание древнего города подаются в связи с жизнью современного Севастополя. Так, проблемы с питьевой водой в городе побудили англичанина вспомнить о древних акведуках: *«Население древнего Херсонеса, несомненно, пользовалось преимуществами таких водоводов, ведь в противном случае многочисленные жители, которые, судя по еще сохраняющимся остаткам, должны были населять эту страну, не могли бы уберечься от последствий жажды. Потому следует предпринять усердные поиски древнего акведука, следы которого уже обнаружены, и возобновить его»* [108, p. 262-263]. Хотя «Херсонес» здесь, исходя из более широкого контекста, обозначает весь Гераклейский полуостров, упомянутые водоводы должны были вести именно в древний город. Но что за их «следы» и где именно были обнаружены, автор не уточняет. Вполне вероятно, Джоунз не видел самого водопровода, но читал о нем у Богуш-Сестренцевича: выше уже говорилось о том, что, по словам последнего, он беседовал с подполковником Бальдани, который в 1783 г. проводил по поручению Потёмкина исследование Херсонеса с точки зрения рассказа летописи о крещении князя Владимира и даже обнаружил там водопровод [36, p. 304].

Далее Джоунз переходит к рассказу непосредственно о древнем городе: *«Прогулка в четыре версты <от Севастополя> привела меня к Херсонесу. Некоторые его стены очень хороши, построены из грубого камня на растворе. Цитадель стоит прямо на юго-западном берегу карантинной гавани, а развалины города тянутся на версты вдоль берега и примерно на одну версту вглубь его...»* [108, p. 270]. Далее следуют обычные сожаления по поводу разрушения городища строителями Севастополя и пространная цитата из Палласа по этому поводу.

Шотландец **Джеймс Уэбстер** (James Webster, 1802–1828 гг.), выучившись на юриста в Иннер-Темпле (один из лондонских университетов-гостиниц для студентов, обучающихся праву), решил совершить поездку по Европе для завершения образования. Его компаньонами стали англичане У. Гринвилл и У.-Х. Ньюем. В 1827 г. путешественники оказались в России, в сентябре этого года – в Крыму. Отсюда они отправились в Турцию и Египет, где Уэбстер

заболел лихорадкой и скоропостижно скончался 26 лет от роду. Ньюнем разобрал и издал путевые записки Уэбстера в память о друге [109; 110, p. 434-449; 111, p. 489, s. v. Webster]. Дневникам Уэбстера свойственна сентиментальность, романтизм, глубокое христианское чувство, что иногда приводило автора к долгим отвлеченным рассуждениям. Отсутствие последующей авторской и редакторской правки позволяет относиться к ним как к весьма объективному источнику.

В Крыму Уэбстер оказался очевидцем раскопок Херсонеса, с которых в литературе обычно начинают отсчитывать историю археологического изучения памятника. Однако его записки не помогут окончательно разрешить вопрос о том, кто же исследовал городище в 1827 г. – М. Б. Берх [112, с. 173-174] или К. Крузе [15, с. 509-514], ведь автор не сообщает имени руководителя раскопок. Поскольку он был там всего один день в сентябре, возможно, что руководителя в этот момент и не было на городище. Уэбстер так описывал увиденное:

«Раскопки продвигаются очень медленно, а поддающиеся обнаружению памятники и остатки едва ли могут вознаградить усилия и затраты по их поиску. Все остатки древнего Херсонеса до крайности разрушены; те из них, что открыты в настоящее время, в основном относятся к средним векам. Рабочие раскапывали развалины, скрывавшие древнюю молельню, но их труды не открыли ничего, кроме немногих плохих ионийских колонн с крестами, вырезанными на стволах и капителях. В центре находится длинная и высокая зеленая насыпь, с которой вид на серые кучи можно обозреть целиком. Стены прослеживаются от моря и до моря, причем некоторые их части имеют высоту от двадцати до двадцати пяти футов. На поворотах имеются следы круглых башен. Та, что вблизи карантинной гавани, почти не повреждена. Эти остатки показывают степень разрушения. Варвар проявил свою дикость и, возможно, пожелал показать, какой огромный город он разрушил» [75, p. 76].

В отличие от многих путешественников, концентрировавшихся на памятниках античности и не желавших видеть в Херсонесе остатки более позднего времени, Уэбстер говорит как раз о средневековье. Впрочем, он вполне скептичен в отношении возможных результатов исследования. Попробуем локализовать виденные им объекты.

«Длинная насыпь», с которой Уэбстер осматривал Херсонес, это, вероятно, описанный выше загадочный холм в западной части городища. Раскопки Крузе открыли три церкви [47, с. 203-205; 51, с. 48-51]. Первая – так называемая крестообразная № 27 на агоре, которую отождествляли с местом крещения Владимира. Ее остатки находятся в нижней части современного собора. Второй храм, предположительно базилика № 17, располагался в западной части городища и сейчас полностью скрыт под землей. Наконец, третий лежал

к северу от первого [51, с. 51; ср. с. 54 слл., 67 слл., 97 слл.]¹⁰. Точная локализация второй и третьей церковей дискуссионна. Уэбстер говорит о колоннах с крестами, а, по словам Крузе, такие были обнаружены раскопками первого и второго храмов. Виденную им постройку Уэбстер называет «*chapel*» – то есть маленьким сооружением. Согласно же Крузе, маленькими размерами отличался именно второй храм (хотя он вполне мог его не докопать и потому ошибиться в размерах). Таким образом, Уэбстер мог видеть вторую из открытых Крузе церковей, но проверить это уже не получится. Что же касается башни близ Карантинной бухты, то на литографии К. Боссоли 1842 г. действительно видны хорошо сохранившиеся остатки такого сооружения (рис. 3). Правда, художник дал волю своему воображению, и потому определить, что конкретно это за башня, довольно сложно.

Издание записок Уэбстера не обошлось и без курьеза. В книге имеется виньетка, названная «Развалины Херсонеса» [75, р. 75; ср. указатель виньеток в конце тома]. Но это досадная ошибка: на рисунке изображена мечеть где-то на южном берегу, возможно, в Алушке, описание которой приводит Уэбстер [75, р. 65]. Поскольку перепутать изображение мечети на фоне гор с руинами древнего города довольно сложно, быть может, сюда планировали поместить другой рисунок, но в последний момент сделали замену, забыв внести соответствующие изменения в указатель. Не исключено также, что указатель к виньеткам составлял не слишком образованный работник издательства, потому и произошла путаница.

Помимо описания Херсонеса, травелог Уэбстера содержит массу любопытных сведений. В частности, находясь в Симферополе, путешественник узнал любопытные подробности, связанные с открытием на его окраине городища Керменчик (скифского Неаполя). Эти известия кажутся настолько интересными, что ради их изложения можно отступить от темы данной статьи.

В столице Крыма Уэбстер познакомился с А. И. Султан-Крым-Гиреем (1789–1847 гг.). Выходец из северокавказской ветви Гиреев, по некоторым сведениям – внук последнего крымского хана, он был крещен шотландскими миссионерами и впоследствии несколько лет провел в Шотландии, где женился на юной дворянской дочери Энн Нилсон (в России ее называли Анной Яковлевной) [108, р. 227-233; 113, р. 71-99]. Крым-Гирей рассказал Уэбстеру историю открытия городища Керменчик, отличающуюся от той, что описывается в современной археологической литературе. Подчеркну, что Крым-Гирей прекрасно говорил по-английски, был очень доброжелателен по отношению к путешественникам, к моменту встречи с Уэбстером в сентябре 1827 г. со времени его находки прошло

¹⁰ Тот храм, который сейчас называют «базиликой Крузе» (№ 7; находится в восточной части Херсонеса), вероятно, к его раскопкам не имеет никакого отношения [51, с. 51, 67 слл.].

всего несколько месяцев, а дневник последнего впоследствии не редактировался. Вот что записал Уэбстер:

«Мы пообедали у Султана, который показал нам грубо исполненный рельеф скифского воина верхом на коне. Возле него была надпись, где упоминался царь Скилур. По словам Султана, ее нашли в миле от Симферополя. Он полагает, что соседний холм – это место, где была третья крепость Скилура. Там есть много очень древних и интересных развалин, которым, однако, русские выказывают немного уважения, употребляя рельефы и камни с надписями для ремонта дорог. Чтобы убедить нас в этом, Султан выехал на участок дороги и, указывая на камни, сказал: “Они лежали там”. Можно ли вообразить что-то более варварское?» [75, р. 94].

«Третья крепость» – это отсылка к следующим словам Страбона: «Кроме перечисленных местностей, в Херсонесе <то есть на Крымском полуострове> есть также укрепления, которые построил Скилур и его сыновья. Эти укрепления – Палакий, Хаб и Неаполь...» (Strabo Geogr. 7. 4. 7).

Традиционная версия этих событий несколько отличается. Согласно ей, в апреле 1827 г. Крым-Гирей встретил подводу, везущую в город камень, взятый с Керменчика, среди которого были плита с рельефным изображением скифского всадника и три надписи, одна из которых – с именем Скилура. Камень предназначался для строительства дома какого-то татарина. Крым-Гирей выкупил памятники [114, с. 47; 115, с. 24; 116, с. 15]. Это и послужило толчком к началу археологических раскопок на городище [15, с. 537-544].

Неясно и то, что за камень нашел Крым-Гирей. П. Кеппен говорит, что это был «песчаный камень с изображением всадника на коне и Греческою надписью, упоминающей о Скилуре...» [117, с. 36]. Н. Сементовский описывает «песчаный камень с рельефным на нем изображением всадника; под конем выдолблена греческая надпись, в которой упоминается имя царя Скилура» [116, с. 15], о том же свидетельствует и Уэбстер. Однако возможно, что это были два отдельных памятника – рельеф и надпись, по ошибке принятые за фрагменты одного. Ср. опубликованные изображения [IOSPE I², р. 505 (no. 668); 118, рис. 1 (вклейка)].

Другой шотландец **Джеймс-Эдвард Александер** (James Edward Alexander, 1803–1885 гг.), офицер британской армии, прославился многочисленными путешествиями по Индии, Африке, Ближнему и Среднему Востоку, Новой Зеландии и другим местам, записки о которых регулярно публиковались [ЕВ, s. v. Alexander, James Edward; 119, р. 87-88, s. v. Alexander; 120, с. 5-17; 121]. В России он побывал в 1829–1830 гг., пожелав присоединиться к русской армии после начала очередной войны с Османской империей. Вскоре по возвращении на родину Александер издал материалы своих наблюдений [77–79¹¹].

---

¹¹ В русском переводе отсутствуют введение и приложение к первому тому, а также те главы тома второго, где говорится о приключениях автора в Турции.

Подобно Уэбстеру, Александер не хотел ни рисовать парадный портрет России, ни мазать чужую страну черными красками. К тому же он изучал русский язык, а это позволяло получать информацию непосредственно и не прибегать к услугам переводчика.

В Крыму автор оказался летом 1829 г. Севастополь был закрыт на карантин из-за завезенной из Турции чумы, что не помешало путешественнику совершить несколько поездок по окрестностям города и, в частности, посетить Херсонес. Близ древнего города находились «пещеры», за которые автор, конечно же, принял склепы загородного некрополя. *«В этих пещерах, выдолбленных в известняковой скале, как правило, вырублены шесть каменных лож, расположенных по трем сторонам пещеры одно над другим»*. В склепах разместился пикет греков-арнаутов, использовавших древние сооружения в качестве жилищ. Здесь же заночевал и сам путешественник: *«Мы отведали арбузов и сели играть в карты, на эту ночь я остался у греков»* [77, р. 266-267; 79, с. 169-170].

Александер осмотрел стены Херсонеса, толстые, с полукруглыми «арками» (вероятно, средневековыми калитками), 30 футов (то есть 10 метров) высотой. Видел он и развалины христианских храмов с упавшими мраморными колоннами и фризами, с разоренными могилами под полом. Неизвестно, что это были за храмы – возможно, те, что были открыты раскопками Крузе в 1827 г. [77, р. 266-267; 79, с. 169-170]. Александер упоминает лишь два храма, но и третья описанная, но не определенная им постройка, похоже, также была церковью: путешественник подходил к *«фундаментам здания, оканчивавшегося дуговой стеной, откуда выкопаны были горы человеческих костей, лежавших поблизости»* [77, р. 267]. «Дуговая стена» – это, надо полагать, алтарная апсида, а кости выбросили из погребений под полом церкви¹².

Херсонес разрушали не только строители Севастополя – городище стало ареной деятельности грабителей: *«Прах тревожили ради добычи зарытых сокровищ; греческие солдаты дали мне несколько медных монет с изображением Минервы, дельфина и других хорошо известных античных символов»* [77, р. 267; 79, с. 170].

Еще один описанный автором объект идентифицировать довольно сложно. *«Недалеко от моря, на возвышении виднелись следы квадратной крепости»*, – пишет Александер [77, р. 267; 79, с. 170]. Что это такое, ясно не вполне. Если бы не указание на возвышенное положение, можно было бы думать, что шотландец наблюдал руины цитадели в юго-восточной части городища. С другой стороны, известно, что в центральной части города, на возвышенности находилась постройка византийской эпохи с исключительно мощными

---

¹² Перевод этого фрагмента в русском издании откровенно неудачный – в нем появились «могильные курганы», а «дуговая стена» вместо того, чтобы завершать постройку, стала ее окружать [79, с. 169].

стенами, раскопанная в начале XX в. и впоследствии уничтоженная при строительстве зданий современного монастыря. Существует предположение, что это был «замок», резиденция наместника города, административный центр византийского Херсона [122, с. 278-280]. Можно было бы предположить, что Александр видел именно это сооружение, однако оно расположено сравнительно далеко от моря, а, кроме того, постройка была разрушена еще в византийское время и перекрыта «лачужками»¹³.

К первому тому английского издания приложен очерк, называющийся «Древности на берегах Черного моря» [77, р. 287-308]. Здесь автор рассказывает о каменных изваяниях, находимых на курганах; античных монетах, причем «обычным изображением на монетах Херсонеса была рыба»¹⁴; греческой колонизации; деяниях Митридата Евпатора; и, наконец, античных находках из разных мест, собранных, главным образом, в коллекции адмирала А. С. Грейга в Николаеве – они изображены на в специальной таблице на вклейке (рис. 4). Пятым пунктом идет мраморный антемий, найденный в развалинах Херсонеса [77, р. 299]. Завершается очерк размышлениями о торговле в Причерноморье в античности, средние века и новое время.

Через некоторое время автор вновь оказался на берегах Карантинной бухты. Теперь здесь жили пленные турки, русские моряки, заболевшие чумой, и обслуживавшие их каторжники: «...мы увидели скалистый берег, заполненный полтора тысячами пленных турок, которые образовывали живописные группы, стоя и сидя на неровном берегу. Ниже располагались многочисленные пещеры, в которых жили несчастные османцы. Потом мы подошли к часовому, охранявшему пещеру с низким входом, обнесенную оградой; устье пещеры омывалось волнами. Здесь лежали жертвы ужасного недуга...» [77, р. 283-286; 79, с. 179-180]. Автор не подозревал, что вскоре ему самому предстоит стать «узником» херсонесского карантина.

Из Крыма Александр отправился к театру военных действий – в Турцию. При возвращении в Россию после заключения мира, экипаж корабля, на котором находился путешественник, был помещен в карантин, поскольку в Турции свирепствовала чума. Александр провел три недели на руинах Херсонеса, в каком-то доме, вероятно, сооруженном из древних остатков «без стола, стульев, постельного белья. Мы жестоко страдали от холода... С едой было совсем плохо: питались мы только черным хлебом и овощами, из

¹³ Нужно сказать, что перевод и этого фрагмента в русском издании не кажется очень удачным. Возможно, лучший вариант: «...а по направлению к морю <от второй церкви>, на поднимающемся участке земли, были явные следы квадратной цитадели». Если предположить, что море автор противопоставляет Севастопольской бухте, это будет дополнительным аргументом в пользу соотнесения виденной им «цитадели» с «замком» в центральной части городища.

¹⁴ Возможно, речь идет о ранних монетах Херсонеса IV в. с изображением рыбы или дельфина на оборотной стороне [82, с. 134-135].

которых собственноручно ухитрялись готовить суп». Правда, такое положение не помешало Александру, когда в Севастополь прибыл английский фрегат, нуждавшийся в провизии и топливе, сделать *«все, чтобы добыть все необходимое в Севастополе. Были забиты и отправлены в карантин волы и овцы, а греческие купцы снабдили корабль бакалеей».* Это обстоятельство, в ряду прочих, могло бы возбудить подозрение в шпионаже и связях с агентами в городе, так что по окончании карантина британец был помещен под арест и вынужден был долго доказывать свою невиновность [78, р. 180-181, 186 ff.; 79, с. 211, 214 слл.].

Впоследствии Александру предстояло вернуться в Россию – во время Крымской войны он осаждал Севастополь в чине генерал-лейтенанта британской армии, командовал 14-м пехотным полком. Интересно, побывал ли он на развалинах Херсонеса еще раз?

***

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. путешественники-европейцы формируют у читающей публики интерес к развалинам Херсонеса и его окрестностей. Несмотря на то, что их сочинения были совершенно разными в жанровом отношении, имели разную информативность, а самим авторам был свойственен субъективный взгляд на вещи, нередко искажавший реальную картину происходящего, их сочинения рисуют вполне определенный образ Херсонеса, имевший как вполне реальные, так и воображенные черты. И, конечно, на иностранцев влияли как их собственные идеологические установки, так и результаты общения с жителями Крыма (особенно с Палласом), и даже государственная идеология России, которая при Екатерине уделяла большое внимание античному и средневековому наследию [70, с. 100-120].

Травелогии способствовали росту интереса к истории города, предлагали первые очерки древнего и средневекового Херсонеса. Путешественники делали попытки – иногда неловкие – связать данные источников с археологическими памятниками городища. Популярны были попытки соединить сведения по античной географии Страбона и летописные известия об осаде Херсонеса Владимиром с тем, что путешественники видели непосредственно на городище и в его окрестностях.

Помимо этого, они описывают городские укрепления, портовые сооружения, христианские церкви, холм на городище, монеты и эпиграфические памятники, склепы в окрестностях города и загородный храм, остатки построек на хоре. Путешественникам обязаны мы известиям о несохранившихся до наших дней конструкциях, таких как спускавшиеся в Карантинную бухту «ступени» и постройки на ее восточном берегу. Производились первые попытки понять назначение различных сооружений, нередко оказывавшиеся ошибочными. Так, склепы на некрополе зачастую понимались как жилища, а водосборная галерея близ загородного храма – как городской водопровод.

Эти интерпретации могут быть показателем взаимовлияния идей, циркулировавших среди исследователей Крыма. Много лет проживший в Крыму и специально изучавший полуостров и его древности Габлиц, который дружил с Палласом, описывает и трактует склепы («подземельные пещеры, кои внутри поддерживаются столбами») и загородный храм с водосборной галереей (понятые им как элементы системы городского водоснабжения) в выражениях, близких к использованным его другом [32, с. 162-163]. Вряд ли эти интерпретации возникли у них независимо. Неизвестно, Паллас ли заимствовал у Габлица, или Габлиц у Палласа, но обмен мнениями между «приезжими» и «местными» определенно имел место. О том же говорят и рассказы Кларка и Рёйи, как поселившийся в Крыму Паллас оказывал им разностороннюю помощь в изучении полуострова.

Иностранцы свидетельствуют о катастрофических последствиях строительства Севастополя для Херсонеса. Паллас и Рёйи призывали начать исследовательские раскопки древнего города. Так археологические древности становятся неотъемлемой частью образа Крыма и мотивом, привлекающим сюда все новых гостей.

Эти изыскания способствовали формированию представления о Херсонесе как о христианском центре, истоке русского православия, религиозной святыне. Кажется, это значение в глазах западной публики город приобрел быстрее, чем у русских путешественников и их читателей [123; 124, р. 49 ff.].

Интересно, что большинство путешественников желали отыскать в Крыму античность. Хотя видневшиеся на поверхности земли остатки укреплений и других построек несомненно относились именно к средневековому времени, почти все путешественники, исключая, пожалуй, только де Миранду и Уэбстера, понимали их как греко-римские. В результате благодаря Палласу, Кларку и другим Крымский полуостров стал восприниматься как «заповедник классической античности», а Херсонес – как, прежде всего, античный памятник.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боплан Г.Л. де. Описание Украины / Пер. с фр. З. П. Борисюк. М., 2004.
2. Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарии / Пер. с ит. Н. Н. Пименов // ЗООИД. 1902. Т. XXIV.
3. Броневский М. Описание Крыма / Пер. с лат. И. Г. Шершеневич // ЗООИД. 1867. Т. VI.
4. Peyssonnel Ch. de. Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxin. Paris, 1765.
5. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь, 1991.
6. Formaleoni. Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la Mer-Noire... Т. I. Venise, 1789.
7. Formaleoni. Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la Mer-Noire... Т. II. Venise, 1789.

8. Parkinson J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea, 1792–1794. London, 1971.
9. Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London, 1827.
10. Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet / Ed. by B. Seebohm. Vol. I. Philadelphia, 1860.
11. Храпунов Н.И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
12. Ящуржинский Х. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического // ИТУАК. 1888. Вып. 5.
13. Бертье-Делагард А.Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12.
14. Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905.
15. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
16. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. XII, вып. 1–8: Готский сборник.
17. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
18. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX в.). Киев, 1999.
19. Каушлиев Г.С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23(62). № 1.
20. Деремедведь Е.Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008.
21. Köhler Н.К.Е. Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Н.К.Е. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Hrsg. L. Stephani. St. Petersburg, 1850. Bd. II: Serapis. Th. II.
22. Kosmeli M. Rhapsodische Briefe auf einer Reise in die Krim und die Türkei. Halle, 1813.
23. d'Asfeld L. T. Haslam-Gherai, sultan de Crimée, ou Voyages et souvenirs du duc de Richelieu... Paris, 1827.
24. Biographie universelle, ancienne et moderne... Т. 57. Paris, 1834.
25. Regemorter J.-L. van, Cadot M. Le commerce extérieur de la Russie en 1784, d'après le journal de voyage de Baert du Hollant // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. V. 10. № 3–4.
26. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris, 1798.
27. Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010.
28. Раткевич К.И. Путешествие Жильбера Ромма в Крым в 1786 г. // Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с фр. К. И. Раткевич. Л., 1941.
29. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с фр. К. И. Раткевич. Л., 1941.
30. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь, 2011.

31. Головачов В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872.
32. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. № 22. Февраль.
33. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800.
34. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб., 1803.
35. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
36. Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. Т. 1. Brunswick, 1800.
37. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. М. С. Альперович. М., 2001.
38. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического, часть II // ХСб. 1927. Вып. II.
39. Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986.
40. Альперович М.С. Испаноамериканский креол при дворе самодержицы всероссийской // Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи. М., 2001.
41. Вагеманс Э. Питер ван Вунсел: нидерландский критикан на русской службе // Голландцы и бельгийцы в России. XVIII–XX вв. СПб., 2004.
42. Woensel P. van. Aanteekeningen, gehouden op eene reize door Turkeyen, Natoliën, de Krim en Rusland in de jaren 1784–89. D. 2. Constantinopolen, 1793.
43. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. С. Л. Белявская, А. Л. Бертье-Делагард. М., 1999.
44. Маркевич А.И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды // ИТУАК. 1912. № 47.
45. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
46. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII.
47. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым... / Пер. с фр. Т. М. Фадеева. Симферополь, 2009.
48. Бернацки А.Б., Клёнина Е.Ю. Сакральная архитектура византийского Херсона (по результатам раскопок и аэроснимков) // ХСб. 2006. Вып. XV.
49. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. 1905. Вып. 16.
50. Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845–1846) // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. XVI.
51. Айналлов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
52. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. М.; Л., 1959. № 63.
53. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис. Тюмень, 2008.
54. Маркевич А.И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005.
55. Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточ-

- ного Крыма и начальный этап истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев, 2011.
56. Pallas. Voyages enterpris dans les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie... Planches. Paris, 1805.
  57. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
  58. Гиляровский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. М., 1985.
  59. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. М., 1986.
  60. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea... London, 1802.
  61. Kizilov M. Karaites through the Travellers' Eyes: ethnic history, traditional culture and everyday life of the Crimean Karaites according to the descriptions of the travellers. New York, 2003.
  62. Мальгин А.В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2004.
  63. Герардини О.Н. Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) // Материалы II научной конференции «Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. Новый Свет, 2009.
  64. Cross A. By the Banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in the eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997.
  65. Татаринцева Р.И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
  66. Тункина И.В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. по неизданным архивным документам // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
  67. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
  68. Campenhausen. Travels through Several Provinces of the Russian Empire... London, 1808.
  69. Watt R. Bibliotheca Britannica, or a General Index to English and Foreign Literature. Vol. I. Edinburgh, 1824.
  70. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004.
  71. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York, 1827.
  72. The Georgian Era: memoirs of the most eminent persons, who have flourished in Great Britain... Vol. III. London, 1834.
  73. Lower M.A. The Worthies of Sussex... Lewes, 1865.
  74. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1817.
  75. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. 1. London, 1830.
  76. The American Review of History and Politics, and General Repository of Literature and State Papers. Vol. III. Philadelphia, 1812.
  77. Alexander J.E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829... Vol. I. London, 1830.
  78. Alexander J.E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829... Vol. II. London, 1830.

79. Александр Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008.
80. Clarke E.D. Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. Cambridge, 1809.
81. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.
82. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, 1977.
83. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803... Paris, 1806.
84. Description du Tibet, d'après la Relation des Lames Tangoutes, établis parmi les Mongols / Tr. de l'allemand avec des notes par J. Reuilly. Paris, 1808.
85. Biographie universelle classique, ou dictionnaire historique portatif. P. 2: H–R. Paris, 1829.
86. Quérard J.-M. La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique... Т. 7. Paris, 1835.
87. Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. Т. 2. Brunswick, 1800.
88. Полевщикова Е. Неизвестное и известное о маркизе де Кастильно // Дерибасовская-Ришельевская: одесский альманах. 2005. № 23.
89. Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie. Т. III. 2nd ed. Paris, 1827.
90. Lettres d'un voyager dans les provinces méridionales de Russie // Bibliothèque britannique... Т. 39. Genève, 1808.
91. Lettres d'un voyager dans les provinces méridionales de Russie // Bibliothèque britannique... Т. 40. Genève, 1809.
92. Третьяк А. «Lettres sur Odessa» Шарля Сикара // Дерибасовская-Ришельевская: одесский альманах. 2010. № 43.
93. Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. V.
94. Gamba J.-F. Voyage dans la Russie meridionale... Т. I. Paris, 1826.
95. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia... London, 1826.
96. Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России... / Пер. с англ. В. Л. Вихнович, А. А. Алексеев. СПб., 2006.
97. Henderson Th.S. Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including his labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc. London, 1859.
98. Баталден С. Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библеиста и путешественника // ВИ. 2004. № 5.
99. Храпунов Н.И. Рец. на кн.: Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России... / Пер. с англ. В. Л. Вихнович, А. А. Алексеев. СПб., 2006 // Ab Imperio. 2010. № 1.
100. Lyall R. The Character of the Russians, and a Detailed History of Moscow. London, 1823.
101. Lyall R. An Account of the Organization, Administration, and Present State of the Military Colonies in Russia. London, 1824.
102. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. Vol. I. London, 1825.
103. Деремедведь Е.Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2002. № 43.
104. Полиевктов М.А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830. Тбилиси, 1946.
105. Громенко С.В. До біографії польського мандрівника Карла Качковського // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2010. № 177.
106. Kaczkowski K. Dziennik podrozy do Krymu, odbytey w roku 1825. Cz. 3. Warszawa, 1829.
107. The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature of the Year 1831. London, 1832.

108. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey... Vol. II. London, 1827.
109. Newnham W. H. Memoir of Mr. James Webster // Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825–1828... Vol. 1. London, 1830.
110. The Monthly Review. 1830. Vol. XIV (From May to August inclusive).
111. Gorton J. A General Biographic Dictionary. A New Edition. Volume IV. London, 1851.
112. Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1.
113. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans // Cahiers du Monde russe. 2004. Vol. 45/1-2 (janvier-juin).
114. Ящуржинский X. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. 1889. Вып. 7.
115. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года по случаю столетия херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927.
116. Сементовский Н. Путешественник (Южный берег Крыма). СПб., 1847.
117. Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. СПб., 1837.
118. Бларамберг И.П. О положении трех Тавро-Скифских крепостей... / Пер. с франц. А. Л. Бертье-Делагард // ИТУАК. 1889. № 7.
119. Dod R.P. The Peerage, Baronetage and Knightage, of Great Britain and Ireland for 1864. London, 1864.
120. Весёлая Г. Записки английского офицера // Александр Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008.
121. Храпунов Н.И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Александр Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008 // Ab Imperio. 2011. № 2.
122. Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
123. Шаманаев А.В. Образ Херсона (Корсуни) как русской религиозной святыни в XVIII–XIX вв. // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005.
124. Kozelsky M. Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb, 2010.

Храпунов Н. И.

**Херсонес в описаниях европейских путешественников
конца XVIII – начала XIX в.**

Резюме

В статье говорится о том, какими увидели развалины древнего Херсонеса путешественники-европейцы, оказавшиеся в Крыму в конце XVIII – начале XIX в. Описания городища оставили Ш. де Бар (1784 г.), Ж. Ромм (1786 г.), Ф. де Миранда (1787 г.), П. ван Вунсел (1787 г.), П.-С. Паллас (1793–1801 гг.), Э.-Д. Кларк (1800 г.), Ж. Рёйи (1803 г.),

Г. де Кагельно (1803–1812 гг.), Ж.-Ф. Гамба (1817–1824 гг.), Э. Хендерсон (1821 г.), Р. Лайалл (1822 г.), Дж.-М. Джоунз (1823 г.), К.-М. Качковский (1825 г.), Дж. Уэбстер (1827 г.) и Дж.-Э. Александер (1829 г.). По словам путешественников, строительство Севастополя имело катастрофические последствия для Херсонеса. Они призывали начать исследовательские раскопки древнего города и пытались связать данные письменных источников (прежде всего, античной географии Страбона и средневековых известий о крещении князя Владимира) с археологическими памятниками городища. Иностранцы описали городские укрепления, портовые сооружения, церкви, склепы и некоторые несохранившиеся до наших дней памятники Херсонеса. Археологические древности становились неотъемлемой частью образа Крыма в глазах читающей публики, который стал восприниматься как «заповедник классической античности», а Херсонес – как античный памятник.

Храпунов М. І.

Херсонес в описах європейських мандрівників кінця XVIII – початку XIX ст.

Резюме

В статті йдеться про те, якими побачили руїни стародавнього Херсонеса мандрівники-європейці, що опинилися в Криму наприкінці XVIII – на початку XIX ст. Описи городища залишили Ш. де Бар (1784 р.), Ж. Ромм (1786 р.), Ф. де Міранда (1787 р.), П. ван Вунсел (1787 г.), П.-С. Паллас (1793–1801 рр.), Е.-Д. Кларк (1800 р.), Ж. Рьойі (1803 р.), Г. де Кагельно (1803–1812 рр.), Ж.-Ф. Гамба (1817–1824 рр.), Е. Хендерсон (1821 р.), Р. Лайалл (1822 р.), Дж.-М. Джоунз (1823 р.), К.-М. Качковський (1825 р.), Дж. Уэбстер (1827 р.) і Дж.-Е. Александер (1829 р.). За словами мандрівників, будівництво Севастополя мало катастрофічні наслідки для Херсонеса. Вони закликали розпочати дослідницькі розкопки стародавнього міста і спробували зв'язати дані письмових джерел (насамперед, античної географії Страбона і середньовічних звісток про хрещення князя Володимира) з археологічними пам'ятками городища. Іноземці описали міські укріплення, портові споруди, церкви, склепи і деякі пам'ятки Херсонеса, що не збереглися дотепер. Археологічні старожитності ставали невід'ємною частиною образу Криму в очах читаючої публіки, який почав сприйматися як «заповідник класичної античності», а Херсонес – як антична пам'ятка.

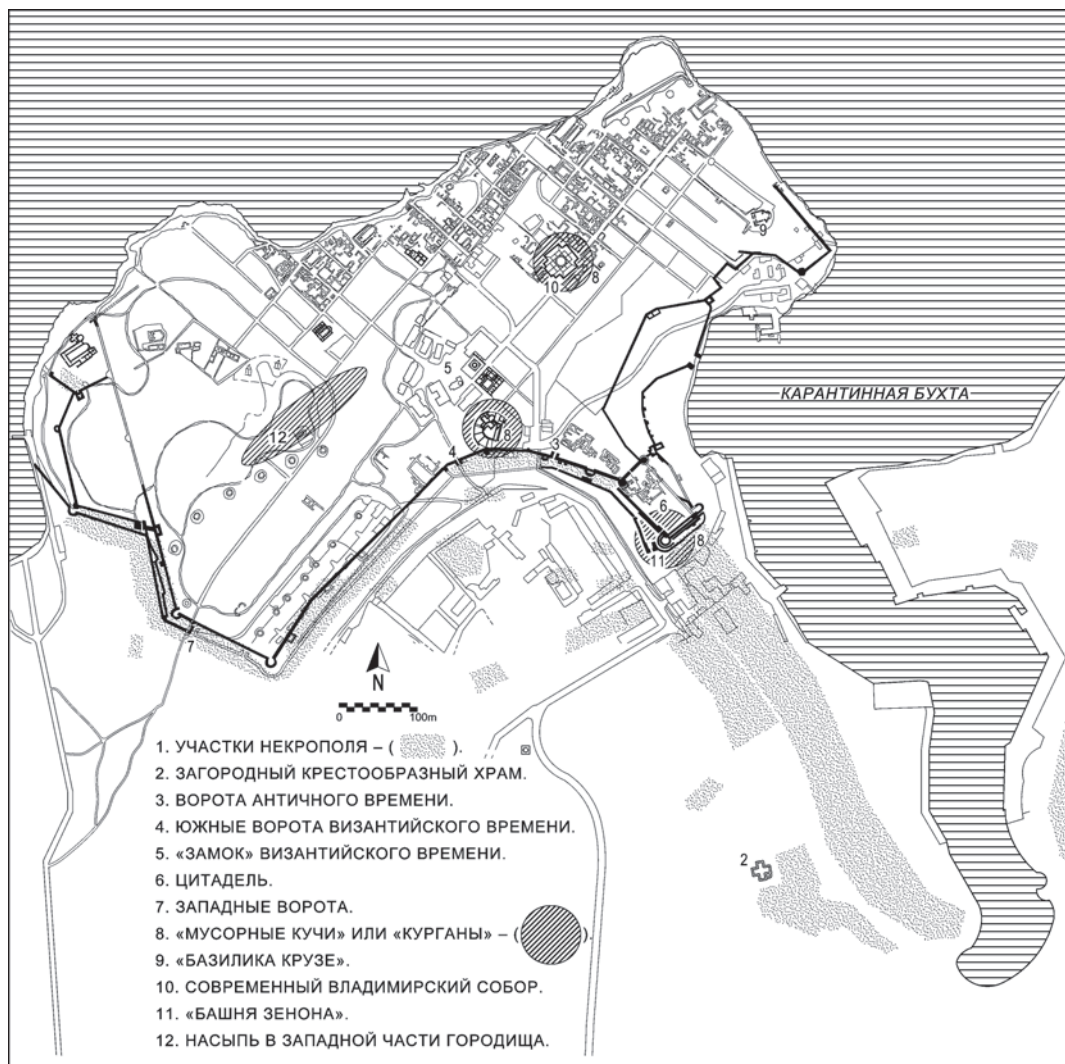
Khrapunov N. I.

Chersonesos as Described by European Travellers in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Century

Summary

The paper discusses the image of ancient Chersonesos in Taurica and its ruins according to European travellers who came to the Crimea in the late eighteenth and early nineteenth century. There are descriptions of the site by Charles de Baert (1784), Gilbert Romme (1786), Francisco de Miranda (1787), Pieter van Woensel (1787), Peter Simon Pallas (1793–1801), Edward Daniel Clarke (1800), Jean Reuilly (1803), Gabriel de Castelneau (1803–1812), Jacques Francois Gamba (1817–1824),

Ebenezer Henderson (1821), Robert Lyall (1822), George Matthew Jones (1823), Karol Maciej Kaczkowski (1825), James Webster (1827) and James Edward Alexander (1829). According to the travellers, the building of Sevastopol was a catastrophe for Chersonesos. They called for starting of scholarly excavation of the ancient city and tried to relate written sources accounts (first of all, from ancient geography according to Strabo and mediaeval chronicles about the baptism of Russian prince Vladimir) to archaeological monuments of the site. The foreigners described ancient city fortifications, port facilities, churches, burial vaults and some monuments that do not exist now. Archaeological antiquities became inalienable part of the image of the Crimea in the readers' eyes, so the peninsula became a "preserve of classical antiquity," and Chersonesos was considered a Greco-Roman site.

Рис. 1. Херсонесское городище с указанием упомянутых в статье памятников (рисунок М. Е. Левады).

Рис. 2. «Развалины второго Херсонеса и карантин» (гравюра де Палдо, иллюстрирующая записки Сумарокова; фрагмент). Из коллекции Центрального музея Тавриды (г. Симферополь).

Рис. 3. «Херсонес» (литография К. Боссоли). Из коллекции Центрального музея Тавриды (г. Симферополь).

Рис. 4. «Археология». Древности на берегах Черного моря (гравюра из книги Дж.-Э. Александера).

Д. А. ПРОХОРОВ

СТАТИСТИКА КАРАИМСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.

Изучению прошлого караимов Восточной Европы (или восточноевропейских караимов) посвящено значительное число публикаций. Тем не менее, несмотря на то, что в литературе освещались различные аспекты истории караимов, необходимо отметить, что специально вопрос о динамике изменения численности и географии их проживания не рассматривался. Эпизодически сведения о числе проживавших в Крыму караимов встречаются в записках путешественников, посетивших полуостров в конце XVIII–XIX вв.: П. И. Сумарокова, А. Н. Демидова, П. С. Палласа, Ф. Дюбуа де Монпере, Ш. Монтадона, писателей А. С. Афанасьева-Чужбинского (А. С. Афанасьева), Ф. В. Ливанова, В. В. Измайлова, Г. В. Геракова, французского энциклопедиста Ж. де Ромма, польской путешественницы Пюяты (псевдоним Елены Скирмунт), Л. Хлебницки-Юзефович, княжны Е. Горчаковой, О. П. Шишкиной, Р. Лайалла, С. Элиота, Р. Хебера, А. Омер де Гелль, Ф. Реми, А. фон Хакстхаузена, Й. Коля и многих других [1, с. 58, 59, 143; 2, с. 342; 3, с. 81; 4, с. 278, 280, 281; 5, с. 178; 6, р. 271-274; 7, с. 97; 8, с. 310, 312, 313, 388, 389; 9, с. 64; 10, с. 141-143; 11; 12, с. 119, 93, 119; 13; 14, с. 543-548; 15, с. 165; 16, с. 38-43; 17, с. 109-120; 18, р. 312-319; 19, р. 309; 20, с. 645-697; 21, с. 197-199; 183-215; 22, р. 399; 23, с. 258; 24, р. 96; 25].

Среди дореволюционных изданий, в которых приведены некоторые сведения по статистике караимского населения в Российской империи, следует упомянуть труды С. А. Бейма, А. А. Скальковского, П. И. Кеппена, Ф. Ф. Лашкова, Ф. В. Домбровского, Ю. Д. Кокизова, В. Синани, С. М. Неймана, С. М. Панпулова, С. М. Шапшала, П. П. Семенова-Тяньшанского [26, с. 436-444; 27; 28; 29, р. 68-122; 30, с. 348-379; 31; 32, с. 158-176; 33, с. 350, 353, 356; 34, с. 337-345; 35, с. 339-355; 36, с. 380-389; 37, с. 379-406; 38; 39, с. 30-37; 40, с. 39; 41, с. 12, 13; 42, с. 3, 4; 43, с. 4; 44, с. 495; 45, с. 683, 686, 711]. В «Еврейской энциклопедии», издававшейся в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв., была помещена обобщающая статья «Караимы», написанная известными гебраистами

А. Я. Гаркави, М. Балабаном и Ю. Гессеном. В ней, в частности, имеются и данные о численности проживавших в конце XIX в. на территории Российской империи караимов [46, кол. 268-298]. В статье А. Я. Гаркави с аналогичным названием, опубликованной в одном из томов «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, автор также привел сведения о количестве караимского населения в России [47, с. 431]. Некоторые данные по этому вопросу встречаются в статье «Караимы», напечатанной в «Большой энциклопедии», издававшейся Библиографическим институтом Мейера (Лейпциг, Вена) и книгоиздательским товариществом «Просвещение» (Санкт-Петербург) и вышедшей под редакцией С. Н. Южакова [48, с. 517]. Кроме того, необходимо указать на статью Н. А. Переферковича «Караимы», опубликованную в «Словаре Гранат» – в ней приведены некоторые важные статистические сведения о караимах, проживавших в России и за ее пределами [49, с. 444, 446].

После революции 1917 г. статистические сведения о крымских караимских общинах 20-х гг. XX в. были напечатаны в единственном номере караимского русскоязычного журнала «Бизым Йол», вышедшем в 1927 г. [50, с. 95]. Данные о численности караимского населения Крыма встречаются в работах П. В. Никольского, С. А. Усова, Б. П. Вологодина [51, с. 4, 11-13; 52, с. 64-85; 53, с. 63; 54, с. 104-106]. Некоторые материалы о караимах в Крыму, а также в Троках, Вильнюсе и Галиче в 1920–1930-х гг. были размещены в нескольких номерах журнала «Myśl Karaimska» («Караимская мысль»), издававшимся на польском языке в Вильнюсе с 1924 по 1939 гг. (10 номеров) и во Вроцлаве в 1946–1947 гг. (два номера) [55, s. 32; 56, s. 33; 57, s. 33; 58, s. 73-79].

В послевоенные годы история караимских общин практически не изучалась. Вызвано это было, прежде всего, событиями 1944 г. и депортацией из Крыма крымских татар, греков, немцев, болгар, армян и некоторых представителей других народов, в числе которых были и караимы [59, с. 88, 89; 60, с. 129-133]. Кроме того, на состоявшейся в 1952 г. объединенной научной сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма изучение «мелкобуржуазных групп», к которым отнесены и караимы, было рекомендовано не проводить. Негласный запрет на исследования по этой тематике в результате привел к тому, что изучение прошлого караимов, их быта, религиозных традиций, а также проблем численности караимского населения на долгие годы было фактически приостановлено. Материалы о караимах в печати появлялись эпизодически, однако сведения по статистике караимского населения в них не приводились [61, с. 110; 62, с. 379; 63, с. 836, 837].

Интерес к прошлому караимских общин возрождается в начале 1990-х гг., когда было издано несколько заслуживающих внимания работ, в которых рассматривался данный вопрос. Частично проблема численности караимского населения затрагивалась в публикациях по статистике населения Я. Е. Водарского, О. И. Елисеевой, В. М. Кабузана, С. С. Брука, М. С. Куповецкого,

С. С. Михайлова и др. [64; 65, с. 24-34; 66, с. 75-93; 67, с. 77-83], однако следует подчеркнуть, что детально этот аспект не исследовался; к тому же, в некоторых трудах встречаются фактические неточности [64, с. 121, 122, табл. 1]. Сведения о числе караимов, проживавших в разное время в городах Российской империи, СССР, а также в других странах мира, приведены в работах О. Б. Белого, Н. А. Давыдовой, И. А. Дьяконовой, Н. М. Терещук, М. Б. Кизилова, Е. В. Катуниной и Ю. А. Катунина, Н. Шура [25, р. 34-40, 223, 232; 68, с. 30-35; 69, с. 105-117; 70, с. 376-397; 71, с. 184-192; 72, с. 16-20; 73, с. 74-81; 74, с. 217-226; 75, с. 210-221; 76, р. 56, 57; 77, р. 77, 89]. Этой же теме посвящены отдельные статьи, опубликованные ранее автором настоящей публикации [78–84]. Помимо всего прочего, необходимо указать и на ряд общих работ, в которых анализировались проблемы статистического учета населения в Российской империи в XIX–XX вв. [85–97].

В задачи предлагаемой статьи входит анализ аспектов, связанных с динамикой изменения численности караимского населения на территории юго-западных губерний Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.; помимо этого, будут затронуты вопросы, связанные с демографической статистикой в караимских общинах и географией расселения караимов в стране в указанный период. При работе над настоящей публикацией использовались данные статистики (в частности, материалы российских переписей населения конца XVIII – конца XIX вв., статистические обзоры, отчеты и сведения, опубликованные в различных справочниках, путеводителях, адрес-календарях, в т.н. «памятных книжках» российских губерний), архивные документы, часть из которых вводится в научный оборот впервые, а также сведения, выявленные в дореволюционной периодической печати. Некоторые материалы для статьи были предоставлены Н. М. Терещук и М. Б. Кизиловым, за что автор выражает им свою признательность.

Необходимо сказать, что точное число караимов, проживавших на территории Крымского ханства в средневековье, неизвестно. По утверждению ряда караимских авторов XIX в., эта цифра могла составлять до 1 тыс. семей, населявших, преимущественно, Чуфут-Кале (Кырк-Йер), Солхат, Кафу, Карасубазар, Мангуп, а также Гезлёв и ряд менее значительных населенных пунктов полуострова [98, с. 263-284; 26, с. 136; 29, р. 94; 99, с. 95, 96; 38, с. 20]. Как полагают Я. Е. Водарский и В. М. Кабузан, в первой половине XVIII в. всего на полуострове проживало 467 тыс. чел.; 0,2% (до 1 тыс. чел.) от этого числа составляли представители иудейских общин (как евреи-раввинисты, так и караимы) [64, с. 85, 86, 120]. По свидетельству караимского писателя и библиографа XVIII в. Симхи Исаака бен-Моисея Луцкого (?–1761/1776?), в 1750-х гг. в Крыму насчитывалось до 500 караимских семей, составлявших 4 общины: в Чуфут-Кале, Евпатории, Феодосии и Мангупе [47, с. 431; 100, кол. 389-390; 101, с. 60]. Если предположить, что каждая семья могла состоять в среднем из

4–5 человек, то общее число караимов, населявших полуостров в это время, составляло приблизительно 2–2,5 тыс. чел. [38, с. 16; 66, с. 77]. В 1760–1770-х гг. в Крыму всего насчитывалось 454 тыс. 700 чел.; иудейские общины полуострова составляли 0,3% (1 тыс. 600 чел.) от этого числа¹ [64, с. 120]. По приблизительным подсчетам, в 1782 г. в целом на территории Крымского полуострова проживало около 55 тыс. жителей-мужчин из числа крымских татар и евреев (вместе с караимами); собственно численность крымской караимской общины составляла 1 тыс. 102 караима «мужеского полу», а всего на полуострове проживало 2 тыс. 600 чел. караимского вероисповедания [64, с. 86; 66, с. 77; 105, с. 180; 106, с. 180]. Таким образом, на основании данных статистики можно сделать вывод о том, что в конце XVIII в. большинство представителей иудейских общин полуострова составляли караимы. В то же самое время в Литве, Галиции и Волыни насчитывалось 1 тыс. 200 караимов [66, с. 77].

После присоединения Крыма к России в 1783 г. одним из первоочередных мероприятий российских властей стало определение точного количества жителей, проживавших на полуострове, а также организация управления новыми территориями и, в том числе, определение административного и правового положения представителей местного «инородческого» населения. Согласно сведениям, собранным бароном О. А. Игельстромом в «Камеральном описании Крыма», на полуострове в 1783 г. насчитывалось 56 тыс. 796 мужчин-нехристиан, в том числе и 1 тыс. 407 «жидов» (евреев-раввинистов или караимов) при общей цифре населения 140 тыс. чел. (муж. и жен.) [32, с. 159; 107, с. 151; 108, с. 15, 19; 109, с. 39]. С середины 80-х гг. XVIII в. начинается переселение в Крым большого числа представителей различных этносов и приверженцев разных конфессий – среди них были уволенные в отставку солдаты с женами (в основном, из центральных русских губерний), заштатные служители церкви и старообрядцы, дербятевые калмыки с Волги, украинцы, греки, поляки, немцы, болгары, итальянцы, румыны и пр. После присоединения Крыма к России в конце XVIII в. на полуостров начали прибывать еврей-ашкеназы, которые обосновались в Керчи, Симферополе, Севастополе, Евпатории, Феодосии. Они, отчасти, вливались в местные крымчакские общины. Пустующие

---

¹ Некоторое сокращение численности иудейских общин могло быть вызвано событиями, происходившими в это время в Крыму – русско-турецкая война 1768–1774 гг., и как ее следствие, жертвы среди мирного населения; переселение в 1778 г. с территории полуострова по приказу русских властей 31 тыс. 386 чел. христиан (кстати, сами караимы, по свидетельству караимского автора XVIII в. Рабби Азарьи, наблюдая за происходящими событиями, тоже опасались быть выселенными из Крыма); притеснения, которые испытывали на себе представители иудейских общин Карасубазара и Чуфут-Кале со стороны крымских ханов Девлет-Герая III и Шагин-Герая, а также многочисленные смуты и бунты, происходившие в конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. на территории Крымского ханства [102, с. 375-378; 103, с. 696; 104, с. 106, 107, 109-111, 127].

после ухода христиан и эмиграции части крымских татар земли и дома обрели новых хозяев. Между прочим, П. С. Паллас в 1799 г. упоминал, что в оставленные эмигрировавшими в Турцию крымскими татарами-жителями Кафы жилища вселялись караимы и армяне; судя по данным «Камерального описания Крыма», в Кафе 62 дома были заняты «жидами крымскими» (из них было 148 муж. и 145 жен.) и 22 – армянами [110, с. 48, прим. 12; 111, с. 122].

Следует сказать о том, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. караимы, проживавшие на территории Российской империи, принимают активное участие в процессах, связанных с оформлением их гражданско-правового статуса. В 1787 г. в официальных документах российской колониальной администрации впервые упоминается об участии крымских караимов в торжествах, связанных с визитом императрицы Екатерины II и ее свиты на Крымский полуостров. Для осуществления масштабных мероприятий по встрече императорского кортежа в Бахчисарае правителем Таврической области, действительным статским советником В. В. Коховским (Каховским) специально были собраны не только местные горожане, но и жители других населенных пунктов – например, из Евпатории прибыло 60 крымских татар и 15 караимов (вероятно, в их число входили представители зажиточных слоев вышеуказанных общин и духовенство). Очевидно, делалось это для того, чтобы, по замыслу областной администрации, туземное население «в чистых и опрятных национальных одеждах» могло приветствовать владелицу вновь присоединенных территорий, тем самым демонстрируя, что «жители тамошние весьма обрадованы утверждением мира» [112, с. 125; 113, с. 75]. Среди караимов даже существовало предание о том, что посетившей Бахчисарай императрице лично был представлен бывший управляющим финансами и заведующий монетным двором последнего крымского хана Шагин-Герая караим Вениамин бен Самуил Ага-Нейман [99, с. 113].

В феврале 1788 г. в ордере на имя В. В. Коховского князь А. Г. Потемкин распорядился о том, чтобы представителей различных этнических и конфессиональных общностей, ранее причисленных Таврической областной казенной палатой к мещанскому и купеческому сословию, «в сходственность узаконений обложить <...> некоторым платежом в казну для приращения Государственных доходов» [114, с. 8]. Привлеченные возможностью получения налоговых и других льгот (предоставленных ранее крымским татарам согласно рескрипту Екатерины II от 9 ноября 1794 г.), караимы выступили перед правителем Новороссии и Бессарабии графом П. А. Зубовым с ходатайством об освобождении их от уплаты двойного промыслового налога (который, в соответствии с указом от 23 июля 1794 г., должны были платить еврей-раввинисты), т.к. для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно» [115, с. 20, 21; 68, с. 31, 32]. Интересно, что в тексте этого прошения его авторами приводится указание на численность проживавших в 1795 г. в Крыму караимов,

подтверждающее вышеприведенные нами цифры: «общество наше считать от малолетнего до престарелого не составит и 1000 человек мужского полу» [68, с. 32]. С целью вновь ходатайствовать о правах караимского населения в 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация, уполномоченная представлять интересы караимов (в ее состав вошли такие влиятельные члены караимского общества, как Соломон «Чабак» Бабович, Вениамин бен-Самуил Ага-Нейман, а также караимский гахам Чуфут-Кале Исаак бен-Шелома) [116, кол. 382, 383].

Рассмотрев просьбу уполномоченных от караимских общин и заключение, представленное П. А. Зубовым (в которых, в частности, утверждалось, что караимы, в отличие от евреев-раввинистов, «живут на местах пребывания своего мирно и постоянно, упражняются в разных рукоделиях трудолюбиво, поведением своим, тишиною и доставляемою пользою всей Тавриде, со стороны распространения полезных рукоделий и торговли, заслужили от начальства особливую похвалу и уважение», а также «отправляют по выборам службу и должности с возможным усердием»), Екатерина II подписала специальные рескрипты и указы, в которых члены крымских караимских общин получили вполне конкретные права и привилегии. В частности, 8 июня 1795 г., в соответствии с рескриптом императрицы, крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты т.н. «рекрутских» денег и солдатского постоя. «Всемиловнейше повелеваем не брать с них [караимов] двойных податей, каковые положены на всех вообще евреев, а взыскивать оные по-прежнему наравне с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, предоставляя вашему распоряжению об оказании им по возможности и других выгод и облегчений с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о которых изданные от Нас высочайшие узаконения должны исполняемы быть во всей точности», – говорилось в указе, данном императрицей 23 июня 1795 г. на имя П. А. Зубова [115, с. 18, 19, 21; 117, с. 108]. Таким образом, караимы были освобождены от уплаты дискриминационного налога, установленного для российских евреев; караимам также было разрешено приобретение земельной собственности.

В соответствии с вышеупомянутым рескриптом правителем Новороссии и Бессарабии графом П. А. Зубовым правителю Таврической области генерал-майору С. С. Жегулину было отдано разъясняющее распоряжение относительно прав караимского населения, проживавшего в Таврической области. В документе шла речь, прежде всего, о правах караимов владеть и наследовать недвижимое имущество, а также о равных с «прочими обывателями повинностях по расположению постоя в домах»; то же касалось «платежу рекрутских денег» – правда, с оговоркой о том, что «через таковое их облегчение не могло быть обременения прочим обывателям, с которыми они по законам должны нести равные повинности». Данное распоряжение было подкреплено

также указами Правительствующего Сената от 7 сентября 1794 г. и от 19 октября 1794 г. относительно отбывания рекрутской повинности и взимания податей с представителей различных категорий населения Российской империи [115, с. 21-23; 117, с. 109-112].

Получив налоговые льготы, караимы активно занялись укреплением своего правового статуса и материального благосостояния. Путем приобретения части ранее брошенных эмигрировавшими хозяевами земельных участков, а также посредством их покупки у самих крымских татар караимы смогли значительно улучшить свое материальное положение. Скупая в большом количестве земли в Крыму (причем иногда даже за бесценок), многие зажиточные крымские караимы не только становились представителями привилегированного сословия, но и, тем самым, способствовали дальнейшему развитию на территории полуострова таких отраслей хозяйства, как садоводство, виноградарство, табаководство и др. Караимы постепенно втягивались в развивающиеся торгово-экономические связи Крымского полуострова с городами юго-западных и центральных губерний России. В результате торговой деятельности уже в начале XIX в. среди членов крымских караимских общин появляется определенное число состоятельных землевладельцев, в распоряжении которых имелись обширные земельные участки и сады, приносявшие немалый доход. Отметим, что караимы играли заметную роль в экономической и общественной жизни Таврической губернии, вкладывая средства в развитие многих отраслей экономики; по замечанию Г. Э. Караулова, лучшие дома в Евпатории и Феодосии принадлежали именно членам караимской общины [118, с. 101, 102].

В результате IV и V ревизий, или народных переписей населения (подушного ревизского учета податного мужского населения с единицей учёта – «ревизской душой», вносившейся в именные списки, или т.н. «ревизские сказки»), проведенных в Российской империи, соответственно, в 1792 и 1796 гг., было установлено, что общее число жителей в Крыму достигло цифры в 156 тыс. 400 чел.; из них караимов – 2 тыс. 300 чел. об. п. (по другим данным – 2 тыс. 410 чел.), причем только в Бахчисарае² (включая Чуфут-Кале) проживали 1 тыс.

---

² По свидетельству Ф. М. Домбровского, численность караимской общины Бахчисарая имела тенденцию к постоянному сокращению. Привлеченные торговыми льготами и пользовавшиеся данными им российским правительством привилегиями, караимы постепенно переселялись в другие, в основном, портовые города Новороссийского края – в Одессу, Севастополь, Херсон, Николаев. Так, например, в 1847 г. в Бахчисарае проживало только 835 караимов (462 муж. и 373 жен.) при общем числе жителей 13 тыс. 313 чел. [36, с. 389]. Тенденция к сокращению численности бахчисарайской караимской общины сохранилась вплоть до начала XX в.: по словам училищного инспектора Симферопольского района, посетившего местные русско-караимские министерские училища в сентябре 1913 г., бахчисарайская караимская община, состоявшая на тот момент из 55 семей (95 муж. и 110 жен.), «прогрессивно вырождалась» [121, л. 20, 247 об.].

162 муж. и жен. караимского вероисповедания; в Евпатории – 699 чел. (315 муж. и 384 жен. – при том, что общее число жителей в городе составляло 4 тыс. 414 чел.), остальные – в Феодосии и других населенных пунктах полуострова. П. И. Сумароков, совершивший поездку по Крыму в 1799 г., отмечал, что крупные караимские общины существовали в Кафе и Чуфут-Кале (здесь путешественник насчитал 227 караимских домов³), а П. С. Паллас, в свою очередь, составивший детальное описание Крымского полуострова, указывал на то, что в Чуфут-Кале проживало 1 тыс. 200 лиц караимского вероисповедания (муж. и жен.) [1, с. 58, 59, 145; 3, с. 81; 33, с. 248; 36, с. 354, 357, 362; 46, кол. 297; 64, с. 121, 122; 119, с. 258; 120, с. 104]. По сообщению чиновников Генерального штаба военного министерства, авторов «Военно-статистического обозрения Российской империи», в 1803 г. в Таврической губернии насчитывалось 2 тыс. 78 «купцов Российских, Греков, Армян и Караимов» (1 тыс. 235 муж. и 843 жен.) [120, с. 110]. В дальнейшем подсчет численности караимского населения был затруднен тем обстоятельством, что местной администрацией караимы часто причислялись либо к крымским татарам, либо к евреям-раввинистам.

В 1804 г. в Таврической губернии была проведена перепись еврейского населения, которая караимов не затронула, хотя в официальных документах они именовались не иначе, как «еврей-караимы». Эта перепись была приурочена к изданию Высочайше утвержденного 9 декабря 1804 г. «Положения об устройстве Евреев». Документ, который был разработан для «умеренности и попечению об истинном благе Евреев, столько и основанными на пользах коренных обывателей тех Губерний, где людям сим жить дозволяется», состоял из нескольких глав и подпунктов, определявшими права и свободы еврейского населения Российской империи. В «Положении», в частности, были перечислены территории, где евреи могли жить и торговать – тем самым, правительство ограничивало их расселение во внутренних губерниях Российской империи, создав т.н. «черту оседлости» (в число губерний, в которых евреям жить дозволялось, входила и Таврическая губерния). Перед реформой стояли две основные задачи: улучшение материального благосостояния евреев, и вторая задача, более важная – защита христиан от т.н. «еврейской эксплуатации» [122, с. 731, 732, 734, 737; 123, с. 86, 88, 98].

Следует сказать о том, что в середине XIX в. духовные и общественные лидеры караимских общин Крыма и западных губерний России продолжали принимать участие в процессе гражданского законодательства, основной целью которого стала борьба за признание их этноконфессиональной общностью,

---

³ Эти сведения подтверждаются и другими источниками: Ж. де Ромм в 1786 г. приводил данные о наличии в этом городе свыше 200 домов, а Ф. Дюбуа де Монпере в 1833 г. сообщал о 212 жилых строениях [4, с. 278, 12, с. 119].

принципиально отличающейся от евреев-раввинистов. Главным доводом в этой борьбе караимов за свои гражданские права был тезис о непризнании ими Талмудического учения [124, с. 204-210]. Но, несмотря на ряд принятых российским правительством законов и разъяснительных документов, в которых указывалось на различия между караимами и евреями-раввинистами, тем не менее, на местах администрация по-прежнему относила первых к категории еврейского населения [125, с. 352-356]. Например, в 1825 г. бахчисарайскими и евпаторийскими караимами было направлено прошение на имя императора Александра I, в котором, в частности, говорилось о том, что, несмотря на установленные Екатериной II для караимского населения налоговые и другие льготы, их «торговые дела совершенно подорваны». «Ибо мы не можем никакими торговыми промыслами заниматься, – сообщалось далее в прошении, – не уплатив в казну особенных значительных пошлин, от которых татары вовсе изъяты, заплатив оные (не вовсе) средства, сбывать свои товары и произведения с каковою либо выгодою, потому что в одном и том же месте татары, не платя ничего за право торговли, имеют возможность продавать свои товары и изделия гораздо нижею против нас ценою, но с достаточною для себя и покупателей выгодою. Одним словом нам остается или прекратить сами торговые дела, единственное, впрочем, наше занятие или (продолжить) оные очевидно для нашего в конец разорения» [68, с. 33]. Далее ходатаи просили императора «облегчить столь неровное наше с татарами в отношении производства торговли и промыслов положение». Указанные документы были переданы на рассмотрение Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова и Таврического гражданского губернатора Д. В. Нарышкина, а затем – члену Государственного совета графу Ф. П. Палену. Последний распорядился доставить сведения «об образе жизни Таврических караимов, о степени [их] промышленности, о превосходстве их торговли пред промыслами татар [о числе] их духовенства, о пользе или вреде, какие для тамошнего края от распространения промышленности и уравнивания оной с торговлею татар возникнуть могут; о пропорции мелочных торговцев из караимов к караимам, занимающихся пространною торговлею, наконец, о торговых сношениях их за пределами Тавриды». Таким образом, этот документ можно считать одним из первых официальных распоряжений властей относительно сбора сведений о караимском населении, хотя законодательного решения по поводу данного прошения караимов так и не последовало [68, с. 34].

В то же самое время правительство принимает ряд ограничений относительно мест проживания российских евреев. В 1829 г. Николай I объявил, что евреи, не служащие в армии, должны были покинуть Севастополь и Николаев, поскольку их пребывание там власти сочли «неудобным и вредным», и «веле-но им было оттуда переселиться в другие города, где им пребывание дозволено» (находившимся на военной службе солдатам и матросам из числа евреев

оставаться в городе разрешалось) [126, с. 790]. 20 ноября 1829 г. правительством был подготовлен указ «О воспрещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывания в Севастополе и Николаеве». «Евреи не должны иметь в Севастополе и Николаеве постоянного пребывания, – говорилось в этом документе, – ни заведений для отправления обрядов их, равным образом не могут они приписываться к тамошним городским обществам. 2) Евреи, имеющие ныне в Севастополе и Николаеве оседлость, или только приписанные к эти городам, должны в течение одного года переписаться в другие города, открытые для постоянного их пребывания» [126, с. 790]. Тем же указом оговаривались и права караимского населения: «Все сии меры не должны относиться до Евреев Караимов, коим отнюдь не запрещается жить и владеть собственностью в Севастополе и Николаеве на прежнем основании» [126, с. 791]. 10 июня 1830 г. правительство указом «О мерах к переселению евреев из Севастополе и Николаева» подтвердило разрешение, данное караимам проживать в этих городах «на всех правах» [127, с. 362]. К 1832 г. все евреи, кроме семей служивших солдат и матросов, были выселены из Севастополя. Лишь в 1859 г. евреям вновь было разрешено постоянное жительство: в Николаеве – всем (закон от 24 марта 1866 г.), а в Севастополе – лишь почетным гражданам, производящим торговлю «с запиской в гильдии», а также купцам обеих гильдий [128, с. 316-318]. Указ о «Нераспространении на караимов запрета жить и владеть собственностью в Севастополе и Николаеве на прежнем основании» может служить свидетельством о том, что уже в 20-х гг. XIX в. в Севастополе существовала караимская община [129, л. 100]. По некоторым сведениям, в 1840-х гг. в Севастополе проживало до 40 семей караимов [72, с. 16], а перед началом Крымской (Восточной) войны в городе уже действовала караимская молельня [130, с. 55].

Что касается данных статистики, то VI и VII ревизии показали, что к 1816 г. количество мужского караимского населения в России составляло около 3 тыс. чел., однако точное число всех караимов выяснить не представляется возможным, т.к. в окладных книгах, составленных за годы, прошедшие между ревизиями, они не всегда были отделены от евреев-раввинистов [64, с. 81, 123]. По сообщению путешествовавшего по Крыму Ш. Монтадона, в 1827 г. в Евпатории проживало 1 тыс. 200 караимов, около 500 чел. – в Чуфут-Кале, 250 – в Феодосии и 200 – в Одессе (очевидно, что при подсчете Ш. Монтадон учитывал только мужское караимское население; то же можно сказать и по поводу информации о караимской общине Евпатории, приведенной Й. Кодем, сообщившем о том, что в 1838 г. в городе проживало 800 караимов) [5, с. 266; 23, S. 260]. Согласно данным завершенной к 1835 г. VIII ревизии, общее число караимов в Таврической губернии составило 4 тыс. 188 чел. (2 тыс. 64 муж. и 2 тыс. 124 жен.), причем большинство из них проживало в Евпатории – 2 тыс. 351 чел. (1 тыс. 150 муж. и 1 тыс. 201 жен.); там же находились 2 караимские

кенасы, действовали 3 караимских училища и типография. Приводились сведения о том, что евпаторийские караимы занимаются «внутреннюю и заграничную торговлю, имея постоянные связи с Константинополем и пользуясь там особенным приемом»; крупные земельные владения, «содержание ханов⁴, промен монет и другие городские занятия составляют источники всегдашнего благосостояния караимов». Наличие караимских общин было также зафиксировано в Армянском Базаре, Перекопе, Феодосии (чуть более 200 чел.), Симферополе и Бахчисарае (в Евпатории и Бахчисарае караимы занимали второе по численности место после крымских татар); в Чуфут-Кале в этот же период насчитывалось 700 жителей-караимов, действовало 1 караимское училище. Помимо всего прочего, упоминалось и о существовании караимской общины в Одессе [106, с. 180; 131, с. 118, 119, 159, 162].

В первой половине XIX в. караимы, воодушевленные достигнутыми в сфере гражданского законодательства успехами, продолжают направлять в правительственные круги различные прошения и ходатайства, причем следует подчеркнуть, что большинство из них было удовлетворено властями. А 13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». Согласно этому документу, в Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии – везде, кроме Киева и сел, принадлежащих государственной казне, в Новороссии – во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы (т.н. «старопоселенцы»). Евреям было запрещено селиться вновь в 50-верстной пограничной полосе. Что касается караимов, то их гражданские права специально оговаривались в § 21 1-й главы «Положения»: «Караимы, где таковые находятся, сверх прав, сим положением Евреям предоставляемых, пользуются еще и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями» [132, с. 311].

Караимы также добились изменения официального названия своей общины. Теперь их стали именовать «русские караимы ветхозаветного вероисповедания», а позднее это название сократилось до «караимы». В марте 1837 г. было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. «Живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство» [133, с. 132]. Российское правительство

---

⁴ Хан – *зд.*: в Крымском ханстве придорожный постоялый двор, в котором останавливались купцы и хранились товары. Это название иногда употреблялось в Крыму и в начале XIX в.: «На устроенных при них [ханах] кофейнях совершаются купли и продажи между Караимами, Татарами и Христианами, словом, ханы суть биржи в малом виде» [106, с. 180, прим. 1].

признало подобную просьбу «уважительной», утвердив проект устройства духовного правления в Государственном Совете. Правление было названо «Крымским и Одесским караимским обществом Таврического губернатора».

Весной 1839 г. в Евпатории состоялись выборы караимского гахама. Правительствующим Сенатом был утвержден указ об утверждении в должности Таврического и Одесского караимского гахама купца Симхи бен Соломона Бабовича (сына Соломона «Чабака» Бабовича): «Согласно представлению бывшего министра внутренних дел и на основании Высочайше утвержденного 3 марта 1837 года положения о Таврическом Караимском духовенстве § 9, избранного кандидатом евпаторийского 1 гильдии купца Симу Бабовича утвердить гахамом караимского духовенства в Таврической губернии и в городе Одессе» [134, с. 348, 349].

Одновременно с организацией духовного правления караимы продолжали активно укреплять свои позиции в сфере гражданского права, что в результате привело и к некоторым изменениям в географии их расселения, а также к трансформациям традиционного уклада жизни караимских общин. Инициатором такой деятельности являлось, прежде всего, Таврическое и Одесское духовное правление (ТОКДП) во главе с гахамом С. С. Бабовичем, стремившееся на законодательном уровне утвердить некоторые привилегии для единоверцев. 10 декабря 1839 г. выходит правительственный указ «О дозволении караимам принимать в услужение христиан, а приезжающим из-за границы вступать в Российское подданство»⁵ [135, с. 919]; 7 января 1842 г. – постановление «О форме присяги для караимов с сохранением их достоинства» (форма присяги, принимавшейся караимами, отличалась от формы, разработанной в Государственном Совете для евреев) [136, с. 6-8]. 15 ноября 1843 г. последовал указ «О возведении караимов в почетное гражданство на основе общих по сему предмету правил, без ограничения для евреев установленных» [138, с. 758-759]; 19 декабря 1844 г. в принятом правительством «Положении о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов» было специально оговорено, что эти правила не распространяются на караимов [139, с. 887]. 11 декабря 1850 г. было опубликовано постановление «О нераспространении на караимов запрета жить в деревнях и селениях и продажи горячих напитков» [140, с. 282, 283], а 11 января того же года караимское духовенство с семьями было освобождено от внесения в IX общегосударственную ревизию (то же касалось и представителей караимского духовенства, занимавших должности гахама, газзанов и шамашей на момент проведения X переписи населения) [141, с. 17, 18; 142, с. 441]. 15 мая 1851 г. властями принимается решение «О даровании местечку Чуфут-Кале

---

⁵ Впоследствии был также издан императорский указ «О запрещении караимам заставлять прислуге [из числа] христиан работать в праздничные дни», датируемый 1860 г. [137, л. 1-3].

льготы от городских и земских повинностей»⁶ [143, с. 352, 353]; 10 октября 1852 г. – «О дозволении Евреям Караимам свободно приезжать в столицы и другие внутренние города империи» [144, с. 564]; 26 июля 1853 г. – «О дозволении Евреям Караимам причисляться к портовым городам северо-восточного берега Черного моря, жить и владеть в оных собственностью» [145; 117, с. 147, 157-159, 161, 163-165, 167].

3 мая 1855 г. «Комитетом по устройству евреев» было принято еще одно важное постановление, имевшее отношение к караимским общинам, проживавшим на территории Российской империи. Оно касалось «нераспространения на караимов, получающих ученые и медицинские степени, ограничений, постановленных вообще для евреев относительно поступления на службу» на общих с представителями остальных сословий и конфессий основаниях [146, с. 316; 147, с. 24; 117, с. 164-167]. «Комитет рассуждал, что все предпринятые доселе меры ограничений касались только евреев-раввинистов, но отнюдь не караимов, которые не принадлежали к еврейскому населению и, не разделяя с ними талмудических заблуждений, следуют учению Ветхого Завета, и которых Правительство всегда отличало от евреев по известным их правилам и трудолюбию» [117, с. 164]. Тем самым правительство существенно облегчало положение учащейся караимской молодежи, продолжая активно вовлекать крымских «инородцев» в российское языковое и культурное пространство. Этот шаг правительства не только подготавливал почву для общегосударственной образовательной реформы, осуществленной в России в 1870-х гг., но и способствовал тому, что караимы с целью получения светского образования покидали привычные места жительства, уезжая в другие города юго-западных губерний России.

Параллельно с крымскими караимами, проживавшими на юге страны, в процесс гражданского законотворчества включились и караимы западных губерний Российской империи. Основываясь на ранее им данных польскими королями привилегиях, трокские караимы неоднократно выступали перед российскими властями с ходатайствами о предоставлении им права исключительного проживания в городе. Вызвано это было тем, что в 1804 г. еврей-раввинисты, выселяемые в соответствии с «Положением о евреях» 1804 г. из сельской местности, стали селиться в Троках [117, с. 120, 121]. Наблюдая за успехами, достигнутыми их единоверцами в конструировании новой этноконфессиональной идентичности в контексте российского законодательства,

---

⁶ Проект о предоставлении караимскому населению ряда льгот (например, речь шла об освобождении караимов, проживавших в Чуфут-Кале, от отбывания городских и земских повинностей сроком на 25 лет, или же бессрочно) был принят властями с целью привлечения караимской молодежи в новое учебное заведение – школу, открытую в 1852 г. при непосредственном участии караимского газзана С. А. Бейма, в которой было введено преподавание русского языка. Однако затруднения материального характера привели к тому, что это учебное заведение вскоре было закрыто [148, с. 57; 149, с. 72].

караимы Троки, Вильно и Поневежа в сентябре 1829 г. вновь направили во властные структуры ходатайство, основанное на «праве, выданном им прежними польскими королями». В частности, в этом документе шла речь о разрешении караимам проживать в Троках. Правительствующий Сенат 6 сентября 1829 г. указом за № 3136 подтвердил льготы и права трокских караимов; что касалось проживания в городе евреев-раввинистов, то это дело было передано на рассмотрение 1-го Департамента Сената [150, с. 638-639; 117, с. 113-115]. 7 января 1835 г., по решению Государственного Совета в Департаменте законов и по определению Общего Собрания первых трех департаментов Правительствующего Сената, все вышеуказанные привилегии караимов были подтверждены, а евреям было рекомендовано «избрать себе другое место пребывания» [151, с. 123, 124]. Тем из евреев, которым было разрешено оставаться в г. Вильно, дома и лавки на двух улицах города, где проживали караимы, власти иметь запретили. Это высочайше утвержденное положение Комитета министров было объявлено 20 октября 1836 г. [152, с. 124, 125]. Несколько позднее, «Уставом о паспортах и беглых» (1857 г.) вышеуказанные привилегии вновь получили свое подтверждение [117, с. 121]. В 1835 г. 192 еврея-ашкеназа вынуждены были покинуть Троки, в котором тогда проживало 172 караима (евреям вновь было разрешено селиться в Троках лишь в 1862 г.) [153, кол. 30].

В 1840 г. Комитет министров утвердил заключение министра финансов об освобождении трокских караимов от уплаты акцизного сбора (в связи с упразднением Троцкого уезда и снятии с города статуса уездного) [154, с. 289, 290; 117, с. 137, 138]. А 13 ноября 1850 г. Государственный Совет, рассмотрев представление министра внутренних дел, постановил: причислить караимов западных губерний Российской империи к ведомству ТОКДП [155, с. 203, 204; 117, с. 155].

Завершением первого этапа борьбы караимов за гражданские права стал закон, принятый 8 апреля 1863 г., гласивший: «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит» [156, с. 303]. Этот документ закреплял за караимами все права и свободы, предоставленные им ранее. С этого момента караимы официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т.п.

2 мая 1863 г. орган конфессионального самоуправления караимов был создан и в Троках, получив название «Троцкого караимского духовного правления» (ТрКДП). «Местопребывание одного гахама должно быть в Евпатории, – гласило высочайше утвержденное мнение Госсовета, – а другого в Троках (Виленской губернии)» [117, с. 183]. Что касается Троцкого караимского духовного правления, то под его управлением были караимские общины в Луцке, Поневеже, Троках, Вильно, Пскове, Смоленске и Острове (Кукизове). По установленной иерархии, Троцкий караимский гахам подчинялся Таврическому

и Одесскому караимскому гахаму. Финансовое обеспечение последнего возлагалось на караимские общины Таврической и Херсонской губерний; что же касается духовного главы трокских караимов, то он мог пользоваться казенными землями, выделенными специально для содержания ТрКДП (160 десятин). Официально оба гахама находились в подчинении Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД [156, с. 303].

По сведениям, опубликованным в 1843 г. в «Журнале министерства внутренних дел», общая численность мужского караимского населения Российской империи составляла 2 тыс. 350 чел., или до 1 тыс. 190 семей (общее число всех караимов доходило до 5 тыс. 725 чел.) [157, с. 33]; также уточнялось, что «караимы, обитающие в губерниях Виленской и Ковенской, называются Литовскими, а Новороссийском крае – Татарскими. Все они занимаются огородничеством, подрядами, извозом и торговлею» [98, с. 263-284; 159, с. 110-113].

По губерниям данные о караимском населении были такими: превалирующая часть караимского населения, как и прежде, проживала на территории Таврической губернии, а общее число караимов, по сведениям, собранным П. И. Кеппенем, доходило до 4 тыс. 198 чел. [157, с. 33]. Что касается других городов юго-западных губерний России, то следует сказать, что до середины XIX в. число проживавших в них караимов было существенно меньше, чем на Крымском полуострове. Так, например, в Херсоне в 1844 г. насчитывалось только 6 мещан и 21 купец 3-й гильдии из числа караимов [160, с. 348]; всего же в 1847 г. в Херсонской губернии проживало 157 караимов «мужеского полу» (при общем количестве членов херсонской караимской общины 446 муж. и жен.). В 1846 г. в Таврической губернии, согласно статистическим отчетам, числилось 3 тыс. 202 караима об. п.; не было караимов в Екатеринославской губернии, в Бессарабской области и Таганрогском градоначальстве. Данные о численном составе караимского населения в Одессе довольно противоречивы – в соответствии с некоторыми источниками, караимов в городе не было; по другим документам, одесская караимская община в 30–40-х гг. XIX в. уже существовала, причем в 1844 г. среди одесских караимов было зафиксировано 6 браков; демографический прирост составил 5 мал. и 5 дев., а число умерших – 1 жен. [161, с. 72; 162, с. 329]. В 1847 г. приводились данные о том, что в Одесской области насчитывалось уже 120 караимов [163, с. 78].

По сообщению О. П. Шишкиной, опубликовавшей свои «Заметки и воспоминания» о посещении Крыма в 1845 г., на Крымском полуострове проживало 800 караимских семей (согласно приведенным ею сведениям, в Чуфут-Кале тогда насчитывалось до 1 тыс. 500 жителей-караимов) [17, с. 118]. А в соответствии с данными официальной статистики, во всем Новороссийском крае в целом, и в Таврической губернии, в частности, в 1845 г. общее число жителей составляло, соответственно, 3 млн. 127 тыс. 54 чел. и 544 тыс. 803 чел. об. п.; при этом караимское население исчислялось цифрой

в 3 тыс. 751 чел. (муж. и жен.). Евреев-раввинистов было 93 тыс. 787 чел. об. п. (в это число были также включены крымчаки Карасубазара) [30, с. 354, 357, 362]. В 1846 г. в караимских общинах Новороссийского края было заключено 50 браков; родилось 252 чел. (147 мал. и 105 дев.), умерло – 157 чел. (67 муж. и 90 жен.) [163, с. 80]. В Виленской губернии проживало 424 караима, в Ковенской – 337, в Волынской – 320, в Галиции (территория Австро-Венгрии) – до 300 чел. [157, с. 33]. Основными занятиями караимов, судя по статистическим обзорам, по-прежнему являлись сельское хозяйство, ремесло и торговля [30, с. 364].

Существенная разница в данных о численности караимских общин в 1835, 1843, 1845 и 1846 гг. может быть объяснена несколькими факторами. Во-первых, все большее число караимов-купцов и предпринимателей покидали Крым и переселялись в крупные, экономически развитые города Российской империи – к середине XIX в. их присутствие наблюдается в Москве, Санкт-Петербурге, в ряде других, менее крупных городах центра страны. Отток караимов из Новороссийского края и, прежде всего, из Таврической губернии, образование новых общин в других регионах страны, несомненно, повлияли на статистические показатели.

Кроме того, необходимо отметить и такой важный демографический фактор, как эпидемиологическая обстановка в регионе. В России в XIX в. произошло несколько крупных эпидемий чумы и холеры. Например, в Одессу чума заносилась 5 раз (в 1812–1813, 1823, 1829, 1835 и 1837 гг.). Наиболее крупная чумная эпидемия в Одессе была в 1812–1813 гг., во время которой из 250 тыс. населения заболело 3 тыс. 500 и погибло 2 тыс. 655 чел. [165, с. 10-18; 166, с. 587]. Начало пандемии чумы и холеры в России было зафиксировано в 1829 г. Эпидемия чумы совпала с началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Чтобы оградить Севастополь от проникновения болезни, в мае 1828 г. вокруг города установили карантинное оцепление из 500 солдат. В июне 1829 г., несмотря на отсутствие чумы в самом Севастополе, предохранительные меры ужесточили: все, кто желал оставить Севастополь или въехать в него, содержался в особом карантине от 14 до 19 дней. Вскоре это привело к тому, что крестьяне отказывались везти в город дрова и продовольствие. Это вызвало резкий скачок цен, на карантинных заставах даже были зафиксированы случаи коррупции. 10 марта 1830 г. карантин ужесточили: ввели сплошное оцепление, жителям запретили покидать дома и дворы. На месте работала специальная комиссия, в состав которой вошли флигель-адъютант Римский-Корсаков и командир одного из подразделений Черноморского флота Ф. Ф. Беллинсгаузен. Однако комиссии все же не удалось сдержать вспыхнувший вскоре в городе «чумной бунт» [167, с. 60-65]. Важно заметить, что в течение всего XIX в. на полуострове было зафиксировано 17 вспышек эпидемии холеры, а также выявлены очаги заболевания оспой, тифом и другими болезнями [168, с. 56-90]. Безусловно, все это не могло не отразиться на сокращении численности населения в крае.

Важным обстоятельством является и то, что по общегосударственным ревизиям часть неподатного населения (дворяне, чиновники, духовенство) не учитывалась. Не подлежали ревизии личный состав армии и флота, а также иностранцы. В ходе проведения I, II, VI ревизий не регистрировалось женское население. Все это затрудняло абсолютный подсчет количества жителей России. Помимо всего прочего, несовершенство самой формы проведения ревизий (нарекания вызывали многочисленные бюрократические проволочки при составлении списков, работа самих ревизоров; были зафиксированы даже случаи сокрытия сведений о ревизских душах и пр.) [169, с. 140, 141] привело к тому, что точное количество населения оставалось неизвестным. Что касается караимов, то они, как уже было сказано выше, были «изъяты» от проведения IX и X ревизий, что, разумеется, не могло не повлиять на точность статистических сведений о количестве проживавших в Российской империи представителей караимских общин.

Однако работа по сбору данных по статистике населения и ее частичная модернизация продолжалась. Еще в декабре 1834 г. были утверждены «Правила для Статистического Отделения при Совете Министерства Внутренних Дел и Статистических Комитетов в Губерниях», а 28 января 1835 г. – принят указ Правительствующего Сената о создании губернских статистических комитетов. Эти организации учреждались под председательством гражданских губернаторов; действующим руководителем являлся секретарь комитета. Таврический губернский статистический комитет (ТГСК) был создан 20 декабря 1834 г. В его обязанности входил сбор разнообразных данных о губернии, и, в том числе, о количестве и составе населения [170, с. 22]. Тем не менее, работу ТГСК в середине XIX в. назвать успешной было нельзя – занятость его членов в связи с выполнением ими своих основных служебных обязанностей, а также отсутствие необходимого финансирования серьезно осложняли деятельность комитета [170, с. 25]. После введения нового устава о земских повинностях в декабре 1860 г. была проведена реформа губернских и областных статистических комитетов, которым поручался сбор всех статистико-экономических материалов о каждой губернии [171, с. 506]. Согласно «Положению» 26 декабря 1860 г., в состав каждого губернского и областного статистического комитета, помимо возглавляющих его губернаторов, должны были входить предводители дворянства, вице-губернаторы и лица, «начальствующие отдельными управлениями в губернии или области»; непременно членами считались также представители христианских и «иноверческих» исповеданий (в Таврической губернии: Таврический муфтий и глава ТОКДП – караимский гахам) [171, с. 507]. В связи с реформой статистические сведения о караимском населении впоследствии регулярно доставлялись в ТГСК непосредственно из ТОКДП, а их сбор осуществлялся путем представления караимскими газзанами необходимых сведений о численности подведомственных им общин.

В 1847 г. в Таврической губернии насчитывалось уже 3 тыс. 244 караима (1 тыс. 796 муж. и 1 тыс. 448 жен.), при этом по уездам статистика выглядела следующим образом: в Днепровском уезде проживало 4 чел. (2 муж. и 2 жен.), в Евпаторийском – 2 тыс. 25 чел. (1 тыс. 136 муж. и 889 жен.), в Перекопском – 126 чел. (67 муж. и 59 жен.), в Симферопольском – 840 чел. (461 муж. и 379 жен.)⁷, в Феодосийском⁸ – 249 чел. (130 муж. и 119 жен.). Не было караимов в Бердянском, Мелитопольском и Ялтинском уездах [33, с. 248; 120, табл. 9]. В городах действовало 15 караимских училищ, или, как их называли, *беш-чаммердраш* (иск. от иврит. «Бейт га-Мидраш»), в которых обучалось 470 детей – по этому показателю караимы находились на втором месте после немцев-меннонитов, чьи колонии были созданы в Крыму после присоединения его к России [120, с. 104, 205]. В Херсонской губернии в 40-х гг. XIX в. существовало три караимские общины (в Херсоне, Николаеве и Одессе), число членов которых составляло 484 чел. (331 муж. и 153 жен.); из них в Одесском уезде – 299 чел. (215 муж. и 84 жен.). Караимских училищ действовало также три: в Херсоне, Одессе и Николаеве (5 учителей и 63 учащихся) [172, с. 73; 173, с. 97, 183, табл. 7]. В Новороссийском крае в 1847 г. среди караимов было зарегистрировано 50 браков; родилось 252 чел. (147 мал. и 105 дев.), умерло – 157 чел. (67 муж. и 90 жен.); в 1848 г. браков, заключенных в караимских общинах, было зарегистрировано 52; родилось 219 чел. (103 мал. и 116 дев.), умерло – 268 чел. (144 муж. и 124 жен.) [163, с. 78; 174, с. 81]. В Ковенской губернии к 1 января 1848 г. насчитывалось 265 караимов об. п. [175, с. 19], а в Виленской губернии, по данным Департамента Генерального штаба, в 1848 г. проживало 2 тыс. 745 караимов (1 тыс. 421 муж. и 1 тыс. 324 жен.). Сведений о числе школ и училищ в западных губерниях не сообщалось, однако при этом составителями «Военно-статистического обозрения Российской империи» было отмечено, что местные караимы «находятся на весьма низкой степени образования» [176, с. 24, 30]. Что касается демографической статистики в караимских общинах Новороссийского края, то в 1849 г. она выглядела следующим образом: было зарегистрировано 49 браков; родилось 212 чел. (120 мал. и 92 дев.), умерло – 161 чел. (82 муж. и 79 жен.); в 1850 г. сочетались браком 55 караимских пар; родилось 247 чел. (113 мал. и 134 дев.), умерло – 132 чел. (57 муж. и 75 жен.) [177, с. 82; 178, с. 83].

В 1851 г., в соответствии с данными IX ревизии о податных состояниях Российской империи, всего на территории Таврической губернии проживало

⁷ По сообщению Ф. М. Домбровского, за 10 лет (с 1837 по 1847 гг.) общий демографический прирост у караимов и армян, проживавших в Симферополе, составил 472 чел. [34, с. 341].

⁸ По сведениям за 1846 г., число караимов, проживавших непосредственно в Феодосии, составляло 65 чел. (37 муж. и 28 жен.); в Феодосийском уезде в середине 50-х гг. XIX в. их насчитывалось 33 чел. [35, с. 352; 37, с. 383, 384].

608 тыс. 832 чел. (327 тыс. 99 муж. и 281 тыс. 733 жен.), в т.ч. 1 тыс. 215 лиц купеческого сословия из караимов (из 3 тыс. 947 чел. купцов, включая 113 иностранцев), 3 тыс. 667 мещан (караимов и евреев-раввинистов) и 20 лиц духовного звания (представителей караимского духовенства) [31, с. 132, 133]. В Херсонской губернии в 1851 г. евреев-раввинистов из числа купцов насчитывалось 3 тыс. 61 чел. («со включением 74-х караимов»); евреев-раввинистов из числа мещан – 10 тыс. 780 чел. («со включением 43-х караимов») [31, с. 150]. В Виленской губернии было 256 караимов из числа мещан и цеховых ремесленников (купцов всех 3-х гильдий было 748 чел., из них евреев-раввинистов – 387); в Екатеринославской губернии – 9 купцов-караимов, мещан и цеховых – 1; в Ковенской губернии – 337 караимов, причем из них мещан и цеховых ремесленников числилось 135 муж. (евреев-раввинистов – 36 тыс. 364 чел.) [31, с. 26, 55, 72]. Несмотря на то, что караимы проживали также в Луцке, данные о них в отчете по Волынской губернии отсутствовали [31, с. 33]. Как сообщалось в «Географическо-статистическом словаре Российской империи», общая численность проживавших в Таврической губернии представителей караимских общин, по данным IX ревизии, оценивалась в 4 тыс. 200 чел., а в России в целом – в 5 тыс. 200 чел. [44, с. 495]. Органами статистического контроля продолжали учитываться и демографические показатели. Так, согласно данным за 1852 г., в караимских общинах Новороссийского края было зарегистрировано 50 браков; родилось 240 чел. (125 мал. и 115 дев.), умерло – 170 чел. (81 муж. и 89 жен.) [179, с. 98]. Необходимо также упомянуть о том, что вплоть до очередной общегосударственной ревизии эта статистика не обновлялась.

По итогам проведенной в 1857 г. X ревизии Центральный статистический комитет, «для удобнейшего обозрения числовых отношений», принял решение сократить классификацию населения по вероисповеданиям, поэтому в составленной им таблице евреи и караимы не были выделены отдельно, а отнесены к т.н. «шестой группе населения» (первые пять составляли христиане всех конфессий, раскольники, армяно-григориане, католики и армяне-католики, лютеране, реформаторы и протестанты; в седьмую включены мусульмане, в восьмую – язычники). Всего в Российской империи к 1858 г. насчитывалось 1 млн. 425 тыс. 784 чел. об. п. евреев-раввинистов и караимов. В Таврической губернии общая цифра всего населения составляла 687 тыс. 343 чел.; из них евреев-раввинистов и караимов насчитывалось 12 тыс. 61 чел. [169, с. 202, 224, 225, 246]. В Херсонской губернии в 1857 г. проживало 238 лиц караимского вероисповедания об. п., а в Ковенской губернии – 357 караимов об. п. [44, с. 495].

Вновь было уделено внимание школьной статистике: по данным, представленным в X ревизии, в 1856 г. на территории Таврической губернии действовало 3 караимских школы, в которых обучался 191 чел.; в ведомости о числе лиц, обучавшихся в частных учебных заведениях Новороссии, фигурировало 44 караима [180, с. 108, 109]. В 1857 г. в Таврической губернии в 3 караимских

школах обучалось 178 учеников; в частных учебных заведениях Новороссийского края – 40 караимов; в 1858 г. в 2-х караимских школах обучалось 315 чел.; в частных учебных заведениях – 38 лиц караимского вероисповедания. В 1859 г. эти показатели были следующими: в Таврической губернии существовало 4 караимских школы с 333 учениками; в частных учебных заведениях Новороссийского края обучалось 67 караимов; в 1860 г. – в Таврической губернии действовало 4 караимских школы (349 учащихся), а в частных школах и училищах Херсонской, Таврической, Екатеринославской губерний и в Одесском градоначальстве показатель оставался неизменным (67 учеников-караимов) [181, с. 151, 152; 182, с. 149, 150; 183, с. 145, 146; 184, с. 96, 97]. Тем не менее, важно подчеркнуть, что эта статистика не отражает реальной ситуации – вышеприведенные цифры относились, в основном, к ведомству Министерства народного просвещения, которым не учитывались многие караимские учебные заведения, подчинявшиеся непосредственно ТОКДП.

Среди архивных документов фонда 241 ГААРК удалось обнаружить сводные ведомости ТОКДП о числе караимов, живших в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. как в самой Таврической губернии, так и в России, в целом. По данным на январь 1858 г., в Симферополе проживало 270 караимов об. п. (членов местной общины: 22 муж. и 23 жен.; иногородних: 102 муж. и 123 жен.); в Феодосии – 592 чел. (293 муж., 299 жен.); в Севастополе – 177 чел. (членов местной общины: 69 муж. и 68 жен.; иногородних: 26 муж. и 14 жен.); в Мелитополе 137 чел. (71 муж., 66 жен.); в Евпатории – 1 тыс. 280 чел. (630 муж., 650 жен.; из них 334 члена общины представляли купеческое сословие – в т.ч. в списках значились купцы и купчихи 1-й, 2-й и 3-й гильдий); в Бахчисарае – 513 чел. (208 муж., 305 жен.); в Армянском Базаре – 307 чел. (150 муж., 157 жен.); в Бердянске – 165 чел. (79 муж., 86 жен.). Общее число караимов, проживавших в стране, составляло 4 тыс. 768 чел. (2 тыс. 329 муж. и 2 тыс. 439 жен.) – при подсчете учитывались как жители Таврической губернии (3 тыс. 441 караим; из них – 1 тыс. 650 муж. и 1 тыс. 791 жен.), так и городов Луцка (123 муж., 111 жен.), Трок (280 муж., 265 жен.) и Николаева (276 муж., 272 жен.) [185, л. 2 об.; 186, л. 9, 14, 23, 38, 44, 46, 53, 70]. В 1859 г. в Таврической губернии насчитывалось уже 3 тыс. 717 караимов об. п. (1 тыс. 881 муж. и 1 тыс. 836 жен.) [186, л. 70].

В соответствии с требованием Таврического губернатора, генерал-лейтенанта Г. В. Жуковского, в 1861 г. ТОКДП были собраны сведения о численности караимского населения губернии (с указанием гендерных и возрастных признаков), а также о количестве караимских кенас либо молитвенных домов и учебных заведений; о числе браков, о родившихся и умерших караимах. Эта информация должна была быть предоставлена для составления общегубернского статистического отчета. Вот что представляли собой эти данные: в Армянском Базаре прихожан местной караимской кенасы насчитывалось 164 чел. (76 муж. и 88 жен.), а иногородних караимов – 226 чел. (104 муж. и 122 жен.);

в Севастополе – 268 местных и иногородних караимов (134 муж. и 134 жен.); в Симферополе – 319 чел. (членов местной общины – 70 муж. и 88 жен.; иногородних – 73 муж. и 70 жен.); в Бахчисарае – 490 чел. (226 муж. и 264 жен.); в Бердянске – 186 чел. (членов местной общины – 31 муж. и 35 жен.; иногородних – 60 муж. и 61 жен.); в Феодосии – 611 чел. (членов местной общины – 260 муж. и 261 жен.; иногородних – 41 муж. и 49 жен.); в Евпатории – 2 тыс. 672 чел. (1 тыс. 361 муж. и 1 тыс. 311 жен.). Помимо Таврической губернии, в ТОКДП поступили сведения и из других караимских общин. Так, в Херсоне в 1861 г. проживал 341 караим (членов местной общины: 44 муж. и 26 жен.; иногородних: 171 муж. и 100 жен.); в Николаеве – 632 чел. (членов местной общины: 54 муж. и 55 жен.; иногородних: 262 муж. и 261 жен.); в Одессе – 632 чел. (членов местной общины: 84 муж. и 72 жен.; иногородних: 267 муж. и 209 жен.). Кроме того, исходя из данных ТОКДП, в Троках и во всей Виленской губернии в 1861 г. насчитывалось 593 караима (членов Трокской общины – 264 муж. и 255 жен.; иногородних – 34 муж. и 40 жен.), а в Луцке Волынской губернии – 215 чел. (98 муж. и 117 жен.) [187, л. 1, 6, 15 об., 22 об., 29 об., 36, 40, 41, 41 об., 43, 46, 54, 59, 59 об., 63, 64 об.; 44, с. 495]. Таким образом, в 1861 г. в городах Российской империи всего проживало 5 тыс. 413 караимов (2 тыс. 707 муж. и 2 тыс. 706 жен.)⁹. Что касается брачно-семейной и демографической статистики, то в 1861 г. в караимских общинах Таврической губернии было заключено 36 браков; родилось караимов – 196 чел. (101 дев. и 95 мал.), а умерло – 141 чел. (90 муж. и 51 жен.) [187, л. 83, 85, 86]. Караимских кенас в городах России насчитывалось 12: по 2 в Евпатории и Бахчисарае (в Чуфут-Кале); по одной – в Армянском Базаре, Симферополе, Феодосии, Херсоне, Одессе, Николаеве, Луцке и Троках, а также молитвенный дом в Бердянске [187, л. 81]. В 26 караимских мидрашах (учебных заведениях, созданных по конфессиональному принципу) и молитвенных школах, существовавших при 12 караимских кенасах и 1 молитвенном доме, обучалось 572 чел.; учительский контингент состоял из 25 педагогов (кроме того, в Луцке и Троках, где не было караимских учебных заведений, дети обучались при кенасах у местных газзанов) [187, л. 81; 188, с. 96].

В 1863 г. караимские общины существовали в 17 городах Российской империи. Непосредственно в Таврической губернии, население которой в 1863 г. составило 606 тыс. 783 чел. в 1863 г., караимы проживали: в Симферополе (229 муж., 237 жен.), Евпатории (1 тыс. 368 муж., 1 тыс. 408 жен.), Севастополе

---

⁹ При подсчете общей численности караимского населения не учитывались караимы, приписанные к определенным газзанским округам, но проживавшие в других городах (т.е. иногородние караимы, составлявшие т.н. «технический прирост» населения того или иного города или уезда). Приведенные здесь данные о караимском населении корректируют сведения, опубликованные в 1865 г. в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» [44, с. 495].

(116 муж., 105 жен.), Бахчисарае (вместе с Чуфут-Кале – 231 муж., 286 жен.), Перекопе (215 муж., 256 жен.), Феодосии (318 муж., 327 жен.), Мелитополе (94 муж., 76 жен.) и Бердянске (99 муж., 105 жен.). Кроме того, караимские общины существовали: в Николаеве (67 муж., 69 жен.), Одессе (405 муж., 318 жен.), Херсоне (231 муж., 115 жен.), Екатеринославе (41 муж., 34 жен.), Елизаветграде (27 муж., 19 жен.), Кременчуге (41 муж., 24 жен.), Луцке (98 муж., 117 жен.), Поневеже (77 муж., 84 жен.), Троках (237 муж., 233 жен.) и Трокском уезде (34 муж., 25 жен.). Таким образом, общая численность караимского населения Российской империи в 1863 г. составила 7 тыс. 737 чел. [189, с. 120].

Согласно данным Центрального статистического комитета МВД за 1864 г., в Таврической губернии насчитывалось около 3 тыс. 500 караимов (под этой цифрой, вероятно, подразумевались караимы, проживавшие непосредственно в губернском и уездных городах) [190, с. LIV]. В 1865 г., по сведениям, собранным Таврическим губернским статистическим комитетом, общее число жителей полуострова составляло 613 тыс. 323 чел.; караимов в губернии было 4 тыс. 351 об. п., из них в городах – 3 тыс. 370 чел. [191, с. 27]. Что касается уездов, то в Симферопольском уезде проживало 802 караима, в Бердянском – 708, в Днепровском – 12, в Евпаторийском – 1 тыс. 531, в Мелитопольском – 132, в Перекопском – 448, в Ялтинском – 33, в Феодосийском (без Керченского градоначальства) – 685 чел. [107, с. 202; 192, с. 356]. В 1866 г. в Симферополе (общее число жителей в 1863 г. – 17 тыс. 61 чел.) проживало 284 караима (136 муж. и 148 жен.); в Евпатории – 1 тыс. 524 (686 муж. и 838 жен.; при общем числе жителей в 1863 г. 6 тыс. 867 чел.); в Ялте – 28 (13 муж. и 15 жен.; при общем числе жителей в 1863 г. 1 тыс. 110 чел.); в Карасубазаре – 49 (21 муж. и 28 жен.; при общем числе жителей в 1863 г. 15 тыс. 506 чел.); в Бахчисарае – 489 (252 муж. и 237 жен.; при общем числе жителей в 1863 г. 11 тыс. 185 чел.¹⁰); в Бердянске – 141 (58 муж. и 83 жен.; при общем числе жителей в 1863 г. 12 тыс. 87 чел.). В Севастополе, Феодосии, Перекопе и Мелитополе определение точного числа проживавших в 1866 г. в этих городах караимов затруднено тем, что они были записаны в одну группу вместе с евреями-раввинистами (соответственно, 251 муж. и 235 жен.; 468 муж. и 438 жен.; 491 муж. и 506 жен.; 380 муж. и 357 жен.) [107, с. 254, 262, 270, 284, 289, 299, 304, 311, 326, 337; 191, с. 129, 130].

В декабре 1867 г. Таврический губернатор Г. В. Жуковский вновь обратился в ТОКДП за сведениями, необходимыми для составления «Всеподданнейшего отчета на имя Государя Императора» по Таврической губернии (бланки и формы установленного в 1866 г. образца караимскому гахаму были присланы Таврическим губернским статистическим комитетом несколько ранее, в ноябре 1867 г.) [193, л. 3]. В свою очередь, духовным правлением всем

¹⁰ В это число входили также жители предместий Бахчисарая: Чуфут-Кале, Эски-Юрта и Ак-Чокрака с общим количеством жителей 468 чел. [191, с. 129, 130, прим. 2].

подведомственным ему религиозным общинам были разосланы предписания о предоставлении запрашиваемых данных, среди которых должны были присутствовать: 1) ведомости о числе караимов мужского и женского пола; 2) сведения о заключенных браках; 3) о родившихся и умерших караимах; 4) о численности караимского духовенства. Кроме того, запрашиваемая информация касалась сословного состава караимских общин; требовались также помесечные данные о времени заключения браков, о возрастных категориях лиц, в них вступивших, а также о том, в каком социальном статусе они находились до брака (т.е. о количестве холостых, незамужних, вдов и вдовцов; о лицах, впервые или повторно вступивших в брак и т.п.); более детальных отчетов администрация требовала также о законнорожденных и незаконнорожденных в караимских общинах детях, о «двойнях», «тройнях» и т.п.

Сбор информации продолжался чуть менее полугода, и, наконец, 4 апреля 1868 г. Таврический и Одесский караимский гахам Б. С. Бабович представил В. Г. Жуковскому и в ДДДИИ МВД статистические сведения о караимских общинах Российской империи (см. Приложение 1). Важно отметить, что ответы подведомственных ТОКДП газзанов не во всем отличались точностью и единообразием, а некоторые общины ответили не на все пункты опросных листов (это касалось, прежде всего, газзанов караимских общин Бахчисарая, Бердянска, Армянского Базара и Перекопа, Евпатории, Екатеринослава, Елизаветграда, Кременчуга, Мелитополя, Николаева, Полтавы, Поневежа и Херсона, не приславших данных об общем числе проживавших в 1867 г. в этих городах караимов). Кроме того, по караимской общине Одессы сведения поступили не в полном объеме, т.к. одесский караимский газзан С. А. Бейм, отправившийся в Санкт-Петербург в 1867 г., по пути в столицу заболел и умер; относительно возврата всех документов прихода (метрических книг), находившихся при нем, в течение нескольких месяцев велась переписка между ТОКДП, преемником С. А. Бейма на посту одесского газзана И. Беймом и российской администрацией.

Тем не менее, сводные ведомости, представленные ТОКДП, являются ценным источником не только по численности караимского населения, но и по демографической ситуации, сложившейся в караимских общинах Российской империи в 60-х гг. XIX в. В присланных газзанами отчетах, на основании метрических книг, были зафиксированы такие статистические показатели, как: количество детей в караимских семьях, помесечные показатели браков, рождаемости и смертности у взрослых и детей, возрастных показателей членов общин и т.п. Например, на основании сведений, представленных симферопольским старшим газзаном И. Ю. Синани, становится известно, что в Симферополе в 1867 г. проживало 459 чел. (248 муж., 211 жен.), или 95 семей; при этом семей, состоявших из 2-х чел., насчитывалось 15, из 3-х – 14, из 4-х – 14, из 5-ти – 15, из 6-ти – 12, из 7-ми – 15, из 8-ми – 6, из 9-ти – 3, из 10-ти – 1. Что касается

семейно-брачных отношений, то в супружестве состояли 81 муж. и 81 жен.; «вдовых» насчитывалось 1 муж. и 39 жен.; холостых старше 18-ти лет – 19; девиц старше 16-ти лет – 25. Возрастные показатели караимского населения Симферополя за указанный период таковы: не достигших 16-летнего возраста было 104 мал. и 104 дев.; категорию от 16 до 30 лет представляли 83 муж. и 51 жен.; 36–46-летних – 20 муж. и 21 жен.; в возрасте 46–60 лет – 24 муж. и 12 жен.; в возрасте 60–75 лет – 14 муж. и 21 жен.; и от 75 до 100 лет – 3 муж. и 2 жен. Число заключенных браков равнялось 5 (холостых с девицами – 4, вдовца с девицей – 1); из вступивших в семейно-брачные отношения моложе 20 лет – 2 жен., от 21 до 25 лет – 3 жен., от 26 до 30 лет – 1 муж., от 31 до 35 лет – 2 муж., от 36 до 40 лет – 1 муж.; от 41 до 45 лет – 1 муж. Новорожденных в Симферополе в 1867 г. насчитывалось 25 чел. (9 мал., 16 дев.), причем наибольшее число приходилось на декабрь (2 мал., 2 дев.) [193, л. 37, 38, 40-42]. В целом по российским караимским общинам демографическая статистика выглядела следующим образом: было зафиксировано 79 браков; число новорожденных в возрасте до 1 года составляло 334 чел. (170 мал., 134 дев.); умерших – 158 чел. (79 муж., 79 жен.), причем наибольшее число в последней категории составляли дети в возрасте от 1 до 5 лет (28 мал., 26 дев.) (см. Приложение 1) [193, л. 88-90].

Следует сказать, что во второй половине XIX в. наиболее крупные караимские общины существовали в таких губерниях, как: Таврическая (в городах Армянский Базар, Евпатория, Бахчисарай, Чуфут-Кале, Симферополь, Севастополь, Феодосия), Херсонская (Одесса, Николаев, Херсон), Виленская (Троки), Волынская (Луцк) и Ковенская (Новомест Поневежского уезда). Постепенно увеличивалась и численность т.н. «молодых» караимских общин, возникших в первой половине XIX в. на Юге России. Так, например, если в статистических сведениях по Елизаветграду до середины столетия о караимах не упоминалось, то в 1850-х гг. там уже проживало 11 чел. караимского вероисповедания [194, с. 96]. Длительное время отсутствовали точные данные о караимской общине Одессы – по сведениям за 1849 г., там проживало 226 караимов, однако эта информация в течение последующих лет (с 1849 по 1858 гг.) фактически не обновлялась [171, с. 73, 75; 194, с. 102; 195, с. 73]. В соответствии с данными за 1862 г., в Одессе проживало только 177 караимов (96 муж. и 81 жен.), однако уже в 1863 г. уточненные статистические показатели свидетельствовали, что одесская караимская община за прошедшие годы увеличилась до 723 чел. (405 муж. и 318 жен.), а в 1869 г. ее численность достигла 858 чел.¹¹ [196, с. 25; 197, с. 117]. В 1873 г. в этом городе насчитывалось 1 тыс. 140 караимов об. п., а в 1892 г. членов одесской караимской общины было 958 чел. [198, с. VII].

¹¹ Очевидно, что под этими цифрами подразумевались как члены непосредственно одесской караимской общины, так и иногородние караимы, находившиеся в городе в связи с коммерческими делами.

Постепенно увеличивалась и караимская община Николаева. Если в 1863 г. в городе числилось только 136 караимов (67 муж. и 69 жен.), то в 1865 г. их было уже 613 чел. (304 муж. и 309 жен.). А в феврале 1868 г. количество проживавших в Николаеве караимов и евреев-раввинистов составляло 4 тыс. 417 чел. (2 тыс. 72 муж. и 2 тыс. 345 жен.) – при общем числе жителей в этом городе 47 тыс. 262 чел. об. п. Следует также сказать, что вышеупомянутые общины занимали второе по численности место в городе после общины православных-христиан [189, с. 120; 199, с. 76; 200, с. 34]. В 1881 г. в Николаеве проживало 552 караима (265 муж. и 287 жен.) – все являлись представителями городского сословия; в 1882 г. – 577 чел. (278 муж. и 298 жен.; причем только 4 из них – жители близлежащих хуторов, остальные принадлежали к городскому сословию) [201, с. 37; 202, с. 38]. В 1910 г. николаевская караимская община состояла из 439 чел. (195 муж. и 244 жен.) [379, с. 122].

В 40-х гг. XIX в. караимские общины возникают также в Харькове и Киеве. Первоначально харьковских караимов насчитывалось не более 10 семей, однако постепенно, привлеченные открывавшимися перед ними торговыми и промышленными возможностями, многие крымские караимы переселяются в Харьков. Если в 1864 г. харьковская караимская община насчитывала только 100 чел. (55 муж. и 45 жен.), то уже в 1867 г. она увеличилась до 151 чел. (84 муж. и 67 жен.), а в 1871 г. в городе проживало 40 семей караимов (всего 205 чел. об. п. [193, л. 80, 81; 203, с. 135; 204, с. 184, 185]. Первые упоминания о караимской общине Киева приводятся в статистических отчетах в 1850-х гг. (когда там было зафиксировано всего несколько семей); в 1900 г. она насчитывала около 200 чел., а в 1910 г. – уже 729 чел. (364 муж. и 365 жен.) [66, с. 79; 205, с. 132].

Как уже упоминалось выше, последняя, X ревизия податного населения в России была проведена в 1857 г. В 1858 г. вместо государственных ревизий в стране было решено проводить административно-полицейский учет жителей, в основу которого были положены данные посемейных списков. Всего было проведено три таких крупных административно-полицейских исчисления – в 1858, 1863 и 1885 гг. Кроме того, по Высочайше утвержденному Положению Комитета министров от 2 октября 1874 г. в России было решено провести перепись всего еврейского населения страны, за исключением Царства Польского – с целью «обеспечения отбывания евреями воинской повинности». В соответствии с действующим законодательством, караимов эта перепись не затрагивала. С 8 февраля 1874 г., по распоряжению министра внутренних дел, для учета лиц мещанского сословия вместо рекрутских списков были введены списки посемейные, которые обязаны были вести мещанские управы; купеческие посемейные списки предоставляли городские и купеческие управы. Учет крестьянского населения осуществлялся волостными правлениями, приходским духовенством и становыми приставами; основанием для учета дворян служили дворянские книги губерний [206, с. 10, 11, 14, 17, 24].

Помимо этого, продолжался сбор разнообразной информации губернскими статистическими комитетами. Со времени начала разработки специальными комиссиями при Правительствующем Сенате вопроса об общей переписи населения в Российской империи, с 1874 г. губернскими статистическими комитетами под руководством Центрального статистического комитета было проведено 25 однодневных переписей населения. В числе городов, которые затронули эти переписи, были Санкт-Петербург, Москва, Варшава, а также некоторые города юго-западных губерний страны: Евпатория (в 1887 г.), Екатеринослав (в 1865 и 1873 гг.), Харьков (в 1866, 1873 и 1879 гг.), Николаев (в 1875 г.) и Херсон (в 1887 г.) [206, с. 96]. Кроме того, переписи населения проводились также в Одессе (в 1873, 1879 и 1892 гг.) и Киеве (в 1874 г.).

В 1871 г. в Таврической губернии общее число жителей составило 693 тыс. 960 чел.; из них караимов 3 тыс. 87 муж. и 3 тыс. 141 жен. [207, с. 256]. А в исторической записке, представленной в 1871 г. караимским собирателем древностей А. С. Фирковичем австрийскому императору от имени галицких караимов, приводились данные, что, помимо Российской империи, в Константинополе, Египте и Галиции проживало около 1 тыс. караимов [47, с. 239]. Как уже говорилось выше, данные по численности караимского населения фиксировались как органами караимского духовного самоуправления, так и газзанами на местах. Иногда подобная статистика была востребована составителями различных путеводителей по Крыму. Так, например, по сведениям, представленным севастопольским караимским газзаном И. Султанским, которые затем были опубликованы посетившим Крымский полуостров писателем Ф. В. Ливановым, в 1873 г. в Таврической губернии насчитывалось: в Евпатории – 300 караимских семей; в Феодосии – 100; в Бахчисарае – 70; в Севастополе – 70; в Симферополе – 60; в Бердянске – 50; в Армянском Базаре – 40; в Мелитополе – 30; в Ялте – 15; в Карасубазаре – 10; в Керчи – 10; в Чуфут-Кале – 5; в Алешках – 2 [9, с. 64]. Всего же, по данным официального статистического учета, в Таврической губернии в 1873 г. проживало 6 тыс. 454 караимов (3 тыс. 371 муж. и 3 тыс. 83 жен.) и в Керчь-Еникальском градоначальстве – 34 караима (18 муж. и 16 жен.) [208, с. 163]. Что касается других административно-территориальных единиц Новороссийского края, показатели были следующими: в Херсонской губернии числился 591 караим (313 муж., 278 жен.; в т.ч. в Херсоне – 50 семей и в Елизаветграде – 15 семей); в Одесском градоначальстве – 1 тыс. 614 караимов (887 муж., 727 жен., или 150 семей); в Николаевском губернаторстве караимов (вместе с евреями) насчитывалось 2 тыс. 463 муж. и 2 тыс. 637 жен. (из них караимов – 100 семей). В Кишиневе проживало 3 караимских семьи, в Екатеринославле – 12 семей, в Таганроге – 7 семей [9, с. 64].

Помимо вышеперечисленных городов, во второй половине XIX в. караимские общины появлялись также и в некоторых других регионах России. Например, в Саратове в начале 70-х гг. XIX в. проживало 2 караимских семьи,

в Новочеркаске – 2, в Киеве – 6, в Москве и Санкт-Петербурге – по 4, в Воронеже – 3, в Харькове – 15, в Кременчуге – 10 семей. В западных губерниях страны насчитывалось: в Троках – 35 семей, в Вильно – 4 семьи, в Луцке – 30, в Галиции (вместе с Австро-Венгрией) – 30 семей. Помимо всего прочего, И. Султанский сообщал, что караимские общины существовали также в Константинополе (40 семей), в Иерусалиме (8 семей), в Египте, Сирии и Бухаре (до 300 семей) [9, с. 64]. Следовательно, на основании вышеприведенных сведений, а также в соответствии с данными официальной статистики, можно сделать вывод о том, что в этот период общее число караимов, проживавших в Российской империи, составляло около 10 тыс. чел.

В 1879 г., по информации, приведенной в «Еврейской энциклопедии», статистика караимского населения Российской империи выглядела следующим образом: в Виленской губернии насчитывалось 610 караимов об. п.; в Волынской губернии – 193; в Ковенской губернии – 334 чел. В Таврической губернии, где проживало 4 тыс. 954 чел. караимского вероисповедания, наибольшей по численности являлась караимская община Евпатории (1 тыс. 132 чел.); затем следовали общины Феодосии (967 чел.), Симферополя (792 чел.), Бахчисарая (658 чел.), Севастополя (430 чел.), Армянского Базара с Перекопом (350 чел.), Мелитополя (315 чел.) и Бердянска (310 чел.). Что касается других городов Юга России, то в Одессе было зафиксировано наличие 940 караимов об. п., в Николаеве – 653, в Херсоне – 387, в Харькове – 262 чел. Караимские общины (общим числом 1 тыс. 392 чел.) существовали также в Екатеринославе, Елизаветграде, Киеве, Москве, Санкт-Петербурге и других городах страны. Таким образом, всего в России в 1879 г. проживало 9 тыс. 725 караимов об. п.; из них в западных губерниях – 1 тыс. 137 чел. и в остальных регионах – 8 тыс. 588 чел. [47, кол. 297].

В 1880-е гг. в России вновь увеличился объем внутренних земледельческих миграций, причем Новороссия продолжала оставаться регионом наиболее интенсивного заселения (общий объем мигрантов – до 900 тыс. чел.), вследствие чего крупные размеры приобрели эмиграционное и иммиграционное движения; значительно усилился приток мигрантов в города. Следует также отметить, что в этот период возрастает число переселенцев в Москву и Санкт-Петербург – на протяжении 1871–1896 гг. в российской столице поселилось около 700 тыс. человек, а в городах Московской губернии технический прирост населения составил 510 тыс. чел. (в т.ч. в самой Москве – более 400 тыс. чел.), а в Варшаве – более 250 тыс. чел. [95, с. 88, 89]. Однако выявить точное количество проживавших в этих городах караимов не всегда представляется возможным – например, в Москве подсчет караимского населения был затруднен тем, что, по данным московских переписей населения 1871 и 1882 гг., караимы были объединены в одну группу с евреями-раввинистами (их общая численность составляла, соответственно, 5 тыс. 819 чел. в 1871 г. и 15 тыс. 85 чел. – в 1882 г.) [209, с. XXXI].

Во второй половине XIX в. активное участие в миграционных процессах принимает и караимское население страны. За счет представителей караимских общин Крыма, выезжавших за его пределы с коммерческими, образовательными или иными целями, продолжался рост числа жителей-караимов в городах юго-западных и центральных губерний России; кроме того, их количество росло и за счет демографических процессов внутри самих общин. По данным статистики, в 1886 г. непосредственно в Таврической губернии проживало 6 тыс. 519 караимов (3 тыс. 284 муж. и 3 тыс. 235 жен.) при общем количестве населения 1 млн. 81 тыс. 492 чел.; из них в Симферополе проживал 341 караим (160 муж. и 181 жен.); в Бахчисарае – 607 (299 муж. и 308 жен.); в Карасубазаре – 70 (33 муж. и 37 жен.); в Феодосии – 1 тыс. 37 (510 муж. и 527 жен.); в Ялте – 181 (100 муж. и 81 жен.); в Евпатории – 2 тыс. 630 (1360 муж. и 1270 жен.); в Перекопе и Армянском Базаре – 319 (127 муж. и 192 жен.); в Алешках – 33 (15 муж. и 18 жен.); в Мелитополе – 374 (186 муж. и 188 жен.); в Бердянске – 243 (107 муж. и 136 жен.); в Севастопольском градоначальстве – 389 (220 муж. и 169 жен.); в Керченском градоначальстве – 193 чел. (106 муж. и 87 жен.). В Старом Крыму, Орехове и Ногайске в 1886 г. караимов не было. Всего же лиц караимского вероисповедания в городах Таврической губернии насчитывалось 5 тыс. 835 чел. (2 тыс. 897 муж. и 2 тыс. 938 жен.); в градоначальствах – 582 чел. (326 муж. и 256 жен.). Что касается уездов, то статистика караимского населения выглядела следующим образом: Симферопольский уезд – 35 чел. (20 муж. и 15 жен.), Феодосийский уезд – 6 чел. (6 муж.), Перекопский уезд – 47 чел. (26 муж. и 21 жен.) и Днепровский уезд – 14 чел. (9 муж. и 5 жен.); всего – 102 чел. [210, с. 32, 33]. В связи с этим вновь необходимо указать на то, что караимы в большинстве своем проживали в городах; небольшое число жителей в сельской местности может быть объяснено тем, что основными занятиями членов караимских общин по-прежнему были те, что связаны с городской инфраструктурой – торговля, ремесла и государственная служба (хотя среди караимской торговой и купеческой верхушки было немало землевладельцев, которым принадлежали крупные земельные участки в сельской местности).

Согласно сведениям, собранных Таврическим и Одесским караимским гехамом С. М. Панпуловым по просьбе директора народных училищ Таврической губернии А. Н. Дьяконова, в Таврической губернии в 80-х гг. XIX в. насчитывалось 10 кенас (по 2 – в Евпатории и Чуфут-Кале, по 1 – в Симферополе, Перекопе, Бахчисарае, Севастополе, Феодосии и Мелитополе), а также 3 молитвенных дома (в Ялте, Керчи и Бердянске) [211, л. 34]. На территории западных губерний караимские кенасы действовали в Галиче, Вильно, Луцке и Троках. Что касается учебных заведений для караимской молодежи, то в Таврической губернии в 1884 г. действовало 11 общественных караимских мужских училищ и 1 женское (всего – 375 учащихся); к 1 января 1889 г. – 11 мужских училищ и 1 женское (328 учащихся); в 1892 г. – 8 мужских и 1 женское

училище (181 мал. и 178 дев.); в 1900 г. – 10 училищ (всего – 193 учащихся) [211, л. 28; 212, с. 9; 213, с. 164; 214, л. 29; 215, л. 69; 216, с. 9; 217, л. 13, 22 об., 31, 38, 40; 218, л. 69]. Некоторая разница в числе учащихся, фигурировавшем в официальных отчетах за разные годы, может быть объяснена тем, что в Дирекцию народных училищ не всегда поступали данные по всем караимским учебным заведениям губернии. Кроме того, многие караимы предпочитали отдавать своих детей в общегосударственные учебные заведения [219, л. 7 об.]. Действовали караимские училища в Симферополе, Евпатории, Феодосии, Севастополе, Бахчисарае, Керчи, Карасубазаре, Перекопе, Бердянске, Мелитополе и Армянском Базаре. Не было общественных караимских школ в Ялте [217, л. 52, 54]. В среднем, в одном общественном караимском училище обучалось от 27 до 34 учащихся, чей возраст варьировался от 9 до 14 лет. Что касается русско-караимских министерских училищ (РКМУ), созданных в результате проведения общегосударственной образовательной реформы, то в Таврической губернии к 1882 г. функционировало 2 подобных учебных заведения (в Симферополе и Бахчисарае); впоследствии еще 3 РКМУ были также открыты в Бахчисарае (женское), Евпатории и Карасубазаре [121, л. 247 об., 250; 220, л. 158 об., 167]. В конце 80-х – середине 90-х гг. XIX в. караимские школы были также созданы в Поневеже и Троках.

В 1890 г. население Таврической губернии увеличилось до 1 млн. 119 тыс. 266 чел. (583 тыс. 266 муж. и 536 тыс. жен.), при этом число проживавших в городах и уездах караимов достигло 6 тыс. 270 чел. об. п.; в губернии насчитывалось 83 чел. (40 муж. и 43 жен.) еврейского и караимского вероисповедания, принадлежащих к духовному сословию. В 1891 г. эти цифры составили, соответственно, 1 млн. 149 тыс. 5 чел. (598 тыс. 62 муж. и 550 тыс. 943 жен.) всех жителей и 6 тыс. 335 чел. караимов об. п.; духовного сословия – 76 чел. (36 муж. и 40 муж.) евреев и караимов. В Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальстве, как в отдельных административных единицах, проживало, соответственно, в 1890 г. – 650 и 202 караима об. п., а в 1891 г. – 430 и 204 чел. об. п. [221, с. 179, 185, 186; 222, с. 210, 211, 216, 217]. По другим регионам количественные показатели также имели тенденцию к возрастанию: например, в 1892 г. в Киевской губернии проживало уже 140 караимов (заключено 4 брака; родилось – 14, умерло – 9 чел.); также увеличилась численность караимских общин Одессы, Харькова, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов [223, л. 181; 224, с. 114]. К началу 1890-х гг. общее число караимов, проживавших в Российской империи, перевалило за 10 тыс. чел.; при этом в Таврической губернии их насчитывалось 6 тыс. 270 чел. [223, л. 181, 193; 225, с. 38, 39]. К 1 января 1894 г. караимов в Таврической губернии было уже 6 тыс. 476 чел., к 1 января 1895 г. – 8 тыс. 142 чел.; всего же в Таврической губернии в середине 90-х гг. XIX в. общее число жителей составляло 1 млн. 247 тыс. 159 чел. [226; 227, с. 80; 228, с. 94, 108].

По установленной юрисдикции, в ведении ТОКДП в 1880–1890-х гг. находились караимские общины таких населенных пунктов, как: Алешки, Армянск, Бахчисарай (с Чуфут-Кале¹²), Бердянск, Евпатория, Геническ, Голая Пристань, Карасубазар, Керчь, Мелитополь, Перекоп, Севастополь, Симферополь, Феодосия, Ялта – в Таврической губернии, а также городов центральных и юго-западных губерний Российской империи – Варшавы, Вознесенска, Воронежа, Екатеринодара, Екатеринослава, Елизаветграда, Киева, Кишинева, Костромы, Либавы, Москвы, Казани, Калуги, Курска, Луганска, Николаева, Нижнего Новгорода, Новороссийска, Одессы, Орла, Полтавы, Риги, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Славянска, Сум, Сухума, Таганрога, Тулы, Харькова, Херсона и Юрьева. Что касается ТрКДП, то под его управлением находились караимские общины в Луцке, Поневеже, Троках, Вильно, Пскове, Смоленске и Острове (Кукизове).

В соответствии с Высочайше утвержденным в 1895 г. «Положением о Первой всеобщей переписи населения Российской империи», 28 января 1897 г., путем непосредственного опроса всего населения на одну и ту же дату, была проведена «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года». Ее результаты были опубликованы в 89 томах (119 книгах) под общим заглавием «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года». Согласно «Положению» от 5 июня 1895 г., перепись должна была учитывать 14 признаков о каждом лице, живущем в пределах страны: 1) имя; 2) семейное положение; 3) отношение к главе хозяйства; 4) пол; 5) возраст; 6) сословие или состояние; 7) вероисповедание; 8) место рождения; 9) место приписки; 10) место постоянного жительства; 11) родной язык; 12) грамотность; 13) занятие; 14) физические недостатки.

Из-за разных критериев оценки, численность проживавших в России караимов определялась по двум параметрам – по вероисповеданию и носителям языка. В соответствии с опубликованными данными переписи и показателями распределения населения по конфессиональной принадлежности и по народностям на основании родного языка, в Таврической губернии «караимы и часть иудеев» составляли цифру в 8 тыс. 911 чел. (4 тыс. 166 муж. и 4 тыс. 175 жен.:

---

¹² К началу XX в. сам Чуфут-Кале практически опустел. Во второй половине XIX в. большинство караимских семей переселилось в Бахчисарай, Евпаторию, Севастополь, Симферополь, а также другие города Таврической губернии и Юга России. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в Чуфут-Кале проживало всего 19 чел. (11 муж. и 8 жен.) [229, с. I]. Как свидетельствуют источники, последними обитателями Чуфут-Кале были братья М. и Ю. Пигиты; кроме того, в начале 1900-х гг. надзор за Чуфут-Кале осуществлял бахчисарайский купец и габбай (староста) местной общины Е. Ч. Майтоп. В 1906 г. там поселился, после назначения на эту должность, главный смотритель Чуфут-Кале А. С. Дубинский [230, с. 60].

из них в городах проживало 8 тыс. 570 чел. – 3 тыс. 985 муж. и 4 тыс. 585 жен.; в уездах и градоначальствах без городов – 181 муж. и 160 жен.) [229, с. V]. Тем не менее, эти данные требуют уточнения, т.к. среди караимов в конце XIX – начале XX вв. общеупотребимыми были русский и караимский языки, а также «лешон а-кодеш» («священный язык», или древнееврейский, на котором был написан ТаНаХ, а также все догматические произведения караимов). Что касается общего числа представителей иудейских общин Таврической губернии, то на т.н. «еврейском жаргоне» (идише) говорило 55 тыс. 336 муж. и жен. (91,1%); на караимском этнолекте крымскотатарского языка (или караимском языке) – 3 тыс. 299 муж. и жен. (5,4%); на русском – 2 тыс. 58 муж. и жен. (3,4%); на других языках – 59 муж. и жен. (0,1%) [229, с. XIII].

Переписью 1897 г. учитывался и такой показатель, как грамотность: среди караимов Таврической губернии было 3 тыс. 608 чел., обученных грамоте (1 тыс. 976 муж. и 1 тыс. 632 жен.), при этом своим родным языком русский признали 484 чел. (231 муж. и 253 жен.; из них грамотных – 174 муж. и 174 жен.), что составило 7,9% от общего числа; на караимском языке в Таврической губернии разговаривали 5 тыс. 603 чел. (2 тыс. 563 муж. и 3 тыс. 40 жен., из них грамотных – 1 тыс. 771 муж. и 1 тыс. 442 жен.), а на «лешон туркит» (т.е. на турецком языке) – 67 чел. (38 муж. и 29 жен.; из них грамотных – 29 муж. и 16 жен.). Кроме того, 3 караима, согласно сведениям переписи, своим родным указали другие языки (из них грамотных – 2 муж.). Последние две категории составили 1,1% от общего числа караимов, проживавших в губернии [229, с. XIV, 100]. В уездах и градоначальствах без городов показатели грамотности караимского населения выглядели следующим образом: при общей численности в 298 караимов (167 муж. и 131 жен.) грамотных среди них было 193 чел. (130 муж. и 63 жен.); русский в качестве родного языка указали 29 респондентов (14 муж. и 15 жен.; из них грамотных, соответственно, 9 муж. и 7 жен.). На караимском языке разговаривали 255 чел. (144 муж. и 111 жен., из них грамотных – 114 муж. и 54 жен.); на «лешон туркит» – 14 чел. (9 муж. и 5 жен.; из них грамотных – 7 муж. и 2 жен.) [229, с. 100].

Что касается статистики населения по вероисповеданиям, то, в соответствии с данными переписи, в Таврической губернии (вместе с Севастопольским и Керчь-Еникальским градоначальствами) проживало 6 тыс. 166 караимов (2 тыс. 835 муж. и 3 тыс. 331 жен.), из них в городах – 5 тыс. 868 караимов (2 тыс. 668 муж. и 3 тыс. 200 жен.; в т.ч., грамотных – 1 тыс. 846 муж. и 1 тыс. 859 жен.; в т.ч. указавших родным языком русский – 217 муж. и 238 жен., грамотных «по-русски» – 165 муж. и 167 жен.) [229, с. X, 92, 93, 102]. В качестве родного караимский язык указали 5 тыс. 348 караимов, жителей городов Таврической губернии (2 тыс. 419 муж. и 2 тыс. 938 жен.; из них грамотных – 1 тыс. 567 муж. и 1 тыс. 388 жен.); турецкий – 53 чел. (29 муж. и 24 жен.; из них грамотных – 22 муж. и 14 жен.); прочие языки – 3 чел. (грамотных – 2 муж.).

Лишь 298 караимов (167 муж. и 131 жен.) проживало в уездах губернии (без городов); в Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальствах караимов насчитывалось, соответственно, 830 чел. (386 муж. и 444 жен.) и 79 чел. (45 муж. и 34 жен.) [229, с. X, 92, 93].

Самая многочисленная караимская община в 1897 г. была зафиксирована в Евпатории – 1 тыс. 505 чел. (670 муж. и 835 жен.); далее, в порядке убывания, следовали такие города, как: Феодосия – 1 тыс. 233 чел. (579 муж. и 654 жен.), Севастополь – 813 чел. (381 муж. и 432 жен.), Симферополь – 709 чел. (311 муж. и 398 жен.), Мелитополь – 454 чел. (206 муж. и 248 жен.), Бахчисарай – 395 чел. (175 муж. и 220 жен.), Бердянск – 258 чел. (117 муж. и 141 жен.), Перекоп – 194 чел. (72 муж. и 122 жен.), Ялта – 162 чел. (80 муж. и 82 жен.), Керчь – 79 чел. (45 муж. и 34 жен.), Карасубазар – 47 чел. (24 муж. и 23 жен.), Алешки – 10 чел. (5 муж. и 5 жен.), Балаклава – 8 чел. (2 муж. и 6 жен.) и Старый Крым – 1 чел. (муж.). По уездам статистика выглядела таким образом: в Симферопольском уезде проживало 56 караимов (25 муж. и 31 жен.), в Днепровском – 53 (29 муж. и 24 жен.), Мелитопольском – 61 (35 муж. и 26 жен.), Перекопском – 14 (9 муж. и 5 жен.), Ялтинском – 15 чел. (11 муж. и 4 жен.), в Евпаторийском – 2 (1 муж. и 1 жен.), в Бердянском – 3 (2 муж. и 1 жен.), Феодосийском – 85 (52 муж. и 33 жен.), Севастопольском градоначальстве – 9 чел. (3 муж. и 6 жен.) [229, с. 3, 92, 93].

Что касается других регионов Российской империи, то опрос дал такие результаты: караимов западных губерний, именовавшихся «трокскими», всего насчитывалось 1 тыс. 383 чел. – к их числу были отнесены караимы Виленской, Ковенской, Витебской, Волынской губерний. Наибольшее их число проживало в Троках (377 чел.) и Вильно (155 чел.). В городах и уездах Ковенской губернии караимов насчитывалось 203 чел. (97 муж. и 106 жен.), в т.ч. в Поневеже и Поневежском уезде – 181 чел. (85 муж. и 96 жен.), в Ковно – 7 чел. (5 муж. и 2 жен.), а наименьшее число зафиксировано в Россиенах (ныне – г. Расейняй в Литве) – 1 караим [39, с. 31; 231, с. 78, 79]. В Витебской губернии проживало 49 караимов (26 муж. и 23 жен.), в Лифляндской губернии (Юрьев, Рига и др.) – 58 караимов (32 муж. и 26 жен.), в Курляндской губернии – 2 караима [232, с. 88, 89; 233, с. 76, 77; 234, с. 76, 77]. В губерниях Царства Польского (в т.н. Привислинских губерниях) статистика караимского населения выглядела таким образом: в Варшавской губернии проживало 168 чел. (119 муж. и 49 жен.; в т.ч. непосредственно в Варшаве 16 муж. и 5 жен.), в Радомской – 8 чел. (6 муж. и 2 жен.), в Калишской – 8 чел. (2 муж. и 6 жен.), в Петроковской – 7 чел. (6 муж. и 1 жен.), в Сувалкской и Плоцкой – по 2 чел., в Седлецкой и Ломжинской губерниях – по 1 чел. [235, с. 108, 109; 236, с. 46, 47; 237, с. 62, 63; 238, с. 63; 239, с. 78, 79; 240, с. 84, 85; 241, с. 90, 91; 242, с. 60, 61; 243, с. 60, 61].

В городах, где существовали крупные караимские общины, переписью были зафиксированы такие показатели: в Херсонской губернии жителей-караимов

насчитывалось 2 тыс. 8 чел. (954 муж. и 1 тыс. 54 жен.), и, в частности, в Одессе и Одесском уезде – 1 тыс. 69 чел. (499 муж. и 550 жен. в самой Одессе, и 12 муж. и 8 жен. – в уезде), в Херсоне – 363 чел. (121 муж. и 142 жен.), в Николаеве – 554 чел. (253 муж. и 301 жен.), в Елизаветграде и Елизаветградском уезде – 83 чел. (50 муж. и 43 жен.); в Екатеринославе и Екатеринославской губернии – 359 чел. (178 муж. и 181 жен.); в Московской губернии – 347 чел. (в т.ч. в самой Москве – 204 муж. и 128 жен.); в Киевской губернии – 327 чел. (192 муж. и 135 жен.; в т.ч. в самом Киеве – 176 муж. и 122 жен.), в Санкт-Петербургской губернии – 331 чел. (209 муж. и 122 жен.; из них в самом Санкт-Петербурге – 310 чел.); в Харьковской губернии – 255 чел. (128 муж. и 127 жен., в т.ч. в самом Харькове – 104 муж. и 111 жен.), в Полтаве и Полтавской губернии – 207 чел. (137 муж. и 70 жен.) [198, с. 34, 35; 209, с. 60, 61, 68, 69; 244, с. 88, 89; 246, с. 72, 73; 247, с. 100, 101; 248, с. 86, 87; 249, с. 100, 101; 250, с. 98, 99].

Остальные губернии Европейской части России и Сибири были представлены следующими цифрами: в Области Войска Донского (Ростов-на-Дону, Таганрог, Сальск и др.) проживало 99 караимов (51 муж. и 48 жен.), в Псковской губернии – 55 (28 муж. и 27 жен.; в т.ч. в самом Пскове и Псковском уезде 19 муж. и 17 жен.), Орловской – 49 (29 муж. и 20 жен.), Нижегородской – 44 (28 муж. и 16 жен.), Пермской (Екатеринбург, Ирбит, Шадринск и др.) – 44 (28 муж. и 16 жен.), Смоленской – 41 (25 муж. и 16 жен.), Оренбургской – 30 чел. (11 муж. и 19 жен.), Томской – 48 (29 муж. и 19 жен.), в Енисейской губернии – 33 (25 муж. и 8 жен.), Самарской – 28 (16 муж. и 12 жен.), Тамбовской – 26 (12 муж. и 14 жен.), Тобольской – 26 (16 муж. и 10 жен.), Черниговской – 25 (8 муж. и 17 жен.), Подольской (Каменец-Подольский, Литин, Винница и др.) – 24 (11 муж. и 13 жен.), Вятской (Вятка, Глазов, Уржум и др.) – 24 (12 муж. и 12 жен.), Казанской – 23 (11 муж. и 12 жен.), Воронежской – 22 (14 муж. и 8 жен.), Ярославской – 19 (13 муж. и 6 жен.), Минской – 16 (9 муж. и 7 жен.), Калужской – 14 (8 муж. и 6 жен.), Тверской – 12 (4 муж. и 8 жен.), Саратовской – 12 (6 муж. и 6 жен.), Могилевской – 12 (8 муж. и 4 жен.), Уфимской – 11 (5 муж. и 6 жен.), Рязанской – 10 (4 муж. и 6 жен.), Костромской – 10 (4 муж. и 6 жен.), Курской – 8 (2 муж. и 6 жен.), Вологодской – 8 (4 муж. и 4 жен.), Тульской – 7 (2 муж. и 5 жен.), Владимирской – 7 (5 муж. и 2 жен.) и Архангельской – 1 караим [251, с. 76, 77; 252, с. 46, 47; 253, с. 82, 83; 254, с. 64, 65; 255, с. 92, 93; 256, с. 82, 83; 257, с. 54, 55; 258, с. 68, 69; 259, с. 88, 89; 260, с. 74, 75; 261, с. 101, 111; 262, с. 97, 98; 263, с. 84, 85; 264, с. 98, 99; 265, с. 58, 59; 266, с. 56, 57; 267, с. 66, 67; 268, с. 78, 79; 269, с. 94, 95; 270, с. 38, 39; 271, с. 84, 85; 272, с. 94, 95; 273, с. 100, 101; 274, с. 64, 65; 275, с. 84, 85; 276, с. 78, 79; 277, с. 74, 75; 278, с. 84, 85; 279, с. 77, 78; 280, с. 66, 67; 281, с. 208, 209].

Определенный процент жителей из числа лиц караимского вероисповедания приходился на Кавказ и Закавказский регион (Кавказский край) – всего там проживало 204 караима. Например, по данным переписи 1897 г. в Эриванской

губернии числилось 15 караимов (9 муж. и 4 жен.), в Черноморской – 24 (18 муж. и 6 жен.), Кутаисской – 46 (29 муж. и 17 жен.), Бакинской – 8 (3 муж. и 5 жен.), в Кубанской области (Екатеринодар, Ейск и др.) – 91 чел. (42 муж. и 49 жен.), в Терской губернии – 6 чел. (5 муж. и 1 жен.), Елисаветопольской – 1 караим [39, с. 32; 282, с. 52, 53; 283, с. 54, 55; 284, с. 31; 285, с. 86, 87; 286, с. 56, 57; 287, с. 58, 59; 288, с. 56, 57; 289, с. 60, 61].

Дисперсно караимы проживали также в губерниях Средней Азии (в Тургайской – 1 чел., Уральской – 13 чел., Сыр-Дарьинской – 3 чел., Семиреченской – 6 чел., Самаркандской – 7 чел. и Акмолинской – 7 чел.), а также в ряде областей Сибири: Забайкальской (5 чел.), Амурской (2 чел.) и Приморской (1 чел.) – всего 45 чел. [290, с. 36, 37; 291, с. 46, 47; 292, с. 54, 55; 293, с. 50, 51; 294, с. 46, 47; 295, с. 54, 55; 296, с. 84, 85; 297, с. 14, 15].

Общая численность караимов, проживавших в Российской империи согласно данным Всероссийской переписи населения 1897 г., составила 12 тыс. 894 чел. (6 тыс. 372 муж. и 6 тыс. 522 жен.) [39, с. 30]. Тем не менее, эти показатели требуют некоторого уточнения. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что не все лица караимского вероисповедания, которые были учтены переписью, являлись этническими караимами. Так, например, караимами себя назвали 404 русских сектанта-субботника (или «караимствующих»), проживавших в Царевском уезде Астраханской губернии (в с. Пришиб); кроме того, несколько человек русских сектантов-субботников Кубанской области (в т.ч. жители станицы Михайловская) также были указаны в переписи, как принадлежавшие к караимскому вероисповеданию [287, с. 58, 59; 298, с. 40, 41]. Как уже говорилось выше, в Привисленских губерниях, территории которых сегодня входят в состав Польши, проживало около 200 караимов. Что касается караимского населения за пределами России, его численность достигала 300 чел. – из них 160 чел., согласно переписи населения в Австро-Венгрии в 1900 г., проживало в Галиции; остальные в конце XIX – начале XX вв. эмигрировали в другие страны [66, с. 78].

В отношении того, какой из языков являлся для караимов родным, данные опроса показали, что большинство из членов караимских общин использовали для общения русский, польский, караимский, турецкий, еврейский, армянский языки. Однако, что касается еврейского языка, к сожалению, уточнений относительно использования караимами «лешон а-кодеш» или идиша сделано не было. Большинство караимов и караимок указали своим родным языком караимский – 9 тыс. 666 чел. (74,9%), причем среди мужчин таковых оказалось 67%, а среди женщин – 71,6%; русский язык в качестве родного отметили 2 тыс. 632 чел. (20,4%), а еврейский – 383 чел. (2,9%), причем знающих русский язык среди мужчин оказалось больше (24%), чем среди женщин (19%). Такой показатель, как грамотность, продемонстрировал, что среди караимского населения России грамотных насчитывалось

7 тыс. 747 чел., что составило 60% от их общего числа; причем среди мужчин грамотных было 70,5%, а среди женщин – 50%. Первое место по грамотности занимала Херсонская губерния – там грамотных среди мужчин насчитывалось 80,6%, а среди женщин – 57,3% [39, с. 33; 49, с. 444].

Что касается возрастных данных караимского населения по переписи 1897 г., то показатели выглядели так: детей до 1 года – 315 чел. (166 мал. и 149 дев.); от 1 до 9 лет – 2 тыс. 468 чел. (1218 мал. и 1250 дев.); от 10 до 19 лет – 2 тыс. 879 чел. (1 тыс. 355 муж. и 1 тыс. 524 жен.); от 20 до 50 лет – 5 тыс. 252 чел. (2 тыс. 648 чел. муж. и 2 тыс. 604 жен.); от 50 до 70 лет – 1 тыс. 918 чел. (1 тыс. 23 чел. муж. и 895 жен.); от 70 до 90 лет – 349 чел. (233 муж. и 116 жен.); более 100 лет – 1 муж. [39, с. 35].

Дальнейший сбор информации о караимском населении страны продолжился и после опубликования данных Всероссийской переписи населения 1897 г. В этом процессе самое непосредственное участие принимали органы губернской статистики, земского и городского самоуправления, члены ТОКДП и ТрКДП. Так, например, в соответствии с данными, собранными ТГСК и Таврической губернской земской управой, в городах и уездах Таврической губернии в 1898 г. проживало 7 тыс. 268 лиц караимского вероисповедания (3 тыс. 751 муж. и 3 тыс. 517 жен.); в 1899 г. – 8 тыс. 21 чел. (4 тыс. 243 муж. и 3 тыс. 778 жен.); в 1901 г. – 8 тыс. 518 чел. (4 тыс. 404 муж. и 4 тыс. 114 жен.); в 1902 г. – 9 тыс. 336 чел. (4 тыс. 872 муж. и 4 тыс. 464 жен.); в 1903 г. – 8 тыс. 738 чел. (4 тыс. 555 муж. и 4 тыс. 183 жен.); в 1904 г. – 8 тыс. 306 чел. (4 тыс. 268 муж. и 4 тыс. 38 жен.); в 1907 г. – 8 тыс. 694 чел. (4 тыс. 595 муж. и 4 тыс. 99 жен.); в 1908 г. – 9 тыс. 62 чел. (4 тыс. 531 муж. и 4 тыс. 531 жен.); в 1909 г. – 8 тыс. 824 чел. (4 тыс. 482 муж. и 4 тыс. 342 жен.); в 1911 г. – 9 тыс. 276 чел. (4 тыс. 597 муж. и 4 тыс. 679 жен.); в 1912 г. – 9 тыс. 567 чел. (4 тыс. 775 муж. и 4 тыс. 792 жен.); в 1914 г. – 10 тыс. 307 чел. (5 тыс. 229 муж. и 5 тыс. 78 жен.)¹³ (подробнее см. Приложения 3 и 4) [299, с. 95, 112; 300-310; 39, с. 36; 311, с. 46].

Изменение численности караимского населения страны происходило не только за счет внутренних миграций и технического прироста населения в городах. В этой связи немаловажными являются сведения по демографической ситуации в караимских общинах и данные о заключении браков среди караимов. Так, с 1888 по 1897 гг. общее число детей, родившихся в караимских семьях, составило 2 тыс. 750 чел., а умерших – 1 тыс. 868 чел. [312, с. 47-49]. К началу XX в. эта статистика выглядела следующим образом: в 1907 г. было зарегистрировано 43 брака; число новорожденных составило 133 чел. (72 мал. и 61 дев.); в 1909 г. – 49 браков и 92 новорожденных (40 мал. и 52 дев.);

---

¹³ Информация о числе караимов, проживавших в Таврической губернии, приведена без учета данных по Керчь-Еникальскому и Севастопольскому градоначальствам, составлявшим отдельные административно-территориальные единицы.

в 1910 г. – 38 браков (всего в караимских общинах Российской империи – 65) и 97 новорожденных (57 мал. и 40 дев.; всего в стране среди караимов – 151 чел.); в 1917 г. – 49 браков и 83 новорожденных [39, с. 36; 40, с. 39; 43, с. 4; 187, л. 83, 85; 311, с. 49; 313, с. 46].

В этот период в караимских общинах повсеместно отмечалось и небольшое, по сравнению с серединой XIX в., количество многодетных семей – в основном, в каждой семье насчитывалось от одного до трех детей. Например, среди караимов Симферополя в 80-х гг. XIX в. возрастные категории лиц, вступивших в брак, распределялись следующим образом: до 16 лет – 2 чел.; в 17–18 лет – 11 чел.; от 19 до 20 лет – 8 чел. (причем абсолютное большинство вступивших в брак составляли лица женского пола); от 20 до 25 лет – 36 чел.; от 26 до 35 лет – 33 чел.; от 36 до 50 лет – 12 чел.; старше 50 лет – 7 чел. (в этих возрастных категориях большинство уже представляли мужчины – 54 чел.; женщин было 34 чел.) [314, с. 12-14, табл. 7]. Наибольшее число новорожденных в караимских семьях появлялось на свет зимой (295 чел.), а наименьшее – осенью (173 чел.) [314, с. 158, табл. 30]. Соотношение числа новорожденных было следующим – на 100 девочек приходилось 90 мальчиков; детская смертность составляла: 31 ребенок в возрасте до 1 года (на 170 родившихся) и 76 детей в возрасте до 5 лет [314, с. 148]. В целом число новорожденных караимов было, как и число заключенных в караимской среде браков, довольно низким – соответственно, на каждую тысячу человек приходилось 5 браков и 15 новорожденных [39, с. 37]. За период с 1905 по 1909 гг. число родившихся в России караимов составило 901 чел. (467 муж. и 434 жен.), а умерших – 839 чел. (475 муж. и 364 жен.) [312, с. 82]. В 1913 г. показатели по Таврической губернии выглядели так: число новорожденных составило 105 чел. (51 мал. и 54 дев.), а умерших – 100 чел. (47 муж. и 53 жен.), что определило естественный прирост 0,05% [315, с. 31, 32].

Следует заметить, что в начале 1900-х гг. в караимском обществе постепенно меняется отношение к бракам, заключавшимся между караимами и представителями других этносов и конфессий – ранее на них был наложен строгий запрет со стороны караимского духовенства. «Жизнь настойчиво требует отмены ограничений и стеснений к вступлению караимов и караимок в брак с лицами других вероисповеданий, – писал журнал «Караимская жизнь» в 1911 г., – урегулирования правового положения детей, рожденных от смешанных браков» [316, с. 85]. В 1917 г. статистика лиц, вступавших в браки среди караимов, выглядела следующим образом: от 16 лет до 19 лет – 2 (жен.); от 20 до 24 лет – 31 (8 муж. и 23 жен.); от 25 до 29 лет – 28 (16 муж., 12 жен.); от 30 до 34 лет – 18 (12 муж., 6 жен.); от 35 до 39 лет – 8 (5 муж., 3 жен.); от 40 до 45 лет – 6 (5 муж., 1 жен.); от 46 до 48 лет – 5 (3 муж., 2 жен.). Всего в 1917 г. вступивших в брак среди караимов было 98 чел. (49 муж., 49 жен.) [41, с. 13; 43, с. 4; 78, с. 136].

В начале XX в. география проживания караимов значительно расширилась – теперь их можно было встретить практически во всех крупных и средних населенных пунктах страны. Помимо уже перечисленных городов, в 1900-х гг. караимские общины появляются в Александровске, Балаклаве, Белгороде, Богородске, Кременчуге, Макеевке, Никополе, слободе Кременной (ныне – город в Луганской обл. Украины), Нежине, Рашкове (село в Хотинском районе Черновицкой обл. Украины) и др. Центрами сосредоточения караимских общин западных губерний по-прежнему оставались Луцк, Поневеж, Троки, Вильно, Псков, Смоленск, Остров (Кукизов). Помимо этого, к ведомству ТОКДП была причислена и караимская община Харбина.

Вновь следует отметить, что сельских жителей среди караимов было крайне мало. Исходя из данных статистики, можно констатировать, что значительный процент караимов приходился на города – так, например, в Евпатории в 1904 г. караимы (вместе с евреями) составляли 24% от всего населения; что касается сельской местности, то наибольшее число караимов, проживавших в селах и деревнях Таврической губернии, приходилось на Симферопольский уезд – 2,6% (в 1897 г.); в Евпаторийском уезде их доля составила более 2% [45, с. 683, 686, 711]. В 1913 г. караимы в городах Симферопольского уезда составляли 2,6%; в городах Евпаторийского уезда – 2,2%; в городах Феодосийского уезда – 1,2%; в городах Ялтинского и Перекопского уездов проживало, соответственно, 0,3% и 0,2% караимов от всего числа жителей. Что касается Севастопольского градоначальства, то караимы составляли 1,6% от всего населения (в Севастополе и Балаклаве), а в Керчь-Еникальском градоначальстве (в Керчи) – 0,9%. Собственно по уездам (без городов) Таврической губернии показатели караимского населения были следующими: в Евпаторийском уезде – 2,4%, Феодосийском – 1,2%, Симферопольском – 0,9%, Перекопском – 0,4%, Ялтинском – 0,2%, Бердянском – 0,1%, Мелитопольском – 0,1%; на территории Севастопольского и Керчь-Еникальского градоначальств, соответственно, 1,5% и 0,2% [315, с. 4, 24, 27].

В 1919 г. караимские общины существовали уже более чем в 100 населенных пунктах Российской империи; крупные общины лиц славянского происхождения (русских и украинцев), перешедших в караимизм, зафиксированы в станицах Михайловской (600 муж. и жен.) и Родниковской (около 200 чел.) на Кубани, в с. Пришиб Царевского уезда Астраханской губернии, а также в 4 селах Бакинской губернии и в Дагестане¹⁴ [317, с. 81, 82; 318, с. 54; 319, с. 55, 56; 320, с. 8, 9; 321, с. 58-65].

---

¹⁴ Необходимо подчеркнуть, что ТОКДП настороженно относилось и к т.н. «караимствующим» – русским субботникам, проживавшим в Дагестане, Баку и на Кубани. Несмотря на то, что субботники сумели добиться у властей права на регистрацию своей общины, тем не менее, в официальных кругах на них смотрели как на «временно отпавших от государственной церкви», которые, рано или поздно, вернутся в лоно своей прежней конфессии [317, с. 81, 82; 320, с. 8, 9].

Что касается объектов отправления религиозного культа, то всего к 1911 г. в Российской империи насчитывалось 20 караимских кенас, 18 из которых имели собственные здания – в Армянске, Бердянске, Бахчисарае, Киеве, Екатеринославе, Луцке, Мелитополе, Николаеве, Одессе, Поневеже, Севастополе, Симферополе, Троках, Харькове, Феодосии и Ялте; по две кенасы существовало в Евпатории и Чуфут-Кале¹⁵. Два молитвенных дома караимов, располагавшихся в наемных помещениях, действовали в Москве и Вильно [329, с. 118; 330, с. 122; 331, с. 133, 134; 332, с. 27, 28]. В 1912 г. караимский молитвенный дом был открыт даже в Харбине усилиями местной караимской общины [333, л. 12 об.; 334, с. 97, 98].

Из ведомостей, предоставленных караимскими газзанами в ТОКДП, становятся известны названия тех городов и местностей, которые были отнесены к приходу той или иной караимской кенасы, и составляли округ газзана. Так, в округ Евпаторийской Большой (Соборной) кенасы был включен непосредственно сам город Евпатория и Евпаторийский уезд, а к округу Малой кенасы – только Евпатория; к округу Симферопольской кенасы относились Симферополь и Екатеринослав; Севастопольской кенасы – города Севастополь, Балаклава, частично Феодосия и Керчь; Феодосийской кенасы – Феодосия и Керчь; Армяно-Базарской кенасы – Армянск, Хорлы и Скадовск; Бахчисарайской кенасы – Бахчисарай и Чуфут-Кале; кенасы Чуфут-Кале – непосредственно сам Чуфут-Кале; к округу Бердянской кенасы – Бердянск, Ногайск, Таганрог, Мариуполь, Ташкент, Новороссийск, Сухум, Екатеринодар, Кременчуг и Ростов-на-Дону; Екатеринославской кенасы – станицы Каменская и Урюпинская; Киевской кенасы – Киев и Киевский уезд; Мелитопольской кенасы – Мелитополь, Геническ, Александровск и Полтава. В приход московской кенасы были включены такие города, как Москва, Петроград, Симбирск, Сызрань, Пенза, Иваново-Вознесенск, Тула, Владимир, Новгород, Вятка, Казань, Воронеж, Орел, Вологда, Оренбург, Хабаровск, Ярославль, Уфа, Самара, Калуга, Томск, Саратов, Кострома, Псков, Елец; в приход Николаевской кенасы – Николаев, Елизаветград и Херсон; Одесской – Одесса и Кишинев; Херсонской – Алешки и Голая Пристань; Ялтинского молитвенного дома – Ялта и Алушта [335, л. 12-16; 84, с. 570, 571].

К 1918 г. в Таврической губернии насчитывалось 13 караимских школ и училищ. Среди них следует назвать такие, как Евпаторийское, Бахчисарайское

---

¹⁵ В «Обзорах состояния Таврической губернии» начала XX в. сведения о караимских кенасах довольно противоречивы – так, например, в отчетах за 1902, 1904, 1911 и 1912 гг. о наличии караимской кенасы в Симферополе не упоминается, хотя достоверно известно, что новое каменное здание для нее было возведено на средства местной караимской общины еще в 1896 г. В отчетах за 1897, 1899, 1901, 1902 гг., напротив, сведения о симферопольской кенасе присутствуют, однако почему-то указано, что зданий у кенасы имеется 2 и даже 3 [322–328].

и Симферопольское русско-караимские министерские училища; приходские школы (мидраши) при караимских кенасах в Евпатории, Симферополе, Мелитополе, Перекопе и Севастополе (мужское и женское); частные и общественные школы – например, частное училище 3-го разряда с профессиональным отделением «Караимского общества попечения о бедных» в Евпатории, «Караимская девичья школа им. Э. Ч. Коген» в Симферополе, караимские мужское и женское училища 3-го разряда в Феодосии [336, с. 8, 9]. В Евпатории духовное и светское образование караимы получали в Александровском караимском духовном училище, открытом в 1894 г., а профессиональное – в Евпаторийском караимском ремесленном училище С. Когена. В других городах юго-западных и центральных губерний России, в которых существовали караимские общины, учебные заведения для караимов действовали в Одессе, Херсоне, Николаеве, Екатеринославе, Елизаветграде, Мелитополе, Киеве, Харькове, Вильно и др. Следует также сказать о том, что значительное число представителей караимской молодежи обучалось в общегосударственных учебных заведениях. Например, по собранным ТОКДП данным, в 1918 г. только в Евпаторийской мужской казенной гимназии числилось 83 ученика-караима; в Евпаторийской женской казенной гимназии – 44 караимки; в частной гимназии А. П. Рущинской и А. А. Миронович – 16 учениц и в Евпаторийском 8-классном коммерческом училище – 8 мальчиков-караимов [214, л. 34-36, 38]. Всего в это время в средних учебных заведениях Евпатории обучался 151 караим, т.е. 10% всего караимского населения Евпатории [337, с. 1, 2].

Существенные изменения в географии проживания караимов в Российской империи произошли во время Первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны. Боевые действия, которые велись на территории западных губерний России, привели к тому, что значительная часть населения этого региона покинула места своего постоянного проживания. Среди беженцев было немало караимов, которые смогли найти убежище в Киеве, Одессе, Нежине, Сумах, Харькове, а также в Крыму, где местными караимами им была оказана всесторонняя помощь [338, с. 19-26]. В дальнейшем в России происходил значительный отток караимского населения в связи с эмиграцией членов большинства караимских общин в страны Западной Европы, а также на другие континенты.

Таким образом, на основании рассмотренных материалов можно сделать вывод о том, что в период с конца XVIII до начала XIX вв. численность представителей караимских общин Таврической губернии постепенно увеличивалась. Статистика менялась не только в связи с показателями рождаемости и смертности, но и в результате внутренней миграции караимского населения на территории Российской империи. Это происходило из-за расширения торгово-экономических интересов караимских предпринимателей, увеличения численности караимов, получавших образование в российских учебных заведениях различного уровня и т.п. Караимы из традиционных мест проживания,

каковыми являлись территория Крымского полуострова, а также города западных регионов страны (Троки, Вильно, Галич и др.), переселялись в перспективные в торговом и экономическом отношении города Юга России – Одессу, Николаев, Херсон, Новороссийск; с середины XIX в. караимские общины формировались также в крупных промышленных центрах страны (в Москве, Санкт-Петербурге, Таганроге, Харькове, Киеве и др.). В это время наблюдался как отток караимов из Таврической губернии, так и переселение их сюда из других регионов страны. В то же самое время традиционные места своего проживания (Чуфут-Кале, Мангуп) караимы покидают, что приводит к постепенному угасанию этих населенных пунктов.

Процессы внутренней миграции представителей караимских общин продолжаются на протяжении всего XIX в., однако основными центрами их проживания по-прежнему остаются территория Крымского полуострова, города Юга России и западных губерний. Наибольшее число жителей из числа караимов в конце XIX – начале XX вв. зафиксировано в таких городах Таврической губернии, как Симферополь, Севастополь, Феодосия и Евпатория. Значительное преобладание караимов, проживавших в городах, по сравнению с сельской местностью может быть объяснено, прежде всего, тем, что основными для членов караимских общин по-прежнему оставались те занятия, что были связаны с городской инфраструктурой – торговля, ремесла, военная и государственная служба (хотя среди караимской торговой и купеческой верхушки было немало землевладельцев, которым принадлежали крупные земельные участки в сельской местности). Дальнейшие социальные трансформации, революции, войны и эмиграция существенно сократили численность караимов, проживавших на Крымском полуострове и прилегающих к нему территориях.

В результате проведенного анализа источников необходимо указать на то, что статистический учет населения, проводившийся по распоряжению российских властей местной администрацией, учреждениями статистического учета и контроля, а также органами караимского конфессионального самоуправления, не всегда отражал реальную ситуацию. В этой связи важно отметить, что работа по сбору информации о численности караимского населения сопровождалась рядом негативных факторов, приведшим в итоге к искажению итоговой статистики. В их числе – несовершенство самой методики сбора данных, зачастую не учитывавшей в проводившихся опросах женское население, представителей духовенства, чиновников и дворян; бюрократическая волокита при составлении отчетов; несвоевременная доставка или неумышленное искажение караимскими газзанами сведений о членах подведомственных им общин (например, отсутствие в их отчетах указаний на число местных и иногородних караимов); недобросовестная работа государственных ревизоров и т.п. Все эти нюансы, несомненно,

оказали свое негативное влияние на конечный результат по учету караимского населения.

Несмотря на научный характер Первой общероссийской переписи 1897 г. и ее более фундаментальную подготовку (по сравнению с государственными ревизиями конца XVIII – середины XIX вв.), сведения о караимах также вызывают определенные нарекания. Это касается, прежде всего, отсутствия данных о сословном характере караимских общин и основных занятиях их представителей; многочисленные неточности, касающиеся данных о языковой ситуации в караимских общинах (в частности, расхождения относительно родного языка и грамотности), а также отсутствие четких границ между этническим и конфессиональным маркерами. Важно также отметить, что данные переписи 1897 г. при сравнении с показателями, зафиксированными органами местной статистики на один и тот же период, существенно отличаются. Так, например, сведения, собранные в ходе переписи, свидетельствуют, что в Таврической губернии проживало 6 тыс. 166 караимов, однако в губернских статистических отчетах фигурирует цифра 7 тыс. 268 чел. Такая разница в показателях, по-видимому, вызвана тем, что в ТГСК фиксировались данные, касающиеся не только местных, но и т.н. «иногородних» жителей, составлявших технический прирост населения. Этот фактор становится особенно заметен при сравнении цифр по учету караимского населения Симферополя за 1893 г. (363 муж. и 247 жен.) и увеличение их почти в 2 раза уже в 1894 г. (664 муж. и 588 жен.); сведений по Бердянскому уезду за 1901 г. (107 муж. и 97 жен.), 1902 г. (338 муж. и 374 жен.) и 1908 г. (489 муж. и 465 жен.) и т.д. (Приложения 3 и 4). Однако, несмотря на некоторые недочеты, следует констатировать, что данные Первой общероссийской переписи 1897 г. являются весьма информативным источником по статистике караимского населения Российской империи конца XIX в.

В дальнейшем учет караимов в Российской империи был осложнен начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной, а также социально-политическими катаклизмами, последовавшими за Февральской буржуазной революцией и октябрьским большевистским переворотом 1917 г. Значительное число караимов было вынуждено переселиться с территорий своего постоянного проживания (прежде всего, это относится к караимам западных губерний России); часть их эмигрировала за пределы страны. Многие караимы были убиты или погибли в ходе ведения боевых действий, а также в результате начавшегося вскоре «красного» и «белого» террора, голода и разрухи, охвативших страну. В последующие годы статистический учет населения не проводился; первой переписью населения, в которой были собраны данные о караимах, стала первая Всесоюзная перепись населения СССР 1926 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Сумароков П.[И.] Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.
2. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853.
3. Паллас П.С. Путешествие в Крым (в 1793 и 1794 годах) // ЗООИД. 1881. Т. 12.
4. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: В 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009.
5. Монтадон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. К., 2011.
6. Roguier N. de Notice sur Juifs Karaites (Sieverni Arkhiv. – Archives du Nord; mars 1827, n 6, p. 97) // Bulletin des sciences géographiques, etc: Économie publique; voyages; Rédigé par M. Aubert De Vitry. Paris, 1829. Томе XVII.
7. де Роге Н. Заметка о евреях-караимах // Северный Архив. 1827. № 6.
8. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. СПб., 1861. Ч. II.
9. Ливанов Ф.В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М., 1874.
10. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: В 4 ч. М., 1805. Ч. 1.
11. Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям. 1820. СПб., 1828. [6]; Продолжение путевых записок... 1820-го и начала 1821-го. СПб., 1830. [8].
12. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.» / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2009.
13. Rojata [Skirmuntowa H.]. Szkice z Krymu // Tygodnik Ilustrowany. 1871. Т. VIII. № 201.
14. Кизилов М.Б. Крымские пещерные города по описанию Е. Скирмунт (Поята) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
15. [Hlebnicki-Józefowicz L.] Wspomnienia Krymu // Kiosy. Т. XXV. № 637(1877).
16. Горчакова Е.С. Воспоминание о Крыме. Симферополь, 2008.
17. Шишкина О.[П.] Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб., 1848. Ч. II.
18. Lyall R. Travels in Russia, the Krim, the Caucasus, and Georgia: In 2 vol. London, 1825. Vol. I.
19. Elliott C.B. Travels in the three great empires of Austria, Russia, and Turkey: In 2 vol. London, 1838. Vol. I.
20. Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIII.
21. [Орехов В.В.] Французенка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму / Пер. с француз. яз., вступ. стат. и коммент. В. В. Орехов // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8.
22. von Haxthausen A. Studienüber die inneren Zustände, und das Volksleben und insbesodere die landlichen Einrichtungen Russlands: In 2 bd. Hannover, 1847. Bd. II.
23. Kohl J. G. Reisen in Südrussland: In 2 vol. Dresden; Leipzig, 1841. Vol. 2.
24. Remy F. Die Krim in ethnographischer Landschaftlicher und hygienischer Beziehung. Odessa; Leipzig, 1872.

25. Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes. Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites According to Descriptions of the Travelers. New York, 2003.
26. Бейм С.А. Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1858.
27. Бейм С.А. Чуфут-Кале и караимы. Одесса, 1861.
28. Бейм С.А. Память о Чуфут-Кале. Одесса, 1862.
29. Gammer M. A Report by Solomon Beym to the French Authorities // Eastern European Karaites in the Last Generations / Edited by D.Y. Shapira, D.J. Lasker. Jerusalem, 2011.
30. Скальковский А. Пространство и народонаселение Новороссийского края // Новороссийский календарь на 1849 год; изд-е Ришельевского лицея. Одесса, 1848. Ч. IV.
31. Кеппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857.
32. Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. 1916. № 53.
33. Домбровский Ф.[М.] Прошедший и настоящий быт города Евпатории // Новороссийский календарь на 1847 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1846.
34. Домбровский Ф.[М.] Историко-статистическое описание города Симферополя // Новороссийский календарь на 1847 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1846.
35. Домбровский Ф.М. Историко-статистический очерк г. Феодосии // Новороссийский календарь на 1848 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1847.
36. Домбровский Ф.[М.] Историко-статистический очерк г. Багчесерай // Новороссийский календарь на 1849 год; изд-е Ришельевского лицея. Одесса, 1848. Ч. IV.
37. Домбровский Ф.М. Очерк Феодосийского уезда: Отрывок из описания Таврической губернии // Новороссийский календарь на 1856 високосный год. Одесса, 1855.
38. Кокизов Ю.Д. Караимы. Краткий исторический очерк. СПб., 1898.
39. Синани В. К статистике караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь.
40. Панпулов С.[М.], Нейман С.[М.] Сведения о числе рождений, браков и смертн.[ости] караимского населения в 1910 г. Таврическое гахамство [таблица] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь.
41. Г.С. [Шапшал С.М.] Об уменьшении числа караимов // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 3, 10 июля.
42. Г.С. [Шапшал С.М.] К уменьшению числа караимов // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1918. № 2, декабрь.
43. Шапшал С.[М.] Деятельность совещания при Караимском Духовном Правлении с участием делегатов от общин (16-21 июля 1917 г.) // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 4, 5 августа.
44. Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов, В. Зверинский, Р. Маака, Н. Майков, Н. Филиппов. СПб., 1865. Т. II.
45. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под. общим рук. П. П. Семенова-Тяньшанского. СПб., 1910. Т. XIV: Новороссия и Крым.
46. Гессен Ю., [Гаркави А.Я., Балабан М.] Караимы // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Каценельсона. СПб., 1912. Т. IX: «Иудан-Ладенбург».

47. А.Г. [Гаркави А.Я.] Караимы // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XIV, кн. 27: «Калака–Кардам».
48. Караимы // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1900. Т. 10: «Идумэя–Китченер».
49. Переферкович Н.[А.] Караимы // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. И. и А. Гранат и К^о» / Под ред. Ю. С. Гамбарова, В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского и др. Изд-е 7-е. СПб., 1913. Т. XXIII: «Кабанель–Каутский».
50. Статистические данные о числе караимов в Крыму в 1921 г. и 1926 г. // Бизим Йол (Наш путь). Симферополь, 1927.
51. Никольский П. Крым. Население. Крымгосиздат, 1929.
52. Усов С.А. Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края // Крым. 1928. № 1(5), вып. 1.
53. Никольский П.В. Завоевание Крыма дворянской Россией // Крым. Хрестоматия по истории края. Крымгосиздат, 1930. Ч. 1.
54. Вологдин Б.П. К вопросу о численности населения в Крыму до завоевания его русскими // Крым. 1927. № 1(3).
55. Tablica Statystyczna urodzyn, zgonów I ślubów karaimow w Trokach I Wilne w ciagu lat 5 (1919–1923) // Myśl Karaimska. Wilno, 1924. Z. 1.
56. Tablica Statystyczna urodzyn, zgonów I ślubów karaimow w Haliczu od 1830 do r. 1923 // Myśl Karaimska. Wilno, 1924. Z. 1.
57. Kokenai B. Stosunki agrarne karaimów na Krymie (Zaris statystyczny) // Myśl Karaimska. Wilno, 1929. T. 2, Z. 1.
58. Łopatto K. Krótki zarys higjenu Karaimów w Polsce // Myśl Karaimska. Wilno, 1936. Z. II.
59. Вихнович В. Массовые этнические депортации из Крыма в 1944–1945 гг. и крымские караимы // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2004.
60. Бебеш Б. Без вины и без указа: Воспоминания // Так это было: Национальные репрессии в СССР, 1919–1952 годы: В 3 т. / Сост., предисл., послесл., коммент. и примеч. С. У. Алиевой. М., 1993. Т. 3.
61. Караимы // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд-е. М., 1953. Т. 20.
62. Караимы // Большая Советская энциклопедия / Под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд-е. М., 1973. Т. 11: «Италия-Кваркуш».
63. Караимы // Народы Европейской части СССР [В 2-х т.] / Под ред. С. П. Толстого [и др.]. М., 1964. Т. II.
64. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003.
65. Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917) // Советская этнография. 1980. № 6.
66. Куповецкий М.С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
67. Михайлов С.С. Из истории караимской диаспоры в Москве в XIX–XX вв. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. М., 1999. № 4.
68. Белый О.Б. Из истории караимской общины в конце XVIII – начале XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГААРК) // Крымский музей. Симферополь, 1994. № 1.

69. Белый О.Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ГААРК) // Крымский музей: 1995–1995. Симферополь, 1996.
70. Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
71. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // В поисках утраченного единства: Сб. ст. Симферополь, 2005.
72. Дьяконова И.А. Караимская община Севастополя (в XIX – начале XX века) // Х Дмитриевские чтения (16–17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма: Сб. науч. ст. Симферополь, 2008.
73. Катунина Е.В., Катунин Ю.А. Причины ликвидации религиозных общин караимов в 40–60-е гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 62.
74. Терещук Н.М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства: Сб. ст. Симферополь, 2005.
75. Терещук Н.М. История караимской общины Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX – 1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму: Сб. науч. ст. Симферополь, 2008.
76. Kizilov M. The Karaites of Galicia: an Ethnoreligious Minority among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945. *Studia Judaeslavica* / Ed. by Al. Kulik. Vol. I. Leiden; Boston, 2008.
77. Schur N. *The Karaite Encyclopedia*. Wien, 1995.
78. Прохоров Д.А. Органы караимского конфессионального самоуправления и проблема прозелитизма, межконфессиональных и межэтнических браков в Таврической губернии в XIX – начале XX века (по материалам фонда ТОКДП) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18.
79. Прохоров Д.А. К вопросу о численности караимского населения в Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв. // Материалы IV всекрымской научной конференции «Молодая наука Крыма–2007» (28 октября 2008 г.) / Отв. ред. А. В. Горбань. Симферополь, 2008.
80. Прохоров Д.А. Крымские караимы и проблема прозелитизма: К вопросу о целостности караимских общин Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Caraimica: Quarterly Review* / International Institute Of The Crimean Karaites. Слипери-Рок, США; Симферополь, Украина, 2008. Вып. 5.
81. Прохоров Д.А. Органы конфессионального самоуправления караимов Российской империи и организация религиозной жизни караимских общин Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв. // *Sacrum et Profanum IV*. Религия в жизни человека и общества: Сб. науч. тр. / Ред.-сост. Н. А. Алексеенко, Х. Хоффманн. Севастополь, 2009.
82. Прохоров Д.А. Социальная стратификация караимского населения Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы научного роста молодых ученых / Отв. ред. А. В. Горбань. Симферополь, 2010. Вып. 3.

83. Прохоров Д.А. Караимские общины Крыма и Севастополя в конце XVIII – начале XIX вв. по документам Государственного архива в АР Крым: Исторический, демографический и медицинский аспекты // Вестник морского врача. Севастополь, 2009. № 7.
84. Прохоров Д.А., Белый О.Б. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из Государственного архива в АР Крым // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
85. Зайцев В. К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожая на народное хозяйство России / Под ред. В. Г. Громана. М., 1927.
86. Волков Е.З. Динамика населения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930.
87. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / Под ред. С. Г. Струмилина. М., 1956.
88. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
89. Новосельский С.А. Демография и статистика. М., 1978.
90. Поляков Ю.А., Киселев И.Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 году // Вопросы истории. 1980. № 6.
91. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1 / Отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2000.
92. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.
93. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.
94. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998.
95. Кабузан В.М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4.
96. Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858–1917) // Источниковедение отечественной истории 1981: Сб. ст. М., 1982.
97. Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. как источник для определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6.
98. О еврейх-караимах // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1843. Ч. 1, № 2.
99. Прик С.А. Беседы о караимстве. Одесса, 1902.
100. Луцкий Симха Исаак бен-Моисей // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Каценельсона. СПб., б.г. Т. X: «Ладенбург–Мигрон».
101. Луцкий Симха Исаак бен-Моисей // Ельяшевич Б.С. Караимский Биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
102. Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея // ЗООИД. 1844. Т. I.
103. Финкель И. Девар Сефасаим // ЗООИД. 1848. Т. II.
104. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (Перевод с еврейской рукописи сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии) / Пер. караим Авр.[аам] Сам.[уилович] Фиркович // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1856. Кн. 24.

105. Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 г. СПб., 1783.
106. А.Ш. О караимах, преимущественно живущих в Евпатории // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса, 1838.
107. Домбровский Ф.М., Ханацкий К.В., Элерс. Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1.
108. Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1841. Ч. XXX. Отд. 2: Словесность, науки и художества.
109. [Лашков Ф.Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. 1888. № 6.
110. Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и острова Тамань // ЗООИД. 1883. № 13.
111. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. 1886. Т. 14.
112. Маркевич А.И. Материалы архива канцелярии таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 году // ИТУАК. 1891. № 11.
113. Иванов П. Из дел Московского отделения Архива Главного штаба. II. Извлечения из «Журнала реляциям кн.[язя] [Г.А.] Потемкина, Ея Императорскому Величеству подаваемым» 1784 года // ИТУАК. 1893. № 19.
114. [Лашков Ф.Ф.] Ордера князя [Г.А.] Потемкина правителю Таврической области. 1788-й год (продолжение) // ИТУАК. 1890. № 10.
115. [Кириенко Г.К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области // ИТУАК. 1895. № 23.
116. С.П. [Познанский С.] Ага, Вениамин бен-Самуил // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Каценельсона. СПб., б.г. Т. I: «А–Аллемар».
117. [Фиркович З.А.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов / Изд-е З. А. Фирковича. СПб., 1890.
118. Караулов Г.[Э.] Чуфут-Кале и еврей-караимы. Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа. // ЗООИД. 1883. Т. 13.
119. Историко-статистическое описание городов Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1.
120. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. XI, Ч. 2: Таврическая губерния. СПб., 1849.
121. ГААРК, ф. 212, оп. 1, д. 290.
122. № 21.547. Декабря 9 1804 г. Высочайше утвержденное положение о устройстве Евреев // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXVIII: 1804–1805.
123. Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев: происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000.
124. Прохоров Д.А. Деятельность органов караимского конфессионального самоуправления и вопросы регулирования правового положения караимов Российской империи в первой половине XIX – начале XX вв. // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: история, современность, прогноз: Сб. науч. ст. Симферополь, 2010.

125. Прохоров Д.А. Документы по истории взаимоотношений между представителями караимских и еврейских общин Таврической губернии в XIX – начале XX веков в Государственном архиве при СМ в АР Крым (гражданско-правовой аспект) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике. Памяти проф. Р. М. Капланова. М., 2009. Ч. II.
126. № 3286. Ноября 20. Именной, данный Николаевскому и Севастопольскому Военному губернатору. О воспреещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывание в городах Севастополь и Николаев // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. IV: 1829.
127. № 3703. Июня 10. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, прописанное в указе сената 31 июля: О мерах к переселению евреев из Севастополе и Николаева // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. V, Отд. I: 1830.
128. № 43139. Марта 24. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 25 апреля. О дозволении евреям-мещанам иметь жительство и постоянную оседлость в городе Николаеве // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1868. Т. V, Отд. I: 1866.
129. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 1.
130. Крестьянников В.В. Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // Севастополь: взгляд в прошлое: Сб. ст. / Сост. В. В. Крестьянников. Севастополь, 2006.
131. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса, 1838.
132. № 8054. Апреля 13. Высочайше утвержденное Положение о Евреях, опубликованное 13 мая. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1836. Т. X, Отд. I: 1835.
133. № 9991. Марта 3. Высочайше утвержденное Положение о Таврическом Караимском Духовенстве // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. XII, Отд. I: 1837.
134. № 12206. Апреля 4. Сенатский. О кандидатах на должность Гахама Караимского духовенства в Таврической губернии и городе Одессе // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1840. Т. XIV, Отд. I: 1839.
135. № 2963. Декабря 10. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, опубликованное 26 января 1840 [года]. О дозволении караимам, в Таврической и других губерниях жительствоющих, принимать в услужение христиан, и приезжающим из-за границы вступать в Российское подданство // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1840. Т. XIV, Отд. I: 1839.
136. № 15199. Января 7. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, опубликованное 1 апреля. О новой форме присяги для караимов // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1843. Т. XVII, Отд. I: 1842.
137. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 1477.
138. № 17328. Ноября 15. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 31 декабря. О распространении на караимов правил о почетном гражданстве // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1844. Т. XVIII, Отд. I: 1843.
139. № 18546. Декабря 19: Высочайше утвержденное Положение о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1845. Т. XIX, Отд. I: 1844.
140. № 24715. Декабря 11. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 5 января 1851 [года]. О невоспреещении Евреям Караимам продажи горячих напитков и жительства по деревням // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1851. Т. XXV, Отд. II: 1850.

141. № 23817. Января 11. Высочайше утвержденный Устав о производстве девятой народной переписи // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1851. Т. XXV, Отд. I: 1850.
142. № 31918. Июня 3. Высочайше утвержденный Устав о десятой народной переписи // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1858. Т. XXXII, Отд. I: 1857.
143. № 25211. Мая 15. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Управляющим Министерством Внутренних дел. О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей и об отнесении на Татарский сбор исправление дороги и о содержании в оном местечке караимского училища // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. XXVI, Отд. I: 1851.
144. № 26604. Октября 10. Сенатский, по Высочайшему повелению. О дозволении Евреям Караимам свободно приезжать в столицы и другие внутренние города Империи // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1853. Т. XXVII, Отд. I: 1852.
145. № 27464. Июля 26. Именной, объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции. О дозволении Евреям Караимам причисляться к портовым городам северо-восточного берега Черного моря, жить и владеть в оных собственностью // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1854. Т. XIX, Отд. I: 1853.
146. № 29276. Мая 3. Высочайше утвержденное положение Комитета об устройстве Евреев, опубликованное 7 июня. Об ограничении определения в Равнины и Учителя еврейских предметов // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1856. Т. XXX, Отд. I: 1855.
147. № 29277-а. О нераспространении на Караимов, получающих ученые и медицинские степени, ограничений, постановленных вообще для Евреев относительно поступления на службу // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1856. Т. XXX, Отд. II. Дополнения к Т. XXX: 1855.
148. Фельдман Д.З. С.А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. М., 2000. № 3.
149. Казас И.И. О мерах к поддержанию Чуфут-Кале // ИТУАК. 1890. № 10.
150. № 3136. Сентября 6. Сенатский. О привилегиях, выданных бывшими Польскими королями Евреям Караимам города Трок, коим представлено им жить и заниматься в оном городе промыслами // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. IV, Отд. II: 1829.
151. № 7733. Января 7. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. О праве Евреев Караимов на исключительное от Рабанитов жительство в городе Троках // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1836. Т. X, Отд. I: 1835.
152. № 9625. Октябрь 20. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, опубликованное 20 ноября. О жительстве евреев в городах Вильне и Троках // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1837. Т. XI, Отд. II: 1836.
153. Троки // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Каценельсона. СПб., 1912. Т. XV: «Трани–Шемини Ацерет».
154. № 13394. Апреля 16. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. Об освобождении Караимского общества города Трок от содержания там акцизного сбора // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1841. Т. XV, Отд. I: 1840.
155. № 24634. Ноября 13. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 11 декабря. Об устройстве духовной части у Караимов Западных губерний // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1851. Т. XXV, Отд. II: 1850.
156. № 39460. Апреля 8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 2 мая. О постановлениях касательно прав Караимов // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. XXXVIII, Отд. I: 1863.

157. Кеппен П.И. Об этнографической карте Европейской России по уездам губерний и областей. 2-е изд. СПб., 1853.
158. О евреях-караимах // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1843. Ч. 1, № 2.
159. Евреи-караимы // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1843. Ч. XXXIX, № 7, отд. 6.
160. А.Б. Историко-статистическое описание Херсона // Новороссийский календарь на 1845 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1844.
161. О числе иноверцев в Новороссийском крае и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1847 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1846.
162. Рафалович А. Движение народонаселения и общественное здоровье в Одессе в 1843 году // Новороссийский календарь на 1845 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1844.
163. О числе иноверцев в Новороссийском крае и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1848 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1847.
164. О числе сочетавшихся браком, родившихся и умерших в 1847 году // Новороссийский адрес-календарь на 1849 год; изд-е Ришельевского лицея. Одесса, 1848. Ч. IV: Статистические таблицы Новороссийского края и Бессарабии.
165. Васильев К.К. Медицина старой Одессы. Очерки. Одесса, 2003.
166. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: В 2-х кн. Кн. II: Чума бактериологического периода. М., 2006.
167. Гаврилов Б.И. Черноморский флот и Севастополь во второй четверти XIX в. // Историко-публицистический альманах «Москва-Крым». М., 2002. № 4.
168. Шиколов В.А. Эпидемии холеры в Крыму в XIX–XX веках (история и статистика): Становление санитарно-карантинной службы в морских портах Крыма. Симферополь, 2002.
169. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. II. Наличное население империи за 1858 год / Под ред. А. Бушуева. СПб., 1863.
170. Бобков В.В. Статистики Таврической губернии (XIX – начало XX века): Библиографический указатель / Под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2004.
171. № 36453. Декабря 26. Высочайше утвержденное Положение о Губернских и Областных Статистических Комитетах // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1862. Т. XXXV, Отд. II: 1860.
172. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1850 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1849.
173. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. XI, Ч. 1: Херсонская губерния. СПб., 1849.
174. О числе сочетавшихся браком, родившихся и умерших в 1848 году // Новороссийский календарь на 1850 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1847.
175. Таблица народонаселения Ковенской губернии за 1847 год // Книжка Ковенской губернии на 1848 год. Ковно, 1847.
176. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. IX, Ч. 2: Виленская губерния. СПб., 1848.

177. О числе сочetaвшихся браком, родившихся и умерших в 1849 году // Новороссийский календарь на 1851 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1850.
178. О числе сочetaвшихся браком, родившихся и умерших в 1850 году // Новороссийский календарь на 1852 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1851.
179. О числе сочetaвшихся браком, родившихся и умерших в 1852 году // Новороссийский календарь на 1854 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1853.
180. О числе учебных заведений Новороссийского края и лицах, в них обучающихся // Новороссийский календарь на 1857 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1856.
181. О числе учебных заведений Новороссийского края и лицах, в них обучающихся // Новороссийский календарь на 1858 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1857.
182. О числе учебных заведений Новороссийского края и лицах, в них обучающихся // Новороссийский календарь на 1859 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1858.
183. О числе учебных заведений Новороссийского края и лицах, в них обучающихся // Новороссийский календарь на 1860 високосный год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1859.
184. О числе учебных заведений Новороссийского края и лицах, в них обучающихся // Новороссийский календарь на 1861 год. Одесса, 1860.
185. ГААРК, ф. 755, оп. 1, д. 1.
186. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 19.
187. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 37.
188. Прохоров Д.А. Традиционные этноконфессиональные учебные заведения караимов в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т. 24(63). № 1: Исторические науки. Спецвыпуск: «История Украины». Симферополь, 2011.
189. Иноверцы в Новороссийском крае и Бессарабии в 1863 г. // Новороссийский календарь на 1865 год. Одесса, 1864.
190. Список населенных мест по сведениям 1864 года / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1865. Т. ХLI. Таврическая губерния.
191. Статистический временник Российской империи / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1866. Ч. I.
192. Таблица. Состав населения по вероисповеданиям в 1865 году // Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1.
193. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 108.
194. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1858 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1857.
195. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1852 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1851.
196. Ведомость о состоянии народонаселения в Одессе за 1862 г. // Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса, 1864.
197. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской

- области // Новороссийский календарь на 1872 год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Одесса, 1871.
198. Город Одесса. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLVII.
  199. Иноверцы в Новороссийском крае и Бессарабии 1865 г. // Новороссийский календарь на 1867 год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Одесса, 1867.
  200. Путеводитель и адрес календарь г. Николаева на 1869 г. Николаев, 1868. Ч. II.
  201. Календарь и справочная книжка города Николаева на 1882 год. Николаев, 1882.
  202. Календарь и справочная книжка города Николаева на 1883 год. Николаев, 1883.
  203. IX. Ведомость о числе жителей в Харьковской губернии по вероисповеданиям за 1864 год // Памятная книжка Харьковской губернии за 1866 г. Харьков, 1866.
  204. Котляр Е. Караимская община Харькова и «Родовое гнездо» караимов в Крыму: опыт изучения историко-архитектурных связей // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2007. № 8–9.
  205. Хроника текущей жизни. Общие известия. Киев. Число караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь.
  206. Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890.
  207. Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Составлено кафедральным протоиереем М. Родионовым. Симферополь, 1872.
  208. Статистические заметки о Новороссийском крае и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1873 год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Одесса, 1872.
  209. Город Москва. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1904. Ч. XXIV, тетрадь II.
  210. Состав населения [Таврической губернии] по вероисповеданиям // Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства. Симферополь, 1889. Отд. II. Статистика населения.
  211. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 419.
  212. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1890 г. Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 положения о начальных народных училищах. Бердянск, 1891.
  213. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1892 г. Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 положения о начальных народных училищах. Бердянск, 1893.
  214. ГААРК, ф. 101, оп. 1, д. 62.
  215. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 461.
  216. Дьяконов А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии и Севастопольского и Керчь-Еникальского градоначальств за 1898, 1899 годы. Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 полож. о начальных народных училищах. Симферополь, 1900.
  217. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 674.
  218. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 461.
  219. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 214.

220. ГААРК, ф. 212, оп. 1, д. 212.
221. Статистика Новороссийского края. Таврическая губерния // Новороссийский календарь на 1892 год, издаваемый Одесским городским Общественным управлением. Одесса, 1891. Отд. II.
222. Статистика Новороссийского края. Таврическая губерния // Новороссийский календарь на 1893 год, издаваемый Одесским городским Общественным управлением. Одесса, 1892. Отд. II.
223. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 593.
224. Движение населения в Киевской губернии за 1892 год по вероисповеданиям // Памятная книжка Киевской губернии на 1894 год / Изд-е Киевского губернского статистического комитета. К., 1894.
225. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи / Изд-е Канцелярии Комитета Министров. СПб., 1895.
226. Летопись. [О количестве населения в Таврической губернии] // Салгир. 1897. № 73. 18 июня.
227. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1894 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1894.
228. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1896 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1896.
229. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1904.
230. Прохоров Д.А., Кизилов М.Б. Чуфут-Кале – «Иудейская крепость» в Крыму – как экскурсионный объект в конце XIX – начале XX вв. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) // Параллели. Русско-еврейский альманах. М., 2009. № 10–11.
231. Ковенская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLII.
232. Витебская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1901. Т. V, тетрадь 2.
233. Лифляндская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. XXI.
234. Курляндская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. XIX.
235. Варшавская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LI.
236. Город Варшава. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LI.
237. Радомская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LVIII.
238. Сувалкская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LIX.
239. Седлецкая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LX.

240. Калишская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LII.
241. Петроковская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1903. Т. LVI.
242. Плоцкая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LVII.
243. Ломжинская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LIV.
244. Херсонская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLVII.
245. Город Одесса. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLVII.
246. Екатеринославская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. ком. МВД. СПб., 1904. Т. XIII.
247. Московская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXIV.
248. Киевская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XVI.
249. Харьковская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLVI.
250. Полтавская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXXIII.
251. Область Войска Донского. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XII.
252. Псковская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXXIV, тетрадь II (последняя).
253. Орловская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXIX.
254. Нижегородская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXV, тетрадь II (последняя).
255. Пермская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXXI.
256. Смоленская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XL.
257. Оренбургская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXVIII.
258. Томская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LXXIX.
259. Тамбовская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLII.
260. Тобольская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXXVIII.
261. Черниговская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. XLVIII.

262. Подольская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXXII.
263. Вятская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. X.
264. Казанская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1903. Т. XIV.
265. Енисейская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LXXIII.
266. Самарская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXXVI.
267. Воронежская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. IX.
268. Ярославская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. IX, тетрадь II (последняя).
269. Могилевская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1903. Т. XXIII.
270. Уфимская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLV, тетрадь II (последняя).
271. Рязанская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1903. Т. XXXV.
272. Костромская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1903. Т. XVIII.
273. Курская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XX.
274. Вологодская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. VII, тетрадь II (последняя).
275. Тульская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLIV.
276. Минская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXII.
277. Калужская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1903. Т. XV, тетрадь II (последняя).
278. Тверская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XLIII.
279. Саратовская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. XXXVIII.
280. Владимирская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. VI, тетрадь II (последняя).
281. Архангельская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1899. Т. I, тетрадь II.
282. Эриванская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXXI.

283. Черноморская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1901. Т. LXX, тетрадь II.
284. Черноморская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1903. Т. LXX, тетрадь III (последняя).
285. Кутаисская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXXI.
286. Бакинская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXI.
287. Кубанская область. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXV.
288. Терская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXVIII.
289. Елисаветопольская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LXIII.
290. Тургайская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LXXXVII.
291. Уральская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LXXXVIII.
292. Сыр-Дарьинская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXXXVIII.
293. Семиреченская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXXXV.
294. Самаркандская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXXXIII.
295. Акмолинская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. LXXXI.
296. Приморская область. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1900. Т. LXXVI, тетрадь II.
297. Амурская область. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1905. Т. LXXII, тетрадь II (последняя).
298. Астраханская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Изд-е Центр. статистич. комитета МВД. СПб., 1904. Т. II, тетрадь II (последняя).
299. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1899 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1899.
300. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1897 год. Симферополь, 1898.
301. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1899 год. Симферополь, 1900.
302. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1901 год. Симферополь, 1902.
303. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1902 год. Симферополь, 1903.

304. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1903 год. Симферополь, 1904.
305. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1904 год. Симферополь, 1905.
306. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1907 год. Симферополь, 1908.
307. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1908 год. Симферополь, 1909.
308. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1909 год. Симферополь, 1910.
309. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1911 год. Симферополь, 1911.
310. Ведомость 3-Б.: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1912 год. Симферополь, 1913.
311. Таблица числа родившихся и умерших караимов, прироста и браков в 1910 г. в Таврической губернии // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май.
312. Хроника: Цифры за 5 лет // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль.
313. Таблица числа родившихся и умерших караимов, прироста и браков в 1909 г. в Таврической губернии // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 10–11, март-апрель.
314. Гидалевич А.Я. Медико-топографическое описание города Симферополя. Симферополь, 1891.
315. Статистический справочник Таврической губернии. Симферополь, 1915.
316. А.М. Из читательских откликов: Что делать? // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь.
317. Хроника текущей жизни. Общие известия. О русских караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль.
318. Хроника. От наших корреспондентов: Село Пришиб // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. Евпатория, 1 ноября 1917. № 5–6.
319. Хроника. От наших корреспондентов: Станица Михайловская (Кубанская область) // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. Евпатория, 1917. № 5–6, 1 ноября.
320. Белый О.Б. К вопросу об этнических и конфессиональных контактах крымских караимов и субботников («русских караимов») в XIX-начале XX вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. докл. и сообщ. III Междунар. Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2001.
321. Полканова А., Полканов Д. Славяне караимской веры // Крымские караимы. Историческая территория. Этнокультура. Симферополь, 2005.
322. Ведомость 4-Г: О числе разного рода зданий в Таврической губернии // Обзор состояния Таврической губернии за 1897 год. Симферополь, 1898.
323. Ведомость 4-Г: О числе разного рода зданий в Таврической губернии // Обзор состояния Таврической губернии за 1899 год. Симферополь, 1900.
324. Ведомость 4-Г: О числе разного рода зданий в Таврической губернии // Обзор состояния Таврической губернии за 1901 год. Симферополь, 1902.
325. Ведомость 4-Г: О числе разного рода зданий в Таврической губернии // Обзор состояния Таврической губернии за 1902 год. Симферополь, 1903.

326. Ведомость 4-Г: О числе разного рода зданий в Таврической губернии // Обзор состояния Таврической губернии за 1904 год. Симферополь, 1905.
327. Ведомость 4-Г: О числе разного рода зданий в Таврической губернии // Обзор состояния Таврической губернии за 1911 год. Симферополь, 1912.
328. Ведомость 4-Г: О числе разного рода зданий в Таврической губернии // Обзор состояния Таврической губернии за 1912 год. Симферополь, 1913.
329. Хроника текущей жизни. Общие известия. Караимские кенаса // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4, август-сентябрь.
330. Раецкий Ф. Угасающая жизнь (письмо из Поневежа) // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4, август-сентябрь.
331. Хроника текущей жизни. Общие известия. Николаев // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4, август-сентябрь.
332. Смолинский И. Караимы и их храм в Луцке // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май.
333. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 13.
334. Хроника текущей жизни. Харбин. Постройка кенаса // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 10–11, март-апрель.
335. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 52.
336. Справочный отдел. Учебные заведения // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 1, 20 мая.
337. Катык А.[И.] К родителям караимской учащейся молодежи // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1919. № 1, февраль.
338. Пилецкий О.И. О караимах-беженцах Литвы // Известия Караимского Духовного правления. Евпатория, 1917. № 4, 5 августа.
339. Ведомость населения Таврической губернии по сословиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1892 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1892.
340. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1892 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1892.
341. Ведомость населения Таврической губернии по сословиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1893 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1893.
342. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1893 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1893.
343. Ведомость населения Таврической губернии по сословиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1895 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1895.
344. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1893 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1893.
345. Ведомость населения Таврической губернии по сословиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1897 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь, 1897.

365. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1901.
366. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1902.
367. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1904.
368. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1905.
369. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1906.
370. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1907.
371. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1908.
372. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1909.
373. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1910.
374. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1911.
375. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1912.
376. Население по вероисповеданиям // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Изд-е Керченского статистического комитета. Керчь, 1913.
377. Статистические сведения о Севастопольском градоначальстве (по данным 1908 года). Число жителей в градоначальстве по исповеданиям // Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по градоначальству (с приложением плана г. Севастополя и его окрестностей) / Изд-е Севастопольского градоначальства. Севастополь, 1910.
378. Статистические сведения о Севастопольском градоначальстве (по данным 1909 года). Число жителей в градоначальстве по исповеданиям // Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Города Севастополь и Балаклава. Севастополь, 1911.
379. Хроника текущей жизни. Общие известия. Наша община (письмо из Николаева) // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь.
380. РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 186.
381. РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 187.
382. РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 247.
383. РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 221.

Прохоров Д. А.

**Статистика караимского населения Российской империи
в конце XVIII – начале XX вв.**

Резюме

В статье проанализированы аспекты, связанные с динамикой изменения численности караимского населения на территории юго-западных губерний Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. Также рассмотрена демографическая статистика в караимских общинах и география расселения караимов. При работе над публикацией использовались материалы российских переписей населения конца XVIII – конца XIX вв., статистические обзоры, отчеты и сведения, опубликованные в различных справочниках, путеводителях, адрес-календарях, в так называемых «памятных книжках» российских губерний, архивные документы, часть из которых вводится в научный оборот впервые, а также сведения, выявленные в дореволюционной периодической печати.

Сделан вывод о том, что в период с конца XVIII до начала XIX вв. численность представителей караимских общин Таврической губернии постепенно увеличивалась. Статистика менялась в связи с показателями рождаемости и смертности, а также в результате внутренней миграции караимского населения на территории Российской империи. В течение XIX в. караимы из традиционных мест проживания постепенно переселялись в южные и центральные губернии России, а караимские общины возникали во многих российских городах. К концу XIX в. общая численность караимского населения достигла 12 тыс. 894 чел. Несмотря на сопровождавшие работу органов статистического контроля по сбору сведений негативные моменты (бюрократизм чиновников, несовершенство методики проведения статистического учета и пр.), данные переписей населения являются информативным источником по статистике караимского населения Российской империи конца XVIII – начала XX вв.

Прохоров Д. А.

**Статистика караїмського населення Російської імперії
наприкінці XVIII – початку XX ст.**

Резюме

У статті проаналізовані аспекти, пов'язані з динамікою зміни чисельності караїмського населення на території південно-західних губерній Російської імперії наприкінці XVIII – початку XX ст. Також розглянута демографічна статистика в караїмських громадах і географія розселення караїмів. При роботі над публікацією використовувалися матеріали російських переписів населення кінця XVIII – кінця XIX ст., статистичні огляди, звіти і відомості, опубліковані в різних довідниках, путівниках, адрес-календарях, в так званих «пам'ятних книжках» російських губерній, архівні документи, частина з яких вводиться до наукового обігу вперше, а також відомості, виявлені в дореволюційному періодичному друці.

Зроблено висновок про те, що в період з кінця XVIII до початку XIX ст. чисельність представників караїмських громад Таврійської губернії поступово збільшувалася. Статистика

мінялася у зв'язку з показниками народжуваності і смертності, а також в результаті внутрішньої міграції караїмського населення на території Російської імперії. Протягом XIX ст. караїми з традиційних місць проживання поступово переселялися до південних та центральних губерній Росії, а караїмські громади виникали в багатьох російських містах. До кінця XIX ст. загальна чисельність караїмського населення сягала 12 тис. 894 чол. Не дивлячись на негативні моменти, що супроводжували роботу органів статистичного контролю зі збору відомостей (бюрократизм чиновників, недосконалість методики проведення статистичного обліку та ін.), дані переписів населення є інформативним джерелом зі статистики караїмського населення Російської імперії кінця XVIII – початку XX ст.

Prokhorov D. A.

**Statistics of Karaite Population of the Russian Empire
at the End of the 18th – the Beginning of the 20th Centuries**

Summary

The author analyzes some aspects connected with the dynamics of changes in the number of Karaite population on the territory of south-eastern provinces (gubernias) of the Russian Empire at the end of the 18th – the beginning of the 20th centuries. Demographic statistics in Karaite communities and the geography of settlement of the Karaites are examined. Materials of Russian censuses of the population of the end of the 18th – the end of the 19th centuries, statistic reviews, reports and data published in various reference books, guide books, address-calendars as well as in «Memorial books» of Russian provinces, archive documents; some of them and data revealed in pre-revolutionary periodicals are introduced into scientific circulation for the first time.

The author came to the conclusion that in the period since the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries the number of the representatives of Karaite communities of Taurida province began to increase gradually. The statistics was changing in connection with the indexes of birth and death rates as well as a result of internal migration of Karaite population on the territory of the Russian Empire. During the 19th century the Karaites from traditional places of residence started to settle in southern and central provinces; Karaite communities appeared in many Russian towns. By the end of the 19th century total population of the Karaite population measured up to 12,894 people. Despite some negative moments connected with the work of departments of statistic control to get data (bureaucracy of officials, imperfection of methods of statistics record, etc), the data of censuses are the source of information on statistics of Karaite population of the Russian Empire of the end of the 18th – the beginning of the 20th centuries.

Статистика караимского населения Российской империи за 1865–1867 гг.*

№	Города и уезды	Число жителей-караимов	Семейный и социальный статус	Заключено браков	Родилось	Умерло	Караимское духовенство и главы общин	Караимские учебные заведения, учащиеся и учителя	Кенасы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Таврическая губерния									
1.	Армянский Базар и Перекоп	210 муж. 231 жен.**	–	4	13 мал. 5 дев.	7 муж.	старший газзан З.Ш. Харченко; мл. газзан И.Ш. Катык; шамаш И.Ш. Танагоз	2 учителя	1 кенаса
2.	Бахчисарай и Чуфут-Кале	221 муж. 201 жен.**	–	5	7 мал. 11 дев.	7 муж. 6 жен.	старший газзан Ю.Ш. Хаджи-Узун; шамаш И.Ш. Арсланов	2 учителя	2 кенасы в Бахчи- сарай и Чуфут- Кале
3.	Бердянск	89 муж. 95 жен.**	–	1	5 мал. 3 дев.	3 муж. 5 жен.	и.о. газзана Е. Ходжаш	1 учитель	1 молитв. дом
4.	Евпатория	682 муж. 786 жен.**	–	24	42 мал. 28 дев.	15 муж. 15 жен.	старшие газзаны: Я.Б. Шамаш, А.М. Ефет; младшие газзаны: И.М. Султанский, С.М. Мичри; шамаш: М.Т. Ефет, И.А. Оксюз	6 учителей	2 кенасы
5.	Мелитополь	110 муж. 84 жен.**	–	3	3 мал. 3 дев.	4 муж. 1 жен.	старший газзан И.Б. Хаджи	1 учитель	1 кенаса

*Составлено по: ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 108, л. 7-96; Духовенство иноверческих исповеданий: 3) Караимского // Новороссийский календарь на 1861 год. Одесса, 1860. С. 297; Духовенство иноверческих исповеданий: 1. Караимского // Новороссийский календарь на 1867 год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Одесса, 1867. С. 55.
** Сведения о численности караимского населения в городах за 1865 г. [199, с. 76].

Приложение 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6.	Севастополь	225 чел. (местных и иногородних – 44 муж. и 46 жен.; детей – 74 мал. и 61 дев.)	купеческого сословия вдов – 4; иногородних мещан – 4 вдовы	не зарегистрировано	7 мал. 7 дев.	3 жен.	газзан Д. Асаба	2 учителя	1 кенаса
7.	Симферополь	459 чел. (248 муж., 211 жен.); 95 семейств	в супружестве – 81 муж. и 81 жен.; вдовых: 1 муж. и 39 жен.; холостых старше 18-ти лет – 19; девиц старше 16-ти лет – 25	5	9 мал. 16 дев.	4 муж. 4 жен.	старший газзан И.Ю. Синани	2 училища, 49 учащихся, 2 учителя	1 кенаса
8.	Феодосия и Керчь	748 чел. (376 муж., 372 жен.); из них местных 323 муж., 305 жен.; иногородних 41 муж., 47 жен.; в Керчи – 12 муж., 20 жен.)	–	8	17 мал. 8 дев.	5 муж. 5 жен.	старший газзан М.М. Ходжаш	4 училища, 80 учащихся, 4 учителя	1 кенаса и 1 молитв. дом

Виленская губерния

9.	Вильно	85 чел. (местных 27 муж., 25 жен.; иногородних 18 муж., 15 жен.)	–	–	–	–	–	–	–
----	--------	---	---	---	---	---	---	---	---

Приложение 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
10.	Троки	359 чел. (местных 143 муж., 189 жен.; иногородних 13 муж., 14 жен.)	-	4	3 мал. 5 дев.	8 муж. 9 жен.	газан Х. Абкович	1 учитель	1 кенаса
11.	Трокский уезд	132 чел. (местных 41 муж., 41 жен.; иногородних 24 муж., 25 жен.)	-	-	-	-	-	-	-

Вольнская губерния

12.	Луцк	209 чел. (94 муж., 115 жен.)	10 домо- владельцев	3	1 мал.	3 муж. 3 жен.	газан М. Турчин; 1 шамаш, 1 габбай	1 учитель, училищ не было; 8 учеников обучались на дому	1 кенаса
-----	------	---------------------------------	------------------------	---	--------	------------------	---------------------------------------	--	----------

Екатеринославская губерния

13.	Екатеринослав	42 муж. 48 жен.	-	не зарегис- триро- вано	2 мал. 6 дев.	1 жен.	и.о. газзана И. Чуюн	1 училище; 8 учеников	1 молитв. дом
-----	---------------	--------------------	---	----------------------------------	------------------	--------	-------------------------	--------------------------	------------------

Ковенская губерния

14.	Поневеж	сведения отсутствуют	-	2	7 мал. 5 дев.	2 муж. 2 жен.	газан Юткевич	-	-
-----	---------	-------------------------	---	---	------------------	------------------	---------------	---	---

Полтавская губерния

15.	Кременчуг и Полтава	31 муж. 30 жен.**	-	3	2 мал. 3 дев.	2 жен. 2 жен.	габбай С. Дурунча	-	2 молитв. дома
-----	------------------------	----------------------	---	---	------------------	------------------	-------------------	---	-------------------

Приложение 1 (продолжение)

Херсонская губерния

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
16.	Елизаветград	29 муж. 20 жен.**	-	не зарегистрировано	1 дев.	1 муж.	газзан И. Каракоз	-	1 молитв. дом
17.	Николаев	304 муж. 309 жен.**	-	4	18 мал. 15 дев.	10 муж. 9 жен.	газзан Калиф	2 учителя	
18.	Одесса	790 чел.	местных: 53 потомственных почетных граждан (29 муж., 24 жен.); 120 купцов (57 муж., 63 жен.); 80 мешан (41 муж., 39 жен.); иногородних: 85 купцов (47 муж., 38 жен.); 452 мешан (254 муж., 198 жен.)	4	16 мал. 12 дев.	10 муж. 10 жен.	до декабря 1867 г. – ст. газзан С.А. Бейм; с января 1868 г. и.о. газзана И. Бейм	1 общ. училище, 2 частных; 59 учащихся, 6 учителей	1 кенаса
19.	Херсон	259 муж. 169 жен.	-	3	14 мал. 4 дев.	7 муж. 8 жен.	и.о. газзана И. Пенбек	2 училища, 2 учителя; 43 учащихся	1 кенаса

Харьковская губерния

20.	Харьков	84 муж. 67 жен.	-	2	4 мал. 2 дев.	3 муж. 2 жен.	и.о. габбая Д. Туршу; и.о. шамаша Д.И. Илик	-	1 молитв. дом
-----	---------	--------------------	---	---	------------------	------------------	--	---	---------------

**Численность караимского населения Таврической губернии
по вероисповеданию (1890–1900 гг.)***

	1890 г.		1891 г.		1892 г.		1893 г.		1894 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
ГОРОДА										
Алушта	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Алешки	18	19	18	19	19	21	19	21	20	22
Бахчисарай	366	325	366	325	371	295	376	296	386	297
Бердянск	128	144	151	149	132	144	145	162	172	160
Геническ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Евпатория	1470	1296	1481	1304	1504	1311	1486	1317	1496	1347
Карасубазар	20	19	12	9	16	12	31	28	24	23
Мелитополь	211	209	219	219	205	86	216	92	233	243
Орехов	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–
Перекоп и Армянский Базар	98	126	94	138	96	135	101	135	114	128
Старый Крым	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Симферополь	273	203	279	216	275	284	363	247	664	588
Феодосия	549	539	561	543	555	539	585	540	1234	715
Ялта	62	66	71	68	70	74	71	68	79	75
Всего в городах	3195	2946	3232	2987	3245	2901	3993	2906	4422	3598
УЕЗДЫ										
Бердянский	–	–	1	7	–	–	1	1	1	1
Днепровский	7	10	8	10	7	10	13	12	–	–
Евпаторийский	8	5	–	–	5	3	5	3	7	5
Мелитопольский	7	6	9	7	15	12	19	10	19	10
Перекопский	6	10	2	–	2	–	4	2	8	5
Симферопольский	26	22	36	26	14	15	18	11	20	13
Феодосийский	13	4	3	3	13	4	48	30	17	11
Ялтинский	3	2	–	–	–	–	–	–	2	3
Всего в уездах	70	59	63	53	56	44	108	69	74	48
Всего в губернии	3265	3005	3295	3040	3301	2945	3501	2975	4496	3646
Керчь- Еникальское градоначальство	202 об. п.		204 об. п.		–	–	–	–	–	–
Севастопольское градоначальство	427	222	280	150	280	150	1246	1096	–	–

* Составлено по статистическим материалам и отчетам Таврической губернии [227, с.80; 228, с. 108; 299, с. 112; 300-302; 340, с. 54-55; 342, с. 76, 77; 344, с. 86; 346, с. 116; 348, с. 110; 350, с. 112; 380, л. 29; 381, л. 28; 382, л. 30; 383, л. 29].

Приложение 2 (продолжение)

	1895 г.		1896 г.		1897 г.		1899 г.		1900 г.	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
ГОРОДА										
Алушта	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Алешки	20	22	21	24	4	3	4	4	4	4
Бахчисарай	180	110	372	271	189	237	190	232	172	208
Бердянск	166	149	100	109	124	146	152	141	142	137
Геническ	–	–	–	–	–	–	–	–	21	18
Евпатория	1503	1347	1536	1371	1443	1430	1463	1452	1533	1472
Карасубазар	20	21	21	20	21	19	22	19	22	19
Мелитополь	390	214	410	235	–	–	302	169	308	183
Орехов	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Перекоп и Армянский Базар	125	136	125	136	128	132	131	135	130	146
Старый Крым	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–
Симферополь	641	613	632	613	648	642	653	655	660	654
Феодосия	668	641	985	744	995	745	997	750	1013	790
Ялта	85	72	89	75	136	115	222	138	238	142
Всего в городах	3798	3325	4292	3598	3689	3469	4136	3685	4222	3755
УЕЗДЫ										
Бердянский	1	1	1	1	4	6	2	4	2	3
Днепровский	–	–	–	–	–	–	34	32	37	34
Евпаторийский	7	7	–	–	–	–	3	4	4	4
Мелитопольский	30	19	29	19	–	–	26	10	15	10
Перекопский	3	4	6	4	6	4	4	2	11	4
Симферопольский	22	18	26	19	28	21	20	24	4	2
Феодосийский	18	17	6	4	18	13	14	11	20	16
Ялтинский	2	3	7	5	6	4	4	6	4	6
Всего в уездах	83	69	75	52	62	48	107	93	97	79
Всего в губернии	3881	3394	4367	3650	3751	3517	4243	3778	4319	3834
Керчь- Еникальское градоначалство	–	–	45	34	48	40	51	41	54	43
Севастопольское градоначалство	–	–	386	444	–	–	–	–	–	–

**Численность караимского населения Таврической губернии
по вероисповеданию (1900–1914 гг.)***

	1901 г.		1902 г.		1903 г.		1904 г.		1907 г.	
	муж	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
ГОРОДА										
Алушта	–	–	–	–	–	–	–	–	70	73
Алешки	5	4	1	2	–	–	–	–	–	–
Бахчисарай	157	192	162	193	132	191	110	155	105	140
Бердянск	209	222	304	256	108	89	118	99	107	111
Геническ	–	–	–	–	12	8	13	9	13	12
Евпатория	1474	1466	1607	1466	1720	1610	1756	1632	1837	1709
Карасубазар	20	20	20	19	20	–	35	31	37	32
Мелитополь	285	216	223	201	225	206	200	201	297	160
Орехов	–	–	24	23	–	–	–	–	60	57
Перекоп и Армянский Базар	132	135	132	135	132	135	131	133	148	142
Старый Крым	–	–	2	–	1	–	1	–	–	–
Симферополь	674	657	679	666	672	677	659	683	645	635
Феодосия	1015	858	1017	860	1033	876	687	635	894	732
Ялта	213	143	222	148	237	161	248	166	248	197
Всего в городах	4184	3913	4393	3969	4292	3953	3958	3744	4461	4000
УЕЗДЫ										
Бердянский	107	97	338	374	–	–	15	18	2	–
Днепровский			38	36	43	46	38	42	–	–
Евпаторийский	11	8	10	8	8	10	79	73	1	1
Мелитопольский	21	14	23	19	8	8	9	8	19	27
Перекопский	41	39	12	10	11	8	14	9	48	22
Симферопольский	15	13	23	9	28	26	25	22	26	26
Феодосийский	21	24	23	25	23	26	23	25	30	19
Ялтинский	4	6	12	14	142	106	107	97	8	4
Всего в уездах	220	201	469	495	263	230	310	294	134	99
Всего в губернии	4404	4114	4872	4464	4555	4183	4268	4038	4595	4099
Керчь- Еникальское градоначалство	52	43	52	42	52	44	52	44	52	45
Севастопольское градоначалство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

*Составлено по статистическим материалам Таврической губернии [303–310; 354; 362, с. 42, 43; 363, с. 128, 129; 364, с. 55; 365, с. 67, 68; 366, с. 63, 64; 367, с. 65, 66; 368, с. 68, 69; 369, с. 66, 67; 370, с. 61-63; 371, с. 55, 56; 372, с. 22, 23; 373, с. 20, 21; 374, с. 40-42; 375, с. 49, 50; 376, с. 49, 50; 377, с. 183, 184; 378, с. 49].

Приложение 3 (продолжение)

	1908 г.		1909 г.		1911 г.		1912 г.		1914 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
ГОРОДА										
Алушта	–	–	2	1	4	3	6	9	8	10
Алешки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Бахчисарай	85	147	96	139	88	126	91	125	89	133
Бердянск	108	107	127	122	148	140	152	145	193	183
Геническ	18	16	18	16	18	17	24	18	21	18
Евпатория	1797	1780	1812	1792	1834	1789	1872	1818	1872	1768
Карасубазар	37	32	36	32	39	40	46	50	48	50
Мелитополь	176	222	182	146	188	279	194	260	298	284
Орехов	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Перекоп и Армянский Базар	153	150	153	150	62	59	64	67	70	74
Старый Крым	–	–	–	–	10	7	10	7	–	–
Симферополь	663	657	693	668	780	767	900	822	1227	1223
Феодосия	545	615	720	744	764	876	773	892	894	893
Ялта	263	182	258	180	260	180	262	195	312	215
Всего в городах	3845	3908	4097	3990	4195	4283	4394	4408	5032	4851
УЕЗДЫ										
Бердянский	489	465	–	–	2	2	1	1	1	1
Днепровский	–	–	–	–	37	42	35	38	31	35
Евпаторийский	3	1	–	–	1	1	10	8	28	19
Мелитопольский	23	32	17	18	22	23	28	26	24	17
Перекопский	56	28	62	36	6	2	12	8	15	17
Симферопольский	25	27	18	23	44	49	44	50	41	76
Феодосийский	32	25	32	33	42	27	–	–	40	48
Ялтинский	58	45	256	242	248	250	251	253	17	14
Всего в уездах	686	632	385	352	402	396	381	384	197	227
Всего в губернии	4531	4531	4482	4342	4597	4679	4775	4792	5229	5078
Керчь- Еникальское градоначальство	52	45	51	45	51	45	–	–	–	–
Севастопольское градоначальство	995 об. п.		–	–	1102 об. п.		–	–	983 об. п.	

**Численность караимов Таврической губернии,
принадлежащих к духовному сословию (1897–1914 гг.)***

	1897 г.		1899 г.		1900 г.		1901 г.		1902 г.		1903 г.	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
ГОРОДА												
Алушта	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Алешки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Бахчисарай	2	4	1	4	–	–	–	–	–	–	–	–
Бердянск	1	3	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1
Геническ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	5
Евпатория	8	10	10	14	10	14	10	14	10	15	12	17
Карасубазар	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Мелитополь	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–
Орехов	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Перекоп и Армянский Базар	1	2	1	2	1	2	–	–	–	–	–	–
Старый Крым	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Симферополь	–	–	1	3	2	4	1	1	3	5	7	8
Феодосия	3	5	3	5	3	5	3	5	2	5	2	5
Ялта	2	4	2	4	2	4	2	4	–	–	1	1
Всего в городах	17	28	18	32	18	29	17	24	16	25	26	37
УЕЗДЫ												
Бердянский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	2
Днепровский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Евпаторийский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Мелитопольский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Перекопский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Симферопольский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Феодосийский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ялтинский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего в уездах	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	2
Всего в губернии	17	28	18	32	18	29	17	24	16	25	30	39
Керчь-Еникальское градоначалство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Севастопольское градоначалство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

* Составлено по статистическим материалам Таврической губернии [208, с. 163; 221, с. 179; 222, с. 211; 339, с. 50-53; 341, с. 72-75; 343, с. 82-85; 345, с. 111-115; 347, с. 106-109; 349, с. 108-111; 351-361].

Приложение 4 (продолжение)

	1907 г.		1908 г.		1909 г.		1911 г.		1912 г.		1914 г.	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	м	ж	м	ж	м
ГОРОДА												
Алушта	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Алешки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Бахчисарай	1	2	1	2	1	1	1	2	1	2	1	2
Бердянск	–	–	1	–	1	–	1	1	–	–	1	2
Геническ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Евпатория	10	15	10	19	10	21	10	21	10	21	1	1
Карасубазар	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Мелитополь	1	–	–	–	–	–	–	–	1	3	4	–
Орехов	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Перекоп и Армянский Базар	1	1	1	1	–	–	1	1	2	1	1	1
Старый Крым	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Симферополь	7	11	8	13	8	14	9	11	9	11	9	11
Феодосия	3	8	3	8	3	6	3	6	3	6	3	6
Ялта	1	1	1	1	1	1	3	5	1	1	1	1
Всего в городах	24	38	25	44	24	43	28	47	27	45	21	24
УЕЗДЫ												
Бердянский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Днепровский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Евпаторийский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Мелитопольский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	4
Перекопский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Симферопольский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Феодосийский	18	7	14	3	13	10	–	–	–	–	4	2
Ялтинский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего в уездах	18	7	14	3	13	10	–	–	–	–	7	6
Всего в губернии	42	45	39	47	37	53	28	47	27	45	28	30
Керчь-Еникальское градоначалство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Севастопольское градоначалство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Д. А. ЛОМАКИН

О НАЧАЛЕ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ XIII–XV ВЕКОВ В СТАРОМ КРЫМУ

В начале 20-х годов XX века остро стал вопрос сохранения и охраны памятников в Старом Крыму. Местные власти и коммунальные хозяйства неоднократно инициировали перестройки в непосредственной близости от исторических объектов, практиковалось санкционированное использование древностей для нового строительства, вновь активизировались кладоискатели [1, с. 13]. К этому моменту официальный статус национального музея приобрел Бахчисарайский ханский дворец, директор которого У. А. Боданинский в дальнейшем сыграл заметную роль в деле изучения и сбережения памятников древности средневекового Солхата. Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877–1938), специализировавшийся на изучении крымскотатарского искусства, был назначен заведующим музеем приказом таврического губернского комиссара Н. Н. Богданова от 4 октября 1917 года [2, л. 3]. В 1920-х годах он находился в центре организационной работы по спасению от разрушения, изучению и реставрации крымскотатарских памятников. Благодаря деятельности энтузиаста-краеведа многие из них дожили до наших дней. Разрабатывая план работ на 1923/24 отчетный год, руководитель музея предполагал среди прочих мероприятий «предпринять исследовательские работы в Старом Крыму <...>» [3, л. 62].

В ноябре 1923 года на заседании Археологического отделения Академии истории материальной культуры был заслушан доклад У. А. Боданинского, в котором он сообщил «о современном состоянии Бахчисарайского дворца-музея <...>, а также о состоянии памятников мусульманской культуры и угрожающем положении некоторых из них» [4, л. 9] и предложил организовать исследование мусульманских памятников полуострова, в том числе и расположенных на территории Солхата. Участники заседания постановили «снарядить экспедицию специалистов по обследованию Старого Крыма и других крымских мест мусульманской культуры» [4, л. 9].

С 13 августа по 6 сентября 1924 года государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае осуществил разведывательную экспедицию

в составе У. А. Боданинского и О.-Н. А. Акчокраклы с целью рекогносцировочно-го изучения крымскотатарских древностей [5, с. 6] по следующему маршруту: «Бахчисарай – деревня Коккоз – Ай-Петри – Кореиз – Ялта – Алушка – Ливадия – Алушта – Кучук-Узень – Туак – Ускут – Капсхор – Кутлак – Судак – Феодосия – Старый Крым» [3, л. 64]. После осмотра древностей Солхата У. А. Боданинский в своем дневнике оставил следующую запись: «Эски-Крым в настоящее время имеет некоторое количество исторических памятников в развалинах, как: дворец, Куршун-Джами, Мисс-Джами, Керман (вал) вокруг города, несколько курганов (курган Мамай-Шах) и, наконец, мечеть Узбека. <...> Сохранился старинный портал с очень хорошей орнаментальной скульптурой и великолепно высеченной надписью на арабском языке, которая детально зарисована. <...> Мы осмотрели курган за городом на земле гражданина Арманова. Курган разрыт <...>. На дне валяется сброшенный сверху скульптурный фрагмент от саркофага. Кроме того, при дальнейшем осмотре города у гражданина Артема Боженко обнаружено на его усадьбе девять скульптурных фрагментов с надписями и скульптурой» [3, л. 66]. «На площади, где был дворец, окруженной в настоящее время руинами стен, вскопана земля и посажен табак. Таким образом, верхний слой земли вскопан. При осмотре остатков дворца найдено много обломков поливной золотоордынской посуды, кусок зеленого мрамора с крапинками, обломки стеклянной посуды. На обратном пути на дороге найдено 3 штуки монет ханского периода, медных с неразборчивыми легендами» [3, л. 67]. Исследователи привезли в музей материалы, которые легли в основу плана археологических работ в последующие годы на территории древнего культурного центра крымских татар [5, с. 6].

В канун 1925 года У. А. Боданинский оставил в своем дневнике запись, которую часть современных исследователей расценивает как самостоятельную научную работу «Экспедиция по Крыму летом 1925 года» [6, с. 33]: «В Крыму до сих пор очень мало сделано в отношении изучения материальной культуры татар. Во времена старого дореволюционного режима из центров, время от времени, посылались экспедиции и отдельные ученые, которые собирали и увозили за пределы Крыма предметы народного творчества и быта. Только с Октябрьской Революцией 1917 года в Крыму организовался центр собирания и изучения памятников татарской материальной культуры – Бахчисарайский музей; но здесь исторические и этнографические коллекции не представлены еще в исчерпывающем виде. Необходимо этот пробел пополнить, собрав на всей территории Крымской АССР историко-этнографический материал, который на наших глазах очень быстро исчезает. Если мы пропустим еще несколько лет, то весь этот богатейший материал погибнет для истории» [3, л. 165].

Для осуществления указанных задач У. А. Боданинский предлагал летом 1925 года организовать научную экспедицию по Крыму для изучения и сбора

памятников крымскотатарской материальной культуры. Работы экспедиции были рассчитаны на 45 дней по следующему маршруту: Симферополь, Евпатория, Эски-Крым, Колечь, Акманай, Керчь, Феодосия, Карасу-Базар, Эски-Юрт, Бахчисарай. В состав экспедиции должны были войти: археолог, историк, языковед, этнограф, музыкант, художник-фотограф, несколько молодых практикантов при музеях, технические работники (топограф, чертежник, мастер по раскопкам). Весь собранный экспедицией материал предполагалось передать в распоряжение Наркомата просвещения Крымской АССР для пополнения музейных фондов [3, л. 168].

14 марта 1925 года на заседании Президиума КрымЦИК был заслушан доклад представителя Наркомата рабоче-крестьянской инспекции Раузе о проверке КрымОХРИСа. Согласно решению высшего органа власти автономии план работы КрымОХРИСа на 1924–1925 годы был утвержден. Археологи обязывались представить предварительный план своих исследований в Крымский Наркомпрос. Выдвигалась идея проведения масштабной экспедиции по изучению древностей первой столицы Крымского улуса Золотой Орды – Солхата. КрымОХРИС должен был предоставить соответствующую смету в СНК Крымской АССР. Эти предложения получили своевременную поддержку [1, с. 15].

5 июня на заседании Музейной Секции КрымНаркомпроса были заслушаны доклады Н. Л. Эрнста о раскопках совместно с Всесоюзной ассоциацией востоковедения в 1924 году в Бахчисарае и А. И. Полканова – о предполагающихся раскопках в Старом Крыму и этнографической экспедиции по изучению татарской культуры. Участники заседания постановили: «просить Главнауку и Академию истории материальной культуры взять на себя руководство раскопками и выделить руководителя; утвердить намеченный состав этнографической экспедиции (местные работники по татароведению под руководством профессора Б. А. Куфтина). Полученную для раскопок и экспедиции сумму разделить между обоими в отношении 3,5:3» [7, л. 3].

С начала подготовки экспедиции остро стал вопрос о ее возможном руководителе, способном эффективно возглавить работу. 22 июня 1925 года председателем СНК Крымской АССР О. А. Дерен-Айерлы было направлено письмо в Государственную академию истории материальной культуры. Он подчеркнул, что «в виду исключительного значения, какое могут иметь раскопки для освещения золотоордынского периода Крымской истории, Совнарком считал бы весьма желательным участие в раскопках соответствующего специалиста в качестве Вашего представителя, которому будет предоставлено помещение и бесплатный проезд по территории Крыма» [8, л. 1].

23 июня в ГАИМК было направлено письмо из Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука) с просьбой «принять участие в разработке плана раскопок в Крыму, представив в Главнауку свои соображения о возможном руководителе этих работ»

[9, л. 2]. К письму прилагалась выписка из протокола заседания Музейной Секции Крымнаркомпроса от 5 июня 1925 года [7, л. 3].

27 июня из Академии истории материальной культуры в Главнауку Наркомпроса был отправлен ответ, которым уведомлялось, что «золотоордынским периодом крымской истории ближайшим образом интересуется член Академии В. В. Бартольд (Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – *Д. Л.*), выработавший план исследований Старого Крыма» [10, л. 5]. Несмотря на то, что он в тот момент был командирован в Туркестан, «Академия вошла с ним в сношения для получения его указаний о работах в Старом Крыму» [10, л. 5]. Руководство археологическими работами по плану, выработанному В. В. Бартольдом, предполагалось поручить члену Академии Борису Владимировичу Фармаковскому (1870–1928).

Дальнейшее развитие событий помогают установить письма В. В. Бартольда и И. Н. Бороздина, отложившиеся в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры (ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму). В письме к С. А. Жебелёву от 10 июля В. В. Бартольд дал понять, что раскопки в Старом Крыму в сферу его интересов в тот момент не входили: «Если бы Вы (С. А. Жебелёв – *Д. Л.*) были тем формалистом, каким Вы себя называете, Вы бы, вероятно, оставили меня в покое и обратились к Розенбергу, заведующему Разрядом мусульманской археологии. Я же веду Разрядом археологии Средней Азии, в состав которой Крым не входит. Вы этого не сделали и не могли сделать, потому что это было бы не в интересах дела» [11, л. 8].

Тем не менее, В. В. Бартольд признал досадным, что он может принести значительно меньше пользы, чем ему хотелось бы. К тому моменту он еще не подготовил план работ в Старом Крыму. По его словам, «для составления такого плана было бы необходимо осмотреть и изучить местность, а я в Старом Крыму не был» [11, л. 9]. «Плана раскопок я не составлял, мной был составлен только общий план сравнительного изучения памятников Хорума, Поволжья и Крыма как частей Золотой Орды. О раскопках я тогда не думал» [11, л. 9].

Не желая оставаться в стороне, В. В. Бартольд «на одно утро отвлекся от Туркестана, перечитал статью В. Д. Смирнова (имеется в виду работа «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года» [12] – *Д. Л.*) и сравнил ее с тем, что сказано о Старом Крыме в «Крымском сборнике» [13] Кёппена» [11, л. 8]. В итоге был рекомендован следующий план работ:

«1. Для изучения топографии Старого Крыма произвести пробные раскопки у северного конца старого города (возвышенность Ногайлы-Оба у Кёппена, холм Кемаль-Ата у В. Д. Смирнова). Раскопки, вероятно, выяснили бы характер местных укреплений;

2. Изучить сохранившиеся на поверхности земли здания, перечисленные в указанной статье В. Д. Смирнова, и произвести раскопки, насколько это необходимо, для выяснения устройства зданий и их назначения. Сюда относятся:

мечеть Узбека, мечеть с контрфорсом, здание Хан-Сарая, здание «еврейской» школы» [11, л. 9]. Дальнейший план работ должен был определить Б. В. Фармаковский по прибытии на место раскопок.

Менее чем через месяц, 17 июля, в Главнауку из Академии было отправлено еще одно письмо, послужившее логичным дополнением к предыдущему (от 27 июня). В нем был изложен намеченный план раскопок в Старом Крыму, разработанный В. В. Бартольдом и рассмотренный Академией [14, л. 6]. Копия письма была отправлена в Совнарком Крымской АССР [15, л. 7].

Возглавить экспедицию также выразил желание руководитель Центрального музея Тавриды и КрымОХРИСа А. И. Полканов (1884–1971). Это подтверждает письмо И. Н. Бороздина к Б. В. Фармаковскому от 4 июня 1925 года, где сообщается, что А. И. Полканов через музейный отдел Наркомпроса вел переговоры о поручении работ себе: «Полканов затеял интрижку с раскопками в Старом Крыму. Хорошо известно, что деньги на раскопки выхлопотаны ассоциацией востоковедения, и раскопки должны вести я (И. Н. Бороздин – Д. Л.) и А. С. Башкиров. А. И. Полканов через КрымОХРИС и музейный отдел направил какое-то ходатайство в Академию материальной культуры с просьбой о высылке руководителя. Само собой понятно, что это приведет к очень острому конфликту моему с Академией и Ассоциацией. Вряд ли это кому-нибудь нужно кроме ищущего рыбы в мутной воде Полканова» [16, л. 12-13]. В результате выяснения отношений между крымоведами руководство работами было поручено Илье Николаевичу Бороздину (1883–1959).

Отправляясь в Москву, А. С. Башкиров передал У. А. Боданинскому смету расходов экспедиции на 45 дней, которая детально отражена в дневниковых записях директора Бахчисарайского дворца. На организацию и закупку оборудования экспедиции предполагались следующие расходы: «письменные и рисовально-чертежные материалы – 50 руб.; архитектурное и топографическое оборудование и материалы – 100 руб.; фотографическое оборудование и материалы – 200 руб.; эстампажное оборудование и материалы – 50 руб.; археологическое оборудование и снаряжение (5 кирок, 5 лопат) – 50 руб.; упаковочные материалы – 50 руб.» [3, л. 92]. Расходы на средства передвижения экспедиции и доставку багажа весом 20 пудов были расписаны следующим образом: «проезд двух участников экспедиции Москва–Бахчисарай, Бахчисарай–Москва – 90 руб.; проезд по железной дороге 500 верст шести человек – 60 рублей; две парных подводы на 25 суток – 200 рублей; железнодорожная отправка багажа на 3000 верст – 50 руб.» [3, л. 92]. В смету также была включена оплата рабочей силы, довольствие участников экспедиции и хозяйственные расходы: «три технических работника (фотограф, топограф и чертежник) – 270 руб. (каждому по рублю в сутки); один старший рабочий – постоянный мастер – 112 руб. 50 копеек (по 2,5 рубля в сутки); пятеро рабочих на 20 рабочих дней – 200 руб. (по 2 рубля в сутки); довольствие семи человек – 630 руб.

(по два рубля в сутки); хозяйственные расходы: освещение, плата за помещение, услуги для экспедиций – 100 руб.» [3, л. 92]. Последним пунктом было приобретение коллекций для музея по изучению татарской культуры на 750 руб. В итоге смета составила 3000 руб.

Начальником экспедиции был назначен член президиума Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР профессор И. Н. Бороздин. В научный коллектив вошли: ученый секретарь Центральной Комиссии по изучению татарской культуры при ассоциации востоковедения профессор А. С. Башкиров, директор Государственного дворца музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае У. А. Боданинский, хранитель Центрального музея Тавриды профессор П. И. Голландский, преподаватель Симферопольского университета О.-Н. А. Акчокраклы. Кроме того, принимали участие Мухтар Хайреддинов, художник К. Ф. Богаевский, инженеры-землемеры Эдзеховский и Модин, аспиранты Абдурахманов, Билял и Давидович [17, с. 74].

Экспедиция ставила задачу изучения средневекового Солхата на основе памятников материальной культуры. Официально задача экспедиции формулировалась следующим образом: «произвести учет имеющихся на территории Старого Крыма памятников древности и составить генеральный план старого города» [18; 19, с. 10]. По словам А. И. Маркевича, именно «удачное обследование Эски-Юрта (раскопки производились под руководством И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова в 1924 году – Д. Л.) [20] вызвало решение о необходимости производства археологических исследований и раскопок в Старом Крыму» [21, с. 320]. 15 июля 1925 года в Крым прибыл профессор И. Н. Бороздин. 17 июля участники экспедиции выехали к месту археологических работ [22].

Материалы, отложившиеся в архивах Бахчисарая и Санкт-Петербурга, позволили воссоздать полную картину становления научного изучения мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму в первой половине 20-х гг. XX века. На основе ранее неопубликованных документов прослеживается тернистый путь сбережения и исследования древностей Солхата золотоордынского периода, начиная с подвижнической деятельности У. А. Боданинского до масштабных экспедиций Всесоюзной научной ассоциации востоковедения под руководством И. Н. Бороздина, положивших начало систематическому изучению мусульманских памятников Старого Крыма в дальнейшем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Хливнюк А.В. Памятники Крыма Из истории охраны культурных ценностей в Крыму в 20-е годы XX века: По материалам Центрального муниципального архива Москвы // Историческое наследие Крыма. 2007. № 20.
2. БГИКЗ, кп. 9569, д. 386.
3. ГААРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 26.

4. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 2 (1924 г.), д. 13: Дело Археологического отделения ИИМК. Отчеты и протоколы. Протокол 61-го заседания Совета II отделения ИИМК. 23 ноября 1923 года.
5. Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Симферополь, 1930. Вып. 2.
6. Мусаева У.К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2007 (Серия: «Библиография крымоведения», вып. 9).
7. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Выписка из протокола заседания Музейной Секции академического Совета Крым-Наркомпроса. 05.06.1925.
8. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Письмо в Академию истории материальной культуры из КрымСовнаркома. 22.06.1925.
9. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Письмо в Академию истории материальной культуры из Главнауки Наркомпроса. 23.06.1925.
10. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Письмо в Главнауку Наркомпроса из Академии истории материальной культуры. 27.06.1925.
11. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Письмо В. В. Бартольда к С. А. Жебелёву. 10.07.1925.
12. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., 1887. Т. I. Вып. IV. (См. также: Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Симферополь, 2008. Т. 2: Крымская ориенталистика).
13. Клппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
14. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Письмо в Главнауку Наркомпроса из Академии истории материальной культуры. 17.07.1925.
15. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Письмо в Совнарком Крымской ССР из Академии истории материальной культуры. 17.07.1925.
16. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181: О раскопках в Старом Крыму. Письмо И. Н. Бороздина к Б. В. Фармаковскому. 04.06.1925.
17. Мусаева У.К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки / Под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2004. (Серия: «Библиография крымоведения», вып. 2).
18. Бороздин И.Н. Археологические раскопки в Крыму // Красный Крым. 1926. 1 сентября.
19. Бороздин И.Н. Из тьмы веков: Изучение древностей Юга СССР // Смена. 1926. № 23.
20. Башкиров А.С. Памятники крымскотатарской старины. Эски-Юрт // Новый восток. 1925. № 8–9.
21. Маркевич А.И. Археологические исследования и раскопки в Крыму // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005 (Серия: «Библиография крымоведения», вып. 3).
22. Раскопки в Старом Крыму // Известия ЦИК СССР. 1925. № 161(2494). 17 июля.

Ломакин Д. А.

О начале научного изучения мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму

Резюме

В статье на основе архивных материалов рассмотрен этап становления научного изучения мусульманских памятников XIII–XV вв. в Старом Крыму, заложивший основу их систематического исследования в дальнейшем. Освещен период подготовки экспедиций Всесоюзной научной ассоциации востоковедения 1925 и 1926 годов под руководством профессора И. Н. Бороздина, сыгравших одну из ключевых ролей в исследовании древностей столицы Крымского улуса Золотой Орды, включая бурную полемику в научной среде о кандидатуре руководителя. Проанализирован личный вклад представителей исторической науки советского государства, оставивших заметный след в деле изучения мусульманских памятников золотоордынского периода Солхата в первой половине 20-х годов XX века.

Ломакін Д. А.

До початку наукового вивчення мусульманських пам'яток XIII–XV століть у Старому Криму

Резюме

В статті на основі архівних матеріалів розглянуто початковий етап наукового вивчення мусульманських пам'яток XIII–XV століть у Старому Криму, який заклав основу їх систематичного дослідження надалі. Освітлено період підготовки експедицій Всесоюзної наукової асоціації сходознавства 1925 і 1926 років під керівництвом професора І. М. Бороздіна, що зіграли одну з ключових ролей в дослідженні старожитностей столиці Кримського улусу Золотої Орди, включаючи бурхливу полеміку в науковому середовищі про кандидатуру керівника. Проаналізовано особистий внесок представників історичної науки радянської держави, що залишили помітний слід у справі вивчення мусульманських пам'яток золотоордынського періоду історії Солхата в першій половині 20-х років XX століття.

Lomakin D. A.

The Beginning of Scientific Study of Muslim Monuments of the 13th – the 15th Centuries in Stary Krym

Summary

This article is based on archival materials on the initial stage of scientific studies of Muslim monuments dating to the 13th – 15th centuries in Stary Krym, which laid the foundations for their systematic study in future. The preparations of expeditions by Union Scientific Association of Oriental Studies in 1925 and 1926 are highlighted. The head of the Association Professor I. N. Borozdin played a key role in the study of antiquities of the capital of Crimean ulus of the Golden Horde, including a heated controversy in the scientific community about the head candidacy. The personal contributions of the Soviet historiography are analyzed, which left its mark in the study of Muslim monuments of Solkhat by the Golden Horde period in the first half of the 1920s.

ЭТНОГРАФИЯ

В. А. БУХТОЯРОВА

ДЕТСКИЙ КОСТЮМ КРЫМСКИХ ТАТАР ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Процесс формирования традиционного костюма крымских татар происходил на протяжении нескольких столетий. Как единый комплекс, состоящий из одежды и определенного набора аксессуаров, костюм был неразрывно связан с важнейшими событиями в жизни крымскотатарского народа, с его обычаями, традициями и культурой. Отражая происходившие в них изменения, костюм, таким образом, является ценным историческим источником. Первые шаги в его изучении предприняты отечественными и иностранными путешественниками, а также исследователями, которые жили в Крыму или посетили полуостров в конце XVIII – начале XX вв. Большой интерес представляют сведения о крымскотатарском костюме, которые мы находим в трудах П. С. Палласа [1, с. 172-191], В. Ф. Зуева [2, с. 169-171], Ф. М. Домбровского [3, с. 159-170], В. Х. Кондараки [4, с. 486-517], Е. Л. Маркова [5], Г. И. Радде [6, с. 397-401] и М. И. Дубровского [7, с. 421-430]. В их публикациях дано общее описание мужской и женской одежды, обуви, головных уборов, поясов и украшений. Сведения названных авторов имеют фактическую ценность, так как многие из рассмотренных ими элементов костюма, а также данные о манере ношения, материалах изготовления, цветовой гамме и других составляющих костюма в более поздний период изменились или вышли из употребления.

Следующий период (1920-1944 гг.) начинается с установления в Крыму Советской власти и завершается депортацией крымских татар в другие регионы СССР. Среди появившихся в это время работ, которые посвящены крымскотатарскому костюму, следует выделить отличающиеся по своему содержанию, конкретности и информативности труды У. А. Боданинского [8, с. 52-82], Г. А. Бонч-Осмоловского [9, с. 82-126], Б. А. Куфтина [10, с. 22-31], П. Я. Чепуриной [11, с. 484-493; 12, с. 493-501] и П. В. Никольского [13, с. 274-282]. Эти исследователи особое внимание уделили разнообразию элементов крымскотатарского костюма, их терминологии, декорированию костюма, влиянию городской моды на общенациональный крымскотатарский костюм, а также

осветили вопросы его унификации, нивелировки и перехода к общесоветскому костюму, в котором отметили небольшое количество сохранившихся традиционных элементов. На основании работ перечисленных выше авторов можно проследить этнографическое районирование костюма крымских татар. Так, например, костюм южнобережных крымских татар изучали Г. И. Радде и Б. А. Куфтин, а костюм степных татар Крыма был исследован Ф. М. Домбровским.

Достижения исследователей XIX – первой половины XX вв. оказались значимыми в деле дальнейшего изучения крымскотатарского костюма, которое продолжилось уже в рамках третьего периода. С начала 1990-х гг. в работах современных авторов получили освещение как общие вопросы традиционной бытовой культуры народа, который с конца 1980-х гг. стал возвращаться на свою родину, так и вопросы генезиса традиционного костюма крымских татар и его историко-культурных связей. Наиболее значимые труды по изучению данной темы появились в недавнее время и принадлежат Л. И. Рославцевой, О. А. Желтухиной, Л. Х. Аблямитовой, И. А. Заатову, А. Ясыбе, Е. В. Кузнецовой и В. А. Дмитриевой.

Л. И. Рославцева в своей публикации достаточно полно исследовала женский и мужской костюмы, а также охарактеризовала технику их производства и декоративно-прикладные особенности [14]. О. А. Желтухина изучала в своих трудах традиционную одежду, вышивку и ювелирные украшения крымских татар [15; 16, с. 22-29]. Подробному анализу и технике производства традиционных украшений народа посвящена работа И. А. Заатова [17]. Рассмотрению значения и роли отдельных элементов костюма, а также использования определенных оберегов для ограждения детей от сглаза и болезней посвятили свои публикации Л. Х. Аблямитова [18, с. 154-158] и В. А. Дмитриева [19, с. 362-375]. К проблеме символики цвета и вопросам орнамента в крымскотатарском костюме обращались А. Ясыба [20] и Е. В. Кузнецова [21].

Из краткого историографического обзора видно, что характеризуя традиционный костюм крымских татар, костюм детей оставался вне поля зрения исследователей. Данная статья посвящена его комплексному изучению, выделению основных компонентов, региональных особенностей и сравнению с костюмом взрослых с целью выделения присущих ему субкультурных половозрастных особенностей¹. Однако, в достижении поставленной цели существуют определенные трудности. Так, до настоящего времени не дошло ни одного из составляющих его аутентичных компонентов. В фондах и экспозициях этнографических музеев, а также в гардеробах участников фольклорных крымскотатарских ансамблей, как правило, представлены образцы костюмов

---

¹ Выражаю искреннюю признательность за помощь и ценные консультации при написании статьи сотрудникам Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины М. А. Араджиони, Э. А. Хайрединовой и Д. А. Прохорову.

взрослых. Какие-либо обобщающие работы, специально посвященные костюму детей крымских татар, в литературе отсутствуют. Отрывочные сведения о нем встречаются лишь у Е. Л. Маркова и Г. И. Радде, а также у Л. И. Рославцевой и О. А. Желтухиной. Однако в их публикациях не учтены те изменения, которые детский костюм претерпел в ходе своего развития. В такой ситуации единственную объективную возможность изучить традиционный костюм крымскотатарских детей предоставляют изобразительные источники первой половины XIX в., которые и легли в основу нашей работы. Среди них необходимо отметить следующие произведения: иллюстрация «Крымские татары и мулла» из книги Г.-Т. Х. Паули [22]; цветная литография итальянского художника К. Боссоли «Татарская школа для детей» [23]; черно-белые литографии О.-Д.-М. Раффэ (гравер – О. Бри) «Семья крымских татар в пути» [24], «Интерьер жилища крымских татар» [25], «Дом в крымско-татарской деревне» [26], «Крымские татарки из Байдара» [27], «Возвращение с источника» [28], «Крымско-татарская школа для девочек близ Ялты» [29]; картины немецкого художника В. Кизеветтера «Татарский школьник в Крыму», «Гарем татарского торговца» «Татарская сельская школа в Крыму» [30]. Кроме того, нами также учтены все сведения о детском костюме, содержащиеся в той литературе, которая охарактеризована во вводной части работы. Для наглядного восприятия и лучшего понимания особенностей детского костюма текстовую часть нашей публикации, помимо копий репродукций работ указанных выше живописцев, сопровождают и выполненные автором статьи графические реконструкции (без указания линейного масштаба).

Оценивая информативность избранного нами основного источника, нужно отметить ее известную ограниченность. Например, в нем не содержится данных о покрое и тех материалах, которые использовались для пошива детского костюма, а также о названиях его составных элементов. Поэтому мы использовали сведения об особенностях элементов костюма взрослых и об их общепринятых названиях, которые встречаются в произведениях путешественников и исследователей конца XVIII – начала XX вв. Также нужно сказать о том, что используемые нами изобразительные источники, в основном, дают возможность воссоздать костюм детей южнобережных и предгорных крымских татар, тогда как сведения о костюме татар степного Крыма незначительны. Говоря о географических рамках исследования, укажем, что в то время крымские татары Южного берега Крыма вместе с горными татарами проживали на территории от Балаклавы до Коктебеля и на южных склонах Главной гряды Крымских гор. Костюм горных и прибрежных татар имел общие черты, поэтому в работе дается общепринятое наименование татар этой территории как южнобережных. Область расселения предгорных татар включала в себя населенные пункты по линии городов Бахчисарай – Симферополь – Белогорск – Старый Крым,

в районе Главной и Внешней гряд Крымских гор вплоть до Судака и Феодосии. Остальную часть полуострова занимали степные крымские татары.

Как известно, ребенок до определенного возраста носит ту одежду, которую для него выбирают родители. Следовательно, при анализе детского костюма нельзя не обратиться к особенностям взрослого костюма, к рассмотрению эстетических и религиозных представлений и устоявшихся традиций в отношении костюма у крымскотатарского народа в целом. Необходимо отметить, что мы рассматриваем именно летний костюм детей, так как письменные свидетельства и изобразительные источники об этом костюме создавались преимущественно в теплое время года, особенно в летний период, когда Крым был более всего привлекателен для путешественников и художников.

Появление особенностей в детском костюме, причем для каждого возрастного этапа у детей в одежде отмечаются свои признаки, стало поворотным моментом в формировании отношения к детям как к представителям отличающегося от взрослых отдельного сообщества. Детский костюм во многом напоминал взрослый, но в то же время крымские татары стремились выделить детей через костюм, который создавался из более дорогих материалов ярких расцветок. Костюм детей отличался большим количеством амулетов и оберегов от сглаза и болезней, роль которых выполняли также сами элементы костюма и декора.

Формирование детского костюма и его эволюцию можно проследить по мере подрастания детей, разделив этот процесс на несколько этапов:

I этап – от рождения и до 1 года. Начальный период жизни детей отмечался соответственно и в одежде. После того, как у ребенка заживала пуповина, совершался обряд пеленания и укладывания младенца в колыбель «бешик», причем большую часть первого года жизни ребенок проводил в колыбели, а примерно в 1 год, когда он уже начинал ходить, его одежда дополнялась новыми элементами.

II этап – от 1 года до 4-6 лет. Когда детям исполнялся 1 год, то мальчикам впервые брили головы, а девочкам коротко подстригали волосы. Считалось, что первые волосы нечисты и могут принести несчастье или болезнь ребенку. На этом этапе своей жизни малыши начинали носить свою первую одежду, обувь и головные уборы.

III этап – от 4-6 до 12-15 лет. Он начинался с того, что детей отдавали в школу, и продолжался до того момента, когда девочек либо сватали, либо они уже выходили замуж, а мальчики начинали учебу в высшей школе или осваивали ремесла, то есть когда дети становились взрослыми молодыми людьми. К концу этого этапа костюм детей почти полностью напоминал одежду взрослых.

Костюм мальчиков состоял собственно из нижней и верхней одежды (плечевой и поясной, приталенной), а также из функциональных элементов (головных уборов, поясов, обуви). Плечевой нижней одеждой у крымских татар

являлась рубаха. На Южном берегу Крыма она имела название «кольмек», у предгорных татар – «кулек» [14, с. 19] или «кетен кольмек», где «кетен», в переводе с татарского, – лен [16, с. 23]. У степных татар до 30-х гг. XIX в. рубаха была распашной [14, с. 25], но уже с этого времени начинает появляться нераспашная льняная или хлопчатобумажная рубаха. В степи рубаха называлась «камзол» или «колек» [3, с. 166]. «Кольмек» была принята среди всех слоев населения и шилась из домотканой тонкой материи «атма». Эта ткань использовалась для пошива нижней одежды и состояла из простого переплетения основы и утка. Белая или кремовая, простая гладкая ткань, она была мягкой и прочной, поэтому изделия из нее служили до десяти и более лет [11, с. 486; 4, с. 501].

Рассмотрим нижнюю плечевую нераспашную одежду. Рубахи мальчиков в соответствии с возрастом делились на два варианта. Но они были сходны по покрою и цвету с рубахами взрослых туникообразного покроя, где стан шился из единого полотнища, сложенного пополам, то есть с перекидным плечом (со сгибом, а не со швом).

Рубахи варианта I шили мальчикам до 4-5 лет. У таких рубах длина подола достигала колен или была чуть ниже, а рукава доходили до локтей или прикрывали их. Сами рукава расширялись книзу и могли подворачиваться. Ворот был с округлым вырезом, без воротника, но с небольшим дополнительным вертикальным разрезом, проходившим посередине груди (рис. 1,а; 9,б,в) [24; 25; 30, с. 67]. Рубаха мальчиков старшего возраста (вариант II) отличалась от рубахи малышей большей длиной подола (до икр) и рукавов (до запястий). Встречались также рубахи с отложным воротником (рис. 1,д; 10,м), грудным вертикальным разрезом и с вырезом в виде мыса (рис. 1,в). «Кольмек» полностью заправлялась в штаны. Примерно к середине XIX в. у таких рубах появился воротник-стойка (рис. 1,г; 8,е) [24; 25; 22, с. 77; 30, с. 65].

Верхней поясной одеждой были штаны «шальвар». У южнобережных татар в XIX в. широкие шаровары надевались поверх куртки и застегивались крючками [6, с. 398]. В предгорном Крыму верхние штаны назывались «сокма штан» [14, с. 20], а у степных крымских татар они имели несколько названий, например, «штан» [14, с. 25] или «шальвар» [3, с. 166].

Дети возрастом до 4-5 лет ходили только в рубашке (рис. 9,в) [24; 25; 30, с. 67]. Мальчикам старшего возраста чаще шили штаны из домотканой материи «атма», мягкой, нежной и прочной при ношении. По крою детские «шальвар» сходны со штанами с широким шагом взрослых и с боковыми карманами (рис. 2; 3,г; 10,а). Особенность детских штанов заключалась в том, что длиной они могли быть и выше щиколотки. Их чаще шили из более ярких и светлых тканей (желтого, синего, белого, кремового цветов). Темные цвета (коричневый, черный) встречались реже, чем у взрослых [30, с. 63, 65].

Верхняя плечевая приталенная одежда у мальчиков была представлена следующими видами: рубахи (у мальчиков до 4-5 лет), безрукавки, куртки, кафтаны.

В роли верхней плечевой одежды у маленьких мальчиков часто выступала рубаха, которую надевали поверх нижней «кетен кольмек». Эта рубаха была аналогичного покроя с нижней плечевой одеждой, отличаясь лишь короткими узкими рукавами и тем, что изготавливалась из тканей более темных цветов, например, синего или зеленого (рис. 9,а) [27; 30, с. 67]. Таким образом, изобразительные источники демонстрируют, что малышам надевали вторую верхнюю рубаху. Она являлась отличительной особенностью костюма малышей, поскольку не носилась мальчиками старшего возраста.

Безрукавки у мальчиков назывались «елек» [14, с. 21], они были распашными и застегивались на ряд пуговиц и петель, из цветной тесьмы, а также запахивались справа налево. «Елек» носили поверх рубахи, длиной они были до талии и подвязывались поясом.

До конца 1830-х гг. стеганные курточки длиной до талии встречались реже безрукавок, но к середине столетия куртки широко распространились на Южном берегу и в предгорье Крыма [24; 26; 22, с. 77]. Этот вид одежды распространился как среди малышей, так и среди детей старшего возраста. Следует отметить, что в детском костюме представлены курточки типа «мийтан», которые были длиной до талии, имели разрезы по бокам, грудной вырез мысом и узкий рукав [14, с. 20]. «Мийтан» шили либо без воротника, либо с отложным воротником (рис. 8,б), а в первой трети XIX в. у таких курточек появляется воротник-стойка (рис. 9,д).

Для пошива «мийтан» использовалась ткань в узкую полоску с обязательным присутствием красного цвета, чаще всего из плотной шелковой материи типа «дороги» [14, с. 20-21] или хлопчатобумажной ткани [6, с. 398]. Надевали такие курточки поверх рубах и безрукавок, заправляя их в пояса (рис. 10,е). В начале XIX в. рукава курточек были короткими (до локтей) (рис. 8,д; 10,л), а к середине столетия стали длинными (до запястий). Швов на плечах не было, куртка обтягивала торс и не до конца (из-за пояса) застегивалась в области прямого разреза на груди на ряд частых пуговиц (рис. 8,в; 10,о) [14, с. 20; 5, с. 316; 30, с. 65]. Пуговицы к курткам изготавливались из различного материала: у зажиточной части населения из меди и серебра, а у бедных – из дерева [35, с. 281]. Следует иметь в виду, что для малышей пуговицы чаще всего обшивали тканью, чтобы они стали мягче и приятнее на ощупь. Куртки имели широкий спектр расцветок: желтый, горчичный, оранжевый, голубой, красный, причем цвета полосок не совпадали с основным фоном курток [6, с. 398; 9, с. 89; 30, с. 63].

Длиннополой верхней одеждой у мальчиков были кафтаны «камзол», которые у степняков имели и другие названия, например, «каптан» или «беш-

мет». Кафтаны широко использовались до первой трети XIX в., их надевали как поверх рубахи, так и сверху куртки.

Камзолы шили из шерстяных тканей следующих цветов: желтых, кремовых, светло-коричневых, серых (у менее состоятельного населения), красных, голубых и зеленых (у богатых). Распашные кафтаны могли застегиваться до талии на крючки или пуговицы и имели длину ниже колен (рис. 4). Кафтаны могли застегиваться до шеи либо имели вырез мысом, но тогда шились без воротника. Имели узкие и длинные рукава. Необходимо отметить, что камзолы получили более широкое распространение среди городских жителей, но их также могли носить и сельские дети. Это объясняется тем, что родители старались одевать их в лучшую одежду, следуя канонам городской моды [14, с. 21-22, 34; 6, с. 398; 35, с. 281; 13, с. 280; 2, с. 170; 6, с. 392].

Головные уборы делились на нижние и верхние, домашние и уличные. Нижние шапочки у мальчиков были представлены двумя вариантами. Маленьким детям (до 5 лет) надевали только «назар-феси» (вариант I), шапочку, которая шилась на вате [16, с. 27]. Такие шапочки украшали навершием в виде радиально спускающихся пучков нитей, выпущенных из центра доньшка и покрывающих верхние края околыша [25; 27]. Особое отношение к детям младшего возраста выражалось в бережной заботе об их здоровье, так как они чаще подвергались заболеваниям. Именно поэтому данное навершие встречалось только у малышей и имело очень большое значение, играя роль оберега от сглаза и болезней.

Наиболее распространенным головным убором мальчиков старшего возраста являлись нижние тюбетейки полусферической формы (вариант II), которые шили по возможности из тканей разного цвета, чаще красного (рис. 3,а; 8,а) [22, с. 77; 30, с. 63, 65; 2, с. 170]. Нижние шапочки-тюбетейки «такийя» стали известны в Крыму с начала XIX в. Их изготавливали из легких тканей по форме головы и могли расшивать узором, а иногда вдоль нижнего края околыша пришивали еще и тесьму [14, с. 24]. В степном Крыму нижние шапочки «рахчин» («арахчин») также имели форму полусферы и в начале XIX в. шились из мягкой кожи или из хлопчатобумажных тканей. Но они кроились из полоски (для околыша) и четырех треугольных клиньев (для верхней части) [14, с. 27]. Взрослые мужчины носили шапочки как на улице (верхний головной убор), так и дома, снимая их только на время сна [14, с. 24], а у мальчиков тюбетейка чаще всего играла роль верхнего уличного головного убора. Шапочки украшали галунами, расшивали цветными нитками.

До 1830-х гг. среди мальчиков также широко бытовал тюрбан, в состав которого входили колпак или тюбетейка «такийя», в роли его основы, и ткань, которой оборачивали остов. Этот вид головного убора можно было встретить и в 50-е гг. XIX в. (рис. 7,г) [23, с. 26]. Кроме того, в начале XIX в. как у взрослых, так и у мальчиков, встречались неглубокие конусовидные и полусферические

(мягкие и жесткие) шапки с черным нешироким и пышным меховым околышем (рис. 10,н) [14, с. 23; 30, с. 63; 2, с. 170].

Шапочки «фес» широко распространились в Крыму после 30-х гг. XIX в. Как и во всей Османской империи, здесь они заменили многие прежние варианты головных уборов. Подростки носили фески по типу стамбульских – в виде усеченного конуса (рис. 10,в), которые могли быть как высокими, так и низкими. Шились они из материала красного и бордового цветов по форме головы и присборивались на макушке, из центра которой могла спускаться длинная кисточка [14, с. 24; 30, с. 63].

С первой трети XIX в. среди мальчиков старшего возраста, как и у взрослых, стали распространяться каракулевые шапки «калпак» или «бъорк», которые шились на твердой основе. Они имели чаще цилиндрическую форму, иногда в виде усеченного конуса, с плоским дном, в котором вырезался суконный кружок «тепелик», часто расшивавшийся золотом (рис. 9,г) [14, с. 23; 25; 30, с. 67].

В теплое время года мальчики чаще всего ходили по улице босиком. Судя по иллюстративному материалу, обувь у детей была представлена несколькими вариантами, по внешнему виду сходными с обувью взрослых. Г. И. Радде отмечал, что в обуви, которую носили крымские татары, носок заострялся и загибался кверху, внешне напоминая птичий клюв [6, с. 398-399]. Обувь делилась на нижнюю и верхнюю, а также домашнюю и уличную.

Дома крымские татары летом ходили без обуви, оставляя верхнюю обувь за порогом, но в холодную пору носили нижние сафьяновые сапожки «мест» или «мес» (у степных крымских татар). Они шились на мягкой подошве, без каблука и железных подковок, чаще всего желтого или красного цветов. Среди обуви более обеспеченных слоев населения встречаются «мест», декорированные золотыми нитями и аппликацией [14, с. 24, 28; 7, с. 425]. Как писал Е. Л. Марков, у каждого мальчика также были свои сафьяновые или кожаные «мест» [5, с. 298]. У мальчиков такие сапожки отличались от взрослых более широким и коротким голенищем (чуть выше щиколотки), благодаря чему они имели вид полусапожек. Отметим, что «мест» чаще встречались у городских детей (рис. 8,г) [30, с. 8; 1, с. 174].

Домашними и уличными у степных татар являлись сафьяновые туфли «терлик» или «караули», которые украшались шитьем. Они имели ровную подошву, слегка приподнятый носок и язычок у подъема [14, с. 24; 9, с. 22; 3, с. 167; 1, с. 174].

Уличные туфли или ботинки на Южном берегу Крыма назывались «чизма» и «коревле», а в предгорьях – «къатыр». Это была глубокая обувь из желтой кожи на вшитой плотной подошве. Верхняя часть «чизма» изготовлялась из более мягкой и эластичной кожи, плотно облегалa ногу и имела невысокий подъем. Такую обувь делали с небольшим каблуком на подковке, отчего она

и получила свое название «катыр» (тур. – «трескучие») [14, с. 27]. У мальчиков такие туфли были на ровной подошве и без каблуков. В отличие от взрослых мужчин, которые такие туфли надевали на сапожки «мест», мальчики носили их без нижней обуви (рис. 6,б; 10,г) [30, с. 63].

Среди бедных слоев крымскотатарского населения, как взрослых, так и детей, широко распространились сандалии (или постолы) «кюс» или «чарык», которые изготовлялись из цельного прямоугольного куска невыделанной бараньей или воловьей кожи. Вдоль верхней кромки сандалий делались отверстия, куда продевался узкий длинный кожаный ремешок, который стягивал основу «чарык» по форме ступни и переплетал ногу крест-накрест или спиралевидно до самого колена (рис. 6,а) [14, с. 25; 35, с. 281]. Таким образом, сандалии можно было сделать для ноги любого размера, что играло важную роль в детском костюме, поскольку «кюс» являлись одним из первых видов обуви, который начинали носить малыши.

Согласно традиционным представлениям крымских татар, опоясывание символизировало переход к новому этапу жизни человека [18, с. 157], что подтверждается и на примере детского костюма. Судя по изобразительным источникам, дети в возрасте до 4-5 лет (иногда и старше) не носили поясов. Этот факт можно объяснить тем, что к 5-ти годам мальчики проходили обряд обрезания «сюнет-той», который одновременно служит обрядом инициации (посвящение мальчика в мужчину) и символизирует принятие ислама, после чего ребенок считался мусульманином. Если родители не могли осуществить этот обряд вовремя, то, возможно, до его проведения мальчики не носили поясов еще несколько лет. При принятии ислама девочкам красили хной ногти на руках и ногах. С 6-7-ми лет детей отдавали в школу, поэтому вполне вероятно, что в связи с этими важными событиями в их жизни менялся также и детский костюм (рис. 9,е) [31, с. 301-302; 4, с. 501]. Таким образом, мальчиков и девочек обвязывали поясами только по достижении 5-7-летнего возраста, а наличие пояса в костюме означало, что у них начался новый период жизни, связанный с изменением статуса и отношения к ним взрослых.

Пояса у мальчиков старше 5-ти лет представляли неотъемлемую деталь костюма. Самыми распространенными были «учкур» и «къушакъ». Поясом «учкур» в виде шнурка мальчики подвязывали «шалвар» таким образом, что у штанов образовывались большие складки (рис. 10,д). Для верхней одежды (куртка, камзол, безрукавка) использовались пояса «къушакъ» («кшакъ»). Шили «къушакъ» из длинного полотнища тонкой шерстяной или шелковой ткани, обычно красного или коричневого цветов. Они должны были трижды охватывать талию, отчего и зависела их длина. Для ранних вариантов этих поясов ткань складывалась слоями (рис. 3,в; 10,к) [14, с. 22; 6, с. 398; 30, с. 63]. Также у детей встречались узкие ременные пояса на кожаной основе, чаще всего коричневого цвета.

Костюм девочек. Прежде чем приступить к его рассмотрению, приведем замечание Е. Л. Маркова о том, что даже двухлетняя девочка одета почти так же, как и взрослая девушка. У каждой из них имелись свои крошечная шапочка и бешметик по размеру [5, с. 375-376]. Костюм девочек состоял из нижней и верхней одежды (плечевой и поясной, приталенной), из функциональных элементов (головных уборов, поясов, обуви), а также украшений (навершия на головной убор «фес» «тепелик», нагрудника «герданлык» и поясных пряжек «къушакъ-башъ»). Натальной одеждой служили рубаха и штаны. В зависимости от региона Крыма рубаха имела несколько названий: «сайяхлы кольмек» или «кульмок» (на Южном берегу), «кетен кольмек» (в предгорье) и «кулек» (в степи). Материалом для нее служило льняное домотканое полотно «атма» кремового или белого цветов. Рубашка не имела воротника и плечевого шва [14, с. 28; 16, с. 25].

Рубаха отличалась туникообразным покроем: стан шился из единого, сложенного пополам полотнища, боковины доходили до уровня груди, где были присборены. Между рукавом и боковиной вшивалась ромбовидная ластовица. Рубаха имела прямой короткий разрез на груди. В обычные дни надевалась коленкоровая (тонкая хлопчатобумажная) рубаха, а в праздники – шелковая [14, с. 28].

Рубахи девочек также делились на два варианта. У девочек возрастом до 4-5-ти лет длина рубашки была чуть ниже колен (вариант I). Рукава шили широкими и короткими, длиной немного ниже локтей. Ворот делался с округлым вырезом на шее, но он не имел грудного вертикального разреза [26]. Девочки возрастом от 6 до 14 лет носили рубахи длиной до щиколоток (вариант II), причем «кольмек» виднелась из-под платья. Рубахи шили с широкими у кисти рукавами, которые засучивали во время работы. Они пришивались поперечно к стану (по прямой линии) [14, с. 28; 4, с. 504]. Вырез мысом у рубашки доходил до половины груди [6, с. 399; 1, с. 175]. Таким образом, рубахи девочек до 4-5-ти лет и более старшего возраста отличались формой ворота, а также длиной самой рубашки и ее рукавов.

Нижней поясной одеждой являлись штаны «шальвар», которые носили девочки в возрасте от 4-5 лет. Данный тип шаровар с широким шагом шили из материала белого, красного или бордового цветов. Длинной такие штаны были ниже щиколоток, поэтому выглядывали из-под рубахи (рис. 3,и) [22, с. 77; 26; 28].

Верхняя одежда девочек представлена поясной (юбки и передники), а также плечевой одеждой (кофты, платья, кафтаны, безрукавки и куртки). Юбки носили поверх шаровар, стягивая у талии в складки при помощи шнура [6, с. 399]. Они были светлых тонов, длиной ниже колен. По подолу юбки вышивались темной полоской в виде каймы, чем гармонично подчеркивалась грань между частями костюма [26; 29].

Г. И. Радде отмечал, что девочки до 14-ти лет ходили без передника [6, с. 399]. Однако данный факт вызывает сомнение, поскольку при анализе детского костюма по данным изобразительных материалов удалось установить, что передники носили девочки возрастом от 5-ти лет и старше [27; 26; 22, с. 77]. Передники «пештамал» [14, с. 30] или в степном регионе «оглюк» («он-лук») [14, с. 37] имели прямоугольную форму и длину ниже колен. При их пошиве использовали орнаментальный вид тканья «тахта кетерлеген» (в степи) и «тахталы» (в предгорье и на Южном берегу). Следует отметить, что при этом виде тканья использовались толстые цветные нити, чем и объясняется высокая прочность изготовленного материала. Передники завязывались на талии с помощью шнура. Чаще всего они имели горизонтальные полосы более темных цветов, чем основной фон. В центре «пештамал» украшался вышитым вертикальным растительным орнаментом, а по краям – каймой темного цвета. Этим он выделялся на фоне платья или юбки [11, с. 487; 29].

Кофты носили поверх рубах, они были приталенными, распашными, длиной до талии, с отложным воротником или без него. Застегивались на ряд пуговиц и петель. Шились из легких тканей, чаще светлых и пастельных тонов. Отверстия и края в кофтах (подол, борта, ворот и рукава) обшивались каймой, которая играла роль оберега от сглаза и болезней. Рукава имели длину до запястий. Их концы были скошенными, в виде треугольников, прикрывая тыльную сторону ладони. Такой вариант рукавов по форме и внешнему виду напоминал нарукавники и манжеты, которые широко распространились уже ближе к середине XIX в. [29]. Особенностью одежды в данный период являлось то, что у девочек юбки и кофты, чаще всего, служили основными видами верхней одежды.

С 1830-х гг. все чаще начали встречаться и платья «антер», мода на которые пришла из Османской империи. Их тоже надевали непосредственно на рубахи, шились они из шелковых жаккардовых тканей, распашными, на подкладке. Платья (как и курточки «мийтан») изготавливались из шелка, у которого, обычно, полосы и фон имели следующие сочетания цветов: желтый с зеленым, красный с синим, голубой с фиолетовым, желтый с синим. Отметим, что даже в небогатой семье как девушки, так и девочки носили шелковые платья. От талии шел глубокий коленчатый запбх справа налево. Длинный или короткий узкий рукав, пришивавшийся к верхней части стана, представлял единое целое с боковиной и плавно переходил в плечо без плечевых швов [14, с. 29; 16, с. 27; 13, с. 280; 30, с. 65; 1, с. 175, 179]. Длина платьев достигала икр, хотя у девочек 5-8-ми лет они могли быть немного короче. Внизу по бокам имелись разрезы, украшенные пуговицами и обшитые каймой [27; 25; 28]. Чаще всего платья носились без нагрудника [29]. Иногда девочки старшего возраста (8-10 лет), обычно при выходе на улицу или перед приходом гостей, под декольте «антер» надевали

нагрудник «кокслюк», который украшался монетами (рис. 3,е) [14, с. 28-29; 22, с. 77; 30, с. 67]. Платья шились однотонными или из тканей в полоску. Для «антер» характерны голубой, бирюзовый, розовый, красный, фиолетовый и бордовый цвета [24, с. 63, 67].

Верхней одеждой в теплое время года, также как и у мальчиков, был кафтан «бешмет» или «зыбын» у степных татар. Он плотно обтягивал весь стан, шился обыкновенно из шерстяных тканей, чаще всего розового, синего, бежевого или малинового цветов [32; 30, с. 67; 6, с. 392]. Кафтан надевали на рубаху (особенно маленьким девочкам), а также носили поверх платья, шился он с разрезом во всю длину, но не закрывал подол рубашки, а также застегивался на ряд пуговиц. [5, с. 375; 4, с. 504-505]. Рукава узкие, как короткие (до локтей), так и длинные (до запястья), могли заканчиваться отворачивавшимися манжетами «ень къапакъ» [14, с. 29; 4, с. 505].

Куртки «мийтан», как и безрукавки «елек», носили поверх платья, но у девочек они встречались намного реже, чем у мальчиков. Куртки также были короткими, чуть ниже талии, распашными, с короткими рукавами, до локтей (рис. 3,ж) [25].

Маленьким девочкам (до 4-х лет) шапочку «назар-феси» украшали одним рядом монет, а платочки складывали по диагонали и завязывали так, что узел был возле шеи (под подбородком) либо надо лбом, а один из углов ниспадал на спину [26; 25; 30, с. 63; 1, с. 175]. В начале XIX в. непосредственно на голову девочек старшего возраста набрасывались тонкие маленькие платочки «беркенчик» или «бурунчик», все четыре конца которых завязывались на затылке. Они украшались набивным узором [14, с. 33]. Поверх нижнего платка повязывали платок большего размера «киик халты» (тур. «халты» – «ошейник»), украшенный растительным узором. Его завязывали, обводя вокруг шеи, а на спину спадал угол платка, который к тому же украшался кистями (рис. 10,и). Платок «язма» (тур. – «набивной») надевали под или поверх фески, причем такой платок покрывал затылочную часть головы, а также шею (рис. 7,б,в) [14, с. 33; 30, с. 63; 4, с. 504].

Г. И. Радде писал о том, что девочки до 14-ти лет ходят без покрывала, а в качестве головного убора используют «фес» [6, с. 399]. Этот головной убор мог иметь полусферическую, цилиндрическую или форму усеченного конуса. Такая шапочка состояла из круглого донца и плотного околыша, расшитых золотыми нитями. Околыш богато украшался монетами, расположенными, чаще всего, спереди по нижнему краю в 1-3 ряда, причем монеты располагались над лобной частью головы (рис. 5,а; 10,п). Для этого использовали золотые, а менее обеспеченные слои населения – бронзовые или медные монеты. Иногда такие монеты не пришивались, а нанизывались на нитки и свисали по краям фески, спускаясь на лоб [35, с. 283; 4, с. 504]. Околыш также мог обшиваться в один или несколько рядов позолоченными или серебряными позументами

или лентой [25; 27; 29; 4, с. 504]. Отметим также, что узор на фесках мог расширяться маленькими металлическими блестками серебра или золота в технике орнаментального шитья «пул». Расшивка «фес» жемчугом широко использовалась среди богатых крымскотатарских семей, тогда как менее обеспеченные могли позволить себе лишь украшение шапочки однотонным бисером кремового или белого цвета. В небогатых семьях фески детям также украшали простыми позументами. К донцу крепилось золотое или серебряное навершие «тепелик» в виде розетки [17 с. 277; 12, с. 500-501; 4, с. 504]. «Фес» могли иметь кисточку «пускюль» (рис. 7,а; 9,ж; 10,б). Этим головным уборам присущи бордовый (с середины XIX в.), красный и синий цвета, реже встречались горчичный и бежевый [23, с. 26; 22 с. 77; 30, с. 63, 67].

В большинстве случаев девочки летом ходили босиком или обували «папучи» – сафьяновые туфли без задников [10, с. 26], которые чаще всего носили на босую ногу. Обычно такие туфли в процессе изготовления окрашивались в желтый цвет и расшивались растительным орнаментом золотыми или серебряными нитями (рис. 3,к) [22, с. 77; 27; 4, с. 505]. Носили также «терлики» – уличные сафьяновые туфли, наполовину закрытые сверху. Такие туфли чаще всего были желтого и красного цветов [4, с. 505; 1, с. 176]. Как у девочек, так и у мальчиков встречались уличные глубокие туфли «аягкап» или «къатыр» на плотной подошве, без каблучков, желтого цвета. У подъема туфель выкраивался язычок, а высотой они достигали щиколоток [30, с. 63].

До середины XIX в. встречались длинные тканые и вязаные кушаки «ипшик-кушакъ» [14, с. 32]. «Шальвар» на талии держались с помощью пояса-шнурка «учкур». Также встречались ременные пояса на кожаной основе, они были чаще всего коричневого цвета (рис. 10,з) и застегивались металлической пряжкой, которая в миниатюре повторяла женскую пряжку (рис. 3,з) [22, с. 77; 28; 30, с. 63; 4, с. 505]. Функцию пояса также выполняли большие шерстяные шали «киих» или вязаные платки «боин-явлук» [8, с. 62], сложенные по диагонали и завязанные на талии так, что длинный угол спускался по спине в форме треугольника, а узкие концы ложились под передник или пояс (рис. 10,ж). В районе г. Ялты такие платки назывались «араба-шалл» [14, с. 32; 30, с. 63; 4, с. 505].

Необходимо отметить, что крымские татары для ограждения от сглаза и болезней младенцев и детей старшего возраста использовали различного рода обереги. Это могли быть амулеты с молитвами, зашитыми в треугольный кусочек кожи, который либо заплетался в косы (девочкам), либо зашивался в одежду. Оберегами считались синие или черные бусинки, которые нанизывали на шнурок и надевали на руку младенцу, а также медные монеты. Особенно ценились те монеты, которые дарились малышам близкими и родственниками на второй день после рождения (возможно, именно эти монеты крепились на шапочки «назар-феси» и «фес»). Отметим еще тот факт, что лекарственные травы также считались оберегами от сглаза, с этой целью, например,

наназывали на нитку и надевали на шею малыша коробочку с семенами стосемянника «ю зерлика» [6, с. 401; 4, с. 505; 31, с. 301; 19, с. 367, 370].

Декорирование детского костюма имело явное символическое выражение. Согласно представлениям крымских татар, мир существует благодаря взаимодействию трех уровней: верхнего (небесного), среднего (земного) и нижнего (подземного). Головные уборы символизировали небесную сферу, они украшались узорами из стилизованных птиц и солярных знаков. Одежда расширялась по краям и подолу, где каждый элемент орнамента нес смысловую нагрузку. Завершала узор кайма, вышитая шелковыми нитями и образованная волнообразными полосами «сув». Они представляли собой самостоятельный мотив или являлись продолжением основного узора [18, с. 156]. Следует отметить, что на головных уборах (платках, фесках), поясных шалях узоры были сложнее и разнообразнее, чем, например, на кофтах и передниках.

Узоры и контурные линии, украшавшие элементы детского костюма, обычно соответствовали ландшафту, например, на Южном берегу и в предгорьях использовались частые плавные и вертикальные линии, здесь также представлен густой растительный и геометрический орнамент. В степи чаще при декоре использовались прямые линии, что объясняется особенностями визуального восприятия окружающей среды (степняки воспринимали только линию горизонта как одиночную линию, разделяющую небо и земную поверхность) [28; 11, с. 491].

Цвет в одежде традиционных обществ несет определенный сакральный смысл. Крымские татары также всегда придавали особое значение выбору цвета той или иной одежды в зависимости от конкретного случая. Спектр цветов в костюме крымских татар довольно широкий [33, с. 67]. До середины XIX в. использовались ткани домашнего производства, где нити или уже готовая материя любого рода окрашивались вручную по определенной технологии с использованием в качестве красителей местных растений. Вследствие этого, расцветка тканей была более спокойных тонов. Однако с развитием машинного производства и новых технологий для окрашивания материалов стала использоваться более яркая, насыщенная и пестрая расцветка [13, с. 280].

При изготовлении элементов детского костюма использовалась следующая цветовая гамма: желтая, красная, оранжевая, фиолетовая, синяя, голубая, кремовая, серая. Со временем синий цвет постепенно заменялся черным [11, с. 491]. Отметим значение наиболее употребляемых цветов детского костюма. Красный цвет – символ любви, красоты, жизни. Кроме того, все оттенки красного выполняли и защитную функцию. Этот цвет использовался для определенных деталей одежды – в основном это курточки, платья, фески и шаровары. Желтый, золотой цвет – цвет Солнца. Он символизирует духовную и физическую чистоту, богатство, благополучие. Поэтому праздничные костюмы декорировались золотыми нитками и тесьмой. Фески украшались

золотыми монетами – «мамедие» или «пуллар», пояса скреплялись пряжками – «къушакъ-башъ». Серебряный цвет символизирует лунный свет. Луна, как известно, еще с древних времен почиталась тюркскими народами. Традиционно отделку и орнаментацию как праздничных, так и повседневных вещей крымскотатарские мастерицы делали серебряными нитками [27].

Гармоничным дополнением к одежде девочек служили ювелирные украшения. Большинство из них выполнено из металлов «маден» (золото, серебро, железо и медь), которые наделялись сакральной силой [34]. Наиболее распространенными были изделия из серебра и золота, причем первому металлу отдавали предпочтение в степной части Крыма, а второму – в предгорной и южнобережной.

В отделке ювелирных изделий изредка применялись драгоценные камни (рубин), но обычно более доступные – полудрагоценные (нефрит, бирюза, агат, лазурит, малахит) и поделочные (яшма, сердолик, жемчуг, янтарь). Камни использовались для вставок в украшения или же из них выполняли отдельные изделия. Камни чаще всего располагались в виде розетки или же рассыпью по краям украшения. Что касается цветовой гаммы, то в ювелирных изделиях доминировали голубой, красный, желтый и зеленый цвета разных оттенков [34].

У девочек, как уже упоминалось, самыми распространенными видами ювелирных изделий являлись головные украшения (навершие головного убора «тепелик»), нагрудные («герданлыкъ») и поясные («къушакъ-башъ») пряжки. Отметим, что эти украшения повторяли декор и цветовую гамму женских ювелирных изделий, но имели меньшие формы, соответственно антропометрическим данным детей. Хотя поясные пряжки представляли собой функциональную деталь, они отнесены к украшениям, поскольку их декор и внешний вид включали в себя также и эстетический компонент, гармонично сочетавшийся с другими украшениями. По размеру и форме навершие «тепелик» обычно совпадало с доньшком шапочки «фес» и представляло собой композицию из цветов с камнем в центре. Нагрудник «герданлыкъ» (рис. 5,б; 9,з) или «кокслукъ» закрывал вырез на груди платья. Он мог состоять от одного до десятка рядов монет-подвесок, причем, если было несколько рядов, то сверху крепились небольшие монеты, а ближе к поясу – более крупные [35, с. 283; 22, с. 77; 30, с. 67; 4, с. 505]. Платья были распашными и поэтому стягивались поясом с пряжкой «къушакъ-башъ», состоящей из стержня и рамки разнообразных форм, чаще всего в виде виноградного листа или диска, с застежкой-крючком [15; 28; 1, с. 175].

Подводя итоги исследования, касающегося реконструкции детского костюма крымских татар, можно сделать следующие выводы.

1. В первой половине XIX в. одежда детей была похожа на одежду взрослых по покрою, манере ношения и общему виду. К середине XIX в. в наплечных видах детской одежды, также как и у взрослых, появляется воротник-стойка.

2. Детский костюм претерпевал изменения параллельно с костюмом взрослых. Несмотря на то, что Крым в XIX в. входил в состав Российской империи, крымские татары стремились следовать моде, которая существовала в Османской империи. Первая резкая смена облика костюма крымских татар произошла в 1830-е гг., после того, как в Османской империи при султанах Махмуде II (1826-1838 гг.) были проведены реформы, одна из которых касалась костюма. В результате, тюрбан и шапки с меховым околышем были заменены на фески и каракулевые шапки «калпак», а длиннополая одежда (кафтаны) заменена куртками. В костюме девочек начали распространяться платья.

3. В крымскотатарском детском костюме занимал важное место и строго соблюдался принцип многослойности, состоящий в том, чтобы ребенок был одет в несколько видов (слоев) костюма, причем нижняя одежда была длиннее верхней. Первый нижний слой (рубаша и штаны) являлся приятным на ощупь и комфортным при ношении. При высокой активности и подвижности детей ткани для нижнего слоя одежды должны были обладать лучшими гигиеническими свойствами. Они выполняли функцию отведения влаги с поверхности тела при сравнительно большой воздухо- и теплопроницаемости, оставаясь при этом сухими на ощупь. Без данного свойства одежды ребенок бы начал замерзать и мог заболеть от переохлаждения. Второй и третий слои представлены платьями (у девочек), куртками, безрукавками и кафтанами (у мальчиков и девочек). Эти два слоя одежды отводили влагу, проветривали ее, обладали высокой эластичностью и прочностью, а главное – защищали от неблагоприятных погодных условий, например, от дождя и ветра.

4. Детский костюм отличался от одежды взрослых меньшим количеством элементов, более яркой расцветкой и наличием оборок. Материалы, из которых создавались элементы костюма, имели определенные цвета, использовались вышивка и украшения, которые обладали апотропейной функцией.

5. На основе детского костюма можно проследить этапы половозрастной дифференциации детей, происходящие по мере взросления мальчиков и девочек вплоть до 14-15-ти лет. Сначала младенцев пеленали, а когда они начинали ходить, им надевали недлинные рубахи, которые не подвязывали поясом. Маленькие дети также не носили штанов. Первым головным убором у них были шапочки «назар-феси» (у девочек они украшались еще и рядом монет), а первой обувью – постолы «чарык» и туфли без задников или тапочки «папуч».

Костюм малышей (до 4-5-ти лет) отличался по покрою меньшим количеством основных частей (чаще всего костюм состоял из нижней и верхней рубах, курточки «мийтан» у мальчиков и кафтана «бешмет» у девочек, шапочки «назар-феси»), а также наличием новых элементов, которые не были присущи детям старшего возраста (например, навершие из нитей на детской шапочке «назар-феси», вторая верхняя рубаха у мальчиков).

Костюм детей старшего возраста выделялся наличием значительно большего числа компонентов, в нем еще отчетливее прослеживается многослойность, а в манере ношения проявляются подражания одежде взрослых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 годах / Пер. с нем. // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма / Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
2. Зуев В.Ф. Выписка из путевственных записок В. Зуева, касающихся до полуострова Крыма 1782 г. // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
3. Домбровский Ф.М. Очерк хозяйственного быта татар степной полосы Крыма // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / Авт.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь, 2005.
4. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
5. Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. Киев, 2006.
6. Радде Г. Крымские татары // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь, 2005.
7. Дубровский М.И. Жилища крымских горных татар // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
8. Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь, 2005.
9. Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь, 2005.
10. Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма // Крым. 1925. № 1.
11. Чепурина П.Я. Орнаментальные ткани крымских татар // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
12. Чепурина П.Я. Орнаментальное шитье Крыма // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
13. Никольский П.В. Бахчисарай: Культурно-исторические экскурсии // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
14. Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М., 2000.
15. Желтухина О.А. Исчезающее искусство филигрании. Ювелирные украшения у крымских татар: изготовление, ношение, функциональное значение. – Режим доступа: <http://turkolog.narod.ru/info/I137.htm>.

16. Желтухина О.А. Национальная одежда крымских татар в XIX-XX вв. // V Дмитриевские чтения: История Крыма: Факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары: Сб. науч. ст. Ялта, 2001.
17. Заатов И.А. Крымскотатарское декоративно-прикладное искусство и живопись (Генезис, эволюция и современное состояние). Симферополь, 2003.
18. Аблямитова Л.Х. Обрядовое значение платка и пояса – деталей национальной одежды крымских татар // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные процессы. Материалы и исследования / Отв. ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. Симферополь, 2002.
19. Дмитриева В.А. Обереги в родильно-крестильной обрядности греков Приазовья // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
20. Ясыба А. Символика цвета у крымских татар. – Режим доступа: http://magic.qirim.org/kitap_rafy/statya32.htm.
21. Кузнецова Е.В. Восприятие композиционных элементов костюма в зависимости от рельефа местности. – Режим доступа: <http://www.nbu.gov.ua/articles/2004/04kevdr.pdf>
22. Паули Г.-Т.Х. Этнографическое описание народов России. СПб., 1862.
23. Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли / Авт.-сост. Е.Б. Вишневская. Киев, 2003.
24. Раффэ О.-Д.-М. Литография. 15 августа 1837 года. Семья крымских татар в пути. – Режим доступа: <http://www.crimea-album.com/catalogue/100/ora-006.jpg>
25. Раффэ О.-Д.-М. Литография. 21 октября 1837 года. Интерьер жилища крымских татар. – Режим доступа: <http://www.crimea-album.com/catalogue/100/ora-027.jpg>
26. Раффэ О.-Д.-М. Литография. 31 августа 1837 года. Дом в крымско-татарской деревне. – Режим доступа: <http://www.crimea-album.com/catalogue/100/ora-020.jpg>
27. Раффэ О.-Д.-М. Литография. 26 августа 1837 года. Крымские татарки из Байдара. – Режим доступа: <http://www.crimea-album.com/catalogue/100/ora-016.jpg>
28. Раффэ О.-Д.-М. Литография. 26 октября 1837 года. Возвращение с источника. – Режим доступа: <http://www.crimea-album.com/catalogue/100/ora-029.jpg>
29. Раффэ О.-Д.-М. Литография. 30 августа 1837 года. Крымско-татарская школа для девочек близ Ялты. – Режим доступа: <http://www.crimea-album.com/catalogue/100/ora-019.jpg>
30. Художник и этнограф Вильгельм Кизеветтер (1811-1865) в Крыму / Под. ред. Б. Каульбаха, Э. Титмайера. Киев, 2005.
31. Крымские татары // Тюркские народы Крыма: Караимы, крымские татары, крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.
32. Традиционная одежда и украшения крымских татар. – Режим доступа: <http://turkolog.narod.ru/info/crt-53.htm>.
33. Хайрулдинов М.А., Усеинов С.М. Этикет крымских татар: Эдепнаме: Мудрость веков. Симферополь, 2001. Ч. 3.
34. Крымскотатарская символика / Авт.-сост. Ф. Куртмалаева. – Режим доступа: <http://kitaphane.crimea.ua/ru/seriya-%C2%ABkraevedenie-sokhranenie-i-razvitie-istoricheskoi-ramyati-i-lyubvi-k-rodnomu-krayu%C2%BB-krymskota>.
35. Народы России. Живописный альбом. СПб., 1877.

Бухтоярова В. А.

**Детский костюм крымских татар
по изобразительным источникам первой половины XIX в.**

Резюме

В статье рассматривается традиционный детский костюм крымских татар первой половины XIX в. в многообразии его форм и вариантов. Проанализированы элементы костюма мальчиков и девочек, а также проведено их сравнение с костюмом взрослых. Сделаны следующие выводы: во-первых, несмотря на то, что детский костюм по внешнему виду был похож на взрослый, развивался и совершенствовался параллельно с ним, он все-таки имел свои особенности. Во-вторых, костюм детей отличался значительно меньшим количеством элементов, большим символизмом, связанным с апотропейными функциями костюма. В-третьих, в детском костюме наблюдается возрастная дифференциация, где убранство малышей возрастом до 4-5 лет кардинально отличалось как от одяния детей более старшего возраста, так и от костюма взрослых.

Бухтоярова В. О.

**Дитячий костюм кримських татар
за образотворчими джерелами першої половини XIX ст.**

Резюме

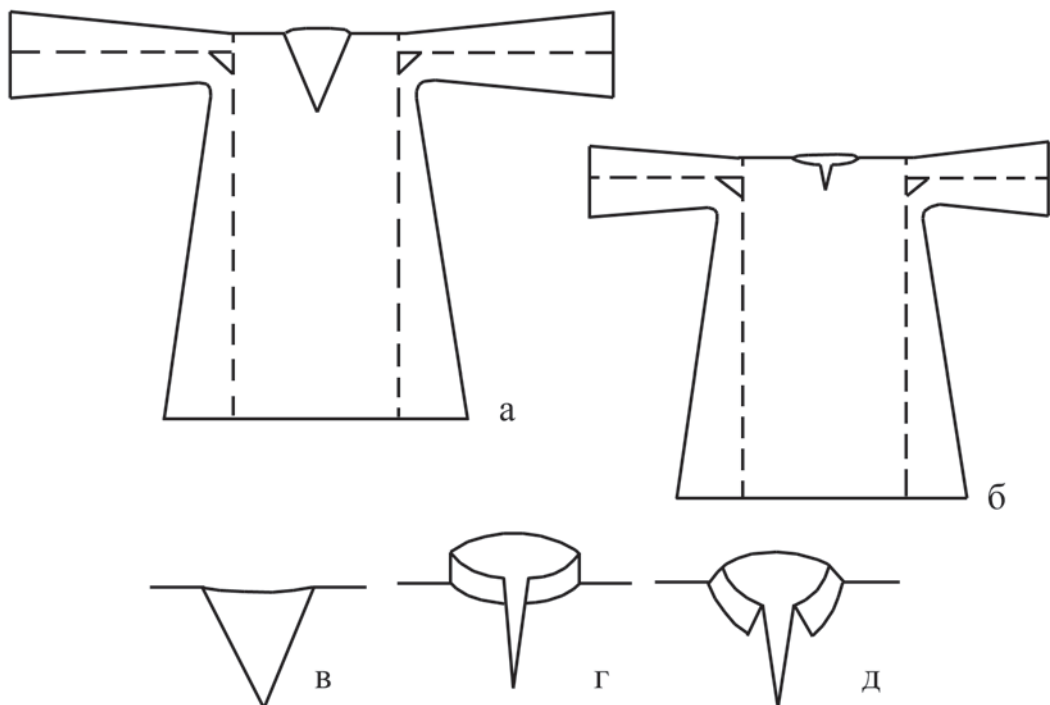
Статтю присвячено дослідженню традиційного дитячого костюму кримських татар першої половини XIX ст. у різноманітності його форм та варіантів. Проаналізовано елементи костюму хлопчиків та дівчат, а також проведено їх порівняння з костюмом дорослих. Зроблено наступні висновки: по-перше, незважаючи на те, що дитячий костюм за зовнішнім виглядом був схожий на вбрання дорослих і розвивався і вдосконалювався паралельно з ним, він все ж таки мав свої особливості. По-друге, костюм дітей відрізнявся значно меншою кількістю елементів, більшим символизмом, пов'язаним з апотропейними функціями костюму. По-третє, в дитячому костюмі спостерігається вікова диференціація, де вбрання малюків віком до 4-5 років кардинально відрізнялося як від костюму дітей більш старшого віку, так і від костюму дорослих.

Bukhtoyarova V. A.

**Child's Costume of the Crimean Tatars
for Pictorial Sources in the First Half of the 19th Century**

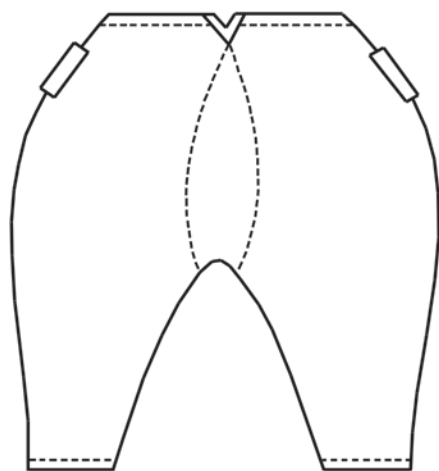
Summary

Traditional Child's costume of the Crimean Tatars of the first half of the 19th century in all its diversity and forms is under consideration in this article. Elements of boys' and girls' costumes are analyzed; they are compared with a costume of adults. The following conclusions are drawn: first, despite the fact that child's costume looked like an adult's one, it developed and perfected in parallel with it but it had its own peculiarities; second, child's costume differed in less quantity of elements, more symbolism connected with apothropic functions of the costume; third, there is age differentiation where decoration of 4-5 year old children differed radically from clothes of children of older age and the costume of adults.

Рис. 1. Графическая реконструкция покроя нижней рубашки мальчика «кольмек» и виды грудных разрезов и воротников.

а – рубашка малыша (возраст от 1 до 5 лет); б – рубашка мальчика (возраст от 5 до 15 лет); в – вырез мысом; г – прямой разрез и воротник-стойка; д – прямой разрез и отложной воротник.

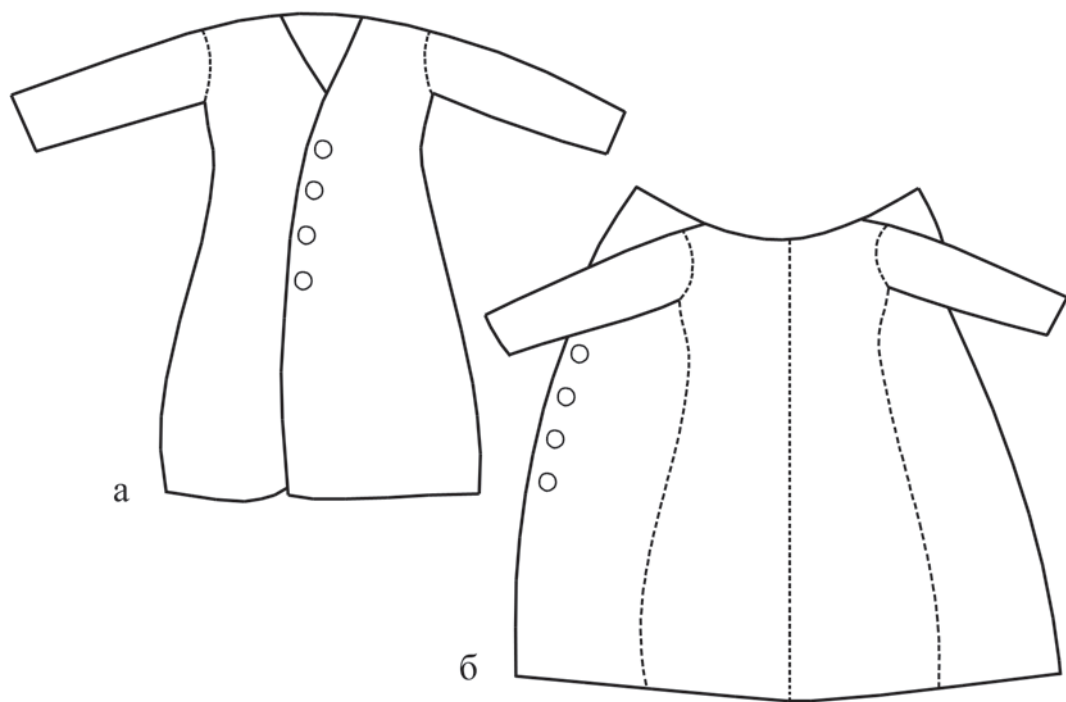

Рис. 2. Графическая реконструкция покроя штанов мальчика «шальвар».

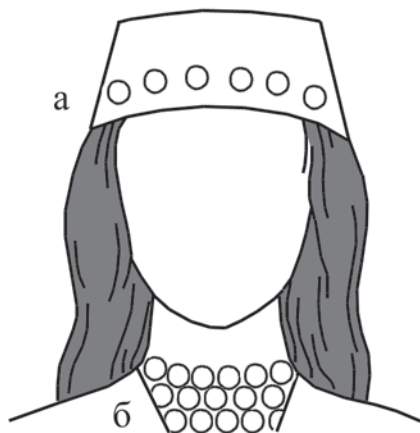
Рис. 3. Г.-Ф. Х. Паули. Крымские татары и мулла. 1840-50-е гг.

а – нижняя шапочка «такийя»; б – горизонтальный ворот рубахи с округлым вырезом; в – тканый пояс «кьушак»; г – штаны «шальвар» с боковыми карманами; д – шапочка «фес», украшенная лентой; е – нагрудник «кокслюк»; ж – курточка «мийтан»; з – ременной пояс с пряжкой; и – штаны «шальвар»; к – туфли без задников «папучи».

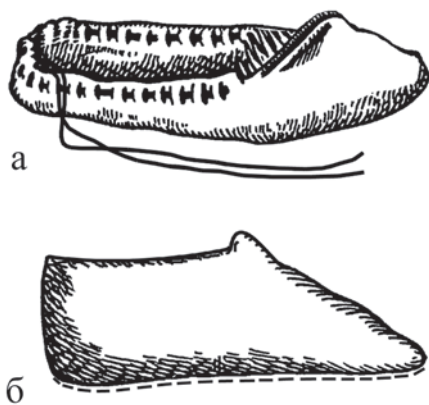

Рис. 4. Графическая реконструкция покроя кафтана «камзол»: а – вид спереди; б – вид сзади.

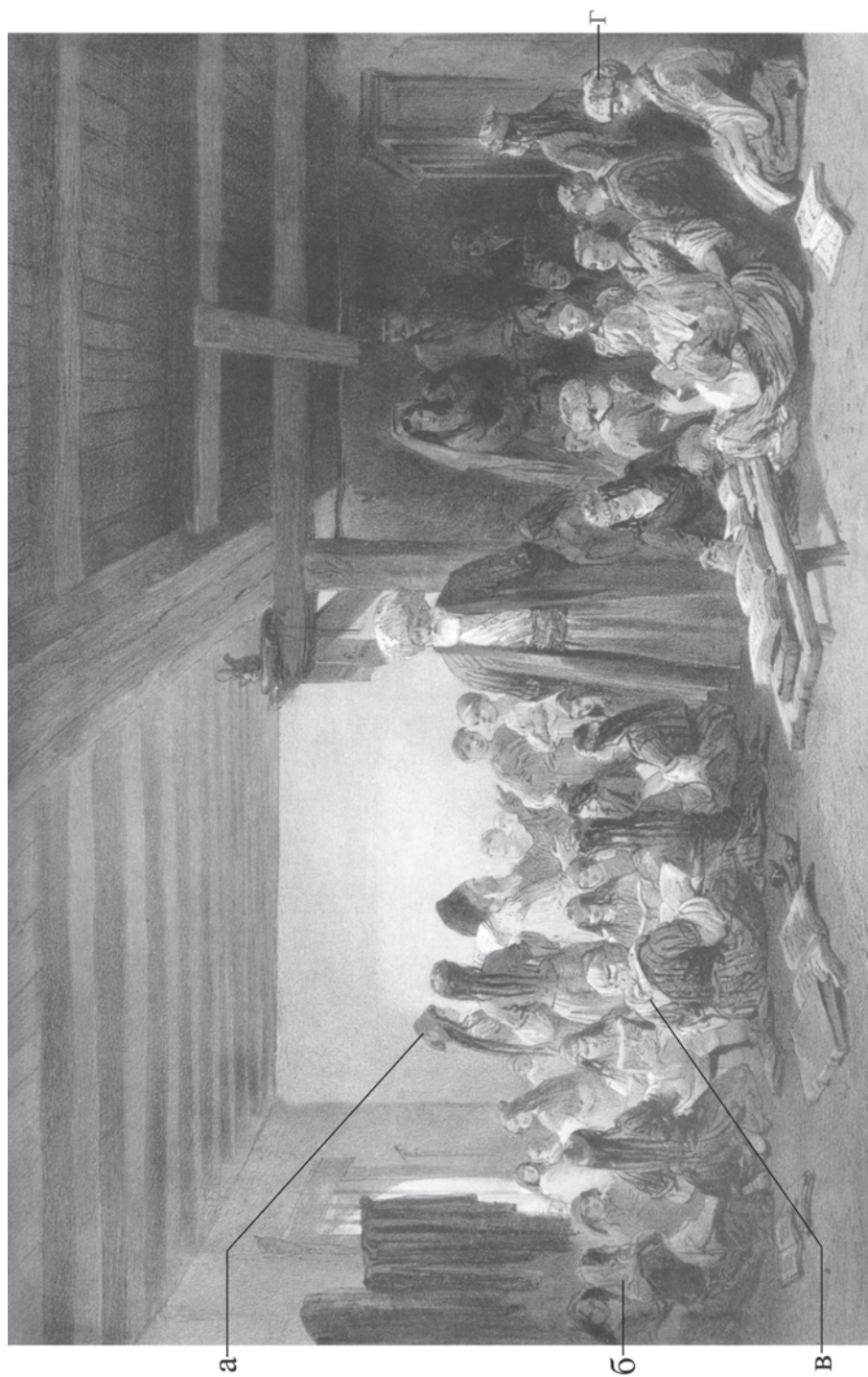

Рис. 5. Графическая реконструкция расположения монет: а – на «фес»; б – в составе нагрудного украшения «герданлыкь».

Рис. 6. Графическая реконструкция обуви: а – постолы «чарык»; б – уличные туфли «къатыр».

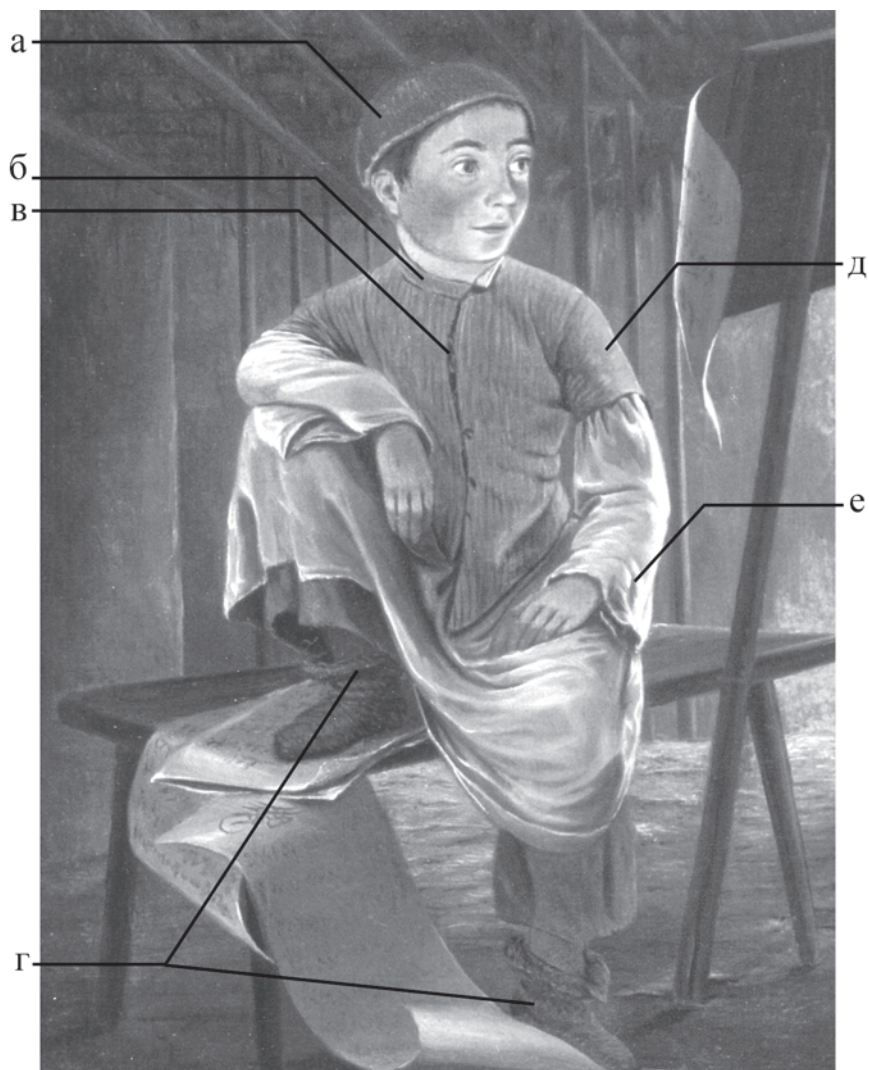
а

б

в

Рис. 7. К. Боссоли. Татарская школа для детей. Середина XIX в.

а – головной убор «фес» с кисточкой; б – платок «язма», вид сбоку; в – платок «язма», вид сзади; г – головной убор «гюрбан».

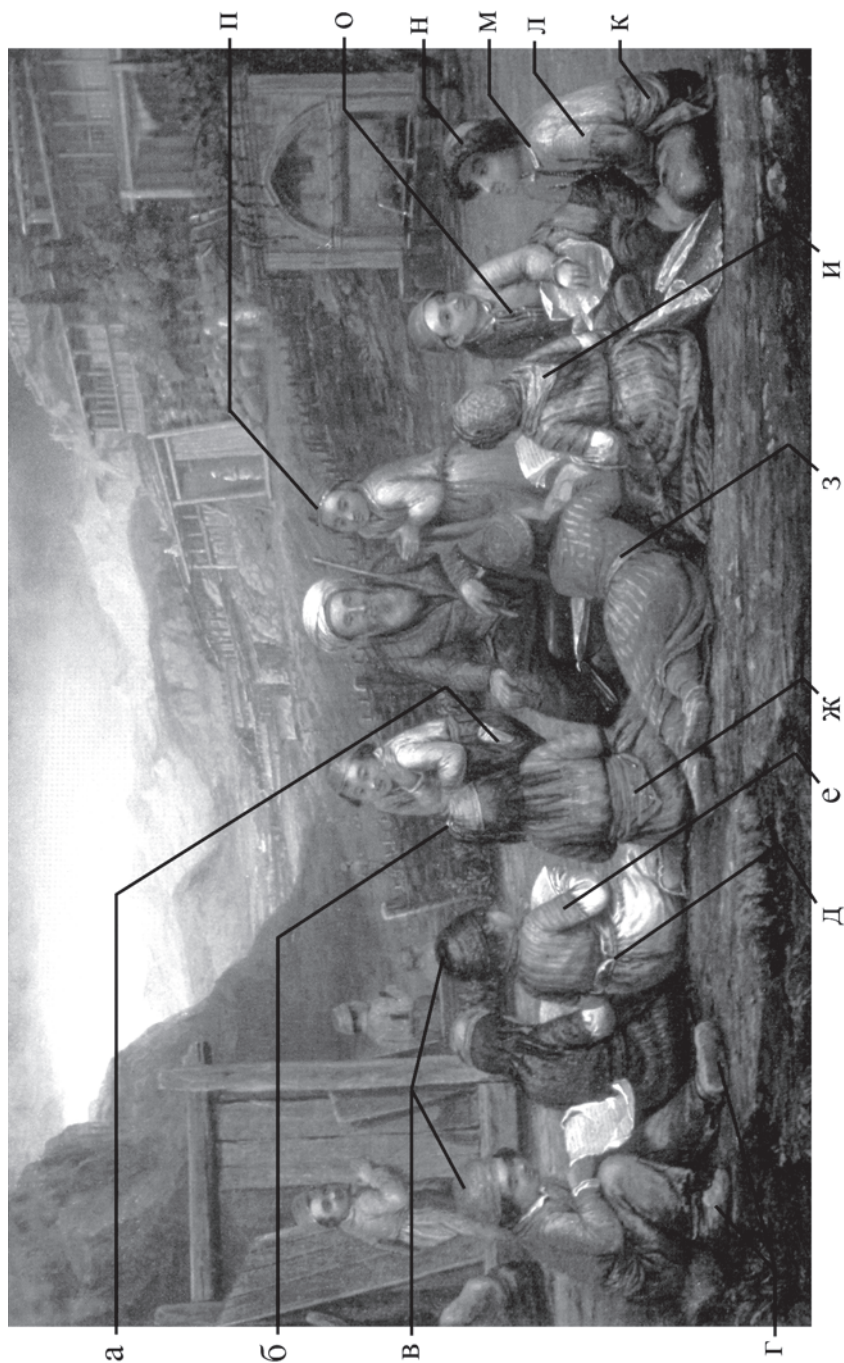
Рис. 8. В. Кизеветтер. Татарский школьник в Крыму. 1845-47 гг.

а – нижняя шапочка «такийя»; б – отложной воротник курточки «мийтан»; в – пуговицы на куртке; г – сапожки «мест»; д – короткие рукава «мийтан»; е – длинные и широкие рукава рубахи «кольмек».

Рис. 9. В. Кизеветер. Гарем татарского торговца. 1845-47 гг.

а – верхняя (вторая) рубашка малыша; б – широкие рукава рубахи малыша; в – подол рубахи маленького мальчика; г – каракулевая шапка «калпак»; д – воротник-стойка куртки «мийтан»; е – тканый пояс «кыушакъ»; ж – головной убор «фес»; з – нагрудное украшение «герданлыкъ».

Рис. 10. В. Кизеветтер. Татарская сельская школа в Крыму. 1845-47 гг.

а – штаны «шальвар» с боковыми карманами; б – головной убор «фес» с кисточкой; в – «фес» в виде усеченного конуса; г – различные туфли «къатыр»; д – пояс «учкур» в виде шнура; е – курточка «мийтан»; ж – платок «боин-явлук» или «арабашалл» в роли пояса; з – ременной пояс; и – платок «киик халты»; к – тканый пояс «къушакъ», сложенный слоями; л – короткий рукав «мийтан»; м – отложной воротник рубахи «кольмек»; н – шапка полусферической формы с меховым околышем; о – пуговицы на куртке «мийтан»; п – «фес», украшенный рядом монет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВУ – Археологічні відкриття в Україні (Київ)
АДСВ – Античная древность и средние века
АДУ – Археологічні дослідження в Україні (Київ)
АО – Археологические открытия (Москва)
АП – Археологічні пам'ятки (Київ)
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИКЗ – Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
БИ – Боспорские исследования (Симферополь, Керчь)
ВВ – Византийский временник (Москва)
ВИ – Вопросы истории (Москва)
ВДИ – Вестник древней истории (Москва)
ГААРК – Государственный архив Автономной Республики Крым (Симферополь)
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ЗАН – Записки Императорской Академии Наук (Москва)
ЗИРАО – Записки Императорского Русского археологического общества (Москва)
ЗООА – Записки Одесского археологического общества
ЗООИД – Записки Императорского Одесского общества истории и древностей
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК РАН НА РО – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (Санкт-Петербург)

- ИКОГО – Известия Крымского отделения Географического общества СССР
- ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
- ИТУАК – Известия Таврической Ученой архивной комиссии
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
- МАР – Материалы по археологии России
- МГУ – Московский государственный университет
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (Киев)
- НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской Академии Наук (Москва)
- НА ИИМК – Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (Санкт-Петербург)
- НА КФ ИА НАНУ – Научный архив Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины (Симферополь)
- НА НЗХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)
- НСб. – Нумизматический сборник
- НС – Нумизматика и сфрагистика (Киев)
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика (Москва)
- ОАК – Отчет Археологической комиссии
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- РА – Российская археология (Москва)
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Москва)
- СА – Советская археология (Москва)
- САИ – Свод археологических источников (Москва)
- ССПК – Старожитності степового Причорномор'я і Криму (Запоріжжя)
- СХМ – Сообщения Херсонесского музея
- ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея (Москва)

- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ХСб. – Херсонесский сборник (Севастополь)
- BAR – British Archaeological Reports
BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH – Bulletin de correspondance hellénique
BMGS – Byzantine and Modern Greek Studies
BSA – British School at Athens
EB – Encyclopædia Britannica
IOSPE – Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
Vol. I, II, IV, I². Petropoli, 1885, 1890, 1901, 1916
- IJCSHA – International Journal of Comparative Studies in History
and Archaeology (Leiden; Boston; Köln)
- NS – Numismatický Sborník
PG – Patrologia Graeca / Ed. J.-P. Migne
PL – Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne
SBS – Studies in Byzantine Sigillography
SEG – Supplementum epigraphicum Graecum.
Lugduni Batavorum
- SNG – Silloge Nummorum Graecorum

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Копьева Т.А.</i> Катакомбная культура на территории Крыма (история изучения и исследований)	3
<i>Кутайсов В.А.</i> История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма	30
<i>Самойленко В.Г.</i> О хронологии ворот в Юго-Восточном районе Херсонеса Таврического	64
<i>Павличенко Н.А.</i> Сланцевая плитка с граффито из Херсонеса	80
<i>Рыжов С.Г.</i> Рыбозасолочный комплекс римского времени в Северном районе Херсонеса	86
<i>Мульд С.А.</i> Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки	94
<i>Стоянова А.А.</i> Гривны из памятников Крыма сарматского времени	116
<i>Шабанов С.Б.</i> Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2011 гг.)	141
<i>Храпунов И.Н.</i> Подбойная могила с двумя погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац	192
<i>Власов В.П.</i> Миниатюрные лепные сосуды из позднескифского поселения в Барабановской балке	215
<i>Радочин В.Ю.</i> Краниологический материал из могильника Дружное	231
<i>Иванова О.С.</i> Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа	266
<i>Смокотина А.В.</i> Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи	328
<i>Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.</i> Северный район	

Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX)	363
<i>Андреева О.А.</i> Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.)	412
<i>Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.</i> Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен	422

НУМИЗМАТИКА

<i>Сидоренко В.А.</i> Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров	458
--	-----

ИСТОРИЯ

<i>Никифоров М.А.</i> Таврические Климаты византийских источников	570
<i>Хвальков Е.А.</i> Свидетельство существования средневекового Херсона в 1430-е гг. в итальянских нотариальных документах	587
<i>Храпунов Н.И.</i> Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.	595
<i>Прохоров Д.А.</i> Статистика караимского населения Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.	634
<i>Ломакин Д.А.</i> О начале научного изучения мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму	706

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Бухтоярова В.А.</i> Детский костюм крымских татар по изобразительным источникам первой половины XIX в.	714
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	742

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

<i>Kopiyeva T.A.</i> The Catacomb Culture in the Territory of the Crimea (The History of Studying and Research)	3
<i>Kutaisov V.A.</i> The History of Research of Antique Monuments in the North-Western Crimea	30
<i>Samoylenko V. G.</i> On Chronology of Building Gates in the South-Eastern District in Chersonesos Taurican	64
<i>Pavlichenko N.A.</i> Slate Slab with Graffito from Chersonesos	80
<i>Ryzhov S.G.</i> Fish-Salting Complex of the Roman Period in the Northern District of Chersonesos	86
<i>Muld S.A.</i> Vault with two Burial Chambers from Levadki Cemetery	94
<i>Stoyanova A.A.</i> Grivnas from Crimean Monuments of Sarmatian Period	116
<i>Shabanov S.B.</i> Glass Vessels from Neizatz Cemetery (on the Materials of Excavations in 1996-2011)	141
<i>Khrapunov I.N.</i> Shaft-and-Chamber Grave with two Burials of the 3 rd century AD from the Cemetery of Neizatz	192
<i>Vlasov V.P.</i> The Small Hand-made Vessels from the Late Scythian Settlement in Barabanovo Ravine	215
<i>Radochin V.Yu.</i> Craniological Material from Druzhnoye Cemetery	231
<i>Ivanova O.S.</i> Light-clay Amphorae with a Narrow Neck from Mangup Complexes	266
<i>Smokotina A.V.</i> African Red Slip Wares from Excavation in Kerch	328
<i>Golofast L.A., Ryzhov S.G.</i> Northern District	

of Chersonesos in the Early Byzantine Period (Quarters VIII and IX)	363
<i>Andreyeva O.A.</i> Bone Objects from Chersonesian Fish-salting Cisterns (Excavations of 1992 and 1997)	412
<i>Aibabin A.I., Khairedinova E.A.</i> Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau	422

NUMISMATIC

<i>Sidorenko V.A.</i> Hoard of Copper Staters of the Bosphorus Kingdom Found in 2009	458
---	-----

HISTORY

<i>Nikiforov M.A.</i> Tauric <i>Klimatas</i> in Byzantine Sources	570
<i>Khvalkov Eu.A.</i> Evidence for the Existence of Mediaeval Cherson during the 1430s in the Italian Notarial Documents	587
<i>Khrapunov N.I.</i> Chersonesos as Described by European Travellers in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Century	595
<i>Prokhorov D.A.</i> Statistics of Karaite Population of the Russian Empire at the End of the 18 th – the Beginning of the 20 th Centuries	634
<i>Lomakin D.A.</i> The Beginning of Scientific Study of Muslim Monuments of the 13 th – the 15 th Centuries in Sary Krym	706

ETHNOGRAPHY

<i>Bukhtoyarova V.A.</i> Child's Costume of the Crimean Tatars for Pictorial Sources in the First Half of the 19 th Century	714
--	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	742
-----------------------------	-----

Í àó-í î â èçäàí èà

ì ÀÒÀÐÈÀËÛ ï î ÀÐÕÀÎ ËÎ ÆÈÈ, ÈÑÏ ÐÈÈ È ÝÒÍ Î ÆÐÀÔÈÈ ÒÀÂÐÈÈ

ÂÛï .XVII

Ñáî ðí èè

Î òááòñòááí í ù á ðáááèòï ðù
ä.è.í . À.È. Áéáááéí
ä.è.í . Á.Í . Çèí üéí

Òáóí è-áñèàý ðáááèòèè è í ááí ð Ñ.È. Áéáñí áí é
Ï áðááí ä í à áí æèèñèèé ýçù è Í .È. Ðàáí -éí î é
Ááðñòèà È.È. Í óñèòèí î é
Èí ððáéòóðà Á.Í . Ñí èéí à

Í àóêî ââ âèääí í ÿ

ì ÀÒÀÐ²ÀÈÈ ÇÀÐÕÁÍ ÈÎ Ã², ÑÏ Ð²²ÝÓÍ Í ÃÐÀÔ² ÒÀÂÐ²

Âèï . XVII

Çá³èà
(ðí ñ³ñüêî þ ì î âî þ)

Ã³ï î â³àèüí èé ðääàèòí ð
ä.³í. Í .². Áéáàá³
ä.³í. Á.Ì . Ç³ üêî

Формат 70x100 1/16. Умов. друк. арк. 6,11.
Тираж 300. Замовлення 774.

СПД ФО Озарків А.М.
вул. Борзенко, 2, кв. 20, м. Керч, АР Крим, 98302
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи КМ № 44 від 27.02.2008 р.

---

*ТОВ «Керченська міська друкарня»
вул. Кірова, 13, м. Керч, АР Крим, 98300
Свідоцтво держ. реєстрації виготовлювача
КМ № 002 від 05.05.2000 р.*